Изданіе О. Н. ПОПОВОЙ.

Карлъ Марксъ.

КАПИТАЛЪ.

Критика политической экономіи.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Книга I. Процессъ производства капитала.

Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія, просмотреннаго Фридрихомъ Энгельсомъ, подъ редакціей П. Струве.

Цѣна 3 руб.

Спб. 1899.
Книжный магазинъ и Складъ изданій О. Н. Поповой.
С.-Петербургъ, Невскій, 54.

Перевод «Капитала» Карла Маркса, представленный в этой книге осуществлён Е. А. Гурвич и Л. М. Заком под редакцией профессора П. Б. Струве, был опубликован в 1899 году. Он соответствует грамматическим нормам русского языка, принятым в Академии наук Российской Империи. Применение термина «Ценность» для передачи немецкого «Werth» обеспечивает соблюдение грамматической дисциплины русского языка. Однако данный перевод не в полной мере отражает диалектическую мысль, изложенную Карлом Марксом в его труде «Капитал», поскольку допускает смешение понятий марксистской концепции «Ценность» (Werth) и термина «Tauschwerth» (меновая ценность или эквивалентный товар).

Текстъ печатанъ въ типографіи И. Скорокодова, Спб. Назжданская, 48.

Обложка и титулъ печатаны въ типографіи Исидора Гольдберга, Спб., Екатерин. кан., 94.

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловія къ первому (стр. IX—XI), второму (XII—XVIII), третьему (XIX—XXI) и четвертому (XXII—XXVI) изданіямъ оригинала.
Предисловіе редактора русскаго перевода (XXVII—XXXIV).

Книга I. Процессъ производства капитала.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Товаръ и деньги.

стр.

Глава первая. Товаръ 1
1. Два фактора товара: потребительная цѣнность и цѣнность въ тѣсномъ смыслѣ (субстанція цѣнности, величина цѣнности) 1
2. Двойственный характеръ воплощеннаго въ товарахъ труда 7
3. Форма цѣнности или мѣновая цѣнность 12
A. Простая, единичная или случайная форма цѣнности 13
1) Оба полюса выраженія цѣнности: относительная и эквивалентная форма цѣнности 13
2) Относительная форма цѣнности 14
a) Содержаніе относительной формы цѣнности 14
b) Количественная опредѣленность относительной формы цѣнности 18
3) Эквивалентная форма 20
4) Простая форма цѣнности въ ея цѣломъ 24
B. Полная или развернутая форма цѣнности 26
1) Развернутая относительная форма цѣнности 26
2) Особенная эквивалентная форма 27
3) Недостатки полной или развернутой формы цѣнности 27
C. Всеобщая форма цѣнности 28
1) Измѣненный видъ формы цѣнности 29
2) Отношеніе между развитіемъ относительной формы и развитіемъ эквивалентной формы 30
3) Переходъ отъ всеобщей формы цѣнности къ денежной формѣ . . 32
D. Денежная форма 32
4. Товаръ какъ фетишъ и тайна товарнаго фетиша 33
Глава вторая. Процессъ обмѣна 45
Глава третья. Деньги или обращеніе товаровъ 53
1. Мѣра цѣнности. (Цѣна.—Масштабъ цѣнъ.—Всеобщее повышеніе и всеобщее паденіе цѣнъ.—Счетныя названія денегъ, счетныя деньги.—Количественное несовпаденіе величины цѣнности и цѣны.—Качественное ихъ несовпаденіе.—Цѣна—лишь идеальная форма цѣнности товара). 53
2. Средство обращенія 62
a) Метаморфозъ или обращеніе товаровъ. (Круговоротъ Т.—Д.—Т.—Продажа: Т—Д.—Покупка: Д.—Т.—Совокупный метаморфозъ товара.—Товарное обращеніе.—Различіе между товарнымъ обращеніемъ и обмѣномъ продуктовъ). 62
b) Обращеніе денегъ. (Товарный метаморфозъ и денежное обращеніе.—Деньги дважды мѣняютъ свое мѣсто.—Количество обращающихся денегъ.—Быстрота обращенія.—Движеніе и застой оборота.—Факторы, опредѣляющіе масст обращающихся денегъ) 71

стр.

c) Монета. Знакъ цѣнности. (Монета и слитки, вначительные монеты. — Знакъ цѣнности.—Серебряные и мѣдные знаки.—Бумажныя деньги.—Законъ бумажноденежнаго обращенія съ принудительнымъ курсомъ). . . . 79
3. Деньги 84
a) Накопленіе сокровищъ 84
b) Платежное средство 89
c) Всемірныя деньги 95

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Превращеніе денегъ въ капиталъ.

Глава четвертая. Превращеніе денегъ въ капиталъ 99
1. Общая формула капитала 99
2. Противорѣчія общей формулы 107
3 Покупка и продажа рабочей силы. («Свободный рабочій».—Цѣнность рабочей силы.—Своеобразная природа товара «рабочая сила»). 117

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Производство абсолютной прибавочной цѣнности.

Глава пятая. Процессъ труда и процессъ возрастанія капитала 126
1. Процессъ труда. (Процессъ труда.—Предметъ труда, сырой матеріалъ, орудіе труда.—Средство производства.—Процессъ труда, какъ процессъ потребленія рабочей силы капиталистомъ). 126
2. Процессъ возрастанія капитала. (Процессъ образованія цѣнности.—Цѣнность рабочей силы и цѣнность, создаваемая ею въ процессѣ труда, суть различныя величины.—Процессъ созданія прибавочной цѣнности, генезисъ капитала). . 134
Глава шестая. Постоянный капиталъ и перемѣнный капиталъ. 145
Глава седьмая. Уровень прибавочной цѣнности. 155
1. Степень эксплуатаціи рабочей силы 155
2. Выраженіе цѣнности продукта въ относительныхъ доляхъ самого продукта 163
3. «Послѣдній часъ» Senior'a 166
4. Прибавочный продуктъ 171
Глава восьмая. Рабочій день 172
1. Предѣлы рабочаго дня 172
2. Неутолимая жажда прибавочнаго труда. Фабрикантъ и бояринъ. . . . 175
3. Отрасли англійской промышленности безъ законныхъ границъ эксплуатаціи. (Производство кружевъ.—Горшечное производство.—Спичечное производство.—Булочныя.—Желѣзныя дороги.—Модистки.—Кузнецы). 183
4. Дневной и ночной трудъ. Система смѣнъ. (Металлургія и металлическая промышленность) 194
5. Борьба за нормальный рабочій день. Принудительные законы объ удлиненіи рабочаго дня съ середины XIV до конца XVII столѣтія . . . 202
6. Борьба за нормальный рабочій день. Принудительное ограниченіе рабочаго времени силою закона. Англійское фабричное законодательство 1833—1864. (Безвозмездное отношеніе капитала къ здоровью и жизни рабочихъ.—Англійскіе статуты о рабочихъ.—Ограниченія рабочаго дня въ XVII-мъ столѣтіи до эпохи крупной промышленности). 214
7. Борьба за нормальный рабочій день. Вліяніе англійскаго фабричнаго законодательства на другія страны. (Законъ 1833 г.—Законъ 1844 г.—Законъ 1847 г.—Законъ 1850 г.—Шелковое производство.—Ситцепечатня.—Красильныя и бѣлильныя заведенія). 232
Глава девятая. Уровень и масса прибавочной цѣнности 237

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Производство относительной прибавочной цѣнности.

Глава десятая. Понятіе относительной прибавочной цѣнности 246

стр.

Глава одиннадцатая. Кооперація. (Исходная точка капиталистическаго производства, ея количественное отличіе отъ ремесленнаго производства.—Общественный средній трудъ.—Экономія средствъ производства.—Общественныя производительныя силы кооперативнаго труда.—Прежнія формы кооперацій.—Ея капиталистическая форма). 254

Глава двѣнадцатая. Раздѣленіе труда и мануфактура 267

1. Двоякое происхожденіе мануфактуры 267
2. Частичный рабочій и его орудіе 270
3. Двѣ основныя формы мануфактуры: разнородная или гетерогенная мануфактура и мануфактура органическая 273
4. Раздѣленіе труда внутри мануфактуры и раздѣленіе труда внутри общества 281
5. Капиталистическій характеръ мануфактуры 289

Глава тринадцатая. Машины и крупная промышленность 298

1. Развитіе машинъ 298
2. Цѣнность, переносимая машиной на продуктъ 314
3. Ближайшія дѣйствія машиннаго способа производства на рабочихъ . . 320
   a) Присвоеніе капиталомъ добавочныхъ рабочихъ силъ. Женскій и дѣтскій трудъ 320
   b) Удлиненіе рабочаго дня 328
   c) Интенсификація труда 334
4. Фабрика 343
5. Борьба между рабочими и машинами 350
6. Теорія компенсаціи въ примѣненіи къ рабочимъ, вытѣсняемымъ машинами 360
7. Отталкиваніе и притяженіе рабочихъ, какъ слѣдствіе развитія машиннаго производства. Кризисы въ хлопчато-бумажной промышленности 368
8. Переворотъ, произведенный крупной промышленностью въ мануфактурѣ, ремеслѣ и домашнемъ производствѣ 379
   a) Уничтоженіе кооперація, основанной на ремесленномъ производствѣ и раздѣленіи труда 379
   b) Обратное вліяніе фабричной системы на мануфактуру и домашнее производство 381
   c) Современная мануфактура 382
   d) Современное домашнее производство. (Производство кружевъ, плетеніе изъ соломы). 385
   e) Переходъ къ крупной индустріи отъ современной мануфактуры и домашняго производства. Ускореніе этой революціи примѣненіемъ фабричныхъ законовъ къ этимъ способамъ производства. (Швейная машина) 388
9. Фабричное законодательство (санитарныя мѣры и правила о воспитаніи). Всеобщее распространеніе его въ Англіи. (Горная промышленность). 397
10. Крупная промышленность и земледѣліе 417

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

Производство абсолютной и относительной прибавочной цѣнности.

Глава четырнадцатая. Абсолютная и относительная прибавочная цѣнность. 420

Глава пятнадцатая. Измѣненія въ величинѣ рабочей силы и прибавочной цѣнности 429

I. Величина рабочаго дня и интенсивность труда постоянны (даны), перемѣнной является производительная сила труда 429

II. Рабочій день и производительная сила труда постоянны, перемѣнной является интенсивность труда 433

III. Производительная сила и интенсивность труда постоянны, перемѣннымъ является рабочій день 434

IV. Одновременныя измѣненія въ продолжительности, производительной силѣ и интенсивности труда 436

Глава шестнадцатая. Различныя формулы для уровня прибавочной цѣнности. 439

стр.

ОТДѢЛЪ ШЕСТОЙ.

Заработная плата.

Глава семнадцатая. Превращеніе цѣнности или цѣны рабочей силы въ заработную плату 443
Глава восемнадцатая. Повременная плата 449
Глава девятнадцатая Задѣльная плата 456
Глава двадцатая. Національныя различія въ заработной платѣ 464

ОТДѢЛЪ СЕДЬМОЙ.

Процессъ накопленія капитала. 469

Глава двадцать первая. Простое воспроизведеніе. (Рабочій классъ какъ принадлежность капитала.—Отношеніе между капиталистомъ и рабочимъ воспроизводится капиталистическимъ процессомъ производства). 470
Глава двадцать вторая. Превращеніе прибавочной цѣнности въ капиталъ. 482
1. Капиталистическій процессъ производства въ расширенныхъ размѣрахъ. Превращеніе законовъ собственности товарнаго производства въ законы капиталистическаго присвоенія 482
2. Ошибочное пониманіе расширеннаго воспроизведенія въ политической экономіи 491
3. Дѣленіе прибавочной цѣнности на капиталъ и доходъ.—Теорія воздержанія 493
4. Обстоятельства, опредѣляющія размѣръ накопленія, независимо отъ раздѣленія прибавочной цѣнности на капиталъ и доходъ: степень эксплуатаціи рабочей силы.—Производительная сила труда.—Возрастающая разница между примѣняемымъ и потребляемымъ капиталомъ.—Величина авансированнаго капитала 500
5. Такъ называемый рабочій фондъ 510
Глава двадцать третья. Всеобщій законъ капиталистическаго накопленія. 512
1. Возрастаніе спроса на рабочую силу съ прогрессомъ накопленія при неизмѣняющемся составѣ капитала 512
2. Относительное уменьшеніе перемѣнной части капитала въ процессѣ растущаго накопленія и сопровождающей его концентраціи 521
3. Прогрессивное созданіе относительнаго перенаселенія или промышленной резервной арміи 528
4. Различныя формы относительнаго перенаселенія. Всеобщій законъ капиталистическаго накопленія 539
5. Иллюстрація всеобщаго закона капиталистическаго накопленія 546
a) Англія отъ 1846 до 1866 гг. 546
b) Плохо оплачиваемые слои британскаго промышленнаго рабочаго класса. (Условія питанія.—Жилищныя условія.—Лондонъ.—Ньюкэстль на Тайнѣ.—Брадфордъ-Бристоль). 551
c) Бродячіе или перехожіе рабочіе. Горнорабочіе. (Жилищныя условія.—Желѣзнодорожные рабочіе.—Каменноугольные и другіе горнорабочіе) . 560
d) Вліяніе кризисовъ на наилучше оплачиваемую часть рабочаго класса. (Рабочіе, занятые въ судостроеніи изъ желѣза въ Восточномъ Лондонѣ) 563
e) Британскій земледѣльческій пролетаріатъ. (Перехожія артели) . . . 568
f) Ирландія 590
Глава двадцать четвертая. Такъ называемое первоначальное накопленіе. 603
1. Тайна первоначальнаго накопленія 603
2. Отнятіе земли у сельскаго населенія. (Превращеніе пахотной земли въ пастбища въ послѣднюю треть XV-го и въ первыя десятилѣтія XVI-го столѣтія.—Реформація и расхищеніе церковныхъ земель.—Превращеніе феодальной собственности въ буржуазную.—Реставрація и «достославная революція».—Расхищеніе государственныхъ имуществъ.—Общинная земельная собственность и ея грабежъ.—Clearing of Estates, превращеніе пахотной земли въ пастбища для овецъ и пастбищъ для овецъ въ охотничьи участки въ горной Шотландіи). 80

стр.

3. Кровавое законодательство противъ экспропріированныхъ, начиная съ конца XV столѣтія. Законы, направленные на пониженіе заработной платы 621
4. Генезисъ капиталистическихъ фермеровъ 628
5. Вліяніе земледѣльческаго переворота на промышленность. Образованіе внутренняго рынка для промышленнаго капитала 630
6. Генезисъ промышленнаго капиталиста. (Колоніальная система.—Система государственныхъ долговъ.—Современная система обложенія и протекціонная система.—Эксплуатація дѣтей въ началѣ крупной промышленности). 634
7. Историческая тенденція капиталистическаго накопленія 644
Глава двадцать пятая. Современная теорія колонизаціи 647

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Мѣста изъ французскаго изданія «Капитала», не введенныя въ текстъ.

I. Къ стр. 510—512 656
II. Къ стр. 528—539 657

Указатель цитатъ и литературныхъ именъ. . . 663—673

ПОСВЯЩЕНІЕ АВТОРА.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

моему незабвенному другу

ВИЛЬГЕЛЬМУ ВОЛЬФУ.

Род. 21 іюня 1809 г. въ Тарнау, сконч. въ Манчестерѣ 9 мая 1864 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Сочиненіе, первый томъ котораго я предлагаю теперь публикѣ, составляетъ продолженіе моего сочиненія, изданнаго въ 1859 г.: «Zur Kritik der Politischen Oekonomie». Этотъ продолжительный перерывъ между началомъ и продолженіемъ объясняется многолѣтнею болѣзнью, которая постоянно прерывала мой трудъ.

Содержаніе указаннаго сочиненія резюмировано въ первой главѣ этого тома. Это сдѣлано мною не только ради связности и полноты изложенія. Я исправилъ послѣднее. Насколько позволяло содержаніе настоящаго сочиненія, многіе пункты, которые тамъ были только намѣчены, здѣсь подробно развиты, тогда какъ, наоборотъ, то, что тамъ обстоятельно развивалось, здѣсь только намѣчено. Отдѣлы объ исторіи теорій цѣнности и денегъ здѣсь, конечно, совершенно отсутствуютъ. Однако читатель предыдущаго сочиненія найдетъ въ примѣчаніяхъ къ первой главѣ указанія на новые источники по исторіи этихъ теорій.

Въ каждой наукѣ извѣстно, что всякое начало трудно. Первая глава, въ особенности тотъ отдѣлъ ея, который содержитъ анализъ товара, представляетъ наибольшія трудности для пониманія. Что же касается анализа субстанціи цѣнности и величины цѣнности, то я постарался изложить его возможно популярнѣе [1]). Форма цѣнности, которая проявляется въ денежной формѣ въ готовомъ видѣ, очень бѣдна содержаніемъ и очень проста. Однако человѣческій умъ въ продолженіе болѣе 2000 лѣтъ напрасно старался постичь ее, между тѣмъ какъ, съ другой стороны, анализъ болѣе сложныхъ и болѣе богатыхъ содержаніемъ формъ, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ ему удался. Почему? А потому, что высокоразвитое тѣло легче изучить, чѣмъ клѣточку. Кромѣ того, при анализѣ экономическихъ формъ нельзя пользоваться ни микроскопомъ, ни химическими реактивами. И то, и другое должно быть замѣнено силою абстракціи. Но для буржуазнаго

[1]) Это казалось мнѣ тѣмъ болѣе необходимымъ, что даже тотъ отдѣлъ брошюры Ф. Лассаля противъ Шульце-Делича, гдѣ онъ утверждаетъ, что дастъ духовную «квинтъ-эссенцію» моихъ идей по этому предмету, содержитъ впечатлительныя недоразумѣнія. Кстати. Если Ф. Лассаль почти слово въ слово заимствовалъ изъ моихъ сочиненій, сохранивъ даже созданную мною терминологію, всѣ общія теоретическія положенія своихъ экономическихъ работъ, напр., объ историческомъ характерѣ капитала, о связи между производственными отношеніями и способомъ производства и т. д., не указавъ даже источника, то это, вѣроятно, объясняется соображеніями пропаганды. Я не говорю, конечно, о деталяхъ его воззрѣній и о его чисто практическихъ выводахъ, съ которыми у меня нѣтъ ничего общаго.

общества товарная форма продукта труда или форма цѣнности товара представляетъ въ экономическомъ отношеніи клѣточку. Необразованному уму можетъ показаться, что анализъ этотъ вертится около тонкостей и мелочей. И дѣйствительно, тутъ дѣло идетъ о мелочахъ, но лишь о такихъ же мелочахъ, какъ тѣ, которыми занимается микроскопическая анатомія.

За исключеніемъ отдѣла о формѣ цѣнности, нельзя эту книгу упрекнуть въ неудобопонятности. Говоря это, я предполагаю, конечно, такихъ читателей, которые хотятъ научиться чему-нибудь новому и, слѣдовательно, сами желаютъ подумать.

Физикъ либо наблюдаетъ процессы природы тамъ, гдѣ они проявляются въ наиболѣе ясно выраженной формѣ и наименѣе затемненные посторонними вліяніями, либо дѣлаетъ опыты при такихъ условіяхъ, которыя обезпечиваютъ ходъ процесса въ чистомъ его видѣ. Въ этомъ сочиненіи я задался цѣлью изслѣдовать капиталистическій способъ производства и соотвѣтствующія ему отношенія производства и обмѣна. Классическою страной его до сихъ поръ является Англія. Вотъ почему, главнымъ образомъ, изъ Англіи я беру иллюстраціи къ моимъ теоретическимъ положеніямъ. . . . . .

. . . . . .

По существу рѣчь идетъ не о болѣе высокой или низкой степени развитія общественныхъ антагонизмовъ, возникающихъ изъ естественныхъ законовъ капиталистическаго производства. Рѣчь идетъ о самыхъ этихъ законахъ, о тенденціяхъ, дѣйствующихъ и проявляющихся съ желѣзной необходимостью. Болѣе развитая въ промышленномъ отношеніи страна только показываетъ менѣе развитымъ странамъ картину ихъ собственной будущности.

Но оставимъ эти соображенія. Тамъ у насъ, гдѣ капиталистическое производство уже вполнѣ укоренилось, напр., на настоящихъ фабрикахъ, положеніе вещей гораздо хуже, чѣмъ въ Англіи, потому что у насъ недостаетъ противовѣса, представляемаго фабричными законами. Во всѣхъ другихъ сферахъ мы, какъ и вся остальная континентальная Западная Европа, страдаемъ не только отъ развитія капиталистическаго производства, но и отъ недостаточнаго его развитія. Наряду съ современными бѣдствіями насъ угнетаетъ цѣлый рядъ унаслѣдованныхъ бѣдствій, вытекающихъ изъ прозябанія старыхъ, отжившихъ свой вѣкъ способовъ производства, со всѣми сопутствующими имъ явленіями. Мы страдаемъ не только отъ живыхъ, но и отъ мертвыхъ. Le mort saisit le vif!

. . . . . .

Я удѣлилъ въ этомъ томѣ много мѣста исторіи, содержанію и результатамъ англійскаго фабричнаго законодательства. Одна нація должна и можетъ учиться у другой. Если даже общество и напало на слѣдъ естественнаго закона своего движенія,—а конечную цѣль этого сочиненія и составляло открыть экономическій законъ движенія совре-

менного общества.—то оно не можетъ ни перескочить естественныя фазы своего развитія, ни устранить ихъ посредствомъ декретовъ. Но оно можетъ сократить и уменьшить муки родовъ.

Еще нѣсколько словъ во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній. Фигуры капиталиста и землевладѣльца я изображаю отнюдь не въ розовомъ свѣтѣ. Но въ моемъ изложеніи о личностяхъ дѣло идетъ лишь постольку, поскольку онѣ являются олицетвореніемъ экономическихъ категорій, носителями извѣстныхъ классовыхъ отношеній и интересовъ. Моя точка зрѣнія, разсматривающая развитіе общественно-экономическихъ формацій, какъ естественно-историческій процессъ, менѣе, чѣмъ какая-либо другая, можетъ дѣлать отдѣльную личность отвѣтственной за отношенія, соціальнымъ созданіемъ которыхъ она является, какъ бы ни возвышалась она субъективно надъ этими отношеніями.

Въ области политической экономіи свободное научное изслѣдованіе встрѣчаетъ не только тѣхъ же самыхъ враговъ, какъ и въ другихъ областяхъ. Своеобразный характеръ предмета, который она разсматриваетъ, вызываетъ на борьбу противъ такого изслѣдованія самыя сильныя, самыя мелочныя, самыя злобныя человѣческія страсти, возбуждаетъ противъ него всѣхъ furiй частнаго интереса!..... Однако нѣкоторый прогрессъ несомнѣненъ въ этой области. Я отсылаю читателя къ недавно изданной Синей книгѣ: «Correspondence with Her Majesty's Missions Abroad, regarding Industrial Questions and Trade's Unions».....

Увеличиваются явленія, представляющія знаменія времени, смыслъ которыхъ ничто не можетъ скрыть. Они, конечно, не означаютъ, что завтра совершатся чудеса. Они показываютъ, что мало-по-малу... пробиваетъ себѣ путь сознаніе того, что современное общество есть не твердый кристаллъ, но организмъ, способный измѣняться и находящійся постоянно въ процессѣ преобразованія.

Во второмъ томѣ этого сочиненія будетъ разсмотрѣнъ процессъ обращенія капитала (книга II), и различныя формы совокупнаго процесса капиталистическаго производства (книга III); а въ заключительномъ третьемъ томѣ (книга IV)—исторія теоріи [1]).

Всякое сужденіе научной критики является для меня желательнымъ, а по отношенію къ предразсудкамъ такъ называемаго общественнаго мнѣнія, которому я никогда не дѣлалъ уступокъ, моимъ девизомъ попрежнему остаются слова великаго флорентинца:

Segui il tuo corso, e lascia dir le genti! [2])

Лондонъ, 25 іюля 1867 г.

Карлъ Марксъ.

---

[1]) Теперь совокупный процессъ капиталистическаго производства вошелъ въ III томъ. Указанный же въ предисловіи III томъ (книга IV) еще не вышелъ. *Прим. П. С.*

[2]) Слѣдуй твоему пути, и пусть люди говорятъ, что хотятъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Политическая экономія до сихъ поръ остается въ Германіи чужестранной наукой. Въ «Geschichtliche Darstellung des Handels, der Gewerbe u. s. w.», особенно въ первыхъ 2 томахъ этого сочиненія, изданныхъ въ 1830 г., Gustav von Gülich разсмотрѣлъ уже большую часть тѣхъ историческихъ условій, которыя задерживали у насъ развитіе капиталистическаго способа производства, а, слѣдовательно, и развитіе современнаго буржуазнаго общества. Такимъ образомъ, политической экономіи въ Германіи недоставало жизненной почвы. Она въ видѣ готоваго товара была привезена къ намъ изъ Англіи и Франціи; нѣмецкіе же профессора ея оставались учениками. Теоретическое выраженіе чуждой дѣйствительности превращалось въ ихъ рукахъ въ собраніе догматовъ, которые они истолковывали въ духѣ окружавшаго ихъ мелкобуржуазнаго міра и истолковывали, стало быть, превратно. Они неспособны были подавить въ себѣ чувство собственнаго научнаго безсилія и тягостное сознаніе того, что они вынуждены разыгрывать роль учителей въ области, на самомъ дѣлѣ имъ чуждой,—и они пытались успокоить свою совѣсть и прикрыть свое убожество либо перьями историко-литературной учености, либо примѣсью посторонникъ матерій, заимствованныхъ изъ такъ называемыхъ камеральныхъ наукъ, —жѣшанины свѣдѣній, черезъ чистилище которыхъ должны были проходить несчастные кандидаты въ нѣмецкіе бюрократы.

Съ 1848 г. капиталистическое производство быстро развилось въ Германіи и въ настоящее время уже находится тамъ въ цвѣтущемъ состояніи. Но нашимъ спеціалистамъ судьба все-таки не улыбается. Пока они могли безстрастно заниматься политической экономіей, въ нѣмецкой дѣйствительности недоставало современныхъ экономическихъ условій: когда же эти условія воплотились въ жизни, это произошло при такой обстановкѣ, которая дѣлаетъ невозможнымъ дальнѣйшее безпристрастное изслѣдованіе ихъ въ предѣлахъ буржуазнаго поля зрѣнія. Поскольку она буржуазна, т.-е. разсматриваетъ капиталистическій строй не какъ исторически преходящую ступень развитія, а наоборотъ, какъ абсолютную и окончательную форму общественнаго производства, политическая экономія можетъ оставаться наукой только до тѣхъ поръ, пока классовая борьба находится въ скрытомъ состояніи или проявляется лишь въ единичныхъ фактахъ.

Возьмемъ Англію. Ея классическая политическая экономія относится къ періоду неразвитой классовой борьбы. Наконецъ послѣдній великій

представитель классической экономіи, Рикардо, сознательно дѣлаетъ исходной точкой своихъ изслѣдованій антагонизмъ классовыхъ интересовъ, заработной платы и прибыли, прибыли и поземельной ренты, наивно разсматривая это противорѣчіе, какъ естественный законъ общественной жизни. Но это былъ предѣлъ, дальше котораго буржуазная экономія не могла пойти. Еще при жизни Рикардо, и въ оппозиціи къ нему, выступила критика въ лицѣ Сисмонди [1]).

Послѣдующій періодъ 1820—1830 г. отличается въ Англіи научнымъ оживленіемъ въ области политической экономіи. Это былъ періодъ вульгаризаціи и распространенія теоріи Рикардо, а также борьбы ея со старой школой. Давались блестящіе турниры. То, что тогда было сдѣлано въ наукѣ, мало извѣстно на европейскомъ континентѣ, такъ какъ полемика эта, по большей части, разсѣяна въ журнальныхъ статьяхъ, въ сочиненіяхъ, написанныхъ по какому-нибудь случайному поводу, и въ памфлетахъ. Безпристрастный характеръ этой полемики, не смотря на то, что теорія Рикардо, въ видѣ исключенія, служитъ уже иногда оружіемъ въ наступательной борьбѣ противъ буржуазнаго хозяйства, объясняется обстоятельствами времени. Съ одной стороны, крупная промышленность едва только вышла изъ своего младенческаго возраста, что доказывается тѣмъ, что только съ кризиса 1825 г. начинается періодическій круговоротъ, свойственный ея современной формѣ. Съ другой стороны, классовая борьба между капиталомъ и трудомъ была отодвинута на задній планъ, политически—борьбой между правительствами..... и народной массой, предводительствуемой буржуазіей; экономически—враждой промышленнаго капитала съ аристократическимъ земледѣліемъ, которая во Франціи скрывалась за противорѣчіемъ между мелкимъ и крупнымъ земледѣліемъ, въ Англіи же проявилась открыто со времени изданія хлѣбныхъ законовъ. Англійская литература политической экономіи въ этотъ періодъ напоминаетъ экономическій періодъ бури и натиска (Sturm und Drang-Periode) во Франціи, послѣ смерти Quesnay, но не больше того, какъ бабье лѣто напоминаетъ весну. Въ 1830 г. наступилъ рѣшительный кризисъ.

Буржуазія во Франціи и въ Англіи завоевала политическую власть. Съ этого времени классовая борьба принимаетъ на практикѣ и въ теоріи все болѣе и болѣе опредѣленныя формы. Съ нею пробилъ послѣдній часъ научной буржуазной экономіи. Вопросъ теперь ставился уже не о томъ, вѣрна ли та или иная теорема, но о томъ, полезна или вредна ли она для капитала, удобна или неудобна для него. Бескорыстныя изысканія уступаютъ мѣсто шумливой полемикѣ продажныхъ перьевъ, безпристрастное научное изслѣдованіе—недобросовѣстной и злонамѣренной апологетикѣ. Впрочемъ, даже жалкія наставительныя книжонки, которыя выпускала въ свѣтъ Anti-Cornlawleague, съ фабрикан-

[1]) См. мое сочиненіе: «Zur Kritik etc.», p. 39.

тами Кобденомъ и Брайтомъ во главѣ, и тѣ своей полемикой противъ поземельной аристократіи представляли, если не научный, то, по крайней мѣрѣ, исторический интересъ. Но и этотъ послѣдній источникъ спора и привлекательности былъ отнятъ у вульгарной политической экономіи фритредерскимъ законодательствомъ со временъ Роберта Пиля.

Континентальная революція 1848—1849 гг. отразилась и на Англіи. Люди, которые претендовали еще на научное значеніе и хотѣли быть не только софистами и сикофантами господствующихъ классовъ, старались согласовать политическую экономію капитала съ требованіями пролетаріата, которыя впредь невозможно было уже игнорировать. Отсюда бездарный синкретизмъ, лучшимъ представителемъ котораго является Дж. Ст. Милль. Его труды знаменуютъ собою банкротство «буржуазной» экономіи, какъ это превосходно показалъ русскій ученый и критикъ Чернышевскій въ своихъ «Очеркахъ политической экономіи по Миллю».

Такимъ образомъ, въ Германіи капиталистическій способъ производства достигъ зрѣлости уже послѣ того, какъ его антагонистическій характеръ шумно проявился во Франціи и Англіи въ исторически знаменательной борьбѣ, между тѣмъ какъ нѣмецкій пролетаріатъ обладалъ уже болѣе ясно выраженнымъ теоретическимъ классовымъ сознаніемъ, чѣмъ нѣмецкая буржуазія. Такимъ образомъ, когда буржуазная научная экономія стала въ Германіи, повидимому, возможной, она вмѣстѣ съ тѣмъ оказалась уже невозможной.

При такихъ обстоятельствахъ ея предводители раздѣлились на два лагеря. Одни, благоразумные, стремящіеся къ наживѣ, практическіе люди собрались подъ знамя Бастіа, самаго пошлаго, но, потому, и самаго удачнаго представителя вульгарно-экономической апологетики; другіе, гордые профессорскимъ достоинствомъ своей науки, послѣдовали за Дж. Ст. Миллемъ въ его попыткѣ примирить непримиримое. Какъ и въ классическое время буржуазной экономіи, такъ и во время ея упадка, нѣмцы оставались только учениками, подражателями и повторяльщиками чужихъ словъ, офенями, торгующими въ разносъ продуктами крупныхъ иностранныхъ фирмъ.

Итакъ, своеобразныя историческія судьбы нѣмецкаго общества исключали возможность всякаго оригинальнаго дальнѣйшаго развитія «буржуазной» экономіи, но не исключали возможности ея критики. Поскольку такая критика вообще представляетъ интересы какого-нибудь класса, она можетъ представлять интересы только того класса, историческое призваніе котораго составляетъ преобразованіе капиталистическаго способа производства, т.-е. пролетаріата.

Ученые и неученые оракулы нѣмецкой буржуазіи пытались сначала замолчать «Капиталъ», какъ это удалось имъ относительно моихъ прежнихъ сочиненій; но когда эта тактика перестала соотвѣтствовать условіямъ времени, они стали писать, подъ предлогомъ критики моей книги, рецепты «для успокоенія буржуазнаго сознанія»; но нашли въ рабочей

прессѣ болѣе сильныхъ противниковъ.—см., напр., статьи Іосифа Dietzgen'a въ Volksstaat'ѣ,—у которыхъ они еще до сихъ поръ въ долгу съ отвѣтомъ [1]).

Превосходный русскій переводъ «Капитала» появился весною 1872 г. въ Петербургѣ. Изданіе въ количествѣ 3.000 экземпляровъ уже теперь почти все разошлось. Еще въ 1871 г. Зиберъ, профессоръ политической экономіи въ кіевскомъ университетѣ, въ своемъ сочиненіи: «Теорія цѣнности и капитала Д. Рикардо» показалъ, что моя теорія цѣнности, денегъ и капитала является въ своихъ основныхъ чертахъ необходимымъ дальнѣйшимъ развитіемъ ученія Смита и Рикардо. Въ солидномъ сочиненіи Зибера западно-европейскаго читателя поражаетъ та послѣдовательность, съ которой онъ выдерживаетъ свою чисто теоретическую точку зрѣнія.

Методъ, примѣненный въ «Капиталѣ», былъ плохо понятъ, что явствуетъ уже изъ противорѣчій въ его истолкованіи и оцѣнкѣ.

Такъ, парижская Revue Positiviste упрекаетъ меня, съ одной стороны, въ томъ, что я метафизически излагаю экономію, съ другой стороны—какъ бы вы думали, въ чемъ!—что я ограничиваюсь только критическимъ расчлененіемъ того, что существуетъ, вмѣсто того, чтобы давать рецепты (контовскіе?) будущаго общества. На упрекъ въ метафизичности профессоръ Зиберъ замѣчаетъ: «Поскольку рѣчь идетъ собственно о теоріи, методъ Маркса есть дедуктивный методъ всей англійской школы, достоинства и недостатки котораго общи всѣмъ лучшимъ теоретикамъ экономистамъ». M. Block въ своей статьѣ «Les Théoriciens du Socialisme en Allemagne. Extrait du Journal des Economistes, juillet et août 1872» находитъ мой методъ аналитическимъ и говоритъ между прочимъ: «Par cet ouvrage M. Marx se classe parmis les esprits analytiques les plus éminents» (этимъ своимъ сочиненіемъ г. Марксъ занялъ мѣсто среди самыхъ выдающихся аналитическихъ умовъ). Нѣмецкіе рецензенты поняли, конечно, о гегелевской софистикѣ.

---

[1]) Пустые болтуны нѣмецкой вульгарной экономіи критикуютъ слогъ и способъ изложенія моего сочиненія. Никто не можетъ строже меня самого судить о литературныхъ недостаткахъ «Капитала». Однако, для пользы и удовольствія этихъ господъ и ихъ читателей, я привожу здѣсь англійскую и русскую критику. Безусловно враждебная моимъ взглядамъ «Saturday Review» говоритъ въ своей замѣткѣ о первомъ нѣмецкомъ изданіи: изложеніе «придаетъ даже самымъ сухимъ экономическимъ вопросамъ особенную прелесть» (charm). «С.-Петербургскія Вѣдомости» между прочимъ замѣчаютъ въ номерѣ отъ 8—20 апрѣля 1872 г.: «Изложеніе, исключая нѣкоторыхъ слишкомъ спеціальныхъ частностей, отличается ясностью, общедоступностью и, несмотря на научную высоту предмета, необыкновенною живостью. Въ этомъ отношеніи авторъ.... далеко не походитъ на большинство нѣмецкихъ ученыхъ, которые.... пишутъ свои сочиненія такимъ темнымъ и сухимъ языкомъ, отъ котораго у обыкновенныхъ смертныхъ трещитъ голова». Но у читателей современной нѣмецкой національ-либеральной профессорской литературы трещитъ нѣчто другое, чѣмъ голова.

Петербургскій «Вѣстникъ Европы», въ рецензіи [1]), разбирающей исключительно методъ «Капитала» (май 1872 г., стр. 427—36), находитъ мой методъ изслѣдованія строго реалистическимъ, но способъ изложенія, къ сожалѣнію, нѣмецки діалектическимъ. Онъ говоритъ: «Съ виду, если судить по внѣшней формѣ изложенія, Марксъ большой идеалистъ-философъ и притомъ въ «нѣмецкомъ», т.-е. дурномъ значеніи этого слова. На самомъ же дѣлѣ онъ безконечно болѣе реалистъ, чѣмъ всѣ его предшественники въ дѣлѣ экономической критики..... Идеалистомъ его ни въ какомъ случаѣ уже нельзя считать». Я не могу лучше отвѣтить автору, какъ приведя нѣсколько выдержекъ изъ его собственной критики, къ тому же эти выдержки могутъ представить интересъ для нѣкоторыхъ изъ моихъ читателей, которымъ недоступенъ русскій оригиналъ.

Приведя цитату изъ моего предисловія къ «Zur Kritik der Pol. Oek.» Berlin, 1859, p. IV—VII, гдѣ я изложилъ матеріалистическое основаніе моего метода, авторъ продолжаетъ:

Для Маркса «важно только одно: найти з а к о н ъ явленій, изслѣдованіемъ которыхъ онъ занимается. И при этомъ для него важенъ не только законъ, управляющій ими, пока они имѣютъ извѣстную форму, и пока они находятся въ томъ взаимоотношеніи, которое наблюдается въ данное время. Для него, сверхъ того, еще важенъ законъ ихъ и з м ѣ н я е м о с т и, ихъ развитія, т.-е. перехода отъ одной формы къ другой, изъ одного порядка взаимоотношеній къ другому. Разъ онъ открылъ этотъ законъ, онъ разсматриваетъ подробнѣе послѣдствія, въ которыхъ законъ проявляется въ общественной жизни..... Сообразно съ этимъ, Марксъ заботится только объ одномъ: чтобы точнымъ научнымъ изслѣдованіемъ доказать необходимость опредѣленныхъ порядковъ общественныхъ отношеній и чтобы возможно безупречнѣе констатировать факты, служащіе ему исходными пунктами и опорой. Для него вполнѣ достаточно, если онъ, доказавъ необходимость современнаго порядка, доказалъ и необходимость другого порядка, къ которому непремѣнно долженъ быть сдѣланъ переходъ, все равно, думаютъ ли объ этомъ, или не думаютъ, сознаютъ ли это, или не сознаютъ. Марксъ разсматриваетъ общественное движеніе, какъ естественно-историческій процессъ, которымъ управляютъ законы, не только не находящіеся въ зависимости отъ воли, сознанія и намѣренія человѣка, но и сами еще опредѣляющіе его волю, сознаніе и намѣренія..... Если сознательный элементъ въ исторіи культуры играетъ такую подчиненную роль, то понятно, что критика, имѣющая своимъ предметомъ самую культуру, всего менѣе можетъ имѣть своимъ основаніемъ какую-нибудь форму или какой-либо

---

[1]) Авторъ этой замѣчательной рецензіи, подписанной «И. И. К—нъ», извѣстный экономистъ и статистикъ Илар. Ив. Кауфманъ, въ настоящее время профессоръ статистики въ С.-Петербургскомъ Университетѣ и членъ Статистическаго Совѣта Мин. Вн. Д. Мы считаемъ долгомъ выразить здѣсь почтенному автору нашу благодарность за разрѣшеніе раскрыть его авторство, которое, впрочемъ, для спеціалистовъ давно не составляло тайны. *Прим. Н. С.*

результатъ сознанія, т.-е. не идея, а внѣшнее явленіе одно только можетъ ей служить исходнымъ пунктомъ. Критика будетъ заключаться въ сравненіи, сопоставленіи и сличеніи факта не съ идеей, а съ другимъ фактомъ. Для нея важно только, чтобы оба факта были возможно точнѣе изслѣдованы и дѣйствительно представляли собою различныя степени развитія, да сверхъ того важно, чтобы не менѣе точно были изслѣдованы порядокъ, послѣдовательность и связь, въ которыхъ проявляются эти степени развитія..... Иному читателю можетъ при этомъ прійти на мысль и такой вопросъ... вѣдь общіе законы экономической жизни одни и тѣ же, все равно, примѣняются ли они къ современной или прошлой жизни? Но именно этого Марксъ и не признаетъ. Такихъ общихъ законовъ для него не существуетъ. По его мнѣнію, напротивъ, каждый историческій періодъ имѣетъ свои законы.... но какъ только жизнь пережила данный періодъ развитія, вышла изъ данной стадіи и вступила въ другую, она начинаетъ управляться уже другими законами. Словомъ, экономическая жизнь представляетъ намъ въ этомъ случаѣ явленіе, совершенно аналогичное тому, что мы наблюдаемъ въ другихъ разрядахъ біологическихъ явленій...

«Внимательный анализъ внутренняго строя и свойствъ дѣятельнаго состоянія явленій этой (экономической) жизни неоднократно убѣждалъ многихъ изслѣдователей, уже съ сороковыхъ годовъ, въ невозможности того взгляда старыхъ экономистовъ на природу экономическаго закона, по которому послѣдній однороденъ съ законами физики и химіи... Болѣе глубокій анализъ явленій показалъ, что соціальные организмы отличаются другъ отъ друга не менѣе глубоко, чѣмъ организмы ботаническіе и зоологическіе... Одно и то же явленіе, вслѣдствіе различія въ строѣ этихъ организмовъ, разнородности ихъ органовъ, различія условій, среди которыхъ органамъ приходится функціонировать и т. д., можетъ, поэтому, на разныхъ степеняхъ развитія... подчиняться совершенно различнымъ законамъ. Марксъ отказывается, напримѣръ, признавать, что законъ увеличенія народонаселенія одинъ и тотъ же всегда и повсюду, для всѣхъ временъ и для всѣхъ мѣстъ. Онъ утверждаетъ, напротивъ, что каждая степень развитія имѣетъ свой законъ размноженія... То, что въ экономической жизни происходитъ, зависитъ отъ степени производительности экономическихъ силъ..... При различіяхъ въ производительности и послѣствія ея будутъ различны, а съ ними и законы, ими управляющіе. Задаваясь, такимъ образомъ, цѣлью—изслѣдовать и объяснить капиталистическій порядокъ хозяйства,—Марксъ только строго научно формулировалъ цѣль, которую можетъ имѣть точное изслѣдованіе экономической жизни... Его научная цѣль заключается въ выясненіи тѣхъ частныхъ законовъ, которымъ подчиняются возникновеніе, существованіе, развитіе, смерть даннаго соціальнаго организма и замѣненіе его другимъ, высшимъ. И эту цѣлу дѣйствительно имѣетъ книга Маркса.

Авторъ очень мѣтко и, поскольку дѣло идетъ о сдѣланномъ мною лично приложеніи, очень благосклонно изображаетъ здѣсь то, что онъ называетъ моимъ дѣйствительнымъ методомъ. Но вѣдь это не что иное, какъ діалектическій методъ.

Правда, способъ изложенія долженъ формально отличаться отъ способа изслѣдованія. Изслѣдованіе должно усвоить себѣ предметъ въ деталяхъ, проанализировать различныя формы его развитія и найти ихъ внутреннюю связь. Только тогда, когда этотъ трудъ законченъ, можетъ быть соотвѣтствующимъ образомъ изображено дѣйствительное движеніе. Если это удастся и если въ построеніи идеально отразится жизнь предмета, то можетъ показаться, что передъ нами апріорная конструкція.

Мой діалектическій методъ въ своемъ основаніи не только отличается отъ гегелевскаго, но даже составляетъ прямую его противоположность. Для Гегеля процессъ мысли, который онъ, подъ именемъ идеи, превращаетъ даже въ нѣчто самостоятельное, является деміургомъ дѣйствительности, представляющей лишь внѣшнее его обнаруженіе. Для меня же идеальное начало является, наоборотъ, лишь прошедшимъ черезъ человѣческій мозгъ матеріальнымъ началомъ.

Почти 30 лѣтъ тому назадъ я подвергъ критикѣ мистифицирующую сторону гегелевской діалектики, въ то время, когда она была еще въ большой модѣ. Но именно тогда, когда я работалъ надъ первымъ томомъ «Капитала», брюзжащіе, претенціозные и посредственные эпигоны, которые теперь являются запѣвалами въ образованной Германіи, занимались тѣмъ, что такъ же третировали Гегеля, какъ славный М. Мендельсонъ нѣкогда, во времена Лессинга, третировалъ Спиноза, т.-е. какъ «мертвую собаку». Поэтому, я открыто призналъ себя ученикомъ этого великаго мыслителя и кокетничалъ даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ главы о теоріи цѣнности, прибѣгая къ своеобразной гегелевской манерѣ выражаться. Мистификація, которую испытываетъ діалектика въ рукахъ Гегеля, нисколько не устраняетъ того, что онъ впервые всесторонне и сознательно раскрылъ общія формы ея движенія. Она стоитъ у него вверхъ ногами. Нужно ее перевернуть, чтобы найти раціональное зерно въ мистической оболочкѣ. . . . . .

Полное противорѣчій движеніе капиталистическаго общества болѣе всего даетъ себя чувствовать практику-буржуа въ превратностяхъ того періодическаго цикла, который проходитъ современная промышленность и высшую ступень котораго представляетъ всеобщій кризисъ... Онъ опять приближается, хотя находится еще въ подготовительной стадіи; своей повсемѣстностью и своей интенсивностью онъ научитъ діалектикѣ даже счастливчиковъ священной прусско-германской имперіи.

Лондонъ, 24 января 1873 года.

Карлъ Марксъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНІЮ.

Марксу не суждено было самому приготовить къ печати это третье изданіе. Мощный мыслитель, предъ величіемъ котораго преклоняются теперь даже его противники, умеръ 14 марта 1883 г.

На меня, потерявшаго въ Маркс человѣка, бывшаго въ теченіе 40 лѣтъ моимъ лучшимъ и самымъ вѣрнымъ другомъ, которому я болѣе обязанъ, чѣмъ это можно выразить словами, на меня пала обязанность озаботиться выпустить въ свѣтъ какъ это третье изданіе, такъ и оставленный въ рукописи второй томъ. Здѣсь я долженъ дать отчетъ читателю въ томъ, какъ я выполнилъ первую часть этой обязанности.

Марксъ сначала предполагалъ переработать большую часть текста перваго тома, рѣзче формулировать нѣкоторыя теоретическія положенія, прибавить новые пункты, дополнить историческій и статистическій матеріалъ данными новѣйшаго времени. Болѣзнь и желаніе закончить редакцію второго тома заставили его отказаться отъ этой мысли. Только самое необходимое должно было быть измѣнено; должны были быть сдѣланы добавленія, уже содержавшіяся въ появившемся за это время французскомъ изданіи (Le Capital. Par Karl Marx. Paris, Lachâtre 1873).

Въ бумагахъ Маркса дѣйствительно оказался нѣмецкій экземпляръ, мѣстами имъ самимъ исправленный и снабженный указаніями на французское изданіе; нашелся также и французскій экземпляръ, въ которомъ онъ точно указалъ мѣста, подлежащія заимствованію. Эти измѣненія и добавленія ограничиваются, за немногими исключеніями, послѣдней частью книги, отдѣломъ: «Процессъ накопленія капитала». Текстъ этого отдѣла болѣе другихъ соотвѣтствовалъ первоначальной редакціи, тогда какъ предыдущіе отдѣлы были уже и ранѣе болѣе основательно переработаны. Слогъ поэтому былъ болѣе живой, болѣе цѣльный (mehr aus einem Guss), но зато и болѣе небрежный, содержалъ больше англицизмовъ, мѣстами былъ неясенъ: ходъ разсужденія мѣстами представлялъ пробѣлы, при чемъ отдѣльные важные моменты были только намѣчены.

Что касается слога, то Марксъ самъ основательно просмотрѣлъ многіе подотдѣлы и этимъ, а также частыми устными указаніями выяснилъ мнѣ, въ какой мѣрѣ я могу устранить англійскіе технические

термины и иные англицизмы. Добавленія Маркса во всякомъ случаѣ еще самъ переработалъ бы и замѣнилъ бы въ нихъ гладкую французскую рѣчь своимъ сжатымъ нѣмецкимъ языкомъ. Я долженъ былъ удовольствоваться перечисленіемъ ихъ въ текстѣ, при чемъ стремился возможно менѣе измѣнять первоначальный текстъ.

Такимъ образомъ въ этомъ третьемъ изданіи не измѣнено ни одного слова, насчетъ котораго я не былъ бы увѣренъ, что самъ авторъ измѣнилъ бы его. Мнѣ не могло прійти въ голову вводить въ Капиталъ тотъ вульгарный жаргонъ, на которомъ обыкновенно выражаются нѣмецкіе экономисты, ту тарабарщину, на которой, напр., тотъ, кто за наличную плату получаетъ чужой трудъ, называется работодателемъ (Arbeitgeber), тотъ же, чей трудъ берется за плату, работопринимателемъ (Arbeitnehmer). И на французскомъ языкѣ слово travail въ обѣденной жизни употребляется въ смыслѣ «занятія». Но французы съ полнымъ правомъ сочли бы сумасшедшимъ того экономиста, который сталъ бы называть капиталиста donneur de travail, а рабочаго receveur de travail *).

Точно такъ же я не считалъ себя въ правѣ перевести на новые нѣмецкіе эквиваленты употребляемыя вездѣ въ текстѣ англійскія деньги, мѣры и вѣса. Когда появилось первое изданіе, въ Германіи было столько видовъ мѣръ и вѣсовъ, сколько дней въ году, и къ тому же были двоякаго рода марки (имперская марка существовала тогда только въ головѣ Soetbeer'a, который выдумалъ ее въ концѣ 30-ыхъ годовъ), двоякаго рода гульдены и по крайней мѣрѣ троякаго рода талеры, одинъ изъ которыхъ составлялъ новыя двѣ трети. Въ естественныхъ наукахъ господствовала метрическая, на всемірномъ же рынкѣ—англійская система мѣръ и вѣсовъ. При такихъ обстоятельствахъ англійскія единицы мѣръ являлись наиболѣе естественными въ книгѣ, авторъ которой былъ принужденъ свои фактическія доказательства и иллюстраціи брать почти исключительно изъ англійскихъ промышленныхъ отношеній. Эта послѣдняя причина имѣетъ рѣшающее значеніе еще и въ настоящее время, тѣмъ болѣе, что отношенія на всемірномъ рынкѣ врядъ ли измѣнились за этотъ промежутокъ и въ господствующихъ отрасляхъ промышленности — желѣзодѣлательной и хлопчатобумажной—и до настоящаго момента почти исключительно господствуютъ англійскія мѣры и вѣсы.

Въ заключеніе еще нѣсколько словъ относительно Марксова способа цитировать, который вызывалъ недоразумѣнія. При чисто фактическихъ объясненіяхъ и описаніяхъ цитаты, напр., изъ англійскихъ Синихъ Книгъ, служатъ, очевидно, простыми ссылками на источники. Но иначе обстоитъ дѣло, когда приводятся теоретическіе взгляды дру-

*) Энгельсъ тутъ нѣсколько увлекся, забывъ, что самъ Марксъ употреблялъ слово «Arbeitgeber». См. стр. 207-ю 4-го изд. оригинала (стр. 185 наст. перевода). *Прим. П. С.*

ихъ экономистовъ. Въ такихъ случаяхъ цитата должна только установить, гдѣ, когда и кѣмъ данное экономическое положеніе было впервые ясно высказано. При этомъ важно только то обстоятельство, что данное экономическое положеніе имѣетъ значеніе въ исторіи науки, что оно является болѣе или менѣе полнымъ теоретическимъ выраженіемъ экономическихъ условій даннаго времени. Но имѣетъ ли еще это положеніе абсолютную или относительную цѣнность съ точки зрѣнія самого автора, или оно уже вполнѣ стало достояніемъ исторіи, это несущественно для Маркса. Эти цитаты составляютъ только непрерывный, заимствованный изъ исторіи экономической науки, комментарій къ тексту, и устанавливаютъ дату и авторство важнѣйшихъ завоеваній экономической теоріи. И это было въ высшей степени необходимо въ наукѣ, историки которой до сихъ поръ отличались только тенденціознымъ, почти что можно сказать—продиктованнымъ духомъ карьеризма невѣжествомъ. Поэтому легко понять, согласно съ предисловіемъ ко второму изданію, почему Марксъ только изъ видѣ исключенія иногда приводитъ нѣмецкихъ экономистовъ.

Второй томъ, надо надѣяться, появится еще въ теченіе 1884 г.

Лондонъ, 7 ноября 1883 г.

Фридрихъ Энгельсъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНІЮ.

Четвертое изданіе требовало отъ меня по возможности окончательнаго установленія какъ текста, такъ и примѣчаній. О томъ, какъ я выполнилъ это требованіе, я могу вкратцѣ сказать слѣдующее:

Сравнивъ еще разъ французское изданіе съ рукописными замѣчаніями Маркса, я ввелъ въ нѣмецкій текстъ еще нѣсколько добавленій. Они находятся на стр. 80 (въ третьемъ изд. на стр. 88, въ настоящемъ переводѣ стр. 72), стр. 458—60 (третье изд. стр. 509—10, въ наст. перев. стр. 408—410). стр. 547—51 (третье изд. стр. 600, въ наст. перев. стр. 487—490), стр. 591—93 (третье изд. стр. 644, въ наст. перев. стр. 527—528) и стр. 596 (третье изд. стр. 648, въ наст. перев. стр. 530—531), въ примѣчаніи 79. Точно такъ же я, по примѣру французскаго и англійскаго изданій, внесъ въ текстъ длинное примѣчаніе о горнорабочихъ (третье изд. стр. 509—515, четвертое изд. стр. 461—67, въ наст. перев. стр. 411—416). Остальныя незначительныя измѣненія носятъ чисто техническій характеръ.

Кромѣ того я сдѣлалъ еще нѣкоторыя добавочныя примѣчанія, именно тамъ, гдѣ этого требовали измѣнившіяся историческія условія. Всѣ эти добавочныя примѣчанія подписаны моими иниціалами.

Полный пересмотръ цитатъ сталъ необходимъ вслѣдствіе выхода за это время англійскаго изданія. Для послѣдняго младшая дочь Маркса, Элеонора, взяла на себя трудъ сравнить всѣ цитаты съ оригиналами, такъ что въ цитатахъ изъ англійскихъ источниковъ, которыя преобладаютъ тамъ, является не обратный переводъ съ нѣмецкаго, а самый англійскій текстъ оригинала. Я долженъ былъ такимъ образомъ справляться съ этимъ текстомъ при четвертомъ изданіи. При этомъ оказались нѣкоторыя маленькія неточности: были неправильно указаны страницы, что произошло частью при списываніи съ тетрадей, частью же вслѣдствіе накопленія опечатокъ въ трехъ послѣдовательныхъ изданіяхъ: оказались неправильно поставленными кавычки или многоточія, что неизбѣжно при массовомъ цитированіи по выпискамъ; мѣстами я наталкивался на неудачный переводъ какого-нибудь слова. Нѣкоторыя мѣста были цитированы по старымъ парижскимъ замѣткамъ 1843—1845 гг., когда Марксъ не зналъ еще англійскаго языка и читалъ англійскихъ экономистовъ во французскомъ переводѣ; тамъ, гдѣ вслѣдствіе двойного перевода получилось легкое измѣненіе въ оттѣнкѣ смысла, напр. у Steuart'а, Ure'а и др.—теперь можно было воспользоваться англійскимъ текстомъ. Все это были—такого рода мелкія неточности и

упущенія. Если мы сравнимъ теперь четвертое изданіе съ предыдущими, то мы убѣдимся, что весь этотъ утомительный процессъ исправленія не произвелъ въ книгѣ ни малѣйшаго измѣненія, о которомъ стоило бы говорить. Только одна цитата не могла быть найдена, изъ Richard Jones'a (4-е изд. стр. 562, примѣч. 47, въ наст. перев. стр. 500): Марксъ вѣроятно сдѣлалъ ошибку, списывая заглавіе книги. Всѣ остальныя цитаты сохраняютъ свою полную доказательную силу, или даже послѣдняя еще усиливается благодаря болѣе точной формѣ.

Но здѣсь я принужденъ вернуться къ одной старой исторіи.

Дѣло въ томъ, что мнѣ извѣстенъ только одинъ случай, когда точность цитаты Маркса была подвергнута сомнѣнію. Но такъ какъ это сомнѣніе продолжало существовать и послѣ смерти Маркса, то я не могу его обойти здѣсь молчаніемъ.

Въ берлинской Concordia, органѣ союза нѣмецкихъ фабрикантовъ, появилась 7 марта 1872 г. анонимная статья: «Какъ цитируетъ Карлъ Марксъ». Въ статьѣ этой — съ большой затратой нравственнаго негодованія и непарламентскихъ выраженій утверждалось, что Марксъ подмѣнилъ цитату изъ бюджетной рѣчи Гладстона 16 апрѣля 1863 г. (въ привѣтственномъ адресѣ международной рабочей ассоціаціи 1864 г.,— повторена въ «Капиталѣ», I, стр. 671-я 3-го изд., въ наст. пер. стр. 549) фразы: «Это опьяняющее увеличеніе богатства и силы... ограничивается исключительно имущимъ классомъ» совершенно будто бы не находится въ (полуофиціальномъ) стенографическомъ отчетѣ Hansard'a. «Этой фразы нѣтъ ниодѣ въ рѣчи Гладстона. Въ ней сказано какъ разъ обратное (жирнымъ шрифтомъ слѣдуетъ): Марксъ формально и матеріально присочинилъ эту фразу!

Марксъ, которому этотъ № «Concordia» былъ присланъ въ мал., отвѣчалъ анонимному автору въ «Volksstaat'ѣ» 1-го іюня. Такъ какъ онъ не помнилъ болѣе, по какому газетному отчету онъ цитировалъ, то онъ ограничился тѣмъ, что указалъ согласную съ его цитатой передачу въ двухъ англійскихъ сочиненіяхъ, а затѣмъ цитировалъ отчетъ «Times'a» въ которомъ Гладстонъ говоритъ: That is the state of the case as regards the wealth of this country. I must say for one, I should look almost with apprehension and with pain upon this intoxicating augmentation of wealth and power, if it were my belief that it was confined to classes who are in easy circumstances. This takes no cognizance at all of the condition of the labouring population. The augmentation I have described and which is founded, I think, upon accurate returns, is an augmentation entirely confined to classes of propety».

Такимъ образомъ Гладстонъ говоритъ здѣсь, что ему было бы очень жаль, если бы это такъ было, но на самомъ дѣлѣ это такъ: это опьяняющее увеличеніе силы и богатства ограничивается лишь имущими классами. Что же касается quasi-офиціальнаго Hansard'a, то Марксъ далѣе говоритъ: «Въ сфабрикованной впослѣдствіи редакціи

Гаккарда Гладстонъ благоразумно выбросилъ это, во всякомъ случаѣ, очень неудобное въ устахъ англійскаго канцлера казначейства, мѣсто; это, впрочемъ, общепринятый англійскій парламентскій обычай и ни въ какомъ случаѣ не изобрѣтеніе Ласкера, направленное противъ Бебеля.

Но анонимъ все болѣе и болѣе озлобляется. Оставляя въ сторонѣ источники изъ вторыхъ рукъ въ своемъ отвѣтѣ въ Concordia 4 іюля, онъ стыдливо указываетъ, что существуетъ «обычай» цитировать парламентскія рѣчи по стенографическому отчету, но что отчетъ «Times» (въ которомъ находится «выдуманная» фраза), какъ и отчетъ Hansard'a (въ которомъ ея недостаетъ) «по существу вполнѣ совпадаютъ», и что отчетъ «Times» точно такъ же содержитъ «прямую противоположность извѣстнаго мѣста въ привѣтственномъ адресѣ», при чемъ сей мужъ заботливо умалчиваетъ о томъ, что рядомъ съ этой такъ называемой «противоположностью» онъ содержитъ какъ разъ «извѣстное мѣсто!» Не смотря на все это, господинъ анонимъ чувствуетъ, что онъ попался и что только какая-нибудь уловка можетъ его спасти. Начиная свою переполненную ложью статью, какъ это только что было указано, назидательною бранью въ родѣ: «mala fides», «безчестность», «ложныя данныя», «эта подложная цитата», «наглая ложь», «совершенно подмѣненная цитата», «эта подтасовка», «просто безчестно» и т. д., онъ находитъ нужнымъ перенести споръ на другую почву и обѣщаетъ поэтому въ другой статьѣ объяснить, какое значеніе мы [т.-е. не ложныя анонимъ] придаемъ содержанію Гладстоновскихъ словъ». Какъ будто его непонятное мнѣніе имѣетъ хотя бы малѣйшее отношеніе къ дѣлу! Эта вторая статья помѣщена въ Concordia 11 іюля.

Маркъ еще разъ отвѣчалъ въ «Volkstaat'ѣ» 7-го августа и привелъ спорное мѣсто изъ отчетовъ газетъ Morning Star и Morning Advertiser отъ 17-го апрѣля 1863 г. По обоимъ этимъ отчетамъ, Гладстонъ говорилъ, что онъ съ опасеніемъ смотрѣлъ бы на это оцѣпляющее увеличеніе богатства и силы, если бы онъ полагалъ, что оно ограничивается дѣйствительно зажиточнымъ классомъ (classes in easy circumstances). Но это увеличеніе всецѣло ограничивается классами, владѣющими собственностью (entirely confined to classes possessed of property). Такимъ образомъ и эти отчеты приводятъ дословно эту якобы «сочиненную» фразу. Затѣмъ Маркъ еще разъ установилъ сравненіемъ текстовъ Times и Hansard'a, что этой фразы, дѣйствительно сказанной, какъ это было констатировано на слѣдующее утро въ трехъ газетныхъ отчетахъ, одновременно появившихся и другъ отъ друга независимыхъ, недостаетъ въ отчетѣ Hansard'a, просмотрѣнномъ по извѣстному обычаю, что Гладстонъ ее, выражаясь словами Маркса, «укралъ задними числомъ», и, наконецъ, онъ заявляетъ, что ему некогда болѣе возиться съ господиномъ анонимомъ. Этотъ послѣдній, повидимому, тоже успокоился: по крайней мѣрѣ, Марксу не присылали болѣе нумеровъ «Concordia».

На этомъ дѣло, кажется, покончилось и было сдано въ архивъ.

Правда, съ тѣхъ поръ, одинъ или два раза до насъ доходили таинственные слухи отъ людей, имѣвшихъ отношеніе къ Кембриджскому университету, объ ужасномъ литературномъ преступленіи, совершенномъ Марксомъ въ «Капиталѣ»; однако, не смотря на всѣ разслѣдованія, нельзя было узнать ничего болѣе опредѣленнаго. Но 29 ноября 1883 г., черезъ 8 мѣсяцевъ послѣ смерти Маркса, въ Times'ѣ появилось письмо, помѣченное Trinity College и подписанное Sedley Taylor, гдѣ этотъ человѣкъ, занимающійся самыми скромными артельными начинаніями, изъ того ни изъ сего разъясняетъ намъ не только происхожденіе Кембриджскихъ сплетенъ, но и раскрываетъ анонима «Concordia».

Особенно страшно, говоритъ человѣкъ изъ Trinity College, что на долю профессора Брентано (тогда въ Бреславлѣ, теперь въ Страсбургѣ*) выпало раскрыть mala fides, очевидно продиктовавшую Марксу цитату изъ Гладстоновской рѣчи въ привѣтственномъ адресѣ. Карлъ Марксъ, «старавшійся защитить цитату, имѣлъ смѣлость въ предсмертныхъ судорогахъ (deadly shifts), до которыхъ его быстро довели мастерскія нападки Брентано, утверждать, что Гладстонъ передѣлалъ для Hansard'a отчетъ о своей рѣчи, появившійся въ Times отъ 17 апр. 1863 г., устранивъ въ немъ одно мѣсто, во всякомъ случаѣ, неудобное въ устахъ англійскаго канцлера казначейства. Когда Брентано подробнымъ сравненіемъ текста доказалъ, что отчеты Times'a и Hansard'a совпадаютъ въ томъ отношеніи, что въ нихъ абсолютно отсутствуетъ смѣлость, приданная Гладстоновскимъ словамъ искусно изолированной цитатой Маркса, тогда послѣдній отступилъ подъ предлогомъ недостатка времени!

Das also war des Pudels Kern! (Вотъ въ чемъ было дѣло). Такъ славно отразилась въ артельной фантазіи Кембриджа анонимная кампанія Брентано въ «Concordia». Вотъ какъ этотъ Георгій Побѣдоносецъ союза нѣмецкихъ фабрикантовъ направлялъ свои мастерскіе удары въ змѣя Маркса въ предсмертныхъ судорогахъ хрипѣлъ у его ногъ!

Однако все это аріостовское описаніе борьбы служитъ лишь для того, чтобы скрыть уловки нашего побѣдоносца. Рѣчь идетъ уже не о «выдумкѣ» и «подлогѣ», но объ искусно изолированной цитатѣ (craftily isolated quotation). Центръ тяжести всего вопроса былъ перемѣщенъ, и Георгій Побѣдоносецъ, и его кембриджскій оруженосецъ отлично знали, почему.

Элеонора Марксъ отвѣтила, въ ежемѣсячномъ журналѣ «To-Day», за февраль 1884 г., такъ какъ Times отказался помѣстить ея отвѣтъ, и свела споръ на единственный пунктъ, который дѣйствительно имѣлъ въ немъ значеніе: «сочинилъ ли Марксъ фразу, или нѣтъ? На это Sedley Taylor возражаетъ: Вопросъ о томъ, была ли извѣстная фраза изъ рѣчи Гладстона, или нѣтъ имѣетъ, по его мнѣнію, второстепенное

*) А теперь въ Мюнхенѣ. *Прим. П. С.*

значеніе въ споръ между Марксомъ и Брентано въ сравненіи съ вопросомъ: сдѣлана ли эта цитата съ намѣреніемъ передать смыслъ словъ Гладстона или исказить его». Затѣмъ онъ признаетъ, что въ отчетѣ «Times'а» «дѣйствительно заключается словесное противорѣчіе», но что дальнѣйшій контекстъ, истолкованный правильно, т.-е. въ либерально-гладстоновскомъ смыслѣ, показываетъ, что хотѣлъ сказать Гладстонъ. (To-Day, мартъ 1884 г.). Комичнѣе всего здѣсь то, что нашъ человѣчекъ изъ Кембриджа настаиваетъ на томъ, чтобы цитировать рѣчь не по Hansard'у, какъ это, по словамъ анонимнаго Брентано, «принято», но по отчету «Times», по мнѣнію того же Брентано, «несомнѣнно плохому». Конечно, вѣдь фатальной фразы нѣтъ у Hansard'а!

Элеонорѣ Марксъ легко было разбить въ пухъ и прахъ эту аргументацію въ томъ же нумерѣ To-Day. Или г-нъ Taylor читалъ полемику 1872 г., въ такомъ случаѣ онъ «лжетъ теперь, или онъ ея не читалъ. Въ такомъ случаѣ онъ обязанъ былъ молчать. Во всякомъ случаѣ не подлежало сомнѣнію, что онъ ни одну минуту не осмѣливался поддерживать брошенное его другомъ Брентано обвиненіе, что Марксъ сочинилъ фразу». Наоборотъ, по словамъ Taylor'а, Марксъ не только не сочинилъ», но утаилъ одну важную фразу. Однако эта фраза цитирована на 5 стр. привѣтственнаго адреса, нѣсколькими строками выше якобы «сочиненной фразы. Что же касается «противорѣчія» въ Гладстоновской рѣчи, то развѣ самъ Марксъ не говоритъ въ «Капиталѣ», стр. 618 (3-е изд. стр. 672, въ наст. перев. стр. 550), примѣчаніе 105, о «постоянныхъ кричащихъ противорѣчіяхъ въ бюджетныхъ рѣчахъ Гладстона въ 1863 и 1864 г.! Онъ только не берется à la Sedley Taylor разрѣшать ихъ въ либерально-елейномъ духѣ. Такимъ образомъ заключительное резюме отвѣта Э. Марксъ гласитъ: «Напротивъ того: Марксъ не утаилъ ничего достойнаго упоминанія и ничего не сочинилъ. Онъ только возстановилъ и спасъ отъ забвенія одну фразу изъ Гладстоновской рѣчи, фразу, которая несомнѣнно была сказана, но такъ или иначе исчезла изъ Hansard'а».

Этого было довольно для Sedley Taylor'а. Результатомъ этой профессорской кампаніи, продолжавшейся два десятилѣтія въ двухъ странахъ, было то, что теперь никто уже не осмѣливается болѣе посягать на литературную добросовѣстность Маркса. Съ этого времени Sedley Taylor такъ же мало будетъ довѣрять литературнымъ поученіямъ Брентано, какъ Брентано перестанетъ вѣрить въ пацкую непогрѣшимость парламентскихъ отчетовъ Hansard'а.

Лондонъ, 25 іюня 1890.

Ф. Энгельсъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ РЕДАКТОРА РУССКАГО ПЕРЕВОДА.

Переводъ такого сочиненія, какъ «Капиталъ» Маркса, долженъ отличаться двумя качествами: во 1-хъ, безусловной вѣрностью—въ немъ не должно быть ошибокъ; въ 2-хъ, возможно большей точностью. Точность эта, въ свою очередь, можетъ быть двоякаго рода: 1) точность въ передачѣ мысли или, иначе говоря, тѣхъ понятій (не словъ) автора, изъ которыхъ слагаются его сужденія и заключенія; 2) точность въ смыслѣ вѣрной передачи своеобразной стилистической или синтактической физіономіи автора—такая физіономія есть у всякаго крупнаго писателя. Таковы тѣ соображенія, которыя руководили нами при редакціи предлагаемаго перевода знаменитаго трактата Маркса.

Для выполненія перваго изъ намѣченныхъ требованій необходимо, чтобы переводчикъ или, по крайней мѣрѣ, редакторъ вполнѣ владѣлъ какъ языкомъ автора, такъ и предметомъ книги. Мы думаемъ, что намъ удалось избѣгнуть въ настоящемъ переводѣ дѣйствительныхъ ошибокъ въ передачѣ текста. Осуществленіе второго требованія встрѣчаетъ гораздо большія препятствія въ силу того, что оно сталкивается съ естественнымъ стремленіемъ сглаживать неизбѣжныя при точной передачѣ шероховатости слога замѣной перевода изложеніемъ. Это столкновеніе двухъ требованій—точности передачи и стилистической гладкости перевода усугублялось еще особенностями стиля нашего автора: Марксъ писалъ блестящимъ, но чрезвычайно своеобразнымъ стилемъ, за 25-лѣтнюю литературную дѣятельность *) знаменитаго экономиста вобравшаго въ свою нѣмецкую основу элементы французскіе и англійскіе—эти разнородные элементы представлены въ слогѣ Маркса, правда, въ различныхъ размѣрахъ, но и въ очень оригинальномъ сочетаніи. Намъ было жаль ради того, чтобы сдѣлать слогъ болѣе легкимъ и чтеніе книги менѣе затруднительнымъ—жертвовать своеобразной писательской физіономіей Маркса. Мы, наоборотъ, всячески старались сохранить ее и въ русскомъ переводѣ. Занимаясь нѣмецкой экономической литературой 40-хъ гг., мы имѣли случай убѣдиться въ чрезвычайномъ своеобразіи стиля даже первыхъ произведеній Маркса. Въ одномъ изъ нѣмецкихъ журналовъ того времени (Westfälisches Dampfboot, 1846—1847) двѣ анонимныя статьи насъ буквально

*) Съ начала литературной дѣятельности Маркса до опубликованія I тома «Капитала» прошло ровно 25 лѣтъ (1842—1867). *Прим. П. С.*

поразили сходствомъ своего стиля со слогомъ Маркса. Эти статьи дѣйствительно оказались произведеніями Маркса, забытыми не только другими лицами, но даже имъ самимъ и его вѣрнымъ другомъ Фр. Энгельсомъ. Руководясь въ значительной мѣрѣ этимъ критеріемъ своеобразной стилистической физіономіей Маркса,—мы сдѣлали попытку выдѣлить въ нѣмецкой «Брюсельской Газетѣ» 1847 г., ближнимъ сотрудникомъ которой былъ Марксъ, всѣ принадлежащія ему статьи, и полагаемъ, что намъ удалось это сдѣлать съ достаточной степенью вѣроятности...

Мы упоминаемъ объ этихъ обстоятельствахъ для того, чтобы рельефнѣе оттѣнить тѣ соображенія, по которымъ редактируя переводъ I тома «Капитала», тщательно исполненный г-жей Е. А. Гурвичъ и А. М. Закомъ, нынѣ уже умершимъ, мы стремились къ возможно болѣе вѣрной передачѣ своеобразной стилистической физіономіи автора.

Исходной точкой экономической системы Маркса, изложенной въ «Капиталѣ», является понятіе цѣнности. Этимъ словомъ мы пользуемся для передачи нѣмецкаго W e r t h, такъ какъ смыслъ русскаго слова въ точности соотвѣтствуетъ смыслу нѣмецкаго слова. То обстоятельство, что Марксъ субстанціей и мѣриломъ цѣнности считаетъ трудовую затрату, вовсе не означаетъ, чтобы онъ сознательно отождествлялъ явленіе цѣнности съ трудовой затратой, съ издержками или стоимостью. Правда, Марксъ въ одномъ мѣстѣ III-го тома прямо говоритъ: Werth ist Arbeit. Но это, конечно, только упрощенный способъ выраженія, а не прямое и сознательное отождествленіе. Ибо понимать подъ словомъ Werth, value, valeur трудовую затрату значило бы на мѣсто теоріи явленія (въ данномъ случаѣ цѣнности) ставить простое его опредѣленіе. Трудовая затрата, конечно, измѣряется только количествомъ затраченной трудовой энергіи—это аналитически слѣдуетъ изъ понятія трудовой затраты и не обогащаетъ насъ ни одной крупицей новаго знанія. Не это, конечно, хотѣлъ сказать Марксъ своей теоріей цѣнности и мѣновой цѣнности. Для понятія издержекъ или стоимости и англійскій и нѣмецкій языкъ обладаютъ вполнѣ опредѣленнымъ терминомъ Cost, Kosten. Самъ Марксъ употребляетъ слово Kost въ смыслѣ, обычно присвоиваемомъ русскому слову «стоимость»: «Die kapitalistische Kost der Waare misst sich an der Ausgabe in Kapital, die wirkliche Kost der Waare an der Ausgabe in Arbeit» (капиталистическая стоимость товара измѣряется затратой капитала, дѣйствительная же стоимость измѣряется затратой труда». III. 2) [1]).

Мы думаемъ, такимъ образомъ, что Марксъ вовсе не желалъ ставить на мѣсто цѣнности издержки или трудовую затрату. Въ своей теоріи онъ лишь устанавливаетъ зависимость общественно-экономиче-

[1]) Ср. соображенія Туганъ-Барановскаго въ журналѣ «Міръ Божій» (февраль 1899 г.) Употребленіе слова «Kost» въ такомъ значеніи въ единственномъ числѣ несвойственно нѣмецкому языку и представляетъ одинъ изъ многихъ англицизмовъ Маркса.

ского явленія «цѣнность» отъ другого явленія того же порядка—отъ трудовой затраты. Въ цѣнности выражается индивидуальная или общественная оцѣнка хозяйственныхъ благъ, руководящимъ принципомъ и необходимымъ мѣриломъ которой является трудовая затрата, подобно тому, какъ въ потребительной цѣнности или полезности выражается та индивидуальная или общественная оцѣнка, принципомъ и мѣриломъ которой является настоятельность потребности. Моментъ оцѣнки объединяетъ оба эти столь различныя явленія, и это объединеніе обнаруживается въ общемъ наименованіи цѣнность». Оно, начиная съ Кенэ, различавшаго valeur usuelle и valeur venale, признается къ результату хозяйственной оцѣнки, безразлично, производится ли эта оцѣнка съ точки зрѣнія издержекъ или же съ точки зрѣнія потребности и ея удовлетворенія. Отсюда — раздвоеніе цѣнности на мѣновую и потребительную. Кромѣ того, цѣнность, выражающая общественную оцѣнку съ точки зрѣнія трудовой затраты, по идеѣ Маркса является категоріей, общей всѣмъ общественно-экономическимъ формаціямъ, въ которыхъ добываніе благъ опредѣляется преимущественно затратой труда, тогда какъ русское слово «стоимость», по своему обычному смыслу, т.-е. по принятому въ обыкновенной рѣчи словоупотребленію, обозначаетъ затрату на производство или издержки производства въ хозяйствѣ, основанномъ на обмѣнѣ, т.-е. въ денежномъ, или даже еще уже, въ капиталистическомъ хозяйствѣ. Обычный смыслъ этого русскаго слова такимъ образомъ не шире, если не уже, чѣмъ англійскаго Cost или нѣмецкаго Kosten. Научная же терминологія никогда не должна безъ особой надобности уклоняться отъ обычнаго словоупотребленія. Если послѣднее прочно связываетъ со «стоимостью» значеніе выраженныхъ въ деньгахъ издержекъ производства, то, очевидно, что съ точки зрѣнія такого словоупотребленія, отъ котораго нѣтъ никакой надобности отказываться и наукѣ, словосочетаніе «потребительная стоимость» явно нелѣпо. Моментъ оцѣнки одинаково присущъ какъ трудовой, такъ и потребительной цѣнности, но послѣдней, какъ таковой, совершенно чуждъ моментъ затраты или издержекъ, составляющій существенное содержаніе понятія «стоимости» —одинаково и въ обычномъ словоупотребленіи, и въ глазахъ тѣхъ, кто слово Werth передаетъ черезъ слово «стоимость». Поэтому, можно говорить о потребительной цѣнности, но нельзя, не нарушая логики какъ обычнаго словоупотребленія, такъ и установившейся научной терминологіи, говорить о потребительной стоимости.

Русское слово «цѣнность» тѣмъ еще особенно удобно, что его этимологія указываетъ на реально существующую и красной нитью проходящую черезъ всю исторію экономической теоріи связь между понятіями «цѣнность» и «цѣна». Этимологически и по существу цѣнность есть абстрактное, цѣна же конкретное выраженіе одного и того же явленія—хозяйственной оцѣнки. Такъ какъ конкретныя понятія исторически вообще предшествуютъ

абстрактныхъ, то неудивительно, что цѣна и разсужденія о цѣнѣ въ экономической литературѣ появляются раньше, чѣмъ цѣнность и разсужденія о цѣнности. Доказательствомъ этому служитъ ученіе романистовъ и канонистовъ о справедливой цѣнѣ (iustum pretium), въ которомъ заключаются и первые зачатки теоріи цѣнности, но понятіе цѣнности еще сливается съ понятіемъ цѣны: богослововъ и юристовъ, занимавшихся вопросомъ о цѣнѣ, интересовалъ чисто этическій вопросъ, какую цѣну считать справедливой — и имъ чужда была теоретическая точка зрѣнія, съ которой только и являлось важнымъ выдѣленіе болѣе абстрактнаго понятія цѣнности [1]). Теоретическое понятіе цѣнности, въ отличіе отъ рыночной цѣны, было въ XVII вѣкѣ намѣчено Вильямомъ Петти, но впервые, повидимому, съ полной ясностью установилъ его въ XVIII вѣкѣ другой изъ числа «отцовъ» политической экономіи—Кантильонъ.

Онъ училъ, что цѣна, или внутренняя цѣнность вещи есть мѣра земли и труда, входящихъ въ производство вещи, при чемъ принимается во вниманіе качество земли или продуктъ земли и качество труда» [2]). Это понятіе «внутренней цѣнности» (valeur intrinseque) у Кантильона заимствовалъ Адамъ Смитъ: въ его системѣ оно фигурируетъ подъ названіемъ «естественной цѣны».

Мы приводимъ эти факты изъ исторіи экономическихъ ученій, чтобы показать, насколько понятіе и слово «цѣнность» тѣсно связаны съ развитіемъ основныхъ проблемъ экономической науки. Послѣдняя, отправляясь отъ болѣе конкретнаго понятія «цѣна», образуетъ мало-по-малу абстрактное понятіе «цѣнность». Этотъ ходъ развитія прекрасно выражается русской терминологіей, обладающей двумя словами, обозначающими одинъ и тотъ же реальный фактъ, получающійся въ результатѣ хозяйственной оцѣнки—цѣну и цѣнность, но обозначающими его съ р а з л и ч н о й с т е п е н ь ю о т в л е ч е н н о с т и. Изъ этого слѣдуетъ, что и съ точки зрѣнія преемственнаго развитія экономическихъ понятій слову: Werth, valeur, value соотвѣтствуетъ всего болѣе русское слово «цѣнность», этимологически такъ же связанное съ словомъ «цѣна», какъ понятіе value, Werth, въ развитіи экономическихъ понятій, исторически связано съ понятіемъ price, Preis. Не надо далѣе забывать, что, строя свое ученіе о цѣнности, Марксъ стремился объяснить тотъ же самый фактъ, который занималъ его предшественниковъ—хозяйственную оцѣнку благъ, и что если мысль всѣхъ этихъ предшественниковъ работала надъ одной и той же проблемой цѣнности, хотя они весьма различно рѣ-

[1]) Канонисты употребляютъ всѣ тѣ слова, которыми пользуется и позднѣйшая политическая экономія, но въ другомъ смыслѣ.

[2]) «Le prix et valeur intrinséque d'une chose en général est la mesure de la terre et du travail qui entre dans sa production, en égard à la bonté du produit de la terre, et à la qualité du travail». (Essai sur la nature du commerce en général. Traduit de l'anglois. A Londres. MDCCLV. Цитировано по перепечаткѣ гарвардскаго университета. London a. New-York. 1892, p. 36).

шали ее, то то же, конечно, слѣдуетъ сказать и о Марксѣ. Содержаніе того рѣшенія, которое онъ далъ вопросу о существѣ и мѣрѣ цѣнности, не должно закрывать передъ нами того факта, что самая проблема, занимавшая его, вполнѣ тождественна съ той, надъ которой трудились изслѣдователи, рѣшавшіе вопросъ иначе. Говорить вмѣсто цѣнность — стоимость на томъ основаніи, что цѣнность опредѣляется стоимостью, значитъ опредѣленное рѣшеніе проблемы ставить на мѣсто самой проблемы. Это и нелогично и чрезвычайно нецѣлесообразно съ точки зрѣнія историческаго изученія экономическихъ идей.

Сказаннаго, думается намъ, вполнѣ достаточно для оправданія и объясненія того, почему слово Werth мы всюду переводили черезъ «цѣнность».

Нѣсколько словъ о научномъ направленіи и о методѣ Маркса. Въ этомъ отношеніи Марксъ представляетъ выдающійся интересъ — трудно найти автора болѣе поучительнаго и съ точки исторіи экономической догматики, и съ точки зрѣнія методологіи. Марксъ былъ въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ обыкновенно думаютъ, продолжателемъ англо-французской классической политической экономіи, подразумѣвая подъ классической экономіей все научное движеніе, начиная съ Кенэ и кончая Рикардо. Отъ физіократовъ и ихъ англійскихъ продолжателей Марксъ усвоилъ себѣ ту механически-натуралистическую точку зрѣнія, которая столь ярко обнаруживается въ его ученіи о трудѣ, какъ субстанціи цѣнности. Это ученіе — вѣнецъ всѣхъ объективныхъ ученій о цѣнности, оно прямо матеріализуетъ послѣднюю, превращая ее въ экономическую субстанцію хозяйственныхъ благъ, подобную физической матеріи, субстанціи физическихъ вещей. Эта экономическая субстанція есть нѣчто матеріальное, такъ какъ образующій цѣнность трудъ Марксъ понимаетъ въ чисто-физическомъ смыслѣ, какъ абстрактную затрату нервной и мышечной энергіи, независимо отъ конкретнаго цѣлесообразнаго содержанія этой затраты, отличающагося безконечнымъ разнообразіемъ. Абстрактный трудъ Маркса есть физіологическое понятіе, идеально, по крайней мѣрѣ, подлежащее сведенію къ механической работѣ.

Рядомъ съ этимъ механическимъ ученіемъ, которое съ неумолимой послѣдовательностью доводитъ до конца «объективизмъ» въ теоріи цѣнности, черезъ всю экономическую систему Маркса красной нитью проходитъ пониманіе всѣхъ экономическихъ категорій: цѣнности, капитала, ренты, какъ выраженій общественныхъ отношеній между людьми въ процессѣ производства. Въ сознательномъ проведеніи этого взгляда заключается наивысшая оригинальность и наибольшая научная заслуга Маркса. Но было бы ошибочно думать, что и въ этомъ отношеніи Марксъ явился безусловнымъ новаторомъ. Его точка зрѣнія была подготовлена всѣмъ предшествующимъ развитіемъ экономической науки и въ эмбріональномъ видѣ ее можно найти не только у физіократовъ, но даже у Кантильона, а, можетъ быть, и раньше. И у Кантильона, и у физіократовъ главнѣйшей проблемой является проис-

водство, какъ общественный процессъ, и распредѣленіе совокупнаго общественнаго продукта между различными классами. Смитъ и Рикардо точно такъ же занимались этой проблемой производства и распредѣленія, какъ единаго общественнаго процесса, дѣйствующими лицами котораго являются не отдѣльные хозяйствующіе субъекты, а крупныя общественныя группы или классы, на которые распадается современное общество. Эту соціологическую точку зрѣнія, на которой классическая экономія стояла безсознательно и, такъ сказать, наивно, Марксъ развивалъ вполнѣ сознательно. Правда, онъ, въ отличіе отъ своихъ предшественниковъ, нигдѣ не говоритъ о «распредѣленіи», но то, что онъ называетъ «производственными отношеніями», объемлетъ собой всецѣло и занимавшую классиковъ проблему «распредѣленія» въ общемъ смыслѣ слова,—распредѣленія, неразрывно связаннаго съ данными отношеніями производства и вмѣстѣ съ ними раздѣляющаго историческій характеръ, котораго классики наивно не замѣчали или который они, по крайней мѣрѣ, признавали несущественнымъ. Авторъ «Капитала» усвоилъ себѣ соціологическую точку зрѣнія классиковъ, дополнилъ и углубилъ ее широкимъ *историзмомъ*. Отсюда получилось ученіе объ экономическихъ категоріяхъ, какъ временныхъ, исторически опредѣленныхъ общественныхъ отношеніяхъ людей въ процессѣ производства,—ученіе, составляющее, какъ мы уже указали выше,—наиболѣе цѣнный оригинальный вкладъ Маркса въ науку. Марксъ училъ, что мѣновая цѣнность не есть свойство вещей, а лишь *вещное выраженіе опредѣленнаго общественнаго производственнаго отношенія*.—капиталъ тоже является не собраніемъ вещей, а экономическимъ отношеніемъ, и т. д. Эта точка зрѣнія Маркса была въ той же мѣрѣ подготовлена всѣмъ предшествующимъ развитіемъ экономической науки, какъ и его механически-натуралистическій взглядъ на затрату трудовой энергіи, какъ на экономическую субстанцію и количественное мѣрило цѣнности хозяйственныхъ благъ или товаровъ. Какъ всѣ великіе научные дѣятели, Марксъ всецѣло стоитъ на плечахъ своихъ предшественниковъ, и именно поэтому его оригинальное слово получило такой крупный вѣсъ, который въ дальнѣйшемъ развитіи политической экономіи несомнѣнно будетъ лишь возрастать. *Критическій анализъ* ученія Маркса, связанный съ выясненіемъ его историческаго мѣста въ экономической наукѣ, несомнѣнно долженъ дать и для ея методологіи, и для ея систематики очень цѣнные результаты, гораздо болѣе цѣнные, чѣмъ пережевываніе старыхъ и новыхъ споровъ объ индукціи и дедукціи, объ абстрактномъ и реалистическомъ методѣ въ политической экономіи.

Такой критическій анализъ не долженъ бояться вскрыть *противорѣчія* въ ученіи Маркса. Можно сказать, что ни одна глубокая и богатая содержаніемъ научная система немыслима безъ противорѣчій. Чѣмъ она богаче содержаніемъ, тѣмъ больше въ ней, стало быть, разнообразныхъ мотивовъ мышленія, и тѣмъ возможнѣе столкновенія между этими

мотивами. Такія столкновенія даже неизбѣжны, потому что обиліе и содержательность мотивовъ устраняетъ возможность для одного и того же ума взвѣсить ихъ взаимоотношеніе и силу. Методологическая и критическая ясность всегда является post festum, когда научное зданіе уже такъ или иначе сооружено, и остается только подойти къ нему съ аналитическимъ ножомъ, чтобы разложить его на составныя части и образовательные элементы. Но одинъ, хотя бы и самый геніальный умъ, не въ силахъ строить цѣльное научное зданіе и задаваться въ то же время работой критической провѣрки отдѣльныхъ идущихъ въ дѣло камней. Онъ вынужденъ строить по плану, который онъ самъ свободно и безъ критическихъ задніхъ мыслей сложилъ въ своей головѣ. Онъ строитъ по критеріямъ, которыя въ глазахъ послѣдующей критики являются въ значительной мѣрѣ эстетическими. Поэтому нельзя согласиться съ Фр. Альб. Ланге, который, на примѣрѣ Канта и его системы, выставляетъ какъ принципъ истолкованія философскихъ системъ предположеніе ихъ непротиворѣчивости. Съ неменьшимъ, если не съ большимъ правомъ и успѣхомъ можно исходить изъ предположенія, что всѣ богатыя содержаніемъ и глубокія систематическія построенія представляютъ въ значительной мѣрѣ лишь эстетически, т.-е. субъективно, стройныя концепціи, въ созданіи которыхъ участвовали разнообразные и противорѣчивые мотивы мышленія. Тотъ же Кантъ является тому, быть можетъ, самый блестящій и поразительный примѣръ. Не даромъ извѣстный комментаторъ Канта Vaihinger называетъ основное произведеніе знаменитаго кенигсбергскаго философа «полнымъ противорѣчій» (wiederspruchsvoll). При бѣдномъ идейномъ содержаніи гораздо легче избѣгнуть глубокихъ противорѣчій, чѣмъ при богатомъ. Вотъ почему мы думаемъ, что истолкованіе Маркса, исходящее изъ убѣжденія въ непротиворѣчивости его системы, тѣмъ самымъ уже умаляетъ ея силу и ея значеніе, которыя заключаются въ богатствѣ и глубинѣ мотивовъ.

Въ экономической системѣ Маркса переплетаются и сплетаются — какъ мы уже указывали — два основныхъ мотива: 1) механически-натуралистическій, подъ вліяніемъ котораго Марксъ создалъ свое «объективное» ученіе о трудовой затратѣ, какъ субстанціи и мѣрилѣ цѣнности, и 2) соціологическій, за вещной оболочкой экономическихъ явленій видящій — въ качествѣ ихъ основного содержанія — исторически измѣнчивыя отношенія между людьми въ процессѣ производства. Дѣло критики разъединить и критически взвѣсить каждый изъ этихъ мотивовъ въ отдѣльности и затѣмъ изслѣдовать, въ какой мѣрѣ они совмѣстимы другъ съ другомъ.

Читателю, который захочетъ выяснить себѣ историческое мѣсто Маркса въ теоріи политической экономіи, мы настоятельно рекомендуемъ взяться за подлинныя сочиненія физіократовъ, Смита и Рикардо [1]).

[1]) Рядомъ съ Марксомъ всегда слѣдуетъ ставить весьма близкаго къ нему, въ качествѣ теоретика, Родбертуса, который во многихъ отношеніяхъ уступаетъ

Методъ (въ узкомъ смыслѣ этого слова) Маркса, какъ экономиста-теоретика, не смотря на все изобиліе въ его трудахъ дескриптивнаго и статистическаго матеріала, можетъ служить характернымъ образцомъ абстрактно-дедуктивнаго разсужденія. Описанія и статистика иллюстрируютъ у Маркса его положенія, но никогда ихъ не доказываютъ. Обиліе такихъ «индуктивныхъ» иллюстрацій не должно обманывать насъ насчетъ характернаго для Маркса метода доказательства. Отсюда явствуетъ, въ какой мѣрѣ важна критика не только или, вѣрнѣе, не столько конечныхъ выводовъ Маркса, сколько его основныхъ посылокъ, изъ которыхъ дедуцированы эти выводы. Критика должна, главнымъ образомъ, направиться на посылки, ясно формулированныя, но въ сущности самимъ Марксомъ никогда не проанализированныя и не обоснованныя. Въ новѣйшей экономической литературѣ въ качествѣ блестящаго индуктивнаго антипода дедуктивнаго «Капитала» Маркса можно указать «Industrial Democracy» супруговъ Веббъ [1]).

Въ основу настоящаго перевода положено 4-е нѣмецкое изданіе. Текстъ его дополненъ на основаніи редактированнаго самимъ Марксомъ французскаго перевода. Большинство дополненій изъ французскаго изданія введено въ текстъ; только два крупныхъ мѣста мы предпочли выдѣлить въ качествѣ приложеній. Класть въ основу нашего перевода французскій текстъ мы не считали возможнымъ, потому что, хотя онъ и представляетъ собой въ значительной мѣрѣ трудъ самого Маркса, но на французскомъ языкѣ авторъ «Капитала» намѣренно въ цѣляхъ популяризаціи, упрощалъ свое изложеніе.

Въ виду огромной историко-литературной цѣнности цитатъ Маркса, мы озаботились составленіемъ полнаго указателя цитатъ и литературныхъ именъ къ предлагаемому переводу. Эту работу исполнили П. Н. и Е. К. Леонтьевы. Мы надѣемся, что составленный ими указатель сослужитъ хорошую службу всѣмъ тѣмъ, кто интересуется литературой и исторіей политической экономіи и, въ частности, отношеніемъ Маркса къ другимъ экономистамъ, какъ предшественникамъ его, такъ и современникамъ. Такой указатель дастъ возможность читателю въ полной мѣрѣ воспользоваться тѣмъ непрерывнымъ историко-литературнымъ комментаріемъ текста, который, какъ справедливо указываетъ Энгельсъ, представляютъ цитаты Маркса. Вѣдь, и въ качествѣ знатока англійской экономической литературы, авторъ «Капитала», быть можетъ, до сихъ поръ не превзойденъ ни однимъ изъ экономистовъ.

Сентябрь, 1899 г.

Петръ Струве.

Марксу, но въ нѣкоторыхъ несомнѣнно превосходитъ его. Такъ же, какъ Марксъ, Родбертусъ—истинный продолжатель классической экономіи.

[1]) Первый томъ этого сочиненія недавно вышелъ въ русскомъ переводѣ Владиміра Ильина подъ заглавіемъ «Теорія и практика англійскаго тредъ юніонизма». Изданіе О. Н. Поповой).

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Товаръ и деньги.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Товаръ.

1) Два фактора товара: потребительная цѣнность и цѣнность въ тѣсномъ смыслѣ (субстанція цѣнности, величина цѣнности).

Богатство обществъ, въ которыхъ господствуетъ капиталистическій способъ производства, является «огромнымъ скопленіемъ товаровъ» [1]), а отдѣльный товаръ его элементарной формой. Наше изслѣдованіе, поэтому, начинается съ анализа товара.

Товаръ есть прежде всего внѣшній предметъ, вещь, которая своими свойствами удовлетворяетъ какую-либо человѣческую потребность. Характеръ этой потребности, возникаетъ ли она, напримѣръ, въ желудкѣ или въ фантазіи, нисколько не измѣняетъ дѣла [2]). Рѣчь не идетъ также и о томъ, какимъ образомъ вещь удовлетворяетъ человѣческой потребности: непосредственно, какъ предметъ потребленія, или косвенно, какъ средство производства.

Всякая полезная вещь, напр., желѣзо, бумага и т. д., можетъ быть разсматриваема съ двоякой точки зрѣнія—качественной и количественной. Каждая такая вещь обладаетъ многими качествами и можетъ, поэтому, быть полезной въ различныхъ отношеніяхъ. Раскрытіе этихъ различныхъ сторонъ и вытекающихъ изъ нихъ многообразныхъ назначеній вещей есть продуктъ историческаго развитія. Такой же историческій характеръ носитъ и нахожденіе общественныхъ мѣръ для количественной стороны полезныхъ вещей [3]). Различія товар-

[1]) Karl Marx: «Zur Kritik der Politischen Oekonomie». Berlin. 1859, стр. 4.

[2]) «Желаніе предполагаетъ потребность; это—аппетитъ духа, который столь же свойственъ ему, какъ голодъ тѣлу... большинство вещей имѣетъ цѣнность вслѣдствіе того, что онѣ удовлетворяютъ какимъ-либо потребностямъ духа». Nicolas Barbon: «A Discourse on coining the new money lighter, in answer to Mr. Locke's Considerations ect. London 1696», стр. 2, 3.

[3]) «Вещи имѣютъ внутреннее свойство (intrinsick vertue. Это у Барбона специфическое обозначеніе потребительной цѣнности), которое всюду имѣетъ одинако-

ныхъ мѣръ частью вытекаютъ изъ различія естественныхъ свойствъ измѣряемыхъ предметовъ, частью же имѣютъ условное происхожденіе, основываясь на согласіи.

Полезность какой либо вещи дѣлаетъ ее потребительной цѣнностью [4]). Но эта полезность не виситъ въ воздухѣ: обусловленная свойствами самого товарнаго тѣла, она помимо него не существуетъ. Само товарное тѣло, напр., желѣзо, пшеница, алмазъ, есть поэтому потребительная цѣнность или благо, и это свойство его не зависитъ отъ того, много или мало человѣческаго труда потребовалось для присвоенія данныхъ потребительныхъ свойствъ. Когда рѣчь идетъ о потребительной цѣнности, предполагается всегда опредѣленное количество ея, напр., дюжина часовъ, аршинъ холста, тонна желѣза и т. д. Потребительныя цѣнности товаровъ служатъ предметомъ особой отрасли знанія, товаровѣдѣнія [5]). Потребительныя цѣнности реализуются лишь въ пользованіи или потребленіи. Онѣ образуютъ матеріальное содержаніе богатства, какова бы ни была его общественная форма. При той общественной формѣ, которую намъ предстоитъ изслѣдовать, онѣ являются вмѣстѣ съ тѣмъ, и матеріальными носителями мѣновой цѣнности.

Мѣновая цѣнность представляется, прежде всего, въ видѣ количественнаго отношенія, пропорціи, въ которой потребительныя цѣнности одного рода обмѣниваются на потребительныя цѣнности другого рода [6]),—и это отношеніе постоянно мѣняется по мѣсту и времени. Мѣновая цѣнность кажется, поэтому чѣмъ-то случайнымъ и вполнѣ относительнымъ, а внутренняя, присущая самому товару мѣновая цѣнность (Valeur intrinsèque) какой-то contradictio in adjecto [7]). Разсмотримъ это дѣло поближе.

Какой-нибудь товаръ, положимъ квартеръ пшеницы, обмѣнивается на x сапожной ваксы или y шелка, z золота и т. д., словомъ, онъ обмѣнивается въ

вую силу, какъ свойство магнита притягивать желѣзо» (l. c., стр. 16). Свойство магнита притягивать желѣзо стало полезнымъ лишь тогда, когда чрезъ его посредство открыли магнитную полярность.

[4]) «Естественная цѣнность (Worth) какой-либо вещи состоитъ въ способности удовлетворять жизненнымъ потребностямъ или удобствамъ». (John Locke: «Some Considerations on the Consequences of the lowering of interest. 1691» въ «Works edit. Lond. 1777», т. II, стр. 28). Въ XVII стол. мы еще часто находимъ у англійскихъ писателей слово «Worth» для обозначенія потребительной цѣнности, а слово «Value» для мѣновой цѣнности,—совершенно въ духѣ языка, который любитъ конкретныя вещи обозначать германскими словами, а отвлеченныя—романскими.

[5]) Въ буржуазномъ обществѣ господствуетъ fictio juris, что каждый человѣкъ, какъ покупатель товаровъ, обладаетъ энциклопедическимъ знаніемъ товаровъ.

[6]) Цѣнность заключается въ мѣновомъ отношеніи, которое существуетъ между одной какой-либо вещью и другой, между извѣстнымъ количествомъ одного продукта и извѣстнымъ количествомъ какого-либо другого». (Le Trosne: «De l'intérêt Social». Physiocrates, ed. Daire. Paris. 1846, стр. 889).

[7]) «Ничто не можетъ имѣть внутренней цѣнности (intrinsick Value)» (N. Barbon, гл. I, стр. 16), или какъ говоритъ Бутлеръ:

«The Value of a thing
Is just as much, as it will bring».

(Цѣнность вещи есть именно столько, сколько за нее дадутъ).

разнообразнѣйшихъ отношеніяхъ къ другіе товары. Слѣдовательно, пшеница, вмѣсто одной, имѣетъ много мѣновыхъ цѣнностей. Но такъ какъ x сапожной ваксы, равно какъ y шелка, z золота и т. д. составляютъ каждое мѣновую цѣнность квартера пшеницы, то x сапожной ваксы, y шелка, z золота должны быть способны замѣщать другъ друга или должны представлять одинаковыя мѣновыя цѣнности. Изъ этого слѣдуетъ, во-первыхъ, что мѣновыя цѣнности, на которыя обмѣнивается одинъ и тотъ же товаръ, равны между собою, а во-вторыхъ, что мѣновая цѣнность можетъ вообще быть лишь способомъ выраженія, «формой проявленія» чего-то другого, отличнаго отъ нея по содержанію.

Возьмемъ еще другіе два товара, напр., пшеницу и желѣзо. Каково бы ни было ихъ мѣновое отношеніе, всегда можно составить уравненіе, въ которомъ данное количество пшеницы приравнивается къ какому-либо количеству желѣза, напр., одинъ квартеръ пшеницы$=a$ центнерамъ желѣза. Что же означаетъ это уравненіе? Что нѣчто общее одинаковой величины существуетъ въ двухъ различныхъ вещахъ, въ одномъ квартерѣ пшеницы и въ a центн. желѣза. Обѣ, слѣдовательно, равны порознь чему-то третьему, которое само по себѣ не есть ни то, ни другое. Каждая изъ этихъ двухъ вещей поэтому, поскольку она есть мѣновая цѣнность, можетъ быть приведена къ этому третьему.

Простой геометрическій примѣръ разъяснитъ намъ это. Чтобы измѣрять и сравнивать площади всѣхъ прямолинейныхъ фигуръ, ихъ разбиваютъ на треугольники. Самому треугольнику придаютъ выраженіе, совершенно отличное отъ его видимой фигуры—половина произведенія основанія на высоту. Точно такъ же и мѣновыя цѣнности должны быть выражены въ большихъ или меньшихъ величинахъ чего-то общаго всѣмъ товарамъ.

Этимъ общимъ не можетъ быть ни геометрическое, ни физическое, ни химическое, ни какое-либо иное естественное свойство товаровъ. Ихъ физическія свойства имѣютъ вообще значеніе лишь постольку, поскольку они дѣлаютъ ихъ полезными предметами, т.-е. потребительными цѣнностями. Но, съ другой стороны, очевидно, что характернымъ для мѣнового отношенія товаровъ является именно его независимость отъ потребительныхъ цѣнностей. Въ самомъ процессѣ обмѣна одна потребительная цѣнность стоитъ ровно столько же, сколько и всякая другая, разъ она имѣется въ надлежащей пропорціи. Или, какъ говоритъ старикъ Барбонъ: «одинъ родъ товара такъ же хорошъ, какъ и другой, если ихъ мѣновыя цѣнности одинаковы; между вещами одинаковой мѣновой цѣнности не существуетъ никакой разницы, никакого различія» [1]). Какъ потребительныя цѣнности, товары имѣютъ, прежде всего, различныя качества; какъ мѣновыя цѣнности они могутъ разниться лишь количествомъ и не заключаютъ въ себѣ, поэтому, ни одного атома потребительной цѣнности.

Если оставить въ сторонѣ потребительную цѣнность товаровъ, то у нихъ

[1]) «Одинъ родъ товаровъ такъ же хорошъ, какъ и другой, если мѣновыя цѣнности (value) ихъ равны. Между вещами равной мѣновой цѣнности нѣтъ никакой разницы или различія... Количество свинца или желѣза на сто ф. стерл. обладаетъ такой же мѣновой цѣнностью, какъ и количество золота или серебра на сто ф. ст.» (N. Barbon. l. c., p. 53 и 7).

остается только одно свойство, а именно то, что всѣ они—продукты труда. Но, разсматриваемый такъ, продуктъ труда является существенно инымъ, чѣмъ онъ представлялся намъ раньше. Разъ мы оставляемъ въ сторонѣ его потребительную цѣнность, мы, вмѣстѣ съ этимъ, отвлекаемся и отъ всѣхъ тѣхъ физическихъ элементовъ и формъ, которыя дѣлаютъ его потребительной цѣнностью. Это уже больше не столъ, домъ, пряжа или какая либо другая полезная вещь; всѣ его доступныя чувственному воспріятію свойства улетучились. Это также больше не продуктъ столярнаго, плотничьяго, прядильнаго или какого-либо другого опредѣленнаго производительнаго труда. Когда продукты труда перестаютъ быть полезностями, то вмѣстѣ съ тѣмъ воплощенный въ нихъ разнообразный трудъ утрачиваетъ свой полезный характеръ, и, стало быть, различіе конкретныхъ формъ этого труда исчезаетъ: онѣ уже больше не отличаются другъ отъ друга, а всѣ сводятся къ равному человѣческому труду, выражаютъ абстрактный человѣческій трудъ.

Разсмотримъ теперь то, что послѣ всѣхъ этихъ отвлеченій, осталось въ продуктахъ труда. Отъ нихъ осталась только одна, общая имъ всѣмъ и какъ бы призрачная, сущность, простой сгустокъ безразличнаго человѣческаго труда, т.-е. затрата человѣческой рабочей силы—безотносительно къ формѣ затраты. Всѣ эти вещи теперь выражаютъ собою лишь тотъ фактъ, что при ихъ производствѣ потрачена человѣческая рабочая сила, что въ нихъ накопленъ человѣческій трудъ. Въ качествѣ кристалловъ этой общей всѣмъ имъ общественной субстанціи онѣ являются цѣнностями—товарными цѣнностями.

Въ самомъ мѣновомъ отношеніи товаровъ ихъ мѣновая цѣнность являлась предъ нами, какъ нѣчто совершенно независимое отъ ихъ потребительной цѣнности. Если мы дѣйствительно совершенно отвлечемся отъ потребительной цѣнности продуктовъ труда, то мы получимъ ихъ цѣнность, въ томъ смыслѣ, въ которомъ мы только что опредѣлили ее. Слѣдовательно, то общее, что выражается въ мѣновомъ отношеніи или въ мѣновой цѣнности товаровъ, это—ихъ цѣнность. Дальнѣйшее наше изслѣдованіе приведетъ насъ опять къ мѣновой цѣнности, какъ къ необходимому способу выраженія или формѣ проявленія цѣнности, которую пока, однако, слѣдуетъ разсматривать независимо отъ этой формы.

Потребительная цѣнность или благо имѣетъ, поэтому, цѣнность лишь потому, что въ ней осуществленъ, матеріализованъ абстрактный человѣческій трудъ. Какъ же однако измѣрить величину этой цѣнности? Посредствомъ количества содержащейся въ ней «созидающей цѣнность субстанціи», т.-е. труда. Самое же количество труда измѣряется продолжительностью его, а для рабочаго времени, въ свою очередь, существуетъ извѣстный масштабъ—опредѣленныя единицы времени, какъ-то часы, дни и т. д.

Можетъ показаться, что, разъ цѣнность товара опредѣляется количествомъ потраченнаго на его производство труда, то чѣмъ лѣнивѣе или неискуснѣе человѣкъ, тѣмъ большую цѣнность имѣетъ его товаръ, такъ какъ тѣмъ больше времени ему требуется для его приготовленія. Однако трудъ, образующій субстанцію цѣнности, есть одинаковый человѣческій трудъ, затрата одинаковой человѣческой рабочей силы. Совокупная рабочая сила общества,

выражающаяся въ товарныхъ цѣнностяхъ, разсматривается здѣсь какъ одна и та же рабочая сила, хотя она состоитъ изъ безчисленнаго множества индивидуальныхъ рабочихъ силъ. Каждая изъ этихъ индивидуальныхъ рабочихъ силъ представляетъ собою такую же человѣческую силу, какъ и всѣ другія, поскольку она обладаетъ характеромъ средней общественной рабочей силы и какъ таковая дѣйствуетъ, т.-е. употребляетъ для производства какого-либо товара лишь средне-необходимое или общественно-необходимое рабочее время. Общественно же необходимымъ рабочимъ временемъ является то рабочее время, которое, при существующихъ нормальныхъ въ данномъ обществѣ, условіяхъ производства и средней степени умѣлости и напряженности труда, необходимо для изготовленія той или другой полезной вещи. Напр., послѣ введенія въ Англіи парового ткацкаго станка было достаточно, можетъ быть, лишь половины прежняго труда для превращенія извѣстнаго количества пряжи въ ткань. Англійскій ручной ткачъ на самомъ дѣлѣ и теперь еще употребляетъ для этого превращенія столько же рабочаго времени, какъ и прежде, но продуктъ его индивидуальнаго рабочаго часа представляетъ собою теперь лишь половину общественнаго рабочаго часа, а потому и цѣнность его понизилась на половину противъ прежней.

Поэтому величина цѣнности какой-либо полезной вещи опредѣляется только количествомъ общественно-необходимаго труда или общественно-необходимаго для ея производства рабочаго времени [9]). Каждый отдѣльный товаръ считается здѣсь вообще какъ средній экземпляръ даннаго рода товара [10]). Товары, въ которыхъ содержатся одинаковыя количества труда, или которые могутъ быть произведены въ одинаковые промежутки рабочаго времени, имѣютъ, поэтому, одинаковую цѣнность. Цѣнность одного товара относится къ цѣнности другого товара, какъ рабочее время, необходимое для производства одного, относится къ рабочему времени, необходимому для производства другого. «Какъ цѣнности, всѣ товары суть только опредѣленныя количества застывшаго рабочаго времени» [11]).

Величина цѣнности какого-либо товара была бы, поэтому, постоянной, если-бы необходимое для его производства рабочее время оставалось тоже постояннымъ. Это послѣднее, однако, мѣняется съ каждой перемѣной въ производительной силѣ труда. Производительная сила труда опредѣляется разнообразными условіями, между прочимъ, средней умѣлостью рабочихъ, степенью раз-

[9]) Прим. ко 2 пад. «Цѣнность ихъ (средствъ существованія), когда они обмѣниваются другъ на друга, регулируется количествомъ необходимаго и обычно употребляемаго для ихъ производства труда». («Some Thoughts on the Interest of Money in general, and particularly in the Public Funds etc». London, стр. 36). Годъ появленія этого замѣчательнаго сочиненія, относящагося къ прошлому столѣтію, не обозначенъ. Однако изъ содержанія его видно, что оно появилось при Георгѣ II, приблизительно въ 1739 или 1740 г.

[10]) «Всѣ продукты одного рода образуютъ въ сущности лишь одну массу, цѣна которой опредѣляется въ цѣломъ и безъ отношенія къ частнымъ обстоятельствамъ». (Le Trosne, l. c., p. 893).

[11]) K. Marx, l. c. p. 6.

витія науки и ея техническаго примѣненія, общественными условіями процесса производства, размѣромъ и ролью средствъ производства и, наконецъ, чисто естественными условіями. Одно и то же количество труда выражается, напр., въ восьми бушеляхъ пшеницы въ урожайный годъ и въ четырехъ—въ неурожайный; одно и то же количество труда доставляетъ большее количество металловъ въ богатыхъ рудникахъ, чѣмъ въ бѣдныхъ и т. д. Алмазы рѣдко находятся въ земной корѣ, и нахожденіе ихъ, поэтому, въ среднемъ стоитъ много труда. Слѣдовательно, они въ маломъ объемѣ воплощаютъ много труда. Якобъ (Jacob) сомнѣвается, чтобы золото когда-либо оплачивалось по своей полной цѣнности. Еще больше это относится къ алмазамъ. По Эшвеге (Eschwege) вся добыча бразильскихъ алмазныхъ копей за 80 лѣтъ въ 1823 г. еще не достигала цѣны средняго полуторагодоваго продукта бразильскихъ же сахарныхъ или кофейныхъ плантацій, хотя она заключала въ себѣ гораздо больше труда, а слѣдовательно—и больше цѣнности. При большемъ богатствѣ копей то же самое количество труда заключалось бы въ большемъ количествѣ алмазовъ, и цѣнность ихъ понизилась бы. Если бы удалось съ небольшимъ трудомъ превращать уголь въ алмазы, то цѣнность ихъ могла бы упасть ниже цѣнности кирпичей. Вообще: чѣмъ больше производительная сила труда, тѣмъ меньше рабочее время, нужное для производства какого-либо предмета, тѣмъ меньше кристаллизованная въ немъ масса труда, тѣмъ меньше его цѣнность. Наоборотъ, чѣмъ меньше производительная сила труда, тѣмъ больше рабочее время, нужное для производства какого-либо предмета, тѣмъ больше его цѣнность. Величина цѣнности какого-либо товара измѣняется, слѣдовательно, прямо пропорціонально количеству и обратно пропорціонально-производительной силѣ воплощающагося въ немъ труда.

Вещь можетъ быть потребительной цѣнностью, не будучи цѣнностью. Это имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда полезность ея для человѣка не обусловлена трудомъ. Таковы: воздухъ, дѣвственная почва, естественные луга, дикорастущій лѣсъ и т. п. Вещь можетъ быть полезной и быть продуктомъ человѣческаго труда, не будучи товаромъ. Кто своимъ продуктомъ удовлетворяетъ своей собственной потребности, тотъ, правда, создаетъ потребительную цѣнность, но не товаръ. Чтобы производить товары, онъ долженъ производить не только потребительныя цѣнности, но потребительныя цѣнности для другихъ, общественныя потребительныя цѣнности. [И не только для другихъ вообще. Средневѣковый крестьянинъ производилъ хлѣбъ, который онъ отдавалъ въ видѣ оброка феодальному сеньору, въ видѣ десятины—попамъ. Но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ хлѣбъ не становился товаромъ отъ того, что онъ производился для другихъ. Чтобы стать товаромъ, продуктъ долженъ быть путемъ обмѣна переданъ тому лицу, для котораго онъ является потребительной цѣнностью] [11а]). Наконецъ, никакая вещь не можетъ быть цѣнностью, не будучи предметомъ потребленія. Если она безполезна, то и содержащійся въ ней трудъ, безполезенъ, не считается за трудъ и потому не создаетъ никакой цѣнности.

[11а]) Прим. къ 4 изд. Слова, взятыя въ скобки, вставлены мною въ виду того, что часто возникало недоразумѣніе, будто Марксъ считаетъ товаромъ всякій продуктъ, если только его потребляетъ не самъ производитель, а кто-либо другой.—Ф. Э.

2) Двойственный характеръ воплощеннаго въ товарахъ труда.

Сначала товаръ являлся передъ нами, какъ нѣчто двойственное, цѣнность потребительная и цѣнность мѣновая. Потомъ мы видѣли, что и трудъ, разъ онъ выраженъ въ цѣнности, теряетъ всѣ тѣ характерныя черты, которыми онъ обладаетъ въ качествѣ производителя потребительныхъ цѣнностей. Я первый критически раскрылъ этотъ двойственный характеръ представленнаго въ товарѣ труда [12]). Такъ какъ этотъ пунктъ является рѣшающимъ и отъ него зависитъ все въ политической экономіи, то мы разсмотримъ его здѣсь болѣе подробно.

Возьмемъ два товара, положимъ одинъ сюртукъ и 10 аршинъ холста: предположимъ, что цѣнность сюртука вдвое больше цѣнности холста, такъ что если 10 арш. холста=W, то сюртукъ=2W.

Сюртукъ есть потребительная цѣнность, которая удовлетворяетъ особой потребности. Для его изготовленія требуется особый видъ производительной дѣятельности, которая опредѣляется цѣлью, способомъ дѣйствія, предметомъ, средствами и результатомъ. Трудъ, полезность котораго выражается въ потребительной цѣнности его продукта, т.-е. въ томъ, что продуктъ его есть потребительная цѣнность, мы называемъ просто полезнымъ трудомъ. Стало быть, при разсмотрѣніи труда съ этой точки зрѣнія всегда принимается во вниманіе его полезный эффектъ.

Какъ сюртукъ и холстъ представляютъ собою качественно различныя потребительныя цѣнности, такъ качественно различенъ и трудъ портного и ткача, производящій ихъ. Если бы эти предметы не представляли собою качественно различныхъ потребительныхъ цѣнностей, а потому—и продуктовъ качественно различныхъ полезныхъ видовъ труда, то они вообще не могли бы и выступать другъ противъ друга въ качествѣ товаровъ. Сюртукъ не обмѣнивается на сюртукъ, одна потребительная цѣнность—на другую, тождественную потребительную цѣнность.

Въ совокупности разнообразныхъ потребительныхъ цѣнностей или товарныхъ тѣлъ обнаруживается совокупность столь же разнообразныхъ видовъ полезнаго труда, различающихся между собою по роду, виду, семейству, подвиду, разновидности,—т.-е. проявляется общественное раздѣленіе труда. Безъ него не можетъ существовать товарное производство, хотя, наоборотъ, товарное производство не составляетъ необходимаго условія существованія общественнаго раздѣленія труда. Въ древнеиндійской общинѣ существуетъ общественное раздѣленіе труда, но продукты труда отъ этого не становятся товарами. Или возьмемъ болѣе близкій примѣръ: на всякой фабрикѣ существуетъ извѣстная система раздѣленія труда, но это раздѣленіе не обусловливается тѣмъ, что рабочіе взаимно обмѣниваются своими индивидуальными продуктами. Только продукты са-

[12]) L. c. p. 12, 13 и passim.

мостоятельныхъ и независимыхъ другъ отъ друга частныхъ работъ противостоятъ одинъ другому, какъ товары.

Ясно, слѣдовательно, что въ потребительной цѣнности каждаго товара содержится опредѣленная цѣлесообразная производительная дѣятельность или опредѣленный полезный трудъ. Потребительныя цѣнности не могутъ противостоять другъ другу какъ товары, если въ нихъ не заключается качественно различныхъ видовъ полезнаго труда. Въ обществѣ, продукты котораго по общему правилу принимаютъ форму товаровъ, т. е. въ обществѣ товаропроизводителей, это качественное различіе полезныхъ видовъ труда, выполняемыхъ независимо одинъ отъ другого за частный счетъ самостоятельныхъ произ. водителей, развивается въ цѣлую развѣтвленную систему общественнаго раздѣленія труда.

Сюртуку, впрочемъ, рѣшительно все равно, будетъ ли его носить самъ портной или его заказчикъ. Въ обоихъ случаяхъ онъ служитъ какъ потребительная цѣнность. Также мало измѣняется само по себѣ отношеніе между сюртукомъ и произведшимъ его трудомъ отъ того, что портняжное искусство дѣлается особой профессіей, самостоятельнымъ звеномъ въ общественномъ раздѣленіи труда. Тамъ, гдѣ люди были вынуждены одѣваться, они цѣлыя тысячелѣтія занимались портняжнымъ искусствомъ, прежде чѣмъ человѣкъ превратился въ портного. Но сюртукъ, холстъ или какой-либо другой предметъ матеріальнаго богатства, прямо не доставляемый природой, всегда были обязаны своимъ существованіемъ какой либо спеціальной, цѣлесообразной производительной дѣятельности, которая приспособляла особые естественные матеріалы къ особымъ человѣческимъ потребностямъ. Поэтому человѣческій трудъ, въ качествѣ создателя потребительныхъ цѣнностей, т.-е. въ качествѣ полезной работы, является условіемъ существованія людей, независимымъ отъ какихъ бы то ни было общественныхъ формъ, вѣчной естественной необходимостью, неизбѣжнымъ посредникомъ въ томъ обмѣнѣ веществъ между человѣкомъ и природой, который представляетъ собой человѣческая жизнь.

Потребительныя цѣнности, сюртукъ, холстъ и т. д., словомъ, всякія товарныя тѣла составляютъ соединеніе двухъ элементовъ: матеріи и труда. Если вычесть общую сумму всѣхъ различныхъ полезныхъ работъ, заключающихся въ сюртукѣ, холстѣ и т. п., то всегда останется какой-то матеріальный субстратъ, нѣчто, доставляемое природой безъ содѣйствія человѣка. Человѣкъ, въ своей производительной дѣятельности, можетъ поступать лишь такъ, какъ поступаетъ сама природа, т.-е. лишь измѣнять формы матеріи [13]). Даже больше. Въ этой са-

[13]) «Всѣ явленія природы, происходятъ ли они отъ руки человѣка, или отъ всеобщихъ физическихъ законовъ, не даютъ намъ даже и представленія о дѣйствительномъ созданіи матеріи, а являются лишь преобразованіемъ ея. Соединеніе и раздѣленіе суть единственные элементы, которые человѣческій умъ находитъ при анализѣ идеи производства. Такъ при производствѣ цѣнностей (потребительныхъ цѣнностей, хотя самъ Verri хорошенько не знаетъ здѣсь, въ своей полемикѣ съ физіократами, о какого рода цѣнности онъ говоритъ) и богатствъ, земля, воздухъ и вода превращаются на поляхъ въ зерна; выдѣленія насѣкомаго, обработанныя человѣ-

мой преобразовательной дѣятельности ему постоянно помогаютъ силы природы. Трудъ, поэтому, не есть единственный источникъ производимыхъ имъ потребительныхъ цѣнностей, матеріальнаго богатства. Какъ говоритъ Петти (William Petty), трудъ отецъ, а земля—мать богатства.

Оставимъ теперь товаръ, какъ предметъ потребленія, и перейдемъ къ товарной цѣнности.

По нашему предположенію сюртукъ имѣетъ двойную цѣнность сравнительно съ холстомъ. Это, однако, только количественная разница, которая пока еще насъ не интересуетъ. Напомнимъ поэтому, что если цѣнность сюртука вдвое больше цѣнности 10 арш. холста, то 20 арш. холста имѣютъ ту же цѣнность, что и сюртукъ. Какъ цѣнности, сюртукъ и холстъ суть вещи одинаковой субстанціи, объективныя выраженія однороднаго труда. Но трудъ портного и трудъ ткача суть качественно различные виды труда. Существуютъ, однако, такія общественныя условія, когда одинъ и тотъ же человѣкъ попеременно ткетъ и шьетъ, такъ что эти два различныхъ вида труда суть лишь видоизмѣненія труда одного и того же индивидуума и не представляютъ еще прочно обособившихся функцій разныхъ лицъ, все равно какъ сюртукъ, который нашъ портной шьетъ сегодня, и панталоны, которыя онъ будетъ шить завтра, составляютъ лишь варіація одного и того же индивидуальнаго труда. Кромѣ того, при первомъ же взглядѣ видно, что въ нашемъ капиталистическомъ обществѣ, сообразно съ измѣняющимся направленіемъ спроса на трудъ, извѣстная часть человѣческаго труда должна выступать попеременно то въ формѣ портняжнаго труда, то въ формѣ ткацкаго. Эта перемѣна формы труда не обходится, конечно, безъ извѣстнаго тренія, но она не можетъ не происходить. Если отвлечься отъ опредѣленныхъ формъ производительной дѣятельности, а, слѣдовательно, и отъ полезнаго характера труда, то отъ него останется лишь то, что онъ представляетъ затрату человѣческой рабочей силы. Трудъ ткача и трудъ портного, хотя качественно они—различныя производительныя дѣятельности, оба представляютъ производительную трату человѣческаго мозга, мускуловъ, нервовъ, рукъ и т. д., и въ этомъ смыслѣ оба они только человѣческій трудъ. Это только два различные способа—затрачивать человѣческую рабочую силу. Разумѣется, сама человѣческая рабочая сила должна быть болѣе или менѣе развита для того, чтобы она могла быть, въ той или другой формѣ, затрачена. Но цѣнность товара представляетъ собою просто человѣческій трудъ, трату человѣческаго труда вообще. Какъ въ буржуазномъ обществѣ генералъ или банкиръ играютъ важную роль, человѣкъ же вообще—весьма жалкую [14]), такъ-же обстоитъ дѣло и относительно человѣческаго труда. Онъ представляетъ собою трату простой средней рабочей силы, которой безъ особеннаго развитія располагаетъ организмъ каждаго обыкновеннаго человѣка. Простой средній трудъ, правда, тоже мѣняетъ свой

комъ, превращаются въ бархатъ; куски металла формируются въ какой-нибудь механизмъ». [Pietro Verri: «Meditazioni sulla Economia Politica» (впервые напечатано въ 1773 г.) въ изданіи итальянскихъ экономистовъ Custodi, Parte Moderna, t. XV p. 22].

[14]) Ср. «Hegel, Philosophie des Rechts». Berlin 1840, стр. 250, § 190.

характеръ въ различныхъ странахъ и въ различныя культурныя эпохи, но въ каждомъ данномъ обществѣ онъ представляетъ нѣчто опредѣленное. Сложный трудъ есть только потенцированный (возведенный въ степень) или, вѣрнѣе, помноженный простой трудъ, такъ что меньшее количество сложнаго труда равняется большему количеству простого труда. Опытъ показываетъ, что такое приведеніе постоянно происходитъ. Какой-нибудь товаръ можетъ быть произведеніемъ самаго сложнаго труда, но цѣнность его дѣлаетъ его равнымъ продукту простого труда, а потому и сама представляетъ лишь извѣстное количество простого труда [13]). Различныя отношенія, въ которыхъ различные виды труда приводятся къ простому труду, какъ къ общей единицѣ измѣренія, устанавливаются посредствомъ общественнаго процесса, за спиной производителей, а потому кажутся имъ установленными обычаемъ. Поэтому въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи мы, ради простоты, всякаго рода рабочую силу будемъ разсматривать прямо, какъ простую рабочую силу, благодаря чему намъ уже не нужно будетъ заботиться о приведеніи одного вида труда къ другому.

Какъ въ цѣнностяхъ «сюртукъ» и «холстъ» не принимается во вниманіе различіе ихъ въ качествѣ потребительныхъ цѣнностей, такъ и въ трудѣ, который заключается въ этихъ цѣнностяхъ, исчезаетъ различіе между его полезными формами, т.-е. между портняжнымъ искусствомъ и ткачествомъ. Подобно тому какъ потребительныя цѣнности «сюртукъ» и «холстъ» представляютъ собою соединеніе различныхъ видовъ цѣлесообразной производительной дѣятельности съ сукномъ и пряжей, а соотвѣтственныя мѣновыя цѣнности, наоборотъ, лишь кристаллы однороднаго труда, такъ-же точно и воплощенныя въ этихъ цѣнностяхъ виды труда имѣютъ значеніе не въ силу своего производительнаго отношенія къ сукну и пряжѣ, но лишь въ качествѣ тратъ человѣческой рабочей силы. Портняжное искусство и ткачество являются образовательными элементами потребительныхъ цѣнностей «сюртукъ» и «холстъ» именно благодаря своимъ качественнымъ особенностямъ; субстанцію же цѣнности сюртука или холста они представляютъ лишь постольку, поскольку совершенно оставляются въ сторонѣ эти ихъ качественныя особенности и принимается во вниманіе лишь одно, присущее имъ обоимъ качество—качество человѣческаго труда.

Сюртукъ и холстъ представляютъ собою, однако, не только цѣнности вообще, но цѣнности извѣстной величины и, по нашему предположенію, сюртукъ цѣнится вдвое выше, чѣмъ 10 арш. холста. Откуда происходитъ это различіе въ величинѣ цѣнностей? Отъ того, что холстъ содержитъ въ себѣ лишь половину труда, содержащагося въ сюртукѣ, т.-е. для производства послѣдняго требуется вдвое больше времени, чѣмъ для производства перваго.

Поэтому, если по отношенію къ потребительной цѣнности принимается въ

[13]) Читатель долженъ замѣтить себѣ, что здѣсь рѣчь идетъ не о заработной платѣ или цѣнности, которую рабочій получаетъ за рабочій день, но о товарной цѣнности, въ которой воплощается его рабочій день. Вообще категорія заработной платы еще вовсе не существуетъ для настоящей стадіи нашего изложенія.

расчетъ лишь качественная сторона труда, то по отношенію къ величинѣ цѣнности, разъ уже произведено сведеніе опредѣленныхъ формъ труда къ человѣческому труду вообще безъ различія качествъ, въ счетъ идетъ лишь количественная сторона труда. Тамъ рѣчь идетъ о томъ, какъ и что трудъ производитъ, здѣсь—лишь о томъ, сколько времени онъ продолжается. Такъ какъ величина цѣнности всякаго товара представляетъ собою лишь количество содержащагося въ немъ труда, то разные товары въ извѣстныхъ пропорціяхъ должны представлять всегда одинаковую цѣнность.

Если производительная сила, положимъ, всѣхъ видовъ полезнаго труда, необходимаго для производства одного сюртука, остается безъ перемѣны, то величина цѣнности сюртуковъ возрастаетъ лишь съ возрастаніемъ ихъ числа. Если одинъ сюртукъ представляетъ x рабочихъ дней, то два сюртука представляютъ $2x$ и т. д. Но предположимъ, что трудъ, необходимый для производства сюртука, увеличивается вдвое или уменьшается на половину. Въ первомъ случаѣ одинъ сюртукъ представляетъ теперь столько цѣнности, сколько раньше представляли два; въ послѣднемъ случаѣ—два имѣютъ столько цѣнности, сколько прежде одинъ, хотя одинъ сюртукъ оказываетъ ту же услугу, что и раньше, и содержащійся въ немъ трудъ—одинаковаго качества съ прежнимъ. Все дѣло въ томъ, что количество труда, потраченнаго на его производство, измѣнилось.

Большее количество потребительныхъ цѣнностей составляетъ само по себѣ большее матеріальное богатство: два сюртука больше одного; въ два сюртука можно одѣть двухъ человѣкъ, въ одинъ—только одного и т. д. Тѣмъ не менѣе возрастанію массы матеріальнаго богатства можетъ соотвѣтствовать одновременное пониженіе величины его цѣнности. Это противоположное движеніе вытекаетъ изъ двойственнаго характера труда. Производительная сила, разумѣется, всегда есть производительная сила полезнаго, конкретнаго труда, и въ дѣйствительности ею опредѣляется лишь степень успѣшности цѣлесообразной производительной дѣятельности въ данный періодъ времени. Полезный трудъ, становится, поэтому, болѣе или менѣе обильнымъ источникомъ продуктовъ прямо пропорціонально возрастанію или пониженію его производительной силы. Наоборотъ, перемѣны въ производительной силѣ сами по себѣ нисколько не касаются труда, воплощеннаго въ цѣнности. Такъ какъ производительная сила принадлежитъ конкретной формѣ полезнаго труда, то она естественно, разъ мы отвлекаемся отъ всякой конкретной формы труда, не можетъ уже имѣть къ послѣднему никакого отношенія. Поэтому, одинъ и тотъ же трудъ, въ одинаковый промежутокъ времени всегда создастъ одинаковую величину цѣнности, какъ бы ни измѣнялась производительная сила. Но въ тотъ же промежутокъ времени онъ доставляетъ различныя количества потребительныхъ цѣнностей: больше, когда производительная сила возрастаетъ, меньше—когда она падаетъ. Та самая перемѣна въ производительной силѣ, которая увеличиваетъ производительность труда и, стало быть, массу производимыхъ имъ потребительныхъ цѣнностей, уменьшаетъ величину ихъ цѣнности, если она приводитъ къ сокращенію рабочаго времени, затрачиваемаго на про-

изводство общей массы продукта. При обратномъ предположеніи происходитъ обратное.

Всякій трудъ, есть, съ одной стороны, трата человѣческой рабочей силы въ физіологическомъ смыслѣ, и въ этомъ своемъ качествѣ одинаковаго человѣческаго или абстрактнаго человѣческаго труда онъ создаетъ товарную цѣнность. Но всякій трудъ, съ другой стороны, есть трата человѣческой силы въ особой цѣлесообразной формѣ, и въ этомъ своемъ качествѣ конкретнаго полезнаго труда онъ производитъ потребительныя цѣнности [15]).

3) Форма цѣнности или мѣновая цѣнность.

Товары являются на свѣтъ въ формѣ потребительныхъ цѣнностей или товарныхъ тѣлъ, каковы—желѣзо, холстъ, пшеница и т. д. Это ихъ доморощенная натуральная форма. Но товарами они являются только потому, что они представляютъ нѣчто двойственное, предметы потребленія и въ то же время носителей цѣнности. Они, поэтому, являются въ качествѣ товаровъ или обладаютъ формой товаровъ лишь постольку, поскольку они обладаютъ этой двойственной формой,—формой натуральной и формой цѣнности.

[15]) Прим. ко 2 изд. Чтобы доказать, «что только трудъ есть единственное конечное и реальное мѣрило, которымъ во всѣ времена можетъ измѣряться и сравниваться цѣнность всѣхъ товаровъ», А. Смитъ говоритъ: «Одинаковыя количества труда должны для самого рабочаго имѣть во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ одинаковую цѣнность. При нормальномъ состояніи своего здоровья, силы и дѣятельности и при средней степени умѣлости, которой онъ обладаетъ, онъ всегда долженъ отдавать одинаковую долю своего спокойствія, своей свободы и своего счастія» (Wealth of Nations, b. I. ch. V). Съ одной стороны, А. Смитъ смѣшиваетъ здѣсь (но не повсюду) опредѣленіе умѣлости количествомъ труда, потраченнаго на производство товара, съ опредѣленіемъ цѣнности товара цѣнностью труда, и по этому старается доказать, что одинаковыя количества труда имѣютъ постоянно одинаковую цѣнность. Съ другой стороны, онъ догадывается, что трудъ, поскольку онъ воплощается въ цѣнности товаровъ, есть лишь трата рабочей силы; но опять таки эту трату онъ разсматриваетъ лишь, какъ пожертвованіе свободой, спокойствіемъ и счастьемъ, а не видитъ въ ней также и нормальную непремѣнную функцію. Онъ, впрочемъ, имѣетъ въ виду современнаго наемнаго рабочаго. Гораздо мѣтче судитъ цитированный уже нами въ примѣч. 9 анонимный предшественникъ Смита: «Человѣкъ въ теченіе недѣли трудился для производства какой-либо необходимой для жизни вещи... и тотъ, который даетъ ему въ обмѣнъ за нее другую вещь, лучше всего можетъ узнать ея настоящій эквивалентъ, высчитавъ точно, что именно стоитъ ему столько же времени и труда: ибо въ сущности обмѣнъ вещей представляетъ лишь обмѣнъ труда одного человѣка, потраченнаго на данную вещь въ теченіе извѣстнаго времени на трудъ другого человѣка, употребленный на другую вещь въ теченіе такого же промежутка времени» (l. c. p. 39).—[Прим. къ 4 изд. Англійскій языкъ имѣетъ то преимущество, что обладаетъ двумя различными словами для этихъ двухъ различныхъ видовъ труда. Трудъ, который создаетъ потребительную цѣнность и опредѣляется качественно, называется Work въ противоположность къ Labour; трудъ же, который создаетъ цѣнность и опредѣляется лишь количественно, называется Labour, въ противоположность къ Work. См. прим. къ англійскому переводу стр. 14.—Ф. Э.].

Сущность цѣнности товаровъ тѣмъ отличается отъ подруги Фальстафа—вдовушки Квикли, что неизвѣстно, гдѣ ее можно найти. Въ противоположность чувственно грубому бытію товарныхъ тѣлъ, бытіе цѣнностей не заключаетъ въ себѣ ни одного атома матеріи. Можно, поэтому, съ отдѣльнымъ товаромъ, какъ физическимъ тѣломъ, дѣлать, что угодно—какъ воплощеніе цѣнности, онъ всегда останется неуловимымъ. Но вспомнимъ, что товары обладаютъ цѣнностью лишь постольку, поскольку они являются выраженіемъ одной и той же общественной субстанціи человѣческаго труда, что, стало быть, ихъ бытіе въ качествѣ цѣнностей носитъ чисто общественный характеръ,—изъ этого само собой уже явствуетъ то, что цѣнность можетъ проявляться лишь въ общественномъ отношеніи одного товара къ другому. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы напасть на слѣдъ скрытой въ товарахъ цѣнности, мы исходили изъ ихъ мѣновой цѣнности или изъ ихъ мѣнового отношенія; теперь мы должны снова вернуться къ этой формѣ проявленія цѣнности.

Всякій знаетъ, если онъ даже ничего другого не знаетъ, что товары обладаютъ общей формой цѣнности, представляющей рѣзкій контрастъ съ пестрымъ разнообразіемъ естественныхъ формъ потребительныхъ цѣнностей, а именно—денежной формой. Намъ, однако, предстоитъ исполнить задачу, къ которой буржуазная политическая экономія никогда даже не приступала, а именно—представить генезисъ этой денежной формы, т.-е. прослѣдить развитіе цѣнности, какъ выраженія мѣнового отношенія товаровъ, начиная съ простѣйшей и наименѣе видной и кончая ослѣпительной денежной формой. Вмѣстѣ съ этимъ разъяснится и та загадка, которую представляютъ собой деньги.

Простѣйшее отношеніе цѣнностей есть, очевидно, отношеніе цѣнности одного товара къ какому-нибудь одному неоднородному съ нимъ товару, безразлично какому. Отношеніе цѣнностей двухъ товаровъ представляетъ, поэтому, простѣйшее выраженіе цѣнности одного товара.

А) Простая, единичная или случайная форма цѣнности.

x товара А=*y* товара В или *x* товара А равноцѣнно *y* товара В.

20 аршинъ холста=1 сюртуку, или 20 арш. холста равноцѣнны одному сюртуку.

1) Оба полюса выраженія цѣнности: относительная и эквивалентная форма цѣнности.

Тайна всякой формы цѣнности скрывается въ этой простой формѣ. Поэтому и трудность задачи заключается въ анализѣ именно этой формы.

Два разнородныхъ товара А и В, въ нашемъ примѣрѣ—холстъ и сюртукъ, явно играютъ здѣсь различныя роли. Холстъ выражаетъ свою цѣнность въ сюртукѣ, а сюртукъ служитъ матеріаломъ для этого выраженія цѣнности. Первый товаръ играетъ активную роль, второй—пассивную. Цѣнность перваго товара представляется въ видѣ относительной цѣнности или онъ находится въ

относительной формѣ цѣнности. Второй товаръ функціонируетъ, какъ эквивалентъ, или находится въ эквивалентной формѣ.

Относительная форма и эквивалентная форма цѣнности представляютъ собою соотносительные, взаимно другъ друга обусловливающіе, нераздѣльные моменты, но вмѣстѣ съ тѣмъ и взаимно другъ друга исключающія или противоположныя крайности, т.-е. полюсы одного и того же выраженія цѣнности. Онѣ всегда распредѣляются между различными товарами, которые выраженіемъ цѣнности ставятся во взаимную связь. Я не могу, напр., выразить цѣнность холста въ холстѣ же: 20 арш. холста=20 арш. холста не представляетъ собою никакого выраженія цѣнности. Это уравненіе говоритъ только, что 20 арш. холста есть лишь 20 арш. холста, т.-е. лишь извѣстное количество предмета потребленія—холста. Цѣнность холста, слѣдовательно, можетъ быть выражена только относительно, т.-е. въ другомъ товарѣ. Относительная форма цѣнности холста предполагаетъ, поэтому, существованіе какого-либо другого товара, который находится относительно него въ эквивалентной формѣ. Съ другой стороны, этотъ другой товаръ, который фигурируетъ какъ эквивалентъ, не можетъ одновременно находиться и въ относительной формѣ цѣнности. Не онъ выражаетъ свою собственную цѣнность, онъ лишь доставляетъ матеріалъ для выраженія цѣнности другого товара.

Конечно, выраженіе: 20 арш. холста=1 сюртуку или 20 арш. холста равноцѣнно одному сюртуку содержитъ въ себѣ и обратное отношеніе: 1 сюртукъ=20 арш. холста или 1 сюртукъ равноцѣненъ 20 арш. холста. Но тогда мнѣ приходится перевернуть уравненіе, чтобы выразить относительно цѣнность сюртука, и какъ только я это сдѣлалъ—холстъ становится эквивалентомъ вмѣсто сюртука. Одинъ и тотъ же товаръ, слѣдовательно, не можетъ въ одномъ выраженіи цѣнности выступать одновременно подъ обѣими формами. Обѣ эти формы, наоборотъ, полярно исключаютъ одна другую.

Находится ли какой либо товаръ въ относительной формѣ цѣнности или въ противоположной ей эквивалентной формѣ это зависитъ исключительно отъ занимаемаго имъ каждый разъ мѣста въ выраженіи цѣнности, т.-е. отъ того, представляетъ ли онъ товаръ, цѣнность котораго выражается, или товаръ, въ которомъ цѣнность выражается.

2) Относительная форма цѣнности.

а) Содержаніе относительной формы цѣнности.

Чтобы найти, какимъ образомъ простое выраженіе цѣнности одного товара заключается въ отношеніи цѣнности двухъ товаровъ, нужно прежде всего разсмотрѣть это отношеніе, независимо отъ его количественной стороны. Большей частью поступаютъ какъ разъ обратно и въ отношеніи цѣнности видятъ лишь пропорцію, въ которой опредѣленныя количества двухъ различнаго рода товаровъ представлены равными между собой. Забываютъ, что различныя вещи могутъ быть сравниваемы лишь тогда, когда онѣ приведены къ одной общей

единицъ. Только какъ выраженія одной и той же единицы онѣ однименныя, а потому и совзмѣримыя величины [17]).

Равняется ли 20 арш. холста 1 сюртуку или 20 или x сюртукамъ, т.-е. равноцѣнно ли данное количество холста большему или меньшему количеству сюртуковъ, такая пропорція всегда указываетъ, что холстъ и сюртукъ, какъ величины цѣнности, суть выраженіе одной и той же единицы, вещи одной и той же природы. Холстъ=сюртукъ—вотъ основаніе этого уравненія.

Но эти два качественно уравненные товара не играютъ одной и той же роли. Въ нашемъ уравненіи выражена цѣнность лишь холста. И какъ? Чрезъ его отношеніе къ сюртуку, какъ къ его «эквиваленту», какъ къ чему-то, на что холстъ «можетъ быть вымѣненъ». Въ этомъ отношеніи сюртукъ фигурируетъ только какъ форма существованія (Existenzform) цѣнности, какъ воплощеніе цѣнности (Wertding), ибо только какъ таковое онъ представляетъ собою то же самое, что и холстъ. Съ другой стороны, здѣсь проявляется или получаетъ самостоятельное выраженіе собственное бытіе холста въ качествѣ цѣнности, ибо только какъ цѣнность онъ имѣетъ отношеніе къ сюртуку, какъ къ чему-то равноцѣнному, какъ къ предмету, на который онъ можетъ быть вымѣненъ. Такъ, напр., масляная кислота и муравейно-кислая соль—по виду совершенно различныя тѣла; обѣ однако состоятъ изъ однихъ и тѣхъ-же химическихъ веществъ—углерода (C), водорода (H) и кислорода (O) и даже въ одинаковомъ процентномъ отношеніи, а именно $C_4H_8O_2$. Если же мы муравейно-кислую соль приравняемъ масляной кислотѣ, то тогда въ этомъ уравненіи, во-первыхъ, муравейно-кислую соль мы примемъ только, какъ форму существованія (Existenzform) $C_4H_8O_2$ а во вторыхъ—этимъ мы скажемъ, что и масляная кислота состоитъ изъ $C_4H_8O_2$. Приравненіемъ муравейно-кислой соли къ масляной кислотѣ будетъ, слѣдовательно, выражена ихъ химическая сущность въ отличіе отъ ихъ физической формы.

Когда мы говоримъ: какъ цѣнности, товары суть только кристализованный человѣческій трудъ, то мы своимъ анализомъ сводимъ ихъ къ абстрактному понятію цѣнности (Wertabstraction), но не придаемъ имъ никакой другой формы цѣнности, отличной отъ ихъ естественной формы полезныхъ предметовъ. Но совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло, когда рѣчь идетъ объ отношеніи цѣнности одного товара къ цѣнности другого. Свойство товара быть цѣнностью выступаетъ тутъ чрезъ посредство его собственнаго отношенія къ другому товару.

Тѣмъ, напр., что сюртукъ, какъ воплощеніе цѣнности, приравнивается къ холсту, и заключенный въ сюртукѣ трудъ также приравнивается къ труду, содержащемуся въ холстѣ. Правда, трудъ портного, производящій сюртукъ, конкретно отличается отъ труда ткача, производящаго холстъ: но приравненіе къ

---

[17]) Тѣ немногіе экономисты, которые, какъ S. Bailey, занимались анализомъ формы цѣнности, не могли придти ни къ какому результату, во-первыхъ потому, что они смѣшивали форму цѣнности съ самой цѣнностью, во-вторыхъ — потому, что подъ грубымъ вліяніемъ узко-практическаго духа буржуазіи, они съ самаго начала имѣли въ виду исключительно лишь количественное опредѣленіе. «Опредѣленіе количества составляетъ цѣнность.» «The command of quantity... constitutes value». («Money and its Vicissitudes». Lond. 1837, p. 11). Авторъ: S. Bailey.

труду ткача сводитъ фактически трудъ портного къ общему и равному для обоихъ этихъ родовъ труда содержанію, а именно къ человѣческому труду вообще. Этимъ окольнымъ путемъ выражаютъ, что и трудъ ткача, поскольку онъ ткетъ цѣнность, ничѣмъ не отличается отъ труда портного, т.-е. представляетъ только абстрактный человѣческій трудъ. Только выраженіе эквивалентности разнородныхъ товаровъ, сводя фактически различные виды труда, заключающагося въ разнородныхъ товарахъ, къ ихъ общему содержанію — къ человѣческому труду вообще, обнаруживаетъ специфическій характеръ труда, какъ созидателя цѣнности [17a]).

Однако, не достаточно обозначить только специфическій характеръ того труда, который образуетъ цѣнность холста. Человѣческая рабочая сила въ текучемъ состояніи или человѣческій трудъ, правда, образуетъ цѣнность, но не является самъ цѣнностью. Онъ становится цѣнностью лишь въ застывшемъ состояніи, въ вещной формѣ. Чтобы выразить цѣнность холста, какъ застывшій человѣческій трудъ, надо придать ей «предметное» выраженіе, которое вещественно отличалось бы отъ самого холста и было бы обще ему съ другими товарами. Эта задача уже рѣшена выше.

Въ отношеніи цѣнности холста сюртукъ считается качественно равнымъ ему, вещью одинаковой природы, такъ какъ онъ тоже есть цѣнность. Онъ здѣсь фигурируетъ, значитъ, какъ вещь, въ которой проявляется цѣнность, или которая въ своей осязательной естественной формѣ представляетъ цѣнность. Правда, сюртукъ, т.-е. тѣлесная форма сюртука, представляетъ только потребительную цѣнность. Сюртукъ такъ же мало выражаетъ цѣнность, какъ и любой кусокъ холста. Но это только доказываетъ, что внутри отношенія цѣнности къ холсту сюртукъ значитъ больше, чѣмъ внѣ его—подобно тому какъ нѣкоторые люди въ вышитыхъ золотомъ мундирахъ значатъ больше, чѣмъ внѣ ихъ.

Въ производствѣ сюртука фактически затрачена, въ формѣ портняжнаго труда, человѣческая рабочая сила. Слѣдовательно въ немъ накопленъ человѣческій трудъ. Съ этой стороны сюртукъ есть «носитель цѣнности», хотя этого его свойства нельзя разсмотрѣть сквозь его ткань, какъ бы прозрачна она ни была. И въ данномъ отношеніи цѣнности онъ фигурируетъ лишь съ этой стороны, т.-е. какъ воплощенная цѣнность, какъ тѣло цѣнности. Несмотря на то, что онъ выступаетъ застегнутымъ на всѣ пуговицы, холстъ узналъ въ немъ родственную себѣ «прекрасную душу»— цѣнность (schöne Wertseele). Однако, сюртукъ не можетъ, въ своихъ отноше-

---

[17a]) Прим. ко 2 изд. Одинъ изъ первыхъ экономистовъ, который, послѣ William'a Petty, постигъ природу цѣнности, знаменитый Франклинъ, говоритъ: «такъ какъ торговля есть вообще лишь обмѣнъ одного труда на другой, то цѣнность всѣхъ вещей можетъ быть вѣрнѣе всего оцѣнена трудомъ». («The Works of B. Franklin etc., edited by Sparks», Boston 1836, v. II. p. 267). Франклинъ не сознаетъ, что, оцѣнивая цѣнность всѣхъ вещей «трудомъ», онъ отвлекается отъ различія обмѣниваемыхъ работъ и сводитъ ихъ къ одинаковому человѣческому труду. Но самъ того не сознавая, онъ, тѣмъ не менѣе, это высказываетъ. Онъ говоритъ сперва объ «одномъ трудѣ», потомъ «о другомъ трудѣ», наконецъ, о «трудѣ» безъ дальнѣйшаго опредѣленія, какъ о субстанціи цѣнности всѣхъ вещей.

ніяхъ къ холсту, представлять цѣнность, безъ того, чтобы и эта послѣдняя, въ свою очередь, для холста не приняла формы сюртука. Такъ индивидуумъ А можетъ разсматривать индивидуумъ В, какъ величество, лишь въ томъ случаѣ, если для А это величество принимаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣлесный видъ В, а потому—черты лица, волосы и многое другое мѣняются, когда одинъ повелитель смѣняетъ другого.

Въ отношеніи цѣнности, въ которомъ сюртукъ образуетъ эквивалентъ холста, форма сюртука функціонируетъ, слѣдовательно, какъ форма цѣнности. Цѣнность товара «холстъ» выражается такимъ образомъ въ тѣлѣ товара «сюртукъ», цѣнность одного товара—въ потребительной цѣнности другого. Какъ потребительная цѣнность, холстъ есть вещь, тѣлесно отличная отъ сюртука; какъ цѣнность онъ представляетъ нѣчто «равное сюртуку» и имѣетъ, поэтому, тотъ же видъ, что сюртукъ. Такимъ образомъ, онъ получаетъ форму, отличную отъ его естественной формы. Бытіе его въ качествѣ цѣнности (Werthsein) проявляется въ его равенствѣ съ сюртукомъ, какъ натура христіанина—въ его подобіи агнцу Божію.

Итакъ, мы видимъ: все, что раньше открылъ нашъ анализъ товарной цѣнности, говоритъ самъ холстъ, какъ только онъ вступаетъ въ сношеніе съ другимъ товаромъ, сюртукомъ. Только онъ раскрываетъ свои мысли на единственномъ доступномъ ему языкѣ, товарномъ. Холстъ, вмѣсто того, чтобы сказать, что трудъ въ своемъ абстрактномъ качествѣ человѣческаго труда создаетъ его (холста) собственную цѣнность, говоритъ, что сюртукъ, поскольку онъ равенъ ему, т.-е. есть тоже цѣнность, состоитъ изъ того же труда, что и онъ, холстъ. Вмѣсто того, чтобы сказать, что выспренная, духовная сущность его, какъ цѣнности, отлична отъ его жесткаго полотнянаго тѣла, онъ говоритъ, что цѣнность имѣетъ видъ сюртука и «поэтому» онъ, въ качествѣ воплощенія цѣнности, похожъ на сюртукъ, какъ одна капля воды на другую. Замѣтимъ кстати, что товарный языкъ, кромѣ еврейскаго, имѣетъ еще много другихъ, болѣе или менѣе правильныхъ, нарѣчій Такъ, напр., нѣмецкое «Werthsein» выражаетъ менѣе рѣзко и точно, чѣмъ романскій глаголъ valere, valer, valoir, что уравненіе товара В съ товаромъ А есть настоящее выраженіе цѣнности товара А. Paris vaut bien une messe!

Итакъ, посредствомъ отношенія цѣнности, натуральная форма товара В становится формой цѣнности товара А, или тѣло товара В дѣлается зеркаломъ цѣнности товара А [18]). Товаръ А, относясь къ товару В, какъ къ тѣлу цѣнности, какъ къ овеществленному человѣческому труду, дѣлаетъ этимъ потребительную цѣнность товара В матеріаломъ для выраженія своей собственной цѣнности. Цѣн-

---

[18]) Съ человѣкомъ, до нѣкоторой степени, происходитъ то же самое, что съ товаромъ. Такъ какъ онъ является на свѣтъ безъ зеркала, а также не въ видѣ фихтовскаго философа: Я есмь Я, то онъ сначала разсматриваетъ себя въ томъ зеркалѣ, которое представляетъ для него другой человѣкъ. Лишь чрезъ свое отношеніе къ человѣку Павлу, какъ къ себѣ подобному, человѣкъ Петръ относится къ себѣ самому, какъ къ человѣку. Поэтому и Павелъ, какъ онъ есть, въ своей павловой тѣлесности, имѣетъ для него значеніе формы проявленія рода человѣкъ.

БІБЛІЯТЭКА
Белдзяржуніверсітэта
імя У. І. Леніна
1426777
75567

ность товара А, выраженная такимъ образомъ въ потребительной цѣнности товара В, обладаетъ формой относительной цѣнности.

б) Количественная опредѣленность относительной формы цѣнности.

Всякій товаръ, цѣнность котораго должна быть выражена, представляетъ собою предметъ потребленія въ извѣстномъ количествѣ, напр., 15 шеффелей пшеницы, 100 ф. кофе и т. д. Это данное количество товара содержитъ въ себѣ опредѣленное количество человѣческаго труда. Форма цѣнности, поэтому, должна выражать не только цѣнность вообще, но и количественно опредѣленную цѣнность или величину цѣнности. Въ отношеніи цѣнности товара А къ товару В, холста къ сюртуку товаръ «сюртукъ» приравнивается не только качественно, какъ тѣло цѣнности, къ холсту вообще, но къ извѣстному количеству холста, напр., 20 аршинамъ приравнивается опредѣленное количество тѣла цѣнности (Werthkörpers) или эквивалента, напр., 1 сюртукъ.

Уравненіе: «20 арш. холста=1 сюртуку или 20 арш. холста равноцѣнны одному сюртуку» предполагаетъ, что въ одномъ сюртукѣ заключается столько же субстанціи цѣнности, какъ въ 20 арш. холста, что оба товара стоятъ, поэтому, одинаковаго количества труда или одинаковаго количества рабочаго времени. Но необходимое для производства 20 арш. холста или одного сюртука рабочее время мѣняется вмѣстѣ со всякой перемѣной въ производительной силѣ труда ткача или портного. Разсмотримъ, поэтому, ближе вліяніе такихъ перемѣнъ на относительное выраженіе величины цѣнности.

I. Цѣнность холста мѣняется [19]), а цѣнность сюртука остается постоянной. Если необходимое для производства холста рабочее время удваивается, вслѣдствіе, напр., уменьшенія плодородности земли, на которой сѣется ленъ, то удваивается и его цѣнность. Вмѣсто 20 арш. холста = 1 сюртуку, мы имѣемъ 20 арш. холста = 2 сюртукамъ, такъ какъ 1 сюртукъ содержитъ теперь въ себѣ вдвое меньше рабочаго времени, чѣмъ 20 арш. холста. Наоборотъ, если необходимое для производства холста рабочее время уменьшится на половину, вслѣдствіе, напр., усовершенствованія ткацкаго станка, то цѣнность холста понизится на половину. Сообразно съ этимъ теперь уже 20 арш. холста= ½ сюртука. Итакъ, относительная цѣнность товара А, т.-е. цѣнность его, выраженная въ товарѣ В, увеличивается или уменьшается прямо пропорціонально цѣнности товара А, если цѣнность товара В остается неизмѣнной.

II. Цѣнность холста остается та же, а цѣнность сюртука мѣняется. Если при этихъ обстоятельствахъ необходимое для производства сюртука рабочее время удваивается, вслѣдствіе, напр., плохого сбора шерсти, то мы имѣемъ, вмѣсто 20 арш. холста=1 сюртуку, уравненіе 20 арш. холста=½ сюртука. Наоборотъ, если цѣнность сюртука уменьшается на половину, то 20 арш.

---

[19]) Выраженіе «цѣнность» употребляется здѣсь, какъ иной разъ и раньше, для обозначенія количественно опредѣленной цѣнности, т.-е. для величины цѣнности.

холста=2 сюртукамъ. При постоянной цѣнности товара А его относительная, выраженная въ товарѣ В, цѣнность увеличивается или уменьшается въ обратномъ отношеніи къ перемѣнной цѣнности В.

Если мы сравнимъ случаи I и II, то увидимъ, что одна и та же перемѣна въ величинѣ относительной цѣнности можетъ происходить отъ совершенно противоположныхъ причинъ Такъ уравненіе—20 арш. холста=1 сюртуку превращается: 1) въ уравненіе—20 арш. холста=2 сюртукамъ или потому, что цѣнность холста увеличилась вдвое или же потому, что цѣнность сюртука вдвое уменьшилась и 2) въ уравненіе—20 арш. холста=½ сюртука—отъ того ли, что цѣнность холста уменьшилась вдвое или оттого, что цѣнность сюртука удвоилась.

III. Необходимые для производства холста и сюртука количества труда измѣняются одновременно, въ одномъ направленіи и въ одинаковой мѣрѣ. Въ этомъ случаѣ 20 арш. холста все будутъ, какъ и прежде, равняться 1 сюртуку, какъ бы ни измѣнялись ихъ цѣнности. Перемѣна въ ихъ цѣнности открывается лишь при сравненіи съ третьимъ товаромъ, цѣнность котораго осталась неизмѣнной. Если цѣнности всѣхъ товаровъ будутъ увеличиваться или уменьшаться одновременно въ одинаковой пропорціи, то ихъ относительныя цѣнности останутся безъ перемѣны. Дѣйствительная перемѣна въ этихъ цѣнностяхъ будетъ замѣчаться тогда лишь потому, что въ одинаковое рабочее время будетъ вообще вырабатываться большее или меньшее, противъ прежняго, количество товаровъ.

IV. Необходимыя для производства холста и сюртука количества труда, а слѣдовательно, и цѣнности этихъ вещей измѣняются одновременно и въ одномъ направленіи, но не въ одинаковой степени или въ противоположныхъ направленіяхъ и т. д. Вліяніе всѣхъ возможныхъ комбинацій этого рода на относительную цѣнность товара опредѣляется просто примѣненіемъ случаевъ I, II и III.

Такимъ образомъ, дѣйствительныя перемѣны въ величинѣ цѣнности явственно и цѣликомъ не отражаются въ относительномъ выраженіи или въ величинѣ относительной цѣнности. Относительная цѣнность товара можетъ измѣняться и тогда, когда цѣнность его остается постоянной. Его относительная цѣнность можетъ оставаться неизмѣнной и тогда, когда его цѣнность измѣняется, и, наконецъ, даже одновременныя перемѣны въ величинѣ цѣнности и въ относительномъ выраженіи этой цѣнности вовсе не должны непремѣнно совпадать по своей величинѣ [20]).

---

[20]) Прим. ко 2 изд. Вульгарная политическая экономія со свойственной ей проницательностью воспользовалась этимъ несоотвѣтствіемъ между величиной цѣнности и ея относительнымъ выраженіемъ. Напр.: «Допустите, что А падаетъ, потому что В, на которое оно обмѣнивается, поднимается, хотя на А и теперь потрачено не меньше труда, и вотъ всеобщій принципъ цѣнности рачается въ прахъ... Если допускаютъ, что цѣнность В относительно А падаетъ, потому что цѣнность А относительно В поднимается, то рушится основаніе, на которомъ Рикардо воздвигъ свой великій законъ, что цѣнность какого-либо товара всегда опредѣляется количествомъ воплощеннаго въ немъ труда; ибо, если перемѣна въ издержкахъ А измѣняетъ не только его собственную цѣнность относительно В, на которое оно

3) Эквивалентная форма.

Мы уже видѣли, что въ то время, когда какой-нибудь товаръ A (холстъ) выражаетъ свою цѣнность въ потребительной цѣнности какого-либо другого, отличнаго отъ него товара B (сюртука), онъ придаетъ этому послѣднему своеобразную форму цѣнности, эквивалентную форму. Товаръ «холстъ» обнаруживаетъ свое собственное бытіе въ качествѣ цѣнности тѣмъ, что сюртукъ, не принимая никакой другой формы цѣнности, отличной отъ его матеріальной формы, прирождивается къ холсту. Поэтому, холстъ въ дѣйствительности выражаетъ свою собственную цѣнность тѣмъ, что сюртукъ можетъ быть непосредственно обмѣниваемъ на него. Эквивалентная форма какого-либо товара есть, слѣдовательно, форма его непосредственной обмѣниваемости на другой товаръ.

Когда какой-либо товаръ, какъ сюртукъ, служитъ эквивалентомъ какому-либо другому товару, какъ холстъ, и этимъ пріобрѣтаетъ характеристическую способность непосредственно обмѣниваться на него, то это еще ни въ какомъ случаѣ не указываетъ пропорціи, въ которой сюртукъ и холстъ могутъ быть обмѣниваемы одинъ на другой. Эта пропорція, при данной цѣнности холста, зависитъ отъ цѣнности сюртука. Является ли сюртукъ эквивалентомъ, а холстъ относительной цѣнностью или наоборотъ—холстъ эквивалентомъ, а сюртукъ относительной цѣнностью—величина цѣнности его все равно опредѣляется необходимымъ для его производства рабочимъ временемъ, слѣдовательно,—независимо отъ его формы цѣнности. Но разъ сюртукъ въ выраженіи цѣнности занялъ мѣсто эквивалента, то величина его цѣнности, какъ таковая, не получаетъ здѣсь выраженія; онъ фигурируетъ здѣсь, наоборотъ, лишь какъ извѣстное количество нѣкоего полезнаго предмета.

Напр.: 40 арш. холста «равноцѣнны»—чему?—2 сюртукамъ. Такъ какъ товаръ «сюртукъ» играетъ здѣсь роль эквивалента, т.-е. потребительная цѣнность «сюртукъ» противопоставляется холсту въ качествѣ тѣла цѣнности, то достаточно указать количество сюртуковъ, чтобы выразить опредѣленную величину цѣнности холста. Два сюртука, поэтому, могутъ выразить величину цѣнности 40 арш. холста, но они никогда не могутъ выразить величину своей собственной цѣнности, т.-е. величину цѣнности сюртуковъ. Поверхностное

обмѣнивается, но и цѣнность B относительно A, хотя никакой перемѣны не произошло въ количествѣ труда, необходимаго для производства B, тогда рушится не только та доктрина, которая увѣряетъ, что цѣнность предмета опредѣляется количествомъ потраченнаго на него труда, но и та доктрина, по которой цѣнность предмета регулируется его издержками производства» (J. Broadhurst: «Political Economy», London, 1842, p. 11, 14).

Съ такимъ же правомъ г. Broadhurst могъ бы сказать: присмотрится къ отношенію между числами $^{10}/_{20}$, $^{10}/_{50}$, $^{10}/_{100}$ и т. д. Число 10 остается неизмѣннымъ и тѣмъ не менѣе его пропорціональная величина, т.-е величина относительно знаменателей 20, 50, 100 постоянно уменьшается. Слѣдовательно, рушится великій принципъ, что величина какого-либо цѣлаго числа, какъ напр. 10, «регулируется количествомъ содержащихся въ немъ единицъ».

представленіе объ этомъ фактѣ, т.-е., что въ уравненіи цѣнности эквивалентъ обладаетъ лишь формой простого количества какой-либо вещи, т.-е. потребительной цѣнности, привело Bailey, какъ и многихъ другихъ до и послѣ него, къ тому, что въ выраженіи цѣнности они видѣли лишь одно количественное отношеніе. Между тѣмъ, эквивалентная форма, наоборотъ, не содержитъ въ себѣ никакого количественнаго опредѣленія цѣнности.

Первая особенность, которая бросается въ глаза при разсмотрѣніи эквивалентной формы состоитъ въ томъ, что потребительная цѣнность становится формой проявленія своей противоположности, т.-е. цѣнности.

Натуральная форма товара становится формой цѣнности. Но въ дѣйствительности это quid pro quo имѣетъ мѣсто для товара B (сюртукъ, пшеница, желѣзо и т. д.) только въ предѣлахъ того отношенія цѣнности, въ которое съ нимъ вступаетъ какой-либо другой товаръ A (холстъ и т. д.), только въ предѣлахъ именно этого взаимоотношенія. Такъ какъ ни какой товаръ не можетъ относиться къ себѣ самому, какъ эквивалентъ, а, слѣдовательно, и не можетъ обратить свою собственную естественную оболочку въ выраженіе своей собственной цѣнности, то онъ, по необходимости, долженъ взять своимъ эквивалентомъ другой товаръ, т.-е. естественную оболочку другого товара долженъ сдѣлать формой своей собственной цѣнности.

Все это мы можемъ наглядно иллюстрировать тѣмъ способомъ, которымъ мы опредѣляемъ вѣсъ товарныхъ тѣлъ, какъ таковыхъ, т.-е. какъ потребительныхъ цѣнностей. Сахарная голова, какъ тѣло, обладаетъ тяжестью и имѣетъ, поэтому, вѣсъ; по этого вѣса нельзя ни видѣть, ни ощупать. Мы беремъ различные куски желѣза, вѣсъ которыхъ заранѣе опредѣленъ. Сама по себѣ матеріальная форма желѣза столь же мало есть форма проявленія тяжести, какъ и естественная форма головы сахара. Однако, чтобы выразить сахаръ какъ тяжесть, мы приводимъ его въ вѣсовое отношеніе къ желѣзу. Въ этомъ отношеніи желѣзо фигурируетъ какъ тѣло, которое ничего, кромѣ тяжести, не имѣетъ. Куски желѣза извѣстной величины служатъ, поэтому, для опредѣленія вѣса сахара и представляютъ собою, относительно тѣла сахара, лишь простую форму тяжести,—форму, въ которой проявляется тяжесть. Такую роль желѣзо играетъ только въ предѣлахъ этого отношенія, въ которомъ сахаръ или какое-либо другое тѣло, вѣсъ коего требуется опредѣлить, находится съ желѣзомъ. Если бы оба предмета не обладали тяжестью, то они не могли бы вступить въ это отношеніе, и одинъ не могъ бы, поэтому, служить выраженіемъ тяжести другого. Бросимъ ихъ на вѣсы и мы увидимъ, что, какъ тяжести, они дѣйствительно представляютъ собою одно и то-же, а потому, въ извѣстной пропорціи, имѣютъ одинаковый вѣсъ. Какъ желѣзное тѣло, въ качествѣ опредѣлителя вѣса, представляетъ собою, относительно сахарной головы только тяжесть, такъ и въ нашемъ выраженіи цѣнности тѣло сюртука, относительно холста, представляетъ собою только цѣнность.

На этомъ, однако, аналогія прекращается. Въ выраженіи вѣса сахарной головы желѣзо представляетъ собою общее имъ обоимъ естественное свойство—ихъ тяжесть; между тѣмъ какъ въ выраженіи цѣнности холста сюртукъ представляетъ

сверхъестественное свойство обоихъ этихъ предметовъ,—ихъ цѣнность, т.-е. нѣчто, имѣющее чисто общественный характеръ.

Относительная форма цѣнности какого-либо товара, напр., холста, выражая его цѣнность, какъ нѣчто совершенно отличное отъ его тѣла и свойствъ, напр., какъ нѣчто равное сюртуку, этимъ самымъ указываетъ, что въ этомъ выраженіи цѣнности скрывается отношеніе общественное. Какъ разъ обратное—съ эквивалентной формой. Она состоитъ именно въ томъ, что какое либо товарное тѣло, напр., сюртукъ, въ своемъ натуральномъ видѣ, выражаетъ собою цѣнность, слѣдовательно, отъ природы обладаетъ формой цѣнности. Правда, это вѣрно лишь въ предѣлахъ того отношенія цѣнности, въ которомъ холстъ относится къ сюртуку, какъ къ эквиваленту [31]). Но такъ какъ свойства какого-либо предмета не вытекаютъ изъ его отношеній къ другимъ предметамъ, а въ нихъ лишь проявляются, то кажется, что и сюртукъ своей эквивалентной формой, своимъ свойствомъ быть непосредственно обмѣниваемымъ обладаетъ такъ же отъ природы, какъ и своимъ свойствомъ имѣть тяжесть или сохранять теплоту. Отсюда загадочность эквивалентной формы, которую грубый глазъ буржуазнаго экономиста замѣчаетъ лишь тогда, когда эта форма появляется предъ нимъ уже въ совершенно законченномъ видѣ,—въ лицѣ денегъ. Тогда онъ пытается разсѣять мистическій характеръ золота и серебра, подсовывая вмѣсто нихъ менѣе блестящіе товары и съ постоянно подновляемымъ чувствомъ удовольствія отчитывая каталогъ всей той товарной черни, всѣхъ тѣхъ предметовъ низшаго рода, которые въ свое время играли роль товарнаго эквивалента. Онъ не догадывается, что и простѣйшее выраженіе цѣнности, какъ напр. 20 арш. холста= 1 сюртуку содержитъ уже разгадку эквивалентной формы.

Тѣло товара, служащаго эквивалентомъ, считается всегда воплощеніемъ абстрактнаго человѣческаго труда и есть всегда продуктъ извѣстнаго полезнаго, конкретнаго труда. Этотъ конкретный трудъ дѣлается, поэтому, выраженіемъ абстрактнаго человѣческаго труда. Если сюртукъ, напр., разсматривается лишь какъ простое овеществленіе абстрактнаго человѣческаго труда, то дѣятельность портного, которая въ дѣйствительности въ немъ овеществляется, представляетъ также лишь форму овеществленія этого абстрактнаго труда. Въ выраженіи цѣнности холста полезность портняжнаго труда состоитъ не въ томъ, что онъ дѣлаетъ платье, а, слѣдовательно, по нѣмецкой поговоркѣ—и людей, а въ томъ, что онъ создаетъ тѣло, на которомъ, такъ сказать, написано, что оно есть цѣнность, т.-е. представляетъ собою сгустокъ труда, ничѣмъ рѣшительно не отличающагося отъ труда, овеществленнаго въ цѣнности холста. Чтобы создать такое зеркало цѣнности, трудъ портного не долженъ самъ ничего отражать, кромѣ своего абстрактнаго свойства, въ силу котораго онъ является человѣческимъ трудомъ.

---

[31]) Такія соотносительныя опредѣленія (Reflexion, Bestimmungen) представляютъ вообще нѣчто своеобразное. Напр., этотъ человѣкъ король, потому что другіе люди относятся къ нему какъ подданные. Между тѣмъ они думаютъ, наоборотъ, что они подданные, потому что онъ—король.

Въ формѣ швейной и въ формѣ ткаческой работы тратится человѣческая рабочая сила. Обѣ эти формы обладаютъ, поэтому, однимъ общимъ свойствомъ—являются человѣческимъ трудомъ и въ извѣстныхъ случаяхъ, напр., когда рѣчь идетъ о производствѣ цѣнности, должны разсматриваться лишь съ этой точки зрѣнія. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего таинственнаго. Но въ выраженіи цѣнности товаровъ дѣло запутывается. Чтобы, напр., выразить, что трудъ ткача образуетъ цѣнность холста не какъ конкретный трудъ ткача, а какъ человѣческій трудъ вообще, ему противопоставляется трудъ портного, т.-е. конкретный трудъ, производящій эквивалентъ холста, какъ осязательную форму овеществленія абстрактнаго человѣческаго труда.

Итакъ, вторая особенность эквивалентной формы состоитъ въ томъ, что конкретный трудъ дѣлается формой проявленія своей противоположности, т.-е. абстрактнаго человѣческаго труда.

Но этотъ конкретный трудъ—трудъ портного — служа простымъ выраженіемъ безразличнаго человѣческаго труда, въ то же время обладаетъ формой равенства съ другимъ трудомъ, заключающимся въ холстѣ и является, поэтому, трудомъ въ его непосредственно общественной формѣ, хотя онъ есть лишь частный трудъ, какъ и всякій другой трудъ, производящій товары. Поэтому-то именно онъ и представляется въ такомъ продуктѣ, который можетъ непосредственно обмѣниваться на другіе товары. Слѣдовательно, третья особенность эквивалентной формы состоитъ въ томъ, что частный трудъ становится формой своей противоположности, т.-е. трудомъ въ его непосредственно общественной формѣ.

Обѣ послѣднія, указанныя нами, особенности эквивалентной формы станутъ еще болѣе рельефными, если мы обратимся къ тому великому изслѣдователю, который первый анализировалъ форму цѣнности, какъ и много другихъ мыслительныхъ, общественныхъ и естественныхъ формъ. Мы говоримъ объ Аристотелѣ.

Прежде всего Аристотель ясно высказываетъ, что денежная форма товаровъ есть только болѣе развитой видъ простой формы цѣнности, т.-е. выраженія цѣнности одного товара въ какомъ-либо другомъ товарѣ. Такъ онъ говоритъ:

«5 постелей = 1 дому» («Κλίναι πέντε ἀντὶ οἰκίας»).

«не отличается» отъ:

«5 постелей = такому-то количеству денегъ». («Κλίναι πέντε ἀντὶ.... ὅσου αἱ πέντε κλίναι»).

Далѣе онъ самъ усматриваетъ, что отношеніе цѣностей, въ которомъ заключается это выраженіе цѣнности, предполагаетъ, съ своей стороны, что домъ качественно приравнивается къ постели, и что эти чувственно различныя вещи не могли бы безъ этого равенства по существу быть относимы одна къ другой какъ сонзмѣримыя величины. «Обмѣнъ, —говоритъ онъ,—не можетъ происходить безъ равенства, а равенство не можетъ быть безъ сонзмѣримости» («οὐκ ἰσότης μὴ οὔσης συμμετρίας»). Но здѣсь онъ становится въ тупикъ и отказывается отъ дальнѣйшаго анализа формы цѣнности. «На самомъ дѣлѣ невозможно («τῇ μὲν οὖν ἀληθείᾳ ἀδύνατον»), чтобы столь различныя вещи были сонзмѣримы», т.-е. качественно одинаковы. Подобное приравниваніе можетъ быть лишь

чѣмъ-то посторонним истинной природѣ вещей, слѣдовательно, лишь «весьма несовершеннымъ средствомъ удовлетворенія практической потребности».

Такимъ образомъ, Аристотель самъ указываетъ намъ, почему не удается его дальнѣйшій анализъ,—именно вслѣдствіе отсутствія понятія цѣнности. Что есть то «равное», т.-е. та общая субстанція, представителемъ которой (по отношенію къ постели) въ выраженіи цѣнности послѣдней является домъ? Ничего подобнаго «не можетъ въ дѣйствительности существовать», говоритъ Аристотель. Почему? Домъ представляетъ относительно матраца нѣчто равное, поскольку онъ представляетъ то, что есть дѣйствительно равнаго въ нихъ обоихъ. И это есть—человѣческій трудъ.

Но что въ формѣ цѣнности товаровъ всякіе виды труда выражаются, какъ одинаковый и потому равноцѣнный человѣческій трудъ, этого Аристотель не могъ усмотрѣть изъ самой формы цѣнности, такъ какъ греческое общество покоилось на рабскомъ трудѣ, а потому естественнымъ основаніемъ его было неравенство людей и ихъ рабочей силы. Тайна выраженія цѣнности, равенство и равноцѣнность всѣхъ видовъ труда, потому что и поскольку они всѣ представляютъ человѣческій трудъ вообще,—эта тайна могла быть разгадана лишь тогда, когда идея человѣческаго равенства получила уже прочность народнаго предразсудка. Но это возможно только въ обществѣ, въ которомъ товарная форма стала общей формой продуктовъ труда, а, слѣдовательно, и отношеніе людей между собой, какъ товаровладѣльцевъ, стало господствующимъ общественнымъ отношеніемъ. Блестящій геній Аристотеля сказывается именно въ томъ, что въ выраженіи цѣнности товаровъ онъ усмотрѣлъ отношеніе равенства. Лишь историческія рамки общества, въ которомъ онъ жилъ, помѣшали ему открыть, въ чемъ «въ дѣйствительности» (ἀληθές) заключается это отношеніе равенства.

4. Простая форма цѣнности въ ея цѣломъ.

Простая форма цѣнности какого-либо товара заключается въ его отношеніи цѣнности къ какому-либо другому товару или въ мѣновомъ отношеніи къ нему. Цѣнность товара *A* качественно выражается въ свойствѣ товара *B*—быть непосредственно обмѣниваемымъ на товаръ *A*. Количественно же она выражается въ томъ, что извѣстное количество товара *B* можетъ быть обмѣнено на данное количество товара *A*. Другими словами: цѣнность какого-либо товара мы выразимъ самостоятельно, представивъ его какъ «мѣновую цѣнность». Когда мы въ началѣ этой главы, согласно ходячей манерѣ, сказали: товаръ есть потребительная цѣнность и цѣнность мѣновая, то это было, строго говоря, невѣрно. Товаръ есть потребительная цѣнность или предметъ потребленія и «цѣнность». Онъ представляется намъ такой двойственной вещью и въ дѣйствительности является ею, поскольку его цѣнность обладаетъ особеннымъ, отличнымъ отъ его естественной формы, выраженіемъ, т.-е. формой мѣновой цѣнности, и этой формой онъ обладаетъ не разсматриваемый изолированно, а всегда—лишь въ отношеніи цѣнности или обмѣна къ какому-либо другому, отличному отъ него то-

вару. Разъ это извѣстно, упомянутый ходячій способъ выраженія уже не вноситъ путаницы, а служитъ для краткости.

Нашъ анализъ показалъ, что форма цѣнности или выраженіе цѣнности товара вытекаетъ изъ природы товарной цѣнности, а не наоборотъ, не цѣнность и ея величина вытекаютъ изъ ихъ способа выраженія, какъ мѣновой цѣнности. Въ такомъ заблужденіи однако повинны какъ меркантилисты и ихъ позднѣйшіе повторяльщики вродѣ Ferrier, Ganilh и др. [21]), такъ и ихъ антиподы, современные комми-вояжеры свободной торговли, Bastiat и товарищи. Меркантилисты напираютъ, главнымъ образомъ, на качественную сторону выраженія цѣнности, слѣдовательно, на эквивалентную форму товара, которая въ деньгахъ пріобрѣтаетъ законченный видъ; современные же разносчики фритредерской мудрости, которые во что бы то ни стало должны сбыть свой товаръ, напираютъ, наоборотъ, на количественную сторону относительной формы цѣнности. Для нихъ, такимъ образомъ, не существуетъ ни цѣнности, ни величины цѣнности внѣ ихъ выраженія посредствомъ мѣнового отношенія, т.-е. фактически внѣ листка биржевого указателя цѣнъ. Шотландецъ Mac Leod, который взялъ на себя миссію по возможности научно разукрасить путаныя экономическія представленія обитателей Ломбардстрита *), представляетъ удачный синтезъ суевѣрныхъ меркантилистовъ и просвѣщенныхъ поклонниковъ свободной торговли.

Внимательное изслѣдованіе выраженія цѣнности товара A, заключающагося въ его отношеніи къ товару B, показало, что, въ предѣлахъ этого отношенія, естественная форма товара A фигурируетъ лишь какъ форма потребительной цѣнности, а естественная форма товара B — лишь какъ форма цѣнности. Такимъ образомъ, скрытая въ товарѣ внутренняя противоположность между потребительной цѣнностью и цѣнностью проявляется посредствомъ внѣшней противоположности, т.-е. посредствомъ отношенія двухъ товаровъ, въ которомъ одинъ товаръ, цѣнность коего должна быть выражена, непосредственно фигурируетъ лишь какъ потребительная цѣнность, а другой товаръ, въ которомъ эта цѣнность должна быть выражена, фигурируетъ непосредственно лишь какъ мѣновая цѣнность. Простая форма цѣнности товара есть, поэтому, простая форма проявленія заключающейся въ немъ противоположности между потребительной цѣнностью и цѣнностью.

Продуктъ труда, при всякихъ общественныхъ условіяхъ, есть предметъ потребленія; но лишь исторически опредѣленная эпоха, дѣлающая затраченный на производство какого-нибудь полезнаго предмета трудъ его «объективнымъ» свойствомъ, т.-е. его цѣнностью, превращаетъ продуктъ труда въ товаръ. Изъ этого слѣдуетъ, что простая форма цѣнности товара есть вмѣстѣ съ тѣмъ и простая товарная форма продукта труда, что, поэтому, и развитіе товарной формы совпадаетъ съ развитіемъ формы цѣнности.

---

[21]) Прим. ко 2 изд. F. C. A. Ferrier (sous-inspecteur des douanes): «Du Gouvernement considéré dans ses rapports avec le commerce. Paris 1805» и Charles Ganilh: «Des Systèmes de l'Économie Politique. 2-ème éd. Paris 1821».

*) Улица, на которой помѣщаются главные лондонскіе банкирскіе дома. Прим. перев.

Съ перваго взгляда видна недостаточность простой формы цѣнности, этой зародышевой формы, которая, чтобы достигнуть формы цѣны, должна пройти цѣлый рядъ метаморфозъ.

Выраженіе цѣнности товара A въ какомъ-нибудь товарѣ B проводитъ только различіе между цѣнностью A и его собственной потребительной цѣнностью и ставитъ его въ мѣновое отношеніе къ одному единственному, отъ него отличному, товару, вмѣсто того, чтобы представить его качественное равенство и количественную пропорціональность со всѣми другими товарами. Простой относительной формѣ цѣнности одного товара соотвѣтствуетъ единичная эквивалентная форма другого товара. Такъ, напр., въ относительномъ выраженіи цѣнности холста, сюртукъ обладаетъ эквивалентной формой или непосредственной формой обмѣниваемости лишь по отношенію къ этому одному товару, холсту.

Но единичная форма цѣнности сама переходитъ въ болѣе полную. Правда, чрезъ посредство ея цѣнность товара A можетъ быть выражена только въ одномъ товарѣ другого рода. Но какого рода этотъ другой товаръ—сюртукъ ли, желѣзо, пшеница и т. д.—это совершенно безразлично. Поэтому, смотря потому, съ тѣмъ ли или съ другимъ товаромъ онъ вступаетъ въ отношеніе цѣнности, возникаютъ различныя простыя выраженія цѣнности одного и того же товара [22a]). Количество возможныхъ выраженій его цѣнности ограничено лишь количествомъ отличныхъ отъ него родовъ товара. Его изолированное выраженіе цѣнности превращается, такимъ образомъ, въ цѣлый рядъ простыхъ выраженій цѣнности, который можетъ быть продолженъ сколько угодно.

Б. Полная или развернутая форма цѣнности.

(x товара $A = u$ товара B, или $= v$ товара C, или w товара D, или $= x$ товара E, или $=$ и т. д.).

(20 аршинъ холста $= 1$ сюртуку, или $= 10$ ф. чаю, или $= 40$ ф. кофе, или $=$ 2 кварт. пшеницы, или $= 2$ унцамъ золота, или $= {}^1/_2$ тоннѣ желѣза, или $=$ и т. д.).

1) Развернутая относительная форма цѣнности.

Цѣнность одного товара, напр. холста, выражена теперь въ безчисленномъ множествѣ другихъ элементовъ товарнаго міра. Каждое другое товарное тѣло становится зеркаломъ, отражающимъ цѣнность холста [22]). Теперь только эта

[22a]) Прим. ко 2 изд. Напр., у Гомера цѣнность одной вещи выражается въ цѣломъ рядѣ различныхъ вещей.

[22]) Поэтому говорятъ о сюртучной цѣнности холста, если цѣнность его выражается въ сюртукахъ, о его хлѣбной цѣнности, если она выражается въ хлѣбѣ и т. п. Каждое изъ подобныхъ выраженій говоритъ, что цѣнность холста есть то, что проявляется въ потребительныхъ цѣнностяхъ—сюртукѣ, хлѣбѣ и пр. «Цѣнность какого либо товара указываетъ на мѣновое отношеніе; поэтому мы можемъ говорить о его хлѣбной цѣнности, о его сюртучной цѣнности, смотря потому, съ какимъ товаромъ его сравниваютъ; тогда имѣются тысячи родовъ цѣнности, столько, сколько имѣется родовъ товаровъ, и всѣ они одинаково реальны и одинаково номинальны» (A Critical Dissertation on the Nature, Measure and Causes of value: chiefly in reference to the writings of Mr. Ricardo and his followers. By the author of Essays on

цѣнность вполнѣ, воистину проявляетъ свой характеръ кристаллизованнаго безразличнаго человѣческаго труда. Ибо трудъ, образующій ее, ясно представленъ здѣсь какъ трудъ, который равноцѣненъ всякому другому человѣческому труду, какой бы естественной формой онъ ни обладалъ и въ чемъ бы онъ ни воплощался—въ сюртукѣ, пшеницѣ, желѣзѣ, золотѣ и т. д. Посредствомъ своей формы цѣнности холстъ, поэтому, находится теперь въ общественномъ отношеніи уже не къ какому-нибудь отдѣльному товару, а ко всему товарному міру. Какъ товаръ, онъ гражданинъ этого міра. Вмѣстѣ съ тѣмъ безконечный рядъ выраженій товарной цѣнности указываетъ, что она относится совершенно безразлично къ той особенной формѣ потребительной цѣнности, въ которой она каждый разъ конкретно проявляется.

Въ первой формѣ: 20 арш. холста = 1 сюртуку—то обстоятельство, что эти два товара способны обмѣниваться другъ на друга въ опредѣленномъ количественномъ отношеніи, можетъ оказаться случайностью. Во второй же формѣ, наоборотъ, тотчасъ же ясно просвѣчиваетъ основа ихъ равенства, существенно отличная отъ случайной формы его проявленія и ее опредѣляющая. Цѣнность холста остается та же, выражается ли она въ сюртукѣ, кофе, желѣзѣ или въ безчисленныхъ другихъ товарахъ, принадлежащихъ различнымъ собственникамъ. Случайность отношенія между индивидуальными товаровладѣльцами исчезаетъ. Становится яснымъ, что не обмѣнъ регулируетъ величину цѣнности товара, а наоборотъ, величина цѣнности товара регулируетъ его мѣновое отношеніе.

2) Особенная эквивалентная форма.

Каждый товаръ,—сюртукъ, чай, пшеница, желѣзо и т. д.,—играетъ въ выраженіи цѣнности роль эквивалента и, слѣдовательно, является тѣломъ цѣнности. Опредѣленная естественная форма каждаго изъ этихъ товаровъ представляетъ теперь особую эквивалентную форму—рядомъ со многими другими. Точно такъ же и разнообразные, содержащіеся въ различныхъ товарныхъ тѣлахъ опредѣленные, конкретные, полезные виды труда представляютъ различныя особенныя формы воплощенія или проявленія простого человѣческаго труда вообще.

3) Недостатки полной или развернутой формы цѣнности.

Во-первыхъ, относительное выраженіе цѣнности товара является здѣсь не законченнымъ, такъ какъ рядъ его безконеченъ. Цѣпь, въ которой одно уравненіе цѣнности примыкаетъ къ другому, можетъ быть произвольно продолжена присоединеніемъ новыхъ товарныхъ видовъ, доставляющихъ мате-

---

the Formation, etc., of Opinions. London, 1825, p. 39). S. Bailey, авторъ этого анонимнаго сочиненія, которое въ свое время надѣлало много шума, воображаетъ, что указаніемъ на пестрое множество относительныхъ выраженій цѣнности одного и того же товара, онъ уничтожилъ всякую опредѣленность понятія цѣнности. Впрочемъ, несмотря на свою собственную ограниченность, онъ иногда раскрываетъ дѣйствительно слабыя мѣста теоріи Рикардо, чему доказательствомъ служитъ та раздражительность, съ которой на него нападала школа Рикардо, напр. въ «Westminster Review».

ріалъ для новыхъ выраженій цѣнности. Во-вторыхъ, она образуетъ пеструю мозаику распадающихся и разнородныхъ выраженій цѣнности. Если же, наконецъ, какъ это не можетъ не произойти, относительная цѣнность всѣхъ товаровъ выражается въ этой развернутой формѣ, то тогда относительная форма цѣнности всякаго товара представляетъ собою безконечный, отличный отъ таковой же формы цѣнности всякаго другого товара, рядъ выраженій цѣнности. Недостатки развернутой относительной формы цѣнности отражаются также на соотвѣтствующей ей эквивалентной формѣ. Такъ какъ естественная форма всякаго отдѣльнаго товара представляетъ здѣсь особую эквивалентную форму, рядомъ съ безчисленными другими особыми эквивалентными формами, то существуютъ вообще только ограниченныя эквивалентныя формы, изъ которыхъ каждая исключаетъ другія. Точно также и содержащійся въ каждомъ особомъ товарномъ эквивалентѣ опредѣленный, конкретный полезный видъ труда представляетъ собою только особую, слѣдовательно, неполную форму проявленія человѣческаго труда. Этотъ послѣдній, правда, имѣетъ свою полную или всеобщую форму проявленія въ совокупности всѣхъ указанныхъ отдѣльныхъ формъ. Но въ этомъ случаѣ онъ не обладаетъ никакой единой и настоящей формой проявленія.

Развернутая относительная форма цѣнности состоитъ, поэтому, лишь изъ суммы простыхъ относительныхъ выраженій цѣнности или изъ уравненій первой формы, напр.:

20 арш. холста = 1 сюртуку
20 арш. холста = 10 ф. чая и т. д.

Но каждое изъ этихъ уравненій содержитъ въ себѣ и обратное равнозначущее уравненіе:

1 сюртукъ = 20 арш. холста
10 ф. кофе = 20 арш. холста и т. д.

Въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ обмѣниваетъ свой холстъ на многіе другіе товары и этимъ выражаетъ его цѣнность въ рядѣ другихъ товаровъ, то и владѣльцы этихъ послѣднихъ должны также обмѣнивать ихъ на холстъ и такимъ образомъ выражать цѣнность своихъ разныхъ товаровъ въ одномъ и томъ же третьемъ товарѣ, въ холстѣ. Слѣдовательно, если мы перевернемъ рядъ: 20 арш. холста=1 сюртуку, или 10 ф. чаю, или=и т. д., т.-е., если мы выразимъ обратное отношеніе, которое, по существу дѣла, уже заключается въ этомъ рядѣ, то мы получимъ:

С. Всеобщую форму цѣнности.

1 сюртукъ	=	20 арш. холста.
10 ф. чаю	=	
40 ф. кофе	=	
1 квар. пшеницы	=	
2 унца золота	=	
1/2 тонны желѣза	=	
x товара A	=	
и т. д.	=	

1) Измѣненный видъ формы цѣнности.

Товары выражаютъ теперь свою цѣнность, во-1-хъ—просто, въ одномъ единственномъ товарѣ, во-2-хъ единообразно,—въ одномъ и томъ же товарѣ. Ихъ форма цѣнности есть простая и общая имъ всѣмъ, а, стало быть, является и всеобщей.

Формы I и II выражали цѣнность товара лишь какъ нѣчто отличное отъ его собственной потребительной цѣнности или его собственнаго товарнаго тѣла. Первая форма давала такія уравненія, какъ: 1 сюртукъ=20 ар. холста, 10 ф. чаю=$^1/_2$ тоннѣ желѣза и т. д. Цѣнность сюртука, слѣдовательно, выражалась тутъ, какъ нѣчто равное холсту, цѣнность чая, какъ нѣчто равное желѣзу и т. д.; но эти выраженія цѣнности сюртука и чая сами были такъ же различны между собою, какъ холстъ и желѣзо. Эта форма практически, очевидно, встрѣчается лишь въ примитивныя эпохи, когда продукты труда превращаются въ товары только посредствомъ случайныхъ и отдѣльныхъ мѣновыхъ актовъ.

Вторая форма выражаетъ полнѣе первой различіе между цѣнностью товара и его потребительной цѣнностью, ибо цѣнность, напр., сюртука противопоставляется здѣсь его естественной формѣ во всевозможныхъ видахъ; она теперь равна холсту, желѣзу, чаю и т. д., т.-е. всему, кромѣ сюртука. Съ другой стороны, эта форма совершенно исключаетъ всякое всеобщее выраженіе цѣнности товаровъ, такъ какъ въ выраженіи цѣнности каждаго отдѣльнаго товара всѣ остальные товары фигурируютъ лишь въ формѣ эквивалентовъ. Развернутая форма цѣнности въ дѣйствительности встрѣчается тогда, когда какой-нибудь продуктъ труда,—скотъ, напр., начинаетъ обмѣниваться на различные другіе товары не въ видѣ исключенія, а уже обычно.

Разсматриваемая нами новая форма выражаетъ цѣнности товарнаго міра въ одномъ и томъ же, выдѣленномъ изъ него товарѣ, напр., въ холстѣ, и выражаетъ, такимъ образомъ, всѣ товары, приравнивая ихъ къ холсту. Какъ нѣчто равное холсту, цѣнность каждаго товара отличается теперь не только отъ его собственной потребительной цѣнности, но и отъ всякой потребительной цѣнности вообще, и этимъ самымъ она выражается, какъ нѣчто общее, свойственное всѣмъ товарамъ. Поэтому, только эта форма дѣйствительно приводитъ товары во взаимныя отношенія, какъ цѣнности, т.-е. даетъ имъ возможность выступать другъ противъ друга, какъ мѣновыя цѣнности.

Обѣ первыя формы выражаютъ цѣнность каждаго отдѣльнаго товара либо въ одномъ товарѣ другого рода, либо въ рядѣ многихъ разнородныхъ товаровъ. Въ обоихъ случаяхъ это, если можно такъ выразиться, частное дѣло отдѣльныхъ товаровъ дать себѣ форму цѣнности, и они достигаютъ этого безъ содѣйствія другихъ товаровъ. Эти послѣдніе играютъ относительно ихъ лишь пассивную роль эквивалентовъ. Всеобщая же форма цѣнности, наоборотъ, возникаетъ только, какъ общее дѣло всего товарнаго міра. Какой либо товаръ получаетъ свое всеобщее выраженіе цѣнности лишь потому, что одновременно и всѣ остальные товары выражаютъ свою цѣнность въ этомъ же самомъ эквивалентѣ, и всякій новый товаръ, появляющійся послѣ, долженъ дѣлать

то же самое. Такимъ образомъ обнаруживается, что объективная природа товарной цѣнности, являясь лишь чисто «общественнымъ бытіемъ» товаровъ, можетъ быть выражена также лишь посредствомъ всесторонних общественныхъ отношеній этихъ вещей между собою, т. е. что ихъ форма цѣнности должна быть общественно признанной формой.

Въ формѣ, въ которой холстъ становится общимъ эквивалентомъ, всѣ товары являются теперь не только какъ качественно равные между собою, какъ цѣнности вообще, но имѣютъ съ тѣмъ и какъ количественно сравнимыя между собою величины цѣнности. Вслѣдствіе того, что величину своей цѣнности они отражаютъ въ одномъ и томъ же зеркалѣ, холстѣ, эти величины цѣнности снова взаимно отражаются одна въ другой. Напр., 10 ф. чаю= 20 арш. холста и 40 ф. кофе=20 арш. холста; слѣдовательно, 10 ф. чаю= 40 ф. кофе, или въ 1 ф. кофе содержится лишь четвертая часть субстанціи цѣнности труда, заключающагося въ 1 ф. чаю.

Всеобщая относительная форма цѣнности товарнаго міра придаетъ выдѣленному изъ него эквивалентному товару, холсту, характеръ всеобщаго эквивалента. Его собственная естественная форма становится, такимъ образомъ, общимъ выраженіемъ цѣнности товарнаго міра; холстъ, поэтому, можетъ теперь непосредственно обмѣниваться на всѣ другіе товары. Его тѣлесная форма представляется какъ видимое воплощеніе всякаго рода человѣческаго труда, какъ всеобщая общественная оболочка этого труда. Трудъ ткача, частный трудъ, производящій холстъ, пріобрѣтаетъ одновременно и всеобщую общественную форму, форму равенства со всѣми другими видами труда. Безчисленныя уравненія, изъ которыхъ состоитъ всеобщая форма цѣнности, поочередно приравниваютъ реализованный въ холстѣ трудъ къ работѣ, заключающейся въ каждомъ другомъ товарѣ, и этимъ дѣлаютъ ткачество всеобщей формой, въ которой проявляется человѣческій трудъ вообще. Такимъ образомъ, не только овеществленный въ товарной цѣнности трудъ проявляетъ себя отрицательно, т. е. какъ абстрактный трудъ, безъ всякихъ свойственныхъ ему въ дѣйствительности конкретныхъ формъ и полезныхъ качествъ, но ясно выступаетъ и его собственная, положительная природа. Она есть приведеніе всѣхъ реальныхъ видовъ труда къ одному общему имъ содержанію, къ затратѣ человѣческой рабочей силы.

Всеобщая форма цѣнности, которая представляетъ продукты труда просто какъ кристаллизованный безразличный человѣческій трудъ, своимъ остовомъ уже показываетъ, что она есть общественное выраженіе товарнаго міра. Она, слѣдовательно, раскрываетъ, что внутри этого міра общечеловѣчность или всеобщность труда составляетъ его специфическое общественное свойство.

2) Отношеніе между развитіемъ относительной формы и развитіемъ эквивалентной формы.

Степени развитія относительной формы цѣнности соотвѣтствуетъ степень развитія эквивалентной формы. Но—и это слѣдуетъ хорошо запомнить—раз-

ментіе эквивалентной формы есть только выраженіе и результатъ развитія относительной формы цѣнности.

Простая или изолированная относительная форма цѣнности одного товара превращаетъ какой либо другой товаръ въ случайный эквивалентъ. Развернутая или развитая форма относительной цѣнности, это выраженіе цѣнности одного товара во всѣхъ другихъ товарахъ, придаетъ имъ всѣмъ форму разнообразныхъ особыхъ эквивалентовъ. Наконецъ, какой либо особый родъ товара получаетъ форму всеобщаго эквивалента, потому что всѣ остальные товары избираютъ его матеріаломъ своей единой и всеобщей формы относительной цѣнности.

Но въ той же самой степени, въ которой развивается форма цѣнности вообще, развивается также противоположность между двумя ея полюсами,— относительной формой и эквивалентной.

Уже первая форма—20 арш. холста=1 сюртуку—содержитъ эту противоположность, но не фиксируетъ ея. Смотря потому, какъ мы будемъ читать это уравненіе—слѣва направо или справа налѣво, каждый изъ этихъ двухъ товаровъ—холстъ и сюртукъ—находится то въ относительной формѣ цѣнности, то въ эквивалентной. Здѣсь, поэтому, еще трудно замѣтить эту полярную противоположность.

Во второй формѣ всегда лишь одинъ какой нибудь товаръ можетъ вполнѣ развернуть свою относительную форму цѣнности или, другими словами, самъ онъ обладаетъ развернутой формой относительной цѣнности, потому что и поскольку всѣ остальные товары противополагаются ему въ эквивалентной формѣ. Здѣсь обѣ части уравненія—20 арш. холста=1 сюртуку, или=10 ф. чаю, или 1 квартъ. пшеницы, или=и т. д.—не могутъ уже быть взаимно перемѣщаемы безъ измѣненія ихъ общаго характера и безъ превращенія этой формы цѣнности изъ полной во всеобщую форму.

Наконецъ, послѣдняя, III, форма даетъ товарному міру всеобщую общественную относительную форму цѣнности, потому что и поскольку всѣ входящіе въ нее товары, кромѣ одного, лишены эквивалентной формы. Одинъ товаръ, холстъ, находится, поэтому, въ формѣ непосредственной обмѣниваемости со всѣми другими товарами или въ непосредственной общественной формѣ, потому что и поскольку другіе товары въ ней не находятся [24]).

II, наоборотъ, товаръ, фигурирующій въ качествѣ всеобщаго эквивалента,

[24]) Съ перваго взгляда дѣйствительно не видно, что форма всеобщей непосредственной обмѣниваемости полярна, и что она столь же неотдѣлима отъ формы непосредственной обмѣниваемости, какъ положительный полюсъ магнита отъ отрицательнаго. Поэтому можно вообразить себѣ, что на всѣ товары можно одновременно наложить печать непосредственной обмѣниваемости, какъ можно вообразить что всѣхъ католиковъ можно сдѣлать одновременно папами. Для мѣщанства, которое въ товарномъ производствѣ видитъ nec plus ultra человѣческой свободы и индивидуальной независимости, было бы, разумѣется, очень желательно устранить темныя стороны этой формы, въ особенности же непосредственную обмѣниваемость товаровъ. Размазываніе этой филистерской утопіи и составляетъ соціализмъ Прудона, который, какъ я указалъ въ другомъ мѣстѣ, не можетъ быть даже признанъ оригинальнымъ, такъ какъ тѣ же идеи задолго до него и гораздо лучше его были развиты Gray, Bray и другими. Это однако не мѣшаетъ теперь такой премудрости

лишается единой, а, слѣдовательно, всеобщей относительной формы цѣнности товарнаго міра. Чтобы холстъ, т.-е. какой либо товаръ, находящійся во всеобщей эквивалентной формѣ, участвовалъ одновременно и въ относительной формѣ цѣнности, онъ долженъ самъ себѣ служить эквивалентомъ. Тогда мы получимъ: 20 арш. холста = 20 арш. холста, т. е. тавтологію, въ которой не выражается ни цѣнность, ни величина цѣнности. Чтобы выразить относительную цѣнность всеобщаго эквивалента, намъ нужно было бы перевернуть форму III; онъ не обладаетъ никакой общей со всѣми другими товарами относительной формой цѣнности, но его цѣнность выражается относительно въ безконечномъ рядѣ всѣхъ другихъ товаровъ. Такимъ образомъ, развернутая относительная форма цѣнности или форма II является теперь специфической относительной формой цѣнности товара, служащаго эквивалентомъ.

3) Переходъ отъ всеобщей формы цѣнности къ денежной формѣ.

Всеобщая эквивалентная форма есть форма цѣнности вообще. Она можетъ, поэтому, принадлежать какому угодно товару. Съ другой стороны, какой либо товаръ можетъ находиться во всеобщей эквивалентной формѣ (форма III) лишь потому, что онъ, и поскольку онъ, какъ эквивалентъ, исключенъ всѣми другими товарами изъ ихъ среды. И только съ того момента, когда этотъ исключительный характеръ былъ присвоенъ лишь одному специфическому товару, относительная форма цѣнности товарнаго міра пріобрѣла объективную прочность и всеобщую общественную силу.

Тотъ специфическій товаръ, съ естественной формой котораго мало-по-малу общественнымъ путемъ срастается эквивалентная форма, становится денежнымъ товаромъ или функціонируетъ, какъ деньги. Играть въ товарномъ мірѣ роль всеобщаго эквивалента становится его специфической общественной функціей и, стало быть, его общественной монополіей. Между товарами, которыя въ формѣ II фигурируютъ какъ особые эквиваленты холста, а въ формѣ III сообща выражаютъ въ холстѣ свою относительную цѣнность, привиллегію эту исторически пріобрѣлъ одинъ опредѣленный товаръ—золото. Если, поэтому, въ формѣ III мы поставимъ на мѣсто товара «холстъ» товаръ «золото», то получимъ:

Д. Денежная форма.

20 арш. холста =	2 унціямъ золота.
1 сюртукъ =	
10 ф. чаю =	
40 ф. кофе =	
1 кв. пшеницы =	
1/2 тонны желѣза =	
x товара A =	

въ нѣкоторыхъ кругахъ процвѣтаетъ подъ именемъ «science». Никогда ни одна школа не носилась такъ много со словомъ «science», какъ школа Прудона, ибо

«Wo Begriffe fehlen,
Da stellt zur rechten Zeit ein Wort sich ein».

(Гдѣ не достаетъ понятій, тамъ является во время слово).

При переходѣ изъ формы I въ форму II и изъ формы II въ форму III происходятъ существенныя измѣненія. Наоборотъ, форма IV ничѣмъ не отличается отъ формы III, кромѣ того, что теперь вмѣсто холста золото обладаетъ всеобщей эквивалентной формой. Золото въ формѣ IV остается тѣмъ, чѣмъ былъ холстъ въ формѣ III, всеобщимъ эквивалентомъ. Прогрессъ состоитъ лишь въ томъ, что форма непосредственной всеобщей обмѣниваемости или общая эквивалентная форма, благодаря общественному обычаю, теперь окончательно срослась со специфической естественной формой товара «золота».

Золото выступаетъ относительно другихъ товаровъ въ качествѣ денегъ лишь потому, что раньше оно уже противостояло имъ въ качествѣ товара. Подобно всѣмъ другимъ товарамъ, оно такъ же функціонировало, какъ эквивалентъ,—въ качествѣ ли единичнаго эквивалента—при отдѣльныхъ мѣновыхъ актахъ, или особеннаго эквивалента—рядомъ съ другими товарными эквивалентами. Мало-по-малу оно стало функціонировать, въ болѣе или менѣе широкой сферѣ, какъ всеобщій эквивалентъ. Какъ только оно пріобрѣло монополію на это мѣсто въ выраженіи цѣнности товарнаго міра, оно стало денежнымъ товаромъ, и съ этого только момента, когда оно уже дѣлается денежнымъ товаромъ, форма IV начинаетъ отличаться отъ формы III, т.-е. всеобщая форма цѣнности превращается въ денежную форму.

Простое выраженіе относительной цѣнности какого либо товара, напр., холста, въ другомъ товарѣ, который уже функціонируетъ какъ денежный товаръ, напр., въ золотѣ, есть форма цѣны. Форма цѣны холста, поэтому, будетъ:

20 арш. холста=2 унціямъ золота,

или, если 2 ф. стерл. есть монетное наименованіе двухъ унцовъ золота, то

20 арш. холста=2 ф. стерл.

Трудность пониманія денежной формы заключается только въ трудности уразумѣнія всеобщей эквивалентной формы, т.-е. всеобщей формы цѣнности вообще (форма III). Эта послѣдняя форма можетъ быть приведена обратно къ формѣ II, къ развернутой формѣ, а составнымъ элементомъ ея является форма I: 20 арш. холста=1 сюртуку, или x товара $A=y$ товара B. Простая форма цѣнности есть, слѣдовательно, зародышъ денежной формы.

4. Товаръ, какъ фетишъ, и тайна товарнаго фетиша.

Товаръ, съ перваго взгляда, кажется совершенно понятной, тривіальной вещью. Анализъ его, однако, показываетъ, что это вещь очень хитрая, полная метафизическихъ тонкостей и теологическихъ странностей. Поскольку товаръ есть потребительная цѣнность, въ немъ нѣтъ ничего таинственнаго,—разсматриваю ли я его какъ вещь, обладающую свойствами, удовлетворяющими человѣческія потребности, или какъ вещь, получающую эти свойства лишь въ качествѣ продукта человѣческаго труда. Вполнѣ понятно то, что человѣкъ своей дѣятельностью измѣняетъ данные природой матеріалы такимъ образомъ, чтобы сдѣлать ихъ для себя полезными. Форма дерева, напр., измѣняется, когда изъ него дѣлаютъ столъ. Тѣмъ не менѣе столъ остается деревомъ, обыкновенной чув-

ственной вещью. Но какъ только онъ выступаетъ въ качествѣ товара, онъ тотчасъ превращается въ чувственно-сверхчувственную вещь. Онъ не только стоитъ своими ногами на землѣ, но, въ виду всѣхъ товаровъ, становится, такъ сказать, на голову, и его деревянная башка проявляетъ причуды болѣе странныя, чѣмъ если бы онъ по собственному почину вдругъ сталъ танцовать [25]).

Таинственный характеръ товара вытекаетъ, слѣдовательно, не изъ его потребительной цѣнности. Такъ же мало вытекаетъ онъ и изъ содержанія опредѣляющихъ цѣнность моментовъ. Ибо, во-первыхъ, какъ ни различны виды полезнаго труда или производительной дѣятельности, физіологически вѣрно, что они функціи человѣческаго организма, и что каждая такая функція, каковы бы ни были ея содержаніе и форма, есть, главнымъ образомъ, трата человѣческаго мозга, нервовъ, мускуловъ, органовъ чувствъ и т. д. Во-вторыхъ, что касается момента, опредѣляющаго величину цѣнности, а именно—продолжительности трудовой затраты или количества труда, то это количество даже видимо отличается отъ качества труда. При всякихъ общественныхъ условіяхъ человѣка должно было интересовать рабочее время, которое онъ тратитъ на добываніе средствъ существованія, хотя на различныхъ ступеняхъ развитія интересъ этотъ былъ не одинаковъ [26]). Наконецъ, когда люди начинаютъ въ какой либо формѣ работать другъ для друга, ихъ трудъ получаетъ также общественную форму.

Откуда же происходитъ загадочный характеръ продукта труда, лишь только онъ принимаетъ форму товара? Очевидно, онъ вытекаетъ изъ этой самой формы. Равенство всѣхъ видовъ человѣческаго труда выражается въ вещной формѣ—въ тождествѣ матеріальной основы цѣнности всѣхъ продуктовъ труда; измѣреніе затраты человѣческаго труда его продолжительностью выражается въ формѣ величины цѣнности продуктовъ труда; наконецъ, отношенія между производителями, въ которыхъ проявляется общественный характеръ ихъ труда, выражаются въ формѣ общественнаго отношенія продуктовъ труда.

Загадочность товарной формы заключается, слѣдовательно, просто въ томъ, что она отражаетъ людямъ общественный характеръ ихъ собственнаго труда въ видѣ вещественныхъ свойствъ самихъ продуктовъ труда, т.-е. въ видѣ якобы присущихъ отъ природы общественныхъ свойствъ этихъ вещей, вслѣдствіе чего и общественное отношеніе производителей къ общей массѣ труда представляется людямъ, какъ внѣ ихъ существующее общественное отношеніе между самими предметами. Вслѣдствіе этого quid pro quo продукты труда становятся товарами, т.-е. чувственно-сверхчувственными или обще-

---

[25]) Извѣстно, что Китай и столы начали танцовать, когда весь остальной свѣтъ, казалось, находился въ покоѣ—pour encourager les autres.

[26]) Прим. ко 2 изд. У древнихъ германцевъ величина одного моргена земли измѣрялась трудомъ одного дня, отсюда его названіе Tagwerk (jurnale или jurnalis, terra jurnalis или diurnalis). Tagwanne, Mannwerk, Mannskraft, Mannsmand, Mannshanet и т. п. См. Georg Ludwig von Maurer; «Einleitung zur Geschichte der Mark-, Hof- u s. w. Verfassung». München 1859, p. 129 sq.

ственными вещами. Такъ свѣтовое впечатлѣніе отъ какого либо предмета на зрительный нервъ представляется не какъ субъективное раздраженіе самого зрительнаго нерва, а какъ объективная форма вещи, находящейся внѣ глазъ. Но при этомъ процессѣ свѣтъ дѣйствительно отбрасывается отъ одной вещи, отъ внѣшняго предмета, на другую вещь, глазъ. Это есть физическое отношеніе между физическими же вещами. Между тѣмъ товарная форма и отношеніе цѣнности продуктовъ, въ которомъ она проявляется, наоборотъ, не имѣютъ абсолютно ничего общаго съ ихъ физической природой и вытекающими изъ нея вещными отношеніями. Это только опредѣленное общественное отношеніе самихъ людей, которое принимаетъ для нихъ фантастическую форму какого-то отношенія между вещами. Чтобы найти этому аналогію, надо пуститься въ туманную область религіозныхъ представленій. Въ этой области продукты человѣческаго мозга кажутся самостоятельными существами, одаренными собственной жизнью и находящимися между собою и съ людьми въ извѣстныхъ отношеніяхъ. Такую же роль въ товарномъ мірѣ играютъ произведенія человѣческихъ рукъ. Это я называю фетишизмомъ, который тотчасъ налагаетъ свою печать на продукты труда, когда они начинаютъ производиться какъ товары, а потому и неразлученъ съ товарнымъ производствомъ.

Этотъ фетишизмъ товарнаго міра вытекаетъ, какъ уже показалъ предыдущій анализъ, изъ своеобразнаго общественнаго характера труда, который производитъ товары.

Вообще, продукты потребленія дѣлаются товарами лишь потому, что они продукты частныхъ работъ, исполняемыхъ независимо одна отъ другой. Совокупность этихъ частныхъ работъ составляетъ общественный трудъ какъ цѣлое. Такъ какъ производители входятъ во взаимныя общественныя отношенія только посредствомъ обмѣна своихъ произведеній, то и специфическій общественный характеръ ихъ частныхъ работъ проявляется лишь въ предѣлахъ этого обмѣна. Другими словами, частныя работы въ дѣйствительности осуществляются лишь какъ звенья общественнаго труда,—чрезъ отношенія, которыя обмѣнъ устанавливаетъ между продуктами труда и, посредствомъ этихъ продуктовъ, между самими производителями. Для этихъ послѣднихъ общественныя отношенія ихъ частныхъ работъ выступаютъ, поэтому, такими, какими они и являются въ дѣйствительности, т.-е. не какъ непосредственныя отношенія лицъ въ процессѣ ихъ работъ, но наоборотъ, какъ вещныя отношенія лицъ и общественныя отношенія вещей.

Только въ процессѣ обмѣна продукты труда пріобрѣтаютъ общественно одинаковую объективную природу, выражающуюся въ ихъ цѣнности и отличную отъ ихъ разнообразной природы, получающей свое выраженіе въ полезности. Это раздвоеніе продукта труда на полезность и цѣнность на практикѣ проявляется только тогда, когда обмѣнъ пріобрѣлъ уже настолько крупные размѣры и такое значеніе, что полезные предметы производятся прямо для обмѣна, т.-е., что то свойство предметовъ, которое дѣлаетъ ихъ цѣнностями, принимается во вниманіе уже при самомъ ихъ производствѣ. Съ этого момента частныя работы производителей получаютъ дѣйствительно двойственный общественный характеръ. Онѣ должны, съ

одной стороны, какъ опредѣленныя полезныя работы, удовлетворять общественнымъ потребностямъ и такимъ образомъ заявить себя звеньями совокупнаго общественнаго труда, естественно развившейся (naturwüchsigen) системы общественнаго раздѣленія труда. Съ другой стороны, разнообразнымъ потребностямъ своихъ собственныхъ производителей онѣ удовлетворяютъ лишь постольку, поскольку каждый особый видъ частнаго полезнаго труда можетъ быть обмѣненъ на всякій другой полезный видъ частнаго труда, т.-е. считается ему равнымъ. Равенство toto coelo (цѣликомъ) различныхъ видовъ труда можетъ заключаться только въ отвлеченіи отъ ихъ дѣйствительнаго неравенства, т.-е. въ сведеніи ихъ къ тому общему свойству, которое состоитъ въ томъ, что они представляютъ затрату человѣческой рабочей силы, абстрактнаго человѣческаго труда. Тѣ формы, которыя присущи коммерческому обороту, обмѣну продуктовъ представляютъ лишь простое отраженіе въ мозгу производителей указаннаго двойственнаго общественнаго характера частныхъ работъ. При этомъ общественная полезность частныхъ работъ проявляется для производителей въ томъ, что продуктъ труда долженъ быть полезенъ и притомъ для другихъ людей, а общественное равенство разнородныхъ работъ сказывается въ томъ общемъ матеріально различнымъ вещамъ, т.-е. продуктамъ труда, свойствѣ, что они представляютъ цѣнность.

Стало быть, производители ставятъ во взаимныя отношенія продукты своего труда, какъ цѣнности не потому, что они видятъ въ нихъ лишь матеріальныя оболочки, подъ которыми скрывается однородный человѣческій трудъ. Наоборотъ: приравнивая въ процессѣ обмѣна свои разнородные продукты какъ цѣнности, они этимъ фактически устанавливаютъ равенство между своими различными работами, какъ видами человѣческаго труда вообще. Они этого не знаютъ, но они это дѣлаютъ [27]). У цѣнности поэтому не написано на лбу, что она такое. Цѣнность, наоборотъ, превращаетъ каждый продуктъ труда въ общественный гіероглифъ. Потомъ уже люди пытаются разгадать этотъ гіероглифъ, проникнуть въ тайну своего собственнаго общественнаго продукта, такъ какъ опредѣленіе предметовъ потребленія какъ цѣнностей есть такой же общественный продуктъ, какъ языкъ. Довольно позднее научное открытіе, что продукты труда какъ цѣнности представляютъ собою лишь матеріальныя выраженія потраченнаго на нихъ производство человѣческаго труда, составляетъ эпоху въ историческомъ развитіи человѣчества, но отнюдь не разсѣеваетъ вещной видимости общественныхъ свойствъ труда. Тотъ фактъ, что специфическое общественное свойство независимыхъ одна отъ другой частныхъ работъ состоитъ въ ихъ равенствѣ—въ качествѣ человѣческаго труда вообще, и что это свойство получаетъ форму цѣнности продуктовъ труда—этотъ фактъ имѣетъ силу лишь для данной особой формы производства, для товарнаго производства. Но человѣку, умственный взоръ котораго не идетъ дальше отношеній товарнаго производства, онъ,

[27]) Прим. ко 2 изд. Поэтому, когда Galiani говоритъ: цѣнность есть отношеніе между двумя лицами («la Ricchezza è una regiona tra due persone»), то онъ долженъ былъ бы прибавить: отношеніе, скрытое подъ вещной оболочкой (Galiani: Della Moneta, p. 220, v. III изъ сборника Custodi: «Scrittori Classici Italiani di Economia Politica». Parte Moderna. Milano 1801).

до и послѣ этого открытія, представляется столь же непзмѣнпымъ, какъ физическая форма воздуха, которая отнюдь не измѣняется отъ химическаго разложенія его на составные элементы.

Съ практической точки зрѣнія, людей, занимающихся обмѣномъ продуктовъ, прежде всего интересуетъ вопросъ, сколько чужихъ продуктовъ они получатъ за свои, т.-е. въ какой пропорціи продукты обмѣниваются между собою. Какъ только эти пропорціи пріобрѣли путемъ обычая извѣстную устойчивость, онѣ начинаютъ представляться вытекающими изъ самой природы продуктовъ труда. Такимъ образомъ, напр., тонна желѣза и 2 унца золота являются равноцѣнными, подобно тому, какъ 1 ф. золота и 1 ф. желѣза, несмотря на ихъ различныя физическія и химическія свойства, равны по вѣсу. Дѣйствительно, свойство цѣнности устанавливается за продуктами труда лишь тогда, когда они функціонируютъ, какъ величины цѣнности. Эти послѣднія безпрерывно мѣняются, независимо отъ желанія, предвидѣнія и дѣятельности производителей, для которыхъ ихъ собственное общественное движеніе принимаетъ такимъ образомъ форму движенія вещей,—движенія, подъ контролемъ котораго они находятся, вмѣсто того, чтобы сами его контролировать. Необходимо полное развитіе товарнаго производства, прежде чѣмъ изъ самого опыта раскроется та научная истина, что частныя работы, выполняемыя независимо одна отъ другой, но со всѣхъ сторонъ, какъ части одной системы общественнаго раздѣленія труда, связанныя между собою,—постоянно приводятся къ своей общественной относительной мѣрѣ. Дѣло въ томъ, что въ случайныхъ и постоянно колеблющихся мѣновыхъ отношеніяхъ продуктовъ рабочее время, общественно необходимое для ихъ производства, даетъ себя знать, какъ регулирующій естественный законъ, на манеръ закона тяжести, когда надъ вашей головой обрушивается домъ [28]). Итакъ, опредѣленіе величины цѣнности посредствомъ рабочаго времени есть тайна, скрытая подъ явными движеніями относительныхъ цѣнностей товаровъ. Раскрытіе этой тайны устраняетъ видимую случайность въ опредѣленіи величины цѣнности продуктовъ труда, но нисколько не устраняетъ ея вещной формы.

Работа научной мысли, изслѣдующей формы человѣческой жизни и, слѣдовательно, стремящейся къ ихъ научному анализу, идетъ вообще путемъ, совершенно противоположнымъ тому, которымъ идетъ реальное развитіе. Научное изслѣдованіе начинается post festum и, стало быть, исходитъ отъ готовыхъ результатовъ процесса развитія. Формы, которыя превращаютъ продукты труда въ товары и потому предшествуютъ товарному обращенію, обладаютъ уже устойчивостью естественныхъ формъ общественной жизни прежде, чѣмъ люди начинаютъ отдавать себѣ отчетъ—не въ историческомъ характерѣ этихъ формъ, которыя, наоборотъ, кажутся имъ неизмѣняемыми, а въ ихъ содержаніи. Такъ,

[28]) «Что сказать о законѣ, который можетъ проявляться лишь въ періодическихъ переворотахъ? Это законъ природы, который покоится на безсознательности затрогиваемыхъ имъ лицъ». (Friedrich Engels: «Umrisse zu einer Kritik der Nationalökonomie» in Deutsch-französische Jahrbücher, herausg. von Arnold Ruge und Karl Marx. Paris, 1844).

только анализъ товарныхъ цѣнъ привелъ къ опредѣленію величины цѣнности, и только всеобщее денежное выраженіе товаровъ привело къ фиксаціи ихъ какъ цѣнностей. Между тѣмъ именно эта готовая форма—денежная форма—товарнаго міра, не только не обнаруживаетъ, а, наоборотъ, скрываетъ подъ вещной маской общественный характеръ частныхъ работъ, и потому маскируетъ и общественныя отношенія частныхъ производителей. Когда я говорю, что сюртукъ, сапоги и т. д. относятся къ холсту, какъ ко всеобщему воплощенію абстрактнаго человѣческаго труда, то нелѣпость этого выраженія бросается прямо въ глаза. Но когда производители сюртука, сапогъ и т. д. относятъ эти товары къ холсту—или, что одно и то же, къ золоту и серебру,—какъ къ общему эквиваленту, то отношеніе ихъ частныхъ работъ къ совокупному общественному труду представляется имъ именно въ этой нелѣпой формѣ.

Изъ подобнаго рода формъ и состоитъ категорія буржуазной экономіи. Это — получившія общественное признаніе и, слѣдовательно, объективныя мыслительныя формы для производственныхъ отношеній даннаго, исторически опредѣленнаго, способа производства,—товарнаго производства. Поэтому, весь мистицизмъ товарнаго міра, все то волшебство и колдовство, которое окружаетъ продукты труда, производимые на основѣ товарнаго производства, исчезаетъ тотчасъ, какъ только мы обращаемся къ другимъ формамъ производства.

Такъ какъ политическая экономія любитъ робинзонады [39]), то прежде всего посѣтимъ Робинзона на его островѣ. Какъ онъ ни скроменъ, все же ему нужно удовлетворять различныя потребности, а потому онъ долженъ исполнять различнаго рода полезныя работы: дѣлать инструменты и мебель, приручать ламу, ловить рыбу, охотиться и т. д. О молитвахъ и т. п. мы здѣсь не говоримъ, такъ какъ нашъ Робинзонъ находитъ въ этомъ удовольствіе и такого рода дѣятельность считаетъ отдыхомъ. Несмотря на разнообразіе своихъ производительныхъ функцій, онъ знаетъ, что всѣ онѣ суть лишь различныя формы дѣятельности одного и того же Робинзона, а потому только различные виды человѣческаго труда. Сама нужда заставляетъ его строго распредѣлять свое время между различными функціями. Какая изъ нихъ поглощаетъ у него большую или меньшую часть его трудовой дѣятельности,—зависитъ отъ большей или меньшей трудности, которую приходится преодолѣть для полученія памѣтнаго полезнаго результата. Опытъ научаетъ его этому, и нашъ Робинзонъ, который спасъ съ корабля часы, гроссъ-бухъ, чернила и перо, тотчасъ же, какъ по-

[39]) Примѣч. ко 2 изд. И Рикардо не лишенъ своей Робинзонады. «Первобытнаго рыболова и первобытнаго охотника онъ заставляетъ, въ качествѣ товаровладѣльцевъ, обмѣнивать рыбу и дичь сообразно овеществленному въ этихъ мѣновыхъ цѣнностяхъ рабочему времени. При этомъ случаѣ онъ позволяетъ себѣ анахронизмъ, по которому первобытные рыболовъ и охотникъ для расчета своихъ рабочихъ инструментовъ употребляютъ принятыя въ 1817 г. на лондонской биржѣ таблицы для вычисленія погашенія. Повидимому, кромѣ буржуазной формы общества, Рикардо были знакомы одни лишь «параллелограммы господина Оуэна» (Karl Marx. Zur Kritik. etc., p. 38, 39).

рядочный англичанинъ, начинаетъ вести бухгалтерскую книгу своему существованію. Его инвентарь содержитъ въ себѣ перечень всѣхъ предметовъ потребленія, которыми онъ обладаетъ, различныхъ приспособленій, необходимыхъ для ихъ производства, наконецъ, обозначеніе рабочаго времени, которое онъ въ среднемъ тратитъ на опредѣленныя количества этихъ различныхъ продуктовъ. Всѣ отношенія между Робинзономъ и вещами, которыя составляютъ созданное имъ самимъ богатство, здѣсь столь просты и очевидны, что даже самъ г. Максъ Вирть *), вѣроятно, понялъ бы ихъ безъ особаго напряженія ума. Тѣмъ не менѣе въ нихъ содержатся всѣ существенныя опредѣленія цѣнности.

Перенесемся теперь со свѣтлаго Робинзонова острова въ мрачное европейское средневѣковье. Вмѣсто независимаго человѣка, мы здѣсь находимъ всѣхъ зависимыми—мы видимъ здѣсь крѣпостныхъ и помѣщиковъ, вассаловъ и сюзереновъ, свѣтскихъ и духовныхъ лицъ. Личной зависимостью характеризуются въ средніе вѣка одинаково, какъ общественныя отношенія въ сферѣ матеріальнаго производства, такъ и всѣ другія области жизни, опирающіяся на матеріальное производство. Но именно потому, что отношенія личной зависимости составляютъ основаніе всего этого общественнаго строя, человѣческому труду и его продуктамъ нѣтъ надобности принимать отличный отъ ихъ сущности фантастическій видъ. Они фигурируютъ въ механизмѣ общественныхъ отношеній въ видѣ натуральнаго труда и натуральныхъ повинностей. Непосредственной общественной формой труда является здѣсь его натуральная форма, т. е. трудъ выступаетъ въ своихъ частныхъ формахъ, какъ та или иная опредѣленная работа, а не въ своей общей формѣ, не какъ человѣческій трудъ вообще, что имѣетъ мѣсто въ общественномъ строѣ, основанномъ на товарномъ производствѣ. Крѣпостной трудъ такъ же хорошо измѣряется временемъ, какъ и трудъ, производящій товары; но каждый крѣпостной знаетъ, что онъ тратитъ опредѣленное количество своей личной рабочей силы на службѣ своего господина. Десятина, которую ему приходится отдавать попу, болѣе осязательна, чѣмъ благословеніе попа. Поэтому, какъ ни судить о тѣхъ сценическихъ маскахъ, подъ которыми тутъ люди выступаютъ другъ противъ друга, общественныя отношенія лицъ въ процессѣ ихъ труда являются тутъ, во всякомъ случаѣ, въ качествѣ ихъ собственныхъ личныхъ отношеній, а не переряжены въ общественныя отношенія вещей, продуктовъ труда.

Чтобы познакомиться съ общиннымъ, т.-е. непосредственно обобществленнымъ трудомъ, намъ нѣтъ надобности обращаться къ его примитивной естественной формѣ, которая встрѣчается на порогѣ исторіи всѣхъ культурныхъ народовъ [30]). Болѣе близкій примѣръ такого труда представляетъ деревенское

*) Максъ Вирть—нѣмецкій буржуазно-либеральный экономистъ, пользовавшійся извѣстностью въ 60-ые годы. *Прим. ред. русск. перев.*

[30]) Прим. ко 2 изд. «Въ новѣйшее время распространенъ смѣшной предразсудокъ, что форма первобытной общинной собственности есть славянская и даже исключительно русская особенность. Между тѣмъ, эта первичная форма встрѣчается у римлянъ, германцевъ, кельтовъ, а у индусовъ можно и теперь еще встрѣтить пестрое разнообразіе такихъ формъ, хотя уже—въ состояніи упадка. Болѣе

патріархальное производство любой крестьянской семьи, которая производитъ для собственныхъ потребностей хлѣбъ, скотъ, пряжу, холстъ, одежду и т. д. Эти различные предметы являются, для данной семьи, различными продуктами ея семейнаго труда, но они не выступаютъ другъ противъ друга какъ товары. Различные направленные на производство этихъ продуктовъ виды труда, каковы земледѣліе, скотоводство, прядепье, тканье, шитье и т. д., представляютъ собою въ своей натуральной формѣ общественныя функціи, являясь функціями семьи, которая такъ же, какъ и товарное производство, обладаетъ своей естественно развившейся системой раздѣленія труда. Различіе пола и возраста, а также и измѣненія въ естественныхъ условіяхъ труда, связанныя съ различіями временъ года, регулируютъ распредѣленіе труда въ семьѣ и рабочее время отдѣльныхъ ея членовъ. Измѣряемая продолжительностью времени затрата индивидуальныхъ рабочихъ силъ является здѣсь прямо какъ общественный факторъ, опредѣляющій самый трудъ, такъ какъ индивидуальныя рабочія силы функціонируютъ тутъ прямо, какъ органы совокупной рабочей силы семьи.

Представимъ себѣ, наконецъ, для разнообразія, союзъ свободныхъ людей, которые работаютъ общими орудіями производства и всѣ свои индивидуальныя рабочія силы сознательно расходуютъ, какъ единую общественную рабочую силу. Всѣ характерныя черты Робинзонова труда встрѣтятся и здѣсь, но въ формѣ общественной, а не индивидуальной. Всѣ продукты Робинзона были исключительно его личными произведеніями, а потому являлись предметами его собственнаго непосредственнаго потребленія. Совокупный же продуктъ союза есть общественный продуктъ. Часть этого продукта будетъ служить вновь средствомъ производства. Она будетъ оставаться общественнымъ достояніемъ. Но другая часть потребляется членами общины, а потому должна быть между ними распредѣлена. Способъ этого распредѣленія будетъ мѣняться сообразно съ характеромъ самого общественнаго производительнаго организма и соотвѣтственно степени историческаго развитія производителей. Предположимъ—лишь для установленія параллели съ системой товарнаго производства,—что доля каждаго производителя въ средствахъ существованія опредѣляется его рабочимъ временемъ. Въ такомъ случаѣ рабочее время играетъ двоякую роль. Его общественно-планомѣрное распредѣленіе регулируетъ надлежащее отношеніе различныхъ видовъ (функцій) труда къ различнымъ потребностямъ. Съ другой стороны, рабочее время служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ мѣриломъ индивидуальнаго участія производителей въ общей работѣ, а потому—и въ той долѣ общаго продукта, которая предназначается для индивидуальнаго потребленія. Общественныя отношенія людей къ ихъ работамъ и къ ихъ продуктамъ остаются здѣсь простыми и прозрачными одинаково какъ въ производствѣ, такъ и въ распредѣленіи.

точное изученіе азіатскихъ и особенно индійскихъ формъ общинной собственности показало бы, какъ изъ различныхъ формъ существованія этой собственности проистекали различныя формы ея разрушенія. Такъ, напр., различные первичные типы частной собственности у римлянъ и у германцевъ могутъ быть выведены изъ различныхъ формъ индійской общинной собственности». (Karl Marx: Zur Kritik etc. p. 10).

Для общества товаропроизводителей, общественное производственное отношеніе котораго заключается въ томъ, что они относятся къ своимъ продуктамъ какъ къ товарамъ, т.-е. какъ къ цѣнностямъ, и въ этой вещной формѣ относятъ одну къ другой свои частныя работы, какъ однаковый человѣческій трудъ, — для такого общества христіанство съ его культомъ абстрактнаго человѣка, особенно христіанство въ его буржуазной формѣ—протестантизмѣ, деизмѣ и т. д.—представляетъ самую подходящую религію. Въ древне-азіатскихъ, античныхъ и т. п. системахъ производства, превращеніе продукта въ товаръ, а слѣдовательно—и существованіе человѣка въ видѣ товаропроизводителя играетъ второстепенную роль, которая, однако, становится тѣмъ значительнѣе, чѣмъ болѣе данное общество приближается къ своему упадку. Настоящіе торговые народы существуютъ лишь въ трещинахъ древняго міра, какъ боги Эпикура или какъ евреи въ порахъ польскаго народа. Древнія общественныя производственныя организаціи гораздо проще и прозрачнѣе буржуазной, но они покоятся либо на незрѣлости человѣческой личности, которая еще не оторвалась отъ пуповины, связывающей ее съ близкими по крови, либо на отношеніяхъ непосредственнаго господства съ одной стороны и рабства съ другой. Существованіе такихъ организацій опредѣляется низкой ступенью развитія производительныхъ силъ труда и соотвѣтственной ограниченностью и узостью отношеній людей въ сферѣ матеріальной жизни, а потому—и ихъ отношеній между собой и къ природѣ. Эта реальная узость отражается идеально—въ древнихъ естественныхъ и народныхъ религіяхъ. Религіозное отраженіе реальнаго міра можетъ вообще исчезнуть лишь тогда, когда условія практической будничной жизни людей будутъ каждодневно представлять имъ вполнѣ ясныя и разумныя отношенія человѣка къ человѣку и къ природѣ. Общественный процессъ жизни, т.-е. матеріальный процессъ производства лишь тогда сброситъ съ себя мистическое покрывало, когда онъ, какъ продуктъ свободно соединившихся людей, станетъ подъ ихъ сознательный и планомѣрный контроль. Но для этого требуется такая матеріальная основа общества или такой рядъ матеріальныхъ условій его существованія, которыя, въ свою очередь, являются лишь естественнымъ продуктомъ долгаго и мучительнаго историческаго развитія.

Политическая экономія, хотя и произвела анализъ, правда, далеко не полный [31]),

[31]) Недостаточность анализа величины цѣнности Рикардо—а его анализъ самый лучшій — будетъ показана въ третьей и четвертой книгѣ этого сочиненія. Что же касается цѣнности вообще, то классическая политическая экономія нигдѣ ясно и сознательно не различаетъ трудъ, выражающійся въ цѣнности его продукта, отъ того же самаго труда, выражающагося въ его потребительной цѣнности. Разумѣется, фактически она устанавливаетъ это различіе, разсматривая трудъ то съ точки зрѣнія количества, то съ точки зрѣнія качества. Но ей не приходитъ въ голову, что количественное различіе работъ предполагаетъ ихъ качественное единство или равенство, т.-е. приводится къ абстрактному человѣческому труду. Рикардо, напр., заявляетъ о своемъ согласіи съ Destutt de Tracy: «Такъ какъ вѣрно, что наши физическія и духовныя способности суть наше единственное первоначальное богатство, а употребленіе этихъ способностей, какой нибудь трудъ, есть наше единственное первоначальное сокровище, и что это употребленіе есть источникъ всѣхъ вещей,

цѣнности и величины цѣнности, хотя она и раскрыла скрывающееся подъ этими формами содержаніе, но она никогда даже не задавалась вопросомъ, почему это содержаніе принимаетъ такую, а не другую, форму, почему трудъ выражается въ цѣнности, а мѣра труда посредствомъ его продолжительности—въ величинѣ цѣнности продукта труда? [32]) Формы, у которыхъ на лбу написано, что онѣ

которыя мы называемъ богатствомъ... то также вѣрно и то, что всѣ эти вещи представляютъ лишь трудъ, который ихъ произвелъ, и что если онѣ имѣютъ цѣнность, и даже двѣ различныя цѣнности, то онѣ могутъ происходить только отъ цѣнности труда, который ихъ создалъ». (Ricardo: «The principles of. Pol. Econ. 3 ed. Lond. 1821», p. 334). Прибавимъ только, что Рикардо придаетъ словамъ Destutt своей собственный болѣе глубокій смыслъ. Въ дѣйствительности Destutt говоритъ, что, съ одной стороны, всѣ вещи, составляющія богатство, «представляютъ трудъ, который ихъ создалъ», но, съ другой стороны, что онѣ свои «двѣ различныхъ цѣнности» (потребительную цѣнность и мѣновую цѣнность) получаютъ отъ «цѣнности труда». Такимъ образомъ, онъ впадаетъ въ грубую ошибку вульгарной экономіи, которая сперва предполагаетъ цѣнность одного товара, въ данномъ случаѣ труда, чтобы потомъ этой цѣнностью опредѣлять цѣнность другихъ товаровъ. Рикардо понимаетъ его такъ, будто онъ говоритъ, что трудъ (а не цѣнность труда) выражается какъ въ потребительной, такъ и въ мѣновой цѣнности. Но онъ самъ такъ мало различаетъ двойственный характеръ труда, что въ цѣлой главѣ: «Value and Riches, Their Distinctive properties» онъ вынужденъ оспаривать тривіальности такого господина, какъ Ж. Б. Сэй. Въ заключеніе онъ, поэтому, крайне наивенъ, что Destutt, съ одной стороны, какъ будто согласенъ съ нимъ самимъ насчетъ труда, какъ источника цѣнности, но, съ другой стороны, согласенъ и съ Сэемъ относительно понятія цѣнности.

[32]) Одинъ изъ основныхъ недостатковъ классической политической экономіи состоитъ въ томъ, что ей никогда не удавалось изъ анализа товара и въ частности, изъ анализа товарной цѣнности вывести форму цѣнности, которая и дѣлаетъ его (товаръ) мѣновой цѣнностью. Именно лучшіе представители классической экономіи, А. Смитъ и Рикардо, разсматриваютъ форму цѣнности, какъ нѣчто совершенно безразличное или даже чуждое природѣ товара. Причина этого заключается не только въ томъ, что все вниманіе классиковъ было поглощено анализомъ величины цѣнности. Она лежитъ глубже. Форма цѣнности продуктъ труда есть самая абстрактная, но въ то же время и самая общая форма буржуазнаго способа производства, который характеризуется ею какъ особенный видъ общественнаго производства, а тѣмъ самымъ характеризуется какъ явленіе—историческое. Поэтому, если ее считаютъ за вѣчную естественную форму общественнаго производства, то неизбѣжно упускаютъ изъ виду особенности формы цѣнности, слѣдовательно, и товарной формы, а въ дальнѣйшемъ развитіи и формы денегъ, формы капитала и пр. Поэтому у экономистовъ, которые вполнѣ согласны насчетъ измѣренія величины цѣнности рабочимъ временемъ, можно найти самыя разнообразныя и противорѣчивыя представленія о деньгахъ, т.-е. о законченной формѣ общаго эквивалента. Это особенно ярко выступаетъ, напр., въ теоріи банковаго дѣла, гдѣ общія опредѣленія денегъ отнюдь не достаточны. Въ противоположность этому появилась реставрированная меркантильная система (Ganilh и др.), которая въ цѣнности видитъ лишь общественную форму, или, вѣрнѣе, ея лишенный содержанія призракъ.—Замѣчу здѣсь, разъ на всегда, что подъ классической политической экономіей я разумѣю всю ту политическую экономію, начиная съ В. Петти, которая изслѣдовала внутренній строй буржуазныхъ отношеній производства, въ противоположность вульгарной экономіи, которая вращается въ сферѣ видимой внѣшности этого строя и

принадлежатъ такой общественной формаціи, гдѣ не человѣкъ господствуетъ надъ процессомъ производства, а процессъ производства—надъ человѣкомъ, представляются буржуазному сознанію экономистовъ столь же явной естественной необходимостью, какъ и самъ производительный трудъ. Поэтому, формы добуржуазныхъ общественно-производственныхъ организацій экономисты третируютъ приблизительно такъ, какъ отцы церкви третируютъ дохристіанскія религіи [23]).

для уясненія, такъ сказать, грубѣйшихъ явленій и для домашняго обихода буржуазіи постоянно сызнова переживаетъ матеріалъ, давно уже доставленный научно-политической экономіей, во всемъ же остальномъ ограничивается тѣмъ, что систематизируетъ банальныя и самодовольныя представленія дѣятелей буржуазнаго производства и провозглашаетъ ихъ вѣчными истинами.

[23]) «Экономисты разсуждаютъ очень странно. Для нихъ существуютъ только два рода учрежденій: искусственныя и естественныя,—феодальныя учрежденія суть искусственныя, буржуазныя—естественныя. Они въ этомъ отношеніи похожи на теологовъ, которые тоже устанавливаютъ двоякаго рода религіи. Всякая религія, которая не соотвѣтствуетъ ихъ воззрѣніямъ, есть человѣческое изобрѣтеніе, между тѣмъ какъ ихъ собственная религія есть божественное откровеніе..... Съ этой точки зрѣнія въ прошломъ было историческое развитіе, но въ настоящемъ—его нѣтъ». (Karl Marx: «Misère de la Philosophie. Réponse à la Philosophie de la Misère par M. Proudhon. 1847», p. 113). Чрезвычайно забавенъ господинъ Бастіа, который воображаетъ, будто древніе греки и римляне жили лишь грабежомъ. Но, если цѣлыя столѣтія жить грабежомъ, то вѣдь постоянно должно быть, что грабить, или предметъ грабежа долженъ постоянно воспроизводиться. Поэтому надо полагать, что и у грековъ и римлянъ существовалъ процессъ производства, извѣстная хозяйственная организація, которая также являлась матеріальнымъ основаніемъ ихъ міра, какъ буржуазный экономическій строй есть матеріальная основа современнаго міра. Или Бастіа, можетъ быть, воображаетъ, что способъ производства, основанный на рабскомъ трудѣ, покоится на системѣ грабежа? Тогда онъ вступаетъ на опасный путь. Если такой гигантъ мысли, какъ Аристотель, ошибался въ своей оцѣнкѣ рабскаго труда, то почему не ошибаться такому карлику, какъ Бастіа, въ оцѣнкѣ наемнаго труда? Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы кратко отклонить возраженіе, сдѣланное мнѣ одной нѣмецко-американской газетой при появленіи въ 1859 г. моего сочиненія: «Zur Kritik der Pol. Oekonomie». Указанная газета говоритъ, что мое мнѣніе, по которому опредѣленный способъ производства и соотвѣтствующія ему производственныя отношенія, словомъ «экономическая структура общества есть реальное основаніе, на которомъ возвышаются юридическія и политическія надстройки, и которому соотвѣтствуютъ опредѣленныя формы общественнаго сознанія», и что «вообще способъ производства матеріальной жизни опредѣляетъ собою соціальный, политическій и духовный процессъ жизни»,—что это воззрѣніе, правда, вѣрно для нашего времени, когда господствуютъ матеріальные интересы, но не для среднихъ вѣковъ, когда господствовалъ католицизмъ, и не для Аѳинъ и Рима, гдѣ господствовала политика. Во-первыхъ, странно, что можно предполагать, будто кому-нибудь остались неизвѣстны встрѣчающіяся фразы о среднихъ вѣкахъ и древнемъ мірѣ. Ясно, во всякомъ случаѣ, что средніе вѣка не могли бы жить католицизмомъ, а древній міръ — политикой. Наоборотъ, ихъ экономическія условія объясняютъ, почему въ одномъ случаѣ главную роль играла политика, въ другомъ — католицизмъ. Впрочемъ, небольшое знакомство, напр., съ исторіей римской республики показываетъ, что тайна этой исторіи заключается въ исторіи поземельной собственности. Съ другой стороны, еще Донъ-Кихоту пришлось поплатиться за свое убѣжденіе, что странствующее рыцарство одинаково совмѣстимо со всѣми экономическими формами общества.

Насколько нѣкоторые экономисты ослѣплены присущимъ товарному міру фетишизмомъ или вещной внѣшностью общественныхъ аттрибутовъ труда, показываетъ, между прочимъ, скучный и пустой споръ о роли природы въ образованіи мѣновой цѣнности. Такъ какъ мѣновая цѣнность есть только опредѣленный общественный способъ—выражать потраченный на какую-нибудь вещь трудъ, то въ мѣновой цѣнности можетъ содержаться столько же даннаго самой природой вещества, сколько, напр., въ вексельномъ курсѣ.

Такъ какъ товарная форма есть наиболѣе общая и наименѣе развитая форма буржуазнаго производства,— почему она и выступила столь рано, хотя не въ такомъ господствующемъ, а, слѣдовательно и не въ столь характеристичномъ видѣ, какъ теперь,—то ея фетишизмъ сравнительно, еще легко разглядѣть. Но въ болѣе конкретныхъ формахъ исчезаетъ даже эта кажущаяся простота. Откуда вытекаютъ, напр., иллюзіи монетарной (меркантильной) системы? Изъ того, что золото и серебро разсматривались ею не какъ предметы, которые въ качествѣ денегъ представляютъ собою общественное отношеніе производства, но лишь въ формѣ матеріальныхъ предметовъ съ странными общественными свойствами. А развѣ фетишизмъ современной политической экономіи, которая такъ кичливо насмѣхается надъ меркантилизмомъ, не становится осязательнымъ, когда она начинаетъ трактовать о капиталѣ? Давно ли, наконецъ, исчезла иллюзія физіократовъ, что земельная рента вырастаетъ изъ земли, а не изъ общества?

Чтобы не забѣгать впередъ, ограничимся здѣсь еще лишь однимъ примѣромъ относительно самой товарной формы. Если бы товары могли говорить, они бы сказали: наша потребительная цѣнность можетъ интересовать человѣка; намъ же, какъ вещамъ, она вовсе не присуща; но, какъ вещамъ, намъ присуща наша цѣнность. Это доказывается нашими отношеніями другъ къ другу въ качествѣ товаровъ, товарнымъ обращеніемъ. Мы относимся другъ къ другу только какъ мѣновыя цѣнности. Послушаемъ, что говоритъ экономистъ, посвященный въ помыслы товарной души: «Цѣнность (мѣновая цѣнность) есть свойство вещи; богатство (потребительная цѣнность) есть свойство человѣка. Цѣнность въ этомъ смыслѣ обязательно предполагаетъ обмѣнъ, богатство же—нѣтъ»[24]). «Богатство (потребительная цѣнность) есть аттрибутъ человѣка, цѣнность—аттрибутъ товаровъ. Человѣкъ или общество богаты; жемчугъ или алмазъ—цѣнны. Жемчужина или алмазъ имѣютъ цѣнность, какъ жемчужина или алмазъ»[25]). До сихъ поръ ни одинъ химикъ не открылъ еще мѣновой цѣнности въ веществѣ жемчуга или алмаза. Экономисты же, которые открыли это химическое тѣло и заявляютъ особенную претензію на критическую глубину, находятъ, что потребительная цѣнность (полезность) принадлежитъ предметамъ, независимо отъ ихъ матеріальныхъ свойствъ, а цѣнность (мѣновая цѣнность) принадлежитъ

[24]) «Value is a property of things, riches of a man. Value, in this sense, necessarily implies exchanges, riches do not». «Observations on some verbal disputes in Pol. Econ., particularly relating to value and to supply and demand. Lond. 1821», p. 16.

[25]) «Riches are the attribute of man, value is the attribute of commodities. A man or a community is rich, a pearl or a diamond is valuable... A pearl or a diamond is valuable as a pearl or diamond». S. Bailey l. c. p. 165.

имъ, какъ вещамъ. Въ этомъ мнѣніи ихъ особенно укрѣпляетъ то странное обстоятельство, что потребительная цѣнность предмета реализуется для человѣка безъ обмѣна, т.-е. въ непосредственномъ отношеніи между предметомъ и человѣкомъ; цѣнность же предмета, наоборотъ, реализуется только въ обмѣнѣ, т.-е. въ извѣстномъ общественномъ процессѣ. Какъ не вспомнить при этомъ добряка Догберри, который поучаетъ ночного сторожа Сикоя, что «привычная наружность есть даръ обстоятельствъ, но умѣнье читать и писать дается отъ природы» [36]).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Процессъ обмѣна.

Товары не могутъ сами пойти на рынокъ и тамъ сами обмѣниваться. Мы должны, поэтому, обратиться къ ихъ хранителямъ, т.-е. къ товаровладѣльцамъ. Товары суть вещи и, поэтому, не въ силахъ сопротивляться человѣку. Если они не подчиняются по доброй волѣ, то онъ можетъ употребить силу, другими словами—взять ихъ [37]). Чтобы поставить данныя вещи во взаимныя отношенія въ качествѣ товаровъ, хранители ихъ сами должны относиться другъ къ другу какъ лица, воля которыхъ царитъ въ этихъ вещахъ. Такимъ образомъ, каждый товаровладѣлецъ волею другого, т.-е. при посредствѣ общаго обоимъ товаровладѣльцамъ волевого акта, присваиваетъ себѣ чужой товаръ, отчуждая собственный. Оба должны, слѣдовательно, признавать другъ друга частными собственниками. Это юридическое отношеніе, формой котораго является договоръ, законно или незаконно выраженный, есть волевое отношеніе, отражающее въ себѣ экономическое отношеніе. Содержаніе этого юридическаго или волевого отношенія дается самимъ экономическимъ отношеніемъ [38]). Лица существуютъ здѣсь

[36]) Авторъ «Observations» и S. Bailey обвиняютъ Рикардо въ томъ, что онъ превратилъ мѣновую цѣнность изъ чего-то лишь относительнаго въ нѣчто абсолютное. Наоборотъ. Онъ свелъ привычную относительность, которой эти вещи, напр., алмазъ и жемчугъ, обладаютъ въ качествѣ мѣновыхъ цѣнностей, на дѣйствительное отношеніе, скрывающееся подъ этой внѣшностью и на ихъ относительность какъ простыхъ выраженій человѣческаго труда. Если рикардіанцы отвѣтили Bailey лишь грубо, но не убѣдительно, то это произошло просто отъ того, что они у самого Рикардо не нашли никакого вразумительнаго объясненія внутренней связи между цѣнностью и формой цѣнности, т.-е. мѣновой цѣнностью.

[37]) Въ столь прославленномъ своими благочестіемъ XII стол. между этими товарами часто находились очень деликатныя вещи. Такъ одинъ французскій поэтъ того времени насчитываетъ между товарами, находившимися на рынкѣ въ Landit, рядомъ съ матеріями для платья, башмаками, кожей, земледѣльческими орудіями, шкурами и т. д. также—«femmes folles de leur corps».

[38]) Прудонъ сперва черпаетъ свой идеалъ справедливости, justice éternelle изъ правовыхъ отношеній, соотвѣтствующихъ товарному производству, чѣмъ—замѣтимъ мимоходомъ—онъ также даетъ столь утѣшительное для всѣхъ филистеровъ доказательство того, что форма товарнаго производства такъ же вѣчна, какъ справедливость. Затѣмъ онъ поступаетъ наоборотъ: старается дѣйствительное товарное

другъ для друга только—какъ представители товаровъ, какъ товаровладѣльцы. Въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи мы вообще увидимъ, что различныя экономическія маски, носимыя лицами, суть только олицетворенія экономическихъ отношеній, носителями которыхъ эти лица выступаютъ другъ противъ друга. Товаръ тѣмъ именно отличается отъ товаровладѣльца, что для него тѣло всякаго другого товара представляетъ лишь форму проявленія его собственной цѣнности. Прирожденный левеллеръ и циникъ, онъ всегда готовъ обмѣняться, не только душой, но и тѣломъ съ любымъ товаромъ, будь онъ хоть столь же непривлекателенъ, какъ Мариторна. Это недостающее товару чувство различенія конкретныхъ свойствъ вещей товаровладѣлецъ дополняетъ при помощи своихъ пяти и болѣе чувствъ. Его товаръ не имѣетъ для него никакой непосредственной потребительной цѣнности, иначе онъ бы не понесъ его на рынокъ. Товаръ даннаго товаровладѣльца имѣетъ потребительную цѣнность для другого. Для своего владѣльца непосредственно онъ имѣетъ потребительную цѣнность лишь постольку, поскольку является носителемъ мѣновой цѣнности и, такимъ образомъ, можетъ служить средствомъ для обмѣна [39]). Поэтому онъ хочетъ отдать его въ обмѣнъ за другой товаръ, потребительная цѣнность котораго удовлетворяетъ его потребности. Всѣ товары суть непотребительныя цѣнности для ихъ владѣльцевъ и потребительныя цѣнности для ихъ невладѣльцевъ. Поэтому, они со всѣхъ сторонъ должны переходить изъ рукъ въ руки. Но этотъ переходъ изъ рукъ въ руки составляетъ ихъ обмѣнъ, а послѣдній ставитъ ихъ во взаимное отношеніе въ качествѣ цѣнностей и реализуетъ ихъ, какъ таковыя. Товары, слѣдовательно, должны реализоваться какъ цѣнности, прежде чѣмъ они могутъ реализоваться какъ потребительныя цѣнности.

Съ другой стороны, ихъ потребительная цѣнность должна быть установлена на опытѣ, прежде чѣмъ они могутъ реализоваться какъ цѣнности, потому что затраченный на ихъ производство трудъ идетъ въ счетъ лишь постольку, поскольку онъ потраченъ въ полезной для другихъ формѣ. Но полезенъ ли онъ для другихъ, т.-е. способенъ ли его продуктъ удовлетворить чужія потребности, это можетъ показать только обмѣнъ.

Каждый товаровладѣлецъ желаетъ подвергнуть отчужденію свой товаръ только

производство и соотвѣтствующее ему дѣйствительное право преобразовать сообразно съ этимъ идеаломъ. Что сказать о химикѣ, который, вмѣсто того, чтобы изучать дѣйствительные законы обмѣна веществъ и на основаніи ихъ разрѣшать опредѣленныя задачи, вздумалъ бы преобразовывать обмѣнъ веществъ по «вѣчнымъ идеямъ», «naturalité» и «affinité»? Развѣ, когда намъ говорятъ, что ростовщичество противорѣчитъ «justice éternelle», «équité éternelle», «mutualité éternelle» и другимъ «vérités éternelles», мы узнаемъ о немъ что-нибудь новое сравнительно съ тѣмъ, что знали отцы церкви, говорившіе что оно противорѣчитъ «grâce éternelle», «foi éternelle», «volonté éternelle de dieu»?

[39]) «Ибо употребленіе каждой вещи двойное. Одно свойственно вещи, какъ таковой, другое—нѣтъ, такъ, напр., сандалія служитъ обувью и можетъ быть обмѣнена. Оба употребленія суть потребительныя цѣнности сандалій, ибо и тотъ, кто обмѣниваетъ сандалію, напр., на недостающую ему пищу, употребляетъ сандалію какъ сандалію, но не въ естественной формѣ ея употребленія. Ибо сандалія существуетъ не для обмѣна» (Aristoteles, de Rep. I, 1. c. p. 9).

въ обмѣнъ за другой товаръ, потребительная цѣнность котораго можетъ удовлетворять какую либо его потребность. Въ этомъ смыслѣ обмѣнъ есть для него только индивидуальный процессъ. Съ другой стороны, онъ желаетъ реализовать свой товаръ, какъ цѣнность, въ какомъ либо другомъ принадлежащемся ему товарѣ одинаковой цѣнности, не заботясь о томъ, имѣетъ ли его собственный товаръ потребительную цѣнность для владѣльца другого товара или нѣтъ. Въ этомъ смыслѣ обмѣнъ является для него всеобщимъ и общественнымъ процессомъ. Но одинъ и тотъ же процессъ не можетъ быть одновременно для всѣхъ товаровладѣльцевъ только индивидуальнымъ и только общественнымъ процессомъ.

Если мы всмотримся ближе, то увидимъ, что для всякаго товаровладѣльца каждый чужой товаръ представляется особымъ эквивалентомъ его собственнаго товара, а, слѣдовательно, его собственный товаръ—всеобщимъ эквивалентомъ всѣхъ другихъ товаровъ. Но такъ какъ дѣйствія всѣхъ товаровладѣльцевъ въ данномъ отношеніи являются тождественными, то ни одинъ товаръ не есть всеобщій эквивалентъ, и товары, поэтому, не обладаютъ никакой всеобщей относительной формой цѣнности, въ которой они могли бы приравниваться, какъ цѣнности, и сравниваться какъ величины цѣнности. Поэтому, они вообще выступаютъ другъ противъ друга не какъ товары, а только какъ продукты или потребительныя цѣнности.

Въ этомъ затруднительномъ положеніи наши товаровладѣльцы разсуждаютъ какъ Фаустъ. «Вначалѣ было дѣло». Поэтому, они дѣйствовали прежде, чѣмъ подумали. Законы товарной природы проявлялись въ природномъ инстинктѣ товаровладѣльцевъ. Они могутъ ставить свои товары во взаимное отношеніе, какъ цѣнности, а, слѣдовательно, какъ товары, лишь относя ихъ къ какому либо другому товару, какъ ко всеобщему эквиваленту. Это показалъ анализъ товара. Но лишь общественное дѣйствіе можетъ сдѣлать одинъ какой либо товаръ всеобщимъ эквивалентомъ. Поэтому, общественный актъ выдѣляетъ изъ всѣхъ товаровъ одинъ какой либо товаръ, въ которомъ всѣ они всесторонне выражаютъ свои цѣнности. Въ силу этого естественная (натуральная) форма даннаго товара становится общественно-признанной эквивалентной формой. Роль всеобщаго эквивалента становится спеціальной общественной функціей этого выдѣленнаго товара. Такъ онъ превращается—въ деньги. «Illi unum consilium habent et virtutem et potestatem suam bestiae tradunt. Et ne quis possit emere aut vendere, nisi qui habet characterem aut nomen bestiae, aut numerum nominis ejus» (Apocalypsis).

Денежный кристаллъ составляетъ необходимый продуктъ мѣнового процесса, въ которомъ различнаго рода продукты труда фактически приравниваются между собою и, поэтому, фактически превращаются въ товары. Историческое расширеніе и углубленіе мѣнового процесса развиваетъ покоящуюся въ природѣ товаровъ противоположность между потребительной цѣнностью и цѣнностью. Потребность дать для оборота внѣшнее выраженіе этой противоположности заставляетъ вырабатывать самостоятельную форму товарной цѣнности, и эта потребность не удовлетворяется и не успокоивается до тѣхъ поръ, пока не создается двойственная форма товара, его раздвоеніе на товаръ и деньги. Въ той же мѣрѣ,

слѣдовательно, въ какой совершается превращеніе продуктовъ труда въ товары, совершается также и превращеніе товара въ деньги [40]).

Непосредственный обмѣнъ продуктовъ, съ одной стороны, уже имѣетъ форму простого выраженія цѣнности, а съ другой—еще не имѣетъ ея. Эта форма была: x товара $A = y$ товара B. Форма непосредственнаго обмѣна товаровъ есть: x предмета потребленія $A = y$ предмета потребленія B [41]). Вещи A и B здѣсь не являются товарами до обмѣна, а становятся ими лишь чрезъ обмѣнъ. Первый случай, когда предметъ потребленія получаетъ возможность стать мѣновой цѣнностью, это—когда онъ не является для своего владѣльца потребительной цѣнностью, когда онъ имѣется въ излишкѣ противъ количества, необходимаго для непосредственнаго удовлетворенія собственныхъ потребностей. Вещи сами по себѣ представляютъ нѣчто внѣшнее для людей, а потому могутъ быть отчуждаемы. Чтобы это отчужденіе было взаимное, людямъ надлежитъ только молча выступать другъ противъ друга какъ частные собственники этихъ отчуждаемыхъ вещей, и тѣмъ самымъ, какъ независимыя другъ отъ друга личности. Такое отношеніе взаимной чуждости не существуетъ однако для членовъ естественно сложившагося общественнаго организма, имѣетъ ли онъ форму патріархальной семьи, древне-индійской общины, государства инковъ и т. д. Товарный обмѣнъ начинается, такъ сказать, на конечностяхъ общественныхъ организмовъ, въ мѣстахъ ихъ соприкосновенія съ другими общественными организмами или съ членами другихъ общественныхъ организмовъ. Но, какъ только вещи во внѣшнихъ отношеніяхъ становятся товарами, онѣ этимъ самымъ становятся ими и во внутренней жизни общины. Ихъ количественныя мѣновыя отношенія сначала бываютъ чисто случайными. Онѣ становятся обмѣниваемы вслѣдствіе волевого акта ихъ владѣльцевъ, направленнаго на ихъ отчужденіе путемъ обмѣна. Мало-по-малу потребность въ чужихъ предметахъ потребленія укрѣпляется. Постоянное повтореніе обмѣна превращаетъ его въ правильный общественный процессъ. Съ теченіемъ времени, поэтому, извѣстная, по крайней мѣрѣ, часть продуктовъ труда производится спеціально для цѣлей обмѣна. Съ этого момента, съ одной стороны, укрѣпляется разграниченіе между полезностью вещи для непосредственнаго потребленія и полезностью» ея для обмѣна, потребительная цѣнность отдѣляется отъ мѣновой. Съ другой стороны, количественныя отношенія, въ которыхъ вещи обмѣниваются, становятся зависимыми отъ ихъ производства. Обычай фиксируетъ ихъ, какъ величины цѣнности.

---

[40]) По этому можно судить объ остроуміи мѣщанскаго соціализма, который хочетъ уничтожить товарное производство и одновременно устранить «противорѣчіе между деньгами и товарами», т.-е. въ сущности упразднить деньги, такъ какъ онѣ существуютъ только въ этомъ противорѣчіи. Также можно было бы уничтожить папство, оставивъ католицизмъ. Подробнѣе объ этомъ см. въ моемъ сочиненіи: «Zur Kritik der Pol. Oekonomie» p. 61 sq.

[41]) До тѣхъ поръ, пока не два различныхъ предмета потребленія обмѣниваются другъ на друга, а только, какъ мы часто это находимъ у дикарей, хаотическая масса вещей предлагается, какъ эквивалентъ, за третью вещь, даже непосредственная мѣна продуктовъ находится еще въ своемъ зародышѣ.

Въ непосредственномъ обмѣнѣ продуктовъ каждый товаръ представляетъ собою непосредственное средство обмѣна для своего владѣльца, а для невладѣльца—эквивалентъ, но лишь—постольку, поскольку онъ является для него потребительной цѣнностью. Предметъ обмѣна, слѣдовательно, не получаетъ еще никакой формы цѣнности, независимой отъ его собственной потребительной цѣнности, т.-е. отъ индивидуальной потребности лицъ, совершающихъ обмѣнъ. Необходимость этой формы развивается только съ возрастаніемъ числа и разнообразія вступающихъ въ мѣновой процессъ товаровъ. Задача возникаетъ одновременно со средствами ея разрѣшенія. Оборотъ, въ которомъ товаровладѣльцы обмѣниваютъ и сравниваютъ свои собственные предметы съ другими предметами, никогда не совершается безъ того, чтобы различные товары различныхъ товаровладѣльцевъ не обмѣнивались и не сравнивались въ качествѣ цѣнностей внутри даннаго оборота съ однимъ и тѣмъ же третьимъ товаромъ. Такой третій товаръ, становясь эквивалентомъ для различныхъ товаровъ, непосредственно, хотя и въ тѣсныхъ границахъ, пріобрѣтаетъ всеобщую или общественную эквивалентную форму. Эта всеобщая эквивалентная форма рождается и исчезаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ временнымъ общественнымъ соприкосновеніемъ, которое вызвало ее къ жизни. Попеременно и бѣгло она пріурочивается то къ одному, то къ другому товару. Но съ развитіемъ товарнаго обмѣна, она связывается исключительно съ однимъ особеннымъ товаромъ или кристаллизуется въ денежную форму. Какому именно товару она присваивается—сначала является дѣломъ случая. Но въ общемъ рѣшающее значеніе принадлежитъ двумъ обстоятельствамъ. Денежная форма присваивается или наиболѣе важнымъ предметамъ ввоза, которые дѣйствительно суть первыя естественныя формы обнаруженія мѣновой цѣнности туземныхъ продуктовъ, или такому предмету потребленія, который составляетъ главный элементъ туземнаго движимаго богатства, напр., скоту. Кочевые народы первые развиваютъ денежную форму, потому что все ихъ богатство заключается въ движимой, а, слѣдовательно, въ непосредственно поддающейся отчужденію формѣ, и еще—потому, что ихъ образъ жизни приводитъ ихъ въ постоянное соприкосновеніе съ другими общественными союзами и, такимъ образомъ, наталкиваетъ на обмѣнъ продуктовъ. Люди прежнихъ временъ часто превращали себѣ подобныхъ, во образѣ рабовъ, въ первоначальный денежный матеріалъ, но никогда они не дѣлали этого съ землею. Такое отношеніе къ землѣ могло возникнуть лишь въ развитомъ уже буржуазномъ обществѣ. Появленіе такого взгляда на землю относится къ послѣдней трети 17 стол., а попытка осуществленія его въ предѣлахъ цѣлаго національнаго хозяйства была произведена столѣтіемъ позже, во время буржуазной французской революціи.

По мѣрѣ того, какъ товарный обмѣнъ разрываетъ свои исключительно мѣстныя узы, а товарная цѣнность, поэтому, становится овеществленіемъ человѣческаго труда вообще, денежная форма присваивается такимъ товарамъ, природа которыхъ дѣлаетъ ихъ особенно пригодными для общественной функціи всеобщаго эквивалента, т.-е. благороднымъ металламъ.

Что хотя «золото и серебро по природѣ не суть деньги, но естественными

деньгами являются золото или серебро» [42]), это показываетъ совпаденіе ихъ природныхъ свойствъ съ функціей денегъ [43]). До сихъ поръ, однако, мы знаемъ лишь одну функцію денегъ, это—служить формой проявленія товарной цѣнности, или являться тѣмъ матеріаломъ, посредствомъ котораго величины цѣнности товаровъ получаютъ общественное выраженіе. Наилучшей, адекватной формой проявленія цѣнности или овеществленія абстрактнаго, а потому одинаковаго человѣческаго труда можетъ быть лишь такое вещество, всѣ экземпляры котораго обладаютъ тѣмъ же однороднымъ качествомъ. Съ другой стороны, такъ какъ различіе между величинами цѣнности чисто количественное, то и денежный товаръ долженъ быть способенъ выражать чисто количественныя различія, т.-е. быть по произволу дѣлимымъ на части и вновь составимымъ изъ частей. Этими свойствами золото и серебро обладаютъ по своей природѣ.

Потребительная цѣнность денежнаго товара удвояется. Рядомъ съ его особой потребительной цѣнностью какъ товара, напр., золота—для пломбированія зубовъ, для приготовленія предметовъ роскоши, онъ пріобрѣтаетъ формальную потребительную цѣнность, которая вытекаетъ изъ его специфической общественной функціи.

Такъ какъ всѣ другіе товары представляютъ собою только частные эквиваленты денегъ, деньги же—ихъ общій эквивалентъ, то они относятся къ деньгамъ, какъ частные товары ко всеобщему [44]).

Мы видѣли, что денежная форма есть только отраженіе въ одномъ товарѣ отношенія между всѣми другими товарами. Что деньги тоже являются товаромъ [45])—составляетъ, поэтому, открытіе только для того, кто исходной точкой анализа денегъ беретъ ихъ уже готовую форму. Мѣновой процессъ придаетъ товару, который онъ превращаетъ въ деньги, не его цѣнность, а только его специфическую форму цѣнности. Смѣшеніе этихъ двухъ свойствъ привело къ тому, что цѣнность золота и серебра считалась лишь воображаемой [46]). Изъ того

---

[42]) Karl Marx, l. c. p. 135 «Металлы... естественныя деньги». (Galiani: «Della Moneta» въ сборникѣ Custodi, Parte Moderna, t. III, p. 72).

[43]) Подробнѣе объ этомъ см. выше цитированное мое сочиненіе, отдѣлъ: «Благородные металлы».

[44]) «Деньги суть всеобщій товаръ» (Verri, l. c. p. 16).

[45]) «Серебро и золото, которымъ мы можемъ дать общее названіе денежнаго металла (Bullion), сами суть товары, цѣнность которыхъ поднимается и понижается. Денежный металлъ имѣетъ большую цѣнность тогда, когда на меньшій вѣсъ его можно купить большее количество продуктовъ или издѣлій страны». («A Discourse of the General Notions of money, Trade, and Exchange as they stand in relations to each other. By a Merchant. Lond. 1695», p. 7). «Серебро и золото, въ монетахъ или нѣтъ, хотя и служатъ мѣриломъ для всѣхъ вещей, суть такіе же товары, какъ вино, масло, табакъ, сукно или матеріи». («A Discours concerning Trade, and that in particular of the East-Indies ect. London 1689», p. 2). «Капиталы и богатство королевства не могутъ ограничиваться исключительно формой денегъ, а золото и серебро нельзя исключать изъ числа товаровъ». («The East India Trade a most profitable Trade. London 1677», p. 4).

[46]) «Золото и серебро имѣютъ свою цѣнность какъ металлы, прежде чѣмъ они становятся монетами». (Galiani, l. c.) Локкъ говоритъ: «Всеобщее согласіе людей

факта, что деньги въ извѣстныхъ своихъ функціяхъ могутъ быть замѣнены простыми знаками денегъ, вытекло заблужденіе, будто онѣ суть простые знаки. Съ другой стороны, однако, въ этомъ заблужденіи заключался намекъ на пониманіе того, что денежная форма вещи для нея самой представляетъ нѣчто внѣшнее и есть лишь форма проявленія скрытыхъ за ней человѣческихъ отношеній. Въ этомъ смыслѣ всякій товаръ, являясь въ качествѣ цѣнности только матеріальной оболочкой затраченнаго на него труда, можетъ быть разсматриваемъ какъ простой знакъ [47]). Но, разъ мы общественныя формы, принимаемыя вещами, или матеріальныя формы, принимаемыя общественными условіями труда на основѣ опредѣленнаго способа производства, считаемъ лишь простыми знаками, то этимъ самымъ мы признаемъ ихъ произвольными продуктами человѣческаго разума. Это былъ излюбленный просвѣтителями 18 столѣтія способъ объясненія: не умѣя еще разгадать происхожденіе и процессъ развитія загадочныхъ формъ человѣческихъ отношеній, они объясняли ихъ сознательно-разумнымъ творчествомъ, чтобы такимъ объясненіемъ по крайней мѣрѣ на время сорвать съ нихъ печать загадочности и странности.

придало серебру за его качества, которыя дѣлаютъ его удобнымъ для роли денегъ, воображаемую цѣнность». Ло, наоборотъ, говоритъ: «Какимъ образомъ различныя націи могли бы придать какой-либо вещи воображаемую цѣнность... или какъ эта воображаемая цѣнность могла бы удержаться?» Но онъ самъ очень мало понималъ дѣло, что доказывается слѣдующими его словами: «Серебро обмѣнивалось по потребительной цѣнности, которой оно обладало, т.-е. по его дѣйствительной цѣнности; вслѣдствіе своего употребленія въ качествѣ денегъ оно получило добавочную цѣнность (valeur additionelle)». (Jean Law: «Considérations sur le numéraire et le commerce, въ изд. E. Daire: «Economistes financiers du XVIII Siècle», p. 470).

[47]) «Деньги суть ихъ (принасовъ) знакъ» (V. de Forbonnais: «Eléments du Commerce. Nouv. Edit. Leyde 1766», t. II, p. 143). «Какъ знакъ онѣ притягиваются товарами» (l. c. p. 155). «Деньги суть знакъ какой-либо вещи и представляютъ ее». (Montesquieu: «Esprit des Lois». Oeuvres Lond. 1767, t. II, p. 2). «Деньги—не простой знакъ, ибо онѣ сами богатство; онѣ не представляютъ цѣнностей, онѣ имъ равноцѣнны». (Le Trosne, l. c. p. 910). «Если разсматривать понятіе цѣнности, то сама вещь считается лишь за знакъ, и имѣетъ значеніе не сама по себѣ, а по тому, во что она цѣнится» (Hegel, l. c. p. 100). Задолго до экономистовъ, юристы пустили въ ходъ представленіе о деньгахъ, какъ о простомъ знакѣ, и о драгоцѣнныхъ металлахъ, какъ о воображаемыхъ цѣнностяхъ. Они дѣлали это, въ качествѣ сикофантовъ королевской власти; они въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ поддерживали право королей фальсифицировать монету, опираясь на традиціи римской имперіи и понятія о деньгахъ, выраженныя въ пандектахъ. «Никто не долженъ сомнѣваться,—говоритъ прилежный ученикъ юристовъ, Филиппъ Валуа, въ декретѣ отъ 1346 г.,—что только намъ и нашему королевскому величеству принадлежитъ .. денежное ремесло, и всякое распоряженіе (le westier, le fait, l'etat, la provision) касательно денегъ, начиная отъ такого курса и такой цѣны, какіе намъ заблагоразсудятся». Что императоръ декретируетъ цѣнность денегъ—было догматомъ римскаго права. Было положительно запрещено обращаться съ ними, какъ съ товаромъ. «Деньги же никому не слѣдуетъ покупать, такъ какъ онѣ, являясь предметомъ общественнаго употребленія, не могутъ быть товаромъ»—гласило римское право. Вѣрныя разсужденія объ этомъ у G. F. Pagnini: «Saggio Sopra il giusto pregio delle cose. 1751», у Custodi Parte Moderna t. II. Особенно во второй части своего сочиненія Pagnini полемизируетъ противъ господъ юристовъ.

Ранѣе мы уже замѣтили, что эквивалентная форма товара не заключаетъ въ себѣ количественнаго опредѣленія величины его цѣнности. Если извѣстно, что золото есть деньги и поэтому можетъ быть непосредственно обмѣниваемо на всѣ другіе товары, то все-таки еще неизвѣстно, какова, напр., цѣнность 10 фунтовъ золота. Какъ всякій другой товаръ, золото можетъ выражать свою цѣнность лишь относительно, въ другихъ товарахъ. Его собственная цѣнность опредѣляется необходимымъ для его производства рабочимъ временемъ и выражается въ такомъ количествѣ всякаго другого товара, въ которомъ кристаллизовалось равное количество времени [48]). Это опредѣленіе относительной величины цѣнности золота совершается на мѣстѣ производства—въ непосредственной мѣновой торговлѣ. Когда золото вступаетъ въ обращеніе въ качествѣ денегъ, его цѣнность представляетъ уже нѣчто данное. Если въ послѣднія десятилѣтія 17 стол. анализомъ денегъ было уже дано установлено, что они представляютъ товаръ, все-таки это было лишь начало анализа. Трудность состоитъ не въ томъ, чтобы понять, что деньги—товаръ, а въ пониманіи того, почему и какимъ образомъ товаръ становится деньгами [49]).

Мы видѣли, что уже въ самомъ простомъ выраженіи цѣнности: x товара $A = y$ товара B, предметъ, въ которомъ выражается величина цѣнности какого-либо другого предмета, повидимому, обладаетъ своей эквивалентной формой независимо отъ этого отношенія, какъ общественнымъ природнымъ свойствомъ. Мы прослѣдили развитіе и упроченіе этой ложной видимости. Она выступаетъ передъ нами вполнѣ законченной, какъ только всеобщая эквивалентная форма срастается воедино съ натуральной (естественной) формой одного особаго товара или кристаллизуется въ денежную форму. Товаръ, становится деньгами не потому, что другіе товары выражаютъ въ немъ свою цѣнность,

---

[48]) «Если человѣкъ можетъ доставить въ Лондонъ унцъ серебра, добытаго въ рудникахъ Перу, въ то же самое время, которое ему требуется для производства бушеля пшеницы, тогда одно составляетъ естественную цѣну другого; если же, благодаря эксплоатаціи болѣе полныхъ и болѣе богатыхъ рудниковъ, теперь можно добыть два унца серебра такъ же легко, какъ прежде одинъ, то бушель пшеницы будетъ стоить 10 шиллинговъ, какъ раньше онъ стоилъ 5 шил.,—при прочихъ равныхъ условіяхъ». William Petty: «A Treatise on Taxes and Contributions. Lond. 1667», p. 31.

[49]) Вслѣдъ за поученіемъ, что «ложныя опредѣленія денегъ могутъ быть раздѣлены на двѣ главныя группы: по однимъ онѣ больше, по другимъ—меньше, чѣмъ товаръ», господинъ профессоръ Рошеръ даетъ пестрый каталогъ сочиненій о сущности денегъ, отнюдь не свидѣтельствующій объ его пониманіи дѣйствительной исторіи теоріи денегъ. Затѣмъ является мораль: «Нельзя, впрочемъ, отрицать того, что большинство новѣйшихъ экономистовъ не обращало достаточно вниманія на особенности, которыя отличаютъ деньги отъ другихъ товаровъ (значитъ все же болѣе или менѣе, чѣмъ товаръ?)... Въ этомъ смыслѣ полумеркантилистическая реакція Ganilh'a и др., не совсѣмъ неосновательна». (Wilhelm Roscher: «Die Grundlagen der Nationalökonomie. 3 Aufl. 1858», p. 207—10). Больше-меньше—недостаточно—въ этомъ смыслѣ—не совсѣмъ—что за опредѣленія понятій! И такое эклектическое профессорское пустословіе г. Рошеръ скромно окрестилъ «анатомо-физіологическимъ методомъ» въ политической экономіи! Однимъ открытіемъ мы однако обязаны г. Рошеру, а именно, что деньги «пріятный товаръ».

но, наоборотъ, они какъ будто выражаютъ въ немъ свою цѣнность, потому что онъ—деньги. Посредствующее движеніе исчезаетъ въ своемъ собственномъ результатѣ, не оставляя по себѣ никакого слѣда. Безъ всякаго своего содѣйствія товары находятъ свою собственную форму цѣнности готовой въ видѣ другого, внѣ ихъ и рядомъ съ ними существующаго товарнаго тѣла. Эти вещи, золото и серебро въ томъ видѣ, какъ они выходятъ изъ нѣдръ земли, тотчасъ же и фигурируютъ въ качествѣ непосредственнаго воплощенія всякаго человѣческаго труда. Вотъ источникъ магическихъ дѣйствій денегъ. Часто атомистическія отношенія между людьми въ ихъ общественномъ процессѣ производства, а потому независимыя отъ ихъ контроля и сознательной индивидуальной дѣятельности матеріальная форма ихъ собственныхъ производственныхъ отношеній, проявляется прежде всего въ томъ, что всѣ продукты человѣческаго труда принимаютъ форму товаровъ. Загадка денежнаго фетиша есть, поэтому, та же загадка товарнаго фетиша, которая лишь стала вполнѣ видимой и ослѣпляетъ взоръ своимъ металлическимъ блескомъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Деньги или обращеніе товаровъ.

1) Мѣра цѣнности.

Для простоты я въ этой книгѣ всюду предполагаю, въ качествѣ денежнаго товара—золото.

Первая функція золота состоитъ въ томъ, чтобы доставить міру товаровъ матеріалъ для выраженія его цѣнностей или для выраженія цѣнностей товаровъ, какъ одноименныхъ величинъ, качественно равныхъ и количественно сравнимыхъ. Такъ оно функціонируетъ какъ всеобщая мѣра цѣнностей, и только благодаря этой функціи золото, этотъ специфическій эквивалентный товаръ, становится деньгами.

Товары становятся сопзмѣримыми не благодаря деньгамъ. Наоборотъ: такъ какъ товары, какъ цѣнности, суть овеществленный человѣческій трудъ, а потому сами по себѣ сопзмѣримы, всѣ они могутъ измѣрять свою цѣнность однимъ и тѣмъ же специфическимъ товаромъ и, такимъ образомъ превратить его въ общую мѣру цѣнности или въ деньги. Деньги, какъ мѣра цѣнности, суть необходимая форма проявленія присущей товарамъ (имманентной) мѣры цѣнности, т.-е рабочаго времени [30]).

[30]) Вопросъ о томъ, почему деньги не могутъ представлять непосредственно само рабочее время,—такъ, чтобы, напр., какой-нибудь билетъ изображалъ *x* рабочихъ часовъ,—сводится просто къ вопросу, почему на основѣ товарнаго производства продукты труда должны принимать форму товаровъ, и форма товара заключаетъ въ себѣ его раздвоеніе на товаръ и денежный товаръ. Другими словами, тотъ же вопросъ можно выразить такъ: почему частный трудъ не можетъ быть разсматриваемъ какъ его противоположность, какъ непосредственно общественный

Выраженіе цѣнности товара въ золотѣ: x товара $A = y$ денежнаго товара, есть его денежная форма или цѣна. Изолированнаго уравненія, какъ 1 тонна желѣза = 2 унціямъ золота, теперь достаточно, чтобы дать общественно признанное выраженіе цѣнности желѣза. Подобное уравненіе не должно уже болѣе представлять лишь одно звено въ цѣломъ рядѣ уравненій цѣнности другихъ товаровъ, такъ какъ эквивалентный товаръ, золото, обладаетъ уже свойствомъ денегъ. Всеобщая относительная форма цѣнности получила, такимъ образомъ, теперь снова свою первоначальную, простую или единичную относительную форму цѣнности. Съ другой стороны, развернутое относительное выраженіе цѣнности или безконечный рядъ относительныхъ выраженій цѣнности становится специфической относительной формой цѣнности денежнаго товара. Но въ товарныхъ цѣнахъ этотъ рядъ теперь уже представляетъ нѣчто общественно данное. Стоитъ только прочесть отмѣтки какого-нибудь прейскуранта съ права на лѣво—и величина цѣнности денегъ окажется выраженной во всевозможныхъ товарахъ. Напротивъ того, деньги не имѣютъ никакой цѣны. Чтобы участвовать въ этой единой относительной формѣ цѣнности другихъ товаровъ, имъ пришлось бы относиться къ себѣ самимъ, какъ къ собственному эквиваленту.

Цѣна, или денежная форма товаровъ, какъ и ихъ форма цѣнности вообще, есть форма, отличная отъ ихъ видимой, реальной тѣлесной формы, есть, слѣдовательно, только идеальная или мысленно-представляемая форма. Цѣнность желѣза, холста, пшеницы и т. д. существуетъ, хотя невидимо, въ самихъ этихъ вещахъ; она выражается посредствомъ уравненія ихъ съ золотомъ, посредствомъ отношенія къ золоту, которое лишь, такъ сказать, витаетъ въ ихъ головахъ. Хранитель товаровъ долженъ, поэтому, одолжить имъ свой языкъ или прикрѣпить къ нимъ бумажный билетикъ, чтобы сообщить внѣшнему міру ихъ цѣну [51]). Такъ

трудъ. Въ другомъ мѣстѣ я подробнѣе доказывалъ плоскую утопичность «рабочихъ денегъ», при товарномъ производствѣ (l. c. p. 61 sqq): здѣсь же замѣчу еще, что «рабочія деньги» Оуэна, напр., столь же мало «деньги», какъ, положимъ, театральный билетъ. Оуэнъ предполагаетъ непосредственно обобществленный трудъ, т.-е. форму производства, діаметрально противоположную товарному производству. У него рабочее свидѣтельство устанавливаетъ только индивидуальную долю производителя въ общемъ трудѣ и его индивидуальное право на часть общаго продукта, предназначенную для потребленія. Но Оуэнъ и не думалъ предполагать товарное производство, и въ то же время стремиться къ тому, чтобы обойти его необходимыя условія посредствомъ денежныхъ фокусовъ.

[51]) Дикарь или полудикарь употребляетъ свой языкъ нѣсколько иначе. Капитанъ Parry замѣчаетъ, напр., о жителяхъ западнаго берега Баффинова залива: «Въ этомъ случаѣ (при мѣнѣ продуктовъ)... они лижутъ ее (представленную имъ вещь) два раза языкомъ, послѣ чего, повидимому, считаютъ сдѣлку заключенной». Точно также у восточныхъ эскимосовъ всегда лижутъ при мѣнѣ получаемую вещь. Если такимъ образомъ на Сѣверѣ органомъ присвоенія служитъ языкъ, то не удивительно, если на Югѣ брюхо считается органомъ накопленной собственности, и кафры судятъ о богатствѣ человѣка по дородности его брюха. Кафры народъ очень смышленный, ибо въ то время, какъ оффиціальный отчетъ 1864 г. о положеніи общественнаго здравія въ Англіи жалуется на недостатокъ въ пищѣ большей части рабочаго класса жирообразовательныхъ веществъ, нѣкій докторъ Harvey, не тотъ

какъ выраженіе цѣнности товаровъ въ золотѣ является идеальнымъ, то для этой операціи можетъ быть употребляемо также лишь идеальное или мысленно представляемое золото. Каждый товаровладѣлецъ знаетъ, что онъ далеко еще не превратилъ своего товара въ золото, когда онъ его цѣнности придалъ форму цѣны или мысленно представляемую денежную форму, и что ему не нужно ни одной крупинки реальнаго золота, чтобы миліонныя товарныя цѣнности оцѣнить въ золотѣ. Въ своей функціи мѣры цѣнности деньги, поэтому, служатъ въ качествѣ лишь мысленно представляемыхъ или идеальныхъ денегъ. Это обстоятельство породило самыя дикія теоріи [51]). Но хотя для функціи мѣры цѣнности служатъ деньги, лишь мысленно представляемыя, цѣна зависитъ вполнѣ отъ реальнаго денежнаго матеріала. Цѣнность, т.-е. количество труда, содержащагося въ одной тоннѣ желѣза, выражается въ мысленно представляемомъ количествѣ денежнаго товара, которое содержитъ столько же труда. Стало быть, смотря по тому, служитъ ли мѣрой цѣнности золото, серебро или мѣдь, цѣнность тонны желѣза выражается въ совершенно различныхъ цѣнахъ или мысленно представляется въ совершенно различныхъ количествахъ золота, серебра или мѣди.

Если, поэтому, два различныхъ товара, напр., золото и серебро, служатъ одновременно мѣрилами цѣнности, то всѣ товары имѣютъ два различныя выраженія для своихъ цѣнъ,—цѣну въ золотѣ и цѣну въ серебрѣ,—которыя спокойно уживаются рядомъ, пока отношеніе цѣнности серебра и золота остается неизмѣннымъ, напр., 1 : 15. Но всякое измѣненіе этого отношенія цѣнности нарушаетъ также отношеніе между золотой и серебряной цѣнами товаровъ, чѣмъ практически доказывается, что двойственность мѣрила цѣнности противорѣчитъ его функціи [52]).

однако, который открылъ кровообращеніе, въ томъ же году составилъ себѣ состояніе посредствомъ шарлатанскихъ средствъ, обѣщавшихъ избавить буржуазію и аристократію отъ бремени излишняго жира.

[51]) См. Karl Marx: Zur Kritik etc. «Theorien von der Masseinheit des Geldes» p. 53 sq.

[52]) Прим. ко 2 изд. «Тамъ, гдѣ золото и серебро фигурируютъ рядомъ, какъ установленныя закономъ деньги, т.-е. какъ мѣрила цѣнности, попытка разсматривать ихъ какъ одно и то же вещество была напрасной. Предположить, что одинаковое рабочее время должно неизмѣнно овеществляться въ одинаковыхъ пропорціяхъ золота и серебра, значитъ въ сущности предположить, что серебро и золото одно и то же вещество, и что извѣстное количество менѣе дорогого металла, серебра, образуетъ неизмѣнную дробь извѣстнаго количества золота. Съ царствованія Эдуарда III до времени Георга II, исторія денегъ въ Англіи представляетъ непрерывный рядъ пертурбацій, вызванныхъ коллизіей между закономъ установленнымъ отношеніемъ цѣнности серебра и золота и колебаніями ихъ дѣйствительной цѣнности. То золото цѣнилось слишкомъ высоко, то серебро. Слишкомъ низко оцѣненный металлъ извлекался изъ обращенія, превращался въ слитки и вывозился. Тогда отношеніе цѣнности обоихъ металловъ снова измѣнялось закономъ, но новая номинальная цѣнность скоро приходила съ дѣйствительнымъ отношеніемъ цѣнности въ тотъ же конфликтъ, что и старая. Даже въ наше время слабое и временное паденіе цѣнности золота сравнительно съ серебромъ, результатъ спроса на послѣднее въ Индіи и Китаѣ, вызвало во Франціи то же явленіе въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, т.-е. вывозъ серебра и вытѣсненіе его изъ обращенія золотомъ.

Товары, цѣны которыхъ опредѣлены, представляются всѣ въ такой формѣ: *a* товара $A=x$ золота; *b* товара $B=z$ золота, *c* товара $C=y$ золота и т. д., гдѣ *a*, *b*, *c* представляютъ опредѣленныя количества товаровъ *A*, *B*, *C*, а x, z, y—опредѣленныя количества золота. Товарныя цѣнности, слѣдовательно, превращены въ идеальныя количества золота различной величины, т.-е. несмотря на пестрое разнообразіе товарныхъ тѣлъ, въ одноименныя величины, въ величины золота. Какъ такія различныя величины золота, товарныя цѣнности сравниваются между собою, измѣряются другъ другомъ, и, такимъ образомъ, технически развивается необходимость относить ихъ къ нѣкоторому опредѣленному количеству золота, какъ къ ихъ единицѣ мѣры. Эта единица мѣры, посредствомъ дальнѣйшаго дѣленія на части, превращается въ масштабъ. Еще до своего превращенія въ деньги, золото, серебро, мѣдь обладаютъ уже такимъ масштабомъ въ своихъ вѣсовыхъ дѣленіяхъ, такъ что, напр., единицей мѣры служитъ фунтъ, который въ одномъ направленіи дѣлится снова на унцы и т. д., а въ другомъ—складывается въ центнеры и т. д. [24]). Поэтому, при всякомъ металлическомъ обращеніи существующія уже названія вѣсового масштаба являются также первоначальными названіями и для денежнаго масштаба или для масштаба цѣнъ.

Какъ мѣра цѣнности и какъ масштабъ цѣнъ, деньги выполняютъ двѣ совершенно различныя функціи. Мѣрой цѣнностей онѣ служатъ какъ общественное воплощеніе человѣческаго труда, масштабомъ же цѣнъ—какъ опредѣленное вѣсовое количество металла. Какъ мѣра цѣнности онѣ служатъ для того, чтобы цѣнности чрезвычайно разнообразныхъ товаровъ превратить въ цѣны, въ представляемыя мысленно количества золота: какъ масштабъ цѣнъ—онѣ измѣряютъ эти количества золота. Посредствомъ мѣры цѣнности товары измѣряются какъ цѣнности; масштабъ же цѣнъ, наоборотъ, измѣряетъ различныя количества золота посредствомъ одного количества золота, а не цѣнность одного ко-

---

Въ теченіе 1855, 1856 и 1857 гг. ввозъ золота во Францію превзошелъ его вывозъ на 41.580.000 ф. ст., между тѣмъ какъ вывозъ серебра превзошелъ его ввозъ на 14.704.000. Дѣйствительно, въ странахъ, гдѣ оба металла суть законныя мѣрила цѣнности и оба обязательны къ пріему во всѣхъ платежахъ, т.-е. всякій можетъ производить свои платежи какъ угодно, по произволу, серебромъ или золотомъ, металлъ съ болѣе высокой цѣнностью пріобрѣтаетъ извѣстный лажъ и измѣряетъ свою цѣну, какъ и всякій другой товаръ, въ другомъ, слишкомъ высоко оцѣненномъ металлѣ, въ то время какъ этотъ послѣдній одинъ служитъ въ качествѣ мѣрила цѣнности. Историческій опытъ въ этой области сводится просто къ тому, что тамъ, гдѣ два товара по закону выполняютъ функцію мѣры цѣнности, всегда фактически лишь одинъ играетъ эту роль». (Karl. Marx, l. c. p. 52, 53).

[24]) Прим. ко 2 изд. Тотъ странный фактъ, что единица монетнаго масштаба въ Англіи, унцъ золота, не подраздѣлена на доли, объясняется слѣдующимъ образомъ: «Сначала монетная система у насъ была приспособлена исключительно къ употребленію одного серебра—поэтому одинъ унцъ серебра можетъ быть всегда подраздѣленъ на извѣстное число монетныхъ долей; позже въ монетную систему, исключительно приспособленную къ серебру, было введено золото, и вотъ оказывается, что унцъ золота не можетъ быть подраздѣленъ на извѣстное число долей. (Maclaren: «History of the Currency». London. 1858, p. 16).

личества золота посредствомъ вѣса другого. Чтобы служить масштабомъ цѣнъ, какое-нибудь опредѣленное вѣсовое количество золота должно быть фиксировано какъ единица мѣры. Здѣсь, какъ и при всѣхъ другихъ измѣреніяхъ однопменныхъ величинъ, прочность единицы мѣры имѣетъ рѣшающее значеніе. Поэтому, масштабъ цѣнъ тѣмъ лучше выполняетъ свою функцію, чѣмъ неизмѣннѣе одно и то же количество золота служитъ единицей мѣры. Съ другой стороны, мѣрой цѣнности золото можетъ служить только потому, что и само оно продуктъ труда, т.-е. цѣнность, потенціально перемѣнная [24]).

Прежде всего ясно, что измѣненіе въ цѣнности золота не оказываетъ вреднаго вліянія на его функцію въ качествѣ масштаба цѣнъ. Каковы бы ни были измѣненія цѣнности золота, различныя количества его, какъ цѣнности, всегда остаются въ одинаковомъ взаимномъ отношеніи. Пусть цѣнность золота понизится на 1.000%,—12 унцъ золота все-таки будутъ обладать въ двѣнадцать разъ большей цѣнностью, чѣмъ одинъ унцъ, а при цѣнахъ дѣло идетъ только объ отношеніи различныхъ количествъ золота между собою. Такъ какъ, съ другой стороны, одинъ унцъ золота, съ пониженіемъ или повышеніемъ его цѣнности, нисколько не измѣняетъ своего вѣса, то столь же мало измѣняется и вѣсъ частей, на которыя онъ раздѣленъ, и поэтому золото, какъ постоянный масштабъ цѣнъ, оказываетъ всегда тѣ же самыя услуги, какъ бы ни измѣнялась его цѣнность.

Измѣненіе цѣнности золота не мѣшаетъ также ему функціонировать въ качествѣ мѣры цѣнности. Это измѣненіе постигаетъ одновременно всѣ товары и, слѣдовательно, caeteris paribus, ихъ относительныя цѣнности остаются неизмѣнными, хотя онѣ теперь уже всѣ выражаются въ болѣе высокихъ или болѣе низкихъ цѣнахъ на золото, чѣмъ прежде.

Какъ при выраженіи цѣнности одного товара въ потребительной цѣнности другого товара, такъ и при оцѣнкѣ товаровъ на золото предполагается только, что въ данное время производство опредѣленнаго количества золота стоитъ извѣстнаго количества труда. Относительно движенія товарныхъ цѣнъ вообще остаются въ силѣ прежде развитые законы простого относительнаго выраженія цѣнности.

При неизмѣнной цѣнности денегъ всеобщее повышеніе товарныхъ цѣнъ можетъ наступить лишь при повышеніи товарныхъ цѣнностей; при неизмѣнности же товарныхъ цѣнностей—лишь, когда цѣнность денегъ падаетъ. Наоборотъ: при неизмѣнной цѣнности денегъ всеобщее пониженіе товарныхъ цѣнъ можетъ наступить лишь при пониженіи товарныхъ цѣнностей; при неизмѣнныхъ же товарныхъ цѣнностяхъ—когда цѣнность денегъ поднимается. Поэтому, отнюдь не всегда повышеніе цѣнности денегъ обусловливаетъ собою пропорціональное пониженіе товарныхъ цѣнъ, а пониженіе цѣнности денегъ—пропорціональное повышеніе товарныхъ цѣнъ. Это происходитъ лишь съ товарами, цѣнность кото-

[24]) Прим. ко 2 изд. Въ англійскихъ сочиненіяхъ господствуетъ несказанная путаница относительно понятій мѣриза или мѣры цѣнностей (measure of value) и масштаба цѣнъ (standard of value). Сами эти функціи и, поэтому, ихъ названія постоянно смѣшиваются.

рыхъ осталась невзмѣнной; такіе же товары, цѣнность которыхъ поднимается равномѣрно и одновременно съ цѣнностью денегъ, сохраняютъ тѣ же цѣны. Если же ихъ цѣнность поднимается медленнѣе или быстрѣе, чѣмъ цѣнность денегъ, то подъемъ или паденіе ихъ цѣнъ опредѣляется разницей между движеніемъ ихъ цѣнности и цѣнности денегъ, и т. д.

Возвратимся, однако, снова къ изслѣдованію формы цѣны.

Денежныя названія металлическаго разновѣса мало-по-малу отдѣляются отъ ихъ первоначальныхъ вѣсовыхъ названій по различнымъ причинамъ, между которыми исторически рѣшающее вліяніе оказываютъ: 1) введеніе иностранныхъ денегъ у менѣе развитыхъ народовъ,—напр., въ древнемъ Римѣ серебряныя и золотыя монеты циркулировали сначала въ качествѣ иностранныхъ товаровъ. Названія этихъ иностранныхъ денегъ отличны отъ туземныхъ вѣсовыхъ названій. 2) Съ развитіемъ богатства менѣе благородный металлъ вытѣсняется какъ мѣра цѣнности болѣе благороднымъ, мѣдь—серебромъ, серебро—золотомъ, хотя эта послѣдовательность и противорѣчитъ всякой поэтической хронологіи [56]). Фунтъ, напр., былъ денежнымъ названіемъ дѣйствительно фунта серебра, но какъ только золото вытѣснило серебро какъ мѣру цѣнности, это названіе осталось, можетъ быть, за одной пятнадцатой ($^1/_{15}$) долей фунта золота и т. п.,—въ зависимости отъ отношенія между цѣнностью золота и цѣнностью серебра. Фунтъ, какъ денежное названіе и фунтъ, какъ обыкновенное вѣсовое названіе золота, теперь не совпадаютъ [57]). 3) Продолжавшаяся цѣлыя столѣтія подѣлка монетъ государями, благодаря которой отъ первоначальнаго вѣса монетъ въ дѣйствительности остались одни лишь наименованія [58]).

Эти историческіе процессы придаютъ несовпаденію между денежными названіями разновѣсовъ металла и обыкновенными вѣсовыми названіями характеръ чего-то обычнаго (Volksgewohnheit). Такъ какъ денежный масштабъ, съ одной стороны, имѣетъ часто условное значеніе, а съ другой—нуждается во всеобщемъ признаніи, то, въ концѣ-концовъ, онъ опредѣляется закономъ. Извѣстное вѣсовое количество благороднаго металла, напр., унцъ золота, оффиціально раздѣляется на извѣстныя части, которыя получаютъ законныя наименованія: фунтъ, талеръ и т. п. Эта опредѣленная часть, которая и становится настоящей денежной единицей, въ свою очередь, дѣлится на другія доли съ законными наименованіями, шиллинги, пенни и т. п. [59]). Теперь, какъ и прежде, масштабомъ метал-

---

[56]) Впрочемъ указываемая послѣдовательность и не имѣетъ всеобщаго историческаго значенія.

[57]) Прим. ко 2 изд. Такъ англійскій фунтъ обозначаетъ теперь меньше одной трети своего первоначальнаго вѣса; шотландскій, доуніи,—лишь $^1/_{36}$; французскій Livre—$^1/_{74}$; испанскій Maravedi меньше $^1/_{1000}$; португальскій Rei—еще гораздо меньшую долю.

[58]) Прим. ко 2 изд. «Монеты, которыя теперь лишь идеальны, суть самыя старыя монеты всякой націи, и всѣ онѣ въ свое время были реальны; и потому, что онѣ были реальны, онѣ служили счетными деньгами». (Galiani: Della Moneta, l. c. p. 153).

[59]) Прим. ко 2 изд. Господинъ David Urquhart въ своихъ «Familiar Words», говоря о чудовищномъ (!) фактѣ, что въ настоящее время фунтъ (ф. ст.), англій-

ническихъ денегъ остаются опредѣленныя вѣсовыя количества (разновѣсы) металла. Измѣняются только подраздѣленія и названія.

Цѣны или идеальныя количества золота, въ которыя превращаются цѣнности товаровъ, выражаются теперь, слѣдовательно, въ денежныхъ названіяхъ или въ признанныхъ закономъ счетныхъ названіяхъ золотого масштаба. Поэтому, вмѣсто того,—чтобы сказать: 1 квартеръ пшеницы—одному унцу золота, говорятъ: онъ равенъ 3 ф. 17 шил. $10^1/_2$ пенсамъ. Товары своимъ денежнымъ названіемъ выражаютъ то, во что они цѣнятся, а деньги служатъ счетными деньгами, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы опредѣлить (фиксировать) вещь какъ цѣнность, т.-е. въ формѣ денегъ [60]).

Названіе какой либо вещи представляетъ нѣчто совершенно постороннее ея природѣ. Я еще ничего не знаю о человѣкѣ, если знаю, что онъ называется Яковомъ. Такимъ же образомъ въ денежномъ названіи—фунтъ, талеръ, франкъ, дукатъ и т. п.—исчезаетъ всякій слѣдъ отношенія цѣнности. Путаница понятій о таинственномъ смыслѣ этихъ каббалистическихъ знаковъ тѣмъ значительнѣе, что эти денежныя названія выражаютъ и цѣнность товаровъ и одновременно—извѣстныя доли вѣсового количества металла, денежнаго масштаба [61]). Съ другой стороны, необходимо, чтобы цѣнность, въ отличіе отъ пестраго разнообразія конкретныхъ предметовъ товарнаго міра, развилась въ подобную абстрактную (begriffslos) и вещную, но въ то же время простую и общественную форму [62]).

ская монетная единица, равенъ приблизительно $^1/_4$ унца золота, замѣчаетъ: «Это есть фальсификація мѣры, а не установленіе монетной единицы». Въ этомъ «фальшивомъ названіи» вѣса золота онъ видитъ, какъ и во всемъ прочемъ, фальсифицирующую руку цивилизаціи.

[60]) Прим. ко 2 изд. «Когда спросили Анахарсиса, для чего эллины употребляютъ деньги, онъ отвѣтилъ: для счета». (Athen. Deipn. t. IV, 49 v. 2. ed. Schweighäuser, 1802).

[61]) Прим. ко 2 изд. «Такъ какъ деньги, какъ масштабъ цѣнъ, фигурируютъ подъ тѣми же счетными названіями, что и товарныя цѣны,—такъ, напр., одинъ унцъ золота, такъ же какъ и цѣнность одной тонны желѣза, выражается въ 3 ф. 17 шил. $10^1/_2$ пенс., то этимъ ихъ счетнымъ наименованіямъ дали названіе цѣны монеты. Отъ этого произошло удивительное представленіе, будто золото (или серебро) можетъ быть оцѣниваемо въ своемъ собственномъ матеріалѣ, безъ сравненія съ какимъ либо другимъ товаромъ, и что оно, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ товаровъ, получаетъ отъ государства опредѣленную цѣну. Фиксацію счетныхъ наименованій опредѣленныхъ вѣсовыхъ количествъ золота смѣшали съ фиксаціей цѣнности этихъ количествъ». (Karl Marx, l. c. p. 52).

[62]) Ср. «Theorien von der Masseinheit des Geldes» въ «Zur Kritik der pol. Oekon. etc,» p. 53 Sqq. Фантазіи относительно повышенія или пониженія «цѣны монеты», которыя состоятъ въ томъ, что законныя денежныя названія для закономъ опредѣленныхъ вѣсовыхъ частей золота или серебра должны быть государствомъ пріурочены къ большимъ или меньшимъ вѣсовымъ частямъ и сообразно этому, напр., назъ $^1/_4$ унца золота должно чеканиться не 20 шил., а 40,—эти фантазіи, поскольку онѣ не составляютъ неукоснительныхъ финансовыхъ операцій, направленныхъ противъ государственныхъ и частныхъ кредиторовъ, а имѣютъ цѣлью экономическія «чудеса» столь исчерпывающимъ образомъ разобраны Petty въ «Quantulumcumque concerning Money. To the Lord Marquis of Halifax. 1682», что непосредственно слѣдовавшіе за

Цѣна есть денежное названіе овеществленнаго въ товарѣ труда. Эквивалентность товара и того количества денегъ, названіе котораго есть цѣна товара, является, стало быть, тавтологіей [62]), да и вообще относительное выраженіе цѣнности какого либо товара есть всегда выраженіе эквивалентности двухъ товаровъ. Но если цѣна, какъ показатель величины цѣнности товара, есть показатель его мѣнового отношенія къ деньгамъ, то изъ этого не слѣдуетъ обратное, т. е., что показатель его мѣнового отношенія къ деньгамъ есть обязательно и показатель величины его цѣнности. Предположимъ, что общественно необходимый трудъ одинаковой величины овеществляется въ 1 квартерѣ пшеницы и 2 ф. стерл. (приблизительно $^1/_2$ унца золота); 2 ф. ст. суть, поэтому, денежное выраженіе величины цѣнности 1 кв. пшеницы, или его цѣна. Если теперь обстоятельства позволяютъ запрашивать за него 3 ф. ст. или заставляютъ отдавать за 1 ф. ст., то 1 ф. ст. и 3 ф. ст. суть слишкомъ большое или слишкомъ малое выраженіе для величины цѣнности пшеницы, но они все-таки составляютъ ея цѣну, такъ какъ, во-первыхъ, они ея форма цѣнности—деньги, а, во-вторыхъ,—показатель ея мѣнового отношенія къ деньгамъ. Разъ условія производства или производительная сила труда остаются тѣ же, то на производство одного квартера пшеницы должно быть потрачено такое же количество общественно необходимаго рабочаго времени, какъ и прежде. Это обстоятельство не зависитъ ни отъ воли производителя пшеницы, ни отъ воли другихъ товаровладѣльцевъ. Величина цѣнности товара выражаетъ, поэтому, необходимо присущее (имманентное) процессу созданія товара отношеніе его къ общественно необходимому рабочему времени. Съ превращеніемъ величины цѣнности въ цѣну это необходимое отношеніе является, какъ мѣновое отношеніе товара къ внѣ его существующему денежному товару. Но въ этомъ отношеніи можетъ выражаться, какъ дѣйствительная величина цѣнности товара, такъ и та превосходящая ее, или недостигающая ея величина, въ которой онъ, при данныхъ обстоятельствахъ, можетъ быть реализованъ при отчужденіи. Возможность количественнаго несовпаденія между цѣной и величиной цѣнности, или уклоненіе цѣны отъ величины цѣнности, лежитъ, поэтому, въ самой формѣ цѣны. Это не составляетъ недостатка этой формы, а напротивъ, дѣлаетъ ее вполнѣ подходящей (адэкватной) формой для способа производства, въ которомъ правило можетъ обнаруживаться только въ видѣ слѣпо дѣйствующаго средняго закона, выражающаго отсутствіе всякой правильности.

Форма цѣны допускаетъ, однако, возможность не только количественнаго несоотвѣтствія между величиной цѣнности и цѣной, т.-е. между величиной цѣнности и ея собственнымъ денежнымъ выраженіемъ, но можетъ еще таить въ себѣ ка-

---

нимъ. Sir Dudley North и John Locke, не говоря уже о позднѣйшихъ писателяхъ, могли только придать его мыслямъ болѣе плоское выраженіе. «Если бы богатство народа,—говоритъ онъ между прочимъ,—могло бы быть удесятерено правительственной прокламаціей, то было бы очень странно, что наше правительство давно не издало таковой». (l. c. p. 36).

[62]) «Или же приходится согласиться, что цѣнность милліона въ деньгахъ стоитъ больше, чѣмъ такая же цѣнность въ товарахъ». (Le Trosne, l. c. p. 922), т.-е. «что данная цѣнность стоитъ больше своей равной цѣнности».

чественное противорѣчіе, т.-е. тогда цѣна перестаетъ быть вообще выраженіемъ цѣнности, хотя деньги суть только денежная форма товаровъ. Вещи, которыя сами по себѣ не суть товары, напр., совѣсть, честь и т. п., могутъ стать продажными для ихъ владѣльцевъ и, такимъ образомъ, чрезъ свою цѣну, пріобрѣсти товарную форму. Вещь, слѣдовательно, можетъ формально имѣть цѣну, не обладая цѣнностью. Выраженіе цѣны становится здѣсь мнимымъ, какъ нѣкоторыя величины въ математикѣ. Съ другой стороны, и мнимая форма цѣны, какъ напр., цѣна необработанной земли, не имѣющей никакой цѣнности, такъ какъ въ ней не овеществленъ никакой человѣческій трудъ, можетъ таить въ себѣ дѣйствительное отношеніе цѣнности или производное отъ него отношеніе.

Какъ относительная форма цѣнности вообще, цѣна выражаетъ цѣнность какого либо товара, напр., одной тонны желѣза, тѣмъ, что опредѣленное количество эквивалента, напр., унцъ золота, непосредственно обмѣнивается на желѣзо, между тѣмъ какъ обратное ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ мѣста. т.-е. желѣзо, съ своей стороны, не обмѣнивается непосредственно на золото. Поэтому, чтобы практически выполнять роль мѣновой цѣнности, товаръ долженъ сбросить съ себя свое естественное тѣло и изъ лишь мысленно представляемаго золота превратиться въ реальное, хотя это «пресуществленіе» можетъ прійтись ему болѣе солоно, чѣмъ гегелевскому «понятію» переходъ изъ необходимости въ свободу, или омару сбрасываніе его скорлупы, или святому Іерониму совлеченіе съ себя ветхаго Адама [34]). Рядомъ съ своимъ реальнымъ образомъ, напр., желѣза, товаръ можетъ обладать въ цѣнѣ идеальнымъ образомъ цѣнности или золотымъ образомъ, существующимъ лишь въ представленіи, но онъ не можетъ одновременно быть и дѣйствительнымъ золотомъ и дѣйствительнымъ желѣзомъ. Чтобы придать ему цѣну и отказаться отъ него *), достаточно объявить его равнымъ идеальному золоту; но, чтобы онъ могъ сослужить для своего владѣльца службу всеобщаго эквивалента, онъ долженъ быть замѣщенъ реальнымъ золотомъ. Если владѣлецъ желѣза, столкнувшись съ владѣльцемъ какого-нибудь жизнерадостнаго товара, сослался бы на цѣну желѣза, какъ на форму денегъ, то владѣлецъ жизнерадостнаго товара отвѣтилъ бы ему, какъ св. Петръ отвѣтилъ на небѣ Данте, прочитавшему ему символъ вѣры:

«Assai bene è trascorsa
D'esta moneta già la lega e'l peso,
Ma dimmi se tu l'hai nella tua borsa» **).

Форма цѣны подразумѣваетъ отчуждаемость товаровъ за деньги и необходимость этой отчуждаемости. Съ другой стороны, золото функціонируетъ какъ

---

[34]) Если Іерониму въ юности пришлось много бороться съ матеріальной плотью, какъ это показываетъ его борьба въ пустынѣ съ прекрасными женскими образами, то на старости лѣтъ ему приходилось бороться съ духовной плотью: «Я представляю себя мысленно,—говоритъ онъ, напр.,—предъ лицомъ всемірнаго судіи». «Кто ты?» спрашиваетъ нѣкій гласъ. «Я христіанинъ». «Ты лжешь»—гремитъ всемірный судія—«ты только цицеріанецъ!»

*) Въ подлинникѣ непереводимая и нѣсколько темная игра словами: «Für ihre Preisgebung genügt es, vorgestelltes Gold ihr gleichzusetzen». *Прим. ред. русск. перев.*

**) Вѣсъ и составъ этой монеты хорошо извѣстны, но скажи мнѣ, имѣешь ли ты ее въ своемъ кошелькѣ?

идеальная мѣра цѣнности только потому, что въ мѣновомъ процессѣ оно уже обращается какъ денежный товаръ. Въ идеальной мѣрѣ цѣнности таится, слѣдовательно, звонкая монета.

2. Средство обращенія.

а) Метаморфозъ или обращеніе товаровъ.

Мы видѣли, что мѣновой процессъ товаровъ заключаетъ въ себѣ противорѣчивыя и другъ друга исключающія отношенія. Развитіе товара не устраняетъ этихъ противорѣчій, но создаетъ форму, въ которой они могутъ двигаться. Это, впрочемъ, вообще единственный методъ для разрѣшенія дѣйствительныхъ противорѣчій. Напр., въ томъ, что одно тѣло постоянно падаетъ на другое и столь же постоянно удаляется отъ него, заключается противорѣчіе. Эллипсъ есть одна изъ формъ движенія, въ которой это противорѣчіе осуществляется и вмѣстѣ съ тѣмъ и разрѣшается.

Поскольку мѣновой процессъ перемѣщаетъ товары изъ рукъ, гдѣ они являются непотребительными цѣнностями, въ руки, гдѣ они—потребительныя цѣнности, онъ представляетъ собой общественный обмѣнъ веществъ. Продуктъ одного вида полезнаго труда замѣщаетъ продуктъ другого вида полезнаго труда. Достигнувъ мѣста, гдѣ онъ служитъ потребительной цѣнностью, товаръ изъ сферы товарнаго обмѣна попадаетъ въ сферу потребленія. Здѣсь насъ интересуетъ только первая сфера; поэтому мы должны разсмотрѣть весь процессъ со стороны его формы, т.-е. разсмотрѣть лишь измѣненіе формы или метаморфозъ товаровъ, посредствомъ котораго совершается общественный обмѣнъ веществъ.

Совершенно неудовлетворительное пониманіе этой перемѣны формъ, помимо невыясненности самого понятія цѣнности, порождается тѣмъ, что всякое измѣненіе формы одного товара происходитъ въ процессѣ обмѣна двухъ товаровъ, изъ которыхъ одинъ—обыкновенный товаръ, а другой—товаръ денежный. Тѣ, кто останавливаются только на этомъ матеріальномъ моментѣ, на обмѣнѣ товара на золото, какъ-разъ и упускаютъ изъ виду то, что слѣдуетъ видѣть, а именно, что происходитъ съ формой. Они просматриваютъ тотъ фактъ, что золото, какъ простой товаръ, не есть деньги, и что другіе товары въ своихъ цѣнахъ выражаютъ себя самихъ въ золотѣ, какъ въ своей собственной денежной формѣ.

Товары вступаютъ не позолоченными, не подсахаренными, какъ природа ихъ родила—въ мѣновой процессъ. Этотъ процессъ производитъ раздвоеніе товара на товаръ и деньги, т.-е. порождаетъ внѣшнюю противоположность, въ которой товаръ выражаетъ внутреннюю присущую ему противоположность между потребительной цѣнностью и цѣнностью (мѣновой). Въ этой противоположности товары, какъ потребительныя цѣнности, противопоставляютъ себя деньгамъ, какъ мѣновой цѣнности. Вмѣстѣ съ тѣмъ каждая сторона этой противоположности есть товаръ, слѣдовательно—единство потребительной цѣнности и цѣнности. Но это единство различій представляется на каждомъ изъ двухъ полюсовъ въ обратномъ видѣ, и въ этомъ самомъ и выражается ихъ взаимоотношеніе. Товаръ, реально взятый, представляетъ собою потребительную цѣнность; его

бытіе же въ качествѣ цѣнности идеально проявляется въ цѣнѣ, которая выражаетъ отношеніе его къ противостоящему золоту, какъ къ реальному изображенію его цѣнности. Наоборотъ, золото имѣетъ значеніе лишь какъ овеществленіе цѣнности, деньги. Оно есть, поэтому, реальная мѣновая цѣнность. Его же потребительная цѣнность проявляется только идеально, въ рядѣ относительныхъ выраженій цѣнности, въ которомъ оно относится къ противостоящимъ товарамъ, какъ къ совокупности реальныхъ образовъ его потребительной цѣнности. Эти противоположныя формы товаровъ суть дѣйствительныя формы движенія ихъ мѣнового процесса.

Послѣдуемъ за какимъ либо товаровладѣльцемъ, напр., за нашимъ старымъ знакомымъ—ткачомъ, на сцену мѣнового процесса, на товарный рынокъ. Цѣна его товара, 20 арш. холста, опредѣлена: она равняется 2 ф. ст. Онъ обмѣниваетъ холстъ на 2 ф. ст. и, какъ человѣкъ стараго закала, снова обмѣниваетъ эти 2 ф. ст. на семейную библію, въ ту же цѣну. Холстъ, который для него только—товаръ, носитель цѣнности, отчуждается за деньги, образъ его цѣнности, и этотъ образъ снова отчуждается за другой товаръ, библію. Но эта послѣдняя войдетъ въ домъ ткача уже какъ потребительная цѣнность и будетъ тамъ удовлетворять потребности въ душеспасительномъ чтеніи. Мѣновой процессъ, слѣдовательно, совершается въ двухъ противоположныхъ и другъ друга пополняющихъ метаморфозахъ: въ превращеніи товара въ деньги и въ обратномъ превращеніи денегъ въ товаръ [63]). Моменты этого товарнаго метаморфоза, представляютъ въ то же время сдѣлки товаровладѣльца: продажу—обмѣнъ товара на деньги; покупку—обмѣнъ денегъ на товаръ, и совокупность этихъ двухъ актовъ: продажу для покупки.

Когда ткачъ взглянетъ на конечный результатъ торга, то увидитъ, что, вмѣсто холста, онъ обладаетъ библіей, вмѣсто своего первоначальнаго товара—другимъ товаромъ одинаковой цѣнности, но различной полезности. Подобнымъ же образомъ онъ пріобрѣтаетъ себѣ и другія средства существованія и производства. Съ его точки зрѣнія весь процессъ является механизмомъ обмѣна продукта его труда на продукты чужого труда, т.-е. обмѣна продуктовъ.

Мѣновой процессъ товаровъ происходитъ, слѣдовательно, въ видѣ такого измѣненія формы:

Товаръ — Деньги — Товаръ
Т — Д — Т

По своему матеріальному содержанію это движеніе Т—Т есть обмѣнъ товара на товаръ, обмѣнъ веществъ общественнаго труда, процессъ, который, создавъ извѣстный результатъ, въ немъ исчезаетъ.

Т—Д. Первый метаморфозъ товара или продажа. Перемѣщеніе цѣнности товара изъ товарнаго тѣла въ тѣло золота есть, какъ я выразился въ другомъ мѣстѣ, salto mortale товара. Если оно не удается, то въ накладѣ оказывается, правда,

[63]) Ἐκ θετοῦ..... πυρὸς ἀνταμείβεσθαι πάντα χρυσὸν ὁ Ἡράκλειτος, καὶ πῦρ ἁπάντων ὥσπερ χρυσοῦ χρήματα καὶ χρημάτων χρυσός. (F. Lassalle: «Die Philosophie Heraclitos des Dunkeln. Berlin 1858», Bd. I. p. 222). Примѣчаніе Лассаля къ этому мѣсту изъ Гераклита, р. 224, п. 3, неправильно опредѣляетъ деньги какъ простой знакъ цѣнности.

не товаръ, но товаровладѣлецъ. Общественное раздѣленіе труда дѣлаетъ его трудъ столь же односторонним, сколь разносторонни его потребности. Потому именно его продуктъ служитъ ему самому только какъ мѣновая цѣнность. А всеобщую общественно-признанную эквивалентную форму онъ пріобрѣтаетъ лишь въ деньгахъ, деньги же находятся въ чужомъ карманѣ. Чтобы извлечь ихъ оттуда, товаръ прежде всего долженъ быть потребительной цѣнностью для владѣльца денегъ; потраченный на него трудъ долженъ быть, слѣдовательно, потраченъ въ общественно-полезной формѣ или выдержать испытаніе какъ звено общественнаго раздѣленія труда. Но общественное раздѣленіе труда есть естественно развивающійся производственный организмъ, нити котораго были вытканы и продолжаютъ ткаться за спиной у товаропроизводителей. Можетъ быть, товаръ есть продуктъ какой-либо новой отрасли труда, которая имѣетъ въ виду удовлетворять какую нибудь новую потребность или даже на свой страхъ стремится вновь создать таковую. Вчера—еще лишь одна изъ многихъ функцій одного и того же товаропроизводителя, какой-нибудь особенный частичный трудъ—сегодня, быть можетъ, разрываетъ эту связь, становится самостоятельнымъ и поэтому именно посылаетъ на рынокъ свой частичный продуктъ уже какъ самостоятельный товаръ, причемъ объективныя условія могутъ, разумѣется, либо быть, либо не быть окончательно назрѣвшими для процесса такого отдѣленія. Данный продуктъ сегодня удовлетворяетъ какой либо общественной потребности; завтра, быть можетъ, онъ будетъ, цѣликомъ или частью, вытѣсненъ съ своего мѣста какимъ либо другимъ сходнымъ продуктомъ. Если даже какой нибудь трудъ, какъ напр., трудъ нашего ткача, является патентованнымъ звеномъ въ системѣ общественнаго раздѣленія труда, то это еще ни въ какомъ случаѣ не гарантируетъ потребительной цѣнности произведенныхъ именно этимъ ткачемъ 20 аршинъ холста. Если общественная потребность въ холстѣ, которая, какъ и все другое, имѣетъ свои границы, удовлетворена уже другими соперниками-ткачами, то продуктъ нашего пріятеля становится излишнимъ и потому безполезнымъ. Даровому коню, правда, въ зубы не смотрятъ, но нашъ ткачъ вѣдь не для того пришелъ на рынокъ, чтобы дѣлать подарки. Предположимъ теперь, что потребительная цѣнность его продукта выдержала испытаніе, и что деньги притягиваются товаромъ. Спрашивается, сколько же денегъ притягивается имъ? Отвѣтъ уже предвосхищенъ въ цѣнѣ товара, показателѣ величины его цѣнности. Мы оставляемъ въ сторонѣ возможныя субъективныя ошибки въ разсчетахъ товаровладѣльца, которыя на рынкѣ немедленно подвергаются объективному исправленію. Предполагается, что онъ на свой продуктъ затратилъ лишь среднее общественно-необходимое рабочее время. Цѣна товара есть, поэтому, только денежное наименованіе овеществленнаго въ немъ количества общественнаго труда. Но вотъ безъ позволенія и за спиной нашего ткача прежнія унаслѣдованныя отъ прошлаго условія производства холста радикально мѣняются. То, что вчера несомнѣнно являлось общественно-необходимымъ рабочимъ временемъ для производства одного аршина холста, сегодня перестаетъ быть таковымъ, и владѣлецъ денегъ убѣдительно доказываетъ это ткачу цѣнами, объявленными различными его соперниками. На его несчастье, на свѣтѣ есть много ткачей. Допустимъ, наконецъ, что каждый находящійся на рынкѣ кусокъ холста содержитъ въ себѣ только обще-

ственно-необходимое рабочее время. Всетаки вся сумма кусковъ можетъ содержать въ себѣ излишне затраченное рабочее время. Если желудокъ рынка не можетъ поглотить всего количества холста по нормальной цѣнѣ въ 2 шилл. за аршинъ, то это доказываетъ, что въ формѣ труда ткачей холста потрачена слишкомъ большая часть общей суммы общественнаго рабочаго времени. Дѣйствіе отъ этого получается то же самое, какъ если бы каждый отдѣльный ткачъ на производство своего индивидуальнаго продукта потратилъ рабочаго времени больше общественно необходимаго. Здѣсь оправдывается нѣмецкая поговорка: «вмѣстѣ повѣшанъ, вмѣстѣ и повѣшенъ». Весь холстъ на рынкѣ считается, какъ одинъ товаръ, а каждый кусокъ—лишь какъ извѣстная часть его. И дѣйствительно, цѣнность каждаго индивидуальнаго аршина есть также лишь овеществленіе того же самаго общественно-опредѣленнаго количества однороднаго человѣческаго труда.

Очевидно, товаръ любитъ деньги, но «the course of true love never does run smooth» *). Количественное расчленение общественнаго производственнаго организма, который являетъ свои membra disjecta въ системѣ раздѣленія труда, столь же стихійно и случайно, какъ и качественное. Наши товаровладѣльцы открываютъ, поэтому, что то самое раздѣленіе труда, которое дѣлаетъ ихъ независимыми производителями, дѣлаетъ также независимыми отъ нихъ самихъ и общественный процессъ производства и ихъ отношенія въ этомъ процессѣ, и что независимость лицъ другъ отъ друга дополняется тутъ системой всесторонней вещной зависимости.

Раздѣленіе труда превращаетъ продуктъ труда въ товаръ и этимъ дѣлаетъ необходимымъ его превращеніе въ деньги. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно дѣлаетъ успѣхъ этого пресуществленія дѣломъ чисто случайнымъ. Здѣсь однако мы должны разсмотрѣть это явленіе въ его чистомъ видѣ, т.-е. предположить, что оно совершается нормально. Впрочемъ, если оно вообще совершается, т.-е. если товаръ не совсѣмъ лишній на рынкѣ, то всегда происходитъ перемѣна его формы, хотя въ ненормальныхъ случаяхъ при этомъ превращеніи субстанція—величина цѣнности—можетъ умаляться или увеличиваться.

Одному товаровладѣльцу золото замѣняетъ его товаръ, а другому—товаръ замѣняетъ его золото. Видимое явленіе состоитъ въ томъ, что товаръ и золото, 20 арш. холста и 2 фунта ст., обмѣниваются мѣстами, т.-е. состоитъ въ ихъ обмѣнѣ. Но на что товаръ обмѣнивается? На свое собственное всеобщее выраженіе цѣнности. А золото? На спеціальное выраженіе своей потребительной цѣнности. Почему золото выступаетъ по отношенію къ товарамъ, какъ деньги? Потому что цѣна товара или его денежное названіе, 2 ф. ст., обозначаетъ уже его отношеніе къ золоту, какъ къ деньгамъ. Съ товара сбрасывается его первоначальная товарная форма путемъ его отчужденія т.-е. въ тотъ моментъ, когда его потребительная цѣнность въ дѣйствительности притягиваетъ золото, идеально выраженное въ цѣнѣ товара. Реализація цѣны, или чисто идеальной формы цѣнности товара, есть, поэтому, вмѣстѣ съ тѣмъ и обратная реализація

*) «Настоящая любовь никогда не протекаетъ спокойно».

чисто идеальной потребительной цѣнности денегъ, т.-е. превращеніе товара въ деньги есть вмѣстѣ съ тѣмъ превращеніе денегъ въ товаръ. Единый процессъ является двусторонним процессомъ: съ точки зрѣнія товаровладѣльца—продажей, съ противоположной точки зрѣнія владѣльца денегъ—покупкой. Другими словами, всякая продажа есть покупка. Т—Д всегда вмѣстѣ съ тѣмъ Д—Т [66]).

До сихъ поръ мы не знаемъ никакого другого экономическаго отношенія между людьми, кромѣ отношенія товаровладѣльцевъ—отношенія, въ которомъ они присваиваютъ себѣ чужой продуктъ труда, лишь отчуждая свой собственный. Поэтому, одному товаровладѣльцу можетъ противостать другой только какъ владѣлецъ денегъ,—потому ли, что его продуктъ труда отъ природы обладаетъ денежной формой, слѣдовательно, есть денежный матеріалъ, какъ золото и т. п., или потому, что его собственный товаръ уже перемѣнилъ шкуру и сбросилъ съ себя первоначальную потребительную форму. Чтобы функціонировать какъ деньги, золото, разумѣется, должно въ какомъ нибудь пунктѣ вступить на товарный рынокъ. Этотъ пунктъ находится у самаго источника его производства, гдѣ оно, въ качествѣ непосредственнаго продукта труда, обмѣнивается на другіе продукты труда одинаковой цѣнности. Но съ этого момента оно уже постоянно представляетъ собою реализованныя цѣны товаровъ [67]). Оставляя въ сторонѣ обмѣнъ золота на товаръ на мѣстѣ его производства, мы должны признать, что золото, находящееся въ рукахъ каждаго товаровладѣльца, есть внѣшняя сброшенная форма (entäusserte Gestalt) его отчужденнаго товара, продуктъ продажи или перваго товарнаго метаморфоза Т—Д [68]). Золото стало идеальными деньгами или мѣрой цѣнности вслѣдствіе того, что всѣ товары измѣряли имъ свою цѣнность и такимъ образомъ сдѣлали его идеальной (представляемой) противоположностью своей потребительной формы, идеальнымъ образомъ своей цѣнности. Реальными же деньгами оно становится вслѣдствіе того, что товары, благодаря своему постоянному и всеобщему отчужденію, дѣлаютъ его своей дѣйствительно внѣшней или превращенной потребительной формой и этимъ самымъ—дѣйствительнымъ образомъ своей цѣнности. Въ формѣ цѣнности, товаръ отрѣшается отъ всякаго слѣда своей естественной потребительной цѣнности и отъ того частнаго вида полезнаго труда, которому данный товаръ обязанъ своимъ происхожденіемъ, и превращается въ однообразную общественную матерію безразличнаго человѣческаго труда. Въ деньгахъ нельзя разсмотрѣть, какого рода товаръ превращенъ въ нихъ. Въ формѣ денегъ одинъ товаръ совершенно походитъ на другой. Деньги, слѣдовательно, могутъ быть и грязью, хотя грязь

[66]) «Всякая продажа есть покупка» (Dr. Quesnay: «Dialogues sur le Commerce et les Travaux des Artisans». Physiocrates, ed. Daire, I, Partie. Paris 1846, p. 170) или какъ Quesnay говоритъ въ своихъ «Maximes générales». «Продавать—значитъ покупать».

[67]) «Цѣна одного товара можетъ быть уплочена лишь цѣной другого товара». (Mercier de la Rivière: «L'Ordre naturel et essentiel des sociétés politiques». Physiocrates, ed. Daire, II. Partie, p. 554).

[68]) «Чтобы имѣть деньги, надо сначала продать». (l. c. p. 543).

не есть деньги. Предположимъ, что тѣ двѣ золотыя монеты, за которыя нашъ ткачъ отдалъ свой товаръ, представляютъ собою превращенный видъ квартера пшеницы. Продажа холста, Т—Д, есть вмѣстѣ съ тѣмъ его покупка, Д—Т. Но продажей холста этотъ процессъ начинаетъ такое движеніе, которое заканчивается его противоположностью, покупкой библіи; покупкой же холста онъ заканчиваетъ движеніе, которое началось его противоположностью—продажей пшеницы. Т—Д (холстъ—деньги), эта первая фаза цикла Т—Д—Т (холстъ—деньги—библія), есть вмѣстѣ съ тѣмъ Д—Т (деньги—холстъ), т.-е. послѣдняя фаза другого движенія Т—Д—Т (пшеница—деньги—холстъ). Первый метаморфозъ какого либо товара, его превращеніе изъ товарной формы въ деньги, всегда есть вмѣстѣ съ тѣмъ второй, противоположный метаморфозъ какого либо другого товара, т.-е. его обратное превращеніе изъ денежной формы въ товаръ [69]).

Д—Т. Второй или заключительный метаморфозъ товара: покупка.

— Какъ выраженіе во внѣ, какъ внѣшняя форма (entäusserte Gestalt) всѣхъ другихъ товаровъ или какъ продуктъ ихъ всеобщаго отчужденія, деньги представляютъ собою товаръ, отличающійся абсолютной отчуждаемостью. Деньги читаютъ всѣ цѣны справа налѣво и отражаются, такимъ образомъ, во всѣхъ товарныхъ тѣлахъ, какъ въ покорномъ матеріалѣ ихъ собственнаго товарнаго воплощенія. Въ то же время цѣны, эти любовные взоры, посылаемые деньгамъ товарами, указуютъ границы возможнаго для денегъ превращенія, а именно—ихъ собственное количество. Такъ какъ товары исчезаютъ въ процессѣ своего воплощенія въ деньги, то на деньгахъ незамѣтно, какимъ образомъ онѣ попали въ руки ихъ владѣльца, или что въ нихъ превратилось. Они не имѣютъ запаха—non olet, каково бы ни было ихъ происхожденіе. Если, съ одной стороны, онѣ представляютъ проданный товаръ, то, съ другой, онѣ представляютъ собою товары, которые на нихъ можно купить [70]).

Д—Т, покупка есть въ то же время и продажа, Т—Д; послѣдній метаморфозъ одного товара есть, слѣдовательно, первый метаморфозъ другого товара. Для нашего ткача жизненный путь его товара заканчивается библіей, въ которую онъ снова превратилъ эти 2 ф. ст. Но продавецъ библіи превращаетъ полученные отъ ткача 2 ф. ст. въ водку. Д—Т, заключительная фаза Т—Д—Т (холстъ—деньги—библія) есть вмѣстѣ съ тѣмъ Т—Д, первая фаза Т—Д—Т (библія—деньги—водка). Такъ какъ товаропроизводитель производитъ только одинъ товаръ, то онъ часто продаетъ его въ большихъ количествахъ, между тѣмъ какъ его многообразныя потребности заставляютъ его постоянно раздроблять реализованную цѣну или вырученную денежную сумму на многочисленныя покупки. Одна продажа, поэтому, разбивается на многочисленныя покупки раз-

---

[69]) Исключеніе, какъ раньше было замѣчено, представляетъ производитель золота или серебра, вымѣнивающій свой продуктъ безъ предварительной продажи его.

[70]) «Если деньги представляютъ въ нашихъ рукахъ вещи, которыя мы можемъ желать купить, то онѣ представляютъ также тѣ вещи, которыя мы продали за эти деньги». (Mercier de la Rivière, l. c p. 586).

личныхъ товаровъ. Заключительный метаморфозъ одного товара образуетъ, такимъ образомъ, цѣлую сумму первыхъ метаморфозовъ другихъ товаровъ.

Если мы разсмотримъ теперь полный метаморфозъ какого либо товара, напр., холста, то мы тотчасъ увидимъ, что онъ состоитъ изъ двухъ противоположныхъ и одно другое дополняющихъ движеній, Т—Д и Д—Т. Эти два противоположныя превращенія товара совершаются въ двухъ противоположныхъ общественныхъ процессахъ товаровладѣльца и выражаются въ двухъ противоположныхъ экономическихъ роляхъ его. Какъ дѣйствующее лицо въ актѣ продажи—онъ продавецъ, какъ дѣйствующее лицо въ актѣ купли—онъ покупатель. Но какъ въ каждомъ превращеніи товара обѣ его формы—товарная и денежная—существуютъ одновременно, только на противоположныхъ полюсахъ; такъ одному и тому же товаровладѣльцу, какъ продавцу, противостоитъ другой покупатель, и какъ покупателю—другой продавецъ. Какъ одинъ и тотъ же товаръ проходитъ послѣдовательно эти два противоположныя превращенія,—изъ товара превращается въ деньги и изъ денегъ въ товаръ—такъ одинъ и тотъ же товаровладѣлецъ мѣняетъ роли продавца и покупателя. Это, такимъ образомъ, не постоянныя роли, а роли, поочередно переходящія, внутри товарнаго обращенія, отъ одного лица къ другому.

Полный метаморфозъ одного товара въ своей простѣйшей формѣ предполагаетъ четыре члена и трехъ дѣйствующихъ лицъ. Сначала деньги выступаютъ противъ товара, какъ образъ его цѣнности, которой по ту сторону, въ чужомъ карманѣ, обладаетъ вещественной и звонкой реальностью. Соотвѣтственно съ этимъ, товаровладѣльцу противостоитъ владѣлецъ денегъ. Какъ только товаръ превращенъ въ деньги, эти послѣднія становятся его исчезающей эквивалентной формой, потребительная цѣнность или содержаніе которой существуетъ по ею сторону, въ другихъ товарныхъ тѣлахъ. Какъ конечный пунктъ перваго превращенія товара, деньги суть вмѣстѣ съ тѣмъ исходный пунктъ второго. Такимъ образомъ, продавецъ въ первомъ актѣ становится покупателемъ во второмъ, гдѣ ему противостоитъ, въ качествѣ продавца, третій товаровладѣлецъ [71]).

Обѣ противоположныя фазы движенія товарнаго метаморфоза образуютъ одинъ круговоротъ: товарная форма, отрѣшеніе отъ товарной формы, возвращеніе къ товарной формѣ. Конечно, и самъ товаръ является здѣсь съ противоположными чертами: въ исходномъ пунктѣ онъ непотребительная цѣнность для своего владѣльца, въ конечномъ пунктѣ—потребительная цѣнность для него. Такъ и деньги сначала являются какъ твердый кристаллъ цѣнности, въ который превратился товаръ, чтобы потомъ растаять и превратиться лишь въ его эквивалентную форму.

Эти два метаморфоза, которые образуютъ круговоротъ одного товара, образуютъ одновременно обратные частичные метаморфозы двухъ другихъ товаровъ. Одинъ и тотъ же товаръ (холстъ) открываетъ рядъ своихъ собственныхъ ме-

---

[71]) «На лицо, стало быть, четыре члена и три контрагента, изъ которыхъ одинъ выступаетъ дважды». «Il y a donc quatre termes et trois contractants, dont l'un intervient deux fois» (Le Trosne, l. c. p. 908).

таморфозъ и заключаетъ общій метаморфозъ какого либо другого товара (пшеницы). Въ теченіе своего перваго превращенія, продажи, онъ играетъ эти двѣ роли собственной персоной. А какъ золотая куколка, въ которой онъ самъ проходитъ путь всякой тѣлесной плоти, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ заканчиваетъ первый метаморфозъ какого либо третьяго товара. Круговоротъ, циклъ, описываемый рядомъ метаморфозовъ всякаго товара, неразрывно сплетается съ круговоротами другихъ товаровъ. Весь процессъ въ его совокупности представляетъ собою обращеніе товаровъ.

Обращеніе товаровъ не только формально, но и по существу отличается отъ непосредственнаго обмѣна продуктовъ. Стоитъ лишь бросить взглядъ назадъ, на весь изображенный нами процессъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Ткачъ безспорно промѣнялъ холстъ на библію, собственный товаръ на чужой; но это явленіе вѣрно только для него. Продавецъ библіи, предпочитающій холодному горячее, не думалъ вовсе о томъ, что его библія будетъ вымѣнена на холстъ, какъ и ткачъ не знаетъ, что на его холстъ вымѣнена пшеница и т. д. Товаръ лица В замѣщаетъ товаръ лица А, но А и В вовсе не обмѣниваютъ взаимно своихъ товаровъ. Можетъ, конечно, случиться, что А и В дѣйствительно взаимно покупаютъ другъ у друга, но такой спеціальный случай нисколько не обусловливается общими условіями товарнаго обращенія. Во-первыхъ, здѣсь видно, какъ товарный обмѣнъ прорываетъ индивидуальныя и мѣстныя границы непосредственнаго обмѣна продуктовъ и развиваетъ обмѣнъ веществъ человѣческаго труда. Съ другой стороны, развивается цѣлый кругъ отношеній, не поддающихся контролю участвующихъ въ процессѣ товарнаго обращенія лицъ, отношеній общественныхъ. Напримѣръ, ткачъ только потому можетъ продать холстъ, что крестьянинъ продалъ пшеницу, владѣлецъ библіи можетъ потому только продать ее, что ткачъ продалъ холстъ; кабатчикъ — водку, потому что другой уже продалъ что-либо другое и т. д.

Поэтому, процессъ обращенія, въ отличіе отъ непосредственнаго обмѣна продуктовъ, не прекращается съ перемѣной потребительными цѣнностями мѣстъ или рукъ. Деньги не исчезаютъ отъ того, что онѣ въ концѣ-концовъ выпадаютъ изъ ряда превращеній одного товара. Онѣ всегда осаждаются на какомъ-нибудь освобожденномъ товарами мѣстѣ обращенія. Напр., въ общемъ метаморфозѣ холста: холстъ—деньги—библія—первымъ выходитъ изъ обращенія холстъ; его замѣщаютъ деньги; потомъ выходитъ изъ обращенія библія, деньги снова замѣщаютъ ее и т. д. Итакъ, при замѣщеніи одного товара другимъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ третьихъ рукахъ всегда остаются деньги [72]). При обращеніи постоянно выдѣляются деньги.

Не можетъ быть ничего нелѣпѣе того догмата, по которому товарное обращеніе необходимо обусловливаетъ собою равновѣсіе между продажами и покупками, въ виду того, что почти каждая продажа есть покупка и наоборотъ. Если этимъ хотятъ сказать, что количество дѣйствительно совершенныхъ про-

[72]) Прим. ко 2 изд. Какъ ни очевидно это явленіе, однако оно, большей частью, не замѣчается экономистами и особенно вульгарными поклонниками свободы торговли.

дажъ равняется такому же количеству покупокъ, то это плоская тавтологія. Но этимъ хотятъ сказать, что продавецъ приходитъ на рынокъ своего собственнаго покупателя. Продажа и покупка есть тождественный актъ, какъ взаимное отношеніе между двумя полярно-противоположными лицами,—товаровладѣльцемъ и владѣльцемъ денегъ. Онѣ образуютъ два полярно-противоположные акта, какъ дѣйствія одного и того же лица. Изъ тождества продажи и покупки слѣдуетъ, поэтому, что товары становятся безполезными, если брошенные въ алхимическую реторту обращенія они выходятъ оттуда не въ видѣ денегъ, т.-е. если они не продаются товаровладѣльцами, не покупаются владѣльцами денегъ. Указанное тождество предполагаетъ далѣе, что процессъ этотъ, если онъ успѣшно закончился, создаетъ остановочный пунктъ, составляющій періодъ въ жизни товара, могущій длиться болѣе или менѣе долго. Такъ какъ первый метаморфозъ есть одновременно продажа и покупка, то этотъ частичный процессъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ самостоятельный процессъ. Покупатель имѣетъ товаръ, продавецъ — деньги, т.-е. товаръ, обладающій формой, дѣлающей его способнымъ къ обращенію, независимо отъ того, когда именно, раньше или позже, онъ снова явится на рынокъ. Никто не можетъ купить безъ того, чтобы нѣкто другой не продалъ; но никому не нужно непосредственно тутъ же покупать потому только, что онъ самъ продалъ. Товарное обращеніе тѣмъ именно разрываетъ временныя, мѣстныя и индивидуальныя рамки обмѣна продуктовъ, что присущее послѣднему непосредственное тождество между отдачей своего продукта и полученіемъ въ обмѣнъ за него чужого продукта оно раскладываетъ на двѣ противоположныя операціи—продажу и покупку. Эти самостоятельно выступающіе другъ противъ друга процессы образуютъ внутреннее единство, но въ то же время ихъ внутреннее единство проявляется во внѣшнихъ противоположностяхъ. Если внѣшнее обособленіе внутренно несамостоятельныхъ, т. е. другъ друга дополняющихъ, процессовъ развивается до извѣстныхъ предѣловъ, то ихъ единство насильно прорывается наружу посредствомъ кризиса. Присущая товару противоположность потребительной цѣнности и цѣнности,—частнаго труда, долженствующаго вмѣстѣ съ тѣмъ являться какъ непосредственно общественный трудъ, и особаго конкретнаго труда, который вмѣстѣ съ тѣмъ фигурируетъ лишь какъ абстрактный всеобщій трудъ,—олицетворенія вещей и овеществленія лицъ—это внутреннее, имманентное противорѣчіе получаетъ въ противоположностяхъ товарнаго метаморфоза свои развитыя формы движенія. Эти формы заключаютъ въ себѣ, поэтому, возможность, но только—возможность кризисовъ. Для превращенія этой возможности въ дѣйствительность требуется цѣлый рядъ условій, которыя въ рамкахъ простого товарнаго обращенія вовсе еще не существуютъ [72]).

[72]) Ср. мои замѣчанія о Джемсѣ Миллѣ въ «Zur Kritik. etc.», p. 74—76. Два пункта характерны для метода экономической апологетики. Во первыхъ, отождествленіе товарнаго обращенія съ непосредственнымъ обмѣномъ продуктовъ—посредствомъ простого отвлеченія отъ ихъ различій. Во-вторыхъ, попытки отрицать противорѣчія капиталистическаго способа производства, подставляя на мѣсто капиталистическихъ отношеній простыя отношенія, вытекающія изъ товарнаго обра

Въ качествѣ посредника при обращеніи товаровъ, деньги пріобрѣтаютъ функцію средства обращенія.

b) Обращеніе денегъ.

Перемѣна формъ, въ которой совершается вещественный обмѣнъ продуктовъ труда, Т—Д—Т, обусловливаетъ то, что одна и та же цѣнность представляетъ, въ качествѣ товара, исходный пунктъ этого процесса и, какъ товаръ же, возвращается обратно къ этому самому пункту. Такимъ образомъ, это движеніе товаровъ является круговоротомъ. Съ другой стороны, эта самая форма исключаетъ круговоротъ денегъ. Она имѣетъ своимъ результатомъ постоянное отдаленіе денегъ отъ ихъ исходнаго пункта, а не возвращеніе ихъ къ нему. Пока продавецъ держитъ крѣпко въ своихъ рукахъ превращенную форму его товара, т.-е. деньги, до тѣхъ поръ товаръ находится еще въ стадіи перваго метаморфоза, или совершилъ лишь первую половину своего обращенія. Если процессъ, продажа для покупки, завершился, то и деньги снова удалились изъ рукъ своего первоначальнаго владѣльца. Правда, если ткачъ, послѣ покупки библіи, снова продаетъ холстъ, то и деньги опять возвращаются къ нему; но онѣ не возвращаются посредствомъ обращенія первыхъ 20 ар., которое, наоборотъ, перевело ихъ изъ рукъ ткача въ руки продавца библіи. Онѣ возвращаются только при возобновленіи или повтореніи того же самаго процесса обращенія для новаго товара, и приводятъ къ тому же результату, что и прежде. Слѣдовательно, форма движенія, непосредственно придаваемая деньгамъ товарнымъ обращеніемъ, состоитъ въ постоянномъ удаленіи ихъ отъ исходнаго пункта; въ переходѣ ихъ изъ рукъ одного товаровладѣльца въ руки другого, въ денежномъ обращеніи (currency, cours de la monnaie).

Обращеніе денегъ состоитъ въ постоянномъ монотонномъ повтореніи одного и того же процесса. Товары всегда находятся на сторонѣ продавцовъ, деньги—на сторонѣ покупателей, какъ покупательное средство. Онѣ функціонируютъ, какъ покупательное средство, реализуя цѣну товара. Реализуя ее, онѣ перемѣщаютъ товаръ изъ рукъ продавца въ руки покупателя, между тѣмъ какъ сами онѣ въ то же время удаляются изъ рукъ покупателя въ руки продавца, чтобы повторить тотъ же процессъ съ какимъ либо другимъ товаромъ. Происхожденіе этой односторонней формы движенія денегъ изъ двухсторонней формы товарнаго движенія скрыто отъ взоровъ наблюдателя. А въ то же время самая природа товарнаго обращенія порождаетъ противоположное представленіе. Правда, первый метаморфозъ товара представляется взору наблюдателя не только движеніемъ денегъ, но и собственнымъ движеніемъ товара, зато его второй метаморфозъ ка-

---

щенія. Но товарное производство и товарное обращеніе суть явленія, принадлежащія самымъ различнымъ способамъ производства, хотя и въ различной степени. Поэтому, тотъ, кто знаетъ общія имъ абстрактныя категоріи товарнаго обращенія, ничего не знаетъ еще объ ихъ differentia specifica. Ни въ какой наукѣ, кромѣ политической экономіи, не господствуетъ въ такой мѣрѣ важничанье элементарными общими мѣстами. Напр., J. B. Say позволяетъ себѣ судить о кризисахъ на томъ основаніи, что ему извѣстно, что товаръ есть продуктъ.

жется уже только движеніемъ денегъ. Въ первой половинѣ своего обращенія товаръ мѣняется мѣстомъ съ деньгами. Съ тѣмъ вмѣстѣ его потребительная форма прямо переходитъ изъ сферы обращенія въ сферу потребленія [74]). Его форма цѣнности, или денежная маска, заняла ея мѣсто. Вторую половину обращенія онъ проходитъ уже не въ своей собственной натуральной оболочкѣ, а въ золотой. Представителемъ непрерывнаго движенія выступаютъ здѣсь уже всецѣло деньги, и то самое движеніе, которое для товара заключаетъ въ себѣ два противоположныхъ процесса, являясь движеніемъ денегъ, какъ таковое, всегда представляетъ лишь одинъ процессъ—мѣну денегъ мѣстами всякій разъ съ новымъ товаромъ. Результатъ товарнаго обращенія, т.-е. замѣщеніе однихъ товаровъ другими, представляется, поэтому, обусловливающимся не перемѣной ихъ собственныхъ формъ, а функціей денегъ, какъ такого средства обращенія, которое заставляетъ обращаться неподвижные сами по себѣ товары, перемѣщаетъ ихъ изъ рукъ, гдѣ они являются непотребительными цѣнностями, въ руки, гдѣ они—потребительныя цѣности, и притомъ всегда въ направленіи, противоположномъ своему собственному движенію. Онѣ, деньги, постоянно удаляютъ товары изъ сферы обращенія тѣмъ, что сами постоянно занимаютъ ихъ мѣсто въ этой сферѣ и этимъ отдаляютъ себя отъ своего собственнаго исходнаго пункта. Поэтому, хотя въ дѣйствительности движеніе денегъ есть лишь выраженіе товарнаго обращенія, товарное обращеніе, наоборотъ, кажется только результатомъ денежнаго обращенія [75]).

Съ другой стороны, деньги пріобрѣтаютъ функцію средства обращенія только потому, что онѣ представляютъ собою цѣнность товаровъ, пріобрѣтшую самостоятельное бытіе. Движеніе денегъ какъ средства обращенія, есть, поэтому, въ дѣйствительности лишь движеніе формы самихъ товаровъ. Это послѣднее движеніе должно, поэтому, осязательно отражаться въ обращеніи денегъ. Такъ, напр., холстъ сначала превращаетъ свою форму цѣнности въ свою денежную форму. Послѣдній членъ его перваго метаморфоза Т—Д, денежная форма, становится тогда первымъ членомъ его послѣдняго метаморфоза Д—Т, т.-е. его обратнаго превращенія въ библію. Но каждая изъ этихъ двухъ перемѣнъ формы совершается посредствомъ обмѣна между товаромъ и деньгами, черезъ ихъ взаимный обмѣнъ мѣстами. Однѣ и тѣ же монеты попадаютъ въ руки продавца, какъ внѣшняя форма товара, и оставляютъ ихъ, какъ абсолютно годная къ отчужденію форма товара. Онѣ два раза мѣняютъ мѣсто. Первая метаморфоза холста приноситъ эти монеты въ карманъ ткача, вторая вновь извлекаетъ ихъ оттуда. Обѣ противоположныя перемѣны формы одного и того же товара ограничаются, слѣдовательно, въ двукратномъ перемѣщеніи денегъ въ противоположномъ направленіи.

Если, наоборотъ, имѣютъ мѣсто только односторонніе товарные метаморфозы,—

---

[74]) Если даже товаръ постоянно перепродается—явленіе, которое пока еще для насъ не существуетъ,—съ послѣдней окончательной продажей онъ все-таки переходитъ изъ сферы обращенія въ сферу потребленія, чтобы тутъ служить средствомъ существованія или производства.

[75]) «Онѣ (деньги) не имѣютъ другого движенія, кромѣ того, которое имъ сообщено продуктами». (Le Trosne, l. c. p. 885).

безразлично, только продажи ли или только покупки,—то однѣ и тѣ же деньги тоже перемѣняютъ мѣсто лишь одинъ разъ. Ихъ вторичная перемѣна мѣста всегда выражаетъ собой и второй метаморфозъ товара.—его обратное превращеніе изъ денегъ. Въ часто повторяющемся перемѣщеніи однѣхъ и тѣхъ же монетъ отражается не только рядъ метаморфозъ одного единичнаго товара, но также и сплетеніе безчисленныхъ метаморфозъ товарнаго міра вообще. Само собою, впрочемъ, разумѣется, что все только что сказанное пригодно лишь для выясненія разсматриваемой здѣсь формы простого товарнаго обращенія.

Каждый товаръ, при самомъ вступленіи своемъ въ сферу обращенія, при первой перемѣнѣ своей формы, выходитъ изъ обращенія, въ которое вступаютъ все новые и новые товары. Деньги, напротивъ, въ качествѣ средства обращенія, находятся постоянно въ сферѣ обращенія и безконечно тамъ шатаются. Является, поэтому, вопросъ, сколько денегъ поглощаетъ постоянно эта сфера?

Въ каждой данной странѣ ежедневно совершаются во множествѣ единовременные и, стало быть, параллельные односторонніе товарные метаморфозы, или, другими словами, съ одной стороны только продажи, а съ другой—только покупки. Въ своихъ цѣнахъ товары уже приравнены къ опредѣленнымъ идеальнымъ количествамъ денегъ. А такъ какъ въ разсматриваемой здѣсь непосредственной формѣ обращенія товары и деньги постоянно выступаютъ другъ противъ друга тѣлесно, одни на полюсѣ продавца, другія—на полюсѣ покупателя, то масса средствъ обращенія, необходимыхъ для процесса обращенія товаровъ, опредѣлена уже суммой цѣнъ товаровъ. Дѣйствительно, деньги представляютъ собою лишь реальное выраженіе той суммы золота, которая идеально уже выражена въ суммѣ товарныхъ цѣнъ. Поэтому, равенство этихъ суммъ само собою подразумѣвается. Мы знаемъ, однако, что при неизмѣнныхъ цѣнностяхъ товаровъ цѣны ихъ мѣняются съ измѣненіемъ цѣнности золота (денежнаго матеріала),—относительно возрастаютъ, когда она падаетъ, и падаютъ, когда она поднимается. Когда сумма товарныхъ цѣнъ такимъ образомъ поднимается или падаетъ, то въ равной мѣрѣ должна увеличиваться или уменьшаться и масса находящихся въ обращеніи денегъ. Источникъ измѣненія въ массѣ средствъ обращенія лежитъ здѣсь, конечно, въ самихъ деньгахъ, но не въ ихъ функціи, какъ средства обращенія, а въ ихъ функціи, какъ мѣрила цѣнности. Сперва цѣны товаровъ мѣняются обратно-пропорціонально цѣнности денегъ, а потомъ масса средствъ обращенія измѣняется прямо пропорціонально цѣнамъ товаровъ. То же самое явленіе будетъ имѣть мѣсто, если, напр., не цѣнность золота понизится, а серебро замѣнитъ его въ качествѣ мѣрила цѣнности, или не цѣнность серебра поднимется, а золото вытѣснитъ его изъ функціи мѣрила цѣнности. Въ первомъ случаѣ должно циркулировать больше серебра, чѣмъ раньше золота, во второмъ—меньше золота, чѣмъ раньше серебра. Въ обоихъ случаяхъ измѣнится цѣнность денежнаго матеріала, т.-е. товара, функціонирующаго какъ мѣрило цѣнности, измѣнится, поэтому, выраженіе товарной цѣнности посредствомъ цѣнъ, а, стало быть—и масса обращающихся денегъ, служащихъ для реализаціи этихъ цѣнъ. Мы видѣли, что сфера обращенія товаровъ имѣетъ отверстіе, чрезъ которое вступаетъ въ нее золото (или серебро, словомъ, денежный матеріалъ), какъ

товаръ опредѣленной цѣнности. Эта цѣнность заранѣе предполагается при функціонированіи денегъ, какъ мѣрила цѣнности, а, слѣдовательно, и при опредѣленіи цѣнъ. И если, напр., понизится цѣнность самого мѣрила цѣнности, то это прежде всего проявится въ измѣненіи цѣнъ тѣхъ товаровъ, которые, у источника производства благородныхъ металловъ, непосредственно обмѣниваются на нихъ, какъ на товары. Между тѣмъ бо́льшая часть другихъ товаровъ будетъ продолжать, особенно при менѣе развитомъ состояніи буржуазнаго общества, болѣе или менѣе долгое время оцѣниваться по старой, ставшей фиктивной, цѣнности денежнаго металла. Мало-по-малу, однако, одинъ товаръ заражаетъ другой черезъ свое отношеніе цѣнности къ нему: цѣны товаровъ, выраженныя въ золотѣ или серебрѣ, выравниваются сообразно цѣнности этихъ послѣднихъ, пока, наконецъ, всѣ товарныя цѣнности не начинаютъ оцѣниваться соотвѣтственно новой цѣнности денежнаго металла. Этотъ процессъ уравненія сопровождается постояннымъ ростомъ количества драгоцѣнныхъ металловъ, которые появляются для замѣщенія товаровъ, прямо на нихъ вымѣниваемыхъ. Поэтому, по мѣрѣ того, какъ исправленныя цѣны товаровъ становятся всеобщими, т.-е. оцѣнка ихъ цѣнностей приноравливается къ новой понизженной—и до извѣстной степени продолжающей понижаться — цѣнности металла, увеличеніе количества его, необходимое для реализаціи этихъ новыхъ цѣнъ, оказывается уже совершившимся. Односторонне наблюденіе фактовъ, послѣдовавшихъ за открытіемъ новыхъ источниковъ золота и серебра, привело въ XVII и особенно въ XVIII стол. къ ложному заключенію, будто цѣны товаровъ поднялись вслѣдствіе того, что большее количество золота и серебра стало функціонировать какъ средство обращенія. Въ послѣдующемъ положеніи цѣнность золота будетъ предполагаться уже данной, что на самомъ дѣлѣ и бываетъ въ моментъ установленія цѣнъ.

При этомъ предположеніи масса средствъ обращенія опредѣляется, слѣдовательно, суммой цѣнъ товаровъ, подлежащей реализаціи. Если мы предположимъ далѣе, что и цѣна каждаго товара дана, то сумма цѣнъ, очевидно, будетъ зависѣть отъ массы находящихся въ обращеніи товаровъ. Приходится очень мало ломать голову, чтобы понять, что если 1 кв. пшеницы стоитъ 2 ф. ст., то 100 кв. пшеницы стоятъ 200 ф. ст., 200 кв. 400 ф. ст. и т. д., т.-е., что съ возрастаніемъ массы пшеницы должна возрастать и масса денегъ, которыя при продажѣ мѣняются съ ней мѣстомъ.

Если же мы предположимъ массу товаровъ данной, то масса обращающихся денегъ колеблется вмѣстѣ съ колебаніями цѣнъ товаровъ. Она поднимается или понижается, потому что сумма товарныхъ цѣнъ, вслѣдствіе измѣненія этихъ послѣднихъ, увеличивается или уменьшается. При этомъ вовсе не необходимо, чтобы цѣны всѣхъ товаровъ одновременно поднимались или падали. Подъема цѣнъ извѣстнаго числа важнѣйшихъ товаровъ въ одномъ случаѣ, или пониженія ихъ въ другомъ, вполнѣ достаточно для того, чтобы возвысить или понизить подлежащую реализаціи сумму цѣнъ всѣхъ находящихся въ обращеніи товаровъ, достаточно, слѣдовательно, также и для того, чтобы пустить въ обращеніе большее или меньшее количество денегъ. Отражаютъ ли перемѣны цѣнъ товаровъ дѣйствительное измѣненіе цѣнностей или простое колебаніе рыночныхъ цѣнъ,—вліяніе этого на массу средствъ обращенія остается то же.

Допустимъ, что дано нѣкоторое количество несвязанныхъ между собою, одновременно и рядомъ совершающихся продажъ или частныхъ метаморфозъ: напр., 1 кв. пшеницы, 20 арш. холста, 1 библіи, 4 галлона водки. Если цѣна каждаго предмета 2 ф. ст., а вся подлежащая реализаціи сумма цѣнъ, слѣдовательно, 8 ф. ст., то въ обращеніе должна вступить денежная масса въ 8 ф. ст. Если же, наоборотъ, эти самые товары образуютъ звенья знакомаго намъ ряда метаморфозъ: 1 кв. пшеницы—2 ф. ст.—20 ар. холста—2 ф. ст.—1 библія 2 ф. ст.—4 галлона—2 ф. ст., то 2 ф. ст. заставляютъ циркулировать поочередно всѣ эти товары, реализуя поочередно же цѣну каждаго изъ нихъ, а, слѣдовательно, и всю сумму цѣнъ въ 8 ф. ст., чтобы, въ концѣ-концовъ, успокоиться въ рукахъ кабатчика. Они, такимъ образомъ, совершаютъ четыре оборота. Это повторяющееся перемѣщеніе однѣхъ и тѣхъ же монетъ представляетъ собою двойную перемѣну формы товаровъ, ихъ движеніе чрезъ двѣ противоположныя стадіи обращенія и сплетеніе метаморфозъ различныхъ товаровъ [76]). Противоположныя и одна другую дополняющія фазы, чрезъ которыя этотъ процессъ проходитъ, не могутъ совершаться одновременно, совпадать, а слѣдуютъ во времени одна за другой. Извѣстные промежутки времени служатъ, поэтому, мѣрой продолжительности процесса, или количество оборотовъ одной и той же монеты въ данный промежутокъ времени измѣряетъ быстроту денежнаго оборота. Процессъ обращенія вышеуказанныхъ четырехъ товаровъ продолжается, положимъ, одинъ день; тогда подлежащая реализаціи сумма цѣнъ составляетъ 8 ф. ст., количество оборотовъ одной и той же монеты въ теченіе одного дня—4, и масса обращающихся денегъ—2 ф. ст., или для процесса обращенія въ данный промежутокъ времени:

$$\frac{\text{Сумма товарныхъ цѣнъ.}}{\text{Число оборотовъ одноименныхъ монетъ}} = \text{Количеству денегъ, служащихъ средствами обращенія.}$$

Этотъ законъ имѣетъ всеобщую силу. Процессъ обращенія какой-либо страны въ данный промежутокъ времени объемлетъ, правда, съ одной стороны, множество изолированныхъ, одновременныхъ и параллельныхъ продажъ (или покупокъ) или частныхъ метаморфозъ, въ которыхъ одна монета только одинъ разъ мѣняетъ мѣсто или совершаетъ только одинъ оборотъ; но, съ другой стороны, онъ объемлетъ множество частью совершающихся рядомъ, частью переплетающихся между собою болѣе или менѣе многочисленныхъ метаморфозъ или рядовъ, въ которыхъ одна и та же монета совершаетъ большее или меньшее количество оборотовъ. Однако, изъ общаго числа оборотовъ всѣхъ находящихся въ обращеніи одноименныхъ монетъ можно вывести среднее число оборотовъ отдѣльной монеты, или среднюю скорость денежнаго обращенія. Масса денегъ, которая, напр., въ началѣ дневного процесса обращенія брошена въ него, естественно опредѣляется суммой цѣнъ одновременно и рядомъ циркулирующихъ товаровъ. Но внутри процесса обращенія каждая монета

[76]) «Продукты приводятъ ихъ (деньги) въ движеніе и заставляютъ обращаться... Быстрота движенія ихъ (т. е. денегъ) замѣняетъ ихъ количество. Когда въ нихъ есть надобность, то онѣ только переходятъ изъ рукъ въ руки, ни минуты не останавливаясь» (Le Trosne, l. c. p. 915, 916).

становится, такъ сказать, отвѣтственной за другія. Если скорость обращенія одной увеличивается, то замедляется обращеніе другихъ или онѣ совсѣмъ выбрасываются изъ сферы обращенія, такъ какъ эта сфера можетъ поглотить только такую массу денегъ, которая, помноженная на среднее число оборотовъ отдѣльныхъ ея элементовъ, равняется суммѣ подлежащихъ реализаціи цѣнъ. Если, поэтому, количество оборотовъ каждой монеты возрастаетъ, то уменьшается циркулирующая масса ихъ. Если же количество оборотовъ уменьшается, то масса эта возрастаетъ. Такъ какъ количество денегъ, могущихъ функціонировать какъ средства обращенія, при данной средней скорости оборотовъ, является величиной данной, то стоитъ только пустить въ обращеніе извѣстное количество однофунтовыхъ банковыхъ билетовъ, чтобы выбросить изъ него такое же количество золотыхъ монетъ — фокусъ, хорошо знакомый всѣмъ банкамъ.

Какъ въ денежномъ обращеніи вообще проявляется только процессъ обращенія товаровъ, т.-е. ихъ круговоротъ чрезъ противоположныя метаморфозы, такъ и въ скорости денежнаго обращенія проявляется лишь скорость перемѣны ими формъ, непрерывное сплетеніе метаморфозныхъ рядовъ, ускоренный обмѣнъ веществъ, быстрое исчезновеніе товаровъ изъ сферы обращенія и столь же быстрое замѣщеніе ихъ новыми. Въ быстротѣ денежнаго обращенія проявляется, слѣдовательно, живое текучее единство этихъ противоположныхъ и одна другую дополняющихъ фазъ, превращеніе потребительной формы въ форму цѣнности и обратное превращеніе формы цѣнности въ потребительную форму, или единство обоихъ процессовъ—продажи и покупки. Наоборотъ, въ замедленіи денежнаго обращенія проявляется раздѣленіе и антагонистическое обособленіе этихъ процессовъ въ самостоятельныя движенія, застой въ перемѣнѣ формъ, а потому и въ обмѣнѣ веществъ. Откуда берется этотъ застой, нельзя, конечно, усмотрѣть изъ самого обращенія. Въ этомъ послѣднемъ обнаруживается лишь само явленіе. Общераспространенная точка зрѣнія, которая замѣчаетъ, что деньги съ замедленіемъ ихъ оборота тоже менѣе часто появляются и исчезаютъ во всѣхъ пунктахъ периферіи обращенія, вполнѣ естественно склоняется къ объясненію этого явленія недостаточнымъ количествомъ средствъ обращенія [77]).

[77]) «Такъ какъ деньги составляютъ... общую мѣру покупки и продажи, то каждый, имѣющій что-нибудь продать и не находящій покупателя, склоненъ думать, что причина этого—недостатокъ денегъ въ королевствѣ или странѣ; отсюда общая жалоба на недостатокъ денегъ; но это большая ошибка... Чего желаютъ тѣ, которые кричатъ о деньгахъ?.. Фермеръ жалуется... онъ думаетъ, что если бы въ странѣ было больше денегъ, то его товары имѣли бы цѣну... Поэтому, онъ очевидно нуждается не въ деньгахъ, а въ цѣнѣ для своего хлѣба и скота, которые онъ хочетъ продать, но не можетъ... почему на его товаръ нѣтъ цѣны?.. 1) Или потому что въ странѣ слишкомъ много хлѣба и скота, такъ что на рынокъ является много продавцовъ, такихъ же какъ онъ, и мало покупателей; или 2) существуетъ недостатокъ въ обычномъ вывозѣ заграницу... или 3) потребленіе уменьшается, вслѣдствіе того, что, по бѣдности, люди не могутъ потреблять столько, сколько потребляли раньше. Слѣдовательно, не увеличеніе количества денегъ дастъ фермеру возможность продать его товары, а устраненіе одной изъ указанныхъ причинъ, которыя и угнетаютъ рынокъ. Въ этомъ же смыслѣ не хватаетъ денегъ и купцу и лавочнику, т.-е. имъ недостаетъ сбыта для ихъ товаровъ, вслѣдствіе застоя рынка...

Итакъ, общее количество денегъ, функціонирующихъ въ данный періодъ времени какъ средства обращенія, опредѣляется, съ одной стороны, суммой цѣнъ обращающихся товаровъ, съ другой—болѣе или менѣе быстрымъ теченіемъ ихъ антагонистическихъ процессовъ обращенія, отъ чего зависитъ, какая часть этой суммы цѣнъ можетъ быть реализована посредствомъ одной и той же монеты. Но сумма цѣнъ товаровъ зависитъ, какъ отъ массы ихъ, такъ и отъ цѣны каждаго товара. Эти три фактора: движеніе цѣнъ, масса обращающихся товаровъ и, наконецъ, быстрота обращенія денегъ—могутъ однако мѣняться въ различныхъ направленіяхъ и въ различныхъ пропорціяхъ, а потому подлежащая реализаціи сумма цѣнъ, а, стало быть, и обусловливаемая ею масса средствъ обращенія, могутъ также испытывать многочисленныя комбинаціи. Мы здѣсь перечислимъ лишь тѣ, которыя имѣли наибольшее значеніе въ исторіи товарныхъ цѣнъ.

При неизмѣнности товарныхъ цѣнъ масса средствъ обращенія можетъ расти вслѣдствіе того, что масса обращающихся товаровъ возрастаетъ, или же скорость обращенія денегъ уменьшается, или же обѣ эти причины дѣйствуютъ вмѣстѣ. Съ уменьшеніемъ массы товаровъ или увеличеніемъ скорости обращенія масса средствъ обращенія въ этомъ случаѣ можетъ, наоборотъ, падать.

При всеобщемъ подъемѣ товарныхъ цѣнъ количество средствъ обращенія можетъ оставаться неизмѣннымъ, когда количество обращающихся товаровъ уменьшается въ той же пропорціи, въ которой ихъ цѣны увеличиваются, или когда быстрота обращенія денегъ возрастаетъ пропорціонально возрастанію цѣнъ, въ то время какъ количество обращающихся товаровъ остается прежнимъ. Масса средствъ обращенія можетъ уменьшаться, если масса товаровъ уменьшается, или скорость обращенія возрастаетъ—быстрѣе, чѣмъ цѣны.

При всеобщемъ паденіи товарныхъ цѣнъ масса средствъ обращенія можетъ остаться неизмѣнной, когда масса товаровъ возрастаетъ въ той же пропорціи, въ которой цѣны ихъ падаютъ, или скорость обращенія денегъ уменьшается пропорціонально паденію цѣнъ. Она можетъ возрастать, когда количество товаровъ увеличивается, или скорость обращенія уменьшается быстрѣе, чѣмъ падаютъ товарныя цѣны.

Варіаціи этихъ различныхъ факторовъ могутъ взаимно компенсироваться, такъ что, несмотря на ихъ постоянныя колебанія, общая сумма подлежащихъ реализаціи цѣнъ товаровъ, а, слѣдовательно, и масса находящихся въ обращеніи денегъ будетъ оставаться постоянной. Поэтому мы находимъ, особенно

Нація больше всего процвѣтаетъ тогда, когда богатства переходятъ изъ рукъ въ руки». (Sir Dudley North: «Discourses upon Trade. Lond. 1691», p. 11—15 passim). Всѣ парлатанскія измышленія Hettenschwand'a покоятся на предположеніи, что противорѣчія, вытекающія изъ природы товара и проявляющіяся, поэтому, въ товарномъ обращеніи могутъ быть устранены увеличеніемъ средствъ обращенія. Изъ того, что приписываніе застоя въ процессахъ производства и обращенія недостатку въ средствахъ обращенія основано на популярной плоскости, вовсе еще не слѣдуетъ обратное, т.-е. что дѣйствительный недостатокъ въ средствахъ обращенія, вслѣдствіе, напр., оффиціальныхъ распоряженій относительно «regulation of currency» (регулированія денежнаго обращенія), не можетъ съ своей стороны вызвать застоя.

при разсмотрѣніи болѣе длинныхъ періодовъ, гораздо болѣе постоянный средній уровень количества циркулирующихъ въ каждой странѣ денегъ и гораздо болѣе слабыя отклоненія отъ средняго уровня, чѣмъ этого можно было бы ожидать съ перваго взгляда,—за исключеніемъ, конечно, сильныхъ пертурбацій, періодически происходящихъ отъ промышленныхъ и торговыхъ кризисовъ, рѣже—отъ измѣненій въ самой цѣнности денегъ.

Законъ, что количество средствъ обращенія опредѣляется суммой цѣнъ находящихся въ обращеніи товаровъ и средней скоростью обращенія денегъ [78]), можетъ быть выраженъ еще такъ: при данной суммѣ цѣнностей товаровъ и данной средней скорости ихъ метаморфозъ, количество находящихся въ обращеніи денегъ или денежнаго металла зависитъ отъ собственной цѣнности денегъ. Иллюзія, согласно которой, наоборотъ, товарныя цѣны опредѣляются массой средствъ обращенія, а послѣдняя, въ свою очередь, массой находящагося въ странѣ денежнаго матеріала [79]),—эта иллюзія у ея первыхъ представителей опирается на

[78]) «Существуетъ извѣстная мѣра и количество денегъ, необходимыхъ для веденія торговли страны; большее же или меньшее количество, чѣмъ необходимо, вредитъ торговлѣ. Точно такъ же въ мелочной торговлѣ необходимо извѣстное количество фартинговъ (мѣдная монета) для размѣна серебряныхъ монетъ и особенно для расчетовъ, въ которыхъ болѣе мелкія серебряныя монеты уже недостаточны... Какъ количество фартинговъ, необходимыхъ для торговли, должно быть вывелено изъ числа лицъ, частоты ихъ обмѣновъ и, главное, изъ цѣнности самыхъ мелкихъ серебряныхъ монетъ; точно такъ же и количество денегъ (золотой и серебряной монеты), необходимыхъ для нашей торговли, должно быть исчислено сообразно съ количествомъ размѣновъ и величиной платежей». (William Petty: «A Treatise on Taxes and Contributions. Lond. 1667», p. 17). Теорія Юма была защищаема противъ Дж. Стюарта и др. А. Юнгомъ въ его «Political Arithmetic. Lond. 1774», гдѣ имѣется особая глава: «Prices depend on quantity of money» (цѣны зависятъ отъ количества денегъ), p. 112 sqq. Я замѣтилъ въ «Zur Kritik etc. p. 149»: «Вопросъ о количествѣ циркулирующихъ денегъ онъ (А. Смитъ) молчаливо устраняетъ тѣмъ, что разсматриваетъ деньги совершенно неправильно, какъ простой товаръ». Это относится лишь къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ онъ разсматриваетъ деньги ex officio. Случайно же, наприм., въ критикѣ прежнихъ системъ политической экономіи, онъ высказывается вѣрно: «Количество денегъ въ каждой странѣ регулируется цѣнностью товаровъ, которые они должны привести въ движеніе... Цѣнность предметовъ, ежегодно покупаемыхъ и продаваемыхъ въ странѣ, требуетъ извѣстнаго количества денегъ для своего обращенія и распредѣленія между потребителями, и не можетъ дать употребленія большему количеству ихъ. Каналъ обращенія необходимо принимаетъ сумму, достаточную для своего наполненія, и никогда не вмѣщаетъ большаго количества». (Wealth of Nations, l. IV, ch. I). Подобнымъ же образомъ А. Смитъ ex officio начинаетъ свое сочиненіе анновомъ раздѣленія труда. Впослѣдствіи же, въ послѣдней книгѣ – объ источникахъ государственныхъ доходовъ, онъ мимоходомъ повторяетъ обличенія, выставленныя его учителемъ А. Фергюсономъ противъ раздѣленія труда.

[79]) «Цѣны вещей поднимаются во всякой странѣ по мѣрѣ того, какъ въ народѣ возрастаетъ количество золота и серебра; слѣдовательно, если количество золота и серебра уменьшается въ странѣ, то и цѣны всѣхъ товаровъ понижаются соотвѣтственно этому уменьшенію денегъ». (Jacob Vanderlint: «Money answers all Things». Lond. 1734, p. 5). Внимательное сравненіе сочиненія Vanderlint'a и «Essays» Юма не оставляетъ во мнѣ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Юмъ зналъ сочиненіе Vanderlint'a, впрочемъ весьма замѣчательное, и пользовался имъ. Мнѣніе, что

ту нелѣпую гипотезу, что въ процессѣ обращенія товары вступаютъ безъ цѣны, а деньги—безъ цѣнности, и что потомъ, въ этомъ процессѣ, нѣкоторая часть товарной кучи обмѣнивается на нѣкоторую часть металлической массы [80]).

c) Монета. Знакъ цѣнности.

Изъ функціи деньгъ, какъ средства обращенія, вытекаетъ ихъ монетная форма. Извѣстная вѣсовая часть золота, выраженная въ цѣнѣ или денежномъ

цѣны опредѣляются количествомъ средствъ обращенія, мы находимъ также у Барбона и у многихъ другихъ писателей до него. «Никакого неудобства—говоритъ Vanderlint—не можетъ произойти отъ абсолютной свободы торговли, но, наоборотъ очень большая выгода... такъ какъ, если количество деньгъ у какой-нибудь націи уменьшится, чему должны воспрепятствовать запрещенія, то тѣ націи, которыя получаютъ деньги, навѣрно найдутъ у себя всѣ вещи поднявшимися въ цѣнѣ, по мѣрѣ того какъ количество деньгъ у нихъ возрастетъ... и продукты нашихъ мануфактуръ и др. вещи будутъ продаваться по такимъ умѣреннымъ цѣнамъ, что торговый балансъ обратится въ нашу пользу, и, такимъ образомъ, погонитъ деньги обратно» (l. c. p. 44).

[80]) Что каждый отдѣльный товаръ, посредствомъ своей цѣны, составляетъ элементъ суммы цѣнъ обращающихся товаровъ,—это очевидно. Но совершенно непонятно, какимъ образомъ масса несопоставимыхъ между собою потребительныхъ цѣнностей можетъ обмѣниваться на находящуюся въ странѣ массу золота и серебра. Если весь міръ товаровъ фокуснической способомъ превратить въ одинъ единственный товаръ и каждый отдѣльный товаръ представить лишь въ видѣ нѣкоторой части совокупнаго товара, то получится такой красивый образчикъ вычисленія: совокупный товаръ = x центн. золота, товаръ A = нѣкоторой части совокупнаго товара = такой же долѣ x центн. золота. Это вполнѣ откровенно и говоритъ Монтескье: «Если сравниваютъ количество золота и серебра, которое находится на землѣ, съ суммой товаровъ, находящихся на ней, то несомнѣнно, что каждый отдѣльный товаръ можетъ быть сравниваемъ съ нѣкоторой частью другого. Предположимъ, что на свѣтѣ имѣется только одинъ товаръ или только одинъ, который покупается, и что онъ дѣлится какъ деньги: тогда извѣстная часть этого товара будетъ соотвѣтствовать извѣстной части всей суммы деньгъ; половина общей суммы товары—половинѣ общей суммы деньгъ и т. д... Установленіе цѣны вещей всегда, по существу, зависитъ отъ отношенія между суммой вещей и суммой знаковъ». (Montesquieu, l. c. t. III, p. 12, 13). Относительно дальнѣйшаго развитія этой теоріи Рикардо, его ученикомъ Джемсомъ Миллемъ, лордомъ Оверстономъ и др. ср. «Zur Kritik u. s. w.», p. 140—146 и p. 150 seqq. Дж. Ст. Милль, со свойственной ему эклектической логикой, умѣетъ соединить мнѣніе своего отца, Дж. Милля, съ противоположнымъ мнѣніемъ. Если сравнить текстъ его компендіума: «Princ. of. Pol. Econ.» съ предисловіемъ (къ перв. изд.), въ которомъ онъ самъ себя провозглашаетъ А. Смитомъ настоящаго времени, то не знаешь чему больше удивляться—его ли наивности или наивности публики, которая, дѣйствительно, приняла его за новаго А. Смита, на котораго онъ похожъ, приблизительно, какъ генералъ Уильямсъ Карсскій на герцога Веллингтона. Незначительныя и малосодержательныя оригинальныя наслѣдованія Дж. Ст. Милля въ области политической экономіи находятся всѣ на лицо въ его появившейся въ 1844 г. книжечкѣ: «Some Unsettled Questions of Political Economy». Локкъ указываетъ прямо на связь между отсутствіемъ цѣнности у золота и серебра и опредѣленіемъ ихъ цѣнности посредствомъ количества. «Разъ человѣчество согласилось придать золоту и серебру воображаемую цѣнность..., то внутренняя цѣнность этихъ металловъ есть не что иное, какъ ихъ количество». «Some Considerations etc. 1691», Works, ed. 1777 vol. II, p. 15.

названія товара, должна въ процессѣ обращенія явиться предъ нимъ, какъ одноименный кусокъ золота или какъ монета. Какъ и установленіе масштаба цѣнъ, чеканка монетъ есть дѣло государства. Въ различныхъ національныхъ мундирахъ, которые носятъ золото и серебро какъ монеты, но которые они сбрасываютъ на всемірномъ рынкѣ, проявляется различіе между внутренней или національной сферой товарнаго обращенія и его всеобщей сферой—міровымъ рынкомъ.

Золотыя монеты и золотые слитки, слѣдовательно, первоначально различаются лишь по внѣшнему виду, и золото способно къ постояннымъ превращеніямъ изъ одной формы въ другую [81]). Путь изъ монетнаго двора есть вмѣстѣ съ тѣмъ и дорога къ плавильному тиглю, такъ какъ золотыя монеты въ обращеніи болѣе или менѣе стираются. Наименованіе золотыхъ монетъ и ихъ вещество, ихъ номинальное содержаніе и ихъ реальное содержаніе начинаютъ, такимъ образомъ, разъединяться. Одноименныя золотыя монеты пріобрѣтаютъ различныя цѣнности, благодаря различію въ вѣсѣ. Золото, какъ средство обращенія, отклоняется отъ золота, какъ масштаба цѣнъ, и въ силу этого перестаетъ также быть дѣйствительнымъ эквивалентомъ товаровъ, цѣны которыхъ оно реализуетъ. Исторія этой путаницы составляетъ содержаніе монетной исторіи среднихъ вѣковъ и новаго времени до XVIII стол. Естественная тенденція процесса обращенія превращать золотую сущность монетъ въ золотой призракъ, или монету въ символъ ея оффиціальнаго металлическаго содержанія, признана даже новѣйшими законодательствами, опредѣляющими ту степень потери металла, которая дѣлаетъ золотую монету негодной къ обращенію или демонетизируетъ ее.

Разъ денежный оборотъ самъ отдѣляетъ реальное содержаніе монетъ отъ ихъ номинальнаго содержанія, ихъ металлическую сущность отъ ихъ функціональной сущности, то онъ въ скрытомъ видѣ содержитъ уже въ себѣ возможность замѣнить металлическія деньги въ ихъ монетной функціи знаками, сдѣланными изъ другого матеріала или разными символами. Техническія препятствія для чеканки совсѣмъ мелкихъ вѣсовыхъ частей золота и серебра и то обстоятельство, что низшіе металлы первоначально служили мѣрой цѣнности вмѣсто благородныхъ—серебро вмѣсто золота, мѣдь вмѣсто серебра—и, поэтому, циркулировали въ качествѣ денегъ въ тотъ моментъ, когда ихъ развѣнчалъ болѣе благородный металлъ—эти обстоятельства исторически объясняютъ роль серебряныхъ

[81]) Разумѣется, такія подробности, какъ монетная пошлина и т. п., лежатъ за предѣлами этого труда. Мнѣнію романтическаго сикофанта Адама Мюллера, который восхищается «великодушной щедростью», съ которой «англійское правительство чеканитъ даромъ монету» нельзя не противопоставить слѣдующаго взгляда сэра Dudley North'a: «Серебро и золото, подобно другимъ товарамъ, имѣютъ свои приливы и отливы. По привозѣ ихъ изъ Испаніи... они отправляются въ Тоуеръ и чеканятся. Чрезъ короткое время можетъ явиться спросъ на слитки для вывоза. Если ихъ нѣтъ, если всѣ они превращены въ монету, что тогда дѣлать? Перепливать ихъ снова. Здѣсь нечего терять, такъ какъ чеканка ничего не стоитъ собственникамъ металла. Такимъ образомъ пасмѣхаются надъ націей, заставляя ее платить за плетеніе соломы, которая пойдетъ на кормъ осламъ. Если бы купцу (North былъ самъ однимъ изъ крупнѣйшихъ коммерсантовъ при Карлѣ II) приходилось платить за чеканку, то онъ не посылалъ бы своего серебра въ Тоуеръ безъ всякихъ размышленій, и деньги всегда цѣнились бы выше нечеканеннаго серебра» (North, l. c. p. 18).

и мѣдныхъ знаковъ, какъ замѣстителей золотыхъ монетъ. Они замѣщаютъ золото въ тѣхъ сферахъ обращенія, въ которыхъ монеты быстрѣе циркулируютъ, слѣдовательно, и быстрѣе портятся, т.-е. тамъ, гдѣ покупки и продажи безпрерывно возобновляются въ очень мелкихъ размѣрахъ. Чтобы помѣшать этимъ спутникамъ золота сосѣмъ утвердиться на его мѣстѣ, законодательнымъ путемъ опредѣляются минимальныя суммы, въ которыхъ они должны быть обязательны къ пріему при платежахъ вмѣсто золота. Особенныя сферы, въ которыхъ вращаются различные сорта монетъ, разумѣется, перекрещиваются между собою. Размѣнная монета появляется рядомъ съ золотомъ для уплаты дробныхъ частей самой мелкой золотой монеты; золото постоянно вступаетъ въ сферу мелкаго обращенія, но такъ же постоянно выбрасывается оттуда посредствомъ размѣна на мелкую монету [82]).

Металлическое содержаніе серебряныхъ или мѣдныхъ монетъ произвольно установлено закономъ. Въ обращеніи онѣ еще скорѣе изнашиваются, чѣмъ золотыя монеты. Ихъ монетная функція фактически становится, поэтому, совершенно независимой отъ ихъ вѣса, т.-е. отъ какой бы то ни было цѣнности. Монетное бытіе золота отдѣляется совершенно отъ субстанціи его цѣнности. Вещи почти безъ всякой цѣнности, бумажные билеты, могутъ, поэтому, функціонировать вмѣсто него какъ монеты. Въ металлическихъ денежныхъ знакахъ чисто символическій ихъ характеръ еще до нѣкоторой степени скрытъ; въ бумажныхъ же деньгахъ онъ явственно выступаетъ наружу. Очевидно, се n'est que le premier pas qui coûte (трудно только первый шагъ).

Здѣсь рѣчь идетъ лишь о государственныхъ бумажныхъ деньгахъ съ принудительнымъ курсомъ. Онѣ вырастаютъ непосредственно изъ металлическаго обращенія. Кредитныя же деньги, наоборотъ, предполагаютъ такія отношенія, которыя находятся еще совершенно внѣ поля зрѣнія, открывающагося намъ простымъ товарнымъ обращеніемъ. Мимоходомъ можно, однако, замѣтить, что подобно тому какъ бумажныя деньги въ собственномъ смыслѣ ведутъ свое начало отъ функціи денегъ какъ средства обращенія, такъ и кредитныя деньги имѣютъ свой естественный корень въ функціи денегъ какъ платежнаго средства [83]).

Бумажныя деньги, на которыхъ печатными знаками оттиснуты денеж-

[82]) Если количество серебра не превышаетъ того, которое необходимо для мелкихъ платежей, то оно не можетъ быть собрано въ достаточно большомъ количествѣ для болѣе крупныхъ платежей... Употребленіе золота для крупныхъ платежей предполагаетъ также его употребленіе въ мелочной торговлѣ: тѣ, кто имѣютъ золотыя монеты, предлагаютъ ихъ при мелкихъ покупкахъ и получаютъ вмѣстѣ съ купленнымъ товаромъ нѣкоторое количество серебра въ видѣ сдачи. Такимъ образомъ, излишекъ серебра, который безъ этого могъ бы затруднять мелочную торговлю, разсѣевается въ общемъ обращеніи. Но если есть столько серебра, сколько нужно для мелкихъ платежей, не нуждающихся въ золотѣ, то мелочной торговецъ будетъ получать при мелкихъ покупкахъ серебро, которое тогда, по необходимости, скопится въ его рукахъ». (David Buchanan; «Inquiry into the Taxation and commercial Policy of Great Britain. Edinburg 1844», p. 248—249).

[83]) Финансовый мандаринъ Wan-mao-in позволилъ себѣ разъ преподнести сыну неба проектъ, который имѣлъ скрытой цѣлью своей превращеніе китайскихъ государственныхъ ассигнацій въ размѣнные банковые билеты. Въ отчетѣ ассигнаціон-

ныя названія, напр., 1 ф. ст., 5 ф. ст., чисто внѣшнимъ образомъ бросаются государствомъ въ обращеніе. Поскольку онѣ циркулируютъ дѣйствительно вмѣсто одноименныхъ денежныхъ суммъ, въ ихъ движеніи отражаются лишь законы денежнаго обращенія въ его чистомъ видѣ. Специфическій законъ, управляющій бумажно-денежнымъ обращеніемъ, можетъ быть лишь слѣдствіемъ отношенія этихъ денегъ къ золоту, представителями котораго онѣ являются. И этотъ законъ сводится къ тому, что выпускъ бумажныхъ денегъ долженъ ограничиваться количествомъ, въ которомъ символически выражаемое имя золота (или серебра) дѣйствительно должно было бы циркулировать. Правда, количество золота, которое можетъ быть поглощено сферой обращенія, колеблется около извѣстнаго средняго уровня; однако, въ каждой странѣ оно никогда не падаетъ ниже извѣстнаго минимума, который устанавливается опытомъ. То обстоятельство, что эта минимальная масса безпрерывно мѣняетъ свои составныя части, т.-е. постоянно составляется изъ разныхъ золотыхъ монетъ, разумѣется ничего не измѣняетъ въ ея объемѣ и въ ея постоянномъ движеніи въ сферѣ обращенія. Она, поэтому, можетъ быть замѣщена бумажными символами. Если же, наоборотъ, всѣ каналы обращенія будутъ въ полной мѣрѣ ихъ способности къ поглощенію денегъ насыщены бумажными деньгами, то, вслѣдствіе колебаній въ товарномъ обращеніи, каналы эти могутъ переполниться до краевъ. Тогда теряется всякая мѣра. Если же бумажныя деньги переступаютъ поставленныя имъ границы, т.-е. то количество золотыхъ монетъ одинаковаго наименованія, которое могло бы циркулировать, то, помимо угрожающей имъ опасности потерять всякое довѣріе публики, онѣ въ товарномъ мірѣ начинаютъ представлять лишь то количество золота, которое опредѣляется присущими этому міру законами и которое только и можетъ быть представляемо бумажными знаками. Если, напр., каждый бумажный билетъ представляетъ, вмѣсто одного унца золота, два унца, то фактически 1 ф. ст., напр., станетъ денежнымъ названіемъ, скажемъ приблизительно, $^1/_3$ унца золота, вмѣсто $^1/_4$ унца. Дѣйствіе отъ этого получается такое же, какъ если бы золото измѣнилось въ своей функціи мѣрила цѣнъ. Поэтому тѣ же самыя цѣнности, которыя раньше выражались въ цѣнѣ 1 ф. ст., выражаются теперь въ цѣнѣ 2 ф. ст.

Бумажныя деньги суть золотые знаки или денежные знаки. Ихъ отношеніе

наго комитета отъ апрѣля 1854 г. онъ получилъ за это порядочную головомойку. Получилъ ли онъ также достодолжное количество ударовъ бамбуковой палкой, объ этомъ отчетъ умалчиваетъ. «Комитетъ,—заключаетъ отчетъ,—тщательно взвѣсилъ его проектъ и находитъ, что въ немъ все разсчитано на пользу купцовъ, безъ малѣйшей выгоды для казны». («Arbeiten der Kaiserlich Russischen Gesandtschaft zu Peking über China. Aus dem Russischen von Dr. K. Abel und F. A. Mecklenburg. Erster Band. Berlin 1858», p. 47 sq.). О постоянной потерѣ въ вѣсѣ золотыхъ монетъ при ихъ обращеніи одинъ «Governor» англійскаго банка говоритъ, въ качествѣ свидѣтеля предъ «House of Lords' Committee» (о «Bankacts») слѣдующее: «Каждый годъ новая категорія сувереновъ (не въ политическомъ смыслѣ: Sovereign есть названіе ф. ст.) становится слишкомъ легкой. Категорія, которая въ этомъ году считается полновѣсной, можетъ потерять въ обращеніи столько, что на слѣдующій годъ вѣсы повернутся въ другую сторону» (H. o. Lords' Committee 1848, p. 429).

съ товарными цѣнностями состоитъ только въ томъ, что эти цѣнности идеально выражены въ тѣхъ же количествахъ золота, въ которыхъ онѣ бумажными деньгами выражаются чувственно символически. Бумажныя деньги представляютъ собою знаки цѣнности постольку лишь, поскольку онѣ представляютъ количества золота, которыя, какъ и всѣ другія товарныя количества, суть также и количества цѣнности [84]).

Дозволительно, наконецъ, спросить, почему же золото можетъ быть замѣщаемо простыми не имѣющими цѣнности знаками? Но, какъ мы видѣли, оно такимъ образомъ замѣщается лишь постольку, поскольку его функція монеты, или средства обращенія, изолируется или обособляется. Правда, обособленіе этой функціи не имѣетъ мѣста для отдѣльныхъ золотыхъ монетъ, хотя оно и проявляется въ томъ фактѣ, что стертыя монеты продолжаютъ циркулировать. Простыми монетами или простымъ средствомъ обращенія куски золота продолжаютъ быть лишь ровно до тѣхъ поръ, пока они дѣйствительно находятся въ оборотѣ. Но то, что не приложимо къ отдѣльнымъ золотымъ монетамъ, примѣнимо къ той минимальной массѣ золота, которая можетъ быть замѣщаема бумажными деньгами. Эта масса находится постоянно въ сферѣ обращенія, безпрерывно функціонируетъ какъ средство обращенія и существуетъ, поэтому, исключительно лишь какъ носительница этой функціи. Ея движеніе представляетъ собою, слѣдовательно, лишь безпрерывный переходъ противоположныхъ процессовъ товарнаго метаморфоза Т—Д—Т одного въ другой; при этомъ форма цѣнности товаровъ появляется предъ товарами лишь для того, чтобы немедленно снова исчезнуть. Самостоятельное проявленіе мѣновой цѣнности товара продолжается здѣсь лишь одинъ быстро смѣняющійся моментъ: тотчасъ же одинъ товаръ опять замѣщается другимъ. Такимъ образомъ, достаточно одного символическаго существованія денегъ въ процессѣ, который постоянно удаляетъ ихъ изъ однѣхъ рукъ въ другія. Ихъ функціональное бытіе поглощаетъ, такъ сказать, ихъ матеріальное бытіе. Какъ преходящее-объективированное отраженіе товарныхъ цѣнъ, онѣ исполняютъ теперь лишь функцію своихъ собственныхъ знаковъ и могутъ, поэтому, быть дѣйствительно замѣнены знаками [85]). Требуется только, чтобы

[84]) Прим. ко 2 изд. Какъ смутно понимаютъ даже самые лучшіе писатели по вопросу о деньгахъ ихъ природу и ихъ различныя функціи, показываетъ, напр., слѣдующее мѣсто изъ Fullarton'a: «Что для внутреннихъ мѣновыхъ сдѣлокъ денежныя функціи, которыя теперь выполняютъ золотыя и серебряныя монеты, могли бы также хорошо быть выполняемы неразмѣнными билетами, не имѣющими другой цѣнности, кромѣ фиктивной и условной цѣнности, признаваемой имъ велѣніемъ закона,—это фактъ, котораго, по моему, нельзя отрицать. Такого рода цѣнность имѣла бы всѣ преимущества настоящей цѣнности и устранила бы даже необходимость въ металлической валютѣ, при одномъ лишь условіи, чтобы количество билетовъ держалось въ данныхъ предѣлахъ». (Fullarton: «Regulation of Currencies», 2 ed. London, 1845», p. 21). Слѣдовательно, такъ какъ денежный товаръ можетъ быть замѣненъ въ обращеніи простыми знаками цѣнности, то объясняется излишней его роль какъ мѣры цѣнности и масштаба цѣнъ!

[85]) Изъ того, что золото и серебро, какъ монеты, или въ ихъ исключительной функціи средствъ обращенія становятся своими собственными знаками, Nicolas Barbon выводитъ право правительствъ «to raise money», т.-е. количеству серебра,

денежный знакъ получилъ объективное общественное признаніе, и бумажный символъ получаетъ такое признаніе путемъ принудительнаго курса. Это государственное принужденіе имѣетъ силу только въ предѣлахъ даннаго общественнаго цѣлаго т.-е. въ сферѣ внутренняго обращенія, но лишь здѣсь и функціи денегъ вполнѣ исчерпываются ихъ ролью средства обращенія. Поэтому, бумажныя деньги могутъ лишь здѣсь имѣть существованіе, внѣшнимъ образомъ отдѣленное отъ ихъ металлической субстанціи и исключительно функціональное.

3. Деньги.

Товаръ, который функціонируетъ какъ мѣра цѣнности, а, поэтому, непосредственно своимъ тѣломъ или чрезъ замѣстителей, также—какъ средство обращенія,—есть деньги. Золото (или серебро) есть поэтому деньги. Какъ деньги оно функціонируетъ, съ одной стороны, тамъ, гдѣ оно должно появляться въ своей золотой (или серебряной) плоти, слѣдовательно, какъ денежный товаръ, т. е. не какъ нѣчто исключительно идеальное, подобно мѣрѣ цѣнности, и не какъ нѣчто, могущее быть представляемымъ, подобно средству обращенія; съ другой стороны, оно функціонируетъ тамъ, гдѣ его функція, все равно, выполняется ли она имъ самимъ или его суррогатами, противопоставляетъ его, какъ единственное выраженіе цѣнности или какъ единственное вполнѣ точное (адэкватное) воплощеніе мѣновой цѣнности, всѣмъ другимъ товарамъ, какъ простымъ потребительнымъ цѣнностямъ.

а) Накопленіе сокровищъ.

Постоянный круговоротъ двухъ противоположныхъ товарныхъ метаморфозъ, или быстрые переходы продажи въ покупки, проявляется въ безпрерывномъ движеніи денегъ или въ ихъ роли perpetuum mobile процесса обращенія. Онѣ иммобилизуются, или, какъ говоритъ Boisguillebert, онѣ превращаются изъ движимости (meuble) въ недвижимость (immeuble), изъ монетъ въ деньги, какъ только метаморфозный рядъ прерывается, т.-е. продажа не пополняется слѣдующей за ней покупкой.

При самомъ началѣ развитія товарнаго обращенія развиваются и необходимость и желаніе удержать продуктъ первой метаморфозы, т.-е. превращенную форму товара или его золотую оболочку [86]). Товары въ такомъ случаѣ продаются не для того, чтобы купить другіе товары, а чтобы замѣнить товарную форму денежной формой. Изъ простого посредствующаго момента при обмѣнѣ исчезаетъ эта перемѣна формы становится цѣлью въ себѣ. Внѣшнему

называемому грошемъ, далъ названіе большаго количества серебра, напр., рубля и такимъ образомъ выплатитъ кредиторамъ грошъ вмѣсто рубля, «Монета, переходя чрезъ множество рукъ, стирается и теряетъ въ вѣсѣ... При одѣлкахъ обращаютъ вниманіе на ея названіе и на ея курсъ, а не на количество серебра. Металлъ становится деньгами лишь благодаря авторитету общественной власти». (N. Barbon, l. c. p. 29, 30, 25).

[86]) «Богатство въ деньгахъ есть лишь... богатство въ продуктахъ, превращенныхъ въ деньги». (Mercier de la Rivière, l. c. p. 557). «Цѣнность въ продуктахъ измѣнила только свою форму» (ib. p. 486).

образу товара не даютъ функціонировать въ видѣ абсолютно отчуждаемой формы его или временно появляющейся и исчезающей денежной формы. Деньги, такимъ образомъ, превращаются въ своего рода окаменѣлость, въ сокровище, а проданецъ товара становится собирателемъ сокровищъ.

Именно въ начальномъ періодѣ товарнаго обращенія въ деньги превращается лишь излишекъ потребительныхъ цѣнностей. Золото и серебро становятся, такимъ образомъ, сами собою общественнымъ выраженіемъ излишка или богатства. Эта наивная форма собиранія сокровищъ увѣковѣчивается у народовъ, у которыхъ традиціонной и направленной на удовлетвореніе собственнаго потребленія формѣ производства соотвѣтствуетъ и строго очерченный кругъ потребностей. Такъ обстоитъ дѣло у азіатскихъ народовъ, а именно у индусовъ. Вандерлинтъ, который пишетъ, что цѣны товаровъ опредѣляются наличнымъ въ данной странѣ количествомъ золота и серебра, задается вопросомъ, почему индійскіе товары такъ дешевы. Потому, отвѣчаетъ онъ, что индусы зарываютъ свои деньги. Съ 1692—1734 г., замѣчаетъ онъ, они зарыли 150 милл. ф. ст. серебра, которое первоначально было привезено изъ Америки въ Европу [81]). Съ 1856—1866 г., т.-е. въ теченіе 10 лѣтъ, Англія вывезла въ Индію и Китай (металлъ, вывезенный въ Китай, большей частью тоже перешелъ оттуда въ Индію) 120 милл. ф. ст. въ серебрѣ, которое было выменено на австралійское золото.

При болѣе развитомъ товарномъ производствѣ каждый производитель товаровъ долженъ обезпечить себѣ nexus rerum, «общественный ручной залогъ» [82]). Его потребности безпрерывно возобновляются и требуютъ безпрестанной купли чужихъ товаровъ, между тѣмъ какъ производство и продажа его собственнаго товара требуютъ времени и зависятъ отъ разныхъ случайностей. Чтобы покупать, не продавая, онъ долженъ раньше продавать, не покупая. Эта операція, совершаемая въ общественныхъ размѣрахъ, повидимому, заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Однако на мѣстѣ своего производства благородные металлы обмѣниваются непосредственно на другіе товары. Здѣсь имѣетъ мѣсто продажа (со стороны товаровладѣльца) безъ покупки (со стороны владѣльца золота или серебра) [83]). И дальнѣйшія продажи безъ слѣдующихъ за ними покупокъ содѣйствуютъ только дальнѣйшему распредѣленію благородныхъ металловъ между товаровладѣльцами. Такимъ образомъ, на всѣхъ пунктахъ обращенія образуются сокровища золота и серебра въ различныхъ размѣрахъ. Вмѣстѣ съ возможностью удерживать въ своихъ рукахъ товары какъ мѣновыя цѣнности или мѣновыя цѣнности какъ товары, пробуждается и страсть къ золоту. Съ расширеніемъ товарнаго обращенія возрастаетъ и могущество денегъ, этой всегда готовой, абсолютно-общественной формы богатства. «Золото есть дивная вещь! Кто

---

[81]) «Именно благодаря этой практикѣ они отдаютъ свои продукты и мануфактурныя произведенія по такимъ низкимъ цѣнамъ». (Vanderlint, l. c. p. 95, 96).

[82]) «Деньги, это залогъ». (John Bellers: «Essays about the poor, Manufactures, Trade, Plantations, and Immorality. Lond 1669», p. 13).

[83]) Покупка, въ категорическомъ смыслѣ, предполагаетъ уже золото или серебро въ видѣ превращенной формы товаровъ, или въ видѣ продукта продажи.

имъ владѣетъ, тотъ владѣетъ всѣмъ, чего онъ пожелаетъ. Посредствомъ золота можно даже отправлять души въ рай». (Колумбъ, въ письмѣ съ Ямайки, 1503). Такъ какъ на деньгахъ не видно, что въ нихъ превращено, то въ деньги превращается все—товары и не товары. Все становится продажнымъ и покупнымъ. Товарное обращеніе становится великой общественной ретортой, куда все попадаетъ, чтобы снова появиться оттуда въ видѣ денежнаго кристалла. Этой алхиміи не могутъ противостоять даже реликвіи, не говоря уже о менѣе грубыхъ res sacrosanctae extra commercium hominum [90]). Какъ въ деньгахъ исчезаютъ всякія качественныя различія товаровъ, такъ и онѣ, съ своей стороны, какъ радикальный уравнитель (левеллеръ), уничтожаютъ всякія различія [91]). Но деньги

[90]) Генрихъ III, христіанѣйшій король Франціи, похищаетъ у монастырей и т. п. реликвіи, чтобы превращать ихъ въ деньги. Извѣстно, какую роль играетъ въ греческой исторіи расхищеніе сокровищъ дельфійскаго храма фокійцами. У древнихъ, какъ навѣстно, мѣстопребываніемъ бога товаровъ служили храмы. Они были «святыми банками». Финикіяне, народъ торговый par excellence, смотрѣли на деньги, какъ на внѣшнее выраженіе всѣхъ вещей. Поэтому, было совершенно естественно, что дѣвы, отдававшіяся чужестранцамъ по время праздниковъ богини любви, жертвовали ей монеты, которыя онѣ получали въ видѣ вознагражденія за свои ласки.

[91]) «Gold! yellow, glittering precious gold!
Thus much of this, will make black white; foul, fair:
Wrong, right; base, noble; old, young: coward, valiant.
.....What this, you gods! Why this
Will lugyour priests and servants from your sides;
Pluck stoutmen's pillows from below their heads.
This yellow slave
Will knit and break religions; bless the accurs'd;
Make the hoar leprosy ador'd; place thieves
And give them title, knee and approbation
With senators of the bench; this is it,
That makes the wappen'd widow wed again
..... Come damned earth,
Thou common whore of mankind».
(Schakespeare, Timon of Athens).
..... Золото! металлъ
Сверкающій, красивый, драгоцѣнный...
Тутъ золота довольно для того,
Чтобы сдѣлать все черпѣйшее бѣлѣйшимъ,
Все гнуснос—прекраснымъ, всякій грѣхъ—
Правдивостью, все низкое—высокимъ,
Трусливаго—отважнымъ храбрецомъ,
Все старое—и молодымъ, и свѣжимъ!
Къ чему же онъ, о боги, это все?
Безсмертные! къ чему? скажите. Это
Отъ алтарей отгонитъ вашихъ слугъ,
Изъ-подъ головъ больныхъ подушки вырветъ.
Да, этотъ плутъ сверкающій начнетъ
И связывать, и расторгать обѣты,
Благословлять проклятое, людей
Ницъ повергать предъ застарѣлой язвой,
Разбойниковъ почетомъ окружать,

самп товаръ, т.-е. внѣшняя вещь, которая можетъ стать частной собственностью всякаго. Общественная сила становится, такимъ образомъ, индивидуальной силой частнаго лица. Античное общество клеймитъ, поэтому, деньги, какъ ту монету, на которую размѣнивается его экономическій и нравственный строй [92]). Современное общество, которое еще въ дѣтствѣ своемъ вытащило Плутоса за волосы изъ нѣдръ земли [93]), привѣтствуетъ въ золотомъ Граалѣ блестящее воплощеніе всего основного жизненнаго начала.

Товаръ, какъ потребительная цѣнность, всегда удовлетворяетъ какой-нибудь особой потребности и представляетъ собой особый элементъ матеріальнаго богатства. Цѣнность же товара измѣряетъ степень его притагательной силы по отношенію ко всѣмъ элементамъ матеріальнаго богатства, и такимъ образомъ служитъ мѣрой общественнаго богатства его владѣльца. Для простого товаровладѣльца, для товаровладѣльца—варвара, т.-е. даже для западно-европейскаго крестьянина цѣнность неотдѣлима отъ формы цѣнности, а, поэтому, умноженіе золотого и серебрянаго сокровища есть для него умноженіе цѣнностей. Правда, цѣнность денегъ мѣняется вслѣдствіе измѣненія ихъ собственной цѣнности, или вслѣдствіе измѣненія цѣнности товаровъ. И это, однако, не мѣшаетъ, съ одной стороны, тому, чтобы 200 унцъ золота всегда содержали въ себѣ больше цѣнности, чѣмъ 100, 300—больше, чѣмъ 200 и т. д., а, съ другой—чтобы металлическая форма денегъ оставалась всеобщей эквивалентной формой всѣхъ товаровъ, непосредственно-общественнымъ воплощеніемъ всякаго человѣческаго труда. Стремленіе къ накопленію сокровищъ, по природѣ своей, не знаетъ никакой мѣры. Качественно, или по своей формѣ, деньги неограниченны, т.-е. служатъ всеобщимъ представителемъ матеріальнаго богатства, такъ какъ онѣ могутъ быть непосредственно превращены въ любой товаръ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ каждая реальная сумма денегъ количественно ограничена, и служитъ покупательнымъ средствомъ лишь въ ограниченныхъ размѣрахъ. Это противорѣчіе между количественной ограниченностью и качественной неограниченностью денегъ гонитъ постоянно собирателя сокровищъ вновь на сизифову работу накопленія. Онъ точно—завоеватель, который, съ каждой вновь завоеванной страною, завоевываетъ себѣ только новую границу.

Отличьями, колѣнопреклоненьемъ,
Сажая ихъ высоко, на скамьи
Сенаторовъ. Вдовѣ, давно отжившей,
Дастъ женихонъ...
. . . . . .
Ступай... проклятая земля,
Наложница всесвѣтная...
(Шекспиръ, Тимонъ аѳинскій. Переводъ П. Вейнберга).

[92]) «Деньги больше всего служатъ причиной плохихъ законовъ и плохихъ нравовъ среди людей; онѣ заводятъ ссоры въ городахъ и изгоняютъ обитателей изъ ихъ домовъ; это онѣ направляютъ самыя прекрасныя души на то, что есть самаго постыднаго и гибельнаго въ человѣкѣ и научаютъ ихъ всякую вещь превратить въ зло и нечестіе». (Sophocls, Antigone).

[93]) «Ἐλπίζουσιν τῆς πλουσίας ἀνάξειν ἐκ τῶν μυχῶν τῆς γῆς αὐτον τον Πλοῦτωνα». (Athen. Deipnos., переведено въ текстѣ).

Чтобы удержать въ своихъ рукахъ золото какъ деньги и, поэтому, какъ элементъ образованія сокровищъ, ему не надо давать циркулировать или превращаться изъ покупательнаго средства въ предметъ потребленія. Собиратель сокровищъ жертвуетъ, поэтому, денежному фетишу желаніями своей плоти. Онъ серьезно соблюдаетъ проповѣдь воздержанія. Съ другой стороны, онъ можетъ изъять изъ видѣ денегъ изъ обращенія только то, что самъ далъ ему въ видѣ товаровъ. Чѣмъ болѣе онъ производитъ, тѣмъ болѣе онъ можетъ продавать. Трудолюбіе, воздержаніе и скупость составляютъ, поэтому, его главныя добродѣтели. Много продавать, мало покупать—таковъ итогъ его политической экономіи [94]).

Рядомъ съ непосредственной формой сокровищъ существуетъ ихъ эстетическая форма, обладаніе золотыми и серебряными товарами. Оно растетъ съ возрастаніемъ богатства буржуазнаго общества. «Soyons riches ou paraissons riches»*). Такъ образуется частью постоянно расширяющійся рынокъ для золота и серебра, рынокъ, независимый отъ ихъ денежной функціи, частью же—скрытый источникъ денегъ, изъ котораго особенно обильно черпаютъ во время общественныхъ кризисовъ.

Накопленіе сокровищъ выполняетъ различныя функціи въ экономіи металлическаго обращенія. Ближайшая его функція вытекаетъ изъ условій обращенія золотыхъ и серебряныхъ монетъ. Мы видѣли, что съ постоянными колебаніями товарнаго обращенія въ объемѣ, цѣнахъ и скорости, количество находящихся въ обращеніи денегъ безпрерывно прибываетъ и убываетъ. Слѣдовательно, оно должно быть способно къ расширенію и сокращенію. То деньги должны притягиваться какъ монеты, то монеты должны отталкиваться какъ деньги. Чтобы дѣйствительно находящаяся въ обращеніи денежная масса всегда соотвѣтствовала степени насыщаемости сферы обращенія, количество наличнаго въ данной странѣ золота или серебра должно быть больше того количества ихъ, которое исполняетъ функцію монеты. Это условіе выполняется формой денегъ какъ сокровища. Резервуары сокровищъ служатъ одновременно приводными и отводными каналами для циркулирующихъ денегъ, которыя, поэтому, никогда не переполняютъ каналовъ своего обращенія [95]).

---

[94]) «По возможности увеличить число продавцовъ различныхъ товаровъ, по возможности уменьшить число покупателей,—вотъ къ чему сводится вся политическая экономія» (Verri, l. c. p. 52).

*) «Будемъ богаты или будемъ казаться богатыми» (Дидро).

[95]) «Для производства торговли націи требуется опредѣленная сумма извѣстныхъ денегъ, которая колеблется и бываетъ то больше, то меньше, сообразно требованіямъ обстоятельствъ. Эти приливы и отливы денегъ сами собою уравновѣшиваются, безъ помощи воздѣйствія политиковъ... Печи работаютъ попеременно: когда денегъ мало, чеканятъ слитки; когда мало слитковъ—плавятъ монету». (sir D. North, l. c. p. 22) Джонъ Стюартъ Миль, бывшій долгое время чиновникомъ Ость-Индской компаніи, подтверждаетъ, что въ Индіи серебряныя украшенія все еще служатъ непосредственно сокровищами. «Серебряныя украшенія выносятся на свѣтъ Божій и чеканятся въ монету, когда процентъ стоитъ высоко, и возвращаются обратно, когда онъ понижается». (J. St. Mill's Evidence. Repts. on Bankacts 1857, p. 2084). На основаніи одного парламентскаго документа отъ 1864 г. относительно ввоза и вы-

в) Платежное средство.

Въ разсматриваемой нами до сихъ поръ непосредственной формѣ товарнаго обращенія одна и та же величина цѣнности всегда представлялась въ двоякомъ видѣ: какъ товаръ на одномъ полюсѣ, какъ деньги—на противоположномъ полюсѣ. Товаровладѣльцы вступали, поэтому, въ соприкосновеніе лишь какъ представители имѣющихся уже на лицо эквивалентовъ. Съ развитіемъ товарнаго обращенія развиваются, однако, такія условія, благодаря которымъ отчужденіе товаровъ отдѣляется во времени отъ реализаціи ихъ цѣнъ. Здѣсь достаточно указать на самыя простыя изъ этихъ условій. Одинъ родъ товаровъ требуетъ для своего производства большаго промежутка времени, другой—меньшаго; производство различныхъ товаровъ связано съ различными временами года. Одинъ товаръ родится на мѣстѣ своего рынка, другой долженъ путешествовать на отдаленный рынокъ. Одинъ товаровладѣлецъ можетъ, поэтому, выступить какъ продавецъ раньше, чѣмъ другой какъ покупатель. Если одни и тѣ же сдѣлки постоянно повторяются между одними и тѣми же лицами, то условія продажи регулируются условіями производства. Съ другой стороны, пользованіе извѣстнаго рода товаромъ, напр. домомъ, уступается на извѣстный срокъ, и въ такомъ случаѣ покупатель въ дѣйствительности получаетъ потребительную цѣнность товара лишь по истеченіи этого срока. Онъ, такимъ образомъ, покупаетъ его раньше, чѣмъ оплачиваетъ. Одинъ товаровладѣлецъ продаетъ наличный товаръ, другой покупаетъ лишь какъ представитель денегъ или какъ представитель будущихъ денегъ. Продавецъ становится кредиторомъ, покупатель должникомъ. Такъ какъ метаморфозъ товаровъ или развитіе ихъ формы цѣнности здѣсь измѣняется, то и деньги получаютъ другую функцію: онѣ становятся платежнымъ средствомъ [96]).

Роли кредитора или должника вытекаютъ здѣсь изъ простого товарнаго обращенія. Измѣненіе его формы накладываетъ на продавца и покупателя эту новую печать. Поэтому, это—на первыхъ порахъ столь же преходящія роли, исполняемыя попеременно одними и тѣми же лицами, какъ и роли продавца и покупателя. Однако, эта противоположность уже съ самаго начала не имѣетъ такого добродушнаго вида и способна къ большей кристаллизаціи [97]). Но эти самыя

воза золота и серебра въ Индіи, въ 1863 г. ввозъ золота и серебра превышалъ вывозъ на 19, 367, 764 ф. ст. За послѣдніе 8 лѣтъ до 1864 г. излишекъ ввоза надъ вывозомъ благородныхъ металловъ равнялся 109, 652, 917 ф. ст. Въ теченіе этого столѣтія въ Индіи было отчеканено гораздо больше 200,000,000 ф. ст.

[96]) Лютеръ различаетъ деньги, какъ покупательное средство и какъ платежное средство. «Machest mir einen Zwilling aus dem Schadewacht, das ich hie nicht bezahlen und dort nicht kauffen kann». (Martin Luther: «An die Pfarrherrn, wider den Wucher zu predigen. Wittenberg, 1540»).

[97]) Вотъ каковы были отношенія между кредиторами и должниками въ Англіи въ началѣ XVIII стол.: «Здѣсь въ Англіи царствуетъ такой духъ жестокости между торговыми людьми, что ничего подобнаго нельзя встрѣтить ни въ какомъ другомъ человѣческомъ обществѣ, ни въ какой другой странѣ». («An Essay on Credit and the Bankrupt Act. London. 1707», p. 2).

роли (кредитора и должника) могутъ возникать и независимо отъ товарнаго обращенія. Борьба классовъ, напр., въ античномъ мірѣ происходила, главнымъ образомъ, въ формѣ борьбы между кредиторами и должниками, и въ Римѣ она закончилась гибелью должника—плебея и замѣной его рабомъ. Въ средніе вѣка борьба закончилась паденіемъ феодальнаго должника, который потерялъ свое политическое могущество вмѣстѣ съ его экономической основой. Впрочемъ, денежная форма—а отношеніе между кредиторомъ и должникомъ обладаетъ формой денежнаго отношенія—отражаетъ здѣсь только антагонизмъ глубже лежащихъ жизненныхъ условій хозяйства.

Возвратимся къ сферѣ товарнаго обращенія. Одновременное появленіе эквивалентовъ, товара и денегъ, на обоихъ полюсахъ процесса продажи уже болѣе не происходитъ. Деньги функціонируютъ теперь, во-первыхъ, какъ мѣрило цѣнности при опредѣленіи цѣны продаваемаго товара. Цѣной его, установленной договоромъ, измѣряется обязательство покупателя, т.-е. та денежная сумма, которую онъ долженъ уплатить въ извѣстный срокъ. Во-вторыхъ, онѣ функціонируютъ какъ идеальное покупательное средство. Хотя онѣ существуютъ лишь въ обѣщаніи покупателя уплатить ихъ, тѣмъ не менѣе онѣ содѣйствуютъ переходу товара изъ однѣхъ рукъ въ другія. Только по наступленіи срока уплаты платежное средство вступаетъ дѣйствительно въ обращеніе, т.-е. переходитъ изъ рукъ покупателя въ руки продавца. Средство обращенія превратилось въ сокровище, такъ какъ процессъ обращенія былъ прерванъ на первой своей фазѣ, или превращенная форма товара была изъята изъ обращенія. Платежное средство вступаетъ въ обращеніе, но лишь тогда, когда товаръ уже выступилъ изъ него. Деньги уже не служатъ больше посредниками въ процессѣ; онѣ самостоятельно заканчиваютъ его въ качествѣ абсолютнаго воплощенія мѣновой цѣнности или всеобщаго товара. Продавецъ превращаетъ товары въ деньги, чтобы при ихъ посредствѣ удовлетворить какой либо потребности, собиратель сокровищъ—чтобы сохранить товары въ денежной формѣ, покупатель-должникъ—чтобы быть въ состояніи заплатить. Если онъ не платитъ, его имущество подвергается принудительной продажѣ. Форма цѣнности товара, деньги, благодаря общественной необходимости, вытекающей изъ отношеній самого процесса обращенія, становится теперь самостоятельной цѣлью продажи.

Покупатель превращаетъ обратно деньги въ товаръ прежде, чѣмъ онъ превратилъ товаръ въ деньги, т.-е. совершаетъ второй метаморфозъ раньше перваго. Товаръ продавца обращается, но реализуетъ свою цѣну лишь въ юридическомъ титулѣ, т.-е. въ правѣ на полученіе денегъ. Онъ превращается въ потребительную цѣнность прежде, чѣмъ въ деньги. Его первая метаморфоза совершается только впослѣдствіи [98]).

---

[98]) Прим. къ 2 изд. Слѣдующая цитата изъ моего сочиненія, появившагося въ 1859 г., уяснитъ, почему въ текстѣ я ничего не говорю о противоположной формѣ. «Наоборотъ, въ процессѣ Д—Т деньги, какъ дѣйствительное покупательное средство, могутъ получить внѣшнее бытіе, и такимъ образомъ цѣна товара можетъ быть реализована, прежде чѣмъ потребительная цѣнность денегъ реализуется или товаръ будетъ отчужденъ. Это, напр., ежедневно имѣетъ мѣсто при подпискахъ съ

Въ каждомъ данномъ періодѣ процесса обращенія срочныя обязательства представляютъ собою сумму цѣнъ товаровъ, продажа которыхъ вызвала эти обязательства. Необходимая для реализаціи этой суммы денежная масса прежде всего зависитъ отъ скорости обращенія платежныхъ средствъ. Она обусловливается двумя обстоятельствами: сцѣпленіемъ отношеній между занимодавцами и должниками, такъ что, напр., А, получающій деньги отъ своего должника В, отдаетъ ихъ своему кредитору С и т. д.,—и длиной промежутковъ между различными платежными сроками. Эта движущаяся цѣпь платежей, или первыхъ метаморфозъ, происходящихъ позже, чѣмъ имъ слѣдовало бы при простомъ обмѣнѣ, существенно отличается отъ сплетенія метаморфозныхъ рядовъ, которое мы раньше изслѣдовали. Связь между продавцами и покупателями не только выражается въ движеніи средствъ обращенія, но она и рождается лишь въ самомъ денежномъ обращеніи и вмѣстѣ съ нимъ. Наоборотъ, движеніе платежнаго средства выражаетъ существовавшую уже до него общественную связь.

Одновременность и сосуществованіе продажныхъ сдѣлокъ ограничиваютъ замѣну количества денежныхъ монетъ скоростью ихъ обращенія. Но онѣ, въ свою очередь, образуютъ новый рычагъ въ экономіи платежныхъ средствъ. Съ концентраціей платежей въ одномъ и томъ же мѣстѣ естественно развиваются особенныя учрежденія и методы для ихъ балансированія. Таковы были, напр., virements—переводы въ средневѣковомъ Ліонѣ. Долговыя обязательства А на В, В на С, С на А и т. д. должны быть лишь сопоставлены, чтобы, въ извѣстной мѣрѣ, взаимно погасить одни другія, подобно тому, какъ положительныя и отрицательныя величины взаимно уничтожаютъ другъ друга. Остается только доплатить (сальдировать) разницу. Чѣмъ больше скопляется платежей, тѣмъ, сравнительно, меньше эта разница, а, слѣдовательно, и количество обращающихся платежныхъ средствъ.

Функція денегъ, какъ платежнаго средства, заключаетъ въ себѣ рѣзкое, ничѣмъ не смягченное противорѣчіе. Поскольку платежи уравновѣшиваются, деньги функціонируютъ лишь идеально, какъ счетныя деньги или мѣра цѣнности. Для дѣйствительнаго же совершенія платежей деньги являются не какъ средство обращенія, не какъ преходящая лишь и посредствующая форма обмѣна веществъ, но какъ индивидуальное воплощеніе общественнаго труда, какъ самостоятельное бытіе мѣновой цѣнности, какъ абсолютный товаръ. Противорѣчіе это обнаруживается въ тотъ моментъ промышленныхъ и торговыхъ кризисовъ, который называется денежнымъ кризисомъ [39]). Послѣдній происходитъ только

предварительной уплатой (Präenumeration), а также въ той формѣ, въ которой англійское правительство скупаетъ въ Индіи опіумъ работовъ... Въ этихъ случаяхъ деньги все же функціонируютъ лишь въ извѣстной намъ уже формѣ покупательнаго средства... Капиталъ, конечно, тоже авансируется въ формѣ денегъ; но его еще не видно на полѣ зрѣнія простого обращенія». (Zur Kritik etc., p. 119, 120).

[39]) Денежный кризисъ, какъ онъ опредѣленъ въ текстѣ, т.-е. какъ особая фаза всякаго промышленнаго и торговаго кризиса, слѣдуетъ отличать отъ спеціальнаго рода кризисовъ, которые тоже называются денежными, но которые могутъ возникать самостоятельно, и лишь въ свою очередь вліять на промышленность и тор-

тамъ, гдѣ непрерывно движущаяся цѣпь платежей и искусственая система расчетовъ по нимъ вполнѣ развиты. При общемъ разстройствѣ этого механизма—откуда бы оно ни произошло—деньги внезапно и непосредственно обращаются изъ своей лишь идеальной формы счетныхъ денегъ въ звонкую монету. Онѣ уже не могутъ быть замѣнены обыкновенными товарами. Потребительная цѣнность товара обезцѣнивается, и его цѣнность исчезаетъ предъ его формой цѣнности. Еще недавно буржуа, упоенный своимъ благоденствіемъ и гордый своимъ просвѣщеніемъ объявлялъ деньги пустой мечтой. Только товаръ деньги!—кричалъ онъ.—Только деньги товаръ!—раздается теперь на міровомъ рынкѣ. Какъ усталый олень изнываетъ по свѣжей водѣ, такъ душа буржуа молитъ о деньгахъ—этомъ единственномъ богатствѣ [100]). Въ кризисѣ противоположность между товаромъ и формой его цѣнности,—деньгами, дорастаетъ до абсолютнаго противорѣчія. Здѣсь, поэтому, и форма проявленія денегъ безразлична. Денежный голодъ остается тѣмъ же, приходится ли платить золотомъ или кредитными деньгами, напр., банковыми билетами [101]).

Если мы разсмотримъ теперь общую сумму денегъ, находящихся въ данный періодъ времени въ обращеніи, то мы найдемъ, что, при данной скорости оборотовъ средствъ обращенія и платежныхъ средствъ, она равна суммѣ подлежащихъ реализаціи товарныхъ цѣнъ, плюсъ сумма срочныхъ платежей, минусъ взаимно уравновѣшивающіеся платежи, минусъ, наконецъ, количество оборотовъ, которое одна и та же денежная монета совершаетъ поочередно, то въ качествѣ средства обращенія, то въ качествѣ платежнаго средства. Напр., крестьянинъ продастъ свою пшеницу за 2 ф. ст., которые, такимъ образомъ, служатъ сред-

---

говлю. Кризисы этого рода имѣютъ центромъ движенія денежный капиталъ и, поэтому, ихъ непосредственной сферой являются банки, биржа и ея сферы. (Прим. Маркса къ 3 изд.).

[100]) «Этотъ быстрый переходъ отъ кредитной системы къ денежной присоединяетъ теоретическій ужасъ къ практической паникѣ, и агенты обращенія трепещутъ предъ непроницаемой тайной своихъ собственныхъ отношеній» (Karl Marx l. c. p. 126). «Бѣдные сидятъ безъ работы, такъ какъ богатые не имѣютъ денегъ чтобы доставлять имъ ее, хотя у нихъ есть та же самая земля и тѣ же самыя руки для производства жизненныхъ средствъ и одежды, какія у нихъ были раньше, и которыя, а не деньги составляютъ дѣйствительное богатство націи». (John Bellers: «Proposals for raising a Colledge of industry. Lond. 1696», p. 3).

[101]) Какъ пользуются такими моментами «amis du commerce» показываетъ слѣдующее: «Въ одномъ изъ такихъ случаевъ (1839) одинъ старый жадный банкиръ (изъ Сити), находясь съ своимъ другомъ въ кабинетѣ, поднялъ доску конторки, предъ которой онъ сидѣлъ, и показалъ ему большую связку банковыхъ билетовъ, говоря при этомъ съ чрезвычайно самодовольнымъ видомъ, что тутъ ихъ цѣлыхъ 600.000 ф. ст., которые онъ держитъ для того, чтобы поддержать недостатокъ въ деньгахъ (to make money tight), но что сегодня же, послѣ трехъ часовъ, онъ ихъ пуститъ всѣ въ ходъ». («The Theory of the Exchanges. The Bank Charter Act of 1844. Lond. 1864», p. 81). Полуофиціальный органъ, «The Observer», замѣчаетъ 24 апр. 1864: «Распространяются нѣкоторые странные слухи насчетъ тѣхъ средствъ къ которымъ прибѣгли, чтобы создать недостатокъ въ банковыхъ билетахъ... Хотя кажется чрезвычайно сомнительнымъ, чтобы дѣйствительно прибѣгали къ такимъ средствамъ, но слухи такъ всеобщи, что въ самомъ дѣлѣ заслуживаютъ упоминанія».

ствомъ обращенія. При наступленіи срока платежа онъ ими уплачиваетъ за холстъ, который ему когда-то продалъ въ долгъ ткачъ. Слѣдовательно, эти самые 2 ф. ст. фигурируютъ уже теперь какъ платежное средство. Ткачъ покупаетъ библію на наличныя — онѣ снова фигурируютъ какъ средство обращенія, и т. д. Такимъ образомъ, даже при данныхъ цѣнахъ, данной скорости обращенія и данной экономіи платежей, масса денегъ, обращающихся въ теченіе извѣстнаго періода времени, напр., одного дня, уже болѣе не совпадаетъ съ массой обращающихся товаровъ. Обращаются деньги, представляющія собою давно изъятые изъ обращенія товары; обращаются товары, эквиваленты которыхъ появятся лишь въ будущемъ. Съ другой стороны, долги, возникающіе въ извѣстный день, и долги, подлежащіе уплатѣ въ тотъ же день, тоже представляютъ собою величины, совершенно несоизмѣримыя [102]).

Кредитныя деньги свое происхожденіе ведутъ непосредственно отъ функціи денегъ какъ платежнаго средства: долговыя обязательства за проданные товары сами начинаютъ обращаться и переносить долговыя требованія. Съ другой стороны, съ расширеніемъ кредита расширяется и функція денегъ какъ платежнаго средства. Какъ таковое, онѣ пріобрѣтаютъ особенную форму существованія: въ этой формѣ онѣ обитаютъ въ сферѣ крупныхъ торговыхъ сдѣлокъ, между тѣмъ какъ золотыя и серебряныя монеты оттѣсняются, главнымъ образомъ, въ сферу мелочной торговли [103]).

---

[102]) «Количество продажъ и покупокъ, совершенныхъ въ теченіе одного дня, не будетъ имѣть вліянія на количество денегъ, обращающихся въ этотъ самый день, но въ громадномъ большинствѣ случаевъ оно выражается во множествѣ сдѣлокъ на сумму денегъ, которыя могутъ быть въ обращеніи въ послѣдующіе, болѣе или менѣе отдаленные, сроки. Нѣтъ необходимости въ томъ, чтобы векселя или кредитъ, открытый сегодня, имѣли какое-либо отношеніе къ количеству или продолжительности векселей, которые будутъ выданы завтра или кредитовъ, которыми завтра воспользуются; можетъ даже случиться, что многіе сегодняшніе векселя и кредиты совпадутъ со множествомъ обязательствъ, заключенныхъ въ самые разнообразные и совершенно неопредѣленные предшествующіе сроки; такъ, часто векселя 12-ти, 6-ти, 3 хъ и одномѣсячные совпадаютъ и реализуются въ одинъ опредѣленный день»... «The Currency Question Reviewed; a letter to the Scotch people. Bya Banker in England. Edinburgh 1845», p. 29, 30 passim).

[103]) Чтобы показать на примѣрѣ, какъ мало наличныхъ денегъ входятъ въ торговыя операціи въ собственномъ смыслѣ, мы приводимъ таблицу ежегодныхъ денежныхъ полученій и выдачъ одного изъ обширнѣйшихъ торговыхъ домовъ въ Лондонѣ (Morrison, Dillon et C°). Весь оборотъ его, который, въ 1856 г., простирался до многихъ милл. ф. ст., мы приведемъ для простоты къ суммѣ въ одинъ милліонъ:

Полученія.	ф. ст.	Выдачи.	ф. ст.
Срочные векселя банкировъ и купцовъ	533.596	Срочные векселя.	302.674
Чеки банкировъ и т. д., платимыхъ по предъявленіи. . . .	357.715	Чеки на лондонскихъ банкировъ	663.672
Билеты провинціальныхъ банковъ.	9.627	Билеты англійскаго банка . .	22.743
Билеты англійскаго банка. . .	68.554		

На извѣстной ступени развитія и при извѣстныхъ размѣрахъ товарнаго производства функція деньгъ, какъ платежнаго средства, выходитъ за предѣлы сферы товарнаго обращенія. Онѣ становятся всеобщимъ товаромъ при всѣхъ сдѣлкахъ [104]). Ренты, подати и т. п. превращаются изъ натуральныхъ повинностей въ денежные платежи. Въ какой мѣрѣ возможность такого превращенія обусловливается общимъ характеромъ процесса производства показываетъ, напр., двукратная неудачная попытка римской имперіи взимать всѣ сборы въ деньгахъ. Страшная нищета французскаго крестьянства при Людовикѣ XIV, про которую такъ краснорѣчиво говорятъ Буагильберъ, маршалъ Вобанъ и др., происходила не только отъ высоты налоговъ, но и отъ превращенія натуральныхъ сборовъ въ денежные [105]). Съ другой стороны, если натуральная форма поземельной ренты, являющейся въ Азіи, вмѣстѣ съ тѣмъ, главнымъ элементомъ государственныхъ налоговъ, покоится тамъ на производственныхъ отношеніяхъ, которыя отличаются неподвижностью и неизмѣнностью естественныхъ условій, то эта форма взиманія сборовъ, въ свою очередь, поддерживаетъ старую форму производства. Она составляетъ одну изъ тайнъ самосохраненія Турецкаго государства. Если внѣшняя торговля Японіи, навязанная ей Европой, повлечетъ за собою превращеніе натуральной ренты въ денежную, то наступитъ конецъ ея образцовому земледѣлію. Узкія рамки экономическихъ условій существованія этой земледѣльческой культуры рухнутъ.

Въ каждой странѣ устанавливаются опредѣленные всеобщіе платежные сроки. Независимо отъ другихъ цикловъ воспроизведенія, они обусловливаются отчасти естественными условіями производства, сопряженными съ перемѣнами временъ года. Имп регулируются также платежи, вытекающіе не прямо изъ обращенія товаровъ, напр. налоги, ренты и т. п. Колебанія въ денежной массѣ, нужной въ извѣстные дни года для этихъ разсѣянныхъ по всей странѣ платежей, причиняютъ періодическія, но вполнѣ поверхностныя пертурбаціи въ экономіи платежныхъ средствъ [106]). Изъ закона скорости обращенія платежныхъ

Полученія.		Выдачи.	
	ф. ст.		ф. ст.
Золото.	28.089	Золото.	9.427
Серебро и мѣдь.	1.486		
Почтовые переводы.	933	Серебро и мѣдь	1.784
Общая сумма.	1.000.000	Общая сумма	1.000.000

(Report from the Select Committee on the Bankacts. July 1858, p. LXXI).

[104]) Такъ какъ ходъ торговли измѣнился, и товаръ уже не обмѣнивается на товаръ, такъ какъ теперь уже не предлагаютъ и не берутъ, а продаютъ и платятъ—то всѣ сдѣлки... основываются теперь на денежныхъ цѣнахъ». (An Essay upon Publick Credit. 3-ed Lond. 1710», p. 8).

[105]) «Деньги стали палачами всего». Финансовое искусство—это «alambic, qui a fait évaporer une quantité effroyable de biens et de denrées pour faire ce fatal précis». «Деньги объявляютъ войну всему человѣческому роду». (Boisguillebert: «Dissertation sur la nature des richesses, de l'argent et des tributs», édit. Daire: «Economistes financiers». Paris 1843, t. 1. p. 413, 419, 417).

[106]) «Въ Духовъ день 1824 г.»,—разсказываетъ г. Крегъ парламентскому комитету 1826 г.—«въ Эдинбургѣ былъ такой огромный спросъ на банковые билеты, что

средствъ слѣдуетъ, что для всѣхъ періодическихъ платежей, каковъ бы ни былъ ихъ источникъ, необходимая масса платежныхъ средствъ обратно-пропорціональна продолжительности платежныхъ періодовъ [107]).

Развитіе функціи денегъ какъ платежнаго средства вынуждаетъ накопленіе денегъ къ платежнымъ срокамъ подлежащихъ уплатѣ долговъ. Между тѣмъ какъ накопленіе сокровищъ, въ качествѣ самостоятельной формы обогащенія, исчезаетъ съ прогрессомъ буржуазнаго общества, указанная функція денегъ, наоборотъ, возрастаетъ вмѣстѣ съ нимъ и принимаетъ форму резервнаго фонда платежныхъ средствъ.

c) Всемірныя деньги.

Съ выступленіемъ изъ внутренней сферы обращенія деньги сбрасываютъ съ себя пріобрѣтенныя ими тамъ мѣстныя формы мѣрила цѣнъ, монеты, размѣнной монеты и знака цѣнности,—и снова принимаютъ свою первоначальную форму слитковъ благороднаго металла. Во всемірной торговлѣ товары реализуютъ свои цѣнности универсально. Ихъ самостоятельное выраженіе цѣнности выступаетъ здѣсь, поэтому, противъ нихъ какъ всемірныя деньги. Только на міровомъ рынкѣ деньги функціонируютъ въ полномъ объемѣ какъ товаръ, натуральная форма котораго есть вмѣстѣ съ тѣмъ непосредственная общественная форма воплощенія абстрактнаго человѣческаго труда. Форма ихъ существованія приходитъ въ вполнѣ точное соотвѣтствіе съ ихъ идеей, дѣлается ей адэкватной.

Въ сферѣ внутренняго обращенія мѣрой цѣнности, а, слѣдовательно, и день-

къ 11-ти часамъ уже не было ни одного билета въ нашемъ распоряженіи. Мы посылали въ разные банки съ просьбой одолжить ихъ, но не могли достать, и многія сдѣлки могли быть совершены лишь при помощи лоскутковъ бумаги. Въ 3 часа пополудни, однако, всѣ билеты вернулись обратно въ банки, откуда они вышли: они только перемѣнили руки». Хотя дѣйствительное обращеніе билетовъ въ Шотландіи, въ среднемъ, не достигаетъ 3 мил. ф. ст., однако въ различные платежные сроки, въ теченіе года, сумма всѣхъ банковыхъ билетовъ въ активѣ банкировъ доходитъ до 7 мил. ф. ст. При этихъ случаяхъ билеты исполняютъ одну спеціальную функцію, по совершеніи которой они снова возвращаются въ тѣ банки, откуда они взяты (John Fullarton: «Regulation of Currencies. 2nd. ed. Lond. 1845» p. 85 Nte). Чтобы понять это, надо прибавить, что въ Шотландіи, во время появленія сочиненія Fullarton'a, выдавались на вклады не чеки, а билеты.

[107]) На вопросъ: «Если бы понадобилось произвести уплатъ на 40 мил. въ годъ, хватило ли бы тѣхъ же самыхъ 6 мил. (золота) для такихъ оборотовъ, какіе требуетъ торговля?» Petty отвѣтилъ со своимъ обычнымъ мастерствомъ: «Я отвѣчаю—да. Если обороты будутъ совершаться въ короткіе промежутки, напр., еженедѣльно, какъ это бываетъ у бѣдныхъ рабочихъ и ремесленниковъ, которые получаютъ и платятъ каждую субботу,—тогда для этой цѣли вполнѣ достаточно будетъ $^{10}/_{52}$ частей одного милліона; но если эти періоды будутъ трехмѣсячные, какъ у насъ обыкновенно платятъ ренту и собираютъ налоги, тогда потребуется 10 мил. Поэтому, если предположимъ, что платежи вообще производятся чрезъ смѣшанные періоды, отъ недѣльнаго періода до 13-ти недѣльнаго, тогда сложивъ 10 мил. съ $^{40}/_{52}$ мил. и раздѣливъ на 2, мы получимъ $5^1/_2$ мил.—сумму, достаточную для нашихъ оборотовъ». (William Petty: «Political Anatomy of Ireland. 1672», edit. Lond. 1691, p. 13, 14).

гами, можетъ служить только одинъ товаръ. На всемірномъ же рынкѣ господствуетъ двойная мѣра цѣнности: золото и серебро [108]).

Всемірныя деньги функціонируютъ какъ всеобщее платежное средство, какъ всеобщее покупательное средство и какъ абсолютно общественное воплощеніе богатства вообще (universal wealth). Преобладающую роль играетъ ихъ функція

[108]) Это и показываетъ нелѣпость всякаго законодательства, предписывающаго національнымъ банкамъ принимать лишь тѣ благородные металлы, которые обращаются въ странѣ какъ деньги. Всѣмъ, напр., извѣстны «мягкія препятствія», созданныя, такимъ образомъ, самимъ же англійскимъ банкомъ. О крупныхъ историческихъ эпохахъ, отмѣченныхъ измѣненіемъ въ цѣнности золота и серебра, см. Karl Marx l. c. p. 136 sq. Прибавленіе ко 2 изд.: Сэръ Робертъ Пиль въ своемъ банковомъ актѣ 1844 г. пытался помочь этимъ затрудненіямъ, позволивъ англійскому банку выпускать билеты подъ обезпеченіе серебряныхъ слитковъ, подъ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы запасъ серебра никогда не превосходилъ одной четвертой части запаса золота. При этомъ цѣнность серебра оцѣнивается по его рыночной цѣнѣ (на золото) на лондонскомъ рынкѣ. (Прим. къ 4 изд.—Мы теперь снова испытываемъ сильныя относительныя измѣненія въ цѣнности золота и серебра. 25 лѣтъ тому назадъ отношеніе цѣнностей золота и серебра=15½ : 1, теперь оно приблизительно= 22 : 1, и серебро все еще продолжаетъ падать въ отношеніи къ золоту. Это есть, главнымъ образомъ, слѣдствіе переворота въ способѣ производства обоихъ металловъ. Прежде золото добывалось почти исключительно лишь промывкой золотосодержащихъ аллювіальныхъ пластовъ, продуктовъ вывѣтриванія золотосодержащихъ горныхъ породъ. Теперь этотъ способъ уже недостаточенъ, и онъ вытѣсненъ другимъ, который раньше стоялъ на второмъ планѣ, хотя онъ хорошо былъ извѣстенъ еще древнимъ (Diodor III. 12—14), именно—обработкой кварцевыхъ породъ. Съ другой стороны, не только были открыты на Западѣ Америки въ скалистыхъ горахъ новыя огромныя мѣстонахожденія серебра, но эти, а также мексиканскіе серебряные рудники были сближены съ рынкомъ желѣзными дорогами: доставленіе туда новѣйшихъ машинъ и горючихъ матеріаловъ сдѣлали возможной добычу серебра въ наибольшихъ размѣрахъ и съ наименьшими задержками. Есть, однако, большая разница въ томъ, какъ оба эти металла находятся въ рудничныхъ породахъ. Золото большей частью находится въ самородномъ видѣ, но зато оно разсѣяно въ кварцѣ очень мелкими крупинками; вся порода должна быть, поэтому, размельчена, и золото вымыто или вытянуто ртутью. На 1.000.000 граммъ кварца приходится 1—3, очень рѣдко 30—60 граммовъ золота. Серебро рѣдко находится въ самородномъ видѣ, зато оно встрѣчается въ формѣ серебряныхъ рудъ, легко отдѣлимыхъ отъ окружающихъ ихъ горныхъ породъ и содержащихъ 40—90% серебра, или же оно въ меньшихъ пропорціяхъ содержится въ такихъ рудахъ, которыя сами по себѣ заслуживаютъ обработки, каковы мѣдныя, оловяныя и т. д. Изъ одного этого уже слѣдуетъ, что трудъ производства золота увеличился, трудъ же производства серебра значительно уменьшился, и что, поэтому, паденіе цѣнности послѣдняго вполнѣ естественно. Этотъ упадокъ цѣнности выразился бы въ еще большемъ паденіи цѣны, если бы цѣна серебра и теперь еще не поддерживалась искусственно. Но серебряныя сокровища Америки лишь въ небольшой части открыты для разработки, такъ что есть всѣ основанія ожидать, что цѣнность серебра еще долго будетъ понижаться. Этому должно еще содѣйствовать относительное уменьшеніе потребности въ серебрѣ для предметовъ потребленія и роскоши, гдѣ оно замѣняется накладнымъ товаромъ, аллюминіемъ и т. п. На основаніи этихъ данныхъ можно судить объ утопичности биметаллистической идеи, что международный принудительный курсъ поднялъ бы серебро до стараго отношенія цѣнностей 1 : 15½. Скорѣе слѣдуетъ думать, что и на всемірномъ рынкѣ серебро все болѣе и болѣе лишится своего значенія въ качествѣ денегъ.—Ф. Э].

платежнаго средства для уравновѣшенія международныхъ балансовъ. Отсюда—лозунгъ меркантильной системы: торговый балансъ! [109]). Международнымъ покупательнымъ средствомъ золото и серебро являются, главнымъ образомъ, тогда, когда внезапно нарушается обычное равновѣсіе въ обмѣнѣ веществъ между различными націями. Наконецъ, абсолютно общественнымъ воплощеніемъ богатства онѣ являются тогда, когда рѣчь идетъ не о куплѣ и не о платежѣ, а о перемѣщеніи богатства изъ одной страны въ другую, и когда это перемѣщеніе въ товарной формѣ невозможно,—вслѣдствіе ли конъюнктуръ товарнаго рынка, или изъ-за самой цѣли, которую преслѣдуетъ перенесеніе капитала [110]).

Какъ для внутренняго, такъ и для международнаго обращенія каждая страна нуждается въ резервномъ фондѣ. Функція денегъ какъ сокровища коренится, поэтому, частью въ ихъ функціи какъ внутренняго средства обращенія и платежа, частью въ ихъ функціи какъ всемірныхъ денегъ [110a]). Для этой послѣдней роли требуется всегда дѣйствительный денежный товаръ, матеріальное золото и серебро, почему Джэмсъ Стьюартъ и характеризуетъ золото и серебро, въ

[109]) Противники меркантильной системы, считающей уплату золотомъ или серебромъ торговаго баланса цѣлью всемірной торговли, сами совершенно не понимали функціи всемірныхъ денегъ. Какимъ образомъ ложное представленіе о законѣ, управляющемъ количествомъ средствъ обращенія, лишь отражается въ фальшивомъ представленіи о международномъ движеніи благородныхъ металловъ, и подробно показалъ на примѣрѣ Рикардо (l. c. p. 150 sqq.). Его ложную теорію,—что «неблагопріятный торговый балансъ происходитъ всегда лишь вслѣдствіе изобилія средствъ обращенія... Вывозъ монеты производится вслѣдствіе ея дешевизны, и есть не слѣдствіе, а причина неблагопріятнаго баланса»,—можно найти у Барбона, который говоритъ: «Торговый балансъ, если таковой имѣется, не есть причина вывоза монеты за границу; онъ происходитъ отъ разницы въ цѣнности слитковъ въ разныхъ странахъ». (N. Barbon, l. c. p. 59, 60). Макъ-Куллохъ въ «The Literature of Political Economy, a classified catalogue. Lond. 1845» хвалитъ Барбона за это мнѣніе, по заботливо избѣгаетъ говорить о тѣхъ пагубныхъ формахъ, подъ которыми еще у Барбона появляются нелѣпыя предпосылки «Currency principle». Некритичность и даже недобросовѣстность этого каталога проявляются особенно въ той части, гдѣ трактуется исторія теоріи денегъ, такъ какъ Макъ-Куллохъ являетъ здѣсь хвостомъ, какъ сикофантъ лорда Оверстона (ex-банкира Лойда), котораго онъ называетъ «facile princeps argentariorum» («безспорно, глава банкировъ»).

[110]) Напр., при субсидіяхъ, денежныхъ займахъ для военныхъ цѣлей или для возобновленія платежей банками и т. п. цѣнности могутъ потребоваться именно въ денежной формѣ.

[110a]) Прим. ко 2 изд.: «По моему, нѣтъ лучшаго доказательства способности механизма резервныхъ фондовъ (hoards) въ странахъ съ металлическимъ обращеніемъ покрывать всѣ необходимые международные платежи безъ всякой замѣтной помощи со стороны общаго обращенія, какъ та легкость, съ которой Франція, едва оправившись отъ ударовъ иностраннаго вторженія, выплатила въ теченіе двадцати семи мѣсяцевъ контрибуцію въ 20 милл. ф. ст., потребованную союзниками, и притомъ, выплатила большую часть ея звонкой монетой, безъ малѣйшихъ замѣшательствъ въ своей внутренней торговлѣ и даже безъ значительныхъ колебаній въ своемъ вексельномъ курсѣ». (Fullarton, l. c. p. 191) [Къ 4 изд.—Еще болѣе поразительный примѣръ представляетъ та легкость, съ которой опять-таки Франція въ 1871—1873 гг. была въ состояніи выплатить въ 30 мѣсяцевъ военное вознагражденіе въ десять разъ большее, и тоже въ значительной мѣрѣ—металлическими деньгами.—Ф. Э.].

отличіе отъ нихъ исключительно мѣстныхъ замѣстителей, прямо какъ money of the world (всемірныя деньги).

Потокъ золота и серебра имѣетъ двойное теченіе. Съ одной стороны, онъ изъ своихъ источниковъ устремляется на весь міровой рынокъ, гдѣ онъ, въ различныхъ размѣрахъ, воспринимается различными національными сферами обращенія, чтобы проникнуть въ ихъ внутреннія каналы обращенія, замѣстить тамъ стертыя золотыя и серебряныя монеты, доставить матеріалъ для предметовъ роскоши и, наконецъ, застыть въ формѣ сокровищъ [111]). Это первое теченіе происходитъ путемъ прямого обмѣна овеществленнаго въ товарахъ національнаго труда на овеществленный въ благородныхъ металлахъ трудъ тѣхъ странъ, которыя производятъ золото и серебро. Съ другой стороны, золото и серебро безпрерывно двигаются то въ одномъ, то въ другомъ направленіи между различными національными сферами обращенія, и это теченіе слѣдуетъ за непрерывными колебаніями вексельнаго курса [112]).

Страны съ развитымъ буржуазнымъ производствомъ ограничиваютъ количество сокровищъ, сосредоточенныхъ въ банковыхъ резервуарахъ минимумомъ, требуемымъ ихъ спеціальной функціей [113]). За нѣкоторыми исключеніями, рѣзкое переполненіе этихъ резервуаровъ сверхъ ихъ средняго уровня указываетъ на застой въ товарномъ обращеніи или на перерывъ въ ходѣ товарныхъ метаморфозъ [114]).

---

[111]) «Деньги распредѣляются между націями сообразно ихъ потребностямъ въ нихъ... будучи всегда привлекаемы продуктами». (Le Trosne, l. c. p. 916). «Рудники, постоянно доставляющіе золото и серебро, даютъ имъ достаточно для пополненія столь необходимаго баланса каждаго народа» (J. Vanderlint, l. c. p. 40).

[112]) «Вексельные курсы подымаются и падаютъ каждую недѣлю, и въ опредѣленныя времена года бываютъ особенно благопріятны для одной націи, въ другія же времена—для другой» (N. Barbon, l. c. p. 39).

[113]) Эти различныя функціи могутъ вступить въ опасный конфликтъ, если къ нимъ прибавляется функція размѣннаго фонда для банковыхъ билетовъ.

[114]) «Количество денегъ, превышающее то, которое абсолютно необходимо для внутренней торговли, есть мертвый капиталъ, и деньги приносятъ пользу странѣ лишь постольку, поскольку онѣ перемѣщаются въ торговомъ оборотѣ или вводятся ради него» (John Bellers, l. c. p. 12): «Что было бы, если бы мы имѣли слишкомъ много денегъ? Мы могли бы болѣе вѣскія сплавить и превратить въ блюда въ серебряную и золотую посуду, или вывезти ихъ, какъ товаръ, туда, гдѣ они нужны или желательны, или отдать въ ростъ туда, гдѣ процентъ стоитъ высоко» (W. Petty: «Quantulumcunque», p. 39). «Деньги—это только жиръ политическаго тѣла: если ихъ слишкомъ много, то онѣ часто препятствуютъ его подвижности; если же слишкомъ мало, то дѣлаютъ его больнымъ... Какъ жиръ облегчаетъ движеніе мускуловъ, питаетъ въ случаѣ недостатка пищи, округляетъ формы и украшаетъ тѣло,—такъ и деньги ускоряютъ дѣятельность государства, во время неурожая внутри способствуютъ привозу припасовъ извнѣ, регулируютъ счеты... и украшаютъ все общество, впрочемъ,—пропически заключаетъ онъ,—преимущественно тѣхъ частныхъ лицъ, которыя имѣютъ ихъ въ изобиліи». (W. Petty: «Political anatomy of Ireland», p. 14).

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

Превращеніе денегъ въ капиталъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Превращеніе денегъ въ капиталъ.

1. Общая формула капитала.

Товарное обращеніе есть исходная точка капитала. Товарное производство и развитое товарное обращеніе, торговля, составляютъ историческія предпосылки возникновенія капитала. Міровая торговля и міровой рынокъ открываютъ собой въ XVI столѣтіи современную исторію капитала.

Если мы оставимъ въ сторонѣ вещественное содержаніе товарнаго обращенія, обмѣнъ различныхъ потребительныхъ цѣнностей, и будемъ разсматривать только экономическія формы, порождаемыя этимъ процессомъ, то въ качествѣ конечнаго продукта его мы найдемъ деньги. Этотъ конечный продуктъ товарнаго обращенія есть первая форма проявленія капитала.

Исторически капиталъ сначала вездѣ противополагается земельной собственности въ формѣ денегъ, денежнаго богатства, капитала торговаго и ростовщическаго» [1]). Но намъ нѣтъ надобности обращаться къ прошедшему, къ исторіи возникновенія капитала для того, чтобы признать деньги первой формой его проявленія. То же самое происходитъ ежедневно на нашихъ глазахъ. Каждый новый капиталъ выступаетъ на сцену, т. е. на рынокъ, на товарный, рабочій или денежный рынокъ, прежде всего въ формѣ денегъ, и эти деньги, путемъ извѣстныхъ процессовъ, должны превратиться въ капиталъ.

Деньги, какъ деньги, и деньги, какъ капиталъ, сначала отличаются только своей различной формой обращенія.

Непосредственная форма товарнаго обращенія есть Т—Д—Т, превращеніе товара въ деньги и обратное превращеніе денегъ въ товаръ, продажа для покупки. Но рядомъ съ этой формой мы находимъ вторую, совершенно отъ нея отличную, форму Д—Т—Д, превращеніе денегъ въ товаръ и обратное превращеніе товара

[1]) Противоположность между властью земельной собственности, покоящеюся на личныхъ отношеніяхъ рабства и господства, и безличною властью денегъ ясно выражена въ двухъ французскихъ поговоркахъ: «Nulle terre sans seigneur». «L'argent n'a pas de maître». («Нѣтъ земли безъ господина»). («У денегъ нѣтъ хозяина»).

въ деньги, покупку для продажи. Деньги, которыя въ своемъ движеніи описываютъ этотъ послѣдній круговоротъ, превращаются въ капиталъ, становятся капиталомъ и уже по самому своему назначенію являются капиталомъ.

Разсмотримъ внимательнѣе обращеніе Д—Т—Д. Оно, такъ же какъ и простое товарное обращеніе, проходитъ двѣ противоположныя фазы. Въ первой фазѣ, Д—Т, покупкѣ, деньги превращаются въ товаръ. Во второй фазѣ, Т—Д, продажѣ, товаръ опять превращается въ деньги. Единство обѣихъ фазъ выражается въ общемъ движеніи, въ которомъ деньги обмѣниваются на товаръ, и тотъ же товаръ опять обмѣнивается на деньги; товаръ покупаютъ для того, чтобы его продать, или,—если пренебречь формальнымъ различіемъ между покупкой и продажей,—на деньги покупаютъ товаръ, а на товаръ деньги [2]). Въ результатѣ, который поглощаетъ собой весь процессъ, получается обмѣнъ денегъ на деньги, Д—Д. Если за 100 ф. ст. я покупаю 2.000 ф. хлопка, и эти 2.000 ф. хлопка перепродаю за 110 ф. ст., то въ результатѣ я обмѣнялъ 100 ф. ст. на 110 ф. ст., деньги на деньги.

Конечно, очевидно, что процессъ обращенія Д—Т—Д представлялся бы нелѣпо безсодержательнымъ, если бы этимъ обходнымъ путемъ обмѣнивалась одна сумма денегъ на такую же самую сумму, напр., 100 ф. ст. на 100 ф. ст. Гораздо проще и вѣрнѣе поступаетъ собиратель сокровищъ, который прячетъ свои 100 ф. ст. вмѣсто того, чтобы подвергать ихъ опасности обращенія. Съ другой стороны, продаетъ ли купецъ хлопокъ, купленный за 100 ф. ст., за 110 ф. ст., или онъ принужденъ продать его за 100 и даже за 50 ф. ст., во всякомъ случаѣ деньги его описали своеобразное и оригинальное движеніе—движеніе совсѣмъ другого рода, чѣмъ при простомъ товарномъ обращеніи, напр., въ рукахъ крестьянина, продающаго хлѣбъ и покупающаго на вырученныя деньги платье. Намъ нужно сначала установить характерныя различія между двумя формами обращенія Д—Т—Д и Т—Д—Т. При этомъ мы увидимъ также, какое различіе въ содержаніи скрывается подъ покровомъ этого формальнаго различія.

Разсмотримъ сначала, что есть общаго въ обѣихъ формахъ.

Оба цикла распадаются на тѣ же самыя двѣ противоположныя фазы, Т—Д, продажу, и Д—Т, покупку. Въ каждой изъ этихъ фазъ противополагаются другъ другу тѣ же два вещественные элемента, товаръ и деньги, а также два лица съ тѣми же самыми экономическими ролями, покупатель и продавецъ. Каждый изъ этихъ круговоротовъ есть единство тѣхъ же самыхъ противоположныхъ фазъ, и каждый разъ единство это осуществляется посредствомъ появленія трехъ контрагентовъ, изъ которыхъ одинъ только продаетъ, другой только покупаетъ, третій же попеременно то покупаетъ, то продаетъ.

Но уже съ самаго начала оба круговорота, Т—Д—Т и Д—Т—Д, отличаются одинъ отъ другого обратнымъ порядкомъ тѣхъ же самыхъ противоположныхъ

---

[2]) «Avec de l'argent on achète des marchandises, et avec des marchandises on achète de l'argent» (На деньги покупаютъ товары и на товары деньги) (Mercier de la Rivière: «L'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques», p. 543).

фазъ. Простое товарное обращеніе начинается продажей и кончается покупкой, обращеніе же денегъ, какъ капитала, начинается покупкой и кончается продажей. Тамъ товаръ, а здѣсь деньги составляютъ исходный и конечный пункты движенія. Въ первой формѣ посредникомъ въ общемъ оборотѣ служатъ деньги, во второй, наоборотъ, товаръ.

Въ обращеніи Т—Д—Т деньги въ конечномъ результатѣ превращаются въ товаръ, служащій потребительною цѣнностью. Такимъ образомъ, тутъ деньги окончательно издержаны. Въ обратной формѣ Д—Т—Д покупатель, напротивъ, издерживаетъ деньги, чтобы получить ихъ въ качествѣ продавца. При покупкѣ товара онъ пускаетъ деньги въ обращеніе, чтобы потомъ извлечь ихъ опять продажею того же самаго товара. Онъ выпускаетъ деньги только съ задней мыслью—опять имѣ завладѣть. Деньги въ этомъ случаѣ только авансируются (wird... nur vorgeschossen) [1]).

Въ формѣ Т—Д—Т тѣ же самыя монеты два раза мѣняютъ мѣсто. Продавецъ получаетъ ихъ отъ покупателя и отдаетъ ихъ другому продавцу. Весь процессъ, начинающійся полученіемъ денегъ за товаръ, оканчивается отдачею денегъ за товаръ. Въ формѣ же Д—Т—Д происходитъ какъ разъ обратное. Здѣсь тотъ же самый товаръ, а не тѣ же самыя монеты, два раза мѣняютъ мѣсто. Покупатель получаетъ его изъ рукъ продавца и отдаетъ его въ руки другого покупателя. Какъ въ простомъ товарномъ обращеніи въ результатѣ двукратнаго перемѣщенія тѣхъ же денегъ получается переходъ ихъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, точно такъ же здѣсь двукратное перемѣщеніе того же самаго товара возвращаетъ деньги къ ихъ первому исходному пункту.

Возвращеніе денегъ къ ихъ исходному пункту не зависитъ отъ того, что товаръ проданъ дороже, чѣмъ онъ купленъ. Это обстоятельство вліяетъ только на величину возвращающейся суммы денегъ. Самый фактъ возвращенія денегъ происходитъ, какъ только товаръ опять проданъ, т. е. какъ только круговоротъ Д—Т—Д совершенно законченъ. Въ этомъ осязательная разница между обращеніемъ денегъ, какъ капитала, и ихъ обращеніемъ, какъ простыхъ денегъ.

Круговоротъ Т—Д—Т совершенно законченъ, какъ только продажа товара приноситъ деньги, которыя опять отнимаются покупкой другого товара. Если же въ результатѣ получается все-таки возвращеніе денегъ къ ихъ исходному пункту, то это можетъ случиться только вслѣдствіе возобновленія или повторенія всего круговорота. Если я продаю квартеръ пшеницы за 3 ф. ст. и на эти 3 ф. ст. покупаю платье, то для меня 3 ф. ст. окончательно издержаны. Мнѣ до нихъ нѣтъ больше дѣла: онѣ принадлежатъ торговцу платьемъ. Когда я продаю второй квартеръ пшеницы, деньги ко мнѣ возвращаются, но не вслѣдствіе первой сдѣлки, а вслѣдствіе ея повторенія. Деньги опять отъ меня уйдутъ, какъ

[1]) «When a thing is bought, in order to be sold again, the sum employed is called money advanced; when it is bought not be sold, it may be said to be expended». (Когда предметъ купленъ съ тѣмъ, чтобы опять быть проданнымъ, сумма, затраченная на него, считается авансированной; если же онъ купленъ не для продажи, она можетъ считаться задержанной) (James Stenart: «Works etc. edited by General Sir James Stenart, his son». Lond. 1801, v. I. p. 274).

только вторая сдѣлка будетъ закончена, т. е., когда я опять куплю. Въ обращеніи Т—Д—Т трата денегъ, поэтому, не имѣетъ ничего общаго съ ихъ возвращеніемъ. Въ обращеніи же Д—Т—Д, напротивъ того, возвращеніе денегъ обусловливается самымъ способомъ траты ихъ. Если деньги не возвращаются — операція неудачна, или процессъ прерванъ и еще не законченъ, такъ какъ не достаетъ его второй фазы, продажи, дополняющей и завершающей покупку.

Круговоротъ Т—Д—Т имѣетъ исходной точкой товаръ и заканчивается другимъ товаромъ, который выходитъ изъ обращенія и становится предметомъ потребленія. Конечную цѣль его, слѣдовательно, составляетъ потребленіе, удовлетвореніе какой-нибудь потребности, однимъ словомъ, потребительная цѣнность. Круговоротъ же Д—Т—Д имѣетъ, напротивъ того, своей исходной точкой деньги и къ нимъ же возвращается. Его движущимъ мотивомъ и опредѣляющей цѣлью является, поэтому, мѣновая цѣнность.

Въ простомъ товарномъ обращеніи обѣ крайнія точки имѣютъ ту же экономическую форму. Обѣ онѣ представляютъ товаръ. И въ то же время онѣ—товары, равные по величинѣ цѣнности. Но онѣ представляютъ собой качественно различныя потребительныя цѣнности, напр., пшеницу и платье. Обмѣнъ продуктовъ, перемѣщеніе различныхъ предметовъ, въ которыхъ выражается общественный трудъ, составляетъ здѣсь содержаніе движенія. Совсѣмъ не то видимъ мы въ обращеніи Д—Т—Д. На первый взглядъ оно, какъ тавтологическое, кажется лишеннымъ содержанія и смысла. Оба крайніе члена имѣютъ ту же экономическую форму. Они оба представляютъ деньги, слѣдовательно, не суть качественно различныя потребительныя цѣнности, такъ какъ деньги представляютъ именно превращенную форму товаровъ, въ которой нѣтъ мѣста специфическимъ потребительнымъ цѣнностямъ. Обмѣнивать сначала 100 ф. ст. на хлопокъ и потомъ тотъ же хлопокъ на 100 ф. ст., т. е. окольнымъ путемъ мѣнять деньги на деньги, то же самое на то же самое, представляется дѣломъ и безцѣльнымъ и нелѣпымъ [4]). Одна сумма денегъ можетъ вообще отличаться отъ другой только

[4]) «Никто не мѣняетъ деньги на деньги», говоритъ Mercier de la Rivière меркантилистамъ (l. c. p. 468). Въ одномъ сочиненіи, трактующемъ ex professo о «торговлѣ» и о «спекуляціи», мы находимъ слѣдующее: «Всякая торговля состоитъ въ обмѣнѣ различнаго рода вещей; выгода (для купца?) и происходитъ именно изъ этого различія. Не было бы никакой выгоды обмѣнивать фунтъ хлѣба на фунтъ хлѣба... отсюда выгодный контрастъ между торговлей и игрой, представляющей только обмѣнъ денегъ на деньги». (Th. Corbet: «An Inquiry into the Causes and Modes of the Wealth of Individuals; or the Principles of Trade and Speculation explained. London, 1841», p. 5). Хотя Corbet и не видитъ, что Д—Д, т. е. обмѣнъ денегъ на деньги, представляетъ форму обращенія, характерную не только для торговаго капитала, но и для всякаго капитала, онъ, по крайней мѣрѣ, допускаетъ, что форма эта, имѣетъ съ игрой, свойственна одному роду торговли—спекуляціи. Но тутъ является Mac Culloch и находитъ, что покупка для продажи есть спекуляція, и что, такимъ образомъ, разница между спекуляціей и торговлей отпадаетъ. «Всякая сдѣлка, въ которой индивидуумъ покупаетъ продуктъ съ тѣмъ, чтобы опять перепродать его, есть въ дѣйствительности спекуляція» (Mac Culloch: A Dictionary practical etc. of Commerce. London 1847, p. 1058). Гораздо наивнѣе Pinto, пиндаръ амстердамской биржи: «Торговля есть игра (эта фраза заимствована у Locke), и

своей величиной. Процессъ Д—Т—Д обязанъ своимъ содержаніемъ не качественному различію его крайнихъ членовъ, такъ какъ они оба—деньги, а только ихъ количественному различію. Въ результатѣ этого процесса изъ обращенія извлекается больше денегъ, чѣмъ сначала было въ него пущено. Хлопокъ, купленный за 100 ф. ст., перепродается, напр. за 100+10 ф. ст., или за 110 ф. ст. Полная форма этого процесса есть, поэтому, Д—Т—Д', гдѣ Д'=Д+ΔД, т.-е. равняется первоначально затраченной суммѣ плюсъ нѣкоторое приращеніе. Это приращеніе или излишекъ сравнительно съ первоначальной цѣнностью я называю—прибавочной цѣнностью (Mehrwerth, surplus-value). Первоначально авансированная цѣнность такимъ образомъ не только сохраняется въ обращеніи, но въ обращеніи измѣняется также ея величина: къ ней прибавляется нѣкоторая прибавочная цѣнность, или она возрастаетъ. И это-то движеніе и превращаетъ ее въ капиталъ.

Возможно также, что въ формѣ Т—Д—Т оба крайніе члена, напр., зерно и платье представляютъ различныя величины цѣнности. Крестьянинъ можетъ продать зерно выше его цѣнности или купить платье ниже его цѣнности. Онъ, съ своей стороны, можетъ быть обманутъ торговцемъ платья. Такое различіе цѣнности остается, однако, для этой формы обращенія чисто случайнымъ признакомъ. Отъ него эта форма не становится нелѣпицей, между тѣмъ какъ процессъ Д—Т—Д теряетъ свой смыслъ, когда оба крайніе члена, пшеница и платье, напр., эквивалентны. Равноцѣнность крайнихъ членовъ въ первомъ случаѣ есть, наоборотъ, необходимое условіе нормальнаго хода процесса.

Повтореніе или возобновленіе продажи для покупки, какъ и самый этотъ процессъ, имѣетъ свою мѣру и свою цѣль во внѣ его лежащемъ конечномъ результатѣ, т.-е. въ потребленіи, въ удовлетвореніи опредѣленныхъ потребностей. Въ покупкѣ же для продажи, напротивъ того, начало и конецъ тождественны: деньги, мѣновая цѣнность. И вотъ почему это движеніе не имѣетъ конца. Конечно, Д превратилось въ Д+ΔД, вмѣсто 100 ф. ст. получилось 100+10. Но разсматриваемые только качественно, 110 ф. ст. представляютъ то же, что и 100 ф. ст., именно деньги Количественно же 100 ф. ст. представляютъ ограниченную величину цѣнности, такъ же какъ и 110 ф. ст. Если 110 ф. ст. были издержаны какъ деньги, они вышли бы изъ своей роли. Они перестали бы быть капиталомъ. Изъятые изъ обращенія, они окаменѣваютъ въ видѣ сокровища, и къ нимъ не прибавится ни одного фартинга, хоть бы они и лежали до дня страшнаго суда. Разъ дѣло идетъ о возрастаніи цѣнности, то при такой утилизаціи денегъ по отношенію къ 110 ф. ст. существуетъ такая же потребность, какъ и по отношенію къ 100 ф. ст., такъ какъ обѣ эти суммы представляютъ только ограниченныя выраженія мѣновой цѣнности и обѣ имѣютъ, слѣдовательно, одинаковое призваніе—приближаться къ абсолютному богатству посредствомъ увеличенія своихъ размѣровъ. Хотя на одинъ мо-

---

конечно нельзя выиграть, играя съ нищими. Если выигрывать постоянно и у всѣхъ, то приходилось бы, чтобы опять начать игру, добровольно возвращать большую часть выигрыша». (Pinto: Traité de la Circulation et du Crédit. Amsterdam, 1771, p. 231).

менъ первоначально затраченная цѣнность въ 100 ф. ст. и отличается отъ прибавочной цѣнности въ 10 ф. ст., которая прибавилась въ обращеніи, но разница эта тотчасъ же снова расплывается. Въ концѣ процесса не появляется—на одной сторонѣ первоначальная цѣнность въ 100 ф. ст., а на другой—прибавочная цѣнность въ 10 ф. ст. Въ результатѣ является единая цѣнность въ 110 ф. ст., такъ же какъ первоначальная цѣнность въ 100 ф. ст. совершенно готовая къ тому, чтобы опять начать процессъ образованія новой цѣнности. Въ концѣ движенія вновь появляется его исходная точка—деньги [5]). Конецъ каждаго отдѣльнаго круговорота, въ которомъ осуществляется покупка для продажи, самъ собой является началомъ новаго кругонорота. Простое товарное обращеніе—продажа для покупки—служитъ средствомъ для достиженія конечной цѣли, лежащей внѣ обращенія, а именно для присвоенія потребительныхъ цѣнностей, т.-е. для удовлетворенія потребностей. Обращеніе же денегъ, какъ капитала, наоборотъ, является цѣлью самодовлѣющей, такъ какъ при немъ употребленіе цѣнности происходитъ только внутри этого вѣчно возобновляющагося и равнаго себѣ движенія. Поэтому движеніе капитала ничѣмъ не ограничено [6]).

---

[5]) Капиталъ дѣлится... на первоначальный капиталъ и на прибыль—приращеніе капитала... хотя практика тотчасъ снова присоединяетъ эту прибыль къ капиталу и пускаетъ ее вмѣстѣ съ нимъ въ оборотъ». (F. Engels: «Umrisse zu einer Kritik der Nationalökonomie» in «Deutsch-Französische Jahrbücher, herausgegeben von Arnold Ruge und Karl Marx». Paris 1844, p. 99).

[6]) Аристотель противопоставляетъ хрематистикѣ экономику. Экономика составляетъ его исходный пунктъ. Поскольку она составляетъ искусство пріобрѣтенія, она ограничивается добычей предметовъ, необходимыхъ въ жизни и полезныхъ для домашняго хозяйства или для государства. «Истинное богатство (ὁ ἀληθινὸς πλοῦτος) состоитъ изъ такого рода потребительныхъ цѣнностей, такъ какъ количество такихъ предметовъ, достаточное для хорошей жизни, не безгранично. Но есть другого рода искусство пріобрѣтенія, которое, преимущественно и по справедливости, можетъ быть названо хрематистикой, и благодаря которому повидимому не существуетъ никакой границы для богатства и для пользованія имъ. Товарная торговля (ἡ καπηλικὴ οвначаетъ буквально мелочную торговлю, и Аристотель беретъ эту форму, потому что въ ней господствуетъ потребительная цѣнность) по природѣ своей не принадлежитъ къ хрематистикѣ, такъ какъ здѣсь обмѣнъ ограничивается предметами, необходимыми для нихъ самихъ (покупателя и продавца)». Поэтому, развиваетъ онъ далѣе, первоначальной формой товарной торговли и была мѣновая торговля, при расширеніи которой необходимо появились деньги. Съ изобрѣтеніемъ денегъ мѣновая торговля необходимо должна была развиться въ καπηλική, въ товарную торговлю, а эта послѣдняя, въ противоположность ея собственной первоначальной тенденціи, развилась въ хрематистику, въ искусство дѣлать деньги. Хрематистика отличается отъ экономики тѣмъ, что «для нея обращеніе есть источникъ богатства (ποιητικὴ χρημάτων.... διὰ χρημάτων διαβολῆς). Она повидимому вращается вокругъ денегъ, такъ какъ деньги начало и конецъ подобнаго рода обмѣна (τὸ γὰρ νόμισμα στοιχεῖον καὶ πέρας τῆς ἀλλαγῆ ἐστιν). Поэтому то богатство, къ которому стремится хрематистика, безгранично. Какъ каждое искусство, которому его цѣль служитъ не средствомъ для чего либо другого, а самодовлѣющей цѣлью, неограниченно въ своемъ стремленіи,—такъ какъ оно постоянно старается все болѣе и болѣе приблизиться къ ней, тогда какъ искусства, для которыхъ предметъ ихъ только средство къ достиженію цѣли, не безграничны, потому что сама внѣ ихъ стоящая цѣль полагаетъ имъ извѣстную границу,—точно такъ же и хрематистика не имѣетъ

Въ качествѣ сознательнаго носителя этого движенія владѣлецъ денегъ становится капиталистомъ. Его особа, или вѣрнѣе, его карманъ становится исходной точкой денегъ, къ которой онѣ же и возвращаются обратно. Объективное содержаніе этого обращенія — возрастаніе цѣнности — составляетъ субъективную цѣль капиталиста. И лишь постольку, поскольку постоянно возрастающее присвоеніе абстрактнаго богатства составляетъ единственный побудительный мотивъ его дѣйствій, онъ функціонируетъ какъ капиталистъ, или какъ олицетворенный, одаренный волей и сознаніемъ, капиталъ. Потребительная цѣнность,—такимъ образомъ, никогда не бываетъ непосредственною цѣлью капиталиста [7]), какъ ею не бываетъ и единичный барышъ; такое значеніе для капиталиста имѣетъ только непрерывный процессъ пріобрѣтенія прибыли [8]). Это абсолютное стремленіе къ обогащенію, эта страстная погоня за цѣнностью [9]) составляетъ свойство, общее капиталисту и собирателю сокровищъ. Но въ то время какъ собиратель сокровищъ, такъ сказать, только помѣшанный капиталистъ, капиталистъ является разумнымъ собирателемъ сокровищъ. Того непрерывнаго умноженія цѣнности, къ которому собиратель сокровищъ стремится, охраняя деньги отъ опасностей обращенія [10]), болѣе разумный капиталистъ достигаетъ тѣмъ, что онъ постоянно сызнова пускаетъ деньги въ обращеніе [10а]).

Самостоятельныя формы, денежныя формы, которыя принимаетъ цѣнность товаровъ въ простомъ обращеніи, содѣйствуютъ лишь обмѣну товаровъ и исчезаютъ въ конечномъ результатѣ движенія. Въ обращеніи же Д—Т—Д, напротивъ того, оба члена, товаръ и деньги, функціонируютъ только какъ различ-

---

границъ для своей цѣли, эта цѣль состоитъ въ абсолютномъ обогащеніи. Экономика имѣетъ предѣлъ, но не хрематистика... первая имѣетъ цѣлью нѣчто отличное отъ денегъ, вторая же ихъ умноженіе... Смѣшеніе обѣихъ формъ, тѣсно другъ съ другомъ переплетающихся, привело нѣкоторыхъ къ заключенію, что сохраненіе и безпредѣльное умноженіе денегъ составляетъ конечную цѣль экономики». (Aristoteles. De Rep. edit. Bekker, lib. c. 8 und 9 passim).

[7]) «Товары (commodities—здѣсь въ смыслѣ потребительныхъ цѣнностей) не составляютъ конечной цѣли торгующаго капиталиста... конечная его цѣль деньги». (Th. Chalmers: On Polit. Econ. etc. 2-nd edit. Lond. 1832, p. 166).

[8]) «Купецъ ни во что не цѣнитъ настоящую выгоду, онъ всегда имѣетъ въ виду будущую выгоду». (A. Genovesi: Lezioni di Economia Civile (1765). Изданіе итальянскихъ экономистовъ. Custodi. Parte Moderna, t. VIII, p. 139).

[9]) «Неутолимая страсть къ прибыли, auri sacra fames всегда опредѣляетъ дѣятельность капиталиста». (Mac Culloch: The Principles of Polit. Econ. London. 1830, p. 179). Возвращеніе это, конечно, не мѣшаетъ тому же Mac Culloch'у и его соратникамъ въ теоретическихъ затрудненіяхъ, напр., при разсмотрѣніи перепроизводства, превращать того же самаго капиталиста въ добраго гражданина, для котораго важна только потребительная цѣнность, и у котораго даже развивается волчій аппетитъ къ сапогамъ, шляпамъ, яйцамъ, ситцамъ и другимъ совершенно домашнимъ образцамъ потребительной цѣнности.

[10]) «Σωζειν» одно изъ характернѣйшихъ выраженій грековъ для накопленія сокровищъ. Точно такъ же англійское «to save» въ одно и то же время значитъ «спасать» и «сберегать».

[10а]) «Та безконечность, которой вещи не достигаютъ въ поступательномъ движеніи, достигается ими въ обращеніи». (Galiani).

ныя формы существованія самой цѣнности, причемъ деньги являются общей, товаръ же особенной, такъ сказать, замаскированной формой ея существованія [11]). Цѣнность постоянно переходитъ изъ одной формы въ другую, не теряясь въ этомъ движеніи, и превращается, такимъ образомъ, въ какого-то автомата. Если останавливаться на особенныхъ формахъ проявленія, которыя попеременно принимаетъ возрастающая цѣнность въ круговоротѣ своей жизни, то придешь къ обычнымъ объясненіямъ: капиталъ—деньги, капиталъ—товаръ [12]). Въ дѣйствительности же цѣнность здѣсь становится субъектомъ процесса, въ которомъ она, вслѣдствіе постояннаго попеременнаго появленія ея то въ формѣ денегъ, то въ формѣ товара, измѣняетъ самую свою величину, отдѣляется въ качествѣ прибавочной цѣнности отъ себя самой, какъ отъ первоначальной цѣнности, т.-е. самовозрастаетъ. Ибо движеніе, въ которомъ къ цѣнности прибавляется прибавочная цѣнность, есть собственное движеніе цѣнности, ея возрастаніе есть самовозрастаніе. Цѣнность пріобрѣла таинственную и скрытую способность порождать цѣнность въ силу того, что она сама есть цѣнность. Она родитъ живыхъ дѣтенышей, или, по крайней мѣрѣ, несетъ золотыя яйца.

Въ охарактеризованномъ выше процессѣ, цѣнность оказывается дѣятелемъ, постоянно выходящимъ изъ своихъ собственныхъ границъ: то принимая денежную и товарную форму, то сбрасывая ее, она при всѣхъ этихъ перемѣнахъ сохраняетъ самое себя и растетъ и, въ силу этого, нуждается прежде всего въ самостоятельной формѣ, посредствомъ которой можетъ быть констатировано ея тождество съ ней самой. Только деньги представляютъ такую форму. Онѣ, поэтому образуютъ исходную точку и конечную цѣль всякаго процесса возрастанія или самовозрастанія цѣнности. Она составляла 100 ф. ст., теперь она равняется 110 ф. ст. и т. д. Но сами деньги являются здѣсь только одной изъ формъ цѣнности, ибо цѣнность имѣетъ двѣ формы. Не принявъ формы товара, деньги не становятся капиталомъ. Деньги не выступаютъ здѣсь враждебно противъ товара, какъ при накопленіи сокровищъ. Капиталистъ знаетъ, что всѣ товары, какой бы затасканный видъ они ни имѣли и какой бы дурной запахъ они ни издавали, представляютъ деньги «по духу и истинѣ», что это, такъ сказать, евреи «внутренняго обрѣзанія» и къ тому же—чудодѣйственное средство изъ денегъ дѣлать еще больше денегъ.

Если въ простомъ обращеніи цѣнность товаровъ, противополагаясь ихъ потребительной цѣнности, получаетъ въ лучшемъ случаѣ самостоятельную форму денегъ, то здѣсь она вдругъ является непрерывной, самодвижущейся субстанціей, для которой товаръ и деньги—только формы ея. Болѣе того. Вмѣсто того, чтобы представлять отношенія между товарами, теперь цѣнность вступаетъ, такъ сказать, въ частное отношеніе къ самой себѣ. Какъ первоначальная цѣнность,

---

[11]) «Не вещи составляютъ капиталъ, а цѣнность этихъ вещей». (J. B. Say; Traité d'Econ. Polit. 2-ème édit. Paris 1817. t. I, p. 428).

[12]) «Деньги (currency) (!), употребленныя съ производительною цѣлью, составляютъ капиталъ». (Mac Leod: «The Theory and Practice of Banking. London. 1855», v. I, c. 1). «Капиталъ это товары». (James. Mill: «Elements of Pol. Econ. Lond. 1821», p. 74).

она отличается отъ себя самой, какъ отъ прибавочной цѣнности; тутъ два лица, но они «едино суть», ибо только чрезъ прибавочную цѣнность въ 10 ф. ст. авансированные 100 ф. ст. становятся капиталомъ, а какъ только они стали капиталомъ, всякая разница исчезаетъ, объ суммы составляютъ одну, 110 ф. ст.

Цѣнность становится, такимъ образомъ, цѣнностью развивающейся, деньгами непрерывно движущимися и, какъ таковыя,—капиталомъ. Она (цѣнность) выходитъ изъ обращенія, опять вступаетъ въ него, сохраняется и умножается въ этомъ процессѣ, выходитъ изъ него въ увеличенномъ видѣ и снова начинаетъ тотъ же самый круговоротъ [13]). Д—Д′, деньги, порождающія деньги—money which begets money—таково опредѣленіе капитала въ устахъ его первыхъ толмачей—меркантилистовъ.

Покупка для продажи, или полнѣе, покупка для продажи по болѣе дорогой цѣнѣ, Д—Т—Д′, кажется, правда, формой, свойственной только одного рода капиталу, торговому капиталу. Но и промышленный капиталъ также составляетъ деньги, превращающіяся въ товаръ, который, вслѣдствіе продажи, снова превращается въ большее количество денегъ. Акты, происходящіе между покупкой и продажей внѣ сферы обращенія, нисколько не измѣняютъ этой формы движенія. Наконецъ, въ ссудномъ (приносящемъ проценты) капиталѣ обращеніе Д—Т—Д′ является сокращеннымъ. Результатъ здѣсь на лицо безъ посредствующаго звена, онъ выраженъ, такъ сказать, лапидарнымъ слогомъ, въ видѣ Д—Д′, денегъ, равныхъ большему количеству денегъ, цѣнности, которая больше самой себя.

Итакъ, Д—Т—Д′ представляетъ въ дѣйствительности всеобщую формулу капитала, какимъ онъ непосредственно является въ сферѣ обращенія.

2. Противорѣчія общей формулы.

Форма обращенія, въ которой деньги превращаются въ капиталъ, противорѣчитъ всѣмъ ранѣе развитымъ законамъ о сущности товара, цѣнности, денегъ и самого обращенія. Отъ простого товарнаго обращенія ее отличаетъ обратный порядокъ тѣхъ же самыхъ двухъ противоположныхъ процессовъ—продажи и покупки. Какимъ же образомъ такая чисто формальная разница производитъ магическую перемѣну въ природѣ этихъ процессовъ?

Болѣе того, этотъ обратный порядокъ существуетъ только для одного изъ трехъ дѣловыхъ людей, вступающихъ во взаимную сдѣлку. Какъ капиталистъ, я покупаю товаръ у A и передаю его B, между тѣмъ какъ въ качествѣ простого владѣльца товара, я продаю товаръ B, а затѣмъ покупаю товаръ у A. Для A и B этой разницы не существуетъ. Они выступаютъ только покупателями или продавцами товаровъ. Я самъ являюсь по отношенію къ нимъ каждый разъ или владѣльцемъ денегъ, или владѣльцемъ товара, покупателемъ или продавцомъ, и, притомъ, въ обѣихъ сдѣлкахъ я выступаю, по отношенію къ одному лицу, только какъ покупатель, по отношенію къ другому, только

[13]) «Капиталъ.... постоянная умножающаяся цѣнность» (Sismondi: Nouveaux Principes de l'Econ. Polit., t. I, p. 90).

какъ продавецъ; по отношенію къ первому—только какъ деньги, по отношенію ко второму—только какъ товаръ. Ни для одного изъ нихъ я не являюсь ни капиталомъ, ни капиталистомъ, ни представителемъ чего либо такого, что представляло бы нѣчто большее, нежели деньги или товаръ, или могло бы производить какое либо иное дѣйствіе, кромѣ того, которое свойственно деньгамъ или товару. Для меня покупка у *A* и продажа *B* составляютъ одинъ рядъ. Но связь между этими двумя актами существуетъ только для меня. *A* нѣтъ никакого дѣла до моей сдѣлки съ *B*, а *B* нѣтъ дѣла до моей сдѣлки съ *A*. Если бы я вздумалъ объяснять имъ свою особенную заслугу, состоящую въ перестановкѣ членовъ этого ряда, они бы мнѣ доказали, что я ошибаюсь относительно самого порядка актовъ, и что вся сдѣлка началась не покупкой и закончилась не продажей, а, наоборотъ, началась продажей и закончилась покупкой. И въ самомъ дѣлѣ, мой первый актъ,—покупка—былъ съ точки зрѣнія *A* продажей, а мой второй актъ,—продажа съ точки зрѣнія *B* былъ покупкой. Не довольствуясь этимъ, *A* и *B* заявятъ, что весь этотъ порядокъ сдѣлокъ совершенно излишенъ и простая потѣха. *A* будетъ продавать товаръ непосредственно *B*, а *B* будетъ его покупать непосредственно у *A*. Т.-е., вся сдѣлка низводится къ одностороннему акту обыкновеннаго товарнаго обращенія, съ точки зрѣнія *A*—къ простой продажѣ, и съ точки зрѣнія *B*—къ простой покупкѣ. Такимъ образомъ, измѣненіе послѣдовательности ряда не вывело насъ изъ сферы простого товарнаго обращенія. Намъ остается разсмотрѣть, допускаетъ ли обращеніе по своей природѣ возрастаніе входящихъ въ него цѣнностей, а слѣдовательно, образованіе прибавочной цѣнности.

Разсмотримъ процессъ обращенія въ такой формѣ, въ которой онъ является простымъ обмѣномъ товаровъ. Таковымъ онъ всегда бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оба владѣльца товаровъ покупаютъ другъ у друга товары, балансъ же ихъ взаимныхъ денежныхъ обязательствъ сводится въ срокъ платежа. Деньги служатъ здѣсь только счетными деньгами для выраженія цѣнности товаровъ въ ихъ цѣнѣ, но онѣ не противополагаются товарамъ въ вещной формѣ. Поскольку дѣло идетъ о потребительной цѣнности ясно, что оба лица, участвующія въ обмѣнѣ, могутъ быть въ выигрышѣ. Оба отчуждаютъ товары, которые безполезны для нихъ въ качествѣ потребительныхъ цѣнностей и получаютъ товары, нужные имъ для употребленія. И польза эта можетъ быть и не единственной. *A*, продающій вино и покупающій хлѣбъ, производитъ, можетъ быть, болѣе вина чѣмъ въ то же самое рабочее время могъ бы его произвести крестьянинъ *B*, а крестьянинъ *B* производитъ въ то же самое рабочее время больше хлѣба, чѣмъ произвелъ бы его винодѣлъ *A*. *A* получаетъ, такимъ образомъ, за ту же мѣновую цѣнность больше хлѣба, а *B* больше вина, чѣмъ безъ обмѣна, если бы каждый изъ нихъ долженъ былъ производить для самого себя хлѣбъ и вино. По отношенію къ потребительной цѣнности можно, такимъ образомъ, сказать, что «обмѣнъ есть сдѣлка, въ которой обѣ стороны выигрываютъ» [14]). Совсѣмъ не то съ мѣновой

[14]) «Обмѣнъ есть удивительная сдѣлка, въ которой оба контрагента выигрываютъ—всегда» (!). (Destutt de Tracy: Traité de la Volonté et de ses effets. Paris. 1826, p. 68). Та же книга впослѣдствіи появилась подъ заглавіемъ «Traité d'Ec. Pol.».

цѣнностью. «Человѣкъ, у котораго много вина, но нѣтъ хлѣба, вступаетъ въ торгъ съ человѣкомъ, у котораго много хлѣба, но нѣтъ вина, и между ними происходитъ обмѣнъ пшеницы, цѣнностью въ 50, на вино, цѣнностью въ 50. Этотъ обмѣнъ не представляетъ увеличенія мѣновой цѣнности ни для того, ни для другого контрагента, такъ какъ уже и до обмѣна каждый изъ нихъ обладалъ цѣнностью, равною той, которую онъ пріобрѣлъ посредствомъ этой операціи» [15]). Ничто не измѣняется отъ того, что между товаровъ становятся деньги, какъ средство обращенія, и актъ покупки и актъ продажи непосредственно и осязательно отдѣляются одинъ отъ другого [16]). Цѣнность товаровъ выражена въ ихъ цѣнахъ ранѣе, чѣмъ они вступаютъ въ обращеніе; она является его предпосылкой а не результатомъ [17]).

Если разсматривать простое товарное обращеніе абстрактно, т. е. не принимать во вниманіе обстоятельствъ, не вытекающихъ изъ его имманентныхъ законовъ, то, кромѣ замѣны одной потребительной цѣнности другою, въ немъ происходитъ только метаморфоза, простое измѣненіе формы товара. Та же самая цѣнность, т. е. то же самое количество овеществленнаго общественнаго труда, остается въ рукахъ того же самаго владѣльца товаровъ, сначала въ видѣ его собственнаго товара, затѣмъ въ формѣ денегъ, въ которыя онъ превратился, наконецъ, въ формѣ товара, въ который опять превратились деньги. Это измѣненіе формы не заключаетъ въ себѣ никакого измѣненія величины цѣнности. Измѣненіе, которое претерпѣваетъ цѣнность самого товара въ этомъ процессѣ, ограничивается измѣненіемъ ея денежной формы. Она существуетъ сначала въ видѣ цѣны имѣющагося для продажи товара, затѣмъ въ видѣ денежной суммы, которая уже была выражена въ цѣнѣ, наконецъ, въ видѣ цѣны эквивалентнаго товара. Это измѣненіе формы само по себѣ столь же мало представляетъ измѣненіе величины цѣнности, какъ размѣнъ билета въ 5 ф. ст. на соверены, полусоверены и шиллинги. Поскольку, слѣдовательно, обращеніе товара обусловливаетъ лишь измѣненіе формы цѣнности его, оно обусловливаетъ если процессъ происходитъ въ чистомъ видѣ, обмѣнъ эквивалентовъ. И сама вульгарная экономія, въ силу этого, какъ ни мало она догадывается, что такое цѣнность, каждый разъ, когда она на свой ладъ стремится изучать это явленіе въ чистомъ видѣ, предполагаетъ, что спросъ и предложеніе взаимно уравновѣшиваются, т. е. что дѣйствіе ихъ вообще прекращается Если, такимъ образомъ, по отношенію къ потребительной цѣнности оба участника обмѣна могутъ выигрывать, то по отношенію къ мѣновой цѣнности оба выигрывать не могутъ. Здѣсь, наоборотъ, можно сказать: «гдѣ есть равенство, тамъ нѣтъ прибыли» [18]). Товары, правда, могутъ продаваться по цѣнамъ, отклоняющимся отъ ихъ цѣнности, но это отклоненіе является нарушеніемъ за-

---

[15]) Mercier de la Rivière, l. c. p. 544.

[16]) «Представляетъ ли одинъ изъ этихъ двухъ товаровъ деньги, или они оба обыкновенные товары, само по себѣ совершенно безразлично». (Mercier de la Rivière, l. c. p. 543).

[17]) «Не контрагенты назначаютъ цѣнность: она уже опредѣлена до сдѣлки» (Le Trosne, p. 906).

[18]) «Dove è egualità, non è lucro». (Galiani: «Della Moneta, въ Custodi: Parte. Moderne, t. IV, p. 244).

кона обмѣна товаровъ [19]). Въ своемъ чистомъ видѣ обмѣнъ товаровъ есть обмѣнъ эквивалентовъ и, слѣдовательно, не составляетъ средства обогащаться превращеніемъ цѣнности [20]).

За попытками представить товарное обращеніе источникомъ прибавочной цѣнности скрывается, поэтому, по большей части quid pro quo, смѣшеніе цѣнности потребительной и мѣновой. Такъ, напр., мы читаемъ у Кондильяка: «Невѣрно, будто при товарномъ обмѣнѣ обмѣниваютъ одну цѣнность на другую равную цѣнность. Наоборотъ, каждый изъ обоихъ контрагентовъ даетъ всегда меньшую цѣнность за большую... Въ самомъ дѣлѣ, если бы всегда обмѣнивались равныя цѣнности, то ни одинъ изъ контрагентовъ никогда не получалъ бы прибыли. Но оба они получаютъ прибыль, или должны, по крайней мѣрѣ, получать ее. Почему же это? Потому что вещи имѣютъ цѣнность лишь въ отношеніи къ нашимъ потребностямъ и, что больше для одного, будетъ меньше для другого и наоборотъ. ...Никто не считаетъ, что мы пускаемъ въ продажу предметы, необходимые для нашего потребленія... Мы желаемъ отдать безполезную для насъ вещь, чтобы получить такую, которая намъ необходима; мы желаемъ отдать меньшее за большее. ...Естественно было судить, что въ обмѣнѣ даютъ одну цѣнность за другую, равную ей цѣнность, всякій разъ, когда каждый изъ обмѣниваемыхъ предметовъ по цѣнности равнялся такому же самому количеству денегъ. ...Но нужно принять въ расчетъ еще одно соображеніе: нужно знать, обмѣниваемъ ли мы оба нашъ излишекъ на необходимый предметъ» [21]). Мы видимъ, что Кондильякъ не только смѣшиваетъ потребительную и мѣновую цѣнность, но по истинѣ ребячески на мѣсто общества съ развитымъ товарнымъ производствомъ подставляетъ такое общество, гдѣ производитель самъ производитъ свои средства существованія, а въ обращеніе пускаетъ только излишекъ надъ своимъ потребленіемъ [22]). Однако, аргументъ Кондильяка часто повторяется современными экономистами именно тогда, когда имъ нужно представить разви-

---

[19]) «Обмѣнъ становится невыгоднымъ для одной изъ сторонъ, когда какое нибудь постороннее обстоятельство уменьшаетъ или увеличиваетъ цѣну: равенство тогда нарушено, но нарушеніе происходитъ отъ этой посторонней причины, а не отъ обмѣна». (Le Trosne, l. c. p. 904).

[20]) «Обмѣнъ по своей природѣ есть договоръ равенства, гдѣ за одну цѣнность даютъ равную ей цѣнность. Онъ, слѣдовательно, не средство обогащенія, такъ какъ даютъ столько, сколько получаютъ». (Le Trosne, l. c. p. 903).

[21]) Condillac: «Le Commerce et le Gouvernement» (1776). Edit. Daire et Molinari въ «Mélanges d'Economie Politique. Paris 1847», p. 267.

[22]) Le Trosne, поэтому, очень вѣрно возражаетъ своему другу Кондильяку «Въ организованномъ обществѣ нѣтъ никакого излишка». Въ то же время онъ поздравляетъ его, замѣчая, что «если оба лица, участвующія въ обмѣнѣ, въ равной мѣрѣ получаютъ больше, чѣмъ отдаютъ, то оба они получаютъ равныя величины». Такъ какъ Кондильякъ не имѣетъ еще ни малѣйшаго представленія о сущности мѣновой цѣнности, то онъ самый подходящій авторитетъ для господина профессора Вильгельма Рошера съ его ребяческими понятіями объ этомъ предметѣ. См. его: «Die Grundlagen der Nationalökonomie. Dritte Auflage. 1858».

тую форму товарнаго обмѣна, т. е. торговлю, источникомъ прибавочной цѣнности. «Торговля», говорятъ они, напр., «прибавляетъ къ продуктамъ цѣнность, такъ какъ тѣ же самые продукты имѣютъ больше цѣнности въ рукахъ потребителя, чѣмъ въ рукахъ производителя; поэтому, строго говоря (strictly), торговлю нужно разсматривать какъ актъ производства» [33]). Но товары не оплачиваются дважды: одинъ разъ за ихъ потребительную цѣнность и другой разъ за ихъ цѣнность. Если потребительная цѣнность товара полезнѣе для покупателя, нежели для продавца, то денежная форма товара полезнѣе продавцу, чѣмъ покупателю. Въ противномъ случаѣ онъ не продавалъ бы товара. Точно также можно было бы сказать, что покупатель, строго говоря (strictly), исполняетъ «актъ производства», когда онъ превращаетъ, напр., чулки купца въ деньги.

Когда обмѣниваются товары, или товары и деньги одинаковой мѣновой цѣнности, т. е. эквиваленты, то, очевидно, никто не извлекаетъ изъ обращенія больше цѣнности, нежели пустилъ въ него. Тогда не происходитъ никакого образованія прибавочной цѣнности. Въ чистомъ видѣ процессъ обращенія товаровъ обусловливаетъ собой обмѣнъ эквивалентовъ. Тѣмъ не менѣе въ дѣйствительности процессъ этотъ происходитъ не въ чистомъ видѣ. Представимъ себѣ, поэтому, обмѣнъ не-эквивалентовъ.

Во всякомъ случаѣ, на товарномъ рынкѣ одинъ товаровладѣлецъ противостоитъ другому, и власть, которую эти лица имѣютъ другъ надъ другомъ, есть только власть ихъ товаровъ. Вещественное различіе товаровъ есть матеріальный мотивъ обмѣна и ставитъ товаровладѣльцевъ во взаимную зависимость: ни одинъ изъ нихъ не держитъ въ рукахъ предмета своей собственной потребности, и каждый держитъ предметъ потребности другого. Кромѣ этого вещественнаго различія товаровъ, какъ потребительныхъ цѣнностей, существуетъ только еще одно различіе между ними, различіе между ихъ естественной формой и ихъ превращенной формой, т. е. между товаромъ и деньгами. Точно также и товаровладѣльцы различаются между собой только какъ продавцы—владѣльцы товаровъ, и какъ покупатели—владѣльцы денегъ.

Предположимъ теперь, что вслѣдствіе какой-нибудь необъяснимой привилегіи продавцу удается продать свой товаръ выше его цѣнности, за 110, когда онъ равноцѣненъ 100, т. е. съ номинальнымъ повышеніемъ цѣны на 10%. Продавецъ получаетъ, такимъ образомъ, прибавочную цѣнность въ 10. Но послѣ того, какъ онъ былъ продавцомъ, онъ становится покупателемъ. Онъ встрѣчаетъ теперь третьяго товаровладѣльца въ качествѣ продавца, который, съ своей стороны, пользуется привилегіей продавать товаръ на 10% дороже. Нашъ знакомый, какъ продавецъ, выигралъ 10% для того, чтобы проиграть ихъ, какъ покупатель [34]). Въ результатѣ въ дѣйствительности происходитъ то, что всѣ товаровладѣльцы продаютъ другъ другу свои товары на 10% выше ихъ цѣн-

[33]) S. P. Newman: «Elements of Polit. Econ. Andover and New-York, 1835». p. 175.

[34]) «Вслѣдствіе увеличенія номинальной цѣнности продукта... продавцы не обогащаются... такъ какъ то, что они выигрываютъ въ качествѣ продавцовъ, они снова теряютъ въ качествѣ покупателей». («The Essential Principles of the Wealth of Nations etc. London, 1797». p. 66).

ности, а это равносильно тому, что они продаютъ ихъ по дѣйствительной цѣнности. Такое всеобщее номинальное повышеніе цѣны товаровъ производитъ то же дѣйствіе, какъ если бы цѣнность товаровъ опѣнивалась, напр., въ серебрѣ вмѣсто золота. Денежныя выраженія, т. е. цѣны товаровъ поднялись бы, но ихъ отношенія цѣнности остались бы безъ измѣненія.

Предположимъ, наоборотъ, что покупатель имѣетъ привилегію покупать товары ниже ихъ цѣнности. Здѣсь почти лишнее напоминать, что покупатель, въ свою очередь, становится продавцомъ. Онъ былъ продавцомъ прежде, чѣмъ онъ сталъ покупателемъ. Онъ уже потерялъ 10% въ качествѣ продавца, прежде чѣмъ онъ выигралъ 10% въ качествѣ покупателя [25]). Все опять остается по старому.

Такимъ образомъ, созданіе прибавочной цѣнности и, стало быть, превращеніе денегъ въ капиталъ не можетъ быть объяснено ни тѣмъ, что продавцы продаютъ свои товары выше ихъ цѣнности, ни тѣмъ, что покупатели покупаютъ ихъ ниже цѣнности [26]).

Задача нисколько не упростится отъ того, что мы контрабандой введемъ въ наше объясненіе отношенія, чуждыя простому обращенію товаровъ, и скажемъ, напр., вмѣстѣ съ полковникомъ Торренсомъ: «Дѣйствительный спросъ состоитъ въ возможности для потребителей и ихъ склонности (!) непосредственнымъ или посредственнымъ обмѣномъ отдавать за товары извѣстную часть всѣхъ составныхъ частей капитала, большую, чѣмъ стоитъ ихъ производство» [27]). Въ обращеніи производители и потребители противостоятъ другъ другу только какъ продавцы и покупатели. Говорить, что прибавочная цѣнность для производителя происходитъ отъ того, что потребители платятъ за товары выше ихъ цѣнности, значитъ лишь въ замаскированномъ видѣ утверждать, что владѣлецъ товаровъ обладаетъ, въ качествѣ продавца, привилегіей продавать по слишкомъ дорогой цѣнѣ. Продавецъ самъ производитъ товаръ или заступаетъ мѣсто его производителя; но и покупатель точно также или самъ производитъ товаръ, выраженный въ его деньгахъ, или заступаетъ мѣсто производителя этого товара. Такимъ образомъ, одинъ производитель противостоитъ другому. Отличаются они другъ отъ друга тѣмъ, что одинъ покупаетъ, а другой продаетъ. То обстоятельство, что товаровладѣлецъ, подъ именемъ производителя, продаетъ товары выше ихъ цѣнности, а подъ именемъ потребителя, платитъ за нихъ дороже, чѣмъ слѣдовало бы не подвигаетъ насъ ни на шагъ впередъ въ дѣлѣ объясненія прибавочной цѣнности [28]).

[25]) «Если кто-нибудь принужденъ отдать за 18 ливровъ такое количество продукта, которое стоитъ 24, то, когда онъ на тѣ же деньги будетъ покупать, онъ точно также за 18 ливровъ получитъ то, за что раньше платилъ 24». (Le Trosne, l. c. p. 897).

[26]) «Каждый продавецъ можетъ постоянно продавать свои товары дороже, только соглашаясь самъ постоянно платить дороже за товары другихъ продавцовъ; по той же причинѣ каждый потребитель можетъ постоянно платить дешевле за то, что онъ покупаетъ, только если онъ самъ подчинится подобному же пониженію цѣны предметовъ, которые онъ продаетъ». (Mercier de la Rivière, l. c. p. 555).

[27]) R. Torrens: «An Essay on the Production of Wealth». London 1821. p. 349.

[28]) «Идея о прибыли, уплоченной потребителями, конечно, очень нелѣпа. Кто такіе потребители?» (G. Ramsay; «An Essay on the Distribution of Wealth. Edinburgh. 1836». p. 184).

Послѣдовательные защитники той иллюзіи, что прибавочная цѣнность происходитъ отъ номинальнаго повышенія цѣны или изъ привилегіи продавца продавать товары слишкомъ дорого, предполагаютъ, поэтому, существованіе класса, который только покупаетъ, не продавая, слѣдовательно, только потребляетъ, ничего не производя. Съ той точки зрѣнія, на которой мы до сихъ поръ стояли, т. е. съ точки зрѣнія простого обращенія, существованіе такого класса еще необъяснимо. Но заглянемъ впередъ. Деньги, на которыя этотъ классъ постоянно покупаетъ, должны притекать къ нему постоянно отъ самихъ товаровладѣльцевъ, безъ обмѣна, даромъ, въ силу какого-нибудь права или насилія. Продавать этому классу товары выше ихъ цѣнности—значитъ только обманнымъ путемъ оттягивать въ свою пользу часть даромъ отданныхъ денегъ [29]). Такъ малоазійскіе города платили, напр., ежегодную денежную дань древнему Риму. На эти деньги Римъ покупалъ у нихъ товары и платилъ за нихъ дороже, чѣмъ слѣдовало. Малоазійцы надували римлянъ, отнимая у побѣдителей часть своей дани путемъ торговли. Тѣмъ не менѣе обманутыми все же оставались малоазійцы. Товары ихъ по прежнему оплачивались ихъ собственными деньгами. Это очень плохой методъ обогащенія или образованія прибавочной цѣнности.

Будемъ, поэтому, держаться въ границахъ обмѣна товаровъ, гдѣ продавцы являются покупателями, а покупатели продавцами. Затрудненіе наше происходитъ, можетъ быть, отъ того, что мы разсматривали людей не индивидуально, а принимали ихъ за олицетворенныя категоріи.

Товаровладѣлецъ A можетъ быть ловкимъ плутомъ и надуть своихъ товарищей B или C., между тѣмъ какъ они, при всемъ своемъ желаніи, не могутъ отплатить ему тѣмъ же. A продаетъ вино, цѣнностью въ 40 ф. ст. B и пріобрѣтаетъ въ обмѣнъ хлѣбъ, цѣнностью въ 50 ф. ст. A превратилъ свои 40 ф. ст. въ 50 ф. ст., сдѣлалъ изъ меньшей суммы денегъ большую и превратилъ, такимъ образомъ, свой товаръ въ капиталъ. Разсмотримъ вопросъ ближе. До обмѣна мы имѣли на 40 ф. ст. вина въ рукахъ A и на 50 ф. ст. хлѣба въ рукахъ B, всего цѣнностью въ 90 ф. ст. Послѣ обмѣна мы имѣемъ ту же самую общую цѣнность въ 90 ф. ст. Обращающаяся цѣнность не увеличилась ни на одинъ атомъ, но распредѣленіе ея между A и B измѣнилось. Придатку цѣнности (прибавочной цѣнности) на одной сторонѣ, на другой соотвѣтствуетъ нѣкоторое уменьшеніе цѣнности, т.-е. на одной сторонѣ является плюсъ, а на другой минусъ. То же измѣненіе произошло бы и тогда, если бы A, не скрывая своего образа дѣйствія подъ маской обмѣна прямо укралъ у B 10 ф. ст. Сумма обращающихся цѣностей, очевидно, не можетъ увеличиться вслѣдствіе измѣненія въ ихъ распредѣленіи, точно такъ же, какъ евреи не увеличиваютъ количе-

[29]) «Когда товаровладѣлецъ терпитъ отъ недостатка спроса, неужели г-нъ Мальтусъ посовѣтуетъ ему дать денегъ какому-нибудь другому лицу, чтобы тотъ могъ купить у него товары?»—спрашиваетъ одинъ негодующій рикардіанецъ Мальтуса, который, какъ и его ученикъ, попъ Чомерсъ (Chalmers), проповѣдуетъ экономическое значеніе класса исключительныхъ покупателей или потребителей. См.: «An Inquiry into those principles respecting the Nature of Demand and the Necessity of Consumption, lately advocated by Mr. Malthus» etc. London, 1821, p. 55.

ства благородныхъ металловъ въ странѣ тѣмъ, что продаетъ фартингъ временъ королевы Анны за гинею. Весь классъ капиталистовъ данной страны въ его цѣломъ не можетъ наживаться на свой собственный счетъ [30]).

Какъ бы мы ни изворачивались, дѣло нисколько не измѣняется. Если обмѣниваются эквиваленты, то не образуется никакой прибавочной цѣнности, если же обмѣниваются неэквиваленты, то тоже не образуется никакой прибавочной цѣнности [31]). Обращеніе или товарный обмѣнъ не создаетъ цѣнности [32]).

Понятно, поэтому, почему въ нашемъ анализѣ основной формы капитала, формы, въ которой онъ опредѣляетъ собою экономическую организацію современнаго общества, мы пока оставляемъ безъ вниманія его популярныя, такъ сказать, донотошныя формы: торговый капиталъ и ростовщическій капиталъ.

Въ собственно торговомъ капиталѣ, т.-е. покупкѣ для продажи по болѣе высокой цѣнѣ, форма Д—Т—Д является въ наиболѣе чистомъ видѣ. Съ другой стороны, все его движеніе происходитъ внутри сферы обращенія. Но такъ какъ невозможно объяснить самимъ обращеніемъ превращеніе денегъ въ капиталъ, т.-е. образованіе прибавочной цѣнности, то торговый капиталъ является невозможнымъ, разъ обмѣниваются эквиваленты [33]). И, поэтому, существованіе его можетъ быть объяснено только при допущеніи двусторонняго обмана покупающихъ и продающихъ товаропроизводителей становящимся между ними паразитомъ-купцомъ. Въ этомъ смыслѣ Франклинъ говоритъ: «Война есть грабежъ, а торговля—надувательство» [34]). Для объясненія возрастанія торговаго

[30]) Destutt de Tracy, хотя и членъ института, а, можетъ быть, именно потому, былъ противоположнаго мнѣнія. Промышленные капиталисты, говоритъ онъ, получаютъ свою прибыль отъ того, что «они всѣ предметы продаютъ дороже, чѣмъ стоило ихъ производство. Но кому же они продаютъ ихъ? Во-первыхъ, другъ другу». (l. c. p. 239).

[31]) «Обмѣнъ, происходящій между двумя равными цѣнностями, не увеличиваетъ и не уменьшаетъ суммы цѣнностей, находящихся въ обществѣ. Обмѣнъ же двухъ неравныхъ цѣнностей... точно также не измѣняетъ суммы общественныхъ цѣнностей, хотя онъ прибавляетъ къ состоянію одного то, что отнимаетъ у другого». (J. B. Say, l. c. t. I, p. 434, 435). Say, относящійся, конечно, вполнѣ безразлично къ выводамъ изъ этого предложенія, заимствуетъ его почти буквально у физіократовъ. Для характеристики того, какъ онъ для увеличенія своей собственной «цѣнности» эксплуатировалъ сочиненія этихъ писателей, въ его время почти забытыя, можетъ служить слѣдующій примѣръ. Знаменитое положеніе monsieur Say: «On n'achète des produits qu'avec des produits»—продукты покупаются только на продукты (l. c. t. II p. 438) въ оригиналѣ у физіократовъ гласитъ: «Les produits ne se paient qu' avec des produits». (Le Trosne l. c. p. 899).

[32]) «Обмѣнъ не прибавляетъ къ продукту никакой цѣнности». (F. Wayland: «The Elements of. Pol. Econ. Boston. 1853», p. 168).

[33]) «При господствѣ неизмѣнныхъ эквивалентовъ торговля была бы невозможна» (G. Opdyke: «A. Treatise on polit. economy. New-Iork. 1851», p. 69). «Въ основаніи различія между реальной цѣнностью и мѣновой цѣнностью лежитъ тотъ фактъ, что цѣнность предмета отличается отъ такъ называемаго эквивалента, даваемаго за него въ торговлѣ, т.-е. что этотъ эквивалентъ вовсе не есть эквивалентъ». (F. Engels, l. c. p. 96).

[34]) Benjamin Franklin: Works, vol II, edit. Sparks въ: «Positions to be examined concerning National Wealth».

капитала не простымъ надувательствомъ товаропроизводителей требуется длинный рядъ промежуточныхъ членовъ, которые здѣсь, гдѣ въ основу нашихъ разсужденій положены товарное обращеніе и его простѣйшіе моменты, еще совершенно отсутствуютъ.

Все, что мы говорили о торговомъ капиталѣ, еще болѣе относится къ ростовщическому капиталу. Въ торговомъ капиталѣ крайніе члены, т.-е. деньги, брошенныя на рынокъ и умноженныя деньги, извлеченныя съ рынка, имѣютъ, по крайней мѣрѣ, посредствующія звенья въ покупкѣ и продажѣ, въ движеніи обращенія. Въ ростовщическомъ же капиталѣ форма Д—Т—Д′ является сокращенною до однихъ только крайнихъ членовъ, безъ промежуточнаго средняго, это Д—Д′, деньги, обмѣнивающіяся на большее количество денегъ; форма эта противорѣчитъ природѣ денегъ, и въ силу этого необъяснима съ точки зрѣнія товарнаго обмѣна. Аристотель, поэтому, говоритъ: «Такъ какъ хрематистика есть двойная наука, одной стороной относящаяся къ торговлѣ, а другой къ экономикѣ,—въ послѣднемъ отношеніи она необходима и заслуживаетъ похвалы, въ первомъ же отношеніи основана на обращеніи и по справедливости порицается (ибо она покоится не на природѣ вещей, а на взаимномъ обманѣ),—то ростовщичество съ полнымъ правомъ возбуждаетъ ненависть, потому что сами деньги служатъ здѣсь источникомъ пріобрѣтенія и не употребляются для того, для чего онѣ были изобрѣтены. Деньги появились для обмѣна товаровъ, процентъ же дѣлаетъ изъ денегъ больше денегъ. Отсюда и его названіе (τόκος—процентъ и приплодъ). Ибо дѣти похожи на родителей. Но процентъ это деньги отъ денегъ, такъ что изъ всѣхъ промысловъ ростовщичество наиболѣе противно природѣ» [35]).

Продолжая наше изслѣдованіе, мы найдемъ какъ торговый капиталъ, такъ и ростовщическій въ видѣ производныхъ формъ капитала и въ то же время мы увидимъ, почему исторически они появляются ранѣе современной основной формы капитала.

Такимъ образомъ выяснилось, что прибавочная цѣнность не можетъ произойти изъ обращенія, и что, поэтому, при ея образованіи за ея спиной должно происходить нѣчто такое, чего въ ней самой незамѣтно [36]). Но можетъ ли прибавочная цѣнность произойти изъ чего нибудь другого, а не изъ обращенія? Обращеніе есть сумма всѣхъ товарныхъ отношеній между владѣльцами товаровъ. Внѣ обращенія, товаровладѣлецъ находится еще въ отношеніи только къ своему собственному товару. Что касается цѣнности товара, то отношеніе это ограничивается тѣмъ, что въ немъ, въ товарѣ содержится извѣстное количество собственнаго труда товаровладѣльца, измѣряемое по опредѣленнымъ общественнымъ законамъ. Это количество труда выражается въ величинѣ цѣнности его товара, и такъ какъ величина цѣнности выражается въ счетныхъ деньгахъ, то—въ цѣнѣ, напр., въ 10 ф. ст. Но трудъ его не овеществляется и въ цѣнности товара, и въ излишкѣ сверхъ его цѣнности, не выражается въ цѣнѣ=10, которая въ

[35]) Arist. l. c. гл. 10.

[36]) «Прибыль, при обыкновенныхъ условіяхъ рынка, не происходитъ изъ обмѣна. Если бы она не существовала ранѣе, ничто не могло бы создать ее послѣ этой сдѣлки». (Ramsay, l. c. p. 184).

то же самое время составляла бы и 11, т. е. не образуетъ цѣнности, которая была бы больше самой себя. Товаровладѣлецъ можетъ своимъ трудомъ создавать цѣнности, но не самовозрастающія цѣнности. Онъ можетъ возвысить цѣнность товара, прибавляя новымъ трудомъ къ существующей цѣнности новую цѣнность, напр., дѣлая изъ кожи сапоги. Тотъ же самый матеріалъ имѣетъ теперь большую цѣнность, такъ какъ онъ содержитъ большее количество труда. Сапогъ, поэтому, имѣетъ большую цѣнность, чѣмъ кожа, но цѣнность кожи въ сапогѣ осталась та же самая. Она не возрасла, во время производства сапогъ къ ней не прироста прибавочная цѣнность. Такимъ образомъ, товаропроизводитель, внѣ сферы обращенія, не входя въ соприкосновеніе съ другими товаровладѣльцами, не можетъ увеличивать цѣнность и потому не въ силахъ превращать деньги или товаръ въ капиталъ.

Капиталъ не можетъ, стало быть, происходить изъ обращенія, но онъ точно также не можетъ не происходить изъ обращенія. Онъ въ одно и то же время долженъ возникать въ обращеніи и не въ обращеніи.

Мы получаемъ, такимъ образомъ, двойной результатъ.

Превращеніе денегъ въ капиталъ должно быть развито на основаніи имманентныхъ законовъ обмѣна товаровъ, а исходной точкой его долженъ быть взятъ обмѣнъ эквивалентовъ [37]). Нашъ владѣлецъ денегъ, представляющій еще только гусеницу капиталиста, долженъ покупать товары по ихъ цѣнности, продавать ихъ тоже по цѣнности и все таки, въ концѣ процесса, извлекать изъ обращенія больше цѣнности, чѣмъ онъ въ него пустилъ. Превращеніе этой гусеницы въ бабочку должно происходить въ сферѣ обращенія и въ то же время не въ ней. Таковы условія задачи. Hic Rhodus, hic salta!

---

[37]) Сказанное нами, какъ пойметъ читатель, означаетъ только, что образованіе капитала должно быть возможно и тогда, когда цѣна товара равна цѣнности товара. Оно не можетъ быть объяснено отклоненіемъ товарныхъ цѣнъ отъ цѣнности товаровъ. Если цѣны въ дѣйствительности отклоняются отъ цѣнности, то нужно ихъ сначала привести къ послѣдней, т. е. не принимать въ расчетъ это обстоятельство, какъ чисто случайное, и имѣть предъ собою феноменъ образованія капитала на основаніи товарнаго обмѣна въ его чистомъ видѣ, и въ изученіи этого явленія не путаться равными посторонними обстоятельствами, чуждыми основному процессу. Извѣстно, впрочемъ, что приведеніе это (цѣны къ цѣнности) не представляетъ ни въ какомъ случаѣ исключительно научнаго, методологическаго пріема. Постоянныя колебанія рыночныхъ цѣнъ, ихъ повышеніе и пониженіе, покрываютъ одно другое, взаимно уничтожаются и сами приводятся къ средней цѣнѣ, какъ къ своей внутренней нормѣ. Эта средняя цѣна составляетъ путеводную звѣзду, напр., купца или промышленника въ каждомъ предпріятіи, охватывающемъ продолжительный промежутокъ времени. Онъ знаетъ, слѣдовательно, что, если разсматривать въ цѣломъ длинный промежутокъ времени, то товары никогда не продаются ни ниже, ни выше ихъ цѣны, а всегда по своей средней цѣнѣ. Если бы безпристрастное мышленіе было въ интересахъ капиталиста, то проблема образованія капитала представилась бы ему въ слѣдующемъ видѣ: Какъ можетъ образоваться капиталъ при регулированіи цѣнъ средней цѣной, т. е. въ конечномъ счетѣ—цѣнностью товара? Я говорю «въ конечномъ счетѣ»,—такъ какъ средніе цѣны не совпадаютъ прямо съ величиной цѣнности товаровъ, какъ это полагаютъ А. Смитъ, Рикардо и др.

3) Покупка и продажа рабочей силы.

Измѣненіе цѣнности деней, долженствующихъ превратиться въ капиталъ, не можетъ произойти въ нихъ самихъ, потому что, какъ покупательное и платежное средство, они реализуютъ только цѣну товара, который на нихъ покупаютъ или за который имъ платятъ, и въ то же время, сохраняя свою собственную форму, какъ бы застываютъ на подобіе окаменѣлости въ данной величинѣ цѣнности [34]). Точно также измѣненіе, это не можетъ произойти изъ второго акта обращенія—перепродажи товара,—ибо этотъ актъ только превращаетъ товаръ изъ его естественной формы обратно въ денежную форму. Измѣненіе должно, слѣдовательно, совершаться съ товаромъ, который покупается въ первомъ актѣ Д—Т, но не съ цѣнностью этого товара, такъ какъ обмѣниваются эквиваленты, т. е. товаръ оплачивается по его цѣнности. Измѣненіе, такимъ образомъ, можетъ произойти только изъ потребительной цѣнности этого товара, какъ таковой, т. е. изъ его потребленія. Для того, чтобы извлекать изъ потребленія товара цѣнность, нашъ владѣлецъ деней долженъ быть настолько счастливъ, чтобы открыть внутри сферы обращенія, на рынкѣ, такой товаръ, потребительная цѣнность котораго обладала бы особеннымъ свойствомъ рождать цѣнность, товаръ, дѣйствительное потребленіе котораго само было бы овеществленіемъ труда и, стало быть, созданіемъ цѣнности. И владѣлецъ деней дѣйствительно находитъ на рынкѣ такой специфическій товаръ — способность къ труду (Arbeitsvermogen) или рабочую силу.

Подъ рабочей силой или подъ способностью къ труду (Arbeitsvermögen) мы разумѣемъ сумму физическихъ и умственныхъ способностей, существующихъ въ живой плоти и живой личности человѣка, и приводимыхъ имъ въ движеніе всякій разъ, когда онъ производитъ какія нибудь потребительныя цѣнности.

Однако, для того, чтобы владѣлецъ деней находилъ на рынкѣ рабочую силу въ видѣ товара, должны быть заранѣе выполнены различныя условія. Обмѣнъ товаровъ, самъ по себѣ, не содержитъ никакихъ отношеній зависимости, кромѣ тѣхъ, которыя вытекаютъ изъ его собственной природы. При этомъ предположеніи рабочая сила можетъ появиться на рынкѣ въ качествѣ товара лишь постольку, поскольку и лишь потому, что владѣлецъ ея, лицо, рабочую силу котораго она представляетъ, самъ предлагаетъ или продаетъ ее. Для того, чтобы владѣлецъ ея могъ продавать ее въ качествѣ товара, нужно, чтобы онъ могъ ею располагать, чтобы онъ былъ, слѣдовательно, свободнымъ собственникомъ своей рабочей силы, своей личности [35]). Онъ встрѣчается на рынкѣ съ владѣльцемъ деней, и они вступаютъ по взаимное отношеніе, какъ равноправные

[34]) «Въ формѣ деней.... капиталъ не даетъ никакой прибыли». (Ricardo: Princ. of. Pol Econ., p. 267).

[35]) Въ реальныхъ энциклопедіяхъ классической древности можно встрѣтить безсмысленное утвержденіе, что въ древнемъ мірѣ капиталъ былъ вполнѣ развитъ; «недоставало только свободнаго рабочаго и кредитныхъ учрежденій». Моммзенъ въ своей «Römische Geschichte» впадаетъ въ такое же quid pro quo относительно Рима.

владѣльцы товаровъ, отличающіеся другъ отъ друга только тѣмъ, что одинъ изъ нихъ покупатель, а другой—продавецъ; оба, такимъ образомъ, суть юридически равныя лица. Чтобы отношеніе это продолжалось, владѣлецъ рабочей силы долженъ продавать ее всегда только на опредѣленное время, потому что, если онъ будетъ ее продавать всю цѣликомъ, разъ на всегда, то онъ продастъ самого себя, т. е. превратитъ себя изъ свободнаго человѣка въ раба, изъ владѣльца товара—въ товаръ. Какъ личность онъ долженъ всегда относиться къ своей рабочей силѣ, какъ къ своей собственности и, слѣдовательно, какъ къ своему товару, а это возможно для него только до тѣхъ поръ, пока онъ предоставляетъ ее лишь временно, на опредѣленный срокъ, въ пользованіе покупателя, отдаетъ ее для потребленія, т. е. отчуждая ее, не отказывается отъ права собственности на нее [40]).

Второе существенное условіе, необходимое для того, чтобы владѣлецъ денегъ находилъ на рынкѣ рабочую силу въ видѣ товара, таково: владѣлецъ рабочей силы вмѣсто того, чтобы имѣть возможность продавать товары, въ которыхъ овеществленъ его трудъ, долженъ быть наоборотъ, силой обстоятельствъ вынужденъ предлагать въ качествѣ товара свою рабочую силу, которая на лицо лишь вмѣстѣ съ его живой плотью и въ ней.

Для того, чтобы продавать товары, отличные отъ собственной рабочей силы, необходимо, конечно, обладать средствами производства, напр., сырымъ матеріаломъ, орудіями труда и т. д. Никто не можетъ дѣлать сапогъ безъ кожи. Кромѣ того производителю нужны средства существованія. Никто, даже авторъ

[40]) Различныя законодательства устанавливаютъ, поэтому, maximum продолжительности договора о трудѣ. Всѣ гражданскія уложенія народовъ, у которыхъ трудъ свободенъ, регулируютъ условія прекращенія контракта. Въ различныхъ странахъ, между прочимъ въ Мексикѣ, рабство скрыто подъ формою Peonage (до американской гражданской войны такъ было и въ отвоеванныхъ отъ Мексики территоріяхъ; по существу такъ было и въ дунайскихъ княжествахъ до преобразованій Кузы). Путемъ ссудъ, которыя должны быть возвращены трудомъ и передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе, не только отдѣльный рабочій, но и его семейство фактически становятся собственностью другихъ лицъ и ихъ семействъ. Juarez уничтожилъ Peonage. Такъ называемый императоръ Максимиліанъ ввелъ его опять декретомъ, который въ палатѣ представителей въ Вашингтонѣ справедливо былъ названъ декретомъ о возстановленіи рабства въ Мексикѣ. «Я могу отчуждать въ пользованіе другого на ограниченное время мои особенныя физическія и интеллектуальныя способности и возможную дѣятельность, такъ какъ послѣ этого ограниченія онѣ становятся лишь во внѣшнее отношеніе къ моей личности въ ея цѣломъ и общемъ. Отчужденіемъ же всего моего времени въ формѣ конкретнаго труда и моего производства въ его цѣлости я бы сдѣлалъ собственностью другого самую сущность его, мою общую дѣятельность и дѣйствительность, мою личность». Въ оригиналѣ: «Von meinen besondren körperlichen und geistigen Geschicklichkeiten und Möglichkeiten der Thätigkeit kann ich... einen in der Zeit beschränkten Gebrauch an einen Andren veräussern, weil sie nach dieser Beschränkung ein äusserliches Verhältniss zu meiner Totalität und Allgemeinheit erhalten. Durch die Veräusserung meiner ganzen durch die Arbeit konkreten Zeit und der Totalität meiner Production würde ich das Substanzielle derselben, meine allgemeine Thätigkeit und Wirklichkeit, meine Persönlichkeit zum Eigenthum eines Andren machen». Hegel. Philosophie des Rechts. Berlin 1840», p. 104, § 67.

музыки будущаго не можетъ питаться продуктами будущаго, не можетъ, такимъ образомъ, существовать потребительными цѣнностями, производство которыхъ еще незакончено; и теперь такъ же, какъ и въ первый день своего появленія на землѣ, человѣкъ долженъ каждый день потреблять, прежде чѣмъ онъ производитъ и пока онъ производитъ. Если продукты производятся какъ товары, то они должны быть проданы послѣ того, какъ они произведены, и только послѣ продажи они могутъ удовлетворять потребности производителя. Ко времени производства присоединяется еще время, необходимое для продажи.

Для превращенія денегъ въ капиталъ владѣлецъ денегъ долженъ, такимъ образомъ, найти на товарномъ рынкѣ свободнаго рабочаго, свободнаго въ двоякомъ смыслѣ: съ одной стороны рабочій, являясь свободнымъ человѣкомъ, долженъ располагать своей рабочей силой, какъ своимъ собственнымъ товаромъ, съ другой стороны—у него не должно быть другихъ товаровъ для продажи, онъ долженъ быть свободнымъ отъ всего, свободнымъ отъ всякихъ предметовъ, необходимыхъ для овеществленія его рабочей силы.

Вопросъ, почему такой свободный рабочій сталкивается съ владѣльцемъ денегъ въ сферѣ обращенія, не интересуетъ послѣдняго: для него рабочій рынокъ есть только особое отдѣленіе товарнаго рынка. Пока указанный вопросъ и насъ интересуетъ столь же мало. Въ нашемъ теоретическомъ анализѣ мы такъ же держимся за этотъ фактъ, какъ владѣлецъ денегъ руководится имъ въ своемъ практическомъ поведеніи. Одно, впрочемъ, ясно: природа не создаетъ на одной сторонѣ владѣльцевъ товаровъ или денегъ, а на другой—только владѣльцевъ собственной рабочей силы. Отношеніе это не естественное, оно не есть также такое общественное отношеніе, которое было бы обще всѣмъ историческимъ періодамъ. Оно само, очевидно, результатъ предыдущаго историческаго развитія, продуктъ многихъ экономическихъ переворотовъ, гибели цѣлаго ряда болѣе древнихъ формацій общественнаго производства. —

И тѣ экономическія категоріи, которыя мы до сихъ поръ разсматривали, носятъ на себѣ слѣды своего историческаго происхожденія. Существованіе продукта въ качествѣ товара объемлетъ собой извѣстныя историческія условія. Чтобы стать товаромъ, продуктъ не долженъ быть произведенъ какъ непосредственное средство существованія для самого производителя. Если бы мы продолжали наше изслѣдованіе и спросили себя, при какихъ обстоятельствахъ всѣ или только большая часть продуктовъ принимаютъ форму товаровъ, то мы бы нашли, что это происходитъ только на основѣ совершенно специфическаго способа производства, а именно, капиталистическаго. Подобное изслѣдованіе не входитъ, однако, въ анализъ товара. Производство и обращеніе товаровъ могутъ происходить, хотя бы преобладающая масса продуктовъ служила для удовлетворенія собственныхъ нуждъ, не превращаясь въ товаръ, и, такимъ образомъ, общественный процессъ производства отнюдь еще не во всей его глубинѣ и широтѣ управлялся бы мѣновой цѣнностью. Превращеніе продукта въ товаръ предполагаетъ такое раздѣленіе труда внутри общества, при которомъ расхожденіе потребительной и мѣновой цѣнности, еще только возникающее въ непосредственной мѣновой торговлѣ, является уже совершившимся фактомъ. Но эта сту-

пень развитія встрѣчается въ исторически различныхъ общественно-экономическихъ формаціяхъ.

Если же мы будемъ разсматривать деньги, то мы увидимъ, что онѣ предполагаютъ извѣстное развитіе товарнаго обмѣна. Особыя денежныя формы, напр., простой эквивалентъ товаровъ, средство обращенія, платежное средство, сокровище, всемірныя деньги, характеризуютъ, различнымъ своимъ распространеніемъ и относительнымъ преобладаніемъ той или иной функціи, различныя ступени общественнаго процесса производства. Однако опытъ показываетъ, что достаточно сравнительно слабо развитого товарнаго обращенія для образованія всѣхъ этихъ формъ. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ капиталомъ. Его историческія условія существованія вовсе не совпадаютъ съ товарнымъ и денежнымъ обращеніемъ. Онъ происходитъ только тамъ, гдѣ владѣлецъ средствъ производства и существованія находитъ на рынкѣ свободнаго рабочаго въ качествѣ продавца своей рабочей силы, и уже одно это историческое условіе чревато цѣлымъ новымъ историческимъ міромъ. Капиталъ, поэтому, съ самаго начала знаменуетъ собою новую эпоху въ развитіи общественнаго процесса производства [41].

Намъ нужно поближе разсмотрѣть этотъ своеобразный товаръ, т. е. рабочую силу. Подобно всѣмъ другимъ товарамъ и она имѣетъ цѣнность [42]. Чѣмъ же опредѣляется эта цѣнность?

Цѣнность рабочей силы, какъ и цѣнность всякаго другого товара, опредѣляется рабочимъ временемъ, необходимымъ для производства, а, слѣдовательно, и для воспроизведенія этого специфическаго товара. Поскольку она есть цѣнность, сама рабочая сила представляетъ только опредѣленное количество овеществленнаго въ ней средняго общественнаго труда. Рабочая сила существуетъ только какъ способность живой личности человѣка. Производство первой, слѣдовательно, заранѣе предполагаетъ существованіе второй. Разъ живая личность на лицо, производство рабочей силы состоитъ въ ея воспроизведеніи, въ ея возстановленіи или въ поддержаніи ея жизни. Для поддержанія своей жизни личность нуждается въ извѣстномъ количествѣ средствъ существованія. Рабочее время, необходимое для производства рабочей силы, сводится, такимъ образомъ, къ рабочему времени, необходимому для производства этихъ средствъ существованія, или, другими словами, цѣнность рабочей силы есть цѣнность средствъ существованія, необходимыхъ для поддержанія жизни ея владѣльца. Но рабочая сила реализуется только въ своемъ обнаруженіи, проявляется только въ работѣ. При ея проявленіи, т. е. при работѣ тратится извѣстное количество человѣческихъ мускуловъ, нервовъ, мозга и т. д., и это количество должно быть возстановлено. Эта усиленная трата требуетъ усиленнаго возста-

[41]) Капиталистическая эпоха характеризуется, такимъ образомъ, тѣмъ, что рабочая сила пріобрѣтаетъ для самого рабочаго форму принадлежащаго ему товара, а трудъ его, слѣдовательно, форму наемнаго труда. Съ другой стороны, только съ этого момента товарная форма обобщается на всѣ продукты труда.

[42]) «Цѣнность или полезность (value or Worth) человѣка, точно такъ же, какъ и всякаго другого предмета, есть его цѣна, т. е. то, что даютъ за пользованіе его силой». Th. Hobbes: «Leviathan» въ «Works edit. Molesworth. London, 1839—1844», v. III, p. 76.

новленія [42]). Если владѣлецъ рабочей силы работалъ сегодня, онъ долженъ быть въ состояніи и завтра повторить этотъ процессъ при тѣхъ же условіяхъ въ отношеніи силы и здоровья. Количество средствъ существованія должно, поэтому, быть достаточно для того, чтобы поддержать нормальное существованіе рабочаго въ качествѣ трудящейся личности. Сами естественныя потребности, напр., пища, одежда, отопленіе, квартира и т. д. различны, смотря по климатическимъ и другимъ естественнымъ особенностямъ страны. Съ другой стороны, и размѣры такъ называемыхъ необходимыхъ потребностей, такъ же какъ и способъ ихъ удовлетворенія, представляютъ продуктъ историческаго развитія и обусловлены, поэтому, по большей части, культурнымъ уровнемъ страны, а, стало быть, между прочимъ, существеннымъ образомъ опредѣляются и тѣмъ, при какихъ условіяхъ и, слѣдовательно, съ какими привычками и жизненными требованіями образовался классъ свободныхъ рабочихъ [44]). Въ противоположность всѣмъ другимъ товарамъ, опредѣленіе цѣнности рабочей силы содержитъ, такимъ образомъ, въ себѣ элементы историческій и моральный. Но для опредѣленной страны и въ опредѣленный періодъ времени средній уровень необходимыхъ средствъ существованія является величиной данной.

Владѣлецъ рабочей силы смертенъ. Для того, чтобы его присутствіе на рынкѣ было непрерывнымъ, что является необходимой предпосылкой непрерывнаго превращенія денегъ въ капиталъ, продавецъ рабочей силы долженъ увѣковѣчивать себя, «какъ всякое живое существо увѣковѣчиваетъ себя — размноженіемъ» [45]). Тѣ рабочія силы, которыя вслѣдствіе изнашиванія или смерти удаляются съ рынка, должны постоянно замѣщаться по меньшей мѣрѣ равнымъ числомъ рабочихъ силъ. Сумма средствъ существованія, необходимыхъ для производства рабочей силы, заключаетъ, слѣдовательно, въ себѣ и средства существованія замѣстителей, т. е. дѣтей рабочихъ, и такимъ путемъ на товарномъ рынкѣ увѣковѣчивается эта раса своеобразныхъ товаровладѣльцевъ [46]).

Для измѣненія общей человѣческой природы въ томъ смыслѣ, чтобы человѣкъ пріобрѣлъ способность и ловкость въ какой-нибудь опредѣленной отрасли труда, чтобы онъ сталъ развитой и специфической рабочей силой, требуется извѣстное образованіе или воспитаніе, которое, съ своей стороны, стоитъ большей или меньшей суммы товарныхъ эквивалентовъ. Эти издержки образованія измѣняются въ зависимости отъ степени сложности рабочей силы. Издержки обученія, чрезвычайно малыя, впрочемъ, для обыкновенной рабочей силы, входятъ, такимъ образомъ, въ составъ цѣнностей, издержанныхъ на ея производство.

---

[42]) Поэтому, древне-римскій villicus, находившійся въ качествѣ управителя во главѣ земледѣльческихъ рабовъ, получалъ «болѣе скудный паекъ, такъ какъ трудъ его былъ легче труда рабовъ». (Th. Mommsen: «Röm. Geschichte 1856», p. 810).

[44]) Ср. W. Th. Thornton «Overpopulation and its Remedy. London, 1846».

[45]) Petty.

[46]) «Естественная цѣна его (труда) состоитъ въ такомъ количествѣ жизненныхъ средствъ и удобствъ, которое при данномъ климатѣ и данныхъ обычаяхъ страны, необходимо для поддержанія жизни рабочаго и позволяетъ ему воспитывать семью, достаточно большую для того, чтобы обезпечить рынку неубывающее предложеніе труда», R. Torrens: «An Essay on the external Corn Trade. London, 1815», p. 6. Слово «трудъ» здѣсь неправильно употреблено вмѣсто рабочей силы.

Цѣнность рабочей силы сводится къ цѣнности опредѣленной суммы средствъ существованія. Первая, поэтому, измѣняется пропорціонально второй, т. е. пропорціонально количеству рабочаго времени, необходимаго на производство средствъ существованія.

Часть средствъ существованія, напр., пищевыя средства, отопленіе и т. д. ежедневно вновь потребляются и должны ежедневно возобновляться. Другія средства существованія, напр., платье, мебель и т. д. потребляются въ болѣе продолжительные промежутки времени и, поэтому, должны возобновляться только черезъ болѣе продолжительные промежутки времени. Одни товары должны быть покупаемы или оплачиваемы ежедневно, другіе еженедѣльно, каждые три мѣсяца и т. д. Но какъ бы ни распредѣлялась сумма этихъ издержекъ въ продолженіе, напр., одного года, она всегда должна возмѣщаться среднимъ доходомъ изо дня въ день. Если бы количество товаровъ, ежедневно потребныхъ для производства рабочей силы = A, требуемыхъ еженедѣльно = B, необходимыхъ каждые 3 мѣсяца = C и т. д., то средній ежедневный расходъ этихъ товаровъ равнялся бы $\frac{365\,A + 52B + 4\,C + \text{и т. д.}}{365}$ Если предположить, что въ этой массѣ товаровъ, необходимыхъ среднимъ числомъ въ одинъ день, заключается 6 часовъ общественнаго труда, то въ рабочей силѣ ежедневно овеществляется полдня средняго общественнаго труда или, другими словами, половина рабочаго дня нужна для ежедневнаго производства рабочей силы. Это количество труда, требующееся для ежедневнаго производства рабочей силы, составляетъ дневную цѣнность ея, или цѣнность ежедневно возстановляемой рабочей силы. Если полдня средняго общественнаго труда выражается въ количествѣ золота въ 3 шиллинга или въ 1 талеръ, то одинъ талеръ есть цѣна, соотвѣтствующая дневной цѣнности рабочей силы. Если владѣлецъ рабочей силы продаетъ ее ежедневно за одинъ талеръ, то продажная цѣна рабочей силы равна ея цѣнности, и, по нашему предположенію, владѣлецъ денегъ, стремящійся къ превращенію своихъ талеровъ въ капиталъ, платитъ эту цѣнность.

Минимальный предѣлъ или крайняя граница цѣнности рабочей силы опредѣляется цѣнностью того количества товаровъ, безъ ежедневнаго притока которыхъ носитель рабочей силы, человѣкъ, не можетъ возобновлять своего жизненнаго процесса, т. е. цѣнностью физически необходимыхъ средствъ существованія. Если цѣна рабочей силы опускается до этого минимума, то она опускается ниже своей цѣнности, такъ какъ она при этомъ можетъ поддерживаться и развиваться только въ самомъ жалкомъ видѣ. А между тѣмъ цѣнность каждаго товара опредѣляется рабочимъ временемъ, потребнымъ для того, чтобы производить товаръ нормальнаго качества.

Чрезвычайно дешево съ сентиментальнымъ видомъ находитъ грубымъ это опредѣленіе цѣнности рабочей силы, вытекающее изъ природы вещей, и плакаться вмѣстѣ съ Росси, что «понять способность къ труду (puissance de travail), абстрагируя отъ средствъ существованія труда во время процесса производства,—это все равно, что понять призракъ (être de raison). Кто говоритъ: трудъ, способность къ труду (Arbeitsvermögen), тотъ въ то же самое время говоритъ о

рабочихъ имѣетъ съ ихъ средствами существованія, о рабочихъ имѣетъ съ ихъ заработной платой» [47]). Кто говоритъ о способности къ труду (Arbeitsvermögen), не говоритъ еще о трудѣ, точно такъ же, какъ способность къ пищеваренію не есть еще само пищевареніе. Для послѣдняго нужно, какъ извѣстно, нѣчто большее, чѣмъ хорошій желудокъ. Кто говоритъ о способности къ труду или о рабочей силѣ (Arbeitsvermögen), не отвлекается отъ средствъ, необходимыхъ для ея существованія. Цѣнность этихъ средствъ существованія, напротивъ того, выражена въ цѣнности рабочей силы. Если она не продана, то она безполезна для рабочаго, и тотъ фактъ, что рабочая сила требовала для своего производства извѣстнаго количества средствъ существованія и постоянно вновь требуетъ ихъ для своего воспроизведенія, этотъ фактъ ощущается тогда рабочимъ какъ жестокая естественная необходимость. Онъ находитъ тогда вмѣстѣ съ Сисмонди, что «способность къ труду... ничто, если она непродана» [48]).

Вслѣдствіе особенной природы этого специфическаго товара, т. е. рабочей силы, послѣ заключенія сдѣлки между покупателемъ и продавцомъ, потребительная ея цѣнность въ дѣйствительности еще не перешла въ руки покупателя. Цѣнность ея, такъ же какъ и цѣнность всякаго другого товара, была опредѣлена прежде, чѣмъ она вступила въ обращеніе, такъ какъ извѣстное количество общественнаго труда было напередъ издержано для производства рабочей силы, но ея потребительная цѣнность состоитъ только въ позднѣйшемъ ея обнаруженіи. Отчужденіе силы и ея дѣйствительное проявленіе, т. е. ея бытіе въ качествѣ потребительной цѣнности, не совпадаютъ во времени. Но относительно такихъ товаровъ [49]), у которыхъ формальное отчужденіе потребительной цѣнности продажей и ея дѣйствительное предоставленіе покупателю не совпадаютъ во времени, деньги покупателя функціонируютъ, по большей части, какъ платежное средство. Во всѣхъ странахъ, съ капиталистическимъ способомъ производства, рабочая сила оплачивается послѣ того, какъ она уже функціонировала въ продолженіе извѣстнаго времени, обозначеннаго въ контрактѣ, напр., въ концѣ каждой недѣли. Вездѣ, поэтому, рабочій ссужаетъ капиталисту потребительную цѣнность рабочей силы; онъ отдаетъ ее для потребленія покупателю, прежде чѣмъ онъ получилъ за нее плату; вездѣ, такимъ образомъ, рабочій оказываетъ кредитъ капиталисту. Что кредитъ этотъ не пустая выдумка, показываетъ не только потеря авансированной платы, происходящая въ тѣхъ случаяхъ, когда капиталистъ оказывается несостоятельнымъ [50]), но и цѣлый рядъ другихъ проявленій того

[47]) Rossi: «Cours d'Econ. Polit. Bruxelles, 1842», p. 370.

[48]) Sismondi: «Nouv. Princ etc.», t. I, p. 112.

[49]) «Всякій трудъ оплачивается по его окончаніи». (An Inquiry into those Principles respecting the Nature of Demand etc.», p. 104). «Коммерческій кредитъ долженъ былъ начаться въ то время, когда рабочій, первая причина производства, могъ, благодаря своимъ сбереженіямъ, ожидать платы за свой трудъ до конца недѣли, двухъ недѣль, трехъ мѣсяцевъ и т. д.» (Ch. Ganilh: «Des Systèmes de l'Econ. Polit. 2 ème édit. Paris 1821», t. I, p. 150).

[50]) «Рабочій ссужаетъ свой трудъ»; но, коварно прибавляетъ Шторхъ, онъ «ничѣмъ не рискуетъ» кромѣ «потери своего жалованья... такъ какъ рабочій не ссужаетъ ничего вещественнаго». (Storch: «Cours d'Econ. Polit. Pétersbourg 1815», t. II. p. 37).

же кредита, оказывающихъ болѣе продолжительное дѣйствіе [51]). Однако, функціонируютъ ли деньги въ качествѣ покупательнаго или платежнаго средства,— это нисколько не измѣняетъ сущности самого товарнаго обмѣна. Цѣна рабочей силы, такъ же какъ и наемная цѣна дома, установлена въ контрактѣ, хотя она реализуется только впослѣдствіи. Рабочая сила продана, хотя она оплачивается только впослѣдствіи. Для вполнѣ отчетливаго пониманія этого отношенія однако полезно на время предположить, что при продажѣ рабочей силы владѣлецъ ея каждый разъ тотчасъ же получаетъ выговоренную въ контрактѣ цѣну.

---

[51]) Приведемъ примѣръ. Въ Лондонѣ существуютъ двоякаго рода булочники «full priced», продающіе хлѣбъ по полной его цѣнности, и «undersellers», продающіе его ниже этой цѣнности. Послѣдній классъ составляетъ болѣе $^3/_4$ общаго числа булочниковъ (p. XXXII въ «Report» правительственнаго коммиссара H. S. Tremenheere о «Grievances complained of by the journeymen bakers etc. London, 1862»). Эти undersellers продаютъ почти всѣ безъ исключенія хлѣбъ, фальсифицированный примѣсью квасцовъ, мыла, потажу, извести, дербиширской каменной муки и тому подобныхъ пріятныхъ, питательныхъ и здоровыхъ веществъ. (См. цитированную выше Синюю Книгу, также отчетъ «Committee of 1855 on the Adulteration of Bread» и Dr. Hassal'a: «Adulterations Detected». 2 nd edit. London, 1862). Sir John Gordon заявилъ предъ комитетомъ, что «вслѣдствіе этой фальсификаціи, бѣднякъ, живущій двумя фунтами хлѣба въ день, въ дѣйствительности не получаетъ теперь и четвертой части питательныхъ веществъ, не говоря уже о вредномъ вліяніи на его здоровье». Причину того, почему «большая часть рабочаго класса», хотя и хорошо освѣдомленная о фальсификаціи, продолжаетъ тѣмъ не менѣе покупать квасцы, каменную муку и т. д. Tremenheere (l. c. p. XLVIII) видитъ въ томъ, что «для нихъ дѣло необходимости брать у булочника или у лавочника тотъ хлѣбъ, который имъ дадутъ». Такъ какъ имъ платятъ только въ концѣ недѣли, то «они только въ концѣ недѣли могутъ платить за хлѣбъ, потребленный ихъ семействами въ продолженіе недѣли»; и Tremenheere прибавляетъ, ссылаясь на свидѣтельскія показанія: «извѣстно, что хлѣбъ съ такими примѣсями приготовляется спеціально для этого рода покупателей» (It is notorious that bread composed of those mixtures, is made expressly for sale in this manner). «Во многихъ англійскихъ (но еще болѣе въ шотландскихъ) земледѣльческихъ округахъ заработная плата выдается каждыя двѣ недѣли и даже ежемѣсячно. При такихъ долгихъ срокахъ уплаты земледѣльческій рабочій долженъ покупать свои товары въ кредитъ... Онъ долженъ платить болѣе высокія цѣны и фактически привязанъ къ той лавочкѣ, которая оказываетъ ему кредитъ. Такъ, напр., въ Hornbingsham in Wilts, гдѣ плату выдаютъ помѣсячно, онъ за стонъ той муки, которую везетъ покупаютъ за 1 ш. 10 п., платятъ 2 ш. 4 п.» («Sixth Report» on «Public Health» by «The Medical Officer of the Privy Council etc. 1864», p. 264). «Рабочіе на ситцепечатняхъ въ Paisley и Kilmarnock (въ Западной Шотландіи) добились въ 1853 г. посредствомъ стачки пониженія платежнаго срока съ одного мѣсяца до двухъ недѣль». («Reports of the Inspectors of Factories for 31st Octob. 1853, p. 34). Какъ дальнѣйшее милое порожденіе кредита, даваемаго рабочимъ капиталисту, можно разсматривать методъ англійскихъ владѣльцевъ угольныхъ копей, гдѣ рабочій получаетъ плату лишь въ концѣ мѣсяца, въ промежуткахъ же получаетъ ссуды отъ капиталиста, часто товарами, за которые онъ долженъ платить выше ихъ рыночной цѣны (Truck-system). «У владѣльцевъ угольныхъ копей существуетъ обычай платить жалованье рабочимъ разъ въ мѣсяцъ и ссужать имъ деньги въ концѣ каждой промежуточной недѣли. Ссуда выдается въ лавкѣ (а именно въ tommy shop, т. е. въ лавкѣ, принадлежащей самому хозяину); они получаютъ деньги въ одномъ углу и отдаютъ ихъ въ другомъ». («Childrens Employment Commission, III. Report. Lond. 1864». p. 38, n. 192).

Мы теперь знаемъ способъ опредѣленія цѣнности, которая уплачивается владѣльцемъ денегъ владѣльцу специфическаго товара, рабочей силы. Потребительная цѣнность, которую, въ свою очередь, получаетъ владѣлецъ денегъ въ обмѣнѣ, обнаруживается только въ ея дѣйствительномъ употребленіи, въ процессѣ потребленія рабочей силы. Всѣ предметы, необходимые для этого процесса, напр., сырой матеріалъ и т. д., владѣлецъ денегъ покупаетъ на товарномъ рынкѣ и оплачиваетъ по полной ихъ цѣнѣ. Процессъ потребленія рабочей силы есть въ то же самое время процессъ производства товаровъ и прибавочной цѣнности. Потребленіе рабочей силы, какъ и потребленіе всякаго другого товара, происходитъ внѣ рынка, внѣ сферы обращенія. Поэтому и мы оставимъ теперь эту шумную сферу, гдѣ все происходитъ на поверхности и на глазахъ у всѣхъ, и послѣдуемъ за владѣльцемъ денегъ и владѣльцемъ рабочей силы въ тѣ скрытыя отъ постороннихъ глазъ мѣста, въ которыхъ нашло себѣ пріютъ производство, туда, гдѣ посѣтитель встрѣчаетъ на порогѣ надпись: No admittance except on business (входъ постороннимъ лицамъ воспрещается). Здѣсь мы увидимъ не только, какъ капиталъ производитъ, но также и то, какъ онъ, капиталъ, производится. Здѣсь, наконецъ, долженъ раскрыться секретъ производства прибавочной цѣнности (Plusmacherei).

Сфера обращенія или товарнаго обмѣна, въ предѣлахъ которой происходитъ покупка и продажа рабочей силы, была въ дѣйствительности настоящимъ эдемомъ прирожденныхъ правъ человѣка. Здѣсь господствуютъ только свобода, равенство, собственность и Бентамъ. Свобода! Ибо покупатель и продавецъ товара, напримѣръ, рабочей силы, опредѣляются въ своихъ дѣйствіяхъ лишь своей свободной волей. Они заключаютъ договоры въ качествѣ свободныхъ равноправныхъ личностей. Контрактъ есть конечный результатъ, въ которомъ ихъ воли находятъ себѣ общее юридическое выраженіе. Равенство! Ибо они вступаютъ въ отношенія другъ къ другу только какъ владѣльцы товаровъ и обмѣниваютъ эквиваленты на эквиваленты. Собственность! Ибо каждый распоряжается только тѣмъ, что ему принадлежитъ. Бентамъ! Ибо каждый изъ нихъ заботится только о себѣ. Единственная сила, которая ихъ сводитъ другъ съ другомъ и ставитъ во взаимныя отношенія, это—ихъ эгоизмъ, ихъ личная выгода, ихъ частный интересъ. И именно потому, что каждый думаетъ только о себѣ и никто не думаетъ о другомъ, всѣ они въ силу предустановленной гармоніи вещей, или подъ покровительствомъ мудраго провидѣнія, творятъ взаимную выгоду, общее благо, общій интересъ.

При выходѣ изъ этой сферы простого обращенія или товарнаго обмѣна, изъ которой фритредеръ vulgaris черпаетъ свои воззрѣнія, понятія и критеріи для сужденія объ обществѣ, характеризующемся капиталомъ и наемнымъ трудомъ, въ физіономіяхъ дѣйствующихъ лицъ нашей драмы происходитъ нѣкоторая перемѣна. Нашъ прежній владѣлецъ денегъ шествуетъ впереди въ качествѣ капиталиста; владѣлецъ рабочей силы слѣдуетъ за нимъ, въ качествѣ его рабочаго; одинъ многозначительно улыбается, съ видомъ вполнѣ отдавшагося своему дѣлу человѣка; другой имѣетъ видъ робкій, колеблющійся, какъ человѣкъ, который продалъ на рынкѣ свою собственную шкуру, и которому собираются ее—дубить.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Производство абсолютной прибавочной цѣнности.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Процессъ труда и процессъ возрастанія капитала.

1) Процессъ труда.

Потребленіе рабочей силы это—самый трудъ. Покупатель рабочей силы потребляетъ ее, заставляя работать ея продавца. Послѣдній чрезъ это становится рабочей силой, проявляющейся въ дѣйствіи (actu), рабочимъ, тогда какъ прежде онъ представлялъ только рабочую силу въ возможности, потенціально (in potentia). Чтобы воплотить свой трудъ въ товарахъ, онъ долженъ прежде всего воплотить его въ потребительныхъ цѣнностяхъ, въ предметахъ, служащихъ для удовлетворенія какихъ-либо потребностей. Капиталистъ, такимъ образомъ, заставляетъ рабочаго производить какую-нибудь особенную потребительную цѣнность, какой-нибудь опредѣленный товаръ. Производство потребительныхъ цѣнностей или благъ нисколько не измѣняется въ своемъ существѣ отъ того, что оно совершается для капиталиста и подъ его контролемъ. Поэтому слѣдуетъ разсмотрѣть сначала процессъ труда независимо отъ какой бы то ни было опредѣленной общественной формы.

Трудъ есть прежде всего процессъ, происходящій между человѣкомъ и природой, процессъ, въ которомъ человѣкъ посредствомъ своей дѣятельности содѣйствуетъ обмѣну веществъ между собой и природой, регулируетъ и контролируетъ его. По отношенію къ данной природой матеріи (Naturstoff) онъ самъ выступаетъ какъ сила природы. Онъ приводитъ въ движеніе присущія его организму естественныя силы, руки, ноги, голову для того, чтобы присвоить себѣ матерію въ пригодной для него формѣ. Дѣйствуя въ этомъ процессѣ на внѣшнюю природу и измѣняя ее, онъ въ то же время измѣняетъ и свою собственную природу. Онъ развиваетъ дремлющія въ немъ силы и дѣлаетъ себѣ подвластной работу этихъ силъ. Мы не разсматриваемъ здѣсь животно первобытныхъ, инстинктивныхъ формъ труда. Сравнительно съ тѣмъ состояніемъ общества, въ которомъ рабочій выступаетъ на товарномъ рынкѣ въ качествѣ продавца своей собственной рабочей силы, тотъ періодъ, въ которомъ трудъ еще не отрѣшился отъ

своей первобытной инстинктивной формы, представляется временемъ доисторическимъ. Мы предполагаемъ въ нашемъ разсужденіи такое состояніе труда, въ которомъ онъ характеренъ исключительно для человѣка. Паукъ продѣлываетъ операціи, сходныя съ дѣйствіями ткача, а пчела можетъ пристыдить постройкой своихъ восковыхъ ячеекъ любого архитектора. Но есть нѣчто такое, что съ самаго начала отличаетъ самаго плохого архитектора отъ самой лучшей пчелы: человѣкъ, прежде чѣмъ слѣпить ячейку изъ воска, уже построилъ ее въ головѣ. Въ концѣ процесса труда получается результатъ, который въ началѣ этого процесса существовалъ уже въ представленіи рабочаго, существовалъ такъ сказать, идеально. Человѣкъ не только измѣняетъ формы вещества, даннаго природой; онъ воплощаетъ также въ этомъ веществѣ свою сознательную цѣль, которая, какъ законъ, опредѣляетъ его способъ дѣйствія, и которой онъ долженъ подчинять свою волю. И подчиненіе это не является единичнымъ актомъ. Помимо напряженія тѣхъ органовъ, которые исполняютъ физическую работу, во все продолженіе труда необходима цѣлесообразная воля, проявляющаяся во вниманіи, и она необходима тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе трудъ по своему содержанію и по способу исполненія увлекаетъ рабочаго, чѣмъ меньше рабочій наслаждается имъ, какъ свободной игрой своихъ физическихъ и духовныхъ силъ.

Процессъ труда заключаетъ въ себѣ слѣдующіе простые моменты: цѣлесообразную дѣятельность или самый трудъ, предметъ труда и средства труда.

Земля (экономически въ нее включается и вода), надѣляющая съ самаго начала человѣка пищей, готовыми средствами существованія, [1]) является безъ всякаго его содѣйствія всеобщимъ объектомъ человѣческаго труда. Всѣ предметы, въ отношеніи которыхъ трудъ разрываетъ лишь ихъ непосредственную связь съ землей, суть объекты труда, данные природой; таковы, напр., рыба, извлекаемая изъ ея стихіи, воды; дерево, срубленное въ первобытномъ лѣсу; добытая изъ жилы руда. Но если объектъ труда самъ, такъ сказать, уже прошелъ чрезъ горнило предварительнаго труда, то мы называемъ его сырымъ матеріаломъ (сырьемъ), такова, напр., выломанная руда, которая затѣмъ промывается. Всякое сырье есть объектъ труда, но не всякій объектъ труда есть сырье. Сырьемъ объектъ труда бываетъ только тогда, когда онъ уже претерпѣлъ какое-нибудь измѣненіе посредствомъ труда.

Орудіе труда—это предметъ или совокупность предметовъ, которые рабочій ставитъ между собой и объектомъ труда, и которые служатъ проводниками его воздѣйствія на данные объекты труда. Онъ пользуется механическими, физическими, химическими свойствами тѣлъ, чтобы соотвѣтственно своей цѣли

[1]) «Естественныя (spontaneous) произведенія земли, которыхъ имѣется ограниченное количество и которыя существуютъ совершенно независимо отъ руки человѣка, кажутся—какъ это и есть на самомъ дѣлѣ—данными самой природой, и могутъ быть уподоблены небольшой суммѣ денегъ, даваемой молодому человѣку, чтобы поставить его на путь самостоятельнаго заработка и дать ему возможность самому составить себѣ состояніе». (James Steuart: «Principles of Polit. Econ. edit. Dublin, 1770». v. I, p. 116).

заставить ихъ дѣйствовать какъ силы на другія тѣла [2]). Предметъ, которымъ рабочій овладѣваетъ непосредственно—мы оставляемъ въ сторонѣ простой захватъ готовыхъ средствъ существованія, плодовъ, напр., при которомъ члены тѣла сами служатъ орудіями труда—есть не объектъ труда, но орудіе труда. Итакъ, само данное природой вещество становится органомъ дѣятельности человѣка, органомъ, который онъ присоединяетъ къ своимъ собственнымъ органамъ, удлиняя, такимъ образомъ, вопреки библіи, свое тѣло. Земля, которая является первоначальной кладовой его съѣстныхъ припасовъ, образуетъ также и первоначальный арсеналъ его орудій труда. Она доставляетъ ему, напримѣръ, камень, который служитъ ему для метанія, тренія, давленія, рѣзанія и т. д. Сама земля есть орудіе труда; но являясь орудіемъ труда въ земледѣліи, она заранѣе предполагаетъ уже цѣлый рядъ другихъ орудій труда и относительно довольно высокое развитіе рабочей силы [3]). Если процессъ труда вообще хоть сколько-нибудь развитъ, онъ требуетъ уже обработанныхъ орудій труда. Въ древнѣйшихъ человѣческихъ пещерахъ мы находимъ каменныя орудія и каменное оружіе. Рядомъ съ обработаннымъ камнемъ, деревомъ, костями и раковинами главную роль въ началѣ человѣческой исторіи, въ качествѣ орудій труда, играютъ домашнія прирученныя и, стало быть, уже измѣненныя трудомъ животныя [4]). Употребленіе и созданіе орудій труда, хотя и свойственное въ зародышѣ нѣкоторымъ животнымъ видамъ, характеризуетъ спеціально человѣческій процессъ труда, и Франклинъ, поэтому, опредѣляетъ человѣка, какъ «a toolmaking animal», животное, дѣлающее орудія. Остатки древнихъ орудій труда имѣютъ для изученія исчезнувшихъ общественно-экономическихъ формацій такое же важное значеніе, какъ строеніе ископаемыхъ костей для изученія организаціи исчезнувшихъ животныхъ видовъ. Экономическія эпохи различаются между собою не тѣмъ, что производится, а тѣмъ, какъ производится, какими орудіями труда. [5]) Орудія труда являются не только мѣриломъ развитія человѣческой рабочей силы, но также и показателемъ общественныхъ отношеній, при которыхъ производится работа. Между самими орудіями труда механическія орудія труда, совокупность которыхъ можно назвать костной и мускульной системой

[2]) «Разумъ столь же хитеръ, какъ и могущественъ. Хитрость вообще состоитъ въ той посредствующей дѣятельности, которая заставляетъ различные предметы, согласно ихъ собственной природѣ, дѣйствовать другъ на друга и подвергаетъ ихъ взаимному трепію, не вмѣшиваясь непосредственно въ этотъ процессъ, но тѣмъ не менѣе достигая выполненія своей цѣли» (Hegel: «Encyklopädie. Erster Theil. Die Logik» Berlin., 1840, p. 382).

[3]) Въ своемъ, во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, жалкомъ сочиненіи: «Théorie de l'Econ. Polit. Paris 1819», Ganilh, возражая физіократамъ, перечисляетъ цѣлый рядъ трудовыхъ процессовъ, составляющихъ предпосылку земледѣлія въ собственномъ смыслѣ этого слова.

[4]) Въ своихъ «Réflexions sur la Formation et la Distribution des Richesses» (1766) Тюрго хорошо выясняетъ важность прирученныхъ животныхъ для начатокъ человѣческой культуры.

[5]) Изъ всѣхъ товаровъ предметы роскоши, въ собственномъ смыслѣ этого слова, имѣютъ наименьшее значеніе для технологическаго сравненія различныхъ эпохъ производства.

производства, являются гораздо болѣе характерными отличительными признаками данной общественной эпохи производства, чѣмъ тѣ орудія труда, которыя служатъ только для сохраненія объекта труда, и совокупность которыхъ вообще можетъ быть названа сосудистой системой производства, какъ напр., трубы, бочки, корзины, кувшины и т. д. Лишь въ химической фабрикаціи они начинаютъ играть важную роль [58a]).

Кромѣ тѣхъ предметовъ, которые служатъ посредниками между трудомъ и его объектомъ и, поэтому, въ той или другой степени, суть проводники воздѣйствія, орудіями процесса труда, въ болѣе широкомъ смыслѣ, являются всѣ матеріальныя условія, вообще необходимыя для того, чтобы процессъ труда могъ совершаться. Онѣ не входятъ въ него непосредственно, но безъ нихъ онъ или вовсе не можетъ происходить, или происходитъ въ очень несовершенномъ видѣ. Такого рода всеобщимъ орудіемъ труда является опять таки сама земля, такъ какъ она даетъ рабочему locus standi, а процессу—его сферу дѣйствій (field of employment). Этого же рода орудія труда, являющіяся уже результатомъ труда, суть рабочія строенія, каналы, дороги и т. д.

Такимъ образомъ, въ процессѣ труда дѣятельность человѣка производитъ чрезъ посредство орудій труда заранѣе намѣченное измѣненіе въ его объектѣ. Процессъ прекращается въ своемъ продуктѣ. Продуктъ процесса есть потребительная цѣнность, матерія, путемъ измѣненія формы приспособленная къ человѣческимъ потребностямъ. Трудъ соединился съ объектомъ труда. Онъ овеществился, а предметъ подвергся обработкѣ. То, что со стороны рабочаго проявляется въ формѣ движенія, со стороны продукта является въ формѣ бытія, въ состояніи покоя. Рабочій прялъ, а продуктъ есть пряжа.

Если разсматривать весь процессъ въ его цѣломъ съ точки зрѣнія результата процесса, т. е. продукта, тогда оба, орудія труда и объектъ труда, являются средствами производства [6]), а самый трудъ—производительнымъ трудомъ [7]).

Когда какая-нибудь потребительная цѣнность выходитъ въ видѣ продукта изъ процесса труда, то другія потребительныя цѣнности—продукты прежнихъ процессовъ труда—входятъ въ него въ качествѣ средствъ производства. Одна и та же потребительная цѣнность, представляющая продуктъ одного процесса труда, составляетъ въ другомъ средства производства. Продукты, поэтому, представляютъ не только результатъ, но въ то же время и условіе процесса труда.

[58a]) Примѣчаніе ко второму изданію. Историческая наука до сихъ поръ очень мало познала развитіе матеріальнаго производства, и, стало быть, основу всякой общественной жизни и всякой дѣйствительной исторіи, по всетаки по крайней мѣрѣ доисторическія времена подверглись—на основаніи естественнонаучныхъ, а не такъ называемыхъ историческихъ, изслѣдованій—раздѣленію, по матеріалу орудій и оружія, на каменный вѣкъ, бронзовый вѣкъ и желѣзный вѣкъ.

[6]) Кажется парадоксальнымъ считать, напр. рыбу, которая еще не поймана, средствомъ производства для рыбной ловли. Но до сихъ поръ еще не изобрѣтено искусство ловить рыбу въ тѣхъ водахъ, гдѣ она не водится.

[7]) Это опредѣленіе производительнаго труда, сдѣланное съ точки зрѣнія простого процесса труда, совершенно недостаточно для характеристики капиталистическаго процесса производства.

За исключеніемъ добывающей (экстрактивной) промышленности, находящей свой объектъ труда въ природѣ, каковы: горное дѣло, охота, рыбная ловля и т. п. (земледѣліе) лишь постольку, поскольку оно ограничивается обработкой дѣвственной почвы), всѣ отрасли промышленности обрабатываютъ предметы, представляющіе сырье, т. е. ранѣе уже проведенный сквозь фильтръ труда, уже обработанный объектъ труда, продуктъ предшествующаго труда. Для примѣра укажемъ сѣмена въ земледѣліи. Животныя и растенія, обыкновенно разсматриваемыя какъ естественные продукты, представляютъ въ современной своей формѣ не только продуктъ труда, скажемъ, прошлаго года, но также продуктъ превращенія, совершавшагося въ продолженіе многихъ поколѣній подъ человѣческимъ контролемъ и благодаря труду людей. Что же касается орудій труда, въ узкомъ смыслѣ, то огромное большинство ихъ, даже на поверхностный взглядъ, обнаруживаетъ слѣды предшествующаго труда.

Сырье можетъ составлять главную субстанцію продукта или входить въ него только какъ вспомогательный матеріалъ. Вспомогательный матеріалъ можетъ потребляться орудіемъ труда, напр., уголь — паровой машиной, масло — колесомъ, сѣно — рабочей лошадью; или онъ прибавляется къ сырью, чтобы произвести въ немъ матеріальное измѣненіе, напр., хлоръ — къ небѣленому полотну, уголь — къ желѣзу, краска — къ шерсти; или же онъ можетъ содѣйствовать самому процессу труда, напр., вещества, служащія для отопленія и освѣщенія мастерской. Разница между главнымъ и вспомогательнымъ матеріаломъ исчезаетъ въ настоящемъ химическомъ производствѣ, такъ какъ въ немъ ни одно изъ употребляемыхъ сырыхъ веществъ не появляется вновь въ качествѣ субстанціи окончательнаго продукта [8]).

Такъ какъ каждый предметъ обладаетъ различными качествами и, поэтому, можетъ имѣть различныя полезныя примѣненія, то одинъ и тотъ же продуктъ можетъ служить сырымъ матеріаломъ для различныхъ процессовъ труда. Зерно, напр., составляетъ сырой матеріалъ для мельника, крахмальнаго фабриканта, винокура, скотовода и т. д. Въ качествѣ сѣмянъ, оно становится сырымъ матеріаломъ своего собственнаго производства. Такъ уголь является продуктомъ горной промышленности и входитъ въ нее въ качествѣ средства производства.

Одинъ и тотъ же продуктъ въ одномъ и томъ же процессѣ труда можетъ служить и орудіемъ труда, и сырымъ матеріаломъ. При животноводствѣ (откармливаніи скота), напр., скотъ является въ одно и то же время и обрабатываемымъ сырымъ матеріаломъ, и средствомъ полученія удобренія.

Продуктъ, существующій уже въ готовой для потребленія формѣ, можетъ опять стать сырымъ матеріаломъ для другого продукта, напр., виноградъ представляетъ сырой матеріалъ вина. Или продуктъ даннаго процесса труда можетъ получаться въ формѣ, въ которой онъ годенъ опять лишь какъ сырой матеріалъ. Сырье въ такомъ состояніи называется полуфабрикатомъ [*]), напр., хлопчатая бумага, нитки, пряжа и т. д. Хотя первоначальный сырой мате-

[8]) Шторхъ отличаетъ сырой матеріалъ, въ собственномъ смыслѣ, называемый имъ «matière», отъ вспомогательныхъ веществъ, называемыхъ имъ «matériaux». Cherbuliez называетъ вспомогательныя вещества «matières instrumentales».

[*]) Въ оригиналѣ прибавлено: und hiesse besser Stufenfabrikat. Прим. П. С.

ріалъ и представляетъ самъ по себѣ продуктъ, но онъ долженъ все-таки пройти еще цѣлую дѣятельность различныхъ процессовъ, въ которыхъ онъ все въ новомъ и новомъ видѣ снова и снова функціонируетъ, какъ сырье, вплоть до послѣдняго процесса труда, изъ котораго онъ выходитъ или въ видѣ готоваго средства существованія, или въ видѣ готоваго орудія труда.

Итакъ, мы видимъ: появленіе потребительной цѣнности въ видѣ сырого матеріала, орудія труда, или продукта вполнѣ зависитъ отъ ея опредѣленной функціи въ процессѣ труда, отъ того мѣста, которое она въ немъ занимаетъ, и съ перемѣной этого мѣста измѣняется и ея назначеніе.

Вступая какъ средства производства въ новый процессъ труда, продукты, такимъ образомъ, теряютъ характеръ продуктовъ. Они функціонируютъ еще только, какъ матеріальные факторы живого труда. Прядильщикъ разсматриваетъ веретено только какъ орудіе, которымъ онъ прядетъ, аленъ только какъ объектъ, который онъ прядетъ. Конечно, нельзя прясть безъ матеріала для прядѣнія и безъ веретенъ. Существованіе этихъ продуктовъ, поэтому, предполагается при началѣ прядѣнія. Но для самаго этого процесса то обстоятельство, что ленъ и веретена представляютъ продукты прошедшаго труда, совершенно безразлично, точно такъ же какъ для процесса питанія не имѣетъ никакого значенія то, что хлѣбъ есть продуктъ прошедшаго труда крестьянина, мельника, пекаря и т. д. Наоборотъ, въ процессѣ производства, средства производства только своими недостатками даютъ знать о томъ, что они суть продукты прошедшаго труда. Ножъ, который не рѣжетъ, пряжа, которая постоянно рвется, и т. д., живо напоминаютъ о своихъ производителяхъ—ножевщикѣ *A* и прядильщикѣ *B*. Въ удачномъ продуктѣ не сохраняется и слѣда участія прошедшаго труда въ созданіи потребительныхъ свойствъ даннаго продукта.

Машина, которая не работаетъ въ процессѣ труда, безполезна. Притомъ она подпадаетъ подъ дѣйствіе разрушительныхъ силъ естественнаго обмѣна веществъ. Желѣзо ржавѣетъ, дерево гніетъ. Пряжа, которая не пошла на тканье или вязанье, становится испорченной хлопчатой бумагой. Живой трудъ долженъ наложить свою руку на эти предметы, воскресить ихъ изъ мертвыхъ, превратить ихъ изъ потенціальныхъ въ дѣйствительныя и дѣйствующія потребительныя цѣнности. Охваченные пламенемъ труда, превращенные въ его тѣло, призванные въ процессѣ труда къ функціямъ, соотвѣтствующимъ ихъ назначенію и ихъ идеѣ, они хотя и потребляются, но потребляются цѣлесообразно, какъ элементы, образующіе новыя потребительныя цѣнности, новые продукты, которые способны стать средствами существованія въ индивидуальномъ потребленіи, или средствами производства въ новомъ процессѣ труда.

Если, такимъ образомъ, существующіе въ наличности продукты являются не только результатами, но и условіями процесса труда, то, съ другой стороны, для сохраненія и дѣйствительнаго использованія этихъ продуктовъ прошедшаго труда въ качествѣ потребительныхъ цѣнностей единственнымъ средствомъ является бросить ихъ въ процессъ труда, т. е. привести ихъ въ соприкосновеніе съ живымъ трудомъ.

Трудъ потребляетъ свои матеріальные элементы, свои предметы и свои

средства, поглощаетъ ихъ и является, такимъ образомъ, процессомъ потребленія. Это производительное потребленіе тѣмъ отличается отъ индивидуальнаго потребленія, что въ послѣднемъ продукты потребляются, какъ средства существованія живого индивидуума, въ первомъ же, какъ средства существованія труда, какъ средства, необходимыя для проявленія дѣятельной рабочей силы личности. Продуктомъ индивидуальнаго потребленія является, слѣдовательно, самъ потребитель, результатомъ же производительнаго потребленія—продуктъ, отличный отъ потребителя.

Поскольку орудія и предметъ труда сами уже суть продукты, трудъ потребляетъ продукты для того, чтобы создавать продукты, т. е. потребляетъ продукты, какъ средства производства продуктовъ. Но такъ какъ первоначально процессъ труда происходитъ только между человѣкомъ и землей, существующей безъ его содѣйствія, то въ этомъ процессѣ участвуютъ еще такія средства производства, которыя даются самой природой и вовсе не представляютъ соединенія матеріи съ человѣческимъ трудомъ.

Процессъ труда, выше представленный нами въ его простыхъ и абстрактныхъ моментахъ, есть цѣлесообразная дѣятельность, сводящаяся къ созданію потребительныхъ цѣнностей, приспособленіе матеріи къ человѣческимъ потребностямъ, всеобщее условіе обмѣна веществъ между человѣкомъ и природой, вѣчное естественное условіе человѣческой жизни. Въ силу этого, онъ независимъ отъ какихъ-либо формъ этой жизни, напротивъ того, онъ одинаково присущъ всѣмъ ея общественнымъ формамъ. Намъ, поэтому, не было надобности разсматривать рабочаго въ его отношеніи къ другимъ рабочимъ. Намъ достаточно было разсмотрѣть человѣка и его трудъ на одной сторонѣ и природу и матерію—на другой. Такъ же точно, какъ по вкусу пшеницы нельзя узнать, кто ее воздѣлывалъ, такъ и въ процессѣ труда не видно, при какихъ условіяхъ онъ совершается. Ничто не указываетъ на то, совершается ли онъ подъ жестокимъ бичомъ надсмотрщика рабовъ, или подъ заботливымъ глазомъ капиталиста, совершалъ ли его Цинцинатъ, воздѣлывающій свои нѣсколько югеровъ, или дикарь, убивающій камнемъ дичь [2]).

Но вернемся къ нашему капиталисту in spe. Мы оставили его послѣ того, какъ онъ купилъ на товарномъ рынкѣ всѣ факторы, необходимые для процесса труда: предметные (объективные) факторы, или средства производства, и личный (субъективный) факторъ, или рабочую силу. Хитрымъ взоромъ знатока онъ высмотрѣлъ, выбралъ тѣ средства производства и ту рабочую силу, которыя нужны для его особаго предпріятія, прядильной, сапожной мастерской и т. д. Нашъ капиталистъ принимается теперь за потребленіе купленныхъ имъ това-

---

[2]) На этомъ въ высшей степени логическомъ основаніи полковникъ Торренсъ (Torrens) открылъ въ камнѣ дикаря начало капитала. «Въ первомъ камнѣ, который дикарь бросаетъ въ преслѣдуемую имъ дичь, въ первой палкѣ, которую онъ беретъ, чтобы сбить плоды, которыхъ онъ не можетъ достать руками, мы видимъ присвоеніе одного предмета съ цѣлью пріобрѣтенія другого и открываемъ, такимъ образомъ, начало капитала». (R. Torrens: An Essay on the Production of Wealth etc. p. 70, 71). Этой первой палкой (Stock). вѣроятно, объясняется, почему по англійски Stock есть синонимъ капитала.

ровъ, т. е. онъ заставляетъ носителя рабочей силы, рабочаго, потреблять посредствомъ своего труда средства производства. Общій характеръ процесса труда, разумѣется, не измѣняется отъ того, что рабочій совершаетъ его для капиталиста, а не для самого себя. Точно также не можетъ измѣниться сразу извѣстный способъ приготовленія сапогъ или прядевія шерсти вслѣдствіе вмѣшательства капиталиста. Капиталистъ сначала долженъ взять рабочую силу такою, какою онъ нашелъ ее на рынкѣ, а, стало, долженъ брать и трудъ такимъ, какимъ онъ былъ въ тотъ періодъ, когда еще не было капиталистовъ. Преобразованіе самаго способа производства вслѣдствіе подчиненія труда капиталу происходитъ лишь позже и, поэтому, мы будемъ разсматривать его впослѣдствіи.

Процессъ труда, представляющій въ то же время процессъ потребленія капиталистомъ рабочей силы, характеризуется двумя своеобразными феноменами.

Рабочій трудится подъ контролемъ капиталиста, которому принадлежитъ его работа. Капиталистъ наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы работа производилась аккуратно, чтобы средства производства цѣлесообразно потреблялись, чтобы сырой матеріалъ не тратился зря, чтобы съ орудіями труда обходились бережно, т. е. чтобы они разрушались лишь настолько, насколько этого требуетъ самое употребленіе ихъ въ процессѣ труда.

Во-вторыхъ, продуктъ есть собственность капиталиста, а не непосредственнаго производителя, не рабочаго. Капиталистъ оплачиваетъ, напр., дневную цѣнность рабочей силы. Такимъ образомъ, потребленіе ея, какъ и всякаго другого товара, напр., лошади, нанятой имъ на одинъ день, принадлежитъ ему въ продолженіе дня. Покупателю товара принадлежитъ пользованіе товаромъ, и владѣлецъ рабочей силы, отдавая свой трудъ, дѣйствительно отдаетъ только проданную имъ потребительную цѣнность. Съ того самаго момента, какъ онъ вступилъ въ мастерскую капиталиста, потребительная цѣнность его рабочей силы, а, слѣдовательно, пользованіе ею, т. е. трудъ, принадлежитъ капиталисту. Покупкою рабочей силы капиталистъ присоединилъ самый трудъ въ качествѣ живого бродила къ тоже принадлежащимъ ему мертвымъ образовательнымъ элементамъ продукта. Съ его точки зрѣнія, процессъ труда есть только потребленіе купленнаго имъ товара—рабочей силы; но потреблять ее онъ можетъ только, присоединяя къ ней средства производства. Процессъ труда есть процессъ, происходящій между вещами, купленными капиталистомъ между принадлежащими ему вещами. Продуктъ этого процесса принадлежитъ, ему по такому же праву, какъ и продуктъ процесса броженія, происходящаго въ его винномъ погребѣ [10]).

[10]) «Продукты присваиваются прежде, чѣмъ они превращаются въ капиталъ; превращеніе это не избавляетъ ихъ отъ присвоенія». (Cherbulicz: «Riche ou Pauvre, édit. Paris 1841», p. 53, 54). «Продавая свой трудъ за извѣстное количество средствъ существованія (approvisionnement), пролетарій совершенно отказывается отъ всякаго участія въ продуктѣ. Присвоеніе продуктовъ остается такимъ же, какъ и прежде: оно нисколько не измѣняется вслѣдствіе вышеупомянутаго договора. Продуктъ принадлежитъ исключительно капиталисту, доставившему сырье и средства существованія. Это есть строгое слѣдствіе закона присвоенія, основнымъ принципомъ котораго было, наоборотъ, исключительное право собственности каждаго ра-

2. Процессъ возрастанія капитала.

Продуктъ—собственность капиталиста—есть какая нибудь потребительная цѣнность, напр., пряжа, сапоги и т. д. Но хотя сапоги, напр., составляютъ до нѣкоторой степени основаніе общественнаго прогресса, и хотя нашъ капиталистъ рѣшительный прогрессистъ, все-таки онъ фабрикуетъ сапоги не ради нихъ самихъ. Потребительная цѣнность вообще не представляетъ въ товарномъ производствѣ той вещи, «qu'on aime pour lui même» (которую любятъ ради нея самой). Потребительныя цѣнности производятся здѣсь вообще лишь постольку, поскольку и лишь потому, что онѣ составляютъ матеріальный субстратъ, суть носители мѣновой цѣнности. Нашъ капиталистъ заботится здѣсь о двухъ вещахъ. Во-первыхъ, онъ хочетъ произвести такую потребительную цѣнность, которая имѣла бы мѣновую цѣнность, предметъ, предназначенный для продажи, товаръ. А во-вторыхъ, онъ хочетъ произвести товаръ, цѣнность котораго была бы выше суммы цѣнности тѣхъ товаровъ, которые потребовались на его производство, т. е. средствъ производства и рабочей силы, на покупку которыхъ онъ израсходовалъ на товарномъ рынкѣ свои кровныя деньги. Онъ хочетъ произвести не только потребительную цѣнность, но и товаръ, не только потребительную цѣнность, но и цѣнность, и не только одну цѣнность, но и прибавочную цѣнность.

На самомъ дѣлѣ, такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ о товарномъ производствѣ, то, очевидно, до сихъ поръ мы разсматривали только одну сторону этого процесса. Какъ самъ товаръ есть единство потребительной цѣнности и цѣнности, такъ и процессъ производства его долженъ быть единствомъ процесса труда и процесса образованія цѣнности.

Разсмотримъ же теперь процессъ производства также и какъ процессъ образованія цѣнности.

Мы знаемъ, что цѣнность каждаго товара опредѣляется количествомъ овеществленнаго въ его потребительной цѣнности труда, т. е. общественно необходимымъ для его производства рабочимъ временемъ. Это относится и къ продукту, полученному капиталистомъ, какъ результатъ процесса труда. Намъ нужно, слѣдовательно, прежде всего вычислить овеществленное въ этомъ продуктѣ количество труда.

Предположимъ, что продуктъ этотъ пряжа.

Для производства пряжи сначала понадобился сырой матеріалъ, напр., 10 ф. хлопка. Нашимъ изслѣдовать намъ, какова цѣнность хлопка, такъ какъ капиталистъ купилъ его на рынкѣ по его цѣнности, напр., за 10 шил. Въ цѣнѣ хлопка уже заключается средній общественный трудъ, необходимый для

бочаго на его продуктъ». (Ibid. p. 58) James Mill: «Elements of Pol. Econ. etc.» p. 70: «Если рабочіе работаютъ за плату, то капиталистъ является собственникомъ не только капитала (Милль имѣетъ въ виду средства производства) но также и труда (of the labour also). Если въ понятіе капитала включаютъ то, что выплачивается въ видѣ заработной платы, какъ это обыкновенно принято, то безсмысленно говорить о капиталѣ отдѣльно отъ труда. Слово капиталъ, въ этомъ смыслѣ, включаетъ въ себя и то и другое, и капиталъ, и трудъ».

его производства. Предположимъ далѣе, что веретенъ, которыя для насъ представляютъ и всѣ другія употреблявшіяся орудія труда, изнашивается на 2 шил. Если количество золота въ 12 шил. составляетъ продуктъ 24 часовъ труда или 2 рабочихъ дней, то изъ этого слѣдуетъ, что въ пряжѣ овеществлены 2 рабочихъ дня.

То обстоятельство, что хлопокъ измѣнилъ свою форму и потребленная часть веретенъ совершенно исчезла, не должно насъ сбивать съ толку. По общему закону цѣнности, 10 ф. пряжи, напр., эквивалентны 10 ф. хлопка и $^1/_4$ веретена, если цѣнность 40 ф. пряжи=цѣнности 40 ф. хлопка+цѣнность цѣлаго веретена, т. е. если требуется одинаковое рабочее время для производства обѣихъ частей этого уравненія. Въ этомъ случаѣ одно и то же рабочее время представлено разъ въ потребительной цѣнности пряжи и другой разъ въ потребительныхъ цѣнностяхъ хлопка и веретена. Для цѣнности, такимъ образомъ, совершенно безразлично, проявляется ли она въ пряжѣ, веретенѣ или хлопкѣ. То обстоятельство, что веретено и хлопокъ, вмѣсто того, чтобы спокойно лежать рядомъ, соединяются въ процессѣ прядения, измѣняющемъ ихъ потребительныя формы и превращающемъ ихъ въ пряжу, вліяетъ на ихъ цѣнность, не болѣе чѣмъ на нее могла бы повліять простая замѣна ихъ эквивалентнымъ количествомъ пряжи.

Рабочее время, требующееся для производства хлопка содержится въ пряжѣ, такъ какъ оно составляетъ часть рабочаго времени, требующагося для производства пряжи, сырой матеріалъ которой хлопокъ образуетъ. То же самое относится и къ рабочему времени, необходимому для производства веретенъ, безъ изнашиванія или потребленія которыхъ хлопокъ не можетъ быть превращенъ въ пряжу [11]).

Итакъ, поскольку рѣчь идетъ о цѣнности пряжи, т. е. о рабочемъ времени, необходимомъ для ея производства, мы должны разсматривать различные отдѣльные, раздѣленные во времени и пространствѣ, процессы труда, которые должны быть продѣланы сначала для производства хлопка и веретенъ и затѣмъ для превращенія хлопка и веретенъ въ пряжу, какъ различныя и послѣдовательныя фазы одного и того же процесса труда. Весь трудъ, содержащійся въ пряжѣ, есть прошедшій трудъ. То обстоятельство, что рабочее время, необходимое для производства составныхъ элементовъ пряжи, уже прошло и является, такъ сказать, временемъ давнопрошедшимъ (Plusquamperfectum), рабочее же время, непосредственно потраченное на заключительный процессъ прядения, напротивъ того, ближе къ настоящему, является временемъ просто прошедшимъ (Perfectum), не имѣетъ никакого значенія. Если требуется опредѣленное количество труда, напр., 30 рабочихъ дней, для постройки дома, то общее количество овеществленнаго въ домѣ рабочаго времени нисколько не измѣняется отъ того, что тридцатый день вступилъ въ производство черезъ 29 дней послѣ перваго. И, такимъ образомъ, мы можемъ разсматривать рабочее время, заключающееся въ матеріалѣ

[11]) «На цѣнность вліяетъ не только трудъ, приложенный непосредственно къ товарамъ, но также и трудъ, содержащійся въ вспомогательныхъ веществахъ, орудіяхъ и строеніяхъ, при участіи которыхъ совершается этотъ трудъ». (Ricardo l. c. p. 16).

и орудіяхъ труда, какъ затраченное лишь въ предыдущей стадіи процесса прядѣнья, ранѣе того послѣдняго труда, который былъ приложенъ въ формѣ прядѣнья.

Цѣнности средствъ производства, хлопка и веретенъ, выраженныя въ цѣнѣ 12 шил., образуютъ, такимъ образомъ, составныя части цѣнности пряжи, или цѣнности продукта.

Но два условія должны быть при этомъ выполнены. Во-первыхъ, хлопокъ и веретена должны на самомъ дѣлѣ идти на производство потребительной цѣнности, въ нашемъ примѣрѣ—пряжи. Для цѣнности безразлично, какая потребительная цѣнность является ея носительницей, но какая-нибудь потребительная цѣнность должна быть таковой. Во-вторыхъ, предполагается, что потрачено было только необходимое при данныхъ общественныхъ условіяхъ производства рабочее время. Если бы только 1 ф. хлопка нуженъ былъ для приготовленія 1 ф. пряжи, то только 1 ф. хлопка долженъ былъ бы быть потребленъ въ процессѣ образованія 1 ф. пряжи. То же самое относится и къ веретенамъ. Если бы нашему капиталисту пришла фантазія употреблять золотыя веретена вмѣсто желѣзныхъ, то все таки въ цѣнность пряжи входилъ бы только общественно-необходимый трудъ, т. е. рабочее время, необходимое для производства желѣзныхъ веретенъ.

Мы знаемъ теперь, какую часть цѣнности пряжи составляютъ средства производства, хлопокъ и веретена. Она равняется 12 шилл., или вещному выраженію 2 рабочихъ дней. Остается, слѣдовательно, узнать ту часть цѣнности, которую самый трудъ прядильщика прибавляетъ къ хлопку.

Мы должны разсматривать теперь этотъ трудъ съ совершенно другой точки зрѣнія, чѣмъ во время процесса труда. Тамъ мы разсматривали цѣлесообразную дѣятельность, состоящую въ превращеніи хлопка въ пряжу. Чѣмъ цѣлесообразнѣе трудъ, тѣмъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, лучше пряжа. Трудъ прядильщика былъ специфически отличенъ отъ всякаго другого производительнаго труда, и это различіе проявлялось субъективно и объективно въ особенной цѣли прядѣнья, въ его особенномъ способѣ труда, въ особенной природѣ его средствъ производства, въ особенной потребительной цѣнности его продукта. Хлопокъ и веретена служатъ для труда, состоящаго въ прядѣньѣ, средствами существованія, но изъ нихъ нельзя сдѣлать нарѣзныхъ пушекъ. Наоборотъ, поскольку трудъ прядильщика образуетъ цѣнность, т. е. является источникомъ цѣнности, онъ нисколько не отличается отъ труда сверлильщика, или, возьмемъ болѣе близкій примѣръ, отъ труда земледѣльца, воздѣлывающаго хлопчатникъ, и производителя веретенъ.—двухъ производителей, трудъ которыхъ реализованъ въ средствахъ производства пряжи. Только вслѣдствіе этого тождества возлѣлываніе хлопчатой бумаги, изготовленіе веретенъ и прядѣніе и могутъ составить количественно различныя части одной и той же совокупной цѣнности—цѣнности пряжи. Здѣсь дѣло идетъ не о качествѣ, не о свойствахъ труда, а только о его количествѣ, которое очень легко учесть. Допустимъ, что прядѣнье есть простой средній общественный трудъ. Впослѣдствіи мы увидимъ, что противоположное предположеніе нисколько не измѣняетъ дѣла.

Во время процесса труда, трудъ переходитъ постоянно изъ формы дѣятель-

ности въ форму бытія, изъ формы движенія въ вещную форму (Gegenständlichkeit). По прошествіи одного часа то движеніе, изъ котораго состоитъ операція прядевья, выразилось въ извѣстномъ количествѣ пряжи, т. е. извѣстное количество труда, одинъ рабочій часъ овеществился въ хлопкѣ. Мы говоримъ: рабочій часъ, т. е. имѣемъ въ виду трату жизненной силы прядильщика въ продолженіе одного часа, такъ какъ трудъ прядевья имѣетъ здѣсь значеніе лишь постольку, поскольку онъ представляетъ трату рабочей силы, а не потому, что онъ является специфическимъ трудомъ—прядевьемъ.

Рѣшающее значеніе имѣетъ, чтобы во все время процесса, т. е. превращенія хлопка въ пряжу, было потреблено только общественно необходимое рабочее время. Если при нормальныхъ, т. е. среднихъ общественныхъ условіяхъ производства a фунтовъ хлопка превращаются въ продолженіе одного рабочаго часа въ b фунтовъ пряжи, то за двѣнадцатичасовой рабочій день считается только такой рабочій день, который превращаетъ $12 \times a$ фунтовъ хлопка въ $12 \times b$ фунтовъ пряжи. Ибо только общественно-необходимое рабочее время идетъ въ счетъ при образованіи цѣнности.

Здѣсь и сырой матеріалъ, и продуктъ, такъ же какъ и самый трудъ являются совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ съ точки зрѣнія процесса труда въ собственномъ смыслѣ. Сырой матеріалъ имѣетъ здѣсь значеніе только въ силу того, что онъ впитываетъ въ себя опредѣленное количество труда. Этимъ впитываніемъ сырье, дѣйствительно, превратилось въ пряжу, потому что рабочая сила, приложенная къ нему, была потрачена въ формѣ прядевья. Но самый продуктъ, пряжа, теперь служитъ только мѣриломъ труда, впитаннаго въ себя хлопкомъ. Если въ продолженіе одного часа хлопка выпрядено $1^2/_3$ ф., или онъ превращенъ въ $1^2/_3$ ф. пряжи, то 10 ф. пряжи впитали въ себя 6 рабочихъ часовъ. Опредѣленныя, установленныя опытнымъ путемъ, количества продукта, представляютъ теперь только опредѣленныя количества труда, опредѣленныя количества застывшаго рабочаго времени. Они только овеществленіе одного часа, двухъ часовъ, одного дня общественнаго труда.

То обстоятельство, что трудъ является именно въ видѣ операціи прядевья, что матеріалъ его есть хлопокъ, а продуктъ — пряжа, здѣсь такъ же безразлично, какъ и то, что предметъ труда самъ уже есть продуктъ, т. е. представляетъ сырье. Если бы рабочій былъ занятъ въ угольной копи, а не на прядильной фабрикѣ, то предметъ труда, уголь, былъ бы данъ природой. Тѣмъ не менѣе, извѣстное количество извлеченнаго изъ копи угля, напр., одинъ центнеръ, представлялъ бы опредѣленное количество впитаннаго углемъ труда.

При продажѣ рабочей силы предполагалось, что ея дневная цѣнность=3 шилл., что въ этихъ 3 шилл. содержится 6 рабочихъ часовъ, и что, такимъ образомъ, это количество труда необходимо для производства средняго дневного количества средствъ существованія рабочаго. Если нашъ прядильщикъ превращаетъ въ продолженіе одного рабочаго часа $1^2/_3$ ф. хлопка въ $1^2/_3$ ф. пряжи [12]), то въ 6 часовъ онъ превратитъ 10 ф. хлопка въ 10 ф. пряжи. Стало быть, во время процесса прядевья хлопокъ впитываетъ 6 рабочихъ часовъ.

[12]) Цифры взяты здѣсь совершенно произвольно.

То же самое рабочее время выражается въ количествѣ золота=3 шилл. Къ хлопку, такимъ образомъ, прядѣніемъ прибавлена цѣнность въ 3 шилл.

Разсмотримъ теперь совокупную цѣнность продукта, т. е. 10 ф. пряжи. Въ нихъ овеществлены $2^1/_2$ рабочихъ дня: 2 рабочихъ дня содержатся въ хлопкѣ и веретенахъ, и $^1/_2$ дня труда впитано во время процесса прядѣнья. Такое же количество труда выражается въ суммѣ золота=15 шилл. Полная цѣна 10 ф. пряжи составляетъ, такимъ образомъ, 15 шилл., цѣна же одного фунта пряжи—1 шил. 6 пенсовъ.

Нашъ капиталистъ смущенъ. Цѣнность продукта равна цѣнности авансированнаго капитала. Авансированная цѣнность не возрасла, не произвела прибавочной цѣнности, и деньги, стало быть, не превратились въ капиталъ. Цѣна 10 ф. пряжи равна 15 шилл., и 15 шилл. были издержаны на товарномъ рынкѣ на образовательные элементы продукта или, что то же самое, на факторы процесса труда: 10 шилл. на хлопокъ, 2 шилл. на использованную массу веретенъ и 3 шилл. на рабочую силу. То обстоятельство, что цѣнность хлопка въ пряжѣ увеличилась, ничего не измѣняетъ, такъ какъ ея цѣнность представляетъ только сумму цѣнностей, распредѣлявшихся прежде между хлопкомъ, веретенами и рабочей силой, а изъ такого простого сложенія существующихъ цѣнностей не можетъ никогда произойти прибавочной цѣнности [13]). Эти цѣнности теперь всѣ сконцентрированы въ одномъ предметѣ, но онѣ были точно такъ же сконцентрированы въ денежной суммѣ 15 шилл., прежде чѣмъ она распалась вслѣдствіе 3 покупокъ.

Самъ по себѣ результатъ этотъ не удивителенъ. Цѣнность одного фунта пряжи равна 1 шилл. 6 пенс., и за 10 ф. пряжи нашъ капиталистъ долженъ былъ бы на товарномъ рынкѣ заплатить 15 шилл. Купитъ ли онъ свой домъ готовымъ на рынкѣ, или будетъ его строить самъ, ни одна изъ этихъ операцій не увеличитъ денегъ, потраченныхъ на пріобрѣтеніе дома.

Капиталистъ, который кое что смыслитъ въ вульгарной политической экономіи, скажетъ, пожалуй, что онъ затратилъ свои деньги съ намѣреніемъ получить къ нимъ нѣкоторую прибавку. Но дорога въ адъ вымощена добрыми намѣреніями; у него могло бы точно также быть намѣреніе пріобрѣсть деньги, ничего не производя [14]). Онъ начинаетъ грозить, что больше его уже не проведутъ. Впредь онъ будетъ покупать товары готовыми на рынкѣ вмѣсто того,

[13]) Это основное положеніе, на которомъ покоится ученіе физіократовъ о непроизводительности всякаго невемледѣльческаго труда, и оно неотразимо для экономиста—по спеціальности. «Этотъ способъ приписыватьодной вещи цѣнность многихъ другихъ (напр., полотну потребленіе ткача), накладывать, такъ сказать, слоями нѣсколько цѣнностей на одну ведетъ къ тому, что эта послѣдняя все вздувается... Понятіе сложенія очень хорошо объясняетъ способъ образованія цѣны произведеній труда: эта цѣна есть сумма нѣсколькихъ цѣнностей потребленныхъ и сложенныхъ вмѣстѣ; но складывать не значитъ умножать». (Mercier de la Rivière, l. c. p. 599).

[14]) Такъ, напр., въ 1844—1847 г. онъ изъялъ часть своего капитала изъ производства, чтобы просадить ихъ, спекулируя на желѣзнодорожныхъ акціяхъ. Такъ во время американской гражданской войны онъ закрывалъ фабрики и выбрасывалъ фабричнаго рабочаго на мостовую, чтобы играть на ливерпульской хлопчатобумажной биржѣ.

чтобы производить ихъ самому. Но если вся его братія—капиталисты—поступитъ такъ же, то откуда возьметъ онъ товары на рынкѣ? А денегъ онъ не можетъ ѣсть. И вотъ онъ начинаетъ читать поученія. Надо де принять во вниманіе его воздержаніе. Вѣдь онъ могъ бы промотать свои 15 шилл. Вмѣсто этого онъ потребилъ ихъ производительно и сдѣлалъ изъ нихъ пряжу. Но вѣдь за то,—говорятъ ему,—у него есть теперь пряжа вмѣсто угрызеній совѣсти. Избави его Богъ сбиться на роль собирателя сокровищъ, показавшаго уже намъ, къ чему приводитъ аскетизмъ. Притомъ, какъ говоритъ пословица, тамъ, гдѣ нѣтъ ничего, и императоръ теряетъ свои права. Какова бы ни была заслуга его воздержанія, нѣтъ ничего, чѣмъ бы можно было особо ее оплатить, такъ какъ цѣнность продукта, выходящаго изъ процесса производства, только равна суммѣ вошедшихъ въ него товарныхъ цѣнностей. Пусть онъ успокоится на томъ, что добродѣтель вознаграждается добродѣтелью же. Но вмѣсто того, чтобы успокоиться на этомъ, капиталистъ становится навязчивымъ. Пряжа ему не нужна,—говоритъ онъ,—произвелъ онъ ее для продажи. Ему отвѣчаютъ на это: пусть онъ продастъ пряжу, или, что еще проще, пусть онъ впредь производитъ только предметы, необходимые для его собственнаго потребленія; кстати его домашній врачъ, Макъ Куллохъ, уже прописалъ ему этотъ рецептъ, какъ испытанное средство противъ эпидеміи перепроизводства. Но нашъ капиталистъ становится на дыбы. Развѣ рабочій могъ бы своими руками работать въ пустомъ пространствѣ, создавать продукты труда, товары, изъ ничего? Развѣ онъ, капиталистъ, не далъ рабочему матеріала, посредствомъ котораго и въ которомъ послѣдній только и можетъ воплотить свой трудъ? И такъ какъ большая часть общества состоитъ изъ подобныхъ бѣдняковъ, то развѣ своими средствами производства, своимъ хлопкомъ и своими веретенами онъ не оказалъ неизмѣримой услуги обществу и, въ особенности, рабочему, котораго онъ сверхъ того снабдилъ еще средствами существованія? Неужели онъ не долженъ поставить на счетъ эту услугу? Но—говорятъ ему—развѣ рабочій не оказалъ ему, въ свою очередь, услуги, превративъ веретена и хлопокъ въ пряжу? Кромѣ того, здѣсь дѣло не въ услугахъ [15]). Услуга есть не что иное, какъ полезное дѣйствіе потребительной цѣнности, будетъ ли это товаръ или трудъ [16]). Дѣло здѣсь въ мѣновой

[15]) «Воспѣвай свои хвалы, наряжай и украшай... Но кто беретъ больше или лучше того, что онъ далъ, тотъ ростовщикъ, и онъ оказываетъ своему ближнему не услугу, а вредъ, какъ воръ и грабитель. Не все услуга и благодѣяніе ближнему, что называется этимъ именемъ. Прелюбодѣй и прелюбодѣйка оказываютъ другъ другу услугу и удовольствіе. Рейтаръ (кавалерійскій солдатъ) оказываетъ поджигателю и убійцѣ рейтарскую услугу, помогая ему грабить по большимъ дорогамъ и нападать на людей и на помѣстья. Паписты оказываютъ нашимъ большую услугу тѣмъ, что они не всѣхъ топятъ, сжигаютъ, убиваютъ, не всѣмъ даютъ сгнить въ тюрьмахъ, а оставляютъ нѣкоторыхъ жить и нагоняютъ ихъ, или отнимаютъ у нихъ все имущество. Самъ діаволъ оказываетъ своимъ служителямъ громадную, неизмѣримую услугу... Въ конечномъ счетѣ, міръ переполненъ большими превосходными ежедневными услугами и благодѣяніями». (Martin Luther: «An die Pfarherrn, wider den Wucher zu predigen etc. Wittenberg. 1540»).

[16]) Я замѣчаю по этому поводу въ «Zur Kritik der Pol. Oek.» стр. 4 и др.: «Можно себѣ представить, какую «услугу» оказываетъ категорія «услугъ» (service) экономистамъ въ родѣ J. B. Say и F. Bastiat».

цѣнности. Онъ заплатилъ рабочему цѣнность въ 3 шил. Рабочій вернулъ ему точный эквивалентъ въ прибавленной къ цѣнности хлопка цѣнности въ 3 шил., цѣнность пошла за цѣнность. Нашъ пріятель, только что такъ кичившійся своимъ капиталомъ, вдругъ принимаетъ непритязательный видъ своего собственнаго рабочаго. Развѣ онъ самъ не работалъ? Развѣ онъ не исполнялъ труда, состоявшаго въ наблюденіи и высмотрѣ надзоръ за прядильщикомъ? Развѣ этотъ трудъ его не образуетъ также цѣнности? Его собственный надсмотрщикъ (overlooker) и его собственный управляющій (manager) пожимаютъ плечами. Но вотъ онъ уже съ веселой улыбкой принялъ опять свою прежнюю физіономію. Онъ лурачилъ насъ всѣми своими жалобами. Это все пустяки. Всѣ эти и подобныя имъ пустыя увертки и безсодержательныя реченія онъ предоставляетъ профессорамъ политической экономіи, которые за это собственно и получаютъ жалованье. Онъ же самъ человѣкъ практическій, который хотя и не всегда обдумываетъ то, что онъ говоритъ тогда, когда не обдѣлываетъ своихъ дѣлъ, но въ дѣлахъ всегда понимаетъ, что онъ дѣлаетъ.

Присмотримся поближе къ этому. Дневная цѣнность рабочей силы составляла 3 шилл., потому что въ ней самой овеществлена половина рабочаго дня, т. е. потому, что средства существованія, необходимыя ежедневно для производства рабочей силы, стоятъ полъ рабочаго дня. Но прошедшій трудъ, заключающійся въ рабочей силѣ и живой трудъ, который она можетъ выполнить, ея ежедневныя средства существованія и ея ежедневная трата—двѣ совершенно различныя величины. Первая опредѣляетъ ея мѣновую цѣнность, вторая составляетъ ея потребительную цѣнность. То обстоятельство, что для поддержанія жизни рабочаго въ продолженіе 24 часовъ нужно только полъ рабочаго дня, нисколько не мѣшаетъ ему работать цѣлый день. Цѣнность рабочей силы и ея эксплуатація въ процессѣ труда, слѣдовательно, двѣ различныя величины. Это различіе въ цѣнности капиталистъ и имѣлъ въ виду, когда покупалъ рабочую силу. Ея полезное свойство, ея способность производить пряжу или сапоги было только conditio sine qua non: трудъ долженъ быть издержанъ въ полезной формѣ для того, чтобы образовать цѣнность. Рѣшающее значеніе имѣла здѣсь специфическая потребительная цѣнность этого товара, т. е. его способность быть источникомъ цѣнности, и притомъ—большаго количества цѣнности чѣмъ та цѣнность, которую онъ самъ имѣетъ. Въ этомъ и заключается специфическая услуга, которой капиталистъ ждетъ отъ рабочей силы. И при этомъ онъ поступаетъ сообразно съ вѣчными законами товарнаго обмѣна. Въ самомъ дѣлѣ, продавецъ рабочей силы, какъ и продавецъ всякаго другого товара, реализуетъ ея мѣновую цѣнность, отчуждая ея потребительную цѣнность. Онъ не можетъ получить одной, не отдавая другой. Потребительная цѣнность рабочей силы, самый трудъ такъ же мало принадлежитъ продавцу ея, какъ потребительная цѣнность проданнаго масла—торговцу масломъ. Владѣлецъ денегъ уплатилъ дневную цѣнность рабочей силы; ему принадлежитъ, поэтому, потребленіе ея въ продолженіе одного дня, т. е. дневной трудъ. То обстоятельство, что дневное содержаніе рабочей силы стоитъ только полъ рабочаго дня, хотя рабочая сила можетъ дѣйствовать, т. е. работать цѣлый день, что, поэтому,

цѣнность, которую создаетъ ея потребленіе въ продолженіе одного дня, вдвое больше ея собственной цѣнности, составляетъ особую удачу покупателя, но ни въ какомъ случаѣ не составляетъ несправедливости по отношенію къ продавцу.

Нашъ капиталистъ предвидѣлъ этотъ казусъ, который возбуждаетъ въ немъ веселое настроеніе. Рабочій находитъ въ мастерской всѣ средства производства, необходимыя не только для шестичасового, но для двѣнадцатичасового процесса труда. Если 10 ф. хлопка впитывали въ себя 6 рабочихъ часовъ и превратились въ 10 ф. пряжи, то 20 ф. хлопка поглотятъ 12 рабочихъ часовъ и превратятся въ 20 ф. пряжи. Разсмотримъ теперь продуктъ удлиненнаго процесса труда. Въ 20 ф. пряжи овеществлено теперь 5 рабочихъ дней: 4 въ потребленномъ хлопкѣ и веретенахъ и 1, впитанный хлопкомъ во время процесса прядѣнья. Но денежное выраженіе 5 рабочихъ дней составляетъ 30 шил. или 1 ф. ст. 10 шилл. Такова, слѣдовательно, цѣна 20 ф. пряжи. Фунтъ пряжи стоитъ теперь, какъ и раньше, 1 шил. 6 пенс. Но сумма цѣнностей товаровъ, пущенныхъ въ процессъ, составляла 27 шилл., а цѣнность пряжи составляетъ 30 шил. Цѣнность продукта возрасла на $^1/_9$ сверхъ авансированной на ея производство цѣнности. Такимъ образомъ, 27 шилл. превратились въ 30 шилл. Они породили прибавочную цѣнность въ 3 шилл. Фокусъ наконецъ удался. Деньги превращены въ капиталъ.

Всѣ условія задачи рѣшены, и законы товарнаго обмѣна нисколько не нарушены. Эквивалентъ обмѣненъ на эквивалентъ. Капиталистъ, какъ покупатель, платилъ за каждый товаръ, т.-е. хлопокъ, веретена, рабочую силу, по ихъ цѣнности. Затѣмъ, онъ поступалъ, какъ и всякій другой покупатель товаровъ, — онъ потреблялъ ихъ потребительную цѣнность. Процессъ потребленія рабочей силы, который есть въ то же время и процессъ производства товара, далъ продуктъ—20 ф. пряжи, цѣнностью въ 30 шилл. Капиталистъ снова отправляется на рынокъ, гдѣ онъ самъ ранѣе купилъ товаръ, чтобы теперь продать товаръ. Онъ продаетъ фунтъ пряжи по 1 шилл. 6 пенс., ни на одну полушку не ниже и не выше ея цѣнности. И тѣмъ не менѣе, онъ извлекаетъ изъ обращенія на 3 шилл. больше того, что онъ первоначально пустилъ въ него. Весь этотъ процессъ, превращеніе денегъ въ капиталъ происходитъ и въ сферѣ обращенія и внѣ ея. Онъ происходитъ чрезъ посредство обращенія, такъ какъ обусловливается покупкой рабочей силы на товарномъ рынкѣ. Онъ происходитъ внѣ обращенія, такъ какъ послѣднее только подготовляетъ процессъ возрастанія капитала, который происходитъ въ сферѣ производства. Такимъ образомъ, «tout est pour le mieux dans le meilleur des mondes possibles» *).

Превращая деньги въ товары, служащіе матеріальными образовательными элементами новаго продукта или факторами процесса труда, присоединяя къ ихъ мертвой вещной природѣ живую рабочую силу, капиталистъ превращаетъ цѣнность, т. е. прошедшій овеществленный мертвый трудъ, въ капиталъ, въ самовозрастающую цѣнность, въ одушевленное чудовище, которое начинаетъ «работать», точно подъ вліяніемъ движущей его любовной страсти.

*) Все къ лучшему въ семъ лучшемъ изъ міровъ.

Если мы сравнимъ теперь процессъ образованія цѣнности и процессъ возрастанія капитала, то мы увидимъ, что послѣдній есть не что иное, какъ процессъ образованія цѣнности, продолженный далѣе извѣстнаго пункта. Если послѣдній продолжается только до того пункта, гдѣ оплаченная капиталистомъ цѣнность рабочей силы замѣщается новымъ эквивалентомъ, то это будетъ простой процессъ образованія цѣнности; если же онъ переходитъ за этотъ предѣлъ, то онъ становится процессомъ возрастанія капитала.

Если, далѣе, мы сравнимъ процессъ образованія цѣнности съ процессомъ труда, то увидимъ, что послѣдній состоитъ въ полезномъ трудѣ, производящемъ потребительныя цѣнности. Здѣсь процессъ этотъ разсматривается съ качественной стороны, со стороны его особаго способа, его цѣли и содержанія. Въ процессѣ образованія цѣнности тотъ же самый процессъ труда представляется намъ со своей количественной стороны. Дѣло идетъ только о количествѣ времени, необходимомъ труду для его операціи, или о продолжительности того времени, въ которое рабочая сила тратится полезно. Здѣсь товары, входящіе въ процессъ труда, не выступаютъ болѣе функціонально опредѣленными матеріальными факторами цѣлесообразно дѣйствующей рабочей силы. Они идутъ въ счетъ лишь какъ опредѣленныя количества овеществленнаго труда. Безразлично, заключается ли трудъ въ средствахъ производства или прибавляется рабочей силой, въ счетъ идетъ только его продолжительность. Онъ составляетъ столько-то дней, часовъ и т. д.

Но трудъ идетъ въ счетъ лишь постольку, поскольку время, затраченное на производство потребительныхъ цѣнностей, есть общественно необходимое время. Этимъ объемлются различныя условія. Рабочая сила должна функціонировать при нормальныхъ условіяхъ. Если господствующимъ орудіемъ труда въ прядевѣ является прядильная машина, то рабочему не должна быть дана въ руки бабья прялка. Хлопокъ долженъ быть хорошаго качества, а не хламомъ, который рвется каждую минуту. Безъ соблюденія этихъ условій рабочій употребитъ больше времени, чѣмъ общественно необходимо для производства одного фунта пряжи, но это излишнее время не способно образовать цѣнности или денегъ. Нормальный характеръ матеріальныхъ факторовъ труда зависитъ, однако, не отъ рабочаго, а отъ капиталиста. Дальнѣйшимъ условіемъ является еще нормальный характеръ самой рабочей силы. Въ той спеціальности, въ которой она примѣняется, она должна обладать среднею степенью искусства, умѣлости и быстроты. Но нашъ капиталистъ купилъ на рабочемъ рынкѣ рабочую силу нормальнаго качества. Эта сила должна тратиться съ соблюденіемъ обычной средней мѣры напряженія труда, т. е. съ общественно-принятой интенсивностью. И капиталистъ такъ же заботливо слѣдитъ за этимъ, какъ и за тѣмъ, чтобы ни одна минута времени не растрачивалась даромъ, безъ труда. Онъ купилъ рабочую силу на опредѣленный срокъ, онъ желаетъ выручить свои издержки. Онъ не желаетъ, чтобы его обкрадывали. Наконецъ,—и для этого тотъ же самый господинъ имѣетъ свой собственный code pénal—сырой матеріалъ и орудія труда не должны быть потребляемы нецѣлесообразно, такъ какъ растраченный матеріалъ или расточенныя орудія труда представляютъ излишнее по-

траченныя количества овеществленнаго труда, а потому не идутъ въ счетъ при образованіи цѣнности продукта [17]).

Мы видимъ, что различіе между трудомъ, поскольку онъ создаетъ потребительную цѣнность, и тѣмъ же самымъ трудомъ, поскольку онъ создаетъ цѣнность, различіе которое мы установили ранѣе путемъ анализа товара, теперь предстаетъ передъ нами какъ различіе между разными сторонами процесса производства.

Какъ единство процесса труда и процесса образованія цѣнности, процессъ производства является процессомъ производства товаровъ; какъ единство процесса труда и процесса возрастанія капитала, онъ является капиталистическимъ процессомъ производства, капиталистической формой товарнаго производства.

Ранѣе было уже замѣчено, что для процесса возрастанія капитала совершенно безразлично, представляетъ ли присвоенный капиталистомъ трудъ простой средній общественный трудъ, или же это будетъ сложный трудъ, трудъ высшаго специфическаго качества. Трудъ, являющійся по сравненію съ среднимъ общественнымъ трудомъ высшимъ, болѣе сложнымъ трудомъ, есть проявленіе такой рабочей силы, на образованіе которой затрачено больше средствъ, производство которой стоитъ большаго количества труда, и которая, поэтому, имѣетъ высшую цѣнность, чѣмъ простая рабочая сила. Если цѣнность такой

---

[17]) Это одно изъ обстоятельствъ, удорожающихъ производство, основанное на рабствѣ. Рабочій по мѣткому выраженію древнихъ, только какъ instrumentum vocale отличается здѣсь отъ животнаго,—instrumentum semivocale и отъ неодушевленнаго орудія труда, instrumentum mutum. Но самъ рабъ даетъ чувствовать животнымъ и орудіямъ труда, что онъ не подобенъ имъ, что онъ человѣкъ. Въ дурномъ обращеніи съ ними и въ порчѣ ихъ con amore онъ выражаетъ сознаніе своего собственнаго превосходства надъ ними. Поэтому экономическимъ принципомъ этого способа производства является употребленіе самыхъ грубыхъ, самыхъ неуклюжихъ орудій труда, такъ какъ вслѣдствіе своей неуклюжести они менѣе подвержены порчѣ. До начала гражданской войны въ рабовладѣльческихъ штатахъ, расположенныхъ у Мексиканскаго залива, употреблялись плуги старо-китайской конструкціи, нарывающіе землю какъ свиньи или кроты, но не разрѣзающіе и не переворачивающіе ее. Ср. J. C. Cairnes: «The Slave Power. London. 1862», p. 46 sqq. Въ своемъ «Sea Bord Slave States» Olmsted, между прочимъ, разсказываетъ: «Мнѣ показывали здѣсь орудія, которыхъ у насъ ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не далъ бы наемному рабочему, такъ какъ ихъ тяжесть и неуклюжесть, я думаю, по крайней мѣрѣ, на десять процентовъ увеличиваетъ трудъ по сравненію съ тѣми орудіями, которыя обыкновенно употребляются у насъ. Но я увѣренъ, что, при грубомъ и небрежномъ обращеніи рабовъ съ орудіями, было бы не экономно употреблять орудія, болѣе легкія и менѣе грубыя; тѣ орудія, которыя мы съ выгодою для себя постоянно даемъ нашимъ рабочимъ, не просуществовали бы и дня на хлѣбныхъ поляхъ Виргиніи, хотя почва тамъ легче и не столь камениста, какъ у насъ. Такъ, на мой вопросъ, почему лошади вездѣ замѣнены мулами, мнѣ указали первую и, конечно, самую основательную причину, а именно, что лошади не могли бы сносить того обращенія, которому онѣ подвергаются со стороны негровъ. Лошади надрываются или заупрѣваются, тогда какъ мулы переносятъ градъ ударовъ, обходятся безъ пищи и не терпятъ отъ этого матеріальнаго ущерба. Они не простуживаются и не заболѣваютъ, когда къ нимъ относятся съ пренебреженіемъ и обременяютъ чрезмѣрной работой. Мнѣ незачѣмъ идти дальше той комнаты, гдѣ я пишу: изъ окна ея я вижу каждую минуту такое дурное обращеніе съ животными, за которое всякій фермеръ на сѣверѣ сейчасъ бы прогналъ своего работника».

силы выше, то за то она и проявляется въ высшемъ трудѣ и овеществляется, поэтому, въ равные промежутки времени, въ сравнительно высшихъ цѣнностяхъ. Какова бы, однако, ни была разница между трудомъ прядильщика и трудомъ ювелира, та доля труда, которая идетъ на возстановленіе ювелирнымъ рабочимъ цѣнности его собственной рабочей силы, качественно нисколько не отличается отъ той прибавочной доли труда, которой онъ создаетъ прибавочную цѣнность. И въ томъ и въ другомъ случаѣ, прибавочная цѣнность порождается только количественнымъ излишкомъ труда, удлиненіемъ того же самаго процесса труда, въ одномъ примѣрѣ—процесса прядильнаго производства, въ другомъ—процесса ювелирнаго производства [18]).

Съ другой стороны, въ каждомъ процессѣ образованія цѣнности высшій трудъ всегда долженъ быть сведенъ къ среднему общественному труду, напр., одинъ день высшаго труда къ x дней простого труда [19]). Такимъ образомъ избѣгаютъ лишней операціи и упрощаютъ анализъ предположеніемъ, что занимаемый капиталомъ рабочій исполняетъ простой средній общественный трудъ.

[18]) Разница между сложнымъ и простымъ трудомъ («skilled» и «unskilled labour») частью основывается только на иллюзіяхъ или, по крайней мѣрѣ, на различіяхъ, которыя уже давно не представляютъ ничего реальнаго и, превратясь въ условности, держатся еще только по традиціи; частью же она основывается на болѣе безпомощномъ положеніи нѣкоторыхъ слоевъ рабочаго класса, вслѣдствіе котораго они менѣе другихъ могутъ заставлять предпринимателей оплачивать ихъ рабочую силу по ея цѣнности. Случайныя обстоятельства при этомъ играютъ такую большую роль, что одного и того же рода трудъ часто мѣняетъ свое мѣсто. Такъ, напр., тамъ, гдѣ физическое здоровье рабочаго класса плохо и относительно истощено, какъ это бываетъ во всѣхъ странахъ съ развитымъ капиталистическимъ производствомъ, грубыя работы, требующія большой мускульной силы, въ общемъ вытѣсняютъ болѣе тонкіе виды труда съ ихъ мѣста, и послѣдніе опускаются до степени простого труда, такъ, напр., трудъ bricklayer'a (кладчика кирпича) въ Англіи занимаетъ высшую ступень, чѣмъ трудъ ткача. Съ другой стороны, трудъ fustian cutter (работника, обрѣзывающаго плисъ), хотя и требуетъ большого физическаго напряженія и, кромѣ того, чрезвычайно вреденъ, фигурируетъ какъ «простой» трудъ. Впрочемъ, не надо воображать, что такъ называемый «skilled labour» занимаетъ количественно значительное мѣсто въ національномъ трудѣ. Laing вычисляетъ, что въ Англіи (и Уэльсѣ) существованіе болѣе чѣмъ 11 милліоновъ душъ основывается на простомъ трудѣ. За вычетомъ одного милліона аристократовъ и полутора милліоновъ пауперовъ, бродягъ, преступниковъ, проститутокъ и т. д. изъ 18 милліоновъ населенія въ то время, когда онъ писалъ, остается 4.650.000 людей средняго класса, включая сюда мелкихъ рантье, служащихъ, писателей, художниковъ, школьныхъ учителей и т. д. Чтобы получить эти $4^2/_3$ милліона, онъ причисляетъ къ работающей части средняго класса, кромѣ банкировъ и т. д., всѣхъ лучше оплачиваемыхъ «фабричныхъ рабочихъ»! Даже bricklayers фигурируютъ у него въ «высшей категоріи» рабочихъ («potenzirte Arbeiter»). Послѣ этого все-таки остаются вышеупомянутые 11 милліоновъ (S. Laing: «National Distress etc. London. 1844»). «Большой классъ, который ничего не можетъ дать взамѣнъ вещи кромѣ простого труда, составляетъ массу народа» (James Mill in Art. «Colony». Supplement to the Encyclop. Brit. 1831).

[19]) «Когда говорятъ о трудѣ, какъ о мѣрѣ цѣнности, то непремѣнно подразумѣваютъ трудъ извѣстнаго рода... отношеніе котораго къ другого рода труду легко можетъ быть опредѣлено» («Outlines of Polit. Economy. London. 1832», p. 22, 23).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Постоянный капиталъ и перемѣнный капиталъ.

Различные факторы процесса труда принимаютъ различное участіе въ образованіи цѣнности продукта.

Рабочій придаетъ объекту труда новую цѣнность, прибавляя къ нему новое количество труда, каковы бы ни были содержаніе, цѣль и техническій характеръ этого труда. Съ другой стороны, въ видѣ составныхъ частей цѣнности продукта, мы вновь находимъ цѣнность потребленныхъ средствъ производства, напр., цѣнность хлопка и веретенъ—въ цѣнности пряжи. Цѣнность средствъ производства такимъ образомъ сохраняется перенесеніемъ ея на продуктъ. Это перенесеніе происходитъ во время превращенія средствъ производства въ продуктъ, въ процессѣ труда. Оно происходитъ посредствомъ труда. Но какимъ образомъ?

Рабочій не работаетъ вдвойнѣ въ одно и то же время—съ одной стороны, чтобы своимъ трудомъ прибавить къ хлопку цѣнность, а съ другой, чтобы сохранить старую цѣнность или, что то же самое, чтобы перенести на продуктъ цѣнность обработываемаго хлопка и веретенъ, которыми онъ работаетъ. Онъ сохраняетъ прежнюю цѣнность простымъ прибавленіемъ новой цѣнности. Но такъ какъ прибавленіе новой цѣнности къ предмету труда и сохраненіе старой цѣнности въ продуктѣ представляютъ два совершенно различные результата, получаемые рабочимъ въ одно и то же время, хотя онъ только однажды работаетъ въ это время, то этотъ двойственный результатъ, очевидно, можетъ быть объясненъ только двойственностью труда рабочаго. Въ одинъ и тотъ же промежутокъ времени трудъ, одной своей стороной, долженъ создавать цѣнность, а другой—сохранять и переносить цѣнность.

Какимъ образомъ каждый рабочій прибавляетъ рабочее время, а, слѣдовательно, и цѣнность? Всегда—только въ формѣ своего спеціальнаго производительнаго труда. Прядильщикъ прибавляетъ рабочее время во время пряденья, ткачъ во время тканья, кузнецъ во время кованія. И только въ цѣлесообразной формѣ, въ которой они вообще прибавляютъ трудъ и, поэтому, новую цѣнность, только въ пряденьѣ, тканьѣ, кованіи—средства производства, хлопокъ и веретена, пряжа и ткацкій станокъ, желѣзо и наковальня становятся образовательными элементами продукта, новой потребительной цѣнности [20]). Старая форма ихъ потребительной цѣнности исчезаетъ, но только для того, чтобы воскреснуть въ новой формѣ потребительной цѣнности. При разсмотрѣніи процесса образованія цѣнности мы уже видѣли, что, поскольку потребительная цѣнность потребляется цѣлесообразно для производства новой потребительной цѣнности, рабочее время, необходимое для возстановленія использованной потребительной цѣнности, составляетъ часть рабочаго времени, необходимаго для созданія новой потребительной цѣнности, составляетъ, слѣдовательно, рабочее

[20]) «Трудъ создаетъ новое твореніе на мѣсто исчезнувшаго». («An Essay on the Polit. Econ. of Nations. London, 1821» p. 13).

время, перенесенное съ потребленныхъ средствъ производства на новый продуктъ. Рабочій сохраняетъ, такимъ образомъ, цѣнность использованныхъ средствъ производства или переноситъ ее въ видѣ составной части цѣнности на продуктъ не прибавленіемъ своего труда вообще, но вслѣдствіе особеннаго полезнаго характера, вслѣдствіе специфически производительной формы этого добавочнаго труда. Въ качествѣ такой цѣлесообразной производительной дѣятельности, пряденья, тканья, ковки, трудъ однимъ своимъ прикосновеніемъ воскрешаетъ средства производства изъ мертвыхъ, дѣлаетъ ихъ живыми факторами процесса труда и, соединяясь съ ними, образуетъ продукты.

Если бы специфическимъ производительнымъ трудомъ рабочаго было не пряденье, то онъ не превращалъ бы хлопка въ пряжу и не переносилъ бы, такимъ образомъ, цѣнность хлопка и веретенъ на пряжу. Если тотъ же самый рабочій мѣняетъ ремесло и становится столяромъ, то теперь такъ же, какъ и раньше, въ каждый рабочій день онъ прибавитъ цѣнность къ своему матеріалу. Онъ, слѣдовательно, прибавляетъ цѣнность своимъ трудомъ не поскольку этотъ трудъ сводится къ пряденью или столярному труду, а поскольку онъ представляетъ абстрактный общественный трудъ вообще; и опредѣленную величину цѣнности онъ прибавляетъ не въ силу особеннаго полезнаго содержанія его труда, но потому, что онъ продолжается опредѣленное время. Въ своемъ абстрактномъ общемъ качествѣ—затраты человѣческой рабочей силы, трудъ прядильщика прибавляетъ къ цѣнности хлопка и веретенъ новую цѣнность; въ своемъ же конкретномъ, особенномъ, полезномъ качествѣ—процесса пряденья, онъ переноситъ цѣнность этихъ средствъ производства на продуктъ и сохраняетъ, такимъ образомъ, ихъ цѣнность въ продуктѣ. Отсюда—двойственность результата этого труда, совершаемаго въ одинъ и тотъ же промежутокъ времени.

Простой количественной придачей труда прибавляется новая цѣнность, вслѣдствіе же качества прибавленнаго труда прежняя цѣнность средствъ производства сохраняется въ продуктѣ. Это двухстороннее вліяніе одного и того же труда, вытекающее изъ его двойственнаго характера, осязательно сказывается въ различныхъ явленіяхъ.

Предположимъ, что, вслѣдствіе какого-нибудь изобрѣтенія, прядильщикъ теперь въ состояніи въ 6 часовъ выпрясть столько хлопка, сколько прежде въ 36 часовъ. Сила его труда, какъ цѣлесообразно-полезной, производительной дѣятельности, увеличилась въ 6 разъ. Продуктъ его въ 6 разъ больше: 36 ф. пряжи вмѣсто 6 ф. пряжи. Но 36 ф. хлопка впитываютъ въ себя теперь лишь столько рабочаго времени, сколько прежде впитывали 6 ф. Къ нимъ прибавляется въ 6 разъ меньше новаго труда, чѣмъ при прежнемъ способѣ, и, поэтому, только—шестая часть прежней цѣнности. Съ другой стороны, въ продуктѣ, въ 36 ф. пряжи находится теперь въ 6 разъ большая цѣнность хлопка. Во время 6 часовъ пряденья сохраняется и переносится на продуктъ въ 6 разъ большая цѣнность сырого матеріала, хотя къ этому самому сырому матеріалу прибавляется теперь въ 6 разъ меньшая новая цѣнность. Изъ этого видно, какъ то свойство, въ силу котораго трудъ, во время одного и того же нераздѣльнаго процесса, сохраняетъ цѣнность, существенно отличается отъ того

свойства, въ силу котораго онъ создаетъ цѣнность. Чѣмъ больше необходимое рабочее время, переходящее во время процесса пряденья на одно и то же количество хлопка, тѣмъ больше та новая цѣнность, которая прибавляется къ хлопку; но чѣмъ большее число фунтовъ пряжи выпрядено въ одно и то же рабочее время, тѣмъ больше та старая цѣнность, которая сохраняется въ продуктѣ.

Предположимъ, наоборотъ, что производительность прядильнаго труда не измѣнилась, что прядильщику нужно теперь, какъ и прежде, то же самое время для превращенія одного фунта хлопка въ пряжу. Но мѣновая цѣнность самого хлопка измѣнилась: цѣна его теперь въ 6 разъ больше или меньше его прежней цѣны. Въ обоихъ случаяхъ прядильщикъ продолжаетъ прибавлять то же количество рабочаго времени къ тому же самому количеству хлопка, т. е. ту же самую цѣнность, и въ обоихъ случаяхъ онъ производитъ въ одно и то же время одно и то же количество пряжи. Однако цѣнность, которую онъ переноситъ съ хлопка на пряжу, т. е. на продуктъ, въ одномъ случаѣ въ 6 разъ меньше, а въ другомъ въ 6 разъ больше, чѣмъ прежде. То же самое происходитъ, когда орудія труда дорожаютъ или дешевѣютъ, но по прежнему оказываютъ тѣ же услуги въ процессѣ труда.

Если техническія условія процесса пряденья не измѣняются и точно также не измѣняется цѣнность средствъ производства, то прядильщикъ потребляетъ и теперь въ одинаковое рабочее время одинаковое количество сырого матеріала и машинъ, цѣнность которыхъ не измѣняется. Цѣнность, которую онъ сохраняетъ въ продуктѣ, прямо пропорціональна тогда новой цѣнности, которую онъ прибавляетъ. Въ двѣ недѣли онъ прибавляетъ къ продукту вдвое больше труда, чѣмъ въ одну недѣлю, а, слѣдовательно, и вдвое большую цѣнность; въ то же время онъ потребляетъ вдвое больше матеріала, имѣющаго вдвое большую цѣнность, изнашиваетъ вдвое больше машинъ, цѣнность которыхъ вдвое больше; такимъ образомъ, въ двухнедѣльномъ продуктѣ онъ сохраняетъ вдвое больше цѣнности, нежели въ недѣльномъ продуктѣ. При данныхъ неизмѣняющихся условіяхъ производства рабочій сохраняетъ тѣмъ большую цѣнность, чѣмъ большую цѣнность онъ прибавляетъ, но онъ сохраняетъ бо́льшую цѣнность не потому, что онъ прибавляетъ бо́льшую цѣнность, а потому что онъ прибавляетъ ее при неизмѣняющихся и независимыхъ отъ его собственнаго труда условіяхъ.

Во всякомъ случаѣ, въ извѣстномъ относительномъ смыслѣ можно сказать, что рабочій всегда сохраняетъ прежнюю цѣнность въ той же пропорціи, въ какой онъ прибавляетъ новую цѣнность. Повысится ли цѣнность хлопка съ одного шиллинга до 2, или упадетъ до 6 пенсовъ, рабочій въ продуктѣ одного часа сохраняетъ всегда половину той цѣнности хлопка,—какъ бы послѣдняя ни измѣнилась,—которую онъ сохранитъ въ продуктѣ 2 часовъ. Если далѣе измѣняется производительность его собственнаго труда, если она увеличивается или уменьшается, то онъ, напр., въ одинъ рабочій часъ выпрядетъ больше или меньше хлопка, чѣмъ прежде и, соотвѣтственно съ этимъ, сохранитъ большую или меньшую цѣнность хлопка въ продуктѣ одного часа. Но при всемъ томъ, въ два рабочихъ часа онъ сохранитъ вдвое больше цѣнности, чѣмъ въ одинъ часъ.

Цѣнность, не говоря о ея чисто символическомъ выраженіи въ знакахъ цѣнности, существуетъ только въ потребительной цѣнности, въ вещи. (Человѣкъ самъ, разсматриваемый какъ простое бытіе рабочей силы, есть естественный предметъ, вещь, пранда, живая и сознательная вещь, а самый трудъ есть вещное обнаруженіе этой силы). Поэтому, если гибнетъ потребительная цѣнность, то вмѣстѣ съ ней исчезаетъ и цѣнность. Средства производства не теряютъ одновременно со своей потребительной цѣнностью своей цѣнности, такъ какъ въ процессѣ труда они на самомъ дѣлѣ теряютъ только первоначальную форму своей потребительной цѣнности, чтобы пріобрѣсти въ продуктѣ форму другой потребительной цѣнности. Но, какъ ни важно для цѣнности существовать въ образѣ какой-нибудь потребительной цѣнности, для нея, какъ показываетъ метаморфозъ товаровъ, совершенно безразлично, въ какой именно потребительной цѣнности она существуетъ. Изъ этого слѣдуетъ, что въ процессѣ труда цѣнность средствъ производства переходитъ на продуктъ лишь постольку, поскольку средства производства теряютъ вмѣстѣ со своей самостоятельной потребительной цѣнностью и свою мѣновую цѣнность. Они отдаютъ продукту только ту цѣнность, которую они теряютъ какъ средства производства. Но въ этомъ отношеніи судьба различныхъ вещныхъ факторовъ процесса труда—различная.

Уголь, служащій для отопленія машины, исчезаетъ безслѣдно, такъ же какъ и масло, которымъ смазываютъ ось колеса и т. д. Краски и другія вспомогательныя вещества исчезаютъ, но проявляются въ свойствахъ продукта. Сырье образуетъ субстанцію продукта, но измѣняетъ свою форму. Сырой матеріалъ и вспомогательныя вещества теряютъ, такимъ образомъ, ту самостоятельную форму, въ которой они вступили въ процессъ труда, какъ потребительныя цѣнности. Совсѣмъ не то происходитъ съ настоящими орудіями труда. Инструментъ, машина, фабричное зданіе, сосудъ и т. д. служатъ въ процессѣ труда только до тѣхъ поръ, пока они сохраняютъ свою первоначальную форму, пока они каждый день въ прежней формѣ вновь вступаютъ въ процессъ труда. Какъ въ продолженіе своей жизни, т. е. во время процесса труда, они сохраняютъ относительно своего продукта самостоятельную форму, точно такъ же они сохраняютъ ее и послѣ своей смерти. Трупы машинъ, инструментовъ, мастерскихъ и т. д., продолжаютъ существовать еще отдѣльно отъ продукта, образованію котораго они содѣйствовали. Если мы станемъ разсматривать весь періодъ, въ продолженіе котораго служитъ такое средство труда, со дня его вступленія въ мастерскую до того дня, когда его выбросятъ вонъ вмѣстѣ со всякимъ хламомъ, то убѣдимся, что въ теченіе этого періода его потребительная цѣнность окончательно поглощается трудомъ, и мѣновая его цѣнность окончательно переходитъ на продуктъ. Если прядильная машина, напр., въ 10 лѣтъ отживаетъ свой вѣкъ, то во время десятилѣтняго процесса труда полная ея цѣнность переходитъ на десятилѣтній продуктъ. Періодъ жизни орудія труда обнимаетъ, такимъ образомъ, большее или меньшее число постоянно вновь повторяющихся при его помощи процессовъ труда. И съ орудіемъ труда происходитъ то же, что и съ человѣкомъ. Каждый человѣкъ ежесуточно сокращаетъ свою жизнь на 24 часа. Но по внѣшности ни одного человѣка нельзя точно опредѣлить, сколько дней его

жизни уже отошли къ мертвымъ. Это однако не мѣшаетъ страховымъ обществамъ дѣлать изъ средней жизни человѣка очень вѣрныя и, что гораздо существеннѣе, очень выгодныя заключенія. То же можно сказать и объ орудіяхъ труда. Изъ опыта извѣстно, какъ долго, въ среднемъ, можетъ прослужить орудіе труда, напр., извѣстнаго рода машина. Предположимъ, что ея потребительная цѣнность въ процессѣ труда существуетъ только 6 дней. Въ такомъ случаѣ она въ среднемъ теряетъ въ каждый рабочій день $^1/_6$ своей потребительной цѣнности и отдаетъ, поэтому, $^1/_6$ своей цѣнности дневному продукту. Такимъ способомъ вычисляется изнашиваніе всѣхъ орудій труда, т. е. ежедневная трата ихъ потребительной цѣнности и соотвѣтствующій этой тратѣ переходъ ихъ цѣнности на продуктъ.

Итакъ, съ полной ясностью видно, что средство производства никогда не отдаетъ продукту больше цѣнности, чѣмъ оно ея теряетъ въ процессѣ труда отъ уничтоженія своей собственной потребительной цѣнности. Если бы ему нечего было терять въ цѣнности, т. е. если бы оно само не было продуктомъ человѣческаго труда, то оно не могло бы передавать никакой цѣнности продукту. Оно бы служило для образованія потребительной цѣнности, не образуя мѣновой цѣнности. Такъ обстоитъ дѣло со всѣми средствами производства, которыя даются природой безъ всякаго приложенія человѣческаго труда: съ землей, водой, вѣтромъ, залежами желѣза, деревомъ въ первобытномъ лѣсу и. т. д.

Здѣсь передъ нами выступаетъ другое интересное явленіе. Пусть цѣнность машины составляетъ, напр. 1000 ф. ст., и предположимъ, что она изнашивается въ 1000 дней. Въ этомъ случаѣ ежедневно $^1/_{1000}$ цѣнности машины переходитъ съ нея самой на ея дневной продуктъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ машина постоянно, хотя и съ убывающей жизненной силой, цѣликомъ функціонируетъ въ процессѣ труда. Мы видимъ, такимъ образомъ, что одинъ факторъ процесса труда, одно средство производства, входитъ цѣликомъ въ процессъ труда, но только частью въ процессъ возрастанія цѣнности. Разница между процессомъ труда и процессомъ возрастанія цѣнности отражается здѣсь на ихъ матеріальныхъ факторахъ, въ силу чего одно и то же орудіе производства въ данномъ процессѣ производства какъ элементъ процесса труда идетъ въ счетъ—цѣликомъ, а какъ элементъ образованія цѣнности—только частью [21]).

[21]) Мы говоримъ здѣсь не объ исправленіи орудій труда, машинъ, построекъ и т. д. Машина, которую починяютъ, функціонируетъ не какъ орудіе труда, но какъ предметъ труда. Ею не работаютъ, но надъ ней работаютъ, чтобы починять ея потребительную цѣнность. Такія работы—починки—мы всегда можемъ для нашей цѣли считать включенными въ трудъ, необходимый для производства орудія труда. Въ текстѣ говорится о такомъ изнашиваніи, котораго никакой врачъ не можетъ излѣчить и которое постепенно влечетъ за собой смерть, о «такого рода изнашиваніи, которое не можетъ быть по временамъ исправляемо и которое, если оно касается, напр., ножа, приводитъ послѣдній въ такое состояніе, что ножевщикъ говоритъ о немъ: онъ не стоитъ новаго клинка». Мы уже видѣли въ текстѣ, что машина, напр., входитъ цѣликомъ въ каждый отдѣльный процессъ труда и только частью въ одновременно совершающійся процессъ возрастанія цѣнности. Поэтому мы можемъ оцѣнить по достоинству нижеслѣдующее смѣшеніе понятій: «Рикардо гово-

Съ другой стороны, средство производства можетъ, наоборотъ, входить цѣликомъ въ процессъ возрастанія цѣнности, хотя оно входитъ только частью въ процессъ труда. Предположимъ, что при пряденьѣ хлопка ежедневно изъ 115 ф. отпадаетъ 15 ф., которые не образуютъ пряжи, но составляютъ отбросъ (devils dust—чертову пыль). Однако, если этотъ отбросъ въ 15% нормаленъ, неразрывно связанъ со средней выдѣлкой хлопка, то эти 15 ф. хлопка, не составляющіе элемента пряжи, входятъ такъ же въ цѣнность пряжи, какъ и цѣнность 100 ф., составляющихъ ея субстанцію. Потребительная цѣнность 15 ф. должна превратиться въ пыль, чтобы создать 100 ф. пряжи. Гибель указаннаго количества хлопка есть, такимъ образомъ, условіе производства пряжи, и потому именно и это количество также передаетъ свою цѣнность пряжѣ. Это относится ко всѣмъ отбросамъ процесса труда, по крайней мѣрѣ, поскольку они, въ свою очередь, не образуютъ новыхъ средствъ производства и не составляютъ, поэтому, новыхъ потребительныхъ цѣнностей. Такъ, мы видимъ на большихъ машинныхъ заводахъ Манчестера горы желѣзныхъ опилокъ, срѣзанныхъ въ видѣ стружекъ циклопическими машинами; вечеромъ эти обрѣзки переправляются на большихъ телѣгахъ на желѣзодѣлательный заводъ съ тѣмъ, чтобы на слѣдующее утро вновь вернуться на машинный заводъ въ видѣ массивнаго желѣза.

Средства производства переносятъ цѣнность на новую форму продукта лишь постольку, поскольку они во время процесса труда, въ своей прежней формѣ потребительной цѣнности теряютъ цѣнность. Maximum цѣнности, которую они могутъ потерять въ процессѣ труда, очевидно, ограниченъ первоначальной величиной цѣнности, съ которой они вступаютъ въ процессъ труда, или рабочимъ временемъ, необходимымъ для ихъ собственнаго производства. Поэтому, средства производства никогда не могутъ прибавить къ продукту цѣнность, большую той, которою они обладаютъ независимо отъ даннаго, совершающагося при ихъ участіи, процесса труда. Какъ бы велика ни была польза сырого матеріала, машины, средства производства, но если оно стоитъ 150 ф. ст., т. е. 500 рабочихъ дней, то оно никогда не прибавляетъ къ продукту, для образованія котораго оно служитъ, болѣе 150 ф. ст. Цѣнность его опредѣляется не процессомъ труда, въ который оно входитъ въ качествѣ средства производства, а процессомъ труда, изъ котораго оно выходитъ въ видѣ продукта. Въ процессѣ труда оно служитъ только какъ потребительная цѣнность, какъ вещь съ полезными свой-

---

рять о части труда машиностроительнаго рабочаго въ производствѣ чулочной машины», какъ содержащейся, напр., въ цѣнности пары чулокъ. «Между тѣмъ весь трудъ, который производитъ каждую отдѣльную пару чулокъ содержитъ весь трудъ машиностроителя, а не часть его; ибо одна машина дѣлаетъ много паръ, но ни одна пара не можетъ быть сдѣлана безъ помощи всѣхъ частей машины». («Observations on certain verbal disputes in Pol. Econ., particularly relating to Value, and to Demand and Supply. London. 1821», p. 54). Авторъ, необыкновенно самодовольный мудрецъ (wiseacre), въ своемъ смѣшеніи понятій и тѣмъ самымъ въ своей полемикѣ правъ лишь въ томъ смыслѣ, что ни Рикардо ни какой-нибудь другой экономистъ до или послѣ него ясно не разграничивали обѣ стороны труда и подавно не анализировали ихъ различную роль въ образованіи цѣнности.

ствами. Поэтому, если бы оно не обладало цѣнностью до своего вступленія въ процессъ труда, оно не отдавало бы въ немъ продукту никакой цѣнности [22]).

Въ то время, какъ производительный трудъ превращаетъ средства производства въ образовательные элементы новаго продукта, ихъ цѣнность переживаетъ нѣчто вродѣ переселенія душъ: она переходитъ изъ потребленнаго тѣла во вновь образовавшееся тѣло. Но это переселеніе душъ происходитъ какъ бы за спиной дѣйствительнаго труда. Рабочій не можетъ прибавлять новаго труда, а, слѣдовательно, создавать новую цѣнность, не сохраняя старыхъ цѣнностей: онъ всегда долженъ прибавлять трудъ въ опредѣленной полезной формѣ, и не можетъ прибавлять его въ полезной формѣ, не обращая продуктовъ въ средства производства новаго продукта и не перенося, такимъ образомъ, ихъ цѣнности на новый продуктъ. Сохранять цѣнность и тѣмъ самымъ прибавлять ее есть, такимъ образомъ, естественное свойство дѣйствующей рабочей силы, живого труда, даръ природы, ничего не стоящій рабочему, но приносящій очень много капиталисту, а именно сохраняющій для него наличную капитальную цѣнность [22 a]). Пока дѣла идутъ бойко, капиталистъ слишкомъ погруженъ въ

---

[22]) Можно, поэтому, судить о полѣзной безвкусицѣ прѣснаго J. B. Say, выводящаго прибавочную цѣнность (проценты, прибыль, ренту) изъ «services productifs» (производительныхъ услугъ), которыя средства производства: земля, орудія, кожа и т. д. оказываютъ въ процессѣ труда своею потребительною цѣнностью. Господинъ Wilhelm Roscher, который не упускаетъ случая старательно зарегистрировать разнаго рода апологетическія мысли, восклицаетъ: «J. B. Say совершенно вѣрно замѣчаетъ, Traité, t. I, ch. 4: «Цѣнность, произведенная маслобойней, составляетъ, за вычетомъ всѣхъ расходовъ, нѣчто новое, существенно отличное отъ труда, которымъ произведена была сама маслобойня». (l. c. p. 82. Note). Совершенно вѣрно! «Масло», произведенное на маслобойнѣ есть нѣчто совершенно отличное отъ труда, потраченнаго на постройку маслобойни. Подъ «цѣнностью» господинъ Roscher подразумѣваетъ такую штуку, какъ «масло», такъ какъ «масло» имѣетъ цѣнность; но такъ какъ въ природѣ находятся горное масло, хотя его сравнительно и «не очень много», то онъ по этому поводу дѣлаетъ другое замѣчаніе: «Мѣновыхъ цѣнностей она (природа!) почти совсѣмъ не производитъ». У природы Рошера съ мѣновою цѣнностью происходитъ то же самое, что случилось у глупой дѣвушки съ ея ребенкомъ, который былъ «совсѣмъ маленькій». Тотъ же самый «ученый» («savant sérieux») замѣчаетъ еще при той же оказіи: «Школа Рикардо стремится подвести и капиталъ подъ понятіе труда, разсматривая его какъ «сбереженный трудъ». Но это неудачная (!) идея, такъ какъ (!) владѣльцемъ капитала (!) все же (!) сдѣлано больше (!), чѣмъ простое (?!) производство (?) и (??) сохраненіе его (кого?), а именно (?!?), воздержаніе отъ собственнаго наслажденія, за что онъ, напр. (!!!), требуетъ проценты» (l. c.). Какъ «удачно» выступаетъ этотъ «анатомо-физіологическій методъ» политической экономіи, развивающій «цѣнность» изъ простого «требованія».

[22a]) «Изъ всѣхъ средствъ земледѣльческаго производства человѣческій трудъ... есть то средство, отъ котораго больше всего должно ожидать возвращенія затраченнаго капитала (the re-payment of his capital). Другія два—съ одной стороны рабочій скотъ, съ другой—телѣги, плуги, заступы и т. п. ровно ничего не составляютъ безъ извѣстной части перваго». (Edmund Burke: «Thoughts and Details on Scarcity, originally presented to the Rt. Hon. W. Pitt in the Month of November 1795, edit. London 1800», p. 10).

производство прибавочной цѣнности, чтобы замѣчать этотъ безплатный даръ труда. Насильственное прекращеніе процесса труда, кризисы дѣлаютъ его для капиталиста замѣтнымъ весьма чувствительно [23]).

Въ средствахъ производства вообще поглощается ихъ потребительная цѣнность, потребленіемъ которой трудъ образуетъ продукты. Цѣнность ихъ на самомъ дѣлѣ не потребляется [24]), а, слѣдовательно, не можетъ быть воспроизведена. Она сохраняется, но не вслѣдствіе совершающейся съ ней въ процессѣ труда какой либо операціи, а вслѣдствіе того, что потребительная цѣнность, по образъ которой она первоначально существовала, хотя и исчезаетъ, но не самомъ дѣлѣ исчезаетъ, превращаясь въ другую потребительную цѣнность. Цѣнность средствъ производства появляется, поэтому, вновь въ цѣнности продукта, но она, строго говоря, не воспроизводится. Производится лишь новая потребительная цѣнность, въ которой прежняя мѣновая цѣнность вновь появляется [25]).

Совсѣмъ не то происходитъ съ субъективнымъ факторомъ процесса труда,—

---

[23]) Въ «Times'ѣ» отъ 26 ноября 1862 г. одинъ фабрикантъ, на прядильной фабрикѣ котораго занято 800 рабочихъ и потребляется еженедѣльно среднимъ числомъ 150 тюковъ остъиндскаго или около 130 тюковъ американскаго хлопка, жалуется публикѣ на убытки, причиняемые ему ежегодно остановкой работъ на его фабрикѣ. Онъ исчисляетъ ихъ въ 6.000 ф. ст. Между этими издержками находятся такія статьи, которыя насъ не интересуютъ, напр., земельная рента, налоги, страховыя преміи, жалованье годовымъ рабочимъ, директору, бухгалтеру, инженеру и т. д. Затѣмъ онъ считаетъ на 150 ф. ст. угля, чтобы отъ поры до времени отапливать фабрику и нарѣдка приводить въ дѣйствіе паровыя машины, кромѣ того плату рабочимъ за этотъ случайный трудъ. Наконецъ, 1.200 ф. ст. за порчу машинъ, такъ какъ «погода и естественные разрушительные дѣятели не прекращаютъ своего дѣйствія потому, что паровыя машины перестали функціонировать». При этомъ онъ замѣчаетъ, что сумма въ 1.200 ф. ст. такъ незначительна, потому что машины находятся уже въ довольно подержанномъ видѣ.

[24]) «Производительное потребленіе: когда потребленіе товара составляетъ часть процесса производства... въ такихъ случаяхъ нѣтъ потребленія цѣнности». S. P. Newman, l. c. p. 296.

[25]) Въ одномъ американскомъ руководствѣ, выдержавшемъ, быть можетъ, 20 изданій, мы читаемъ: «Все равно, въ какой формѣ капиталъ вновь появляется». Послѣ многословнаго перечисленія всевозможныхъ ингредіентовъ производства, цѣнность которыхъ вновь появляется въ продуктѣ, въ заключеніе говорится: «Различные роды пищи, одежды и жилища, необходимые для существованія и комфорта человѣка, также претерпѣваютъ измѣненія. Они потребляются отъ времени до времени, и цѣнность ихъ вновь появляется въ его новой тѣлесной и умственной силѣ, составляющей новый капиталъ, который опять можетъ быть употребленъ на производство». (F. Weyland, l. c. p. 31, 32). Не говоря уже о всѣхъ прочихъ странностяхъ, мы должны замѣтить, что не цѣна хлѣба, напр., снова появляется во вновь образовавшейся силѣ, но тѣ его элементы, которые образуютъ кровь. А какъ цѣнность этой силы вновь появляется, наоборотъ, не средства существованія, но ихъ цѣнность. Тѣ же средства существованія,—если цѣнность ихъ и будетъ вдвое меньше—производятъ ровно столько же мускуловъ, костей и т. п., одинъ словомъ, ту же силу, но не силу одинаковой цѣнности. Это превращеніе «цѣнности» въ «силу» и вся эта фарисейская неопредѣленность маскируетъ попытку, совершенно,впрочемъ, напрасную—объяснить прибавочную цѣнность простымъ возвращеніемъ авансированныхъ цѣнностей.

съ дѣйствующей рабочей силой. Въ то время какъ трудъ въ своей цѣлесообразной формѣ переноситъ цѣнность средствъ производства на продуктъ и сохраняетъ ее въ немъ, каждый моментъ его движенія создаетъ добавочную цѣнность, новую цѣнность. Предположимъ, что процессъ производства прекращается въ тотъ моментъ, когда рабочій произвелъ эквивалентъ цѣнности своей собственной рабочей силы, когда онъ шестичасовымъ трудомъ, напримѣръ, прибавилъ цѣнность въ 3 шиллинга. Эта цѣнность составляетъ излишекъ цѣнности продукта надъ цѣнностью его элементовъ, происходящихъ отъ средствъ производства. Это единственная новая цѣнность, возникшая въ этомъ процессѣ, единственная часть цѣнности продукта, произведенная самимъ этимъ процессомъ. Правда, она возмѣщаетъ лишь деньги, авансированныя капиталистомъ при покупкѣ рабочей силы и издержанныя самимъ рабочимъ на средства существованія. По отношенію къ издержаннымъ 3 шиллингамъ новая цѣнность въ 3 шиллинга только воспроизводитъ истраченные 3 шиллинга. Но ея воспроизведеніе есть реальное, а не кажущееся, какъ воспроизведеніе цѣнности средствъ производства. Замѣна одной цѣнности другой обусловливается здѣсь созданіемъ новой цѣнности.

Мы уже знаемъ, однако, что процессъ труда продолжается далѣе того момента, когда воспроизведеннымъ и прибавленнымъ къ предмету труда является лишь эквивалентъ цѣнности рабочей силы. Вмѣсто 6 часовъ, которыхъ для этого достаточно, процессъ труда продолжается, напримѣръ, 12 часовъ. Дѣйствительнымъ проявленіемъ рабочей силы не только воспроизводится ея собственная цѣнность, но производится еще излишекъ цѣнности. Эта прибавочная цѣнность образуетъ излишекъ цѣнности продукта надъ цѣнностью потребленныхъ элементовъ продукта, т. е. средствъ производства и рабочей силы.

Указавъ различныя роли разныхъ факторовъ процесса труда въ образованіи цѣнности продукта, мы, на самомъ дѣлѣ, охарактеризовали и функціи различныхъ составныхъ частей капитала въ процессѣ его возрастанія. Излишекъ общей цѣнности продукта надъ суммой цѣнностей его составныхъ элементовъ есть та величина, которой возросшій капиталъ превосходитъ первоначально авансированную капитальную цѣнность. Средства производства на одной сторонѣ, рабочая сила на другой представляютъ только различныя формы существованія первоначальной капитальной цѣнности, отрѣшившейся отъ своей денежной формы и превратившейся въ факторы процесса труда.

Итакъ, та часть капитала, которая превращается въ средства производства, т. е. въ сырой матеріалъ, вспомогательныя вещества и орудія труда, не измѣняетъ величины своей цѣнности въ процессѣ производства. Я называю ее, поэтому, постоянной частью капитала или, короче, постояннымъ капиталомъ.

Наоборотъ, та часть капитала, которая превратилась въ рабочую силу, измѣняетъ свою цѣнность въ процессѣ производства. Она воспроизводитъ свой собственный эквивалентъ и излишекъ сверхъ него, прибавочную цѣнность, которая сама можетъ измѣняться, быть больше или меньше. Изъ постоянной величины эта часть капитала постоянно превращается въ перемѣнную. Я называю ее, поэтому, перемѣнной частью капитала или, короче,—перемѣннымъ ка-

питаломъ. Тѣ самыя составныя части капитала, которыя съ точки зрѣнія процесса труда, различаются какъ объективные и субъективные факторы, какъ средства производства и рабочая сила, различаются, съ точки зрѣнія процесса возрастанія цѣнности, какъ капиталъ постоянный и капиталъ перемѣнный.

Понятіе постояннаго капитала ни въ какомъ случаѣ не исключаетъ рѣзкихъ измѣненій въ цѣнности его составныхъ частей. Предположимъ, что 1 фунтъ хлопка стоитъ сегодня 6 пенсовъ, и что, вслѣдствіе скуднаго сбора хлопка, цѣна его возвысится завтра до 1 шиллинга. Прежній хлопокъ, который продолжаетъ обрабатываться, былъ купленъ по цѣнности въ 6 пенсовъ, но прибавляетъ теперь къ продукту цѣнность въ 1 шиллингъ. А уже выпряденный и обращающійся на рынкѣ въ видѣ пряжи хлопокъ, можетъ быть, точно такъ же прибавляетъ къ продукту цѣнность вдвое большую сравнительно съ своей первоначальной. Мы видимъ однако, что эти измѣненія цѣнности не зависятъ отъ возрастанія цѣнности хлопка въ самомъ процессѣ пряденія. Если бы прежній хлопокъ еще не вступилъ въ процессъ труда, то онъ могъ бы теперь быть опять проданъ по 1 шиллингу вмѣсто 6 пенсовъ. Наоборотъ, чѣмъ меньшее число процессовъ труда онъ прошелъ, тѣмъ этотъ результатъ вѣрнѣе. Спекулировать при такихъ измѣненіяхъ цѣнностей на сыромъ матеріалѣ въ его наименѣе обработанной формѣ т. е. скорѣе на пряжѣ, чѣмъ на тканн, и на самомъ хлопкѣ скорѣе чѣмъ на пряжѣ—составляетъ, поэтому, законъ спекуляціи. Измѣненіе цѣнности возникаетъ здѣсь въ томъ процессѣ, который производитъ хлопокъ, а не въ томъ процессѣ, въ которомъ онъ функціонируетъ, какъ средство производства и, поэтому, какъ постоянный капиталъ. Цѣнность товара, хотя и опредѣляется количествомъ содержащагося въ немъ труда, но опредѣленіе самого этого количества есть актъ общественный. Если измѣняется общественно необходимое для производства товара рабочее время—а то же самое количество хлопка, напримѣръ, при неблагопріятномъ урожаѣ представляетъ большее количество труда, чѣмъ при благопріятномъ,—то это отражается на старомъ товарѣ, плывущемъ въ счетъ всегда какъ отдѣльная особь всего своего рода [26]), цѣнность которой всегда опредѣляется общественно необходимымъ рабочимъ временемъ, т. е. трудомъ, необходимымъ при существующихъ именно въ настоящее время общественныхъ условіяхъ производства.

Цѣнность служащихъ уже въ процессѣ производства орудій труда, машинъ и т. д., а, слѣдовательно, и та доля цѣнности, которая передается ими продукту, можетъ измѣняться такъ же, какъ измѣняется цѣнность сырья. Если вслѣдствіе какого-нибудь новаго изобрѣтенія данная машина можетъ быть воспроизведена съ меньшей затратой труда, то машина старой конструкціи обезцѣнивается въ большей или меньшей мѣрѣ и переноситъ, поэтому, соотвѣтственно меньшую цѣнность на продуктъ. Но и здѣсь измѣненіе цѣнности проис-

[26]) «Всѣ продукты одного рода составляютъ собственно одну массу, цѣна которой опредѣляется сгуломъ и безъ всякаго отношенія къ особеннымъ обстоятельствамъ». (Le Trosne, l. c. p. 893).

ходитъ внѣ того процесса производства, въ которомъ машина функціонируетъ какъ средство производства. Въ этомъ процессѣ она никогда не отдаетъ цѣнности, бо́льшую, чѣмъ та, которую она имѣетъ независимо отъ этого процесса.

Какъ измѣненіе цѣнности средствъ производства не измѣняетъ ихъ свойства постояннаго капитала, хотя бы это измѣненіе и производило на нихъ нѣкоторое дѣйствіе даже послѣ ихъ вступленія въ процессъ производства, такъ же точно измѣненіе отношенія между постояннымъ и перемѣннымъ капиталомъ не затрагиваетъ ихъ функціональнаго различія. Техническія условія процесса труда могутъ, напр., настолько измѣниться, что тамъ, гдѣ прежде 10 рабочихъ 10 дешевыми инструментами обрабатывали сравнительно небольшое количество сырого матеріала, теперь 1 рабочій, съ помощью дорогой машины, обрабатываетъ въ 100 разъ большее количество сырого матеріала. Въ этомъ случаѣ постоянный капиталъ, т. е. сумма цѣнностей употребленныхъ средствъ производства, значительно возрастетъ, а перемѣнная часть капитала, т. е. часть, авансированная на покупку рабочей силы, значительно падетъ. Это измѣненіе, однако, только измѣняетъ отношеніе между величиной постояннаго и перемѣннаго капитала, или то отношеніе, въ которомъ весь капиталъ распадается на постоянную и перемѣнную составныя части, но совсѣмъ не затрагиваетъ по существу различія между постояннымъ и перемѣннымъ капиталомъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Уровень прибавочной цѣнности.

1. Степень эксплуатаціи рабочей силы.

Прибавочная цѣнность, которую произвелъ авансированный капиталъ C въ процессѣ производства, или возрастаніе авансированной капитальной цѣнности C, представляется намъ, прежде всего, въ видѣ излишка цѣнности продукта надъ суммой цѣнностей всѣхъ элементовъ его производства.

Капиталъ C распадается на двѣ части—денежную сумму c, идущую на средства производства, и другую денежную сумму v, издерживаемую на рабочую силу; c представляетъ часть цѣнности, превращенную въ постоянный капиталъ, а v часть, превращенную въ перемѣнный капиталъ. Первоначально, слѣдовательно, $C = c + v$, напр , авансированный капиталъ въ 500 ф. ст. $= \overset{c}{410}$ ф. ст. $+ \overset{v}{90}$ ф. ст. Въ концѣ процесса производства появляется товаръ, цѣнность котораго $= c + v + m$, гдѣ m есть прибавочная цѣнность, напр., $\overset{c}{410}$ ф. ст. $+ \overset{v}{90}$ ф. ст. $+ \overset{m}{90}$ ф. ст. Первоначальный капиталъ C превратился въ C', изъ 500 ф. ст.—въ 590 ф. ст. Разница между обоими $= m$, прибавочной цѣнности въ 90. Такъ какъ цѣнность элементовъ производства равна цѣнности авансированнаго капитала, то положеніе, что излишекъ цѣнности продукта надъ цѣнностью его элементовъ производства равняется приросту аван-

спрованнаго капитала, или произведенной прибавочной цѣнности, составляетъ настоящую тавтологію.

Однако, эта тавтологія требуетъ ближайшаго опредѣленія. Съ цѣнностью продукта сравнивается цѣнность потребленныхъ при его образованіи элементовъ производства. Но мы уже видѣли, что часть употребленнаго постояннаго капитала, состоящая изъ орудій труда, передаетъ лишь часть своей цѣнности продукту, тогда какъ другая часть продолжаетъ существовать въ своей прежней формѣ. Такъ какъ послѣдняя не играетъ никакой роли въ образованіи цѣнности, то мы ее здѣсь не принимаемъ во вниманіе. Ничто не измѣнилось бы отъ того, что мы приняли бы ее въ расчетъ. Предположимъ, что $C = 410$ ф. ст. и состоитъ изъ сырого матеріала на 312 ф. ст., вспомогательныхъ веществъ на 44 ф. ст. и изнашиваемыхъ въ процессѣ труда машинъ на 54 ф. ст.; вся же цѣнность примѣненныхъ при производствѣ машинъ составляетъ 1.054 ф. ст. Авансированной для производства цѣнности продукта мы считаемъ лишь цѣнность въ 54 ф. ст., которую машина, функціонируя, теряетъ и въ силу этого передаетъ продукту. Если бы мы считали также и 1.000 ф. ст., продолжающихъ существовать въ своей прежней формѣ, въ видѣ паровой машины и т. д., то мы должны были бы ихъ считать на обѣихъ сторонахъ уравненія—на сторонѣ авансированной цѣнности и на сторонѣ цѣнности продукта [26a]), и получили бы, такимъ образомъ, 1.500 ф. ст. и 1.590 ф. ст. Разница, или прибавочная цѣнность, оставалась по-прежнему равной 90 ф. ст. Подъ постояннымъ капиталомъ, авансированнымъ на производство цѣнности, мы подразумѣваемъ, поэтому, тамъ гдѣ изъ контекста не вытекаетъ обратное, всегда лишь цѣнность средствъ производства, потребленныхъ въ процессѣ производства.

Условившись относительно этого, вернемся къ формулѣ $C = c + v$, которая превращается въ $C' = c + v + m$, въ силу чего C и становился C'. Мы знаемъ, что цѣнность постояннаго капитала только вновь появляется въ продуктѣ. Произведенная дѣйствительно вновь въ процессѣ цѣнность продукта отличается, слѣдовательно, отъ всей цѣнности продукта, полученной изъ этого процесса. Поэтому, она не составляетъ, какъ это кажется на первый взглядъ, $\overbrace{c + v} + m$ или $\overbrace{410 \text{ ф. ст.}} + \overbrace{90}$ ф. ст. $+ \overbrace{90}$ ф. ст., но $v + m$, или $\overbrace{90 \text{ ф. ст.} + 90}$ ф. ст., не 590 ф. ст., но 180 ф. ст. Если бы c, постоянный капиталъ, $= O$, другими словами, если бы были такія отрасли промышленности, въ которыхъ капиталистъ не долженъ былъ бы примѣнять никакихъ созданныхъ трудомъ средствъ производства, ни сырого матеріала, ни вспомогательныхъ веществъ, ни рабочихъ инструментовъ, но имѣлъ бы дѣло только съ веще-

---

[26a]) «Если мы считаемъ цѣнность постояннаго капитала, употребляемаго, какъ часть авансированной на производство суммы, то мы должны считать остающуюся (неавансированную) часть этого капитала въ концѣ года, какъ часть годового дохода». (Malthus: «Princ. of Pol. Econ. 2—nd.» ed., London 1836), p. 269.

ствами, данными природой, и съ рабочей силой, то на продуктъ не переносилось бы ни одной доли постоянной цѣнности. Этотъ элементъ цѣнности продукта, въ нашемъ примѣрѣ 410 ф. ст., отпадалъ бы, но вновь произведенная цѣнность въ 180 ф. ст., содержащая 90 ф. ст. прибавочной цѣнности, оставалась столь же велика, какъ если бы с представляло, по своей цѣнности, наибольшую мыслимую величину. Мы имѣли бы $C = \overbrace{O + v} = v$, C', возросшій капиталъ, $= v + m$, и $C' - C$ по прежнему $= m$. Если бы, наоборотъ, $m = o$, другими словами, если бы рабочая сила, цѣнность которой затрачивается въ видѣ перемѣннаго капитала, производила только эквивалентъ, то $C = c + v$ и C' (цѣнность продукта) $= \overbrace{c + v} + O$, а потому $C = C'$. Авансированный капиталъ не возросъ бы.

На самомъ дѣлѣ мы уже знаемъ, что прибавочная цѣнность есть только слѣдствіе измѣненія цѣнности v, т. е. части капитала, превращенной въ рабочую силу, что, слѣдовательно, $v + m = v + \Delta v$ [$v +$ нѣкоторое приращеніе (Inkrement) v]. Но дѣйствительное измѣненіе цѣнности и пропорція этого измѣненія затемняются тѣмъ, что, вслѣдствіе возрастанія перемѣнной составной части капитала, возрастаетъ и весь авансированный капиталъ. Онъ $= 500$ и становится $= 590$. Для чистаго анализа процесса мы должны совершенно отвлечься отъ той части цѣнности продукта, въ которой только вновь появляется постоянная капитальная цѣнность, т. е. должны предположить постоянный капиталъ $C = O$ и, такимъ образомъ, примѣнить законъ математики, который пускается въ ходъ при оперированіи съ перемѣнными и постоянными величинами въ тѣхъ случаяхъ, когда постоянная величина связана съ перемѣнной только посредствомъ сложенія и вычитанія.

Другое затрудненіе вытекаетъ изъ первоначальной формы перемѣннаго капитала. Такъ, въ вышеприведенномъ примѣрѣ $C' = 410$ ф. ст. постояннаго капитала $+ 90$ ф. ст. перемѣннаго капитала $+ 90$ ф. ст. прибавочной цѣнности. Но девяносто ф. ст. представляютъ нѣкоторую данную, т. е. постоянную величину и, поэтому, ни съ чѣмъ несообразно разсматривать ее какъ величину перемѣнную. Однако $\overset{v}{90}$ ф. ст., или 90 ф. ст. перемѣннаго капитала на самомъ дѣлѣ являются здѣсь только символомъ процесса,—движенія, проходимаго этой цѣнностью. Часть капитала, авансированная на покупку рабочей силы, есть опредѣленное количество овеществленнаго труда, слѣдовательно, постоянная величина цѣнности, такъ же какъ и цѣнность купленной рабочей силы. Но въ самомъ процессѣ производства на мѣсто затраченныхъ 90 ф. ст. выступаетъ дѣйствующая рабочая сила, на мѣсто мертваго—живой трудъ, на мѣсто величины, находящейся въ покоѣ — величина текучая, на мѣсто постоянной—перемѣнная. Результатомъ является воспроизведеніе v плюсъ нѣкоторое приращеніе v. Съ точки зрѣнія капиталистическаго производства все это движеніе есть самопроизвольное движеніе первоначально постоянной цѣнности, превращенной въ рабочую силу. Въ активѣ этой цѣнности записится весь процессъ и его результатъ. Если формула 90 ф. ст. перемѣннаго капитала, или само-

возрастающая цѣнность, кажется чѣмъ-то противорѣчивымъ, то эта противорѣчивость выражаетъ только присущее капиталистическому производству противорѣчіе.

Приравниваніе постояннаго капитала къ 0 поражаетъ на первый взглядъ; тѣмъ не менѣе оно постоянно совершается въ повседневной жизни. Если хотятъ вычислить доходъ Англіи отъ хлопчатобумажной промышленности, то прежде всего сбрасываютъ со счетовъ цѣну хлопка, уплаченную Соединеннымъ Штатамъ, Индіи и т. д., т. е. приравниваютъ къ 0 ту часть капитальной цѣнности, которая только вновь появляется въ продуктѣ.

Конечно, отношеніе прибавочной цѣнности не только къ той части капитала, изъ которой она непосредственно происходитъ и измѣненіе цѣнности которой она выражаетъ, но и ко всему затраченному капиталу имѣетъ большое экономическое значеніе. Мы, поэтому, обстоятельно разсматриваемъ это отношеніе въ третьей книгѣ *). Чтобы одна часть капитала возросла вслѣдствіе своего превращенія въ рабочую силу, другая часть капитала должна быть превращена въ средства производства. Для того, чтобы функціонировалъ перемѣнный капиталъ, долженъ быть авансированъ постоянный капиталъ въ размѣрахъ, соотвѣтствующихъ опредѣленному техническому характеру даннаго процесса труда. Однако, то обстоятельство, что при химическомъ анализѣ употребляются реторты и другіе сосуды, нисколько не мѣшаетъ отвлекаться при самомъ анализѣ отъ существованія реторты. Поскольку созданіе цѣнности и измѣненіе цѣнности разсматриваются сами по себѣ, т. е. въ чистомъ видѣ, средства производства, эти матеріальные представители постояннаго капитала, доставляютъ только матерію, въ которой должна осѣдать текучая сила, создающая цѣнность. Природа этого вещества, т. е. будетъ ли это хлопокъ или желѣзо, не имѣетъ ровно никакого значенія. Также безразлична и его цѣнность. Оно, вещество, только должно находиться въ достаточномъ количествѣ, чтобы во время процесса производства впитать подлежащее затратѣ количество труда. Разъ дана масса вещества, то повысится ли, понизится ли его цѣнность, или же оно не будетъ имѣть никакой цѣнности, какъ земля и море—процессъ образованія и измѣненія цѣнности этимъ нисколько не будетъ затронутъ [21]).

Итакъ, сначала мы предполагаемъ постоянный капиталъ равнымъ нулю. Авансированный капиталъ уменьшается, поэтому, съ $c + v$ до v, а цѣнность продукта $\overbrace{c + v + m}$ до вновь произведенной цѣнности $\overbrace{v + m}$. Если мы предположимъ, что вновь произведенная цѣнность = 180 ф. ст., въ которые выливается трудъ, продолжающійся во все время процесса производства, то, чтобы получить прибавочную цѣнность = 90 ф. ст., мы должны вычесть цѣнность перемѣннаго капитала = 90 ф. ст. Число 90 выразитъ абсолютную величину произведенной

*) Т. е. въ третьемъ томѣ.

[21]) Примѣчаніе ко 2-му изданію. Само собою разумѣется, что, какъ говоритъ Лукрецій, «nil posse creari de nihilo», изъ ничего нельзя создать ничего. «Созданіе цѣнности» есть превращеніе рабочей силы въ трудъ. Рабочая же сила, въ свою очередь, есть прежде всего матерія, преобразованная въ человѣческій организмъ.

прибавочной цѣнности. Относительная же ея величина, т. е. пропорція, въ которой возросъ перемѣнный капиталъ, очевидно, опредѣляется отношеніемъ прибавочной цѣнности къ перемѣнному капиталу, или выражается дробью $\frac{m}{v}$. Въ вышеприведенномъ примѣрѣ оно выразится въ $^{300}/_{300} = 100\%$. Это относительное возрастаніе перемѣннаго капитала или относительную величину прибавочной цѣнности я называю уровнемъ прибавочной цѣнности (Rate des Mehrwerthes) [28]).

Мы видимъ, что рабочій въ продолженіе одной части процесса труда производитъ только цѣнность своей рабочей силы, т. е. цѣнность необходимыхъ ему средствъ существованія. Такъ какъ онъ производитъ при условіяхъ производства, въ основѣ которыхъ лежитъ общественное раздѣленіе труда, то онъ производитъ не прямо свои средства существованія, онъ производитъ ихъ въ формѣ какого-нибудь спеціальнаго товара, напр., пряжи, т. е. производитъ цѣнность, равную цѣнности его средствъ существованія или тѣмъ деньгамъ, на которыя онъ ихъ покупаетъ. Та часть его рабочаго дня, которую онъ для этого употребляетъ, будетъ больше или меньше, смотря по цѣнности его среднихъ ежедневныхъ средствъ существованія или смотря по среднему дневному количеству рабочаго времени, необходимаго для ихъ производства. Если цѣнность его ежедневныхъ средствъ существованія въ среднемъ представляетъ 6 овеществленныхъ рабочихъ часовъ, то рабочій среднимъ числомъ долженъ работать ежедневно 6 часовъ, чтобы ихъ произвести. Если бы онъ работалъ не на капиталиста, а на самого себя, самостоятельно, то все-таки онъ долженъ былъ бы, при прочихъ равныхъ условіяхъ, въ среднемъ работать ту же самую часть дня, чтобы произвести цѣнность своей рабочей силы и, такимъ образомъ, пріобрѣсти средства существованія, необходимыя для поддержанія и возпроизведенія своей собственной жизни. Но такъ какъ въ ту часть рабочаго дня, когда онъ производитъ дневную цѣнность рабочей силы, напр., 3 шиллинга, онъ производитъ только эквивалентъ ея цѣнности, уже уплаченной капиталистомъ [28а]), и, такимъ образомъ, вновь созданною цѣнностью возмѣщаетъ только авансированную перемѣнную капитальную цѣнность, то это производство цѣнности представляетъ только простое воспроизведеніе. Ту часть рабочаго дня, такимъ образомъ, когда происходитъ это воспроизведеніе, я называю необходимымъ рабочимъ временемъ, а трудъ, потраченный въ это время,—необходимымъ трудомъ [29]):

---

[28]) Такъ же, какъ англичане говорятъ «уровень прибыли», «уровень процента» («rate of profits», «rate of interest») и т. д. Въ III книгѣ мы увидимъ, что легко понять уровень прибыли, когда извѣстны законы прибавочной цѣнности. Обратнымъ же путемъ нельзя понять ни l'un, ni l'autre.

[28а]) [Примѣч. къ 3-му изд. Авторъ употребляетъ здѣсь обыденный экономическій языкъ. Напомнимъ, что на стр. 123—124 было указано, какъ на самомъ дѣлѣ не капиталистъ «ссужаетъ» рабочаго, а наоборотъ, рабочій—капиталиста.—Ф. Э.].

[29]) До сихъ поръ мы употребляли въ этой книгѣ выраженіе «необходимое рабочее время» для обозначенія общественно необходимаго для производства товара рабочаго времени. Съ этого времени мы будемъ его также употреблять и для обозначенія рабочаго времени, необходимаго для производства специфическаго товара «рабочая сила». Употребленіе однихъ и тѣхъ же termini technici въ различныхъ

необходимымъ для рабочаго, такъ какъ этотъ трудъ независимъ отъ общественной формы процесса труда; необходимымъ для капиталиста и капиталистическаго міра, такъ какъ постоянное существованіе рабочаго есть основа собственнаго бытія капитала.

Второй періодъ процесса труда, въ теченіе котораго рабочій трудится уже за предѣлами необходимаго труда, хотя и стоитъ ему труда, траты рабочей силы, но не образуетъ для него, рабочаго, никакой цѣнности. Онъ образуетъ прибавочную цѣнность, которая даритъ капиталиста всею прелестью улыбки творенія, созданнаго изъ ничего. Эту часть рабочаго дня я называю прибавочнымъ рабочимъ временемъ (Surplusarbeitszeit), а потраченный въ теченіе этого времени трудъ—прибавочнымъ трудомъ (Mehrarbeit, surplus labour). Насколько для пониманія цѣнности вообще рѣшающее значеніе имѣетъ разсматривать ее лишь какъ застывшее рабочее время, только какъ овеществленный трудъ, настолько же для пониманія прибавочной цѣнности важно разсматривать ее лишь какъ застывшее прибавочное рабочее время, какъ овеществленный прибавочный трудъ. Разныя общественно-экономическія формаціи, напр., рабское общество и общество, основанное на наемномъ трудѣ [30]), отличаются другъ отъ друга лишь формой, въ которой этотъ прибавочный трудъ выжимается у непосредственнаго производителя.

Такъ какъ цѣнность перемѣннаго капитала = цѣнности купленной на него рабочей силы, такъ какъ цѣнность этой рабочей силы опредѣляетъ необходимую часть рабочаго дня, прибавочная же цѣнность, въ свою очередь, опредѣляется излишнею частью рабочаго дня, то отсюда вытекаетъ нижеслѣдующее положеніе: прибавочная цѣнность относится къ перемѣнному капиталу, какъ прибавочный трудъ къ необходимому труду, или уровень прибавочной цѣнности = $\frac{m}{v} = \frac{\text{прибавочный трудъ}}{\text{необходимый трудъ}}$. Обѣ пропорціи выражаютъ одно и то же отношеніе въ различной формѣ, одинъ разъ въ формѣ овеществленнаго, а другой разъ въ формѣ текучаго или живого труда.

смыслахъ неудобно, но неизбѣжно во всякой наукѣ. Его мы встрѣчаемъ при изученіи высшей и низшей математики.

[30]) Господинъ Вильгельмъ Ѳукидидъ *) Рошеръ открываетъ съ истинно готтшедовскою геніальностью, что если образованіе прибавочной цѣнности или прибавочнаго продукта и связанное съ нимъ накопленіе въ настоящее время плодъ «бережливости» капиталиста, «требующаго за это, напр., процентъ», то, наоборотъ, «на самыхъ низкихъ ступеняхъ культуры... сильнѣйшіе принуждаютъ слабѣйшихъ къ бережливости». (l. c. p. 78). Къ сбереженію чего, труда или несуществующаго излишка продуктовъ? Рядомъ съ дѣйствительнымъ невѣжествомъ мы видимъ здѣсь апологетическій страхъ передъ добросовѣстнымъ анализомъ цѣнности и прибавочной цѣнности и передъ опаснымъ въ полицейскомъ отношеніи его результатомъ. Этотъ страхъ заставляетъ Рошера и компанію превращать всѣ болѣе или менѣе принудительные мотивы, которыми капиталистъ оправдываетъ присвоеніе прибавочной цѣнности, въ источники ея происхожденія.

*) Называя Рошера Ѳукидидомъ, Маркесъ иронически намекаетъ на одно изъ первыхъ произведеній Рошера, посвященное знаменитому греческому историку.

Прим. П. С.

Уровень прибавочной цѣнности есть, поэтому, точное выраженіе степени эксплуатаціи рабочей силы капиталомъ или рабочаго капиталистомъ [30a]).

По нашему предположенію, цѣнность продукта была=$\overbrace{410}^{c}$ ф. ст. + $\overbrace{90}^{v}$ ф. ст. + $\overbrace{90}^{m}$ ф. ст., авансированный же капиталъ=500 ф. ст. Такъ какъ прибавочная цѣнность=90, а авансированный капиталъ=500, то, по обычному способу вычисленія, мы получили бы, что уровень прибавочной цѣнности (который обыкновенно смѣшиваютъ съ уровнемъ прибыли)=18%, процентъ, незначительность котораго тронула бы господина Сагеу [и] другихъ гармонистовъ. На самомъ дѣлѣ же уровень прибавочной цѣнности равенъ не $\frac{m}{c}$ или $\frac{m}{c+v}$, но $\frac{m}{v}$; слѣдовательно, не $\frac{90}{500}$, а $\frac{90}{90}$ = 100%, т. е. болѣе чѣмъ въ 5 разъ превышаетъ кажущуюся степень эксплуатаціи. Хотя въ данномъ случаѣ мы не знаемъ ни абсолютной величины рабочаго дня, ни періода процесса труда (день, недѣля и т. д.), ни, наконецъ, числа рабочихъ, которыхъ одновременно приводитъ въ движеніе перемѣнный капиталъ въ 90 ф. ст., но всетаки уровень прибавочной цѣнности $\frac{m}{v}$, благодаря своей превращаемости въ $\frac{\text{прибавочный трудъ}}{\text{необходимый трудъ}}$, точно показываетъ намъ отношеніе между двумя составными частями рабочаго дня. Оно составляетъ 100%. Рабочій трудится, стало быть, въ нашемъ случаѣ, одну половину дня для себя, а другую для капиталиста.

Итакъ, методъ вычисленія уровня прибавочной цѣнности, вкратцѣ таковъ: мы беремъ всю цѣнность продукта и приравниваемъ нулю постоянную капитальную цѣнность, только вновь въ ней появляющуюся. Остающаяся сумма цѣнности есть единственная цѣнность, дѣйствительно произведенная въ процессѣ производства товара. Если дана прибавочная цѣнность, то мы вычитаемъ ее изъ этой вновь созданной цѣнности, чтобы найти перемѣнный капиталъ. Мы поступаемъ какъ разъ наоборотъ, если давъ перемѣнный капиталъ, и мы хотимъ узнать прибавочную цѣнность. Если обѣ величины даны, то остается лишь совершить заключительное дѣйствіе, т. е. вычислить отношеніе прибавочной цѣнности къ перемѣнному капиталу, $\frac{m}{v}$.

Какъ ни простъ этотъ методъ, все же намъ кажется умѣстнымъ пріучить читателей посредствомъ нѣсколькихъ примѣровъ къ лежащему въ основаніи нашего метода и непривычному для нихъ способу пониманію.

30a) Примѣч. ко 2-му над. Уровень прибавочной цѣнности не можетъ служить выраженіемъ абсолютной величины эксплуатаціи рабочей силы, хотя онъ и служитъ точнымъ выраженіемъ степени ея эксплуатаціи. Если, напр., необходимый трудъ=5 часамъ и прибавочный трудъ=5 часамъ, то степень эксплуатаціи=100%. Величина же эксплуатаціи измѣряется здѣсь 5 часами. Если же необходимый трудъ=6 часамъ и прибавочный трудъ=6 часамъ, то степень эксплуатаціи остается равной 100%, тогда какъ величина эксплуатаціи увеличивается на 20%, съ 5 до 6 часовъ.

Возьмемъ для примѣра сначала прядильную фабрику съ 10.000 мюльныхъ веретенъ, на которой прядутъ пряжу № 32 изъ американскаго хлопка и производятъ еженедѣльно 1 ф. пряжи на веретено. Отбросы хлопка составляютъ 6%. Такимъ образомъ, 10.600 фунтовъ хлопка еженедѣльно превращаются въ 10.000 ф. пряжи и 600 ф. отброса. Въ апрѣлѣ 1871 г. этотъ хлопокъ стоилъ по $7^3/_4$ пенса фунтъ и, такимъ образомъ, 10.600 ф. стоили круглымъ счетомъ 342 ф. ст. 10.000 веретенъ, включая сюда предпрядильныя машины и паровую машину, обходились въ 1 ф. ст. на веретено, въ общемъ, такимъ образомъ, 10.000 ф. ст. Изнашиваніе ихъ составляетъ 10% = 1.000 ф. ст. или 20 ф. ст. еженедѣльно. Наемъ фабричнаго зданія стоитъ 300 ф. ст., или 6 ф. ст. въ недѣлю. Уголь [4 ф. въ часъ и на лошадиную силу, на 100 лошадиныхъ (индикаторныхъ) силъ и 60 часовъ въ недѣлю, включая сюда и отопленіе зданія] 11 тоннъ въ недѣлю, по 8 шиллинговъ 6 пенсовъ тонна, стоитъ круглымъ счетомъ $4^1/_2$ ф. ст. въ недѣлю; газъ—1 ф. ст. въ недѣлю, масло—$4^1/_2$ ф. ст. въ недѣлю. Итакъ, всѣ вспомогательныя вещества составляютъ 10 ф. ст. въ недѣлю. Постоянная часть цѣнности составляетъ, слѣдовательно, 378 ф. ст. въ недѣлю. Рабочая плата составляетъ 52 ф. ст. въ недѣлю. Цѣна пряжи = $12^1/_4$ пенсовъ за фунтъ, или цѣна 10.000 ф. = 510 ф. ст., прибавочная же цѣнность составляетъ, слѣдовательно, 510—430 = 80 ф. Мы предполагаемъ постоянную часть цѣнности въ 378 ф. ст. = 0, такъ какъ она не участвуетъ въ еженедѣльномъ образо-

ваніи цѣнности. Остается произведенная за недѣлю цѣнность въ $132 = \overbrace{52}^{v} + \overbrace{80}^{m}$ ф. ст. Уровень прибавочной цѣнности, слѣдовательно, $= {}^{80}/_{52} = 153^{11}/_{13}\%$. При средней продолжительности рабочаго дня въ 10 часовъ получается: необходимаго труда $3^{31}/_{33}$ часа и прибавочнаго труда $6^2/_{33}$ часа [31]).

Jacob приводитъ для 1815 г., при цѣнѣ пшеницы въ 80 шиллинговъ за квартеръ и при среднемъ сборѣ въ 22 бушеля съ акра (т. е. 1 акръ приноситъ 11 ф. ст.), слѣдующій разсчетъ, который, хотя и не совсѣмъ удовлетворителенъ, благодаря произведенному ранѣе взаимному погашенію различныхъ статей расхода и дохода, но годенъ для нашей цѣли.

Производство цѣнности на 1 акръ.

Сѣмена (пшеница) . .	1 ф. ст. 9 ш.	Десятины, налоги, подати	1 ф. ст. 1 ш.
Удобреніе	2 » » 10 »	Рента	1 » » 8 »
Заработная плата .	3 » » 10 »	Прибыль фермера и процентъ	1 » » 2 »
Итого . .	7 ф. ст. 9 ш.	Итого . . .	3 ф. ст. 11 ш.

Прибавочная цѣнность, при томъ непзмѣнномъ предположеніи, что цѣна продукта = его цѣнности, распредѣляется здѣсь между различными рубриками:

[31]) Примѣч. ко 2-му изд. Приведенный въ первомъ изданіи примѣръ прядильной фабрики для 1860 г. содержалъ нѣсколько фактическихъ ошибокъ. Безусловно точныя числа, приведенныя въ текстѣ, доставлены мнѣ однимъ манчестерскимъ фабрикантомъ. Надо замѣтить, что въ Англіи старая лошадиная сила вычислялась по діаметру цилиндра, новая же вычислется по дѣйствительной силѣ, указываемой индикаторомъ.

прибылью, процентомъ, десятиной и т. д. Эти рубрики для насъ теперь лишены интереса. Мы складываемъ ихъ вмѣстѣ и получаемъ прибавочную цѣнность въ 3 ф. ст. 11 ш. 3 ф. ст. 19 шил., потраченные на сѣмена и удобреніе, мы, какъ постоянную часть капитала, приравниваемъ нулю. Остается авансированный перемѣнный капиталъ въ 3 ф. ст. 10 шилл., вмѣсто котораго произведена новая цѣнность въ 3 ф. ст. 10 ш. + 3 ф. ст. 11 ш. Такимъ образомъ, $\frac{m}{v} = \frac{3 \text{ ф. ст. } 11 \text{ ш.}}{3 \text{ ф. ст. } 10 \text{ ш.}}$, т. е. больше 100%. Рабочій употребляетъ болѣе половины своего рабочаго дня на производство прибавочной цѣнности, которую различныя лица подъ разными предлогами распредѣляютъ между собою [31a]).

2. Выраженіе цѣнности продукта въ относительныхъ доляхъ самого продукта.

Вернемся теперь къ тому примѣру, который намъ показалъ, какъ капиталистъ изъ денегъ дѣлаетъ капиталъ. Необходимый трудъ его прядильщика составлялъ 6 часовъ, прибавочный трудъ—столько же, и степень эксплуатаціи рабочей силы такимъ образомъ=100%.

Продуктъ 12-часового рабочаго дня составляетъ 20 ф. пряжи цѣнностью въ 30 шилл. Не менѣе $^4/_5$ цѣнности этой пряжи (24 шилл.) образованы лишь вновь появляющеюся въ продуктѣ цѣнностью потребленныхъ средствъ производства (20 ф. хлопка на 20 шилл., веретенъ и т. д. на 4 шилл.) или состоятъ изъ постояннаго капитала. Остальныя $^2/_5$ составляютъ образовавшуюся во время процесса прядения новую цѣнность въ 6 шилл., половина которыхъ замѣщаетъ авансированную дневную цѣнность рабочей силы, т. е. перемѣнный капиталъ, другая же половина образуетъ прибавочную цѣнность въ 3 шилл. Общая цѣнность 20 ф. пряжи составляется, поэтому, слѣдующимъ образомъ:

Цѣнность пряжи въ 30 ш. = $\overbrace{24 \text{ ш.}}^{c} + \overbrace{3 \text{ ш.}}^{v} + \overbrace{3 \text{ ш.}}^{m}$

Такъ какъ эта совокупная цѣнность выражается въ совокупномъ продуктѣ =20 ф. пряжи, то и различные элементы цѣнности могутъ быть тоже представлены въ относительныхъ доляхъ продукта.

Если въ 20 ф. пряжи находится цѣнность въ 30 шилл., то $^4/_5$ этой цѣнности, или ея постоянная часть въ 24 шилл. заключена въ $^4/_5$ продукта или въ 16 ф. пряжи. Изъ нихъ $13^1/_3$ ф. представляютъ цѣнность сырого матеріала, т. е. выпряденнаго хлопка на 20 шилл., а $2^2/_3$ ф.—цѣнность потребленныхъ вспомогательныхъ веществъ и орудій труда, веретенъ и т. д. на 4 шил. $13^1/_3$ ф. пряжи представляютъ, слѣдовательно, весь выпряденный хлопокъ, содержащійся въ совокупномъ продуктѣ—20 ф. пряжи, т. е. сырой матеріалъ совокупнаго продукта, и ничего болѣе. Хотя въ нихъ находятся только $13^1/_3$ ф.

31a) Приведенныя вычисленія служатъ только для иллюстраціи. Мы предполагали, что цѣны = цѣнностямъ. Но въ III книгѣ мы увидимъ, что это уравненіе цѣнъ и цѣнностей, даже для среднихъ цѣнъ, совершается вовсе не такъ просто.

хлопка цѣнностью въ $13^1/_3$ шилл., но добавочная къ нимъ цѣнность въ $6^2/_3$ шилл. образуетъ эквивалентъ хлопка, содержащагося въ остальныхъ $6^2/_3$ ф. пряжи. Дѣло представляется такъ, какъ будто изъ этихъ $6^2/_3$ выщипанъ былъ бы весь хлопокъ и какъ будто хлопокъ всего продукта былъ бы сжатъ въ $13^1/_3$ ф. пряжи. Но за то они теперь не содержатъ ни атома цѣнности употребленныхъ въ дѣло вспомогательныхъ веществъ и орудій труда, ни атома созданной въ процессѣ пряденья новой цѣнности.

Точно также другіе $2^2/_3$ ф. пряжи, въ которыхъ содержится остатокъ постояннаго капитала (=4 шилл.), представляютъ не что иное, какъ только цѣнность вспомогательныхъ веществъ и орудій труда, использованныхъ при производствѣ совокупнаго продукта—20 ф. пряжи.

Такимъ образомъ, $^4/_{10}$ продукта, или 16 ф. пряжи, хотя и представляютъ разсматриваемые матеріально, въ качествѣ потребительныхъ цѣнностей, въ качествѣ пряжи, продуктъ прядильнаго труда, подобно остальнымъ частямъ продукта, но разсматриваемыя съ нашей точки зрѣнія не содержатъ прядильнаго труда, не заключаютъ въ себѣ труда, впитаннаго во время самаго процесса пряденья. Они какъ будто бы безъ пряденья превратились въ пряжу; какъ будто бы ихъ форма пряжи представляетъ чистый обманъ. И въ самомъ дѣлѣ, когда капиталистъ продаетъ ихъ за 24 шилл. и на нихъ покупаетъ вновь свои средства производства, то становится яснымъ, что 16 ф. пряжи—только въ другомъ видѣ тотъ же хлопокъ, уголь и т. д.

Наоборотъ, остающіяся $^2/_{10}$ продукта или 4 ф. пряжи представляютъ теперь лишь новую цѣнность въ 6 шилл., произведенную во время двѣнадцатичасового процесса пряденья. Содержавшаяся въ нихъ цѣнность использованнаго сырого матеріала и орудій труда была уже вышотрошена изъ нихъ и заключена въ первые 16 ф. пряжи. Воплощенный въ 20 ф. пряжи прядильный трудъ сконцентрированъ въ $^2/_{10}$ продукта, какъ будто бы прядильщикъ произвелъ эти 4 ф. пряжи изъ воздуха или изъ такого хлопка и помощью такихъ веретенъ, которые были даны самой природой, безъ всякаго содѣйствія человѣческаго труда, и не прибавили, такимъ образомъ, къ продукту никакой цѣнности.

Въ 4 ф. пряжи, въ которыхъ содержится вся произведенная въ продолженіе дневного процесса пряденья цѣнность, одной половиной—2 ф.—представленъ только эквивалентъ потребленной рабочей силы, т. е. перемѣнный капиталъ въ 3 шилл., другими же 2 ф. пряжи—только прибавочная цѣнность въ 3 шилл.

Такъ какъ 12 часовъ труда ткача овеществляются въ 6 шилл., то въ цѣнности пряжи въ 30 шилл. овеществлено 60 рабочихъ часовъ. Они существуютъ въ 20 ф. пряжи, изъ которыхъ $^4/_{10}$, или 16 ф. пряжи, составляютъ матеріальное выраженіе 48 рабочихъ часовъ, предшествовавшихъ процессу пряденья, т. е. труда, овеществленнаго въ средствахъ производства пряжи, $^2/_{10}$ же, или 4 ф. пряжи, напротивъ,—матеріальное выраженіе 12 рабочихъ часовъ, потраченныхъ въ самомъ процессѣ пряденья.

Прежде мы уже видѣли, что цѣнность пряжи равна суммѣ, появившейся въ ея производствѣ новой цѣнности, плюсъ цѣнность, уже ранѣе существовавшая въ ея средствахъ производства. Теперь же мы видимъ, какъ функціонально

или логически (begrifflich) различныя составныя части цѣнности продукта могутъ быть представлены въ относительныхъ доляхъ самого продукта.

Это разложеніе продукта—результата процесса производства—на количество продукта, представляющее только трудъ, содержащійся въ средствахъ производства, или постоянный капиталъ, на другое количество, въ которомъ содержится только необходимый трудъ, прибавленный въ процессѣ производства, или перемѣнный капиталъ, и на третье количество продукта, представляющее только прибавочный трудъ, прибавленный въ этомъ же самомъ процессѣ, или прибавочную цѣнность; такое разложеніе очень просто, но въ то же время и весьма важно, какъ это покажетъ его дальнѣйшее приложеніе къ сложнымъ и еще неразрѣшеннымъ проблемамъ.

Мы разсматривали совокупный продуктъ, какъ готовый результатъ двѣнадцатичасового рабочаго дня. Но мы можемъ также прослѣдить его и въ процессѣ его образованія и все-таки представить частные продукты въ видѣ функціонально различныхъ частей продукта.

Прядильщикъ производитъ въ 12 часовъ 20 ф. пряжи, въ 1 часъ, слѣдовательно, $1^2/_3$ ф., а въ 8 часовъ $13^1/_3$ ф., т. е. часть продукта, равную всей цѣнности хлопка, выпрядаемаго въ продолженіе всего рабочаго дня. Точно такимъ же образомъ продуктъ слѣдующихъ 1 ч. 36 м. = $2^2/_3$ ф. пряжи и представляетъ, поэтому, цѣнность орудій труда, использованныхъ въ теченіе 12 рабочихъ часовъ. Такимъ же образомъ въ слѣдующіе 1 ч. 12 м. прядильщикъ производитъ 2 ф. пряжи, цѣнность, равную всей той цѣнности, которую онъ производитъ въ продолженіе 6 часовъ необходимаго труда. Наконецъ, въ послѣдніе $^{48}/_{60}$ часа онъ точно также производитъ 2 ф. пряжи, цѣнность которыхъ равна прибавочной цѣнности, произведенной его полудневнымъ прибавочнымъ трудомъ. Этотъ способъ вычисленія служитъ англійскому фабриканту для домашняго обихода, и онъ сказалъ бы, напр., что въ первые 8 часовъ, или $^2/_3$ рабочаго дня, онъ покрываетъ только свои издержки на хлопокъ и т. д. Какъ мы видимъ, формула эта вѣрна, поскольку она — первая формула, только перепеченная изъ пространства, гдѣ готовыя части продукта лежатъ рядомъ, во время, гдѣ онѣ слѣдуютъ другъ за другомъ. Но эта формула можетъ также сопровождаться весьма варварскими представленіями, особенно въ такихъ головахъ, которыя, съ одной стороны, практически заинтересованы въ процессѣ образованія прибавочной цѣнности, съ другой же стороны, весьма заинтересованы и въ томъ, чтобы теоретически превратно понимать его. Такъ, можно вообразить, что нашъ прядильщикъ, напр., въ первые 8 часовъ своего рабочаго дня производитъ или возмѣщаетъ цѣнность хлопка, въ слѣдующіе 1 часъ 36 минутъ—цѣнность потребленныхъ орудій труда, въ слѣдующіе 1 часъ 12 минутъ—цѣнность заработной платы, и только знаменитый «послѣдній» часъ посвящаетъ фабриканту, т. е. производству прибавочной цѣнности. Прядильщику, такимъ образомъ, приписывается двойное чудо: во-первыхъ, онъ производитъ хлопокъ, веретена, паровую машину, уголь, масло и т. д. въ тотъ же самый моментъ, когда онъ ими прядетъ, и, во-вторыхъ, изъ одного рабочаго дня данной интенсивности онъ дѣлаетъ 5 такихъ дней. Въ нашемъ примѣрѣ производство сырого матеріала и орудій труда требуетъ $^{24}/_6$ = 4 дня

пятнадцатичасовыхъ рабочихъ дней, а ихъ превращеніе въ пряжу еще одного двѣнадцатичасового рабочаго дня. Что хищничество вѣритъ подобнымъ чудесамъ и что всегда находятся доктринеры-сикофанты, готовые ихъ доказывать, объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующій историческій знаменитый примѣръ.

3. «Послѣдній часъ» Senior'a.

Въ одно прекрасное утро 1836 г. Nassau W. Senior, извѣстный своими экономическими познаніями и своимъ прекраснымъ слогомъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ Cicero *) среди англійскихъ экономистовъ, былъ приглашенъ изъ Оксфорда въ Манчестеръ, чтобы тамъ изучать политическую экономію, вмѣсто того, чтобы преподавать ее въ Оксфордѣ. Фабриканты избрали его бойцомъ противъ недавно изданнаго Factory Act (фабричнаго закона) и противъ шедшей еще далѣе десятичасовой агитаціи. Со своей обычной практической проницательностью они поняли, что господинъ профессоръ «wanted a good deal of finishing» (очень еще нуждается въ окончательной отдѣлкѣ). Поэтому они выписали его въ Манчестеръ. Профессоръ, съ своей стороны, цвѣтистымъ слогомъ изложилъ поученія, выслушанныя имъ отъ манчестерскихъ фабрикантовъ, въ памфлетѣ, озаглавленномъ: «Letters on the Factory Act, as itaffe cts the cotton manufacture» **). London, 1837 **). Между прочимъ, мы находимъ тамъ слѣдующія поучительныя строки:

«При теперешнемъ законѣ ни одна фабрика, занимающая лицъ моложе 18 лѣтъ, не можетъ работать болѣе $11^1/_2$ часовъ въ день, т. е. 12 часовъ въ продолженіе первыхъ 5 дней и 9 часовъ въ субботу. Между тѣмъ, нижеслѣдующій анализъ (!) показываетъ, что на такой фабрикѣ вся чистая прибыль происходитъ отъ послѣдняго часа. Фабрикантъ затрачиваетъ 100.000 фунт. стерл.— 80.000 фунт. стерл. на фабричныя зданія и машины, 20.000 на сырой матеріалъ и заработную плату. При условіи, что капиталъ дѣлаетъ одинъ оборотъ въ годъ, и что валовая прибыль составляетъ 15%, годовой оборотъ фабрики долженъ состоять изъ товаровъ, цѣнностью въ 115.000 фунт. стерл... Каждый изъ 23 получасовъ труда производитъ ежедневно $^1/_{115}$ или $^1/_{23}$ этихъ 115.000 фунт. стерл. Изъ $^{23}/_{23}$, составляющихъ всѣ 115.000 фунт. стерл. (constituting the whole 115.000 Pfd. st.), $^{20}/_{23}$, т. е. 100.000 фунт. стерл. изъ 115.000 фунт. стерл. возмѣщаютъ только капиталъ; $^1/_{23}$, или 5.000 фунт. стерл., изъ 15.000 фунт. стерл. валовой прибыли (!) возмѣщаютъ изнашиваніе фабрики и машинъ. Остающіяся $^2/_{23}$, т. е. 2 послѣднихъ получаса каждаго дня, производятъ чистую прибыль въ 10%. Если бы, поэтому, при неизмѣнныхъ цѣнахъ фабрика могла вмѣсто $11^1/_2$ часовъ работать 13 часовъ, то, при увеличеніи оборотнаго капитала, приблизительно на 2.600 фунт. стерл., чистая прибыль увеличилась бы болѣе чѣмъ вдвое. Съ другой стороны, если бы число рабочихъ часовъ уменьшилось ежедневно на 1 часъ, то исчезла бы чистая прибыль, а съ уменьшеніемъ на $1^1/_2$ часа и валовая прибыль» [32]).

*) Псевдонимъ К. Непп'а (1771—1854), занимательнаго и популярнаго, но крайне пошлаго нѣмецкаго романиста, теперь совершенно забытаго. *Прим. И. С.*

**) Письма о вліяніи фабричнаго закона на хлопчато-бумажную промышленность.

[32]) Senior, l. c. p. 12, 13. Мы оставляемъ безъ вниманія нѣкоторые курьезы, безразличные для нашей цѣли, какъ, напр., утвержденіе, что фабриканты причи-

И это господинъ профессоръ называетъ «анализомъ»! Если онъ дѣйствительно вѣрилъ вопли фабрикантовъ, что рабочіе лучшую часть дня тратятъ на производство, а, слѣдовательно, и воспроизведеніе или возмѣщеніе цѣнности зданій, машинъ, хлопка, угля и т. д., то всякій анализъ былъ совершенно излишенъ. Ему просто нужно было отвѣтить: Господа! если вы дадите работать 10 часовъ вмѣсто $11^1/_2$, то, при прочихъ равныхъ условіяхъ, ежедневное потребленіе машинъ, хлопка и т. д., уменьшится на $1^1/_2$ часа. Вы, слѣдовательно, выигрываете ровно столько, сколько вы теряете. Ваши рабочіе впредь будутъ тратить на $1^1/_2$ часа меньше на воспроизведеніе или возмѣщеніе затраченной капитальной цѣнности. Если же онъ не вѣрилъ имъ на слово, но въ качествѣ свѣдущаго человѣка считалъ необходимымъ анализъ, то онъ прежде всего долженъ былъ попросить господъ фабрикантовъ въ вопросѣ, исключительно касающемся отношенія чистой прибыли къ величинѣ рабочаго дня, не сваливать безъ разбора въ одну кучу, машины, зданія, сырой матеріалъ и трудъ, но соблаговолить поставить на одной сторонѣ постоянный капиталъ, содержащійся въ фабричныхъ зданіяхъ, машинахъ, сыромъ матеріалѣ и т. д., а на другой—капиталъ, авансированный на заработную плату. Если бы тогда оказалось, что, по расчету фабриканта, рабочій въ $^2/_3$ часа или въ одинъ часъ воспроизводитъ или возмѣщаетъ заработную плату, то нашъ аналитикъ долженъ былъ бы продолжать такъ:

Согласно вашему показанію, рабочій производитъ въ предпослѣдній часъ свою заработную плату, а въ послѣдній—вашу прибавочную цѣнность или чистую прибыль. Такъ какъ въ равные промежутки времени онъ производитъ

слаютъ вознагражденіе за потребленныя машины и т. д., т. е. за часть капитальной цѣнности, къ прибыли, брутто или нетто, грязной или чистой. Точно также мы не обращаемъ вниманія на точность или лживость числовыхъ данныхъ. Что они не лучше, чѣмъ такъ-называемый «анализъ», доказалъ Leonhard Horner въ «A letter to Mr. Senior etc.». Lond. 1837. Leonhard Horner, одинъ изъ Factory Inquiry Commissioners въ 1833 г. и фабричный инспекторъ, поистинѣ фабричный цензоръ, оказалъ безсмертныя услуги англійскому рабочему классу. Всю свою жизнь онъ велъ неустанную борьбу не только съ ослѣпленными фабрикантами, но и съ министрами, для которыхъ было гораздо важнѣе считать «голоса» фабрикантовъ въ Палатѣ Общинъ, чѣмъ число часовъ «рабочихъ рукъ», трудящихся на фабрикахъ.

Прибавленіе къ примѣчанію 32. Помимо невѣрности, изложеніе Senior'а путанное. Вотъ что онъ собственно хотѣлъ сказать: фабрикантъ даетъ ежедневно работу рабочимъ въ продолженіе $11^1/_2$ или $^{23}/_2$ часа. Рабочій годъ, какъ и каждый рабочій день, состоитъ изъ $11^1/_2$ или $^{23}/_2$ получасовъ (помноженныхъ на число рабочихъ дней въ году). При такомъ предположеніи, $^{23}/_2$ рабочихъ часа производятъ годовой продуктъ въ 115.000 фунт. стерл.; $^1/_{23}$ рабочаго часа производитъ $^1/_{23} \times 115.000$ фунт. стерл.; $^{20}/_{23}$ рабочихъ часа производятъ $^{20}/_{23} \times 115.000$ фунт. стерл. $= 100.000$ фунт. стерл., т. е. они возмѣщаютъ только затраченный капиталъ. Остаются $^3/_{23}$ рабочихъ часа, которые производятъ $^3/_{23} \times 115.000$ фунт. стерл. $= 15.000$, т. е. валовую прибыль. Изъ этихъ $^3/_{23}$ рабочихъ часовъ, $^1/_2$ рабочаго часа производитъ $^1/_{23} \times 115.000$ фунт. стерл. $= 5.000$ фунт. стерл., т. е. возмѣщеніе напашиванія фабрики и машинъ. Послѣдніе же два рабочихъ получаса, т. е. послѣдній рабочій часъ производитъ $^2/_{23} \times 115.000$ фунт. стерл. $= 10.000$ фунт. стерл., т. е. чистую прибыль. Въ приведенной нами въ текстѣ цитатѣ Senior превращаетъ послѣднія $^2/_{23}$ продукта въ части самого рабочаго дня.

равныя цѣнности, то продуктъ предпослѣдняго часа имѣетъ ту же цѣнность, что и продуктъ послѣдняго часа. Рабочій, кромѣ того, только до тѣхъ поръ производитъ цѣнность, пока онъ тратитъ трудъ, и количество его труда измѣряется его рабочимъ временемъ. Это послѣднее, по вашему показанію, составляетъ $11^1/_2$ часовъ въ день. Одну часть этихъ $11^1/_2$ часовъ онъ употребляетъ на возмѣщеніе или производство своей заработной платы, другую часть на производство вашей чистой прибыли. Больше онъ ничего не дѣлаетъ въ продолженіе рабочаго дня. Но такъ какъ, по вашему заявленію, его плата и доставленная имъ прибавочная цѣнность представляютъ равныя по величинѣ цѣнности, то, очевидно, онъ производитъ свою заработную плату въ $5^3/_4$ часа и вашу чистую прибыль въ остальные $5^3/_4$ часа. Такъ какъ, далѣе, цѣнность пряжи, произведенной въ два часа, равна цѣнности его заработной платы плюсъ цѣнность вашей чистой прибыли, то эта цѣнность пряжи должна измѣряться $11^1/_2$ часами труда, т. е. продуктъ предпослѣдняго часа долженъ измѣряться $5^3/_4$ часа, и продуктъ послѣдняго часа—также. Мы дошли теперь до щекотливаго пункта, а потому—ухо востро! Предпослѣдній рабочій часъ есть обыкновенный рабочій часъ, такой же, какъ и первый, ni plus, ni moins (ни болѣе, ни менѣе). Какимъ же образомъ прядильщикъ можетъ въ одинъ рабочій часъ произвести пряжу, представляющую цѣнность $5^3/_4$ рабочихъ часовъ? На самомъ дѣлѣ онъ и не совершаетъ такого чуда. Потребительная цѣнность, которую онъ производитъ въ одинъ рабочій часъ, есть опредѣленное количество пряжи. Цѣнность этой пряжи измѣряется $5^3/_4$ рабочихъ часовъ, изъ которыхъ $4^3/_4$ содержатся, безъ всякаго съ его стороны содѣйствія, въ потребленныхъ въ продолженіе часа средствахъ производства: хлопкѣ, машинахъ и т. д., $^4/_4$ же, или одинъ часъ, прибавленъ имъ самимъ. Такъ какъ его заработная плата производится, такимъ образомъ, въ $5^3/_4$ часа, а пряжа, произведенная въ одинъ часъ пряденья, точно также содержитъ $5^3/_4$ рабочихъ часа, то нѣтъ никакого волшебства въ томъ, что цѣнность, произведенная въ $5^3/_4$ часа его прядильнаго труда, равна цѣнности продукта одного часа пряденья. Но вы совершенно заблуждаетесь, если думаете, что онъ тратитъ хоть одинъ атомъ времени своего рабочаго дня на воспроизведеніе или «возмѣщеніе» цѣнности хлопка, машинъ и т. д. Вслѣдствіе того, что трудомъ своимъ онъ производитъ изъ хлопка и веретенъ пряжу, вслѣдствіе того, что онъ прядетъ, цѣнность хлопка и веретенъ сама переходитъ на пряжу. Это слѣдствіе качественной стороны его труда, а не количественной. Правда, въ одинъ часъ онъ перепрядетъ больше цѣнности хлопка и т. д. на пряжу, чѣмъ въ $^1/_2$ часа, но только потому, что въ 1 часъ онъ выпрядетъ больше хлопка, чѣмъ въ $^1/_2$ часа. Поймите, такимъ образомъ, что когда вы говорите, что рабочій производитъ въ предпослѣдній часъ цѣнность своей заработной платы, а въ послѣдній чистую прибыль, то это только значитъ, что въ продуктѣ двухъ часовъ его рабочаго дня, будутъ ли они въ началѣ или въ концѣ, воплощено $11^1/_2$ часовъ труда, т. е. ровно столько же часовъ, сколько насчитывается въ его рабочемъ днѣ. А когда вы говорите, что въ первые $5^3/_4$ часа онъ производитъ свою заработную плату, а въ послѣдніе $5^3/_4$ часа вашу чистую прибыль, то это опять таки значитъ только, что за первые $5^3/_4$

часа вы платите, а за послѣдніе $5^3/_4$ часа ничего не платите. Я говорю о платѣ за трудъ, вмѣсто платы за рабочую силу, чтобы говорить на вашемъ жаргонѣ (slang). Но если вы, господа, сравните отношеніе рабочаго времени, которое вы оплачиваете, къ тому рабочему времени, которое вы не оплачиваете, то вы найдете, что это есть отношеніе половины дня къ половинѣ дня, т. е. 100%, что во всякомъ случаѣ представляетъ весьма приличный процентъ. Не подлежитъ также ни малѣйшему сомнѣнію, что если вы заставите свои «рабочія руки» работать 13 часовъ вмѣсто $11^1/_2$ и—что на васъ такъ изумительно похоже—излишніе $1^1/_2$ часа причислите къ прибавочному труду, то послѣдній возрастетъ съ $5^3/_4$ часа до $7^1/_4$ часа, а уровень прибавочной цѣнности со 100% до $126^2/_{23}$%. Но вы окажетесь слишкомъ большими сангвиниками, если надѣетесь, что съ прибавленіемъ $1^1/_2$ часовъ она возрастетъ до 200% и даже болѣе чѣмъ до 200%, т. е. что она «болѣе чѣмъ удвоится». Съ другой стороны—что за чудная вещь человѣческое сердце, особенно, если человѣкъ носитъ его въ своемъ кошелькѣ!— вы отчаянные пессимисты, если вы опасаетесь, что съ уменьшеніемъ рабочаго дня съ $11^1/_2$ часовъ до $10^1/_2$ часовъ исчезнетъ вся ваша чистая прибыль. Ничуть не бывало. При прочихъ равныхъ условіяхъ, прибавочный трудъ упадетъ съ $5^3/_4$ до $4^3/_4$ часа, что все еще дастъ вамъ значительный уровень прибавочной цѣнности, а именно $82^{14}/_{23}$%. Но роковой «послѣдній часъ», о которомъ вы разсказываете больше сказокъ, чѣмъ хиліасты о свѣтопреставленіи, это — «all bosh», совершенный вздоръ. Потеря его не лишитъ васъ «чистой прибыли», такъ же какъ занимаемыя вами дѣти обоего пола не потеряютъ съ нимъ своей «душевной чистоты» [32a]).

[32a]) Если Senior доказалъ, что отъ «послѣдняго рабочаго часа» зависитъ чистая прибыль фабрикантовъ, существованіе англійской хлопчатобумажной промышленности, господство Англіи на міровомъ рынкѣ, то Dr. Andrew Ure доказалъ сверхъ того еще, что если дѣти и подростки моложе 18 лѣтъ, вмѣсто того чтобы работать полные 12 часовъ въ теплой и чистой нравственной атмосферѣ фабрики, выталкиваются «однимъ часомъ» ранѣе въ холодный, непривѣтливый и распущенный внѣшній міръ, то они отъ праздности и порока теряютъ свое душевное здравіе. Съ 1848 г. фабричные инспекторы въ своихъ полугодовыхъ «Reports» (отчетахъ) никогда не упускаютъ случая подразнить фабрикантовъ «послѣднимъ часомъ», «роковымъ часомъ». Такъ, напр., Howell въ своемъ фабричномъ отчетѣ, отъ 31-го мая 1855 г., говоритъ: «Если бы слѣдующее остроумное вычисленіе (цитируется расчетъ Senior'a) было вѣрно, то каждая хлопчатобумажная фабрика въ Соед. Королевствѣ съ 1850 г. работала бы въ убытокъ». («Reports of the Insp. of Fact. for the half year ending 30 th. April. 1855» p. 19, 20). Когда въ 1848 г. десятичасовой билль прошелъ черезъ парламентъ, то фабриканты вынудили у нѣкоторыхъ рабочихъ, занятыхъ на сельскихъ льнопрядильныхъ фабрикахъ, разбросанныхъ между графствами Somerset и Dorset, петицію противъ этого билля, въ которой, между прочимъ, говорится: «Мы, просители—родители, думаемъ, что лишній праздный часъ будетъ имѣть послѣдствіемъ только деморализацію нашихъ дѣтей, такъ какъ праздность начало всякихъ пороковъ». На это фабричный отчетъ отъ 31 октября 1848 г. замѣчаетъ: «Атмосфера льнопрядиленъ, въ которыхъ работаютъ дѣти этихъ добродѣтельныхъ и нѣжныхъ родителей, такъ пропитана пылью и волокнистыми

Когда дѣйствительно пробьетъ вашъ «послѣдній часъ», то вспомните оксфордскаго профессора. А пока до болѣе пріятнаго свиданія въ лучшемъ мірѣ! Addio [32])!... Тревожный сигналъ Сеніоровскаго «послѣдняго часа» былъ 15 апрѣля 1848 г. снова поданъ однимъ изъ главныхъ экономическихъ мандариновъ.

частицами сырого матеріала, что чрезвычайно непріятно провести въ прядильнѣ даже 10 минутъ, пребываніе тамъ сопровождается непріятнымъ ощущеніемъ, такъ какъ глаза, уши, ноздри, ротъ тотчасъ наполняются цѣлыми облаками льняной пыли, отъ которой нѣтъ спасенія. Самый трудъ, вслѣдствіе лихорадочной быстроты машинъ, требуетъ неутомимой ловкости и постояннаго движенія подъ контролемъ неослабнаго вниманія; нѣсколько жесткимъ, поэтому, покажется всякому въ устахъ родителей слово «лѣность» по отношенію къ собственнымъ дѣтямъ, которыя, за вычетомъ времени для принятія пищи, прикованы въ продолженіе полныхъ 10 часовъ къ подобному занятію, въ такой атмосферѣ... Эти дѣти работаютъ дольше, чѣмъ земледѣльческіе рабочіе въ сосѣднихъ деревняхъ... Подобныя безжалостныя обвиненія въ «праздности и порокахъ» должны быть заклеймены какъ чистѣйшій cant (ханжество) и самое бесстыдное лицемѣріе... Та часть публики, которая около двѣнадцати лѣтъ тому назадъ была возмущена той самонадѣянностью, съ которой публично и серьезно заявляли, опираясь на санкцію высокаго авторитета, что вся «чистая прибыль» фабрикантовъ производится въ «послѣдній часъ» и что, поэтому, уменьшеніе рабочаго дня на одинъ часъ уничтожило бы чистую прибыль,—эта часть публики, говоримъ мы, едва ли повѣритъ своимъ глазамъ, когда увидитъ, что оригинальное открытіе благихъ свойствъ «послѣдняго часа» съ тѣхъ поръ настолько усовершенствовано, что объемлетъ собой вмѣстѣ съ прибылью также и «нравственность», такъ что, если продолжительность дѣтскаго труда будетъ уменьшена до полныхъ 10 часовъ, то вмѣстѣ съ чистой прибылью фабрикантовъ одновременно пойдетъ въ черту и нравственность дѣтей, такъ какъ и та, и другая зависятъ отъ этого послѣдняго, этого рокового часа». («Reports of Inspr. of Fact. for 31 st. oct. 1848», p. 101). Этотъ же самый фабричный отчетъ приводитъ затѣмъ обличенія «нравственности» и «добродѣтели» господъ фабрикантовъ, перечисляетъ всѣ пропски, уловки, приманки, угрозы, поддѣлки и т. п., которыя они употребляли, чтобы застарать немногихъ совершенно опустившихся рабочихъ подписывать подобныя петиціи. А потомъ эти петиціи преподносились парламенту, какъ петиціи цѣлой отрасли промышленности, цѣлыхъ графствъ. Въ высшей степени характерно для современнаго состоянія такъ называемой экономической «науки», что ни самъ Senior, который къ чести своей выступилъ впослѣдствіи энергичнымъ защитникомъ фабричнаго законодательства, ни его первоначальные и позднѣйшіе противники не сумѣли раскрыть логическія ошибки, на которыхъ основано «оригинальное открытіе». Они апеллировали къ фактамъ и къ опыту,—но why и wherefore (какъ и почему) осталось для нихъ тайной.

[32]) Между тѣмъ господинъ профессоръ все-таки извлекъ нѣкоторую пользу изъ своей манчестерской поѣздки. Въ «Letters on the Factory Act» вся чистая прибыль, «барышъ» и «процентъ» и даже «something more» [(нѣчто болѣе этого) зависятъ отъ одного неоплаченнаго часа труда рабочаго! Однимъ только годомъ ранѣе, въ своихъ «Outlines of Political Economy», сочиненныхъ на потребу оксфордскихъ студентовъ и образованныхъ филистеровъ, онъ «открылъ», въ опроверженіе теоріи цѣнности Рикардо, выводящаго цѣнность изъ рабочаго времени, что источникъ прибыли въ трудѣ капиталиста, процентъ же въ его аскетизмѣ, въ его «воздержаніи». Басня эта была стара, но слово «Abstinence» (воздержаніе) было ново. Гос подинъ Рошеръ вѣрно перевелъ его на нѣмецкій языкъ словомъ «Enthaltung». Но разные Wirth'ы, Schulze и прочіе Мякели, нѣсколько свѣдущіе въ латыни, превратили воздержаніе въ монашескую добродѣтель—самоотреченіе (Entsagung).

Джемсомъ Вильсономъ, въ его полемикѣ противъ закона о десятичасовомъ рабочемъ днѣ.

4. Прибавочный продуктъ.

Ту часть продукта ($^1/_{10}$ 20 ф. пряжи или 2 ф. пряжи во второмъ нашемъ примѣрѣ), въ которой выражается прибавочная цѣнность, мы называемъ прибавочнымъ продуктомъ (Mehrprodukt, surplus produce, produit net). Какъ уровень прибавочной цѣнности опредѣляется ея отношеніемъ не ко всей суммѣ капитала, но только къ перемѣнной его части, такъ и величина прибавочнаго продукта опредѣляется его отношеніемъ не ко всему остальному продукту, но къ той части его, въ которой воплощается необходимый трудъ. Какъ производство прибавочной цѣнности есть опредѣляющая цѣль капиталистическаго производства, точно также и степень богатства измѣряется не абсолютной величиной продукта, но относительной величиной прибавочнаго продукта [34]).

Сумма необходимаго труда и прибавочнаго труда, промежутковъ времени въ продолженіе которыхъ рабочій производитъ цѣнность, возмѣщающую его рабочую силу, и цѣнность прибавочную, образуетъ абсолютную величину его рабочаго времени—рабочій день (working day).

---

[34]) «Для человѣка, обладающаго капиталомъ въ 20.000 ф. ст., прибыль котораго составляетъ ежегодно 2.000 ф. ст. «было бы совершенно безразлично, занимаетъ ли его капиталъ 100 или 1.000 рабочихъ, продаются ли произведенные товары за 10.000 или за 20.000 ф. ст., при томъ предположеніи, что его прибыль во всѣхъ этихъ случаяхъ не падетъ ниже 2.000 ф. ст. Развѣ не таковъ же реальный интересъ націи? Если предположить, что ея реальный чистый доходъ, ея ренты и прибыли не измѣняются, то ни малѣйшаго значенія не имѣетъ то обстоятельство, что нація состоитъ изъ 10 или 20 милліоновъ жителей». (Ricardo, l. c. p. 416). Еще задолго до Рикардо Arthur Joung, фанатикъ прибавочнаго продукта, болтливый, лишенный всякаго критическаго духа писатель, слава котораго обратно пропорціональна его заслугамъ, между прочимъ, сказалъ: «Какую пользу имѣло бы современное государство отъ цѣлой провинціи, почва которой воздѣлывалась бы по древне-римскому способу мелкими независимыми крестьянами, хотя бы они и воздѣлывали ее наилучшимъ способомъ? Какую бы это имѣло цѣль, кромѣ единственной цѣли производить людей («the mere purpose of breeding men»), что само по себѣ не имѣетъ никакой цѣли («is a most useless purpose»). Arthur Joung: «Political Arithmetic etc. London 1774», p. 47.

Прибавленіе къ примѣч. 34. Странною кажется «the strong inclination to represent net wealth as beneficial to the labouring class... though it is evidently not on account of being net» («сильная наклонность изображать чистый доходъ выгоднымъ для рабочаго класса... хотя это происходитъ, очевидно, не по причинѣ его чистоты»). (Th. Hopkins: «On Rent of Land etc. London. 1823»; p. 126).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Рабочій день.

1. Предѣлы рабочаго дня.

Мы исходили изъ того предположенія, что рабочая сила покупается и продается по ея цѣнности. Ея цѣнность, какъ и цѣнность всякаго другого товара, опредѣляется рабочимъ временемъ, необходимымъ для ея производства. Если, слѣдовательно, производство необходимыхъ въ среднемъ ежедневно средствъ существованія рабочаго требуетъ 6 часовъ, то онъ долженъ работать среднимъ числомъ 6 часовъ въ день для того, чтобы ежедневно произвести свою рабочую силу, или чтобы воспроизвести цѣнность, полученную при ея продажѣ. Необходимая часть его рабочаго дня составляетъ въ этомъ случаѣ 6 часовъ и представляетъ, такимъ образомъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, величину постоянную. Но этимъ еще не опредѣляется длина самого рабочаго дня.

Предположимъ, что линія a_____b представляетъ продолжительность или длину необходимаго рабочаго времени, напр., 6 часовъ. Смотря по тому, будетъ ли трудъ продолженъ далѣе ab на 1,3, или 6 часовъ, мы получаемъ три различныя линіи:

Рабочій день I

a_____b__c,

Рабочій день II

a_____b_____c

и Рабочій день III

a_____b_____c,

которыя представляютъ 3 различныхъ рабочихъ дня въ 7, 9 и 12 часовъ. Линія удлиненія bc представляетъ длину прибавочнаго труда. Такъ какъ рабочій день=ab+bc, или ac, то онъ измѣняется вмѣстѣ съ измѣненіемъ перемѣнной величины bc; а такъ какъ ab дано, то отношеніе bc къ ab всегда можетъ быть измѣрено. Оно составляетъ въ рабочемъ днѣ I $^{1}/_{6}$, въ рабочемъ днѣ II $^{2}/_{6}$ и въ рабочемъ днѣ III $^{6}/_{6}$ ab. Такъ какъ, далѣе, отношеніе:

$$\frac{\text{прибавочное рабочее время}}{\text{необходимое рабочее время}}$$

опредѣляетъ уровень прибавочной цѣнности, то послѣдній является даннымъ вмѣстѣ съ этимъ отношеніемъ. Онъ составляетъ въ трехъ различныхъ рабочихъ дняхъ соотвѣтственно $16^{2}/_{3}$, 50 и 100%. Наоборотъ, одинъ уровень прибавочной цѣнности не далъ бы намъ величины рабочаго дня. Если бы, напр., онъ былъ равенъ 100% то рабочій день могъ бы продолжаться 8, 10, 12 и т. д. часовъ. Онъ показывалъ бы только, что обѣ составныя части рабочаго дня, необходимый трудъ и прибавочный трудъ, равны по величинѣ, но не показывалъ бы, какъ велика каждая изъ этихъ частей.

Рабочій день есть, такимъ образомъ, величина не постоянная, а перемѣнная. Одна изъ его частей, правда, опредѣляется рабочимъ временемъ, необходимымъ для постояннаго воспроизведенія рабочаго, но его общая величина измѣняется съ измѣненіемъ длины или продолжительности прибавочнаго труда. Ра-

бочій день, слѣдовательно, хотя и подлежитъ опредѣленію, но самъ по себѣ есть величина неопредѣленная [35]).

Но хотя рабочій день, такимъ образомъ, представляетъ величину не опредѣленную, а текучую или перемѣнную, съ другой стороны, измѣняться онъ можетъ только въ извѣстныхъ предѣлахъ. Его минимальные предѣлы однако не поддаются опредѣленію. Правда, если мы предположимъ, что линія удлиненія bc или прибавочный трудъ=0, то мы получимъ минимальную границу, т. е. ту часть дня, которую рабочій необходимо долженъ работать для поддержанія своей жизни. Но при капиталистическомъ способѣ производства необходимый трудъ можетъ составлять только часть рабочаго дня, и послѣдній, слѣдовательно, никогда не можетъ быть сокращенъ до этого minimum'a. Зато, наоборотъ, рабочій день имѣетъ максимальную границу. Онъ не можетъ быть продолженъ далѣе извѣстнаго предѣла. Эта максимальная граница опредѣляется двояко. Во-первыхъ, физическими предѣлами рабочей силы. Человѣкъ въ продолженіе естественнаго дня въ 24 часа можетъ тратить только опредѣленное количество своей жизненной силы. Такъ, лошадь изо дня въ день можетъ работать только по 8 часовъ. Въ продолженіе одной части дня рабочая сила должна отдыхать, спать, въ продолженіе другой части человѣкъ долженъ удовлетворять свои другія физическія потребности, питаться, умываться, одѣваться и т. д. Кромѣ этихъ чисто физическихъ границъ удлиненіе рабочаго дня встрѣчаетъ еще и моральныя границы. Рабочему нужно время для удовлетворенія своихъ духовныхъ и общественныхъ потребностей, число и характеръ которыхъ опредѣляются общимъ уровнемъ культуры. Такимъ образомъ, измѣненія рабочаго дня происходятъ въ рамкахъ физическихъ и соціальныхъ условій. Но объ эти категоріи условій по своей природѣ чрезвычайно эластичны и даютъ широкій просторъ для варіацій. Такъ, мы встрѣчаемъ рабочій день въ 8, 10, 12, 14, 16, 18 часовъ, т.-е. самой различной длины.

Капиталистъ купилъ рабочую силу по ея дневной цѣнности. Ему, поэтому, принадлежитъ ея потребительная цѣнность въ продолженіе одного рабочаго дня. Онъ пріобрѣлъ такимъ образомъ право заставлять рабочаго работать на себя въ продолженіе одного дня. Но что такое рабочій день? [36]) Во всякомъ случаѣ онъ меньше естественнаго дня. Однако насколько меньше? У капиталиста свое особенное мнѣніе относительно этой ultima Thule, этой необходимой границы рабочаго дня. Въ качествѣ капиталиста онъ представляетъ только олицетворенный капиталъ. Душа его есть душа капитала. Капиталъ же имѣетъ одно только жизненное стремленіе,—это стремленіе возрастать, создавать прибавочную цѣнность, всасывать своею постоянною частью, т.-е. средствами производства, по воз-

---

[35]) «Рабочій день есть нѣчто неопредѣленное, онъ можетъ быть длинный, или короткій». «An Essay on Trade and Commerce, containing Observations on Taxation etc. London, 1770», p. 73.

[36]) Этотъ вопросъ несравненно важнѣе, чѣмъ вопросъ сера Robert'a Peel'я Бирмингамской торговой камерѣ: «What is a pound»? (что такое фунтъ стерл.?), вопросъ, который могъ быть предложенъ только потому, что Peel понималъ природу денегъ не больше, чѣмъ бирмингамскіе «little shilling men».

можности большее количество прибавочнаго труда [37]). Капиталъ это мертвый трудъ, который, подобно вампиру, оживаетъ отъ всасыванія живого труда, и тѣмъ дольше живетъ, чѣмъ больше онъ его всасываетъ. Время, въ продолженіе котораго рабочій работаетъ, есть время, въ продолженіе котораго капиталистъ потребляетъ купленную имъ рабочую силу [38]). Если рабочій потребляетъ для себя самого время, которымъ онъ располагаетъ, то онъ обкрадываетъ капиталиста [39]).

Капиталистъ ссылается на законъ товарнаго обмѣна. Онъ, какъ и всякій другой покупатель, старается извлечь изъ потребительной цѣнности своего товара возможно большую пользу. Но тутъ вдругъ раздается голосъ рабочаго, котораго до сихъ поръ не слышно было за шумомъ и суматохой процесса производства:

Товаръ, который я тебѣ продалъ, отличается отъ всей остальной товарной черни тѣмъ, что потребленіе его создаетъ цѣнность, и цѣнность большую, нежели онъ самъ стоитъ. Но этой-то причинѣ ты и купилъ его. Что для тебя является производительнымъ помѣщеніемъ капитала, то для меня представляетъ излишнюю трату рабочей силы. Мы оба на рынкѣ знаемъ только одинъ законъ—законъ товарнаго обмѣна. Потребленіе товара принадлежитъ не продавцу, который его отчуждаетъ, но покупателю, который его пріобрѣтаетъ. Тебѣ, поэтому, и принадлежитъ потребленіе моей дневной рабочей силы. Но посредствомъ той цѣны, за которую я ее ежедневно продаю, я долженъ воспроизводить ее ежедневно и такимъ способомъ имѣть возможность снова и снова ее продавать. Не говоря уже объ естественномъ изнашиваніи моего организма вслѣдствіе старости и т. д., я долженъ быть способенъ работать завтра съ той же нормальной степенью силы бодрости и здоровья, что и сегодня. Ты проповѣдуешь мнѣ постоянно евангеліе «бережливости» и «воздержанія». Хорошо же! Какъ разумный, бережливый хозяинъ, я желаю беречь свое единственное достояніе, рабочую силу, и воздерживаться отъ всякаго безумнаго расточенія ея. Я желаю приводить ежедневно въ движеніе, превращать въ живой трудъ только такую часть ея, которая соотвѣтствовала бы нормальной продолжительности ея работы и здоровому ея развитію. Чрезмѣрнымъ удлиненіемъ рабочаго дня ты можешь въ одинъ день привести въ движеніе такое количество моей рабочей силы, котораго я не смогу возстановить въ 3 дня. Что ты выигрываешь въ трудѣ, то я теряю въ субстанціи труда. Употребленіе моей рабочей силы и расхищеніе ея—

---

[37]) «Задача капиталиста состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ затраченнаго капитала извлечь по возможности большое количество труда». («D'obtenir du capital dépensé la plus forte somme de travail possible»). J. G. Courcelle-Seneuil: «Traité théorique et pratique des entreprises industrielles. 2-ème édit. Paris, 1857», p. 63.

[38]) «Потеря одного часа труда причиняетъ громадный убытокъ торговому государству. «Употребленіе предметовъ роскоши чрезвычайно распространено между бѣднымъ рабочимъ населеніемъ этого королевства, въ особенности между промышленнымъ населеніемъ; на это они тратятъ свое время, а это представляетъ самое гибельное потребленіе». «An Essay on Trade and Commerce etc.». p. 47 и 153.

[39]) «Если свободный работникъ хоть на минуту вздумаетъ отдохнуть, алчная экономія, съ безпокойствомъ слѣдящая за нимъ, утверждаетъ, что онъ ее обкрадываетъ». (N. Linguet: «Théorie des Lois Civiles etc. London 1767», t. II, p. 466).

двѣ совершенно различныя вещи. Если средній періодъ жизни средняго рабочаго при разумныхъ размѣрахъ труда составляетъ 30 лѣтъ, то цѣнность моей рабочей силы, за которую ты мнѣ изо дня въ день платишь, составляетъ $\frac{1}{365\times30}$ или $\frac{1}{10950}$ всей ея цѣнности. Но если ты ее потребляешь въ 10 лѣтъ, то ты платишь мнѣ ежедневно $\frac{1}{10950}$ вмѣсто $\frac{1}{3650}$ всей ея цѣнности, т. е. только $^1/_3$ ея дневной цѣнности и крадешь у меня такимъ образомъ ежедневно $^2/_3$ цѣнности моего товара. Ты платишь мнѣ за дневную рабочую силу, тогда какъ потребляешь трехдневную. Это противно нашему договору и закону товарнаго обмѣна. Я требую, поэтому, нормальнаго рабочаго дня и требую его, обращаясь не къ твоему сердцу, такъ какъ въ денежныхъ дѣлахъ пѣтъ мѣста добродушію. Ты можешь быть образцовымъ гражданиномъ, состоишь, можетъ быть, членомъ общества покровительства животнымъ, ты, сверхъ того, можетъ быть, славишься святостью своей жизни; но у того существа, которое ты представляешь относительно меня, нѣтъ сердца въ груди. Удары, которые тамъ слышатся, это біеніе моего собственнаго сердца. Я требую нормальнаго рабочаго дня, потому что я, какъ и всякій другой продавецъ, требую цѣнности своего товара [40]).

Какъ мы видимъ, помимо крайне эластическихъ границъ, изъ существа самаго товарнаго обмѣна не вытекаетъ для рабочаго дня никакихъ границъ; нѣтъ ихъ, стало быть, и для прибавочнаго труда. Капиталистъ осуществляетъ и защищаетъ свое право покупателя, удлиняя по возможности рабочій день и стараясь, насколько возможно, сдѣлать изъ одного рабочаго дня два. Съ другой стороны специфическая природа проданнаго товара заключаетъ въ себѣ границу потребленія его покупателемъ, и рабочій защищаетъ свое право продавца, когда онъ желаетъ ограничить рабочій день опредѣленной нормальной величиной. Здѣсь, такимъ образомъ, получается антиномія, право сталкивается съ правомъ, при чемъ оба они опираются на законъ товарнаго обмѣна. При столкновеніи двухъ равныхъ правъ, вопросъ рѣшаетъ сила. Такимъ образомъ, въ исторіи капиталистическаго производства нормированіе рабочаго дня представляетъ борьбу за границы рабочаго дня,—борьбу между совокупнымъ капиталистомъ, т. е. классомъ капиталистовъ, и совокупнымъ рабочимъ, т. е. классомъ рабочихъ.

2. Неутолимая жажда прибавочнаго труда. Фабрикантъ и боярин.

Капиталъ не изобрѣлъ прибавочнаго труда. Вездѣ, гдѣ одна часть общества имѣетъ монополію на средства производства, рабочій, свободный или не свободный,

[40]) Во время большой стачки лондонскихъ builders (строительныхъ рабочихъ) 1860—1861 г. съ цѣлью сокращенія рабочаго дня до 9 часовъ комитетъ стачки опубликовалъ манифестъ почти такого же содержанія, какъ и рѣчь нашего рабочаго. Въ немъ не безъ ироніи указывается на то, что самый алчный изъ «building masters», нѣкій Sir M. Peto славится своей святостью. (Этотъ самый Peto послѣ 1867 г. кончилъ тѣмъ же, что и Струсебергъ!).

долженъ къ рабочему времени, необходимому для поддержанія его собственной жизни, прибавить излишнее рабочее время, нужное на производство средствъ существованія для владѣльца средствъ производства [41]), будетъ ли этотъ владѣлецъ аѳинскій καλὸς κἀγαθός, этрусскій теократъ, римскій гражданинъ (civis romanus), норманскій баронъ, американскій рабовладѣлецъ, валашскій боярынъ, современный лэндлордъ или капиталистъ [42]). Однако, въ то же время ясно, что, если въ данной общественно-экономической формаціи преобладающую роль играетъ не мѣновая, но потребительная цѣнность продукта, то прибавочный трудъ ограничивается болѣе или менѣе тѣснымъ кругомъ потребностей, и изъ самаго характера такого производства не вытекаетъ безграничная потребность въ прибавочномъ трудѣ. Поэтому, уже въ древности ужасающій чрезмѣрный трудъ мы видимъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о добываніи мѣновой цѣнности въ ея самостоятельной денежной формѣ, т. е. при производствѣ золота и серебра. Вынужденная работа черезъ силу, до смерти, составляетъ здѣсь оффиціальную форму чрезмѣрнаго труда. Стоитъ только прочитать объ этомъ у Діодора Сицилійскаго [43]). Однако, это—явленія, исключительныя въ древнемъ мірѣ. Но какъ только народы, производство которыхъ движется еще въ сравнительно низкихъ формахъ рабскаго труда, барщины и т. д., вовлекаются на всемірный рынокъ съ господствующимъ на немъ капиталистическимъ способомъ производства, при которомъ продажа продуктовъ за границу становится преобладающимъ интересомъ, съ этого самаго момента къ варварскимъ ужасамъ рабства, крѣпостного права и т. д. прибавляются цивилизованные ужасы чрезмѣрнаго труда. Поэтому, трудъ негровъ въ южныхъ штатахъ Америки сохранялъ умѣренный и патріархальный характеръ до тѣхъ поръ, пока производство было, главнымъ образомъ, направлено на удовлетвореніе непосредственныхъ потребностей. Но по мѣрѣ того какъ вывозъ хлопка дѣлался жизненнымъ интересомъ этихъ штатовъ, чрезмѣрный трудъ негра и мѣстами поглощеніе его жизненныхъ силъ въ теченіе семи лѣтъ труда становились факторомъ цѣлой расчитанной на барышъ и учитывающей его системы. Рѣчь шла уже не о выколачиваніи изъ раба извѣстнаго количества полезныхъ продуктовъ, а о производствѣ прибавочной

---

[41]) «Тѣ, которые трудятся... кормятъ на самомъ дѣлѣ и пенсіонеровъ, называемыхъ богатыми, и самихъ себя». (Edmund Burke, l. c. p. 2).

[42]) Niebuhr въ своей «Römische Geschichte» очень наивно замѣчаетъ: «Нельзя не сознаться, что произведенія этрусскихъ, поражающія насъ даже въ своихъ развалинахъ,—въ маленькихъ государствахъ, предполагаютъ существованіе феодальныхъ господъ и рабовъ». Гораздо глубже замѣчаніе Sismondi, что «брюссельскія кружева» предполагаютъ существованіе предпринимателей и наемныхъ рабочихъ.

[43]) «Нельзя безъ состраданія къ ихъ ужасной судьбѣ смотрѣть на этихъ несчастныхъ (работниковъ въ золотыхъ рудникахъ между Египтомъ, Эѳіопіей и Аравіей), которые даже не могутъ ни содержать въ чистотѣ своего тѣла, ни прикрыть свою наготу. Здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго снисхожденія, ни малѣйшей пощады ни къ больнымъ, ни къ увѣчнымъ, ни къ старикамъ, ни къ женской слабости. Всѣ должны работать, понуждаемые побоями, пока смерть не положитъ конца ихъ мученіямъ и бѣдствіямъ». Diod. Sic. «Историческая библіотека», книга 3, гл. 13.

цѣнности. То же самое происходило съ барщинным трудомъ, напр., въ дунайскихъ княжествахъ.

Сравненіе жажды прибавочной цѣнности въ дунайскихъ княжествахъ съ таковою же жаждою въ англійскихъ фабрикахъ представляетъ особенный интересъ, такъ какъ прибавочный трудъ при барщинномъ трудѣ обладаетъ самостоятельной, осязательной формой.

Предположимъ, что въ рабочемъ днѣ считается 6 часовъ необходимаго труда и 6 часовъ прибавочнаго труда. Тогда свободный рабочій доставляетъ еженедѣльно капиталисту 6×6 или 36 часовъ прибавочнаго труда. Это все равно, какъ еслибы онъ 3 дня въ недѣлю работалъ для себя и 3 дня въ недѣлю даромъ для капиталиста. Но этотъ прибавочный трудъ не имѣетъ видимой формы. Прибавочный трудъ и необходимый трудъ сливаются здѣсь воедино. То же самое отношеніе можно выразить, сказавъ, что рабочій въ каждую минуту 30 секундъ работаетъ для себя и 30 секундъ для капиталиста. Совсѣмъ не то съ барщиннымъ трудомъ. Необходимый трудъ, который, напр., исполняетъ валахъ-крестьянинъ для поддержанія своей собственной жизни, отдѣленъ отъ его прибавочнаго труда на боярина. Одинъ трудъ онъ исполняетъ на своемъ собственномъ полѣ, другой—на господскомъ. Обѣ части рабочаго времени существуютъ поэтому самостоятельно, одна рядомъ съ другой. Въ барщинной формѣ прибавочный трудъ строго отдѣленъ отъ необходимаго труда. но это различіе формъ проявленія нисколько, очевидно, не измѣняетъ количественнаго отношенія прибавочнаго труда къ необходимому труду. Три дня прибавочнаго труда въ недѣлю остаются такими тремя днями труда, которые не образуютъ эквивалента для самого рабочаго, все равно, называется ли этотъ трудъ барщиннымъ или наемнымъ. Но у капиталиста жажда прибавочнаго труда проявляется въ стремленіи къ безмѣрному удлиненію рабочаго дня, у боярина же проще—въ непосредственной погонѣ за барщинными днями [44]).

Въ дунайскихъ княжествахъ барщинный трудъ былъ связанъ съ натуральной рентой и другими придатками крѣпостного права; но онъ составлялъ самую крупную дань въ пользу господствующаго класса. Въ такихъ случаяхъ барщина рѣдко происходитъ изъ крѣпостного права, а, наоборотъ, крѣпостное право по большей части происходитъ изъ барщины [44a]). Такъ было въ румын-

---

[44]) Послѣдующій очеркъ относится къ тому состоянію румынскихъ княжествъ, въ которомъ они находились до переворота, происшедшаго въ нихъ послѣ Крымской войны.

[44a]) [Примѣчаніе къ 3-му изд. Это точно также относится и къ Германіи и въ особенности къ той части Пруссіи, которая расположена на востокъ отъ Эльбы. Въ XV столѣтіи нѣмецкій крестьянинъ, хотя и несъ извѣстныя повинности трудомъ и натурою, но во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ былъ, по крайней мѣрѣ, фактически свободнымъ человѣкомъ. Нѣмецкіе колонисты въ Бранденбургѣ, Помераніи, Силезіи и Восточной Пруссіи признавались даже и юридически свободными. Побѣда, одержанная дворянами въ крестьянской войнѣ, положила этому конецъ. Не только побѣжденные южно-германскіе крестьяне стали опять крѣпостными, но уже съ половины XVI столѣтія свободные крестьяне Восточной Пруссіи, Бранденбурга, Помераніи и Силезіи, а вскорѣ затѣмъ и Шлезвига-Гольштейна, были низведены до

скихъ княжествахъ. Ихъ первоначальный способъ производства основывался на общинной собственности, отличной однако отъ славянской и еще болѣе отъ индійской общинной формы. Одна часть земель самостоятельно воздѣлывалась членами общины, какъ свободная частная собственность, другая же часть — ager publicus—обрабатывалась ими сообща. Продукты этого общественнаго труда служили частью запаснымъ фондомъ на случай неурожаевъ и другихъ случайностей, частью же составляли государственный фондъ, шедшій на покрытіе расходовъ по войнѣ, на религіозныя цѣли или на другія общественныя издержки. Съ теченіемъ времени военные и религіозные сановники узурпировали вмѣстѣ съ общинною землей и всѣ съ ней связанныя повинности. Работа свободныхъ поселянъ на ихъ общинномъ полѣ превратилась въ барщину на похитителей этой общинной земли. Вмѣстѣ съ этимъ развились отношенія крѣпостного права, но еще лишь фактически, а не юридически, пока, наконецъ, генералъ Киселевъ, подъ предлогомъ уничтоженія крѣпостного состоянія, не возвелъ его въ законъ. Барщинный кодексъ, введенный въ 1831 г. Киселевымъ, былъ, конечно, продиктованъ самими помѣщиками. Киселевъ убилъ, такимъ образомъ, однимъ выстрѣломъ двухъ зайцевъ: привлекъ къ себѣ магнатовъ дунайскихъ княжествъ и пріобрѣлъ одобреніе либеральныхъ кретиновъ всей Европы.

По «Réglement organique» (такъ называется этотъ барщинный кодексъ) каждый валашскій крестьянинъ, кромѣ массы подробно перечисленныхъ натуральныхъ повинностей, обязанъ по отношенію къ такъ называемому помѣщику: 1) 12 рабочими днями вообще; 2) однимъ днемъ полевой работы и 3) однимъ днемъ извоза дровъ, т. е. въ общемъ 14 днями въ году. Но съ глубокимъ пониманіемъ политической экономіи рабочій день принимается здѣсь не въ его обыкновенномъ смыслѣ, но какъ рабочій день, необходимый для полученія средняго дневного продукта, средній же дневной продуктъ опредѣляется столь хитрымъ способомъ, что даже цикломъ не справится съ нимъ въ 24 часа. Безъ обиняковъ, съ чисто русской вронією, самъ регламентъ объясняетъ, что подъ 12 рабочими днями нужно понимать продуктъ ручного труда 36 дней, подъ однимъ днемъ полевой работы—3 дня, и подъ однимъ днемъ извоза дровъ точно также втрое больше. Итого: 42 дня барщины. Сюда причисляется еще такъ называемая «Jobagie», т.-е. услуги, оказываемыя землевладѣльцу въ экстраординарныхъ обстоятельствахъ. Каждая деревня должна поставить ежегодно опредѣленный контингентъ на «Jobagie», пропорціонально своему населенію. Эта добавочная барщина составляетъ для каждаго валашскаго крестьянина—по приблизительной оцѣнкѣ—14 дней. Такимъ образомъ, обязательная барщина составляетъ 56 дней въ году. Но земледѣльческій годъ въ Валахіи, вслѣдствіе дурного климата, считается только въ 210 дней, изъ которыхъ 40 дней пропадаютъ какъ воскресные и праздничные дни и 30 дней среднимъ числомъ вслѣдствіе дурной погоды; въ общемъ отпадаетъ 70 дней. Остается 140 рабочихъ дней. Отношеніе барщиннаго труда къ необходимому труду, $\frac{56}{84}$ или $66^2/_3\%$ составляетъ го-

положенія крѣпостныхъ. (Maurer, «Fronhöfe». IV Bd.—Meitzen. «Der Boden des pr. Staats».—Hansen, «Leibeigenschaft in Schleswig-Holstein»).—F. E.].

разо меньшій уровень прибавочной цѣнности, нежели тотъ, который регулируетъ трудъ англійскихъ земледѣльческихъ или фабричныхъ рабочихъ. Но это лишь только предписанная закономъ барщина. «Réglement organique» въ еще болѣе «либеральномъ» духѣ, чѣмъ англійское фабричное законодательство сумѣлъ облегчить способъ своего собственнаго обхода. Сдѣлавъ изъ 12 дней 54, онъ опредѣляетъ номинальный дневной трудъ или урокъ каждаго изъ 54 барщинныхъ дней опять такимъ образомъ, что нужно всегда доканчивать его въ слѣдующіе дни. Въ одинъ день должно, напр., быть вымолото такое пространство, которое для этой операціи, особенно на мансовыхъ поляхъ, требуетъ вдвое больше времени. Законный дневной трудъ или урокъ по нѣкоторымъ земледѣльческимъ работамъ поддается такому толкованію, при которомъ день начинается въ маѣ и кончается въ октябрѣ. Въ Молдавіи дѣйствуютъ правила еще болѣе суровыя: «12 дней барщины по Réglement organique», говорилъ одинъ опьяненный побѣдой помѣщикъ, «простираются до 365 дней въ году» [45]).

Если Réglement organique дунайскихъ княжествъ служилъ положительнымъ выражевіемъ неутолимой жажды прибавочной цѣнности, легализированной въ каждомъ его параграфѣ, то англійскіе Factory Acts были отрицательнымъ выраженіемъ той же самой жажды. Эти законы обуздываютъ стремленіе капитала къ безграничному высасыванію рабочей силы, устанавливая принудительное ограниченіе рабочаго дня со стороны государства, и притомъ со стороны такого государства, которымъ управляютъ капиталисты и лэндлорды. Помимо все усиливающагося и становящагося всѣ болѣе и болѣе угрожающимъ рабочаго движенія, ограниченіе фабричнаго труда было продиктовано той же самой необходимостью, которая заставила вывозить гуано на англійскія поля. Та же самая слѣпая жажда наживы, которая въ одномъ случаѣ истощала поля, въ другомъ—стала подтачивать въ корнѣ жизненныя силы націи. Періодическія эпидеміи и уменьшеніе роста солдатъ въ Германіи и Франціи одинаково ясно говорили объ этомъ [46]).

---

[45]) Дальнѣйшія подробности объ этомъ можно найти у E. K. Regnault въ «Histoire politique et sociale des Principautés Danubiennes». Paris 1855.

[46]) Въ общемъ и въ извѣстныхъ границахъ, если органическія существа превосходятъ средній размѣръ своего вида, то это служитъ признакомъ ихъ преуспѣянія. Что касается человѣка, то размѣръ его тѣла уменьшается, если его благосостояніе нарушено физическими или соціальными условіями. Во всѣхъ европейскихъ странахъ, гдѣ существуетъ конскрипція, со времени введенія послѣдней, средній ростъ взрослыхъ мужчинъ и ихъ пригодность къ военной службѣ вообще уменьшается. До революціи (1789) minimum для пѣхотинца во Франціи былъ 165 сантиметровъ; въ 1818 (законъ 10 марта)—157, послѣ закона 21 марта 1852—166 сантиметровъ; въ среднемъ болѣе половины были признаны по Франціи негодными къ военной службѣ вслѣдствіе недостаточнаго роста и физической слабости. Саксонская военная мѣра была въ 1780—178 сантиметровъ, теперь же она составляетъ 155. Въ Пруссіи она равна 157. По даннымъ, приводимымъ докторомъ Meyer'омъ въ Bayrische Zeitung отъ 9 мая 1862 и представляющимъ средній выводъ за 9 лѣтъ, въ Пруссіи изъ каждыхъ 1.000 рекрутъ 716 негодныхъ къ военной службѣ: 317 вслѣдствіе недостаточнаго роста и 399 вслѣдствіе физическихъ недостатковъ... Въ 1858 г. Берлинъ не могъ доставить своего ежегоднаго контингента: не хватало 156 чело-

Нынѣ (1867) дѣйствующій Factory Act 1850 г. разрѣшаетъ среднимъ числомъ 10 часовъ въ недѣлю, именно для первыхъ 5 дней недѣли по 12 часовъ, отъ 6 часовъ утра до 6 часовъ вечера,—изъ этого времени $^1/_2$ часа закопъ. впрочемъ, опредѣляетъ на завтракъ и 1 часъ на обѣдъ, такъ что остается $10^1/_2$ рабочихъ часовъ,—и 8 часовъ въ субботу, отъ 6 часовъ утра до 2 часовъ послѣ обѣда, изъ которыхъ $^1/_2$ часа идетъ на завтракъ. Остается 60 рабочихъ часовъ, по $10^1/_2$ для первыхъ 5 дней и $7^1/_2$ для послѣдняго дня недѣли [47]). За исполненіемъ закона наблюдаютъ особо назначенные фабричные инспектора, непосредственно подчиненные министерству внутреннихъ дѣлъ, инспектора, отчеты которыхъ каждые полгода публикуются отъ имени парламента. Эти отчеты даютъ непрерывную и офиціальную статистику жажды прибавочнаго труда капиталистовъ.

Послушаемъ на минуту фабричныхъ инспекторовъ [48]).

«Фабрикантъ, пускающійся на обманы, начинаетъ работу на четверть часа, иногда меньше, иногда больше, ранѣе 6 часовъ утра и оканчиваетъ ее на четверть часа, иногда меньше, иногда больше, позже 6 часовъ вечера. Онъ отнимаетъ 5 минутъ въ началѣ и 5 минутъ въ концѣ отъ того получаса, который назначенъ на завтракъ, и 10 минутъ въ началѣ и 10 минутъ въ концѣ отъ обѣденнаго часа. Въ субботу онъ работаетъ на четверть часа, иногда больше, иногда меньше, позже 2 часовъ. Такимъ образомъ онъ выгадываетъ:

До 6 часовъ утра	15 минутъ	Итого въ 5 дней:
Послѣ 6 часовъ вечера	15 »	300 минутъ.
На времени завтрака	10 »	
На обѣденномъ времени . . .	20 »	
	60 минутъ	

вѣкъ. (J. v. Liebig: «Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agrikultur und Physiologie 1862, 7 Aufl.». Band I, p. 117, 118).

[47]) Исторія фабричнаго закона 1850 г. будетъ положена ниже въ этой же главѣ.

[48]) Я только нарѣдка касаюсь періода отъ начала крупной промышленности въ Англіи до 1845; по этому вопросу я отсылаю читателя къ книгѣ: «Die Lage der arbeitenden Klasse in England. Von Friedrich Engels. Leipzig 1845». Какъ глубоко понялъ Энгельсъ духъ капиталистическаго способа производства, показываютъ Factory Reports, Reports on Mines и т. д., появившіеся съ 1845 г.; а какъ поразительно онъ нарисовалъ подробности состоянія рабочаго класса, показываетъ самое поверхностное сравненіе его сочиненія съ оффиціальными отчетами «Children's Employment Commission» (1863—67), опубликованными 18, 20 лѣтъ спустя. Эти послѣдніе говорятъ о тѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ фабричное законодательство еще не было введено до 1862 г., отчасти и теперь еще не введено. Здѣсь, слѣдовательно, въ условія, описанныя Энгельсомъ не были еще внесены нынѣ сколько-нибудь крупныя измѣненія. Свои примѣры я заимствую, главнымъ образомъ, изъ періода свободной торговли, наступившаго послѣ 48 года, изъ райскаго времени, о которомъ столько набозтали нѣмцамъ столь же крикливые, сколько убогіе въ научномъ отношеніи разносчики фритредерской мудрости.—Впрочемъ Англія фигурируетъ здѣсь на первомъ планѣ только потому, что она классическій представитель капиталистическаго производства и что она одна только обладаетъ непрерывной оффиціальной статистикой по интересующимъ насъ вопросамъ.

По субботамъ:		
До 6 часовъ утра	15 минутъ	Выигрышъ за всю недѣлю: 340 минутъ.
На времени завтрака	10 »	
Послѣ 2 часовъ	10 »	

Или 5 часовъ 40 минутъ въ недѣлю, что умноженное на 50 рабочихъ недѣль, за вычетомъ 2 недѣль на праздники или случайный перерывъ работы, составляетъ 27 рабочихъ дней» [49]).

«Если рабочій день удлиняется ежедневно на 5 минутъ долѣе нормальной продолжительности, то это составляетъ 22 рабочихъ дня въ году» [50]). «Одинъ прибавочный часъ ежедневно, полученный отъ того, что урываютъ то тутъ, то тамъ нѣсколько минутъ, составляетъ изъ 12 годовыхъ мѣсяцевъ 13» [51]).

Кризисы, во время которыхъ производство прерывается и работаютъ только «короткое время», только нѣсколько дней въ недѣлю, конечно, нисколько не измѣняютъ стремленія къ удлиненію рабочаго дня. Чѣмъ меньше дѣлается дѣлъ, тѣмъ больше должна быть прибыль отъ нихъ. Чѣмъ меньшее время можно работать, тѣмъ большее прибавочное время нужно работать. Такъ фабричные инспектора сообщаютъ о періодѣ кризиса съ 1857 до 1858 г.:

«Можно усмотрѣть непослѣдовательность въ томъ, что чрезмѣрный трудъ происходитъ въ такое время, когда торговля идетъ такъ плохо; но именно это то дурное состояніе ея и побуждаетъ безпеременныхъ людей къ излишествамъ; этимъ они обезпечиваютъ себѣ экстраординарную прибыль»... «Въ то самое время», говоритъ Leonhard Horner, «когда 122 фабрики въ моемъ округѣ совершенно оставлены, 143 остановлены, а всѣ остальныя работаютъ только короткое время, трудъ, превосходящій установленное закономъ время, продолжается» [52]). «Хотя», говоритъ Howell, «въ большей части фабрикъ, вслѣдствіе плохого состоянія дѣлъ, работаютъ только половину времени, я получаю теперь не меньше жалобъ, чѣмъ прежде, на то, что ½ или ¾ часа ежедневно утягиваются (snatched) у рабочихъ отъ установленныхъ закономъ перерывовъ для обѣда и отдыха» [53]).

То же самое явленіе повторяется въ меньшихъ размѣрахъ во время ужаснаго хлопчатобумажнаго кризиса 1861—1865 г. [54]).

«Если мы застаемъ рабочихъ за работой въ часы обѣда или въ какое-нибудь другое недозволенное закономъ время, то часто въ оправданіе приводится то, что рабочіе ни за что не хотятъ оставлять фабрику, и что даже нужно силой заставлять ихъ прерывать работу (чистку машинъ и т. д.), особенно въ субботу

---

[49]) «Suggestions etc. by Mr. L. Horner, Inspector of Factoiries», въ: «Factories Regulation Act, Ordered by the House of Commons to be printed 9. Aug. 1859» p. 4,5.

[50]) «Reports of the Insp. of. Fact. for the half year, Oct. 1856», p. 35.

[51]) «Reports etc. 30 th April 1858», p. 9.

[52]) «Reports etc». l. c. p. 43.

[53]) «Reports etc». l. c. p. 25.

[54]) «Reports etc. for the half year ending 30 th. April 1861». См. прибавленіе № 2; «Reports etc. 31st octob. 1862», p. 7, 52, 53. Нарушенія нормы становятся опять многочисленнѣе въ послѣдней половинѣ 1863 г. Ср. «Reports etc. eding 31 st octob. 1863», p. 7.

послѣ полудня. Но если «руки» остаются на фабрикѣ послѣ остановки машинъ, то это происходитъ только оттого, что отъ 6 часовъ утра до 6 часовъ вечера, т. е. въ дозволенное закономъ рабочее время, имъ не дается никакого перерыва для исполненія такого рода работъ» [58]).

«Экстраординарная прибыль, доставляемая трудомъ, превышающимъ законное рабочее время, представляется многимъ фабрикантамъ слишкомъ большимъ искушеніемъ, которому они не въ силахъ противостоять. Они всегда надѣются на счастье не быть застигнутыми и разсчитываютъ, что въ случаѣ, если бы ихъ и накрыли, ничтожность денежнаго штрафа и судебныхъ издержекъ обезпечиваетъ имъ еще довольно большую прибыль» [56]). «Тамъ, гдѣ добавочное время получается отъ повторенія въ теченіе дня маленькихъ кражъ («a multiplication of small thefts»), инспектора встрѣчаютъ при доказываніи нарушенія на судѣ почти непреодолимыя препятствія» [57]) Фабричные инспектора называютъ эти «маленькія похищенія времени обѣда и отдыха рабочихъ», производимыя капиталомъ «petty pilferings of minutes», кражей минутъ [58]). «snatching a few minutes», урываніемъ минутъ [59]), или же, выражаясь техническимъ языкомъ рабочихъ, «nibbling and cribbling at meal times» [60]).

Какъ мы видимъ, образованіе прибавочной цѣнности прибавочнымъ трудомъ не составляетъ секрета въ этой атмосферѣ. «Если вы мнѣ позволите», гово-

[58]) «Reports etc. 31 st. Oct. 1860» p. 23. Съ какимъ фанатизмомъ сопротивляются, по показаніямъ фабрикантовъ прехъ судомъ, ихъ «фабричныя руки» всякому перерыву фабричнаго труда, показываетъ слѣдующій курьезъ. Въ началѣ іюня 1836 г. къ судьѣ въ Dewsbury (Yorkshire) поступили жалобы на нарушеніе фабричнаго закона 8 издѣльцами фабрикъ по близости Batley. Часть этихъ господъ была обвинена въ томъ, что они заставляли работать 5 мальчиковъ между 12 и 15 годами отъ 6 часовъ утра пятницы до 4 часовъ пополудни субботы, не давая имъ никакого отдыха кромѣ перерыва для принятія пищи и одного часа сна около полуночи. Эти дѣти должны были исполнять свой неустанный 30 часовой трудъ въ «Shoddy hole», какъ называется та берлога, гдѣ рвутъ шерстяныя тряпки и гдѣ цѣлое море пыли, отбросовъ и т. п. заставляетъ даже взрослыхъ рабочихъ постоянно завязывать платкомъ ротъ для защиты легкихъ. Обвиненные ховяева увѣряли безъ присяги—какъ квакеры они были слишкомъ скрупулезно-религіозны для того, чтобы присягнуть,—что въ своемъ великомъ милосердіи они дали несчастнымъ дѣтямъ 4 часа сна, но что упрямыя дѣти ни за что не хотѣли лечь въ постель. Господа квакеры были присуждены къ денежному штрафу въ 20 ф. ст. Драйденъ какъ бы предчувствовалъ этихъ квакеровъ, когда говорилъ:

«Fox full fraught in seeming sanctity,
That feared an oath, but like the devil would lie,
That look'd like Lent, and had the holy leer,
And durst not sin! before he said his prayer!

(Лисица, преисполненная притворной святости, которая боится клятвы, но лжетъ какъ дьяволъ, которая съ великопостнымъ видомъ набожно озирается кругомъ, и не смѣетъ согрѣшить, не прочитавъ молитвы).

[56]) «Rep. etc. 31 Oct. 1856». p. 34.

[57]) l. c. p. 35.

[58]) l. c. p. 35.

[59]) l. c.

[60]) l. c.

рилъ мнѣ одинъ очень почтенный фабрикантъ, «работать ежедневно 10 минутъ сверхъ дозволеннаго времени, то вы этимъ положите мнѣ въ карманъ ежегодно 1.000 ф. ст.» [61]). «Атомы времени суть элементы прибыли» [62]).

Нѣтъ ничего болѣе характернаго въ этомъ отношеніи, какъ обозначеніе рабочихъ, работающихъ полное время, словами «full times» (полное время), и дѣтей моложе 13 лѣтъ, которыя должны работать только 6 часовъ, словами «half times» (половинное время) [63]). Рабочій здѣсь не болѣе какъ олицетворенное рабочее время. Всѣ индивидуальныя различія превращаются только въ различія между «полурабочими» и «полурабочими».

8. Отрасли англійской промышленности безъ законныхъ границъ эксплуатаціи.

До сихъ поръ мы разсматривали стремленіе къ удлиненію рабочаго дня, эту жажду прибавочнаго труда, въ той области, гдѣ чрезмѣрныя злоупотребленія капитала, не превзойденныя по словамъ одного буржуазнаго англійскаго экономиста жестокостью испанцевъ по отношенію къ краснокожимъ Америки [64]), вызвали, наконецъ, необходимость обуздать его и посадить на цѣпь законодательнаго регулированія условій труда. Разсмотримъ теперь нѣкоторыя отрасли промышленности, гдѣ высасываніе рабочей силы либо до сихъ поръ ничѣмъ не ограничено, либо еще недавно не было ограничено.

«T. Broughton, судья графства, указывалъ, будучи президентомъ митинга, происходившаго въ думской залѣ Nottingham'a 14 января 1860 г., на тотъ фактъ, что среди части городского населенія, занятой производствомъ кружевъ, господствуютъ нищета и лишенія въ такой сильной степени, которая неизвѣстна остальному цивилизованному міру. Въ 2, 3, 4 часа утра дѣтей 9—10 лѣтъ отрываютъ отъ ихъ грязныхъ постелей и заставляютъ работать для одного только поддержанія существованія до 10, 11, 12 часовъ ночи. Они худѣютъ, съежниваются, черты лица у нихъ притупляются и все ихъ существо какъ бы цѣпенѣетъ, такъ что одинъ видъ ихъ ужасенъ. Насъ нисколько не удивляетъ, что г. Mallett и другіе фабриканты возстали противъ всякаго обсужденія этого предмета... Система эта, какъ ее описалъ Rev. Montagu Valpy, есть система

---

[61]) l. c. p. 48.

[62]) «Moments are the elements of profit», «Rep. of the Insp. etc. 30 th April 1860», p. 56.

[63]) Выраженіе это имѣетъ официальное право гражданства, какъ на фабрикѣ, такъ и въ фабричныхъ отчетахъ.

[64]) «Алчность владѣльцевъ фабрикъ заставляетъ ихъ совершать, въ погонѣ за прибылью, жестокости, которыя врядъ ли были превзойдены испанцами при завоеваніи Америки въ погонѣ за золотомъ». John Wade: «History of the Middle and Working Classes. 3 d ed. Lond. 1835», p. 114. Теоретическая часть этой книги, нѣчто въ родѣ основаній политической экономіи, содержитъ оригинальныя мысли для своего времени, напр., о торговыхъ кризисахъ. Но историческая часть представляетъ безсовѣстный плагіатъ изъ сера M. Eden'a: «History of the Poor. London. 1799».

безграничнаго рабства, рабства въ соціальномъ, физическомъ, моральномъ и интеллектуальномъ отношеніи... Что подумать о городѣ, который устраиваетъ митингъ для того, чтобы петиціонировать объ ограниченіи рабочаго дня для мужчинъ 18 часами!.. Мы пускаемся въ декламаціи противъ виргинскихъ и каролинскихъ плантаторовъ, но развѣ ихъ торговля неграми, со всѣми ужасами плетей и торга человѣческимъ мясомъ, ужаснѣе этого медленнаго закланія людей, совершающагося съ цѣлью изготовленія вуалей и воротниковъ для выгоды капиталистовъ» [65]).

Гончарное производство (Pottery) Staffordshire'a составляло въ продолженіе послѣднихъ 22 лѣтъ предметъ трехъ парламентскихъ изслѣдованій. Результаты ихъ изложены въ отчетѣ T. Scriven'a отъ 1841 г., составленномъ для «Children's Employment Commissioners», въ отчетѣ д-ра Greenhow отъ 1860 г., опубликованномъ по распоряженію медицинскаго отдѣленія тайнаго совѣта (Privy Council) (Public Health, 3rd Report, I, 112—113), наконецъ, въ отчетѣ T. Longe отъ 1863 г. въ «First Report of the Children's Employment Commission» отъ 13 іюня 1863 г. Для моей задачи совершенно достаточно заимствовать изъ отчетовъ 1860 и 1863 гг. нѣсколько показаній самихъ эксплуатируемыхъ дѣтей. По судьбѣ дѣтей можно судить о положеніи взрослыхъ, особенно женщинъ и дѣвушекъ, —въ такой отрасли промышленности, по сравненію съ которой бумагопряденье и т. п. кажется очень пріятнымъ и здоровымъ занятіемъ [66]).

Wilhelm Wood, 9 лѣтъ, «началъ работать, когда ему было 7 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ. Сначала онъ «ran moulds», т.-е. носилъ готовый товаръ въ сушильню и затѣмъ приносилъ обратно пустую форму. Въ продолженіе всей недѣли онъ ежедневно приходитъ въ 6 часовъ утра и прекращаетъ работу около 9 часовъ вечера. «Я работаю до 9 часовъ вечера ежедневно; такъ было, напр., послѣднія 7—8 недѣль». Итакъ, пятнадцатичасовой рабочій день для семилѣтняго ребенка! J. Murray, 12 лѣтъ, разсказываетъ: «I run mulds and turn jigger (верчу колесо). Я прихожу въ 6 часовъ, иногда въ 4 часа утра. Я работалъ всю послѣднюю ночь до 8 часовъ сегодняшняго утра. Я не ложился съ прошлой ночи. Кромѣ меня работало еще 8 или 9 другихъ мальчиковъ всю эту ночь напролетъ. Всѣ, кромѣ одного, опять пришли сегодня утромъ. Я получаю 3 шилл., 6 пенс. въ недѣлю. Не получаю я больше и тогда, когда работаю всю ночь напролетъ. На послѣдней недѣлѣ я работалъ двѣ ночи напролетъ». Fernyhough, десятилѣтній мальчикъ: «Я не всегда имѣю цѣлый часъ на обѣдъ, часто только полчаса: такъ, по четвергамъ, пятницамъ и субботамъ» [67]).

Dr. Greenhow заявляетъ, что продолжительность жизни въ гончарныхъ округахъ Stock upon Trent и Wolstanton чрезвычайно коротка. Хотя въ округѣ Stock только 30, 6% а Wolstanton только 30,6% мужского населенія старше 20 лѣтъ занято въ гончарномъ дѣлѣ, все же въ первомъ округѣ больше половины, а во

[65]) «London Daily Telegraph» отъ 17 января 1860 г.

[66]) Ср. Engels «Lage etc». p. 249—51.

[67]) «Children's Employment Commission. First Report etc. 1863», Appendix p. 16, 19, 18.

второмъ около $^2/_3$ смертныхъ случаевъ отъ грудныхъ болѣзней между мужчинами приходится на долю гончарныхъ рабочихъ. Dr Boothroyd, врачъ, практикующій въ Hanley, утверждаетъ съ своей стороны, что «каждое поколѣніе гончаровъ мельче и слабѣе предыдущаго». Точно также другой врачъ, г. McBean, говоритъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ я 25 лѣтъ тому назадъ началъ свою практику между гончарами, бросающееся въ глаза вырожденіе этого класса сказалось въ прогрессирующемъ паденіи роста и вѣса». Эти показанія заимствованы изъ отчета доктора Greenhow отъ 1860 г. [68]).

Изъ отчета комиссара отъ 1863 г. извлекаемъ слѣдующее: Dr. I. T. Arledge, главный врачъ больницы въ North Staffordshire, говоритъ. «Какъ классъ, гончары, мужчины и женщины... представляютъ физически и нравственно вырождающееся населеніе. Они вообще маленькаго роста, плохо сложены и часто у нихъ искривленная грудь. Они преждевременно старѣются и жизнь ихъ непродолжительна; они флегматичны и малокровны, слабость ихъ сложенія проявляется въ упорной диспепсіи, разстройствѣ печени и почекъ и ревматизмѣ. Но въ особенности они подвержены грознымъ болѣзнямъ, напр., воспаленію легкихъ (pneumonia), чахоткѣ (phthysis), бронхиту и астмѣ. Одна форма послѣдней свойственна имъ въ особенности и извѣстна подъ названіемъ гончарной астмы или гончарной чахотки. Золотуха, поражающая желѣзы, кости и другія части тѣла, есть болѣзнь больше чѣмъ $^2/_3$ гончаровъ. Если вырожденіе (degenerescence) населенія этого округа не зашло еще гораздо дальше, то это только благодаря тому, что оно постоянно пополняется изъ сосѣднихъ деревень и вступаетъ въ браки съ болѣе здоровыми расами. Г-нъ Charles Pearson, незадолго до этого бывшій врачомъ той же больницы, пишетъ между прочимъ въ письмѣ къ комиссару Longe: «Я могу говорить только на основаніи личныхъ наблюденій, а не на основаніи статистическихъ данныхъ; но я долженъ замѣтить, что я часто кипѣлъ негодованіемъ при видѣ этихъ бѣдныхъ дѣтей, здоровье которыхъ приносится въ жертву жадности ихъ родителей и работодателей». Онъ перечисляетъ причины болѣзней гончаровъ и заканчиваетъ свой перечень указаніемъ «Long Hours» («продолжительное рабочее время»). Отчетъ комиссіи выражаетъ надежду, что промышленность съ такимъ высокимъ положеніемъ не долго будетъ въ глазахъ всего міра носить на себѣ позоръ того, что ея огромные успѣхи сопровождаются физическимъ вырожденіемъ, многообразными болѣзнями и преждевременной смертью рабочаго населенія, трудомъ и искусствомъ которыхъ были достигнуты такіе крупные результаты [69])» Все сказанное о гончарномъ производствѣ въ Англіи относится также къ этому производству въ Шотландіи [70]).

Производство спичекъ началось съ 1833 г., съ того времени, когда найденъ былъ способъ укрѣплять фосфоръ на самой палочкѣ. Съ 1845 г. оно быстро развилось въ Англіи, изъ густо населенныхъ частей Лондона перешло

---

[68]) «Public Health. 3rd Report etc». p. 102, 104, 105.

[69]) «Children's Employm. Commission. 1863», p. 24, 22 и XI.

[70]) l. c. p. XLVII.

въ особенности въ Манчестеръ, Бирмингамъ, Ливерпуль, Бристоль, Норвичъ, Ньюкэстель, Глазго. Вездѣ оно сопровождалось распространеніемъ судорожнаго сжатія челюстей, болѣзни, еще въ 1845 г. признанной однимъ вѣнскимъ врачомъ за спеціальную болѣзнь спичечныхъ рабочихъ. Половина этихъ рабочихъ дѣти, моложе 13, и юноши, моложе 18 лѣтъ. Вслѣдствіе своего вреднаго вліянія на здоровье и своей непріятности, производство это пользуется такой дурной репутаціей, что только наиболѣе опустившаяся часть рабочаго класса, полуголодныя вдовы и т. д. доставляютъ ему дѣтей, «оборванныхъ, оголодавшихъ, заброшенныхъ и невоспитанныхъ дѣтей» [71]). Изъ свидѣтелей, допрошенныхъ комиссаромъ White'омъ (1863), 270 были моложе 19 лѣтъ, 50 моложе 10, 10—въ 8 лѣтнемъ возрастѣ и лишь 5—въ 6 лѣтнемъ. Рабочій день колеблется между 12, 14 и 15 часами; работаютъ ночью; нѣтъ опредѣленнаго времени для обѣда и завтрака; часто ѣдятъ въ самыхъ фабричныхъ зданіяхъ, гдѣ воздухъ отравленъ фосфоромъ. Данте нашелъ бы, что эти мануфактуры превосходятъ самые жестокіе ужасы его фантастическаго ада.

На обойныхъ фабрикахъ болѣе грубые сорта печатаются машинами, а болѣе тонкіе—руками (block printing). Самый оживленный сезонъ бываетъ между началомъ октября и концомъ апрѣля. Во время этого періода работа эта часто продолжается—и притомъ почти безъ прерыва—съ 6 часовъ утра до 10 часовъ вечера и даже дольше ночью.

J. Leach показываетъ: «Въ послѣднюю зиму (1862) изъ 19 дѣвушекъ 6 не пришли на работу, вслѣдствіе причиненныхъ чрезмѣрнымъ трудомъ болѣзней. Чтобы онѣ не засыпали, я долженъ ихъ окрикать». W. Duffy свидѣтельствуетъ: «У дѣтей часто отъ усталости слипаются глаза, мы и сами часто еле держимся». I. Lightbourne: «Мнѣ 13 лѣтъ... мы работали послѣднюю зиму до 9 часовъ вечера, а предыдущую до 10. Послѣднюю зиму почти каждый вечеръ ноги мои были такъ изранены, что я кричалъ отъ боли». G. Apsden: «Вотъ этого моего мальчика, когда ему было 7 лѣтъ, я на спинѣ переносилъ черезъ снѣгъ на фабрику и съ фабрики, и онъ работалъ по 16 часовъ!.. часто я становился на колѣни, чтобы покормить его, когда онъ стоялъ у машины, такъ какъ онъ не могъ оставить или остановить ее.» Smith, компаньонъ и управляющій одной фабрики въ Манчестерѣ, говоритъ: «Мы работаемъ (онъ подразумѣваетъ наши «руки», которыя работаютъ на «насъ») безъ перерывовъ на обѣдъ и завтракъ, такъ что обычный рабочій день въ $10^1/_2$ часовъ кончается въ $4^1/_2$ часа послѣ обѣда, все же остальное есть сверхурочное время [72]). (Интересно

[71]) l. c. p. LIV.

[72]) Это выраженіе не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, который мы придаемъ выраженію—прибавочный трудъ. Эти господа разсматриваютъ $10^1/_2$ часовой трудъ, какъ нормальный рабочій день, заключающій, слѣдовательно, также и нормальный прибавочный трудъ. Затѣмъ начинается «прибавочное время», которое оплачивается немного лучше. Мы впослѣдствіи будемъ имѣть случай видѣть, что употребленіе рабочей силы во время такъ называемаго нормальнаго рабочаго дня оплачивается ниже цѣнности, такъ что «сверхурочная работа» есть только хитрая уловка капиталиста, чтобы выжать больше «прибавочнаго труда», такой уловкой она, впрочемъ, остается даже и тогда, когда употребляемая во время «нормальнаго рабочаго дня» рабочая сила дѣйствительно оплачивается по ея полной цѣнности.

знать, въ самомъ ли дѣлѣ г-нъ Smith ни разу не ѣстъ въ продолженіе $10^1/_2$ часовъ?) «Мы (тотъ же самый Smith) рѣдко прекращаемъ работу ранѣе 6 часовъ вечера (онъ хочетъ сказать: потребленіе «машинъ» человѣческихъ машинъ), такъ что мы (iterum Crispinus) на самомъ дѣлѣ въ продолженіе всего года работаемъ сверхурочное время... Дѣти и взрослые (152 человѣка дѣтей и подростковъ моложе 18 лѣтъ и 140 взрослыхъ) работали одинаково въ продолженіе послѣднихъ 18 мѣсяцевъ среднимъ числомъ, по крайней мѣрѣ, 7 дней и 5 часовъ въ недѣлю или $78^1/_2$ часовъ еженедѣльно. Для 6 недѣль, заканчивавшихся 2-мъ мая этого года (1863), среднее число было больше,—оно составляло 8 дней или 84 часа въ недѣлю!» Но при всемъ томъ тотъ же господинъ Smith, столь увлекающійся употребленіемъ pluralis majestatis, прибавляетъ съ самодовольной улыбкой: «Машинный трудъ легокъ». А фабриканты, практикующіе Block Printing, въ свою очередь говорятъ: «Ручной трудъ здоровѣе машиннаго». Въ общемъ, господа фабриканты съ негодованіемъ возстаютъ противъ предложенія—останавливать машины, по крайней мѣрѣ, во время обѣда и завтрака. «Законъ», говоритъ г-нъ Ottey, директоръ обойной фабрики въ Borough (въ Лондонѣ), «который разрѣшалъ бы намъ работать отъ 6 часовъ утра до 9 часовъ вечера, былъ бы намъ (!) очень по душѣ, но часы, указанные въ Factory Act, отъ 6 часовъ утра до 6 часовъ вечера, для насъ (!) не годятся... Мы останавливаемъ наши машины во время обѣда (какое великодушіе!). Остановка эта причиняетъ самую ничтожную потерю бумаги и красокъ». «Но», прибавляетъ онъ съ сочувствіемъ, «я понимаю, что связанная съ этимъ потеря не нравится». Отчетъ комиссіи наивно полагаетъ, что опасенія нѣкоторыхъ «руководящихъ фирмъ» потерять время, т. е. время присвоенія чужого труда и такимъ образомъ «лишиться прибыли» не представляютъ достаточнаго основанія для того, чтобы «лишать обѣда» въ продолженіе 12—16 часовъ дѣтей моложе 13 лѣтъ и подростковъ моложе 18 лѣтъ, или давать его имъ такъ, какъ даютъ уголь и воду паровой машинѣ, мыло—шерсти, масло—колесу и т. д., т. е. во время самаго процесса производства, т.-е. какъ вспомогательныя вещества даются орудіямъ труда [73]).

Ни одна отрасль промышленности въ Англіи (мы оставляемъ въ сторонѣ только еще развивающуюся машинную фабрикацію хлѣба) не сохранила столь древняго и даже—какъ это можно узнать, справившись съ поэтами временъ римской имперіи—дохристіанскаго способа производства, какъ хлѣбопеченіе. По капиталу, какъ это уже ранѣе было замѣчено, на первыхъ порахъ совершенно безразлично, каковъ техническій характеръ процесса труда, которымъ онъ овладѣваетъ. Онъ беретъ его въ началѣ такимъ, какимъ онъ его находитъ.

Невѣроятная фальсификація хлѣба, въ особенности въ Лондонѣ, была впервые обнаружена комитетомъ Палаты Общинъ, «о фальсификаціи пищевыхъ веществъ» (1855—56) и въ книгѣ доктора Hassal'я: «Adulterations detected [74])».

[73]) l. c. Evidence p. 123, 124, 125, 140 и LIV.

[74]) Мелко растертые квасцы или квасцы, смѣшанные съ солью, составляютъ нормальный предметъ торговли, который носитъ характерное названіе «baker's stuff» (порошокъ булочниковъ).

Слѣдствіемъ этихъ разоблаченій былъ законъ 6-го августа 1860 г. «for preventing the adulteration of articles of food and drink» (о предупрежденіи фальсификаціи пищи и напитковъ), законъ не имѣлъ никакого значенія, такъ какъ онъ, конечно, соблюдаетъ величайшую деликатность по отношенію къ тѣмъ фритредерамъ (свободнымъ торговцамъ), желающимъ покупкой и продажей фальсифицированныхъ товаровъ «to turn an honest penny [75]), добывать деньги честнымъ путемъ. Комитетъ самъ формулировалъ болѣе или менѣе наивно свое убѣжденіе, что свободная торговля означаетъ, главнымъ образомъ, торговлю фальсифицированными или, по остроумному выраженію англичанъ, «софистицированными веществами». Въ самомъ дѣлѣ, такого рода «софистика» умѣетъ лучше Протагора превращать черное въ бѣлое и бѣлое въ черное и лучше элеатовъ ad oculos демонстрируетъ призрачность всего реальнаго [76]).

Во всякомъ случаѣ комитетъ обратилъ вниманіе публики на ея «хлѣбъ насущный» и вмѣстѣ съ тѣмъ на хлѣбопекарный промыселъ. Въ то же самое время стали раздаваться на публичныхъ митингахъ и въ петиціяхъ парламенту жалобы лондонскихъ булочныхъ подмастерьевъ на чрезмѣрный трудъ и т. д. Жалобы эти были такъ настойчивы, что сэръ H. S. Tremenheere, членъ неоднократно упомянутой нами комиссіи 1863 г., былъ назначенъ королевскимъ слѣдственнымъ коммисаромъ. Его отчетъ [77]) вмѣстѣ со свидѣтельскими показаніями взволновалъ публику, не сердце ея, конечно, а желудокъ. Твердый въ священномъ писаніи англичанинъ, хотя и зналъ, что человѣкъ, если онъ по Божію предопредѣленію не капиталистъ, не лэндлордъ, и не пользуется синекурой, долженъ въ потѣ лица своего ѣсть хлѣбъ свой, но не зналъ, что вмѣстѣ съ хлѣбомъ онъ долженъ съѣдать ежедневно извѣстное количество человѣческаго пота, смѣшаннаго съ грюемъ, паутиной, мертвыми тараканами, гнилыми нѣмецкими дрожжами, не говоря уже о квасцахъ, пескѣ и другихъ столь же пріятныхъ минеральныхъ при-

---

[75]) Сажа, какъ извѣстно, представляетъ очень энергическую форму углерода и составляетъ удобреніе, продаваемое англійскимъ фермерамъ капиталистами, занимающимися очисткою дымовыхъ трубъ. Въ 1862 году былъ возбужденъ процессъ, въ которомъ британскій «Jurymen» долженъ былъ рѣшить, представляетъ ли сажа, къ которой безъ вѣдома покупателя примѣшано 90% пыли и песку, «дѣйствительную» сажу въ коммерческомъ смыслѣ этого слова или «фальсифицированную» сажу въ «легальномъ» смыслѣ этого слова. «Amis du commerce» рѣшили, что это «дѣйствительная» коммерческая сажа, и отказали фермеру въ его жалобѣ, и кромѣ того онъ долженъ былъ еще заплатить судебныя издержки.

[76]) Въ статьѣ о «софистикаціяхъ» товаровъ французскій химикъ Chevallier насчитываетъ 600 съ чѣмъ-то предметовъ торговли, подвергающихся подѣлкѣ; для многихъ изъ нихъ существуетъ 10, 20, 30 различныхъ способовъ подѣлки. Онъ прибавляетъ, что онъ не знаетъ всѣхъ способовъ и упоминаетъ не всѣ тѣ, которые знаетъ. Для сахара онъ указываетъ 6 способовъ подѣлки, для оливковаго масла 9, для коровьяго масла 10, для соли 12, для молока 19, для хлѣба 20, для водки 23, для муки 24, для шоколада 28, для вина 30, для кофе 32 и т. д. Даже самые священные предметы не избѣгли этой судьбы. См. «Bonard de Card, de la falsification des substances sacramentelles. Paris 1856».

[77]) «Reports etc. relating to the Grievances complained of by the Journeymen Bakers etc London 1862» и «Second Report etc. London 1863».

мѣсяхъ. Не церемонясь съ ея святѣйшествомъ, «свободной торговлей» (Freetrade), «свободное» хлѣбопеченіе подчинили надзору государственныхъ фабричныхъ инспекторовъ (въ концѣ парламентской сессіи 1863 г.); этимъ же самымъ парламентскимъ актомъ работа отъ 9 часовъ вечера до 5 часовъ утра была запрещена для пекарей-подмастерьевъ моложе 18 лѣтъ. Это постановленіе закона краснорѣчивѣе цѣлыхъ томовъ говоритъ о чрезмѣрномъ трудѣ въ этомъ занятіи, отъ котораго вѣетъ на насъ такой патріархальностію.

Работа лондонскаго булочнаго подмастерья начинается обыкновенно въ 11 часовъ ночи. Въ это время онъ дѣлаетъ тѣсто,—чрезвычайно утомительный процессъ, продолжающійся отъ $^1/_2$—$^3/_4$ часа, смотря по количеству и по качеству тѣста. Затѣмъ онъ ложится на мѣсильную доску, которая въ одно и то же время служитъ крышкой квашни, въ которой приготовляютъ тѣсто, и спитъ нѣсколько часовъ, подкладывая себѣ подъ голову мучной мѣшокъ и покрываясь другимъ мучнымъ мѣшкомъ. Послѣ этого начинается быстрая и непрекращающаяся въ продолженіе 4 часовъ работа, когда надо мѣсить, взвѣшивать, формировать, садить въ печь тѣсто, вынимать его изъ печи и т. д. Температура пекарни достигаетъ 75—90° и въ маленькихъ пекарняхъ скорѣе выше этого уровня, чѣмъ ниже. Когда приготовленіе хлѣба, булокъ и т. д. кончено, начинается распредѣленіе хлѣба, и значительная часть рабочихъ, послѣ тяжелаго ночного труда, разноситъ днемъ въ корзинахъ хлѣбъ или развозитъ его въ телѣжкахъ изъ дома въ домъ, въ промежуткахъ же работаетъ иногда и въ пекарнѣ. Смотря по времени года и по размѣрамъ предпріятія работа кончается между 1 часомъ и 6 пополудни, въ то время какъ другая часть подмастерьевъ занята долго послѣ полудня въ пекарнѣ» [78]). «Во время лондонскаго сезона подмастерья булочниковъ, продающихъ хлѣбъ по «полной» цѣнѣ въ Вестэндѣ, регулярно начинаютъ работать въ 11 часовъ ночи и заняты съ однимъ или двумя короткими перерывами до 8 часовъ слѣдующаго утра. Затѣмъ они до 4, 5, 6 и даже 7 часовъ заняты разноской хлѣба или иногда печеніемъ бисквитовъ въ пекарнѣ. По окончаніи работы они могутъ спать 6, часто же—только 5 или 4 часа. Въ пятницу работа всегда начинается раньше, положимъ, въ 10 часовъ вечера и продолжается безъ перерыва въ печеніи и разноскѣ до 8 часовъ вечера въ субботу, но большей же части до 4 или 5 часовъ ночи на воскресенье. Даже въ аристократическихъ булочныхъ, продающихъ хлѣбъ по «полной цѣнѣ», по воскресеньямъ есть 4 или 5 часовъ подготовительной работы для слѣдующаго дня... Подмастерья «undersselling masters» (булочниковъ, продающихъ хлѣбъ ниже полной цѣны),—а они составляютъ, какъ выше было замѣчено, $^3/_4$ лондонскихъ булочниковъ,—работаютъ еще дольше, но ихъ трудъ почти ограниченъ пекарней, такъ какъ ихъ хозяева, за исключеніемъ доставокъ въ мелкія лавки, продаютъ только въ своей собственной лавкѣ. Къ концу недѣли,..... т.-е. въ четвергъ, работа начинается здѣсь въ 10 часовъ ночи и продолжается съ небольшими только перерывами до поздней ночи на воскресенье» [79]).

---

[78]) l. c. First Report etc. p. VI.

[79]) l. c. p. LXXI.

Смыслъ образа дѣйствій «underselling masters» понятенъ даже и съ буржуазной точки зрѣнія: «неоплаченный трудъ подмастерьевъ (the unpaid labour of the men) служитъ основаніемъ ихъ конкурренціи» [80]). А «full priced baker» (булочники, продающіе по полной цѣнѣ) обличаютъ передъ слѣдственной комиссіей своихъ «дешевыхъ» (underselling) конкуррентовъ въ поровствѣ чужого труда и фальсификаціи. «Они процвѣтаютъ только вслѣдствіе того, что обманываютъ публику и выжимаютъ изъ своихъ рабочихъ 18 часовъ труда, оплачивая только 12 часовъ» [81]).

Фальсификація хлѣба и образованіе класса булочниковъ, продающихъ хлѣбъ ниже полной цѣны, относятся въ Англіи къ началу XVIII столѣтія, къ тому времени, когда пекарный промыселъ потерялъ свой цеховой характеръ, и когда за номинальнымъ булочникомъ выступилъ капиталистъ во образѣ мельника или торговца мукой [82]). Этимъ было положено основаніе капиталистическому производству, безграничному удлиненію рабочаго дня и ночному труду, хотя даже въ Лондонѣ послѣдній начался въ серьезныхъ размѣрахъ только съ 1824 г. [83])

Изъ предыдущаго легко понять, почему отчетъ комиссіи причисляетъ булочныхъ подмастерьевъ къ рабочимъ, жизнь которыхъ коротка, которые, дѣтьми счастливо избѣжавъ нормальной во всѣхъ слояхъ рабочаго класса смертности, рѣдко достигаютъ 42 лѣтъ. Тѣмъ не менѣе, хлѣбопекарный промыселъ всегда переполненъ кандидатами. Источникомъ предложенія этихъ «рабочихъ силъ» для Лондона являются Шотландія, западные земледѣльческіе округа Англіи и — Германія.

Въ 1858—1860 гг. булочные подмастерья организовали въ Ирландіи на свой собственный счетъ большіе митинги для агитаціи противъ ночного и воскреснаго труда. Публика, напр., на майскомъ митингѣ 1860 г. въ Дублинѣ, съ чисто ирландскою горячностью приняла ихъ сторону. Слѣдствіемъ этого движенія явилось успѣшное проведеніе исключительно дневного труда въ Wexford'ѣ, Kilkenny, Clonmel'ѣ, Waterford'ѣ и т. д. «Въ Limerick'ѣ, гдѣ мученія рабочихъ, какъ извѣстно, переходятъ всякія границы, движеніе не удалось вслѣдствіе оппозиціи хозяевъ-булочниковъ и особенно булочниковъ-мельниковъ Примѣръ Limerick'а повелъ къ движенію назадъ въ Ennis'ѣ и Tipperary. Въ Cork'ѣ, гдѣ общественное недовольство проявилось въ живѣйшей формѣ, хозяева свели на нѣтъ движеніе, воспользовавшись своей силой и выбросивъ под-

---

[80]) George Read: «The History of Baking. London. 1848», p. 16.

[81]) Report (First) etc. Evidence. Показаніе «full priced baker». Cheeseman. p. 103

[82]) George Read l. c. Въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтія официально объявлялись «Public Nuisances» (общественнымъ бѣдствіемъ) всѣ факторы (посредники), вторгавшіеся во всевозможные промыслы. Такъ, напр., во время четвертной сессіи мировыхъ судей въ графствѣ Somerset Grand Jury подало въ нижнюю палату представленіе (presentment), въ которомъ между прочимъ сказано: «that these factors of Blackwell Hall are a Public Nuisance and Prejudice to the Clothing Trade and ought to be put down as a Nuisance» («эти факторы Blackwell Hall составляютъ общественное бѣдствіе и мѣшаютъ торговлѣ платьемъ и сукномъ; какъ зло они должны быть уничтожены»). («The Case of our English Wool etc. London. 1685», p. 6, 7).

[83]) First Report etc. p. VIII.

мастерьевъ на улицу. Въ Дублинѣ хозяева оказали рѣшительное сопротивленіе и преслѣдованіемъ подмастерьевъ, стоявшихъ во главѣ агитаціи, принудили остальныхъ рабочихъ къ уступкамъ и къ согласію на ночной и воскресный трудъ» [84]). Комиссія вооруженнаго въ Ирландіи съ головы до ногъ англійскаго правительства жалостнымъ тономъ протестуетъ противъ безжалостныхъ хозяевъ-булочниковъ Дублина, Лимерика, Корка и т. д. «Комитетъ полагаетъ, что рабочіе часы ограничены законами природы, которыхъ нельзя безнаказанно нарушать. Принуждая своихъ рабочихъ угрозами прогнать ихъ къ нарушенію религіозныхъ убѣжденій, къ неповиновенію законамъ страны и къ пренебреженію общественнымъ мнѣніемъ» (все это относится къ воскресному труду), «они сѣютъ вражду между капиталомъ и трудомъ и подаютъ примѣръ, опасный для религіи, нравственности и общественнаго порядка... Комитетъ полагаетъ, что удлиненіе рабочаго дня дольше 12 часовъ есть узурпаторское посягательство на домашнюю и частную жизнь рабочаго, ведущее къ печальнымъ нравственнымъ результатамъ; оно мѣшаетъ ему исполнять свои семейныя обязанности сына, брата, мужа и отца. Трудъ свыше 12 часовъ имѣетъ тенденцію подтачивать здоровье рабочаго, ведетъ къ преждевременной старости и ранней смерти и этимъ самымъ къ несчастью его семьи, которая лишается («are deprived») заботы и поддержки главы семейства въ такое время, когда это ей наиболѣе необходимо» [85]).

Оставимъ теперь Ирландію. По другую сторону канала, въ Шотландіи земледѣльческіе рабочіе жалуются на 13—14 часовой рабочій день въ довольно суровомъ климатѣ и еще съ добавочнымъ четырехчасовымъ трудомъ въ воскресенье (и это въ странѣ святителей субботы!) [86]), между тѣмъ какъ предъ лондонскимъ Grand Jury одновременно предстали 3 желѣзнодорожныхъ рабочихъ: одинъ кондукторъ, одинъ машинистъ и одинъ сигнальщикъ (Signalgeber). Большое желѣзнодорожное крушеніе отправило на тотъ свѣтъ сотни пассажировъ. Причиной несчастья является небрежность желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Они всѣ въ одинъ голосъ показываютъ предъ присяжными, что 10, 12 лѣтъ тому назадъ трудъ ихъ продолжался только 8 часовъ въ день. За послѣдніе 5—6 лѣтъ его удлинили до 14, 18 и 20 часовъ, а при особенно оживленномъ нас-

[84]) «Report of Committee on the Baking Trade in Ireland for. 1861».

[85]) l. c.

[86]) Публичный митингъ земледѣльческихъ рабочихъ въ Lasswade, близъ Glasgow, 5 янв. 1866. (См. «Workman's Advocate» 13 янв. 1866). Образованіе съ конца 1865 г. трэдъ-юніоновъ между земледѣльческими рабочими, сначала въ Шотландіи, есть историческое событіе. Въ одномъ изъ наиболѣе угнетенныхъ земледѣльческихъ округовъ Англіи, въ Buckinghamshire наемные рабочіе устроили въ мартѣ 1867 г. большую стачку съ цѣлью поднять недѣльную плату съ 9—10 шил. до 12 шил. (Изъ предыдущаго видно, что движеніе англійскаго земледѣльческаго пролетаріата, совершенно подавленное со времени прекращенія его насильственныхъ демонстрацій послѣ 1830 г. и въ особенности же со времени введенія новаго закона о бѣдныхъ, опять начинается въ шестидесятыхъ годахъ и, наконецъ, въ 1872 г. знаменуетъ собой новую эпоху въ жизни англійскаго рабочаго. Во II томѣ я возвращусь къ этому, такъ же какъ и къ появившимся послѣ 1867 г. синимъ книгамъ о положеніи англійскихъ сельскихъ рабочихъ. (Прибавленіе къ 3-му изд.).

сажирскомъ движеніи, какъ, напр., въ періоды увеселительныхъ поѣздовъ, рабочій день иногда продолжается безъ перерыва 40—50 часовъ. Они только обыкновенные люди, а не циклопы; за извѣстными границами ихъ рабочая сила отказывается служить: они впадаютъ въ оцѣпенѣніе, мозгъ перестаетъ думать, глаза — видѣть. Вполнѣ «respectable British Juryman» (присяжный) отвѣчаетъ вердиктомъ, предающимъ рабочихъ за «manslaughter» (непредумышленное убійство) уголовному суду. Въ милостивомъ прибавленіи онъ высказываетъ благочестивое пожеланіе, чтобы господа желѣзнодорожные магнаты впредь поступали расточительнѣе при покупкѣ необходимаго количества «рабочей силы» и проявляли большее «воздержаніе», или «самоотреченіе» или «бережливость» при высасываніи оплаченной рабочей силы [87]).

Изъ нестройной толпы рабочихъ всѣхъ профессій, возрастовъ, половъ, которые осаждаютъ насъ назойливѣе, чѣмъ души убитыхъ Одиссея, и на лицахъ которыхъ даже безъ помощи синихъ книгъ, торчащихъ у нихъ подъ мышкой, съ перваго взгляда можно прочесть непосильный трудъ, мы выхватимъ еще двѣ фигуры, поразительный контрастъ которыхъ доказываетъ, что предъ капиталомъ всѣ люди равны. Мы говоримъ о модисткѣ и кузнецѣ.

Въ послѣднюю недѣлю іюня 1863 г. всѣ лондонскія газеты напечатали статью съ сенсаціоннымъ заглавіемъ: «Death from simple Overwork» (смерть вслѣдствіе простого переутомленія). Говорилось о смерти модистки Mary Anne Wolkley, 20 лѣтъ, работавшей въ очень почтенной придворной мастерской, которой завѣдывала дама съ милымъ именемъ Элиза. Вновь открыта была старая, столь часто повторяющаяся, исторія [88]), что эти дѣвушки работаютъ среднимъ числомъ 16½ часовъ, во время же сезона часто—30 часовъ безъ перерыва, причемъ для поддержанія ихъ истощенныхъ силъ имъ дается хересъ, портвейнъ,

---

[87]) «Reynold's Paper», Jan. 1866. Каждую недѣлю эта еженедѣльная газета публикуетъ подъ сенсаціонными заглавіями («sensational headings») въ родѣ: «Fearful and fatal accidents», «Appaling tragedies» и т. д. цѣлый списокъ новыхъ желѣзнодорожныхъ катастрофъ. Одинъ рабочій съ сѣверной стаффордширской дороги отвѣчаетъ на эти статьи: «Всякій знаетъ послѣдствія ослабленія вниманія машиниста и кочегара хоть на одну минуту. Но какъ же можетъ быть иначе при чрезмѣрномъ удлиненіи труда, въ суровую погоду, безъ всякаго перерыва и отдыха? Возьмемъ для примѣра того, что ежедневно происходитъ, слѣдующій случай. Въ прошлый понедѣльникъ одинъ кочегаръ очень рано утромъ началъ свой дневной трудъ. Онъ закончилъ его черезъ 14 часовъ 15 минутъ. Не успѣлъ онъ даже выпить чаю, какъ его опять позвали на работу. Онъ долженъ былъ, такимъ образомъ, проработать безъ перерыва 29 часовъ 15 минутъ. Весь его остальной трудъ распредѣлился слѣдующимъ образомъ: въ среду 15 часовъ; въ четвергъ 15 часовъ 35 минутъ; въ пятницу 14½ часовъ; въ субботу 14 часовъ 10 минутъ; всего въ продолженіе недѣли 88 часовъ 40 минутъ. Представьте же себѣ его удивленіе, когда онъ получилъ плату только за 6 рабочихъ дней. Человѣкъ этотъ былъ новичкомъ и спросилъ, что подразумѣваютъ подъ дневнымъ трудомъ? Отвѣтъ: 13 часовъ, т. е. 78 часовъ въ недѣлю. Но тогда гдѣ же плата за полишніе 10 часовъ 40 минутъ? Послѣ долгихъ препирательствъ онъ получилъ вознагражденіе въ 10 пенсовъ». l. c. № отъ 4 февраля 1866.

[88]) Cp. F. Engels l. c. p. 253, 254.

или кофе. И вотъ былъ самый разгаръ сезона. Нужно было наскоро изготовить благородным лэди бальные туалеты для бала, устраиваемаго въ честь только что привезенной принцессы Уэльской. Mary Anne Walkley работала безъ всякаго перерыва 26½ часовъ вмѣстѣ съ другими 60 дѣвушками, по 30 душъ въ комнатѣ, которая едва содержала ⅓ необходимаго кубическаго содержанія воздуха. Ночью же онѣ по двое спали на одной кровати въ одной изъ тѣхъ вонючихъ ямъ, въ которыхъ спальни отгораживаются помощью досчатыхъ перегородокъ [89]). И это былъ одинъ изъ лучшихъ модныхъ магазиновъ Лондона. Mary Anne Walkley заболѣла въ пятницу и умерла въ воскресенье, не окончивъ даже, къ великому удивленію Madame Elise, послѣдняго туалета. Призванный слишкомъ поздно къ постели умирающей врачъ, г-нъ Keys, показалъ безъ обиняковъ передъ «Coroner's Jury»: «Mary Anne Walkley умерла отъ слишкомъ продолжительнаго труда въ переполненномъ помѣщеніи и отъ спанья въ слишкомъ тѣсной, плохо вентилированной спальнѣ». Чтобы дать врачу урокъ свѣтскаго обращенія, «Coroner's Jury» заявило: «Покойная умерла отъ апоплексіи, но есть основаніе опасаться, что смерть ея была ускорена чрезмѣрнымъ трудомъ въ переполненной мастерской и т. д.». «Наши бѣлые рабы, — восклицалъ Morning Star, органъ фратредеровъ Кобдена и Брейта, — наши бѣлые рабы зарабатываются до смерти, гибнутъ и умираютъ тихо, безъ всякаго шума» [90]).

[89]) Dr. Letheby, врачъ, состоящій при Board of Health, заявилъ тогда: «Minimum для взрослыхъ 300 куб. фут. воздуха въ спальной и 500 въ жилой комнатѣ». Dr. Richardson, старшій врачъ одного лондонскаго госпиталя, говоритъ: «Швеи всякаго рода, модистки, портнихи и обыкновенныя швеи, страдаютъ отъ троякаго зла: чрезмѣрнаго труда, недостатка воздуха и недостатка питанія или плохого пищеваренія. Въ общемъ этотъ родъ труда при всякихъ условіяхъ лучше подходитъ женщинамъ, чѣмъ мужчинамъ. Но несчастье этого занятія состоитъ въ томъ, что оно, особенно въ столицѣ, монополизировано въ рукахъ какихъ нибудь 26 капиталистовъ, которые въ силу власти, проистекающей изъ самого капитала (that spring from capital), выжимаютъ экономію изъ труда (force economy out of labour; онъ хочетъ сказать, сокращаютъ издержки производства, расточая рабочую силу). Ихъ власть чувствуетъ на себѣ вся масса этихъ работницъ. Если какой-нибудь портнихѣ удается найти себѣ маленькій кругъ заказчицъ, то конкурренція вынуждаетъ ее зарабатываться до смерти дома, чтобы сохранить его, и тѣмъ же самымъ чрезмѣрнымъ трудомъ она, по необходимости, должна обременять своихъ помощницъ. Если ей предпріятіе не удается, или она не можетъ устроиться самостоятельно, то она обращается въ какое-нибудь заведеніе, гдѣ работы не меньше, но за то плата вѣрнѣе. Въ такомъ положеніи она становится настоящей работницей, перебрасываемой туда и сюда каждой общественной волной; то она умираетъ съ голоду дома въ крошечной комнаткѣ, или близка къ этому; то изъ 24 часовъ она занята 15, 16, даже 18, въ атмосферѣ, которую едва можно переносить, и съ пищей, которая даже при хорошемъ качествѣ не переваривается, вслѣдствіе отсутствія свѣжаго воздуха. Этими жертвами питается чахотка, которая происходитъ только отъ недостатковъ вдыхаемаго воздуха». (Dr. Richardson: «Work and Overwork» въ «Social Science Review», 18 іюля 1863.).

[90]) Morning Star, 23 іюня 1863. Times воспользовался этимъ случаемъ для защиты американскихъ рабовладѣльцевъ противъ Брайта и т. д. «Очень многіе изъ насъ,—говоритъ эта газета,- думаютъ, что до тѣхъ поръ, пока наши молодыя женщины зарабатываются до смерти, побуждаемыя бичомъ голода, а не ударами

«Зарабатываться до смерти — такъ гласитъ порядокъ дня не только въ модныхъ мастерскихъ, но и въ тысячѣ другихъ мѣстъ, во всякомъ мѣстѣ вообще, гдѣ дѣла идутъ хорошо... Возьмемъ для примѣра кузнеца. Если мѣрить по-этамъ, то нѣтъ болѣе веселаго, сильнаго и жизнерадостнаго человѣка, чѣмъ кузнецъ. Онъ встаетъ рано и уже до восхода солнца начинаетъ выбивать искры; онъ ѣстъ, пьетъ и спитъ, какъ никто другой. Съ физической стороны онъ, дѣйствительно, находится при умѣренномъ трудѣ въ одномъ изъ лучшихъ человѣческихъ положеній. Но послѣдуемъ за нимъ въ городъ и посмотримъ, какой тяжелый трудъ взвалили на него, и какое мѣсто онъ занимаетъ въ таблицахъ смертности нашей страны. Въ Marylebone (одномъ изъ самыхъ большихъ кварталовъ Лондона) кузнецы умираютъ ежегодно въ пропорціи 31 человѣка на 1.000, или на 11 человѣкъ больше средней смертности взрослыхъ мужчинъ Англіи. Занятіе это, почти инстинктивное искусство человѣка, само по себѣ вполнѣ безобидное, становится, вслѣдствіе чрезмѣрнаго труда, разрушительнымъ для человѣка. Онъ можетъ сдѣлать столько-то ударовъ молотомъ въ день, пройти столько-то шаговъ, дышать столько-то разъ, исполнить столько-то труда и жить въ среднемъ, положимъ, 50 лѣтъ. Его заставляютъ сдѣлать на столько-то больше ударовъ, пройти на столько-то шаговъ больше, дышать настолько-то чаще и, въ общей сложности увеличить ежедневно на $^1/_4$ свою жизнедѣятельность. Онъ пытается дѣлать это и въ результатѣ оказывается, что въ продолженіе ограниченнаго періода времени онъ исполняетъ на $^1/_4$ больше работы, и умираетъ 37 лѣтъ вмѣсто 50» [91]).

4. Дневной и ночной трудъ. Система смѣнъ.

Постоянный капиталъ, средства производства, существуютъ, съ точки зрѣнія процесса образованія прибавочной цѣнности, только для того, чтобы впитывать трудъ и съ каждой каплей труда—пропорціональное количество прибавочнаго труда. Если они этого не дѣлаютъ, то существованіе ихъ составляетъ отрицательную величину для капиталиста, такъ какъ въ продолженіе того

плети, мы едва ли имѣемъ право нападать съ огнемъ и мечомъ на тѣ семейства, которыя родились рабовладѣльцами и, по крайней мѣрѣ, хорошо кормятъ своихъ рабовъ и заставляютъ ихъ умѣренно работать» (Times, Juli. 2, 1863). Точно такимъ же образомъ «Standard», торійская газета, отдѣлала священника (Rev.) Newman Hall: «Онъ отлучаетъ отъ церкви рабовладѣльцевъ, но молится съ тѣми добрыми людьми, которые заставляютъ кучеровъ и кондукторовъ лондонскихъ омнибусовъ и т. д. ежедневно работать 16 часовъ за собачью плату». Наконецъ заговорилъ оракулъ, Томасъ Карлейль, о которомъ я еще въ 1850 г. сказалъ: «Къ чорту геній, остается только культъ». Въ коротенькой притчѣ онъ сводитъ единственное въ своемъ родѣ грандіозное событіе нашего времени, американскую гражданскую войну, къ тому, что сѣверный Петръ хочетъ раскроить черепъ южному Павлу за то, что Петръ нанимаетъ своихъ рабочихъ «поденно», Павелъ же «пожизненно». (Macmillan's Magazine, Illas Americana in nuce. Августъ, 1863). Такъ, наконецъ, лопнулъ мыльный пузырь торійскихъ симпатій къ городскому, но—упаси Боже!—не къ сельскому наемному рабочему. Основа этихъ симпатій—пѣжность къ рабству!

[91]) Dr. Richardson l. c.

времени, когда они лежатъ безъ дѣла, они являются безполезной затратой капитала; потеря эта становится величиной положительной, если остановка дѣлаетъ необходимыми прибавочныя затраты для возобновленія процесса производства. Удлиненіе рабочаго дня, за естественные предѣлы дня, до поздней ночи, дѣйствуетъ только какъ палліативъ, только отчасти удовлетворяетъ вампирову жажду живой человѣческой крови. Присваивать трудъ въ продолженіе всѣхъ 24 часовъ есть, поэтому, стремленіе, присущее капиталистическому производству. Но, такъ какъ физически невозможно непрерывно эксплуатировать днемъ и ночью однѣ и тѣ же рабочія силы, то для устраненія этого физическаго препятствія нужна смѣна рабочихъ силъ, потребляемыхъ днемъ и ночью, смѣна, допускающая различныя методы: напр., она можетъ быть устроена такъ, что одна часть рабочаго персонала одну недѣлю работаетъ днемъ, а другую ночью и т. д. Извѣстно, что эта система смѣнъ, это перемѣнное хозяйство господствовало въ эпоху юношескаго расцвѣта англійской хлопчатобумажной промышленности и, между прочимъ, процвѣтаетъ еще и теперь въ бумагопрядильняхъ Московской губерніи. Какъ система, этотъ безпрерывный 24 часовой процессъ производства существуетъ во многихъ, до сихъ поръ еще «свободныхъ» отрасляхъ промышленности Великобританіи, между прочимъ, на доменныхъ печахъ, въ кузницахъ, сталепрокатныхъ и другихъ металлургическихъ предпріятіяхъ Англіи, Уэльса и Шотландіи. Процессъ труда охватываетъ здѣсь не только 24 часа 6 рабочихъ дней, но по большей части, и 24 часа воскресенья. Рабочіе состоятъ изъ взрослыхъ мужчинъ и женщинъ и дѣтей обоего пола. Возрастъ дѣтей и подростковъ объемлетъ всѣ промежуточныя ступени, начиная съ 8 (въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ 6) лѣтъ и кончая 18 [92]). Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ женщины и дѣвушки работаютъ ночью вмѣстѣ съ мужскимъ персоналомъ [93]).

Помимо вреднаго вообще вліянія ночного труда [94]), безпрерывный, длящійся 24 часа, процессъ производства представляетъ очень удобный случай

---

[92]) «Children's Employment Commission». Third Report. Lond. 1864, p. IV, V, VI

[93]) «Какъ въ Staffordshire'ѣ, такъ и въ южномъ Уэльсѣ молодыя дѣвушки и женщины работаютъ въ каменноугольныхъ копяхъ не только днемъ, но и ночью. Въ отчетахъ, представляемыхъ парламенту, на это часто указывали, какъ на причину очень большого и общеизвѣстнаго зла. Эти женщины, работающія вмѣстѣ съ мужчинами и одва отличающіяся отъ нихъ по одеждѣ, покрытыя грязью и копотью, подвергаются опасности развратить свой нравственный характеръ, вслѣдствіе потери чувства самоуваженія, которая необходимо слѣдуетъ за ихъ неженскимъ занятіемъ» l. c. 194, p. XXVI. Ср. Fourth Report (1865) 61, p. XIII. То же самое и на стеклянныхъ заводахъ.

[94]) «Вполнѣ естественно,—замѣчаетъ одинъ фабрикантъ стекла, который употребляетъ дѣтей для ночной работы,—что дѣти, которыя работаютъ ночью, не могутъ ни спать днемъ, ни найти порядочнаго отдыха, но безпрерывно слоняются на слѣдующій день». l. c. Fourth Rep. 63, p. XIII. Относительно важности солнечнаго свѣта для поддержанія и развитія тѣла одинъ врачъ говоритъ слѣдующее: «Свѣтъ дѣйствуетъ и прямо на ткани тѣла, сообщая имъ твердость и эластичность. Мускулы животныхъ, лишенныхъ нормальнаго количества свѣта, становятся зубчатыми, неэластичными. Нервная сила, вслѣдствіе недостатка возбуждающихъ

выходитъ за границы номинальнаго рабочаго дня. Напр., въ вышеупомянутыхъ, чрезвычайно утомительныхъ, отрасляхъ промышленности оффиціальный рабочій день для каждаго рабочаго составляетъ 12 часовъ, все равно, днемъ или ночью. Но сверхурочный трудъ долѣе этого предѣла, выражаясь словами англійскаго оффиціальнаго отчета, во многихъ случаяхъ «поистинѣ ужасенъ» («truly fearful») [95]). «Человѣческій умъ,—говорится тамъ,—не можетъ представить себѣ той массы труда, которая, по показаніямъ свидѣтелей, исполняется мальчиками отъ 9 до 12 лѣтъ, и не прійти непремѣнно къ заключенію, что это злоупотребленіе своей властью со стороны родителей и работодателей не должно быть долѣе терпимо» [96]).

«Система, заставляющая вообще мальчика работать посмѣнно днемъ и ночью, ведетъ къ позорному удлиненію рабочаго дня, какъ во время оживленія дѣлъ, такъ и при обыкновенномъ ходѣ ихъ. Это удлиненіе во многихъ случаяхъ не только жестоко, но прямо даже невѣроятно. Всегда, конечно, случается, что по той или другой причинѣ недостаетъ то тамъ, то здѣсь одного мальчика изъ смѣны. Одинъ или нѣсколько находящихся на лицо мальчиковъ, которые уже окончили свой рабочій день, должны тогда занять мѣсто отсутствующихъ. Система эта такъ общеизвѣстна, что директоръ одной прокатной на мой вопросъ, какъ происходитъ замѣщеніе отсутствующихъ въ смѣнѣ мальчиковъ, отвѣтилъ: «Мнѣ конечно извѣстно, что вы это знаете столь же хорошо, какъ и я», и нисколько не постѣснился признать указанный выше фактъ» [97])».

«Въ одной прокатной, гдѣ номинальный рабочій день продолжается съ 6 часовъ утра до $5^1/_2$ вечера, одинъ мальчикъ работалъ каждую недѣлю 4 ночи, по крайней мѣрѣ до $8^1/_2$ часовъ вечера слѣдующаго дня... и такъ въ продолженіе 6 мѣсяцевъ». «Другой работалъ въ девятилѣтнемъ возрастѣ иногда 3 двѣнадцатичасовыя смѣны подрядъ, а въ 10 лѣтнемъ возрастѣ 2 дня и двѣ ночи подрядъ». «Третій, теперь 10 лѣтъ, работалъ съ 6 часовъ утра до 12 часовъ ночи, три ночи сряду и до 9 часовъ вечера остальные дни недѣли». «Четвер-

---

стимуловъ, теряетъ свой тонъ и все, что находится въ состояніи роста, чахнетъ... Что касается дѣтей, то постоянный и обильный доступъ дневного свѣта и прямыхъ солнечныхъ лучей во время одной части дня существенно необходимъ для ихъ здоровья. Свѣтъ способствуетъ переработкѣ пищи въ хорошую пластическую кровь и упрочиваетъ вновь образовавшіяся фибры. Точно также онъ дѣйствуетъ какъ возбуждающее средство на органы зрѣнія и этимъ вызываетъ большую дѣятельность различныхъ мозговыхъ функцій». Въ письмѣ къ слѣдственному комиссару White'y г-нъ W. Strange, старшій врачъ «General Hospital» въ Worcester'ѣ, изъ книги котораго «Здоровье», (1864) мы заимствовали это мѣсто, пишетъ: «Я прежде въ Lancashire'ѣ имѣлъ случай наблюдать дѣйствіе ночного труда на фабричныхъ дѣтей и, въ противность обычному завѣренію нѣкоторыхъ работодателей, я рѣшительно заявляю, что здоровье дѣтей отъ этого сильно страдало». (l. c. 284, p. 55). То обстоятельство, что подобные предметы вообще могутъ давать поводъ къ серьезнымъ препіямъ, лучше всего доказываетъ, какъ капиталистическое производство дѣйствуетъ на «мозговыя функціи» капиталистовъ и ихъ приспѣшниковъ.

[95]) l. c. 57, p. XII.

[96]) l. c. (4 th. Rep. 1865) 58, p. XII.

[97]) l. c.

тый, теперь 13 лѣтъ, работалъ цѣлую недѣлю съ 6 часовъ пополудни до полудня слѣдующаго дня въ теченіе цѣлой недѣли, иногда же три смѣны подрядъ, напр., съ понедѣльника утра до вторника ночи». «Пятый, теперь 12 лѣтъ, работалъ на чугуноплавильномъ заводѣ въ Stavely съ 6 часовъ утра до 12 часовъ ночи въ продолженіе 2 недѣль; теперь онъ уже неспособенъ продолжать такую работу». George Allinsworth, 9 лѣтъ: «Я пришелъ сюда въ послѣднюю пятницу. На слѣдующій день мы должны были начать работу въ 3 часа утра. Я, поэтому, остался всю ночь здѣсь. Я живу въ 5 миляхъ отсюда Я спалъ на полу, подостлавъ подъ себя кожаный передникъ и укрывшись курткой. Другіе 2 дня я приходилъ сюда въ 6 часовъ утра. Да! здѣсь жарко! Прежде чѣмъ прійти сюда я также работалъ въ теченіе цѣлаго года при доменной печи. Это былъ очень большой заводъ въ деревнѣ. Я начиналъ работу также въ субботу утромъ въ 3 часа; но я, по крайней мѣрѣ, могъ ходить домой спать, такъ какъ это было близко. Въ другіе дни я начиналъ работу въ 6 часовъ утра и кончалъ въ 6 или 7 часовъ вечера» и т. д. [98]).

---

[98]) l. c. p. XIII. Степень духовнаго развитія этихъ «рабочихъ силъ» естественно должна быть такою, какою она намъ представляется въ слѣдующихъ діалогахъ слѣдственнаго комиссара: «Jeremias Haynes, 12 лѣтъ... четырежды 4—восемь, но 4 четверки (4 fours)—16... Корозь для него тотъ, кто имѣетъ всѣ деньги и все золото (A King is him that has all the money and gold). У насъ есть король, говорятъ, что онъ королева, ее называютъ принцессой Александрой. Говорятъ, что она вышла замужъ за сына королевы. Принцесса—это мужчина». Wm. Turner, 12 лѣтъ: «Я живу не въ Англіи. Думаю, что есть такая страна, но ничего прежде о ней не зналъ». John Morris, 14 лѣтъ: «Я слышалъ, что Богъ сотворилъ міръ, и что всѣ люди потонули, кромѣ одного, я слышалъ, что этотъ человѣкъ былъ маленькой птичкой». William Smith, 15 лѣтъ: «Богъ сотворилъ мужчину; мужчина сдѣлалъ женщину». Edward Taylor, 15 лѣтъ: «Я ничего не знаю о Лондонѣ». Henry Matthewman, 17 лѣтъ: «Хожу иногда въ церковь... Имя человѣка, о которомъ они проповѣдуютъ, было нѣкій Іисусъ Христосъ, но я не могу назвать другихъ именъ и о немъ также ничего не могу сказать. Онъ не былъ умерщвленъ, а умеръ, какъ и всѣ люди. Онъ не былъ, нѣкоторымъ образомъ, какъ другіе люди, такъ какъ онъ, нѣкоторымъ образомъ, былъ религіозенъ, а другіе не есть религіозны» («He was not the same as other people in some ways, because he was religious in some ways, andothers is n't») (l. c. 74, p. XV). «Діаволъ добрый человѣкъ. Я не знаю, гдѣ онъ живетъ. Христосъ былъ злой человѣкъ». («The devil is a good person. I don't know where he lives». «Christ was a wicked man.») «Эта дѣвочка (10 лѣтъ) читала по складамъ слова God (Богъ) и Dog (собака) и не знала имени королевы». (Ch. Empl. Comm. V. Rep. 1866, p. 55, n. 278); Та же система, что въ металлургическихъ предпріятіяхъ, господствуетъ также и на стекляныхъ и бумажныхъ фабрикахъ. На бумажныхъ фабрикахъ, гдѣ производится бумага машинами, ночной трудъ есть общее правило для всѣхъ операцій, кромѣ сортировки тряпокъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ ночной трудъ смѣнами продолжается безпрерывно отъ воскресенья ночи до 12 часовъ ночи слѣдующей субботы. Рабочій персоналъ дневной смѣны работаетъ 5 дней въ недѣлю по 12 часовъ и одинъ день 18 часовъ, а ночной смѣны — 5 ночей по 12 часовъ и одну—6 часовъ. Въ другихъ случаяхъ каждая смѣна работаетъ поочередно всѣ 24 часа. Одна смѣна работаетъ 6 часовъ въ понедѣльникъ и 18 въ субботу, чтобы пополнить 24 часа. Въ другихъ случаяхъ практикуется промежуточная система, въ которой всѣ рабочіе, приставленные къ машинѣ, дѣлающей бумагу, работаютъ всѣ дни недѣли отъ 15—16 часовъ. Эта си-

Послушаемъ теперь, какъ самъ капиталъ характеризуетъ эту систему двадцатичетырехчасового труда. Онъ, разумѣется, обходитъ молчаніемъ излишества этой системы, злоупотребленіе ею, проявляющееся въ «жестокомъ и невѣроятномъ» удлиненіи рабочаго дня, а говоритъ только о системѣ въ ея «нормальной» формѣ.

«Господа Naylor и Vickers, фабриканты стали, занимающіе отъ 600 до 700 человѣкъ, между которыми только 10% моложе 18 лѣтъ, а изъ этихъ послѣднихъ опять таки только 20 мальчиковъ принадлежатъ къ почному персоналу, выражаются слѣдующимъ образомъ: «Мальчики ни въ какомъ случаѣ не страдаютъ отъ жары. Температура достигаетъ, вѣроятно, отъ 86° — 90° (по Фарейгейту)... Въ кузнечной и въ прокатной мастерскихъ руки работаютъ посмѣнно день и ночь, но за то вся остальная работа производится только днемъ, отъ 6 часовъ утра до 6 часовъ вечера. Въ кузницѣ работаютъ отъ 12 часовъ до 12. Нѣкоторыя руки работаютъ постоянно ночью, безъ смѣны между дневнымъ и почнымъ временемъ... Мы не находимъ, чтобы дневной или почной трудъ составлялъ какую-нибудь разницу для здоровья (господъ Naylor и Vickers?), и, вѣроятно, люди лучше спятъ, когда они пользуются всегда однимъ и тѣмъ же періодомъ отдыха, чѣмъ если онъ мѣняется... Около 20 мальчиковъ моложе 18 лѣтъ работаютъ ночью съ мужескимъ персоналомъ... Мы не могли бы, конечно, существовать (not well do) безъ почного труда мальчиковъ моложе 18 лѣтъ. Это повело бы къ увеличенію издержекъ производства. Трудно достать искусныя руки и хорошихъ руководителей цѣлыхъ отдѣленій, но мальчиковъ можно получить сколько угодно.. Конечно, принимая во вниманіе незначительный процентъ употребляемыхъ нами мальчиковъ, ограниченіе почного труда для насъ имѣло бы мало значенія и интереса» [99]).

T. J. Ellis, представитель фирмы John Brown et C°, владѣющей сталелитейнымъ и желѣзодѣлательнымъ заводомъ, на которомъ занято до 3.000 мужчинъ и подростковъ, и притомъ тяжелой работой по выдѣлкѣ желѣза и стали «днемъ и почью смѣнами», заявляетъ, что при тяжелой работѣ по выдѣлкѣ стали

стемы, говоритъ слѣдственный комиссаръ Lord, повидимому, соединяетъ въ себѣ всѣ бѣдствія двѣнадцатичасовой и двадцатичетырехчасовой смѣны. Дѣти моложе 13 лѣтъ подростки моложе 18 лѣтъ и женщины работаютъ ночью при этой системѣ. Иногда, при двѣнадцатичасовой системѣ, они должны были, вслѣдствіе отсутствія рабочихъ, которые должны были ихъ смѣнить, работать двѣ смѣны сряду, т.-е. 24 часа. Свидѣтельскими показаніями доказано, что подростки часто работаютъ сверхурочное время, доходящее нерѣдко до 24 и даже 36 часовъ непрерывнаго труда. Въ «безпрерывномъ и непостоянномъ по своему содержанію» процессѣ главнаго отдѣленія, мы находимъ занятыми дѣвочекъ 12 лѣтъ, которыя въ продолженіе цѣлаго мѣсяца работаютъ ежедневно по 14 часовъ, «не имѣя никакого правильнаго перерыва или отдыха, кромѣ двухъ, много трехъ получасовыхъ перерывовъ для принятія пищи». На нѣкоторыхъ фабрикахъ, гдѣ отмѣненъ постоянный почной трудъ, работаютъ ужасно много сверхурочнаго времени и «часто въ самыхъ грязныхъ, самыхъ монотонныхъ процессахъ, совершающихся въ самой горячей атмосферѣ». (Children's Employment Commission. Report IV, 1865, p. XXXVII and XXXIX).

[99]) Fourth Report etc. 1865, 79, p. XVI.

одинъ или два мальчика приходятся на двухъ мужчинъ. Въ ихъ предпріятіи насчитывается 500 мальчиковъ моложе 18 лѣтъ, и изъ нихъ около $^1/_3$, или 170, моложе 13 лѣтъ. Относительно предполагаемой реформы законодательства г-нъ Ellis говоритъ: «Я не думаю, чтобы было очень предосудительно (very objectionable) запретить лицамъ моложе 18 лѣтъ работать изъ 24 часовъ болѣе 12. Но я не думаю, чтобы можно было провести какую либо границу при употребленіи вами для ночного труда мальчиковъ старше 12 лѣтъ. Мы скорѣе примемъ законъ, вообще запрещающій намъ употреблять мальчиковъ моложе 13 или даже 15 лѣтъ, чѣмъ законъ, запрещающій намъ употреблять ночью тѣхъ мальчиковъ, которые у насъ уже есть. Мальчики, работающіе въ дневной смѣнѣ, должны также попеременно работать и въ ночной смѣнѣ, такъ какъ мужчины не могутъ безпрерывно исполнять ночной трудъ: это разстроило бы ихъ здоровье. Но мы полагаемъ, что ночной трудъ, если онъ совершается съ недѣльнымъ перерывомъ, не причиняетъ никакого вреда. (Господа Naylor и Vickers полагали, сообразно съ интересами своего предпріятія, какъ разъ наоборотъ, что вредитъ не постоянный ночной трудъ, а ночной трудъ, періодически чередующійся съ дневнымъ). Мы находимъ, что люди, исполняющіе попеременно ночной трудъ, пользуются такимъ же крѣпкимъ здоровьемъ, какъ и тѣ, которые работаютъ только днемъ... Наши возраженія противъ запрещенія ночного труда мальчиковъ моложе 18 лѣтъ основываются только на томъ, что это увеличило-бы наши издержки; но это есть и единственное основаніе (какой наивный цинизмъ)! Мы полагаемъ, что это увеличеніе было бы больше, чѣмъ могло бы перенести наше производство (the trade) безъ вреда для своего успѣха (as the trade with due regard to etc. could fearly bear! Какая фразеологія!) Трудъ здѣсь рѣдокъ и могъ бы стать недостаточнымъ при подобномъ регулированіи» (т. е. Ellis, Brown et C° очутились бы въ фатальной необходимости оплачивать рабочую силу по полной цѣнности [100]).

«Сталелитейный желѣзодѣлательный заводъ Циклопъ» господъ Cammell et C° дѣйствуетъ въ такихъ же размѣрахъ, какъ и описанный уже заводъ John Brown et C°. Директоръ-распорядитель этой фабрики, вручилъ свои письменныя показанія правительственному комиссару White'у, но потомъ счелъ нужнымъ утаить возвращенную ему для просмотра рукопись. Но у комиссара White'а хорошая память. Онъ очень хорошо помнитъ, что для этихъ господъ циклоповъ запрещеніе ночного труда дѣтей и подростковъ «невозможное дѣло: это все равно, что остановить заводъ»; между тѣмъ предпріятіе это насчитываетъ немногимъ болѣе 6% подростковъ моложе 18 лѣтъ и только 1% моложе 13 лѣтъ [101])!

Г-нъ E. F. Sanderson, представитель фирмы братья Sanderson и К°, владѣющей сталедѣлательнымъ и желѣзопрокатнымъ заводами въ Attercliffe, высказываетъ также свое мнѣніе по этому предмету: «Изъ запрещенія ночного труда подростковъ моложе 18 лѣтъ произошли бы большія затрудненія. Самое боль-

[100]) l. c. 80, p. XVI.
[101]) l. c. 82, p. XVII.

шое затрудненіе—это увеличеніе издержекъ, которое непремѣнно было бы вызвано замѣной дѣтскаго труда трудомъ взрослыхъ. Сколько бы это составило, я не могу сказать, но, вѣроятно, не такъ много, чтобы фабрикантъ могъ повысить цѣну стали; потеря пала бы, слѣдовательно, на него одного, такъ какъ рабочіе (какой упрямый народъ!), конечно, отказались бы нести ее». Г-нъ Sanderson не знаетъ, сколько онъ платитъ дѣтямъ, но «вѣроятно, это составляетъ отъ 4—5 шиллинговъ на душу въ недѣлю... Работа, исполняемая дѣтьми, есть работа такого рода, что вообще («generally», конечно, не во всѣхъ «частныхъ» случаяхъ) для нея вполнѣ достаточно силы подростковъ, и мы, слѣдовательно, не извлекли бы никакой выгоды изъ употребленія большей силы мужчинъ для покрытія потери, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ случаевъ, гдѣ металлъ очень тяжелъ. Мужчины также были бы недовольны, если бы не имѣли въ своемъ распоряженіи мальчиковъ, такъ какъ взрослые менѣе послушны. Притомъ рабочему слѣдуетъ начинать работать мальчикомъ, чтобы изучить дѣло. При ограниченіи труда подростковъ только дневнымъ трудомъ цѣль эта не была бы достигнута». Но почему же это? Почему подростки не могутъ изучить дѣла днемъ? На чемъ это основано? «Потому что мужчины, которые каждую недѣлю работаютъ попеременно то днемъ, то ночью, отдѣленные въ это время отъ подростковъ своей смѣны, потеряли бы половину той выгоды, которую они изъ нихъ извлекаютъ. Руководство подростками идетъ въ счетъ части заработной платы этихъ подростковъ и даетъ, такимъ образомъ, рабочимъ возможность получать дешевле трудъ подростковъ. Каждый рабочій потерялъ бы половину своей прибыли». (Другими словами, господа Sanderson должны были бы уплачивать часть заработной платы взрослыхъ рабочихъ изъ собственнаго кармана, вмѣсто того, чтобы платить ее ночнымъ трудомъ подростковъ. Прибыль господъ Sanderson въ этомъ случаѣ нѣсколько бы упала, и въ этомъ для нихъ достаточное основаніе того, почему дѣти не могутъ изучить своего ремесла днемъ [102]). Кромѣ того весь ночной трудъ палъ бы на взрослыхъ рабочихъ, которые теперь смѣняются дѣтьми, и они бы этого не вынесли. Однимъ словомъ, затрудненія были бы такъ велики, что они привели бы къ совершенному прекращенію ночного труда. «Что же касается производства самой стали», говоритъ E. F. Sanderson, «то это не составило бы ни малѣйшей разницы, но!..» Но у господъ Sanderson есть другое дѣло, чѣмъ фабрикація стали. Производство стали есть только предлогъ для производства прибавочной цѣнности. Плавильныя печи, прокатныя мастерскія и т. п., строенія, машины, желѣзо, уголь и т. д. имѣютъ еще другое назначеніе, кромѣ производства стали. Они существуютъ для поглощенія прибавочнаго труда, и поглощаютъ его, конечно, больше въ 24 часа, чѣмъ въ 12 часовъ. На самомъ дѣлѣ они по божескимъ и человѣческимъ законамъ даютъ Sanderson'амъ право на рабочее время извѣстнаго числа

[102]) «Въ наше время, столь склонное къ рефлексіи и къ резонированію, тотъ, кто не можетъ для всего, даже для самаго дурного и для самаго ложнаго, привести достаточное основаніе (einen guten Grund), не будетъ имѣть успѣха. Все, что на свѣтѣ испорчено, было испорчено на достаточномъ основаніи». (Hegel, l. c. p. 249).

рукъ въ продолженіе полныхъ 24 часовъ въ сутки; они теряютъ, такимъ образомъ, свой характеръ капитала, т. е. составляютъ чистый убытокъ для Sanderson'овъ, если ихъ функція — впитывать трудъ — прерывается. «Мы терпли бы тогда на дорогихъ машинахъ, которыя половину времени стояли бы безъ дѣла, и для той массы продуктовъ, которую мы можемъ доставлять при настоящей системѣ, мы должны были бы удвоить помѣщенія и машины, что удвоило бы издержки». Но почему именно эти Sanderson'ы заявляютъ притязанія на привилегію предъ другими капиталистами, которые могутъ работать только днемъ, и строенія, машины, сырой матеріалъ которыхъ остаются, поэтому, ночью «безъ дѣйствія»? «Правда», отвѣчаетъ E. E. Sanderson отъ имени всѣхъ Sanderson'овъ. «правда, что эта потеря отъ бездѣйствія машинъ касается всѣхъ мануфактуръ, гдѣ работаютъ только днемъ. Но употребленіе плавильныхъ печей въ нашемъ случаѣ причинило бы экстраординарную потерю. Если поддерживать ихъ въ ходу, то тратится горючій матеріалъ (тогда какъ теперь тратится жизненный матеріалъ рабочихъ); если же остановить ихъ ходъ, то это повлечетъ за собой потерю времени, чтобы зажечь снова печи и достигнуть извѣстной температуры (тогда какъ потеря времени сна даже восьмилѣтнихъ дѣтей составляетъ выигрышъ рабочаго времени для породы Sanderson'овъ), и сами печи пострадали бы отъ этой перемѣны температуры» (тогда какъ эти же печи нисколько не страдаютъ отъ дневной и ночной смѣны труда) [163]).

---

[163]) l. c. p. 85. Господа фабриканты стекла утверждали, что невозможно назначить дѣтямъ «опредѣленное время для принятія пищи», такъ какъ при этомъ печи теряютъ черезъ лучеиспусканіе значительное количество жара, что для фабрикантовъ было бы «чистою потерею» и растрачивалось бы «совершенно даромъ». Подобныя же іереміады повторяютъ Ure, Senior, etc. и ихъ жалкіе нѣмецкіе повторяльщики, вродѣ Рошера и др. На всѣ эти чувствительныя соображенія насчетъ «воздержанія», «самоотреченія» и «бережливости» капиталистовъ въ расходованіи своихъ денегъ и ихъ тамерлановской «расточительности» — въ расходованіи человѣческой жизни слѣдственный комиссаръ White отвѣчаетъ слѣдующее: «Вслѣдствіе установленія правильныхъ перерывовъ для принятія пищи, можетъ быть, и пропадетъ даромъ извѣстное количество жара, сравнительно съ тѣмъ, которое тратится теперь; но оцѣненное на деньги, оно ничтожно по сравненію съ потерей жизненной силы («the waste of animal power»), происходящей для королевства отъ того, что дѣти, находящіяся въ періодѣ роста и работающія на стеклянныхъ заводахъ, не имѣютъ ни минуты отдыха, чтобы надлежащимъ образомъ принять пищу и переварить ее». (l. c. p. XLV). И это «въ годъ прогресса», — 1865 годъ! Не говоря уже о тратѣ силы, требующейся для того, чтобы поднимать и носить тяжести, каждый ребенокъ проходитъ на заводѣ, гдѣ выдѣлываютъ бутылки и flintglas, во время безпрерывнаго процесса труда отъ 15—20 (англійскихъ) миль въ 6 часовъ! И трудъ этотъ часто продолжается отъ 14—15 часовъ! На многихъ изъ этихъ стеклянныхъ заводовъ, такъ же какъ и на московскихъ прядильныхъ фабрикахъ господствуетъ система шестичасовыхъ смѣнъ. «Въ продолженіе всей рабочей недѣли 6 часовъ — самый длинный періодъ непрерывнаго покоя; но отсюда надо еще вычесть время ходьбы на фабрику и съ фабрики, а также умыванье, одѣванье, принятіе пищи, для чего также нужно нѣкоторое время. Такимъ образомъ, на самомъ дѣлѣ остается самое незначительное время для отдыха. Дѣтямъ не остается времени для игры и пользованія свѣжимъ воздухомъ; для этого они должны урывать время отъ

5. Борьба за нормальный рабочій день. Принудительные законы объ удлиненіи рабочаго дня съ средины XIV до конца XVII столѣтія.

«Что такое рабочій день?» Какъ велико то время, въ продолженіе котораго капиталъ можетъ потреблять оплаченную имъ дневную цѣнность рабочей силы? На сколько можетъ быть продолженъ рабочій день за тѣ предѣлы, которые необходимы для воспроизведенія самой рабочей силы? На эти вопросы капиталъ, какъ мы видѣли, отвѣчаетъ: Рабочій день состоитъ изъ полныхъ 24 часовъ, за вычетомъ тѣхъ немногихъ часовъ отдыха, безъ которыхъ рабочая сила абсолютно не можетъ возобновить своего дѣйствія. Конечно, само собою разумѣется, что рабочій всю свою жизнь представляетъ только рабочую силу, что, поэтому, все то время, которымъ онъ можетъ располагать, естественно и по праву представляетъ рабочее время и предназначено, слѣдовательно, на образованіе прибавочной цѣнности. Время для образованія, для умственнаго развитія, для выполненія общественныхъ функцій, для общенія съ себѣ подобными, для свободнаго развитія физическихъ и умственныхъ силъ, даже для празднованія воскресенья,—хотя бы это было въ странѣ почитателей субботы [104])—все это

сна, который такъ необходимъ тѣтямъ, столь напряженно работающимъ въ такой жаркой атмосферѣ... Даже этотъ короткій сонъ прерывается тѣмъ, что дѣти должны сами просыпаться ночью; днемъ же ихъ пробуждаетъ внѣшній шумъ». White приводитъ случаи, когда одинъ мальчикъ работалъ 36 часовъ сряду, и другіе случаи, когда мальчики 12 лѣтъ работаютъ до 2 часовъ ночи, а затѣмъ спятъ на заводѣ до 5 часовъ утра (3 часа!), послѣ чего опять начинаютъ свой дневной трудъ! «Та масса труда», говорятъ редакторы общаго отчета, Tremenheere и Tufnell, «которую исполняютъ мальчики, дѣвушки и женщины въ продолженіе своего дневного или ночного трудового урока («spell of labour»), просто баснословна». (l. c. XLIII и XLIV). Между тѣмъ, «пренсполненный самоотреченія», капиталъ возвращается поздно домой изъ клуба, съ головой, отяжелѣвшей отъ портвейна, и идіотически напѣваетъ: «Britons never, never, shall be slaves!» (Никогда, никогда британцы не будутъ рабами!).

[104]) Въ Англіи, напр., и теперь еще въ разныхъ сельскихъ округахъ рабочіе приговариваются къ тюремному заключенію за нарушеніе святости субботняго дня трудомъ въ садикѣ предъ своимъ домомъ. Но тотъ же самый рабочій наказывается за нарушеніе контракта, если онъ въ воскресенье не является на металлическую, стеклянную или бумажную фабрику, даже изъ религіознаго чувства. Ортодоксальный парламентъ равнодушенъ къ осквернепію святости субботняго дня, когда оно происходитъ въ «процессѣ возрастанія цѣнности» капитала. Въ запискѣ (августъ 1863), поданной парламенту, лондонскіе поденщики, работающіе у торговцевъ рыбою и птицею, требуютъ отмѣны воскреснаго труда. Изъ этой записки видно, что трудъ ихъ въ продолженіе первыхъ 6 дней недѣли продолжается въ среднемъ 15 часовъ въ день, въ воскресенье же отъ 8—10 часовъ. Изъ этой же записки видно, что такой «воскресный трудъ» оборяется и поддерживается похотливыми гуманами изъ аристократическихъ ханжей Exeter Hall'я. Эти «святые», столь ревностные въ «cute curanda», доказываютъ свои христіанскія чувства той покорностью, съ которой они переносятъ чрезмѣрный трудъ, голодъ и лишенія третьихъ лицъ. Obsequium ventris istis (т. е. работникамъ) perniciosius est.

чистѣйшіе пустяки! Но при своемъ безмѣрномъ и слѣпомъ стремленіи къ наживѣ, при своей волчьей жадности къ прибавочному труду капиталъ бѣшено перескакиваетъ не только черезъ моральныя, но и черезъ чисто физическія максимальныя границы рабочаго дня. Онъ захватываетъ время, необходимое для роста, развитія и здороваго поддержанія тѣла. Онъ похищаетъ время, необходимое для пользованія свѣжимъ воздухомъ и солнечнымъ свѣтомъ. Онъ урѣзываетъ время ѣды и присоединяетъ его, гдѣ только возможно, къ самому процессу производства: пища дается рабочему, какъ простому орудію производства, такъ же какъ уголь—паровому котлу, жиръ или масло—машинѣ. Онъ низводитъ время здороваго сна, необходимаго для накопленія, возобновленія и освѣженія жизненной силы, только до столькихъ часовъ оцѣпенѣнія, безъ которыхъ абсолютно истощенный организмъ не могъ бы опять дѣйствовать. Здѣсь не нормальное поддержаніе рабочей силы ставитъ границы рабочему дню, а, наоборотъ, возможно большая дневная трата рабочей силы, какъ бы она ни была болѣзненна, насильственна и тяжела, опредѣляетъ собой время отдыха рабочаго. Капиталъ не заботится о продолжительности жизни рабочей силы. Его интересуетъ только maximum рабочей силы, могущей быть пущенной въ ходъ въ одинъ рабочій день. И онъ достигаетъ этой цѣли сокращеніемъ жизни рабочей силы, какъ хищный сельскій хозяинъ достигаетъ увеличенія доходности своей земли истощеніемъ плодородія почвы.

Капиталистическое производство, которое по существу своему является производствомъ прибавочной цѣнности, всасываніемъ прибавочнаго труда, ведетъ, вслѣдствіе удлиненія рабочаго дня, не только къ истощенію человѣческой рабочей силы, лишая ее нормальныхъ физическихъ и моральныхъ условій развитія и дѣйствія,—оно порождаетъ преждевременное истощеніе и преждевременную смерть самой рабочей силы [165]). Оно удлиняетъ время производительнаго труда рабочаго въ теченіе извѣстнаго промежутка времени, сокращая продолжительность его жизни.

Но цѣнность рабочей силы заключаетъ въ себѣ цѣнность товаровъ, необходимыхъ для воспроизведенія рабочаго или для размноженія рабочаго класса. Если, такимъ образомъ, противоестественное удлиненіе рабочаго дня, къ которому необходимымъ образомъ стремится капиталъ въ своемъ безмѣрномъ стремленіи къ самовозрастанію, сокращаетъ періодъ жизни отдѣльныхъ рабочихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ продолжительность дѣйствія ихъ рабочей силы, то необходима болѣе быстрая замѣна истрачиваемой рабочей силы, а слѣдовательно, должны увеличиться издержки ея производства, точно такъ же какъ ежедневно воспроизводимая часть цѣнности машины тѣмъ больше, чѣмъ быстрѣе она изнашивается. Такъ, повидимому, интересъ самого капитала требуетъ нормальнаго рабочаго дня.

Рабовладѣлецъ покупаетъ своего рабочаго такъ же, какъ онъ покупаетъ свою лошадь. Вмѣстѣ съ рабомъ онъ теряетъ капиталъ, который можетъ быть возмѣщенъ только новыми издержками на невольничьемъ рынкѣ. Но «какимъ

[165]) «Мы приводили уже въ нашихъ предыдущихъ отчетахъ мнѣніе нѣкоторыхъ опытныхъ фабрикантовъ, что излишній трудъ..., конечно, имѣетъ тенденцію преждевременно истощать человѣческую рабочую силу», l. c. 64, p. XIII.

бы роковымъ и разрушительнымъ образомъ ни вліялъ на человѣческій организмъ рисовыя поля Георгіи, болота Миссисипи, тѣмъ не менѣе, это разрушеніе человѣческой жизни не настолько велико, чтобы оно не могло быть вознаграждено благословенными разсадниками негровъ въ Виргиніи и Кентукки. Экономическія соображенія, которыя могли бы составлять извѣстнаго рода гарантію человѣческаго отношенія къ рабамъ, пока интересъ господина связанъ съ сохраненіемъ жизни рабовъ, прекращаются, наоборотъ, въ мотивы самаго крайняго истребленія жизненной силы раба, такъ какъ —разъ онъ можетъ быть всегда замѣненъ снѣжнымъ человѣческимъ матеріаломъ —продолжительность его жизни становится менѣе важной, чѣмъ ея производительность. Поэтому, въ странахъ, куда ввозятъ рабовъ, правиломъ рабовладѣльческаго хозяйства является истина, что самая дѣйствительная экономія состоитъ въ томъ, чтобы въ возможно болѣе короткое время выжимать изъ человѣческаго скота (human cattle) возможно большее количество труда. Именно при тропическихъ культурахъ, гдѣ годичная прибыль часто равняется всему капиталу плантаціи, жизнь негровъ самымъ безпощаднымъ образомъ приносится въ жертву наживѣ. Земледѣліе Вестъ-Индіи, уже цѣлые вѣка колыбель сказочныхъ богатствъ, пожрало милліоны жизней африканской расы. Въ настоящее время мы видимъ, что на Кубѣ, гдѣ доходы считаются милліонами и гдѣ плантаторы—князья, значительная часть невольниковъ, не только получаетъ самую грубую пищу и подвергается непрерывнымъ изнурительнымъ придиркамъ, но еще прямо губится ежегодно медленной пыткой, состоящей въ чрезмѣрномъ трудѣ и недостаткѣ сна и отдыха» [106]).

Mutato nomine de te fabula narratur! Вмѣсто работорговли читай—рабочій рынокъ, вмѣсто Кентукки и Виргиніи — Ирландія и земледѣльческіе округа Англіи, Шотландіи, Уэльса, вмѣсто Африки—Германія! Мы уже видѣли, какъ чрезмѣрный трудъ опустошаетъ ряды лондонскихъ булочниковъ, и тѣмъ не менѣе лондонскій рабочій рынокъ всегда переполненъ нѣмецкими булочниками, кандидатами на тотъ свѣтъ. Гончарное производство, какъ мы видѣли, есть отрасль промышленности съ наименьшею продолжительностью жизни рабочаго. но терпитъ ли, поэтому, гончарное производство недостатокъ въ рабочихъ? Josiah Wedgwood, изобрѣтатель современнаго гончарнаго производства, самъ по происхожденію простой рабочій, заявилъ въ 1785 г. предъ Палатой Общинъ, что во всемъ этомъ производствѣ занято отъ 15 до 20,000 человѣкъ [107]). Въ 1861 г. населеніе городскихъ только центровъ этой промышленности въ Великобританіи составляло 101,302. «Хлопчатобумажная промышленность существуетъ 90 лѣтъ... Въ продолженіе 3 поколѣній англійской расы она пожрала 9 поколѣній хлопчатобумажныхъ рабочихъ» [108]). Правда, въ отдѣльныя эпохи лихорадочнаго подъема на рабочемъ рынкѣ замѣчался серьезный недостатокъ предложенія, такъ, напр., въ 1834 г. Но господа фабриканты предложили Poor Law Commissioners присылать «избытокъ населенія» земледѣльческихъ округовъ на сѣверъ, указывая

[106]) Cairns l. c. p. 110, 111.

[107]) John Ward: «History of the Borough of Stoke-upon-Trent. London 1843», p. 42.

[108]) Рѣчь Ferrand'a въ «House of Commons» отъ 27 апрѣля 1863 г.

на то, что «фабриканты поглотятъ и потребятъ его» [109]). Это были ихъ подлинныя слова. «Въ Манчестеръ были назначены агенты съ согласія Poor Law Commissioners. Были изготовлены списки земледѣльческихъ рабочихъ и переданы этимъ агентамъ. Фабриканты отправились въ бюро, и, когда они выбрали то, что имъ было нужно, цѣлыя семейства были высланы съ юга Англіи. Эти транспорты людей были доставлены съ этикетами, какъ тюки товаровъ, по каналамъ и на телѣгахъ.—нѣкоторые плелись пѣшкомъ, многіе же зря, полуголодные, блуждали по мануфактурнымъ округамъ. Это развилось въ настоящую отрасль торговли. Палата Общинъ едва повѣрить этому; эта правильная торговля, это барышничество человѣческимъ мясомъ развилось до того, что люди покупались и продавались манчестерскими агентами манчестерскимъ фабрикантамъ, такъ же правильно, какъ негры—хлопчатобумажнымъ плантаторамъ южныхъ штатовъ... 1860 г. знаменуетъ собой апогей хлопчатобумажной промышленности... Опять чувствовался недостатокъ рукъ. Фабриканты опять обратились къ торговцамъ человѣческимъ мясомъ... и послѣдніе обошли дюны Dorset'a, холмы Devon'a и равнины Wilts'a, но избыточное населеніе было уже поглощено». «Bury Guardian» жаловался, что послѣ заключенія англо-французскаго торговаго трактата могло бы быть поглощено еще 10,000 рукъ, и вскорѣ понадобятся дальнѣйшія 30 или 40,000. Послѣ того, какъ агенты и субъ-агенты по торговлѣ человѣческимъ мясомъ обошли въ 1860 г. почти безрезультатно земледѣльческіе округа, «депутація фабрикантовъ обратилась къ г-ну Villiers, президенту Poor Law Board, съ просьбой опять разрѣшить привозъ бѣдныхъ дѣтей и сиротъ изъ рабочихъ домовъ (Workhouses» [110]).

---

[109]) «That the manufacturers would absorb it and use it up. Those were the very words used by the cotton manufacturers». l. c.

[110]) l. c. При всемъ своемъ желаніи угодить фабрикантамъ, Villiers былъ «закономъ» поставленъ въ такое положеніе, что долженъ былъ отклонить предложеніе фабрикантовъ. Эти господа достигли однако своей цѣли, благодаря податливости мѣстныхъ попечительствъ о бѣдныхъ. Г-нъ A. Redgrave, фабричный инспекторъ, увѣряетъ, что на этотъ разъ система, по которой сироты и дѣти пауперовъ «закономъ» разсматриваются какъ ученики (apprentices) «не сопровождалась тѣми злоупотребленіями, какъ раньше»—(объ этихъ «злоупотребленіяхъ» ср. Engels l. c.). Въ одномъ случаѣ однако «произошло злоупотребленіе этой системой по отношенію къ дѣвушкамъ и молодымъ женщинамъ, которыя были перевезены изъ земледѣльческихъ округовъ Шотландіи въ Lancashire и Cheshire». По этой «системѣ» фабрикантъ заключаетъ контрактъ на опредѣленный періодъ съ администраціей дома для призрѣнія бѣдныхъ. Онъ прокармливаетъ, одѣваетъ дѣтей, даетъ имъ квартиру и кромѣ того маленькую денежную прибавку. Слѣдующее замѣчаніе г-на Redgrave звучитъ особенно странно, если принять во вниманіе, что даже среди періодовъ процвѣтанія англійской хлопчатобумажной промышленности 1860 годъ особенно выдѣляется, что тогда заработная плата была особенно высока, потому что необычайный спросъ на трудъ совпалъ съ обезлюдѣніемъ Ирландіи, съ безпримѣрнымъ выселеніемъ изъ англійскихъ и шотландскихъ земледѣльческихъ округовъ въ Австралію и въ Америку, съ положительнымъ уменьшеніемъ населенія въ нѣкоторыхъ англійскихъ земледѣльческихъ округахъ, происшедшимъ отчасти отъ истощенія жизненной силы рабочихъ, отчасти же отъ того, что избыточное населеніе уже ранѣе было «сыто» торговцами человѣческимъ мясомъ. И, несмотря

Въ общемъ, опытъ обнаруживаетъ передъ капиталистомъ постоянное перенаселеніе, т. е. перенаселеніе, сравнительно съ существующей въ данную минуту потребностью стремящагося къ самовозрастанію капитала въ рабочихъ рукахъ, хотя бы перенаселеніе это и состояло изъ истощенныхъ, скоро вымирающихъ, быстро вытѣсняющихъ другъ друга, такъ сказать, скошенныхъ до наступленія зрѣлости человѣческихъ поколѣній [111]). Конечно, съ другой стороны, опытъ показываетъ вдумчивому наблюдателю, какъ быстро и глубоко капиталистическое производство, которое, съ исторической точки зрѣнія, родилось лишь вчера, подточило корни народной силы, какъ вырожденіе промышленнаго населенія замедляется только постояннымъ поглощеніемъ болѣе здороваго населенія деревень, и какъ даже сельскіе рабочіе начинаютъ вымирать, несмотря на свѣжій воздухъ и на полное господство среди нихъ начала «естественнаго подбора», дающаго развиваться только крѣпкимъ индивидуумамъ [112]).

на все это, Redgrave говоритъ: «Къ этому роду труда, (т.-е. къ труду дѣтей изъ домовъ для призрѣнія бѣдныхъ) обращаются только тогда, когда нельзя найти другого труда, такъ какъ это дорогой трудъ (high priced labour). Обыкновенная заработная плата мальчика 13 лѣтъ составляетъ около 4 шиллинговъ въ недѣлю; но совершенно невозможно за 4 шилл. въ недѣлю призрѣвать, кормить, одѣвать, снабжать медицинской помощью и соотвѣтствующимъ надзоромъ и еще давать маленькую денежную плату 50 или 100 мальчикамъ (Rep. of the Insp. of Factories for 30 thetpril 1860». p. 27). Г-нъ Redgrave забываетъ намъ сказать, какъ самъ рабочій можетъ доставить все это своему мальчику за его заработную плату въ 4 шилл., если фабрикантъ не можетъ этого сдѣлать для 50 или 100 мальчиковъ, которые вмѣстѣ живутъ, питаются и пользуются присмотромъ. Для предупрежденія ложныхъ заключеній, которыя могутъ быть выведены изъ текста, я долженъ здѣсь замѣтить, что, со времени подчиненія Factory Act 1850 г. съ его регулированіемъ рабочаго времени и т. д., англійская хлопчатобумажная промышленность должна разсматриваться какъ образцовая промышленность въ Англіи. Англійскій хлопчатобумажный рабочій во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ выше своего континентальнаго собрата по профессіи. «Прусскій фабричный рабочій работаетъ по крайней мѣрѣ на 10 часовъ въ недѣлю больше своего англійскаго соперника, если же онъ работаетъ дома за своимъ собственнымъ ткацкимъ станкомъ, то добавочное рабочее время не знаетъ даже и этихъ предѣловъ». (Rep. of Insp. of Fact. 31 st Oct. 1855» p. 103). Вышеупомянутый фабричный инспекторъ Redgrave ѣздилъ послѣ промышленной выставки 1851 г. на континентъ, спеціально во Францію и въ Пруссію, чтобы изучить тамошній фабричный бытъ. Онъ говоритъ слѣдующее о прусскомъ фабричномъ рабочемъ: «Онъ получаетъ плату, достаточную для пріобрѣтенія той простой пищи и того небольшого комфорта, къ которымъ онъ привыкъ и которыми довольствуется... Онъ живетъ хуже и работаетъ тяжелѣе, чѣмъ его англійскій соперникъ». (Rep. of. Insp. of. Fact. 31 et Oct. 1853» p. 8).

[111]) «Рабочіе, исполняющіе чрезмѣрный трудъ, умираютъ съ поразительной быстротой; но мѣста погибшихъ тотчасъ же опять заполняются, и частая смѣна лицъ нисколько не измѣняетъ общаго характера сцены». «England and America. London 1833», t. I 55. (E. G. Wakefield).

[112]) См.: «Public Health. Sixth Report of the Medical Officer of the Privy Council. 1863», опубликованный въ Лондонѣ, въ 1864 г. Этотъ отчетъ говоритъ именно о земледѣльческихъ рабочихъ. «Графство Sutherland изображали какъ графство, въ которомъ сдѣланы были большія улучшенія, но новѣйшія изслѣдованія показали,

Капиталъ, имѣющій такія «основательныя причины» отрицать страданія окружающаго его рабочаго населенія, въ своей практикѣ такъ же не считается съ перспективой будущей гибели человѣчества, т.-е. неизбѣжнаго его вымиранія, какъ съ возможностью паденія земли на солнце. При всякой акціонерной спекуляціи каждый знаетъ, что когда-нибудь наступитъ гроза, но каждый надѣется, что она коснется только его сосѣда, послѣ того какъ самъ онъ соберетъ и припрячетъ въ вѣрное мѣстечко золотой дождь. Après moi le déluge!—таковъ девизъ всякаго капиталиста и всякой капиталистической націи. Капиталъ, поэтому, не обращаетъ вниманія на здоровье и продолжительность жизни рабочаго, если не вынуждается къ этому обществомъ [113]). На жалобы на физическое и умственное уродованіе, преждевременную смерть, пытку чрезмѣрнаго труда онъ отвѣчаетъ: «Sollte diese Qual uns quälen, da sie unsre Lust vermehrt» [съ какой стати эти мученія будутъ насъ безпокоить, разъ они увеличиваютъ наше наслажденіе (прибыль)]? Но въ общемъ это даже и не зависитъ отъ доброй или злой воли отдѣльнаго капиталиста. Въ свободной конкурренціи имманентные законы капиталистическаго производства даютъ знать о себѣ отдѣльному капиталисту, какъ принудительно дѣйствующіе внѣшніе законы [114]).

что здѣсь въ округахъ, славившихся нѣкогда красотой населенія и храбростью солдатъ, населеніе выродилось въ тощую и уродливую расу. Въ самыхъ здоровыхъ мѣстностяхъ, на склонахъ холмовъ, вблизи моря лица дѣтей такія худыя и блѣдныя, какія можно только встрѣтить еще въ гнилой атмосферѣ лондонскихъ закоулковъ» (Thornton, l. c. p. 74, 75). На самомъ дѣлѣ они похожи на тѣхъ «30.000 gallant Highlanders» (храбрыхъ шотландцевъ), которыхъ Глазго помѣщаетъ въ своихъ «wynds» и «closes» вмѣстѣ съ проститутками и ворами.

[113]) «Хотя здоровье населенія и составляетъ очень важный элементъ національнаго капитала, однако, мы готовы, признаться, что капиталисты вовсе не расположены беречь и цѣнить это сокровище... Фабрикантовъ вынудили обращать вниманіе на здоровье рабочихъ. («Times», 5 № 60 br. 1861), «Жители West Riding» сдѣлались суконщиками для всего человѣчества.... и здоровье рабочаго населенія при этомъ было принесено въ жертву, въ два поколѣнія вся раса выродилась бы, если бы не наступила реакція. Часы дѣтскаго труда были ограничены и т. д.» («Report of the Registrar General for October 1861)».

[114]) Мы видимъ, поэтому, напр., что въ началѣ 1863 г. 26 фирмъ, владѣющихъ общирными гончарными заводами въ Staffordshire, — между ними также фирма J. Wedgwood and Sons,—ходатайствуютъ въ особой запискѣ «о насильственномъ вмѣшательствѣ государства». «Конкурренція съ другими капиталистами» дѣлаетъ для нихъ невозможнымъ «добровольное» ограниченіе рабочаго времени дѣтей и т. д. «Какъ сильно мы ни жалѣемъ о вышеупомянутомъ злѣ, его все же нельзя устранить какимъ-нибудь соглашеніемъ между фабрикантами... На основаніи всего сказаннаго, мы пришли къ убѣжденію, что необходимо прибѣгнуть закону» «Children's Emp. Comm. Rep. I 1863, p. 322».

Прибавленіе къ примѣчанію 114. Недавнее прошлое представляетъ намъ гораздо болѣе поразительный примѣръ. Высота цѣнъ хлопка въ періодъ лихорадочной промышленной дѣятельности побудила владѣльцевъ мануфактуръ въ Blackburn'ѣ сократить по общему соглашенію рабочее время на своихъ фабрикахъ на опредѣленный срокъ. Срокъ этотъ истекалъ приблизительно въ концѣ ноября (1871). Между тѣмъ болѣе богатые фабриканты, соединяющіе прядильное дѣло съ ткацкимъ, воспользовались этимъ сокращеніемъ производства для того, чтобы рас-

Установленіе нормальнаго рабочаго дня есть результатъ многовѣковой борьбы между капиталистомъ и рабочимъ. Но въ исторіи этой борьбы мы видимъ два противоположныхъ теченія. Сравнимъ, напр., англійское фабричное законодательство нашего времени съ англійскими рабочими статутами отъ 14-го до второй половины 18-го столѣтія [115]). Тогда какъ современные фабричные законы насильственно сокращаютъ рабочій день, старые статуты стараются насильственно его удлинить. Но во всякомъ случаѣ притязанія капитала въ эмбріональномъ его состояніи, когда онъ еще только образуется и когда онъ обезпечиваетъ себѣ свое право на всасываніе достаточнаго количества прибавочнаго труда не одною только силою экономическихъ условій, но и съ помощью государственной власти, являются очень и очень скромными по сравненію съ тѣми уступками, которыя онъ, ворча и сопротивляясь, долженъ дѣлать въ зрѣломъ возрастѣ. Нужны столѣтія для того, чтобы «свободный» рабочій, вслѣдствіе развитія капиталистическаго способа производства, добровольно соглашался, т.-е. былъ бы общественными условіями вынужденъ продавать все время своей дѣятельной жизни и даже самую свою способность къ труду (Arbeitsfähigkeit) за цѣну своихъ обыденныхъ средствъ существованія, свое право первородства за чечевичную похлебку. Поэтому, естественно, что то удлиненіе рабочаго дня, которое капиталъ старается съ половины 14-го до конца 17 го столѣтія велѣніемъ государственной власти навязать взрослымъ рабочимъ, совпадаетъ приблизительно съ границами рабочаго времени, тамъ и нынѣ указуемыми государствомъ во второй половинѣ 19 го столѣтія для превращенія дѣтской крови въ капиталъ. То, что теперь, напр., объявлено въ штатѣ Массачусетсъ, до послѣдняго времени самомъ свободномъ штатѣ сѣверо-американской республики, законнымъ предѣломъ труда дѣтей моложе 12 лѣтъ, составляло во второй половинѣ 17-го столѣтія въ Англіи нормальный рабочій день взрослыхъ ремесленниковъ, крѣпкихъ сельскихъ батраковъ и великановъ-кузнецовъ [116]).

ширить свое собственное и получить крупныя прибыли на счетъ мелкихъ мастеровъ. Въ крайней нуждѣ послѣдніе обратились къ фабричнымъ рабочимъ, приглашая ихъ вести серьезную агитацію за девятичасовой рабочій день и обѣщая съ своей стороны денежную поддержку для этой цѣли.

[115]) Эти рабочіе статуты, которые мы одновременно находимъ во Франціи, Нидерландахъ и т. д., были формально отмѣнены въ Англіи только въ 1813 г., послѣ того какъ на практикѣ они уже давно были устранены новыми условіями производства.

[116]) «Ни одно дитя моложе 12 лѣтъ не должно быть занимаемо ни въ какомъ мануфактурномъ заведеніи больше 10 часовъ въ день». «General Statutes of Massachusetts. 63, ch. 12. (Эти постановленія были изданы между 1836 — 1858 г.). «Трудъ, исполняемый въ продолженіе 10 часовъ въ день, будетъ разсматриваться какъ законный дневной трудъ для всѣхъ хлопчатобумажныхъ, шерстяныхъ, шелковыхъ, бумажныхъ, стеклянныхъ и льняныхъ фабрикъ, а также для фабрикъ желѣзныхъ и мѣдныхъ издѣлій. Вмѣстѣ съ этимъ предписывается, чтобы впредь ни одинъ малолѣтній, работающій на фабрикѣ, не былъ принуждаемъ къ труду болѣе 10 часовъ въ день или 60 час. въ недѣлю; впредь ни одинъ малолѣтній моложе 10 лѣтъ не долженъ быть допущенъ въ качествѣ рабочаго на какую-

Первый «Statute of Labourers» (23 Eduard III. 1349) имѣлъ своимъ поводомъ (не причиной, такъ какъ это законодательство продолжаетъ существовать цѣлые вѣка послѣ того, какъ исчезъ поводъ) великую чуму, скосившую населеніе, такъ что, какъ говоритъ одинъ торійскій писатель, «трудность найти рабочихъ по умѣреннымъ цѣнамъ (т.-е. по цѣнамъ, предоставляющимъ ихъ хозяевамъ прибавочное количество прибавочнаго труда) въ самомъ дѣлѣ стала невыносима» [117]). Закономъ, поэтому, предписана была разумная рабочая плата, а также предѣлы рабочаго дня. Послѣдній пунктъ, который только и интересуетъ насъ здѣсь, повторяется въ статутѣ 1496 г. (при Генрихѣ VII). Рабочій день для всѣхъ ремесленниковъ (artificers) и земледѣльческихъ рабочихъ съ марта до сентября долженъ былъ тогда продолжаться—хотя это никогда не исполнялось,—съ 5 часовъ утра до 7 или 8 вечера, но время, назначенное на ѣду, составляло: 1 часъ для завтрака, $1^1/_2$ часа для обѣда и $^1/_2$ часа для ужина въ 4 часа, т.-е. ровно вдвое больше, чѣмъ по дѣйствующему нынѣ фабричному закону [118]). Зимой работа должна была производиться съ 5 часовъ утра до сумерокъ, съ тѣми же перерывами. Статутъ Елисаветы отъ 1562 г. оставляетъ невзмѣнной длину рабочаго дня для всѣхъ рабочихъ, «нанимаемыхъ поденно и понедѣльно», но старается сократить свободные промежутки до $2^1/_2$ часовъ лѣтомъ и до 2 часовъ зимой. Обѣдъ долженъ продолжаться 1 часъ, а «получасовой послѣобѣденный сонъ» долженъ быть разрѣшенъ только между половиной мая и половиной августа. За каждый часъ отсутствія изъ платы вычитается 1 пенни. Но на практикѣ условія были болѣе благопріятны для рабочихъ, чѣмъ на бумагѣ. Отецъ политической экономіи и, нѣкоторымъ образомъ, изобрѣтатель статистики, William Petty, говоритъ въ одномъ сочиненіи, опубликованномъ имъ въ послѣдней трети 17 столѣтія: «Рабочіе (labouring men, собственно въ то время земледѣльческіе рабочіе) работаютъ 10 часовъ въ день и 20 разъ въ недѣлю

нибудь фабрику». «State of New Jersey. An Act to limit the hours of labour etc., 61 и 2». (Законъ 11 марта 1855). «Малолѣтніе, достигшіе 12 лѣтняго возраста и моложе 15 лѣтъ, могутъ быть занимаемы въ мануфактурныхъ заведеніяхъ не болѣе 11 часовъ въ день, и притомъ не ранѣе 5 ч. утра и не позже $7^1/_2$ часовъ вечера». «Revised Statutes of the state of Rhode Island etc. ch. 39, § 23, 1 st. July 1857».

[117]) «Sophisms of Free Trade. 7 th. edit. Lond. 1850», p. 205. Тотъ же самый тори прибавляетъ впрочемъ: «Парламентскіе акты, регулирующіе заработную плату въ ущербъ работнику и къ выгодѣ работодателя, существовали въ теченіе долгаго періода въ 464 года. Но народонаселеніе росло. Законы эти стали, наконецъ, налишними и обременительными». (l. c. p. 206).

[118]) J. Wade справедливо замѣчаетъ по поводу этого статута: «Изъ статута 1496 г. слѣдуетъ, что пища составляла тогда эквивалентъ $^1/_3$ дохода ремесленника и $^1/_2$ дохода земледѣльческаго рабочаго. Это свидѣтельствуетъ о большей независимости рабочихъ, чѣмъ та, которая господствуетъ теперь, когда пища какъ земледѣльческихъ, такъ и мануфактурныхъ рабочихъ составляетъ болѣе крупную долю ихъ заработной платы» (J. Wade, l. c. p. 24, 25 и 577). Достаточно бѣглаго взгляда на «Chronicon Pretiosum etc. By Bishop Fleetwood. 1-st edit. London 1707. 2 nd edit. London 1745», чтобы опровергнуть мнѣніе, что эта разница происходитъ отъ различія въ цѣнѣ теперь и тогда между пищевыми средствами и одеждой.

принимаютъ пищу, т.-е. въ рабочіе дни по 3 раза въ день, а по воскресеньямъ 2 раза. Изъ этого ясно, что если бы они постились по пятницамъ вечеромъ и употребляли на обѣдъ $1^1/_2$ часа, тогда какъ теперь они для этого употребляютъ 2 часа, отъ 11 до 1 часа пополудни, т. е. если бы они работали на $1^1/_{20}$ больше и потребляли на $^1/_{20}$ меньше, то могла бы быть получена $^1/_{10}$ вышеупомянутаго налога [119]). Развѣ докторъ Andrew Ure не былъ правъ, обзывая двѣнадцатичасовой билль 1833 г. возвратомъ въ вѣка тьмы? Правда, содержащіяся въ статутахъ и приводимыя Petty правила относятся также и къ «apprentices» (ученикамъ). Но въ какомъ положеніи находился дѣтскій трудъ еще въ концѣ 17 столѣтія, видно изъ слѣдующей жалобы: «Наши юноши, здѣсь въ Англіи, ничего не дѣлаютъ до поступленія въ ученики, и, поэтому, имъ, конечно, нужно много времени—7 лѣтъ, чтобы стать искусными рабочими». Германія, напротивъ того, прославляется за то, что тамъ дѣти съ колыбели уже «пріучаются дѣлать хоть что-нибудь» [120]).

Еще въ продолженіе большей части 18-го столѣтія, до эпохи крупной промышленности, капиталу не удалось въ Англіи, уплачивая недѣльную цѣнность рабочей силы, овладѣть всей недѣлей рабочаго. Исключеніе, однако, составляютъ земледѣльческіе рабочіе. То обстоятельство, что на четырехдневную плату они могли жать цѣлую недѣлю, не представлялось рабочимъ достаточнымъ

[119]) «W. Petty: Political Anatomy of Ireland. 1672. edit. 1691», p. 10.

[120]) «A Discourse on the Necessity of Encouraging Mechanick Industry. London 1869», p. 14. Macaulay, подѣлавшій англійскую исторію въ интересахъ виговъ и буржуазіи, говоритъ слѣдующее: «Обычай заставлять преждевременно работать дѣтей господствовалъ въ 17 столѣтіи почти въ невѣроятной для тогдашняго состоянія промышленности степени. Въ Norwich'ѣ, центрѣ шерстяной промышленности, дитя 6 лѣтъ считалось способнымъ къ труду. Разные писатели того времени—и между ними нѣкоторые, на которыхъ смотрѣли какъ на весьма благомыслящихъ—указываютъ съ «Exultation» (восторгомъ) на тотъ фактъ, что въ этомъ городѣ даже мальчики и дѣвочки создаютъ богатство, превышающее на 12.000 ф. ст. въ годъ ихъ собственное содержаніе. Чѣмъ лучше мы изучаемъ исторію прошедшаго, тѣмъ болѣе мы находимъ основанія для опроверженія того мнѣнія, что нашъ вѣкъ породилъ новыя соціальныя бѣдствія. Что дѣйствительно ново, это просвѣщеніе, открывающее эти бѣдствія, и гуманность, залѣчивающая ихъ». («History of England», v. I, p. 419). Macaulay могъ бы еще прибавить, что «необыкновенно благомыслящіе» amis du commerce въ 17 столѣтіи разсказываютъ съ «Exultation» о томъ, какъ въ одномъ рабочемъ домѣ въ Голландіи работало дитя 4 лѣтъ, и что этотъ примѣръ практической добродѣтели («vertue mise en pratique») фигурируетъ во всѣхъ сочиненіяхъ гуманистовъ à la Macaulay до времени А. Смита Вѣрно, что съ появленіемъ мануфактуры, въ отличіе отъ ремесла, появляются и слѣды эксплуатаціи дѣтей, которая въ извѣстной степени всегда существовала у крестьянъ и тѣмъ болѣе развита у нихъ, чѣмъ тяжелѣе ихъ, тяготѣющее надъ ними. Тенденція капитала въ мануфактурный періодъ уже вполнѣ явственна, по самые факты эксплуатаціи еще очень единичны, такъ же, какъ напр., рожденіе двухголовыхъ дѣтей. Поэтому, «amis du commerce», полные предчувствія ихъ будущаго значенія, съ «exultation» указываютъ на нихъ, какъ на особенно замѣчательные и достойные вниманія и подражанія. Тотъ же шотландскій сикофантъ и краснобай Macaulay прибавляетъ: «Мы теперь слышимъ только о регрессѣ, на дѣлѣ же видимъ только прогрессъ». Что за глаза, и въ особенности,—что за умъ!

основаніемъ работать и другіе два дня на капиталиста. Одна часть англійскихъ экономистовъ, состоявшая въ услуженіи у капитала, бѣшено обличала рабочихъ за это упорство, другая же часть защищала рабочихъ. Послушаемъ, напр., полемику между Postlethwayt'омъ, торговый словарь котораго пользовался въ то время такой же славой, какъ въ настоящее время аналогичныя сочиненія Mac Culloch'a и Mac Gregor'a, и уже выше цитированнымъ авторомъ «Essay on Trade and Commerce» [121]).

Postlethwayt говоритъ между прочимъ: «Я не могу закончить этихъ краткихъ замѣтокъ, не указавъ на очень распространенную тривіальную фразу, что если рабочій (industrious poor) можетъ въ 5 дней добыть средства къ существованію, то онъ не хочетъ работать полныхъ 6 дней.

«Отсюда они заключаютъ, что необходимо налогами или какими-нибудь другими средствами произвести вздорожаніе даже самыхъ необходимыхъ средствъ существованія, чтобы принудить ремесленника и мануфактурнаго рабочаго къ безпрерывному шестидневному труду въ недѣлю. Я прошу позволенія быть другого мнѣнія, чѣмъ эти великіе политики, отстаивающіе постоянное рабство рабочаго населенія этого королевства («the perpetual slavery of the working people»). Они забываютъ пословицу: «all work and no play» (сплошная работа безъ игры притупляетъ). Развѣ англичане не гордятся смышленностью и искусствомъ своихъ ремесленниковъ и мануфактурныхъ рабочихъ, доставившихъ англійскимъ товарамъ всеобщій кредитъ и славу? Что было причиной этого? Вѣроятно, не что иное какъ тѣ способы, которыми наши рабочіе умѣютъ развлекаться. Развѣ не притупилась бы ихъ смышленность, если бы они были вынуждены работать весь годъ по 6 дней въ недѣлю, постоянно исполняя одну и ту же работу; не превратило ли бы это ихъ изъ бодрыхъ и ловкихъ людей въ глупыхъ и вялыхъ? И развѣ, вслѣдствіе такого вѣчнаго рабства, наши рабочіе не потеряли бы своей репутаціи, вмѣсто того чтобы сохранить ее?.. Какого рода искусства въ работѣ могли бы мы ожидать отъ столь ужасно мучимыхъ животныхъ (hard driven animals)?.. Многіе изъ нихъ исполняютъ въ 4 дня столько работы, сколько французъ въ 5 или 6 дней. Но если англичане должны навсегда стать вьючными животными, то надо опасаться, чтобы они, выродившись (degenerate), не пали еще ниже французовъ. Если нашъ народъ извѣстенъ своей военной храбростью, то развѣ мы не скажемъ, что, съ одной стороны, этимъ онъ

[121]) Между обвинителями рабочихъ самымъ злобнымъ является упомянутый въ текстѣ анонимный авторъ сочиненія: «An Essay on Trade and Commerce containing Observations on Taxation etc. London 1770». Ранѣе онъ выступалъ уже въ своемъ сочиненіи: «Considerations on Taxation etc. London 1765». Къ этой категоріи надо причислить также нестерпимаго болтуна, настоящаго Полонія въ статистикѣ, Arthur Joung'a. Между защитниками рабочихъ выдаются: Jacob Vanderlint въ «Money answers all things. London 1734», «Rev. Nathaniel Forster, D. D. въ «An Enquiry in to the Causes of the Present Price of Provisions. London 1766», D-r Price, и въ особенности Postlethwayt, какъ въ прибавленіи къ его «Universal Dictionary of Trade and Commerce», такъ и въ «Great Britain's Commercial Interest explained and improved. 2-nd edit. Lond. 1755». Самые факты констатируются многими другими современными писателями, между прочимъ, Josiah Tucker'омъ.

обязанъ хорошему англійскому ростбифу и пуддингу, а, съ другой стороны— не менѣе того конституціонному духу свободы? Почему же большая смышленность, энергія и искусство нашихъ ремесленниковъ и мануфактурныхъ рабочихъ не могутъ быть слѣдствіемъ той свободы, съ которой они развлекаются по своему? Я надѣюсь, что они никогда впредь не лишатся ни этихъ привилегій, ни той хорошей обстановки жизни, изъ которой проистекаетъ одинаково какъ ихъ искусность въ работѣ, такъ и ихъ храбрость»! [122]).

Авторъ «Essay on Trade and Commerce» отвѣчаетъ на это слѣдующее: «Если празднованіе седьмого дня недѣли считается божественнымъ установленіемъ, то изъ этого слѣдуетъ, что другіе дни недѣли принадлежатъ труду (онъ хочетъ сказать—капиталу, какъ это сейчасъ будетъ видно), и нельзя назвать жестокимъ принужденіе къ исполненію этой божественной заповѣди... Что человѣчество вообще по природѣ своей склонно къ лѣни и праздности, это мы узнаемъ изъ фатальнаго опыта относительно поведенія нашей мануфактурной черни, которая въ среднемъ работаетъ не больше 4 дней въ недѣлю, за исключеніемъ случаевъ дороговизны средствъ существованія... Предположимъ, что бушель пшеницы составляетъ всѣ средства существованія рабочаго и стоитъ 5 шилл., и что рабочій своимъ трудомъ зарабатываетъ въ день 1 шиллингъ. Тогда ему нужно работать только 5 дней въ недѣлю, и только 4 дня, если бушель стоитъ 4 шилл. Но такъ какъ заработная плата въ нашемъ королевствѣ гораздо выше цѣны средствъ существованія, то мануфактурный рабочій, работающій 4 дня, обладаетъ излишкомъ денегъ, на который онъ живетъ праздно остальные дни недѣли... Я надѣюсь, что я достаточно сказалъ для того, чтобы выяснить, что умѣренный трудъ въ продолженіе 6 дней въ недѣлю не есть рабство. Наши земледѣльческіе рабочіе работаютъ такъ, и, по всѣмъ видимостямъ, они счастливѣйшіе между рабочими (labouring poor), [123]); голландцы же работаютъ столько же на мануфактурахъ и повидимому очень счастливый народъ. Французы, если оставить въ сторонѣ ихъ многочисленные праздники, работаютъ столько же [124])... Но наша чернь вбила себѣ въ голову, что ей, какъ англичанамъ, принадлежитъ по праву рожденія привилегія быть свободнѣе и независимѣе рабочаго населенія всякой другой страны въ Европѣ. И мысль эта, пока она вліяетъ на храбрость создатъ, можетъ приносить нѣкоторую пользу. Но чѣмъ меньше проникнуты ею мануфактурные рабочіе, тѣмъ лучше для нихъ самихъ и для государства. Рабочіе никогда не должны были бы считать себя независимыми отъ своихъ начальниковъ («independent of their superiors»)... Чрезвычайно опасно поощрять скопища (mobs) въ такомъ коммерческомъ го-

[122]) Postlethwayt, l. c. «First Preliminary Discourse», p. 14.

[123]) «An Essay etc.». Онъ самъ разсказываетъ на стр. 96, въ чемъ состояло уже въ 1770 г. «счастье» англійскихъ земледѣльческихъ рабочихъ. «Ихъ рабочая сила («their working powers») напряжена до крайней степени («on the stretch»); они не могутъ ни жить хуже, чѣмъ они теперь живутъ («they cannot live cheaper than they do»), ни работать тяжелѣе» («nor work harder»).

[124]) Протестантизмъ уже потому играетъ важную роль въ генезисѣ капитала, что онъ превращаетъ почти всѣ традиціонные праздники въ будни.

«ударствѣ, какъ наше, гдѣ можетъ быть $^7/_8$ всего населенія имѣютъ очень мало собственности или вовсе ея не имѣютъ [125])... Лѣченіе не будетъ полнымъ, пока наши промышленные бѣдняки не рѣшатся работать 6 дней за ту сумму, которую они теперь зарабатываютъ въ 4 дня» [126]). Для этой цѣли, такъ же какъ «для искорененія лѣности, распутства и романтическихъ бредней о свободѣ», т. е. «для уменьшенія налога въ пользу бѣдныхъ, содѣйствія промышленному духу и пониженія цѣны труда въ мануфактурахъ», нашъ вѣрный слуга капитала предлагаетъ испытанное средство—запереть тѣхъ рабочихъ, которые живутъ на счетъ общественной благотворительности, словомъ, такъ называемыхъ пауперовъ, въ «идеальный рабочій домъ» (an ideal workhouse). «Такой домъ долженъ стать домомъ ужаса («House of Terror») [127]). Въ этомъ «домѣ ужаса», въ этомъ «идеалѣ Workhouse'а» работа должна продолжаться 14 часовъ, включая сюда, впрочемъ, время ѣды, такъ чтобы чистой работы было полныхъ 12 часовъ» [128]).

12 рабочихъ часовъ въ день въ «идеальномъ Workhouse'ѣ», въ домѣ ужаса 1770 г.! Спустя 63 года, въ 1833 г., когда англійскій парламентъ ограничилъ въ 4 отрасляхъ промышленности рабочій день дѣтей отъ 13—18 лѣтъ полными 12 часами, то казалось, что пробилъ послѣдній часъ англійской промышленности. Когда въ 1852 году Луи Бонапартъ, чтобы утвердиться въ буржуазномъ обществѣ, захотѣлъ измѣнить установленный закономъ рабочій день, то весь французскій народъ возопилъ въ одинъ голосъ. «Законъ, сократившій рабочій день до 12 ч., есть единственное благо, которое осталось у насъ отъ законодательства республики» [129]). Въ Цюрихѣ трудъ дѣтей, старше 10 лѣтъ, ограниченъ 12 часами; въ Ааргау въ 1862 г. трудъ дѣтей 13—16 лѣтъ былъ сокращенъ съ $12^1/_2$ до 12 часовъ; въ Австріи въ

---

[125]) «An Essay etc.», p. 15, 41, 96, 97, 55, 57.

[126]) l. c. p. 69. Jacob Vanderlint объяснилъ уже въ 1734 г., что весь секретъ жалобъ капиталистовъ на лѣность рабочаго населенія заключается просто въ томъ, что они хотѣли имѣть за ту же плату 6 рабочихъ дней вмѣсто 4.

[127]) l. c. p. 242: «Такой идеальный рабочій домъ долженъ быть сдѣланъ «домомъ ужаса», а не убѣжищемъ для бѣдныхъ, гдѣ ихъ кормятъ досыта, тепло и прилично одѣваютъ, и гдѣ они очень мало работаютъ».

[128]) «In this ideal Workhouse the poor shall work 14 hours in a day, allowing proper time for meals, in such manner that there shall remain 12 hours of neatt la hour» (l. c.) «Французы», говоритъ онъ, «смѣются надъ нашими восторженными идеями о свободѣ». (l. c. p. 78).

[129]) «Они въ особенности возражали противъ работы свыше 12 часовъ въ день, потому что законъ, установившій предѣлы рабочаго дня, есть единственное благо, остающееся имъ отъ законодательства республики». (Rep. of Insp. of Fact. 31 st., Octob. 1856, p. 80). Французскій двѣнадцатичасовой законъ 5 сентября 1850 г., исправленное въ буржуазномъ смыслѣ изданіе декрета временнаго правительства 2 марта 1848 г., простирается на всѣ мастерскія безъ различія. До этого закона рабочій день во Франціи былъ неограниченъ. Онъ продолжался на фабрикахъ 14, 15 и болѣе часовъ. См. «Des classes ouvrières en France, pendant l'année 1848. Par M. Blanqui». Господинъ Blanqui—экономистъ, а не революціонеръ—былъ уполномоченъ государствомъ произвести послѣдованіе положенія рабочаго класса.

1860 г. для дѣтей между 14 и 16 годами также до 12 часовъ [130]). «Какой прогрессъ съ 1770 г.», захлебывались отъ восторга, восклицалъ бы Маколей? «Домъ ужаса» для пауперовъ, о которомъ душа капитала только еще мечтала въ 1770 г., осуществился, немного лѣтъ спустя, въ видѣ громаднаго «рабочаго дома» для самыхъ мануфактурныхъ рабочихъ. Этотъ рабочій домъ назывался фабрикой. И на этотъ разъ идеалъ блѣднѣлъ предъ дѣйствительностью.

6. Борьба за нормальный рабочій день. Принудительное ограниченіе рабочаго времени силою закона. Англійское фабричное законодательство 1833—1864.

Послѣ того какъ капиталу понадобились столѣтія, чтобы удлинить рабочій день до его нормальныхъ максимальныхъ предѣловъ и затѣмъ за эти предѣлы вплоть до границы, представляемой естественнымъ двѣнадцатичасовымъ днемъ [131]), съ появленіемъ на свѣтъ крупной промышленности въ послѣдней трети XVIII столѣтія началась бѣшеная скачка, напоминающая по своимъ опустошительнымъ дѣйствіямъ лавину. Всякія естественныя и бытовыя границы возраста, пола, дня и ночи были разрушены. Самыя понятія дня и ночи, по крестьянски простыя въ старыхъ статутахъ, стали столь расплывчатыми, что одинъ англійскій судья еще въ 1860 г. долженъ былъ проявить поистинѣ талмудическую проницательность, чтобы объяснить, съ авторитетомъ «судебнаго рѣшенія» (urtheilskräftig), что такое день и что такое ночь [132]). Капиталъ справлялъ свои оргіи.

---

[130]) Бельгія и по отношенію къ регулированію рабочаго дня оказывается образцовымъ буржуазнымъ государствомъ. Лордъ Howard de Walden, англійскій посланникъ въ Брюсселѣ, сообщаетъ въ рапортѣ Foreign Office'y отъ 12 мая 1862 г.: «Министръ Rogier объяснилъ мнѣ, что ни общіе законы страны, ни мѣстныя правила ни въ какомъ отношеніи не ограничиваютъ дѣтскаго труда, что послѣдніе 3 года правительство намѣревалось въ каждую сессію предложить палатамъ законъ по этому предмету; но оно всегда встрѣчало непреодолимое препятствіе въ томъ ревнивомъ страхѣ, съ которымъ палаты относятся ко всякому законодательству, противорѣчащему принципу полной свободы труда».

[131]) «Безъ сомнѣнія, достойно сожалѣнія, что какой-нибудь классъ людей вынужденъ ежедневно напрягать себя работою въ продолженіе 12 часовъ. Если къ этому прибавить время для принятія пищи и хожденія въ мастерскую и изъ мастерской, то это на самомъ дѣлѣ составитъ 14 часовъ изъ 24... Оставляя въ сторонѣ здоровье, никто, надѣюсь, не станетъ отрицать, что съ моральной точки врѣнія такое полное поглощеніе времени рабочаго класса, безъ всякаго перерыва, съ 13 лѣтняго возраста, а въ «свободныхъ» отрасляхъ промышленности съ еще болѣе ранняго возраста, чрезвычайно вредно и составляетъ ужасное зло... Въ интересахъ общественной нравственности, для воспитанія здороваго населенія и для доставленія народной массѣ возможности разумно пользоваться жизнью, необходимо стремиться къ тому, чтобы во всѣхъ отрасляхъ промышленности часть каждаго рабочаго дня оставалась для отдыха и досуга». (Leonhard Horner въ: «Insp. of Fact. Reports. 31 st Dec. 1841.»).

[132]) См. «Judgment of Mr. J. H. Otwey, Belfast, Hilary Sessions, County Antrim 1860».

Какъ только рабочій классъ, сперва оглушенный шумомъ производства, нѣсколько пришелъ въ себя, началось его сопротивленіе, прежде всего на родинѣ крупной промышленности, въ Англіи. Однако, въ продолженіе трехъ десятилѣтій завоеванныя имъ уступки оставались чисто номинальными. Парламентъ издалъ 5 законовъ о трудѣ съ 1802—1833 г., но онъ остерегался вотировать хоть копейку на ихъ принудительное исполненіе, необходимый служебный персоналъ и т. д. [133]). Законы эти оставались мертвой буквой. «Факты доказываютъ, что до закона 1833 г. дѣти и подростки изнурялись работой («were worked») цѣлую ночь, цѣлый день, или и то и другое ad libitum» [134]).

Только со времени закона 1833 г., относящагося къ хлопчатобумажнымъ, шерстянымъ, льнянымъ и шелковымъ фабрикамъ, нормальный рабочій день существуетъ для современной промышленности. Ничто такъ ярко не характеризуетъ духъ капитала, какъ исторія англійскаго фабричнаго законодательства съ 1833—1864 г.!

Законъ 1833 г. объявляетъ, что обыкновенный рабочій день на фабрикѣ долженъ начинаться въ $5^1/_2$ часовъ утра и кончаться въ $8^1/_2$ часовъ вечера. Въ этихъ границахъ, т. е. въ періодѣ въ 15 часовъ, законъ дозволяетъ употреблять подростковъ (т. е. лицъ между 13 и 18 годами) во всякое время дня, предполагая всегда, что каждое отдѣльное лицо будетъ работать не болѣе 12 часовъ въ продолженіе одного дня, за исключеніемъ извѣстныхъ и спеціально предусмотрѣнныхъ случаевъ. Отдѣлъ 6-ой этого закона постановляетъ, «что въ теченіе каждаго дня, каждому подростку, рабочее время котораго ограничено, должно быть предоставлено по крайней мѣрѣ $1^1/_2$ часа для принятія пищи».

Работа дѣтей моложе 9 лѣтъ, за однимъ исключеніемъ, которое мы упомянемъ ниже, была запрещена, трудъ же дѣтей отъ 9—13 лѣтъ ограниченъ 8 часами ежедневно. Ночной трудъ, т. е. согласно этому закону, трудъ отъ $8^1/_2$ вечера до $5^1/_2$ часовъ утра, былъ запрещенъ для всѣхъ лицъ между 9 и 18 годами.

Законодатели были настолько далеки отъ того, чтобы посягать на свободное высасываніе капиталомъ рабочей силы взрослыхъ людей или, по ихъ выраженію, на «свободу труда», что они изобрѣли спеціальную систему для предупрежденія такого возмутительнаго послѣдствія фабричнаго закона.

[133]) Очень характерно для режима Луи Филиппа, буржуазнаго короля, что единственный изданный при немъ фабричный законъ 22 марта 1841 г. никогда не былъ приведенъ въ дѣйствіе. И законъ этотъ касается только дѣтскаго труда. Законъ этотъ установляетъ 8 часовъ для дѣтей отъ 8—12 лѣтъ, 12 часовъ для дѣтей отъ 12—16 лѣтъ и т. д., со многими исключеніями, допускающими ночную работу даже для восьмилѣтнихъ дѣтей. Въ этой странѣ, гдѣ каждая мышь находится подъ полицейскимъ управленіемъ, наблюденіе за рабочими и привужденіе къ его исполненію были предоставлены доброй волѣ разныхъ «amis du commerce». Только съ 1853 г. въ одинъ департаментъ — Département du Nord — былъ назначенъ правительственный инспекторъ на жалованьѣ. Не менѣе характерно для развитія французскаго общества вообще то обстоятельство, что законъ Луи Филиппа до 1848 г. оставался единственнымъ въ своемъ родѣ продуктомъ фабрики, опутывающей всю Францію сѣтями законовъ.

[134]) «Rep. of Inspr. of Fact. 30 th. April 1860», p. 51.

«Самое большое зло фабричной системы, какъ она теперь организована», сказано въ первомъ отчетѣ центральнаго совѣта комиссіи отъ 25 іюня 1833 г., «состоитъ въ томъ, что она создаетъ необходимость растягивать рабочій день дѣтей до крайнихъ предѣловъ рабочаго дня взрослыхъ. Противъ этого зла единственнымъ средствомъ, помимо ограниченія труда взрослыхъ, которое породило бы зло, еще большее, чѣмъ нынѣ подлежащее устраненію, представляется планъ, состоящій въ употребленіи двойныхъ смѣнъ дѣтей». «Планъ» этотъ и былъ выполненъ подъ названіемъ смѣнной системы («System of Relays»; Relay по-англійски означаетъ то же, что и по французски: перемѣну почтовыхъ лошадей на различныхъ станціяхъ), такъ что, напр., съ $5^1/_2$ часовъ утра до $1^1/_2$ пополудни запрягается одна смѣна дѣтей между 9 и 13 годами, съ половины второго до половины девятаго вечера другая и т. д.

Въ награду за то, что господа фабриканты самымъ наглымъ образомъ игнорировали всѣ законы относительно дѣтскаго труда, изданные въ послѣдніе 22 года, имъ и на этотъ разъ позолотили пилюлю. Парламентъ постановилъ, что послѣ 1-го марта 1834 г. никто изъ дѣтей, моложе 11 лѣтъ, послѣ 1 марта 1835 г. никто изъ дѣтей, моложе 12 лѣтъ, и послѣ 1 марта 1836 г. никто изъ дѣтей, моложе 13 лѣтъ не долженъ работать на фабрикѣ больше 8 часовъ! Этотъ «либерализмъ», столь милостивый къ «капиталу», тѣмъ болѣе заслуживалъ признательности, что Dr. Farre, Sir A. Carlisle, Sir B. Brodie, Sir C. Bell, Mr. Guthrie и т. д., однимъ словомъ, извѣстнѣйшіе Physicians и surgeons (врачи и хирурги) Лондона, заявили въ своихъ свидѣтельскихъ показаніяхъ передъ Палатой Общинъ, что periculum in mora (въ промедленіи заключается опасность). Dr. Farre выразился еще болѣе рѣзко: «законодательство равно необходимо для предупрежденія смерти во всѣхъ видахъ, въ какихъ она можетъ быть преждевременно причинена, и, конечно, этотъ способъ (фабричный) долженъ быть разсматриваемъ, какъ одинъ изъ самыхъ жестокихъ методовъ причиненія ея» [135]). Тотъ же самый «реформированный» Парламентъ, который, изъ нѣжности къ господамъ фабрикантамъ, обрекалъ еще на долгіе годы дѣтей моложе 13 лѣтъ на адскій 72 часовой фабричный трудъ, наоборотъ, съ самаго начала запрещалъ плантаторамъ въ эмансипаціонномъ актѣ, который, впрочемъ, также давалъ свободу точно по каплямъ, употреблять на работу всякаго раба-негра болѣе 45 часовъ въ недѣлю!

Но капиталъ, нисколько не умилостивленный, началъ тогда многолѣтнюю и шумную агитацію. Она вращалась, главнымъ образомъ, вокругъ возраста той категоріи, которая, подъ названіемъ дѣтей, должна была работать только 8 часовъ и была подчинена извѣстнаго рода обязательному обученію. По капиталистической антропологіи дѣтскій возрастъ прекращался на десятомъ или, въ самомъ крайнемъ случаѣ, на одиннадцатомъ году. Чѣмъ болѣе приближался срокъ полнаго вступленія въ силу фабричнаго закона, роковой 1836 годъ, тѣмъ болѣе бѣсно-

[135]) «Legislation is equally necessary for the prevention of death, in any form in which it can be prematurely inflicted, and certainly this must be viewed as a most cruel mode of inflicting it».

валась кучка фабрикантовъ. Ей удалось на самомъ дѣлѣ такъ напугать правительство, что послѣднее предложило въ 1835 г. понизить предѣльный дѣтскій возрастъ съ 13 до 12 лѣтъ Между тѣмъ давленіе извнѣ (pressure from without) становилось все болѣе и болѣе угрожающимъ. И у Палаты Общинъ не хватило смѣлости. Она отказалась бросать 13-лѣтнихъ дѣтей больше чѣмъ на 8 часовъ въ день подъ колеса колесницы Джаггернаута—Капитала, и законъ 1833 г. получилъ полную силу. Онъ не подвергался никакимъ измѣненіямъ до іюня 1844 г.

Въ продолженіе десятилѣтія, когда онъ сначала только отчасти, а затѣмъ и всецѣло регулировалъ фабричный трудъ, оффиціальные отчеты фабричныхъ инспекторовъ полны жалобъ на невозможность его осуществленія на практикѣ. Такъ какъ законъ 1833 г. предоставлялъ господамъ капиталистамъ право въ 15 часовой періодъ между $5^1/_2$ ч. утра и $8^1/_2$ ч. вечера во всякое время заставлять всякаго «подростка» или всякое «дитя» начинать, прерывать и кончать 12 часовой или 8 часовой трудъ, а также позволялъ назначать различнымъ лицамъ различные часы для принятія пищи, то эти господа вскорѣ изобрѣли новую «Relayssystem», по которой рабочіе лошади не мѣняются на опредѣленныхъ станціяхъ, но вновь запрягаются на различныхъ станціяхъ. Мы не останавливаемся здѣсь на прелестяхъ этой системы, такъ какъ еще должны вернуться къ ней впослѣдствіи. Но съ перваго взгляда ясно, что она уничтожала весь фабричный законъ не только по духу, но и по буквѣ. Какъ могли фабричные инспектора вынуждать соблюденіе закономъ установленнаго времени для труда и принятія пищи при такой сложной отчетности относительно каждаго отдѣльнаго ребенка и подростка? Въ большей части фабрикъ опять стало безнаказанно царить прежнее жестокое безобразіе. На совѣщаніи съ министромъ внутреннихъ дѣлъ (1844) фабричные инспектора доказали невозможность какого бы то ни было контроля при вновь придуманной Relayssystem [136]). Между тѣмъ обстоятельства сильно измѣнились. Фабричные рабочіе, особенно съ 1838 г., сдѣлали 10-часовой билль своимъ экономическимъ лозунгомъ, какъ хартію (charter)—своимъ политическимъ. Даже часть фабрикантовъ, а именно тѣ, которые урегулировали свое производство согласно закону 1833 г., забрасывали парламентъ записками о безнравственной «конкурренціи» «вѣроломныхъ братьевъ», которымъ большее нахальство или болѣе благопріятныя мѣстныя условія дозволяли нарушеніе закона Притомъ, какъ бы сильно ни желали отдѣльные фабриканты дать полную волю своей жадности, ораторы и политическіе вожаки класса фабрикантовъ предписывали имъ другое поведеніе и другой языкъ по отношенію къ рабочимъ. Они предприняли тогда походъ противъ хлѣбныхъ пошлинъ и нуждались для побѣды въ помощи рабочихъ. Они обѣщали, поэтому, не только удвоенную порцію хлѣба, но и принятіе 10-часового билля при господствѣ тысячелѣтняго царства свободной торговли (Free Trade) [137]). Поэтому они совсѣмъ не могли бороться противъ мѣропріятія, которое должно было только сдѣлать дѣйствительнымъ актъ 1833 г. Когда же на

[136]) «Rep. of Insp. of Fact. 31 st October 1849», p. 6.

[137]) «Rep. of Insp. of Fact. 31 st, Oct. 1848», p. 98.

самый священный интересъ торіевъ—на поземельную ренту—надвинулась гроза, тогда они, наконецъ, разразились филантропическимъ громомъ и молніей противъ «безчестныхъ пріемовъ» [138]) своихъ враговъ.

Такъ появился на свѣтъ добавочный фабричный актъ 7-го іюля 1844 г. Онъ вступилъ въ силу 10-го сентября 1844 г. Онъ ставитъ подъ покровительство законовъ новую категорію рабочихъ, а именно женщинъ старше 18 лѣтъ. Онѣ во всѣхъ отношеніяхъ были приравнены къ подросткамъ: рабочее время ихъ ограничено 12 часами, ночной трудъ имъ запрещенъ и т. д. Въ первый разъ законодательство признало необходимость непосредственнаго и оффиціальнаго контроля также и за трудомъ совершеннолѣтнихъ. Въ фабричномъ отчетѣ 1844—1845 гг. говорится съ ироніей: «до нашего свѣдѣнія не дошло ни одного случая жалобы взрослыхъ женщинъ на это вмѣшательство въ ихъ права» [139]). Трудъ дѣтей моложе 13 лѣтъ былъ уменьшенъ до $6^1/_2$, а при извѣстныхъ условіяхъ до 7 часовъ въ день [140]).

Для устраненія злоупотребленій ложной «Relayssystem» законъ установилъ между прочимъ слѣдующія очень важныя детальныя правила: «Рабочій день для дѣтей и подростковъ считается съ того момента, когда какой-нибудь ребенокъ или подростокъ начинаетъ утромъ работать на фабрикѣ». Такъ что если *A* начинаетъ, напр., работать въ 8 часовъ, а *B* въ 10, то рабочій день *B* долженъ всетаки кончаться въ тотъ же часъ, какъ и рабочій день *A*. Начало рабочаго дня должно быть указываемо какими-нибудь общественными часами, напр., ближайшими желѣзнодорожными часами, съ которыми долженъ сообразоваться фабричный гудокъ. Фабрикантъ долженъ вывѣсить на фабрикѣ объявленіе, крупно напечатанное, въ которомъ обозначалось бы начало, конецъ и перерывы рабочаго дня. Дѣти, начинающія свой трудъ до полудня, не должны быть употребляемы на работу послѣ 1 часа пополудни. Смѣна дѣтей послѣ полудня должна состоять изъ другихъ дѣтей, чѣмъ до полудня. $1^1/_2$ часа для принятія пищи должны быть предоставлены всѣмъ ограженнымъ закономъ рабочимъ въ одно и тоже время дня, и по крайней мѣрѣ—одинъ часъ до 3 часовъ пополудни. Дѣти или подростки не должны быть употребляемы на работу до 1 часу пополудни болѣе 5 часовъ безъ перерыва, по крайней мѣрѣ въ полчаса, для завтрака. Дѣти, подростки или женщины не должны во время принятія пищи оставаться въ мастерской, въ которой происходитъ какой-нибудь процессъ труда и т. д. Итакъ, мы видимъ: эти мелочныя правила, столь однообразно на военный ладъ по свистку регулирующія время, границы и перерывы труда, не были ни въ какомъ случаѣ продуктомъ парламентскихъ измышленій. Они выросли постепенно на почвѣ данныхъ экономическихъ условій, какъ естественные законы современнаго способа про-

[138]) Впрочемъ Leonhard Horner оффиціально употребляетъ выраженіе: «nefarious practices» (преступные пріемы) («Reports of Insp. of Fact. 31-st October 1859». p. 7).

[139]) «Rep. etc. for 30 th. Sept. 1844», p. 15.

[140]) Законъ этотъ разрѣшаетъ примѣнять трудъ дѣтей въ продолженіе 10 часовъ въ день, если они работаютъ не ежедневно, а черезъ день. Въ общемъ эта оговорка не имѣла никакого значенія.

изводства. Ихъ формулированіе, оффиціальное признаніе и провозглашеніе государствомъ были результатомъ продолжительной классовой борьбы. Однимъ изъ ближайшихъ ихъ послѣдствій было то, что на практикѣ рабочій день взрослыхъ мужчинъ долженъ былъ быть подвергнутъ тѣмъ же ограниченіямъ, такъ какъ въ большинствѣ процессовъ производства нельзя обойтись безъ участія дѣтей, подростковъ и женщинъ. Поэтому, въ общемъ въ періодъ 1844—1847 гг. во всѣхъ отрасляхъ промышленности, подчиненныхъ фабричному законодательству, господствовалъ единообразный 12-часовой рабочій день.

Фабриканты однако согласились на этотъ «шагъ впередъ» только потому, что былъ сдѣланъ вознаграждающій ихъ «шагъ назадъ». По ихъ настоянію палата общинъ понизила съ 9 до 8 лѣтъ минимальный возрастъ для подлежащихъ фабричной обработкѣ дѣтей, съ цѣлью обезпечить капиталу принадлежащее ему по божескимъ и человѣческимъ законамъ прежнее «добавочное предложеніе фабричныхъ дѣтей» [141]).

Годы 1846—1847 составляютъ эпоху въ экономической исторіи Англіи. Отмѣна хлѣбныхъ пошлинъ, уничтоженіе ввозныхъ пошлинъ на хлопокъ и другіе сырые матеріалы, провозглашеніе принципа свободной торговли путеводной звѣздой законодательства! Однимъ словомъ, наступило тысячелѣтнее царство. Съ другой стороны, въ тѣ же самые годы чартистское движеніе и агитація въ пользу десятичасового рабочаго дня достигли своей высшей точки. Это движеніе нашло себѣ союзниковъ въ душившихъ мѣстью торн. Несмотря на фанатическое сопротивленіе цѣлой арміи сторонниковъ свободной торговли, съ Брайтомъ и Кобденомъ во главѣ, десятичасовой биллъ, предметъ столь долгихъ стремленій, прошелъ черезъ парламентъ.

Новый фабричный актъ 8-го іюня 1847 г. постановлялъ, что съ 1-го іюля 1847 г. наступаетъ предварительное сокращеніе рабочаго дня «подростковъ» (съ 13—18 лѣтъ) и всѣхъ работницъ—до 11 час., съ 1-го же мая 1848 г. вступаетъ въ силу окончательное ограниченіе ихъ рабочаго времени 10 часами. Во всемъ остальномъ законъ этотъ представлялъ только простую поправку къ законамъ 1833 и 1834 гг.

Капиталъ предпринялъ предварительную кампанію, чтобы воспрепятствовать полному осуществленію закона 1-го мая 1848 г. А именно сами рабочіе должны были, якобы научепные опытомъ, помочь въ разрушеніи своего собственнаго созданія. Моментъ былъ ловко выбранъ. «Надо помнить, что вслѣдствіе ужаснаго кризиса 1846—1847 гг. среди фабричныхъ рабочихъ господствовала ужасная нищета, такъ какъ многія фабрики работали только короткое время, нѣкоторыя же были совершенно остановлены. Значительная часть рабочихъ находилась, поэтому, въ самомъ стѣсненномъ положеніи; многіе были кругомъ въ долгахъ. Поэтому, можно было почти съ рѣшительною увѣренностью допустить, что они предпочтутъ болѣе длинное рабочее время, чтобы

[141]) «Такъ какъ уменьшеніе часовъ труда дѣтей причинитъ привлеченіе къ труду большаго числа ихъ, то полагали, что добавочное предложеніе дѣтей (additional supply), отъ 8 до 9 лѣтъ покрыло бы увеличившійся на нихъ спросъ» (l. c. p. 13).

возмѣстить прошлыя потери, уплатить долги или выкупить свою мебель изъ ломбарда, замѣнить проданное имущество новымъ, пріобрѣсти новую одежду для себя самихъ и для своихъ семействъ [142]). Господа фабриканты постарались увеличить естественное дѣйствіе этихъ обстоятельствъ всеобщимъ понижеміемъ заработной платы на 10%. Это произошло, такъ сказать, на торжествѣ освященія новой эры свободной торговли. Затѣмъ послѣдовало дальнѣйшее пониженіе на $8^1/_2$% при сокращеніи рабочаго дня до 11 часовъ и еще на столько же—при окончательномъ сокращеніи его до 10 часовъ. Итакъ, вездѣ, гдѣ только обстоятельства это дозволяли, было произведено пониженіе заработной платы по крайней мѣрѣ на 25% [143]). При такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ была организована среди рабочихъ агитація въ пользу отмѣны закона 1847 г. При этомъ не пренебрегали никакими средствами: обманомъ, соблазномъ, угрозами. Но все было напрасно. Относительно полудюжины петицій, въ которыхъ рабочіе жаловались на «притѣсненіе ихъ закономъ», петиціонеры сами заявили при устномъ допросѣ, что подписи ихъ были вынужденныя. «Они, конечно, терпятъ притѣсненія, но отъ кого-то другого, а не отъ фабричнаго закона» [144]). Но если фабрикантамъ не удалось заставить рабочихъ говорить въ своемъ духѣ, то тѣмъ громче они сами кричали въ прессѣ и парламентѣ отъ имени рабочихъ. Они выставляли фабричныхъ инспекторовъ чѣмъ-то въ родѣ комиссаровъ конвента, которые безжалостно приносили несчастнаго рабочаго въ жертву своимъ бреднямъ объ усовершенствованіи міра. Но и этотъ маневръ не удался. Фабричный инспекторъ Leonhard Horner произвелъ самъ при содѣйствіи своихъ помощниковъ многочисленные допросы въ фабрикахъ Ланкашира. Около 70% допрошенныхъ рабочихъ высказались за 10 часовъ, значительно меньшій процентъ за 11 часовъ и только самое ничтожное меньшинство за прежніе 12 часовъ [145]).

Другой «мирный» маневръ заключался въ томъ, чтобы заставлять взрослыхъ рабочихъ мужчинъ работать отъ 12 до 15 часовъ и затѣмъ указывать на этотъ фактъ, какъ на самое лучшее выраженіе самыхъ сокровенныхъ желаній пролетаріевъ. Но «немилосердный» фабричный инспекторъ Leonhard Horner былъ тутъ какъ тутъ. Большинство работавшихъ сверхъ установленнаго времени высказались за то, «что они предпочли бы работать 10 часовъ за меньшую плату,

---

[142]) Rep. of Insp. of Fact. 31 st Oct. 1848», p. 16.

[143]) «Я констатировалъ, что у рабочихъ, получающихъ 10 шиллинговъ въ недѣлю, вычитывали 1 шилл., вслѣдствіе общаго пониженія заработной платы на 10%, и затѣмъ еще 1 шилл. 6 пенсовъ, по причинѣ сокращенія рабочаго времени, всего 2 шилл. 6 пенсовъ, и тѣмъ не менѣе большинство крѣпко держалось за 10 часовой билль» (l. c.).

[144]) «Подписывая петицію, я въ то же самое время замѣтилъ, что, дѣлая это, я поступаю дурно.—Почему же вы ее подписали?—Потому что въ случаѣ отказа меня бы выбросили на мостовую.—Проситель въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ себя «притѣсненнымъ», но вовсе не фабричнымъ закономъ». (l. c. p. 102).

[145]) l. c. p. 17. Въ округѣ Horner'a было такимъ образомъ допрошено 10.270 взрослыхъ рабочихъ мужчинъ на 181 фабрикѣ. Ихъ показанія можно найти въ приложеніи къ отчету фабричнаго инспектора за полугодіе, истекающее въ октябрѣ 1848 г. Эти свидѣтельскія показанія представляютъ и въ другихъ отношеніяхъ весьма цѣнный матеріалъ.

но у нихъ не было выбора: среди нихъ такъ много безработныхъ, столько прядильщиковъ принуждены работать въ качествѣ простыхъ присучальщиковъ («piecers»), что если бы они отказались отъ болѣе продолжительнаго рабочаго времени, другіе тотчасъ же заняли бы ихъ мѣсто, такимъ образомъ для нихъ вопросъ сводился къ слѣдующему: или работать дольше, или остаться на мостовой» [146]).

Предварительная кампанія капитала не удалась, и десятичасовой законъ вступилъ въ силу 1-го мая 1848 г. Между тѣмъ фіаско чартистской партіи, вожаки которой были арестованы, и организація которой была разрушена, пошатнуло въ англійскихъ рабочихъ вѣру въ свои собственныя силы. Вскорѣ послѣ этого парижская іюньская революція и ея кровавое подавленіе соединили въ одинъ лагерь, какъ въ континентальной Европѣ, такъ и въ Англіи, всѣ фракціи господствующихъ классовъ, землевладѣльцевъ и капиталистовъ, биржевиковъ и лавочниковъ, протекціонистовъ и фритредеровъ, правительство и оппозицію, поповъ и вольнодумцевъ, молодыхъ блудницъ и старыхъ сквернницъ. Всѣхъ ихъ объединилъ одинъ общій кличъ о спасеніи собственности, религіи, семьи, общества. Рабочій классъ вездѣ подвергся опалѣ и отлученію и былъ поставленъ подъ дѣйствіе «loi des suspects» («законъ противъ неблагонадежныхъ»). Господамъ фабрикантамъ нечего было, поэтому, стѣсняться. Они открыто возстали не только противъ десятичасового закона, но и противъ всего законодательства, которое съ 1833 г. стремилось обуздать «свободное» высасываніе рабочей силы. Это было Proslavery Rebellion («бунтъ въ защиту рабства») въ миніатюрѣ, бунтъ, который поддерживался болѣе 2 лѣтъ, съ цинизмомъ, идущимъ напроломъ, съ террористической энергіей, тѣмъ болѣе что бунтующій капиталистъ рисковалъ только шкурой своихъ рабочихъ.

Для лучшаго пониманія нашего дальнѣйшаго изложенія нужно вспомнить, что фабричные акты 1833, 1844 и 1847 гг. всѣ еще сохраняли силу закона, поскольку одинъ не измѣнялъ другого; что ни одинъ изъ нихъ не ограничивалъ труда взрослыхъ мужчинъ старше 18 лѣтъ, и что съ 1833 года 15-часовой періодъ отъ половины шестого утра до половины девятаго вечера оставался законнымъ «днемъ», въ предѣлы котораго долженъ былъ укладываться сначала двѣнадцатичасовой, а затѣмъ десятичасовой трудъ подростковъ и женщинъ на основаніи постановленій закона.

Фабриканты начали тамъ и сямъ съ того, что отпустили часть, иногда даже половину, занятыхъ ими подростковъ и женщинъ и возстановили вмѣсто этого почти совсѣмъ уже забытый ночной трудъ взрослыхъ рабочихъ мужчинъ. Десятичасовой законъ, говорили они, не предоставляетъ имъ другой альтернативы [147])!

Второй шагъ былъ направленъ противъ установленныхъ закономъ перерывовъ для принятія пищи. Послушаемъ на этотъ счетъ фабричныхъ инспекторовъ: «Со времени ограниченія рабочихъ часовъ десятью часами, фабриканты

---

[146]) l. c. Смотри собранныя самимъ Leonhard'омъ Horner'омъ показанія № 69, 70, 71, 72, 92, 93, и собранныя помощникомъ инспектора A. № 51, 52, 58, 59, 62, 70 «Приложенія». Одинъ изъ фабрикантовъ самъ тоже подписъ чистаго вина. См. № 14 послѣ № 265 l. c.

[147]) «Reports etc. for 31-st. October 1848», p. 133, 134.

утверждаютъ, хотя на практикѣ они не доводятъ еще своего взгляда до его крайнихъ выводовъ, что когда работа продолжается, напр., съ 9 часовъ утра до 7 часовъ вечера, то они удовлетворяютъ предписаніямъ закона, давая 1 часъ для принятія пищи до 9 часовъ утра и $^1/_2$ часа послѣ 7 часовъ вечера, т.-е. $1^1/_2$ часа. «Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они разрѣшаютъ теперь употреблять $^1/_2$ часа или даже цѣлый часъ на обѣдъ, но утверждаютъ при этомъ, что они ни въ какомъ случаѣ не обязаны отдавать на это какую-нибудь часть $1^1/_2$ часовъ въ продолженіе десятичасового рабочаго дня»[148]). Такимъ образомъ, господа фабриканты утверждали, что крайне точно формулированныя постановленія закона 1844 г. о времени для принятія пищи давали только позволеніе рабочимъ ѣсть и пить до прихода на фабрику и по уходѣ съ нея, т.-е. у себя дома! И почему бы въ самомъ дѣлѣ рабочимъ не обѣдать до 9 часовъ утра. Коронные юристы рѣшили однако, что предписанные закономъ часы для принятія пищи «должны быть удѣлены во время дѣйствительнаго рабочаго дня, и что противозаконно заставлять работать 10 часовъ сряду, съ 9 часовъ утра до 7 часовъ вечера безъ перерыва»[149]).

Послѣ такихъ мирныхъ демонстрацій бунтующій капиталъ пустилъ въ ходъ средство, согласное съ буквой закона 1844 г., и, стало быть, легальное.

Хотя законъ 1844 г. запрещалъ употреблять послѣ 1 часа пополудни дѣтей 8—13 лѣтъ, которыя были заняты до полудня, но онъ нисколько не регулировалъ $6^1/_2$ часового труда тѣхъ дѣтей, рабочее время которыхъ начиналось въ полдень или послѣ полудня. Восьмилѣтнія дѣти могли, такимъ образомъ, быть занимаемы съ полудня до 1 часу, если ихъ рабочій день начинался въ полдень, одинъ часъ, съ 2 до 4 пополудни, 2 часа, и съ 5 до половины девятаго вечера, $3^1/_2$ часа, всего на всего дозволенные закономъ $6^1/_2$ часовъ. Или еще лучше: чтобы трудъ ихъ совпадалъ съ трудомъ взрослыхъ мужчинъ до $8^1/_2$ часовъ вечера, фабриканты не давали имъ никакой работы до 2 часовъ, а затѣмъ держали ихъ на фабрикѣ безъ перерыва до $8^1/_2$ часовъ вечера! «Теперь откровенно признается, что вслѣдствіе жадности фабрикантовъ и ихъ желанія пускать свои машины въ ходъ болѣе 10 часовъ, въ послѣднее время вошло въ обычай въ Англіи заставлять работать дѣтей обоего пола 8—13 лѣтъ до половины девятаго вечера, послѣ удаленія съ фабрики всѣхъ женщинъ и подростковъ, только со взрослыми мужчинами»[150]). Рабочіе и фабричные инспектора протестовали по моральнымъ и гигіеническимъ соображеніямъ. Но капиталъ отвѣчалъ:

> «На голову мою мои поступки
> Пусть падаютъ. Я требую суда
> Законнаго—я требую уплаты
> По векселю».

На самомъ дѣлѣ, по статистическому докладу нижней палаты 26 іюля 1850 г., несмотря на всѣ протесты, 15 іюля 1850 г. 3.742 человѣка дѣтей на 275 фабрикахъ подчинялись этой «практикѣ»[151]). Мало того: рысій глазъ

[148]) «Reports etc. for 30 th April 1848», p. 47.

[149]) «Reports etc. for 31st Oct. 1848», p. 130.

[150]) «Reports etc.» l. c. p. 42.

[151]) «Reports etc. for 31-st Oct. 1850», p. 5, 6.

капитала открылъ, что хотя законъ 1844 г. не разрѣшаетъ работать до полудня 5 часовъ безъ перерыва по крайней мѣрѣ въ 30 минутъ—для подкрѣпленія силъ, но что ничего подобнаго онъ не предписываетъ для труда послѣ полудня. Онъ, поэтому, требовалъ и добился права не только пользоваться трудомъ восьмилѣтнихъ дѣтей безъ перерыва съ 2—8½ вечера, но и заставлять ихъ голодать это время!

«Да, грудь его: такъ сказано въ росписке» *)

Это нѣкое чисто Шейлоковское настаиваніе на буквѣ закона [152]) 1844 г., поскольку онъ регулируетъ дѣтскій трудъ, должно было, однако, только подготовить открытое возмущеніе противъ того же самаго закона, поскольку онъ регулируетъ трудъ «подростковъ и женщинъ». Вспомнимъ, что главною цѣлью и основнымъ содержаніемъ этого закона было уничтоженіе «ложной Relayssystem». Фабриканты начали свое возмущеніе съ простого заявленія, что параграфы закона 1844 г., запрещающіе произвольное пользованіе трудомъ подростковъ и женщинъ въ любые короткіе промежутки 15 часового рабочаго дня, «оставались сравнительно безвредными (comparatively harmless), пока рабочее время было ограничено 12 часами. Но при десятичасовомъ законѣ они являются невыносимой несправедливостью» (hardship) [153]). Поэтому, фабриканты самымъ хладнокровнымъ образомъ заявили фабричнымъ инспекторамъ, что не станутъ обращать вниманія на букву закона и своей собственной властью опять введутъ прежнюю систему [154]). Это соотвѣтствуетъ также и интересамъ самихъ вводимыхъ въ заблужденіе рабочихъ, ибо «даетъ возможность платить имъ большую заработную плату». «Это единственный возможный способъ при десятичасовомъ законѣ сохранить промышленное верховенство Великобританіи» [155]). «Возможно, что нѣсколько трудно открыть неправильности при системѣ смѣнъ; но что за бѣда? (what of that?) Развѣ можно великіе промышленные интересы страны считать за вещь второстепенную, ради того, чтобы избавить фабричныхъ

*) Эта и предшествующая цитаты заимствованы изъ «Шейлока» Шекспира (Пер. П. Вейнберга).

[152]) Природа капитала остается та же самая, какъ въ его развитыхъ, такъ и въ его неразвитыхъ формахъ. Въ уложеніи, навязанномъ территоріи New-Mexico вліяніемъ рабовладѣльцевъ незадолго до начала американской гражданской войны, сказано: поскольку капиталистъ купилъ его рабочую силу, «рабочій есть его (капиталиста) деньги» («The labourer is his (the capitalist's) money»). Та же точка врѣнія господствовала у римскихъ патриціевъ. Деньги, ссуженныя ими должнику плебею, черезъ средства существованія превращались въ плоть и кровь этихъ должниковъ. Эта «плоть и кровь» представляла, поэтому, «ихъ (патриціевъ) деньги». Отсюда законъ 10 таблицъ, вполнѣ въ духѣ Шейлока! Мы оставляемъ совершенно безъ разбора вопросъ о вѣрности гипотезы Linguet относительно того, что патриціи-кредиторы отъ поры до времени устраивали пиршества по ту сторону Тибра и угощали своихъ гостей вареннымъ мясомъ должниковъ, равно какъ и степень вѣроятія гипотезы Daumer'а о христіанскомъ причащеніи.

[153]) «Reports etc. for 30 th. Apr. 1848», p. 28.

[154]) Между прочимъ, напр., филантропъ Ashworth въ своемъ квакерски отвратительномъ письмѣ къ Leonhard'y Horner'y. (Rep. Apr. 1849, p. 4).

[155]) l. c. p. 131.

инспекторовъ и ихъ помощниковъ отъ нѣкотораго лишняго труда и безпокойства» (some little trouble [156])?

Всѣ эти уловки не привели, разумѣется, ни къ чему. Фабричные инспектора поступали по закону и вчинали судебныя преслѣдованія.. Но вскорѣ на министра внутреннихъ дѣлъ, сэра George Grey, посыпался цѣлый градъ петицій отъ фабрикантовъ, такъ что въ циркулярѣ отъ 5-го августа 1848 г. онъ предписалъ фабричнымъ инспекторамъ «вообще не преслѣдовать нарушенія буквы закона, если не будетъ ясно констатировано злоупотребленіе системой смѣнъ съ цѣлью заставить женщинъ и дѣтей работать больше 10 часовъ». Вслѣдъ за этимъ фабричный инспекторъ J. Stuart разрѣшилъ такъ называемую систему смѣнъ въ продолженіе 15 часового періода рабочаго дня во всей Шотландіи, гдѣ она вскорѣ стала процвѣтать попрежнему; напротивъ. англійскіе фабричные инспектора заявили, что министръ не имѣетъ диктаторской власти отмѣнять законы и продолжали судебныя преслѣдованія противъ Proslavery rebels.

Но къ чему было привлеченіе къ суду, когда судебныя власти, такъ называемыя county magistrates [157]) постоянно оправдывали обвиняемыхъ? Въ этихъ судилищахъ господа фабриканты творили судъ надъ самими собой. Вотъ примѣръ. Нѣкій Eskrigge, представитель бумагопрядильной фирмы Kershaw, Leese et C°, представилъ фабричному инспектору своего округа планъ системы смѣнъ, предназначавшійся для его фабрики. Получивъ отказъ, онъ нѣкоторое время сидѣлъ смирно. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя какой-то субъектъ, по имени Робинзонъ, также бумагопрядильщикъ, если не Пятница, то во всякомъ случаѣ родственникъ Eskrigge, предсталъ предъ Borough Justices въ Стокпортѣ за введеніе у себя системы смѣнъ, тождественной съ выдуманной Eskrigge'омъ. Въ судѣ засѣдало четверо судей, изъ которыхъ трое были бумагопрядильные фабриканты и во главѣ ихъ—тотъ же неизбѣжный Eskrigge. Eskrigge оправдалъ Робинзона и объявилъ дозволенное Робинзону незапрещеннымъ и Eskrigge'у. Опираясь на свое собственное судебное рѣшеніе, онъ тотчасъ же ввелъ эту систему на своей собственной фабрикѣ [158]). Правда, уже самый составъ этого суда былъ явнымъ нарушеніемъ закона [159]). «Противъ такого рода судебныхъ фарсовъ,—говоритъ фабричный инспекторъ Howell, — должны быть приняты мѣры... Или законы должны быть измѣнены соотвѣтственно такимъ судебнымъ рѣшеніямъ, или же предоставьте примѣненіе закона суду, менѣе подверженному ошиб-

---

[156]) l. c. p. 140.

[157]) Эти «county magistrates», «great unpaid», какъ называетъ ихъ W. Cobbett, представляютъ нѣчто вродѣ безплатныхъ мировыхъ судей, назначаемыхъ изъ почетныхъ лицъ графства. Они составляютъ на самомъ дѣлѣ патримоніальный судъ господствующихъ классовъ.

[158]) «Reports etc. for 30 th April 1849», p. 21, 22. Ср. подобные же примѣры ibid. p. 4, 5.

[159]) На основаніи закона 1 и 2 Wm. IV, c. 24, s. 10, навѣстнаго подъ названіемъ фабричнаго закона сэра John Hobhouse'а, запрещается всякому владѣльцу бумагопрядильной или ткацкой фабрики, или отцу, сыну и брату такого владѣльца исполнять обязанности мирового судьи по дѣламъ, касающимся нарушеній фабричнаго закона.

камъ и пусть онъ согласуетъ свои рѣшенія съ закономъ... во всѣхъ подобныхъ случаяхъ. Какъ всѣ ждутъ платныхъ судей!» [160])

Коронные юристы объявили толкованіе фабрикантами закона 1848 г. нелѣпымъ, но спасители общества нимало не были этимъ смущены. «Послѣ того, какъ я напрасно старался,—говоритъ Leonhard Horner,—10 преслѣдованіями въ 7 различныхъ судебныхъ округахъ выпудить исполненіе закона, и только въ одномъ случаѣ былъ поддержанъ судьями... я считаю всякое дальнѣйшее преслѣдованіе обхода закона безполезнымъ. Та часть закона, которая была составлена, чтобы создать единообразіе рабочихъ часовъ... не существуетъ болѣе въ Ланкаширѣ. Съ другой стороны, я со своими подчиненными не имѣю рѣшительно никакого средства убѣдиться, что на фабрикахъ, гдѣ господствуетъ такъ называемая система смѣнъ, подростки и женщины не работаютъ болѣе 10 часовъ... Въ концѣ апрѣля 1849 г. уже 114 фабрикъ въ моемъ округѣ работали по этому методу, и число ихъ съ поразительной быстротой увеличивается за послѣднее время. Въ общемъ онѣ работаютъ теперь 13½ часовъ, отъ 6 часовъ утра до 7½ вечера; въ нѣкоторыхъ случаяхъ 15 часовъ, съ 5½ утра до 8½ вечера» [161]). Уже въ декабрѣ 1848 г. Leonhard Horner имѣлъ списокъ 65 фабрикантовъ и 29 фабричныхъ надзирателей, заявившихъ единогласно, что никакая система инспекціи не можетъ при этой системѣ смѣнъ пресѣчь самый экстенсивный чрезмѣрный трудъ [162]). Однихъ и тѣхъ же дѣтей и подростковъ передвигаютъ (shift) то изъ прядильной въ ткацкую и т. д., то въ продолженіе 15 часовъ съ одной фабрики на другую [163]). Какъ контролировать систему, «которая злоупотребляетъ словомъ смѣна, чтобы съ безграничнымъ разнообразіемъ смѣшивать руки, какъ карты, и такъ передвигать часы ежедневнаго труда и отдыха для различныхъ лицъ, что одинъ и тотъ же полный ассортиментъ рукъ никогда не работаетъ на томъ же самомъ мѣстѣ въ то же самое время» [164]).

Но совершенно независимо отъ дѣйствительно чрезмѣрнаго труда, такъ называемая система смѣнъ попросту была такимъ порожденіемъ фантазіи капитала, котораго и Фурье никогда не превзошелъ въ своихъ юмористическихъ эскизахъ «courtes séances», съ тою только разницей, что здѣсь притяженіе (attraction) труда превратилось въ притяженіе капитала. Стоитъ только разсмотрѣть схемы фабрикантовъ, которыя благонамѣренная пресса называла образцомъ того, «чего могутъ достичь разумная заботливость и методичность» («what a reasonable degree of care and method can accomplish»). Рабочій персоналъ подраздѣлялся иногда на 12—15 категорій, которыя, въ свою очередь, постоянно измѣнялись въ своемъ составѣ. Въ продолженіе 15-часового періода фабричнаго дня капиталъ притягивалъ рабочаго то на 30 минутъ, то на часъ и затѣмъ опять отталкивалъ его, чтобы потомъ снова привлечь на фабрику и

[160]) l. c.

[161]) «Reports etc. for 30-th April 1849», p. 5.

[162]) «Rep. etc. for 31-st Oct. 1849», p. 6.

[163]) «Rep. etc. for 30-th April 1849», p. 21.

[164]) «Rep. etc. 1 Dec. 1848», p. 95.

вновь вытолкнуть изъ нея, гоняя и изматывая рабочаго въ эти клочки времени, но не выпуская его изъ рукъ до тѣхъ поръ, пока онъ сполна не отдавалъ 10 часовъ своего труда. Какъ на театральныхъ подмосткахъ тѣ же персонажи должны были непремѣнно появляться въ различныхъ сценахъ различныхъ актовъ. И какъ актеръ принадлежитъ сценѣ во все продолженіе драмы, точно такъ же и тутъ рабочіе въ продолженіе 15 часовъ принадлежали фабрикѣ, не считая времени хожденія на нее и обратно. Часы отдыха превращались, такимъ образомъ, въ часы вынужденной праздности, которая гонитъ молодого рабочаго въ кабакъ, а работницу въ публичный домъ. При каждой новой выдумкѣ капиталиста, направленной на поддержаніе въ движеніи его машинъ въ продолженіе 12 или 15 часовъ— безъ увеличенія рабочаго персонала, рабочій принужденъ былъ проглатывать свою пищу то въ одинъ клочокъ времени, то въ другой. Во время десятичасовой агитаціи фабриканты кричали, что рабочая сволочь подаетъ петиціи въ надеждѣ получать 12 часовую заработную плату за 10 часовой трудъ. Теперь они перевернули медаль: теперь они платили 10 часовую заработную плату за рабочую силу, которая была въ ихъ распоряженіи въ теченіе 12 и 15 часовъ [165]). «Diess war des Pudels kern!» Это было, воистину, фабрикантское изданіе 10 часового закона! И авторами всего этого были тѣ же самые елейные, сочащіеся гуманностью сторонники свободной торговли, которые въ продолженіе десятилѣтней агитаціи противъ хлѣбныхъ пошлинъ до копѣйки высчитывали рабочимъ, что, разъ ввозъ хлѣба будетъ свободенъ, то 10 часового труда при средствахъ, которыми располагаетъ англійская промышленность, вполнѣ достаточно для обогащенія капиталистовъ [166]).

Двухлѣтній бунтъ капитала увѣнчался, наконецъ, рѣшеніемъ одного изъ 4 высшихъ судебныхъ мѣстъ Англіи, Court of Exchequer. По поводу одного случая, дошедшаго до него, этотъ судъ 8 февраля 1850 г., рѣшилъ, что хотя фабриканты поступаютъ противъ смысла закона 1844 г., но самый этотъ законъ содержитъ извѣстныя слова, дѣлающія его безсмысленнымъ. «Этимъ рѣшеніемъ 10 часовой законъ былъ отмѣненъ» [167]). Масса фабрикантовъ, которые до сихъ поръ опасались примѣнять систему смѣнъ къ подросткамъ и женщинамъ, теперь обѣими руками ухватились за нее [168]).

Но послѣ этой, повидимому, окончательной побѣды капитала тотчасъ произошла коренная перемѣна въ противоположную сторону. До сихъ поръ ра-

[165]) См. «Reports etc. for 30 th. April 1849», p. 6 и подробное объясненіе «shifting system», данное фабричными инспекторами Howell'емъ и Saunders'омъ въ «Reports etc. for 31 st. Oct. 1848». См. также петицію королевъ духовенства Ashton'а и окрестностей, поданную весной 1849 г. противъ «shift system.».

[166]) Ср. напр. «The factory Question and the Ten Hours Bill. By R. H. Greg. 1837».

[167]) F. Engels: «Die englische Zehnstundenbill» (въ издававшейся мною «Neue Rh. Zeitung. Politisch oekonomische Revue. Aprilheft 1850», p. 13). Тотъ же самый «высокій» судъ умудрился точно также во время американской гражданской войны найти въ законѣ, направленномъ противъ вооруженія пиратскихъ кораблей, такую закорючку, которая совершенно до полной противоположности извращала его смыслъ.

[168]) «Rep. etc. for 30 th. April 1850».

бочіе оказывали только пассивное, хотя и ежедневно возобновляющееся, неукротимое сопротивленіе.—теперь они стали громко протестовать и угрожать на митингахъ въ Ланкаширѣ и Іоркширѣ. Такъ называемый 10-часовой законъ есть простое надувательство, парламентскій обманъ: онъ никогда въ дѣйствительности не существовалъ! Фабричные инспектора настоятельно предостерегали правительство, указывая, что классовый антагонизмъ достигъ невѣроятнаго напряженія. Часть фабрикантовъ также роптала на то, что «благодаря противорѣчивымъ постановленіямъ судей господствуетъ совершенно ненормальное и анархическое положеніе вещей. Въ Іоркширѣ дѣйствуетъ одинъ законъ, въ Ланкаширѣ другой, въ какомъ нибудь приходѣ Ланкашира опять иной, и еще иной въ ближайшемъ его сосѣдствѣ. Фабриканты въ большихъ городахъ могутъ обходить законъ, по живущіе въ маленькихъ городахъ не находятъ необходимаго персонала для системы смѣнъ и того менѣе для передвиженія рабочихъ съ одной фабрики на другую и т. д.» Между тѣмъ равенство въ эксплуатаціи рабочей силы есть первое человѣческое право капитала.

При такихъ обстоятельствахъ состоялся между фабрикантами и рабочими компромиссъ, получившій парламентскую санкцію въ новомъ добавочномъ фабричномъ законѣ 5-го августа 1850 г. Для «подростковъ и женщинъ» рабочій день былъ удлиненъ въ первые 5 дней недѣли съ 10 до $10^1/_2$ часовъ, въ субботу же ограниченъ $7^1/_2$ часами. Работа должна производиться въ періодъ съ 6 часовъ утра до 6 ч. вечера [169]), съ полуторачасовыми перерывами для принятія пищи, которые должны быть даны одновременно, согласно постановленіямъ 1844 г. и т. д. Этимъ разъ навсегда былъ положенъ конецъ системѣ смѣнъ [170]). Для дѣтскаго труда остался въ силѣ законъ 1844 г.

Одна категорія фабрикантовъ обезпечила себѣ и на этотъ разъ, какъ и прежде, особыя вздѣльческія права (Seigneurialrechte) на дѣтей пролетаріевъ. Мы говоримъ о фабрикантахъ шелковыхъ издѣлій. Въ 1833 г. они грозно попили, что если ихъ лишатъ свободы держать на работѣ ежедневно въ продолженіе 10 часовъ дѣтей всякаго возраста, то это все равно, что остановить ихъ фабрики» (if the liberty of working children of any age for 10 hours a day was taken away, it would stop their Werks). Имъ де невозможно покупать достаточное число дѣтей старше 13 лѣтъ. И они вынудили желательную имъ привилегію. Выставленный ими предлогъ оказался при дальнѣйшемъ изслѣдованіи чистѣйшей ложью [171]), что, однако, не помѣшало имъ въ продолженіе 10 лѣтъ прясть шелкъ по 10 часовъ въ день изъ крови маленькихъ дѣтей, которыхъ для исполненія ихъ работы приходилось ставить на стулья [172]). За-

[169]) Зимой промежутокъ этотъ можетъ быть замѣненъ промежуткомъ отъ 7 часовъ утра до 7 часовъ вечера.

[170]) «Настоящій законъ (1850 г.) былъ компромиссомъ, въ силу котораго работники отказались отъ выгодъ 10-часового закона, чтобы въ замѣнъ того получить установленіе единообразнаго времени начала и окончанія работы тѣхъ, трудъ которыхъ ограниченъ закономъ», («Reports etc. for 30 th. April 1852», p. 14).

[171]) «Reports etc. for 30 th. Sept. 1844», p. 13.

[172]) l. c.

копъ 1844 г., правда, «лишилъ ихъ свободы» заставлять дѣтей моложе 11 лѣтъ работать долѣе $6^1/_2$ часовъ, но зато онъ обезпечилъ имъ привилегію употреблять на работу дѣтей между 11 и 13 годами ежедневно 10 часовъ и отмѣнилъ обязательное для другихъ фабричныхъ дѣтей посѣщеніе школы. На этотъ разъ предлогомъ служило то, что «тонкость шелковой ткани требуетъ чрезвычайной нѣжности пальцевъ, которая достигается только раннимъ поступленіемъ на фабрику [173]). Изъ-за нѣжности пальцевъ дѣтей отправляли на убой такъ же точно, какъ въ южной Россіи рогатый скотъ бьютъ только ради шкуры и сала. Наконецъ, въ 1850 г. привилегія, дарованная имъ, была ограничена мастерскими для мотанія и сученія шелка; но для вознагражденія капитала, лишеннаго своей «свободы», рабочее время дѣтей 11—13 лѣтъ было увеличено съ 10 часовъ до $10^1/_2$ подъ тѣмъ предлогомъ, что «трудъ на шелковыхъ фабрикахъ легче, чѣмъ на всѣхъ другихъ, и ни въ какомъ случаѣ не столь вреденъ для здоровья» [174]). Оффиціальное медицинское изслѣдованіе показало впослѣдствіи, что, наоборотъ, средняя смертность въ округахъ шелковаго производства исключительно высока и среди женской части населенія даже выше, чѣмъ въ хлопчатобумажныхъ округахъ Ланкашира» [175]). Несмотря на

[173]) «The delicate texture of the fabric in which they were employed requiring a lightness of touch, only to be acquired by their early introduction to these factories», (l. c. p. 20).

[174]) «Reports etc. for 31 st. Oct. 1861», p. 26.

[175]) l. c. p. 27. Въ общемъ рабочее населеніе, подчиненное фабричному закону, значительно поднялось въ физическомъ отношеніи. Всѣ медицинскія изслѣдованія единогласно свидѣтельствуютъ объ этомъ, и личныя наблюденія въ разные періоды также убѣдили меня въ этомъ. Тѣмъ не менѣе—даже помимо громаднаго процента смертности дѣтей въ первые годы жизни—оффиціальные отчеты доктора Greenhow указываютъ на неблагопріятное состояніе здоровья въ фабричныхъ округахъ, по сравненію съ «земледѣльческими округами съ нормальнымъ состояніемъ здоровья». Приводимъ для доказательства слѣдующую таблицу изъ его отчета 1861 г.:

Процентъ взрослыхъ мужчинъ, занятыхъ на мануфактурахъ	Смертность отъ легочныхъ болѣзней на каждые 100,000 мужчинъ.	Названія округовъ.	Смертность на каждыя 100,000 женщинъ.	Процентъ взрослыхъ женщинъ, занятыхъ на мануфактурахъ.	Родъ занятій женщинъ.
14,9	598	Wigan.....	644	18.0	Хлопчат. бум.
42.6	708	Blackburn.....	734	34,9	тоже
37,3	547	Halifax.....	564	20,4	Шерстяное (Worsted)
41,9	611	Bradford.....	603	30,0	тоже
31,0	691	Macclesfield...	804	26,0	Шелковое
14,9	588	Leek.....	705	17,9	тоже
36.6	721	Stoke-upon-Trente.....	665	19,3	Гончарное
30,4	726	Woolstanton...	727	13,9	тоже
	305	Восемь здоровыхъ земледѣльческихъ округовъ.	340		

повторяемые каждые полгода протесты фабричныхъ инспекторовъ, это безобразіе продолжается и до настоящаго времени [176]).

Законъ 1850 г. превратилъ для однихъ только «подростковъ и женщинъ» 15 часовой періодъ съ половины шестого утра до половины девятаго вечера, въ 12 часовой періодъ, съ 6 часовъ утра до 6 часовъ вечера. Но законъ не измѣнилъ ничего для дѣтей, которыхъ все-таки можно было по-прежнему ставить на работу за полчаса до начала и $2^1/_2$ часа по окончаніи этого періода, хотя общая продолжительность ихъ труда и не должна была превосходить $6^1/_2$ часовъ. Во время обсужденія закона фабричные инспектора представили парламенту статистику безсовѣстныхъ злоупотребленій, порожденныхъ этой аномаліей. Но все это было напрасно. За указанной аномаліей скрывалось намѣреніе съ помощью дѣтей довести рабочій день взрослыхъ рабочихъ въ годы процвѣтанія до 15 часовъ. Опытъ слѣдующихъ 3 лѣтъ показалъ, что такая попытка непремѣнно разбилась бы о сопротивленіе взрослыхъ рабочихъ мужчинъ [177]). Законъ 1850 г. былъ, поэтому, наконецъ, дополненъ въ 1853 г. запрещеніемъ «занимать дѣтей утромъ до начала и вечеромъ послѣ окончанія работы подростковъ и женщинъ». Съ этого момента фабричный законъ 1850 г. за немногими исключеніями, регулировалъ, въ подпавшихъ подъ его дѣйствіе отрасляхъ промышленности рабочій день всѣхъ рабочихъ [178]). Со времени обнародованія перваго фабричнаго закона въ этотъ годъ (1853) исполнилось полвѣка [179]).

Первоначальная сфера дѣйствія фабричнаго законодательства впервые была расширена изданіемъ «Printworks'Act'a» 1845 г. (закономъ о ситценепечатныхъ

[176]) Извѣстно, съ какой неохотой англійскіе фритредеры отказались отъ покровительственной пошлины въ пользу шелковой промышленности. Недостатокъ защиты противъ французскаго ввоза былъ возмѣщенъ беззащитностью англійскихъ фабричныхъ дѣтей.

[177]) «Reports etc. for 30 th. April 1853», p. 31.

[178]) Въ 1859 и 1860 гг., годы самаго высокаго процвѣтанія англійской хлопчатобумажной промышленности, нѣкоторые фабриканты старались предложеніемъ высокой заработной платы за прибавочное время побудить взрослыхъ рабочихъ мужчинъ-прядильщиковъ и т. д. къ удлиненію рабочаго дня. Но прядильщики, работающіе на ручныхъ станкахъ (Handmule), и работающіе на самодѣйствующихъ станкахъ (self-actor minders), положили конецъ этой опыткѣ запиской къ своимъ хозяевамъ, гдѣ они, между прочимъ, говорятъ: «Говоря напримѣръ, наша жизнь намъ въ тягость, и до тѣхъ поръ, пока мы остаемся почти 2 днями въ недѣлю (20 часовъ) долѣе другихъ рабочихъ прикованными къ фабрикѣ, мы чувствуемъ себя настоящими изгнаніями въ родной странѣ и упрекаемъ себя за то, что увѣковѣчиваемъ систему, вредную въ физическомъ и нравственномъ отношеніи намъ и нашему потомству... Поэтому, мы почтительнѣйше заявляемъ вамъ, что, начиная съ новаго года, мы не будемъ работать ни одной минуты долѣе 60 часовъ въ недѣлю, отъ 6 часовъ до 6, за вычетомъ законнаго перерыва въ $1^1/_2$ часа». («Reports etc. for 30 th. April 1860», p. 30).

[179]) Относительно средствъ, доставляемыхъ текстомъ этого закона для его же собственнаго нарушенія, см. Parliamentary Return: «Factory Regulations Acts» (6 aug 1859) и въ нихъ предложеніе Leonhard'a Horner'a «Suggestions for Amending the Factory Acts to enable the Inspectors to prevent illegal working, now become very prevalent».

фабрикахъ и т. д.). Неохота, съ которой капиталъ допустилъ новую «экстравагантность» («extravagance»), чувствуется въ каждой строчкѣ этого закона! Онъ ограничиваетъ рабочій день дѣтей отъ 8—13 лѣтъ и женщинъ 16 часами, между 6 часами утра и 10 часами вечера, безъ всякаго установленнаго закономъ перерыва для принятія пищи. Онъ дозволяетъ мужчинѣ старше 13 лѣтъ морить работой сколько угодно, весь день и всю ночь безъ перерыва [180]). Этотъ законъ—настоящій парламентскій выкидышъ [181]).

Тѣмъ не менѣе, побѣдивъ въ крупныхъ отрасляхъ промышленности, являющихся кровными дѣтищами современнаго способа производства, принципъ вмѣшательства окончательно восторжествовалъ. Поразительное развитіе этихъ отраслей промышленности съ 1853—1860 г., рядомъ съ физическимъ и нравственнымъ возрожденіемъ фабричныхъ рабочихъ, бросалось въ глаза даже самымъ слѣпымъ людямъ. Сами фабриканты, у которыхъ законодательное ограниченіе и регулированіе рабочаго дня было отвоевано шагъ за шагомъ въ полувѣковой гражданской войнѣ, съ хвастовствомъ указывали на контрастъ между ихъ отраслями промышленности и тѣми, которыя оставались еще «свободными» [182]). Фарисеи «политической экономіи» провозгласили сознаніе необходимости законодательнаго регулированія рабочаго дня характеристическимъ новымъ завоеваніемъ ихъ «науки» [183]). Легко понять, что, послѣ того какъ фабричные магнаты подчинились неизбѣжности и примирились съ ней, сила сопротивленія капитала постепенно слабѣла, между тѣмъ какъ въ то же самое время наступательная сила рабочаго класса возрастала вмѣстѣ съ числомъ его союзниковъ изъ тѣхъ слоевъ общества, которые не были непосредственно заинтересованы въ борьбѣ. Отсюда—сравнительно быстрый прогрессъ съ 1860 г.

Красильныя и бѣлильныя заведенія [184]) были подчинены въ 1860 г., кру-

[180]) «Въ послѣднее полугодіе (1857) дѣтей 8 лѣтъ и старше мучаютъ работой въ моемъ округѣ съ 6 часовъ утра до 9 часовъ вечера». («Reports etc. for 31 st. Oct. 1857», p. 39).

[181]) «Printworks Act» считается неудачнымъ закономъ, съ точки врѣнія какъ воспитательныхъ, такъ и его охранительныхъ цѣлей». («Reports etc. for 31 st Oct. 1862», p. 52).

[182]) Такъ напр. E. Potter въ письмѣ, помѣщенномъ въ Times отъ 24 марта 1863 г., Times напоминала ему о возмущеніи фабрикантовъ противъ 10 часового закона.

[183]) Между прочимъ W. Newmarch, сотрудникъ и издатель: «History of Prices» Tooke'a. Можно ли считать научнымъ прогрессомъ трусливыя уступки общественному мнѣнію?

[184]) Законъ о бѣлильныхъ и красильныхъ заведеніяхъ, изданный въ 1860 г., опредѣляетъ, что съ 1-го августа 1861 г. рабочій день долженъ быть предварительно ограниченъ 12 часами, съ 1-го же августа 1862 г. окончательно 10 часами, т. е. $10^1/_2$ часами по будиямъ и $7^1/_2$ часами по субботамъ. Но когда наступилъ вожделѣнный 1862 г. повторился старый фарсъ. Господа фабриканты обратились съ петиціей въ Парламентъ, въ которой просили разрѣшить 12 часовой рабочій день для женщинъ и подростковъ лишь еще на одинъ годъ... «При настоящемъ состояніи промышленности (во время хлопчатобумажнаго кризиса), говорили они, рабочіе получили бы громадную выгоду, если бы имъ было позволено работать ежедневно 12 часовъ и получать, такимъ образомъ, возможно большую заработную плату...

женныя и чулочныя фабрики въ 1861 г. фабричному закону 1850 г. Послѣдствіемъ перваго отчета «комиссіи о дѣтскомъ трудѣ» (1863), было то, что производство всевозможныхъ глиняныхъ издѣлій (не только гончарное), спичекъ, пистоновъ, патроновъ, обойныя фабрики, мастерскія по обрѣзкѣ пляса (fustian cutting) и тѣ многочисленные процессы, которые извѣстны подъ общимъ именемъ «finishing» (окончательная аппретура), подвергались той же участи. Въ 1863 г. «бѣлильныя заведенія на открытомъ воздухѣ» [185]) и булочныя были

Уже удалось было внести билль въ этомъ смыслѣ въ Нижнюю Палату, но онъ палъ вслѣдствіе агитаціи рабочихъ въ бѣлильныхъ заведеніяхъ Шотландіи». («Report etc. for 31-st Oct. 1862», p. 14, 15). Разбитый, такимъ образомъ, самими рабочими, отъ имени которыхъ онъ пытался говорить, капиталъ открылъ, съ помощью юридическихъ очковъ, что законъ 1860 г.,—который, подобно всѣмъ парламентскимъ законамъ, изданнымъ «въ защиту труда», составленъ въ запутанныхъ выраженіяхъ,—давалъ предлогъ исключить изъ числа лицъ, находящихся подъ его охраною, всѣхъ рабочихъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «calenderers» и «finishers». Англійская юриспруденція, всегда готовая къ услугамъ капитала, санкціонировала посредствомъ учрежденія, извѣстнаго подъ названіемъ «Common Pleas», это крючкотворство. «Это возбудило большое недовольство среди рабочихъ; очень жаль, что ясное намѣреніе законодательства уничтожается подъ предлогомъ недостаточно ясной формулировки». (l. c. p. 18).

[185]) Владѣльцы заведеній, бѣлящихъ матеріи «на открытомъ воздухѣ», не подчинялись закону 1860 г. «о бѣлильныхъ заведеніяхъ», благодаря ложному заявленію, что у нихъ нѣтъ ночного труда женщинъ. Ложь была открыта фабричными инспекторами, и въ то же самое время петиціи рабочихъ показали парламенту, что его представленія о пріятной и прохладной деревенской обстановкѣ, при которой происходитъ «бѣленіе на открытомъ воздухѣ», не соотвѣтствуютъ дѣйствительности,—при этомъ воздушномъ бѣленіи употребляются сушильни, температура которыхъ достигаетъ отъ 90 до 100 градусовъ по Фаренгейту, и въ которыхъ работаютъ по преимуществу дѣвушки. «Cooling» (охлажденіе)—это техническій терминъ для выбѣганія изъ сушильнъ на свѣжій воздухъ. «Въ сушильняхъ 15 дѣвушекъ. Жара доходитъ до 80—90° Фаренгейта для полотна, до 100° и болѣе для батиста (cambrics). 12 дѣвушекъ утюжатъ и складываютъ (батисты и т. д.) въ маленькой комнатѣ, занимающей около 10 кв. футовъ, посрединѣ которой находится печь. Дѣвушки стоятъ вокругъ этой печки, которая распространяетъ страшный жаръ во всѣ стороны, и быстро сушатъ батистъ для гладильщицъ. Число часовъ для этихъ рукъ неограничено. Когда дѣла идутъ хорошо, онѣ работаютъ до 9 или до 12 часовъ ночи много дней сряду». (Reports etc. for 31 st. Oct. 1862», p. 56). Одинъ врачъ заявляетъ: «для охлажденія не назначено особыхъ часовъ; но когда температура становится слишкомъ невыносимой, или руки работницъ становятся грязными отъ пота, имъ разрѣшается выйти на нѣсколько минутъ... Мой опытъ при лѣченіи болѣзней этихъ работницъ заставляетъ меня утверждать, что состояніе ихъ здоровья гораздо хуже состоянія здоровья работницъ на хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ (и капиталъ въ своихъ петиціяхъ Парламенту рисовалъ ихъ въ стилѣ Рубенса пышущими здоровьемъ!) Самыя распространенныя между ними болѣзни суть: чахотка, бронхитъ, маточныя болѣзни, истерія въ самой ужасной формѣ и ревматизмъ. Всѣ эти болѣзни происходятъ, по моему мнѣнію, прямо или косвенно отъ слишкомъ жаркой атмосферы мастерскихъ и отъ недостатка хорошей одежды, которая могла бы ихъ защитить отъ холоднаго и сырого ночного воздуха при возвращеніи домой съ фабрики въ зимніе мѣсяцы». (l. c. p. 56, 57). Фабричные инспектора замѣчаютъ по поводу добавочнаго закона 1863 г., навязаннаго веселымъ владѣльцамъ «бѣли-

подчинены особеннымъ законамъ, изъ которыхъ первый между прочимъ запрещаетъ ночной трудъ дѣтей, подростковъ и женщинъ (отъ 8 часовъ вечера до 6 часовъ утра), а второй работу булочныхъ подмастерьевъ, моложе 18 лѣтъ, между 9 часами вечера и 5 часами утра. Мы еще вернемся къ позднѣйшимъ предложеніямъ упомянутой комиссіи, которыя грозятъ лишить «свободы» всѣ важнѣйшія отрасли англійской промышленности за исключеніемъ земледѣлія, рудниковъ и транспорта [185a]).

7. Борьба за нормальный рабочій день. Вліяніе англійскаго фабричнаго законодательства на другія страны.

Читатель помнитъ, что производство прибавочной цѣнности или извлеченіе прибавочнаго труда составляетъ специфическое содержаніе и опредѣляющую цѣль капиталистическаго производства, совершенно независимо отъ измѣненій въ самомъ способѣ производства, проистекающихъ изъ подчиненія труда капиталу. Онъ помнитъ также, что съ той точки зрѣнія, которую мы до сихъ поръ развивали, только самостоятельный и полноправный рабочій въ качествѣ продавца товара вступаетъ въ сдѣлку съ капиталистомъ. Если, поэтому, въ нашемъ историческомъ очеркѣ, съ одной стороны, современная промышленность а, съ другой стороны, трудъ физически и юридически несовершеннолѣтнихъ играютъ главную роль, то первая представляла для насъ только особенную сферу, второй же только особенно яркій примѣръ высасыванія труда. Не предвосхищая, однако, дальнѣйшихъ выводовъ, изъ внутренней связи историческихъ фактовъ мы можемъ вывести слѣдующее.

Во-первыхъ: въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ вода, паръ и машины раньше всего произвели переворотъ, въ первыхъ созданіяхъ современнаго способа производства, въ хлопчатобумажныхъ, шерстяныхъ, льняныхъ и шелковыхъ прядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ, стремленіе капитала къ безграничному и безпощадному удлиненію рабочаго дня было прежде всего удовлетворено. Измѣненіе матеріальнаго способа производства и соотвѣтствовавшія ему

лень подъ открытымъ небомъ»: «Актъ этотъ не только не даетъ рабочимъ той защиты, которую онъ долженъ имъ дать, но онъ формулированъ такимъ образомъ, что защита эта наступаетъ только тогда, когда захватываютъ дѣтей и женщинъ послѣ 8 часовъ вечера, и даже тогда предписанный закономъ способъ доказыванія на судѣ обставленъ такими оговорками, что виновный всегда можетъ избѣгнуть наказанія» (l. c. p. 52). «Какъ актъ, преслѣдующій воспитательныя и гуманныя цѣли, онъ совершенно неудаченъ. Едва ли можно назвать гуманнымъ—дозволять женщинамъ и дѣтямъ или, что сводится къ тому же самому, принуждать ихъ работать по 14 часовъ въ сутки, иногда даже болѣе, съ перерывами для пріятія пищи или безъ нихъ, какъ случится, безъ опредѣленной границы по отношенію къ возрасту, безъ различія пола и безъ всякаго соображенія относительно общественныхъ привычекъ, господствующихъ въ семействахъ той мѣстности, гдѣ расположены бѣлильныя заведенія». («Reports etc. for 30 th. April 1863», p. 40).

185a) [Примѣч. ко 2-му изд.] Съ 1866 г., когда я писалъ то, что находится въ текстѣ, опять наступила реакція.

перемѣны въ соціальныхъ отношеніяхъ производителей [186]) создаютъ сначала чрезмѣрное расширеніе рабочаго дня и вызываютъ затѣмъ, въ видѣ реакціи, общественный контроль, направленный на ограниченіе и однообразное регулированіе законодательнымъ путемъ рабочаго дня съ его перерывами. Контроль этотъ, такимъ образомъ, является въ теченіе половины XIX столѣтія только въ видѣ исключительнаго законодательства [187]). Но лишь только оно завоевало первоначальную область господства новаго способа производства, оказалось, что тѣмъ временемъ не только многія другія отрасли промышленности подпали подъ настоящій фабричный режимъ, но и мануфактуры съ болѣе или менѣе устарѣлой техникой, какъ напр., гончарные и стеклянные заводы, такія старомодныя ремесла, какъ булочное, и даже, наконецъ, разбросанное, такъ называемое домашнее производство, напр., гвоздарное и т. д. [188]), давно уже подчинились такой же капиталистической эксплуатаціи, какъ и фабрика. Законодательство было, поэтому, вынуждено постепенно отрѣшиться отъ своего исключительнаго характера или тамъ, гдѣ оно, какъ въ Англіи, развивается на римскій манеръ—казуистично, объявить по произволу всякій домъ, въ которомъ работаютъ, фабрикой (factory) [189]).

Во-вторыхъ, исторія регулированія рабочаго дня въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства и продолжающаяся еще борьба за это регулированіе въ другихъ отрасляхъ ясно доказываютъ, что единичный рабочій, въ качествѣ «свободнаго продавца» своей рабочей силы, на извѣстной ступени капиталистическаго развитія, оказывается не въ силахъ сопротивляться натиску капитала. Установленіе нормальнаго рабочаго дня есть, слѣдовательно, результатъ продолжительной, болѣе или менѣе скрытой, гражданской войны между классомъ капиталистовъ и классомъ рабочихъ. Борьба эта началась въ области современной промышленности, и въ силу этого прежде всего она разыгрывается на родинѣ крупнаго производства, въ Англіи [190]). Англійскіе фабричные рабочіе были первыми застрѣль-

[186]) «Поведеніе этихъ классовъ (капиталистовъ и рабочихъ) было слѣдствіемъ того положенія, въ которое каждый изъ нихъ былъ поставленъ». («Reports etc. for 31 st. Oct. 1848», p. 113).

[187]) «Отрасли, подчиненныя ограниченіямъ, представляли разнаго рода текстильныя производства, пользующіяся силою пара или воды. Для того, чтобы какое-нибудь производство подвергалось инспекціи, требовалось два условія: во-1-хъ, чтобы въ немъ употреблялась сила пара или воды, и во-2-хъ, чтобы въ немъ обработывались извѣстнаго рода волокна». («Reports etc. for 31 st. October 1864», p. 8).

[188]) Чрезвычайно богатый матеріалъ о положеніи этой, такъ называемой, домашней промышленности мы находимъ въ послѣднихъ отчетахъ «Children's Employment Commission».

[189]) «Акты послѣдней сессіи (1864)... охватываютъ множество различныхъ производствъ, пріемы въ которыхъ чрезвычайно различны; употребленіе механической силы пара для приведенія машинъ въ движеніе не является болѣе непремѣннымъ условіемъ, какъ это было раньше, для того, чтобы промышленное заведеніе считалось фабрикой въ легальномъ смыслѣ этого слова». (Reports etc. for 31 st. Oct. 1863, p. 8).

[190]) Бельгія, этотъ рай континентальнаго либерализма, не обнаруживаетъ никакихъ слѣдовъ этого движенія. Даже въ каменноугольныхъ копяхъ и въ метал-

щиками не только англійскаго, но и вообще современнаго рабочаго класса, а ихъ теоретики первые бросили перчатку теоретикамъ капитала [121]). Фабричный философъ Ure клеймитъ въ качествѣ неизгладимаго позорнаго пятна на англійскомъ рабочемъ классѣ то, что на своемъ знамени, выставленномъ противъ капитала, который мужественно боролся за «полную свободу труда», англійскій рабочій написалъ «рабство фабричныхъ законовъ» [122]).

Франція медленно плетется по пятамъ Англіи. Для появленія на свѣтъ 12 часового закона [123]), который гораздо несовершеннѣе своего англійскаго оригинала, понадобилась февральская революція. Тѣмъ не менѣе, французскій революціонный методъ обнаруживаетъ особыя свойственныя ему преимущества. Однимъ ударомъ онъ диктуетъ всѣмъ мастерскимъ и фабрикамъ безъ различія однѣ и тѣ же границы рабочаго дня, между тѣмъ какъ англійское законодательство неохотно уступаетъ силѣ вещей то въ одномъ пунктѣ, то въ другомъ

лическихъ рудникахъ рабочіе безъ различія пола и возраста употребляются съ совершенной «свободой» во всякое время и въ продолженіе какого угодно времени. На каждую 1.000 занятыхъ въ этихъ производствахъ человѣкъ приходится 738 мужчинъ, 88 женщинъ, 135 мальчиковъ и 44 дѣвочки моложе 16 лѣтъ; при доменныхъ печахъ и т. п. на каждую 1.000 мужчинъ приходится 149 женщинъ, 98 мальчиковъ и 85 дѣвочекъ моложе 16 лѣтъ. Къ этому присоединяется низкая заработная плата за ужасную эксплуатацію зрѣлыхъ и незрѣлыхъ рабочихъ силъ, составляющая среднимъ числомъ 2 шиллинга 8 пенсовъ въ день для мужчинъ, 1 ш. 8 пенс. для женщинъ. 1 ш. $2^1/_2$ пенс. для несовершеннолѣтнихъ. Но зато Бельгія въ 1863 г., сравнительно съ 1850 г. почти удвоила свой вывозъ угля, желѣза и т. п., какъ по количеству, такъ и по цѣнности.

[121]) Когда Robert Owen вскорѣ послѣ перваго десятилѣтія нашего вѣка не только теоретически отстаивалъ необходимость ограниченія рабочаго дня, но и дѣйствительно ввелъ 10-часовой день на своей фабрикѣ въ New-Lanark'ѣ, его попытка была осмѣяна и сочтена за коммунистическую утопію, точно такъ же какъ его «соединеніе производительнаго труда съ воспитаніемъ дѣтей», какъ и вызванныя имъ къ жизни кооперативныя предпріятія рабочихъ. Въ настоящее время первая изъ этихъ утопій составляетъ фабричный законъ, вторая фигурируетъ какъ оффиціальная фраза во всѣхъ «Factory Acts», а третья служитъ даже для прикрытія всякаго рода реакціоннаго шарлатанства.

[122]) Ure, фр. перев. «Philosophie des Manufactures. Paris 1836, t. II, p. 39, 40, 67, 77 etc».

[123]) Въ Compte Rendu «Международнаго статистическаго конгресса въ Парижѣ, въ 1855», между прочимъ сказано: «Французскій законъ, ограничивающій продолжительность дневного труда въ фабрикахъ и мастерскихъ 12 часами, не устанавливаетъ постоянныхъ опредѣленныхъ часовъ для этого труда; только для лѣтняго труда предписывается періодъ между 5 часами утра и 9 часами вечера. Поэтому, часть фабрикантовъ пользуется правомъ, которое даетъ имъ это роковое умолчаніе,—заставлять работать сплошныя сутки за исключеніемъ, можетъ быть, воскресеній, безъ всякаго перерыва. Они для этого употребляютъ двѣ различныя смѣны рабочихъ, изъ которыхъ ни одна не остается въ мастерской болѣе 12 часовъ, между тѣмъ какъ работа въ заведеніи продолжается день и ночь безъ перерыва. Требованія закона удовлетворены, но удовлетворены ли также требованія гуманности? Не говоря уже о «разрушающемъ вліяніи ночного труда на человѣческій организмъ», нельзя не упомянуть о «гибельномъ вліяніи ночного сообщества обоихъ половъ въ однихъ и тѣхъ же жалко освѣщенныхъ мастерскихъ».

и всегда легко можетъ породить новую юридическую нескладницу, совершенно не поддающуюся распутыванію (einen neuen juristischen Rattenkönig) [194]). Съ другой стороны, французскій законъ сразу провозглашаетъ въ формѣ общаго начала то, что въ Англіи было завоевано только для дѣтей, несовершеннолѣтнихъ и женщинъ и лишь въ самое послѣднее время требуется какъ общій правовой принципъ [195]).

Въ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ всякое самостоятельное рабочее движеніе оставалось парализованнымъ до тѣхъ поръ, пока рабство обезображивало одну часть республики. Бѣлокожій трудъ не можетъ эмансипироваться тамъ, гдѣ чернокожій носитъ на себѣ позорное клеймо. Но на развалинахъ рабства тотчасъ же расцвѣла новая молодая жизнь. Первымъ плодомъ гражданской войны была агитація въ пользу восьмичасового рабочаго дня, которая семимильными шагами локомотива распространилась отъ Атлантическаго океана до Тихаго, отъ Новой Англіи до Калифорніи. Всеобщій рабочій конгрессъ въ Балтиморѣ (16 авг. 1866 г.) заявляетъ: «Первое и самое важное условіе въ настоящее время для освобожденія труда этой страны отъ капиталистическаго рабства есть изданіе такого закона, по которому 8 часовъ составляли бы нормальный рабочій день во всѣхъ штатахъ союза. Мы рѣшились употребить всѣ наши силы на то, чтобы достигнуть этого славнаго результата» [196]). Одновременно съ этимъ (въ началѣ сентября 1866 г.) «Международный рабочій конгрессъ» въ Женевѣ, по предложенію Лондонскаго генеральнаго совѣта, принялъ слѣдующее рѣшеніе: «Мы объявляемъ ограниченіе рабочаго дня предварительнымъ условіемъ, безъ котораго всѣ другія стремленія къ эмансипаціи должны потерпѣть крушеніе... Мы предлагаемъ 8 часовъ какъ легальную границу рабочаго дня».

---

[194]) «Въ моемъ округѣ, напр., одинъ и тотъ же фабрикантъ въ одной и той же фабрикѣ, какъ бѣлильщикъ и красильщикъ, подчиненъ «закону о бѣлильняхъ и красильняхъ», какъ ситцепечатникъ—«Printwork's Act'y» и какъ finisher—«фабричному закону»... (Report of Mr. Baker in «Reports etc. for 31 st. Oct. 1861», p. 20). Перечисливъ различныя постановленія этихъ актовъ и вытекающія отсюда осложненія, Baker говоритъ: «Мы видимъ, какъ трудно обезпечить исполненіе этихъ 3 парламентскихъ актовъ, если фабрикантъ задумается обходить законъ». Но зато господамъ юристамъ обезпечивается такимъ путемъ постоянное существованіе процессовъ.

[195]) Фабричные инспектора рѣшаются, наконецъ, сказать: «Эти возраженія (капитала противъ законодательнаго ограниченія рабочаго времени) должны пасть предъ широкимъ принципомъ правъ труда... есть время, когда прекращаются права хозяина на трудъ работника, когда время работника становится его собственнымъ временемъ, хотя бы силы его и не были еще истощены дневнымъ трудомъ». («Reports etc. for 31 st. Oct. 1862», p. 54).

[196]) «Мы, рабочіе Dunkirk'a заявляемъ, что требующаяся при современной системѣ продолжительность рабочаго дня слишкомъ велика и не оставляетъ рабочему времени для отдыха и развитія; она приводитъ его до такой степени порабощенія, которая не многимъ лучше рабства («a condition of servitude but little better than slavery») Поэтому, мы рѣшили, что 8 часовъ вполнѣ достаточно для рабочаго дня, и это время должно быть признано за таковое закономъ. Мы призываемъ на помощь печать, этотъ могущественный рычагъ... Всѣхъ тѣхъ, кто откажетъ намъ въ этомъ содѣйствіи, мы будемъ считать врагами реформы труда и правъ рабочихъ». (Постановленія рабочихъ Dunkirk'a, штатъ New-Iork, 1866).

Такимъ образомъ, рабочее движеніе, инстинктивно выросшее по обѣ стороны Атлантическаго океана изъ самихъ условій производства, санкціонируетъ слова англійскаго фабричнаго инспектора R. J. Saunders'a: «Никакіе дальнѣйшіе шаги по пути общественныхъ реформъ не могутъ быть успѣшными, если предварительно не будетъ ограниченъ рабочій день, и предписанный закономъ предѣлъ его не будетъ строго гарантированъ принужденіемъ» [197]).

Нужно сознаться, что нашъ рабочій выходитъ инымъ изъ процесса производства, чѣмъ онъ вступилъ въ него. На рынкѣ онъ являлся владѣльцемъ товара «рабочей силы» рядомъ съ другими товаровладѣльцами; одинъ товаровладѣлецъ противостоялъ другимъ товаровладѣльцамъ. Договоръ, по которому онъ продавалъ свою рабочую силу капиталисту, доказывалъ, такъ сказать, черно на бѣло, что онъ свободно распоряжается собою. По заключеніи сдѣлки оказывается, что онъ вовсе не былъ «свободнымъ агентомъ», что время, на которое онъ можетъ продавать свою рабочую силу, есть время, на которое онъ принужденъ ее продавать [198]), что на самомъ дѣлѣ вампиръ, который сосетъ его, не перестаетъ сосать до тѣхъ поръ, «пока еще остается хоть мускулъ, хоть нервъ, хоть капля крови для высасыванія» [199]). Для «защиты» противъ своего змѣя-мучителя рабочіе должны сплотиться и, какъ классъ, вынудить законъ, который являлся бы могущественнымъ общественнымъ препятствіемъ, не дающимъ имъ самимъ продавать себя и свое потомство по свободному договору съ капиталомъ на смерть и рабство [200]). На мѣсто пышнаго каталога «неотъемлемыхъ правъ человѣка» здѣсь является скромная Magna Charta законодательнаго ограниченія рабочаго дня, которая, «наконецъ, выяснитъ, когда кончается время, которое рабочій продаетъ, и когда начинается время, принадлежащее ему самому» [201]). Quantum mutatus ab illo!

---

[197]) «Reports etc. for 31 st. Oct. 1848», p. 112.

[198]) «Такой образъ дѣйствія (продѣлки капитала, напр., въ 1848—1850 гг.) кромѣ того неопровержимо доказали лживость увѣренія, столь часто повторяемаго, что рабочіе не нуждаются въ покровительствѣ, но что ихъ можно разсматривать какъ лицъ, свободно располагающихъ единственною своею собственностью, т. е. трудомъ рукъ своихъ и потомъ лица своего». («Reports etc. for 30 th. April 1850», p. 45). «Свободный трудъ, если его можно такъ назвать, даже и въ свободной странѣ требуетъ властной руки закона для своей защиты» («Reports etc. for 31 st. Oct. 1864», p. 34). «Позволить—это все равно что принудить... работать 14 часовъ въ день съ перерывами или безъ перерывовъ для принятія пищи и т. д.» («Reports etc. for 30 th. April 1863», p. 40).

[199]) Friedrich Engels, «Lage etc.», p. 5.

[200]) Въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя ему подчинены, 10-часовой билль «спасъ рабочихъ отъ полнаго вырожденія и охранилъ ихъ физическое здоровье». (Reports etc. for 31 st. Oct. 1859», p. 47). «Капиталъ (на фабрикахъ) никогда не можетъ поддерживать машины въ движеніи долѣе опредѣленнаго періода времени, не причиняя вреда здоровью и нравственности занятыхъ рабочихъ, а они находятся въ такомъ положеніи, что не могутъ сами себя защищать». (l. c. p. 8).

[201]) «Еще большимъ благодѣяніемъ является, наконецъ, ясно установленное различіе между собственнымъ временемъ рабочаго и временемъ его хозяина. Рабочій

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Уровень и масса прибавочной цѣнности.

Въ этой главѣ, какъ и прежде, мы предполагаемъ, что цѣнность рабочей силы, а, стало быть, и часть рабочаго дня, необходимая для воспроизведенія и поддержанія рабочей силы, есть величина данная, постоянная.

При такомъ предположеніи вмѣстѣ съ уровнемъ прибавочной цѣнности дана въ то же самое время и та масса ея, которую единичный рабочій доставляетъ капиталисту въ опредѣленный періодъ времени. Если, напр., необходимое рабочее время составляетъ 6 часовъ ежедневно, выраженныхъ въ количествѣ золота въ 3 шиллинга = 1 талеру, то 1 талеръ есть дневная цѣнность рабочей силы или авансированная на покупку рабочей силы капитальная цѣнность. Если, далѣе, уровень прибавочной цѣнности составляетъ 100%, то этотъ перемѣнный капиталъ въ 1 талеръ производитъ массу прибавочной цѣнности въ 1 талеръ, или рабочій доставляетъ ежедневно массу прибавочнаго труда въ 6 часовъ.

Но перемѣнный капиталъ есть денежное выраженіе совокупной цѣнности всѣхъ рабочихъ силъ, которыя капиталистъ одновременно употребляетъ. Его цѣнность равна, слѣдовательно, средней цѣнности одной рабочей силы, помноженной на количество употребленныхъ рабочихъ силъ. При данной цѣнности рабочей силы величина перемѣннаго капитала, такимъ образомъ, прямо пропорціональна количеству одновременно занятыхъ рабочихъ. Если дневная цѣнность одной рабочей силы = 1 талеру, то нужно авансировать капиталъ въ 100 талеровъ, чтобы эксплуатировать 100, въ n талеровъ, чтобы эксплуатировать ежедневно n рабочихъ силъ.

Точно также, если перемѣнный капиталъ въ 1 талеръ, т. е. дневная цѣнность одной рабочей силы, производитъ ежедневную прибавочную цѣнность въ 1 талеръ, то перемѣнный капиталъ въ 100 талеровъ произведетъ ежедневную прибавочную цѣнность въ 100 талеровъ, а капиталъ въ n талеровъ — ежедневную прибавочную цѣнность въ 1 тал. $\times n$. Масса произведенной прибавочной цѣнности равна, слѣдовательно, прибавочной цѣнности, произведенной въ рабочій день каждаго отдѣльнаго рабочаго, помноженной на число

знаетъ теперь, когда кончается проданное имъ время, и когда начинается его собственное время, и это знаніе даетъ ему возможность располагать заранѣе своими собственными минутами, соотвѣтственно своимъ нуждамъ». (l. c. p. 52). «Сдѣлавъ ихъ (рабочихъ) господами своего времени, они (фабричные законы) дали имъ нравственную энергію стремиться къ обладанію политической властью». (l. c. p. 47). Съ сдержанной ироніей и въ очень осторожныхъ выраженіяхъ фабричные инспектора намекаютъ въ своихъ отчетахъ, что настоящій 10-часовой законъ освободилъ также и капиталиста въ нѣкоторой степени отъ его первобытной грубости, которая дѣлала его голымъ воплощеніемъ капитала, и далъ ему время для нѣкотораго «образованія». Прежде «хозяева не имѣли времени ни для чего, кромѣ денегъ, рабочіе же не имѣли времени ни для чего, кромѣ труда». (l. c. p. 48).

занятыхъ рабочихъ. Но, такъ какъ далѣе, масса прибавочной цѣнности, произведенной каждымъ отдѣльнымъ рабочимъ, при данной цѣнности рабочей силы, опредѣляется уровнемъ прибавочной цѣнности, то мы получаемъ слѣдующій законъ: масса (количество) произведенной прибавочной цѣнности равна величинѣ авансированнаго перемѣннаго капитала, помноженнаго на уровень прибавочной цѣнности, или она опредѣляется сложнымъ отношеніемъ между числомъ одновременно эксплуатируемыхъ однимъ и тѣмъ же капиталистомъ рабочихъ силъ и степенью эксплуатаціи каждой отдѣльной рабочей силы.

Если мы, такимъ образомъ, обозначимъ количество прибавочной цѣнности черезъ M, среднюю дневную прибавочную цѣнность, произведенную отдѣльнымъ рабочимъ, черезъ m, перемѣнный капиталъ, ежедневно авансируемый на покупку каждой отдѣльной рабочей силы, черезъ v, общую сумму перемѣннаго капитала черезъ V, цѣнность средней рабочей силы черезъ k, степень ея эксплуатаціи черезъ $\frac{a'}{a}\left(\frac{\text{прибавочный трудъ}}{\text{необходимый трудъ}}\right)$ и количество занятыхъ рабочихъ черезъ n, то мы получимъ:

$$M = \begin{cases} \frac{m}{v} \times V \\ k \times \frac{a'}{a} \times n \end{cases}$$

Мы постоянно предполагаемъ, что не только цѣнность средней рабочей силы есть величина постоянная, но также, что занятые каждымъ отдѣльнымъ капиталистомъ рабочіе приравнены къ среднимъ рабочимъ. Бываютъ исключительные случаи, когда произведенная прибавочная цѣнность возрастаетъ не пропорціонально количеству эксплуатируемыхъ рабочихъ, но тогда и цѣнность рабочей силы не остается постоянной.

Въ производствѣ опредѣленной массы прибавочной цѣнности уменьшеніе одного фактора можетъ, такимъ образомъ, быть вознаграждено возрастаніемъ другого. Если перемѣнный капиталъ уменьшается и одновременно въ той-же пропорціи увеличивается уровень прибавочной цѣнности, то масса произведенной прибавочной цѣнности остается безъ перемѣны. Если при прежде принятыхъ нами предположеніяхъ капиталистъ долженъ авансировать 100 талеровъ, чтобы ежедневно эксплуатировать 100 рабочихъ, и если уровень прибавочной цѣнности составляетъ 50%, то этотъ перемѣнный капиталъ въ 100 доставляетъ прибавочную цѣнность въ 50 талеровъ, или въ 100×3 рабочихъ часовъ. Если уровень прибавочной цѣнности удваивается, или рабочій день удлиняется не съ 6 до 9, но съ 6 до 12 часовъ, то уменьшенный на половину перемѣнный капиталъ въ 50 талеровъ точно также доставляетъ прибавочную цѣнность въ 50 талеровъ, или 50×6 рабочихъ часовъ. Уменьшеніе перемѣннаго капитала, слѣдовательно, можетъ быть вознаграждено пропорціональнымъ повышеніемъ степени эксплуатаціи рабочей силы, или уменьшеніе количества занятыхъ рабочихъ—пропорціональнымъ удлиненіемъ рабочаго дня. Такимъ образомъ, въ извѣстныхъ границахъ—количество труда, которое можетъ быть выжато изъ рабочихъ, становится независимымъ отъ предложенія

рабочихъ рукъ [202]). Уменьшеніе уровня прибавочной цѣнности, наоборотъ, не измѣняетъ массы прибавочной цѣнности, если пропорціонально ему возрастаетъ величина перемѣннаго капитала или количество занятыхъ рабочихъ.

Тѣмъ не менѣе, такая замѣна числа рабочихъ или величины перемѣннаго капитала повышеніемъ уровня прибавочной цѣнности или удлиненіемъ рабочаго дня встрѣчаетъ границы, дальше которыхъ она не можетъ итти. Какова бы ни была цѣнность рабочей силы, составляетъ ли рабочее время, необходимое для поддержанія рабочаго 2 или 10 часовъ, общая цѣнность, которую одинъ рабочій можетъ изо дня въ день производить, всегда меньше цѣнности, въ которой овеществлены 24 рабочихъ часа, меньше 12 шиллинговъ, или 4 талеровъ, если они составляютъ денежное выраженіе 24 овеществленныхъ рабочихъ часовъ. При нашемъ прежнемъ предположеніи, по которому ежедневно необходимо 6 рабочихъ часовъ для воспроизведенія самой рабочей силы, или для возмѣщенія капитальной цѣнности, авансированной на ея покупку, перемѣнный капиталъ въ 500 талеровъ, занимающій 500 рабочихъ, при уровнѣ прибавочной цѣнности въ 100%, или при 12 часовомъ рабочемъ днѣ, производитъ ежедневно прибавочную цѣнность въ 500 талеровъ или 6×500 рабочихъ часовъ. Капиталъ въ 100 талеровъ, занимающій 100 рабочихъ при уровнѣ прибавочной цѣнности въ 200%, или при 18 часовомъ рабочемъ днѣ, производитъ только количество прибавочной цѣнности въ 200 талеровъ или 12×100 рабочихъ часовъ. И общая цѣнность произведеннаго имъ продукта, т. е. эквивалентъ авансированнаго перемѣннаго капитала плюсъ прибавочная цѣнность, никогда въ среднемъ не можетъ достигнуть суммы въ 400 талеровъ или 24×100 рабочихъ часовъ. Абсолютный предѣлъ средняго рабочаго дня, который, въ силу естественныхъ причинъ, всегда меньше 24 часовъ, составляетъ абсолютный предѣлъ для уменьшенія перемѣннаго капитала насчетъ повышенія уровня прибавочной цѣнности, или для уменьшенія числа эксплуатируемыхъ рабочихъ насчетъ повышенія степени эксплуатаціи рабочей силы. Этотъ очевидный законъ важенъ для объясненія многихъ явленій, вытекающихъ изъ той тенденціи капитала,—развитіе ея мы сѣемъ впослѣдствіи—, которая сводится къ возможно большему уменьшенію числа занимаемыхъ имъ рабочихъ, или перемѣнной его части, превращаемой въ рабочую силу, и которая находится въ противорѣчіи съ другой тенденціей капитала—производить возможно большую массу прибавочной цѣнности. Наоборотъ, если количество занятой рабочей силы или величина перемѣннаго капитала увеличивается, но не пропорціонально уменьшенію нормы прибавочной цѣнности, то уменьшается количество произведенной прибавочной цѣнности.

Изъ того, что масса или количество произведенной прибавочной цѣнности опредѣляется двумя факторами: уровнемъ прибавочной цѣнности и величиной

[202]) Этотъ элементарный законъ повидимому неизвѣстенъ господамъ представителямъ вульгарной экономіи. Эти Архимеды на пашанку воображаютъ, что въ опредѣленіи рыночной цѣны труда посредствомъ отношенія между спросомъ и предложеніемъ они нашли необходимую имъ точку опоры, но не для того, чтобы перевернуть міръ, а чтобы остановить его.

авансированнаго перемѣннаго капитала—вытекаетъ третій законъ. Если даны уровень прибавочной цѣнности, или степень эксплуатаціи рабочей силы, и цѣнность рабочей силы, или величина необходимаго рабочаго времени, то само собою понятно, что, чѣмъ больше перемѣнный капиталъ, тѣмъ больше произведенное количество цѣнности и прибавочной цѣнности. Если даны граница рабочаго дня, а также граница необходимой его части, то масса цѣнности и прибавочной цѣнности, произведенной отдѣльнымъ капиталистомъ, зависитъ, очевидно, исключительно отъ той массы труда, которую онъ приводитъ въ движеніе. Масса же эта, при данныхъ условіяхъ, зависитъ отъ массы рабочей силы, или отъ числа рабочихъ, которыхъ капиталистъ эксплуатируетъ, число же ихъ, въ свою очередь, опредѣляется величиной авансированнаго имъ перемѣннаго капитала. При данномъ уровнѣ прибавочной цѣнности и при данной цѣнности рабочей силы произведенныя количества или массы прибавочной цѣнности прямо пропорціональны величинѣ авансированныхъ перемѣнныхъ капиталовъ. Но мы знаемъ, что капиталистъ дѣлитъ свой капиталъ на двѣ части. Одну часть онъ издерживаетъ на средства производства. Это постоянная часть его капитала. Другую часть онъ превращаетъ въ живую рабочую силу. Эта часть составляетъ его перемѣнный капиталъ. На основѣ одного и того же способа производства въ различныхъ отрасляхъ производства мы видимъ различное распаденіе капитала на постоянную и перемѣнную составныя части. Въ одной и той же отрасли производства отношеніе это измѣняется съ измѣненіемъ технической основы и общественныхъ условій процесса производства. Но какъ бы ни распадался данный капиталъ на постоянную и перемѣнную части, относится ли послѣдняя къ первой какъ 1:2, 1:10 или $1:x$, это ничуть не мѣняетъ только что установленнаго закона, такъ какъ цѣнность постояннаго капитала, какъ намъ извѣстно изъ предыдущаго анализа, хотя и вновь появляется въ цѣнности продукта, но не входитъ въ новосозданный продуктъ, т. е. не участвуетъ въ образованіи этой новой цѣнности. Чтобы занять 1000 прядильщиковъ, требуется, конечно, больше сырого матеріала, веретенъ и т. д., чѣмъ для того, чтобы занять 100. Однако, пусть цѣнность этихъ подлежащихъ прибавленію средствъ производства, повышается, падаетъ, остается безъ перемѣны, пусть она будетъ велика или мала, — при всемъ этомъ она не будетъ оказывать никакого вліянія на процессъ возрастанія цѣнности, производимой рабочими силами, приводящими въ движеніе средства производства. Вышеустановленный законъ принимаетъ, такимъ образомъ, слѣдующую форму: количества или массы цѣнности и прибавочной цѣнности, производимыя различными капиталами, при данной цѣнности и одинаковой степени эксплуатаціи рабочей силы, прямо пропорціональны величинѣ перемѣнныхъ частей этихъ капиталовъ, т. е. ихъ составныхъ частей, превращенныхъ въ живую рабочую силу.

Законъ этотъ, повидимому, противорѣчитъ опыту, основанному на очевидности. Всякому извѣстно, что бумагопрядильщикъ, который затрачиваетъ относительно много постояннаго и мало перемѣннаго капитала, не получаетъ вслѣдствіе этого меньше прибыли или прибавочной цѣнности, чѣмъ булочникъ, приводящій въ движеніе относительно много перемѣннаго и мало постояннаго ка-

питала. Для рѣшенія этого кажущагося противорѣчія нужно еще много промежуточныхъ членовъ, точно такъ же, какъ въ элементарной алгебрѣ нужны многіе промежуточные члены, чтобы понять, что $\frac{0}{0}$ можетъ представлять дѣйствительную величину. Хотя классическая экономія никогда не формулировала этого закона, но она инстинктивно за него держится, такъ какъ онъ вообще составляетъ необходимый выводъ изъ закона цѣнности. Насильственной абстракціей она старается спасти его отъ тѣхъ противорѣчій, которыя представляютъ явленія дѣйствительности. Впослѣдствіи мы увидимъ [203]), какъ школа Рикардо споткнулась объ этотъ камень преткновенія. Вульгарная же экономія, которая «дѣйствительно такъ ничему и не научилась», здѣсь, какъ и вездѣ, настаиваетъ на видимости явленія и просматриваетъ его законъ. Она полагаетъ, въ противоположность Спинозѣ, что «невѣжество есть достаточное основаніе».

Трудъ, приводимый изо дня въ день въ движеніе совокупнымъ капиталомъ какого-нибудь общества, можно разсматривать какъ одинъ единственный рабочій день. Если, напр., число рабочихъ составляетъ 1 милліонъ, а средній рабочій день одного рабочаго—10 часовъ, то общественный рабочій день состоитъ изъ 10 милліоновъ часовъ. При данной длинѣ этого рабочаго дня—полагаются ли границы ему физическими или соціальными условіями — масса прибавочной цѣнности можетъ увеличиваться только вслѣдствіе увеличенія числа рабочихъ, т. е. рабочаго населенія. Возрастаніе народонаселенія составляетъ здѣсь математическую границу производства прибавочной цѣнности совокупнымъ общественнымъ капиталомъ. Наоборотъ, при данномъ числѣ населенія, граница эта полагается возможнымъ удлиненіемъ рабочаго дня [204]). Въ слѣдующей главѣ мы увидимъ, что законъ этотъ имѣетъ силу лишь по отношенію къ до сихъ поръ разсмотрѣнной формѣ прибавочной цѣнности.

Изъ предыдущаго разсмотрѣнія производства прибавочной цѣнности слѣдуетъ, что вовсе не любая сумма денегъ или цѣнностей можетъ быть превращена въ капиталъ; наоборотъ, для этого превращенія, необходимо существованіе опредѣленнаго минимума денегъ или мѣновой цѣнности въ рукахъ отдѣльнаго владѣльца денегъ или товаровъ. Минимумъ перемѣннаго капитала есть стоимость или соотвѣтствующая издержкамъ производства цѣна (Kostenpreis) одной рабочей силы, затрачиваемой изо дня въ день въ теченіе года для добыванія прибавочной цѣнности. Если бы рабочій владѣлъ средствами производства и довольствовался жизнью рабочаго, то ему достаточно было-бы работать въ продолженіе промежутка, необходимаго для воспроизведенія его средствъ существованія, скажемъ 8 часовъ въ

---

[203]) Подробнѣе объ этомъ въ «четвертой книгѣ».

[204]) «Трудъ, т. е. время, употребляемое обществомъ съ производительною цѣлью (that is the economic time of society), представляетъ опредѣленную величину, положимъ 10 часовъ въ день для каждаго изъ милліона трудящихся, или 10 милліоновъ часовъ... Капиталъ имѣетъ свой предѣлъ возрастанія. Предѣлъ этотъ можетъ во всякій данный періодъ быть достигнутъ посредствомъ эксплуатированія всего того времени, которымъ общество располагаетъ для производительныхъ цѣлей» (in the actual extent of economic time employed. «An Essay on the Political Economy of Nations. London, 1821», p. 47, 49).

день. Ему тогда нужны были бы, слѣдовательно, и средства производства лишь для 8 рабочихъ часовъ. Капиталистъ же, который кромѣ этихъ 8 часовъ заставляетъ рабочаго исполнять, положимъ, еще четыре часа прибавочнаго труда, нуждается въ добавочной денежной суммѣ для пріобрѣтенія добавочныхъ средствъ производства. Но по нашему предположенію онъ долженъ былъ бы уже употреблять 2 рабочихъ, чтобы на ежедневно присваиваемую прибавочную цѣнность жить какъ рабочій, т. е. имѣть возможность удовлетворять свои необходимыя потребности. Въ этомъ случаѣ цѣлью его производства было бы простое поддержаніе жизни, а не увеличеніе богатства; между тѣмъ эта послѣдняя цѣль предполагается при капиталистическомъ производствѣ. Для того, чтобы жить только вдвое лучше обыкновеннаго рабочаго и превращать половину произведенной прибавочной цѣнности снова въ капиталъ, онъ долженъ былъ бы вмѣстѣ съ числомъ рабочихъ увеличить въ 8 разъ минимумъ авансируемаго капитала. Конечно, онъ можетъ такъ же, какъ и его рабочій, непосредственно трудомъ своихъ рукъ участвовать въ процессѣ производства, но тогда онъ представляетъ собой лишь нѣчто среднее между капиталистомъ и рабочимъ—«мелкаго хозяина». На извѣстной ступени развитія капиталистическаго производства необходимо, чтобы капиталистъ все то время, въ продолженіе котораго онъ функціонируетъ какъ капиталистъ, т. е. какъ олицетворенный капиталъ, могъ употреблять для присвоенія чужого труда и контроля за нимъ и для продажи продуктовъ этого труда [201]). Средневѣковой цеховой строй стремился, ограничивая незначительнымъ maximum'омъ число рабочихъ, которыхъ дозволялось занимать одному хозяину, насильственно воспрепятствовать превращенію мастера-ремесленника въ капиталиста. Владѣлецъ денегъ или товара только тогда превращается въ капиталиста, когда минимальная сумма, авансируемая на производство, значительно выше средневѣковаго maximum'а. Здѣсь, какъ и въ естественныхъ наукахъ, подтверждается правильность закона, открытаго Гегелемъ

[201]) «Фермеръ не можетъ расчитывать на свой собственный трудъ: если же онъ это дѣлаетъ, то я утверждаю, что онъ при этомъ теряетъ. Его занятіе должно заключаться въ наблюденіи за всѣми работами. Онъ долженъ наблюдать за своимъ молотильщикомъ, или плата послѣднему будетъ даромъ потеряна, а хлѣбъ не будетъ молотиться; онъ долженъ наблюдать за своими косарями, жнецами и т. д.; онъ всегда долженъ обходить кругомъ своихъ загородокъ; онъ постоянно долженъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы нигдѣ не было никакихъ упущеній, что непремѣнно будетъ происходить, если онъ своимъ трудомъ будетъ привязанъ къ одному какому нибудь мѣсту». «An Enquiry into the Connection between the Price of Provisions, and the size of Farms etc. By a Farmer. London 1773», p. 12. Сочиненіе это очень интересно. По немъ можно научить генезисъ «фермера-капиталиста» или «фермера-купца» («capitalist-farmer» и «merchant farmer»), по удачному народному выраженію, и послушать его самовозвеличеніе насчетъ «мелкаго фермера» («small farmer»), для котораго дѣло идетъ лишь о поддержаніи своего существованія. «Классъ капиталистовъ сначала лишь отчасти, а затѣмъ и совершенно освобождается отъ необходимости ручного труда» (Textbook of Lectures on the Polit. Economy of Nations. By the Rev. Richard Jones. Hertford 1852. Lecture III, p. 39).

въ его «Логикѣ» и гласящаго, что простыя количественныя измѣненія на извѣстной ступени переходятъ въ качественныя различія [205a]).

Minimum той суммы цѣнностей, которою каждый отдѣльный владѣлецъ денегъ или товаровъ долженъ располагать для того, чтобы выступить въ качествѣ капиталиста, измѣняется на различныхъ ступеняхъ развитія капиталистическаго производства и, на данной ступени, различается въ различныхъ отрасляхъ производства, въ зависимости отъ ихъ спеціальныхъ техническихъ условій. Нѣкоторыя отрасли производства уже въ самомъ началѣ капиталистическаго производства требуютъ такого minimum'а капитала, котораго еще нѣтъ въ это время въ рукахъ отдѣльныхъ личностей. Это вызываетъ, съ одной стороны, государственныя субсидіи такимъ частнымъ лицамъ, какъ это было напр., во Франціи во времена Кольбера и какъ это практиковалось въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ государствахъ вплоть до нашего времени, съ другой стороны, приводитъ къ образованію обществъ съ установленной закономъ монополіей по отношенію къ извѣстнымъ отраслямъ промышленности и торговли [205b]); эти общества суть предтечи современныхъ акціонерныхъ компаній.

Мы не останавливаемся на частностяхъ тѣхъ измѣненій, которыя происходятъ въ отношеніи между капиталистомъ и наемнымъ рабочимъ въ теченіе процесса производства. Только нѣкоторые главнѣйшіе пункты необходимо здѣсь подчеркнуть.

Въ процессѣ производства капиталъ сталъ командовать надъ трудомъ, т. е. надъ дѣйствующей рабочей силой или надъ самимъ рабочимъ. Олицетворенный капиталъ, капиталистъ, наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы рабочій исполнялъ свое дѣло старательно и съ должной степенью интенсивности.

Далѣе капиталъ развился въ принудительное отношеніе, заставляющее рабочій классъ производить больше труда, чѣмъ этого требуетъ тѣсный кругъ его собственныхъ жизненныхъ потребностей. Какъ производитель чужого трудолюбія, какъ насосъ, высасывающій прибавочный трудъ и эксплуатирующій рабочую силу, капиталъ превосходитъ по энергіи, безграничной силѣ и дѣй-

---

[205a]) Молекулярная теорія современной химіи, научно развитая впервые Лораномъ и Жераромъ, основывается именно на этомъ законѣ! [Прибавленіе къ 3-му изданію]. — Мы считаемъ нужнымъ замѣтить для объясненія этого довольно темнаго примѣчанія читателямъ, незнакомымъ съ химіей, что авторъ говоритъ здѣсь объ углеводородистыхъ соединеніяхъ, сначала названныхъ въ 1843 г. Жерардомъ «гомологическими рядами», изъ которыхъ каждый имѣетъ алгебраическую формулу, напр. рядъ парафина—C_nH_{2n+2}; рядъ нормальныхъ алкоголей—$C_nH_{2n+2}O$; нормальныхъ жирныхъ кислотъ—$C_nH_{2n}O_2$, и мн. др. Въ вышеприведенныхъ примѣрахъ посредствомъ простого количественнаго прибавленія CH_2 къ молекулярной формулѣ каждый разъ образуется качественно различное тѣло. О преувеличенномъ Марксомъ участіи Лорана и Жерара въ установленіи этого важнаго факта ср. Kopp «Entwicklung der Chemie, München, 1873», s. 709 и 716, и Schorlemmer «Rise and Progress of Organic Chemistry. London 1879». p. 54.—Ф. Э.).

[205b]) Martin Luther называетъ подобныя учрежденія «монопольными обществами» («Die Gesellschaft Monopolia»).

ствію всѣ прежнія системы производства, покоящіяся на непосредственномъ принужденіи къ труду.

Капиталъ подчиняетъ себѣ сначала трудъ при тѣхъ техническихъ условіяхъ, въ которыхъ онъ его находитъ въ данный историческій періодъ. Онъ не измѣняетъ, поэтому, непосредственно способа производства. Производство прибавочной цѣнности въ той формѣ, въ которой мы его до сихъ поръ разсматривали, т.-е. посредствомъ простого удлиненія рабочаго дня, являлось такимъ образомъ независимымъ отъ какой либо перемѣны въ самомъ способѣ производства. Оно было не менѣе дѣйствительно въ старомодной булочной, чѣмъ въ современной бумагопрядильной фабрикѣ.

Если мы разсматриваемъ процессъ производства съ точки зрѣнія процесса труда, то рабочій относится къ средствамъ производства не какъ къ капиталу, но какъ къ простымъ средствамъ и матеріаламъ его цѣлесообразной производительной дѣятельности. На кожевенномъ заводѣ, напр., онъ обращается со шкурами, какъ съ простыми объектами труда. Онъ имѣетъ кожу не для капиталиста. Совсѣмъ не то, когда мы разсматриваемъ процессъ производства съ точки зрѣнія процесса образованія прибавочной цѣнности. Средства производства тотчасъ же превращаются въ средства питанія чужого труда. Теперь уже не рабочій употребляетъ средства производства, но, напротивъ того, средства производства употребляютъ рабочаго. Вмѣсто того, чтобы быть потребленными въ качествѣ матеріальныхъ элементовъ его производительной дѣятельности, они наоборотъ сами потребляютъ его въ качествѣ фермента ихъ собственнаго жизненнаго процесса; а жизненный процессъ капитала состоитъ только въ его движеніи въ качествѣ постоянно возрастающей цѣнности. Плавильныя печи и фабричныя зданія, которыя почью отдыхаютъ и не вынтываютъ живого труда, составляютъ «чистую потерю» («mere loss») для капиталиста. Поэтому, плавильныя печи и мастерскія своимъ существованіемъ уже означаютъ извѣстное «притязаніе на ночной трудъ» рабочихъ силъ. Простое превращеніе денегъ въ матеріальные факторы процесса производства, въ средства производства, превращаетъ послѣднія въ юридическія, принудительно охраняемыя основанія пользоваться чужимъ трудомъ и чужимъ прибавочнымъ трудомъ. Слѣдующій примѣръ показываетъ, какъ отражается въ сознаніи капиталистовъ это свойственное капиталистическому производству и характеризующее его извращеніе истиннаго соотношенія между мертвымъ и живымъ трудомъ, между цѣнностью и созидающей цѣнность силой. Во время вышеохарактеризованнаго бунта англійскихъ фабрикантовъ 1848—50 гг., директоръ льно- и бумагопрядильной фабрики фирмы Carlile, сыновья и С°, въ Paisley, одной изъ старѣйшихъ и почетнѣйшихъ фирмъ западной Шотландіи, которая съ 1752 г. изъ поколѣнія въ поколѣніе всегда принадлежала одной и той же фамиліи,— этотъ чрезвычайно интеллигентный джентльменъ написалъ въ «Glasgow Daily Mail» отъ 25 апр. 1849 г. письмо [207]) подъ заглавіемъ: «Система смѣнъ», гдѣ, между прочимъ, встрѣчается слѣдующее невѣроятно наивное мѣсто: «Раз-

[207]) «Reports of Insp. of Fact. for 30 th April 1849», p. 59.

смотримъ тѣ бѣдствія, которыя произойдутъ отъ сокращенія рабочаго времени съ 12 до 10 часовъ... ...Они «сводятся»—къ самому серьезному ущербу для видовъ и собственности фабриканта. Если онъ (т. е. его «руки») раньше работалъ 12 часовъ, теперь же ограниченъ 10 часами, то каждыя 12 машинъ или веретенъ его заведенія превращаются въ 10 («then every 12 machines or spindles, in his establishment, shrink to 10»); если бы онъ пожелалъ продать свою фабрику, то они оцѣнивались бы только за 10, такъ что каждая фабрика во всей странѣ потеряла бы $^1/_6$ своей цѣнности [208]).

Эта западно-шотландская голова съ унаслѣдованными капиталистическими мозгами до такой степени смѣшиваетъ цѣнность средствъ производства, веретенъ и т. д. съ ихъ капиталистическимъ свойствомъ самовозрастать, или поглощать ежедневно опредѣленное количество чужого дарового труда, что глава дома Carlile и C° воображаетъ въ самомъ дѣлѣ, будто при продажѣ его фабрики ему оплатятъ не только цѣнность веретенъ, но еще сверхъ того и ихъ самовозрастаніе, не только трудъ, содержащійся въ нихъ и необходимый для производства этого рода веретенъ, но и прибавочный трудъ, извлекать который изъ храбрыхъ западныхъ шотландцевъ Paisley онѣ ему ежедневно помогаютъ. Именно поэтому, думаетъ онъ, съ сокращеніемъ рабочаго дня на 2 часа продажная цѣна каждыхъ 12 машинъ падаетъ до цѣны 10 машинъ!

---

[208]) l. c. p. 60. Фабричный инспекторъ Stuart, самъ шотландецъ и, въ противоположность англійскимъ фабричнымъ инспекторамъ, раздѣляющій совершенно образъ мыслей капиталистовъ, заявляетъ категорически, что это письмо, которое онъ включилъ въ свой отчетъ, «представляетъ самое полезное сообщеніе, когда либо сдѣланное фабрикантами, употребляющими систему смѣнъ; оно главнымъ образомъ разсчитано на то, чтобы устранить предубѣжденія и сомнѣнія, существующія относительно этой системы».

ЧЕТВЕРТЫЙ ОТДѢЛЪ.

Производство относительной прибавочной цѣнности.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Понятіе относительной прибавочной цѣнности.

Ту часть рабочаго дня, которая производитъ только эквивалентъ оплачиваемой капиталомъ цѣнности рабочей силы, мы до сихъ поръ разсматривали какъ постоянную величину, каковой она на самомъ дѣлѣ и является при данныхъ условіяхъ производства, на опредѣленной ступени экономическаго развитія общества. Но сверхъ этого необходимаго рабочаго времени рабочій могъ работать еще 2, 3, 4, 6 и т. д. часовъ. Отъ величины этого удлиненія рабочаго времени зависѣлъ уровень прибавочной цѣнности и длина рабочаго дня. Если необходимое рабочее время было величиной постоянной, то весь рабочій день представлялъ, наоборотъ, величину перемѣнную. Представимъ себѣ теперь рабочій день, величина котораго и раздѣленіе на необходимый трудъ и прибавочный трудъ даны. Линія *ac*, a_____b____c, представляетъ, напр., двѣнадцатичасовой рабочій день, часть *ab* представляетъ 10 ч. необходимаго труда, часть *bc*—2 часа прибавочнаго труда. Спрашивается, какъ производство прибавочной стоимости можетъ быть увеличено, т. е. какъ можетъ быть удлиненъ прибавочный трудъ, безъ всякаго дальнѣйшаго удлиненія линіи *ac* или независимо отъ всякаго дальнѣйшаго удлиненія ея?

Несмотря на данныя границы линіи *ac*, часть *bc*, очевидно, можетъ быть удлинена, если не чрезъ удлиненіе за ея конечный пунктъ *c*, который есть вмѣстѣ съ тѣмъ конечный пунктъ и рабочаго дня *ac*, то чрезъ перемѣщеніе ея начальнаго пункта *b* въ противоположномъ направленіи, ближе къ точкѣ *a*. Предположимъ, что часть b′____b въ линіи a_____b′__b____c равна половинѣ *bc*, или представляетъ собою одинъ рабочій часъ. Если теперь въ двѣнадцатичасовомъ рабочемъ днѣ *ac* точку *b* перемѣстить въ *b′*, то часть *bc* удлинится въ b′c, т. е. прибавочный трудъ возрастетъ на половину, съ двухъ часовъ до трехъ, хотя рабочій день по-прежнему будетъ составлять только 12 ч. Но такое удлиненіе прибавочнаго труда съ *bc* до *b′c*, съ 2 до 3 часовъ, оче-

видно, невозможно безъ одновременнаго сокращенія необходимаго труда съ *ab*, на *a'b*, съ 10 до 9 ч. Удлиненію прибавочнаго труда соотвѣтствуетъ сокращеніе необходимаго труда, или часть рабочаго времени, которую до сихъ поръ рабочій фактически употреблялъ для себя, превращается теперь въ рабочее время для капиталиста. Измѣнилась, слѣдовательно, не длина рабочаго дня, а его раздѣленіе на необходимый и прибавочный трудъ.

Съ другой стороны, величина прибавочнаго труда, очевидно, дана сама собой, разъ даны величина рабочаго дня и цѣнность рабочей силы. Цѣнность рабочей силы, т. е. необходимое для ея производства рабочее время, опредѣляетъ рабочее время, необходимое для воспроизведенія ея цѣнности. Если рабочій часъ выражается въ количествѣ золота, равномъ $^1/_2$ шиллинга или 6 пенсамъ; и если дневная цѣнность рабочей силы составляетъ 5 шилл., то рабочій долженъ ежедневно работать по 10 ч., чтобы возмѣстить выплаченную ему капиталистомъ дневную цѣнность его рабочей силы или чтобы произвести эквивалентъ цѣнности его ежедневныхъ необходимыхъ средствъ существованія. Если дана цѣнность этихъ средствъ существованія, то дана и цѣнность его рабочей силы [1]); а если дана цѣнность его рабочей силы, то дана и величина его необходимаго рабочаго времени. Величина же прибавочнаго труда получается вычитаніемъ необходимаго рабочаго времени изъ совокупнаго рабочаго дня. По вычитаніи десяти часовъ изъ двѣнадцати остаются два часа, и нельзя постигнуть, какимъ образомъ, при данныхъ условіяхъ, прибавочный трудъ можетъ быть увеличенъ сверхъ этихъ двухъ часовъ. Положимъ, капиталистъ можетъ, вмѣсто 5 шилл. давать рабочему только $4^1/_2$ или еще меньше; тогда для воспроизведенія этой цѣнности въ $4^1/_2$ шилл. достаточно будетъ 9 рабочихъ часовъ, и слѣдовательно, изъ двѣнадцатичасового рабочаго дня на долю прибавочнаго труда придется вмѣсто двухъ три часа, а сама прибавочная цѣнность поднимется съ 1 шилл. до $1^1/_2$. Этотъ результатъ былъ бы однако достигнутъ посредствомъ понижевія заработной платы, идущаго ниже цѣнности рабочей силы. На $4^1/_2$ шилл., которые рабочій производитъ въ 9 часовъ, онъ можетъ пріобрѣсти средствъ существованія на $^1/_{10}$ меньше, чѣмъ прежде, и, такимъ образомъ, воспроизведеніе его рабочей силы будетъ совер-

[1]) Цѣнность средней дневной платы опредѣляется тѣмъ, что рабочій употребляетъ «для того, чтобы жить, работать и размножаться». (William Petty: «Political Anatomy of Ireland» 1672, p. 64). «Цѣна труда всегда опредѣляется цѣной необходимыхъ средствъ существованія». Рабочій не получаетъ должнаго, «если рабочая плата не позволяетъ ему поддерживать, соотвѣтственно его низкому званію и положенію, такое семейство, какое обыкновенно выпадаетъ на долю многимъ изъ нихъ». (L. Vanderlint, l. c. p. 15). «Простой рабочій, который имѣетъ только свои руки и свой промыселъ, не имѣетъ ровно ничего, если ему не удается продать своего труда... Во всѣхъ родахъ труда заработная плата должна, поэтому, ограничиваться и дѣйствительно ограничивается тѣмъ, что необходимо рабочему для поддержанія существованія». (Turgot: «Réflexions» etc. Oeuvres éd. Daire, t. I, p. 10). «Къ цѣнѣ необходимыхъ средствъ существованія и сводится въ дѣйствительности стоимость (the cost) производительнаго труда». (Malthus: «Inquiry into etc. Rent». Lond. 1815, p. 48 Note).

шаться непормально. Прибавочный трудъ здѣсь удлиняется только благодаря нарушенію его нормальныхъ границъ; область его расширяется лишь благодаря узурпаторскому вторженію въ область необходимаго труда. Несмотря на важную роль, которую этотъ методъ играетъ въ дѣйствительномъ движеніи рабочей платы, здѣсь онъ устраняется нашимъ предположеніемъ, что товары, а, слѣдовательно, и рабочая сила, покупаются и продаются по ихъ полной цѣнности. Разъ мы сдѣлали такое предположеніе, то рабочее время, необходимое для производства рабочей силы или для воспроизведенія ея цѣнности, можетъ сокращаться уже не вслѣдствіе сокращенія заработной платы ниже цѣнности рабочей силы, а лишь вслѣдствіе пониженія самой этой цѣнности. При данной длинѣ рабочаго дня удлиненіе прибавочнаго труда должно происходить отъ сокращенія необходимаго рабочаго времени, а не наоборотъ — сокращеніе необходимаго рабочаго времени отъ увеличенія прибавочнаго труда. Въ нашемъ примѣрѣ цѣнность рабочей силы должна дѣйствительно понизиться на $^1/_{10}$ для того, чтобы необходимое рабочее время тоже сократилось на $^1/_{10}$, т. е. съ 10 до 9 ч., и этимъ прибавочный трудъ удлинился бы съ 2 часовъ до 3.

Но такое пониженіе цѣнности рабочей силы на $^1/_{10}$ требуетъ съ своей стороны, чтобы то же количество средствъ существованія, которое раньше производилось въ 10 ч., производилось теперь въ 9 ч. Это, однако, невозможно безъ увеличенія производительной силы труда. При данныхъ средствахъ производства сапожникъ, напр., можетъ дѣлать пару сапогъ въ одинъ двѣнадцатичасовой рабочій день. Для того, чтобы онъ могъ за это самое время сшить двѣ пары, производительная сила его труда должна удвоиться, а она не можетъ удвоиться безъ измѣненія въ орудіяхъ его труда, или въ способѣ труда, или въ томъ и другомъ вмѣстѣ. Долженъ, слѣдовательно, наступить переворотъ въ условіяхъ его труда, т. е. въ способѣ его производства, а, слѣдовательно, и въ самомъ процессѣ его труда. Подъ увеличеніемъ производительной силы труда мы здѣсь подразумѣваемъ вообще такое измѣненіе въ процессѣ труда, благодаря которому общественно-необходимое для производства какого-либо товара время сокращается, а, слѣдовательно, меньшее количество труда пріобрѣтаетъ силу производить большее количество потребительной цѣнности [2]). Поэтому, если при производствѣ прибавочной цѣнности въ той формѣ, въ которой мы его разсматривали до сихъ поръ, способъ производства предполагался даннымъ, то, наоборотъ, для производства прибавочной цѣнности посредствомъ превращенія необходимаго труда въ прибавочный ни въ какомъ случаѣ недостаточно того, чтобы капиталъ завладѣлъ процессомъ труда въ его унаслѣдованной отъ прошлаго или исторически данной формѣ и удлинилъ бы только его продолжительность. Капиталъ долженъ революціонировать техническія и общественныя условія процесса труда, а, слѣдовательно, и самый способъ производства для того, чтобы поднять производи-

[2]) «Улучшеніе производства означаетъ лишь открытіе новыхъ средствъ, посредствомъ которыхъ продуктъ можетъ быть произведенъ съ меньшимъ количествомъ людей, или (что то же самое) въ болѣе короткое время, чѣмъ прежде». Galiani l. c. p. 159. «Экономія въ задержкахъ производства есть не что иное, какъ экономія въ количествѣ труда, употребляемаго для производства». (Sismondi: «Etudes etc». t. I, p. 22).

тельную силу труда, посредствомъ подъема производительной силы труда понизить цѣнность рабочей силы и, такимъ образомъ, сократить необходимую для воспроизведенія этой цѣнности часть рабочаго дня. +

Прибавочную цѣнность, производимую посредствомъ удлиненія рабочаго дня, я называю абсолютной прибавочной цѣнностью; наоборотъ, прибавочную цѣнность, происходящую отъ сокращенія необходимаго рабочаго времени и соотвѣтственнаго измѣненія въ отношеніи величинъ обѣихъ составныхъ частей рабочаго дня — относительной прибавочной цѣнностью.

Для того, чтобы понизить цѣнность рабочей силы, повышеніе производительной силы труда должно охватить такія отрасли промышленности, продукты которыхъ опредѣляютъ цѣнность рабочей силы, т. е. или принадлежатъ къ кругу обычно употребляемыхъ средствъ существованія, или могутъ ихъ замѣстить. Цѣнность какого-либо товара опредѣляется, однако, не только количествомъ того труда, который придалъ ему послѣднюю его форму, но также и той массой труда, которая содержится въ средствахъ производства этого товара. Напр., цѣнность пары сапогъ опредѣляется не только трудомъ сапожника, но и цѣнностью кожи, смолы, дратвы и т. п. Поэтому, увеличеніе производительной силы и соотвѣтствующее удешевленіе товаровъ въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя доставляютъ вещественные элементы постояннаго капитала, — орудія труда и сырье, — для производства необходимыхъ средствъ существованія, также понижаетъ цѣнность рабочей силы. Наоборотъ, повышеніе производительной силы труда въ отрасляхъ производства, которыя не доставляютъ ни необходимыхъ средствъ существованія, ни средствъ производства для ихъ приготовленія, не отражается на цѣнности рабочей силы.

Удешевленный товаръ понижаетъ цѣнность рабочей силы, разумѣется, лишь pro tanto, т. е. лишь въ той мѣрѣ, въ которой онъ участвуетъ въ воспроизведеніи рабочей силы. Рубашки, напр., суть необходимое средство существованія, но только одно изъ многихъ. Ихъ удешевленіе уменьшитъ только расходъ рабочаго на рубашки. Общая же сумма необходимыхъ средствъ существованія состоитъ только изъ различныхъ товаровъ, представляющихъ разные продукты особыхъ отраслей производства, и цѣнность каждаго такого товара образуетъ всегда лишь дробную часть цѣнности рабочей силы. Эта цѣнность уменьшается съ уменьшеніемъ необходимаго для ея воспроизведенія рабочаго времени, общее сокращеніе котораго равно суммѣ его сокращеній во всѣхъ отдѣльныхъ отрасляхъ производства. Мы здѣсь разсматриваемъ этотъ общій результатъ, какъ будто бы онъ былъ непосредственнымъ результатомъ и непосредственной цѣлью въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Когда одинъ какой-нибудь капиталистъ посредствомъ возвышенія производительной силы труда удешевляетъ, напр., рубашки, то при этомъ ему вовсе не непремѣнно предносится въ качествѣ цѣли — пониженіе цѣнности рабочей силы, а, слѣдовательно, и необходимаго рабочаго времени; и лишь поскольку онъ, въ концѣ концовъ, все-таки содѣйствуетъ этой цѣли, онъ участвуетъ въ повышеніи общаго уровня прибавочной цѣнности [3]).

[3]) «Когда фабрикантъ, посредствомъ усовершенствованія въ машинахъ, удваиваетъ свой продуктъ... онъ выигрываетъ (въ концѣ концовъ) лишь постольку, по-

Слѣдуетъ отличать общія и необходимыя тенденціи капитала отъ ихъ формъ проявленія.

Изслѣдованіе способовъ, какими внутренніе, имманентные законы капиталистическаго производства проявляются во внѣшнемъ движеніи капитала, даютъ знать о себѣ людямъ въ качествѣ принудительныхъ законовъ конкурренціи и доходятъ, поэтому, до сознанія отдѣльнаго капиталиста въ видѣ движущихъ мотивовъ,— изслѣдованіе всего этого не составляетъ здѣсь нашей задачи. Само собой ясно, что научный анализъ конкурренціи возможенъ лишь тогда, когда понята внутренняя природа капитала, точно такъ же, какъ видимое движеніе небесныхъ тѣлъ понятно только тому, кто знаетъ дѣйствительное, непосредственно не усматриваемое ихъ движеніе. Однако, для пониманія производства относительной прибавочной цѣнности и лишь на основаніи добытыхъ уже результатовъ, слѣдуетъ здѣсь же замѣтить слѣдующее.

Если одинъ рабочій часъ выражается въ количествѣ золота, равномъ $^1/_2$ шилл. или 6 пенсамъ, то двѣнадцатичасовой день производитъ цѣнность въ 6 шилл. Предположимъ, что при данной производительной силѣ труда въ эти 12 час. приготовляются 12 штукъ какого-либо товара. Цѣнность употребленныхъ для каждой штуки средствъ производства,—сырыхъ матеріаловъ и т. п.,—пусть равняется $^1/_2$ шилл., при этихъ условіяхъ одна штука стоитъ 1 шилл., а именно: $^1/_2$ шилл. представляетъ цѣнность средствъ производствъ, а $^1/_2$ шилл.— вновь созданную при ихъ помощи цѣнность. Теперь представимъ себѣ, что какому-нибудь капиталисту удалось удвоить производительность труда, такъ что онъ въ двѣнадцатичасовой рабочій день производитъ теперь вмѣсто 12—24 штуки этого самаго товара. При одинаковой цѣнности средствъ производства цѣнность отдѣльной штуки товара теперь понизится до 9 пенсовъ, а именно 6 пенс. на возмѣщеніе цѣнности средствъ производства и 3 пенса на вновь прибавленную посредствомъ послѣдней работы цѣнность. Несмотря на удвоенную производительность труда, рабочій день по-прежнему создаетъ новую цѣнность только въ 6 шилл., которая, однако, теперь выражается въ двойномъ количествѣ продуктовъ. На каждую отдѣльную штуку приходится, поэтому, только $^1/_{24}$, вмѣсто $^1/_{12}$ этой общей цѣнности, т. е. 3 п. вмѣсто 6 п., или, что одно и то же, къ средствамъ производства каждой отдѣльной штуки, при превращеніи ихъ въ продуктъ, прибавляется теперь половина рабочаго часа, вмѣсто прежняго цѣлаго часа. Индивидуальная цѣнность этого товара, слѣдовательно, ниже его общественной цѣнности, т. е. товаръ этотъ стоитъ меньше рабочаго времени, чѣмъ огромная масса того же самаго товара, произведеннаго при среднихъ общественныхъ условіяхъ. Штука этого товара въ среднемъ стоитъ 1 шилл., или представляетъ 2 часа общественнаго труда; при измѣненномъ же способѣ производства она стоитъ только 9 пенсовъ, или содержитъ лишь $1^1/_2$ рабочихъ часа. Но дѣйствительная цѣнность какого-либо товара есть не индивидуальная его цѣнность, а общественная, т. е. она измѣряется не тѣмъ

сколько ему вслѣдствіе этого удается дешевле одѣвать работника... и такимъ образомъ удерживать на рабочаго меньшую, чѣмъ прежде, часть общаго валового дохода». (Ramsay, l. c. p. 168).

рабочимъ временемъ, которое товаръ въ отдѣльныхъ случаяхъ фактически стоитъ производителю, а общественно необходимымъ для его производства рабочимъ временемъ. Поэтому, если капиталистъ, примѣнившій новый способъ, продаетъ свои товары по общественной цѣнности въ 1 шилл., то онъ ихъ продастъ на 3 п. выше ихъ индивидуальной цѣнности и реализуетъ, такимъ образомъ, излишнюю прибавочную цѣнность въ 3 п. Съ другой стороны, двѣнадцатичасовой рабочій день теперь для него выражается въ 24 штукахъ товара, вмѣсто прежнихъ 12. Для того, слѣдовательно, чтобы продать продуктъ одного рабочаго дня ему нуженъ теперь двойной сбытъ или вдвое большій рынокъ. При прочихъ равныхъ условіяхъ его товары завоюютъ большій рынокъ только посредствомъ пониженія ихъ цѣны. Онъ, поэтому, будетъ ихъ продавать выше ихъ индивидуальной цѣнности, но ниже общественной, положимъ по 10 п. за штуку. Такимъ образомъ, на каждой штукѣ онъ зарабатываетъ лишней прибавочной цѣнности на 1 п. Это увеличеніе прибавочной цѣнности будетъ для него имѣть мѣсто во всякомъ случаѣ, принадлежатъ ли или не принадлежатъ его товары къ необходимымъ средствамъ существованія, т. е. участвуютъ ли они или не участвуютъ, какъ опредѣляющій факторъ, въ общей цѣнности рабочей силы. Стало быть и независимо отъ этого послѣдняго обстоятельства, у каждаго отдѣльнаго капиталиста существуетъ мотивъ для удешевленія товаровъ посредствомъ повышенія производительной силы труда.

Впрочемъ, даже и въ этомъ случаѣ увеличенное производство прибавочной цѣнности вытекаетъ изъ сокращенія необходимаго рабочаго времени и соотвѣтствующаго удлиненія прибавочнаго труда [34a]). Положимъ, необходимое рабочее время составляетъ 10 часовъ, или дневная цѣнность рабочей силы есть 5 шилл.; прибавочный трудъ составляетъ 2 ч., а ежедневно производимая прибавочная цѣнность—1 шилл. Но нашъ капиталистъ производитъ теперь 24 штуки, которыя онъ продаетъ по 10 пенс. за штуку, или всѣ вмѣстѣ за 20 шилл. Такъ какъ цѣнность средствъ производства равняется 12 шилл., то $14^2/_5$ штуки товара возмѣщаютъ лишь авансированный постоянный капиталъ. Двѣнадцатичасовой рабочій день выражается въ остальныхъ $9^3/_5$ штукахъ. Такъ какъ цѣна рабочей силы = 5 шилл., то въ 6 штукахъ выражается необходимое рабочее время, а въ $3^2/_5$ штукахъ—прибавочный трудъ. Отношеніе между необходимымъ трудомъ и прибавочнымъ, которое прежде = 5 : 1, теперь составляетъ только 5 : 3. Тотъ же самый результатъ получается и слѣдующимъ образомъ: цѣнность продукта двѣнадцатичасового рабочаго дня равняется 20 шилл. Изъ нихъ 12 шилл. приходятся на цѣнность средствъ производства, которая лишь вновь появляется въ цѣнности продукта. Остаются, слѣдовательно, 8 шилл.,

---

[34a]) «Прибыль, получаемая человѣкомъ, зависитъ не отъ того, что онъ можетъ распоряжаться продуктомъ чужого труда, а отъ того, что онъ можетъ распоряжаться самымъ этимъ трудомъ. Если онъ можетъ продавать свои товары по болѣе высокой цѣнѣ въ то время, какъ плата его рабочимъ остается безъ измѣненія, то онъ, очевидно, въ выигрышѣ... Меньшая часть того, что онъ производитъ теперь, достаточна—для поддержанія хода производства, а, слѣдовательно, бо́льшая часть идетъ въ его собственную пользу». («Outlines of Polit. Econ. London 1832», p. 49, 50).

въ качествѣ денежнаго выраженія цѣнности, въ которой воплотился рабочій день. Это денежное выраженіе выше денежнаго выраженія средняго общественнаго труда, 12 часовъ котораго выражаются лишь въ 6 шилл. Трудъ усложнительный по своей производительной силѣ дѣйствуетъ какъ умноженный (потенцированный) трудъ, или въ одинаковые промежутки времени создаетъ большую цѣнность, чѣмъ однородный съ нимъ средній общественный трудъ. Но нашъ капиталистъ по прежнему платитъ только 5 шилл. за дневную цѣнность рабочей силы. Рабочему для воспроизведенія этой цѣнности требуется теперь, слѣдовательно, только $7^1/_2$ часа вмѣсто прежнихъ 10 ч. Его прибавочный трудъ возрастаетъ, поэтому, на $2^1/_2$ часа, а производимая имъ прибавочная цѣнность — съ 1 шилл. на 3 шилл. Капиталистъ, примѣняющій улучшенный способъ производства, присвоиваетъ себѣ, слѣдовательно, большую часть рабочаго дня въ видѣ прибавочнаго труда, чѣмъ другіе капиталисты въ этой самой отрасли. Онъ дѣлаетъ въ этомъ частномъ случаѣ то, что капиталъ при производствѣ относительной прибавочной цѣнности дѣлаетъ вообще. За то, съ другой стороны, всякая излишняя прибавочная цѣнность исчезаетъ, какъ только новый способъ производства становится всеобщимъ и вмѣстѣ съ этимъ исчезаетъ разница между индивидуальной цѣнностью дешевле производимыхъ товаровъ и ихъ общественной цѣнностью. Тотъ же самый законъ опредѣленія цѣнности рабочимъ временемъ, который капиталисту, примѣняющему новый способъ производства, даетъ себя знать въ формѣ необходимости продавать товары ниже ихъ общественной цѣнности, въ качествѣ принудительнаго закона конкурренціи заставляетъ его соперниковъ вводить и у себя этотъ улучшенный способъ производства [1]). Общій уровень прибавочной цѣнности затрагивается, слѣдовательно, всѣмъ этимъ процессомъ лишь тогда, когда повышеніе производительной силы труда захватываетъ такія отрасли труда и удешевляетъ такіе товары, которые входятъ въ кругъ необходимыхъ средствъ существованія, т. е. составляютъ элементы цѣнности рабочей силы.

Цѣнность товаровъ обратно пропорціонально производительной силѣ труда. Въ такомъ же отношеніи къ ней находится и цѣнность рабочей силы, такъ какъ эта цѣнность опредѣляется цѣнностью товаровъ. Напротивъ того, относительная прибавочная цѣнность прямо пропорціональна производительной силѣ труда. Она повышается съ увеличеніемъ и падаетъ съ уменьшеніемъ производительной силы труда. Средній общественный рабочій день въ 12 ч., при неизмѣнной цѣнности денегъ, производитъ постоянно тотъ же продуктъ въ 6 шилл., какъ бы ни распредѣлялась эта сумма цѣнности между эквивалентомъ

[1]) «Если мой сосѣдъ, производя больше съ меньшимъ количествомъ труда, можетъ продавать дешевле, то и долженъ стараться продавать такъ же дешево, какъ и онъ. Такимъ образомъ, всякій новый пріемъ, инструментъ или машина, исполняющіе извѣстное дѣло съ меньшимъ количествомъ рукъ, порождаютъ въ другихъ соревнованіе и вынуждаютъ ихъ, въ нѣкоторомъ родѣ, или употреблять тотъ же самый пріемъ, инструментъ или машину, или изобрѣсти что-нибудь, равносильное имъ, для того, чтобы всѣ производители находились въ одинаковыхъ условіяхъ, и чтобы никто не могъ продавать дешевле своего сосѣда». («The Advantages of the Eastindia Trade to England. Lond. 1720», p. 67).

цѣнности рабочей силы и прибавочной цѣнностью. Но если, вслѣдствіе повышенія производительной силы труда, цѣнность дневныхъ средствъ существованія падаетъ, и дневная цѣнность рабочей силы понижается, съ 5 шилл. до 3 шилл., то прибавочная цѣнность возрастаетъ съ 1 шилл. до 3 шилл. Для воспроизведенія цѣнности рабочей силы раньше нужны были 10 рабочихъ часовъ, а теперь только 6 ч.; 4 рабочихъ часа стали свободными и могутъ быть присоединены къ области прибавочнаго труда. Поэтому, имманентное, необходимо присущее капиталу, стремленіе и его постоянная тенденція состоитъ въ томъ, чтобы поднимать производительную силу труда, дабы этимъ удешевлять товары, а чрезъ удешевленіе товаровъ—удешевлять и самаго рабочаго [5]).

Абсолютная цѣнность товара сама по себѣ совершенно безразлична для производящаго его капиталиста. Его интересуетъ только заключающаяся въ ней прибавочная цѣнность, которая можетъ быть реализована въ продажѣ; реализація прибавочной цѣнности объемлетъ собой и возмѣщеніе авансированной цѣнности. Но такъ какъ относительная прибавочная цѣнность возрастаетъ прямо пропорціонально развитію производительной силы труда, между тѣмъ какъ цѣнность товаровъ измѣняется обратно пропорціонально этому же самому развитію, т. е. падаетъ вмѣстѣ съ нимъ и такъ какъ, поэтому, одинъ и тотъ же процессъ удешевляетъ товары и увеличиваетъ содержащуюся въ нихъ прибавочную цѣнность,—то это обстоятельство разрѣшаетъ загадку, заключающуюся въ томъ, что капиталистъ, котораго интересуетъ только производство мѣновой цѣнности, постоянно въ то же время стремится къ пониженію мѣновой цѣнности товаровъ,—противорѣчіе, которымъ одинъ изъ основателей политической экономіи, Quesnay, мучилъ своихъ противниковъ, и на которое они такъ и не отвѣтили ему. «Вы согласны, говоритъ Quesnay, что чѣмъ болѣе можно, безъ ущерба для производства, сэкономить на издержкахъ или избѣжать дорого стоющей работы при фабрикаціи промышленныхъ продуктовъ, тѣмъ такая экономія выгоднѣе, такъ какъ она уменьшаетъ цѣну продукта. И несмотря на это вы думаете, что производство богатства, которое происходитъ отъ работъ промышленниковъ, состоитъ въ увеличеніи мѣновой цѣнности ихъ произведеній» [6]).

---

[5]) «Въ какой мѣрѣ уменьшаются расходы рабочаго, въ такой же точно мѣрѣ будетъ уменьшаться и получаемая имъ заработная плата, если промышленность въ это время будетъ свободна отъ всякихъ стѣсненій». («Considérations concerning taking off the Bounty on Corn exported etc. Lond. 1752», p. 7). «Интересы промышленности требуютъ, чтобы хлѣбъ и другіе всѣ припасы были, по возможности, дешевле; ибо все, что дѣлаетъ ихъ дорогими, непремѣнно дѣлаетъ также дорогимъ и трудъ... Во всѣхъ странахъ, гдѣ промышленность не подвержена стѣсненіямъ, цѣны жизненныхъ припасовъ должны вліять на цѣну труда. Эта послѣдняя всегда будетъ уменьшаться съ удешевленіемъ необходимыхъ средствъ существованія» (l. c p. 3). «Рабочая плата падаетъ въ той самой мѣрѣ, въ какой возрастаютъ производительныя силы. Машины, правда, удешевляютъ средства существованія, но онѣ также удешевляютъ трудъ». («A Prize Essay on the comparative merits of Competition and Cooperation. London 1834», p. 27).

[6]) «Ils conviennent que plus on peut, sans préjudice, épargner de frais ou de travaux dispendieux dans la fabrication des ouvrages des artisans, plus cette épargne est profitable par la diminution des prix de ces ouvrages. Cependant ils croient que la

Такимъ образомъ, экономія труда посредствомъ развитія его производительной силы [7]) нисколько не имѣетъ своей цѣлью въ капиталистическомъ производствѣ сокращенія рабочаго дня. Она стремится лишь къ сокращенію рабочаго времени, необходимаго для производства извѣстнаго количества товара. То обстоятельство, что рабочій при повышеніи производительной силы труда производитъ въ одинъ часъ, напр., въ 10 разъ больше товаровъ, слѣдовательно, на каждую штуку товара употребляетъ въ 10 разъ меньше рабочаго времени, чѣмъ прежде, нисколько не мѣшаетъ заставлять его работать по-прежнему 12 часовъ и въ эти 12 ч. производить 1.200 штукъ, вмѣсто прежнихъ 120. Больше того: его рабочій день можетъ даже стать длиннѣе, такъ что теперь въ 14 ч. онъ будетъ производить 1.400 штукъ и т. д. Поэтому, у экономистовъ въ родѣ Макъ-Куллоха, Ure, Сеніора и tutti quanti можно на одной страницѣ прочесть, что рабочій долженъ быть благодаренъ капиталу за развитіе производительной силы труда, такъ какъ оно сокращаетъ необходимое рабочее время, а на ближайшей страницѣ—что онъ эту благодарность долженъ доказать на дѣлѣ, работая 15 ч. вмѣсто прежнихъ 10. Въ сферѣ капиталистическаго производства развитіе производительной силы труда имѣетъ цѣлью сокращать ту часть рабочаго дня, которую рабочій долженъ трудиться на себя, чтобы тѣмъ самымъ удлинять другую часть рабочаго дня, въ продолженіе котораго онъ можетъ работать даромъ на капиталиста. Насколько этотъ результатъ можетъ быть достигаемъ и безъ удешевленія товаровъ, покажетъ изслѣдованіе нѣкоторыхъ особенныхъ методовъ производства относительной прибавочной цѣнности, къ которымъ мы теперь переходимъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Кооперація.

Капиталистическое производство, какъ мы видѣли, въ дѣйствительности начинается только тогда, когда одинъ и тотъ же индивидуальный капиталъ занимаетъ одновременно болѣе или менѣе крупное число рабочихъ; когда, слѣдовательно, процессъ труда расширяетъ свой объемъ и производитъ продуктъ въ количественно значительномъ масштабѣ. Одновременная дѣятельность большого

---

production de richesse qui résulte des travaux des artisans consiste dans l'augmentation de la valeur vénale de leurs ouvrages» (Quesnay: «Dialogues sur le Commerce et sur les Travauxv des Artisans»: p. 188, 189).

[7]) «Эти спекуляторы, столь экономные по отношенію къ труду рабочихъ, которымъ имъ приходится платить». (J. N. Bidant: «Du Monopole qui s'établit dans les arts industrielles et le commerce. Paris 1828», p. 13). «Предприниматель будетъ всегда стремиться экономизировать время и трудъ». (Dugald Stewart: Works ed. by Sir W. Hamilton. Edinburgh, v. III, 1855, «Lectures on Polit. Econ.» p. 318). «Ихъ (капиталистовъ) интересъ заключается въ томъ, чтобы производительныя силы употребляемыхъ ими рабочихъ были на сколько возможно больше. Поэтому, ихъ вниманіе направлено постоянно и почти исключительно на увеличеніе производительной силы труда». (R. Jones, l. c. Lecture III).

числа рабочихъ въ одномъ помѣщеніи (или, если угодно, на одномъ и томъ же полѣ труда), для производства того же самаго товара и подъ командой одного и того же капиталиста и исторически и логически (begrifflich) является исходной точкой капиталистическаго производства. По отношенію къ самому способу производства, мануфактура, напр., въ началѣ отличалась отъ цехового ремесла почти исключительно только большимъ количествомъ рабочихъ, занимаемыхъ одновременно однимъ и тѣмъ же капиталомъ. Она была просто расширенной мастерской цехового мастера.

Итакъ, разница сперва является только количественной. Мы видѣли, что масса прибавочной цѣнности, которую производитъ данный капиталъ, равна прибавочной цѣнности, доставляемой отдѣльнымъ рабочимъ, помноженной на число одновременно занятыхъ рабочихъ. Это число само по себѣ ничего не измѣняетъ въ уровнѣ прибавочной цѣнности или въ степени эксплуатаціи рабочей силы, а по отношенію къ производству товарной цѣнности вообще всякія качественныя измѣненія въ процессѣ труда, повидимому, совершенно безразличны. Это вытекаетъ изъ природы цѣнности. Если одинъ двѣнадцатичасовой рабочій день овеществляется въ 6 шиллингахъ, то 1.200 такихъ рабочихъ дней овеществятся въ 6 шилл. × 1.200. Въ одномъ случаѣ въ продуктъ воплотилось 12 × 1.000 рабочихъ часовъ, въ другомъ—только 12. При производствѣ цѣнностей множество всегда идетъ въ счетъ, какъ множество единицъ. Для производства цѣнности не составляетъ, поэтому, никакой разницы, работаютъ ли 1.200 рабочихъ раздѣльно или вмѣстѣ, объединенные подъ командой одного и того же капитала.

Тѣмъ не менѣе, въ извѣстныхъ предѣлахъ имѣетъ мѣсто и нѣкоторое измѣненіе. Овеществленный въ цѣнности трудъ есть трудъ средняго общественнаго качества, т. е. проявленіе средней рабочей силы. Но средняя величина существуетъ всегда только, какъ среднее изъ многихъ различныхъ особей одного и того же рода. Въ каждой отрасли промышленности индивидуальный рабочій, Петръ или Павелъ, уклоняется больше или меньше отъ средняго рабочаго. Эти индивидуальныя отклоненія, которыя на математическомъ языкѣ называются «погрѣшностями», уравновѣшиваются и исчезаютъ, какъ только въ счетъ идетъ значительное число рабочихъ. Знаменитый софистъ и сикофантъ Эдмундъ Беркъ, опираясь на свой личный опытъ въ качествѣ фермера, увѣряетъ даже, что уже «въ такой небольшой артели (peloton)», какъ 5 земледѣльческихъ рабочихъ, исчезаетъ всякая индивидуальная разница въ работѣ; такъ что любые 5 взрослыхъ англійскихъ земледѣльческихъ рабочихъ, работая вмѣстѣ въ опредѣленное время, произведутъ ровно столько же, сколько любые 5 другихъ англійскихъ земледѣльческихъ рабочихъ [8]). Какъ бы то ни было, ясно только, что совокупный рабочій

[8]) «Нѣтъ никакого сомнѣнія, что существуетъ большая разница между цѣнностью труда одного человѣка и цѣнностью труда другого человѣка, въ зависимости отъ силы, ловкости и добросовѣстности въ трудѣ. Но, по личному опыту, я вполнѣ увѣренъ, что любые пять человѣкъ, сообща, исполняютъ количество труда, которое исполняютъ всякіе другіе пять человѣкъ того возраста, о которомъ я говорилъ выше, это значитъ, что между пятью такими работниками одинъ обладаетъ всѣми

день большого числа одновременно занятыхъ рабочихъ, раздѣленный на число рабочихъ, есть самъ по себѣ средній общественный рабочій день. Предположимъ, напр., что рабочій день одного рабочаго составляетъ 12 ч., тогда рабочій день 12 одновременно занятыхъ рабочихъ составитъ совокупный рабочій день въ 144 часа, и хотя работа каждаго изъ этой дюжины людей больше или меньше уклоняется отъ средняго общественнаго труда, и каждый, поэтому, употребляетъ для одной и той же работы больше или меньше времени, однако, рабочій день каждаго, въ качествѣ двѣнадцатой доли совокупнаго рабочаго дня въ 144 часа, представляетъ средній общественный день. Для капиталиста же, который занимаетъ дюжину рабочихъ, рабочій день существуетъ, какъ коллективный рабочій день всей дюжины рабочихъ. Рабочій день каждаго отдѣльнаго рабочаго существуетъ для него только какъ дробная часть коллективнаго рабочаго дня, совершенно независимо отъ того, производятъ ли эти 12 человѣкъ послѣдовательныя примыкающія другъ къ другъ операціи, или же ихъ работы связаны между собой лишь постольку, поскольку они всѣ работаютъ на одного и того же капиталиста. Но если, напротивъ того, эти 12 рабочихъ будутъ по-двое работать на мелкихъ хозяевъ, то лишь случайно каждый отдѣльный хозяинъ можетъ произвести ту же самую массу цѣнностей и реализовать, такимъ образомъ, одинаковый общій уровень прибавочной цѣнности, ибо въ этомъ случаѣ будутъ имѣть мѣсто индивидуальныя отклоненія отъ средней. Если рабочій тратитъ значительно больше времени для производства какого-либо товара, чѣмъ это общественно необходимо, и, такимъ образомъ, необходимое для него индивидуально рабочее время значительно уклоняется отъ общественно необходимаго или средняго рабочаго времени, то его трудъ не считается за средній трудъ, его рабочая сила не считается за среднюю рабочую силу. Она или вовсе не будетъ продана или будетъ продана ниже средней цѣнности рабочей силы. Поэтому, извѣстный минимумъ трудовой умѣлости всегда предполагается, и мы позже увидимъ, что капиталистическое производство находитъ средства измѣрять этотъ минимумъ. Тѣмъ не менѣе, и этотъ минимумъ уклоняется отъ средней величины, хотя предпринимателю приходится оплачивать все-таки среднюю рабочую силу. Поэтому, изъ шести мелкихъ хозяевъ, одинъ извлечетъ больше, другой меньше общаго уровня прибавочной цѣнности. Эти неравенства взаимно уравновѣшиваются, для всего общества, но не для отдѣльныхъ мелкихъ хозяевъ. Законъ возрастанія цѣнности вообще реализуется вполнѣ для отдѣльнаго производителя лишь тогда, когда онъ производитъ какъ капиталистъ, занимающій одновременно много рабочихъ, т. е. когда онъ съ самаго начала приводитъ въ движеніе средній общественный трудъ [2]).

качествами хорошаго работника, одинъ—плохого, остальные трое—средняго, составляя переходъ отъ перваго къ послѣднему. Такимъ образомъ, даже такая маленькая группа, какъ пять человѣкъ, дастъ намъ всегда и вполнѣ то, что вообще пять человѣкъ могутъ произвести». (E. Burke, l. c. p. 16). Ср. также Quételet о среднемъ индивидуумѣ.

[2]) Господинъ профессоръ Рошеръ полагаетъ, что онъ открылъ, что одна швея которая работаетъ у госпожи профессорши въ теченіе двухъ дней, используетъ боль-

Но и при неизмѣнныхъ пріемахъ труда одновременное употребленіе большого числа рабочихъ производитъ цѣлую революцію въ матеріальныхъ условіяхъ процесса труда. Строенія, въ которыхъ работаютъ много лицъ вмѣстѣ, склады для сырыхъ матеріаловъ и т. п., сосуды, инструменты, аппараты и т. д., служащіе для многихъ лицъ одновременно или поочередно, словомъ—извѣстная часть средствъ производства потребляется теперь въ процессѣ труда сообща. Съ одной стороны, мѣновая цѣнность товаровъ и, слѣдовательно, средствъ производства въ томъ числѣ, нисколько не увеличивается вслѣдствіе усиленной утилизаціи ихъ потребительной цѣнности. Съ другой стороны, растетъ объемъ потребляемыхъ сообща средствъ производства. Комната, въ которой работаетъ 20 ткачей съ ихъ 20 станками, должна быть просторнѣе, чѣмъ комната одного независимаго ткача съ двумя подмастерьями. Но постройка мастерской для 20 человѣкъ стоитъ меньше труда, чѣмъ постройка 10 мастерскихъ, изъ которыхъ каждая разсчитана на двухъ человѣкъ. И, такимъ образомъ, вообще цѣнность концентрированныхъ въ цѣлыхъ массахъ и сообща примѣняемыхъ средствъ производства возрастаетъ непропорціонально ихъ объему и извлекаемой изъ нихъ пользѣ. Сообща употребляемыя средства производства переносятъ на каждый отдѣльный продуктъ меньшую долю своей цѣнности; отчасти потому, что общая цѣнность, которую они передаютъ, одновременно распредѣляется на большую массу продуктовъ; отчасти же вслѣдствіе того, что въ сравненіи съ единичными средствами производства, они вступаютъ въ производство, хотя и съ абсолютно большей, но, по отношенію къ сферѣ ихъ дѣйствій, съ относительно меньшей цѣнностью. Съ тѣмъ вмѣстѣ уменьшается извѣстная часть цѣнности постояннаго капитала, и, въ силу этого, пропорціонально величинѣ этой части, понижается и общая цѣнность товара. Это производитъ такое дѣйствіе какъ будто бы средства производства товара стали производиться дешевле. Такая экономія въ употребленіи средствъ производства вытекаетъ только изъ ихъ совмѣстнаго потребленія въ процессѣ труда многихъ рабочихъ. И средствамъ производства эта роль—условій общественнаго труда или общественныхъ условій труда, въ отличіе отъ разрозненныхъ и, относительно, болѣе дорогихъ средствъ производства единичныхъ самостоятельныхъ рабочихъ или мелкихъ хозяевъ,—достается даже и тогда, когда многіе рабочіе трудятся не сообща, а лишь вмѣстѣ въ одномъ помѣщеніи, т. е. соединены только пространственно. Извѣстная часть средствъ производства получаетъ такой общественный характеръ раньше, чѣмъ его пріобрѣтаетъ самый процессъ труда.

Экономію въ средствахъ производства слѣдуетъ вообще разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія: во-первыхъ, поскольку она содѣйствуетъ удешевленію товаровъ, и, въ силу этого, понижаетъ цѣнность рабочей силы; во-вторыхъ, поскольку она измѣняетъ отношеніе между прибавочной цѣнностью и всѣмъ авансированнымъ капиталомъ, т. е. цѣнностью его постоянныхъ и перемѣнныхъ частей.

шее количество работы, чѣмъ двѣ швеи въ теченіе одного дня. Лучше было бы, если бы господинъ профессоръ свои наблюденія надъ капиталистическимъ процессомъ производства производилъ не въ дѣтской и не при такихъ условіяхъ, гдѣ недостаетъ главнаго дѣйствующаго лица, т. е. капиталиста.

Этотъ послѣдній пунктъ будетъ разбираться только въ первомъ отдѣлѣ третьей книги этого сочиненія, гдѣ мы, ради связи, изложимъ и кое что, относящееся уже къ предмету настоящей первой книги. Ходъ нашего анализа требуетъ такого разсѣченія предмета на двое, которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, соотвѣтствуетъ и духу капиталистическаго производства. Такъ какъ въ капиталистическомъ производствѣ условія труда выступаютъ самостоятельно по отношенію къ рабочему, то и ихъ экономія является особой операціей, которая не касается рабочаго и, поэтому, отдѣлена отъ методовъ повышенія его личной производительности.

Форма труда, при которой много рабочихъ планомѣрно, рядомъ и совмѣстно другъ съ другомъ, работаютъ въ одномъ и томъ же или различныхъ, но связанныхъ между собою процессахъ труда, называется кооперацией [10]).

Какъ наступательная сила кавалерійскаго эскадрона или сила сопротивленія пѣхотнаго полка существенно отличается отъ суммы индивидуальныхъ силъ наступленія и сопротивленія, развиваемыхъ каждымъ отдѣльнымъ кавалеристомъ и пѣхотинцемъ,—точно также и механическая сумма силъ отдѣльныхъ рабочихъ отличается отъ общественной силы, которая развивается ими, когда множество рукъ одновременно и сообща занято въ одной и той же нераздѣльной операціи, состоящей, напр., въ поднятіи какой либо тяжести, верченіи тяжелаго ворота или устраненіи съ пути какого-либо препятствія [11]). Въ такихъ случаяхъ работа комбинированнаго труда либо вовсе не могла бы быть выполнена одиночными рабочими, либо могла бы быть исполнена или или въ большій промежутокъ времени, или лишь въ неполной мѣрѣ. Вѣдь, здѣсь дѣло не только въ повышеніи, посредствомъ кооперацiи, индивидуальной производительной силы, но и въ созданіи новой производительной силы, которая должна быть по существу массовой силой [11a]).

Но и помимо новой силы, которая образуется отъ сліянія многихъ силъ въ одну совокупную силу, при большинствѣ производительныхъ работъ уже одинъ фактъ общественнаго соприкосновенія или контакта вызываетъ соревнованіе и своеобразное возбужденіе духа (animal spirits), которыя возвышаютъ производительность отдѣльныхъ рабочихъ, такъ что дюжина лицъ вмѣстѣ произведутъ въ одинаковый рабочій день въ 144 часа гораздо большій общій продуктъ, чѣмъ 12 отдѣльныхъ рабочихъ, изъ которыхъ каждый работаетъ 12 часовъ, или чѣмъ одинъ рабочій въ 12 послѣдовательныхъ дней [12]). Это про-

[10]) «Concours de forces» (Взаимное содѣйствіе силъ). Destutt de Tracy, l. c. p. 78.

[11]) «Существуетъ множество операцій столь простыхъ, что ихъ нельзя раздѣлить на части и нельзя выполнить безъ кооперацiи большого числа рукъ. Таково, напр., поднятіе тяжелаго бревна съ тѣмъ, чтобы положить его на повозку, словомъ, всякое дѣло, которое не можетъ быть сдѣлано безъ одновременнаго участія множества рукъ въ одномъ и томъ же недѣлимомъ занятіи». (E. G. Wakefield: «A View of the Art of Colonization. London 1849», p. 168).

[11a]) «Въ то время, какъ одинъ человѣкъ не можетъ поднять тяжести, вѣсомъ въ цѣлую тонну, а 10 человѣкъ должны для этого напрягать всѣ свои силы,—сто человѣкъ сдѣлаютъ это, дѣйствуя каждый лишь однимъ пальцемъ». (John Bellers: «Proposals for raising a colledge of industry. London 1696», p. 21).

[12]) «При этомъ (т. е., когда одно и то же количество рабочихъ употребляется однимъ фермеромъ для обработки 300 акровъ, вмѣсто того, чтобы работать у 10

исходитъ отъ того, что человѣкъ по природѣ своей, если не политическое, какъ думаетъ Аристотель [13]), то во всякомъ случаѣ общественное животное.

Хотя многіе рабочіе одновременно исполняютъ сообща одну и ту же, или однородную операцію, однако индивидуальныя работы отдѣльныхъ рабочихъ, какъ части общаго труда, могутъ представлять различныя фазы самого процесса труда, черезъ которыя предметъ труда, благодаря кооперація, проходитъ скорѣе, чѣмъ при изолированномъ трудѣ. Такъ, напр., когда каменьщики образуютъ цѣпь для передачи по лѣсамъ кирпичей на верхъ какой-либо постройки, каждый изъ нихъ производитъ одну и ту же работу, но тѣмъ не менѣе отдѣльныя ихъ операціи образуютъ здѣсь послѣдовательныя части одной общей операціи, особыя фазы, которыя каждый кирпичъ долженъ пройти въ процессѣ труда, и которыя онъ при помощи 24 рукъ коллективнаго рабочаго проходитъ скорѣе, чѣмъ при помощи двухъ рукъ единичнаго рабочаго, которому пришлось бы подниматься и пускаться по лѣсамъ [14]). Предметъ труда проходитъ здѣсь, слѣдовательно, то же самое пространство въ болѣе короткое время. Съ другой стороны комбинированный трудъ мы видимъ и тогда, когда, напр., приступаютъ къ постройкѣ дома одновременно съ разныхъ концовъ, хотя и здѣсь кооперирующіе рабочіе дѣлаютъ одну и ту же или однородную операцію. Сложный (комбинированный) рабочій день изъ 144 часовъ, охватывающій предметъ труда со многихъ сторонъ,—такъ какъ сложный (комбинированный) или совокупный рабочій имѣетъ глаза и руки спереди и сзади и, до извѣстной степени, одаренъ вездѣсущіемъ,—производитъ совокупный продуктъ скорѣе, чѣмъ 12 двѣнадцатичасовыхъ рабочихъ дней болѣе или менѣе изолированныхъ рабочихъ, которые могутъ взяться за свою работу лишь односторонне. При этихъ усло-

арендаторовъ, имѣющихъ каждый по 30 акровъ) такое количество работниковъ представляетъ еще одно преимущество, которое легко поймутъ лишь практическіе люди; естественно каждому кажется, что 3 относится къ 12, какъ 1 : 4, но на практикѣ это не совсѣмъ такъ. Во время жатвы и при другихъ подобныхъ работахъ, когда приходится спѣшить, дѣло идетъ быстрѣе и лучше, если работаютъ много рукъ заразъ. При жатвѣ, напр., 2 погонщика, 2 погрузчика, 2 косца, 2 загребальщика и нѣсколько человѣкъ при стогахъ или на гумнѣ, сдѣлаютъ вдвое больше работы, чѣмъ то же самое число рукъ, разсѣянныхъ по разнымъ хозяйствамъ». («An Enquiry in to the Connection between the present price of provisions and the size of farms. By a Farmer. Lond. 1773», p. 7, 8).

[13]) Опредѣленіе Аристотеля, собственно говоря, означаетъ, что человѣкъ, по самой природѣ своей, есть членъ городской общины («полиса»). Для древне-классическаго міра это опредѣленіе столь же характерно, какъ опредѣленіе Франклина, что человѣкъ по природѣ есть производитель орудій, характерно для янки.

[14]) «On doit encore remarquer que cette division partielle du travail peut se faire quand même les ouvriers sont occupés d'une même besogne. Des maçons par exemple, occupés de faire passer de mains en mains des briques à un échafaudage supérieur, font tous la même besogne et pourtant il existe parmi eux une espèce de division de travail, qui consiste en ce que chacun d'eux fait passer la brique par un espace donné, et que tous ensemble la font parvenir beaucoup plus promptement à l'endroit marqué qu'ils ne feraient si chacun d'eux portait sa brique séparement jusqu'à l'échafaudage supérieur». (F. Skarbek: «Théorie des richesses sociales. 2-ème éd. Paris, 1848», t. I, p. 97, 98).

вiяхъ, различныя пространственно раздѣленныя части продукта созрѣваютъ, такъ сказать, въ одно и то же время.

Мы подчеркивали, что многіе работники, дополняющіе другъ друга, производятъ одну и ту же или однородную работу, потому что эта простѣйшая форма совмѣстнаго труда играетъ большую роль и въ самой совершенной формѣ кооперацiи. При сложномъ процессѣ труда одна уже масса совмѣстно работающихъ людей позволяетъ распредѣлять различныя операцiи между различными рабочими, совершать ихъ, поэтому, одновременно и этимъ сокращать необходимое для приготовленiя всего продукта рабочее время [16]).

Во многихъ отрасляхъ производства бываютъ критическiе моменты, т. е. опредѣляемые самой природой даннаго процесса труда перiоды, въ теченiе которыхъ извѣстные результаты труда должны обязательно быть достигнуты. Если, напр., требуется остричь стадо овецъ или сжать нѣсколько десятинъ, то количество и качество продукта зависитъ отъ того, будетъ ли операцiя начата и закончена въ извѣстное время. Промежутокъ времени, который можетъ продолжаться процессъ труда, здѣсь точно предписанъ самой природой, подобно тому, какъ онъ предписанъ, напр., при ловлѣ сельдей. Одиночный рабочiй изъ одного дня можетъ выкроить только одинъ рабочiй день, положимъ, въ 12 часовъ, но кооперацiя 100, напр., человѣкъ расширяетъ одинъ двѣнадцатичасовой день въ рабочiй день изъ 1.200 часовъ. Краткость рабочаго перiода вознаграждается здѣсь величиною той массы труда, которая въ рѣшительную минуту выбрасывается на поле производства. Своевременность эффекта зависитъ здѣсь отъ одновременности въ примѣненiи многихъ комбинированныхъ рабочихъ дней, а размѣръ этого полезнаго эффекта—отъ числа рабочихъ; послѣднее, однако, всегда бываетъ меньше числа рабочихъ, которые, трудясь каждый отдѣльно, могли бы въ тотъ же промежутокъ времени выполнить ту же работу [16]). Именно благодаря недостатку кооперацiи этого рода, на западѣ Соединенныхъ Штатовъ ежегодно пропадаетъ масса хлѣба, а въ нѣкоторыхъ частяхъ Остъ-Индiи, гдѣ англiйское владычество разрушило древнiй общинный строй, ежегодно расточается масса хлопка [17])

---

[16]) «Когда дѣло идетъ объ исполненiи сложной работы, многiя вещи должны исполняться одновременно. Одинъ дѣлаетъ одну работу въ то время, какъ другой дѣлаетъ другую, и всѣ содѣйствуютъ достиженiю результата, котораго не могъ бы достигнуть одинъ человѣкъ. Одинъ гребетъ, между тѣмъ какъ другой правитъ, а третiй выбрасываетъ сѣть или бросаетъ въ рыбу острогу, и ловля, такимъ образомъ, имѣетъ успѣхъ, который былъ бы невозможенъ безъ этого взаимнаго содѣйствiя». (Destutt de Tracy, l. c.).

[16]) «Выполненiе его (земледѣльческаго труда) въ критическiй моментъ имѣетъ громадную важность» (An Inquiry in to the Connection between the present price etc., p. 9). «Въ земледѣлiи нѣтъ другого болѣе важнаго фактора, чѣмъ время». (Liebig: «Ueber Theorie und Praxis in der Landwirtschaft. 1856», p. 23).

[17]) «Ближайшее зло, котораго едва ли кто могъ ожидать въ странѣ, вывозящей больше живого труда, чѣмъ какая либо другая страна въ мiрѣ, за исключенiемъ развѣ Китая и Англiи, состоитъ въ невозможности добыть достаточное число рукъ для очистки хлопка. Вслѣдствiе этого громадная масса жатвы остается вовсе не собранной, а другая часть подбирается съ земли, когда она уже обвалялась, потеряла свой цвѣтъ и сгнила. Такимъ образомъ, вслѣдствiе отсутствiя ра-

Съ одной стороны, кооперація позволяетъ раздвигать пространственную сферу труда; извѣстныя предпріятія, какъ осушка земель, орошеніе, устройство плотинъ, грунтовыхъ и желѣзныхъ дорогъ и т. п., нуждаются въ ней уже вслѣдствіе одного пространственнаго положенія предмета труда. Съ другой стороны, она позволяетъ пространственное суженіе области труда, по сравненію съ размѣрами производства. Это сокращеніе пространственной сферы труда при одновременномъ расширеніи сферы его дѣйствія, вслѣдствіе чего избѣгается цѣлая масса напрасныхъ издержекъ (faux frais), происходитъ отъ скопленія (конгломераціи) рабочихъ, отъ сближенія различныхъ процессовъ труда и отъ концентраціи средствъ производства [18]).

По сравненію съ одинаковой суммой одиночныхъ индивидуальныхъ рабочихъ дней, сложный (комбинированный) рабочій день производитъ большую массу потребительной цѣнности и уменьшаетъ, поэтому, рабочее время, необходимое для полученія извѣстнаго полезнаго эффекта. Безразлично, отъ чего пріобрѣтаетъ онъ въ каждомъ частномъ случаѣ эту увеличенную производительную силу, отъ того ли, что онъ повышаетъ механическую силу труда, или расширяетъ пространственную сферу его дѣйствія, или сокращаетъ пространственное поле производства, по сравненію съ размѣрами производства; отъ того ли, что въ критическій моментъ онъ въ немного времени пускаетъ въ ходъ много труда, или возбуждаетъ соревнованіе между отдѣльными рабочими и напрягаетъ ихъ душевную энергію; или придаетъ однообразнымъ дѣйствіямъ многихъ работниковъ характеръ непрерывности и многосторонности; или экономизируетъ средства производства, благодаря совмѣстному пользованію ими; или, наконецъ, придаетъ индивидуальному труду характеръ средняго общественнаго труда. Все это безразлично въ томъ смыслѣ, что при всѣхъ этихъ условіяхъ специфическая производительная сила сложнаго (комбинированнаго) рабочаго дня есть не что иное какъ общественная производительная сила труда или производительная сила общественнаго труда. Она вытекаетъ изъ самого факта кооперація. Въ цѣлесообразной совмѣстной работѣ съ другими рабочій выходитъ изъ ограниченныхъ рамокъ своей индивидуальности и развиваетъ свои родовыя качества и способности [19]).

бочихъ въ нужное время, поздѣлыватель хлопка вынужденъ терпѣть потерю значительной части той жатвы, которой Англія дождивется съ такимъ петерпѣніемъ». (Bengal Hurcuru. By-Monthly Overland Summary of News, 22 July 1861).

[18]) «Съ прогрессомъ земледѣльческой культуры, весь тотъ капиталъ и тотъ трудъ, (или, можетъ быть, больше), которые раньше эксплуатировали 500 акровъ, теперь концентрируются для болѣе тщательной обработки на 100 акрахъ». Хотя «относительно количества употребляемыхъ капитала и труда, пространство сконцентрировалось, тѣмъ не менѣе сфера производства расширилась, если сравнить ее со сферой производства, занимавшейся и обработывавшейся раньше одними единичными и независимыми производителемъ». (R. Jones: «An Essai on the Distribution of Wealth. On Rent. Lond. 1831», p. 191).

[19]) «Сила единичнаго человѣка ничтожна, но соединеніе многихъ незначительныхъ силъ образуетъ общую силу, которая больше ихъ суммы, такъ что простымъ фактомъ своего соединенія онѣ могутъ уменьшить время и увеличить сферу своей дѣятельности» (G. R. Carli, прим. къ P. Verri, l. c. t. XV, p. 196).

Если рабочіе вообще не могутъ непосредственно трудиться сообща, не находясь вмѣстѣ, и если, поэтому, соединеніе ихъ въ опредѣленномъ мѣстѣ есть обязательное условіе ихъ кооперація,—то наемные рабочіе могутъ кооперировать только тогда, когда ихъ одновременно употребляетъ одинъ и тотъ же капиталъ, одинъ и тотъ же капиталистъ, т. е. когда онъ одновременно покупаетъ ихъ рабочую силу. Поэтому совокупная цѣнность этой рабочей силы или извѣстная сумма заработной платы за день, недѣлю и т. п. должна быть соединена въ карманѣ капиталиста, прежде чѣмъ сами рабочія силы будутъ соединены въ процессѣ производства. Единовременная оплата 300 рабочихъ, даже за одинъ только день труда, требуетъ большаго капитала, чѣмъ еженедѣльная оплата небольшого числа рабочихъ въ теченіе цѣлаго года. Поэтому, число кооперирующихъ рабочихъ, или степень развитія кооперація, зависитъ прежде всего отъ величины того капитала, который отдѣльный капиталистъ можетъ предварительно выложить на покупку рабочей силы, т. е. отъ размѣровъ, въ которыхъ одинъ капиталистъ можетъ располагать средствами существованія многихъ рабочихъ.

Съ постояннымъ капиталомъ дѣло обстоитъ точно такъ же, какъ съ перемѣннымъ. Предварительная затрата, напр., на сырой матеріалъ въ 30 разъ больше для одного капиталиста, занимающаго 300 рабочихъ, чѣмъ для каждаго изъ 30 капиталистовъ, занимающихъ по 10 рабочихъ. Размѣры цѣнности и матеріальная масса сообща употребляемыхъ средствъ труда возрастаютъ, правда, не въ той же самой степени, въ которой возрастаетъ количество занятыхъ рабочихъ, но они все-таки возрастаютъ значительно. Концентрація большихъ массъ средствъ производства въ рукахъ отдѣльныхъ капиталистовъ составляетъ, такимъ образомъ, матеріальное условіе кооперація наемныхъ рабочихъ, а объемъ кооперація или размѣры производства зависятъ отъ степени этой концентрація.

Первоначально наличность извѣстнаго минимума индивидуальнаго капитала являлась необходимой для того, чтобы одновременно эксплуатируемыхъ рабочихъ, и, слѣдовательно, массы производимой прибавочной цѣнности хватало—освободить самого предпринимателя отъ физическаго труда, т. е. было бы достаточно для превращенія мелкаго мастера въ капиталиста и для формальнаго созданія экономическаго отношенія, именуемаго капиталомъ. Теперь же, въ дальнѣйшемъ развитіи, этотъ минимумъ индивидуальнаго капитала является матеріальнымъ условіемъ для превращенія многихъ разрозненныхъ и взаимно независимыхъ индивидуальныхъ процессовъ труда въ одинъ сложный (комбинированный) общественный процессъ труда.

Точно также и господство капитала надъ трудомъ первоначально являлось лишь формальнымъ слѣдствіемъ того, что рабочій, вмѣсто того, чтобы работать на себя, сталъ работать для капиталиста, слѣдовательно, и подъ его командой. Съ развитіемъ же кооперація многихъ рабочихъ правящая роль капитала преобразуется въ необходимое условіе исполненія самого процесса труда, въ дѣйствительное условіе производства. Начальство капиталиста на полѣ производства становится теперь столь же неизбѣжнымъ, какъ начальство генерала на полѣ сраженія.

Всякая непосредственно общественная или совмѣстная работа въ большихъ размѣрахъ требуетъ большаго или меньшаго руководительства, которое устанавливаетъ гармонію индивидуальныхъ дѣйствій и выполняетъ общія функціи, вытекающія изъ движенія совокупнаго производительнаго организма, поскольку оно отлично отъ движенія его самостоятельныхъ органовъ. Отдѣльный скрипачъ самъ дирижируетъ собой, оркестръ же нуждается въ капельмейстерѣ. Эта функція управленія, надзора и согласованія отдѣльныхъ дѣйствій становится функціей капитала, какъ только подчиненный ему трудъ становится кооперативнымъ. Въ качествѣ специфической функціи капитала, функція управленія пріобрѣтаетъ специфическія отличительныя черты.

Прежде всего побудительнымъ мотивомъ и опредѣляющей цѣлью капиталистическаго процесса производства является возможно большее самовозрастаніе цѣнности капитала [20]), т. е. возможно большее производство прибавочной цѣнности и, слѣдовательно, возможно большая эксплуатація рабочей силы капиталистомъ. Вмѣстѣ съ возрастаніемъ числа одновременно занятыхъ рабочихъ, возрастаетъ и ихъ сопротивленіе, и, слѣдовательно, по необходимости, и обратное давленіе капитала, направленное на преодолѣніе этого сопротивленія. Управленіе капиталиста не есть только особенная функція, вытекающая изъ природы общественнаго процесса труда и ему свойственная; оно вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ функцію эксплуатаціи общественнаго процесса труда, и, въ качествѣ таковой, обусловливается неизбѣжнымъ антагонизмомъ между эксплуататоромъ и матеріаломъ его эксплуатаціи. Точно также,—съ возрастаніемъ размѣровъ средствъ производства, представляющихъ для рабочаго чужую собственность,—возрастаетъ и необходимость контроля надъ ихъ цѣлесообразнымъ употребленіемъ [21]). Далѣе,—кооперація наемныхъ рабочихъ есть лишь простой результатъ дѣйствія капитала, ихъ одновременно занимающаго. Сочетаніе ихъ функцій и ихъ единство въ качествѣ совокупнаго производительнаго организма, такъ сказать, лежитъ внѣ самихъ рабочихъ, въ капиталѣ, который ихъ сводитъ воедино и держитъ вмѣстѣ. Взаимная связь ихъ индивидуальныхъ работъ является для нихъ, поэтому, въ идеѣ,—планомъ капиталиста, а на практикѣ—авторитетомъ капиталиста, властью чужой воли, подчиняющей ихъ дѣятельность своей цѣли.

---

[20]) «Прибыль... есть единственная цѣль промышленности». («Profits... is the sole end of trade». J. Vanderlint, l. c. p. 11).

[21]) Англійская фабричная газета Spectator отъ 3 іюня 1866 г. сообщаетъ, что послѣ введенія чего-то въ родѣ товарищества между капиталистомъ и рабочими въ «wirework company of Manchester», «первымъ результатомъ было внезапное уменьшеніе порчи инструментовъ и т. п., такъ какъ рабочіе скоро увидѣли, что имъ, какъ и всякому другому хозяину, незачѣмъ портить своей собственности; а безполезная порча инструментовъ и т. п., послѣ неосторожныхъ долговъ, есть, можетъ быть, главнѣйшій источникъ потерь для промышленнаго предпринимателя». Эта самая газета находитъ слѣдующій основной недостатокъ въ рочдельскихъ кооперативныхъ опытахъ: «Они показали, что рабочіе ассоціаціи могутъ съ успѣхомъ управлять магазинами, фабриками и промышленными предпріятіями почти всякаго рода, и въ то же время они чрезвычайно улучшили положеніе рабочихъ: но!... но они не оставили никакого замѣтнаго мѣста для капиталиста». Quel horreur!

Если, поэтому, капиталистическое управленіе, по содержанію своему, двойственно, благодаря двойственности самого управляемаго процесса производства, который, съ одной стороны, есть общественный процессъ труда, направленный на производство какого-либо продукта, а съ другой—процессъ созиданія капиталомъ прибавочной цѣнности,—то по формѣ это управленіе всегда является деспотическимъ. Съ развитіемъ кооперація въ большихъ размѣрахъ этотъ деспотизмъ развиваетъ свои особыя формы. Какъ капиталистъ прежде всего избавляется отъ ручного труда, лишь только его капиталъ достигаетъ той минимальной величины, съ которой и начинается настоящее капиталистическое производство,—такъ теперь онъ и эту функцію непосредственнаго непрерывнаго надзора за отдѣльными рабочими и рабочими группами уступаетъ наемнымъ рабочимъ особаго рода. Какъ военная армія, такъ и рабочая масса, дѣйствующая сообща подъ начальствомъ одного капиталиста, тоже нуждается въ промышленныхъ офицерахъ (управляющихъ, managers) и унтеръ-офицерахъ (надсмотрщикахъ, foremen, overlookers, contremaîtres), которые, въ продолженіе процесса труда командуютъ отъ имени капитала. Трудъ, состоящій въ высшемъ надзорѣ, становится ихъ исключительной функціей. При сравненіи способа производства независимыхъ земледѣльцевъ или самостоятельныхъ ремесленниковъ, съ основаннымъ на рабствѣ хозяйствомъ плантаторовъ, экономисты причисляютъ этотъ трудъ надзора къ faux frais производства [21a]). Напротивъ того, при изслѣдованіи капиталистическаго способа производства, они отождествляютъ эту функцію управленія, поскольку она вытекаетъ изъ природы совмѣстнаго процесса труда, съ той же самой функціей, поскольку она обусловливается капиталистическимъ, а слѣдовательно — антагонистическимъ характеромъ этого процесса [22]). Капиталистъ не потому является капиталистомъ, что онъ—руководитель промышленности, а наоборотъ,—онъ становится руководителемъ промышленности именно потому, что онъ капиталистъ. Главное начальство въ промышленности становится аттрибутомъ капитала, какъ въ феодальную эпоху начальство на войнѣ и на судѣ было аттрибутомъ поземельной собственности [22a]).

[21a]) Объявивъ, что «superintendence of labour» составляетъ главную характерную черту рабовладѣльческаго хозяйства въ южныхъ штатахъ Сѣверной Америки, профессоръ Cairnes продолжаетъ: «Землевладѣлецъ-собственникъ (Сѣвера), «присваивающій себѣ весь продуктъ своей земли, не нуждается ни въ какомъ другомъ побужденіи къ труду. Всякій надзоръ здѣсь совершенно излишенъ». (Cairnes, l. c. p. 48, 49).

[22]) Sir James Steuart, который вообще удивительно зорко схватываетъ характеристическія общественныя особенности разныхъ способовъ производства, замѣчаетъ: «Почему же предпріятія частныхъ лицъ подрываются крупными промышленными предпріятіями, какъ не потому, что эти послѣднія приближаются гораздо больше простому режиму рабства?» (Princ. of Pol. Econ., Lond. 1767, v. I. p. 167, 168).

[22a]) О. Контъ и его школа могли бы, поэтому, такъ же хорошо доказывать вѣчную необходимость феодальныхъ барономъ, какъ они доказываютъ необходимость господъ капиталистовъ.

Рабочій только до тѣхъ поръ—собственникъ своей рабочей силы, пока онъ, какъ продавецъ ея, договаривается о цѣнѣ ея съ капиталистомъ, и онъ можетъ продавать только то, чѣмъ обладаетъ, т. е. свою индивидуальную, единичную рабочую силу. Это отношеніе нисколько не измѣняется отъ того обстоятельства, что капиталистъ покупаетъ, вмѣсто одной, сто рабочихъ силъ, и, вмѣсто договора съ однимъ рабочимъ, заключаетъ его со ста независимыми другъ отъ друга работниками. Онъ можетъ занять эти 100 рабочихъ, и не заставляя ихъ непремѣнно кооперировать. Капиталистъ, поэтому, оплачиваетъ цѣнность ста самостоятельныхъ рабочихъ силъ, но сложной (комбинированной) рабочей силы сотни рабочихъ онъ не оплачиваетъ. Какъ независимыя личности, рабочіе представляютъ собою одиночекъ, вступающихъ въ отношеніе къ одному и тому же капиталу, но не между собою. Ихъ кооперація начинается только въ процессѣ труда, но въ процессѣ труда они уже перестаютъ принадлежать себѣ самимъ. Съ момента вступленія въ него, они дѣлаются принадлежностью капитала. Какъ кооперирующіе люди, какъ члены одного дѣятельнаго механизма, они сами составляютъ только особую форму существованія капитала. Поэтому, производительная сила, которую рабочій развиваетъ въ качествѣ общественнаго рабочаго, есть производительная сила капитала. Общественная производительная сила труда развивается безвозмездно, какъ только рабочіе поставлены въ извѣстныя, опредѣленныя условія. И капиталъ ставитъ ихъ въ эти условія. Такъ какъ общественная производительная сила труда ничего не стоитъ капиталисту, и такъ какъ, съ другой стороны, она не развивается рабочимъ прежде, чѣмъ самый его трудъ начинаетъ принадлежать капиталу, то, поэтому, она является, какъ производительная сила, которой капиталъ владѣетъ отъ природы, какъ его имманентная производительная сила.

Въ колоссальныхъ размѣрахъ обнаруживается дѣйствіе простой кооперацiи въ гигантскихъ сооруженіяхъ древнихъ азіатскихъ народовъ, египтянъ, этрусковъ и т. д. «Въ древнія времена случалось, что у этихъ азіатскихъ государствъ, послѣ покрытія ихъ гражданскихъ и военныхъ расходовъ, оказывался излишекъ средствъ существованія, который они могли употребить на предметы роскоши или на полезныя работы. Власть располагать руками почти всего неземледѣльческаго населенія и исключительное право монарха и жрецовъ на этотъ излишекъ давали имъ возможность сооружать тѣ могучіе памятники, которыми они покрыли цѣлыя страны. При постановкѣ колоссальныхъ статуй и перемѣщеніи огромныхъ массъ, передвиженіе которыхъ приводитъ въ изумленіе, употреблялся самымъ расточительнымъ образомъ исключительно одинъ лишь человѣческій трудъ. Множество рабочихъ и концентрація ихъ усилій были достаточны для этихъ предпріятій. Такъ мы видимъ, какъ изъ глубины океана поднимаются могучіе коралловые рифы и образуютъ острова и материки, хотя каждое индивидуальное отложеніе (depositary) и его виновникъ.—жалко-ничтожны и заслуживаютъ только презрѣнія. Неземледѣльческіе рабочіе какой-либо азіатской монархіи могли внести въ дѣло мало что, кромѣ своихъ индивидуальныхъ физическихъ усилій, но ихъ сила заключалась въ ихъ числѣ; а власть управленія этими массами создала гигантскія сооруженія. Концентрація въ однѣхъ или въ

немногихъ рукахъ средствъ существованія рабочихъ дѣлала возможными такія предпріятія» [23]). Эта власть азіатскихъ и египетскихъ царей, этрусскихъ теократовъ и т. д. въ современномъ обществѣ принадлежитъ капиталисту, — безразлично, выступаетъ ли онъ въ качествѣ отдѣльнаго капиталиста или, какъ въ акціонерныхъ обществахъ, въ качествѣ капиталиста коллективнаго.

Кооперація въ процессѣ труда, въ томъ видѣ какъ мы ее находимъ въ началѣ человѣческой культуры у охотничьихъ народовъ [23a]) или въ индійскихъ земледѣльческихъ общинахъ, основана, съ одной стороны, на общинномъ владѣніи средствами производства, а съ другой стороны,— на томъ фактѣ, что отдѣльный индивидуумъ еще не разорвалъ пуповины, привязывающей его къ племени или общинѣ, и прикрѣпленъ къ нимъ такъ же прочно, какъ отдѣльная пчела къ своему улью. И то и другое отличаетъ эту кооперацію отъ коопераціи капиталистической. Спорадическое примѣненіе коопераціи въ обширныхъ размѣрахъ въ древнемъ мірѣ, въ средніе вѣка и въ новѣйшихъ колоніяхъ основывается на непосредственныхъ отношеніяхъ господства, съ одной стороны, подчиненія, съ другой, чаще же всего—прямо на рабствѣ. Капиталистическая же форма коопераціи, наоборотъ, заранѣе предполагаетъ свободнаго наемнаго рабочаго, продающаго капиталу свою рабочую силу. Исторически, однако, форма эта развивается въ противоположность къ крестьянскому хозяйству и независимому ремеслу,—все равно, обладаетъ ли это послѣднее цеховой организаціей или нѣтъ [24]). По отношенію къ нимъ капиталистическая кооперація является не какъ особая историческая форма коопераціи, но, наоборотъ, самая кооперація есть лишь особая историческая форма, свойственная капиталистическому способу производства и составляющая его специфическое отличіе отъ другихъ способовъ производства.

Какъ развиваемая, благодаря коопераціи, общественная производительная сила труда является въ качествѣ производительной силы капитала, такъ точно и самая кооперація является, какъ специфическая форма капиталистическаго способа производства, въ отличіе отъ процесса производства отдѣльныхъ независимыхъ работниковъ или даже мелкихъ хозяевъ. Это есть то первое измѣненіе, которому подвергается процессъ труда, вслѣдствіе подчиненія его капиталу. Это измѣненіе происходитъ само собою, стихійно. Одновременное занятіе большого числа наемныхъ рабочихъ, составляющее его предпосылку, является исходной точкой капиталистическаго производства, совпа-

---

[23]) R. Jones: «Textbook of Lectures etc., p. 77, 78. Древне-ассирійскія, египетскія и т. п. собранія Лондона и др. главныхъ европейскихъ городовъ дѣлаютъ насъ какъ бы очевидцами этихъ кооперативныхъ процессовъ труда.

[23a]) Linguet, пожалуй, не совсѣмъ неправъ, когда онъ въ своей «Théorie des Lois civiles» утверждаетъ, что охота представляетъ первую форму коопераціи, а охота на человѣка (война)—первую форму охоты.

[24]) Мелкое крестьянское хозяйство и независимое ремесло—оба, частью служившія основаніемъ феодальнаго способа производства, частью же появившіяся послѣ его распаденія, рядомъ съ капиталистическимъ производствомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ составляли экономическую основу античнаго общества въ его лучшее время, т. е. послѣ разложенія первоначальнаго общиннаго земледѣлія, но прежде чѣмъ рабство серьезно овладѣло производствомъ.

дающей съ самимъ существованіемъ капитала. Если, поэтому, съ одной стороны, капиталистическій способъ производства исторически необходимъ для превращенія процесса труда въ общественный процессъ, то, съ другой стороны, эта общественная форма процесса труда представляетъ собой методъ, примѣняемый капиталомъ съ цѣлью болѣе прибыльной эксплуатаціи процесса труда посредствомъ повышенія его производительной силы.

Въ своей простой формѣ, которую мы до сихъ поръ разсматривали, кооперація совпадаетъ съ крупнымъ производствомъ, но не представляетъ въ этомъ видѣ никакой прочной характеристической формы особенной эпохи въ развитіи капиталистическаго способа производства. Пожалуй, приблизительно такое значеніе она имѣетъ для зачатковъ мануфактуры, еще не далеко ушедшихъ отъ ремесла [35]), да для той формы крупнаго земледѣлія, которая соотвѣтствуетъ мануфактурному періоду и существенно отличается отъ крестьянскаго хозяйства лишь числомъ одновременно занятыхъ рабочихъ и размѣрами концентрированныхъ средствъ производства. Простая кооперація всюду представляетъ господствующую форму въ такихъ отрасляхъ производства, въ которыхъ капиталъ производитъ въ большихъ размѣрахъ, но ни раздѣленіе труда, ни примѣненіе машинъ не играютъ еще значительной роли.

Кооперація остается основной формой капиталистическаго способа производства и тогда, когда ея простѣйшій видъ представляетъ собой уже лишь особенную форму кооперація на ряду съ другими болѣе развитыми ея формами.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Раздѣленіе труда и мануфактура.

1. Двоякое происхожденіе мануфактуры.

Кооперація, покоящаяся на раздѣленіи труда, создала себѣ классическое выраженіе въ мануфактурѣ. Какъ характеристическая форма капиталистическаго процесса производства, она господствуетъ въ теченіе собственно мануфактурнаго періода, который тянется приблизительно со средины XVI-го столѣтія вплоть до послѣдней трети восемнадцатаго.

Мануфактура возникаетъ двоякимъ образомъ.

Работники разнородныхъ, самостоятельныхъ ремеслъ, черезъ руки которыхъ проходитъ какой-либо продуктъ, прежде чѣмъ стать совершенно готовымъ, соединяются въ одной мастерской, подъ командой одного и того же капиталиста. Такъ, напр., экипажъ былъ прежде коллективнымъ продуктомъ работъ значительнаго числа независимыхъ ремесленниковъ, какъ то каретника,

[35]) «Развѣ соединенное искусство, трудолюбіе и соревнованіе многихъ рабочихъ, работающихъ вмѣстѣ одну и ту же работу, не есть настоящій способъ двигать впередъ эту работу? И развѣ Англія могла бы какимъ либо другимъ способомъ довести до такой степени совершенства свою шерстяную мануфактуру?» (Berkeley: «The Querist». Lond. 1750, p. 56, § 521).

сѣдельника, портного, слесаря, портупейнаго мастера, токаря, обойщика, стекольщика, маляра, лакировщика, золотильщика и др. Экипажная мануфактура соединяетъ всѣхъ этихъ различныхъ ремесленниковъ въ одной мастерской, гдѣ они одновременно работаютъ другъ для друга. Правда, нельзя золотить карету прежде, чѣмъ она сдѣлана; но если одновременно дѣлаются много каретъ, то однѣ части ея могутъ всегда красниться, въ то время какъ другія части будутъ проходить какія-либо болѣе ранніе фазы процесса производства. До сихъ поръ мы все еще стоимъ на почвѣ простой кооперации, находящей свой человѣческій и вещный матеріалъ въ готовомъ видѣ. Но скоро въ ней совершается существенное измѣненіе. Портной, слесарь, токарь и др., которые заняты только приготовленіемъ экипажей, мало-по-малу теряютъ привычку и способность заниматься своимъ старымъ ремесломъ въ полномъ его объемѣ. Съ другой стороны, ихъ трудъ, который теперь сталъ болѣе односторонникъ, пріобрѣтаетъ самую цѣлесообразную форму для ихъ суженной сферы дѣятельности. Первоначально экипажная мануфактура являлась соединеніемъ (комбинаціей) самостоятельныхъ ремеслъ. Но мало-по-малу она становится разложеніемъ экипажнаго производства на его различныя отдѣльныя операціи; изъ нихъ каждая кристаллизуется въ исключительную функцію одного рабочаго, а совокупность всѣхъ производится союзомъ этихъ частичныхъ работниковъ (Theilarbeiter). Суконная мануфактура и цѣлый рядъ другихъ мануфактуръ возникли тѣмъ же путемъ соединенія различныхъ ремеслъ подъ командой одного и того же капитала [76]).

Мануфактура, однако, возникаетъ и противоположнымъ путемъ. Многіе ремесленники, которые производятъ одинъ и тотъ же или однородный продуктъ, напр., бумагу, шрифтъ, иголки,—занимаются одновременно однимъ и тѣмъ же капиталомъ въ одной и той же мастерской. Это есть кооперація въ ея простѣйшей формѣ. Каждый изъ этихъ ремесленниковъ (можетъ быть, съ однимъ или двумя подмастерьями) изготовляетъ весь предметъ и, слѣдовательно, совершаетъ по порядку всѣ различныя, необходимыя для его изготовленія, операціи. Онъ продолжаетъ работать своимъ старымъ ремесленнымъ способомъ.

[76]) Чтобы указать болѣе современный примѣръ образованія мануфактуры, приводимъ слѣдующую цитату: «Шелкопряденье и шелкоткачество въ Лионѣ и Нимѣ производится совершенно патріархальнымъ способомъ; эта промышленность занимаетъ много женщинъ и дѣтей, но она не истощаетъ ихъ и не портитъ; она оставляетъ ихъ въ ихъ прекрасныхъ долинахъ Дромы, Вара, Изеры, Воклюзы, гдѣ они выводятъ шелковичныхъ червей и разматываютъ ихъ коконы; никогда она не переходитъ въ типъ настоящей фабрики. Чтобы быть соблюдаемымъ... принципъ раздѣленія труда принимаетъ здѣсь спеціальныя реформы Между рабочими находятся и сортировщицы, и мотальщицы, и сучильщицы, и красильщики и ткачи; но они не соединены въ одномъ помѣщеніи и не зависятъ отъ одного и того же хозяина; всѣ они независимы». (A. Blanqui: «Cours d'Econ. Industrielle. Recueilli par A. Blaise. Paris (1838—39)», p. 79). Съ тѣхъ поръ, какъ Бланки написалъ эти строки, различные независимые работники частью уже оказались соединенными на фабрикахъ. [Къ 4 над.—А съ тѣхъ поръ, какъ Марксъ написалъ это замѣчаніе, на этихъ фабрикахъ утвердился паровой станокъ, который быстро вытѣсняетъ ручной ткацкій станокъ. Шелковая промышленность Крефельда могла бы тоже кое-что разсказать объ этомъ.—Ф. Э.].

Между тѣмъ, внѣшнія обстоятельства скоро заставляютъ его иначе воспользоваться сосредоточеніемъ рабочихъ въ одномъ помѣщеніи и одновременностью ихъ работъ. Напр., къ извѣстному сроку требуется доставить значительное количество готоваго товара. Работа тогда распредѣляется. Вмѣсто того, чтобы одному и тому же ремесленнику давать продѣлывать послѣдовательно всѣ различныя операціи, ихъ отрываютъ, изолируютъ, пространственно раздѣляютъ одну отъ другой, ввѣряютъ каждую особому ремесленнику, и всѣ онѣ совмѣстно и одновременно исполняются кооперирующими ремесленниками. Это случайное распредѣленіе повторяется, обнаруживаетъ свойственныя ему выгоды и мало-по-малу укрѣпляется и превращается въ систематическое раздѣленіе труда. Изъ индивидуальнаго продукта одного самостоятельнаго ремесленника, совершающаго разныя операціи, товаръ превращается въ общественный продуктъ союза ремесленниковъ, изъ которыхъ каждый исполняетъ постоянно одну и ту же частичную операцію. Тѣ же самыя операціи, которыя сливались одна съ другой, какъ послѣдовательныя работы нѣмецкаго цехового производителя бумаги, въ голландской писчебумажной мануфактурѣ превратились въ самостоятельныя, совершающіяся параллельно, частичныя операціи многихъ кооперирующихъ рабочихъ. Нюрнбергскій цеховой игольный мастеръ составляетъ основной элементъ англійской игольной мануфактуры. Но въ то время, какъ каждый изъ цеховыхъ игольныхъ мастеровъ продѣлывалъ цѣлый рядъ,—можетъ быть, 20 различныхъ операцій, одну за другой,—здѣсь каждый изъ 20 игольныхъ мастеровъ исполняетъ одинъ рядомъ съ другимъ только одну изъ 20 операцій, которыя, на основаніи дальнѣйшихъ опытовъ, еще больше раскалываются, изолируются и превращаются въ исключительныя, самостоятельныя функціи отдѣльныхъ рабочихъ.

Итакъ, способъ происхожденія мануфактуры, путь ея развитія изъ ремесла, является двойственнымъ. Съ одной стороны, она происходитъ изъ комбинаціи разнородныхъ, самостоятельныхъ ремеслъ, которыя настолько теряютъ свою самостоятельность и становятся односторонними, что начинаютъ представлять собою лишь одна другую дополняющія частичныя операціи въ процессѣ производства одного и того же товара. Съ другой стороны, она развивается изъ кооперація однородныхъ ремесленниковъ, раскалывая одно и то же индивидуальное ремесло на его различныя частныя операціи, а эти послѣднія изолируя и обособляя до такой степени, что каждая изъ нихъ становится исключительной функціей особаго рабочаго. Съ одной стороны, слѣдовательно, мануфактура вводитъ въ процессъ производства раздѣленіе труда, или развиваетъ его дальше; а съ другой—она соединяетъ ремесла, которыя прежде были раздѣлены. Какова бы, однако, ни была ея исходная точка въ каждомъ частномъ случаѣ, конечная форма ея всегда—одна и та же: это—производственный механизмъ, органы котораго—люди.

Для правильнаго пониманія роли раздѣленія труда въ мануфактурѣ надлежитъ постоянно имѣть въ виду слѣдующіе существенные пункты. Прежде всего, аналитическое раздѣленіе процесса производства на его особенныя фазы здѣсь совершенно совпадаетъ съ разложеніемъ ремесленной дѣятельности на ея различныя частичныя операціи. Будетъ ли эта дѣятельность сложной или простой, она

всегда остается ремесленной и зависитъ, поэтому, отъ силы, ловкости, быстроты и увѣренности отдѣльнаго рабочаго при употребленіи имъ своего ручного инструмента. Ремесло продолжаетъ тутъ оставаться основаніемъ. Такое узкое техническое основаніе устраняетъ всякій дѣйствительно научный анализъ процесса производства, такъ какъ каждый частичный процессъ, чрезъ который проходитъ продуктъ, долженъ быть выполнимъ въ качествѣ частичной операціи (Theilarbeit) ремесленника. Именно потому, что ремесленная ловкость остается тутъ основаніемъ процесса производства, каждый отдѣльный рабочій пріурочивается исключительно къ одной частичной функціи, и его рабочая сила превращается въ пожизненный органъ этой функціи. Наконецъ, это раздѣленіе труда представляетъ собою особый родъ кооперації, и многія изъ его выгодныхъ сторонъ вытекаютъ изъ существа кооперації, какъ таковой, а не изъ особеннаго характера именно этой частной формы ея.

2. Частичный рабочій и его орудіе.

Если мы поближе присмотримся къ дѣлу, то мы прежде всего замѣтимъ, что рабочій, который всю свою жизнь исполняетъ одну и ту же простую операцію, превращаетъ все тѣло свое въ автоматическій односторонній органъ этой операціи, а потому тратитъ на исполненіе ея меньше времени, чѣмъ ремесленникъ, который выполняетъ попеременно цѣлый рядъ операцій. Комбинированный совокупный рабочій, образующій живой механизмъ мануфактуры, состоитъ весь изъ такихъ односторонніхъ частичныхъ рабочихъ. Поэтому, сравнительно съ самостоятельнымъ ремесломъ, мануфактура производитъ больше въ меньшій промежутокъ времени, или, другими словами, увеличиваетъ производительную силу труда [27]). Точно также и методы частичныхъ операцій совершенствуются, какъ только эти операціи становятся обособленными и исключительными функціями одного лица.

Постоянное повтореніе одной и той же ограниченной дѣятельности и сосредоточеніе вниманія на этой ограниченной задачѣ научаетъ достигать желаемаго полезнаго эффекта съ наименьшей затратой силъ. А такъ какъ въ однѣхъ и тѣхъ же мануфактурахъ всегда одновременно имѣетъ живутъ и работаютъ различныя рабочія поколѣнія, то пріобрѣтенные указаннымъ образомъ техническіе пріемы и навыки искорѣ укрѣпляются, накопляются и передаются отъ однихъ къ другимъ [28]).

Мануфактура дѣйствительно создаетъ виртуозныхъ частичныхъ рабочихъ, воспроизводя внутри мастерской и систематически доводя до самаго крайняго выраженія то раздѣленіе труда, которое она находитъ въ обществѣ. Съ другой стороны, это превращеніе частичнаго труда въ жизненную профессію человѣка соотвѣтствуетъ стремленію прежнихъ обществъ дѣлать промышленныя занятія

[27]) «Чѣмъ болѣе сложная мануфактурная работа расщепляется между различными ремесленниками, тѣмъ лучше, скорѣе и съ меньшей потерей времени и труда идетъ дѣло». (The Advantages of the East-India Trade. London, 1720, p. 71).

[28]) «Легкій трудъ есть переданное искусство». (Th. Hodgskin l. c. p. 125).

наслѣдственнымъ, облекать ихъ въ неподвижныя кастовыя или цеховыя формы, наперекоръ тѣмъ историческимъ условіямъ, которыя порождали измѣнчивость человѣческой личности, не мирившуюся съ кастовымъ строемъ. Касты и цехи—порожденіе того же самаго закона природы, который управляетъ дифференціаціей растеній и животныхъ на виды и разновидности, съ той только разницей, что на извѣстной ступени развитія наслѣдственность кастъ или монополія цеховъ декретируется, какъ общественный законъ [29]). «Кисея, выдѣлываемая въ Даккѣ, по тонкости, ситцы и другія матеріи Коромандела, по красотѣ и прочности красокъ не были еще никогда превзойдены. Однако, эти матеріи производятся безъ капитала, безъ машинъ, безъ раздѣленія труда, и вообще безъ тѣхъ средствъ, которыя доставляютъ столько преимуществъ европейской фабрикаціи. Индійскій ткачъ представляетъ собою изолированнаго индивидуума, который по заказу приготовляетъ ткань на станкѣ самаго простого устройства, часто состоящемъ просто изъ деревянныхъ, грубо сложенныхъ плетокъ. У него даже нѣтъ никакого аппарата для натягиванія основы; станокъ остается всегда растянутымъ по всю длину и вслѣдствіе этого столь нескладенъ и великъ, что для него не находится мѣста въ хижинѣ производителя, который, поэтому, долженъ исполнять свою работу на открытомъ воздухѣ, гдѣ каждая неблагопріятная перемѣна погоды перерываетъ ее» [30]). Своей виртуозностью индусъ, какъ и паукъ, обязанъ исключительно спеціальнымъ навыкамъ, накопляемымъ изъ поколѣнія въ поколѣніе и передаваемымъ отъ отца къ сыну. И, тѣмъ не менѣе, въ сравненіи съ большинствомъ мануфактурныхъ рабочихъ, такой индійскій ткачъ производитъ очень сложную работу.

Ремесленникъ, выполняющій одинъ за другимъ различные частичные процессы, составляющіе производство какого либо предмета, долженъ постоянно мѣнять то мѣсто, то инструменты. Переходъ отъ одной операціи къ другой прерываетъ теченіе его работы и образуетъ въ нѣкоторомъ родѣ поры въ его рабочемъ днѣ. Эти поры сжимаются, какъ только онъ цѣлый день безпрерывно продѣлываетъ одну и ту же операцію; другими словами, онѣ исчезаютъ по мѣрѣ

[29]) «Искусства также... достигли въ Египтѣ значительной степени совершенства. Ибо только въ одной этой странѣ ремесленники не имѣли права вторгаться въ дѣла другихъ классовъ гражданъ, а должны были заниматься исключительно только тѣмъ ремесломъ, которое по закону принадлежало наслѣдственно ихъ роду... У другихъ народовъ бываетъ, что ремесленники удѣляютъ свое вниманіе слишкомъ большому количеству предметовъ. То они пробуютъ заниматься земледѣліемъ, то бросаются въ торговлю, то занимаются двумя или тремя ремеслами заразъ... Въ свободныхъ государствахъ они часто бѣгаютъ на народныя собранія... Въ Египтѣ, наоборотъ, ремесленникъ подвергается тяжелымъ наказаніямъ, если онъ вмѣшивается въ государственныя дѣла, или занимается заразъ нѣсколькими ремеслами. Такимъ образомъ, ничто не мѣшаетъ имъ прилежно заниматься своимъ дѣломъ... Кромѣ того, унаслѣдовавъ много правилъ отъ своихъ предковъ, они ревностно заботятся еще о новыхъ усовершенствованіяхъ». (Diodorus Siculus: «Историческая библіотека» l. I, c. 44).

[30]) «Historical and descriptive Account of Brit. India etc. by Hugh Murray, James Wilson, etc.» Edinburgh 1832, v. II, p. 449.— Въ индійскомъ ткацкомъ станкѣ основа натягивается вертикально.

того какъ уменьшается разнообразіе производимыхъ операцій. Повышеніе производительности вытекаетъ здѣсь или изъ большей затраты рабочей силы въ данный промежутокъ времени, т. е. изъ роста интенсивности труда, или изъ уменьшенія непроизводительной траты рабочей силы. Излишняя трата силы, которая требуется при всякомъ переходѣ отъ покоя къ движенію, исчезаетъ вслѣдствіе большей продолжительности разъ достигнутой скорости работы. Но, съ другой стороны, это постоянство однообразной работы ослабляетъ силу и напряженіе духа, который въ разнообразіи труда находитъ себѣ отдыхъ и извѣстную подбадривающую прелесть.

Производительность труда зависитъ не только отъ виртуозности рабочаго, но и отъ степени совершенства его инструментовъ. Различнаго рода инструменты, какъ то: рѣжущіе, сверлящіе, ударяющіе, толкающіе и т. п., употребляются въ различныхъ процессахъ труда; и кромѣ того, въ одномъ и томъ же процессѣ одинъ и тотъ же инструментъ имѣетъ различныя назначенія. Но какъ только различныя операціи одного процесса труда отдѣляются одна отъ другой, и каждая частичная операція получаетъ въ рукахъ частичнаго рабочаго наиболѣе соотвѣтствующую ея назначенію, а, слѣдовательно, исключительную форму,—становятся необходимыми и соотвѣтственныя измѣненія въ инструментахъ, служившихъ прежде для нѣсколькихъ различныхъ цѣлей заразъ. Направленіе, въ которомъ должны происходить эти измѣненія формъ инструментовъ, указуется опытомъ, т. е. наблюденіями надъ тѣми затрудненіями, которыя представляетъ старая, неизмѣненная форма. Эта дифференціація рабочихъ инструментовъ, въ силу которой инструменты одного рода получаютъ особыя прочныя формы сообразно каждому частному назначенію, и ихъ спеціализація, въ силу которой всякій такой частичный инструментъ проявляетъ свое полное дѣйствіе лишь въ рукахъ спеціализированныхъ частичныхъ рабочихъ, характеризуютъ мануфактуру. Въ одномъ Бирмингамѣ производится около 500 сортовъ молотовъ, изъ которыхъ иной сортъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ служитъ не только для особеннаго процесса производства, но и для различныхъ операцій въ одномъ и томъ же процессѣ. Мануфактурный періодъ упрощаетъ, улучшаетъ и разнообразитъ орудія труда путемъ приспособленія ихъ къ спеціальнымъ и исключительнымъ функціямъ частичныхъ работниковъ [31]). Тѣмъ самымъ онъ создаетъ одно изъ матеріальныхъ условій появ-

[31]) Дарвинъ въ своемъ сочиненіи «О происхожденіи видовъ», составившемъ эпоху въ естествованіи, замѣчаетъ относительно естественныхъ органовъ растеній и животныхъ слѣдующее: «До тѣхъ поръ пока одинъ и тотъ же органъ долженъ исполнять различныя функціи, основаніе для его измѣняемости заключается, можетъ быть, въ томъ, что естественный подборъ въ этомъ случаѣ съ меньшей тщательностью сохраняетъ или уничтожаетъ всякое уклоненіе его формы отъ примитивной формы, чѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда органъ предназначенъ лишь для одной опредѣленной функціи. Такъ, напр., ножи, назначенные для рѣзанія всякаго рода вещей, могутъ быть приблизительно одинаковой формы; между тѣмъ какъ инструментъ, назначенный лишь для одного опредѣленнаго употребленія, для всякаго другого употребленія долженъ обладать и другой формой».

ленія машины, такъ какъ машина есть не что иное, какъ комбинація простыхъ инструментовъ.

Детальный рабочій и его инструментъ образуютъ простые составные элементы мануфактуры. Обратимся теперь къ ея общему строю.

3. Двѣ основныя формы мануфактуры: разнородная или гетерогенная мануфактура и мануфактура органическая.

Строй мануфактуры являетъ намъ двѣ основныя формы, которыя, хотя и переплетаются иногда одна съ другой, но, по существу, представляются двумя различными видами и, въ частности, играютъ совершенно различныя роли въ позднѣйшемъ превращеніи мануфактуры въ крупную машинную индустрію. Этотъ двойственный характеръ вытекаетъ изъ природы самаго продукта. Послѣдній получаетъ свою окончательную, готовую форму или посредствомъ простого механическаго соединенія самостоятельныхъ частичныхъ продуктовъ, или посредствомъ послѣдовательнаго ряда связанныхъ между собой процессовъ и манипуляцій.

Локомотивъ, напр., состоитъ болѣе чѣмъ изъ 5000 самостоятельныхъ частей. Онъ, впрочемъ, не можетъ служить примѣромъ настоящей мануфактуры перваго рода, такъ какъ онъ уже есть порожденіе крупной промышленности. Но возьмемъ часы, на которыхъ William Petty иллюстрируетъ мануфактурное раздѣленіе труда. Изъ индивидуальнаго произведенія какого-нибудь нюренбергскаго часовщика, часы превратились въ общественный продуктъ многихъ частичныхъ работниковъ, каковы: Rohwerkmacher *), изготовитель часовыхъ пружинъ (Uhrfeder), изготовитель циферблатовъ, изготовитель спиральныхъ пружинъ, Steinlochmacher, Rubinhebelmacher, изготовитель стрѣлокъ, изготовитель часовыхъ коробокъ, изготовитель винтовъ, золотильщикъ, — со многими подраздѣленіями, какъ напр.: дѣлающій колеса (причемъ мѣдныя колеса и стальныя колеса производятся опять такъ различными лицами), Triebmacher, Zeigerwerkmacher, acheveur de pignon (укрѣпляетъ колеса, полируетъ facettes и пр.), Zapfenmacher, planteur de finissage (дѣлаетъ часовыя гири, вставляетъ различные механизмы и колеса) finisseur de barillet (нарѣзаетъ зубцы, даетъ надлежащую ширину отверстіямъ), Hemmungmacher, Steigradmacher, изготовитель маятниковъ, Raquettemacher (das Rückwerk, посредствомъ котораго регулируются часы), planteur d'échappement (настоящій Hemmungmacher); потомъ repasseur de barillet, полировщикъ стальныхъ частей, полировщикъ колесъ, полировщикъ винтовъ, рисовальщикъ цифръ, Blattmacher (наводитъ эмаль на мѣдь), fabricant de pendants (дѣлающій лишь кольцо къ часовой коробкѣ), finisseur de charnière (вставляетъ мѣдный штифтъ въ средину коробки и пр.), faiseur de secret (дѣлающій ту пружину, отъ дѣйствія которой отскакиваетъ

*) Мы оставляемъ здѣсь безъ перевода многія изъ французскихъ и нѣмецкихъ названій, для которыхъ не могли (да врядъ ли они и существуютъ) подыскать подходящія русскія названія. Самъ авторъ тоже оставилъ безъ перевода рядъ французскихъ названій. Прим. перев.

крышка часовъ, граверъ, ciseleur, полировщикъ часовыхъ коробокъ и пр., и пр.; наконецъ, repasseur, который собираетъ часы въ одно цѣлое и пускаетъ ихъ въ ходъ. Лишь немногія части часовъ проходятъ чрезъ различныя руки, и всѣ эти membra disjecta впервые собираются воедино въ тѣхъ рукахъ, которыя составляютъ изъ нихъ одинъ цѣлый организмъ. При такомъ чисто внѣшнемъ отношеніи готоваго продукта къ его разнороднымъ элементамъ, въ производствѣ часовъ, какъ и всѣхъ другихъ подобныхъ продуктовъ, соединеніе (комбинація) частичныхъ рабочихъ въ одной мастерской остается явленіемъ еще чисто случайнымъ. Частичныя работы могутъ производиться какъ самостоятельныя ремесла; такъ именно и дѣлается въ Вадтскомъ и Невшательскомъ кантонахъ, между тѣмъ какъ, напр., въ Женевѣ мы видимъ большія часовыя мануфактуры, т. е. непосредственную кооперацію частичныхъ рабочихъ подъ начальствомъ капитала. Но и въ послѣднемъ случаѣ циферблаты, пружины и коробки рѣдко изготовляются на самой мануфактурѣ. Комбинированный мануфактурный способъ производства здѣсь лишь при исключительныхъ условіяхъ прибыленъ, такъ какъ между работниками, желающими работать на дому, конкурренція обыкновенно оказывается напильнѣйшей; и кромѣ того, расчлененіе производства на массу разнородныхъ процессовъ допускаетъ лишь въ незначительныхъ размѣрахъ общее пользованіе рабочими орудіями и др. средствами производства; наконецъ, при разбросанной фабрикаціи капиталистъ не долженъ тратиться на постройку зданій и т. п. [22]). Однако, положеніе этихъ частичныхъ рабочихъ, работающихъ хотя на дому, но для капиталиста (Fabricant, établisseur), совсѣмъ другое, чѣмъ положеніе самостоятельныхъ ремесленниковъ, работающихъ для своихъ собственныхъ заказчиковъ [23]).

Второй родъ мануфактуры, ея наиболѣе совершенная форма, производитъ такіе продукты, которые, до полнаго своего изготовленія, проходятъ чрезъ мно-

---

[22]) Женева въ 1854 г. произвела 80,000 часовъ, что не составляетъ и пятой части всего производства часовъ Невшательскаго кантона. Chaux-de-Fonds, который можно разсматривать какъ одну единую мануфактуру часовъ, производитъ одинъ ежегодно вдвое больше, чѣмъ Женева. Съ 1850 до 1861 г. Женева изготовила 750,000 часовъ. См.: «Report from Geneva on the Watch-Trade» въ «Reports by H. M's Secretaries of Embassy and Legation on the Manufactures, Commerce etc. № 6. 1863». Если отсутствіе связи между процессами, на которые распадается производство механически составленныхъ продуктовъ, само по себѣ затрудняетъ превращеніе такихъ мануфактуръ въ крупное машинное производство, то въ производствѣ часовъ къ этому присоединяются еще два препятствія, а именно: малая величина и деликатность ихъ составныхъ частей и ихъ характеръ предметовъ роскоши, вслѣдствіе чего они представляютъ значительное разнообразіе сортовъ; напр., въ лучшихъ лондонскихъ фирмахъ въ теченіе цѣлаго года едва изготовляютъ дюжину совершенно одинаковыхъ часовъ. Часовая фабрика Vacheron et Constantin, которая съ успѣхомъ употребляетъ машины, изготовляетъ не больше 3—4 сортовъ, отличающихся между собою по формѣ и величинѣ.

[23]) На часовомъ дѣлѣ, этомъ классическомъ примѣрѣ разнородной мануфактуры, можно очень точно изучить вышеупомянутыя дифференціацію и спеціализацію инструментовъ труда, вытекающую изъ разложенія ремесленной дѣятельности.

тія, связанныя между собою, фазы развитія, чрезъ цѣлый рядъ постепенныхъ процессовъ: такъ, напр., въ игольной мануфактурѣ проволока проходитъ чрезъ руки 72 и даже 92 частичныхъ работниковъ.

Поскольку такого рода мануфактура соединяетъ разъединенныя первоначально ремесла, она уменьшаетъ пространственное раздѣленіе между частными фазами производства даннаго продукта. Время, необходимое для перехода его изъ одной стадіи въ другую, сокращается, равно какъ и трудъ, требуемый этими переходами [34]). Такимъ образомъ, въ сравненіи съ ремесломъ увеличивается производительная сила труда, и этотъ выигрышъ вытекаетъ именно изъ общаго кооперативнаго строя мануфактуры. Съ другой стороны, свойственный мануфактурѣ принципъ раздѣленія труда обусловливаетъ собою изолированіе различныхъ фазъ производства, которыя становятся самостоятельными по отношенію другъ къ другу, превращаясь въ отдѣльныя независимыя частичныя работы ремесленнаго характера. Установленіе и поддержаніе связи между этими изолированными функціями требуетъ постояннаго перехода продукта изъ однѣхъ рукъ въ другія и изъ одного процесса въ другой. Съ точки зрѣнія крупной индустріи, это обстоятельство, знаменуя собой узость мануфактурнаго способа производства, является характернымъ и убыточнымъ недостаткомъ, присущимъ самому принципу мануфактуры [35]).

Если мы будемъ разсматривать опредѣленное количество сырого матеріала,— напр., извѣстное количество тряпья въ писчебумажной мануфактурѣ, или проволоки въ игольной мануфактурѣ,—то мы увидимъ, что, прежде чѣмъ принять свою окончательную форму, матеріалъ этотъ долженъ пройти, въ рукахъ различныхъ частичныхъ рабочихъ, цѣлый рядъ послѣдовательныхъ фазъ производства. Если же, напротивъ того, разсматривать мастерскую, какъ одинъ совокупный организмъ, то сырой матеріалъ сразу и одновременно находится во всѣхъ фазахъ своего производства. Одной частью своихъ многочисленныхъ, вооруженныхъ инструментами рукъ соединенный рабочій, составленный изъ отдѣльныхъ частичныхъ рабочихъ, тянетъ проволоку, между тѣмъ какъ другими руками и инструментами онъ одновременно выпрямляетъ ее, третьими рѣжетъ, заостряетъ и т. п. Различные постепенно совершающіеся процессы изъ послѣдовательныхъ во времени становятся здѣсь одновременными, сосуществующими въ пространствѣ. Это позволяетъ получать въ данный промежутокъ времени большее количество готоваго товара [36]). Правда эта одновременность вытекаетъ изъ общей

[34]) «Когда люди такъ близко живутъ другъ отъ друга, на перевозку должно теряться меньше времени». («The advantages of the East India Trade», p. 106).

[35]) «Изолированіе различныхъ стадій мануфактуры, проистекающее отъ примѣненія ручного труда, значительно увеличиваетъ издержки производства; причемъ главная потеря происходитъ отъ траты времени на переходы отъ одного процесса къ другому». («The Industry of Nations. Lond. 1885», Part. II, p. 200).

[36]) «Оно (раздѣленіе труда) производитъ также экономію во времени, разбивая производство на различныя части, которыя могутъ исполняться одновременно... При одновременномъ исполненіи различныхъ операцій, которыя одинъ индивидуумъ долженъ былъ бы совершать каждую отдѣльно, получается возможность произво-

кооперативной формы совокупнаго процесса: однако, мануфактура не только находитъ условія кооперацін уже готовыми, но частью сама же впервые создаетъ ихъ посредствомъ расчлененія ремесленной дѣятельности. Съ другой стороны, этой общественной организаціи процесса труда она достигаетъ лишь тѣмъ, что приковываетъ каждаго рабочаго къ одной и той же частичной операціи.

Такъ какъ частичный продуктъ каждаго частичнаго рабочаго представляетъ лишь особую стадію въ развитіи одного и того же конечнаго продукта, то каждый рабочій или группа рабочихъ доставляютъ другимъ сырой матеріалъ для ихъ работы. Результатъ труда одного рабочаго образуетъ исходный пунктъ труда другого. Одинъ рабочій, слѣдовательно, здѣсь непосредственно занимаетъ другого. Рабочее время, необходимое для достиженія намѣченнаго полезнаго эффекта, опредѣляется въ каждомъ частичномъ процессѣ опытнымъ путемъ; совокупный механизмъ мануфактуры основывается на томъ предположеніи, что въ данный промежутокъ рабочаго времени достигается данный результатъ. Только при этомъ условіи, различные, дополняющіе другъ друга, процессы труда могутъ совершаться непрерывно, одновременно и рядомъ другъ съ другомъ. Ясно, что эта непосредственная зависимость работъ, а, слѣдовательно, и рабочихъ другъ отъ друга заставляетъ каждаго отдѣльнаго работника употреблять на свою функцію только дѣйствительно необходимое рабочее время, вслѣдствіе чего трудъ обнаруживаетъ здѣсь такую непрерывность, правильность, такое однообразіе, такой порядокъ [37]) и, особенно, такую интенсивность, какихъ мы не находимъ ни въ независимомъ ремеслѣ, ни даже въ простой кооперацін. Затрата на производство товара только общественно необходимаго рабочаго времени—при изолированномъ товарномъ производствѣ—вынуждается лишь чисто внѣшнимъ образомъ, путемъ давленія конкурренціи, тѣмъ что, выражаясь поверхностно, каждый отдѣльный производитель долженъ продавать свой товаръ по рыночной цѣнѣ. Напротивъ того, въ мануфактурѣ, производство даннаго количества продукта въ опредѣленное рабочее время становится техническимъ закономъ самого процесса производства [38]).

Однако, различныя операціи требуютъ для своего выполненія неравныхъ промежутковъ времени и доставляютъ въ одинаковые промежутки времени неодинаковыя количества частичныхъ продуктовъ. Поэтому, чтобы одни и тѣ же рабочіе изо-дня въ день совершали однѣ и тѣ же операціи, различными операціями должно быть занимаемо различное число рабочихъ. Напр., въ словолитнѣ, гдѣ литейщикъ выливаетъ въ часъ 2.000 буквъ, отбивальщикъ отбиваетъ 4.000,

---

дить, напр., множество совершенно отдѣланныхъ буквокъ въ такое количество времени, которое требуется на то, чтобы обрѣзать или наострить одну только буквку». (Dugald Steward, l. c. p. 319).

[37]) «Чѣмъ разнообразнѣе составъ рабочихъ на какой-нибудь мануфактурѣ... тѣмъ больше порядка и правильности въ каждомъ дѣлѣ, тѣмъ меньше времени и труда оно требуетъ». («The Advantages etc.», p. 68).

[38]) Впрочемъ, во многихъ отрасляхъ мануфактурное производство достигаетъ этого результата не вполнѣ, такъ какъ оно не умѣетъ точно контролировать общія химическія и физическія условія процесса производства

а полировщикъ полируетъ 8.000,—на каждаго полировщика должно быть двое отбивальщиковъ и четверо литейщиковъ. Здѣсь мы снова видимъ принципъ кооперации въ его простѣйшей формѣ,—т. е. одновременное занятіе многихъ работниковъ однородными дѣломъ; но теперь этотъ принципъ является передъ нами какъ выраженіе нѣкотораго органическаго отношенія. Итакъ, мануфактурное раздѣленіе труда не только упрощаетъ и разнообразитъ качественно различные органы общественно-коллективнаго рабочаго, но создаетъ еще математически опредѣленныя отношенія между количественными размѣрами этихъ органовъ, т. е. для относительнаго числа рабочихъ или для относительной величины рабочихъ группъ, исполняющихъ каждую отдѣльную функцію. Вмѣстѣ съ качественнымъ расчлененіемъ общественнаго процесса труда, оно развиваетъ также его количественный строй и его пропорціональность.

Разъ наиболѣе раціональная при данныхъ размѣрахъ производства, относительная численность различныхъ группъ частичныхъ рабочихъ опредѣлена на основаніи опыта,—расширеніе этихъ размѣровъ возможно уже только посредствомъ относительнаго увеличенія каждой отдѣльной группы рабочихъ [39]). Къ этому еще присоединяется, что одинъ и тотъ же индивидуумъ можетъ исполнять извѣстныя работы одинаково хорошо,—будутъ ли онѣ производиться въ большихъ или въ малыхъ размѣрахъ; таковы, напр., трудъ высшаго надзора, перемѣщеніе частичныхъ продуктовъ изъ одной фазы производства въ другую и т. п. Обособить эти функціи какъ самостоятельныя или присвоить ихъ особымъ рабочимъ становится, поэтому, выгоднымъ лишь съ увеличеніемъ числа занятыхъ рабочихъ; но это увеличеніе должно тогда тотчасъ въ соотвѣтствующемъ объемѣ охватить всѣ группы рабочихъ.

Каждая отдѣльная группа,—извѣстное число рабочихъ, исполняющихъ одинаковую частичную функцію,—состоитъ изъ однородныхъ элементовъ и образуетъ особый органъ совокупнаго механизма. Однако, въ различныхъ мануфактурахъ и группа рабочихъ составляетъ расчлененный рабочій организмъ, между тѣмъ какъ совокупный механизмъ образуется лишь посредствомъ повторенія или умноженія этихъ элементарныхъ производительныхъ организмовъ. Возьмемъ, напр., мануфактуру бутылокъ. Она распадается на три существенно различающіяся между собой фазы. Во-первыхъ—подготовительная фаза, заключающаяся въ приготовленіи стекольнаго состава, т. е въ смѣшиваніи песку, извести и т. п., и въ расплавленіи этого состава въ жидкую стеклянную массу [40]). Въ этой

[39]) «Разъ опытъ научилъ раздѣлять извѣстную фабрикацію на частичныя операціи наиболѣе выгоднымъ образомъ, соотвѣтственно особой природѣ продукта каждой мануфактуры, а равно опредѣлилъ число рабочихъ, необходимыхъ для этой мануфактуры, — всѣ заведенія, которыя не будутъ занимать рабочаго персонала, составляющаго точное кратное вышеуказаннаго числа, будутъ производить съ большими издержками... Это есть одна изъ причинъ колоссальнаго объема промышленныхъ заведеній». (Ch. Babbage: «On the Economy of Machinery». Lond. 1832, ch. XXI. p. 172, 173).

[40]) Въ Англіи плавильная печь совершенно отдѣлена отъ той печи, въ которой содержится расплавленное уже стекло, во время его обработки; въ Бельгіи же одна и та же печь служитъ для обоихъ этихъ процессовъ.

первой фазѣ заняты различные частичные рабочіе, такъ же какъ и въ заключительной фазѣ, т. е. въ удаленіи бутылокъ изъ сушильной печи, сортировкѣ ихъ, упаковкѣ и т. п. Между этими двумя фазами, посредствѣ, находится фабрикація стекла въ собственномъ смыслѣ или обработка жидкой стеклянной массы. У одного и того же отверстія печи, содержащей жидкую массу, работаетъ группа рабочихъ, называемая въ Англіи «hole» (дыра), и состоящая изъ одного bottle maker (дѣлателя бутылокъ) или finisher, одного blower (выдувальщика), одного gatherer, одного putter или whetter of и одного taker. Эти пять частичныхъ рабочихъ образуютъ пять отдѣльныхъ органовъ одного и того же рабочаго тѣла, которое можетъ дѣйствовать только какъ единое цѣлое, т. е. посредствомъ непосредственной кооперации этихъ пяти человѣкъ. Если одного изъ пяти членовъ недостаетъ, то все тѣло оказывается парализованнымъ. Но одна и та же стеклоплавильная печь имѣетъ нѣсколько отверстій,—въ Англіи, напр., отъ 4 до 6,—въ каждой изъ которыхъ содержится глиняный плавильный тигль съ жидкимъ стекломъ, дающій занятіе особой рабочей группѣ пятичленнаго состава. Расчленение каждой отдѣльной группы основывается здѣсь непосредственно на раздѣленіи труда; между тѣмъ какъ различныя однородныя группы связываются между собой простой кооперацией, въ силу которой, путемъ совмѣстнаго пользованія, болѣе экономно потребляется одно изъ средствъ производства, т. е. въ данномъ случаѣ стекло-плавильная печь. Такая печь съ ея 4—6 группами образуетъ стеклянную мастерскую; стеклянная же мануфактура (заводъ) охватываетъ нѣсколько такихъ мастерскихъ, и кромѣ того заведенія и рабочихъ, функціи которыхъ составляютъ подготовительныя и заключительныя фазы производства.

Наконецъ, мануфактура, подобно тому какъ она происходитъ частью изъ комбинаціи различныхъ ремеслъ, сама можетъ развиться въ сочетаніе (комбинацію) различныхъ мануфактуръ. Напр., крупные англійскіе стеклянные заводы фабрикуютъ сами свои глиняные плавильные тигли, потому что отъ ихъ достоинства существенно зависитъ качество продукта. Такимъ образомъ, здѣсь мануфактура, производящая данный продуктъ, сочетается съ мануфактурой, производящей его средство производства. Мануфактура продукта можетъ быть также соединена съ такими мануфактурами, въ которыхъ этотъ продуктъ служитъ сырымъ матеріаломъ или съ продуктами которыхъ онъ потомъ соединяется. Такъ, напр., мануфактура англійскаго бѣлаго хрусталя часто комбинируется съ мануфактурой шлифованія стекла или даже съ латунно-литейной мануфактурой, продукты которой употребляются какъ оправы для различныхъ стеклянныхъ предметовъ. Различныя комбинированныя мануфактуры образуютъ тогда пространственно болѣе или менѣе раздѣленныя части одной совокупной мануфактуры, представляя, въ то же время, независимые другъ отъ друга процессы производства, каждый со своимъ собственнымъ раздѣленіемъ труда. Несмотря на различныя выгоды, представляемыя комбинированной мануфактурой, она, однако не пріобрѣтаетъ настоящаго техническаго единства до тѣхъ поръ, пока продолжаетъ существовать на своемъ собственномъ мануфактурномъ основаніи. Такое единство возникаетъ лишь при превращеніи мануфактуры въ машинное производство.

Мануфактурный періодъ, который вскорѣ въ качествѣ своего ясно сознаннаго принципа провозглашаетъ уменьшеніе необходимаго для производства товаровъ рабочаго времени [41]), развиваетъ спорадически также употребленіе машинъ, особенно въ нѣкоторыхъ простыхъ первоначальныхъ процессахъ, которые приходится выполнять только въ большихъ размѣрахъ и съ большой тратой силъ. Такъ, напр., на писчебумажныхъ мануфактурахъ рано стали употребляться особыя мельницы для измельченія тряпокъ; а на металлургическихъ заводахъ—механическія толчеи для раздробленія руды [42]). Самая первичная форма всякой машины передана намъ римской имперіей въ лицѣ водяной мельницы [43]). Ремесленный періодъ завѣщалъ также великія открытія: компасъ, порохъ, книгопечатаніе и автоматическіе часы. Въ общемъ, однако, машина въ мануфактурный періодъ играетъ только ту побочную роль, которую Адамъ Смитъ отводитъ ей рядомъ съ раздѣленіемъ труда [44]). Очень важнымъ становится спорадическое употребленіе машинъ въ XVII стол., такъ какъ онѣ доставили великимъ математикамъ того времени практическую точку приложенія и стимулъ для созданія современной механики.

Специфической машиной мануфактурнаго періода остается самъ коллективный рабочій, скомбинированный изъ многихъ частичныхъ работниковъ. Различныя операціи, которыя производитель одного товара исполняетъ поочередно въ продолженіе всего процесса труда, и которыя переплетаются между собой, требуютъ съ его стороны очень разнородныхъ усилій. Въ одной операціи онъ долженъ развить больше силы, въ другой проявить больше ловкости, въ третьей—больше техническаго вниманія и т. д., а между тѣмъ одинъ и тотъ же индивидуумъ не обладаетъ всѣми этими качествами въ равной мѣрѣ. Послѣ того, какъ разъединяются, изолируются и обособляются различныя операціи,—раздѣляются, классиф-

[41]) Это можно, между прочимъ, усмотрѣть изъ сочиненія слѣдующихъ авторовъ: W. Petty, John Bellers, Andrew Yarranton, автора «The Advantages of the East India Trade» и J. Vanderlint.

[42]) Еще въ концѣ XVI-го столѣтія во Франціи для раздробленія и промыванія руды употреблялись ступки и рѣшета.

[43]) Всю исторію развитія машины можно прослѣдить на исторіи мукомольныхъ мельницъ. По англійски фабрика все еще называется mill—мельницей. Въ нѣмецкихъ технологическихъ сочиненіяхъ первыхъ десятилѣтій XIX-го стол. выраженіе «Mühle» употребляется еще не только для тѣхъ машинъ, которыя приводятся въ движеніе силами природы, но и для всѣхъ мануфактуръ, которыя употребляютъ какіе бы то ни было машинообразные аппараты.

[44]) Адамъ Смитъ, какъ это будетъ указано подробнѣе въ четвертой книгѣ *) этого сочиненія, не установилъ ни одного новаго положенія относительно раздѣленія труда. Но для него въ качествѣ обобщающаго экономиста мануфактурнаго періода характерно это ударепіе, съ которымъ онъ говоритъ о раздѣленіи труда. Подчиненная роль, которую онъ отводитъ машинамъ, вызвала, въ началѣ развитія крупной промышленности, возраженія со стороны Lauderdale'я, а въ эпоху бо́льшаго развитія ея—со стороны Ure. А. Смитъ смѣшиваетъ также дифференціацію инструментовъ труда, въ которой играли очень дѣятельную роль сами частичные рабочіе мануфактуры,—съ изобрѣтеніемъ машинъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ изобрѣтателями фигурируютъ не мануфактурные рабочіе, а ученые, ремесленники и даже земледѣльцы (Brindley) и др.

*) Четвертая книга или четвертый томъ «Капитала» до сихъ поръ не вышли. *Прим. Н. С.*

фицируются и группируются по своимъ преобладающимъ качествамъ и сами рабочіе. Такимъ образомъ, если природныя особенности рабочихъ образуютъ основу, на которой вырастаетъ раздѣленіе труда, то мануфактура, разъ утвердившись, развиваетъ тѣ рабочія силы, которыя, по своимъ природнымъ свойствамъ, годятся только для односторонняхъ спеціальныхъ функцій. Совокупный рабочій обладаетъ въ силу этого всѣми производительными качествами въ одинаковой степени виртуозности и, въ то же время, расходуетъ ихъ самымъ экономнымъ образомъ, такъ какъ всѣ свои органы, индивидуализированные въ отдѣльныхъ рабочихъ или рабочихъ группахъ, онъ употребляетъ исключительно для ихъ спеціальныхъ функцій [45]). Односторонность и даже недостатки частичнаго рабочаго становятся его преимуществами, разъ онъ превращается въ часть совокупнаго, коллективнаго рабочаго [46]). Привычка къ односторонней функціи превращаетъ его въ органъ этой функціи, дѣйствующій съ естественной точностью, между тѣмъ какъ весь строй совокупнаго механизма заставляетъ частичнаго рабочаго работать съ машинной правильностью [47]).

Такъ какъ различныя функціи коллективнаго рабочаго бываютъ болѣе простыми или болѣе сложными, болѣе низкими или болѣе высокими, то и органы его, т. е. индивидуальныя рабочія силы, требуютъ тоже различной степени подготовки и, поэтому, обладаютъ различной цѣнностью. Такимъ образомъ, мануфактура развиваетъ іерархію рабочей силы, которой соотвѣтствуетъ цѣлая лѣстница заработныхъ платъ. Если, съ одной стороны, индивидуальный рабочій приурочивается къ одной единственной функціи и на всю жизнь къ ней прикрѣпляется, то, съ другой стороны, различныя рабочія операціи точно также приспособляются къ вышеуказанной іерархіи природныхъ и пріобрѣтенныхъ качествъ [48]). Каждый процессъ производства требуетъ, однако, и та-

[45]) «Когда производство сложнаго продукта раздѣляется на множество различныхъ операцій, каждая изъ которыхъ требуетъ различной степени ловкости и силы, то хозяинъ мануфактуры можетъ всегда достать такое количество силы и искусства, которое точно соотвѣтствуетъ каждой операціи. Если бы же, наоборотъ, весь продуктъ долженъ былъ быть сдѣланъ однимъ рабочимъ, то послѣдній долженъ былъ бы обладать достаточнымъ искусствомъ для тонкихъ операцій и достаточной силой для тяжелыхъ». (Ch. Babbage, l. c. ch. XIX).

[46]) Напр., одностороннее развитіе мускуловъ, искривленіе костей и т. п.

[47]) На вопросъ слѣственнаго коммиссара,—какимъ образомъ поддерживается вниманіе къ труду между работающими подростками, Wm. Marshall, главно-управляющій одной стеклянной мануфактурой, совершенно вѣрно отвѣтилъ: «Они не могутъ относиться небрежно къ своему дѣлу; разъ они начали, они должны продолжать; они представляютъ изъ себя не болѣе какъ части машины». (Child. Empl. Comm. Fourth Report». 1865, p. 247).

[48]) D-r Ure въ своемъ апоѳеозѣ крупной промышленности гораздо отчетливѣе схватываетъ характерныя особенности мануфактуры, чѣмъ предшествовавшіе ему экономисты, лишенные его полемическаго интереса, и даже чѣмъ его современники, напр. Babbage, который превосходитъ его какъ математикъ и механикъ, но который разсматриваетъ крупную индустрію, собственно говоря, лишь съ точки зрѣнія мануфактуры. Ure замѣчаетъ: «Пріуроченіе рабочихъ къ отдѣльнымъ операціямъ составляетъ сущность раздѣленія труда». Съ другой стороны, онъ изображаетъ это раздѣленіе, какъ «приспособленіе разныхъ работъ къ различнымъ

кихъ простыхъ операцій, на которыя отъ природы способенъ каждый человѣкъ; но эти простыя операціи теперь тоже освобождаются отъ своей подвижной связи съ болѣе содержательными моментами дѣятельности и застываютъ въ исключительныя функціи.

Поэтому мануфактура въ каждомъ ремеслѣ, которое она захватываетъ, создаетъ классъ такъ называемыхъ необученныхъ или неискусныхъ (ungeschickte Arbeiter), которыхъ прежнее ремесленное производство вовсе не знало. Развивая до виртуозности какую-нибудь одну, обособленную до полной односторонности, спеціальность насчетъ всѣхъ остальныхъ способностей, мануфактура начинаетъ далѣе превращать въ спеціальность и самое отсутствіе всякаго развитія. Рядомъ съ іерархической лѣстницей, выступаетъ на сцену простое дѣленіе рабочихъ на искусныхъ и неискусныхъ. Для послѣднихъ вовсе не требуется никакихъ издержекъ на обученіе, а для первыхъ онѣ, вслѣдствіе упрощенія функцій, понижаются въ сравненіи съ издержками на обученіе ремесленника. Въ обоихъ случаяхъ понижается цѣнность рабочей силы [49]). Исключенія изъ этого встрѣчаются лишь постольку, поскольку разложеніе процесса труда порождаетъ нѣкоторыя новыя сложныя функціи, которыя при ремесленномъ производствѣ вовсе не существовали или существовали не въ такихъ размѣрахъ. Относительное пониженіе цѣнности рабочей силы, происходящее отъ исчезновенія или уменьшенія издержекъ на обученіе, непосредственно обусловливаетъ собой болѣе значительное возрастаніе цѣнности капитала, ибо все, что сокращаетъ время, необходимое для воспроизведенія рабочей силы, развиваетъ область прибавочнаго труда.

4. Раздѣленіе труда внутри мануфактуры и раздѣленіе труда внутри общества.

Мы разсматривали сначала происхожденіе мануфактуры, потомъ ея простые элементы,—частичнаго рабочаго и его орудіе,—и наконецъ, ея совокупный механизмъ. Теперь мы кратко разсмотримъ отношеніе между мануфактурнымъ раздѣленіемъ труда и общественнымъ его раздѣленіемъ, составляющимъ общую основу всякаго товарнаго производства.

Если имѣть въ виду только самый трудъ, то раздѣленіе производства на его крупные роды, земледѣліе, индустрію и пр., можно назвать общимъ раздѣленіемъ труда (Teilung der Arbeit im Allgemeinen); раздѣленіе этихъ родовъ производства на виды и разновидности—частнымъ раздѣленіемъ труда (Teilung der Arbeit im Besonderen); а раздѣленіе труда внутри мастерской—единичнымъ раздѣленіемъ труда (Teilung der Arbeit im Einzelnen) [50]).

индивидуальнымъ способностямъ» и, наконецъ, всю мануфактурную систему онъ характеризуетъ, какъ «систему градацій, по степени умѣлости», какъ «раздѣленіе труда, соотвѣтственно различнымъ степенямъ ловкости» и т. д. (Ure, Philos. of Manuf., p. 19—23, passim).

[49]) «Рабочій, совершенствуясь вслѣдствіе постояннаго занятія однимъ и тѣмъ же дѣломъ, становится... болѣе дешевымъ». Ure, l. c. p. 19.

[50]) «Раздѣленіе труда начинается съ раздѣленія разнороднѣйшихъ профессій и продолжается вплоть до того раздѣленія, при которомъ многіе работники раздѣляютъ

Раздѣленіе труда въ обществѣ и соотвѣтствующее ему ограниченіе отдѣльныхъ личностей особыми сферами занятій развивается, подобно мануфактурному раздѣленію труда, изъ двухъ противоположныхъ исходныхъ точекъ. Внутри семьи [30a]) и въ расширенной семьѣ,—родѣ—стихійно возникаетъ естественное раздѣленіе труда изъ различій пола и возраста, слѣдовательно, на чисто физіологической основѣ, которая расширяется въ своемъ содержаніи съ расширеніемъ общественной среды, съ увеличеніемъ народонаселенія и, особенно, съ возникновеніемъ столкновеній между различными племенами и порабощеніемъ одного племени другимъ. Съ другой стороны, какъ я уже раньше замѣтилъ, обмѣнъ продуктовъ зарождается сначала тамъ, гдѣ различныя семьи, племена, общества входятъ между собою въ сношенія, такъ какъ въ началѣ культуры самостоятельно выступаютъ другъ противъ друга не частныя лица, а семьи, племена и т. п. Различныя человѣческія общества находятъ въ окружающей ихъ природѣ различныя средства производства и существованія. Отсюда различія въ ихъ способахъ производства, образѣ жизни и продуктахъ. Эти-то естественныя, стихійныя различія и вызываютъ, при соприкосновеніи различныхъ общественныхъ единицъ между собою, взаимный обмѣнъ продуктовъ и, вслѣдствіе этого, превращеніе продуктовъ въ товары. Обмѣнъ не создаетъ различія сферъ производства, но только приводитъ эти различныя сферы во взаимныя отношенія и, такимъ образомъ, превращаетъ ихъ въ болѣе или менѣе зависимыя одна отъ другой отрасли совокупнаго общественнаго производства. Здѣсь общественное раздѣленіе труда возникаетъ путемъ обмѣна между первоначально-различными, по независимыми одна отъ другой сферами производства. Тамъ же, гдѣ исходную точку образуетъ физіологическое раздѣленіе труда, особые органы одного, непосредственно соединеннаго цѣлаго отдѣляются другъ отъ друга, распадаются,—главный толчокъ этому процессу распаденія даетъ обмѣнъ товаровъ съ чужими общинами, — и становятся настолько самостоятельными, насколько дальнѣйшая связь между отдѣльными видами труда опредѣляется уже лишь обмѣномъ продуктовъ въ товарной формѣ. Такимъ образомъ,

---

жду собою приготовленіе одного и того же продукта, какъ это бываетъ въ мануфактурѣ». (Storch: «Cours d'Econ. Pol.» парижское изданіе, t. I, p. 173). «У народовъ, достигшихъ извѣстной степени цивилизаціи, мы встрѣчаемъ три рода раздѣленія промышленности: первый родъ, который мы назовемъ общимъ, приводитъ къ различенію производителей на земледѣльцевъ, мануфактуристовъ и торговцевъ; онъ относится къ тремъ главнымъ вѣтвямъ національной промышленности. Второй родъ, который можно назвать спеціальнымъ, есть раздѣленіе каждаго рода промышленности на виды... наконецъ третье раздѣленіе промышленности, которое слѣдовало бы назвать раздѣленіемъ работы или раздѣленіемъ труда въ собственномъ смыслѣ, есть раздѣленіе, устанавливающееся въ отдѣльныхъ ремеслахъ... устанавливающееся въ большей части мануфактуръ и мастерскихъ». (Skarbeck l. c. p. 84, 85).

[30a]) Прим. къ 3 изд.—Позднѣйшія, весьма основательныя, изслѣдованія первобытнаго состоянія человѣчества убѣдили автора, что не семья развилась въ родъ, а наоборотъ—родъ былъ первоначальной, стихійной формой человѣческаго общества, основаннаго на кровномъ родствѣ, и что многоразличныя формы семьи развились уже потомъ, съ разложеніемъ родовыхъ узъ. Ф. Э.

въ одномъ случаѣ самостоятельныя прежде единицы теряютъ свою самостоятельность, въ другомъ—несамостоятельныя единицы пріобрѣтаютъ самостоятельность.

Основой всякаго развитого, обусловливаемаго обмѣномъ товаровъ, раздѣленія труда, является отдѣленіе города отъ деревни [81]). Можно сказать, что вся экономическая исторія общества сводится къ движенію этого противоположенія, на которомъ мы, однако, здѣсь дольше не будемъ останавливаться.

Какъ для раздѣленія труда внутри мануфактуры матеріальной предпосылкой является извѣстное число одновременно занятыхъ рабочихъ, точно также и раздѣленіе труда внутри обществъ предполагаетъ извѣстную величину и извѣстную плотность народонаселенія, эти моменты играютъ здѣсь ту же роль, что и агломерація рабочихъ въ одной мастерской [82]). Впрочемъ, эта плотность есть нѣчто относительное. Сравнительно мало населенная страна съ развитыми средствами сообщеній обладаетъ болѣе густымъ населеніемъ, чѣмъ болѣе населенная страна съ неразвитыми средствами сообщеній. Въ этомъ смыслѣ, напр., сѣверные штаты Американскаго Союза гуще заселены, чѣмъ Индія [83]).

Такъ какъ товарное производство и товарное обращеніе составляютъ всеобщую предпосылку капиталистическаго способа производства, то для мануфактурнаго раздѣленія труда необходимо, чтобы раздѣленіе труда внутри общества достигло уже извѣстнаго развитія. И, наоборотъ, мануфактурное раздѣленіе труда дѣйствуетъ въ свою очередь на общественное раздѣленіе труда, развивая и умножая его. По мѣрѣ дифференціаціи рабочихъ инструментовъ, все болѣе и болѣе дифференцируются и тѣ отрасли промышленности, которыя занимаются ихъ производствомъ [84]). Если мануфактурный способъ производства захватываетъ какое либо ремесло, которое до сихъ поръ было связано съ другимъ производствомъ, какъ главное или побочное, и производилось однимъ и тѣмъ же производителемъ,—то немедленно наступаетъ раздѣленіе и взаимное

---

[81]) Sir James Steuart лучше, чѣмъ кто либо другой, положилъ этотъ пунктъ. Насколько его сочиненіе, появившееся за 10 лѣтъ до «Wealth of Nations», теперь мало извѣстно, можно видѣть, между прочимъ, изъ того, что поклонники Мальтуса даже не знаютъ, что въ первомъ изданіи его сочиненія о населеніи, за исключеніемъ чисто декламаторской части, все остальное списано Мальтусомъ изъ Стюарта, да изъ сочиненій поповъ Wallace и Townsend.

[82]) «Извѣстная густота населенія необходима для развитія соціальныхъ отношеній и той комбинаціи силъ, посредствомъ которой увеличивается продуктъ труда». (James Mill l. c. p. 50). «Съ увеличеніемъ количества рабочихъ, производительная сила общества возрастаетъ пропорціонально этому увеличенію, помноженному на дѣйствія раздѣленія труда». (Th. Hodgskin l. c. p. 125, 126).

[83]) Съ 1861 г., вслѣдствіе громаднаго спроса на хлопчатую бумагу, въ нѣкоторыхъ густо-населенныхъ округахъ Ость-Индіи производство хлопка было расширено насчетъ производства риса. Вслѣдствіе этого возникъ частичный голодъ, такъ какъ за недостаткомъ въ средствахъ сообщеній, т.-е. въ силу отсутствія физической связи, неурожай риса въ одномъ округѣ не могъ быть возмѣщенъ своевременнымъ подвозомъ изъ другого округа.

[84]) Такъ, производство ткацкихъ челноковъ уже въ XVII-мъ стол. составляло въ Голландіи особенную отрасль промышленности.

обособленіе этихъ ремеслъ. Если же мануфактурное производство захватываетъ какую-нибудь отдѣльную ступень въ производствѣ какого-либо товара, то всѣ различныя ступени производства этого товара превращаются въ различные независимые промыслы. Мы уже указывали, что тамъ, гдѣ продуктъ представляетъ лишь механически составленное изъ частичныхъ продуктовъ цѣлое, различныя частичныя операціи могутъ снова превратиться въ самостоятельныя ремесла. Для того, чтобы болѣе полно провести раздѣленіе труда въ мануфактурѣ, данную отрасль производства раскалываютъ на различныя, частью совершенно новыя, мануфактуры, соотвѣтственно разнообразію употребляемаго ею сырого матеріала, или сообразно различнымъ формамъ, которыя можетъ принять одинъ и тотъ же сырой матеріалъ. Такъ напр., уже въ первой половинѣ XVIII-го стол., въ одной Франціи производилось свыше 100 разнородныхъ шелковыхъ матерій, а въ Авиньонѣ, напр., законъ объявлялъ, что «каждый ученикъ долженъ посвятить себя только одному какому-нибудь роду производства и не долженъ обучаться приготовленію многихъ родовъ матерій». Территоріальное раздѣленіе труда, которое пріурочиваетъ извѣстныя отрасли производства къ извѣстнымъ округамъ страны, получило новый толчокъ въ мануфактурномъ способѣ производства, который эксплуатируетъ всякаго рода особенности [35]). Богатый матеріалъ для раздѣленія труда внутри общества доставило мануфактурному періоду расширеніе всемірнаго рынка и колоніальная система, которыя принадлежатъ къ числу общихъ историческихъ условій широкаго общественнаго раздѣленія труда. Здѣсь не мѣсто доказывать, какъ это раздѣленіе захватываетъ, рядомъ съ экономической, и всѣ другія сферы общества, всюду полагая основаніе для того развитія спеціализаціи или ремесленничества, для того раздробленія человѣка, которое еще у учителя А. Смита, А. Фергюсона исторгло восклицаніе: «Мы составляемъ націю илотовъ и между нами нѣтъ больше свободныхъ людей» [36])

Несмотря, однако, на множество аналогій и связующихъ нитей между раздѣленіемъ труда внутри общества и его раздѣленіемъ внутри мастерской, между ними существуетъ разница не только въ степени, но и по существу. Безспорно, наиболѣе полно эта аналогія обнаруживается тамъ, гдѣ существуетъ нѣкоторая внутренняя связь, соединяющая между собою различныя отрасли промышленности. Скотоводъ, напр., производитъ шкуры; кожевникъ превращаетъ эти шкуры въ кожу; сапожникъ передѣлываетъ кожу въ сапоги. Каждый изъ предшествующихъ сапожнику производителей производитъ полуфабрикатъ, а послѣдняя готовая форма—сапоги представляетъ комбинированный продуктъ всѣхъ этихъ отдѣльныхъ работъ. Къ этому надо прибавить тѣ разнообразныя отрасли труда, которыя доставляютъ средства производства скотоводу, кожевнику и

---

[35]) «Равно шерстяное производство Англіи не раздѣлено на различныя части или отрасли, сообразно съ особенностями тѣхъ мѣстъ, гдѣ производятся тѣ или другіе продукты; тонкія сукна производятся въ Somersetshire, грубыя сукна въ Yorkshire, long ells—въ Эксетерѣ, soies—въ Сандбюри, крепы—въ Норичѣ, попинки—въ Кендалѣ, одѣяла—въ Whitney, и т. д.» (Berkeley: «The Querist» 1750, § 520).

[36]) A. Ferguson: «History of Civil Society»; Edinb. 1750, Part. IV, sect. II, p. 285.

сапожнику. Можно вообразить себѣ, вмѣстѣ съ А. Смитомъ, что это общественное раздѣленіе труда отличается отъ мануфактурнаго лишь субъективно, т. е. лишь въ глазахъ наблюдателя, который въ одномъ случаѣ охватываетъ однимъ взглядомъ всѣ разнообразныя частичныя операціи, совершающіяся рядомъ, на относительно тѣсномъ пространствѣ, между тѣмъ, какъ въ другомъ случаѣ, разсѣяніе этихъ операцій по большому пространству и значительное количество занятыхъ въ каждой отдѣльной отрасли работниковъ заслоняютъ отъ него ихъ взаимную связь [57]) Но что же устанавливаетъ эту связь между независимыми отраслями труда скотовода, кожевника, сапожника? Тотъ фактъ, что ихъ продукты суть товары. Что, наоборотъ, характеризуетъ мануфактурное раздѣленіе труда? То, что частичный работникъ производитъ продукты, не являющіеся товарами [58]). Только коллективный продуктъ всѣхъ частичныхъ рабочихъ превращается въ товаръ [58a]). Раздѣленіе труда внутри общества

[57]) Въ настоящихъ мануфактурахъ, говоритъ онъ, раздѣленіе труда кажется болѣе значительнымъ потому, что «работники, занятые во всѣхъ отдѣльныхъ операціяхъ одного дѣла, часто могутъ быть соединены въ одной мастерской, гдѣ зритель можетъ ихъ видѣть всѣхъ сразу. Наоборотъ, въ тѣхъ громадныхъ мануфактурахъ (!), которыя производятъ предметы потребленія для всей народной массы, каждая отрасль производства занимаетъ такое громадное число рабочихъ, что невозможно соединить ихъ всѣхъ въ одной и той же мастерской... раздѣленіе труда здѣсь не такъ легко наблюдать». (A. Smith: «Wealth of Nations», b. I. ch. I). Знаменитое мѣсто той же самой главы, которое начинается словами: «Взгляните въ самой цивилизованной и цвѣтущей странѣ на домашнюю обстановку самаго простого работника или поденщика»... и т. д., и расписываетъ далѣе, какимъ образомъ многочисленныя, разнообразныя отрасли промышленности всѣ вмѣстѣ удовлетворяютъ потребности самаго обыкновеннаго рабочаго,—почти буквально заимствовано изъ «Remarks» B. de Mandeville'я къ его сочиненію: «Fable of the Bees, or Private Vices, Publik Benefits». (Первое изданіе безъ примѣчаній въ 1706 г.; съ примѣчаніями—въ 1714 г.).

[58]) «Здѣсь не существуетъ болѣе ничего, что могло бы быть названо естественнымъ вознагражденіемъ индивидуальнаго труда. Каждый рабочій производитъ лишь нѣкоторую часть дѣлаго; а такъ какъ каждая часть сама по себѣ не имѣетъ никакой цѣнности или полезности, то здѣсь нѣтъ ничего, что работникъ могъ бы схватить и о чемъ онъ могъ бы сказать: «это мое произведеніе, и его беру себѣ». («Labour defended against the claims of Capital. Lond. 1825». p. 25). Авторъ этого превосходнаго сочиненія—вышецитированный Th. Hodgskin.

[58a]) Прим. ко 2-му изд.—Это различіе между мануфактурнымъ и общественнымъ раздѣленіемъ труда янки весьма наглядно познали на практикѣ. Однимъ изъ новыхъ налоговъ, „придуманныхъ въ Вашингтонѣ во время гражданской войны, былъ 6% налогъ на «всѣ продукты промышленности». На вопросъ: что такое промышленный продуктъ? законодатель отвѣчаетъ: вещь произведена, когда она сдѣлана (when it is made), а сдѣлана она, когда она уже совсѣмъ готова для продажи. Теперь приведемъ одинъ примѣръ изъ многихъ. На мануфактурахъ Нью-Іорка и Филадельфіи зонтики раньше «дѣлались» со всѣми ихъ принадлежностями. Но такъ какъ зонтики составляютъ mixtum compositum многихъ, совершенно отдѣльныхъ составныхъ частей, то онѣ, эти составныя части, мало по малу превратились въ продукты независимыхъ другъ отъ друга и производимыхъ въ разныхъ мѣстахъ отраслей. Эти частичные продукты входятъ теперь, въ качествѣ самостоятельныхъ товаровъ, въ мануфактуру зонтиковъ, которая только собираетъ ихъ въ

обусловливается покупкой и продажей продуктовъ различныхъ отраслей труда; связь же между частичными операціями въ мануфактурѣ обусловливается продажей различныхъ рабочихъ силъ одному и тому же капиталисту, употребляющему ихъ какъ комбинированную рабочую силу. Мануфактурное раздѣленіе труда предполагаетъ концентрацію средствъ производства въ рукахъ капиталиста, общественное же раздѣленіе труда предполагаетъ разробленіе средствъ производства между многими, другъ отъ друга независимыми, товаропроизводителями. Въ то время, какъ въ мануфактурѣ желѣзный законъ относительнаго числа или пропорціональности пріурочиваетъ опредѣленныя массы рабочихъ къ опредѣленнымъ функціямъ,—въ распредѣленіи товаропроизводителей и ихъ средствъ производства между различными отраслями общественнаго труда господствуетъ произволъ и случай. Правда, различныя сферы производства постоянно стремятся придти въ состояніе равновѣсія: съ одной стороны, каждый товаропроизводитель долженъ всегда производить какую-либо потребительную цѣнность, а, слѣдовательно, долженъ удовлетворять какой-либо особой общественной потребности, объемъ же этихъ потребностей количественно различенъ, и особенная внутренняя связь сплетаетъ различныя массы потребностей въ одну естественную систему; съ другой стороны, законъ цѣнности товаровъ опредѣляетъ, какую долю всего находящагося въ его распоряженіи рабочаго времени общество можетъ издержать на производство каждаго отдѣльнаго рода товара. Но эта постоянная тенденція различныхъ сферъ производства — придти во взаимное равновѣсіе—проявляется лишь какъ реакція противъ постояннаго нарушенія этого равновѣсія. То правило, которое, въ раздѣленіи труда внутри мастерской, исполняется a priori и цѣлесообразно, въ раздѣленіи труда внутри общества дѣйствуетъ только a posteriori, какъ внутренняя, нѣмая, естественная необходимость, пересиливающая безпорядочный произволъ товаропроизводителей, необходимость, знать о которой даетъ лишь барометръ рыночныхъ цѣнъ. Мануфактурное раздѣленіе труда предполагаетъ безусловный авторитетъ капиталиста надъ людьми, которые составляютъ лишь простые органы принадлежащаго ему общаго механизма, общественное же раздѣленіе труда противопоставляетъ другъ другу независимыхъ товаропроизводителей, не признающихъ никакого другого авторитета, кромѣ авторитета конкурренціи, никакой другой силы, кромѣ давленія, оказываемаго на нихъ ихъ взаимными интересами, подобно тому, какъ въ животномъ царствѣ bellum omnium contra omnes обусловливаетъ собой такъ или иначе сохраненіе видовъ. Поэтому то же самое буржуазное сознаніе, которое мануфактурное раздѣленіе труда, пожизненно приковывающее рабочаго къ одной детальной операціи, и безусловное подчиненіе частичныхъ работниковъ капиталу прославляетъ какъ цѣкую организацію труда, уве-

---

одно цѣлое. Янки назвали такіе продукты «сборными предметами» («assembled articles»),—названіе, котораго они вполнѣ заслуживали, такъ какъ они служили своего рода «собирателями» налоговъ. Такъ зонтики «собирали», во первыхъ, 6% съ цѣны каждаго своего отдѣльнаго элемента, а потомъ снова 6% съ цѣны цѣлаго зонтика.

личивающую его производительную силу, — столь же громко клеймитъ всякій сознательный общественный контроль и всякое регулированіе общественнаго производственнаго процесса какъ посягательство на неприкосновенныя права собственности, на свободу и самоопредѣляющуюся «геніальность» индивидуальнаго капиталиста. Чрезвычайно характерно, что восторженные апологеты фабричной системы не могутъ сказать ничего болѣе сильнаго противъ общественной организаціи труда, какъ то, что такая организація превратила бы все общество въ одну сплошную фабрику!

Если въ обществѣ, въ которомъ господствуетъ капиталистическій способъ производства, анархія общественнаго раздѣленія труда и деспотизмъ мануфактурнаго раздѣленія труда взаимно обусловливаютъ другъ друга, то, наоборотъ, прежнія общественныя формы, гдѣ обособленіе промысловъ развивается естественнымъ путемъ, потомъ кристаллизуется и, наконецъ, закрѣпляется путемъ закона, — съ одной стороны представляютъ намъ картину планомѣрной и подчиненной авторитету организаціи общественнаго труда; съ другой же стороны, либо совершенно не знаютъ раздѣленія труда внутри мастерской, либо допускаютъ его въ очень ограниченныхъ размѣрахъ, либо развиваютъ его лишь спорадически и случайно [39]).

Такъ, напр., первобытныя мелкія индійскія общины, отчасти еще продолжающія существовать до сихъ поръ, основываются на общинномъ владѣніи землей, на непосредственномъ соединеніи земледѣлія и ремесла, и на опредѣленной системѣ раздѣленія труда, которая служитъ какъ бы руководящимъ планомъ и образцомъ при основаніи новыхъ общинъ. Каждая изъ такихъ общинъ образуетъ самодовлѣющее производственное цѣлое, область производства котораго колеблется между 100 и нѣсколькими тысячами акровъ. Главная масса продуктовъ производится для потребностей самой общины, а не въ качествѣ товаровъ, а потому и самое производство не зависитъ здѣсь отъ обусловливаемаго товарнымъ обмѣномъ раздѣленія труда во всемъ индійскомъ обществѣ. Только избытокъ продуктовъ превращается въ товары, и то отчасти — лишь въ рукахъ государства, которому съ незапамятныхъ временъ достается часть продуктовъ въ видѣ натуральной ренты. Въ различныхъ частяхъ Индіи существуютъ различныя формы общины. Въ простѣйшей формѣ, община обрабатываетъ сообща свою землю и раздѣляетъ продукты между своими членами; пряденьемъ же, тканьемъ и т. п. каждая семья занимается отдѣльно, какъ домашнимъ побочнымъ промысломъ. Рядомъ съ этой массой, занимающейся однороднымъ трудомъ, мы находимъ: «главнаго обывателя» или старшину, соединяющаго въ одномъ своемъ лицѣ судью, полицейскую власть и сборщика податей; бухгалтера, ведущаго отчетность по земледѣлію, и кадастрирующаго и

---

[39]) «Можно принять... за общее правило, что чѣмъ менѣе авторитетъ управляетъ раздѣленіемъ труда внутри общества, тѣмъ болѣе раздѣленіе труда развивается внутри мастерской, и тѣмъ болѣе оно подчиняется тамъ авторитету отдѣльнаго лица. Такимъ образомъ, роль авторитета въ мастерской обратно пропорціональна роли его въ обществѣ» (Karl Marx l. c. p. 130, 131).

регистрирующаго все, что касается земледѣлія; третье должностное лицо, которое преслѣдуетъ преступниковъ, защищаетъ и провожаетъ отъ одной деревни до другой иностранныхъ путешественниковъ; пограничнаго сторожа, охраняющаго границы общины отъ сосѣдней общины; надзирателя за водоемами, который распредѣляетъ воду изъ общественнаго водохранилища для нуждъ земледѣлія; брамина, исполняющаго функціи религіознаго культа; школьнаго учителя, который на пескѣ обучаетъ дѣтей общины читать и писать; календарнаго брамина, въ качествѣ астролога опредѣляющаго время посѣва и жатвы, а также благопріятные и неблагопріятные часы для всякихъ отдѣльныхъ земледѣльческихъ работъ; кузнеца и плотника, которые изготовляютъ и поправляютъ всѣ земледѣльческія орудія; гончара, приготовляющаго всякую посуду для деревни; цирюльника; лицо, стирающее и чистящее одежду; серебряныхъ дѣлъ мастера и, наконецъ, кое гдѣ также поэта, который въ однѣхъ общинахъ исполняетъ также роль серебряныхъ дѣлъ мастера, въ другихъ—школьнаго учителя. Эта дюжина лицъ содержится на счетъ всей общины. Когда населеніе возрастаетъ, то на необработанной землѣ основывается новая община по образцу старой. Въ этомъ общинномъ механизмѣ мы видимъ планомѣрное раздѣленіе труда; но мануфактурное раздѣленіе труда здѣсь невозможно, такъ какъ потребность въ кузнецахъ, столярахъ и т. д. остается неизмѣнной, и самое большее, въ зависимости отъ величины деревни, вмѣсто одного ихъ имѣется двое или трое [60]). Законъ, регулирующій раздѣленіе труда въ общинѣ, дѣйствуетъ здѣсь съ непререкаемой силой физическаго закона; въ то же самое время каждый отдѣльный ремесленникъ, кузнецъ и пр., исполняетъ, хотя и традиціоннымъ способомъ, но самостоятельно, безъ подчиненія какому-либо авторитету, всѣ относящіяся къ его спеціальности функціи. Простой производительный организмъ этихъ самодовлѣющихъ общинъ, воспроизводящихся постоянно въ той же самой формѣ и снова появляющихся, послѣ каждаго случайнаго разрушенія, на старомъ мѣстѣ и подъ старымъ названіемъ [61]),—даетъ ключъ къ загадкѣ, заключающейся въ неизмѣнности азіатскихъ обществъ, которая составляетъ такой контрастъ съ постояннымъ разрушеніемъ и новообразованіемъ азіатскихъ государствъ и безпрерывной смѣной правителей и династій. Структура хозяйственныхъ элементовъ, лежащихъ въ основѣ этихъ обществъ, совсѣмъ не испытываетъ на себѣ дѣйствія бурь, разыгрывающихся въ надземной сферѣ политическихъ отношеній.

[60]) Lieut. Col. Mark Wilks: «Historical Sketches of the South of India. Lond. 1810—1817», v. I, p. 118—20. Хорошій обзоръ различныхъ формъ индійской общины можно найти въ сочиненіи George Campbell'я «Modern India. London 1852».

[61]) «Въ этихъ простыхъ формахъ быта... обитатели страны живутъ съ незапамятныхъ временъ. Границы деревень очень рѣдко измѣнялись; и хотя сами деревни бывали иногда разорены и даже опустошаемы войной, голодомъ и повальными болѣзнями, тѣмъ не менѣе, то же самое названіе, тѣ же самыя границы, тѣ же самые интересы и даже тѣ же самыя семейства продолжали существовать изъ вѣка въ вѣкъ. Обитатели мало безпокоятся о крушеніяхъ и раздѣленіяхъ царствъ: разъ деревня остается цѣла, они не заботятся, къ какому государству она причисляется, или какому монарху она подчинена; ея внутренняя экономія остается безъ перемѣнъ». (Th. Stampford Raffles, late Lieut. Gov. of Java: «The History of Java. Lond. 1817», v. II. p. 285).

Цеховые уставы, какъ мы уже раньше замѣтили, планомѣрно препятствовали превращенію ремесленнаго мастера въ капиталиста, посредствомъ строгаго ограниченія числа подмастерьевъ, которое отдѣльный цеховой мастеръ могъ держать. Точно также подмастерьевъ онъ могъ занимать исключительно тѣмъ ремесломъ, въ которомъ самъ былъ мастеромъ. Цехи ревниво ограждали производство отъ захватовъ со стороны купеческаго капитала,—этой единственной свободной формы капитала, существовавшей рядомъ съ цехомъ. Купецъ могъ покупать всѣ товары, но не трудъ, какъ товаръ. Онъ былъ терпимъ лишь какъ скупщикъ (Verleger) ремесленныхъ продуктовъ. Если внѣшнія обстоятельства вызывали дальнѣйшее раздѣленіе труда, существующіе цехи распадались на разновидности, или рядомъ со старыми цехами отлагались новые; но различныя ремесла никогда не соединялись въ одной мастерской. Поэтому, цеховая организація, хотя свойственныя ей раздѣленіе, изолированіе и развитіе промышленныхъ занятій составляютъ необходимыя условія мануфактурнаго періода, была несовмѣстна съ мануфактурнымъ раздѣленіемъ труда. Вообще, при цеховомъ строѣ работникъ и его средства производства оставались соединенными другъ съ другомъ, какъ улитка—со своей раковиной, и такимъ образомъ этому строю не доставало первой основы мануфактуры, т. е. отдѣленія отъ рабочихъ средствъ производства, въ самостоятельной формѣ капитала.

Тогда какъ раздѣленіе труда внутри цѣлаго общества,—все равно, обусловливается ли оно обмѣномъ товаровъ или нѣтъ—оказывается свойственнымъ самымъ различнымъ общественно-экономическимъ формаціямъ, мануфактурное раздѣленіе труда есть совершенно специфическое созданіе капиталистическаго способа производства.

5. Капиталистическій характеръ мануфактуры.

Значительное число рабочихъ, соединенныхъ подъ командой одного и того же капитала, составляетъ естественный исходный пунктъ, какъ кооперація вообще, такъ и мануфактуры. И наоборотъ: мануфактурное раздѣленіе труда дѣлаетъ ростъ числа занимаемыхъ рабочихъ технической необходимостью. То минимальное число рабочихъ, которое отдѣльный капиталистъ долженъ занимать, предписывается ему теперь существующимъ уже раздѣленіемъ труда. Съ другой стороны, выгоды дальнѣйшаго раздѣленія труда обусловливаются дальнѣйшимъ увеличеніемъ числа рабочихъ; а это увеличеніе, какъ мы видѣли, осуществимо лишь въ кратныхъ числахъ. Съ увеличеніемъ же перемѣнной части капитала, должна возрастать и постоянная его часть, т. е. не только размѣръ общихъ условій производства—строеній, печей и т. п., но и сырой матеріалъ—и притомъ въ еще большей пропорціи, чѣмъ число рабочихъ. Масса сырого матеріала, потребляемая въ данное время даннымъ числомъ рабочихъ, возрастаетъ въ той же самой пропорціи, въ какой возрастаетъ производительная сила труда вслѣдствіе его раздѣленія. Поэтому, и возрастаніе минимума капитала въ рукахъ отдѣльныхъ капиталистовъ или возрастающее превращеніе обще-

ственныхъ средствъ существованія и производства въ капиталъ есть законъ, вытекающій изъ техническаго характера мануфактуры [62]).

Въ мануфактурѣ, какъ и въ простой кооперація, функціонирующій рабочій организмъ представляетъ лишь особую форму существованія капитала. Общественный механизмъ производства, составленный изъ многихъ индивидуальныхъ, частичныхъ рабочихъ, принадлежитъ капиталисту. Вытекающая изъ комбинаціи работъ производительная сила является, поэтому, какъ производительная сила капитала. Настоящая мануфактура не только ставитъ подъ команду и дисциплину капитала рабочаго, бывшаго прежде самостоятельнымъ, но создаетъ еще іерархическое расчленение между самими рабочими. Въ то время какъ простая кооперація, въ общемъ, оставляетъ почти безъ измѣненія способъ труда отдѣльнаго рабочаго, мануфактура производитъ въ немъ полный переворотъ и овладѣваетъ индивидуальной рабочей силой въ самомъ ея корнѣ. Она калѣчитъ рабочаго, превращаетъ его въ какого-то урода, чисто оранжерейнымъ путемъ вызывая въ немъ развитіе детальныхъ навыковъ и подавляя цѣлый міръ производительныхъ склонностей и способностей; она поступаетъ совершенно такъ, какъ скотопромышленники Ла-Платы, которые убиваютъ цѣлое животное ради одной его шкуры или сала. Не только особыя частичныя операціи распредѣляются между различными индивидуумами, но и самъ индивидуумъ раздробляется, превращаясь въ автоматическое колесо, исполняющее одну частичную работу [63]); такимъ образомъ, онъ осуществляетъ нелѣпую басню Менения Агриппы, изображающую человѣка, какъ простую часть его же собственнаго тѣла [64]). Первоначально рабочій продавалъ свою рабочую силу капиталу потому, что у него не доставало матеріальныхъ средствъ для производства товара, теперь же его индивидуальная рабочая сила сама отказывается служить, если она не продана капиталу. Она можетъ функціонировать только въ извѣстныхъ условіяхъ, которыя наступаютъ лишь послѣ того, какъ она уже продана, т. е. осуществляются въ мастерской капиталиста. По своимъ естественнымъ свойствамъ лишенный способности производить какую-нибудь самостоятельную работу, мануфактурный рабочій развиваетъ производительную дѣятельность уже только въ качествѣ

---

[62]) «Недостаточно, чтобы въ обществѣ находился капиталъ, (слѣдовало бы сказать: средства существованія и производства), необходимый для дальнѣйшаго подраздѣленія ремеслъ, необходимо еще, чтобы этотъ капиталъ скопился въ рукахъ предпринимателей въ достаточно значительныхъ массахъ, такъ чтобы они были способны вести производство въ широкихъ размѣрахъ... Чѣмъ болѣе раздѣленіе труда увеличивается, тѣмъ больше капитала требуетъ постоянное занятіе одного и того же числа рабочихъ—на пріобрѣтеніе рабочихъ орудій, сырого матеріала и пр.» (Storch: «Cours d'Econ. Polit.». Парижское изданіе t. I, p. 250, 251). «Концентрація средствъ производства и раздѣленія труда столь же нераздѣльны другъ отъ друга, какъ нераздѣльны между собою, въ области политической, концентрація общественной власти и раздѣленіе частныхъ интересовъ». (Karl Marx l. c. p. 134).

[63]) Dugald Stewart называетъ мануфактурныхъ рабочихъ: «живые автоматы... употребляемые для исполненія деталей извѣстнаго труда». (l. c. p. 318).

[64]) У коралловъ каждый индивидуумъ представляетъ дѣйствительно желудокъ цѣлой группы. Но онъ доставляетъ ей пищу, а не отнимаетъ ея у нея, подобно римскому патрицію.

придатка или принадлежности мастерской капиталиста [65]). Какъ у избраннаго народа было написано на лбу, что онъ собственность Іеговы, такъ и раздѣленіе труда накладываетъ на мануфактурнаго рабочаго клеймо, указующее, что онъ собственность капиталиста.

Знанія, пониманіе и поля, проявляемыя, хотя и въ небольшихъ размѣрахъ, самостоятельнымъ земледѣльцемъ или ремесленникомъ,—подобно тому, какъ дикарь все свое военное искусство проявляетъ въ формѣ личной хитрости,—теперь требуются лишь для веденія всей мастерской, какъ цѣлаго. Духовныя силы, управляющія производствомъ, разростаются на одномъ пунктѣ, именно потому, что во многихъ пунктахъ онѣ совершенно исчезаютъ. То, что теряютъ частичные рабочіе, концентрируется независимо отъ нихъ—въ капиталѣ [66]). Такимъ образомъ, мануфактурное раздѣленіе труда противопоставляетъ рабочимъ духовныя силы, управляющія матеріальнымъ процессомъ производства, въ качествѣ чужой собственности и господствующей надъ ними власти. Процессъ разъединенія начинается въ простой коопераціи, гдѣ капиталистъ представляетъ, по отношенію къ отдѣльнымъ рабочимъ, въ своемъ лицѣ единство и волю общественнаго рабочаго организма. Процессъ этотъ продолжаетъ развиваться въ мануфактурѣ, которая уродуетъ рабочаго, превращая его въ часть самого себя, въ частичнаго рабочаго. Наконецъ, развитіе завершается въ крупной промышленности, которая отдѣляетъ науку въ качествѣ самостоятельной производственной силы отъ труда и заставляетъ ее служить капиталу [67]).

Въ мануфактурѣ обогащеніе коллективнаго рабочаго,—а въ силу этого и капитала,—общественной производительной силой обусловливается обѣдненіемъ рабочихъ индивидуальными производительными силами. «Невѣжество есть мать какъ промышленности, такъ и суевѣрія. Разсудокъ и воображеніе могутъ заблуждаться, но привычка двигать рукой или ногой не зависитъ ни отъ разсудка, ни отъ воображенія. Поэтому, и мануфактуры наиболѣе процвѣтаютъ тамъ, гдѣ люди всего болѣе умѣютъ отрѣшаться отъ духовной работы, и гдѣ мастерская, такимъ образомъ, можетъ быть разсматриваема какъ машина, отдѣльными частями которой являются люди» [68]). И дѣйствительно, въ срединѣ 18-го

---

[65]) «Работникъ, имѣющій въ своихъ рукахъ цѣлое ремесло, можетъ гдѣ угодно исполнять свой промыселъ и пріобрѣтать, такимъ образомъ, средства къ существованію; другой же (мануфактурный) есть только аксессуаръ, который, отдѣленный отъ своихъ собратьевъ, не имѣетъ ни способности, ни независимости и принужденъ соглашаться на всѣ тѣ условія, которыя угодно будетъ ему предложить». (Storch. l. c. edit. Petersb. 1815, t. I, p. 204).

[66]) A. Ferguson, l. c. p. 281: «Одинъ можетъ выиграть то, что теряетъ другой».

[67]) «Человѣкъ науки и производительный работникъ раздѣлены одинъ отъ другого большимъ разстояніемъ, и наука, вмѣсто того, чтобы увеличивать въ рукахъ работника его собственную производительную силу и для его собственной пользы, почти всюду выступила противъ него... Знаніе становится инструментомъ, который можетъ быть отдѣленъ отъ труда и противопоставленъ ему». (W. Thompson: «An Inquiry into the Principles of the Distribution of Wealth. London 1824», p. 274).

[68]) A. Ferguson l. c. p. 280.

столѣтія нѣкоторыя мануфактуры всего охотнѣе употребляли, для нѣкоторыхъ простыхъ операцій, составлявшихъ, однако, фабричную тайну, полуидіотовъ [69]).

«Умственныя способности огромнаго большинства людей, говоритъ А. Смитъ, развиваются, всегда неизбѣжно исходя изъ повседневныхъ занятій и на нихъ почвѣ. Человѣкъ, который всю свою жизнь тратитъ на продѣлываніе немногихъ простыхъ операцій... не имѣетъ случая упражнять свой умъ... Онъ обыкновенно становится тупымъ и невѣжественнымъ, насколько это вообще возможно для человѣческаго созданія». Изобразивъ тупость частичнаго рабочаго, Смитъ продолжаетъ: «Однообразіе его неподвижной жизни естественно губитъ и силу его души... Оно разрушаетъ даже энергію его тѣла и дѣлаетъ его неспособнымъ къ сколько-нибудь продолжительному и энергическому употребленію своихъ силъ, иначе какъ въ той детальной работѣ, къ которой его пріучили. Его искусность въ его спеціальной отрасли пріобрѣтается, слѣдовательно, насчетъ другихъ его интеллектуальныхъ, соціальныхъ и воинскихъ качествъ. Но, въ каждомъ промышленномъ и цивилизованномъ обществѣ, въ это состояніе необходимо долженъ впасть всякій работающій бѣднякъ (the labouring poor), т.-е. огромное большинство народа» [70]). Чтобы помѣшать такому полному калѣченію народныхъ массъ, происходящему отъ раздѣленія труда, А. Смитъ рекомендуетъ народное образованіе на счетъ государства, хотя и въ осторожно отмѣренныхъ, гомеопатическихъ дозахъ. Противъ этого вполнѣ послѣдовательно полемизируетъ французскій переводчикъ и комментаторъ Смита G. Garnier, который, при первой имперіи, естественно вылупился въ сенатора. Народное образованіе противорѣчитъ основнымъ законамъ раздѣленія труда, и одобрить его—значитъ «осудить всю нашу общественную систему». «Какъ всѣ другіе виды раздѣленія труда, и это раздѣленіе между физическимъ и умственнымъ трудомъ [71]) становится все яснѣе и все рѣшительнѣе по мѣрѣ того, какъ общество становится богаче (Garnier употребляетъ терминъ «общество» для капитала, земельной собственности и ихъ государства). Подобно всякому другому, и это раздѣленіе труда есть слѣдствіе прошедшаго и причина будущаго прогресса... Должно ли правительство препятствовать этому раздѣленію труда и задерживать его естественное развитіе? Должно ли оно употреблять часть своихъ

---

[69]) J. D. Tuckett: «A History of the Past and Present State of the labouring Population. Lond. 1846». v. I, p. 149).

[70]) A. Smith: «Wealth of Nations». B. V, ch. I, art. II. Какъ ученикъ А. Ferguson'a, указавшаго всѣ вредныя послѣдствія раздѣленія труда, А. Смитъ совершенно ясно понималъ этотъ вопросъ. Въ самомъ вступленіи къ своему сочиненію, гдѣ онъ ex professo прославляетъ раздѣленіе труда, онъ лишь мимоходомъ указываетъ на него, какъ на источникъ общественнаго неравенства. Только въ 5-й книгѣ, о государственныхъ доходахъ, онъ воспроизводитъ взгляды Фергюсона. Въ своей «Misère de la Philosophie» я выяснилъ историческое соотношеніе между Фергюсономъ, А. Смитомъ, Лемонтэ и Сэемъ, какъ критиками раздѣленія труда. Тамъ же я впервые охарактеризовалъ мануфактурное раздѣленіе труда, какъ специфическую форму капиталистическаго способа производства (l. c. p. 122 sq.).

[71]) Фергюсонъ уже сказалъ (l. c. p. 281): «Въ нашъ вѣкъ, когда все раздѣляется, искусство мыслить, пожалуй, тоже становится особымъ ремесломъ».

средствъ на опытъ, имѣющій цѣлью смѣшать и спутать двѣ категоріи труда, которыя сами стремятся къ раздѣленію и разъединенію»? [72]).

Нѣкоторое духовное и физическое уродованіе неразрывно связано даже съ раздѣленіемъ труда внутри общества. Но такъ какъ мануфактурный періодъ проводитъ общественное расчлененіе различныхъ отраслей труда гораздо дальше, и такъ какъ, съ другой стороны, этотъ періодъ, со спеціально ему свойственнымъ способомъ раздѣленія труда, впервые захватываетъ индивидуума въ самомъ жизненномъ его корнѣ, то онъ также впервые даетъ матеріалъ и толчокъ для развитія промышленной патологіи [73]).

«Подраздѣлять человѣка, значитъ казнить его, если онъ заслуживаетъ смертной казни, и убивать его, если онъ ея не заслуживаетъ. Раздѣленіе труда есть убійство народа» [74]).

Кооперація, покоящаяся на раздѣленіи труда, или мануфактура представляетъ, въ началѣ своего развитія, стихійно выросшую форму. Но какъ только она пріобрѣтаетъ нѣкоторую прочность и широту, она превращается въ сознательную, планомѣрную и систематическую форму капиталистическаго способа производства. Исторія настоящей мануфактуры показываетъ намъ, какъ свойственное ей раздѣленіе труда сначала путемъ чисто практическаго опыта, какъ бы за спиной дѣйствующихъ лицъ, выливается въ наиболѣе удобныя для него формы; а потомъ уже стремится, подобно цеховому ремеслу, закрѣпить разъ найденную форму, сдѣлать ее традиціонной и въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствительно удерживаетъ ее въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Если такая форма измѣняется сколько-нибудь существенно, а не только въ мелочахъ, то всегда — лишь вслѣдствіе революціи въ орудіяхъ труда. Что же касается новѣйшей мануфактуры,—я не говорю здѣсь о крупной промышленности, основанной на примѣненіи машинъ,—то или она, какъ, напр., производство платьевъ, находитъ свои dis-

[72]) G. Garnier, t. V его перевода, p. 4—5.

[73]) Ramazzini, профессоръ практической медицины въ Падуѣ, обнародовалъ въ 1713 г. свое сочиненіе: «De morbis artificum», переведенное въ 1781 г. на французскій языкъ, и перепечатанное въ 1841 г. въ «Encyclopédie des Sciences Médicales. 7-me Dist. Auteurs Classiques». Періодъ крупной промышленности, весьма естественно, еще болѣе расширилъ его каталогъ болѣзней рабочихъ. См., между прочимъ, «Hygiène physique et morale de l'ouvrier dans les grandes villes en général, et dans la ville de Lyon en particulier. Par le Dr. A. Fonterel. Paris 1858» и «Die Krankheiten, welche verschiednen Ständen, Altern und Geschlechtern eigenthümlich sind. 6 Bände. Ulm 1860». Въ 1854 г. Society of Arts назначило комиссію для изслѣдованія промышленной патологіи. Списокъ документовъ, собранныхъ этой комиссіей, можно найти въ каталогѣ «Twickenham Economic Museum». Очень важны также оффиціальныя «Reports on Public Health». См. также Eduard Reich, M. D.: «Ueber die Entartung des Menschen». Erlangen 1868.

[74]) «To subdivide a man is ted execute him, if he deserves the sentence, to assassinate him if he does not.... the subdivision of labour is the assassination of a people». D. Urquhart: «Familiar Words. London 1855», p. 119. Гегель имѣлъ чрезвычайно оригинальные взгляды на раздѣленіе труда. «Подъ образованными людьми слѣдуетъ прежде всего понимать людей, которые умѣютъ дѣлать все то, что дѣлаютъ другіе», говоритъ онъ въ своей философіи права.

jecta membra готовыми въ тѣхъ большихъ городахъ, гдѣ она возникаетъ, такъ что ей остается только собрать ихъ воедино, или же въ данной отрасли (какъ, напр., въ переплетномъ дѣлѣ) принципъ раздѣленія труда ясенъ самъ по себѣ и тогда приходится только различныя операціи ремесленнаго производства поручить исключительно къ опредѣленнымъ отдѣльнымъ рабочимъ. Опыта одной недѣли болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы въ такихъ случаяхъ опредѣлить числовую пропорцію рабочихъ, необходимыхъ для каждой функціи [75]). —

Посредствомъ расчлѣненія ремесленной дѣятельности, спеціализаціи орудій труда, образованія частичныхъ рабочихъ, ихъ группировки и соединенія въ одинъ совокупный механизмъ,—мануфактурное раздѣленіе труда создаетъ качественное расчлененіе и количественную пропорціональность общественныхъ процессовъ производства, т. е. опредѣленную организацію общественнаго труда, и тѣмъ самымъ развиваетъ новую производительную силу труда, общественную. Какъ специфически-капиталистическая форма общественнаго процесса производства, — а при данныхъ историческихъ основаніяхъ оно и могло развиться только въ капиталистической формѣ,—раздѣленіе труда есть только особый методъ производства относительной прибавочной цѣнности, особый способъ повышать на счетъ рабочаго самовозрастаніе цѣнности капитала, т. е. увеличивать на его счетъ то, что обыкновенно называютъ общественнымъ богатствомъ, «Wealth of Nations» и т. д. Мануфактурное раздѣленіе труда не только развиваетъ общественную производительную силу труда въ пользу капиталиста, вмѣсто того, чтобы развивать ее въ пользу рабочаго, оно еще уродуетъ индивидуальнаго рабочаго. Оно создаетъ новыя условія господства капитала надъ трудомъ. Поэтому, если оно, съ одной стороны, является историческимъ прогрессомъ и необходимымъ моментомъ въ процессѣ экономическаго развитія общества, то, съ другой стороны, оно же является средствомъ цивилизованной и утонченной эксплоатаціи.

Политическая экономія, которая, какъ особая наука, появляется лишь въ мануфактурный періодъ, разсматриваетъ общественное раздѣленіе труда вообще только съ точки зрѣнія мануфактурнаго раздѣленія труда [76]), т. е. какъ средство при помощи одного и того же количества труда производить больше товаровъ и, такимъ образомъ, удешевлять эти товары и ускорять накопленіе капитала. Въ прямую противоположность такому исключительному подчеркиванію количественной стороны и мѣновой цѣнности, писатели классической древности

---

[75]) Добродушная вѣра въ изобрѣтательность, которую отдѣльный капиталистъ якобы a priori проявляетъ при раздѣленіи труда, встрѣчается еще только у нѣмецкихъ профессоровъ, вродѣ, напр., г. Рошера, который изъ благодарности капиталисту за то, что изъ его юпитерской головы раздѣленіе труда выходитъ совершенно готовымъ, назначаетъ ему «diverse Arbeitslöhne» (различныя рабочія платы). Большее или меньшее примѣненіе раздѣленія труда зависитъ отъ длины кошелька, а не отъ степени геніальности.

[76]) Писатели болѣе ранніе, каковы Petty, анонимный авторъ «Advantages of the East India Trade» etc. ценѣе, чѣмъ Адамъ Смитъ, устанавливаютъ капиталистическій характеръ мануфактурнаго раздѣленія труда.

занимаются исключительно качественной стороной и потребительной цѣнностью [77]). Вслѣдствіе раздѣленія отраслей общественнаго производства, изготовленіе товаровъ улучшается; люди съ различными стремленіями и талантами избираютъ себѣ различныя сферы дѣятельности [78]), и, наконецъ, безъ нѣкотораго сужденія задачи нельзя произвести ничего крупнаго [79]). Такимъ образомъ, благодаря раздѣленію труда, улучшается и продуктъ, и производитель. Если античные писатели попутно упоминаютъ и о возрастаніи массы продукта, то только въ смыслѣ умноженія потребительной цѣнности. Ни однимъ словомъ у нихъ не помянается мѣновая цѣнность, удесятереніе товаровъ. Эта точка зрѣнія на продуктъ, какъ на потребительную цѣнность, господствуетъ какъ у Платона [80]),

[77]) Исключеніе между новѣйшими авторами представляютъ нѣкоторые писатели XVIII-го стол., какъ Beccaria и James Harris, которые, относительно раздѣленія труда, почти только повторяютъ древнихъ. Такъ Beccaria говоритъ: «Изъ опыта извѣстно всякому, что, при примѣненіи умственныхъ и физическихъ силъ постоянно къ производству однихъ и тѣхъ же продуктовъ, эти послѣдніе производятся легче, въ большемъ количествѣ и лучшаго качества, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда каждый сталъ бы производить всѣ нужныя ему вещи самъ... Люди раздѣляются, такимъ образомъ, на различные классы и состоянія, для общей и ихъ личной пользы». (Cesare Beccaria: «Elementi di Econ. Publica», ed. Custodi, Part. Moderna, t. XI, p. 28) James Harris, впослѣдствіи Earl of Malmsbury, знаменитый своими «Diaries» (дневникомъ) о пребываніи въ Петербургѣ посломъ, говоритъ самъ въ примѣчаніи къ своему «Dialogue concerning Happiness. Lond. 1741», перепечатанному потомъ въ «Three Threatises etc. 3 ed. Lond. 1772»: «Аргументація, которой я пользуюсь для доказательства естественности общества, (основаннаго именно на «раздѣленіи занятій»), цѣликомъ взята изъ второй книги Республики Платона».

[78]) Такъ мы читаемъ въ Одиссеѣ XIV, 228: «Люди не сходны, тѣ любятъ одно, а другіе другое» (перев. Жуковскаго), а Архилохъ у Секста Эмпирика говоритъ: «Одно дѣло веселитъ сердце одного, другое—другого».

[79]) «Много дѣлъ зналъ, но каждое плохо». Πολλ' ἠπίστατο ἔργα, κακῶς δ' ἠπίστατο πάντα. Ахиллинъ, въ качествѣ товаропроизводителя, чувствовалъ свое превосходство надъ спартанцемъ, такъ какъ послѣдній на войнѣ могъ, правда, располагать людьми, но не деньгами,— какъ это, по словамъ Ѳукидида, говоритъ Периклъ въ своей рѣчи, которой онъ возбуждалъ аѳинянъ къ пелопоннесской войнѣ: «Люди, работающіе сами, готовы скорѣе сами воевать съ непріятелемъ, чѣмъ жертвовать для этого имуществомъ». (Thuc. l. l. c. 141). Тѣмъ не менѣе, въ матеріальномъ производствѣ, для аѳинянъ оставалось идеаломъ довлѣть себѣ, автаркія (αὐταρκείᾳ), которая противополагается раздѣленію труда. «Ибо благо и довольство происходятъ изъ одного источника». При этомъ должно принять въ соображеніе, что во время паденія 30 тирановъ не было даже и 5000 аѳинянъ, не имѣвшихъ поземельной собственности.

[80]) Платонъ выводитъ раздѣленіе труда внутри общества изъ разносторонности потребностей индивидуума и односторонности его дарованій. Основная точка зрѣнія его состоитъ въ томъ, что работникъ долженъ приспособляться къ дѣлу, а не дѣло къ нему, что неизбѣжно, если онъ занимается нѣсколькими ремеслами заразъ, т. е. когда то или другое изъ нихъ служитъ для него лишь побочнымъ ремесломъ. «Ибо онъ не желаетъ, чтобы дѣло выжидало досуга производителя, наоборотъ, необходимо, чтобы тотъ, кто производитъ какую-нибудь работу, совершалъ ее не между дѣломъ. Это необходимо. Оттого-то все производится легче, въ большемъ количествѣ и лучшаго, качества, когда человѣкъ дѣлаетъ что-либо одно, по склонности и въ удобное для того время, свободный отъ всѣхъ другихъ занятій» (Rep. l. 2 ed. Baiter, Orelli etc.). То же самое говоритъ и Ѳукидидъ (l. c. c. 142): «Морское дѣло есть такое же

который раздѣленіе труда кладетъ въ основаніе общественнаго раздѣленія сословій, и у Ксенофонта [81]), который, со своимъ характерно-буржуазнымъ инстинктомъ уже приближается къ пониманію раздѣленія труда внутри мастерской. Республика Платона,—поскольку раздѣленіе труда фигурируетъ въ ней въ качествѣ творческаго принципа государства,—представляетъ лишь аонискую идеализацію египетскаго кастоваго строя: Египетъ представлялся образцомъ промышленнаго государства не только Платону, но и другимъ его современникамъ, напр., Исократу [82]), и удержалъ это значеніе даже для грековъ временъ римской имперіи [83]).

искусство, какъ и всякое другое, и поэтому оно не можетъ быть исполняемо при случаѣ, какъ побочное занятіе, наоборотъ, все другое при немъ должно быть только побочнымъ занятіемъ. Если работа, говоритъ Платонъ, будетъ дожидаться работника, то критическій моментъ производства будетъ часто пропускаться и продуктъ будетъ портиться. «Онъ совершенно потерялъ удобное для дѣла время». Эту платоновскую идею мы снова встрѣчаемъ въ протестѣ англійскихъ владѣльцевъ бѣлильенъ противъ того параграфа фабричнаго акта, который устанавливаетъ для всѣхъ работниковъ опредѣленные часы принятія пищи. Ихъ дѣло не можетъ приспособляться къ рабочимъ, ибо «ни одна изъ операцій, исполняемыхъ въ ихъ заведеніяхъ,—окуриваніе, промываніе, катанье, лощенье, крашенье,—не можетъ быть остановлена въ любой моментъ, безъ риска ущерба для производства... Обязательное установленіе одного обѣденнаго часа для всѣхъ рабочихъ могло бы иногда подвергнуть дорогіе товары риску испортиться, вслѣдствіе незаконченности тѣхъ или другихъ операцій». Le platonisme ou va-t-il se nicher!

[81]) Ксенофонтъ разсказываетъ, что полученіе кушаній со стола персидскаго царя пріятно не только потому, что это большой почетъ, но и потому еще, что эти кушанья гораздо вкуснѣе другихъ. «И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо какъ всякія искусства особенно совершены въ большихъ городахъ, точно также и царскія кушанья приготовляются совершенно особымъ способомъ. Въ маленькихъ городахъ одинъ и тотъ же ремесленникъ дѣлаетъ постели, двери, плуги, столы; часто онъ же вдобавокъ строитъ и дома, и очень доволенъ, если находитъ достаточно заказчиковъ для поддержанія своего существованія. Совершенно невозможно, чтобы человѣкъ, исполняющій такое множество дѣлъ, исполнялъ ихъ всѣ хорошо. Въ большихъ же городахъ, гдѣ каждый ремесленникъ находитъ много покупателей, и одного ремесла достаточно для того, чтобы прокормить занимающагося имъ человѣка. Часто даже одинъ ремесленникъ не занимается всѣмъ своимъ ремесломъ въ цѣломъ, но одинъ, напр., приготовляетъ мужскія башмаки, другой женскіе. Мѣстами даже одинъ человѣкъ живетъ шитьемъ, другой кройкой башмаковъ; одинъ только кроитъ платье, другой сглаживаетъ вмѣстѣ выкроенныя части. Понятно, что человѣкъ, исполняющій самый простой трудъ, исполняетъ его безусловно наилучшимъ образомъ. То же самое относится и къ кухонному искусству» (Хен. Сугор. I. VIII, с. 2). Здѣсь имѣется въ виду исключительно качество потребительной цѣнности, хотя и Ксенофонтъ уже знаетъ, что размѣры раздѣленія труда зависятъ отъ широты рынка.

[82]) «Онъ (Бузирисъ) раздѣлилъ всѣхъ на особыя касты... и повелѣлъ, чтобы одни и тѣ же люди постоянно занимались одинаковымъ дѣломъ; ибо онъ зналъ, что тѣ, кто мѣняютъ свои занятія, ни одного изъ нихъ не дѣлаютъ основательно; тѣ же, кто постоянно остаются при однихъ и тѣхъ же занятіяхъ, исполняютъ каждое изъ нихъ наисовершеннѣйшимъ образомъ. И дѣйствительно, мы видимъ, что они (египтяне) въ искусствахъ и ремеслахъ превзошли своихъ соперниковъ больше, чѣмъ мастеръ превосходитъ неспеціалиста; законы же, поддерживающіе царскую власть и другія государственныя учрежденія, столь совершенны у нихъ, что знаменитые философы, которые говорятъ объ египетскихъ порядкахъ, восхваляютъ государственное устройство Египта преимущественно предъ всѣми другими». (Isocr. Busiris, c. 8).

[83]) Сравни Diod. Siculus.

Въ продолженіе настоящаго мануфактурнаго періода, т. е. періода, когда мануфактура представляетъ господствующую форму капиталистическаго способа производства, полное осуществленіе ея собственныхъ тенденцій встрѣчаетъ препятствія со многихъ сторонъ. Хотя она, какъ мы видѣли, рядомъ съ іерархическимъ расчлененіемъ рабочихъ, создаетъ простое раздѣленіе на искусныхъ и неискусныхъ работниковъ, однако, число послѣднихъ, благодаря преобладающему вліянію первыхъ, остается очень ограниченнымъ. Хотя она пріурочиваетъ отдѣльныя операціи къ различнымъ степенямъ зрѣлости, силы и развитія своихъ живыхъ органовъ труда, и наталкиваетъ, такимъ образомъ, капиталъ на производительную эксплоатацію женщинъ и дѣтей,—однако, эта тенденція въ общемъ разбивается о народныя привычки и сопротивленіе работниковъ-мущинъ. Хотя разложеніе ремесленной дѣятельности понижаетъ издержки на обученіе рабочихъ, а, слѣдовательно, и ихъ цѣнность, тѣмъ не менѣе, для болѣе трудныхъ частичныхъ работъ требуется довольно продолжительное обученіе, и даже тамъ, гдѣ оно въ сущности становится излишнимъ, оно ревниво отстаивается и поддерживается рабочими. Такъ, напр., въ Англіи мы находимъ laws of apprenticeship, съ ихъ семилѣтнимъ срокомъ ученичества, въ полной силѣ до самаго конца мануфактурнаго періода, и только крупная промышленность выбросила ихъ за бортъ. Такъ какъ ремесленные навыки остаются главнымъ основаніемъ мануфактуры, а функціонирующій въ ней совокупный механизмъ не обладаетъ независимымъ отъ самихъ рабочихъ объективнымъ остовомъ, то капиталу приходится постоянно бороться съ неповиновеніемъ рабочихъ. «Слабость человѣческой натуры, восклицаетъ милѣйшій Ure, такъ велика, что, чѣмъ искуснѣе рабочій, тѣмъ онъ своевольнѣе, и тѣмъ труднѣе справляться съ нимъ и тѣмъ тяжелѣе ущербъ, наносимый его вздорными причудами совокупному механизму» [84]). Въ продолженіе всего мануфактурнаго періода слышатся, поэтому, жалобы на недисциплинированность рабочихъ [85]). И если бы мы даже не имѣли свидѣтельствъ писателей той эпохи, то одни уже простые факты, что, начиная съ XVI-го столѣтія вплоть до развитія крупной промышленности, капиталу не удалось завладѣть всѣмъ рабочимъ временемъ мануфактурныхъ рабочихъ; что мануфактуры вообще недолговѣчны, что, вмѣстѣ съ передвиженіями, эмиграціей и иммиграціей рабочихъ, онѣ вынуждены перемѣщать свое мѣстопребываніе изъ однѣхъ странъ въ другія,—одни уже эти факты, говоримъ мы, свидѣтельствовали бы не менѣе краснорѣчиво, чѣмъ цѣлыя библіотеки. «Порядокъ, такъ или иначе, долженъ быть водворенъ», восклицаетъ въ 1770 г. неоднократно цитированный нами авторъ книги «Essay on Trade and commerce». «Порядокъ!»—вырывается снова чрезъ 66 лѣтъ изъ устъ д-ра Andrew Ure; «порядка» недоставало въ мануфактурѣ, основанной «на схоластическомъ догматѣ раздѣленія труда» и «Аркрайтъ создалъ этотъ порядокъ».

---

[84]) Ure, l. c. p. 20.

[85]) Все, сказанное въ текстѣ, относится гораздо больше къ Англіи, чѣмъ къ Франціи, и больше къ Франціи, чѣмъ къ Голландіи.

Въ то же время мануфактура не могла ни овладѣть общественнымъ производствомъ во всемъ его объемѣ, ни перевернуть его до основанія. Точно красивый шпиль, она вѣнчала широкое экономическое зданіе городского ремесла и сельской домашней промышленности. Но ея собственный техническій базисъ былъ узокъ, и на извѣстной ступени развитія онъ оказался въ противорѣчіи съ созданными ею же самой потребностями производства.

Одною изъ наиболѣе совершенныхъ формъ мануфактуры были заведенія для производства самихъ орудій труда и, въ частности, употреблявшихся уже тогда сложныхъ механическихъ аппаратовъ. «Такая мастерская,—говоритъ Ure—являла взору образецъ многообразнаго раздѣленія труда. Буравъ, напильникъ, токарный станокъ—каждый имѣлъ своихъ особыхъ рабочихъ, іерархически распредѣленныхъ по степени ихъ искусности». Этотъ продуктъ мануфактурнаго раздѣленія труда произвелъ въ свою очередь машины. Введеніе машинъ упразднило ремесленную дѣятельность, какъ руководящій принципъ общественнаго производства. Такимъ образомъ, съ одной стороны, машины смели техническую основу пожизненнаго прикрѣпленія рабочаго къ одной частичной функціи, но зато, съ другой стороны, съ паденіемъ этого принципа, рушились и тѣ преграды, которыя онъ еще ставилъ господству капитала.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Машины и крупная промышленность.

1. Развитіе машинъ.

Джонъ Стюартъ Милль, въ своихъ «Основаніяхъ политической экономіи» говоритъ: «сомнительно, облегчили ли всѣ сдѣланныя до сихъ поръ механическія изобрѣтенія дневной трудъ хотя бы одного человѣческаго существа» [86]). Но это и не есть цѣль машинъ, примѣняемыхъ на капиталистическомъ основаніи. Подобно всякому другому средству развитія производительной силы труда, онѣ должны удешевлять товары и сокращать ту часть рабочаго дня, которую рабочій употребляетъ на себя, и этимъ удлинять ту его часть, которую рабочій отдаетъ даромъ капиталисту. Онѣ служатъ средствомъ для производства прибавочной цѣнности.

Въ мануфактурѣ исходной точкой переворота въ способѣ производства является рабочая сила, въ крупной же промышленности—орудіе труда. Поэтому, прежде всего надо изслѣдовать, какимъ образомъ орудіе труда превращается изъ инструмента въ машину, или чѣмъ отличается машина отъ ремесленнаго инструмента. Понятно, здѣсь рѣчь идетъ лишь о крупныхъ общихъ чертахъ, характеризующихъ эти двѣ категоріи, такъ какъ эпохи въ исторіи общества такъ

[86]) «It is questionable, if all the mechanical inventions yet made have lightened the day's toil of any human being». Миллю слѣдовало бы сказать: «of any human being not fed by other people'slabour», такъ какъ машины безспорно увеличили число знатныхъ людей, предающихся ничегонедѣланію.

же мало поддаются абстрактно-безусловному разграничевію, какъ и эпохи въ исторіи земной коры.

Математики и механики, мнѣніе которыхъ повторяютъ и нѣкоторые англійскіе экономисты, считаютъ инструментъ простой машиной, а машину — сложнымъ инструментомъ. Они не видятъ между ними никакого различія по существу и называютъ машинами даже простыя механическія средства, какъ рычагъ, наклонная плоскость, винтъ, клинъ и т. п. [87]). И дѣйствительно, каждая машина состоитъ изъ этихъ простыхъ средствъ, какъ бы они ни были скомбинированы и замаскированы. Однако, съ экономической точки зрѣнія это опредѣленіе совершенно непригодно, такъ какъ ему недостаетъ историческаго элемента. Съ другой стороны, различіе между инструментомъ и машиной хотятъ видѣть въ томъ, что движущей силой инструмента служитъ человѣкъ, движущей же силой машины является отличная отъ человѣка сила природы, напр. животное, вода, вѣтеръ и т. п. [88]). При этомъ опредѣленіи, запряженный быками плугъ, принадлежащій самымъ различнымъ эпохамъ производства, будетъ машиной, а круговой станокъ (Circular Loom), Клауссена, который, приводимый въ движеніе рукой одного рабочаго, дѣлаетъ 96,000 петель въ минуту, будетъ простымъ орудіемъ или инструментомъ. Мало того, этотъ самый loom будетъ инструментомъ, если онъ приводится въ движеніе рукой, и машиной—если приводится въ движеніе паромъ. Такъ какъ примѣненіе животной силы есть одно изъ самыхъ древнихъ изобрѣтеній человѣчества, то изъ упомянутой характеристики машины вытекало бы, что машинное производство въ дѣйствительности предшествовало ремесленному. Когда въ 1735 г. John Wyalt возвѣстилъ о своей прядильной машинѣ, а съ ней вмѣстѣ о промышленной революціи 18-го стол., онъ ни однимъ словомъ не упомянулъ, что эту машину, вмѣсто человѣка, приводитъ въ движеніе оселъ, хотя на самомъ дѣлѣ въ его изобрѣтеніи эта роль и выпадала на долю осла. Его программа гласила: машина «для того, чтобы прясть безъ пальцевъ» [89]).

---

[87]) См. напр, «Course of Mathematics» Hutton'a.

[88]) «Съ этой точки зрѣнія можетъ быть проведена точная граница между инструментомъ и машиной: лопата, долото, молотъ и т. д., системы рычаговъ и винтовъ, для которыхъ, какъ бы искусно они ни были сдѣланы, движущей силой служитъ человѣкъ... всѣ эти предметы подходятъ подъ понятіе инструмента; между тѣмъ, какъ плугъ съ движущей его животной силой, вѣтреныя и др. мельницы должны быть причислены къ машинамъ». (Wilhelm Schulz: «Die Bewegung der Produktion. Zürich 1843», p. 38). Во многихъ отношеніяхъ сочиненіе это достойно похвалы.

[89]) Еще до него, кажется, впервые въ Италіи, при пряденіи употреблялись машины, хотя очень несовершенныя. Критическая исторія технологіи вообще показала бы, какъ мало любое изъ изобрѣтеній 18-го стол. принадлежитъ одному лицу. До сихъ поръ не существуетъ еще ни одного такого сочиненія. Дарвинъ направилъ интересъ изслѣдователей на естественную технологію, т. е. на развитіе животныхъ и растительныхъ органовъ, играющихъ роль орудій производства въ жизни растеній и животныхъ. Не заслуживаетъ ли такого же вниманія исторія развитія производительныхъ органовъ общественнаго человѣка, этихъ матеріальныхъ основъ каждой данной общественной организаціи? И развѣ такую исторію не легче было

Всякая вполнѣ развитая машина состоитъ изъ трехъ существенно различныхъ частей: двигательнаго механизма, передаточнаго механизма и, наконецъ, исполнительнаго механизма, или собственно рабочей машины. Двигательный механизмъ дѣйствуетъ какъ движущая сила всей машины. Онъ или самъ порождаетъ свою двигательную силу, какъ паровая машина, калорическая машина, электро-магнитная машина и т. п., или получаетъ импульсъ къ движенію извнѣ, отъ какой либо готовой силы природы, какъ водяное колесо отъ падающей воды, крылья вѣтреной мельницы отъ вѣтра и т. д. Передаточный механизмъ, состоящій изъ маховыхъ колесъ, валовъ, зубчатыхъ колесъ, эксцентриковъ, стержней, безконечныхъ ремней и всякаго рода промежуточныхъ приспособленій и снарядовъ, регулируетъ движеніе, измѣняетъ, гдѣ нужно, его форму, превращая его, напр., изъ перпендикулярнаго въ круговое, переноситъ и распредѣляетъ его на различныя части исполнительнаго механизма. Обѣ эти части машины, двигатель и передаточный механизмъ, существуютъ только для того, чтобы сообщать рабочей машинѣ движеніе, посредствомъ котораго она овладѣваетъ предметомъ труда и цѣлесообразно измѣняетъ его. Послѣдняя часть машины, т.-е. рабочая машина или исполнительный механизмъ, произвела промышленную революцію въ 18-мъ стол. Да и теперь еще она служитъ исходной точкой въ процессѣ превращенія какого-либо ремесленнаго или мануфактурнаго производства въ машинное.

Если мы присмотримся ближе къ рабочей машинѣ или исполнительному механизму, то въ общемъ найдемъ въ ней, хотя часто и въ очень измѣненной формѣ, тѣ же самые аппараты и инструменты, которыми работаютъ ремесленникъ и мануфактурный рабочій; но изъ ручныхъ инструментовъ человѣка они превратились въ механическіе инструменты машины. При этомъ, или вся машина представляетъ собою лишь новое, болѣе или менѣе измѣненное, механическое изданіе стараго ручного инструмента, какъ, напр., механическій ткацкій станокъ [90]); или же приложенные къ остову рабочей машины отдѣльные органы оказываются нашими старыми знакомыми, какъ, напр., не-

---

бы написать, такъ какъ, по выраженію Vico, человѣческая исторія тѣмъ отличается отъ естественной исторіи, что одна сдѣлана нами, другая же нами не сдѣлана? Технологія разоблачаетъ активное отношеніе человѣка къ природѣ, непосредственный процессъ производства его жизни, а съ тѣмъ вмѣстѣ и его общественныя жизненныя отношенія и вытекающія изъ нихъ духовныя представленія. Даже всякая исторія религіи, не принимающая во вниманіе этого матеріальнаго базиса — лишена критическаго основанія. Конечно, гораздо легче посредствомъ анализа найти земную сущность религіозныхъ представленій, чѣмъ наоборотъ, т. е. изъ данныхъ реальныхъ отношеній выводить ихъ религіозныя формы. Послѣдній методъ есть единственный матеріалистическій, а потому — единственный научный методъ. Недостатки абстрактнаго естественно-научнаго матеріализма, игнорирующаго историческій процессъ, сказываются уже въ абстрактныхъ и идеологическихъ представленіяхъ его защитниковъ, какъ только они отважнваются выйти за предѣлы своей спеціальности.

[90]) Въ первоначальной формѣ механическаго ткацкаго станка можетъ быть сразу узнанъ старинный ткацкій станокъ. Существенно измѣненнымъ онъ является только въ своей новѣйшей формѣ.

ретена у прядильной машины, спицы у чулочной машины, пилы у лѣсопильныхъ машинъ, ножи у рѣзальной машины и т. п. Отличіе этихъ инструментовъ отъ самаго тѣла рабочей машины проявляется даже и въ ихъ происхожденіи. А именно, по большей части, они производятся еще ремесленнымъ или мануфактурнымъ способомъ, и потомъ прикрѣпляются къ корпусу рабочей машины, произведенной машиннымъ способомъ [91]). Итакъ, исполнительный механизмъ или рабочая машина это—такой механизмъ, который, по полученіи соотвѣтствующаго движенія, исполняетъ своими инструментами тѣ же самыя операціи, которыя раньше, подобными же инструментами, исполнялъ рабочій. Исходитъ ли при этомъ движущая сила отъ человѣка, или опять таки отъ машины — это обстоятельство ничего не измѣняетъ въ существѣ дѣла. Какъ только орудіе или инструментъ въ собственномъ смыслѣ слова перешелъ изъ рукъ человѣка къ механизму, машина замѣнила собой простой инструментъ. Различіе между орудіемъ и машиной немедленно бросается въ глаза даже въ томъ случаѣ, когда человѣкъ продолжаетъ еще оставаться первымъ двигателемъ. Количество рабочихъ инструментовъ, которымъ человѣкъ можетъ одновременно дѣйствовать, ограничено числомъ его естественныхъ орудій производства, т. е. числомъ органовъ его тѣла. Въ Германіи дѣлали когда-то попытку поручить одному рабочему двигать два прядильныхъ колеса, т. е. заставляли его работать одновременно обѣими руками и обѣими ногами. Но это требовало слишкомъ большого напряженія. Потомъ была изобрѣтена ступальная прялка съ двумя веретенами; но прядильщики-виртуозы, которые умѣли одновременно прясть двѣ нитки, попадались столь же рѣдко, какъ двуголовые люди. Между тѣмъ, Jenny, уже съ самаго начала своего появленія работала на 12—18 веретенахъ, чулочная машина вяжетъ зараз 1000 спицъ и т. д. Такимъ образомъ, количество инструментовъ, которымъ одновременно работаетъ одна рабочая машина, съ самаго же начала оказывается независящимъ отъ тѣхъ органическихъ рамокъ, въ которыя поставленъ ручной инструментъ рабочаго.

На нѣкоторыхъ инструментахъ, различіе между человѣкомъ, какъ простой двигательной силой, и человѣкомъ, какъ работникомъ, исполняющимъ особенную, спеціальную функцію, представляется въ чувственно-осязательной формѣ. Напр., при работѣ на прялкѣ, нога дѣйствуетъ только какъ двигательная сила, между тѣмъ какъ рука, дѣйствующая у веретена, тянетъ и сучитъ волну, т. е. выполняетъ самую операцію пряденья. Вотъ эта-то послѣдняя часть ремесленнаго инструмента прежде всего и захватывается промышленной революціей, предоставляя человѣку на первое время, рядомъ съ новой работой наблюденія за машиной и исправленія своими руками ея ошибокъ, чисто механическую роль двигателя. Наоборотъ, тѣ орудія, при которыхъ человѣкъ съ

[91]) Только приблизительно съ 1850 г., инструменты рабочихъ машинъ начинаютъ въ Англіи все болѣе и болѣе приготовляться машиннымъ способомъ, хотя не тѣми самыми фабрикантами, которые производятъ машины. Машинами для приготовленія такихъ механическихъ орудій служатъ, напр., automatic bobbin-making engine, card-setting engine, машины для приготовленія различныхъ веретенъ, и проч.

самаго начала игралъ лишь роль простой двигательной силы,—такую роль онъ играетъ, напр.—при вращеніи мельничнаго вала [92]), при насосахъ, при раздуваніи мѣховъ, при толченіи въ ступѣ и пр.,—прежде всего вызываютъ примѣненіе животныхъ, воды и вѣтра [93]), въ качествѣ движущихъ силъ. Многіе изъ этихъ инструментовъ развиваются въ машины въ теченіе мануфактурнаго періода, а спорадически даже раньше, но они не революціонируютъ способа производства. Тотъ фактъ, что они, даже въ своей ремесленной формѣ, представляютъ собою машины,—обнаруживается въ періодъ крупной промышленности. Такъ, напр., насосы, посредствомъ которыхъ голландцы въ 1836—37 гг. выкачали Гарлемское озеро, были устроены по принципу обыкновенныхъ насосовъ, только поршни въ нихъ приводились въ движеніе не человѣческими руками, а огромными паровыми машинами. Обыкновенный и крайне несовершенный кузнечный мѣхъ, посредствомъ простого соединенія его рычага съ паровой машиной еще и теперь иногда превращается въ Англіи въ механическій раздувальный мѣхъ. Даже сама паровая машина, въ томъ видѣ, въ которомъ она была изобрѣтена въ концѣ 17-го стол. и продолжала существовать до начала 80-хъ годовъ 18-го стол. [94]), не вызвала никакой промышленной революціи. Дѣло происходило наоборотъ: а именно созданіе рабочихъ машинъ по необходимости революціонировало паровую машину. Какъ только человѣкъ, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать инструментомъ на предметъ труда, начинаетъ дѣйствовать лишь въ качествѣ двигательной силы на исполнительный механизмъ, то тотъ фактъ, что носителями двигательной силы являются человѣческія мышцы, является уже совершенно случайнымъ обстоятельствомъ, и человѣкъ можетъ быть замѣненъ вѣтромъ, водой, паромъ и т. п. Это, разумѣется, не устраняетъ того, что такая замѣна часто требуетъ большихъ техническихъ измѣненій въ механизмѣ, первоначально конструированномъ исключительно для человѣческой двигательной силы. Въ настоящее время, всѣ машины, которымъ

---

[92]) Моисей-Египтянинъ говоритъ: «Не завязывайте волу рта, когда онъ молотитъ». Напротивъ того, христіанско-германскіе филантропы накладывали своимъ крѣпостнымъ, которыхъ они употребляли какъ двигательную силу для размалыванія зерна, большое деревянное кольцо на шею для того, чтобы они не могли подносить муки рукой ко рту.

[93]) Частью недостатокъ естественной водяной силы, частью борьба съ избыткомъ всякой другой воды, заставили голландцевъ примѣнить вѣтеръ въ качествѣ двигательной силы. Самыя вѣтряныя мельницы были заимствованы ими изъ Германіи, гдѣ это изобрѣтеніе вызвало жаркій споръ между дворянствомъ, духовенствомъ и императоромъ относительно того, кому же изъ нихъ троихъ «принадлежитъ» вѣтеръ. Въ Германіи воздухъ дѣлалъ человѣка чужой собственностью («Luft macht eigen»), въ Голландіи же вѣтеръ освободилъ людей. Онъ поработилъ,—не голландца, а почву для голландца, отвоевавъ ее у моря. Еще въ 1836 г. въ Голландіи были въ ходу 12.000 вѣтряныхъ мельницъ въ 6.000 лошадиныхъ силъ, которыя охраняли двѣ трети ихъ земли отъ обратнаго превращенія въ топи.

[94]) Она, правда, была уже значительно улучшена Watt'омъ въ его первой, такъ называемой паровой машинѣ простого дѣйствія; но въ этой формѣ она оставалась лишь простой подъемной машиной для воды и маточнаго раствора.

приходится еще прокладывать себѣ дорогу,—какъ швейныя машины, машины для приготовленія хлѣба и пр.,—если онѣ только заранѣе уже въ силу своего назначенія не должны имѣть крупные размѣры, приспособляются разомъ и къ человѣческой и къ чисто механической силѣ.

Машина, отъ которой исходитъ промышленная революція, замѣняетъ рабочаго, оперирующаго при помощи одного лишь инструмента, механизмомъ, который заразъ работаетъ цѣлой массой одинаковыхъ или однородныхъ инструментовъ, и приводится въ движеніе одной двигательной силой какой бы то ни было формы [95]). Но сперва машина является передъ нами только еще въ видѣ простого элемента машиннаго производства.

Увеличеніе размѣровъ рабочей машины и количества ея одновременно дѣйствующихъ инструментовъ требуетъ болѣе крупнаго двигательнаго механизма, а этотъ механизмъ, для того, чтобы осилить свое собственное сопротивленіе, нуждается въ двигательной силѣ, болѣе могущественной, чѣмъ человѣческая, не говоря уже о томъ, что человѣкъ является инструментомъ, способнымъ лишь очень несовершенно развивать однообразное и непрерывное движеніе. Разъ человѣкъ дѣйствуетъ уже только какъ простая двигательная сила, а на мѣсто рабочаго инструмента является рабочая машина — силы природы могутъ вполнѣ замѣнить человѣка и какъ двигательную силу. Изъ всѣхъ значительныхъ двигательныхъ силъ, завѣщанныхъ мануфактурнымъ періодомъ, лошадиная сила была самой неудовлетворительной, частью вслѣдствіе того, что лошадь обладаетъ своей собственной головой, частью же, вслѣдствіе ея дороговизны и ограниченной примѣнимости ея на фабрикѣ, въ качествѣ двигательной силы [96]). Тѣмъ не менѣе, въ младенчествѣ крупной промышлен-

[95]) «Соединеніе всѣхъ этихъ инструментовъ, приводимыхъ въ движеніе однимъ и тѣмъ же двигателемъ, составляетъ машину». (Babbage l. c.).

[96]) Въ январѣ 1861 г. John C. Morton прочелъ въ Society of Arts рефератъ о «силахъ, употребляемыхъ въ земледѣліи». Между прочимъ, тамъ говорится слѣдующее: «Каждое улучшеніе, содѣйствующее единообразію почвы, расширяетъ приложимость паровой машины, какъ источника чисто механической силы... Нельзя обойтись безъ лошадиной силы тамъ, гдѣ кривыя загороди и др. препятствія мѣшаютъ однообразнымъ движеніямъ. Эти препятствія все болѣе и болѣе исчезаютъ. Въ операціяхъ, которыя требуютъ больше воли, чѣмъ физической силы, единственной приложимой является человѣческая сила, непрерывно управляемая человѣческимъ умомъ». Мортонъ затѣмъ приводитъ паровую силу, лошадиную силу и человѣческую силу къ единицѣ мѣры, обыкновенно употребляемой при измѣреніи силы паровыхъ машинъ, т. е. къ силѣ, способной поднять, въ одну минуту, 33.000 фунтовъ на одинъ футъ, — вычисляетъ издержки на паровую лошадиную силу, при употребленіи паровой машины—въ 3 пенса за часъ, а при употребленіи лошади—въ $5^1/_2$ п. Далѣе: лошадь, безъ вреда для ея здоровья, можетъ работать 180 дня въ день только по 8 часовъ въ сутки. При производствѣ полезныхъ работъ при помощи паровой машины, количество лошадей въ теченіе всего года можетъ быть уменьшено, по крайней мѣрѣ, на 3 на каждыя 7 лошадей, причемъ расходы на машину не будутъ превышать расходовъ на содержаніе этихъ 3 лошадей въ теченіе тѣхъ 3—4 мѣсяцевъ въ году, въ продолженіе которыхъ онѣ собственно и работаютъ настоящимъ образомъ. Наконецъ во всѣхъ земледѣльческихъ операціяхъ, гдѣ только можетъ быть употребляема паровая сила, она улучшаетъ качество про-

ности эта сила часто употребляется, какъ это видно, помимо воплей тогдашнихъ агрономовъ, изъ до сихъ поръ сохранившагося выраженія механической силы въ лошадиной силѣ. Вѣтеръ былъ слишкомъ непостоянъ и плохо поддавался контролю; кромѣ того, примѣненіе водяной силы въ теченіе мануфактурнаго періода еще преобладало въ Англіи, — на этой родинѣ крупной промышленности. Еще въ 17-омъ стол. была сдѣлана попытка приводить въ движеніе два бѣгуна и два постава посредствомъ одного водянаго колеса. Но послѣдовавшее вслѣдствіе этого увеличеніе размѣровъ передаточнаго механизма наткнулось на недостаточность двигательной силы падающей воды, и это обстоятельство, между прочимъ, повело къ болѣе точному изслѣдованію законовъ тренія. Точно также неоднообразное дѣйствіе двигательной силы въ тогдашнихъ мельницахъ, которыя приводились въ движеніе ударомъ и тягой, при помощи коромыселъ, — создало теорію и практическое примѣненіе махового колеса [97]), которое позднѣе стало играть такую важную роль въ крупной промышленности. Такимъ путемъ мануфактурный періодъ создавалъ научные и технические элементы крупной промышленности. Прялка «Тростель» Аркрайта изначала приводилась въ движеніе водой. Но и употребленіе воды, въ качествѣ главной силы, было связано съ различными затрудненіями. Ее нельзя было увеличивать по произволу; нельзя было по желанію пополнять ея недостатокъ; иногда она вовсе исчезала, и прежде всего она имѣла чисто мѣстный характеръ [98]). Только съ изобрѣтеніемъ второй машины Уатта, такъ называемой паровой машины двойного дѣйствія, былъ найденъ первый двигатель, который самъ, потребляя уголь и воду, порождаетъ свою двигательную силу, и сила котораго находится вполнѣ подъ контролемъ человѣка. Будучи подвижнымъ и служа, имѣетъ съ тѣмъ, средствомъ движенія, будучи двигателемъ городскимъ, а не деревенскимъ, какъ водяное колесо, онъ позволяетъ концентрировать производство въ городахъ, между тѣмъ какъ водяное колесо разсѣевало промышленность по всей странѣ [99]). Наконецъ, онъ допускаетъ

дукта, въ сравненіи съ продуктомъ, получаемымъ при помощи лошадиной силы. Для того, чтобы исполнить работу паровой машины, должны работать 66 рабочихъ, стоющихъ вмѣстѣ 15 шилл. въ часъ; а чтобы исполнить работу лошадей, требуется 32 работника, стоющихъ 8 шилл. въ часъ.

[97]) Faulhebr 1625, De Cous 1688.

[98]) Новѣйшее изобрѣтеніе—турбины освобождаютъ промышленную эксплоатацію водяной силы отъ многихъ прежнихъ оковъ.

[99]) «Въ первое время существованія мануфактуръ, занимавшихся обработкой волокнистыхъ веществъ, мѣсто нахожденія мануфактуры зависѣло отъ существованія потока, силы паденія котораго было бы достаточно для приведенія въ движеніе водянаго колеса; и хотя устройство водяныхъ фабрикъ нанесло первый ударъ системѣ домашняго производства, однако такія фабрики, по необходимости расположенныя на потокахъ, и часто на значительныхъ разстояніяхъ одна отъ другой, представляли элементъ скорѣе сельской, чѣмъ городской промышленности. И только послѣ введенія сила пара на мѣсто силы падающей воды, фабрики могли сосредоточиться въ городахъ и въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ вода и уголь, необходимые для производства пара, находятся въ достаточномъ количествѣ. Паровая машина есть мать мануфактурныхъ городовъ». (A. Redgrave въ «Reports of the Insp. of Fact. 30 April 1866», p. 36).

универсальное техническое примѣненіе и сравнительно очень мало подчинены тѣмъ или другимъ мѣстнымъ условіямъ. Великій геній Уатта виденъ изъ его объясненій при полученіи имъ, въ апрѣлѣ 1784 г., патента, объясненій, въ которыхъ его паровая машина изображается не только какъ изобрѣтеніе для извѣстныхъ, опредѣленныхъ цѣлей, но какъ общій агентъ крупной промышленности. Онъ намекаетъ здѣсь, между прочимъ, на такія примѣненія, изъ которыхъ нѣкоторые,—какъ, напр., паровой молотъ,—были введены болѣе, чѣмъ полустолѣтіе спустя. Однако онъ сомнѣвался, возможно ли будетъ примѣнить паровую машину къ мореходству. Его преемники Boulton и Watt выставили въ 1851 г., на лондонской промышленной выставкѣ, самую колоссальную машину для океанскихъ пароходовъ.

Только послѣ того, какъ инструменты превратились изъ орудій человѣческаго организма въ орудія механическаго аппарата, т. е. исполнительнаго механизма, только тогда и двигательный механизмъ получилъ самостоятельную, вполнѣ эмансипированную отъ человѣческой силы, форму. И вмѣстѣ съ этимъ, та отдѣльная рабочая машина, которую мы до сихъ поръ разсматривали, низводится до степени простого элемента машиннаго производства. Одна двигательная машина можетъ теперь приводить въ движеніе одновременно нѣсколько рабочихъ машинъ. Съ увеличеніемъ же числа одновременно приводимыхъ въ движеніе рабочихъ машинъ, увеличивается въ свою очередь и двигательная машина, а передаточный механизмъ разростается въ сложный аппаратъ.

При разсмотрѣніи машиннаго производства слѣдуетъ различать два явленія: кооперацію многихъ однородныхъ машинъ и систему машинъ.

Въ одномъ случаѣ, весь продуктъ выдѣлывается одной рабочей машиной. Она одна продѣлываетъ всѣ тѣ различныя операціи, которыя раньше исполнялъ одинъ ремесленникъ при помощи своего инструмента,—напр., ткачъ при помощи ткацкаго станка,—или нѣсколько ремесленниковъ послѣдовательно, при помощи различныхъ инструментовъ,—все равно, работали ли эти ремесленники самостоятельно, или поочередно, какъ звенья мануфактуры [100]). Такъ, напр., въ новѣйшей мануфактурѣ конвертовъ одинъ работникъ фальцовалъ, при помощи фальцовки, бумагу; другой намазывалъ края клеемъ; третій отгибалъ клапанъ, на которомъ вытискивается девизъ или виньетка; четвертый оттискивалъ самую виньетку и т. д.; причемъ для каждой изъ этихъ частичныхъ операцій, каждый отдѣльный конвертъ долженъ былъ переходить изъ рукъ въ руки. Одна машина для приготовленія конвертовъ исполняетъ всѣ эти операціи заразъ и приготовляетъ 3000 и больше конвертовъ въ часъ. Американ-

[100]) Съ точки зрѣнія мануфактурнаго раздѣленія труда, ткачество вовсе не было простымъ, а скорѣе сложнымъ ремесленнымъ трудомъ; и, поэтому, механическій ткацкій станокъ есть машина, исполняющая разнообразныя операціи. Вообще невѣрно то представленіе, будто новѣйшая машинная система первоначально овладѣла такими операціями, которыя были раньше упрощены мануфактурнымъ раздѣленіемъ труда. Пряденье и ткачество были въ продолженіе мануфактурнаго періода подраздѣлены на новые роды, а инструменты ихъ улучшены и варіированы, но самъ процессъ труда, нисколько не раздѣленный, оставался ремесленнымъ. Исходной точкой машины является вообще не трудъ, а орудіе труда.

ская машина для изготовленія бумажныхъ картузовъ, выставленная на лондонской промышленной выставкѣ 1862 г., рѣжетъ бумагу, складываетъ ее, склеиваетъ и такимъ образомъ производитъ 300 картузовъ въ минуту. Весь процессъ, который въ мануфактурѣ былъ раздѣленъ и выполнялся послѣдовательно цѣлымъ рядомъ работниковъ, здѣсь выполняется одной рабочей машиной, дѣйствующей посредствомъ комбинаціи различныхъ инструментовъ. Представляетъ ли такая рабочая машина собою лишь механическое воспроизведеніе одного сложнаго ручного инструмента, или комбинацію разнородныхъ простыхъ инструментовъ, обособленныхъ мануфактурой,—во всякомъ случаѣ на фабрикѣ, т. е. въ мастерской, основанной на машинномъ производствѣ, каждый разъ передъ нами снова выступаетъ простая кооперація, и прежде всего (рабочихъ мы оставляемъ здѣсь въ сторонѣ) именно какъ пространственная конгломерація однородныхъ и одновременно вмѣстѣ дѣйствующихъ рабочихъ машинъ или исполнительныхъ механизмовъ. Такъ, напр., ткацкая фабрика образуется сосуществованіемъ въ одномъ зданіи многихъ механическихъ ткацкихъ станковъ; а фабрика одежды — сосуществованіемъ швейныхъ машинъ. Но здѣсь существуетъ техническое единство, такъ эти многія рабочія машины получаютъ свое движеніе одновременно и равномѣрно отъ одного общаго первоначальнаго двигателя, посредствомъ передаточнаго механизма, отчасти также общаго имъ всѣмъ, такъ какъ каждая изъ нихъ приводится въ движеніе лишь особенной вѣтвью изъ общаго передаточнаго механизма. Какъ инструменты составляютъ лишь органы одной рабочей машины, такъ же точно и многія рабочія машины образуютъ лишь однородные органы одного и того же двигательнаго механизма.

Настоящая же система машинъ занимаетъ мѣсто отдѣльной самостоятельной машины впервые лишь тамъ, гдѣ предметъ труда долженъ проходить цѣлый рядъ связанныхъ между собой, послѣдовательныхъ процессовъ, выполняемыхъ цѣлой цѣпью разнородныхъ, но другъ друга дополняющихъ рабочихъ машинъ.

Свойственная мануфактурѣ кооперація, основанная на раздѣленіи труда, появляется здѣсь снова, но теперь она уже является комбинаціей частичныхъ рабочихъ машинъ. Специфическіе инструменты различныхъ частичныхъ рабочихъ,—каковы, напр., на шерстяной мануфактурѣ инструменты шерстобита, шерсточесальщика, шерстопрядильщика и пр., — превращаются здѣсь въ инструменты отдѣльныхъ рабочихъ машинъ, изъ которыхъ каждая составляетъ особый органъ для особой функціи въ цѣлой системѣ комбинированныхъ рабочихъ машинъ. Въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ система машинъ впервые вводится, сама мануфактура доставляетъ этой системѣ естественное основаніе дѣленія, а, слѣдовательно, и организаціи производственнаго процесса [101]). Однако немедленно

[101]) До наступленія періода крупной промышленности, шерстяная мануфактура была господствующей мануфактурой Англіи. Поэтому, въ продолженіе первой половины 18-го стол., большая часть опытовъ примѣненія машинъ была сдѣлана именно въ ней. Опытомъ, добытымъ относительно обработки шерсти, воспользова-

проявляется и одно существенное различіе между мануфактурнымъ и машиннымъ производствомъ. Въ мануфактурѣ рабочіе должны, отдѣльно или группами, выполнять каждый особый частичный процессъ своими инструментами. Если рабочій и пріурочивается здѣсь къ процессу, то процессъ, съ своей стороны, оказывается раньше приспособленнымъ къ рабочему. Этотъ субъективный принципъ раздѣленія труда отпадаетъ при машинномъ способѣ производства. Общій процессъ разлагается здѣсь объективно, самъ по себѣ (an und für sich) на свои составныя фазы, и проблема выполненія каждаго частичнаго процесса и соединенія частичныхъ процессовъ разрѣшается примѣненіемъ механики, химіи и т. д. [102]), причемъ, разумѣется, теоретическая концепція процесса, какъ и раньше, должна быть усовершенствована посредствомъ практическаго опыта, добытаго въ самомъ крупномъ производствѣ. Каждая частичная машина доставляетъ другой, слѣдующей за ней, частичной машинѣ ея сырой матеріалъ; и такъ какъ всѣ онѣ дѣйствуютъ одновременно, то, поэтому, и продуктъ безпрерывно находится и на различныхъ ступеняхъ процесса своего созиданія и въ переходѣ изъ одной фазы производства въ другую. Какъ въ мануфактурѣ непосредственная кооперація частичныхъ рабочихъ создаетъ извѣстное количественное отношеніе между особыми рабочими группами, такъ и въ расчлененной системѣ машинъ постоянная зависимость между отдѣльными частичными машинами создаетъ извѣстное опредѣленное отношеніе между ихъ числомъ, ихъ размѣрами и скоростью. Комбинированная рабочая машина, составляющая теперь расчлененную систему отдѣльныхъ разнородныхъ рабочихъ машинъ и группъ такихъ машинъ, тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ непрерывнѣе выполняемый ею общій процессъ, т. е чѣмъ съ меньшими перерывами сырой матеріалъ доходитъ отъ первой фазы до послѣдней фазы, чѣмъ больше, слѣдовательно, эти переходы совершаются,—вмѣсто человѣческихъ рукъ,—посред-

лось хлопчатобумажное производство, такъ какъ техническая обработка хлопка требуетъ менѣе трудныхъ подготовительныхъ работъ, а потомъ, въ свою очередь, механическая шерстяная индустрія развилась, опираясь на опытъ механической обработки хлопчатой бумаги. Отдѣльные элементы шерстяной мануфактуры,— какъ, напр., чесаніе шерсти,—подчинены фабричному режиму лишь за послѣднія десятилѣтія. «Приложеніе механической силы къ чесанію шерсти... практикующееся въ большихъ размѣрахъ со времени введенія чесальной машины, въ особенности,— чесальной машины Листера, имѣло своимъ несомнѣннымъ послѣдствіемъ то, что чрезвычайно значительное число рабочихъ оказалось безъ работы. Раньше шерсть расчесывалась ручнымъ способомъ, большей частью на дому у чесальщика. Теперь же она расчесывается на фабрикѣ, и ручной трудъ устраненъ, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ особыхъ сортовъ ткани, для которыхъ еще предпочитается шерсть, расчесанная рукой. Многіе изъ ручныхъ чесальщиковъ нашли занятія на фабрикахъ; но продуктъ ихъ труда такъ ничтоженъ, въ сравненіи съ продуктомъ доставляемымъ машиной, что не можетъ быть и вопроса объ употребленіи ихъ труда въ большихъ размѣрахъ». («Rep. of Insp. of Fact., for 31 st. Oct. 1856», p. 16).

[102]) «Принципъ автоматической (фабричной) системы состоитъ, слѣдовательно... въ замѣнѣ раздѣленія или расчлененія труда между рабочими разложеніемъ процесса производства на его составные элементы». (Ure, l. c. p. 20).

ствомъ самой машины. Если, поэтому, изолированіе отдѣльныхъ процессовъ производства составляетъ въ мануфактурѣ принципъ, вытекающій изъ самаго раздѣленія труда, то въ развитой фабрикѣ господствуетъ, наоборотъ, принципъ непрерывности (Kontinuität) отдѣльныхъ частныхъ процессовъ.

Система машинъ,—основывается ли она на простой коопераціи однородныхъ рабочихъ машинъ, какъ въ ткачествѣ, или на комбинаціи разнородныхъ, какъ въ пряденіи,—является сама по себѣ большимъ автоматомъ, разъ она приводится въ движеніе посредствомъ перваго двигателя, который самъ порождаетъ свое движеніе. Можетъ, однако, случиться, что система въ цѣломъ приводится въ движеніе, напр., паровой машиной, а отдѣльныя рабочія машины нуждаются еще въ извѣстныхъ движеніяхъ рабочихъ, какъ это было, напр., съ мюлей (mule) до введенія selfacting mule (самопрялки) или до сихъ поръ продолжается въ тонкопряденіи; или нѣкоторыя части машины, для выполненія своихъ операцій, должны, подобно инструменту, направляться рабочимъ, какъ это, напр., было въ машиностроительномъ производствѣ, до превращенія slide rest (точильный аппаратъ) въ самодѣйствующій аппаратъ (selfactor). Какъ скоро машина исполняетъ всѣ движенія, необходимыя для обработки сырого матеріала, безъ всякой человѣческой помощи, и ея работа нуждается лишь въ нѣкоторыхъ поправкахъ со стороны человѣка, мы имѣемъ передъ собой автоматическую систему машинъ, которая, впрочемъ, способна къ дальнѣйшему развитію въ своихъ частностяхъ; такъ, напр., аппаратъ, автоматически останавливающій прядильную машину, какъ только оборвется одна нитка, а также selfacting stop, останавливающій усовершенствованный паровой ткацкій станокъ, какъ только уточная нить вся смоталась со шпульки челнока, представляютъ изобрѣтенія самаго недавняго времени. Современная писчебумажная фабрика можетъ служить примѣромъ непрерывности производства и проведенія автоматическаго принципа. На писчебумажномъ производствѣ можно вообще очень удобно въ деталяхъ изучить какъ различіе между разными способами производства, основанное на различіи въ средствахъ производства, такъ и связь различныхъ общественно-производственныхъ отношеній съ различными способами производства: старинное нѣмецкое бумагодѣлательное производство представляетъ намъ образецъ ремесленнаго производства въ этой отрасли; Голландія 17-го и Франція 18-го вѣка являютъ образцы настоящей мануфактуры, а современная Англія представляетъ примѣръ автоматической фабрикаціи; кромѣ того, въ Китаѣ и Индіи существуютъ еще двѣ различныя древнеазіатскія формы этой промышленности.

Расчлененная система рабочихъ машинъ, получающихъ свое движеніе, при посредствѣ передаточнаго механизма, лишь отъ одного центральнаго автомата, есть наиболѣе развитая форма машиннаго производства. Здѣсь на мѣсто отдѣльной машины выступаетъ механическое чудовище, тѣло котораго занимаетъ цѣлыя фабричныя зданія, и демоническая сила котораго, вначалѣ еще не замѣтная въ почти торжественно-размѣренномъ движеніи его исполинскихъ членовъ, прорывается наружу въ лихорадочно-бѣшеной пляскѣ его безчисленныхъ рабочихъ органовъ въ собственномъ смыслѣ.

Мюли, паровыя машины и т. п. существовали прежде, чѣмъ появился рабочій, исключительная спеціальность котораго состоитъ въ фабрикаціи мюль, паровыхъ машинъ и т. п., точно также, какъ человѣкъ носилъ платье раньше, чѣмъ явились портные. Но изобрѣтенія Vaucanson'a, Arkwright'a, Watt'a и др. могли быть осуществлены лишь благодаря тому, что эти изобрѣтатели нашли значительное количество подготовленныхъ мануфактурнымъ періодомъ искусныхъ механическихъ рабочихъ. Одна часть этихъ рабочихъ состояла изъ самостоятельныхъ ремесленниковъ различныхъ профессій, другая часть была соединена въ мануфактурѣ, гдѣ, какъ уже было упомянуто, раздѣленіе труда господствовало съ особой строгостью. Съ умноженіемъ числа изобрѣтеній и увеличеніемъ спроса на вновь изобрѣтенныя машины, стало все болѣе и болѣе развиваться, съ одной стороны, разложеніе фабрикаціи машинъ на многочисленныя самостоятельныя отрасли, а съ другой—раздѣленіе труда внутри машиностроительныхъ мануфактуръ. Такимъ образомъ, здѣсь мануфактура является передъ нами какъ непосредственное техническое основаніе крупной промышленности. Мануфактура произвела машины, посредствомъ которыхъ крупная промышленность упразднила ремесленный и мануфактурный способъ производства въ тѣхъ сферахъ промышленности, которыми она сперва завладѣла. Слѣдовательно, машинное производство выросло естественнымъ путемъ на матеріальномъ основаніи, не соотвѣтствовавшемъ его будущему развитію. На извѣстной степени развитія оно вынуждено было само произвести революцію въ томъ основаніи, которое оно сначала нашло готовымъ, а потомъ расширило въ его старой формѣ,—и создать себѣ новое основаніе, соотвѣтствующее его собственному способу производства. Какъ отдѣльная машина остается жалкимъ карликомъ, пока она приводится въ движеніе исключительно человѣкомъ, какъ система машинъ не можетъ свободно развиваться, пока традиціонныя двигательныя силы — животныя, вѣтеръ и вода — не уступаютъ своего мѣста паровой машинѣ;—такъ точно и крупная промышленность является парализованной и не въ силахъ развиваться до тѣхъ поръ, пока ея характеристическое средство производства, т. е. сама машина продолжаетъ въ своемъ существованіи зависѣть отъ человѣческой силы и человѣческаго искусства, т. е. отъ мускульнаго развитія, вѣрности взгляда и ловкости рукъ, съ которыми частичный рабочій въ мануфактурѣ или ремесленникъ управляетъ своими карликовыми инструментами. Помимо того, что машины, вслѣдствіе такого способа ихъ происхожденія, обходятся очень дорого—и это обстоятельство руководитъ капиталомъ, какъ сознательный мотивъ,—дальнѣйшее расширеніе машинной индустріи, а также вторженіе машины въ другія отрасли зависитъ здѣсь исключительно отъ возрастанія такой категоріи рабочихъ, которая, вслѣдствіе полуартистическаго характера ихъ труда, можетъ увеличиваться лишь постепенно, а не вдругъ. Но на извѣстной ступени развитія, крупная промышленность приходитъ и въ техническое противорѣчіе со своимъ ремесленно мануфактурнымъ основаніемъ. Увеличеніе размѣровъ двигательной машины, передаточнаго механизма и исполнительныхъ механизмовъ, увеличеніе сложности, разнообразія и регулярности составныхъ частей исполнительныхъ механизмовъ по мѣрѣ того, какъ они ис

болѣе и болѣе удаляются отъ своихъ ремесленныхъ образцовъ, которые первоначально всецѣло опредѣляютъ ихъ устройство и принимаютъ свободную форму, обусловливаемую лишь ихъ механической задачей [163]), развитіе автоматической системы, и все болѣе и болѣе неизбѣжное введеніе другихъ, труднѣе поддающихся обработкѣ, матеріаловъ,—напр. желѣза вмѣсто дерева,—вотъ тѣ естественно выросшія задачи, разрѣшеніе которыхъ повсюду наткнулось на субъективныя рамки, и даже комбинированный рабочій персоналъ мануфактуры могъ лишь раздвинуть, но не сломать эти субъективныя рамки. Такія машины, какъ, напр., новѣйшій печатный станокъ, новѣйшій паровой ткацкій станокъ и новѣйшая кардъ-машина (Kardirmaschine), не могли быть созданы мануфактурой.

Переворотъ въ способѣ производства въ одной какой либо сферѣ промышленности обусловливаетъ такой же переворотъ и въ другихъ сферахъ. Особенно это относится къ такимъ отраслямъ промышленности, которыя находятся во взаимной зависимости, переплетаясь между собою какъ фазы одного общаго процесса, хотя общественное раздѣленіе труда настолько изолировало ихъ, что каждая изъ нихъ производитъ самостоятельный товаръ. Такъ, машинное пряденье сдѣлало необходимымъ и машинное ткачество, а оба вмѣстѣ обусловили собой механически-химическую революцію въ бѣлильномъ, красильномъ и ситценепечатномъ производствахъ. Такъ, съ другой стороны, революція въ пряденьѣ хлопчатой бумаги вызвала изобрѣтеніе gin'a, машины для отдѣленія хлопчатобумажныхъ волоконъ отъ сѣмянъ, послѣ чего только и сдѣлалось возможнымъ развитіе хлопчатобумажнаго производства въ требуемыхъ нашимъ временемъ огромныхъ размѣрахъ [164]). А революція въ способахъ производства промышленности и земледѣлія вынудила также революцію въ общихъ условіяхъ общественнаго процесса производства, т. е. въ средствахъ сообщенія и транспорта.

---

[163]) Механическій ткацкій станокъ, въ своей первоначальной формѣ, сдѣланъ, главнымъ образомъ, изъ дерева, въ своей же новѣйшей, усовершенствованной—почти исключительно изъ желѣза. Въ какой мѣрѣ старинная форма орудія труда взяла на его новую форму, показываетъ, между прочимъ, поверхностное сравненіе новѣйшаго парового ткацкаго станка со старымъ, или новѣйшихъ раздувальныхъ инструментовъ (Blasinstrumente) на чугуноплавильныхъ заводахъ съ прежнимъ безпомощнымъ механическимъ воспроизведеніемъ обыкновеннаго кузнечнаго мѣха; но убѣдительнѣе всего, можетъ быть, сравненіе теперешняго локомотива съ первоначальнымъ, имѣвшимъ на самомъ дѣлѣ двѣ ноги, которыя онъ, подобно лошади, поднималъ попеременно. Только вслѣдствіе дальнѣйшаго развитія механики и по мѣрѣ накопленія болѣе значительнаго опыта, форма рабочей машины стала вполнѣ опредѣляться механическимъ принципомъ, и потому окончательно эмансипировалась отъ формы прежняго инструмента, выступившагося теперь въ машину.

[164]) Cottongin, изобрѣтенный янки Eli Whitney, до самаго послѣдняго времени претерпѣлъ, въ существенныхъ своихъ чертахъ, меньше перемѣнъ, чѣмъ какая бы то ни было другая машина 18-го стол. Только въ послѣднее десятилѣтіе (до 1867 г.) другой американецъ, Emery изъ Альбани, New-York, вытѣснилъ машину Whitney'a другимъ улучшеннымъ, столь же простымъ, какъ и дѣйствительнымъ, приспособленіемъ.

Какъ средства сообщенія и транспорта того общества, которое, по выраженію Фурье, вращалось вокругъ мелкаго земледѣлія съ его подсобной домашней промышленностью и городского ремесла, совершенно не могли больше удовлетворять производственнымъ потребностямъ мануфактурнаго періода, съ его широкимъ общественнымъ раздѣленіемъ труда, съ его концентраціей средствъ труда и самихъ рабочихъ, наконецъ, съ его колоніальными рынками—а потому и дѣйствительно были совершенно преобразованы,—точно также и доставшіяся отъ мануфактурнаго періода средства сообщеній и перевозки скоро превратились въ невыносимые тормазы для крупной промышленности, съ ея лихорадочной быстротой, съ ея массовымъ размѣромъ производства, съ ея постояннымъ перебрасываніемъ капиталовъ и рабочихъ изъ одной сферы производства въ другія и съ созданными ею новыми отношеніями на міровомъ рынкѣ. Помимо полнаго переворота въ парусномъ судостроеніи, средства сообщеній и перевозки были мало-по-малу приспособлены къ способу производства крупной промышленности посредствомъ цѣлой системы рѣчныхъ пароходовъ, желѣзныхъ дорогъ, океанскихъ пароходовъ и телеграфовъ. Огромныя же массы желѣза, которыя пришлось теперь ковать, сваривать, рѣзать, сверлить и отливать, потребовали, съ своей стороны, такихъ циклопическихъ машинъ, создать которыя мануфактурное машиностроеніе оказывалось совершенно безсильнымъ.

Поэтому, крупная промышленность должна была овладѣть характеристическимъ для нея орудіемъ производства, т. е. самой машиной, и начать производить машины посредствомъ машинъ же. И тогда только она впервые создала себѣ надлежащее, ей адекватное техническое основаніе и стала на собственныя ноги. Съ возрастаніемъ машиннаго производства въ продолженіе первыхъ десятилѣтій 19-го стол., машина дѣйствительно постепенно завладѣла фабрикаціей рабочихъ машинъ. Однако, только въ послѣднія десятилѣтія огромное желѣзнодорожное строительство и океанское пароходство вызвали къ жизни тѣ циклопическія машины, которыя служатъ для постройки первыхъ двигателей.

Существеннѣйшимъ производственнымъ условіемъ для фабрикаціи машинъ посредствомъ машинъ, былъ двигатель, способный развивать силу въ любой степени и, вмѣстѣ съ тѣмъ, легко поддающійся контролю. Такой двигатель существовалъ уже въ формѣ паровой машины. Но въ то же время необходимо было производить машиннымъ способомъ нужныя для отдѣльныхъ частей машины строго геометрическія формы, линіи, круги, цилиндры, конусы и шары. Эту проблему разрѣшилъ, въ первомъ десятилѣтіи 19-го стол., Henry Maudsley изобрѣтеніемъ Slide-rest, который вскорѣ былъ превращенъ въ автоматическій аппаратъ, и въ преобразованной формѣ былъ примѣненъ не только къ токарному станку, для котораго онъ первоначально назначался, но и ко всѣмъ другимъ машиностроительнымъ машинамъ. Это механическое приспособленіе замѣняетъ собою не какой либо отдѣльный инструментъ, а самую человѣческую руку, которая создаетъ опредѣленныя формы, прилагая въ извѣстномъ направленіи и направляя рѣжущіе инструменты и т. п., на обрабатываемый матеріалъ,—напр. на кусокъ желѣза. Такимъ образомъ удалось производить геометрически правильныя формы отдѣльныхъ машинныхъ частей «съ такой сте-

пенью легкости, точности и быстроты, которой никакая опытность никогда не можетъ доставить рукѣ самаго ловкаго и искуснаго рабочаго» [105]).

Если мы въ машинѣ, служащей для машиностроительныхъ цѣлей, разсмотримъ ту часть, которая составляетъ рабочую машину въ собственномъ смыслѣ, то мы въ ней найдемъ старый ремесленный инструментъ, только въ циклопическихъ размѣрахъ. Такъ, напр., дѣйствующая часть сверлильной машины есть огромный буравъ, который приводится въ движеніе паровой машиной, и безъ котораго цилиндры большихъ паровыхъ машинъ и гидравлическихъ прессовъ не могли бы быть сдѣланы. Механическій токарный станокъ представляетъ гигантское воспроизведеніе обыкновеннаго ножного токарнаго станка; строгальная машина есть желѣзный столяръ, обрабатывающій желѣзо тѣмъ же самымъ инструментомъ, которымъ столяръ обрабатываетъ дерево; инструментъ, рѣжущій на лондонскихъ корабельныхъ верфяхъ желѣзо на пластинки для облицовки кораблей, представляетъ гигантскую бритву; инструментъ рѣзальной машины, которая рѣжетъ желѣзо, какъ ножницы портного — сукно, есть чудовищныя ножницы; а паровой молотъ дѣйствуетъ головкой обыкновеннаго молота, только такого вѣса, что самъ Торъ не могъ бы его раскачать [106]). Одинъ изъ такихъ паровыхъ молотовъ, изобрѣтеніе Nasmyth'a, вѣситъ больше 6 тоннъ и падаетъ перпендикулярно съ высоты 7 футовъ на наковальню вѣсомъ въ 36 тоннъ. Онъ, играючи, превращаетъ въ порошокъ гранитную глыбу, и въ то же время способенъ вбивать гвозди въ мягкое дерево послѣдовательными легкими ударами [107]).

Орудія труда пріобрѣтаютъ въ машинахъ такую матеріальную форму, которая обусловливаетъ замѣну человѣческой силы силой природы и рутинныхъ пріемовъ, почерпнутыхъ изъ опыта,—сознательнымъ примѣненіемъ естествознанія. Въ мануфактурѣ расчлененіе общественнаго процесса труда является еще чисто субъективнымъ, представляя простую комбинацію частичныхъ рабочихъ; въ системѣ машинъ крупная промышленность создаетъ вполнѣ объективный производственный организмъ, съ которымъ рабочій сталкивается, какъ съ готовымъ матеріальнымъ условіемъ производства. Въ простой коопераціи, и даже въ коопераціи, спеціализированной посредствомъ раздѣленія труда, вытѣсненіе изолированнаго рабочаго коллективнымъ, обобществленнымъ рабочимъ представляется

---

[105]) «The Industry of Nations. Lond. 1855», Part. II, p. 239. Тамъ же говорится: «Какъ ни простъ и незначителенъ, повидимому, этотъ придатокъ къ станку, мы думаемъ, что не будетъ преувеличеніемъ сказать, что его вліяніе на улучшеніе и распространеніе машинъ было столь же велико, какъ вліяніе улучшеній, произведенныхъ Уаттомъ въ самой паровой машинѣ. Введеніе его привело заразъ къ усовершенствованію и удешевленію всякаго рода машинъ, и дало толчокъ къ новымъ изобрѣтеніямъ и улучшеніямъ».

[106]) Въ Лондонѣ одна изъ такихъ машинъ для выковки paddle-wheelshafts носитъ названіе «Тора». Она выковываетъ желѣзный стержень въ 16½ тоннъ вѣсомъ, съ такой же легкостью, какъ кузнецъ — подкову.

[107]) Тѣ обрабатывающія дерево машины, которыми могутъ быть примѣнены и при производствѣ въ небольшихъ размѣрахъ, суть большей частью американскія изобрѣтенія.

все еще более или менѣе случайнымъ. Машина же, за нѣкоторыми исключеніями, о которыхъ будетъ упомянуто позже, функціонируетъ лишь въ рукахъ непосредственно обобществленнаго или совмѣстнаго труда. Такимъ образомъ, кооперативный характеръ процесса труда становится теперь технической необходимостью, предписываемой природой самаго орудія труда.

2. Цѣнность, переносимая машиной на продуктъ.

Мы видѣли, что производительныя силы, вытекающія изъ коопераціи и раздѣленія труда, ничего капиталу не стоятъ. Онѣ представляютъ естественныя силы общественнаго труда. Естественныя силы, какъ, напр., паръ, вода и др., примѣняемыя къ производительнымъ процессамъ, тоже ничего не стоятъ. Но, какъ человѣку нужны легкія для дыханія, такъ ему нужно и «созданіе человѣческой руки» для производительнаго потребленія этихъ естественныхъ силъ. Водяное колесо необходимо для эксплоатаціи двигательной силы воды; паровая машина—для эксплоатаціи эластичности пара. Относительно науки можно сказать то же самое, что и относительно естественныхъ силъ. Законъ отклоненія магнитной стрѣлки подъ дѣйствіемъ электрическаго тока, или намагничиванье желѣза отъ дѣйствія тока, разъ они открыты,—не стоятъ уже ни гроша [104]). Но для эксплуатаціи этихъ законовъ въ телеграфномъ дѣлѣ и т. п. нуженъ дорогой и сложный аппаратъ. Инструментъ, какъ мы видѣли, не вытѣсняется машиной. Изъ карликоваго инструмента человѣческаго организма, онъ, расширяясь въ объемѣ и числѣ, превращается въ орудіе созданнаго человѣкомъ механизма. Капиталъ заставляетъ теперь рабочаго работать не ручнымъ инструментомъ, а машиной, которая сама несетъ на себѣ свои орудія. Если, поэтому, съ перваго же взгляда ясно, что крупная промышленность, воспользовавшись для процесса производства огромными естественными силами и естествознаніемъ, должна была сильно поднять производительность труда,—то изъ этого ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ, что эта увеличенная производительная сила не покупается увеличенной тратой труда.

Подобно всякой другой изъ составныхъ частей постояннаго капитала, машина сама не создаетъ никакой цѣнности, она лишь передаетъ свою собственную цѣнность продукту, для производства котораго служитъ. Поскольку она имѣетъ цѣнность и поскольку, поэтому, она переноситъ ее на продуктъ, постольку она и образуетъ составную часть цѣнности этого послѣдняго. Вмѣсто того, чтобы удешевлять его, она дѣлаетъ его дороже—пропорціонально ея собственной цѣн-

---

[104]) Наука вообще не стоитъ капиталисту «ничего», что нисколько не мѣшаетъ ему эксплуатировать ее. Капиталъ присваиваетъ «чужую» науку, точно такъ же, какъ и чужой трудъ. Но «капиталистическое» присвоеніе и «личное» присвоеніе и науки, и матеріальнаго богатства — двѣ совершенно различныя вещи. Самъ Dr. Ure жалуется на грубое незнакомство своихъ низкихъ фабрикантовъ, эксплуатирующихъ машины, съ механикой; а Либихъ разсказываетъ много о поразительномъ невѣжествѣ англійскихъ химическихъ фабрикантовъ въ химіи.

ности. Нетрудно замѣтить, что машина и система машинъ — эти характеристическія орудія труда крупной промышленности—стоятъ несравненно больше, чѣмъ орудія труда ремесленнаго и мануфактурнаго производства.

Прежде всего надо замѣтить, что машина всегда входитъ цѣликомъ въ процессъ труда, и только—частью въ процессъ образованія цѣнности. Она никогда не прибавляетъ цѣнности больше, чѣмъ сама, въ среднемъ, теряетъ отъ своего изнашиванія. Существуетъ, поэтому, большая разница между цѣнностью машины и той частью ея цѣнности, которая періодически переносится съ нея на продуктъ. Существуетъ большая разница между машиной—какъ элементомъ образованія цѣнности, и машиной—какъ элементомъ производства продукта. Чѣмъ больше періодъ, въ продолженіе котораго данная машина служитъ въ одномъ и томъ же процессѣ труда, тѣмъ больше эта разница. Правда, мы видѣли, что и всякое вообще настоящее орудіе труда, или инструментъ, всегда входятъ цѣликомъ въ процессъ труда и всегда лишь частью, соотвѣтственно ихъ среднему ежедневному изнашиванію, въ процессъ образованія цѣнности. Однако, эта разница между пользованіемъ (Benutzung) и использованіемъ или изнашиваніемъ (Abnutzung) гораздо больше у машины, чѣмъ у инструмента, такъ какъ построенная изъ болѣе крѣпкаго матеріала, она дольше служитъ, а употребленіе ея, регулируемое строго научными законами, дѣлаетъ возможной большую экономію въ расходованіи ея составныхъ частей и ея средствъ потребленія (топлива и др.); и, наконецъ, поле производства у нея несравненно шире, чѣмъ у простого инструмента. Если мы вычтемъ, какъ изъ машины, такъ и изъ инструмента, среднія ежедневныя издержки на нихъ, т. е. ту часть цѣнности, которую они передаютъ продукту своимъ ежедневнымъ изнашиваніемъ и потребленіемъ вспомогательныхъ матеріаловъ, какъ то масла, угля и др.,—то окажется, что они дѣйствуютъ даромъ, совершенно такъ, какъ естественныя силы, существующія безъ содѣйствія человѣческаго труда. Во сколько больше размѣръ производительной дѣятельности машины въ сравненіи съ производительной дѣятельностью инструмента, во столько больше и ея даровая служба въ сравненіи съ даровой службой инструмента. Только въ крупной промышленности человѣкъ научается заставлять работать даромъ, въ большихъ размѣрахъ, подобно силамъ природы, продуктъ своего прошлаго, уже овеществленнаго труда [109]).

[109]) Рикардо иногда такъ исключительно обращаетъ свое вниманіе на это именно дѣйствіе машинъ (впрочемъ, столь же мало развиваемое имъ, какъ и общее различіе между процессомъ образованія цѣнности), что при случаѣ совершенно забываетъ ту часть цѣнности, которую машина переноситъ на продуктъ, и отождествляетъ ее совершенно съ силами природы. Такъ, напр., онъ говоритъ: «Адамъ Смитъ дагдѣ не оцѣниваетъ слишкомъ низко услуги, оказываемыя намъ машинами и силами природы, но очень точно различаетъ природу цѣнности, которую онѣ прибавляютъ къ продукту... такъ какъ онѣ исполняютъ свою работу даромъ, то помощь, которую онѣ намъ оказываютъ, не прибавляетъ ничего къ мѣновой цѣнности». (Ric. l. c. p. 336, 337). Замѣчаніе Рикардо, разумѣется, вполнѣ справедливо, поскольку оно направлено противъ J. B. Say, который выдумываетъ, что машины оказываютъ «услугу», состоящую въ созданіи цѣнности, образующей часть прибыли капиталиста.

Изученіе кооперацiи и мануфактуры показало намъ, что нѣкоторыя общія условія производства, зданія и т. п., при общемъ потребленіи тратятся болѣе экономно, чѣмъ при разрозненномъ потребленіи изолированныхъ рабочихъ, и, слѣдовательно, менѣе удорожаютъ продуктъ. При машинномъ производствѣ не только корпусъ рабочей машины потребляется сообща ея многочисленными инструментами, но и одна и та же двигательная машина, вмѣстѣ съ частью передаточнаго механизма, потребляется совмѣстно многими рабочими машинами.

При данной разницѣ между цѣнностью машинъ и той частью цѣнности, которую онѣ ежедневно переносятъ на продуктъ, степень, въ которой эта часть цѣнности возвышаетъ цѣну продукта, ближайшимъ образомъ зависитъ отъ объема продукта, т.-е. какъ бы отъ его поверхности. Въ лекціи, опубликованной въ 1858 г., Baynes изъ Блакборна высчитываетъ, что «каждая реальная [109a]) механическая лошадиная сила приводитъ въ движеніе 450 автоматическихъ веретенъ съ принадлежностями, или 200 throstles, или 15 ткацкихъ станковъ для 40 inch cloth, вмѣстѣ съ приспособленіями для натягиванія основы, шлихтованья и т. д.» Въ первомъ случаѣ дневныя издержки одной паровой лошадиной силы и изнашиваніе машинъ, приводимыхъ ею въ движеніе, распредѣляются на дневной продуктъ 450 mulespindles; во второмъ — на продуктъ 200 throsthlespindles; въ третьихъ — на продуктъ 15 механическихъ ткацкихъ станковъ.—такъ что на унцъ пряжи или на аршинъ ткани переносится очень незначительная часть цѣнности. То же самое можно сказать о вышеприведенномъ примѣрѣ парового молота. Такъ какъ его дневное изнашиваніе, его потребленіе угля и т. д. распредѣляются на огромныя массы желѣза, которыя онъ ежедневно выковываетъ, то на каждый центнеръ желѣза

[109a]) [Примѣч. къ 3-му изд.— Одна «лошадиная сила» равна силѣ 33,000 футофунтовъ въ минуту, т. е. силѣ, которая въ 1 минуту поднимаетъ 33,000 фунтовъ на 1 футъ (англійскій), или 1 фунтъ на 33,000 футовъ. Объ этой лошадиной силѣ здѣсь и говорится. Но на обыкновенномъ коммерческомъ языкѣ, и кое гдѣ въ цитатахъ этой книги различаются «номинальныя» и «коммерческія» или «индикаторныя» лошадиныя силы одной и той же машины. Старинная или номинальная лошадиная сила исчислялась исключительно по движенію поршня и діаметру цилиндра, причемъ давленіе пара и скорость движенія поршня не принимались совершенно во вниманіе. Фактически это означаетъ, что извѣстная паровая машина имѣетъ, положимъ, 50 лошадиныхъ силъ, если она движется съ тѣмъ же слабымъ давленіемъ пара и незначительной скоростью движенія поршня, какъ во времена Бультона и Уатта. Оба послѣдніе фактора, однако, съ тѣхъ поръ возросли въ огромной мѣрѣ. Для измѣренія той механической силы, которую теперь въ дѣйствительности развиваетъ какая либо машина, былъ изобрѣтенъ индикаторъ, показывающій давленіе пара. Скорость же движенія поршня легко опредѣляется. Такимъ образомъ мѣра «индикаторныхъ» или «коммерческихъ» лошадиныхъ силъ какой-либо машины представляетъ математическую формулу, одновременно принимающую въ разсчетъ діаметръ цилиндра, высоту подъема поршня, скорость поршня и давленіе пара, и указывающую, какое кратное число 33,000 футофунтовъ въ минуту машина дѣйствительно развиваетъ. Поэтому, одна номинальная лошадиная сила въ дѣйствительности можетъ доставлять 3, 4 и даже 5 индикаторныхъ или дѣйствительныхъ лошадиныхъ силъ.—Это необходимо было указать для пониманія различныхъ дальнѣйшихъ цитатъ.—Ф. Э.].

приходится лишь незначительная часть цѣнности, которая была бы очень велика, если бы этотъ циклопическій инструментъ вколачивалъ только маленькіе гвозди.

При данномъ кругѣ дѣятельности рабочей машины, т. е. при данномъ количествѣ ея инструментовъ, или, если дѣло идетъ о ея силѣ, при данномъ ихъ объемѣ, величина продукта зависитъ отъ скорости, съ которой она дѣйствуетъ, т.-е. отъ скорости вращенія веретенъ, или отъ количества ударовъ, производимыхъ молотомъ въ единицу времени. Многіе изъ этихъ колоссальныхъ молотовъ дѣлаютъ 70 ударовъ въ минуту, а патентованная кузнечная машина Ryder'a, употребляющая паровой молотъ маленькихъ размѣровъ для ковки веретенъ, дѣлаетъ 700 ударовъ въ минуту.

Разъ дана та пропорція, въ которой машина переноситъ свою цѣнность на продуктъ, величина этой части цѣнности зависитъ отъ величины цѣнности самой машины [110]). Чѣмъ меньше труда она сама содержитъ, тѣмъ меньше цѣнности она переноситъ на продуктъ; чѣмъ меньше цѣнности она переноситъ продукту, тѣмъ она производительнѣе, и тѣмъ болѣе служба, оказываемая ею, приближается къ службѣ силъ природы. Машинное же производство машинъ уменьшаетъ ихъ цѣнность, въ отношеніи къ ихъ размѣру и къ ихъ дѣйствію.

Сравнительный анализъ цѣнъ товаровъ, производимыхъ ремесленнымъ или мануфактурнымъ способомъ, и цѣнъ этихъ же товаровъ, какъ машиннаго продуктовъ, въ общемъ приводитъ къ тому результату, что при машинномъ продуктѣ составная часть цѣнности, передаваемая орудіемъ труда, относительно увеличивается, но абсолютно уменьшается. Это значитъ, что ея абсолютная величина падаетъ, но ея величина по отношенію къ общей цѣнности продукта.—напр., фунта пряжи,—растетъ [111]).

---

[110]) Читатель, кругозоръ котораго ограниченъ капиталистическими представленіями, долженъ естественно удивляться, что здѣсь нѣтъ рѣчи о «процентѣ», который машина прибавляетъ къ продукту, соразмѣрно своей капитальной цѣнности. Легко, однако, понять, что такъ какъ машина, какъ и всякая другая составная часть постояннаго капитала, вовсе не создаетъ новой цѣнности, то она не можетъ прибавить никакой цѣнности и подъ названіемъ «процента». Ясно, далѣе, что здѣсь, гдѣ рѣчь идетъ о производствѣ прибавочной цѣнности, нельзя ни одной части ея предположить a priori подъ названіемъ «процента». Въ 3-й книгѣ этого сочиненія мы разъясняемъ капиталистическій способъ разсчета прибыли, который primo facie (на первый взглядъ) кажется нелѣпымъ и противорѣчащимъ законамъ образованія цѣнности.

[111]) Эта составная часть цѣнности, прибавляемая машинами, понижается абсолютно и относительно тамъ, гдѣ онѣ вытѣсняютъ лошадей, или вообще рабочихъ животныхъ, которыя употребляются лишь, какъ двигательная сила, а не какъ машины, производящія обмѣнъ веществъ. Кстати, Декартъ, опредѣляя животныхъ, какъ простыя машины, раздѣляетъ точку зрѣнія мануфактурнаго періода, въ противоположность точкѣ зрѣнія среднихъ вѣковъ, когда на животныхъ смотрѣли какъ на помощниковъ человѣка. Эту точку зрѣнія защищалъ позже ф. Галлеръ въ своемъ сочиненіи: «Restauration der Staatswissenschafte». Что Декартъ, точно такъ же какъ Бэконъ, разсматривалъ перемѣну въ способѣ производства и практическое господство человѣка надъ природой, какъ результатъ новаго метода мышленія, показываетъ его «Discours sur la méthode», гдѣ мы читаемъ: «Возможно

Ясно, что если производство какой либо машины стоитъ столько же труда, сколько примѣненіе ея потомъ сберегаетъ, то въ дѣйствительности происходитъ лишь простое перемѣщеніе труда, т. е. общая сумма труда, необходимаго для производства товара, не уменьшается, или, другими словами, производительная сила труда не увеличивается. Однако, разница между трудомъ, потраченнымъ на машину, и трудомъ, который она сберегаетъ, или степень ея производительности, очевидно, не зависитъ отъ разницы между ея собственной цѣнностью и цѣнностью того инструмента, который она замѣщаетъ. Эта разница продолжаетъ существовать до тѣхъ поръ, пока трудъ, потраченный на машину, а, слѣдовательно, и та часть цѣнности, которая передается продукту,—остается меньше той цѣнности, которую рабочій со своими инструментами придаетъ предмету труда. Поэтому производительность машины измѣряется той степенью, въ которой машина замѣщаетъ человѣческую рабочую силу. По г. Baynes'y на 450 автоматическихъ веретенъ съ машинами для предварительныхъ операцій, приводимыми въ движеніе одной паровой лошадиной силой, приходится $2^1/_2$ рабочихъ [112]); такъ что $2^1/_2$ рабочихъ, при 10 часовомъ рабочемъ днѣ, помощью одной selfacting mule spindle, прядутъ 12 унцій пряжи (средняго номера) въ день, а въ недѣлю—$366^5/_6$ фунта. При своемъ превращеніи въ пряжу, 366 ф. хлопка (для простоты мы не обращаемъ вниманія на отбросъ) поглощаютъ, слѣдовательно, лишь 150 рабочихъ часовъ или 15 десятичасовыхъ рабочихъ дней; между тѣмъ какъ при помощи ручной прялки, когда ручной прядильщикъ производитъ въ 60 часовъ 13 унцій пряжи, это же самое количество хлопка поглотило бы 2700 десятичасовыхъ рабочихъ дней или 27,000 рабочихъ часовъ [113]). Тамъ, гдѣ старый

(посредствомъ введеннаго имъ въ философію метода) дойти до знаній, крайне полезныхъ въ жизни, и, вмѣсто той умозрительной философіи, которую преподаютъ въ школахъ, можно найти практическую философію, посредствомъ которой,—зная силу и дѣйствіе огня, воды, воздуха, звѣздъ и всѣхъ другихъ, окружающихъ насъ тѣлъ, такъ же точно, какъ мы знаемъ ремесла нашихъ работниковъ,—мы могли бы такимъ же способомъ употребить ихъ для цѣлей, для которыхъ они годны, и благодаря этому стать вполнѣ господами и обладателями природы и способствовать улучшенію человѣческой жизни». Въ предисловіи къ «Discourses upon Trade» сэра Dudley North'a (1691) говорится, что методъ Декарта, примѣненный къ политической экономіи, началъ освобождать ее отъ старинныхъ басенъ и суевѣрныхъ представленій о деньгахъ, торговлѣ и пр. Въ общемъ же, ранніе англійскіе экономисты принимаютъ къ философіи Бэкона и Гоббса, между тѣмъ какъ впослѣдствіи «философомъ» хат'ἐξοχήν политической экономіи для Англіи, Франціи и Италіи сталъ Локкъ.

[112]) По годовому отчету Эссенской торговой палаты (окт. 1863) сталелитейный заводъ Круппа въ 1862 г. производилъ при помощи 161 плавильной, калильной и цементной печи, 32 паровыхъ машинъ (въ 1800 г. во всемъ Манчестерѣ дѣйствовало приблизительно такое же число паровыхъ машинъ) и 14 паровыхъ молотовъ (представляющихъ вмѣстѣ 1236 лошадиныхъ силъ), 49 кузнечныхъ горновъ, 203 рабочихъ машинъ и около 2400 рабочихъ—13 милліоновъ фунтовъ литой стали. Значитъ тутъ на 1 лошадиную силу приходится меньше 2 рабочихъ.

[113]) Babbage высчиталъ, что на Явѣ одинъ процессъ приданія увеличиваетъ цѣнность хлопка почти на 117 о. Въ то же самое время (въ 1832 г.) въ Англіи—общая цѣнность, прибавляемая трудомъ и машинами къ хлопку, при тонкомъ пряденіи равнялась 33% цѣнности сырого матеріала. (On the Economy of Machinery», p. 214).

способъ blockprinting, или ручная набивка ситца, замѣненъ машиннымъ способомъ, одна машина, при помощи одного работника или мальчика, печатаетъ въ часъ столько же четырехцвѣтнаго ситца, сколько раньше печатали 200 человѣкъ [114]). До 1793 г., когда Eli Whitney изобрѣлъ cottongin, отдѣленіе одного фунта хлопка отъ сѣмянъ требовало, въ среднемъ, одного рабочаго дня. Вслѣдствіе его изобрѣтенія одна негритянка могла въ день очищать 100 ф.; а съ тѣхъ поръ производительность этой машины еще значительно увеличена. Фунтъ хлопковыхъ волоконъ, производимыхъ прежде за 50 центовъ фунтъ, позже сталъ продаваться за 10 ц. съ большей чѣмъ прежде прибылью, т. е. со включеніемъ большаго количества неоплаченнаго труда. Въ Индіи для очищенія волоконъ отъ сѣмянъ употребляется инструментъ, наполовину представляющій машину и называемый Churca; при помощи его одинъ работникъ и одна работница могутъ очищать въ день 28 ф. При помощи же «хуркн», изобрѣтенной докторомъ Форбесомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ взрослый рабочій съ мальчикомъ очищаютъ 250 ф.; тамъ же, гдѣ, напр., быки, паръ или вода употребляются въ качествѣ двигательной силы, для этой машины требуется только нѣсколько мальчиковъ или дѣвочекъ, въ качествѣ feeders (рукъ, подкладывающихъ матеріалъ въ машину). 16 такихъ машинъ, приводимыхъ въ движеніе волами, выполняютъ ежедневно работу, которая раньше требовала средняго ежедневнаго труда 750 человѣкъ [115]).

Какъ уже было замѣчено, паровая машина при паровомъ плугѣ совершаетъ въ одинъ часъ, за 3 пенса или 1/4 шил., столько работы, сколько 66 чел. за 15 шил. въ часъ. Я возвращаюсь къ этому примѣру, чтобы предупредить ложное толкованіе. А именно, эти 15 шил. ни въ какомъ случаѣ не представляютъ собою денежнаго выраженія всего труда, придаваго 66 рабочими въ теченіе часа: если отношеніе между прибавочнымъ трудомъ и необходимымъ трудомъ составляетъ 100%, то эти 66 рабочихъ производятъ въ 1 часъ цѣнность въ 30 шилл., хотя въ одномъ эквивалентѣ, который они получаютъ за свой трудъ, т. е. въ 15 шилл., выражаются только 33 рабочихъ часа. Итакъ, если, положимъ, машина стоитъ столько же, но сколько, напр., обходится годовая плата 150 вытѣсненныхъ ею рабочихъ, т. е. напр., 3000 ф. ст., то эти 3000 ф. ст. ни въ какомъ случаѣ не представляютъ собою денежнаго выраженія всего того труда, который 150 рабочихъ совершили и придали своему предмету труда; въ этой суммѣ выражается только та часть ихъ годового труда, за которую они получаютъ плату. Напротивъ того, если машина стоитъ 3000 ф. ст., то эти 3000 ф. ст. выражаютъ собою весь трудъ, потраченный на ея производство, каково бы ни было отношеніе между частью этого труда, идущей на плату рабочимъ, и частью, образующей прибавочную цѣнность для капиталиста. Поэтому, если машина и стоитъ столько же, сколько стоитъ замѣненная ею ра-

---

[114]) При машинномъ печатаніи, кромѣ того, дѣлается экономія на краскѣ.

[115]) Ср. «Paper read by Dr. Watson. Reporter on Products to the Government of India. Before the Society of Arts, 17 Apr. 1860».

бочая сила, то овеществленный въ ней самой трудъ всегда гораздо меньше того живого труда, который она замѣщаетъ собою [118]).

Если разсматривать машину исключительно какъ средство удешевленія продукта, то ея примѣненіе опредѣляется тѣмъ, что трудъ, потраченный на ея собственное производство, долженъ быть меньше того труда, который замѣняется ея примѣненіемъ. Для капиталиста, однако, границы примѣненія машинъ еще уже. Такъ какъ онъ оплачиваетъ не употребляемый имъ трудъ, а лишь цѣнность употребляемой имъ рабочей силы, то границы примѣненія машинъ для него опредѣляются разницей между цѣнностью машины и цѣнностью замѣняемой ею рабочей силы. Такъ какъ рабочій день распадается на трудъ необходимый и прибавочный въ чрезвычайно различныхъ пропорціяхъ не только въ различныхъ странахъ, но и въ одной и той же странѣ въ различные періоды, или—въ продолженіе одного и того же періода—въ различныхъ отрасляхъ промышленности; такъ какъ, кромѣ того, дѣйствительная заработная плата иногда падаетъ ниже цѣнности рабочей силы, а иногда поднимается выше ея, то и разница между цѣной машины и цѣной рабочей силы, которая должна быть замѣщена машиной, можетъ сильно колебаться даже въ томъ случаѣ, когда разница между количествомъ труда, необходимаго для производства машины, и общимъ количествомъ замѣщеннаго ею труда—не измѣняется [118a]). Для самого же капиталиста только первая разница опредѣляетъ издержки производства товара, и только она оказываетъ на него принудительное вліяніе властными законами конкурренціи. Поэтому, теперь въ Англіи изобрѣтаются машины, которыя примѣняются только въ Сѣверной Америкѣ; точно такъ же, какъ въ 16-мъ и 17-мъ стол. Германія изобрѣтала машины, которыя примѣнялись только въ Голландіи, или какъ многія изъ французскихъ изобрѣтеній 18-го стол. эксплоатировались только въ Англіи. Сами машины производятъ, въ болѣе развитыхъ странахъ, своимъ примѣненіемъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности такой избытокъ труда (redundancy of labour, говоритъ Рикардо) въ другихъ отрасляхъ труда, что здѣсь паденіе заработной платы ниже цѣнности рабочей силы, препятствуетъ употребленію машинъ и дѣлаетъ его излишнимъ, часто даже невозможнымъ, съ точки зрѣнія капитала, прибыль котораго безъ того вытекаетъ изъ уменьшенія не примѣняемаго, а оплачиваемаго труда. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ англійской шерстяной мануфактуры дѣтскій трудъ, въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ, сильно сократился, и кое-гдѣ даже почти совсѣмъ вытѣсненъ. А почему? Фабричный законъ принудилъ занимать двѣ смѣны дѣтей, изъ которыхъ одна работаетъ 6 часовъ, другая—4 ч., или обѣ въ среднемъ только по 5 ч. Но родители не хотятъ продавать этихъ half-times (полурабочихъ) дешевле, чѣмъ раньше они продавали

---

[118]) «Эти нѣмые дѣятели (машины) представляютъ собою продуктъ гораздо меньшаго труда, чѣмъ тотъ, который они замѣщаютъ, хотя бы денежная цѣнность ихъ и была ему равна» (Ricardo l. c. p. 40).

[118a]) Прим. ко 2 изд. Въ коммунистическомъ обществѣ машины имѣли бы, поэтому, совсѣмъ другое поле примѣненія, чѣмъ въ обществѣ буржуазномъ.

full-times (полурабочихъ). Отсюда—замѣна half-times машинами [117]). До запрещенія работы женщинъ и дѣтей (моложе 10 лѣтъ) въ рудникахъ, капиталъ находилъ столь согласнымъ съ своимъ моральнымъ кодексомъ, а главное, со своимъ гроссбухомъ, — заставлять голыхъ женщинъ и дѣвушекъ, часто связанныхъ вмѣстѣ съ мущинами, работать въ угольныхъ и др. копяхъ, что лишь послѣ этого запрещенія онъ обратился къ машинамъ. Янки изобрѣли машину для разбиванія камня. Англичане не примѣняютъ ея, такъ какъ «голяки» («wretch»—у англійскихъ экономистовъ спеціальное названіе земледѣльческихъ рабочихъ), исполняющіе эту работу, получаютъ плату за такую ничтожную часть своего труда, что примѣненіе машинъ только удорожило бы для капиталистовъ производство [118]). Въ Англіи, при бичевой тягѣ по каналамъ [119]), иногда употребляются еще женщины вмѣсто лошадей, потому что трудъ, необходимый для производства лошадей и машинъ, представляетъ собою математически опредѣленную величину, между тѣмъ какъ тотъ трудъ, который нуженъ для содержанія женщинъ «избыточнаго населенія», ниже всякаго разсчета. Поэтому, нигдѣ нѣтъ такого безстыднаго расточенія человѣческой силы на всякій вздоръ, какъ именно въ Англіи, въ этой странѣ машинъ.

3. Ближайшія дѣйствія машиннаго способа производства на рабочихъ.

Исходнымъ пунктомъ крупной промышленности является, какъ было уже нами указано, переворотъ въ средствахъ труда, а революціонированныя средства труда получаютъ свое наиболѣе развитое выраженіе въ расчлененной системѣ машинъ на фабрикѣ. Прежде чѣмъ мы узнаемъ, какъ въ этотъ объективный организмъ вводится человѣческій матеріалъ, разсмотримъ нѣкоторыя общія дѣйствія этого переворота на самаго рабочаго.

а) Присвоеніе капиталомъ добавочныхъ рабочихъ силъ. Женскій и дѣтскій трудъ.

Поскольку машины дѣлаютъ мускульную силу излишней, онѣ становятся средствомъ для примѣненія рабочихъ безъ мускульной силы, или съ недостаточнымъ тѣлеснымъ развитіемъ, но съ болѣе гибкими членами. Женскій и дѣт-

---

[117]) «Предприниматели не безъ основанія хотѣли удержать двѣ смѣны дѣтей моложе 13 лѣтъ... Дѣйствительно, одинъ классъ фабрикантовъ, прядильщики шерсти, рѣдко употребляютъ дѣтей моложе 13 лѣтъ т.-е. half-times. Они ввели всякого рода новыя и усовершенствованныя машины, позволяющія имъ обходиться безъ дѣтей (т.-е. дѣтей моложе 13 л.). Для примѣра подобнаго уменьшенія числа дѣтей, я упомяну одинъ процессъ труда, гдѣ, съ помощью одного аппарата, называемаго piecing machine, трухъ 6 или 4 half-times, сообразно особенности каждой машины, можетъ быть исполненъ подросткомъ (старше 13 л.)... Система half-times способствовала изобрѣтенію piecing machine». (Reports of Insp. Factories for 31 Oct. 1858).

[118]) «Машины... часто не могутъ быть примѣняемы, до тѣхъ поръ, пока трудъ (онъ подраумѣваетъ рабочую плату) не возрастетъ въ цѣнѣ». (Ricardo l. c. p. 579).

[119]) См. «Report of the Social Science Congress at Edinburgh. Octob. 1863».

скій трудъ былъ поэтому первымъ словомъ капиталистическаго примѣненія машинъ. Такимъ образомъ, машины, эти грандіозные по своему значенію замѣстители труда и рабочихъ, тотчасъ превратились въ средства — увеличивать число наемныхъ рабочихъ подчиненіемъ всѣхъ членовъ рабочей семьи, безъ различія пола и возраста, непосредственному владычеству капитала. Обязательный трудъ на капиталистовъ вторгся не только на мѣсто дѣтскихъ игръ, но отстѣснилъ собой также свободный трудъ въ домашнемъ кругу, трудъ, исполняемый, въ предѣлахъ семейно-нравственнаго общенія, для нуждъ самой семьи [120]).

Цѣнность рабочей силы опредѣлялась рабочимъ временемъ, необходимымъ для поддержанія не только самого взрослаго рабочаго, но и всей рабочей семьи. Машины, выбрасывая всѣхъ членовъ рабочей семьи на рабочій рынокъ, раскладываютъ цѣнность рабочей силы мужчины на всю его семью. Поэтому онѣ понижаютъ эту цѣнность. Покупка, напр., рабочей силы семьи, раздробленной на 4 единицы, стоитъ, можетъ быть, дороже, чѣмъ стоила прежде покупка рабочей силы одного главы семьи, но за то теперь, вмѣсто одного, является 4 рабочихъ дня, и цѣна рабочей силы падаетъ въ той пропорціи, въ которой прибавочный трудъ четырехъ душъ больше прибавочнаго труда одного человѣка. Чтобы одно семейство могло жить, четыре человѣка должны доставлять капиталисту не только трудъ, но и прибавочный трудъ. Такимъ образомъ, машины расширяютъ съ самаго начала, вмѣстѣ съ человѣческимъ матеріаломъ эксплоатаціи, этимъ настоящимъ поприщемъ капиталистической эксплоатаціи [121]), и самую степень послѣдней.

---

[120]) Dr. Edward Smith былъ посланъ англійскимъ правительствомъ во время хлопчатобумажнаго кризиса, сопровождавшаго американскую гражданскую войну, въ Ланкаширъ, Чеширъ и др. мѣста, для изслѣдованія гигіеническаго состоянія хлопчатобумажныхъ рабочихъ. Онъ сообщаетъ, между прочимъ, что въ гигіеническомъ отношеніи кризисъ, кромѣ того, что онъ удалялъ рабочихъ изъ фабричной атмосферы, имѣетъ еще и многія другія преимущества. Жены рабочихъ находятъ по его словамъ теперь необходимый досугъ для кормленія дѣтей грудью, вмѣсто того, чтобы отравлять ихъ Godfrey's Cordial'емъ (опіатомъ); онѣ пріобрѣли время научиться стряпать». Къ несчастію, это умѣнье стряпать совпало съ такимъ временемъ, когда имъ нечего ѣсть. Во всякомъ случаѣ, изъ этого видно, какъ капиталъ узурпировалъ въ пользу своего самовозрастанія семейный трудъ, необходимый для самаго потребленія семьи. Точно также кризисомъ воспользовались, чтобы въ спеціальныхъ школахъ научить дочерей рабочихъ шитью. Потребовались — цѣзая революція въ Америкѣ и міровой кризисъ, чтобы рабочія дѣвушки, которыя прядутъ для всего свѣта, научились шить!

[121]) «Численное возрастаніе рабочихъ было велико, вслѣдствіе возрастающаго замѣщенія мужчинъ — женщинами, и, въ особенности, труда взрослыхъ — дѣтскимъ трудомъ. Взрослый мужчина, плата которому колебалась между 18 и 45 шилл. въ недѣлю, теперь замѣщенъ тремя дѣвочками 13-ти лѣтняго возраста, съ платой отъ 6 до 8 шилл.» (Th. de Quincey: The Logic of Politic. Econ. Lond. 1845», выноска къ стр. 147). Такъ какъ нѣкоторыя семейныя обязанности, какъ уходъ за дѣтьми и кормленіе ихъ, нельзя совершенно уничтожить, то матери семействъ, конфискованныя капиталомъ, вынуждены нанимать кого-нибудь, кто бы, болѣе или менѣе, замѣщалъ ихъ. Домашнія работы, шитье, починка и т. п., должны быть замѣнены покупкой готоваго товара. Уменьшеніе затраты домашняго труда соот-

Машины преобразуютъ также до основанія формальное выраженіе капиталистическихъ отношеній, т. е. договоръ между рабочимъ и капиталистомъ. На основѣ товарнаго обмѣна предполагается, что капиталистъ и рабочій вступаютъ во взаимныя отношенія, какъ свободныя личности, какъ независимые товаровладѣльцы: одинъ является владѣльцемъ денегъ и средствъ производства, другой—владѣльцемъ рабочей силы. Но теперь капиталъ покупаетъ малолѣтнихъ или женщинъ. Раньше рабочій продавалъ свою собственную рабочую силу, которой онъ распоряжался въ качествѣ формально-свободной личности. Теперь онъ продаетъ жену и дѣтей. Онъ становится работорговцемъ [122]). Спросъ на дѣтскій трудъ часто и по формѣ бываетъ сходенъ съ тѣмъ спросомъ на трудъ рабовъ-негровъ, который мы встрѣчаемъ въ объявленіяхъ американскихъ газетъ. «Мое вниманіе,—говоритъ, напр., одинъ англійскій фабричный инспекторъ,—было привлечено объявленіемъ въ мѣстной газетѣ одного изъ значительнѣйшихъ мануфактурныхъ городовъ моего округа, которое дословно гласило такъ: «требуется 12—20 мальчиковъ, которые по наружному виду могутъ сойти за 13-лѣтнихъ. Плата 4 шилл. въ недѣлю. Справиться и т. д.» [123]). Слова: «которые по наружному виду могутъ сойти за 13-лѣтнихъ» объясняются тѣмъ, что по фабричному закону дѣти моложе 13 л. могутъ работать только 6 часовъ. Оффиціально признанный врачъ (certifying surgeon) долженъ удостовѣрить возрастъ. Фабрикантъ поэтому ищетъ такихъ мальчиковъ, которые имѣ-

---

вѣтствуетъ, поэтому, увеличеніе денежныхъ расходовъ. Расходы рабочей семьи, такимъ образомъ, возрастаютъ и уравновѣшиваютъ увеличеніе доходовъ. Прибавимъ къ этому, что экономія и цѣлесообразность въ пользованіи и приготовленіи жизненныхъ средствъ становятся невозможными для рабочихъ,— по поводу всѣхъ этихъ фактовъ, скрываемыхъ оффиціальной политической экономіей, можно найти богатый матеріалъ въ «Reports» фабричныхъ инспекторовъ, «Children's Employment Commission» и, въ особенности, въ «Reports on Public Health».

[122]) Въ противоположность тому замѣчательному факту, что ограниченіе женскаго и дѣтскаго труда на англійскихъ фабрикахъ было завоевано у капитала взрослыми рабочими-мужчинами,—въ послѣднихъ отчетахъ «Children's Employment Commission» мы находимъ еще поистинѣ возмутительныя и совершенно рабовладѣльчески-торгашескія черты въ отношеніи родителей—рабочихъ къ труду своихъ дѣтей. А капиталистическіе фарисеи, какъ это видно изъ тѣхъ же «Reports», обличаютъ это, ими же самими созданное, увѣковѣчиваемое и эксплуатируемое звѣрство, которое они въ другихъ случаяхъ называютъ «свободой труда». «Дѣтскій трудъ былъ призванъ на помощь... даже для добыванія насущнаго хлѣба; безъ силъ, чтобы выдержать такой огромный трудъ, безъ подготовки или направленія своей будущей жизни,—дѣти были брошены въ положеніе, физически разрушающее и нравственно развращающее. Еврейскій историкъ, по поводу разрушенія Іерусалима Титомъ, замѣчаетъ, что нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что онъ подвергся такому жестокому разрушенію, за то, что одна безчеловѣчная мать принесла въ жертву собственнаго сына, для утоленія мученій ужаснаго голода». «Public Economy Concentrated. Carlisle 1833», p. 56. Въ «Bulletin de la Société industrielle de Mulhouse» (31 мая 1837) докторъ Perrot говоритъ: «Нищета иногда порождаетъ у отцовъ семейства возмутительный духъ спекуляціи собственными дѣтьми, и къ директорамъ фабрикъ часто пристаютъ съ просьбой принять на работу дѣтей, даже и не достигшихъ еще того возраста, въ которомъ малолѣтніе обычно допускаются на фабрику».

[123]) A. Redgrave въ «Reports of Insp. of Fact. for 31 st. October 1858», p. 40, 41

хотъ видъ уже тринадцатилѣтнихъ. Поражавшее иногда въ англійской статистикѣ послѣднихъ 20 лѣтъ внезапное уменьшеніе числа занимаемыхъ фабрикантами дѣтей моложе 13 лѣтъ было, по словамъ самихъ фабричныхъ инспекторовъ, большей частью дѣломъ certifying surgeons, которые, въ угоду эксплуататорскимъ похотямъ капиталистовъ и потребности родителей въ наживѣ насчетъ продаваемыхъ дѣтей, передвигали возрастъ дѣтей. Въ пресловутомъ лондонскомъ кварталѣ Bethnal Green каждый понедѣльникъ и вторникъ, по утрамъ, происходитъ торгъ на открытой улицѣ: дѣти обоего пола, начиная съ 9-тилѣтняго возраста, сами отдаютъ себя въ наемъ на лондонскія шелковыя мануфактуры. «Обыкновенныя условія—1 шил. 8 п. въ недѣлю (которые принадлежатъ родителямъ) и 2 пенса для меня самого, не считая чая». Условіе имѣетъ силу только въ теченіе недѣли. Сцены и разговоры на этомъ торжищѣ просто возмутительны [124]). Въ Англіи все еще случается, что женщины «берутъ мальчиковъ изъ рабочихъ домовъ и продаютъ ихъ первому встрѣчному покупателю за 2 шил. 6 пенс. въ недѣлю» [125]). Вопреки закону, въ Великобританіи, по крайней мѣрѣ, 2.000 мальчиковъ все еще продаются своими родителями, въ качествѣ живыхъ машинъ для чистки трубъ (хотя машины для этой цѣли уже существуютъ) [126]). Совершенныя машинами переворотъ въ правовыхъ отношеніяхъ между покупателемъ и продавцомъ рабочей силы, отнявшій у всей сдѣлки даже видимость договора между свободными людьми, далъ впослѣдствіи англійскому парламенту юридическое оправданіе для государственнаго вмѣшательства въ фабричный режимъ. Каждый разъ, когда фабричный законъ ограничиваетъ дѣтскій трудъ 6-ю часами въ какихъ-нибудь отрасляхъ промышленности, до тѣхъ поръ еще не затронутыхъ охранительнымъ законодательствомъ, тотчасъ снова поднимаются вопли фабрикантовъ на то, что часть родителей изнемогаютъ своихъ дѣтей изъ наказанныхъ фабричнымъ закономъ промышленныхъ заведеній только для того, чтобы продать ихъ въ такія, гдѣ еще господствуетъ «свобода труда», т. е., гдѣ дѣти, моложе 13 лѣтъ, вынуждаются работать такъ же, какъ взрослые, и гдѣ, слѣдовательно, ихъ трудъ можетъ быть дороже проданъ. Но такъ какъ капиталъ, по природѣ своей, levelleur (уравнитель), т. е. требуетъ, какъ своего прирожденнаго права, равенства условій эксплуатаціи для всѣхъ сферъ производства, то законодательное ограниченіе дѣтскаго труда въ одной отрасли промышленности становится причиной его ограниченія и въ другихъ.

Мы уже раньше указывали на физическую порчу дѣтей, подростковъ и женщинъ, которыхъ машина подчиняетъ эксплуатаціи капитала, сначала прямо, въ фабрикахъ, возникающихъ на основѣ машиннаго производства, а потомъ и косвенно, во всѣхъ другихъ отрасляхъ промышленности. Поэтому здѣсь мы остановимся лишь на одномъ пунктѣ, на ужасной смертности дѣтей рабочихъ въ первые годы ихъ жизни. Въ Англіи существуютъ 16 регистраціонныхъ окру-

[124]) «Children's Employment Commission. V. Report. London. 1866», p. 81, n. 31. [Къ 4 изд.—Шелковой промышленности въ Bethnal Green теперь уже почти не существуетъ.—Ф. Э.].

[125]) «Childr. Employm. III. Report. Lond. 1864», p. 53, n. 15.

[126]) l. c. V. Report, p. XXIII, n. 137.

говъ, въ которыхъ на 100.000 дѣтей моложе одного года приходится, среднимъ числомъ, только 9.000 смертныхъ случаевъ (въ одномъ округѣ даже только 7.047); въ 24 округахъ болѣе 10.000, но менѣе 11.000; въ 39 округахъ выше 11.000, но менѣе 12.000; въ 48—выше 12.000, но ниже 13.000; въ 22—выше 20.000; въ 25—выше 21.000; въ 17—выше 22.000; въ 11—выше 23.000; въ Hoo, Wolverhampton, Ashton-under Lyne и Preston—выше 24.000; въ Nottingham, Stockport и Bradford—выше 25.000; въ Wisbeach—26.000 и въ Манчестерѣ—26.125 [127]). Такой высокій процентъ смертности, какъ показало оффиціальное санитарное изслѣдованіе 1861 г., помимо мѣстныхъ условій, зависитъ, главнымъ образомъ, отъ занятій матерей внѣ дома и происходящаго отсюда пренебреженія судьбой дѣтей и плохого съ ними обращенія,—между прочимъ, отъ несоотвѣтственнаго и недостаточнаго питанія, пичканія одурманивающими веществами и т. п.; къ этому надо прибавить естественное отчужденіе матерей отъ своихъ дѣтей и, какъ его слѣдствіе, намѣренное недокармливаніе и отравленіе дѣтей [128]). Въ такихъ земледѣльческихъ округахъ, «гдѣ женщины наименѣе заняты,—и процентъ смертности наименьшій» [129]). Анкетная комиссія 1861 г. дала, однако, неожиданный результатъ, а именно она обнаружила, что въ нѣкоторыхъ чисто земледѣльческихъ округахъ, расположенныхъ по берегу Нѣмецкаго моря, процентъ смертности дѣтей моложе одного года почти достигаетъ цифры смертности въ самыхъ худшихъ фабричныхъ округахъ. Д-ру Julian Hunter'y было поэтому поручено изслѣдовать это явленіе на мѣстѣ. Его отчетъ присоединенъ къ «VI Report on Public Health» [130]). До сихъ поръ предполагали, что дѣтей поражаетъ маларія и другія болѣзни, свойственныя низменнымъ и болотистымъ мѣстамъ. Изслѣдованіе показало какъ разъ противоположное, а именно, «что та самая причина, которая уничтожаетъ маларію, т. е. превращеніе въ плодородную пашню почвы, представляющей зимою болото, лѣтомъ—скудныя пастбища, вызывало и необыкновенную смертность грудныхъ дѣтей» [131]). 70 практикующихъ врачей, которыхъ допросилъ въ этихъ округахъ д-ръ Hunter, обнаружили «замѣчательное единодушіе» относительно этого пункта. Дѣло въ томъ, что вмѣстѣ съ перепоротомъ въ земледѣліи тамъ была введена и промышленная система. «Замужнія женщины, работающія цѣлыми партіями или артелями, совмѣстно съ дѣвушками и молодыми людьми, поставляются лицомъ, называемымъ «gangmaster»; оно нанимаетъ цѣлыя артели и отдаетъ ихъ за извѣстную сумму въ распоряженіе фермеру. Эти артели

[127]) «Sixth Report on Public Health. Lond. 1864», p. 34.

[128]) «Оно (изслѣдованіе 1861 г.)... показало, что, съ одной стороны, при обстоятельствахъ, о которыхъ мы говоримъ, дѣти гибнутъ отъ небрежнаго и безпорядочнаго ухода, происходящаго отъ занятій ихъ матерей, а съ другой—и сами матери мало-по-малу ожесточаются до такой степени, что ихъ нисколько не огорчаетъ смерть ихъ дѣтей, а иногда онѣ даже прямо принимаютъ мѣры, чтобы ускорить ее». (l. c.).

[129]) l. c., p. 454.

[130]) l. c. p. 454—563. «Reports by Dr. Henry Julian Hunter on the excessive mortality of infants in some rural districts of England».

[131]) l. c. p. 35 и p. 455, 456.

часто откочевываютъ на много миль отъ своихъ деревень. Утромъ и вечеромъ ихъ можно встрѣтить на дорогахъ. Женщины одѣты въ короткія юбки и соотвѣтствующія кофты, обуты въ сапоги и иногда даже носятъ штаны; по виду онѣ очень сильны и здоровы, но испорчены нощедшей въ привычку распущенностью и мало думаютъ о тѣхъ печальныхъ послѣдствіяхъ, которыя обрушиваются, благодаря ихъ любви къ такой дѣятельной и независимой жизни, на гибнущихъ дома дѣтей» [132]). Всѣ явленія фабричныхъ округовъ, между прочимъ, замаскированное дѣтоубійство и пичканіе дѣтей опіатами,—повторяются здѣсь въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ [133]). «Все, что я знаю о злѣ, причиняемомъ всякаго рода промышленными занятіями взрослыхъ женщинъ», говоритъ д-ръ Simon, врачъ-консультантъ англійскаго Privy Council и главный редакторъ отчетовъ о «Public Health», «должно оправдать мое глубокое отвращеніе къ женскому труду» [134]). «Это будетъ дѣйствительнымъ счастьемъ для фабричныхъ округовъ Англіи», восклицаетъ фабричный инспекторъ R. Baker въ одномъ оффиціальномъ отчетѣ, «если каждой замужней женщинѣ, имѣющей семью, будетъ воспрещено работать на какой бы то ни было фабрикѣ» [135]).

Моральное калѣченіе, происходящее отъ капиталистической эксплоатаціи женскаго и дѣтскаго труда, съ такой полнотою обрисовано Ф. Энгельсомъ, въ его книгѣ «Положеніе рабочаго класса въ Англіи», и другими писателями, что мнѣ достаточно здѣсь простого напоминанія объ этомъ фактѣ. Но умственное одичаніе, искусственно производимое превращеніемъ незрѣлаго человѣка въ простую машину для фабрикаціи прибавочной цѣнности и рѣзко отличающееся отъ того естественнаго невѣжества, которое оставляетъ умъ невоздѣланнымъ, не губя его способности къ развитію, его естественнаго плодородія,—это одичаніе заставило, наконецъ, даже англійскій парламентъ провозгласить элементарное образованіе обязательнымъ условіемъ для «производительнаго» употребленія дѣтей моложе 14-ти лѣтъ, во всѣхъ промышленныхъ заведеніяхъ, подчиненныхъ фабричному закону. Духъ капиталистическаго производства явно сказывается: въ неразумной редакціи такъ-называемыхъ статей о воспитаніи въ фабричномъ законѣ; въ томъ отсутствіи всякаго контрольно-административнаго механизма, которое дѣлаетъ это обязательное обученіе, въ большинствѣ случаевъ, фиктивнымъ; въ оппозиціи фабрикантовъ даже и противъ этого закона и въ ихъ увертками и продѣлками съ цѣлью обхода его. «Законодательная власть одна

---

[132]) l. c. p. 456.

[133]) Въ Англіи, какъ въ фабричныхъ округахъ, такъ и въ земледѣльческихъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе распространяется употребленіе опіума взрослыми работниками и работницами. «Развить продажу опіума... составляетъ главную цѣль нѣкоторыхъ предпріимчивыхъ крупныхъ торговцевъ. Для дрогистовъ опіумъ—главный товаръ» (l. c. p. 459). Грудныя дѣти, принимающія опіумъ, «съеживаются и превращаются въ маленькихъ старичковъ или въ маленькихъ обезьянъ» (l. c. p. 460). Вотъ какъ Китай и Индія мстятъ Англіи!

[134]) l. c. p. 37.

[135]) «Reports of Insp. of Fact. for 31 st. Oct. 1862», p. 59. Этотъ фабричный инспекторъ былъ раньше врачемъ.

заслуживаетъ порицанія, такъ какъ она издала обманчивый законъ (delusive law), который, заботясь съ виду о воспитаніи дѣтей, на самомъ дѣлѣ не содержитъ въ себѣ никакихъ указаній, какимъ образомъ обезпечить достиженіе этой цѣли. Законъ опредѣляетъ только, что дѣти каждый день, въ теченіе опредѣленнаго времени (3 часа), должны быть заперты въ четырехъ стѣнахъ помѣщенія, именуемаго школой, и что тѣ, у которыхъ дѣти работаютъ, должны еженедѣльно получать удостовѣреніе въ томъ, что они учатся, отъ лица, подписывающагося учителемъ или учительницей» [136]). До изданія въ 1844 г. измѣненнаго фабричнаго закона нерѣдко бывали случаи, что свидѣтельства о посѣщеніи школы учитель или учительница, за безграмотностью, подписывали крестомъ. «При посѣщеніи мною одной школы, которая выдавала такія свидѣтельства, я до того былъ пораженъ невѣжествомъ учителя, что спросилъ его: «Скажите, пожалуйста, вы умѣете читать?»—«Ih jeh, Ebbes (summat)», отвѣтилъ онъ. Въ свое оправданіе, онъ прибавилъ: «Во всякомъ случаѣ, я знаю больше, чѣмъ мои ученики». Во время подготовленія закона 1844 г., фабричные инспектора доносили о жалкомъ состояніи учрежденій, называемыхъ школами, свидѣтельства которыхъ они должны были признавать, по закону, вполнѣ достаточными. Все, чего они достигли, состояло въ томъ, что съ 1844 г. цифры въ школьныхъ свидѣтельствахъ, а также имя и фамилія учителя должны были писаться собственноручно этимъ послѣднимъ» [137]). Шотландскій фабричный инспекторъ, sir John Kincaid, сообщаетъ подобные же факты на основаніи своего служебнаго опыта. «Первая школа, которую мы посѣтили, содержалась нѣкоей Mrs. Ann Killin. Когда я предложилъ ей написать свое имя, она сразу же сдѣлала ошибку, начавъ съ буквы C, но тотчасъ же поправилась, сказавъ, что ея имя начинается съ буквы K. При просмотрѣ ея подписей въ книгѣ школьныхъ свидѣтельствъ, я, однако, замѣтилъ, что она подписывается различно и что почеркъ ея не оставляетъ никакого сомнѣнія насчетъ ея неспособности учить. Она и сама призналась, что не умѣетъ вести своего журнала... Въ другой школѣ я нашелъ, что школьная комната имѣетъ всего 15 футовъ въ длину и 10 въ ширину, и въ этомъ помѣщеніи находились 75 дѣтей, которыя выкрикивали что-то неудобопонятное» [138]). «Но не только въ этихъ жалкихъ трущобахъ дѣти получаютъ школьныя свидѣтельства, не получая никакого школьнаго образованія; есть много школъ, гдѣ учитель человѣкъ свѣдующій, и несмотря на это всѣ его усилія почти цѣликомъ разбиваются о страшное смѣшеніе дѣтей всякаго возраста, начиная съ 3-хъ-лѣтняго. Его доходъ, нищенскій въ лучшемъ случаѣ, зависитъ вполнѣ отъ количества пенсовъ, получаемыхъ имъ отъ учениковъ, т. е. зависитъ, слѣдовательно, отъ числа дѣтей, какое только можно набить въ одну комнату. Къ этому надо еще прибавить нищенскую школьную меблировку, отсутствіе книгъ и другихъ учебныхъ пособій, и удручающее дѣйствіе спертаго и отвратительнаго воздуха на самихъ дѣтей. Я былъ во многихъ

---

[136]) Leonhard Horner въ «Rep. of Insp. of Fact. for 30 th. June 1857», p. 17.

[137]) Id. въ «Rep. of Insp. of Fact. for 31 st. Oct. 1855». p. 18, 19.

[138]) Sir John Kincaid въ «Rep. of Insp. of Fact. for 31 st. Oct. 1858», p. 31, 32.

такихъ школахъ, гдѣ я видѣлъ массу дѣтей, которыя абсолютно ничего не дѣлали; и это считается посѣщеніемъ школы и удостовѣряется въ качествѣ такового, и такія дѣти фигурируютъ въ оффиціальной статистикѣ, какъ получившія образованіе! (educated)» [139]). Въ Шотландіи фабриканты стараются не держать дѣтей, обязанныхъ посѣщать школу. «Это вполнѣ достаточно доказываетъ сильное нерасположеніе фабрикантовъ противъ статей объ обязательномъ обученіи» [140]). Особенно отвратительно обнаруживается это на ситценепечатныхъ и другихъ подобныхъ заведеніяхъ, трудъ въ которыхъ регулируется особымъ фабричнымъ закономъ. По опредѣленію этого закона «на подобную фабрику можетъ быть принятъ только такой ребенокъ, который уже посѣщалъ школу, по крайней мѣрѣ, въ теченіе 30 дней и не меньше 150 часовъ въ продолженіе 6 мѣсяцевъ, непосредственно предшествующихъ первому дню его поступленія на фабрику. Въ продолженіе же своей работы въ этихъ заведеніяхъ, онъ долженъ также посѣщать школу въ теченіе 30 дней или 150 часовъ въ продолженіе каждаго полугодія. Посѣщеніе школы должно происходить между 8 час. утра и 6 час. пополудни. Посѣщеніе, длящееся меньше $2^1/_2$ или больше 5 часовъ въ одинъ день, не должно итти въ счетъ обязательныхъ 150 час. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ, дѣти посѣщаютъ школу до и послѣ обѣда, въ теченіе 30 дней, по 5 часовъ въ день; по истеченіи же 30 дней, когда требуемая закономъ общая сумма 150 час. достигнута, когда дѣти, выражаясь ихъ собственнымъ языкомъ, окончили свою книгу, они возвращаются въ заведеніе, гдѣ и остаются 6 мѣсяцевъ, до наступленія новаго срока обязательнаго посѣщенія школы, когда они снова возвращаются въ нее до новаго «окончанія своей книги» и т. д.... Многія дѣти, посѣщавшія, такимъ образомъ, школу въ теченіе предписанныхъ 150 час., при возвращеніи въ школу, послѣ 6-ти мѣсячнаго пребыванія на фабрикѣ, знаютъ столько же, сколько знали въ самомъ началѣ... Они, разумѣется, забываютъ все, чему научаются въ предыдущее посѣщеніе школы. Въ другихъ ситценепечатныхъ посѣщеніе школы находится въ полной зависимости отъ потребностей фабрики. Требуемое количество часовъ получается, въ теченіе каждаго полугодія, посредствомъ зачета 3—5 часовыхъ посѣщеній, которыя распредѣляются, можетъ быть, болѣе, чѣмъ на 6 мѣсяцевъ. Напр., одинъ день школа посѣщается отъ 8 до 11 часовъ утра, въ другой разъ—отъ часу до четырехъ пополудни, послѣ чего ребенокъ нѣсколько дней вовсе не является въ школу; затѣмъ вдругъ снова приходитъ отъ 3 до 6 час. пополудни; въ теченіе 3—4 дней или недѣли онъ является въ школу аккуратно,—потомъ снова исчезаетъ недѣли на три или на мѣсяцъ, опять является на нѣсколько часовъ въ кое-какіе незанятые дни, когда фабрикантъ въ немъ случайно не нуждается. Такимъ образомъ, ребенка гоняютъ (buffet) изъ школы на фабрику, изъ фабрики въ школу, пока не наберется требуемыхъ 150 часовъ» [141]). Присоединяя подавляющее число женщинъ и дѣтей къ рабочему

[139]) Leonhard Horner въ «Rep. etc. for 31 st. Oct. 1857», p. 17. 18.

[140]) Sir J. Kincaid, Rep. Insp. Fact. 31 st. Oct. 1856, p. 60.

[141]) A. Redgrave въ «Reports of Insp. of Fact. for 31 Oct. 1857», p. 41. 42. Въ тѣхъ отрасляхъ англійской промышленности, въ которыхъ давно господствуетъ

персоналу, машина сламываетъ, наконецъ, сопротивленіе, которое мужчина-рабочій въ мануфактурѣ еще оказывалъ деспотизму капитала [142]).

в) Удлиненіе рабочаго дня.

Если машина представляетъ собою наиболѣе могущественное средство увеличенія производительности труда, т. е. средство сокращенія рабочаго времени, необходимаго для производства какого-либо товара, то, какъ носительница капитала, она становится, въ непосредственно захватываемыхъ ею отрасляхъ промышленности, сильнѣйшимъ средствомъ удлиненія рабочаго дня, удлиненія, идущаго дальше всякихъ естественныхъ предѣловъ. Съ одной стороны, она, создаетъ новыя условія, позволяющія капиталу дать полную волю этой своей постоянной тенденціи; съ другой стороны, она порождаетъ новые мотивы, поддерживающіе въ немъ неутолимую жажду чужого труда.

Прежде всего, машина превращаетъ движеніе и дѣятельность орудія труда въ нѣчто самостоятельное по отношенію къ рабочему. Орудіе труда становится само по себѣ промышленнымъ perpetuum mobile, которое производило бы безпрерывно, еслибы не встрѣчало нѣкоторыхъ естественныхъ границъ и препятствій въ своихъ помощникахъ-людяхъ, въ слабости ихъ тѣла и въ ихъ своеволіи. Автоматъ этотъ—капиталъ, и, въ качествѣ такового, онъ совершенно проникнутъ сознаніемъ и волей капиталиста, одушевленъ стремленіемъ довести сопротивленіе эластической, т. е. растяжимой человѣческой природы до минимальныхъ размѣровъ [143]). Это сопротивленіе и безъ того ослабленно кажущейся легкостью труда при машинѣ и большей гибкостью и податливостью женщинъ и дѣтей [144]).

фабричный законъ (не Print Work's Act, о которомъ говорится въ текстѣ), препятствія противъ обязательнаго обученія въ послѣдніе годы нѣсколько преодолѣны. Въ отрасляхъ же, не подчиненныхъ фабричному закону, совершенно еще господствуютъ взгляды стекольнаго заводчика J. Geddes'a, который такъ поучалъ слѣдственнаго комиссара White: «Насколько я понимаю, большее образованіе, которое, за послѣдніе годы, получаетъ одна часть рабочаго сословія,—составляетъ зло. Оно опасно, такъ какъ дѣлаетъ рабочихъ слишкомъ независимыми». («Children's Empl. Commission. IV. Report. Lond. 1865», p. 253).

[142]) «Г-нъ Е., фабрикантъ, сообщилъ мнѣ, что у него при механическихъ ткацкихъ станкахъ работаютъ исключительно женщины: онъ отдаетъ предпочтеніе замужнимъ женщинамъ, особенно такимъ, у которыхъ дома имѣются семейства, содержимыя ими: онѣ гораздо внимательнѣе и послушнѣе, чѣмъ незамужніи, и вынуждены до крайности напрягать свои силы, чтобы добыть необходимыя средства для существованія. Такимъ образомъ, добродѣтели, специфическія добродѣтели женщинъ, обращаются ей во вредъ, а вся нравственная и нѣжная сторона ихъ природы становится средствомъ ихъ порабощенія и источникомъ страданій». («Ten Hours' Factory Bill. The Speech of Lord Ashley, 15 March. Lond. 1844», p. 20).

[143]) «Со времени всеобщаго введенія дорого стоющихъ машинъ, человѣкъ былъ принужденъ работать значительно свыше своихъ среднихъ силъ». (Robert Owen «Observations on the effects of the manufacturing system. 2 ed. London 1817»).

[144]) Англичане, которые охотно принимаютъ первую эмпирическую форму обнаруженія какого-нибудь явленія за его причину, объясняютъ продолжительное рабочее

Производительность машинъ, какъ мы видѣли, обратно пропорціональна долѣ цѣнности, переносимой ею на продуктъ. Чѣмъ длиннѣе періодъ ея функціонированія, тѣмъ больше масса продуктовъ, на которую распредѣляется прибавляемая ею цѣнность, и тѣмъ меньше та часть цѣнности, которую она придаетъ каждому отдѣльному товару. Періодъ же активной жизни машины опредѣляется, очевидно, длиною рабочаго дня или продолжительностью дневного процесса труда, помноженной на общее число дней, въ теченіе которыхъ этотъ процессъ повторяется.

Изнашиваніе машины вовсе не соотвѣтствуетъ съ математической точностью времени пользованія ею. Но даже если предположить такое соотвѣтствіе, машина, работающая $7^1/_2$ лѣтъ, по 16 часовъ ежедневно, обнимаетъ столь же значительный періодъ производства, и къ общему продукту прибавляетъ не меньше цѣнности, чѣмъ та же машина, работающая 15 лѣтъ, по 8 часовъ ежедневно. Только въ первомъ случаѣ цѣнность машины воспроизводится вдвое быстрѣе, чѣмъ во второмъ, а капиталистъ поглощаетъ въ $7^1/_2$ лѣтъ столько же прибавочнаго труда, сколько прежде въ 15 лѣтъ.

Матеріальное изнашиваніе машинъ бываетъ двухъ родовъ. Во-первыхъ, машины портятся отъ употребленія, какъ монеты стираются при обращеніи, во-вторыхъ, отъ неупотребленія,—какъ мечъ отъ бездѣйствія ржавѣетъ въ ножнахъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ онѣ становятся добычей стихій. Изнашиваніе перваго рода, болѣе или менѣе, прямо пропорціонально употребленію машинъ, а послѣдняго—въ извѣстной степени ему обратно пропорціонально [145]). Но, кромѣ матеріальной порчи, машина подвергается еще, такъ сказать, и моральной порчѣ. Она теряетъ въ своей мѣновой цѣнности по мѣрѣ того, какъ машины одинаковой съ нею конструкціи начинаютъ воспроизводиться дешевле, или лучшія машины вступаютъ съ ней въ конкурренцію [146]). Въ обоихъ слу-

время на фабрикахъ—громадными, чисто продажными похищеніями, произведенными капиталомъ, при введеніи фабричной системы въ пріютахъ для сиротъ и нищихъ, вслѣдствіе чего онъ поглощалъ совершенно лишенный воли человѣческій матеріалъ. Такъ, напр. Fielden, самъ англійскій фабрикантъ, говоритъ: «Очевидно, что продолжительное рабочее время происходитъ отъ того обстоятельства, что количество безпріютныхъ (destitute) дѣтей, доставленное изъ разныхъ частей страны, было столь велико, что хозяева стали вполнѣ независимы отъ рабочихъ рукъ; пользуясь жалкимъ положеніемъ человѣческаго матеріала, полученнаго такимъ путемъ, они возвели продолжительный трудъ въ обычай и потомъ очень легко могли навязать его и своимъ сосѣдямъ». (J. Fielden: «The Curse of the Factory System. Lond. 1836», p. 11). Относительно женскаго труда фабричный инспекторъ Saunders говоритъ въ фабричномъ отчетѣ 1844 г.: «Между работницами есть женщины, которыя многія недѣли подъ рядъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ дней, работаютъ съ 6 ч. утра до 12 ч. ночи, съ перерывомъ для принятія пищи меньше чѣмъ въ два часа, такъ что въ продолженіе 5 дней въ недѣлю изъ 24-хъ часовъ имъ ежедневно остаются только 6 на ходьбу туда и обратно и на отдыхъ въ постели».

[145]) «Вредъ... причиняемый бездѣйствіемъ машины ея подвижнымъ и тонкимъ металлическимъ частямъ». Ure l. c. p. 28.

[146]) Упомянутый уже нами «Manchester Spinner» (Times, 26, Nov. 1862) говоритъ: «эта сумма (т. е. сумма, назначенная на вознагражденіе за изнашиваніе

чаяхъ, какъ бы машина ни была юна и крѣпка, цѣнность ея опредѣляется уже не тѣмъ количествомъ рабочаго времени, которое фактически въ ней воплощено, а тѣмъ, которое необходимо для ея воспроизведенія или для воспроизведенія лучшихъ машинъ. Она въ такомъ случаѣ оказывается, болѣе или менѣе, обезцѣненной. Чѣмъ короче періодъ, въ теченіе котораго воспроизводится общая цѣнность машинъ, тѣмъ меньше опасность моральнаго изнашиванія, а чѣмъ длиннѣе рабочій день, тѣмъ короче этотъ періодъ. При первоначальномъ введеніи въ какую нибудь отрасль производства машинъ, на сцену являются одни за другими новые методы для болѣе дешеваго ихъ воспроизведенія [147]) и улучшенія, затрогивающія не только какія нибудь частности, но весь механизмъ. Поэтому, въ первый періодъ дѣятельности машинъ этотъ спеціальный мотивъ въ пользу удлиненія рабочаго дня дѣйствуетъ съ особенной силой [148]).

При прочихъ неизмѣнныхъ условіяхъ и при данномъ размѣрѣ рабочаго дня, эксплуатація удвоеннаго числа рабочихъ требуетъ удвоенія какъ той части постояннаго капитала, которая вложена въ машины и строенія, такъ и той, которая вложена въ сырой матеріалъ, вспомогательныя вещества и т. п. Съ удлиненіемъ же рабочаго дня, расширяется размѣръ производства, между тѣмъ, какъ часть капитала, вложенная въ строенія и машины, остается безъ измѣненія [149]). При этомъ, поэтому, возрастаетъ не только прибавочная цѣнность, но и уменьшаются необходимыя на ея добываніе издержки. Правда, это происходитъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, при всякомъ удлиненіи рабочаго дня, но въ данномъ случаѣ это имѣетъ особенно крупное значеніе, такъ какъ здѣсь часть капитала, превращаемая въ средства труда, вообще играетъ болѣе важную роль [150]). Развитіе машиннаго производства превращаетъ постоянно возрастающую

машинъ) назначается также на покрытіе потерь, происходящихъ отъ замѣны однѣхъ машинъ, прежде чѣмъ онѣ окупятъ себя, другими, болѣе новой и совершенной конструкціи».

[147]) «Въ общемъ считается, что построить одну единственную машину по новой модели стоитъ въ пять разъ дороже, чѣмъ произвести рядъ машинъ по одной и той же моделѣ». (Babbage l. c. p. 349).

[148]) «Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ въ производствѣ тюля было сдѣлано такъ много улучшеній и столь значительныхъ, что хорошо сохранившаяся машина, стоившая первоначально 1.200 ф. ст., чрезъ нѣсколько лѣтъ продавалась за 60 ф. ст... улучшенія слѣдовали одно за другимъ съ такой быстротой, что машины оставались незаконченными въ рукахъ ихъ строителей, такъ какъ онѣ успѣвали старѣть, вслѣдствіе какого-нибудь болѣе удачнаго изобрѣтенія». Въ это бурное время фабриканты тюля растянули первоначальный восьмичасовой рабочій день до 24 часовъ, съ двумя смѣнами рабочихъ (l. c. p. 233).

[149]) «Очевидно, что при рыночныхъ приливахъ и отливахъ, при колебаніяхъ расширяющагося и сокращающагося спроса, постоянно могутъ случиться обстоятельства, при которыхъ капиталистъ вложитъ добавочный оборотный капиталъ, безъ увеличенія основного капитала... если добавочное количество сырого матеріала можетъ быть обработано, безъ добавочной траты на строенія и машины». (R. Torrens: «On Wages and Combinations, Lond. 1834», p. 63).

[150]) Изложенное въ текстѣ обстоятельство упомянуто лишь ради полноты, такъ какъ уровень прибыли, т. е. отношеніе прибавочной цѣности къ совокупному авансированному капиталу, я разсматриваю только въ третьей книгѣ.

часть капитала въ такую форму, въ которой она, съ одной стороны, постоянно можетъ быть эксплуатируема для созданія прибавочной цѣнности, а съ другой — теряетъ потребительную и мѣновую цѣнность, лишь только прерывается ея связь съ живымъ трудомъ. «Когда земледѣлецъ», поучаетъ профессора Nassau W. Senior'а г. Ashworth, англійскій хлопчато-бумажный магнатъ,—«когда земледѣлецъ бросаетъ свою лопату, то онъ на это время дѣлаетъ безполезнымъ капиталъ въ 18 пенсовъ. Если же одинъ изъ нашихъ людей (т. е. изъ фабричныхъ рабочихъ) покидаетъ фабрику, то онъ дѣлаетъ безполезнымъ капиталъ въ 100.000 ф. ст.» [151]). Подумайте только: сдѣлать «безполезнымъ», хотя бы на одно мгновеніе, капиталъ, стоившій 100.000 ф. ст.! Это, дѣйствительно, вопіющая вещь, что кто нибудь изъ «нашихъ людей» вообще оставляетъ когда либо фабрику! И поученный Ashworth'омъ, Senior соглашается, что постоянно расширяющіеся размѣры машиннаго производства дѣлаютъ «желательнымъ» постоянное удлиненіе рабочаго дня [152]).

Машина производитъ относительную прибавочную цѣнность не только тѣмъ, что прямо понижаетъ цѣнность рабочей силы и косвенно удешевляетъ ее удешевленіемъ необходимыхъ для ея воспроизведенія товаровъ, но еще и тѣмъ, что, при спорадическомъ своемъ введеніи, машины превращаютъ трудъ, употребляемый ихъ владѣльцемъ, въ потенцированный, т. е. высококачественный трудъ, и подымаетъ общественную цѣнность машиннаго продукта выше его индивидуальной цѣнности и, такимъ образомъ, даетъ капиталисту возможность возмѣщать дневную цѣнность рабочей силы меньшей частью цѣнности дневного продукта. Въ продолженіе этого переходнаго періода, когда машинное производство составляетъ своего рода монополію, прибыли достигаютъ чрезвычайныхъ размѣровъ, и капиталистъ старается основательно использовать этотъ «медовый мѣсяцъ» посредствомъ возможно большаго удлиненія рабочаго дня. Огромный барышъ порождаетъ алчность къ еще большему барышу.

По мѣрѣ того, какъ въ данной отрасли промышленности машина входитъ въ общее употребленіе, общественная цѣнность машиннаго продукта понижается до его индивидуальной цѣнности, и вступаетъ въ силу законъ, согласно которому прибавочная цѣнность происходитъ не отъ тѣхъ рабочихъ силъ, которыя капиталистъ замѣстилъ машиной, а, наоборотъ—отъ тѣхъ, которыя работаютъ при машинѣ. Прибавочная цѣнность происходитъ только отъ перемѣнной части капитала,

---

[151]) Senior: «Letters on the Factory Act, Lond. 1837», p. 13, 14.

[152]) «Если отношеніе между основнымъ капиталомъ и оборотнымъ составляетъ крупную величину, то это обстоятельство дѣлаетъ желательнымъ удлиненіе рабочаго дня». Съ возрастающимъ размѣромъ машинъ и т. д. «мотивы къ удлиненію рабочаго дня становятся болѣе настоятельными, такъ какъ это единственное средство сдѣлать прибыльнымъ большую величину постояннаго капитала». (l. c. p. 11—13). «На фабрикѣ имѣются различные расходы, которые остаются безъ измѣненія, работаетъ ли фабрика больше или меньше времени, таковы, напр.—рента за строенія, мѣстные и общіе налоги, страхованіе отъ огня, заработная плата различнымъ постояннымъ рабочимъ, порча машинъ,—рядомъ съ другими издержками, отношеніе которыхъ къ прибыли уменьшается соразмѣрно расширенію производства». («Reports of the Inspr. of Fact. for 31 st. Oct. 1862», p. 19).

и мы видѣли, что масса прибавочной цѣнности опредѣляется двумя факторами: уровнемъ прибавочной цѣнности и числомъ одновременно занятыхъ рабочихъ. При данной длинѣ рабочаго дня, уровень прибавочной цѣнности опредѣляется отношеніемъ, въ которомъ рабочій день распадается на необходимый и прибавочный трудъ. Число же одновременно занятыхъ рабочихъ, съ своей стороны, зависитъ отъ отношенія между перемѣнной частью капитала и постоянной. Ясно, однако, что какъ бы машинное производство ни расширяло, посредствомъ увеличенія производительности труда, прибавочный трудъ насчетъ необходимаго труда,— оно достигаетъ этого результата лишь уменьшеніемъ числа занимаемыхъ даннымъ капиталомъ рабочихъ. Оно превращаетъ въ машины, т. е. въ постоянный капиталъ, не производящій никакой прибавочной цѣнности, часть капитала, бывшаго прежде перемѣннымъ, т. е. превращавшагося въ живую рабочую силу. Изъ двухъ, напр., рабочихъ невозможно выжать столько же прибавочной цѣнности, сколько изъ 24. Если каждый изъ 24 рабочихъ, на 12 часовъ работы, доставляетъ только одинъ часъ прибавочнаго труда, то вмѣстѣ они доставляютъ 24 часа прибавочнаго труда; между тѣмъ, какъ весь совокупный трудъ двухъ человѣкъ составляетъ всего 24 часа. Такимъ образомъ, въ приложеніи машинъ съ цѣлью производства прибавочной цѣнности заключается внутреннее (имманентное) противорѣчіе. Оно состоитъ въ томъ, что изъ двухъ факторовъ прибавочной цѣнности, доставляемой капиталомъ данной величины, машины увеличиваютъ одинъ факторъ — уровень прибавочной цѣнности — лишь путемъ уменьшенія другого фактора — числа рабочихъ. Это внутреннее противорѣчіе выступаетъ наружу, когда, съ распространеніемъ машинъ въ какой либо отрасли производства, цѣнность товара, произведеннаго машиной, становится регулирующей общественной цѣнностью всѣхъ товаровъ этого рода. И именно оно, это противорѣчіе, заставляетъ капиталиста инстинктивно [153]) стремиться къ крайнему удлиненію рабочаго дня для того, чтобы возмѣстить относительное уменьшеніе числа эксплоатируемыхъ рабочихъ увеличеніемъ не только относительнаго, но и абсолютнаго прибавочнаго труда.

Если, такимъ образомъ, капиталистическое примѣненіе машинъ, съ одной стороны, создаетъ новые могущественные мотивы для безпредѣльнаго удлиненія рабочаго дня и преобразуетъ самый способъ труда и характеръ общественнаго рабочаго организма, ломая всякое сопротивленіе, направленное противъ этой тенденціи, то, съ другой стороны, оно производитъ — частью посредствомъ подчиненія капиталу недоступныхъ ему прежде слоевъ рабочаго населенія, частью освобожденіемъ вытѣсненныхъ машинами рабочихъ силъ — избыточное рабочее населеніе [154]), которое вынуждено повиноваться велѣніямъ, диктуемымъ ему капиталомъ. Отсюда то замѣчательное въ исторіи современной

[153]) Почему это внутреннее противорѣчіе не сознается ни отдѣльными капиталистами, ни ограниченной ихъ кругозоромъ политической экономіей, это мы увидимъ изъ первыхъ главъ третьей книги.

[154]) Одна изъ величайшихъ заслугъ Рикардо (и Сисмонди) состоитъ въ томъ, что они разсматривали машины не только, какъ средства производства товаровъ, но и какъ причину «redundant population» (избыточнаго населенія).

промышленности явленіе, что машина разрушаетъ всякія моральныя и физическія границы рабочаго дня; отсюда тотъ экономическій парадоксъ, что могущественнѣйшее средство для сокращенія рабочаго времени становится самымъ дѣйствительнымъ средствомъ превращенія всей жизни рабочаго и его семьи въ рабочее время, находящееся въ распоряженіи капитала для увеличенія его цѣнности. «Если бы,—мечталъ Аристотель, этотъ величайшій мыслитель древности,—если бы каждое орудіе труда могло, по приказанію или собственному побужденію, само выполнять свою функцію, подобно тому, какъ творенія Дедала двигались сами собою, или какъ треножники Гефеста произносили сами собой священный трудъ; если бы, напр., ткацкіе челноки сами ткали,—то мастеру не нужны были бы подмастерья, а господину—рабы» [184]). А Антипатросъ, греческій поэтъ временъ Цицерона, привѣтствовалъ изобрѣтеніе водяной мельницы,—этой элементарной формы всѣхъ производительныхъ машинъ—провозглашая ее освободительницей рабынь и возстановительницей золотого вѣка [185]). «Язычники! да, язычники!» Они, какъ открылъ умный Бастіа, и до него еще болѣе умный Макъ-Куллохъ, рѣшительно ничего не смыслили въ политической экономіи и христіанствѣ. Они, между прочимъ, не понимали, что машина есть вѣрнѣйшее средство удлиненія рабочаго дня. Они оправдывали рабство однихъ, какъ средство для полнаго человѣческаго развитія другихъ. Но до того, чтобы проповѣдывать рабство массъ для превращенія немногихъ грубыхъ, полуобразованныхъ выскочекъ въ eminent spinners, extensive sausage makers и influential schoe black dealers («выдающихся прядильныхъ фабрикантовъ», «крупныхъ колбасниковъ» и «вліятельныхъ фабрикантовъ ваксы»),—до этого они еще не доходили: имъ недоставало специфически христіанскихъ чувствъ.

---

[184]) F. Bieke: «Die Philosophie des Aristoteles». T. II. Berlin 1842, p. 408.

[185]) Привожу здѣсь переводъ этихъ стиховъ, сдѣланный графомъ Штольбергомъ, такъ какъ они, какъ и прежнія цитаты о раздѣленіи труда, характеризуютъ противоположность между древнимъ и новымъ воззрѣніемъ:

«Schonet der mahlenden Hand, o Müllerinnen, und schlafet
Sanft! es verkünde der Hahn euch den Morgen umsonst!
Dio hat die Arbeit der Mädchen den Nymphen befohlen,
Und itzt hüpfen sie leicht über die Räder dahin,
Dass die erschütterten Achsen mit ihren Speichen sich wälzen,
Und im Kreise die Last drehen des wälzenden Steins.
Lasst uns leben das Leben der Väter, und lasst uns der Gaben
Arbeitslos uns freun, welche die Göttin uns schenkt».

(«Gedichte aus dem Griechischen übersetzt von Christian Graf zu Stolberg. Hamburg 1782»).

(«Дайте отдыхъ своимъ рукамъ, работницы, и спите мирно! Пусть пѣтухъ напрасно возвѣщаетъ вамъ наступленіе дня! Део поручила работу дѣвушекъ нимфамъ, и нимфы теперь быстро скачутъ по колесамъ. Приведенныя въ движеніе оси катятся со своими спицами и своимъ движеніемъ вращаютъ тяжелый жерновъ. Будемъ же жить жизнью отцовъ, и безъ труда наслаждаться дарами, которые шлетъ намъ богиня»).

c) Интенсификація труда.

Безграничное удлиненіе рабочаго дня, производимое машинами въ рукахъ капитала, приводитъ потомъ, какъ мы видѣли, къ реакціи со стороны общества, самымъ основамъ существованія котораго угрожаетъ такое удлиненіе. Отсюда — установленіе закономъ нормальнаго рабочаго дня. На основѣ нормальнаго рабочаго дня получаетъ особенно важное значеніе явленіе, которое мы встрѣчали уже и раньше,—а именно: интенсификація труда. При анализѣ абсолютной прибавочной цѣнности рѣчь шла объ экстенсивной величинѣ труда, при чемъ степень интенсивности или напряженность его считалась какъ бы заранѣе извѣстной. Намъ предстоитъ теперь изслѣдовать превращеніе экстенсивной величины въ интенсивную, въ выраженіе степени.

Само собою разумѣется, что съ развитіемъ машинъ и накопленіемъ опыта въ спеціальномъ классѣ рабочихъ при машинахъ, скорость, а, слѣдовательно, и интенсивность труда естественно увеличиваются. Такъ, въ Англіи, въ теченіе полустолѣтія, увеличеніе рабочаго дня идетъ рука объ руку съ ростомъ интенсивности фабричнаго труда. Однако понятно, что при такой работѣ, гдѣ дѣло идетъ не о преходящихъ пароксизмахъ, а о правильномъ, изо дня въ день повторяющемся, однообразномъ трудѣ, —неизбѣжно должна явиться поворотная точка, съ которой дальнѣйшее удлиненіе рабочаго дня и интенсификація труда взаимно исключаютъ одно другое, такъ что удлиненіе рабочаго дня совмѣстимо лишь съ пониженіемъ интенсивности труда, и, наоборотъ, повышеніе интенсивности труда лишь — съ сокращеніемъ рабочаго дня. Какъ только постепенно растущее недовольство рабочаго класса заставило государство насильно сократить рабочее время и, прежде всего, ввести нормальный рабочій день на настоящихъ фабрикахъ, — т.-е. съ того момента, когда разъ навсегда возможность увеличенія производства прибавочной цѣнности посредствомъ удлиненія рабочаго дня была отрѣзана, капиталъ бросился, со всей энергіей и съ полнымъ сознаніемъ, на производство относительной прибавочной цѣнности посредствомъ ускореннаго развитія машинной системы. Одновременно съ этимъ происходитъ измѣненіе въ характерѣ относительной прибавочной цѣнности. Методъ производства относительной прибавочной цѣнности въ общемъ состоитъ въ томъ, чтобы, съ помощью усиленія производительной силы труда, сдѣлать рабочаго способнымъ, съ одинаковой тратой труда, производить въ одинаковый промежутокъ времени больше продуктовъ. Одинаковое рабочее время прибавляетъ къ общему продукту ту же самую цѣнность, что и прежде, хотя эта неизмѣненная мѣновая цѣнность теперь выражается въ большемъ количествѣ потребительныхъ цѣнностей, вслѣдствіе чего цѣнность отдѣльнаго товара падаетъ. Но совсѣмъ другое происходитъ при насильственномъ сокращеніи рабочаго дня. Страшный толчекъ, который оно даетъ развитію производительной силы и экономизированію условій производства, заставляетъ рабочаго расходовать въ одинъ и тотъ же промежутокъ времени больше труда, повышаетъ напряженіе рабочей силы, плотнѣе наполняетъ поры рабочаго времени, т.-е. заставляетъ рабочаго конденсировать свой трудъ въ такой мѣрѣ, которая мо-

жетъ быть достигнута только въ рамкахъ сокращеннаго рабочаго дня. Эта сжатая въ предѣлы данной единицы времени большая масса труда разсматривается какъ большее количество труда, чѣмъ оно и является на самомъ дѣлѣ. Рядомъ съ измѣреніемъ рабочаго времени, какъ «экстенсивной величины», на сцену выступаетъ степень ея уплотненія [157]). Болѣе интенсивный часъ 10-ти часового рабочаго дня содержитъ въ себѣ теперь столько же, или даже больше труда, т. е. израсходованной рабочей силы, чѣмъ болѣе пористый часъ 12-ти часового рабочаго дня. Его продуктъ содержитъ такую же, или даже большую цѣнность, чѣмъ продуктъ болѣе пористыхъ $1^1/_2$ часа. Помимо увеличенія относительной прибавочной цѣнности, вслѣдствіе увеличенія производительности труда, теперь, напр., $3^1/_2$ часа прибавочнаго труда на $6^2/_3$ необходимаго, даютъ капиталисту ту же массу цѣнностей, какую прежде давали 4 часа прибавочнаго на 8 часовъ необходимаго труда.

Теперь спрашивается, какимъ образомъ трудъ можетъ интенсифицироваться?

Первое слѣдствіе сокращенія рабочаго дня вытекаетъ изъ того очевиднаго закона, что производительная способность рабочей силы обратно пропорціональна времени ея дѣятельности. Въ силу этого, въ извѣстныхъ границахъ, насколько теряется во времени проявленія силы, настолько же выигрывается въ ея степени. Но, чтобы рабочій дѣйствительно трудился усиленнѣе,—объ этомъ заботится капиталъ посредствомъ метода оплаты [158]). Въ мануфактурахъ,—напр., въ гончарномъ производствѣ, гдѣ машины не играютъ никакой, или почти никакой роли,—введеніе фабричнаго закона съ полной убѣдительностью доказало, что одно уже сокращеніе рабочаго дня поразительно увеличиваетъ правильность, единообразіе, порядокъ, непрерывность и энергію труда [159]). Этотъ результатъ казался, однако, сомнительнымъ на настоящихъ фабрикахъ, такъ какъ зависимость рабочаго отъ безпрерывнаго и однообразнаго хода машинъ давнымъ давно создала здѣсь самую строгую дисциплину. Поэтому, когда въ 1844 г. обсуждался вопросъ о сокращеніи рабочаго дня ниже 12-ти часовъ, фабриканты почти единодушно заявили, что «ихъ надсмотрщики наблюдаютъ въ различныхъ фабричныхъ помѣщеніяхъ, чтобы руки не теряли времени», что «степень бдительности и внимательности рабочихъ («the extent of vigilance and attention on the part of the workmen») едва ли поддается дальнѣйшему повышенію», и,—предполагая всѣ остальныя условія, какъ то ходъ машинъ и т. п.,

---

[157]) Разумѣется, интенсивность труда въ различныхъ отрасляхъ производства неодинакова. Эти различія частью уравновѣшиваются, какъ уже показалъ А. Смитъ, второстепенными условіями, свойственными каждому отдѣльному роду труда. Но вліяніе на рабочее время, какъ на мѣру цѣнности, этими различіями оказывается лишь постольку, поскольку интенсивныя и экстенсивныя величины представляются противоположными и взаимно исключающими выраженіями одного и того же количества труда.

[158]) Въ особенности, посредствомъ поштучной платы. Форма эта будетъ изслѣдована въ шестомъ отдѣлѣ.

[159]) См. «Reports of Insp. of Fact. for 30 th. Oct. 1865».

постоянными—«было бы нелѣпостью въ благоустроенныхъ фабрикахъ ждать какихъ-либо значительныхъ результатовъ отъ увеличенія внимательности и т. п. свойствъ рабочихъ» [160]). Это утвержденіе было опровергнуто опытами. Р. Гарднеръ на своихъ двухъ большихъ фабрикахъ въ Престонѣ ввелъ 20 апрѣля 1844 г. 11-ти часовой рабочій день, вмѣсто 12-ти часового. Приблизительно черезъ годъ оказалось, что «было получено то же самое количество продукта при тѣхъ же самыхъ издержкахъ, и всѣ рабочіе въ 11 ч. зарабатывали ровно столько, сколько раньше въ 12 ч.» [161]). Я обхожу здѣсь опыты, сдѣланные въ прядильняхъ и чесальняхъ, потому что они были связаны съ увеличеніемъ скорости машинъ (на 2%). За то въ ткацкомъ отдѣленіи, гдѣ къ тому же ткутся крайне разнообразные сорта легкихъ узорчатыхъ матерій, не произошло никакихъ перемѣнъ въ объективныхъ условіяхъ производства. А результатъ былъ такой: «Съ 6-го января по 20-ое апрѣля 1844 г., при 12 часовомъ рабочемъ днѣ, каждый рабочій зарабатывалъ въ недѣлю среднимъ числомъ 10 шилл. $1^1/_2$ пенса; съ 20 апрѣля по 28 іюня 1844 г., при 11 часовомъ рабочемъ днѣ, средній недѣльный заработокъ рабочаго составлялъ 10 ш. $3^1/_2$ п.» [162]). Въ этомъ случаѣ въ теченіе 11-ти часовъ производилось больше, чѣмъ раньше въ 12 ч., — исключительно нелѣпствіе большей и болѣе равномѣрной выдержки рабочихъ и экономіи времени. Въ то время, какъ рабочій получалъ ту же плату и выигрывалъ часъ свободнаго времени, капиталистъ получалъ то же самое количество продуктовъ и на расходахъ: на уголь, газъ и т. п. дѣлалъ сбереженіе на одинъ часъ. Подобные опыты и съ одинаковымъ успѣхомъ были произведены на фабрикахъ г-дъ Horrocks и Jacson [163])

Какъ только сокращеніе рабочаго дня, которое прежде всего создаетъ субъективныя условія для конденсаціи труда, т.-е. создаетъ способность рабочаго расходовать больше силы въ теченіе даннаго промежутка времени, вводится силою закона, машина въ рукахъ капитала становится объективнымъ и систематически примѣняемымъ средствомъ для выжиманія большаго количества труда въ данный промежутокъ времени. Это производится двоякимъ способомъ: во-1-хъ, путемъ увеличенія скорости машинъ, и, во-2-хъ, путемъ увеличенія размѣровъ механизма, при которомъ работаетъ одинъ рабочій, т.-е. черезъ расширеніе поля его труда. Улучшенія въ устройствѣ машинъ необходимы частью для произведенія большаго давленія на рабочаго, частью же они сами собой сопровождаютъ повышеніе интенсивности труда, такъ какъ опредѣленныя границы рабо-

[160]) «Reports of Inspr. of Fact. for 1844 and the quarter ending 30 th April 1845», p. 20, 21.

[161]) l. c. p. 19. Такъ какъ поштучная плата осталась неизмѣнной, то величина недѣльной платы повысѣла отъ количества продукта.

[162]) l. c. p. 22.

[163]) l. c. p. 21. Моральный элементъ игралъ очень значительную роль въ вышеупомянутыхъ опытахъ. «Мы,—объясняли рабочіе фабричному инспектору,—мы работаемъ болѣе усердно, такъ какъ имѣемъ постоянно въ виду награду—возможность раньше уйти; вся фабрика, отъ самыхъ малыхъ до самыхъ старыхъ рабочихъ, проникнута бодрымъ и дѣятельнымъ духомъ, и мы можемъ легко помогать другъ другу» (l. c.).

чаго дня заставляютъ капиталиста считать каждый пенни въ издержкахъ производства. Улучшеніе паровой машины увеличиваетъ число ударовъ ея поршня въ минуту и дозволяетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, посредствомъ большей экономіи силы, приводить въ движеніе тѣмъ же двигателемъ болѣе обширный механизмъ съ такимъ же или даже съ меньшимъ расходомъ угля. Улучшеніе передаточнаго механизма уменьшаетъ треніе и—чѣмъ современныя машины такъ наглядно отличаются отъ старыхъ—низводитъ діаметръ и вѣсъ большихъ и малыхъ валовъ до минимума, постоянно еще понижающагося. Наконецъ, улучшенія въ исполнительныхъ механизмахъ уменьшаютъ, при увеличеніи ихъ скорости и расширеніи дѣятельности, ихъ объемъ,—какъ въ новѣйшемъ паровомъ ткацкомъ станкѣ,—или увеличиваютъ, вмѣстѣ съ корпусомъ, объемъ и число его рабочихъ инструментовъ,—напр., въ прядильной машинѣ,—или увеличиваютъ подвижность этихъ инструментовъ посредствомъ незамѣтныхъ детальныхъ измѣненій; такого рода улучшенія увеличили, напр., въ среднѣ 50-хъ годовъ на $^1/_5$ скорость веретенъ въ selfacting-mule.

Сокращеніе рабочаго дня до 12 часовъ произведено въ Англіи въ 1832 г. Уже въ 1836 г. одинъ англійскій фабрикантъ объявилъ: «Въ сравненіи съ прежнимъ временемъ, трудъ на фабрикахъ сильно возросъ, вслѣдствіе большей внимательности и дѣятельности, требуемой отъ рабочаго значительно увеличившейся быстротой машинъ» [164]). Въ 1844 г. лордъ Этли, нынѣ графъ Шефтсбюри, сдѣлалъ въ палатѣ общинъ слѣдующее, основанное на документахъ, сообщеніе:

«Трудъ рабочихъ, занятыхъ въ фабричныхъ процессахъ, теперь въ три раза больше, чѣмъ при введеніи этихъ операцій. Машины безспорно выполнили трудъ, который потребовалъ бы жизъ и мускуловъ милліоновъ людей, но за то онѣ также изумительно (prodigiously) увеличили трудъ тѣхъ людей, которыхъ онѣ подчинили своему страшному движенію... Трудъ, состоящій въ хожденіи за двумя мюлями, въ теченіе 12 часовъ, для производства пряжи № 40, составлялъ въ 1825 г. 8 миль ходьбы. Въ 1832 г., разстояніе, которое приходилось дѣлать при хожденіи за двумя мюлями въ теченіе 12 ч., для полученія того же №, равнялось въ среднемъ 20 милямъ, а часто и больше. Въ 1825 г. прядильщикъ, въ теченіе 12 часовъ, долженъ былъ сдѣлать 820 выдергиваній (stretches) на каждой машинѣ, что для двухъ машинъ составляетъ общую сумму въ 1.640. Въ 1832 г. прядильщику, въ теченіе 12 ч., приходилось дѣлать на каждой машинѣ 2.200 выдергиваній, на обѣихъ — 4.400; въ 1844 г.—на каждой машинѣ 2 400, на обѣихъ—4.800; въ нѣкоторыхъ случаяхъ требуется еще большая масса труда (amount of labour)... У меня въ рукахъ другой документъ 1842 г., доказывающій, что трудъ прогрессивно увеличивается не только потому, что надо проходить большее разстояніе, но еще вслѣдствіе того, что увеличивается количество производимыхъ товаровъ, въ то время какъ количество рукъ пропорціонально уменьшается; и, далѣе, вслѣд-

[164]) John Fielden l. c. p. 32.

ствіе того, что часто прядется плохой хлопокъ, который требуетъ больше труда... Въ каждомъ отдѣленіи тоже произошло значительное увеличеніе количества труда. Одинъ человѣкъ совершаетъ теперь ту работу, которая прежде раздѣлялась между двумя... Въ ткацкомъ дѣлѣ, гдѣ занято большое число людей, большей частью женщинъ, трудъ въ послѣдніе годы возросъ на полныхъ 10% вслѣдствіе возрастанія скорости машинъ. Въ 1838 г. въ недѣлю выпрядалось 18.000 мотковъ (banks), въ 1843 г. уже 21.000. Въ 1819 г. число picks при паровомъ ткацкомъ станкѣ было 60 въ минуту, въ 1842 г. оно достигло 140, что показываетъ сильное возрастаніе труда» [165]).

Въ виду этой удивительной интенсивности, которой трудъ, подъ вліяніемъ закона о 12-ти часовомъ рабочемъ днѣ, достигъ еще въ 1844 г., заявленіе англійскихъ фабрикантовъ, что дальнѣйшій прогрессъ въ этомъ направленіи невозможенъ, и что, поэтому, всякое дальнѣйшее сокращеніе рабочаго времени тождественно съ пониженіемъ производства, повидимому, было основательнымъ. Что правильность этихъ увѣреній была лишь кажущаяся, лучше всего доказывается одновременными заявленіями неутомимаго цензора фабрикантовъ, фабричнаго инспектора Леонарда Горнера.

«Такъ какъ количество производимыхъ продуктовъ, главнымъ образомъ, регулируется быстротой хода машинъ, то въ интересахъ фабрикантовъ довести эту быстроту до крайней степени, которая только совмѣстима съ соблюденіемъ слѣдующихъ условій: сохраненіе машинъ отъ слишкомъ быстрой порчи, поддержаніе качества производимыхъ продуктовъ на извѣстномъ уровнѣ, и способность рабочаго идти вровень съ машинами, не напрягаясь свыше той мѣры, при которой онъ можетъ еще непрерывно работать. Часто случается, что фабрикантъ въ поспѣшности слишкомъ ускоритъ ходъ машины. Тогда поломки и низкое качество продукта болѣе чѣмъ перевѣсятъ эту скорость, и фабрикантъ будетъ вынужденъ умѣрить ходъ машины. Поэтому, такъ какъ дѣятельный и предусмотрительный фабрикантъ всегда сумѣетъ опредѣлить возможный [максимумъ, я заключилъ, что невозможно въ 11 часовъ произвести столько же, сколько въ 12 ч. Я, кромѣ того полагалъ, что рабочій, работающій поштучно, напрягаетъ свои силы до крайности, поскольку онъ можетъ непрерывно выдерживать данную степень интенсивности труда» [166]). Горнеръ изъ этого заключилъ, вопреки опытамъ Гарднера и др., что дальнѣйшее сокращеніе 12-ти часового рабочаго дня должно уменьшить количество продукта [167]). Десять лѣтъ спустя онъ самъ цитировалъ эти сомнѣнія, выска-

[165]) Lord Ashley l. c. p. 6—9 passim. Мюли, которыми управляетъ рабочій, попеременно движутся взадъ и впередъ; когда онѣ удаляются, мотки вытягиваются въ удаленныя нитки. Присучальщикъ долженъ уловить моментъ приближенія каретки для того, чтобы присучить оборвавшіяся нити или оборвать неудавшіяся. Вычисленія, цитированныя лордомъ Эшли, сдѣланы были математикомъ, котораго онъ съ этой спеціальной цѣлью послалъ въ Манчестеръ. Слѣдуетъ замѣтить также, что выше рѣчь идетъ о прядильщикахъ, которые управляютъ двумя, расположенными одна противъ другой, мюлями.

[166]) «Reports of Insp. of Fact. or. 30 th. April 1845», p. 20.

[167]) l. c. p. 22.

занныя въ 1845 г., въ доказательство того, насколько онъ тогда еще не понималъ эластичности машины и человѣческой рабочей силы, которыя обѣ равномѣрно напрягаются до крайней степени, вслѣдствіе обязательнаго сокращенія рабочаго дня.

Перейдемъ теперь къ періоду послѣ введенія въ 1847 году 10-ти часового рабочаго дня на англійскихъ хлопчатобумажныхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ фабрикахъ.

«Скорость веретенъ возрасла въ throstles на 500, а въ mules на 1.000 оборотовъ въ минуту, т. е. скорость первыхъ, которые въ 1839 г. производили 4.500 оборотовъ въ минуту, достигла теперь (1862) 5.000, а скорость вторыхъ, производившихъ 5.000 оборотовъ, достигла теперь 6.000. Это значитъ, что въ первомъ случаѣ скорость увеличилась на $^1/_{10}$, а во второмъ на $^1/_6$ [168]). Jas. Nasmyth, знаменитый гражданскій инженеръ Patricroft'a близъ Манчестера, выяснилъ въ 1852 г., въ письмѣ къ Леонарду Горнеру, улучшенія, произведенныя въ паровой машинѣ между 1848—1852 г. Замѣтивъ, что паровая лошадиная сила,—которая въ оффиціальной фабричной статистикѣ все еще опредѣляется по ея дѣйствію въ 1828 г. [169]), въ сущности является только номинальной и можетъ служить лишь показателемъ (Index) дѣйствительной силы, онъ, между прочимъ, говоритъ: «Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что паровыя машины одинаковаго вѣса, часто даже почти тождественныя, въ которыхъ только сдѣланы новѣйшія улучшенія, выполняютъ въ среднемъ на 50% больше труда, чѣмъ прежде, и что во многихъ случаяхъ тождественныя паровыя машины, развивавшія въ то время, когда скорость ихъ была ограничена 220 футами въ минуту, 50 лошадиныхъ силъ, теперь развиваютъ ихъ больше 100 съ меньшимъ расходомъ угля... Новѣйшая паровая машина, съ той же самой номинальной лошадиной силой, дѣйствуетъ съ большимъ напряженіемъ, чѣмъ прежде, благодаря улучшенію въ ея устройствѣ, уменьшенію объема и иному устройству котла и т. д.... Поэтому, хотя, по отношенію къ номинальной лошадиной силѣ, теперь занято то же число рукъ, что и прежде, но по отношенію къ рабочимъ машинамъ число уменьшилось» [170]). Въ 1850 г. на фабрикахъ Соединеннаго королевства дѣйствовало 134.217 номинальныхъ лошадиныхъ силъ, приводившихъ въ движеніе 25.638.716 веретенъ и 301.495 ткацкихъ станковъ. Въ 1856 г. число веретенъ и ткацкихъ станковъ было 33 503.580 и 369.205. Если бы требуемая для нихъ лошадиная сила оставалась та же, что въ 1850 г., то въ 1856 г. надо было бы 175.000 лоша-

[168]) «Reports of Insp. of Fact. for 31 st. Oct. 1862», p. 62.

[169]) Это замѣчалось, начиная съ «Parliamentary Return» 1862 г. Здѣсь уже является дѣйствительная паровая лошадиная сила новѣйшихъ паровыхъ машинъ и водяныхъ колесъ вмѣсто номинальной (см. прим. 109a, стр. 315). Точно также и сучильныя веретена (Dublinspinden) не смѣшаны съ простыми (какъ въ «Returns» 1839, 1850 и 1856). Далѣе, для шерстяныхъ фабрикъ прибавлено число «gigs», введено различіе между пеньковыми и джутовыми фабриками, съ одной стороны, и льняными—съ другой; наконецъ, въ первый разъ введено въ отчетъ чудочно-вязальное производство.

[170]) «Reports of Insp. of Fact. for 31 Oct. 1856», p. 11.

данныхъ силъ. На самомъ же дѣлѣ, по оффиціальнымъ даннымъ, ихъ было всего 161.435, т. е. слишкомъ на 10.000 лошадиныхъ силъ меньше того, сколько бы потребовалось по расчету 1850 г. [171]). «Изъ данныхъ послѣдней оффиціальной статистики 1856 г. явствуетъ, что фабричная система страшно быстро распространяется; что количество рукъ, по отношенію къ машинамъ уменьшилось; что паровыя машины, вслѣдствіе экономіи въ силѣ и другихъ улучшеній, приводятъ въ движеніе машины большаго вѣса и что увеличеніе количества продукта достигается усовершенствованіемъ рабочихъ орудій, измѣненіемъ способовъ фабрикаціи, увеличеніемъ быстроты машинъ и многими другими средствами» [172]). «Крупныя усовершенствованія, сдѣланныя во всякаго рода машинахъ, сильно возвысили ихъ производительность. Безъ всякаго сомнѣнія, сокращеніе рабочаго дня вызвало эти усовершенствованія. Эти послѣднія, и болѣе интенсивное напряженіе рабочаго, повело къ тому, что въ теченіе уменьшеннаго (на 2 часа или на 1/5) рабочаго дня продукта производилось, по крайней мѣрѣ, столько же, сколько прежде въ теченіе болѣе долгаго дня» [173]).

Какъ сильно возросло обогащеніе фабрикантовъ вслѣдствіе болѣе интенсивной эксплоатаціи рабочей силы, показываетъ уже одно то обстоятельство, что среднее возрастаніе числа англійскихъ хлопчатобумажныхъ и др. фабрикъ, выраженное въ %, съ 1838—1850 гг. составляло ежегодно 32%, а съ 1850—1856 уже 86%.

Какъ ни былъ великъ прогрессъ англійской промышленности въ теченіе 8 лѣтъ—съ 1848 по 1856 г.—при господствѣ 10-ти часового рабочаго дня, но онъ былъ еще далеко превзойденъ въ слѣдующій 6-ти лѣтній періодъ, съ 1856 по 1862 г. Въ шелковомъ производствѣ, напр., въ 1856 г. было 1.093.799 веретенъ, въ 1862—1.388.544; ткацкихъ станковъ въ 1856 г. было 9.260, въ 1862—10.709 Наоборотъ, рабочихъ въ 1856 г. было 56.131, а въ 1862 — 52.429. Это означаетъ увеличеніе количества веретенъ на 26,9% и ткацкихъ станковъ на 15,6%, при одновременномъ уменьшеніи числа рабочихъ на 7%! Въ 1850 г. на шерстяныхъ фабрикахъ дѣйствовало 875.830 веретенъ, въ 1856—1.324.549 (увеличеніе на 21,2%), а въ 1862 г.—1.289.172 (уменьшеніе на 2,7%). Если же не считать сучильныхъ веретенъ (Dublirspindeln), фигурирующихъ въ отчетѣ 1856 и отсутствующихъ въ отчетѣ 1862, то количество веретенъ съ 1856 г. почти не измѣнилось. Но во многихъ случаяхъ скорость веретенъ и ткацкихъ станковъ съ 1850 г. удвоилась. Количество паровыхъ ткацкихъ станковъ на шерстяныхъ фабрикахъ въ 1850 г. было 32.617, въ 1856—38.956, а въ 1862—43.048. При нихъ работали: въ 1850 г.—79.437 человѣкъ, въ 1856 г—87.794 и въ 1862 г.—86.063; но въ этомъ числѣ дѣтей моложе 14 лѣтъ было: въ 1850 г.—9.956, въ 1856 г.—11.228 и въ 1862—13.178. Слѣдовательно, несмотря на увеличеніе числа ткацкихъ

[171]) l. c. p. 14. 15.

[172]) l. c. p. 20.

[173]) «Reports etc. for 31 st. Oct. 1858», p. 9. 10. Ср. «Reports etc. for 30 Apr. 1860», p. 30 sqq.

станковъ въ 1862 г., сравнительно съ 1856 г., общее число занятыхъ рабочихъ уменьшилось, число же эксплоатируемыхъ дѣтей увеличилось [174]).

27-го апрѣля 1863 г. членъ парламента Ferrand сдѣлалъ слѣдующее сообщеніе въ палатѣ общинъ: «Делегаты рабочихъ 16-ти округовъ Ланкашира и Чешира, по уполномочію которыхъ я говорю, сообщили мнѣ, что трудъ на фабрикахъ, вслѣдствіе улучшенія машинъ, постоянно возрастаетъ. Тамъ, гдѣ прежде одинъ рабочій съ подручнымъ управлялъ двумя ткацкими станками, теперь безъ подручнаго онъ управляетъ тремя, и нерѣдко даже четырьмя и т. д. 12-ти часовой трудъ, какъ видно изъ сообщенныхъ фактовъ, втискивается теперь въ 10 часовъ. Изъ этого видно, въ какихъ огромныхъ размѣрахъ за послѣдніе годы увеличился трудъ фабричныхъ рабочихъ» [175]).

Поэтому, хотя фабричные инспектора неустанно, и съ полнымъ правомъ, восхваляютъ результаты фабричныхъ законовъ 1844 и 1850 гг., однако, они признаютъ, что сокращеніе рабочаго дня породило интенсивность труда, разрушительную для здоровья рабочихъ, т. е. подрывающую самую рабочую силу. «Въ большинствѣ хлопчатобумажныхъ, шелковыхъ и т. п. фабрикъ истощающее возбужденіе, необходимое для работы на машинахъ, движеніе которыхъ такъ необычайно ускорилось въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, было одной изъ причинъ чрезвычайной смертности отъ легочныхъ болѣзней, какъ доказалъ д-ръ Greenhow въ своемъ достойномъ удивленія послѣднемъ отчетѣ» [176]). Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что тенденція капитала вознаграждать себя, коль скоро у него закономъ отнята возможность дальнѣйшаго увеличенія рабочаго дня, систематическимъ повышеніемъ степени интенсивности труда и превращеніемъ всякаго улучшенія въ машинахъ въ средство для большого высасыванія рабочей силы,—должна скоро опять привести къ такому поворотному пункту, съ котораго новое сокращеніе рабочаго дня станетъ неизбѣжнымъ [177]). Съ другой стороны, стремительное развитіе англійской промышленности съ 1848 г. до настоящаго времени, т. е. въ эпоху 10-ти часового рабочаго дня, далеко превосходитъ развитіе ея съ 1838 до 1847, т. е. въ эпоху двѣнадцатичасового рабочаго дня, какъ это послѣднее, въ свою очередь, превосходитъ ея развитіе

[174]) «Reports of Insp. of Fact. for 31 st. Oct. 1862», p. 100 и 130.

[175]) Посредствомъ новѣйшаго парового ткацкаго станка одинъ рабочій на двухъ станкахъ производитъ теперь, работая 60 часовъ въ недѣлю, 26 штукъ извѣстнаго рода ткани, опредѣленной длины и ширины, между тѣмъ, какъ на старомъ станкѣ онъ такихъ кусковъ могъ производить только четыре. Издержки на тканье такого куска уже съ начала 1856 г. упали съ 2 шил. 9 пенс. до 5½ пенса.

Примѣч. ко 2-му изд. «30 лѣтъ тому назадъ (1841) отъ одного рабочаго съ тремя подручными требовали, чтобы онъ наблюдалъ только за двумя mules съ 300—324 веретенами. Теперь (конецъ 1871 г.) онъ, съ пятью подручными, долженъ наблюдать за mules, число веретенъ которыхъ равняется 2.200, и производитъ, по меньшей мѣрѣ, въ семь разъ больше пряжи, чѣмъ въ 1841 г.» (Фабричный инспекторъ Alexander Redgrave, въ «Journal of the Soc. of Arts, Jan. 5.1872»).

[176]) «Reports of Insp. of Fact. for 31 st. Oct. 1861», p. 25, 26.

[177]) Въ настоящее время (1867) между фабричными рабочими Ланкашира началась агитація въ пользу 8-ми часового рабочаго дня.

за полстолѣтіе, прошедшее послѣ введенія фабричной системы, т. е. въ эпоху неограниченнаго рабочаго дня [178]).

---

[178]) Слѣдующія немногія цифры показываютъ прогрессъ настоящихъ фабрикъ въ Соед. королевствѣ съ 1848 года:

	Количество вывоза 1848 г.	Количество вывоза 1851 г.	Количество вывоза 1860 г.	Количество вывоза 1865 г.
Хлопчато-бумажное производство:				
	фунтовъ.	фунтовъ.	фунтовъ.	фунтовъ.
Хлопчато-бумажн. пряжа .	135.831.162	143.966.106	197.343.655	103.751.455
Бумага для шитья	—	4.392.176	6.297.554	4.648.611
	ярдовъ.	ярдовъ.	ярдовъ.	ярдовъ.
Хлопчато-бумажн. ткани. .	1.091.873.930	1.543.161.789	2.776.218.427	2.015.237.851
Льняное и пеньковое производство:				
	фунтовъ.	фунтовъ.	фунтовъ.	фунтовъ.
Пряжа.	11.722.182	18.841.326	31.210.612	36.777.334
	ярдовъ.	ярдовъ.	ярдовъ.	ярдовъ.
Ткани	88.901.519	129.106.753	143.996.773	247.012.529
Шелковое производство:				
	фунтовъ.	фунтовъ.	фунтовъ.	фунтовъ.
Пряжа и нитки	466.825	462.513	897.402	812.589
		ярдовъ.	ярдовъ.	ярдовъ.
Ткани	—	1.181.455	1.307.293	2.869.837
Шерстяное производство:				
		фунтовъ.	фунтовъ.	фунтовъ.
Шерстяной пряжи	—	14.670.880	27.533.968	31.669.267
		ярдовъ.	ярдовъ.	ярдовъ:
Ткани	—	241.120.973	190.381.537	278.837.438
	Цѣнность вывоза 1848 г.	Цѣнность вывоза 1851 г.	Цѣнность вывоза 1860 г.	Цѣнность вывоза 1865 г.
Хлопчато-бумажное производство:				
	фунтовъ ст.	фунтовъ ст.	фунтовъ ст.	фунтовъ ст.
Хлопчато-бумажн. пряжа .	5.927.831	6.634.026	9.870.875	10.351.049
Ткани	16.753.369	23.454.810	42.141.505	46.903.796
Льняное и пеньковое производство:				
Пряжа.	493.449	951.426	1.801.272	2.505.497
Ткани	2.802.7?9	4.107.396	4.804.803	9.155.318
Шелковое производство:				
Основная пряжа	77.789	195,380	918.342	768.067
Ткани	—	1.130.398	1.587.303	1.409.221
Шерстяное производство:				
Пряжи суконная и камвольная	776·975	1.484.544	3.843.450	5.424.017
Ткани	5.733.828	8.377.183	12.156.998	20.102.259

(См. въ Синихъ книгахъ: «Statistical Abstract for the U. Kingd.» № 8 и № 13. Lond. 1861 и 1866).

Въ Ланкаширѣ число фабрикъ между 1839 и 1850 гг. увеличилось только на 4%, между 1850 и 1856 на 19%, между 1856 и 1862 на 33%; между тѣмъ, какъ въ оба одиннадцатилѣтніе періоды число занятыхъ лицъ абсолютно возрасло, относительно же понизилось. Ср. Reports of Insp. of Fact. for 31 st. Oct. 1862, p. 63. Въ Ланкаширѣ преобладаетъ хлопчатобумажное производство. Какое мѣсто оно занимаетъ въ обработкѣ волокнистыхъ веществъ вообще, видно изъ того, что изъ общаго числа текстильныхъ фабрикъ въ Англіи, Уэльсѣ, Шотландіи и Ирландіи хлопчатобумажныя составляютъ 45,2%; изъ всѣхъ паровыхъ ткацкихъ станковъ—81,4%; изъ всѣхъ паровыхъ лошадиныхъ силъ—72,6% и изъ общаго числа занятыхъ лицъ—58,2% (l. c. p. 62, 63).

4. Фабрика.

Въ началѣ этой главы мы изслѣдовали тѣло фабрики, расчлененную систему машинъ. Потомъ мы узнали, какъ машины увеличиваютъ человѣческій матеріалъ эксплоатаціи капитала присвоеніемъ женскаго и дѣтскаго труда, какъ онѣ захватываютъ всю жизнь рабочаго чрезмѣрнымъ удлиненіемъ рабочаго дня, и какъ, наконецъ, ихъ усовершенствованіе, позволяющее производить огромныя, растущія массы продукта въ все болѣе и болѣе короткое время служитъ систематическимъ средствомъ для того, чтобы въ данную единицу времени приводить въ движеніе больше труда, или для того, чтобы болѣе интенсивно эксплоатировать рабочую силу. Теперь мы обратимся къ фабрикѣ въ ея цѣломъ, и притомъ къ наиболѣе совершенной формѣ этого цѣлаго.

Д-ръ Ure, Пиндаръ автоматической фабрики, опредѣляетъ ее, съ одной стороны, какъ «кооперацію различныхъ разрядовъ рабочихъ, взрослыхъ и дѣтей, которые съ ловкостью и прилежаніемъ наблюдаютъ за системой производительныхъ машинъ, безпрерывно приводимыхъ въ движеніе центральной силой (первымъ двигателемъ)», съ другой стороны, какъ «огромный автоматъ, составленный изъ множества механическихъ и сознательныхъ органовъ, дѣйствующихъ въ согласіи и безъ перерыва для производства одного и того же предмета, такъ что всѣ эти органы подчиняются одной двигательной силѣ, которая движетъ сама себя». Оба эти опредѣленія ни въ какомъ случаѣ не тождественны. Въ первомъ—комбинированный совокупный (коллективный) рабочій, или общественный рабочій организмъ является правящимъ субъектомъ, а механическій автоматъ—объектомъ; во второмъ же автоматъ самъ является субъектомъ, а рабочіе составляютъ только сознательные органы, пріуроченные къ его безсознательнымъ органамъ и съ ними вмѣстѣ подчиненные центральной движущей силѣ. Первая характеристика годна для всѣхъ возможныхъ примѣненій машинъ въ крупныхъ размѣрахъ; вторая обрисовываетъ ихъ капиталистическое примѣненіе, и, такимъ образомъ,—новѣйшую фабричную систему. Ure, поэтому, любитъ изображать центральную машину, приводящую фабрику въ движеніе, не только автоматомъ, но и автократомъ. «Въ этихъ огромныхъ мастерскихъ благодѣтельная сила пара собираетъ вокругъ себя міріады подданныхъ» [179]).

Вмѣстѣ съ рабочими инструментами и виртуозность управленія ими переходитъ отъ рабочаго къ машинѣ. Производительность инструмента становится независимой отъ личныхъ предѣловъ человѣческой рабочей силы. Этимъ подрывается техническое основаніе, на которомъ покоится раздѣленіе труда въ мануфактурѣ. Вмѣсто характеризующей послѣднюю іерархіи спеціализированныхъ рабочихъ, на автоматической фабрикѣ выступаетъ, поэтому, тенденція къ уравненію или нивеллировкѣ всѣхъ видовъ того труда, который должны выполнять помощники машинъ [180]); вмѣсто искусственно созданныхъ различій между

[179]) Ure, l. c. p. 8.

[180]) l. c. p. 31. Ср. Karl Marx. Misère etc., p. 140, 141.

частичными рабочими, преобладающее значеніе получаютъ естественныя различія возраста и пола.

Поскольку на автоматической фабрикѣ возрождается раздѣленіе труда, оно прежде всего является распредѣленіемъ рабочихъ по разнымъ спеціальнымъ машинамъ, и распредѣленіе массъ рабочихъ,—не составляющихъ, однако, рѣзко расчлененныхъ группъ,—по различнымъ отдѣленіямъ фабрики, гдѣ всѣ они работаютъ при рядѣ однородныхъ рабочихъ машинъ, т. е. гдѣ они связаны между собой лишь простой коопераціей. Расчлененныя группы мануфактуры замѣнены здѣсь сочетаніемъ главнаго рабочаго съ нѣсколькими помощниками. Основное различіе между рабочими состоитъ тутъ въ томъ, что одни дѣйствительно работаютъ при самыхъ рабочихъ машинахъ (сюда относятся нѣкоторые рабочіе, занимающіеся топкой движущей машины и наблюденіемъ за ней) а другіе являются простыми подручными этихъ рабочихъ или чернорабочими (это почти исключительно дѣти). Къ этимъ подручнымъ принадлежатъ, болѣе или менѣе, всѣ «feeders» (которые только снабжаютъ машины рабочимъ матеріаломъ). Рядомъ съ этими главными разрядами, существуетъ еще количественно незначительный персоналъ, занятый наблюденіемъ за всѣми машинами и ихъ поправкой: инженеры, механики, столяры и др. Это высшій, отчасти научно-образованный, отчасти ремесленный рабочій классъ, находящійся внѣ круга фабричныхъ рабочихъ и лишь присоединенный къ нему [181]). Это раздѣленіе труда есть чисто техническое.

Всякая работа при машинѣ требуетъ со стороны рабочаго нѣкоторой подготовки съ дѣтства, для того, чтобы онъ научился приспособлять свои собственныя движенія къ однообразно-непрерывнымъ движеніямъ автомата. Поскольку всѣ машины фабрики въ ихъ совокупности сами составляютъ систему разнообразныхъ, одновременно дѣйствующихъ и комбинированныхъ машинъ, постольку и кооперація, основанная на этой системѣ, требуетъ распредѣленія разнородныхъ рабочихъ группъ по разнороднымъ машинамъ. Но машинное производство уничтожаетъ необходимость закрѣплять, какъ въ мануфактурѣ, это подраздѣленіе постояннымъ пріуроченіемъ однихъ и тѣхъ же рабочихъ къ однѣмъ и тѣмъ же функціямъ [182]). Такъ какъ общій ходъ фабрики зависитъ не отъ рабочаго, а

[181]) Характерно для намѣреннаго статистическаго обмана, доказать который можно было бы до частностей включительно, —что англійское фабричное законодательство положительно исключаетъ рабочихъ, упомянутыхъ въ текстѣ на послѣднемъ мѣстѣ, изъ сферы своего дѣйствія, какъ не принадлежащихъ къ числу фабричныхъ рабочихъ; а, съ другой стороны, обнародованные парламентомъ «Returns» также положительно причисляютъ къ фабричнымъ рабочимъ не только инженеровъ, механиковъ и т. п., но и управляющихъ фабриками, прикащиковъ, разсыльныхъ, смотрителей складовъ, упаковщиковъ и т. д.,—короче, всѣхъ, за исключеніемъ самого владѣльца фабрики.

[182]) Ure съ этимъ соглашается. Онъ говоритъ, что рабочій «въ крайности» можетъ быть, по желанію управляющаго, перемѣщенъ отъ одной машины къ другой и торжествующе восклицаетъ: «такого рода перемѣщенія стоятъ въ открытомъ противорѣчіи со старой рутиной, которая раздѣляетъ трудъ, дѣлая задачей одного рабочаго—приготовленіе головокъ къ булавкамъ, задачей же другого—ихъ заостреніе» Ure слѣдовало бы занаться вопросомъ, почему эта «старая рутина» покидается на автоматической фабрикѣ только «въ крайности?».

отъ машины, то возможна постоянная перемѣна въ персоналѣ безъ перерыва въ процессѣ труда. Самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ этого служитъ система смѣнъ (Relaisystem), которая была пущена въ ходъ во время англійскаго фабрикантскаго бунта въ 1848—1850 гг. Наконецъ, быстрота, съ которой человѣкъ въ юношескомъ возрастѣ научается работать при машинѣ, также устраняетъ необходимость воспитывать особый классъ такихъ рабочихъ, которые были бы исключительно рабочими, занятыми при машинахъ [183]). Что же касается до работы простыхъ рабочихъ на фабрикѣ, то частью она можетъ быть исполняема машинами [184]), частью же, вслѣдствіе своей простоты, допускаетъ быструю и постоянную смѣну лицъ, обремененныхъ этой работой.

Хотя машина технически выбрасываетъ за бортъ старую систему раздѣленія труда, однако эта система продолжаетъ влачить свое существованіе и на фабрикѣ, сначала, какъ традиція мануфактуры, а потомъ—систематически воспроизводимая и укрѣпляемая капиталомъ въ еще болѣе отвратительной формѣ, какъ средство эксплоатаціи рабочей силы. Пожизненная спеціальность управленія частичнымъ инструментомъ превращается въ пожизненную же спеціальность служенія детальной машинѣ. Машиной не пользуются, ею злоупотребляютъ для превращенія самого рабочаго съ ранняго дѣтства въ частицу частичной машины [185]). Такимъ способомъ не только издержки на его собственное

---

[183]) Когда бываетъ недостатокъ въ людяхъ,—какъ, напр., во время американской гражданской войны,—тогда буржуа, въ видѣ исключенія, употребляютъ фабричныхъ рабочихъ на самыя грубыя работы—на устройство дорогъ и т. п. Англійскія «ateliers nationaux» (національныя мастерскія) 1862 г. и послѣдующихъ годовъ для безработныхъ хлопчато-бумажныхъ рабочихъ, тѣмъ отличались отъ французскихъ 1848 г., что въ послѣднихъ рабочіе насчетъ государства производили непроизводительныя работы, въ первыхъ же они исполняли, къ выгодѣ буржуа, производительныя городскія работы дешевле даже обыкновенныхъ рабочихъ, съ которыми они, такимъ образомъ, принуждены были конкурировать. «Физическое здоровье и видъ рабочихъ съ хлопчато-бумажныхъ фабрикъ несомнѣнно улучшился. Это я приписываю, что касается мужчинъ, запитіямъ на вольномъ воздухѣ, на общественной работѣ». (Рѣчь здѣсь идетъ о престонскихъ фабричныхъ рабочихъ, занимавшихся осушеніемъ болота «Preston Moor»). «Rep. of. Insp. of Factories for. Oct. 1865». p. 59).

[184]) Примѣръ: различные механическіе аппараты, которые были введены на шерстяныхъ фабрикахъ для замѣны дѣтскаго труда послѣ изданія закона 1844 г. Когда дѣтямъ самихъ фабрикантовъ придется проходить «школу» простыхъ рабочихъ на фабрикѣ, то развитіе этой почти нетронутой отрасли механики приметъ замѣчательные размѣры. «Едва ли найдется другая такая же опасная машина, какъ selfacting-mule. Большая часть несчастій случается съ дѣтьми, и именно вслѣдствіе того, что во время хода машины они подползаютъ подъ нее, чтобы мести полъ. Minorie «minders» (мюльщики) были привлекаемы (фабричными инспекторами) къ суду и присуждаемы къ штрафу за подобные проступки, но безъ всякой пользы для дѣла. Если бы строители машинъ изобрѣли машину для подметанія, употребленіе которой устранило бы необходимость для дѣтей подползать подъ машину, то это было бы счастливымъ дополненіемъ нашихъ охранительныхъ мѣръ». («Reports of Insp. of Factories for 31 st. Oct. 1866», p. 63).

[185]) Послѣ этого можно оцѣнить прямо баснословную идею Прудона, который «строитъ» машины не какъ синтезъ орудій труда, но какъ синтезъ отдѣльныхъ частичныхъ работъ для самихъ рабочихъ.

воспроизведеніе значительно уменьшаются, но вмѣстѣ съ тѣмъ его безпомощная зависимость отъ фабричнаго цѣлаго, и слѣдовательно—отъ капиталиста выливается въ законченную и совершенную форму. Здѣсь, какъ и вездѣ, необходимо различать между увеличеніемъ производительности, происходящимъ отъ развитія общественнаго процесса труда, и увеличеніемъ производительности, происходящимъ отъ капиталистической эксплуатаціи этого процесса.

Въ мануфактурѣ и въ ремеслѣ рабочій заставляетъ орудіе труда служить себѣ, на фабрикѣ же онъ самъ служитъ машинѣ. Тамъ—движеніе орудія труда исходитъ отъ него, здѣсь—онъ слѣдуетъ за его движеніемъ. Въ мануфактурѣ рабочіе образуютъ члены одного живого организма, на фабрикѣ—мертвый механизмъ существуетъ независимо отъ нихъ: они присоединяются къ этому мертвому механизму, какъ его живые придатки. «Удручающее однообразіе безконечнаго труда, все снова и снова повторяющаго одинъ и тотъ же механическій процессъ, похоже на работу Сизифа, и тяжесть труда, подобно камню Сизифа, постоянно вновь возвращается къ истомленному рабочему» [186]). Напрягая до крайности нервную систему, машинный трудъ въ тоже время подавляетъ многостороннюю игру мышцъ и налагаетъ свою властную руку на всякую свободную тѣлесную и духовную дѣятельность [187]). Даже самое облегченіе труда становится средствомъ для пытки; машина не освобождаетъ рабочаго отъ труда, она лишаетъ его трудъ всякаго содержанія; всякое капиталистическое производство,—поскольку оно есть не только процессъ труда, но и процессъ созданія прибавочной цѣнности,—характеризуется тѣмъ, что условія труда примѣняютъ рабочаго, а не онъ—условія труда. Но только машинное производство придаетъ этому извращенному отношенію технически-осязательную реальность. Благодаря своему превращенію въ автомата, орудіе труда во время самаго процесса труда, выступаетъ противъ рабочаго какъ капиталъ, какъ мертвый трудъ, который господствуетъ надъ живой рабочей силой и высасываетъ ее. Отдѣленіе духовныхъ силъ процесса производства отъ ручного труда и превращеніе ихъ въ силы, посредствомъ которыхъ капиталъ правитъ трудомъ, окончательно завершается, какъ мы это уже и раньше указывали, въ крупной промышленности, покоящейся на машинномъ фундаментѣ. Спеціальное искусство отдѣльнаго, лишеннаго всякаго содержанія, машиннаго рабочаго исчезаетъ, какъ жалкая и мелкая подробность, передъ наукой, передъ огромными силами природы и передъ общественнымъ массовымъ трудомъ, воплощенными въ машинной системѣ, и составляющими, вмѣстѣ съ ней, могущество «хозяина» (master). Этотъ хо-

---

[186]) F. Engels, «Lage etc.», p. 217. Даже такой, совершенно ординарный оптимистическій фритредеръ, какъ г-нъ Молинари, замѣчаетъ: «Человѣкъ, наблюдая, въ теченіе 15 часовъ ежедневно за однообразнымъ движеніемъ какой-либо машины, истощается скорѣе, чѣмъ тогда, когда онъ въ теченіе того же времени упражняетъ свою физическую силу. Этотъ трудъ наблюденія, который, можетъ быть, служилъ бы полезной гимнастикой для ума, если бы онъ не былъ слишкомъ продолжителенъ, разрушаетъ, въ концѣ концовъ, своей чрезмѣрностью и умъ и самое тѣло». (G. de Molinari: «Etudes Economiques». Paris 1864).

[187]) F. Engels l. c. p. 216.

занъ, въ мозгу котораго неразрывно срослись понятія о машинѣ и о его монополіи на нее, въ случаѣ конфликта со своими «руками», бросаетъ имъ такія презрительныя слова: «фабричные рабочіе должны для своей пользы помнить, что ихъ трудъ въ дѣйствительности есть очень низкій родъ труда; что никакой другой трудъ не усваивается легче и, сравнительно съ качествомъ, не оплачивается лучше; что никакого другого труда нельзя достать въ болѣе короткое время и въ большемъ изобиліи, посредствомъ краткаго обученія ему наименѣе опытныхъ лицъ. Машины хозяина играютъ въ дѣйствительности гораздо болѣе важную роль въ дѣлѣ производства, чѣмъ работа и искусство рабочаго, которое требуетъ лишь шестимѣсячнаго обученія и которому можетъ научиться всякій крестьянскій батракъ» [188]).

Техническое подчиненіе рабочихъ однообразному ходу орудій труда и характерное для фабрики образованіе цѣлаго рабочаго организма изъ индивидуумовъ обоихъ половъ и различнѣйшихъ возрастовъ создаетъ казарменную дисциплину, которая превращается въ настоящій фабричный режимъ. Оно вполнѣ развиваетъ уже упомянутый нами трудъ надзора, и вмѣстѣ съ тѣмъ раздѣленіе рабочихъ на занимающихся ручнымъ трудомъ и на надзирающихъ за нимъ, на промышленныхъ рядовыхъ и промышленныхъ унтеръ-офицеровъ. «Главная трудность на автоматической фабрикѣ заключалась въ дисциплинѣ, необходимой для того, чтобы отучить людей отъ ихъ привычной безпорядочности въ трудѣ, и совершенно приспособить ихъ къ неизмѣнной правильности огромнаго автомата. Но изобрѣтеніе дисциплинарнаго кодекса, соотвѣтствующаго нуждамъ и быстротѣ автоматической системы и успѣшное примѣненіе его,—это было геркулесовскимъ подвигомъ; и это—благородное дѣло Аркрайта! Даже теперь еще, когда эта система уже окончательно организовалась, почти невозможно найти между рабочими, достигшими уже возмужалаго возраста, полезныхъ помощниковъ для автоматической системы» [189]). Фабричный кодексъ,—въ которомъ капиталъ, частноправными велѣніями и самовластно, формулируетъ свое самодержавіе надъ рабочими, не прибѣгая къ столь вообще излюбленной буржуазіей системѣ раздѣленія властей и къ еще болѣе излюбленной ею представительной системѣ,—представляетъ собою лишь капиталистическую каррикатуру того общественнаго регулированія процесса труда, которое необходимо при кооперація въ крупныхъ размѣрахъ и при употребленіи сообща средствъ производства и, въ особенности, машинъ. Вмѣсто кнута надсмотрщика за рабами является штрафная книга надзирателя за рабочими. Всѣ наказанія естественно превращаются въ денежные штрафы и вычеты изъ платы и, благодаря законодательной изобрѣта-

---

[188]) «The Master Spinners'and Manufacturers' Defence Fund. Report of the Committee. Manchester 1854», p. 17. Мы послѣ увидимъ, что «Master» поетъ другую пѣсню, какъ только ему угрожаетъ потеря его «живыхъ» автоматовъ.

[189]) Ure l. c. p. 15. Кто знакомъ съ біографіей Аркрайта, никогда не наградитъ этого геніальнаго цирюльника эпитетомъ «благородный». Изъ всѣхъ великихъ изобрѣтателей XVIII-го стол., онъ безспорно былъ величайшій воръ чужихъ изобрѣтеній и самый подлый субъектъ.

тельности фабричныхъ Ликурговъ, нарушеніе законовъ становится для фабрикантовъ пожалуй еще болѣе прибыльнымъ, чѣмъ соблюденіе ихъ [120]).

[120]) «Рабство, которымъ буржуазія сковала пролетаріатъ, нигдѣ не проявляется такъ явно, какъ въ фабричной системѣ. Здѣсь всякая свобода прекращается и юридически и фактически. Рабочій долженъ въ 5½ часовъ утра быть на фабрикѣ; если онъ приходитъ на нѣсколько минутъ позже, его штрафуютъ, если онъ приходитъ на 10 минутъ позже—его вовсе не впускаютъ до завтрака, и онъ теряетъ плату за четверть дня. Онъ долженъ по командѣ ѣсть, пить и спать... Деспотическій гудокъ зоветъ его съ постели, зоветъ его отъ завтрака и обѣда. А что дѣлается на фабрикѣ? Здѣсь фабрикантъ—неограниченный законодатель. Онъ издаетъ фабричные регламенты, какіе ему вздумаются, онъ измѣняетъ свой кодексъ и дѣлаетъ къ нему прибавленія по своему произволу; и какую бы глупость онъ ни придумалъ, судьи всегда говорятъ рабочему: такъ какъ вы добровольно согласились на эти условія, то вы должны ихъ теперь исполнять... Эти рабочіе осуждены съ девятилѣтняго возраста до самой смерти жить подъ нравственной и физической палкой» (F. Engels l. c. p. 217 sq.). Я поясню двумя примѣрами, что «говорятъ судьи». Одинъ случай произошелъ въ Шеффильдѣ въ концѣ 1866 г. Одинъ рабочій нанялся тамъ на фабрику металлическихъ издѣлій на 2 года. Вслѣдствіе какой-то ссоры съ фабрикантомъ онъ оставилъ фабрику и объявилъ, что больше у него ни въ какомъ случаѣ работать не будетъ. Обвиненный въ нарушеніи контракта, рабочій былъ присужденъ къ двухмѣсячному тюремному заключенію. (Если фабрикантъ нарушаетъ контрактъ, то онъ можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности только въ гражданскомъ порядкѣ и рискуетъ лишь денежнымъ штрафомъ). По выходѣ изъ тюрьмы онъ получилъ отъ того же фабриканта приглашеніе вновь поступить къ нему на фабрику, согласно старому контракту. Рабочій отвѣтилъ: Нѣтъ. Онъ де отсидѣлъ уже за нарушеніе контракта. Фабрикантъ пожаловался снова, и судъ снова присудилъ рабочаго къ наказанію, хотя одинъ изъ судей—Mr. Shee—открыто назвалъ это юридической чудовищностью—возможность періодически подвергать одного и того же человѣка, въ продолженіе всей его жизни, наказанію за одинъ и тотъ же проступокъ или преступленіе. Этотъ приговоръ былъ произнесенъ не какими нибудь «Great Unpaid», провинціальными «Dogberries», а въ Лондонѣ, однимъ изъ высшихъ судовъ. (Къ 4-му изд.—Этого теперь уже нѣтъ. За исключеніемъ немногихъ случаевъ,—напр., когда дѣло идетъ о работѣ на общественныхъ газовыхъ заводахъ,—въ Англіи теперь относительно нарушенія контракта рабочій уравненъ въ правахъ съ предпринимателемъ и можетъ быть привлеченъ лишь къ гражданской отвѣтственности.—Ф. Э.].—Другой случай произошелъ въ Weltshire'ѣ въ концѣ ноября 1863 г. Около 30 работницъ, занятыхъ механическимъ ткачествомъ у суконнаго фабриканта Harrupp'а на Leower's Mill, Westbury Leigh, устроили стачку вслѣдствіе того, что этотъ Harrupp имѣлъ милое обыкновеніе за опаздываніе по утрамъ вычитывать у нихъ изъ платы 6 пенсовъ за 2 минуты, 1 шилл. за 3 минуты и 1 шилл. 9 п. за 10 минутъ. Это, при 9 шил. въ часъ, составляетъ 4 ф. ст. 10 шилл. въ день, между тѣмъ какъ средняя годовая плата ихъ никогда не превышаетъ 10—15 шилл. въ недѣлю. Harrupp поставилъ также одного парня, чтобы тотъ вовремя пускалъ трубою фабричные часы, что тотъ иногда дѣлалъ самъ даже раньше 6 часовъ утра и если «руки» не являлись моментально, когда онъ прекращалъ трубить—ворота запирались и опоздавшія штрафовались; а такъ какъ на фабрикѣ не было часовъ, то несчастныя «руки» находились во власти молодого часового, наставляемаго Harrupp'омъ. «Руки», устроившія «стачку», матери семействъ и дѣвушки, объявили, что онѣ готовы опять взяться за работу, если часовой будетъ замѣненъ часами и будетъ введено болѣе раціональное росписаніе штрафовъ. Harrupp привлекъ къ суду 13 женщинъ и дѣвушекъ за нарушеніе контракта.

Мы отмѣчаемъ здѣсь только матеріальныя условія, при которыхъ выполняется фабричный трудъ. Всѣ органы чувствъ одновременно страдаютъ отъ искусственно возвышенной температуры, отъ воздуха, насыщеннаго частичками сырыхъ матеріаловъ, отъ оглушительнаго шума и т. д.,—не говоря уже объ опасностяхъ для жизни между тѣсно разставленными машинами, которыя, съ правильностью временъ года, доставляютъ свои промышленные бюллетени убитыхъ и раненыхъ [190a]). Сбереженіе общественныхъ средствъ производ-

Они были присуждены каждая въ 6 п. штрафа и 2 шил. 6 п. судебныхъ издержекъ, при громкомъ негодованіи публики. Наггарр'а изъ суда толпа народа провожала свистками. Одна изъ любимѣйшихъ операцій фабрикантовъ состоитъ въ томъ, чтобы вычетами изъ платы наказывать рабочихъ за плохое качество даннаго имъ матеріала. Этотъ методъ вызвалъ въ 1866 г. общую стачку въ англійскихъ гончарныхъ округахъ. Отчеты «Ch. Employm. Commiss.» (1863—1866) приводятъ случаи, когда, вслѣдствіе штрафовъ, рабочіе не только ничего не получали за свою работу, но еще оставались должниками своихъ сіятельныхъ хозяевъ. Поучительныя черты для характеристики остроумія фабричныхъ автократовъ въ дѣлѣ вычетовъ изъ жалованья обнаружилъ также послѣдній хлопчато-бумажный кризисъ. «Мнѣ самому», говоритъ фабричный инспекторъ R. Baker, «пришлось недавно возбудить судебное преслѣдованіе противъ одного хлопчато-бумажнаго фабриканта за то, что въ это тяжелое и мучительное время онъ вычелъ у нѣкоторыхъ, работающихъ у него «молодыхъ» (старше 13 л.) рабочихъ, по 10 пенс. за врачебное свидѣтельство о возрастѣ, стоившее ему только 6 п., между тѣмъ какъ законъ дозволяетъ вычесть за него только 3 п., а обычай вовсе не допускаетъ никакихъ вычетовъ... Другой фабрикантъ съ этой же цѣлью, чтобы не приходить въ столкновеніе съ закономъ, налагаетъ на каждаго бѣднаго ребенка, работающаго на него, 1 шил., въ видѣ пошлины за обученіе искусству и таинству прясть, какъ только докторское свидѣтельство объявляетъ его достаточно зрѣлымъ для этого занятія. Такимъ образомъ, существуютъ невидимыя теченія, которыя надо знать для того, чтобы понять столь чрезвычайныя явленія, какъ стачки въ такое время, какъ теперешнее» (рѣчь идетъ о стачкѣ ткачей при машинахъ, на фабрикѣ въ Darwen, въ іюнѣ 1863). «Reports of Insp. of Fact. for 30 April 1863», p. 50, 51. (Фабричные отчеты идутъ всегда дальше ихъ оффиціальнаго числа).

[190a]) Законы для охраны противъ опасныхъ машинъ не остались безъ хорошихъ результатовъ. «Но... теперь существуютъ новые источники несчастныхъ случаевъ, которые не существовали 20 л. тому назадъ, а именно—увеличенная скорость машинъ. Колеса, валы, веретена и ткацкіе станки двигаются теперь съ увеличенной и постоянно увеличиваемой силой; пальцы должны теперь быстрѣе и вѣрнѣе схватить разорванную нитку; при медленности или неосторожности, они рискуютъ погибнуть... Большое число несчастныхъ случаевъ происходитъ вслѣдствіе рвенія, съ которымъ рабочіе хотятъ скорѣе окончить свою работу. Надо помнить, что для фабрикантовъ въ высшей степени важно держать свои машины въ постоянномъ движеніи, т. е. непрерывно производить пряжу и ткани. Каждая минутная остановка есть потеря не только движущей силы, но и продукта. Поэтому, надсмотрщики, заинтересованные въ количествѣ продукта, не могутъ не гнать рабочихъ и не заставлять ихъ поддерживать машины въ движеніи. Это не менѣе важно и для самихъ рабочихъ, получающихъ плату съ вѣсу или поштучно. Вслѣдствіе этого, хотя на большинствѣ фабрикъ запрещена чистка машинъ во время ихъ хода,—на практикѣ это всегда дѣлается. Это одно обстоятельство причинило, въ теченіе послѣднихъ 6 мѣсяцевъ, 906 несчастныхъ случаевъ... Хотя машины чистятся ежедневно, но, большей частью, по субботамъ происходитъ основательная

ства,—которое впервые вполнѣ созрѣваетъ въ теплицахъ фабричной системы,—становится въ рукахъ капитала вмѣстѣ съ тѣмъ систематическимъ похищеніемъ жизненныхъ условій рабочаго во время работы, т. е. грабежомъ пространства, воздуха, свѣта и предохранительныхъ средствъ противъ опасныхъ для жизни или здоровья процессовъ производства, при чемъ уже не можетъ быть и рѣчи о приспособленіяхъ для удобства рабочихъ [191]). Развѣ не правъ Фурье, называющій фабрики «смягченной каторгой» [192])?

5. Борьба между рабочими и машинами.

Борьба между капиталистомъ и наемнымъ рабочимъ начинается тогда, когда устанавливается самое отношеніе, именуемое капиталомъ. Она свирѣпствуетъ въ теченіе всего мануфактурнаго періода [193]). Но лишь съ введеніемъ

чистка, и дѣлается она обыкновенно, когда машины находятся въ движеніи... За эту операцію не платятся, и поэтому рабочіе стараются скорѣе отдѣлаться отъ нея. Вслѣдствіе этого и число несчастныхъ случаевъ по пятницамъ, и особенно по субботамъ, гораздо больше, чѣмъ въ остальные дни недѣли. Въ пятницу излишекъ несчастныхъ случаевъ, противъ средняго числа ихъ за первые 4 дня недѣли, достигаетъ 12%, а въ субботу этотъ излишекъ, противъ средняго числа за первыхъ 5 дней, составляетъ 25%. Если же принять въ расчетъ, что по субботамъ работаютъ только $7^1/_2$ часовъ, а въ остальные дни $10^1/_2$—то излишекъ составитъ больше 65%». («Reports of Insp. of Fact. for etc. 31 st. Oct. 1866. London 1867», p. 9, 15, 16, 17).

[191]) Въ первомъ отдѣлѣ третьей книги (т. е. третьяго тома) я разскажу о походѣ, предпринятомъ въ послѣднее время англійскими фабрикантами противъ статей фабричнаго закона, защищающихъ члены «рукъ» отъ машинъ, угрожающихъ жизни. Здѣсь достаточно будетъ привести выписку изъ одного оффиціальнаго отчета фабричнаго инспектора Леонарда Горнера: «Я слышалъ непростительно-легкомысленные отзывы фабрикантовъ о нѣкоторыхъ несчастныхъ случаяхъ; такъ, напр., потеря пальца считается мелочью. Жизнь и будущность рабочаго до такой степени зависятъ отъ его пальцевъ, что потеря ихъ составляетъ для него крайне серьезное событіе. Когда я слышу такую безсмысленную болтовню, я задаю такой вопросъ: «Положимъ, вамъ нуженъ лишній рабочій, и двое предлагаютъ вамъ свои услуги; во всѣхъ другихъ отношеніяхъ оба одинаково способны, но у одного нѣтъ большого или указательнаго пальцевъ,—котораго же изъ нихъ вы выберете?» Ни минуты не колеблясь они признаются, что отдадутъ предпочтеніе рабочему, у котораго всѣ пальцы цѣлы... Эти господа фабриканты имѣютъ ложное предубѣжденіе противъ того, что они называютъ псевдо-филантропическимъ законодательствомъ». (Reports of Insp. of Fact. for 31 st. Oct. 1855».) Эти господа—народъ «смѣтливый», и недаромъ они сочувствуютъ мятежу рабовладѣльцевъ.

[192]) На фабрикахъ, которыя давно уже подчинены фабричному закону, съ его обязательнымъ ограниченіемъ рабочаго времени и другими правилами, исчезли многія изъ прежнихъ дурныхъ условій. Самыя усовершенствованія машинъ, дойдя до извѣстной степени, требуютъ «лучшаго устройства фабричныхъ зданій», полезнаго для рабочихъ. (Ср. «Reports etc. for 31 st. Oct. 1863», p. 109).

[193]) См. между прочимъ, John Houghton: «Husbandry and Trade improved Lond. 1727». «The Advantages of the East India Trade 1720», John Bellers l. c. «Къ несчастію, хозяева и рабочіе находятся въ постоянной войнѣ между собою. Ненавистная цѣль первыхъ—получать работу по возможности дешевле; и для достиженія этого, они не стѣсняются употреблять всевозможныя хитрости, между тѣмъ какъ

машинъ рабочій начинаетъ бороться противъ самаго средства труда, противъ этой матеріальной формы существованія капитала. Онъ возстаетъ противъ этой опредѣленной формы средствъ производства, какъ матеріальной основы капиталистическаго способа производства.

Почти вся Европа пережила въ теченіе 17-го столѣтія рабочія возмущенія противъ машины для тканья лентъ и галуновъ, такъ называемой Bandmühle (ленточная мельница; называется также шнурочной мельницей—Schnurmühle или Mühlenstuhl [194]). Въ концѣ первой трети 17-го стол. одна ленточная машина, устроенная какимъ-то голландцемъ близъ Лондона и дѣйствовавшая хорошо, пала жертвой возмущенія черни. Еще въ началѣ 18-го стол. водяныя лѣсопильныя машины въ Англіи лишь съ трудомъ преодолѣли народное сопротивленіе, поддерживавшееся парламентомъ. Когда Everet, въ 1758 г., построилъ первую машину для стрижки овецъ, приводимую въ движеніе водой, то 100.000 человѣкъ, лишившихся изъ за нея работы, подожгли ее. Противъ scribbling mills и чесальныхъ машинъ Аркрайта подали петицію парламенту 50.000 рабочихъ, до тѣхъ поръ жившихъ чесаніемъ шерсти. Массо-

рабочіе пользуются всякимъ представляющимся случаемъ, чтобы требовать отъ хозяевъ лучшихъ условій». Inquiry into the causes of the Present High Prices of Provisions». 1767, p. 61, 62. (Авторъ Rev. Nathaniel Forster стоитъ всецѣло на сторонѣ рабочихъ).

[194]) Bandmühle была изобрѣтена въ Германіи. Итальянскій аббатъ Lancellotti въ сочиненіи, появившемся въ 1636 г. въ Венеціи, разсказываетъ: «Антонъ Мюллеръ изъ Данцига, около 50 л. тому назадъ (авторъ писалъ въ 1579 г.), видѣлъ въ Данцигѣ очень искусную машину, которая одновременно приготовляетъ 4—6 тканей; но такъ какъ городской совѣтъ опасался, что это изобрѣтеніе можетъ превратить массу рабочихъ въ нищихъ, то онъ запретилъ вводить его въ употребленіе, а изобрѣтателя велѣлъ тайно задушить или утопить». Въ Лейденѣ та же самая машина была впервые примѣнена только въ 1629 г. Бунты ткачей заставили магистратъ сначала запретить ее; потомъ, различными постановленіями генеральныхъ штатовъ, отъ 1623 г., 1639 г. и др. годовъ, употребленіе ея было ограничено; наконецъ, подъ навѣстными условіями, оно было дозволено постановленіемъ отъ 15 Декабря 1661 г. «Около 20 л. тому назадъ,» говоритъ Boxhorn («Inst. Pol. 1663») о введеніи ленточной мюли въ Лейденѣ, «въ этомъ городѣ былъ изобрѣтенъ ткацкій станокъ, помощью котораго одинъ работникъ могъ приготовлять ткани и въ большемъ количествѣ, и съ большей легкостью, чѣмъ въ одинаковое время нѣсколько другихъ ткачей безъ такого станка. Но это привело къ жалобамъ и неудовольствіямъ со стороны ткачей и въ концѣ концовъ употребленіе станка было воспрещено магистратомъ». Та же самая машина была запрещена въ Кёльнѣ, въ 1676 г., и въ то же время ея введеніе въ Англіи произвело рабочія волненія. Императорскимъ указомъ отъ 19 февраля 1685 г. употребленіе ея было воспрещено во всей Германіи. Въ Гамбургѣ она была, по повелѣнію магистрата, публично сожжена. Карлъ VI возобновилъ 9 февраля 1719 г. указъ 1685 г., а въ курфиршествѣ Саксонскомъ употребленіе ея было допущено лишь въ 1765 г. Эта машина, надѣлавшая столько шуму, въ дѣйствительности была предшественницей прядильныхъ и ткацкихъ машинъ, т. е. промышленной революціи 18-го стол. Благодаря ей, совершенно неопытные въ ткацкомъ искусствѣ юноши могли, двигая туда и сюда стержнемъ, приводить въ движеніе весь станокъ, со всѣми его челноками. и, въ своей усовершенствованной формѣ, она производила одновременно 40—50 штукъ.

вая разрушенія машинъ въ англійскихъ мануфактурныхъ округахъ, въ теченіе первыхъ 15 лѣтъ 19-го стол.,—бывшія слѣдствіемъ введенія въ употребленіе парового ткацкаго станка и извѣстныя подъ названіемъ движенія луддитовъ дали анти-якобинскому министерству Sidmouth'a, Castlereagh'a и др. предлогъ для самыхъ реакціонныхъ насильственныхъ мѣръ. Необходимо извѣстное время и извѣстный опытъ, чтобы рабочій научился отличать машину отъ капиталистическаго ея примѣненія и переносить свои нападки съ матеріальныхъ средствъ производства на общественную форму ихъ эксплуатаціи [195]).

Борьба за величину заработной платы въ мануфактурахъ предполагаетъ уже существованіе мануфактуры и ни въ какомъ случаѣ не направлена противъ него. Поскольку въ дѣйствительности велась борьба противъ созданія мануфактуръ, ее вели не наемные рабочіе, а цеховые мастера и привилегированные города. Поэтому писатели мануфактурнаго періода видѣли въ раздѣленіи труда средство возможнаго замѣщенія рабочихъ, а не дѣйствительнаго ихъ вытѣсненія. Это различіе бросается само въ глаза. Когда, напр., говорятъ, что въ Англіи потребовалось бы сто милліоновъ человѣкъ для превращенія въ пряжу при помощи старой самопрялки того количества хлопчатой бумаги, которое теперь, помощью машинъ, прядутъ 500.000 человѣкъ,—то это, конечно, не значитъ, что машины дѣйствительно замѣстили эти милліоны людей, которыхъ никогда не существовало. Это только значитъ, что потребовалось бы много милліоновъ рабочихъ для замѣщенія прядильныхъ машинъ. Но когда говорятъ, что паровой ткацкій станокъ выбросилъ въ Англіи на улицу 800.000 ткачей, то рѣчь идетъ не о существующихъ машинахъ, которыя должны были бы быть замѣщены извѣстнымъ количествомъ рабочихъ, но о существующемъ числѣ рабочихъ, которое фактически было замѣщено или вытѣснено машиной. Въ теченіе мануфактурнаго періода ремесленный способъ продолжалъ служить основаніемъ производства, хотя въ мануфактурѣ прежде единое ремесло уже подверглось раздробленію. Новые колоніальные рынки не могли быть снабжаемы при томъ, сравнительно маломъ, числѣ рабочихъ, которое досталось новому времени по наслѣдству отъ среднихъ вѣковъ, и настоящія мануфактуры открыли новое поприще производительности сельскому населенію, прогнанному съ земли, благодаря разложенію феодальнаго поземельнаго строя. Поэтому тогда-то обнаруживалась, главнымъ образомъ, положительная сторона кооперація и раздѣленія труда въ мастерской, состоящая въ томъ, что они повышаютъ производительность уже занятыхъ рабочихъ [196]). Правда, во многихъ странахъ еще задолго до періода

---

[195]) Въ первобытныхъ мануфактурахъ и теперь еще иногда повторяются грубыя формы возмущеній рабочихъ противъ машинъ. Такой характеръ носятъ, напр., возмущенія зачильщиковъ въ Шеффильдѣ, въ 1865 г.

[196]) Sir James Steuart тоже понимаетъ дѣйствіе машинъ совершенно въ этомъ смыслѣ. «Я разсматриваю машины, какъ возможное средство для увеличенія количества рабочихъ, которыхъ не надо кормить... Чѣмъ дѣйствіе, производимое машинами, отличается отъ дѣйствія, производимаго появленіемъ новыхъ жителей?» (франц. переводъ, т. I, (I, гл. XIX). Гораздо наивнѣе Петти, который говоритъ, что машины замѣняютъ «полигамію». Эта точка врѣнія годится развѣ лишь для нѣко-

крупной промышленности кооперація и соединеніе средствъ труда въ рукахъ немногихъ, въ приложеніи къ земледѣлію вызвали крупные, внезапные и насильственные перевороты въ способѣ производства, а слѣдовательно—и въ условіяхъ жизни и въ средствахъ существованія земледѣльческаго населенія. Но эта борьба первоначально происходила скорѣе между крупными и мелкими поземельными собственниками, чѣмъ между капиталомъ и наемнымъ трудомъ. Съ другой стороны, поскольку работники вытѣсняются средствами производства—овцами, лошадьми и т. п.,—акты непосредственнаго насилія составляютъ необходимую предпосылку промышленной революціи. Сначала рабочіе были прогнаны съ земли, а потомъ явились овцы. И только это расхищеніе земли въ большомъ масштабѣ, какъ оно практиковалось въ Англіи, подготовило почву для крупнаго сельскаго хозяйства [196a]). Вначалѣ, поэтому, преобразованіе сельскаго хозяйства носило на себѣ внѣшніе признаки скорѣе политической, чѣмъ экономической революціи.

Орудіе труда, въ лицѣ машины, становится тотчасъ конкуррентомъ самого рабочаго [197]). Самовозрастаніе цѣнности капитала при помощи машинъ находится въ прямомъ отношеніи къ числу рабочихъ, условія существованія которыхъ оно, это самовозрастаніе, ранѣе уничтожаетъ. Вся система капиталистическаго производства основана на томъ, что рабочій продаетъ свою рабочую силу какъ товаръ. Раздѣленіе труда дѣлаетъ эту рабочую силу крайне односторонней, обращая ее въ совершенно спеціальное искусство управленія частичнымъ рабочимъ инструментомъ. Поэтому, какъ только управленіе инструментомъ переходитъ къ машинѣ, мѣновая цѣнность рабочей силы уничтожается вмѣстѣ съ ея потребительной цѣнностью. Рабочій, какъ потерявшая курсъ ассигнація, не можетъ себѣ найти покупателей. Часть рабочаго класса, которую машина такимъ образомъ превращаетъ въ излишнее населеніе, т. е. въ населеніе, непосредственно болѣе не нужное для капиталистической эксплуатаціи, — частью погибаетъ въ неравной борьбѣ стараго ремесленнаго и мануфактурнаго производства противъ машиннаго, частью же—наводняетъ всѣ наиболѣе доступныя отрасли промышленности, переполняетъ рабочій

торыхъ частей Соед. Штатовъ. Напротивъ того: «машины очень рѣдко могутъ быть съ успѣхомъ употреблены для сокращенія труда отдѣльнаго рабочаго: больше времени потерялось бы на ихъ постройку, чѣмъ выигралось бы при ихъ примѣненіи. Онѣ дѣйствительно полезны только тогда, когда дѣйствуютъ массовымъ образомъ, когда одна машина можетъ помочь работѣ тысячи людей; поэтому онѣ больше всего въ употребленіи въ наиболѣе густо населенныхъ странахъ: гдѣ болѣе лѣнтяевъ, тамъ и болѣе машинъ. Употребленіе ихъ вызывается не недостаткомъ въ людяхъ, а легкостью, съ какой ихъ можно заставить работать большими массами». (Piercy Ravenstone: «Thoughts on the Funding System and its Effects». Lond. 1824», p. 15)

[196a]) [Къ 4-му изд.—Это можно сказать и о Германіи. Тамъ, гдѣ въ Германіи существуетъ крупное сельское хозяйство, а именно на востокѣ, оно стало возможнымъ лишь вслѣдствіе «обезземеленія крестьянъ» (Bauernlegen), начавшагося съ 16-го стол., въ частности съ 1648 г. Ф. Э.].

[197]) «Машины и трудъ находятся въ постоянномъ соперничествѣ» (Ricardo, l. c. p. 479).

рынокъ и низводитъ, такимъ образомъ, цѣну рабочей силы ниже ея цѣнности. Есть люди, которые полагаютъ, будто большимъ утѣшеніемъ для этихъ пауперизованныхъ рабочихъ служитъ частью то, что страданья ихъ «временныя» («a temporary inconvenience»), частью же то, что машины лишь постепенно овладѣваютъ всѣмъ полемъ производства, вслѣдствіе чего уменьшаются и размѣры и интенсивность ихъ разрушительнаго дѣйствія. Но эти два утѣшенія взаимно побиваютъ другъ друга. Тамъ, гдѣ машина постепенно охватываетъ какую либо отрасль производства, она производитъ хроническую нищету въ конкурирующихъ съ нею слояхъ рабочаго населенія. Тамъ же, гдѣ переходъ совершается быстро, дѣйствіе ея имѣетъ массовый и острый характеръ. Всемірная исторія не представляетъ много болѣе возмутительнаго зрѣлища, чѣмъ постепенная медленная агонія англійскихъ ручныхъ хлопчатобумажныхъ ткачей, тянувшаяся цѣлыя десятилѣтія и завершившаяся, наконецъ, въ 1838 г. Многіе изъ нихъ умерли голодной смертью, многіе долго влачили существованіе со своими семьями на $2^1/_2$ пенса въ день [198]). Напротивъ того, въ Остъ-Индіи англійскія хлопчатобумажныя машины произвели острое дѣйствіе. Тамошній генералъ-губернаторъ констатировалъ въ 1834—1835 гг., что: «бѣдствіе это врядъ ли имѣетъ себѣ аналогію въ исторіи торговли. Равнины Индіи бѣлѣютъ костями хлопчатобумажныхъ ткачей». Разумѣется, поскольку эти ткачи оставили сію временную юдоль и переселились въ вѣчность, постольку и машины произвели лишь «временныя страданія». Впрочемъ, это «временное» дѣйствіе машинъ тянется постоянно, такъ какъ онѣ постоянно захватываютъ все новыя и новыя отрасли производства. Самостоятельный и независимый характеръ, который капиталистическій способъ производства придаетъ вообще условіямъ и продукту труда въ отношеніи къ рабочему, развивается, поэтому съ появленіемъ машинъ до полной противоположности, до антагонизма [199]). Потому-то только съ маши-

[198]) Конкурренція между ручнымъ и машиннымъ тканьемъ была протянута въ Англіи до изданія въ 1833 г. закона о бѣдныхъ тѣмъ, что рабочая плата, упавшая гораздо ниже минимума, дополнялась вспомоществованіями отъ приходовъ. Свящ. Mr. Turner былъ въ 1827 г. настоятелемъ въ Wilmslow, въ Чеширѣ, въ мануфактурномъ округѣ. Вопросы комитета по эмиграціи и отвѣты Mr. Turner'a показываютъ, чѣмъ поддерживалась борьба человѣческаго труда противъ машинъ. *Вопросъ*: не вытѣснило ли употребленіе паровыхъ ткацкихъ станковъ ручные ткацкіе станки? *Отвѣтъ*: Безъ сомнѣнія; и оно бы ихъ еще больше вытѣснило, если бы ручные ткачи не были въ состояніи соглашаться на пониженіе платы. *Вопросъ*: Но, вѣдь, соглашаясь на это, они получаютъ плату, недостаточную для жизни, и для пополненія этого недостатка они ждутъ помощи отъ прихода? *Отвѣтъ*: Да, и дѣйствительно соперничество между паровымъ и ручнымъ ткацкимъ станкомъ поддерживается налогомъ въ пользу бѣдныхъ.—Такимъ образомъ, упиранющій пауперизмъ или эмиграція—вотъ тѣ выгоды, которыя трудящіеся получаютъ отъ введенія машинъ. Изъ уважаемыхъ и, до извѣстной степени, независимыхъ ремесленниковъ, они превращаются въ несчастныхъ бѣсяковъ, живущихъ упиранительнымъ хлѣбомъ благотворительности. И это у нихъ называется «временными затрудненіями». («A. Prize Essay on the comparative merits of Competition and Cooperation. Lond. 1834», p. 29).

[199]) «Тѣ же самыя причины, которыя могутъ увеличить доходъ страны [т. е. какъ Рикардо въ томъ же мѣстѣ объясняетъ, доходы землевладѣльцевъ и капиталистовъ,

чами впервые является въ исторіи грубое возмущеніе рабочихъ противъ орудій труда.

Орудіе труда убиваетъ рабочаго. Это прямое противорѣчіе проявляется, конечно, особенно осязательно каждый разъ, когда вновь введенная машина вступаетъ въ конкурренцію съ традиціоннымъ ремесленнымъ или мануфактурнымъ производствомъ. Но и внутри самой крупной индустріи постоянное улучшеніе машинъ и развитіе автоматической системы оказываютъ аналогичное дѣйствіе. «Постоянной цѣлью улучшенія машинъ является уменьшеніе ручного труда или замѣна въ производительной цѣпи фабрики человѣческаго аппарата—желѣзнымъ» [200]). «Примѣненіе паровой или водяной силы къ машинамъ, которыя до сихъ поръ приводились въ движеніе руками, случается каждый день... Мелкія улучшенія въ машинахъ, которыя имѣютъ цѣлью экономію двигательной силы, улучшеніе издѣлія, увеличеніе производства въ одинаковое время, вытѣсненіе дѣтей, женщинъ или мужчинъ—такія улучшенія производятся постоянно, и хотя съ виду они незначительны, тѣмъ не менѣе они влекутъ за собой важные результаты» [201]). «Повсюду, гдѣ работа требуетъ много ловкости и точности, ее стараются, по возможности, скорѣе изять изъ рукъ рабочаго, слишкомъ искуснаго и часто склоннаго ко всякаго рода неправильностямъ, и возложить ее на особый механизмъ, который дѣйствуетъ съ такой правильностью, что ребенокъ можетъ за нимъ наблюдать» [202]). «Въ автоматической системѣ талантъ рабочаго прогрессивно вытѣсняется» [203]). «Посредствомъ улучшенія машинъ достигается не только уменьшеніе числа взрослыхъ рабочихъ, занятыхъ для полученія дан-

---

Wealth (богатства) которыхъ, съ экономической точки зрѣнія,=богатству вообще (Wealth of the Nation)], могутъ въ то же время сдѣлать населеніе слишкомъ многочисленнымъ и ухудшить положеніе рабочаго». (Ricardo l. c. p. 469). «Постоянная цѣль и тенденція всякаго усовершенствованія машинъ состоитъ въ дѣйствительности въ томъ, чтобы совершенно отдѣлаться отъ труда человѣка или уменьшить его цѣну посредствомъ замѣщенія труда взрослыхъ рабочихъ трудомъ женщинъ и дѣтей, или путемъ замѣны искусныхъ рабочихъ чернорабочими» (Ure)

[200]) «Reports of Insp. of. Fact. 31 st. Oct. 1858», p. 43.

[201]) «Reports etc. 31 st Oct. 1856», p. 15.

[202]) Ure, l. c. p. 19. «Громадная выгода машинъ въ кирпичномъ производствѣ состоитъ въ томъ, что предприниматель становится совершенно независимымъ отъ искусныхъ рабочихъ». (Ch. Empl. Comm. V. Report. Lond. 1866», p. 180, n. 46).

Прим. ко 2-му изд.—A. Starrok, главноуправляющій машиннымъ отдѣленіемъ «Great Northern Railway», высказался слѣдующимъ образомъ по поводу постройки машинъ (локомотивовъ и др.): «Дорого стоющіе (expensive) англійскіе рабочіе съ каждымъ днемъ все меньше и меньше требуются. Производство увеличивается чрезъ примѣненіе улучшенныхъ инструментовъ, а эти инструменты, съ своей стороны, управляются болѣе низкимъ классомъ рабочихъ... Прежде всѣ части паровыхъ машинъ, по необходимости, производились искусными рабочими, теперь же эти самыя части производятся менѣе искуснымъ трудомъ, по съ помощью хорошихъ инструментовъ... Подъ инструментами я понимаю машины, употребляемыя при постройкѣ машинъ». («Royal Commission on Railways. Minutes of Evidence n. 17, 862 и 17, 863. London 1867»).

[203]) Ure, l. c. p. 20.

наго результата, но и замѣщеніе одного класса рабочихъ другимъ, болѣе искусныхъ менѣе искусными, взрослыхъ—дѣтьми, мужчинъ—женщинами. Всѣ эти перемѣны вызываютъ постоянныя колебанія въ уровнѣ заработной платы» [204]). «Машины безпрерывно выбрасываютъ изъ фабрики взрослыхъ рабочихъ» [205]). Чрезвычайная эластичность машинной системы вслѣдствіе накопленія практическаго опыта, вслѣдствіе уже достигнутаго размѣра механическихъ средствъ и постояннаго прогресса техники,—сказалась со всей силой въ бурномъ натискѣ машиннаго производства, происшедшемъ подъ давленіемъ сокращенія рабочаго дня. Но кто могъ въ 1860 г., во время наивысшаго процвѣтанія англійской хлопчатобумажной промышленности, подозрѣвать тѣ, быстро слѣдующія одно за другимъ, улучшенія въ машинахъ и то вытѣсненіе ручного труда, которыя въ послѣдующіе три года были вызваны американской междуусобной войной? Здѣсь довольно привести насчетъ этого пункта нѣсколько примѣровъ изъ оффиціальныхъ отчетовъ англійскихъ фабричныхъ инспекторовъ. Одинъ манчестерскій фабрикантъ заявилъ: «Вмѣсто 75 чесальныхъ машинъ, намъ теперь нужно только 12, для полученія товара въ такомъ же количествѣ и въ такомъ же, если не лучшемъ, качествѣ... Экономія на заработной платѣ составляетъ 10 ф. ст. еженедѣльно, на хлопчато бумажномъ отбросѣ—до 10%». На одной манчестерской тонкопрядильнѣ «ускореніемъ движенія и введеніемъ автоматически совершающихся (selfacting) процессовъ было достигнуто уменьшеніе рабочаго персонала въ одномъ отдѣленіи на $^1/_4$, въ другомъ—больше чѣмъ на половину; между тѣмъ какъ машина, введенная вмѣсто второй чесальной машины (kardirmaschine), значительно уменьшила число рукъ въ чесальнѣ». Другая прядильная фабрика расчитываетъ свою общую экономію «рукъ» въ 10%. Гг. Gilmore, прядильные фабриканты въ Манчестерѣ, объявили: «Въ нашемъ отдѣленіи для чистки хлопка мы считаемъ экономію на «рукахъ» и рабочей платѣ, сдѣланную вслѣдствіе введенія новыхъ машинъ, въ цѣлую треть... въ jack frame и drawing frame room—около трети на издержкахъ и на рукахъ. въ прядильномъ отдѣленіи около $^1/_3$ на издержкахъ. Но это еще не все: наша пряжа поступаетъ теперь къ ткачу въ столь улучшенномъ видѣ, благодаря примѣненію новыхъ машинъ, что она даетъ больше ткани и лучшаго качества, чѣмъ прежняя машинная пряжа» [206]). Фабричный инспекторъ A. Redgrave прибавляетъ къ этому: «Уменьшеніе числа рабочихъ, при увеличеніи производства, быстро идетъ впередъ; на шерстяныхъ фабрикахъ недавно снова началось сокращеніе рукъ, которое еще продолжается. Нѣсколько дней тому назадъ одинъ школьный учитель, живущій близъ Рочдэля, сказалъ мнѣ, что сильное уменьшеніе числа ученицъ въ школахъ для дѣвочекъ происходитъ не только отъ вліянія кризиса, но и отъ измѣненій въ машинахъ шерстяныхъ фабрикъ, вслѣдствіе чего среднимъ числомъ вытѣснено 70 полурабочихъ» («halftimes») [207]).

[204]) l. c. p. 321.

[205]) l. p. c. 23.

[206]) «Reports of Inspr. of Fact. 31 Oct. 1863», p. 108 sqq.

[207]) l. c. p. 109. Быстрое усовершенствованіе машинъ во время хлопчатобумажнаго кризиса дозволило англійскимъ фабрикантамъ, послѣ окончанія американской

Слѣдующая таблица показываетъ общій результатъ механическихъ улучшеній, введенныхъ въ англійской хлопчатобумажной промышленности подъ вліяніемъ американской гражданской войны:

Число фабрикъ.

	1858 г.	*1861 г.*	*1868 г.*
Англія и Уэльсъ	2.046	2.715	2.405
Шотландія	152	163	131
Ирландія	12	9	13
Соед. Королевство	**2.210**	**2.887**	**2.549**

Число паровыхъ ткацкихъ станковъ.

	1858 г.	*1861 г.*	*1868 г.*
Англія и Уэльсъ	275.590	368.125	344.719
Шотландія	21.624	30.110	31.864
Ирландія	1.633	1.757	2.746
Соед. Королевство	**298.847**	**399.992**	**379.329**

Число веретенъ.

	1858 г.	*1861 г.*	*1868 г.*
Англія и Уэльсъ	25.818.576	28.352.152	30.478.228
Шотландія	2.041.129	1.915.398	1.397.546
Ирландія	150.512	119.944	124.240
Соед. Королевство	**28 010 217**	**30.387.494**	**32.000.014**

Число занятыхъ рабочихъ.

Англія и Уэльсъ	341.170	407.598	357.052
Шотландія	34.698	41.237	39.809
Ирландія	3.315	2.734	4.203
Соед. Королевство	**379.213**	**451.569**	**401.064**

Съ 1861 до 1868 исчезло, такимъ образомъ, 338 хлопчатобумажныхъ фабрикъ, т. е. бо́льшій, по размѣрамъ и производительности, машинный аппаратъ сосредоточился въ рукахъ меньшаго числа капиталистовъ. Число паровыхъ ткацкихъ станковъ уменьшилось на 20.663, но продуктъ ихъ въ тоже время увеличился, такъ что усовершенствованный ткацкій станокъ теперь производитъ больше продукта, чѣмъ старый станокъ. Наконецъ, число веретенъ возросло на 1.612.541, въ то время, какъ число занятыхъ рабочихъ уменьшилось на 50.505. «Временная» нужда, которую обрушилъ на рабочихъ хлопчатобумажный кризисъ, была, такимъ образомъ, увеличена и закрѣплена быстрымъ и безостановочнымъ прогрессомъ машинной системы.

гражданской войны, тотчасъ вновь переполнить всемірный рынокъ. Уже въ послѣдніе 6 мѣсяцевъ 1866 г. ткани почти не находили сбыта. Тогда началась отсылка товаровъ на комиссію въ Китай и Индію, что, разумѣется, сдѣлало переполненіе («glut») еще болѣе интенсивнымъ. Въ началѣ 1867 г. фабриканты прибѣгли къ своему обычному средству—къ пониженію заработной платы на 5%. Рабочіе воспротивились и объявили—теоретически они были совершенно правы—что единственное средство—сократить время работы, т. е. довести до 4 дней въ недѣлю. Послѣ долгаго сопротивленія самозванные промышленные вожди должны были согласиться на это,—въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ пониженіемъ платы на 5%, а въ нѣкоторыхъ безъ нея.

Машина, однако, дѣйствуетъ не только какъ всесильный конкурренть, который постоянно стремится сдѣлать наемнаго рабочаго «излишнимъ». Капиталъ громогласно и сознательно провозглашаетъ ее силой, враждебной рабочему, и какъ таковую онъ ее и употребляетъ. Она становится самымъ могущественнымъ боевымъ оружіемъ для подавленія періодическихъ рабочихъ возстаній, стачекъ и т. п. возмущеній противъ самодержавія капитала [208]). По Гаскелю паровая машина сдѣлалась съ самаго начала антагонистомъ «человѣческой силы»: она дала капиталисту возможность сокрушить возраставшія требованія рабочихъ, которыя угрожали довести до кризиса только что возникшую фабричную систему [209]). Можно было бы написать цѣлую исторію открытій, сдѣланныхъ съ 1830 г. и введенныхъ исключительно въ качествѣ боевыхъ средствъ капитала противъ возмущеній рабочихъ. Мы напомнимъ только selfacting-mule, такъ какъ она открываетъ собою новую эпоху исторіи въ автоматической системѣ [210]).

Въ своихъ показаніяхъ предъ комиссіей для изслѣдованія Trade Unions, Nasmyth, изобрѣтатель парового молота, сообщилъ объ улучшеніяхъ въ машинахъ, сдѣланныхъ имъ вслѣдствіе одной большой и продолжительной стачки машиностроительныхъ рабочихъ въ 1851 г.: «Отличительной чертой нашихъ новѣйшихъ механическихъ усовершенствованій служитъ введеніе самодѣйствующихъ машинъ для производства инструментовъ. Трудъ, который приходится теперь дѣлать всякому рабочему при машинѣ, и который можетъ исполнять всякій подростокъ, состоитъ не въ томъ, чтобы самому работать, а лишь въ томъ, чтобы наблюдать за прекрасной работой машины. Весь классъ рабочихъ, исключительно зависящихъ отъ своего искусства, теперь устраненъ. Раньше я занималъ четырехъ подростковъ на каждаго мастера,—механика, но, благодаря новымъ механическимъ комбинаціямъ, я уменьшилъ число взрослыхъ рабочихъ съ 1,500 до 750. Слѣдствіемъ этого было значительное увеличеніе моей прибыли». Ure говоритъ объ одной машинѣ для печатанія красками на ситцепечатняхъ: «Наконецъ, капиталисты начали искать средствъ освободиться отъ этого невыносимаго рабства (т. е. отъ тягостныхъ для нихъ условій договора, требуемыхъ рабочими) призвавъ на помощь науку, и скоро ихъ законныя права,—права головы надъ другими частями тѣла были возстановлены». Вотъ что онъ говоритъ объ одномъ изобрѣтеніи для шлихтованія основы, изобрѣтеніи, непосредственный поводъ къ которому дала стачка: «Орда недовольныхъ, мшив-

---

[208]) «Отношенія между хозяевами и рабочими на стеклянныхъ и бутылочныхъ заводахъ представляютъ изъ себя хроническую стачку». Отсюда происходитъ быстрое развитіе производства прессованнаго стекла, въ которомъ главныя операціи исполняются машинами. Одна фирма въ Пьюкестлѣ, которая прежде производила ежегодно 350.000 фунт. дутаго стекла, производитъ теперь вмѣсто этого 3.000.500 ф. прессованнаго стекла. («Ch. Empl. Comm. IV. Rep. 1865», p. 262, 263).

[209]) Gaskell: «The Manufacturing Population of England. Lond. 1833», p. 3, 4.

[210]) Нѣкоторыя чрезвычайно важныя примѣненія машинъ при машиностроеніи изобрѣлъ Fairbairn, побуждаемый къ тому стачками на его собственномъ машинномъ заводѣ.

шая себя непобѣдимой за старыми укрѣпленіями раздѣленія труда, увидѣла себя атакованной съ фланга, а свои старыя орудія защиты уничтоженными новѣйшей тактикой механическаго производства. Она должна была сдаться на милость и немилость побѣдителя». А объ изобрѣтеніи selfacting-mule Ure высказывается такъ: «Она была призвана возстановить порядокъ между промышленными классами... Это изобрѣтеніе подтверждаетъ развитую уже нами доктрину, что капиталъ, заставивъ науку служить себѣ, выпуждаетъ у бунтующаго труда покорность» [211]). Хотя книга Ure появилась въ 1835 г., т. е. въ то время, когда фабричная система была еще сравнительно мало развита, однако, она остается классическимъ выраженіемъ фабричнаго духа, не только по своему откровенному цинизму, но и по той наивности, съ которой она разболтываетъ явныя противорѣчія капиталистическаго мозга. Развивъ, напр., вышеупомянутую «доктрину», что капиталъ, при помощи науки, взятой имъ на жалованье, «постоянно выпуждаетъ покорность у бунтующаго труда», онъ выражаетъ удивленіе, «что съ извѣстной стороны обвиняютъ механико-физическую науку въ томъ, что она отдала себя въ распоряженіе деспотизму богатыхъ фабрикантовъ и превратилась въ орудіе угнетенія бѣдныхъ классовъ». Наговоривъ съ три короба о пользѣ быстраго развитія машинъ для рабочихъ, онъ ихъ предостерегаетъ, что онѣ своими противозаконными дѣйствіями, стачками и т. п. ускоряютъ развитіе машинъ. «Такія возмущенія, говоритъ онъ, выказываютъ самую жалкую человѣческую близорукость, ту близорукость, которая дѣлаетъ человѣка своимъ собственнымъ палачомъ». Нѣсколькими страницами раньше говорится противоположное: «Безъ этихъ столкновеній и насильственныхъ перерывовъ, причиняемыхъ ошибочными взглядами рабочихъ, фабричная система развивалась бы гораздо быстрѣе и съ большей пользой для всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ». Потомъ онъ снова восклицаетъ: «Къ счастью для фабричныхъ округовъ Великобританіи, усовершенствованія въ механикѣ происходятъ лишь постепенно». «Несправедливо, говоритъ онъ, обвинять машины въ томъ, что онѣ понижаютъ плату взрослыхъ рабочихъ, вытѣсняя часть ихъ, вслѣдствіе чего предложеніе труда превосходитъ потребность въ немъ. Вѣдь въ этихъ случаяхъ увеличивается спросъ на дѣтскій трудъ, и тѣмъ еще болѣе увеличивается доходъ взрослыхъ». Этотъ самый утѣшитель защищаетъ, съ другой стороны, низкую заработную плату дѣтей тѣмъ, что «она мѣшаетъ родителямъ посылать своихъ дѣтей на фабрику въ слишкомъ раннемъ возрастѣ». Вся его книга представляетъ собою апологію безпредѣльнаго рабочаго дня, и законъ, запрещающій мучить дѣтей моложе 13-ти-лѣтняго возраста больше 12-ти часовъ въ день, напоминаетъ его либеральной душѣ самыя мрачныя времена среднихъ вѣковъ. Это не мѣшаетъ, однако, ему приглашать фабричныхъ рабочихъ воздать хвалу Провидѣнію за то, что посредствомъ машинъ «оно создало имъ досугъ для размышленій о никогда не умирающихъ интересахъ» [212]).

---

[211]) Ure, l. c. p. 368, 7, 370, 280, 321, 281, 475.

[212]) Ure, l. c. p. 368, 7, 370, 280, 321, 281, 475.

6. Теорія компенсаціи въ примѣненіи къ рабочимъ, вытѣсняемымъ машинами.

Цѣлый рядъ буржуазныхъ экономистовъ, — какъ Джэмсъ Милль, Макъ Куллохъ, Торренсъ, Сеніоръ, Джонъ Стюартъ Милль и др. — утверждаютъ, что всѣ машины, вытѣсняя рабочихъ, всегда освобождаютъ въ то же время капиталъ, который снова даетъ занятіе этимъ же вытѣсненнымъ рабочимъ [218]).

Предположимъ, что капиталистъ употребляетъ 100 рабочихъ, напр., на обойной фабрикѣ, платя каждому 30 ф. ст. въ годъ. Перемѣнный капиталъ его простирается, слѣдовательно, до 3.000 ф. ст. Положимъ, онъ отпускаетъ 50 рабочихъ, а остальныхъ 50 рабочихъ занимаетъ при помощи машинъ, стоящихъ ему 1.500 ф. ст. Для простоты расчета, мы не принимаемъ во вниманіе строеній, угля и т. п. Предположимъ далѣе, что сырой матеріалъ, поглощаемый ежегодно, стоитъ по-прежнему 3.000 ф. ст. [219]). Спрашивается, «освободился» ли, благодаря этой комбинаціи, какой-нибудь капиталъ? При старомъ способѣ производства, вся употребленная сумма равнялась 6.000 ф. ст., и состояла на половину изъ постояннаго и на половину изъ перемѣннаго капитала. Теперь же она состоитъ изъ 4.500 ф. ст. (3.000 въ сыромъ матеріалѣ и 1.500 въ машинахъ) постояннаго и 1500 перемѣннаго капитала. Вмѣсто половины, перемѣнная или превращенная въ живую рабочую силу часть капитала составляетъ теперь лишь $^1/_4$ всего капитала. Капиталъ здѣсь не освобождается, а связывается, принимая такую форму, въ которой онъ перестаетъ обмѣниваться на рабочую силу, т. е. происходитъ превращеніе перемѣннаго капитала въ постоянный. При неизмѣнности всѣхъ другихъ условій, капиталъ въ 6.000 ф. ст. не можетъ уже теперь занимать болѣе чѣмъ 50 рабочихъ. Съ каждымъ усовершенствованіемъ машинъ, онъ даетъ работу меньшему числу рабочихъ. Если вновь введенныя машины стоятъ меньше той суммы, на которую онѣ вытѣснили рабочихъ и рабочіе инструменты, т. е. вмѣсто 1.500 ф., положимъ, 1.000 ф., то въ постоянный капиталъ превращается перемѣнный капиталъ въ 1.000 ф., между тѣмъ какъ капиталъ въ 500 ф. становится свободнымъ. Этотъ послѣдній капиталъ, при томъ же размѣрѣ годовой платы, составляетъ фондъ для занятія 16 рабочихъ,—въ то время какъ отпущено ихъ было 50,—и даже менѣе чѣмъ 16 рабочихъ, такъ какъ часть этой суммы нужно опять превратить въ постоянный капиталъ, и слѣдовательно, только часть ихъ можетъ быть превращена въ рабочую силу.

Но допустимъ даже, что приготовленіе новыхъ машинъ даетъ занятія большему числу рабочихъ-механиковъ. Развѣ это будетъ компенсаціей для выброшенныхъ на мостовую обойщиковъ? Въ лучшемъ случаѣ, производство машинъ все таки занимаетъ число рабочихъ меньшее, чѣмъ то, которое вытѣсняется ихъ примѣненіемъ. Сумма въ 1.500 ф. ст., раньше представлявшая собою одну

[218]) Рикардо первоначально раздѣлялъ этотъ взглядъ, но потомъ, со свойственнымъ ему научнымъ безпристрастіемъ и любовью къ истинѣ, открыто отказался отъ него. См. l. c. гл. XXXI. «О машинахъ».

[219]) NB. Я привожу иллюстрацію совершенно во вкусѣ вышеназванныхъ экономистовъ.

только заработную плату отпущенныхъ обойщиковъ, теперь, въ видѣ машинъ, представляетъ: 1) цѣнность потребныхъ для ихъ постройки средствъ производства; 2) заработную плату строющихъ ихъ механиковъ; 3) приходящуюся на долю ихъ фабриканта прибавочную цѣнность. Далѣе: машина, разъ она готова, не должна быть возобновляема вплоть до самой своей смерти. Слѣдовательно, чтобы давать постоянную работу прибавочному числу механиковъ, всѣ фабриканты обоевъ должны, одинъ за другимъ, замѣщать рабочихъ машинами.

Въ дѣйствительности, наши апологеты имѣютъ въ виду вовсе не такой способъ освобожденія капитала. Они говорятъ о средствахъ существованія освобожденныхъ рабочихъ. Нельзя отрицать, что, напр., въ вышеприведенномъ случаѣ машины не только освобождаютъ 50 рабочихъ, и дѣлаютъ ихъ «запасными» (disponibel), но въ то же время и уничтожаютъ ихъ связь со средствами существованія цѣнностью въ 1.500 ф. ст., «освобождая», такимъ образомъ, эти средства существованія. Простой и отнюдь не новый фактъ, что машины освобождаютъ рабочаго отъ средствъ существованія, на языкѣ экономистовъ означаетъ, что машины освобождаютъ средства существованія для рабочаго или превращаютъ ихъ въ капиталъ, употребляемый для того, чтобы дать имъ занятія. Какъ видимъ, все зависитъ отъ способа выраженія: nominibus mollire licet mala *).

По этой теоріи, средства существованія цѣнностью въ 1.500 ф. ст. были капиталомъ, создававшимъ прибавочную цѣнность трудомъ 50 уволенныхъ обойщиковъ. Этотъ капиталъ теряетъ, слѣдовательно, свои занятія, какъ только эти 50 рабочихъ получаютъ свободу, и онъ не можетъ успокоиться, пока не найдетъ новаго «помѣщенія», гдѣ сказанные 50 рабочихъ могли бы его снова производительно потреблять. Раньше или позже, значитъ, капиталъ и рабочіе должны снова встрѣтиться, и тогда послѣдуетъ компенсація. Страданія рабочихъ, вытѣсняемыхъ машинами, столь же, значитъ, преходящи, какъ богатства міра сего.

Средства существованія на 1.500 ф. ст. никогда не противостояли въ качествѣ капитала отпущеннымъ рабочимъ. Какъ капиталъ имъ противостояли только тѣ 1.500 ф. ст., которые теперь обращены въ машины. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что эти 1.500 ф. ст. представляли ту часть ежегодно производившихся 50-ю уволенными рабочими обоевъ, которую они получали отъ своего нанимателя какъ заработную плату, только въ формѣ денегъ, а не натурой. На эти обои, превращенные въ 1.500 ф. ст., они покупаютъ жизненныя средства цѣнностью въ ту же сумму. Поэтому для нихъ эти послѣднія являлись не какъ капиталъ, а какъ товаръ, и сами они относятся къ нимъ не какъ наемные рабочіе, а какъ покупатели. То обстоятельство, что машина «освободила» ихъ отъ покупательнаго средства, превращаетъ ихъ изъ покупателей въ не-покупателей. Отсюда уменьшеніе спроса на потребляемые ими товары. Voilà tout. Если это уменьшеніе спроса не уравновѣшивается увеличеніемъ его съ какой либо другой стороны, то рыночная цѣна

*) Дозволительно именованіями смягчать зло.

этихъ товаровъ падаетъ. Если это продолжается долго и въ большихъ размѣрахъ, то происходитъ перемѣщеніе рабочихъ, занятыхъ въ производствѣ данныхъ товаровъ. Часть капитала, которая прежде производила необходимыя средства существованія, будетъ теперь воспроизводиться въ какой либо другой формѣ. Въ случаѣ паденія рыночныхъ цѣнъ и перемѣщенія капитала, рабочіе, занятые въ производствѣ необходимыхъ средствъ существованія, «освобождаются» отъ части своей платы. Слѣдовательно, вмѣсто того, чтобы доказать, что машина, освобождая рабочихъ отъ средствъ существованія, вмѣстѣ съ тѣмъ превращаетъ эти послѣднія въ капиталъ, могущій быть употребленнымъ для занятія рабочихъ, господинъ апологетъ, помощью испытаннаго закона спроса и предложенія, наоборотъ, доказываетъ, что машина выбрасываетъ рабочихъ на мостовую не только изъ той отрасли производства, въ которой она введена, но и изъ тѣхъ, въ которыхъ она не вводится.

Дѣйствительные факты, облекаемые экономическимъ оптимизмомъ въ совершенно непригодящій костюмъ, таковы: вытѣсненные машиною рабочіе выбрасываются изъ мастерской на рабочій рынокъ и увеличиваютъ собою число уже находящихся тамъ, въ распоряженіи капиталистической эксплуатаціи, рабочихъ силъ. Въ седьмомъ отдѣлѣ будетъ показано, что это дѣйствіе машинъ, которое намъ представляютъ какъ компенсацію для рабочаго класса, есть сущій бичъ для него. Здѣсь замѣтимъ лишь слѣдующее: выброшенные изъ какой либо отрасли промышленности рабочіе могутъ, конечно, искать занятій въ какой либо другой отрасли. Если они находятъ таковыя, и, такимъ образомъ, связь между ними и освобожденными вмѣстѣ съ ними средствами существованія возстановляется, то это происходитъ при помощи новаго капитала, ищущаго помѣщенія, но ни въ какомъ случаѣ не благодаря капиталу, уже ранѣе функціонировавшему и теперь превращенному въ машины. Но даже и въ этомъ случаѣ, какъ плохи ихъ шансы! Искалѣченные раздѣленіемъ труда, эти бѣдняги внѣ своей прежней трудовой сферы, имѣютъ столь мало цѣнности, что для нихъ доступны лишь нѣкоторыя низшія и, поэтому, постоянно переполненныя и недостаточно оплачиваемыя отрасли труда [215]). Кромѣ того, каждая отрасль промышленности ежегодно притягиваетъ къ себѣ новый человѣческій потокъ, доставляющій ей контингентъ рабочихъ силъ, необходимыхъ для правильнаго пополненія убыли и для регулярнаго удовлетворенія потребности въ рабочей силѣ, происходящей отъ дальнѣйшаго развитія данной отрасли. Но какъ только машины освобождаютъ часть рабочихъ, до тѣхъ поръ занятыхъ въ извѣстной отрасли промышленно-

---

[215]) Одинъ рикардіанецъ замѣчаетъ по этому поводу, опровергая пресныя пошлости Ж. Б. Сэя: «При развитомъ раздѣленіи труда, ловкость рабочихъ примѣнима только въ той спеціальной отрасли, въ которой они обучались; они сами составляютъ родъ машины. Поэтому абсолютно ничего не поможетъ попугайская болтовня, что вещи имѣютъ стремленіе къ извѣстному уровню. Мы должны осмотрѣться кругомъ насъ, и тогда мы увидимъ, что они долго не могутъ достигнуть своего уровня и что если они его находятъ, то оказывается, что уровень ниже, чѣмъ онъ былъ при началѣ процесса». («An Inquiry into those Principles respecting the Nature of Demand etc. Lond. 1821», p. 72).

сти, то и резервный отрядъ вновь перераспредѣляется и поглощается другими отраслями труда, между тѣмъ какъ первоначальныя жертвы большей частью опускаются и гибнутъ въ переходное время.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что машины сами по себѣ не отвѣтственны за «освобожденіе» рабочихъ отъ средствъ существованія. Онѣ удешевляютъ и увеличиваютъ продуктъ въ той отрасли, которую онѣ захватываютъ, и оставляютъ на первое время безъ измѣненія массу средствъ существованія, производимыхъ другими отраслями промышленности. Слѣдовательно, и послѣ ихъ введенія общество владѣетъ такимъ же или даже большимъ количествомъ жизненныхъ средствъ для замѣщенныхъ рабочихъ, совершенно независимо отъ той огромной части годового продукта, которая расточается неработниками. И въ этомъ-то и состоитъ pointe экономической апологетики! Противорѣчій и антагонизма, нераздѣльныхъ съ капиталистическимъ приложеніемъ машинъ, не существуетъ, такъ какъ они порождаются не самими машинами, а капиталистическимъ ихъ приложеніемъ! Такъ какъ машина сама по себѣ сокращаетъ рабочее время, а капиталистическое ея примѣненіе удлиняетъ его; такъ какъ сама по себѣ она облегчаетъ трудъ, а при капиталистическомъ производствѣ повышаетъ его интенсивность, такъ какъ сама по себѣ она представляетъ побѣду человѣка надъ природой, а капиталистически примѣненная—подчиняетъ человѣка природѣ; такъ какъ сама по себѣ она увеличиваетъ богатство производителя, капиталистически же примѣненная—превращаетъ его въ паупера и т. д.,—то буржуазный экономистъ просто заявляетъ: разсмотрѣніе машинной системы въ ея чистомъ видѣ съ полной ясностью доказываетъ, что всѣ эти вопіющія противорѣчія, суть только обманчивая видимость, сами же по себѣ, а, слѣдовательно, и въ теоріи, вовсе не существуютъ. Такимъ образомъ онъ избавляетъ себя отъ дальнѣйшихъ головоломныхъ мыслей, и сверхъ того еще изображаетъ своего противника дуракомъ, борющимся будто бы не противъ капиталистическаго приложенія машинъ, а противъ нихъ самихъ.

Правда, буржуазный экономистъ не отрицаетъ, что при употребленіи машинъ дѣйствительно иногда происходятъ временныя неудобства. Но когда и гдѣ же бываетъ медаль безъ оборотной стороны? Другого, не капиталистическаго пользованія машинами для него не существуетъ. Эксплуатація рабочаго посредствомъ машины для него, слѣдовательно, тождественна съ эксплуатаціей машины рабочимъ. Кто, поэтому, раскрываетъ дѣйствительную сущность капиталистическаго примѣненія машинъ, тотъ вовсе не желаетъ ихъ примѣненія, тотъ противникъ соціальнаго прогресса! [210]). Это вполнѣ напоминаетъ разсужденія

---

[210]) Одинъ изъ виртуозовъ въ этомъ претенціозномъ кретинизмѣ, между прочимъ, Макъ-Куллохъ. «Если выгодно», говоритъ онъ съ аффектированной наивностью восьмилѣтняго ребенка, «развить ловкость рабочаго до того, чтобы онъ былъ способенъ производить постоянно возрастающее количество товаровъ съ тѣмъ же или меньшимъ количествомъ труда, то должно быть выгодно также, чтобы онъ пользовался такими машинами, которыя бы возможно болѣе способствовали ему въ достиженіи этого результата» (Mac Culloch: «Princ. of Pol. Econ. Lond. 1830», p. 166).

знаменитаго головорѣза Bill Sykes: «Господа присяжные! Этимъ коммивояжерамъ горло было дѣйствительно перерѣзано, но въ этомъ фактѣ виноватъ не я, а ножъ. Неужели же намъ изъ за такихъ временныхъ неудобствъ отмѣнить употребленіе ножа? Подумайте только! Что стало бы съ земледѣліемъ и ремеслами безъ ножа? Развѣ онъ не спасаетъ въ рукахъ хирурга и не поучаетъ въ рукахъ анатома? Развѣ онъ не прекрасный помощникъ при веселыхъ пирахъ? Уничтожьте ножи и вы отбросите насъ въ глубочайшее варварство»[356a]).

Хотя машины обязательно вытѣсняютъ рабочихъ изъ тѣхъ отраслей труда, куда онѣ введены, однако онѣ могутъ вызвать увеличеніе занятій въ другихъ отрасляхъ. Но это дѣйствіе не имѣетъ ничего общаго съ такъ называемой теоріей компенсаціи. Такъ какъ всякій продуктъ машины, напр., аршинъ машинной ткани, дешевле вытѣсненнаго имъ однороднаго продукта ручного труда, то отсюда слѣдуетъ абсолютный законъ: если общее количество продукта, произведеннаго машиннымъ способомъ, остается равнымъ общему количеству замѣщеннаго имъ ремесленнаго или мануфактурнаго продукта, то общая сумма прилагаемаго труда уменьшается. Тотъ прибавочный трудъ, который нуженъ для производства самихъ средствъ труда—машинъ, угля и т. п., долженъ быть меньше того труда, который сберегается вслѣдствіе употребленія этихъ машинъ. Въ противномъ случаѣ продуктъ машины былъ бы столь же дорогъ, или даже дороже продукта ручного труда. Но на самомъ дѣлѣ общая масса какого-либо машиннаго продукта, произведеннаго уменьшеннымъ числомъ рабочихъ, далеко превосходитъ общую массу вытѣсненнаго продукта ремесленнаго производства. Положимъ, что 400.000 аршинъ машинной ткани производятся меньшимъ количествомъ рабочихъ, чѣмъ 100.000 арш. ручной ткани. Въ учетвереномъ продуктѣ заключается и въ четыре раза больше сырого матеріала. Производство сырого матеріала должно, поэтому, учетвериться. Что же касается до потребленныхъ средствъ труда, строеній, угля, машинъ и т. п., то предѣлы, въ которыхъ можетъ возрастать требуемый для ихъ производства добавочный трудъ, мѣняется сообразно разницѣ между массою машиннаго продукта и той массой ручного продукта, которая можетъ быть произведена тѣмъ же числомъ рабочихъ.

Поэтому, съ расширеніемъ машиннаго производства въ одной отрасли промышленности увеличивается производство и въ другихъ отрасляхъ, которыя доставляютъ первой ея средства производства. Насколько, вслѣдствіе этого, возрастаетъ число занятыхъ рабочихъ, зависитъ, при данной длинѣ рабочаго дня и интенсивности труда, отъ состава употребляемаго капитала, т. е. отъ отношенія между его постоянной и перемѣнной частями. Это отношеніе, въ свою очередь, сильно колеблется въ зависимости отъ того, въ какой мѣрѣ машины уже охватили или охватываютъ данное производство. Число людей, осужденныхъ работать въ угольныхъ копяхъ и рудникахъ, сильно возросло съ развитіемъ англійскаго машиннаго производства, хотя это возрастаніе было въ по-

[356a]) «Изобрѣтатель прядильной машины разорилъ Индію, что однако насъ очень мало трогаетъ». A. Thiers, «De la Propriété». Г. Тьеръ смѣшиваетъ здѣсь прядильную машину съ механическимъ ткацкимъ станкомъ, «что однако насъ очень мало трогаетъ».

слѣдніе десятилѣтія замедлено примѣненіемъ въ горномъ дѣлѣ новыхъ машинъ [217]). Вмѣстѣ съ машиной является на свѣтъ новый видъ рабочихъ — производителей машинъ. Мы уже знаемъ, что машинное производство все больше и больше завладѣваетъ и этой отраслью производства [218]). Что же касается, далѣе, сырого матеріала [219]), то не подлежитъ, напр., никакому сомнѣнію, что стремительное развитіе бумагопряденія дало огромный толчокъ культурѣ хлопка въ Соединенныхъ Штатахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не только двинуло съ чисто оранжерейной быстротой ростъ африканской работорговли, но сдѣлало выращиваніе негровъ главнымъ занятіемъ такъ называемыхъ пограничныхъ рабовладѣльческихъ штатовъ. Когда въ 1790 г. былъ произведенъ въ Соединенныхъ Штатахъ первый цензъ (перепись) невольниковъ, то число рабовъ было 697.000, а въ 1861 г. ихъ уже было около 4 милліоновъ. Съ другой стороны, столь же несомнѣнно, что расцвѣтъ механической шерстяной промышленности вызвалъ, вмѣстѣ съ прогрессивнымъ превращеніемъ пахатной земли въ пастбища для овецъ, массовое изгнаніе «излишнихъ» земледѣльческихъ рабочихъ. Ирландія и теперь еще переживаетъ этотъ процессъ, низводя свое уменьшившееся уже почти на половину съ 1845 г. населеніе до уровня, точно соотвѣтствующаго потребностямъ ея лэндлордовъ и гг. англійскихъ шерстяныхъ фабрикантовъ.

Если машина захватываетъ первую или промежуточныя ступени процесса, которыя какой либо предметъ (труда долженъ пройти до достиженія своей окончательной формы, то, вмѣстѣ съ рабочимъ матеріаломъ, увеличивается и спросъ на трудъ въ тѣхъ ремесленныхъ или мануфактурныхъ отрасляхъ, которыя пользуются этимъ машиннымъ продуктомъ. Напр., машинное пряденье доставляло пряжу такъ дешево и въ такомъ большомъ количествѣ, что ручные ткачи могли на первыхъ порахъ работать полное время, не увеличивая своихъ издержекъ. Такимъ образомъ, доходъ ихъ возросталъ [220]). Отсюда боль-

---

[217]) По переписи 1861 г. (Vol II. Lond. 1863) число рабочихъ, занятыхъ въ угольныхъ копяхъ, въ Англіи и Уэльсѣ, составляло 246. 613, изъ которыхъ 73.545 моложе и 173.067 старше 20 лѣтъ. Къ первой рубрикѣ принадлежатъ 835 дѣтей отъ 5 до 10 л., 30.701—отъ 10 до 15 л., 42.010—отъ 15 до 19 лѣтъ. Число лицъ, занятыхъ въ желѣзныхъ, мѣдныхъ, свинцовыхъ, оловянныхъ и другихъ рудникахъ, простиралось до 319.222 человѣкъ.

[218]) Въ Англіи и Уэльсѣ, въ 1861 г. производствомъ машинъ занимались 60.807 человѣкъ, включая сюда фабрикантовъ, ихъ прикащиковъ и др., т. е. всѣхъ агентовъ и торговцевъ въ этомъ дѣлѣ. Наоборотъ, сюда не включены производители мелкихъ машинъ, какъ швейныхъ и т. п., а также производители инструментовъ для рабочихъ машинъ, какъ веретенъ и т. п. Число всѣхъ гражданскихъ инженеровъ составляетъ 3.329.

[219]) Такъ какъ желѣзо есть одинъ изъ важнѣйшихъ сырыхъ матеріаловъ, то замѣтимъ здѣсь, что въ 1861 г., въ Англіи и Уэльсѣ, было 125,771 человѣкъ, занятыхъ выплавкой желѣза; изъ нихъ 123.430 мужчинъ и 2·341 женщина. Между первыми 30,810 моложе и 92.620 старше 20 лѣтъ.

[220]) «Семья изъ 4 взрослыхъ лицъ (бумаго-ткачей) и двухъ дѣтей, въ качествѣ winders получала, въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго столѣтія, 4 ф. ст. въ недѣлю при 10 ти часовомъ рабочемъ днѣ; при очень большомъ спросѣ на трудъ

шой притокъ рабочихъ къ производству хлопчатобумажныхъ тканей, пока, наконецъ, 800.000 хлопчатобумажныхъ ткачей, вызванныхъ къ жизни въ Англіи такими машинами, какъ Jenny, Throstle и Mule, не были, въ свою очередь, убиты паровымъ ткацкимъ станкомъ. Точно также при обильномъ машинномъ производствѣ матерій для платья, возрастало число портныхъ, портнихъ, швей и т. п., пока на сцену не появилась швейная машина.

Соотвѣтственно возрастанію массы сырыхъ матеріаловъ, полуфабрикатовъ, рабочихъ инструментовъ и т. п., доставляемыхъ машиннымъ производствомъ съ сравнительно меньшимъ числомъ рабочихъ, — обработка этихъ сырыхъ матеріаловъ и полуфабрикатовъ раскалывается на многочисленные подвиды, т. е. возрастаетъ разнообразіе отраслей общественнаго производства. Машинное производство развиваетъ общественное раздѣленіе труда несравненно больше, чѣмъ мануфактурное, потому что первое въ несравненно большей степени, чѣмъ второе, увеличиваетъ производительную силу захваченныхъ имъ отраслей промышленности.

Ближайшій результатъ машиннаго производства состоитъ въ томъ, что увеличивается прибавочная цѣнность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, та масса продукта, въ которой она реализуется, а, слѣдовательно, вмѣстѣ съ веществомъ, поглощаемымъ классомъ капиталистовъ и его присными, увеличивается и этотъ общественный слой. Возрастаніе его богатства, сопровождаемое постояннымъ относительнымъ уменьшеніемъ числа рабочихъ, занятыхъ производствомъ предметовъ первой необходимости, создаетъ, одновременно съ новыми потребностями въ роскоши, и новыя средства для ихъ удовлетворенія. Бо́льшая часть общественнаго продукта превращается въ избыточный продуктъ, бо́льшая часть этого послѣдняго воспроизводится и потребляется въ болѣе утонченныхъ и разнообразныхъ формахъ. Другими словами: производство предметовъ роскоши возрастаетъ [221]). Утонченіе и большее многообразіе продуктовъ порождаются также новыми отношеніями на міровомъ рынкѣ, создаваемыми крупной промышленностью. Не только вымѣнивается большее количество заграничныхъ предметовъ непосредственнаго потребленія на туземный продуктъ, но и бо́льшая масса сырья, разныхъ ингредіентовъ, полуфабрикатовъ заграничнаго происхожденія и т. п. вступаетъ въ туземную промышленность въ качествѣ средствъ производства. Вмѣстѣ съ этими отношеніями, возникающими на аренѣ мірового рынка, возрастаетъ и спросъ на трудъ въ сферѣ транспорта, и эта сфера распадается на многочисленные новые подвиды [222]).

Увеличеніе средствъ производства и существованія при относительномъ уменьшеніи числа рабочихъ, нужнаго для ихъ производства, даетъ толчокъ расширенію труда въ такихъ отрасляхъ, продукты которыхъ, какъ напр., ка-

они могли заработать и больше... Прежде они всегда терпѣли отъ недостаточнаго предложенія пряжи» (Gaskell. l. c. p. 24—27).

[221]) Ф. Энгельсъ въ «Lage etc.» констатируетъ жалкое положеніе бо́льшей части именно этихъ производителей предметовъ роскоши. Многочисленныя новыя данныя, доказывающія то же самое, можно найти въ отчетахъ «Childr. Empl. Comm».

[222]) Въ 1861 г. въ Англіи и Уэльсѣ было 94.665 моряковъ, занятыхъ въ торговомъ флотѣ.

палы, доки, тунели, мосты и т. п., приносятъ плоды лишь въ отдаленномъ будущемъ. Прямо на основѣ машиннаго производства или на основѣ соотвѣтствующаго ему общаго промышленнаго переворота, развиваются совершенно новыя отрасли промышленности, а, слѣдовательно, новыя сферы приложенія труда. Однако, мѣсто, занимаемое ими въ общемъ производствѣ, незначительно даже въ наиболѣе развитыхъ странахъ. Число занимаемыхъ ими рабочихъ прямо пропорціонально постоянно воспроизводящейся потребности въ грубѣйшемъ ручномъ трудѣ. Какъ на главнѣйшія отрасли промышленности этого рода можно теперь указать на газовое производство, телеграфію, фотографію, пароходство, желѣзныя дороги. По переписи 1861 г. (для Англіи и Уэльса) газовымъ производствомъ (добываніе газа, производство механическихъ аппаратовъ, агенты газовыхъ обществъ и т. п.) занималось 15.211 человѣкъ; при телеграфѣ работаютъ—2.399, фотографіей занимались—2.366, пароходной службой—3.570 и на желѣзныхъ дорогахъ—70.599, въ числѣ которыхъ находится около 28.000 болѣе или менѣе постоянно занятыхъ «необученныхъ» землекоповъ рядомъ со всѣмъ административнымъ и коммерческимъ персоналомъ. Такимъ образомъ, общее число лицъ въ этихъ пяти новыхъ отрасляхъ промышленности составляетъ 94.145.

Наконецъ, необыкновенно усилившаяся производительность въ сферѣ крупной промышленности, сопровождаемая къ тому же болѣе интенсивной и экстенсивной эксплуатаціей рабочей силы во всѣхъ другихъ сферахъ производства, позволяетъ употреблять все бо́льшую и бо́льшую часть рабочаго класса непроизводительно, воспроизводя, такимъ образомъ, все въ бо́льшихъ и бо́льшихъ массахъ прежнихъ домашнихъ рабовъ подъ названіемъ «служащаго класса» (прислуги), т. е. слугъ, горничныхъ, лакеевъ и т. д. По переписи 1861 г. все народонаселеніе Англіи и Уэльса составляло 20.066.244 человѣка, изъ которыхъ 9.776.259 мужчинъ и 10.289.965 женщинъ. Если изъ этого числа исключить всѣхъ неспособныхъ къ труду по старости или по молодости, всѣхъ «непроизводительныхъ» женщинъ, подростковъ и дѣтей, затѣмъ «идеологическія» профессіи, какъ, напр., агентовъ правительства, духовенство, юристовъ, войско и т. п., далѣе всѣхъ тѣхъ, исключительное занятіе которыхъ состоитъ въ потребленіи чужого труда въ формѣ поземельной ренты, процентовъ и т. п., наконецъ пауперовъ, бродягъ, преступниковъ и т. д., то остается, круглымъ счетомъ, 8 милліоновъ человѣкъ обоего пола и различныхъ возрастовъ, включая сюда и капиталистовъ, функціонирующихъ въ производствѣ, торговлѣ, биржевомъ дѣлѣ (Finanz) и т. д. Изъ этихъ 8 милл. приходится на:

Сельскохозяйственныхъ рабочихъ (со включеніемъ пастуховъ, батраковъ и батрачекъ, живущихъ у фермеровъ).....	1.098.261 чел.
Всѣхъ рабочихъ, занятыхъ на хлопчатобумажныхъ, льняныхъ, пеньковыхъ, шелковыхъ, джутовыхъ, механическихъ вязальныхъ и кружевныхъ фабрикахъ.....	642.607 »[232])
Всѣхъ занятыхъ въ угольныхъ копяхъ и рудникахъ.....	565.835 »

[232]) Изъ нихъ только 177,569 мужчинъ старше 13 лѣтъ.

Всѣхъ занятыхъ на металлургическихъ заводахъ (доменныя печи, прокатныя мастерскія и т. д.) и металлическихъ мануфактурахъ всякаго рода..... ..... 396.998 »[224])

Прислуги .... 1.208.648 »[225])

Сложивъ число всѣхъ занятыхъ обработкой волокнистыхъ веществъ съ числомъ персонала угольныхъ копей и металлическихъ рудниковъ, мы получимъ 1.208.442; сложивъ же первое число съ числомъ персонала металлургическихъ заводовъ и мануфактуръ, мы получимъ въ общемъ 1.039.605, т. е. въ обоихъ случаяхъ меньше числа современныхъ домашнихъ рабовъ. Что за ободряющій душу результатъ капиталистической эксплуатаціи машинъ!

7. Отталкиваніе и притяженіе рабочихъ, какъ слѣдствіе развитія машиннаго производства. Кризисы въ хлопчатобумажной промышленности.

Всѣ вмѣняемые представители политической экономіи соглашаются, что введеніе новыхъ машинъ дѣйствуетъ какъ чума на рабочихъ тѣхъ традиціонныхъ ремеслъ и мануфактуръ, съ которыми машина прежде всего вступаетъ въ конкурренцію. Всѣ они оплакиваютъ рабство фабричныхъ рабочихъ. Но каковъ тотъ козырь, который они пускаютъ въ ходъ? Онъ состоитъ въ томъ, что машины, послѣ ужасовъ, характеризующихъ періодъ ихъ введенія и развитія, въ концѣ концовъ увеличиваютъ, а не уменьшаютъ число рабочихъ рабовъ! Да, политическая экономія упирается отвратительной теоремой, гласящей, что даже основанная на машинномъ производствѣ, фабрика, послѣ нѣкотораго періода роста, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго «переходнаго времени», мучитъ на своей работѣ большее число рабочихъ, чѣмъ то, которое первоначально было выброшено ею на мостовую! [226]).

---

[224]) Изъ нихъ женскаго пола 30,501.

[225]) Изъ нихъ мужчинъ 137,447. Изъ этого числа 1,208,648 исключены всѣ лица, не служащія у частныхъ лицъ.

Прим. ко 2-му изд. Съ 1861 до 1870 г. число мужской прислуги почти удвоилось. Оно возросло до 267, 671. Въ 1847 г. было 2.694 сторожей дичи (въ аристократическихъ охотничьихъ паркахъ); въ 1869 г. ихъ уже было 4.921. Молодыя дѣвушки, служащія у лондонскихъ мелкихъ буржуа, на народномъ языкѣ называются «little slaveys», маленькими рабынями.

[226]) Ganilh, наоборотъ, считаетъ конечнымъ результатомъ машиннаго производства абсолютное уменьшеніе числа рабочихъ-рабовъ, насчетъ которыхъ живетъ и питается растущее число «gens honnêtes», развивающихъ свою извѣстную «perfectibilité perfectible». Хотя онъ совсѣмъ не понимаетъ движенія производства, все-таки онъ чувствуетъ, что машины весьма роковое учрежденіе, разъ введеніе ихъ превращаетъ трудящихся рабочихъ въ нищихъ, между тѣмъ какъ дальнѣйшее развитіе создаетъ большее число рабочихъ рабовъ, чѣмъ сколько онѣ первоначально убили. Кретинизмъ его точки зрѣнія можно выразить только его собственными словами: «Les classes, condamnées à produire et à consommer diminuent, et les classes qui dirigent le travail, qui soulagent et éclairent toute la population, se multiplient... et s'approprient tous les bienfaits qui résultent de la diminution des frais du travail, de l'abondance des productions et du bon marché des

Однако, примѣры нѣкоторыхъ англійскихъ суконныхъ и шелковыхъ фабрикъ показываютъ, что на извѣстной ступени развитія чрезвычайное расширеніе фабричной системы можетъ быть связано не только съ относительнымъ, но и съ абсолютнымъ уменьшеніемъ числа занятыхъ рабочихъ. Въ 1860 г., когда, по распоряженію парламента, былъ предпринятъ спеціальный цензъ всѣхъ фабрикъ Соед. Королевства, фабричные округа Ланкашира, Чешира и Іоркшира, подчиненные фабричному инспектору R. Baker'у насчитывали 652 фабрики; изъ нихъ 570 имѣли 85.622 паровыхъ ткацкихъ станковъ, 6.819.146 веретенъ (за исключеніемъ сучильныхъ); 27.439 лошадиныхъ силъ въ паровыхъ машинахъ и 1.390 въ водяныхъ колесахъ; лицъ, работавшихъ на этихъ фабрикахъ, было 94.119. Въ 1865 г. эти самыя фабрики имѣли: 95.163 ткацкихъ станка, 7.025.031 веретено, 28.925 лошадиныхъ силъ въ паровыхъ машинахъ и 1.445 въ водяныхъ колесахъ, а число занятыхъ на нихъ лицъ составляло—88.913. Слѣдовательно, съ 1860 до 1865 г. ростъ этихъ фабрикъ выразился въ слѣдующихъ цифрахъ: число паровыхъ ткацкихъ станковъ увеличилось на 11%, число веретенъ—на 3%, паровая сила—на 5%, между тѣмъ, какъ число рабочихъ въ то же время сократилось на 6,5% [227]). Отъ 1852 до 1862 г. происходилъ значительный ростъ англійскаго шерстянаго производства, между тѣмъ какъ число занятыхъ въ этомъ производствѣ рабочихъ осталось почти неизмѣннымъ. «Это показываетъ, въ какихъ большихъ размѣрахъ вновь введенныя машины вытѣснили трудъ предыдущихъ періодовъ» [228]). Во многихъ случаяхъ увеличеніе числа занятыхъ

consommations. Dans cette direction, l'espèce humaine s'élève aux plus hautes conceptions du génie, pénètre dans les profondeurs mystérieuses de la religion, établit des principes salutaires de la morale les lois tutélaires de la liberté et du pouvoir, de l'obéissance et de la justice, du devoir et de l'humanité». [«Классы, осужденные на производство и потребленіе, уменьшаются, а классы, управляющіе трудомъ, утѣшающіе и просвѣщающіе весь народъ, умножаются... и присвоиваютъ себѣ всѣ блага, проистекающія отъ уменьшенія издержекъ труда, изобилія продуктовъ и ихъ дешевизны. Въ этомъ направленіи родъ человѣческій вызвышается до высочайшихъ концепцій генія, проникаетъ въ сокровенныя глубины религіи, утверждаетъ спасительные принципы морали (состоящіе въ «присвоеніи себѣ всѣхъ благъ и т. д.»?), и покровительственные законы свободы (свободы для «классовъ, осужденныхъ на производство?») и власти, посущавія и справедливости, долга и человѣчности»]. Эта тарабарщина находится въ «Des systèmes d'Economie Politique etc. Par M. Ch. Ganilh». 2 éd. Paris 1821, t. II. p. 224. Ср. ib. p. 212.

[227]) «Reports of Insp. of Fact. 31 st Oct. 1865», p. 585 d. Одновременно, однако, была создана и матеріальная основа для занятія возрастающаго числа рабочихъ во образѣ 110 новыхъ фабрикъ съ 11.625 паровыми ткацкими станками, 628.759 веретенами, 2.695 паровыми и водяными лошадиными силами (l. c.).

[228]) «Reports etc. for 31 oct. 1862», p. 79.

Прим. ко 2-му изд. Въ концѣ декабря 1871 г. фабричный инспекторъ A. Redgrave въ лекціи, читанной въ Брадфордѣ, въ «New Mechanics Institution», сказалъ слѣдующее: «Что меня недавно особенно поразило, это совершенно измѣнившійся видъ шерстяныхъ фабрикъ. Раньше онѣ были переполнены женщинами и дѣтьми, теперь, кажется, машины дѣлаютъ все. На мой вопросъ по этому поводу одинъ фабрикантъ далъ мнѣ слѣдующее объясненіе: «При старой системѣ у меня работало 63 человѣка; послѣ же введенія усовершенствованныхъ машинъ я низвелъ

фабричныхъ рабочихъ является лишь кажущимся, т. е. оно вызывается не расширеніемъ уже существующаго машиннаго производства, а постепеннымъ присоединеніемъ къ нему разныхъ побочныхъ отраслей. Напр., «увеличеніе механическихъ ткацкихъ станковъ и числа работающихъ на нихъ фабричныхъ рабочихъ съ 1838 г. до 1858 произошло на англійскихъ хлопчатобумажныхъ фабрикахъ просто вслѣдствіе расширенія этой отрасли промышленности; на другихъ же фабрикахъ это увеличеніе произошло, наоборотъ, вслѣдствіе новаго примѣненія паровой силы къ ткацкію ковровъ, лентъ, холста и. т. п., которое раньше производилось мускульной силой людей» [272]). Увеличеніе этихъ фабричныхъ рабочихъ выражало, слѣдовательно, лишь уменьшеніе общаго числа занятыхъ рабочихъ. Мы здѣсь оставляемъ совершенно въ сторонѣ и то, что вездѣ, за исключеніемъ металлическихъ фабрикъ, преобладающимъ элементомъ въ фабричномъ персоналѣ являются подростки (моложе 18 л.), женщины и дѣти.

Каково бы, однако, ни было число рабочихъ, фактически вытѣсненное или потенціально замѣщенное машиннымъ производствомъ, — понятно, что, съ возрастаніемъ послѣдняго, выражающимся въ ростѣ числа фабрикъ, или расширеніи ихъ размѣровъ, число фабричныхъ рабочихъ, въ концѣ концовъ, можетъ быть больше числа замѣщенныхъ мануфактурныхъ рабочихъ или ремесленниковъ. Положимъ, еженедѣльно употребляемый капиталъ въ 500 ф. ст. при старомъ способѣ производства состоитъ, напр., изъ $^2/_3$ постояннаго и $^1/_3$ перемѣннаго капитала, т. е. 200 ф. ст. вложены въ средства производства и 300 ф. въ рабочую силу, положимъ, по 1 ф. ст. на рабочаго. Со введеніемъ машинъ составъ совокупнаго капитала измѣняется. Теперь онъ распадается, напр., на $^4/_5$ постояннаго и $^1/_5$ перемѣннаго капитала, или на рабочую силу употребляется только 100 ф. ст. Слѣдовательно, $^2/_3$ рабочихъ, которые до сихъ поръ были заняты, теперь увольняются. Если это фабричное производство расширяется и затрачиваемый капиталъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, возрастаетъ съ 500 на 1.500, то и тогда въ немъ будутъ заняты 300 рабочихъ, т. е. столько же, сколько и до промышленнаго переворота. Если, далѣе, употребляемый капиталъ возрастетъ до 2.000, то будутъ заняты 400 рабочихъ, т. е. на $^1/_3$ больше, чѣмъ при старомъ способѣ производства. Абсолютно число употребляемыхъ рабочихъ возросло на 100, но относительно, т. е. по отношенію ко всему авансированному капиталу, оно уменьшилось на 800, такъ какъ при старомъ способѣ производства капиталъ въ 2.000 ф. ст. далъ бы занятія 1.200 рабочимъ, вмѣсто 400. Слѣдовательно, относительное уменьшеніе числа занятыхъ рабочихъ совершенно совмѣстимо съ абсолютнымъ его возрастаніемъ. Мы выше предположили, что, съ возрастаніемъ общаго капитала, взаимное отношеніе его составныхъ частей остается постояннымъ, такъ какъ и условія производства не измѣняются. Но мы уже знаемъ, что съ каждымъ шагомъ впередъ въ машинной системѣ, постоянная часть капитала, заключающаяся въ машинахъ, сырыхъ матеріалахъ и т. п., возрастаетъ, въ то время какъ перемѣнная часть, затрачиваемая на рабочую силу, уменьшается. Точно также мы

число своихъ «рукъ» до 33; въ самое послѣднее время, вслѣдствіе новыхъ большихъ замѣненій, я былъ въ состояніи уменьшить ихъ съ 33 до 13».

[272]) «Reports etc. for 31 st Oct. 1856», p. 16.

знаемъ, что ни при какомъ другомъ способѣ производства усовершенствованія не являются столь постоянными, а, слѣдовательно, взаимное отношеніе частей общаго капитала нигдѣ не бываетъ столь измѣнчивымъ, какъ здѣсь. Но эти постоянныя измѣненія также постоянно прерываются періодами спокойствія и простымъ количественнымъ расширеніемъ на данномъ техническомъ основаніи. Благодаря этому, число занятыхъ рабочихъ возрастаетъ. Такъ, напр., въ 1835 г. число всѣхъ рабочихъ на хлопчатобумажныхъ, шерстяныхъ, льняныхъ и шелковыхъ фабрикахъ Соединеннаго Королевства составляло лишь 354.684, между тѣмъ какъ въ 1861 г. число однихъ ткачей (обоего пола и различнѣйшихъ возрастовъ, начиная съ 8-ми лѣтняго), работающихъ на паровыхъ станкахъ, составляло 230.654. Правда, этотъ ростъ окажется не столь значительнымъ, если мы вспомнимъ, что еще въ 1838 г. число англійскихъ ручныхъ хлопчатобумажныхъ ткачей съ семействами, работавшими съ ними, составляло 800.000 [239]), не считая совершенно тѣхъ, которые были вытѣснены въ Азіи и на европейскомъ континентѣ.

Въ немногихъ замѣчаніяхъ, которыя должны быть сдѣланы еще насчетъ этого пункта, мы коснемся, отчасти съ чисто фактической стороны, отношеній, до которыхъ наше теоретическое изложеніе еще не довело насъ.

До тѣхъ поръ, пока машинное производство расширяется въ какой-либо отрасли промышленности насчетъ ремесленнаго или мануфактурнаго, успѣхъ его настолько же вѣренъ, насколько вѣрна, положимъ, побѣда арміи, вооруженной игольчатыми ружьями, надъ арміей стрѣлковъ изъ лука. Этотъ первый періодъ, когда машина только начинаетъ завоевывать себѣ сферу дѣйствія, имѣетъ важное, рѣшающее значеніе, въ виду чрезвычайной прибыли, которая производится при помощи машинъ. Эта прибыль не только сама по себѣ образуетъ источникъ ускореннаго накопленія, но еще постоянно притягиваетъ къ особо прибыльной сферѣ производства крупную долю добавочнаго общественнаго капитала, постоянно вновь образующагося и ищущаго новыхъ помѣщеній. Особенныя преимущества перваго періода «бури и натиска» повторяются въ тѣхъ отрасляхъ производства, куда вновь вводятся машины. Но, какъ только фабричная система достигла въ своемъ развитіи извѣстной широты и извѣстной зрѣлости; какъ только ея техническая основа, т. е. машины, производятся машиннымъ же способомъ; какъ только въ добываніи угля и желѣза, а также въ способѣ обработки металловъ и въ транспортномъ дѣлѣ произошелъ переворотъ; вообще, какъ только созданы общія условія производства, соотвѣтствующія крупной промышленности, — съ этого момента машинный способъ производства пріобрѣтаетъ извѣстную эластичность, способность къ быстрому расширенію, предѣлы которому ставятся лишь сырымъ матеріаломъ и рынкомъ

[239]) «Страданія ручныхъ ткачей (хлопчатой бумаги и матерій съ примѣсью ея) были предметомъ изслѣдованія королевской комиссіи, но, хотя дѣйствія ихъ были признаны и о нихъ сожалѣли, улучшеніе (!) ихъ положенія было предоставлено случаю и времени, и можно надѣяться, что эти страданія теперь (чрезъ 20 лѣтъ!) почти (nearly) исчезли, чему, по всей вѣроятности, способствовало современное громадное распространеніе паровыхъ ткацкихъ станковъ». (Rep. Insp. Fact. 31 oct. 1856. p. 15).

сбытѣ. Съ одной стороны, машины прямо увеличиваютъ количество сырья, напр., cottongin увеличила производство хлопка [231]). Съ другой стороны, дешевизна машиннаго продукта и преобразованная система транспорта и сообщеній служатъ орудіемъ для завоеванія иностранныхъ рынковъ. Машины превращаютъ эти рынки въ мѣста производства сырья для себя, разоряя ремесленное производство данныхъ странъ. Такъ, напр., Остъ-Индія была вынуждена производить для Великобританіи хлопокъ, шерсть, пеньку, джутъ, индиго и т. п. [232]). Постоянное «превращеніе» части рабочихъ въ «лишнихъ» въ странахъ съ крупной промышленностью дѣлаетъ необходимой искусственно порождаемую эмиграцію и колонизацію чужихъ странъ, которыя превращаются въ мѣста производства сырья для метрополіи, — такъ, напр., Австралія превратилась въ поставщицу шерсти [233]). Создается новое, согласованное съ пространственнымъ распредѣленіемъ машиннаго производства, международное раздѣленіе труда, которое превращаетъ одну часть земного шара въ преимущественно земледѣльческую область. Эта революція совпадаетъ съ переворотами въ земледѣліи, которые здѣсь еще не могутъ быть обсуждаемы [234]).

По почину Гладстона, палата общинъ предписала, 17-го февраля 1867 г., собрать статистическія данныя о ввозѣ въ Соединенное Королевство и вывозѣ изъ него, съ 1831 до 1866 г., всякаго рода зерна и муки. Въ слѣдующей таблицѣ (см. стр. 373) мы представляемъ сводку добытыхъ данныхъ. Мука приведена въ квартеры зернового хлѣба:

---

[231]) Другіе методы, посредствомъ которыхъ машины вліяютъ на производство сырыхъ матеріаловъ, будутъ указаны въ третьей книгѣ.

[232]) Вывозъ хлопка изъ Индіи въ Великобританію:
1846 г. 34.540.143 фунта; 1860 г. 204.141.168 ф.; 1865 г. 445.947.600 ф.
Вывозъ шерсти изъ Индіи въ Великобританію:
1846 г. 4.570.581 ф.; 1860 г. 20.214.173 ф.; 1865 г. 20.679.111 ф.

[233]) Вывозъ шерсти съ мыса Доброй Надежды въ Великобританію:
1846 г. 2.958.457 ф.; 1860 г. 16.574.345 ф.; 1865 г. 29.920.623 ф.
Вывозъ шерсти изъ Австраліи въ Великобританію:
1846 г. 21.789.346 ф.; 1860 г. 59.166.616 ф.; 1865 г. 109.734.261 ф.

[234]) Самое экономическое развитіе Соединенныхъ Штатовъ есть продуктъ европейской, вѣрнѣе, англійской крупной промышленности. Сѣверо-Американскіе штаты надо разсматривать даже въ современномъ (1866 г.) ихъ видѣ, все еще какъ европейскія колоніи [Къ 4-му изд.—Съ тѣхъ поръ они стали второй промышленной страной на свѣтѣ, не совсѣмъ еще потерявъ, однако, свой колоніальный характеръ.—Ф. Э.]
Вывозъ хлопка изъ Соединенныхъ Штатовъ въ Великобританію:
1846 г. 401.949.393 фун.; 1852 г. 765.630.544 фун.; 1859 г. 961.707.264 фун.; 1860 г. 1.115.890.608 фунт.
Вывозъ всякаго рода зерна и т. п. изъ Соединенныхъ Штатовъ въ Великобританію:

	1850 г.	1862 г.
Пшеницы	16.202.312 центн.	41.033.503 центн.
Ячменя	3.669.653 »	6.624.800 »
Овса	3.174.801 »	4.426.994 »
Ржи	388.749 »	7.108 »
Пшеничной муки	3.819.440 »	7.207.113 »
Гречихи	1.054 »	19.571 »
Маиса	5.473.161 »	11.694.818 »
Bere или Bigg (родъ ячменя)	2.039 »	7.675 »
Гороху	811.620 »	1.024.722 »
Бобовъ	1.822.972 »	2.037.137 »
Общій ввозъ	34.365.801 »	74.083.351 »

Пятилѣтніе періоды и 1866 годъ.

	1831—1835.	1836—1840.	1841—1845.	1846—1850.	1851—1855.	1856—1860.	1861—1865.	1866.
Ежегодно въ среднемъ:								
Ввозъ въ квартерахъ	1.096.373	2.389.729	2.843.865	8.776.552	8.345.237	10.912.612	15.009.871	16.457.340
Вывозъ »	225.363	251.770	139.056	155.461	307.491	341.150	302.754	216.318
Перевѣсъ средней цифры ввоза надъ вывозомъ	871.110	2.137.959	2.704.809	8.621.091	8.037.746	10.572.462	14.740.117	16.241.122
Среднее годовое народонаселеніе въ каждомъ періодѣ . .	24.621.107	25.929.507	27.262.569	27.797.598	27.572.923	28.391.544	29.381.460	29.935.404
Среднее количество хлѣба въ квартерахъ, приходящееся ежегодно на каждаго индивидуума изъ излишка ввоза надъ туземнымъ производствомъ, при равномѣрномъ распредѣленіи между всѣми жителями	0,036	0,082	0,099	0,310	0.291	0,372	0,543	0,543

Эта громадная, дающая себя знать въ толчкахъ, растяжимость фабричнаго производства и его зависимость отъ мірового рынка необходимо порождаютъ лихорадочное производство и слѣдующее за производственной горячкой переполненіе рынковъ, сокращеніе которыхъ производитъ параличъ. Промышленная жизнь, такимъ образомъ, превращается въ послѣдовательный рядъ періодовъ средняго оживленія, процвѣтанія, перепроизводства, кризиса и застоя. Необезпеченность и неустойчивость, которымъ машинное производство подвергаетъ трудъ, а, слѣдовательно, и судьбу рабочаго, дѣлаются нормальными, когда наступаетъ эта періодичность промышленнаго цикла. За исключеніемъ періодовъ процвѣтанія, между капиталистами свирѣпствуетъ отчаянная борьба за ихъ индивидуальныя доли участія на рынкѣ. Это участіе прямо пропорціонально дешевизнѣ продукта. Кромѣ вызываемаго этимъ соперничества въ примѣненіи замѣщающихъ рабочую силу усовершенствованныхъ машинъ и новыхъ методовъ производства,—каждый разъ наступаетъ такой моментъ, когда предприниматели стремятся достигнуть улешевленія товаровъ посредствомъ давленія на заработную плату, низводящаго ее ниже цѣнности рабочей силы [235]).

Возрастаніе числа фабричныхъ рабочихъ обусловливается, слѣдовательно, относительно болѣе быстрымъ возрастаніемъ совокупнаго капитала, помѣщеннаго въ фабричныя предпріятія. Но этотъ процессъ въ дѣйствительности совершается лишь постольку, поскольку происходятъ указанные приливы и отливы промышлен-

[235]) Въ воззваніи рабочихъ, выброшенныхъ на улицу посредствомъ «lockout'a» лестерскими башмачными фабрикантами, воззваніи, обращенномъ къ «Trade Societies of England», въ іюлѣ 1866 г., между прочимъ, говорится: «Лѣтъ 20 тому назадъ сапожное дѣло въ Лестерѣ (Leicester) претерпѣло переворотъ, состоявшій въ замѣнѣ шитья скрѣпленіемъ гвоздями. Тогда можно было имѣть хорошій заработокъ. Вскорѣ это новое дѣло сильно распространилось. Началась сильная конкурренція между различными фирмами, стремившимися непрерывъ производить наиболѣе нѣнцный товаръ. Вскорѣ, однако, послѣ этого возникла конкурренція гораздо худшаго рода, именно одна фирма старалась побить другую болѣе дешевой цѣной (undersell). Вредныя послѣдствія скоро сказались въ пониженіи заработной платы; и такъ стремительно было это паденіе цѣны труда, что многія фирмы теперь платятъ уже лишь половину первоначальной платы. Тѣмъ не менѣе, хотя заработная плата падаетъ все ниже и ниже, прибыль, кажется, при всякомъ такомъ пониженіи, возрастаетъ».—Даже неблагопріятными періодами промышленности пользуются фабриканты, чтобы крайнимъ пониженіемъ заработной платы, т. е. простымъ воровствомъ необходимыхъ средствъ существованія рабочихъ, добывать себѣ чрезвычайную прибыль. Вотъ примѣръ. Дѣло идетъ о кризисѣ шелкоткачества въ Coventry. «Изъ показаній, полученныхъ мною какъ отъ фабрикантовъ, такъ и отъ рабочихъ, несомнѣнно слѣдуетъ, что заработная плата понизилась въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ это было вынуждено конкурренціей заграничныхъ фабрикантовъ. Большинство ткачей работаетъ за плату, сокращенную на 30—40%. Кусокъ ленты, за которую ткачъ 5 лѣтъ тому назадъ получалъ 6—7 шилл., даетъ ему теперь только 4 шилл. 3 пенса, или 3 шилл. 6 пенс.; другая работа, которая раньше оплачивалась 4 шилл. и 4 шилл. 3 пенс., оплачивается теперь только 2 шилл. или 2 шилл. 3 пенс. Заработная плата понизилась больше, чѣмъ нужно для оживленія спроса на продуктъ. Въ самомъ дѣлѣ, для многихъ сортовъ лентъ пониженіе заработной платы не сопровождалось никакимъ пониженіемъ въ цѣнѣ товара» (Отчетъ комиссара F. D. Longe въ «Ch. Emp. Com. V. Rep. 1866», p. 114, n. 1)

ного цикла, и лишь въ связи съ нимъ. Кромѣ того, онъ постоянно прерывается прогрессомъ техники, который то замѣщаетъ рабочихъ потенціально, то вытѣсняетъ ихъ фактически. Эти качественныя измѣненія въ машинномъ производствѣ постоянно удаляютъ рабочихъ съ фабрикъ или запираютъ двери предъ новымъ потокомъ промышленныхъ рекрутовъ, между тѣмъ какъ простое количественное расширеніе фабрикъ поглощаетъ вмѣстѣ съ выброшенными и свѣжіе кадры рабочихъ. Рабочіе, такимъ образомъ, непрестанно то притягиваются, то отталкиваются, перебрасываются туда и сюда, и все это сопровождается постоянными измѣненіями въ возрастѣ, полѣ и умѣлости вербуемыхъ рабочихъ.

Участь фабричныхъ рабочихъ представится намъ всего нагляднѣе, если мы бросимъ бѣглый взглядъ на судьбы англійской хлопчатобумажной промышленности. Съ 1770 г. до 1815 г., хлопчатобумажная промышленность находится въ угнетенномъ положеніи или въ застоѣ въ теченіе 5 лѣтъ. Въ продолженіе этого перваго 45-ти-лѣтняго періода англійскіе фабриканты пользовались монополіей въ примѣненіи машинъ и эксплуатаціи мірового рынка. Далѣе, съ 1815 года до 1821 г. положеніе было стѣсненное; 1822 и 1823 гг. были годами процвѣтанія; 1824 г.—отмѣна законовъ противъ коалицій, всеобщее и крупное расширеніе фабрикъ; 1825 г.—кризисъ; 1826—страшная нищета и возстанія среди хлопчатобумажныхъ рабочихъ; 1827 г.—легкое улучшеніе; 1828 г.—большое увеличеніе количества паровыхъ ткацкихъ станковъ и вывоза; въ 1829 г.—вывозъ, особенно въ Индію, превосходитъ вывозъ всѣхъ предыдущихъ годовъ; въ 1830 г.—перенасыщеніе рынковъ, сильная нужда; 1831—1833—стѣсненное положеніе продолжается, ость-индская кампанія лишается монополіи на торговлю съ восточной Азіей (Индіей и Китаемъ); 1834 г.—крупный ростъ фабрикъ и машиннаго производства, недостатокъ въ рабочихъ, новый законъ о бѣдныхъ вызываетъ выселеніе сельскихъ рабочихъ въ фабричные округа, очищеніе сельскихъ графствъ отъ дѣтей, торговлю бѣлыми рабами; 1835 г.—сильное процвѣтаніе промышленности и одновременно—ручные бумаготкачи доведены до голодной смерти; 1836 г.—сильное процвѣтаніе; 1837 и 1838 гг.—стѣсненное положеніе и кризисъ; 1839 г.—снова оживленіе; 1840 г.—сильная депрессія, возстаніе, вмѣшательство вооруженной силы; 1841—1842 гг.—страшныя страданія фабричныхъ рабочихъ. Въ 1842 г. фабриканты отпускаютъ рабочихъ съ фабрикъ, чтобы этимъ вынудить отмѣну хлѣбныхъ законовъ. Рабочіе тысячами устремляются въ Іоркширъ, откуда они прогоняются войсками, а предводители ихъ отдаются въ Ланкаширѣ подъ судъ. 1843 г.—сильная нужда; 1844 г.—снова оживленіе; 1845 г.—сильное процвѣтаніе; 1846 г.—сначала продолжается подъемъ, потомъ являются признаки реакціи. Отмѣна хлѣбныхъ пошлинъ. 1847 г.—кризисъ, всеобщее пониженіе заработной платы на 10% и болѣе во славу «bigloof» *). 1848 г.—стѣсненное положеніе продолжается, Манчестеръ находится подъ военной охраной; 1849 г.—снова оживленіе; 1850 г.—процвѣтаніе; 1851 г.—паденіе товарныхъ цѣнъ, низкая за-

*) «Хлѣбъ огромныхъ размѣровъ», который фабриканты обѣщали рабочимъ во время агитаціи противъ хлѣбныхъ законовъ.

работная плата, частыя стачки; 1852 г.—начало улучшенія, стачки продолжаются, фабриканты угрожаютъ ввозомъ иностранныхъ рабочихъ; 1853 г.—возрастающій вывозъ, восьмимѣсячная стачка и сильная нужда въ Престонѣ; 1854 г.—процвѣтаніе, переполненіе рынковъ; 1855 г.—изъ Соед. Штатовъ. Канады, съ восточно-азіатскихъ рынковъ приходятъ свѣдѣнія о банкротствахъ; 1856 г.—сильное процвѣтаніе; 1857 г.—кризисъ; 1858 г.—улучшеніе; 1859 г.—сильное процвѣтаніе, ростъ числа фабрикъ; 1860 г.—апогей англійской хлопчатобумажной промышленности: индійскіе, австралійскіе и другіе рынки въ это время такъ наводнены, что они вплоть до 1863 г. едва поглотили весь запасъ; торговый договоръ съ Франціей, огромный ростъ числа фабрикъ и машиннаго производства; 1861 г.—нѣкоторое время продолжается подъемъ, потомъ начинается реакція, американская гражданская война, недостатокъ въ хлопкѣ; 1862—1863 гг.—полное крушеніе.

Исторія хлопчатобумажнаго кризиса или «голода» слишкомъ характерна, чтобы не остановиться на ней на минуту. Изъ сдѣланныхъ выше указаній относительно состоянія мірового рынка съ 1860 до 1861 г. можно видѣть, что недостатокъ хлопка пришелся фабрикантамъ кстати и отчасти былъ имъ даже выгоденъ. Фактъ этотъ былъ признанъ въ отчетахъ манчестерской торговой палаты, заявленъ въ парламентѣ Пальмерстономъ и Дерби, наконецъ, подтвержденъ событіями [236]). Въ 1861 г. между 2.887 хлопчатобумажными фабриками Соединеннаго Королевства было, конечно, не мало и мелкихъ. По отчету фабричнаго инспектора A. Redgrave, къ району котораго изъ 2.887 фабрикъ принадлежали 2.109, изъ нихъ 392, или 19%, употребляли меньше 10 паровыхъ лошадиныхъ силъ каждая; 345 или 16% отъ 10 до 20, 1372—20 и больше [237]). Большинство мелкихъ фабрикъ были ткацкія, основанныя въ періодъ процвѣтанія, съ 1858 г., большей частью спекулянтами, изъ которыхъ одинъ доставлялъ пряжу, другой машины, третій строеніе, и находились въ рукахъ бывшихъ мастеровъ или другихъ людей безъ средствъ. Эти мелкіе фабриканты, правда, большей частью разорились. Но ту же участь приготовилъ бы имъ и торговый кризисъ, которому теперь не далъ развиться хлопчатобумажный голодъ. Хотя число этихъ мелкихъ фабрикантовъ составляло цѣлую $^1/_3$ общаго числа фабрикантовъ, но ихъ фабрики представляли собой несравненно меньшую часть всего капитала, помѣщеннаго въ хлопчатобумажной промышленности. Что касается до размѣровъ кризиса, то, по достовѣрной оцѣнкѣ, въ октябрѣ 1862 г. не работало 60,3% веретенъ и 58% ткацкихъ станковъ. Эти числа относятся ковсей названной отрасли промышленности; соотвѣтствующія числа, относящіяся къ отдѣльнымъ округамъ, разумѣется, чрезвычайно колеблются. Только очень немногія фабрики работали полное время (60 часовъ въ недѣлю), остальныя работали съ перерывами. Даже для тѣхъ рабочихъ, которые работали полное время и по обычной сдѣльной платѣ, величина недѣльнаго заработка все таки уменьшилась вслѣдствіе замѣны лучшихъ сортовъ хлопка худшими,-Sea-Island'a египетскимъ

[236]) Ср. «Reports of Inspr. for 31 st. oct. 1862», p. 30.
[237]) l. c. p 19.

(въ тонкопряденіи), американскаго и египетскаго суратскимъ (остъ-индскимъ), и чистаго хлопка—смѣсью изъ отбросовъ хлопка съ суратомъ. Болѣе короткое волокно сурата, его нечистота, большая ломкость его нитей, замѣна крахмала при шлихтованіи основы всякаго рода тяжелыми ингредіентами и т. д. уменьшили скорость хода машинъ или число ткацкихъ станковъ, которыми можетъ завѣдывать одинъ ткачъ, увеличили трудъ, благодаря неправильному ходу машинъ, и, вмѣстѣ съ уменьшеніемъ массы продукта, уменьшили сдѣльную плату. При употребленіи сурата и при полной работѣ потери рабочаго простирались до 20, 30 и болѣе процентовъ. Но большинство фабрикантовъ сократило и сдѣльную плату на 5, 7½ и 10%. Можно поэтому представить себѣ положеніе тѣхъ, которые работали только 3, 3½, 4 дня въ недѣлю или лишь 6 часовъ въ день. Когда въ 1863 г. наступило уже относительное улучшеніе, недѣльный заработокъ ткача, прядильщика и т. п. составлялъ 3 шилл. 4 пенса, 3 ш. 10 п., 4 ш. 6 п., 5 ш. 1 п. и т. д. [238]). Даже при этомъ мучительномъ для рабочихъ положеніи вещей изобрѣтательный духъ фабрикантовъ не дремалъ, поскольку дѣло касалось вычетовъ изъ платы. Эти вычеты палагались въ качествѣ штрафовъ за недочеты продукта, въ которыхъ были виноваты плохое качество хлопка, дурныя машины и т. п. Тамъ же, гдѣ фабрикантъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и собственникомъ коттэджей рабочаго, онъ самъ уплачивалъ себѣ квартирную плату вычетомъ изъ заработной платы. Фабричный инспекторъ Redgrave разсказываетъ о selfacting minders (рабочіе, управляющіе двумя автоматическими мюлями), «которые къ концу двухнедѣльной полной работы зарабатывали 8 шил. 11 пенс.; изъ этой суммы вычиталась квартирная плата, изъ которой фабрикантъ, однако, возвращалъ половину въ видѣ подарка, такъ что мюльщики приносили домой полныхъ 6 шил. 11 п. Недѣльный заработокъ ткача за послѣдніе мѣсяцы 1862 г. былъ часто не выше 2 ш. 6 п.» [239]). Квартирная плата часто вычиталась изъ заработка даже тогда, когда рабочіе работали лишь короткое время [240]). Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Ланкашира разразилось нѣчто въ родѣ голоднаго мора! Однако, характернѣе всего этого было то, что революція процесса производства производилась насчетъ рабочаго. Учинялись настоящіе эксперименты in corpore vili, подобные производимымъ анатомами на лягушкахъ. «Хотя я, — говоритъ фабричный инспекторъ Redgrave, — указалъ дѣйствительные заработки рабочихъ на многихъ фабрикахъ, однако, не слѣдуетъ заключить изъ этого, что они получали эту сумму каждую недѣлю. Доходы рабочихъ подвергались самымъ сильнымъ колебаніямъ вслѣдствіе постояннаго экспериментированія («experimentalizing») фабрикантовъ... Ихъ заработки повышались и понижались съ качествомъ хлопчатобумажной смѣси: то они отклонялись отъ своей нормальной величины только на 15%, то, черезъ одну-двѣ недѣли сокращались на 50, 60%» [241]). Эти эксперименты дѣлались не только

[238]) «Reports of Fact. for 31 st. Okt. 1865», p. 41—45

[239]) «Reports etc. 31 st. Oct. 1863», p. 41, 42.

[240]) l. c. p. 51.

[241]) l. c. p. 50, 51.

на счетъ средствъ существованія рабочихъ: рабочіе платились всѣми пятью чувствами. «Тѣ, которые занимаются чисткой хлопка, сообщаютъ мнѣ, что отъ невыноснмаго запаха имъ дѣлается дурно... Занимающимся въ помѣщеніяхъ для чесанія и производства этихъ смѣсей пыль и грязь забиваются во всѣ отверстія головы, производя кашель и затрудняя дыханіе... Вслѣдствіе коротности волоконъ, въ пряжу при шлихтованіи прибавляютъ множество разныхъ веществъ, а именно разныхъ суррогатовъ вмѣсто прежде употреблявшейся муки. Отъ этого у ткачей происходитъ тошнота и диспепсія. Благодаря пыли господствуетъ бронхитъ, а также воспаленіе горла. Потомъ появляется какая-то накожная болѣзнь вслѣдствіе раздраженія кожи содержащеюся въ суратѣ грязью». Съ другой стороны, суррогаты муки, увеличивающіе вѣсъ пряжи, были настоящей находкой для гг. фабрикантовъ. «Благодаря имъ, 15 ф. сырого матеріала даютъ 26 ф. ткани» [242]). Въ отчетѣ фабричныхъ инспекторовъ отъ 30 апрѣля 1864 г. мы читаемъ: «Промышленность эксплуатируетъ теперь эти воспомогательныя средства въ размѣрахъ, по истинѣ непризнчныхъ. Мнѣ извѣстно изъ авторитетнаго источника, что восьмифунтовая ткань приготовляется изъ $5^1/_4$ ф. хлопчатой бумаги и $2^3/_4$ ф. клею. Другая ткань, вѣсящая $5^1/_4$ ф., содержитъ 2 ф. клею. Это обыкновенные шертинги для экспорта. Въ другихъ сортахъ иногда прибавляется 50% клею, такъ что фабриканты могутъ хвастать, и дѣйствительно хвастаютъ тѣмъ, что они богатѣютъ отъ продажи ткани дешевле того, что стоитъ номинально содержащаяся въ ней пряжа» [243]). Но рабочимъ приходилось страдать не только отъ экспериментовъ фабрикантовъ на фабрикахъ и муниципалитетовъ внѣ фабрикъ, не только отъ пониженія заработной платы и безработицы, отъ нищеты и милостыни, отъ восхваленій по ихъ адресу лордовъ и членовъ палаты общинъ. «Несчастныя женщины, лишившіяся занятій вслѣдствіе хлопчатобумажнаго кризиса, стали отбросомъ общества и остались таковымъ... Число молодыхъ проститутокъ увеличилось въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ» [244]).

Такимъ образомъ въ первыя 45 лѣтъ жизни англійской хлопчатобумажной промышленности, отъ 1770 по 1815 г., мы находимъ только 5 лѣтъ кризиса и застоя, но этотъ періодъ былъ эпохой ея міровой монополіи. Второй 48-лѣтній періодъ, съ 1815 по 1863 г., насчитываетъ лишь 20 лѣтъ оживленія и процвѣтанія на 28 лѣтъ угнетеннаго состоянія и застоя. Съ 1815 по 1830 г. начинается конкурренція съ континентальной Европой и Соединенными Штатами. Съ 1833 г. азіатскіе рынки насильственно расширяются цѣной «разрушенія человѣческой расы». Со времени отмѣны хлѣбныхъ законовъ, съ 1846 по 1863 г., на 8 лѣтъ средняго оживленія и процвѣтанія приходится 9 лѣтъ депрессіи и застоя. Каково было положеніе взрослыхъ мужскихъ хлопчатобумажныхъ ра-

---

[242]) l. c. p. 62, 63.

[243]) «Reports etc. 30 th April 1864», p. 27.

[244]) Изъ письма Chief Constable Harris изъ Больтона въ «Reports of Insp. of Fact. 31 st Oct. 1865», p. 61, 62.

бочныхъ даже въ эпохи процвѣтанія, можно видѣть изъ приводимаго ниже примѣчанія [245]).

8. Переворотъ, произведенный крупной промышленностью въ мануфактурѣ, ремеслѣ и домашнемъ производствѣ.

а) Уничтоженіе кооперацій, основанной на ремесленномъ производствѣ и раздѣленіи труда.

Мы видѣли, какъ машинное производство разрушаетъ кооперацію, покоящуюся на ремеслѣ, и мануфактуру, основанную на ремесленномъ раздѣленіи труда. Примѣромъ перваго рода можетъ служить жатвенная машина, которая замѣстила собою кооперацію жнецовъ. Поразительный примѣръ другого рода представляетъ машина для фабрикаціи швейныхъ иголокъ. По А. Смиту въ его время 10 человѣкъ, благодаря раздѣленію труда, приготовляли въ день свыше 48.000 иголокъ. Теперь одна машина производитъ ихъ 145.000 въ 11-ти-часовой рабочій день. Одна женщина или дѣвушка наблюдаетъ въ среднемъ за четырьмя такими машинами и производитъ, слѣдовательно, при помощи машинъ ежедневно около 600.000, и въ недѣлю свыше 3.000.000 иголокъ [246]). Поскольку отдѣльный исполнительный механизмъ или рабочая машина стано-

[245]) Въ одномъ воззваніи, выпущенномъ весной 1863 г. хлопчатобумажными рабочими въ пользу образованія эмиграціоннаго общества, между прочимъ, говорится: «Мало кто станетъ теперь отрицать абсолютную необходимость значительной эмиграціи фабричныхъ рабочихъ; но слѣдующіе факты доказываютъ, что и во всякое время безъ постояннаго эмиграціоннаго потока, при обычныхъ условіяхъ, намъ невозможно поддерживать наше положеніе. Въ 1814 г. оффиціальная цѣнность (которая есть лишь показатель количества) вывезенныхъ хлопчатобумажныхъ издѣлій равнялась 17.665.378 ф. ст., дѣйствительная же рыночная ихъ цѣнность равнялась 20.070.824 ф. ст. Въ 1858 г. оффиціальная цѣнность вывезенныхъ хлопчатобумажныхъ издѣлій составляла 182.221.681 ф. ст., а ихъ дѣйствительная рыночная цѣнность только 43.001.322 ф. ст., такъ что удесятеренное количество дало немногимъ больше двойного эквивалента. Этотъ результатъ, столь разорительный для страны вообще и для фабричныхъ рабочихъ въ особенности, былъ вызванъ различными дѣйствовавшими въ одномъ и томъ же направленіи причинами. Одной изъ главныхъ бросающихся въ глаза причинъ является неизбѣжная необходимость избыточнаго числа рабочихъ силъ, безъ котораго эта отрасль промышленности, подъ страхомъ разоренія, не можетъ обойтись, такъ какъ она нуждается въ постоянно расширяющемся рынкѣ. Наши хлопчатобумажныя фабрики могутъ перестать дѣйствовать, вслѣдствіе періодическихъ застоевъ въ торговлѣ, которые, при настоящей ея организаціи, столь же неизбѣжны, какъ сама смерть. Но возвратительный духъ человѣка не останавливается. Хотя за послѣдніе 25 лѣтъ оставило страну, по самой низкой оцѣнкѣ, 6 милліоновъ человѣкъ, однако, вслѣдствіе постояннаго замѣщенія рабочихъ въ видахъ удешевленія продукта, значительный процентъ взрослыхъ мужчинъ, даже во время наивысшаго процвѣтанія, лишенъ возможности найти на фабрикахъ какія-либо занятія на какихъ бы то ни было условіяхъ». («Reports of Insp. of Fact. 30 April 1863», p. 51, 52). Въ одной изъ слѣдующихъ главъ мы увидимъ, какъ гг. фабриканты, во время хлопчатобумажной катастрофы, старались помѣшать эмиграціи фабричныхъ рабочихъ всѣми средствами, даже при помощи государственной власти.

[246]) «Ch. Empl. Comm. IV. Report 1864», p. 108, и 447.

вится на мѣсто кооперации или мануфактуры, она сама можетъ еще служить основаніемъ для новаго ремесленнаго производства. Однако это возрожденіе ремесленнаго производства на машинномъ фундаментѣ составляетъ лишь переходную ступень къ фабричной системѣ, которая дѣйствительно появляется каждый разъ, какъ только механическая двигательная сила, паръ или вода, замѣняетъ человѣческіе мускулы при приведеніи въ движеніе машины. Спорадически, тоже въ видѣ переходной ступени, мелкое производство можетъ функціонировать при помощи механической двигательной силы, напимая паръ, какъ это, напр., дѣлается на нѣкоторыхъ мануфактурахъ Бирмингама, или употребляя небольшія калорическія машины, какъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ ткацкаго производства и т. д. [247]). Въ шелкоткачествѣ Ковентри стихійно возникъ и протекъ экспериментъ, состоявшій въ устройствѣ такъ называемыхъ Cottage Factories (фабрики въ коттэджахъ). Посреди выстроенныхъ квадратами рядовъ коттэджей, былъ такъ называемый Engine house для паровой машины, соединяющейся посредствомъ стержней съ ткацкими станками въ коттэджахъ. Во всѣхъ такихъ случаяхъ паръ напимается, напр., по $2^1/_2$ шил. со станка. Эта рента за паръ уплачивалась еженедѣльно, все равно работали ли станки или нѣтъ. Каждый коттэджъ имѣлъ 2—6 ткацкихъ станковъ, принадлежащихъ рабочимъ и взятыхъ въ кредитъ или напятыхъ. Борьба между коттэджной фабрикой и настоящей длилась 12 л. Она закончилась полнымъ разореніемъ всѣхъ 300 коттэджныхъ фабрикъ [248]). Тѣ вновь возникшія въ послѣдніе десятилѣтія отрасли промышленности, въ которыхъ сама природа производственнаго процесса не требовала съ самаго начала производства въ широкихъ размѣрахъ, какъ, напр., фабрикація конвертовъ, стальныхъ перьевъ и т. п.,—правильно проходили сначала стадію ремесленнаго, потомъ мануфактурнаго производства, какъ короткія переходныя фазы, приводившія къ фабричному способу производства. Эти метаморфозы встрѣчаютъ наибольшія трудности тамъ, гдѣ мануфактурное производство какого-либо предмета представляетъ не послѣдовательный рядъ эволюціонныхъ, а нѣкоторое множество несвязанныхъ между собою процессовъ. Это, напр., составляетъ большое препятствіе для развитія машинной фабрикаціи стальныхъ перьевъ. Однако, и здѣсь уже, около 15 лѣтъ тому назадъ, былъ изобрѣтенъ автоматъ, который однимъ ударомъ выполняетъ 6 отдѣльныхъ операцій. Въ 1820 г. ремесло производило первыя 12 дюжинъ стальныхъ перьевъ за 7 фунт. 4 шил., мануфактура въ 1830 г. за 8 шил., а фабрика при оптовой продажѣ поставляетъ ихъ теперь за 2—6 пенсовъ [249]).

---

[247]) Въ Соединенныхъ Штатахъ такого рода возпроизведеніе ремесленнаго производства на машинномъ основаніи встрѣчается часто. Вслѣдствіе этого концентрація, при неизбѣжномъ переходѣ къ фабричному производству, совершится тамъ семимильными шагами, по сравненію съ континентальной Европой и даже съ Англіей.

[248]) Ср. «Reports of Insp. of Fact. 31 Oct. 1865», p. 61.

[249]) Г-нъ Gillot учредилъ въ Бирмингамѣ первую мануфактуру стальныхъ перьевъ въ большихъ размѣрахъ. Уже въ 1851 г. она производила свыше 180 милліоновъ перьевъ и потребляла ежегодно 120 тоннъ стальной жести. Бирмингамъ, монополизировавшій эту индустрію въ Соед. Королевствѣ, производитъ теперь ежегодно милліарды стальныхъ перьевъ. Число занятыхъ этимъ производствомъ людей, по переписи 1861 г., простиралось до 1.428, изъ которыхъ 1.268 работницъ, работающихъ съ 5-ти лѣтняго возраста.

в) Обратное вліяніе фабричной системы на мануфактуру и домашнее производство.

Съ развитіемъ фабричной системы и сопровождающаго ее переворота въ сельскомъ хозяйствѣ не только расширяются размѣры производства во всѣхъ другихъ отрасляхъ промышленности, но и самый характеръ ихъ измѣняется. Принципъ машинной системы, состоящій въ томъ, чтобы разлагать процессъ производства на его составныя фазы и разрѣшать являющіяся такимъ образомъ задачи посредствомъ примѣненія механики, химіи и вообще естествознанія — этотъ принципъ вездѣ становится опредѣляющимъ началомъ. Машины, поэтому, вторгаются въ мануфактуры, замѣняя собой то одинъ частичный процессъ, то другой. Прочное, какъ бы кристаллическое расчлененіе мануфактуры, вытекавшее изъ прежняго раздѣленія труда, разлагается такимъ образомъ, уступая мѣсто постояннымъ перемѣнамъ. Кромѣ того, составъ совокупнаго рабочаго или комбинированнаго рабочаго персонала претерпѣваетъ коренное измѣненіе. Въ противоположность мануфактурному періоду, планъ раздѣленія труда основывается теперь на примѣненіи женскаго труда, труда дѣтей всѣхъ возрастовъ, труда необученныхъ рабочихъ, гдѣ это только возможно, словомъ на примѣненіи дешеваго труда, «cheap labour», по характерному англійскому выраженію. Это относится не только ко всякаго рода крупнымъ производствамъ, употребляютъ ли они машины или нѣтъ, но и къ кустарной или домашней промышленности, производится ли она въ частныхъ квартирахъ или въ небольшихъ мастерскихъ. Эта, такъ-называемая, современная домашняя промышленность, кромѣ названія, не имѣетъ ничего общаго со старинной, которая предполагала независимое городское ремесло, самостоятельное крестьянское хозяйство и, прежде всего, отдѣльный домъ рабочей семьи. Теперь домашняя промышленность превращается во внѣшнее отдѣленіе фабрики, мануфактуры или товарнаго склада. Кромѣ фабричныхъ и мануфактурныхъ рабочихъ и ремесленниковъ, которыхъ онъ пространственно концентрируетъ большими массами и которыми онъ непосредственно командуетъ, капиталъ, посредствомъ невидимыхъ нитей, приводитъ въ движеніе еще другую армію разсѣянныхъ въ большихъ городахъ и деревняхъ домашнихъ рабочихъ. Примѣромъ этого можетъ служить рубашечная фабрика гг. Tillie въ Лондондерри, въ Ирландіи, которая занимаетъ 1.000 фабричныхъ рабочихъ и 9.000 разсѣянныхъ по деревнямъ домашнихъ рабочихъ [250]).

Эксплуатація дешевыхъ и незрѣлыхъ рабочихъ силъ практикуется въ современной мануфактурѣ еще съ большимъ цинизмомъ, чѣмъ на настоящихъ фабрикахъ вслѣдствіе того, что техническое основаніе послѣдней, замѣщеніе мускульной силы машинами и легкость труда, большей частью отсутствуютъ въ первой; кромѣ того, женскій или неокрѣпшій еще организмъ подвергается тамъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти дѣйствію ядовитыхъ веществъ и т. п. Въ такъ-называемой домашней промышленности эта эксплуатація проявляетъ еще большее безстыдство, чѣмъ даже въ мануфактурѣ, вслѣдствіе того, что способность рабочихъ къ сопротивленію уменьшается съ ихъ раздѣленіемъ и что цѣлый рядъ хищныхъ паразитовъ втискивается между дѣйствительнымъ работо-

[250]) «Ch. Empl. Comm. II. Rep. 1864», p. LXVIII. n. 415.

дателемъ и рабочими. Кромѣ того: домашней промышленности нездѣ приходится бороться съ машиннымъ или, по крайней мѣрѣ, съ мануфактурнымъ производствомъ въ той же самой отрасли, а бѣдность рабочихъ лишаетъ ихъ необходимыхъ условій труда, достаточнаго помѣщенія, свѣта, воздуха и т. п.; нерегулярность занятій и заработка здѣсь увеличивается и, наконецъ, конкурренція между рабочими по необходимости достигаетъ своего максимума въ этомъ послѣднемъ убѣжищѣ для всѣхъ, ставшихъ, благодаря торжеству крупной промышленности и крупнаго земледѣлія, «излишними». Экономизированіе средствъ производства, впервые систематически организованное машинной системой и изначала сопровождаемое безпощаднымъ расточеніемъ рабочей силы и хищническимъ отношеніемъ къ нормальнымъ условіямъ трудовой дѣятельности, теперь тѣмъ обостреннѣе обнаруживаетъ свою антагонистическую и человѣкоубійственную сторону, чѣмъ меньше въ данной отрасли промышленности развита общественная производительная сила труда и техническое основаніе комбинированныхъ трудовыхъ процессовъ.

c) Современная мануфактура.

Я хочу на нѣсколькихъ примѣрахъ разъяснить вышеустановленныя положенія. Съ многочисленными доказательствами ихъ читатель, впрочемъ, уже познакомился въ отдѣлѣ о рабочемъ днѣ. Металлургическія мануфактуры въ Бирмингамѣ употребляютъ, большей частью—для очень тяжелыхъ работъ, 30.000 дѣтей и подростковъ и 10.000 женщинъ. Они здѣсь занимаются въ вредныхъ для здоровья мѣдноплетильныхъ заведеніяхъ, на пуговичныхъ фабрикахъ, глазированіемъ, гальванизированіемъ и лакированіемъ [251]). Чрезмѣрность труда для взрослыхъ и дѣтей обезпечила за различными лондонскими газетными и книжными типографіями славное прозвище «бойни» [251a]). Подобный же чрезмѣрный трудъ, жертвами котораго являются женщины, дѣвушки и дѣти, наблюдается и въ перешлетныхъ заведеніяхъ. Тяжелъ также трудъ подростковъ на канатныхъ фабрикахъ; въ соляномъ промыслѣ, свѣчныхъ и другихъ химическихъ мануфактурахъ работаютъ по ночамъ, а въ шелкоткацкихъ заведеніяхъ, не пользующихся механической силой, подростки употребляются для убійственной работы вращенія ткацкихъ станковъ [252]). Одна изъ самыхъ безобразныхъ, грязныхъ и плохооплачиваемыхъ работъ, для которой употребляются преимущественно молодыя дѣвушки и женщины, это—сортировка тряпокъ. Извѣстно, что Великобританія, кромѣ огромной массы ея собственныхъ тряпокъ, служитъ еще складочнымъ мѣстомъ по тряпичной торговлѣ всего міра. Тряпки стекаются въ нее изъ Японіи, отдаленнѣйшихъ государствъ южной Америки и Канарскихъ острововъ. Главными, однако, источниками снабженія являются Германія, Франція, Россія, Италія, Египетъ, Турція, Бельгія и Голландія. Тряпки эти служатъ для удобренія, фабрикаціи набивки (для матрацовъ), Schoddy (искусственной шерсти) и сырымъ матеріаломъ при фабрикаціи бумаги. Сортировщицы являются

[251]) Въ Шеффильдѣ дѣти занимаются даже точеніемъ.

[251a]) «Ch. Empl. Comm. V. Rep. 1866», p. 3, n. 24, p. 6, n. 55, 56, p. 7. n. 59, 60.

[252]) l. c. p. 114, 115, n. 6—7. Комиссаръ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что если вообще машина замѣщаетъ человѣка, то здѣсь подростокъ буквально замѣщаетъ машину.

передатчицами оспы и другихъ заразныхъ болѣзней, первыми жертвами которыхъ онѣ сами подаютъ [252]). Классическимъ примѣромъ чрезмѣрно тяжелаго и неподходящаго труда, всегда сопровождаемаго грубымъ насиліемъ надъ рабочихъ, съ самаго нѣжнаго возраста пожираемыхъ капиталомъ, можетъ служить рядомъ съ рудниками и каменноугольными копями, еще кирпичное производство, въ которомъ вновь изобрѣтенныя машины пока (1860) лишь изрѣдка употребляются въ Англіи. Съ мая по сентябрь работа длится съ 5 ч. утра до 8 вечера, а тамъ, гдѣ сушка производится на вольномъ воздухѣ, часто даже съ 4 ч. утра до 9 вечера. Рабочій день съ 5 ч. утра до 7 вечера считается «сокращеннымъ», «умѣреннымъ». Дѣти обоего пола начинаютъ работать съ 6-ти и даже 4-хъ лѣтняго возраста. Они работаютъ то же число часовъ, часто даже больше, чѣмъ взрослые. Работа тяжелая, а лѣтняя жара еще увеличиваетъ утомленіе. Напр., на одномъ кирпичномъ заводѣ въ Mosley 24-хъ лѣтняя дѣвушка выдѣлывала въ день 2.000 кирпичей при помощи двухъ подростковъ-дѣвочекъ, которыя таскали глину и складывали кирпичи. Эти дѣвочки ежедневно вытягиваютъ 10 тоннъ глины по скользкимъ краямъ ямы и изъ глубины 30 футовъ и протаскиваютъ ее на разстояніи 210 футовъ. «Невозможно для ребенка пройти чистилище кирпичнаго завода, не подвергаясь сильному нравственному паденію... безобразный языкъ, который они слышатъ съ самаго нѣжнаго возраста; отвратительныя,. безстыдныя и безпутныя привычки, среди которыхъ они вырастаютъ невѣждами и звѣрѣютъ, дѣлаютъ ихъ на всю дальнѣйшую жизнь безпутными, безнравственными и распущенными... Страшнымъ источникомъ деморализаціи служатъ жилища. Каждый формировщикъ (обученный рабочій этого промысла и глава рабочей артели) даетъ своей артели изъ 7 человѣкъ помѣщеніе и столъ въ своей хижинѣ или коттеджѣ. Принадлежатъ ли они къ его семьѣ или нѣтъ, все равно—мужчины, подростки, дѣвушки спятъ всѣ въ этой хижинѣ, которая состоитъ обыкновенно изъ двухъ, рѣдко изъ трехъ комнатъ въ уровень съ землею и съ недостаточной вентиляціей. Рабочіе физически такъ истощаются вслѣдствіе сильной испарины въ теченіе дня, что ни гигіеническія правила, ни чистота, ни благопристойность не соблюдаются. Многія изъ этихъ хижинъ могутъ служить настоящими образцами безпорядка, грязи и пыли... Самое худшее зло системы, употребляющей молодыхъ дѣвушекъ на такого рода работы, состоитъ въ томъ, что фактически она связываетъ ихъ судьбу на всю жизнь съ самымъ негоднымъ сбродомъ. Онѣ превращаются въ грубыхъ, дерзкихъ на языкъ уличныхъ парней («rough, foul-mouthed»), прежде чѣмъ природа научитъ ихъ, что онѣ—женщины. Одѣтыя въ жалкія лохмотья, съ оголенными значительно выше колѣнъ ногами, съ лицомъ и волосами въ грязи, онѣ научаются относиться съ презрѣніемъ ко всякому чувству приличія и стыда. Въ обѣденное время онѣ лежатъ распростертыми на лужайкахъ или глазѣютъ на парней, купающихся въ сосѣднемъ каналѣ. Когда, наконецъ, ихъ тяжелый дневной трудъ кончается, онѣ одѣваются получше и сопровождаютъ мужчинъ въ полпивныя». Что во всемъ этомъ классѣ съ самаго

[252]) См. отчетъ о тряпичной торговлѣ и многочисленные примѣры: «Public Health. VIII. Report. Lond. 1866». Appendix, p. 196—208.

дѣтства, господствуетъ самое отчаянное пьянство, вполнѣ естественно. Хуже всего то, что кирпичники сами въ себѣ отчаиваются. Вы, сэръ, сказалъ одинъ изъ лучшихъ между ними каплану (священнику) изъ Southallfield'a, можете съ тѣмъ же успѣхомъ пытаться поднять и исправить дьявола, какъ и кирпичника!» (Jou might as well try to raise and improve the devil as a brickie, Sir!) [254]).

О капиталистическомъ экономизированіи средствъ труда въ современныхъ мануфактурахъ (подъ которыми здѣсь подразумѣваются всякія крупныя мастерскія, кромѣ фабрикъ въ собственномъ смыслѣ) богатѣйшій оффиціальный матеріалъ можно найти въ IV (1861) и VI (1864) «Отчетахъ о народномъ здравіи» («Public Health Report»). Описанія мастерскихъ, особенно лондонскихъ типографій, превосходятъ все то, что фантазія нашихъ романистовъ могла бы выдумать самаго скверная. Вліяніе этихъ мастерскихъ на здоровье рабочихъ само собою понятно. Докторъ Simon, старшій медицинскій чиновникъ Privy Concil и оффиціальный редакторъ «Public Health Reports», между прочимъ говоритъ: «Въ своемъ четвертомъ отчетѣ (1863) я указалъ, какъ рабочимъ практически невозможно отстаивать свое право на здоровье, т. е. добиваться того, чтобы, какова бы ни было дѣло, для котораго ихъ собрали, предприниматель освободилъ ихъ трудъ, насколько это отъ него зависитъ, отъ всякихъ нездоровыхъ условій, какихъ только возможно избѣгнуть. Я доказалъ также, что будучи практически не въ состояніи завоевать себѣ это право на здоровье, рабочіе не могутъ и получить какое-либо дѣйствительное содѣйствіе со стороны чиновъ санитарнаго управленія... жизнь десятковъ тысячъ рабочихъ и работницъ безъ всякой пользы коверкается теперь и сокращается вслѣдствіе безконечныхъ физическихъ страданій, которыя вызываются однимъ лишь профессіональнымъ ихъ трудомъ [255]). Для иллюстраціи вліянія помѣщеній мастерскихъ на здоровье рабочихъ, д-ръ Simon даетъ слѣдующую таблицу смертности:

Число лицъ всѣхъ возрастовъ, которыя заняты въ названныхъ отрасляхъ производства.	Различныя отрасли, производящія вліяніе на здоровье.	Цифра смертности на 100.000 чел., въ названныхъ отрасляхъ производства, по возрастамъ.		
		Отъ 25 до 35 лѣтъ.	Отъ 35 до 45 лѣтъ.	Отъ 45 до 55 л.
958.265	Земледѣльцевъ Англіи Уэльсѣ	743	805	1.145
22.301 мужчинъ 12.379 женщинъ	Лондонск. портные	958	1.262	2.093
13.803	Лондонск. типографщики	894	1.747	2.367 [256]).

[254]) «Childr. Empl. Comm. V. Report. 1866», XVI, n. 96—97 и p. 130, n. 39—61. Ср. также ib. III. Rep. 1864, p. 48, 56.

[255]) «Public Health». VI. Rep. Lond. 1864, p. 31.

[256]) l. c. p. 30. Д-ръ Simon замѣчаетъ, что смертность среди лондонскихъ портныхъ и типографскихъ рабочихъ въ возрастѣ отъ 25 до 35 лѣтъ, въ дѣйствительности гораздо выше, такъ какъ ихъ предприниматели получаютъ значительное число молодыхъ людей до 30-ти-лѣтняго возраста изъ деревни въ качествѣ «учениковъ» и «improvers» (желающіе усовершенствоваться въ своемъ ремеслѣ). Эти послѣдніе фигурируютъ въ переписи какъ лондонцы и увеличиваютъ число душъ при исчисленіи размѣра лондонской смертности, не прибавляя соотвѣтственнаго числа смертныхъ случаевъ. Значительная часть изъ нихъ возвращаются въ деревню, особенно когда ихъ постигаетъ серьезная болѣзнь.

d) Современное домашнее производство.

Я обращаюсь теперь къ такъ называемому домашнему производству. Чтобы получить представленіе объ этой сферѣ капиталистической эксплуатаціи, вырисовывающейся на заднемъ планѣ крупной промышленности, и объ ея ужасахъ, достаточно разсмотрѣть, напр., совсѣмъ идиллическое повидимому гвоздарное производство, которое ютится въ отдаленныхъ деревняхъ Англіи [257]). Здѣсь мы удовольствуемся нѣсколькими примѣрами изъ такихъ отраслей, какъ производство кружевъ и плетеніе соломенныхъ издѣлій, которыя или вовсе еще не употребляютъ машинъ, или конкуррируютъ съ машиннымъ и мануфактурнымъ производствомъ.

Изъ 150.000 человѣкъ, занятыхъ въ кружевномъ производствѣ, 10.000 подчинены фабричному закону 1861 г. Огромное большинство остальныхъ 140.000 составляютъ женщины, подростки и дѣти обоего пола, между тѣмъ какъ мужской полъ здѣсь лишь слабо представленъ. Состояніе здоровья этого «дешеваго» матеріала для эксплоатаціи видно изъ слѣдующаго сопоставленія д-ра Trueman, врача при главной лѣчебницѣ (General Dispensary) въ Ноттингамѣ. Изъ 686 паціентокъ, кружевницъ, большей частью въ возрастѣ отъ 17 до 24 лѣтъ, было чахоточныхъ:

Въ 1852 г. 1 на 45	въ 1855 г. 1 на 18	въ 1858 г. 1 на 15
» 1853 » 1 » 28	» 1856 » 1 » 15	» 1859 » 1 » 9
» 1854 » 1 » 17	» 1857 » 1 » 13	» 1860 » 1 » 8
		» 1861 » 1 » 8 [258])

Это прогрессивное возрастаніе процента чахоточныхъ должно, кажется, подѣйствовать и на наиболѣе оптимистическихъ прогрессистовъ и жизныхъ *) нѣмецкихъ разносчиковъ фритредерской мудрости. Фабричный законъ 1861 года регулируетъ самое производство кружевъ, поскольку оно совершается при помощи машинъ, а это составляетъ общее правило въ Англіи. Отрасли, которыя мы здѣсь кратко разсматриваемъ,—и лишь въ отношеніи къ такъ называемымъ домашнимъ рабочимъ, а не къ рабочимъ, сосредоточеннымъ въ мануфактурахъ, магазинахъ и т. п., — распадаются на двѣ категоріи: 1) на finishing (т. е. окончательное обдѣлываніе кружевъ, производимыхъ машиннымъ способомъ—эта категорія въ свою очередь распадается на множество подраздѣленій), 2) вязаніе кружевъ.

Lace finishing производится на дому либо въ такъ называемыхъ «Mistresses Houses (дома хозяекъ), либо въ частныхъ квартирахъ женщинъ, которыя работаютъ однѣ или со своими дѣтьми. Женщины, содержащія «Mistresses Houses», сами бѣдны. Мастерская составляетъ часть ихъ частной квартиры. Онѣ полу-

[257]) Здѣсь рѣчь идетъ о кованыхъ гвоздяхъ, приготовляемыхъ ручнымъ способомъ, а не о машинныхъ гвоздяхъ. См. «Childr. Empl. Comm. III, Reports», p. XI, p. XIX, n. 125—130, p. 58, n. 11, p. 114, n. 487, p. 137, n. 674.

[258]) «Childr. Empl. Comm. II. Report», p. XXII, n. 166.

*) Въ оригиналѣ непереводимое слово: Jügendfanchendsten, заключающее въ себѣ намекъ на Faucher'a, одного изъ главнѣйшихъ нѣмецкихъ фритредеровъ 50-хъ и 60-хъ гг. *Прим. ред. русск. перев.*

чаютъ заказы отъ фабрикантовъ, владѣльцевъ магазиновъ и т. д., и занимаютъ женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей, въ числѣ, зависящемъ отъ размѣровъ ихъ комнатъ и отъ колебаній рыночнаго спроса. Число занятыхъ работницъ колеблется между 20 и 40 въ однѣхъ мастерскихъ и между 10 и 20 въ другихъ. Средній минимальный возрастъ, въ которомъ дѣти начинаютъ работать, это—6 лѣтъ; но многія начинаютъ еще раньше, до пяти лѣтъ. Обыкновенное рабочее время длится отъ 8 ч. утра до 8 ч. вечера, съ перерывомъ въ 1½ часа для пищи, которая принимается неправильно и часто въ тѣхъ же самыхъ вонючихъ дырахъ, гдѣ производится работа. Когда дѣла идутъ хорошо, работа часто продолжается съ 8 ч. утра (иногда съ 6) до 10, 11 и 12 ч. ночи. Въ англійскихъ казармахъ для всякаго солдата полагается 500—600 куб. футовъ воздуха, въ военныхъ лазаретахъ—1.200. А въ этихъ рабочихъ дырахъ приходится по 67—100 куб. ф. на человѣка. Въ тоже время газовое освѣщеніе поглощаетъ еще кислородъ воздуха. Чтобы держать кружева въ чистотѣ, дѣти часто должны снимать башмаки даже зимою, хотя полъ сдѣланъ изъ кирпича или плитняка. «Въ Ноттингамѣ нерѣдко можно видѣть 14—20 дѣтей, набитыхъ вмѣстѣ въ маленькой комнатѣ, не болѣе, можетъ быть, 12 футовъ въ квадратѣ, занятыхъ въ теченіе 15 часовъ въ сутки работой, которая, будучи сама по себѣ изнурительна своей наводящей тоску монотонностью, исполняется при всевозможныхъ вредныхъ для здоровья условіяхъ... Даже самыя маленькія дѣти работаютъ съ напряженнымъ вниманіемъ и поразительной быстротой, не позволяя почти никогда своимъ пальцамъ отдохнуть или двигаться медленнѣе. Когда къ нимъ обращаются съ вопросами, они не поднимаютъ глазъ отъ работы, опасаясь потерять хотя бы минутку». «Длинная палка» служитъ въ рукахъ «хозяекъ» средствомъ возбужденія къ труду, тѣмъ болѣе необходимымъ, чѣмъ больше удлиняется рабочее время. «Дѣти мало-по малу утомляются и становятся безпокойными, какъ птицы, къ концу ихъ долгой и однообразной работы, утомительной для глазъ и изнурительной вслѣдствіе однообразнаго положенія, въ которомъ находится тѣло. Это настоящій рабскій трудъ» (Their work is like slavery). [259]). Гдѣ женщины работаютъ со своими дѣтьми на дому, въ современномъ смыслѣ этого слова, т. е. въ одной нанятой комнатѣ, часто на чердакѣ, тамъ встрѣчаются условія, если это только возможно, еще худшія. Этого рода работа раздается на домъ на пространствѣ 80 миль въ окрестностяхъ Ноттингама. Когда ребенокъ, работающій въ магазинѣ, оставляетъ его въ 9—10 час. вечера, то часто ему даютъ еще работу съ собою, которую онъ долженъ сдѣлать дома. Капиталистическій фарисей, устами одного изъ своихъ наемныхъ слугъ произноситъ, разумѣется, при этомъ традиціонную фразу: «это для матери», хотя онъ очень хорошо знаетъ, что бѣдному ребенку придется тоже сидѣть надъ работой, помогая матери [260]).

Вязаніе кружевъ производится, главнымъ образомъ, въ двухъ англійскихъ земледѣльческихъ округахъ, въ кружевномъ округѣ Honiton, на пространствѣ

[259]) «Childr. Empl. Comm. II. Report 1864», p. XIX, XX, XXI.
[260]) l. c. p. XX, XXVI.

20—30 миль по южному берегу Девоншира, со включеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ Сѣвернаго Девона (North-Devon), и въ другомъ районѣ, который обнимаетъ большую часть графствъ Букингама, Бэдфорда, Нортгамптона и сосѣднія части Оксфордшира и Гунтингдоншира.

Коттаджи земледѣльческихъ поденщиковъ служатъ почти всегда и мастерскими. Многіе мануфактуристы занимаютъ болѣе 3.000 такихъ домашнихъ рабочихъ, преимущественно дѣтей и подростковъ, исключительно женскаго пола. Условія, описанныя при характеристикѣ lace finishing, повторяются и здѣсь. Только вмѣсто «Mistresses houses» здѣсь являются «lace schools» (школы вязанья кружевъ), содержимыя бѣдными женщинами въ своихъ хижинахъ. Съ 4 лѣтъ, иногда и ранѣе, до 12 или 15 л. дѣти работаютъ въ этихъ школахъ. Въ теченіе перваго года младшія работаютъ отъ 4 до 8 часовъ въ день, а потомъ съ 6 час. утра до 8—10 вечера. «Комнаты, въ общемъ, представляютъ собою обыкновенныя жилыя помѣщенія мелкихъ коттаджей; камины въ нихъ закрыты, чтобы не было тяги воздуха; обитатели, часто и зимою, согрѣваются лишь собственной животной теплотой. Въ другихъ случаяхъ эти такъ называемыя школьныя комнаты походятъ на маленькія кладовыя безъ печки... Переполненность этихъ дыръ и происходящая отсюда порча воздуха часто доходятъ до крайней степени. Къ этому надо прибавить вредное вліяніе водостоковъ, отхожихъ мѣстъ, гніющихъ веществъ и другихъ нечистотъ, обыкновенно обрѣтающихся у входа въ эти маленькіе коттаджи». Относительно помѣщеній сказано: « Въ одной школѣ вязанія кружевъ находятся 18 дѣвушекъ и хозяйка; воздуха имѣется по 35 куб. футовъ на человѣка. Въ другой, гдѣ невыносимая вонь, находится 18 чел. и по $24^1/_2$ куб. ф. воздуха на человѣка. Въ этой промышленности занимаютъ работой и дѣтей въ возрастѣ $2—2^1/_2$ лѣтъ» [261]).

Тамъ, гдѣ въ сельскихъ графствахъ Букингама и Бэдфорда кончается вязанье кружевъ, начинается плетеніе соломенныхъ издѣлій. Оно распространяется на большую часть Гертфордшира и на западныя и сѣверныя части Эссекса. Въ 1861 г. плетеніемъ соломы и приготовленіемъ соломенныхъ шляпъ были заняты 40.043 человѣка, изъ которыхъ 3.815 чел. мужчинъ всякаго возраста, а остальные—женскаго пола, причемъ 14,913 моложе 20 лѣтъ, въ томъ числѣ 7.000 дѣтей. Мѣсто кружевныхъ школъ занимаютъ здѣсь «straw plait schools» (школы плетенія соломы). Дѣти начинаютъ здѣсь обучаться плетенію соломы съ 4-хъ лѣтъ, иногда даже между 3 и 4 годами. Воспитанія, разумѣется, они не получаютъ никакого. Дѣти сами называютъ элементарныя школы «natural schools», (естественныя школы) въ отличіе отъ тѣхъ кровопійственныхъ заведеній, въ которыхъ ихъ просто держатъ для изготовленія задаваемаго имъ ихъ изголодавшимися матерями урока, большей частью—30 ярдовъ въ день. Эти матери часто заставляютъ ихъ и потомъ еще дома работать до 10, 11, 12 час. ночи. Солома рѣжетъ имъ пальцы и губы, которыми они постоянно смачиваютъ ее. По общему мнѣнію всѣхъ оффиціальныхъ врачей Лондона, резюмированному д-ромъ Баллардомъ, 300 куб. ф. составляютъ минимальное про-

[261]) l. c. p. XXIX, XXX.

странство на человѣка въ спальнѣ или рабочей комнатѣ. Въ школахъ же плетенія соломы помѣщенія еще меньше, чѣмъ въ кружевныхъ школахъ, а именно, на человѣка приходится $12^2/_3$, 17, $18^1/_2$ и до 22 куб. футовъ. «Наименьшія изъ этихъ чиселъ, говоритъ комиссаръ White, представляютъ помѣщенія вдвое меньше того, которое занималъ бы ребенокъ, упакованный въ коробкѣ, объемомъ въ три куб. фута». Такова жизнь, которой наслаждаются дѣти до 12 или 14 лѣтъ. Голодные и одичалые родители думаютъ только о томъ, чтобы выколотить изъ дѣтей возможно больше труда. Выросши, дѣти, естественно, не обращаютъ на родителей никакого вниманія и бросаютъ ихъ. «Нѣтъ ничего удивительнаго, если невѣжество и пороки изобилуютъ въ народонаселеніи, такимъ образомъ воспитанномъ... Нравственность его стоитъ на самой низкой ступени... Значительное число женщинъ имѣютъ незаконныхъ дѣтей, и многія рожаютъ въ такомъ незрѣломъ еще возрастѣ, что сами знатоки уголовной статистики приходятъ въ недоумѣніе» [262]). И родиной этихъ образцовыхъ семей является Англія, эта образцовая христіанская страна Европы, какъ называетъ ее несомнѣнно компетентный въ подобныхъ вопросахъ графъ Монталамберъ!

Заработная плата, жалкая вообще въ этихъ отрасляхъ промышленности (максимальная, встрѣчающаяся въ видѣ исключенія плата дѣтей, занятыхъ плетеніемъ соломы, составляетъ 3 шил.), низводится еще значительно ниже своей номинальной величины вслѣдствіе преобладанія въ кружевномъ производствѣ trucksystem (платы товарами) [263]).

e) Переходъ отъ современной мануфактуры и домашняго производства къ крупной индустріи. Ускореніе этой революціи примѣненіемъ фабричныхъ законовъ къ этимъ способамъ производства.

Удешевленіе рабочей силы посредствомъ простого злоупотребленія женскимъ и дѣтскимъ трудомъ, простого несоблюденія всѣхъ нормальныхъ условій жизни и труда и посредствомъ грубой эксплуатаціи сверхурочнаго и ночного труда, наталкивается, наконецъ, на извѣстныя естественныя границы, которыхъ нельзя перейти; на нихъ же наталкивается основанное на такомъ хищничествѣ удешевленіе товаровъ и капиталистическая эксплуатація вообще. Какъ только этотъ предѣльный пунктъ, наконецъ, достигнутъ,—а это продолжается долго,—бьетъ часъ введенія машинъ и быстраго превращенія современнаго домашняго производства (а также мануфактуры) въ фабричное производство.

Самый колоссальный примѣръ этого движенія представляетъ производство «Wearing Apparel» (принадлежности одежды). По классификаціи «Childr. Empl. Comm.» эта отрасль промышленности обнимаетъ собою приготовленіе соломенныхъ и дамскихъ шляпъ, капюшоновъ, рубашекъ, портняжный промыселъ, milliners и dressmakers [264]), швей, корсетницъ, перчаточниковъ, сапожниковъ и много

[262]) l. c. p. XL, XLI.

[263]) «Child. Empl. Comm. I. Rep. 1863», p. 185.

[264]) Millinery—собственно означаетъ производство головныхъ уборовъ, однако сюда относятся и тѣ работницы, которыя приготовляютъ дамскія пальто и мантильи; dressmakers же вполнѣ тождественны съ нашими модистками (Putzmacherinnen).

мелкихъ отраслей, какъ приготовленіе галстуковъ, воротничковъ и т. п. Женскій персоналъ, занятый въ этихъ отрасляхъ, въ Англіи и Уэльсѣ, составлялъ въ 1861 г., 586.298 чел., изъ которыхъ, по меньшей мѣрѣ, 115.242 были моложе 20 л., 16.650 моложе 15. Число этихъ работницъ во всемъ Соед. Королевствѣ въ 1861 г. равнялось 750,334. Число занятыхъ въ шляпномъ, сапожномъ, перчаточномъ и портняжномъ производствѣ мущинъ въ Англіи и Уэльсѣ за то же время было 437.969, изъ которыхъ 14.964 были моложе 15 л., 89.285 отъ 15 до 20 л., 333.117 старше 20 л. Въ это число не входятъ многія относящіяся сюда мелкія отрасли. Возьмемъ однако только эти извѣстныя намъ цифры, и мы найдемъ для одной Англіи съ Уэльсомъ, по переписи 1861 г., сумму въ 1.024.277 лицъ, т. е. почти столько же, сколько поглощаетъ земледѣліе и скотоводство. Такимъ образомъ мы начинаемъ понимать, для чего машины точно волшебствомъ производятъ такую огромную массу продуктовъ и содѣйствуютъ «освобожденію» такихъ огромныхъ массъ рабочихъ.

Производствомъ принадлежностей одежды занимаются во 1-хъ мануфактуры, строй которыхъ лишь воспроизводитъ то раздѣленіе труда, membra disjecta котораго онѣ нашли уже готовыми; потомъ—мелкіе ремесленники-хозяева, которые однако уже не работаютъ для индивидуальныхъ потребителей, какъ прежде, но для мануфактуръ и магазиновъ, такъ что часто цѣлые города и округа занимаются исключительно такими отраслями, какъ производство сапогъ и т. п.; наконецъ, этимъ же производствомъ занимаются такъ называемые домашніе рабочіе, которые образуютъ внѣшнія отдѣленія мануфактуръ, магазиновъ и даже мелкихъ мастеровъ [165]). Сырой матеріалъ, полуфабрикаты и т. п. доставляетъ крупная промышленность, массу же дешеваго человѣческаго матеріала (taillable à merci et miséricorde) состоитъ изъ «освобожденныхъ» крупной промышленностью и крупнымъ земледѣліемъ. Этого рода мануфактуры обязаны своимъ происхожденіемъ потребности капиталиста имѣть постоянно подъ руками мобилизованную армію, соотвѣтствующую всѣмъ возможнымъ колебаніямъ рыночнаго спроса [166]). Эти мануфактуры допускали, однако, существованіе рядомъ съ собою разсѣяннаго ремесленнаго и домашняго производства, которое и составляло ихъ основаніе. Огромное производство прибавочной цѣнности, рядомъ съ прогрессивнымъ удешевленіемъ продуктовъ, происходило и происходитъ и въ этихъ отрасляхъ труда, главнымъ образомъ, отъ минимальнаго размѣра рабочей платы, едва достаточной для жалкаго прозябанія и сопровождаемой возможнымъ для человѣка максимумомъ рабочаго времени. Именно дешевизна человѣческаго пота и крови, превращенныхъ въ товары, расширяла и продолжаетъ расширять сбытъ, а для Англіи въ частности—колоніальный рынокъ,

---

[165]) Англійское millinery и dressmaking производится большей частью въ помѣщеніяхъ предпринимателей, либо живущими на мѣстахъ постоянными работницами, либо пришлыми поденщицами.

[166]) Комиссаръ White посѣтилъ одну мануфактуру военнаго платья, въ которой работало отъ 1.000 до 1.200 чел. почти исключительно женскаго пола; одну сапожную мануфактуру съ 1.300 чел., изъ которыхъ почти половина состояла изъ дѣтей и подростковъ и т. д. («Child. Empl. Comm. II. Rep», p. XVII, n. 319).

гдѣ къ тому же господствуютъ англійскіе привычки и вкусы. Наконецъ, наступилъ поворотный моментъ, когда основаніе старой методы, т. е. простая и жестокая эксплуатація рабочаго матеріала, сопровождаемая болѣе или менѣе систематически развитымъ раздѣленіемъ труда, оказалась уже недостаточнымъ для возрастающаго рынка и еще быстрѣе возростающей конкурренціи капиталистовъ. Часъ пришествія машины пробилъ. И революціонной машиной, которая сразу рѣшаетъ вопросъ и равномѣрно охватываетъ всѣ безчисленныя отрасли этой сферы производства, изготовленіе шляпъ, портняжный, сапожный, швейный и т. п. промыслы, оказалась—швейная машина.

Ея непосредственное вліяніе на рабочихъ приблизительно совпадаетъ съ тѣмъ, какое оказываетъ всякая машина, завладѣвающая въ періодъ крупной промышленности новыми отраслями производства. Слишкомъ незрѣлыя дѣти устраняются; плата рабочимъ при машинахъ увеличивается сравнительно съ платой домашнихъ рабочихъ, многіе изъ которыхъ принадлежатъ къ «бѣднѣйшимъ между бѣдныхъ» («the poorest of the poor»). Заработокъ лучше поставленныхъ ремесленниковъ, съ которыми машина вступаетъ въ конкурренцію, понижается. Рабочими при новыхъ машинахъ служатъ исключительно дѣвушки и молодыя женщины. При помощи механической силы онѣ уничтожаютъ монополію мужского труда въ болѣе тяжелыхъ работахъ и изгоняютъ изъ болѣе легкихъ старухъ и маленькихъ дѣтей. Побѣдоносная конкурренція избиваетъ наиболѣе слабыхъ ремесленниковъ. Ужасающее учащеніе случаевъ голодной смерти (death from starvation) за послѣднее десятилѣтіе происходитъ въ Лондонѣ параллельно съ расширеніемъ машиннаго шитья [267]). Новыя работницы на швейной машинѣ которую онѣ приводятъ въ движеніе руками и ногами или только руками, сидя или стоя, смотря по тяжести, величинѣ и спеціальности машины, эти работницы расходуютъ огромную рабочую силу. Занятіе это становится вреднымъ для здоровья вслѣдствіе продолжительности работы, хотя она обыкновенно бываетъ короче, чѣмъ при старой системѣ. Вездѣ, гдѣ швейная машина проникаетъ въ безъ того тѣсныя и переполненныя мастерскія, сапожныя, корсетныя, шляпныя и т. п., вредныя для здоровья вліянія тѣсноты еще увеличиваются. «Впечатлѣніе, говоритъ коммиссаръ Лордъ, которое получается при входѣ въ низкую комнату, гдѣ работаютъ на машинахъ вмѣстѣ 30—40 человѣкъ, невыносимо .. Жара, частью исходящая отъ газовой печки для нагрѣванія утюговъ, ужасная... Когда въ такихъ мастерскихъ существуетъ даже такъ-называемое умѣренное рабочее время, т. е. работаютъ съ 8-ми ч. утра до 6-ти вечера, всетаки каждый день аккуратно падаютъ въ обморокъ 3—4 человѣка [268]).

Переворотъ въ общественномъ способѣ производства, это необходимое по-

---

[267]) Вотъ примѣръ. 26 февраля 1864 г. еженедѣльный отчетъ о смертности Registrar General (генеральнаго регистратора) отмѣтилъ 5 случаевъ голодной смерти. Въ тотъ же самый день «Times» сообщилъ о новомъ случаѣ голодной смерти. Шесть жертвъ голодной смерти за одну недѣлю!

[268]) «Child. Empl. Comm.», II. Rep. 1864, p. LXVII. n. 406—9. p. 84, n. 124, p. LXXIII, n. 441, p. 66, n. 6, p. 84, n. 126, p. 78, n. 85, p. 76, n. 69, p. LXXII, n. 433.

слѣдствіе преобразованія орудій производства, совершается при посредствѣ цѣлаго ряда переходныхъ формъ. Эти послѣднія мѣняются сообразно размѣрамъ, въ которыхъ швейная машина захватываетъ ту или другую отрасль промышленности, и сообразно времени, какое она для этого употребляетъ, а также сообразно съ тѣмъ положеніемъ рабочихъ, которое существовало при ея появленіи, съ преобладаніемъ мануфактурнаго, ремесленнаго или домашняго производства, съ наемными цѣнами на мастерскія [269]) и т. д. Въ производствѣ дамскихъ нарядовъ, напр., гдѣ трудъ большей частью уже раньше былъ организованъ, преимущественно въ формѣ простой кооперація, швейная машина сначала образуетъ лишь новый факторъ мануфактурнаго производства. Въ портняжномъ, сапожномъ, рубашечномъ и т. п. промыслахъ перекрещиваются всѣ формы. Здѣсь—настоящее фабричное производство. Тамъ—посредники получаютъ сырой матеріалъ отъ капиталиста en chef и группируютъ въ «каморкахъ» или на «чердакахъ» 10—50 и больше наемныхъ рабочихъ, занятыхъ на швейной машинѣ. Наконецъ, какъ это вообще случается, когда машина не составляетъ звѣна цѣлой расчлененной системы и можетъ быть примѣняема и будучи маленькой по своимъ размѣрамъ, ремесленники или домашніе рабочіе, при помощи собственной семьи или немногихъ наемныхъ рабочихъ, пользуются принадлежащими имъ самимъ швейными машинами [270]). Въ Англіи фактически теперь преобладаетъ такая система: капиталистъ концентрируетъ въ своихъ помѣщеніяхъ большое число машинъ, а для окончательной обработки, раздаетъ машинный продуктъ цѣлой арміи рабочихъ, занятыхъ у себя на дому [271]).

Пестрота переходныхъ формъ не скрадываетъ, однако, тенденціи къ превращенію въ настоящее фабричное производство. Тенденція эта питается и поддерживается самымъ характеромъ швейной машины, разнообразная примѣнимость которой толкаетъ къ соединенію въ одномъ помѣщеніи и подъ командой одного капиталиста отраслей производства, бывшихъ прежде раздѣленными; этому же содѣйствуетъ и то обстоятельство, что нѣкоторыя предварительныя операціи иглой—наметываніе и т. п., удобнѣе производить тамъ, гдѣ находится машина; наконецъ, къ тому же приводитъ неизбѣжная экспропріація ремесленниковъ и домашнихъ работниковъ, работающихъ на собственныхъ машинахъ. Эта судьба отчасти уже постигла ихъ. Постоянно возрастающая масса вложеннаго въ швейныя машины капитала [272]) подстрекаетъ къ расширенію производства и вызываетъ застои въ сбытѣ, которые служатъ сигналомъ для продажи машинъ домашними рабочими. Перепроизводство самихъ машинъ застав-

[269]) «Наемная плата за мастерскія играетъ важную роль. Такъ какъ въ Лондонѣ она очень высока, то именно тамъ старая система раздачи работы мелкимъ предпринимателямъ и отдѣльнымъ семействомъ больше всего держалась и раньше всего къ ней вернулись вновь» (l. c. p. 83, n. 123,. Послѣднее замѣчаніе этой цитаты относится исключительно къ сапожному дѣлу.

[270]) Это не встрѣчается въ перчаточномъ производствѣ и т. п., гдѣ положеніе рабочихъ едва отличается отъ положенія пауперовъ.

[271]) l. c. p. 2, n. 122.

[272]) Въ одномъ лестерскомъ сапожномъ предпріятіи, работающемъ оптовый товаръ, уже въ 1864 г. примѣнилось 800 швейныхъ машинъ.

ляетъ нуждающихся въ сбытѣ производителей отдавать ихъ понедѣльно на прокатъ, чѣмъ создается убійственная для мелкихъ собственниковъ машинъ конкурренція [273]). Все еще продолжающіяся перемѣны въ конструкціи машинъ и удешевленіе ихъ также постоянно обезцѣниваетъ старые экземпляры и дѣлаетъ употребленіе ихъ выгоднымъ лишь въ рукахъ крупныхъ капиталистовъ, покупающихъ ихъ массами по низкимъ, дешевымъ цѣнамъ. Наконецъ, замѣщеніе человѣка паровой машиной наноситъ и здѣсь, какъ при всѣхъ подобныхъ переворотахъ, послѣдній ударъ. Примѣненіе паровой силы сначала наталкивается здѣсь на чисто техническія препятствія—качаніе машинъ, трудность управлять быстротой ея движенія, быстрая порча болѣе легкихъ машинъ и т. п., но все это такія препятствія, которыя опытъ скоро научаетъ устранять [274]). Если, съ одной стороны, концентрація многихъ машинъ въ крупныхъ мануфактурахъ приводитъ къ примѣненію паровой силы, то, съ другой—конкурренція пара съ человѣческими мускулами ускоряетъ концентрацію рабочихъ и исполнительныхъ механизмовъ на большихъ фабрикахъ. Такъ Англія, въ колоссальной сферѣ производства принадлежностей одежды («wearing apparel»), какъ и въ большей части другихъ производствъ, переживаетъ теперь періодъ перехода мануфактурнаго, ремесленнаго и домашняго производства въ фабричное, послѣ того, какъ всѣ дофабричныя формы совершенно переродились, разложились и исказились подъ вліяніемъ крупной промышленности, и потому уже давно развили въ своихъ нѣдрахъ и даже довели до крайностей всѣ чудовищности машинной системы, не усвоивъ себѣ положительныхъ элементовъ, элементовъ ея прогрессивнаго развитія [275]).

Эта стихійно совершающаяся промышленная революція искусственно ускоряется распространеніемъ фабричныхъ законовъ на всѣ отрасли производства, гдѣ работаютъ женщины, подростки и дѣти. Принудительное опредѣленіе продолжительности рабочаго дня, начала и конца работъ и отдыха, система смѣнъ для дѣтей, запрещеніе работы дѣтей моложе извѣстнаго возраста и т. п.—все это вынуждаетъ съ одной стороны, расширеніе примѣненія машинъ [276]) и за-

[273]) l. c. 84. n. 124.

[274]) Такъ обстояло дѣло въ военно-обмундировочномъ депо въ Лондонѣ, на рубашечной фабрикѣ Tillie and Henderson въ Лондондерри, на фабрикѣ платьевъ фирмы Tait въ Лимерикѣ, насчитывающей 1.200 «рукъ».

[275]) «Тенденція къ фабричному производству» (l. c. p. LXVII). «Эта отрасль промышленности находится теперь вся въ переходномъ состояніи и претерпѣваетъ тѣ же самыя измѣненія, которыя происходили въ производствѣ кружевъ, ткачествѣ и др.» (l. c. n. 405). «Полная революція» (l. c. p. XLVI, n. 318). Во время «Childr. Empl. Comm.» 1840 г. производство чулокъ было еще ручнымъ трудомъ. Послѣ 1846 г. въ этомъ производствѣ были введены различныя машины, которыя теперь приводятся въ движеніе паромъ. Общее число занятыхъ въ чулочно-вязальномъ производствѣ лицъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ, начиная съ трехлѣтняго, было въ 1862 г. около 129.000. Изъ этого числа, по Parliamentary Return отъ 11 февраля 1862 г., только 4.063 были подчинены фабричному закону.

[276]) Такъ, напр., относительно гончарнаго дѣла фирма Cochrane «Britain Pottery, Glasgow» сообщаетъ: «Чтобы получать прежнее количество продукта, мы прибѣгли къ усиленному употребленію машинъ, при которыхъ состоятъ необу-

мѣну мускуловъ, въ качествѣ двигательной силы, паромъ [277]), а съ другой — съ цѣлью выиграть на помѣщеніи то, что теряется во времени — происходитъ расширеніе совмѣстнаго пользованія средствами производства, печами, строеніями и т. п., т. е., словомъ, концентрація средствъ производства и соотвѣтственное сосредоточеніе (конгломерація) рабочихъ. Главная жалоба, страстно повторяемая предпринимателями каждой мануфактурной отрасли, когда ей угрожаетъ примѣненіе фабричныхъ законовъ, въ сущности сводится къ тому, что въ такомъ случаѣ необходимо будетъ затрачивать большій капиталъ для поддержанія дѣла въ прежнихъ размѣрахъ. Что же касается до промежуточныхъ формъ между мануфактурой и домашнимъ производствомъ и этого послѣдняго, то почва уходитъ у нихъ изъ подъ ногъ съ ограниченіемъ рабочаго дня и дѣтскаго труда. Безграничная эксплуатація дешевой рабочей силы составляетъ единственную основу, на которую опирается ихъ способность къ конкурренціи.

Существенное условіе фабричнаго производства, особенно подчиненнаго закону о максимальномъ рабочемъ днѣ, есть нормальная обезпеченность опредѣленнаго результата, т. е. производство извѣстнаго количества товара или полученіе желательнаго полезнаго эффекта въ данный промежутокъ времени. Закономъ установленные промежутки ограниченнаго рабочаго дня предполагаютъ далѣе возможность внезапныхъ и періодическихъ пріостановокъ въ работѣ безъ ущерба для находящагося въ процессѣ производства продукта. Эта обезпеченность результата и возможность перерывовъ, разумѣется, легче достижимы въ механическихъ производствахъ, чѣмъ тамъ, гдѣ играютъ роль химическіе и физическіе процессы, какъ, напр., въ гончарномъ, бѣльильномъ, красильномъ, пекарномъ дѣлѣ и въ большинствѣ металлургическихъ мануфактуръ. При привычкѣ къ халатному пользованію неограниченнымъ рабочимъ днемъ и ночнымъ трудомъ и къ безграничному расточенію человѣческой жизни, на всякое стихійное препятствіе смотрятъ, какъ на вѣчный «естественный предѣлъ» производства, его же не прейдеши. Но врядъ ли какой нибудь ядъ столь вѣрно убиваетъ насѣкомыхъ, какъ фабричный законъ такого рода «вѣчные предѣлы». Никто громче не кричалъ о «невозможностяхъ», чѣмъ господа гончарные фабриканты. Въ 1864 г. имъ былъ навязанъ фабричный законъ, а чрезъ 16 мѣсяцевъ исчезли уже всѣ невозможности. Вызванные фабричнымъ закономъ усовершенствованные способы приготовленія гончарной массы путемъ давленія вмѣсто испаренія, новой конструкціи печи для сушки необожженныхъ предметовъ и т. п. представляютъ собою событія чрезвычайной важности въ гончарномъ искусствѣ и обозначаютъ столь важный прогрессъ, какого не знало все предшествующее столѣтіе... Температура печей была значительно понижена при значительномъ же уменьшеніи

ченные рабочіе, и каждый день убѣждаетъ насъ, что мы при этомъ можемъ производить гораздо больше, чѣмъ при старой системѣ» («Reports of Insp. of. Fact. 31 Oct. 1865, p. 13»). «Фабричный законъ имѣетъ своимъ слѣдствіемъ дальнѣйшее введеніе машинъ» (l. c. p. 13, 14).

[277]) Такъ, напр., послѣ введенія фабричнаго закона въ гончарномъ дѣлѣ, ручное вращеніе (handmowed jiggers) было большей частью замѣнено механическимъ (power jiggers).

расходовъ на топливо и болѣе быстромъ дѣйствіи на продуктъ» [278]). Вопреки всякимъ пророчествамъ, подниялись не издержки производства или стоимость глиняныхъ издѣлій, а масса продукта, такъ что годовой вывозъ. съ декабря 1864 г. до декабря 1865 г., далъ излишекъ цѣнности въ 138.628 ф. ст. противъ средняго вывоза предшествовавшихъ трехъ лѣтъ. Въ фабрикаціи спичекъ считалось закономъ природы, что подростки, даже проглатывая пищу, должны окупать спичечныя взлочки въ теплый фосфорный составъ, ядовитые пары котораго ударяли имъ прямо въ носъ. Вынуждая экономизировать время, фабричный законъ (1864) вызвалъ изобрѣтеніе «dipping machine (машина для погруженія дерева въ фосфоръ), пары изъ которой не могутъ доходить до рабочаго [279]). Такъ и теперь относительно неподчиненной еще фабричному закону кружевной мануфактуры утверждаютъ, что время для принятія пищи не можетъ быть регулярно въ виду неодинаковости промежутка, необходимаго на просушку различныхъ матеріаловъ для кружевъ и колеблющагося отъ трехъ минутъ до одного часа. На это комиссары «Children's Employement Comm.» отвѣчаютъ: «Условія здѣсь совершенно такія же, какъ въ фабрикаціи обоевъ. Нѣкоторые изъ главныхъ фабрикантовъ усердно увѣряли, что природа употребляемыхъ матеріаловъ и разнородность процессовъ, которые они проходятъ, не позволяютъ, безъ большихъ потерь, никакихъ внезапныхъ остановокъ работы для принятія пищи... Въ силу 6-го пункта 6-го отдѣла Factory Act's Extension Act (1864) имъ была дана 18-ти мѣсячная отсрочка въ примѣненіи закона, по истеченіи которой они должны будутъ ввести предписываемыя фабричнымъ закономъ паузы» [280]). Какъ только законъ получилъ парламентскую санкцію, гг. фабриканты немедленно открыли, что «неудобства, которыхъ мы ожидали отъ введенія закона, не послѣдовали. Мы не видимъ никакого вреднаго вліянія на производство. Въ дѣйствительности мы производимъ за то же самое время больше» [281]). Итакъ, англійскій парламентъ, который никѣмъ не тожетъ быть заподозрѣнъ въ геніальности, пришелъ путемъ опыта къ тому заключенію, что принудительный законъ можетъ просто декретировать исчезновеніе всякихъ такъ называемыхъ естественныхъ препятствій, представляемыхъ производствомъ ограниченію и регулированію рабочаго дня. Поэтому, при введеніи въ какой нибудь отрасли производства фабричнаго закона дается срокъ, отъ 6 до 18 мѣсяцевъ, въ теченіе котораго фабрикантъ, какъ тамъ себѣ знаетъ, долженъ устранить всякія техническія препятствія. Слова Мирабо: «Impossible? Ne me dites jamais ce bête de mot!»—примѣнимы именно къ современной технологіи. Но ускоряя развитіе матеріальныхъ элементовъ, необходимыхъ для превращенія мануфактурнаго производства въ фа-

[278]) «Rep. Insp. Fact. 31 Oct. 1865», p. 96 и 127.

[279]) Введеніе этой и другихъ машинъ въ фабрикаціи спичекъ повело къ тому, что въ одномъ отдѣленіи спичечной фабрики 230 молодыхъ людей были замѣщены 32-мя подростками и дѣвушками. Эта экономія въ числѣ рабочихъ была въ 1865 г. проведена еще дальше, благодаря примѣненію паровой силы.

[280]) «Childr. Empl. Comm. II. Rep. 1864», p. IX, n. 60.

[281]) «Reports of Insp. of. Fact. 31 oct. 1865», p. 22.

брячное, фабричные законы ускоряютъ вмѣстѣ съ тѣмъ гибель мелкихъ мастеровъ и концентрацію капитала, такъ какъ дѣлаютъ необходимыми большія затраты его [262]).

Помимо чисто техническихъ и техническимъ путемъ устранимыхъ препятствій, регулированіе рабочаго дня наталкивается на неправильныя привычки самихъ рабочихъ, особенно тамъ, гдѣ преобладаетъ система задѣльной поштучной платы, и потеря одной части дня или недѣли можетъ быть возмѣщена дополнительной или ночной работой,—методъ, доводящій взрослаго рабочаго до озвѣренія и совершенно подтачивающій силы его незрѣлыхъ и женскихъ товарищей [263]). Хотя эта безпорядочность въ расходованіи рабочей силы представляетъ собою стихійно-грубую реакцію противъ скуки монотонной работы, однако въ несравненно большой степени она является результатомъ анархіи самаго производства, которая, въ свою очередь, опять таки предполагаетъ необузданную эксплуатацію рабочей силы капиталомъ. Рядомъ со всеобщими періодическими превратностями промышленныхъ циклонъ и особыми рыночными колебаніями въ каждой отрасли промышленности являются еще такъ называемыя сезонныя колебанія, вытекающія либо изъ періодичности удобныхъ для судоходства временъ года, либо изъ моды, либо изъ внезапности большихъ и подлежащихъ въ самое короткое время выполненію заказовъ. Эти внезапные заказы распространяются вмѣстѣ съ желѣзными дорогами и телеграфомъ. Расширеніе желѣзнодорожной сѣти по всей странѣ,—говоритъ, напр., одинъ лондонскій фабрикантъ,—очень усилило обычай краткосрочныхъ заказовъ. Оптовые торговцы Глазго, Манчестера и Эдинбурга обращаются теперь каждые 14 дней въ крупные оптовые склады Сити, которымъ мы доставляемъ товары. Вмѣсто того, чтобы прямо покупать въ складахъ, какъ это было раньше, они дѣлаютъ заказы (даютъ ордера), которые должны быть немедленно выполнены. Въ прежніе годы мы всегда могли во время тихаго спроса приготовить товаръ для ближайшаго сезона, но теперь никто не можетъ предвидѣть, каковъ будетъ дѣйствительный спросъ» [264]).

На фабрикахъ и мануфактурахъ, не подчиненныхъ еще фабричному закону,

---

[262]) «Необходимыя улучшенія... не могутъ быть произведены во многихъ старыхъ мануфактурахъ безъ затраты капитала, превышающаго средства многихъ нынѣшнихъ владѣльцевъ... Временная дезорганизація обязательно сопутствуетъ введенію фабричнаго производства. Размѣры этой дезорганизаціи прямо пропорціональны размѣрамъ тѣхъ неустройствъ, которыя подлежатъ устраненію фабричнымъ закономъ» (l. c. p. 96, 97).

[263]) Въ доменныхъ печахъ, напр. «къ концу недѣли рабочій день вездѣ сильно удлиняется, вслѣдствіе обычая праздновать понедѣльникъ, а также часть или весь вторникъ» («Child. Empl. Comm. III. Rep.» p. VI). «Мелкіе хозяева работаютъ вообще очень нерегулярно. Они теряютъ 2—3 дня, а потомъ работаютъ всю ночь, чтобы наверстать потерянное... Они всегда занимаютъ своихъ собственныхъ дѣтей, если имѣютъ таковыхъ» (l. c. p. VII). «Они неаккуратно начинаютъ работу въ расчетѣ на возможность наверстать потерянное, работая больше времени» (l. c. p. XVIII). «Въ Бирмингамѣ теряется масса времени... одинъ день вовсе не работаютъ, другой—чрезъ пень колоду» (l. c. p XI).

[264]) «Child. Empl. Comm. IV. Rep.», p. XXXII, XXXIII.

періодически, въ теченіе такъ называемыхъ сезоновъ, и неправильно—вслѣдствіе заказовъ, являющихся толчками, господствуетъ поистинѣ ужасная сверхурочная работа. Во внѣшнихъ отдѣленіяхъ фабрики, мануфактуры и магазина, въ сферѣ домашняго производства, и безъ того совершенно нерегулярнаго и относительно сырого матеріала и заказовъ находящагося въ полной зависимости отъ капризовъ капиталиста, который тутъ не связанъ никакими соображеніями насчетъ эксплуатаціи строеній, машинъ и т. п. и абсолютно ничѣмъ кромѣ шкуры самихъ рабочихъ не рискуетъ,—въ этой сферѣ систематически и постоянно выращивается готовая къ услугамъ резервная промышленная армія, которая въ теченіе одной части года губится самымъ безобразнымъ каторжнымъ трудомъ, а въ теченіе другой—лишается человѣческаго образа вслѣдствіе безработицы. «Предприниматели —говоритъ «Childr. Empl. Comm.»,—эксплуатируютъ обычную нерегулярность домашняго труда, чтобы доводить его, въ моменты экстренныхъ заказовъ, до 11, 12, 2 часовъ ночи, вѣрнѣе—до какого угодно часа. какъ гласитъ ходячая фраза, и это въ помѣщеніяхъ, «гдѣ вонь способна свалить васъ съ ногъ (the stench is enough to knock you down). Вы кое какъ доходите до двери и отворяете ее, но вы содрогаетесь и не можете итти дальше» [285]). «Наши предприниматели большіе чудаки,—сказалъ одинъ изъ выслушанныхъ свидѣтелей, сапожникъ,—они думаютъ, что мальчику нисколько не вредитъ, если онъ въ теченіе полугода работаетъ до изнеможенія, а въ теченіе другой половины почти вынужденъ шляться безъ дѣла» [286]).

Подобно техническимъ препятствіямъ, и эти такъ называемые «промысловые обычаи» («usages which have grown with the growth of trade») провозглашались и провозглашаются заинтересованными капиталистами «естественными предѣлами» производства. Такова былъ излюбленный вопль хлопчатобумажныхъ лордовъ въ то время, когда имъ впервые сталъ угрожать фабричный законъ. Хотя ихъ отрасль промышленности больше всякой другой находится въ зависимости отъ мірового рынка и, поэтому, отъ судоходства, однако опытъ совершенно опровергъ ихъ. Съ тѣхъ поръ всякая ссылка на «торговыя препятствія» разсматривается англійскими фабричными инспекторами какъ пустой предлогъ [287]). Основательныя и добросовѣстныя изслѣдованія «Childr. Empl. Comm.» доказываютъ фактически, что въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства урегулированіе рабочаго дня только равномѣрнѣе распредѣлятъ на весь годъ массу уже употребляющагося труда [288]), что оно есть первая раціональная

[285]) «Childr. Empl. Comm. IV. Rep.», p. XXXV, n. 235 и 237.

[286]) l. c. p. 127. n. 56.

[287]) «Что касается до убытковъ, которые они терпятъ вслѣдствіе несвоевременнаго исполненія ихъ заказовъ, то я припоминаю, что это было излюбленнымъ аргументомъ фабрикантовъ въ 1832 и 1833 гг. Все, что теперь можно сказать въ пользу этого аргумента, не имѣетъ той силы, которую оно имѣло тогда, когда паровое судоходство еще не уменьшило на половину всякія разстоянія и не установило новыхъ условій транспорта. Если этотъ аргументъ и тогда не выдерживалъ критики, то теперь онъ и подавно его не выдерживаетъ» («Reports of Insp. of Fact. 31 st. oct. 1862» p. 54, 55).

[288]) «Childr. Empl. Comm. IV Rep.», XVIII, n. 118.

узда для человѣкоубійственныхъ, безсодержательныхъ и не соотвѣтствующихъ существу крупной промышленности капризовъ моды [289]); что развитіе океаническаго судоходства и другихъ средствъ сообщенія вообще устранило собственно техническое основаніе сезонной работы [290]) и что, наконецъ, всѣ другія условія, которыхъ будто бы нельзя контролировать, устраняются болѣе обширными помѣщеніями, прибавочными машинами, увеличеніемъ числа одновременно занятыхъ рабочихъ [291]) и обратнымъ вліяніемъ, которое всѣ эти измѣненія оказываютъ на систему крупной торговли [292]). Однако капиталъ, какъ онъ неоднократно заявлялъ устами своихъ представителей, идетъ на такія перемѣны «лишь подъ давленіемъ всеобщаго парламентскаго акта» [293]), который принудительной силой закона регулируетъ рабочій день.

9. Фабричное законодательство (санитарныя мѣры и правила о воспитаніи). Всеобщее распространеніе его въ Англіи.

Фабричное законодательство, это первое сознательное и планомѣрное воздѣйствіе общества на стихійно развившійся строй его производственнаго процесса, есть, какъ мы видѣли, столь же естественный продуктъ крупной про-

[289]) Еще въ 1699 г. John Bellers замѣтилъ, что «колебанія моды увеличиваютъ число бѣдняковъ. Они производятъ огромное двойное зло: 1) рабочіе страдаютъ зимой отъ отсутствія работы, такъ какъ торговцы и хозяева ткацкихъ мастерскихъ не рѣшаются тратить свои капиталы, чтобы доставлять работу своимъ людямъ, до наступленія весны, когда они узнаютъ, какая будетъ мода; 2) весной постоянныхъ рабочихъ не хватаетъ, и хозяева вынуждены прибѣгать къ посторонней помощи, чтобы быть въ состояніи удовлетворить всю торговлю королевства въ теченіе четверти или половины года. Результатомъ этого бываетъ то, что лѣтомъ деревни лишены земледѣльцевъ, другія ремесла—рабочихъ рукъ, а зимою города большей частью переполнены нищими; не желающіе же нищенствовать умираютъ съ голоду». («Essays about the Poor, Manufactures etc.», p. 19).

[290]) «Childr. Empl. Comm. V. Rep.», p. 171. n. 31.

[291]) Такъ, напр., нѣкоторые экспортные торговцы Брадфорда свидѣтельствуютъ: «Ясно, что при этихъ условіяхъ совершенно напрасно заставлять дѣтей работать въ магазинахъ дольше, чѣмъ съ 8 час. утра до 7 или 7½ ч. вечера. Это только вопросъ нѣкотораго добавочнаго расхода и добавочнаго числа рабочихъ рукъ. [Дѣти вовсе не должны были бы работать такъ поздно по ночамъ, если бы нѣкоторые хозяева не были скаредны; лишняя машина стоитъ всего 16 или 18 ф. ст.] .. Всѣ затрудненія происходятъ отъ недостатка приспособленій и помѣщенія». (l. c. p. 171, n. 31, 36 и 38).

[292]) Одинъ лондонскій фабрикантъ, который вообще считаетъ регулированіе рабочаго дня средствомъ для защиты не только рабочихъ противъ фабрикантовъ, но и самихъ фабрикантовъ противъ крупныхъ торговцевъ, говоритъ слѣдующее: «Насъ стѣсняютъ экспортеры, которые, напр., желаютъ отправить товаръ на парусномъ суднѣ, и въ то же время привезти его на мѣсто къ извѣстному сроку, т. е. положить въ свой карманъ разницу между фрахтами на парусномъ суднѣ и на паровомъ; или изъ двухъ пароходовъ выбираютъ тотъ, который раньше уходитъ, для того, чтобы прійти на иностранный рынокъ раньше другихъ конкурентовъ (l. c.).

[293]) «Этого можно было бы избѣгнуть,—говоритъ одинъ фабрикантъ,—цѣной расширенія мастерскихъ, подъ давленіемъ общаго парламентскаго закона» (l. c. p. X, n. 38).

мышленности, какъ хлопчатобумажная пряжа, сельфакторы и электрическій телеграфъ. Прежде, чѣмъ изслѣдовать постепенное подчиненіе всѣхъ отраслей англійской промышленности фабричному законодательству, слѣдуетъ кратко упомянуть еще о нѣкоторыхъ его постановленіяхъ, не относящихся къ продолжительности рабочаго дня.

Содержаніе санитарныхъ правилъ, помимо ихъ редакціи, которая облегчаетъ капиталисту ихъ обходъ, чрезвычайно скудно и въ сущности ограничивается предписаніями насчетъ бѣленія стѣнъ и нѣкоторыми другими мѣрами поддержанія чистоты, вентиляціей и защитой отъ опасныхъ машинъ. Въ третьей книгѣ мы вернемся къ фанатической борьбѣ фабрикантовъ противъ постановленія, навязывающаго имъ ничтожный расходъ для защиты органовъ рабочихъ отъ гибели или изувѣченія. Здѣсь еще разъ блестяще потверждается фритредерскій догматъ, гласящій, что въ обществѣ, основанномъ на антагонизмѣ интересовъ, каждый содѣйствуетъ общему благу, преслѣдуя свою личную пользу. Довольно будетъ одного примѣра. Извѣстно, что за послѣдній двадцатилѣтній періодъ въ Ирландіи очень возросло производство льна и съ нимъ — и число scutching mills (льнотрепальныя заведенія). Въ 1864 г. тамъ было 1.800 такихъ заведеній. Періодически, осенью и зимой, преимущественно молодые люди и женщины, сыновья, дочери и жены сосѣднихъ мелкихъ фермеровъ, люди совершенно незнакомые съ машинами, отрываются отъ полевыхъ работъ для работы на scutching mills, гдѣ они занимаются снабженіемъ трепальныхъ машинъ льномъ. Несчастные случаи, которые здѣсь происходятъ, по числу и интенсивности, совершенно безпримѣрны въ исторіи машиннаго производства. Одна такая фабрика въ Кильдинанѣ (около Корка) насчитывала съ 1852 до 1856 г. шесть смертныхъ случаевъ и 60 случаевъ тяжкихъ увѣчій; всѣ эти несчастья могли бы быть предупреждены самыми простыми приспособленіями, цѣной въ нѣсколько шиллинговъ. Д-ръ Уайтъ, фабричный врачъ въ Downpatrick'ѣ, заявилъ въ официальномъ отчетѣ отъ 15 декабря 1865 г. слѣдующее: «Несчастные случаи на scutching mills прямо ужасны. Во многихъ случаяхъ цѣлая четверть тѣла отрывается отъ туловища. Послѣдствіемъ ранъ бываетъ обыкновенно смерть или полное калѣчество. Увеличеніе числа фабрикъ увеличитъ, разумѣется, и число этихъ страшныхъ случаевъ. Я убѣжденъ, что посредствомъ надлежащаго правительственнаго надзора за scutching mills большая часть этихъ человѣческихъ жертвъ можетъ быть избѣгнута» [294]). Что можетъ лучше характеризовать капиталистическій способъ производства, чѣмъ эта необходимость принудительнымъ государственнымъ закономъ навязывать ему самыя простыя санитарныя и предохранительныя мѣры? «Фабричный актъ 1864 г. выбѣлилъ и вычистилъ болѣе 200 гончарныхъ мастерскихъ, которыя въ теченіе 20 лѣтъ или даже вовсе воздерживались отъ этихъ операцій (вотъ каково «воздержаніе» капитала!) Въ этихъ заведеніяхъ скучены 27.800 рабочихъ, во время чрезмѣрной дневной, а часто и ночной работы, рабочихъ, дышащихъ зловоннымъ воздухомъ, благодаря которому производство, само по себѣ срав-

[294]) l. c. p. XV, n. 72 sqq.

нительно безвредное, несетъ съ собой болѣзни и смерть.' Этотъ законъ улучшилъ значительно вентиляцію»[295]). Вмѣстѣ съ тѣмъ эта сторона фабричнаго законодательства ярко показала, какъ капиталистическій способъ производства, по самому существу своему, за извѣстными предѣлами не мирится ни съ какимъ раціональнымъ улучшеніемъ. Неоднократно уже было замѣчено, что англійскіе врачи единогласно считаютъ 500 куб. ф. воздуха на человѣка едва достаточнымъ минимумомъ при постоянной работѣ. Но, если фабричный законъ косвенно, благодаря своимъ обязательнымъ правиламъ, ускоряетъ превращеніе мелкихъ мастерскихъ въ фабрики и, такимъ образомъ, косвенно же, посягаетъ на право собственности мелкихъ капиталистовъ и обезпечиваетъ крупнымъ монополію,—то предписанія закона о необходимомъ на каждаго рабочаго количествѣ воздуха въ мастерскихъ уже прямо однимъ ударомъ уничтожило бы тысячи мелкихъ капиталистовъ. Это значило бы поразить капиталистическое производство въ самомъ корнѣ, подкопавъ на самовозрастаніе (Selbstverwerthung) капитала, (безразлично, крупнаго или мелкаго), при помощи «свободной» покупки и потребленія рабочей силы. Поэтому фабричное законодательство на сутъ предъ этими 500 куб. ф. воздуха. Санитарныя власти, коммиссіи по изслѣдованію промышленности, фабричные инспектора, всѣ неустанно повторяютъ мысль о необходимости 500 к. ф. воздуха и о невозможности навязать ихъ капиталу. Такимъ образомъ они фактически провозглашаютъ чахотку и другія легочныя болѣзни рабочаго условіемъ существованія капитала[296]).

Какъ ни убоги въ цѣломъ были параграфы фабричнаго закона относительно воспитанія малолѣтнихъ рабочихъ, они всетаки объявили элементарное образованіе обязательнымъ условіемъ для употребленія дѣтскаго труда[297]). Ихъ успѣхъ впервые доказалъ возможность соединенія обученія и гимнастики[298]) съ физическимъ трудомъ, слѣдовательно, и физическаго труда съ

---

[295]) «Reports of Insp. of Fact 31 oct. 1865», p. 127.

[296]) Опытомъ установлено, что средній здоровый человѣкъ потребляетъ 25 куб. дюймовъ воздуха при каждомъ вдыханіи средней интенсивности и дѣлаетъ около 20 вдыханій въ минуту. По этому расчету человѣкъ въ теченіе 24 часовъ потребляетъ 720.000 куб. дюймовъ или почти 416 куб. футовъ воздуха. Извѣстно, однако, что воздухъ, который разъ вдохнули, не можетъ больше служить для этого процесса, прежде чѣмъ онъ не очистится въ великой мастерской природы. По опытамъ, произведеннымъ Валентиномъ и Бруннеромъ, здоровый человѣкъ, повидимому, выдыхаетъ въ часъ приблизительно 1.300 куб. дюймовъ угольной кислоты; изъ этого слѣдуетъ, что легкія въ 24 часа выбрасываютъ приблизительно 8 унцій угля. «Каждый человѣкъ, говоритъ Гексли, долженъ имѣть по меньшей мѣрѣ 800 куб. ф. воздуха».

[297]) По англійскому фабричному закону родители не могутъ посылать своихъ дѣтей моложе 14 л. на фабрики, «находящіяся подъ контролемъ», не давая имъ одновременно элементарнаго образованія. Фабрикантъ отвѣчаетъ за соблюденіе этого закона. «Обученіе фабричныхъ дѣтей обязательно и есть условіе работы» («Rep. of. Insp. of. Fact. 31 oct. 1863», p. 111).

[298]) О превосходныхъ результатахъ соединенія гимнастики (для юношей и военныхъ упражненій) съ обязательнымъ обученіемъ дѣтей на фабрикахъ и въ школахъ для бѣдныхъ см. рѣчь N. W. Senior'a на 7-омъ ежегодномъ конгрессѣ

обученіемъ и гимнастикой. Фабричные инспектора скоро узнали изъ свидѣтельскихъ показаній школьныхъ учителей, что фабричныя дѣти, хотя они учатся по времени вдвое меньше обыкновенныхъ учениковъ, успѣваютъ столько же и часто даже больше. «Дѣло очень просто. Тотъ, кто проводитъ въ школѣ лишь полдня, постоянно свѣжъ и почти всегда готовъ и способенъ учиться. Система попеременнаго занятія ученіемъ и физическимъ трудомъ дѣлаетъ каждое изъ этихъ занятій отдыхомъ отъ другого и, слѣдовательно, гораздо болѣе пригодна для дѣтей, чѣмъ однообразныя занятія однимъ какимъ-нибудь дѣломъ. Мальчикъ, который съ ранняго утра сидитъ въ школѣ, къ тому же въ лѣтнюю жару, ни въ какомъ случаѣ не можетъ соперничать съ другимъ мальчикомъ, который приходитъ бодрый и веселый со своей работы» [299]). Болѣе подробныя данныя объ этомъ предметѣ можно найти въ рѣчи Сеніора на соціологическомъ конгрессѣ въ Эдинбургѣ, въ 1863 г. Онъ въ ней, между прочимъ, показываетъ также, какъ односторонній, непроизводительный и продолжительный школьный день учениковъ высшихъ и среднихъ классовъ безполезно увеличиваетъ трудъ учителей «и въ то же время заставляетъ дѣтей тратить время, здоровье и энергію, не только безъ пользы, но положительно во вредъ себѣ» [300]). Въ фабричной системѣ, какъ болѣе подробно можно это прослѣдить на Робертѣ Оуэнѣ (Owen), выросъ зародышъ воспитанія будущаго, которое для всѣхъ дѣтей свыше извѣстнаго возраста соединитъ производительный трудъ съ обученіемъ и гимнастикой, и это будетъ не только методомъ повышенія общественнаго производства, но и единственнымъ методомъ созданія всесторонне развитого человѣка.

Мы видѣли, что крупная промышленность въ своей капиталистической формѣ, технически упразднивъ мануфактурный способъ раздѣленія труда съ

«National Association for the Promotion of Social Science» въ «Report of Proceedings etc. Lond. 1863», стр. 63, 64; а также отчетъ фабричныхъ инспекторовъ за 31 окт. 1865 г., p. 118, 119, 120. 126 sqq.

[299]) «Reports of Insp. of Fact». l. c. p. 118. Одинъ наивный фабрикантъ шелковыхъ матерій сказалъ слѣдственному комиссару «Childr. Emp. Comm.»: «Я вполнѣ убѣжденъ, что настоящій секретъ образованія хорошихъ работниковъ заключается въ соединеніи работы и обученія въ дѣтскомъ возрастѣ. Разумѣется, работа не должна быть ни слишкомъ тяжелой, ни противной, ни нездоровой. Я желалъ бы, чтобы мои собственныя дѣти работали и играли въ видѣ отдыха отъ школьныхъ занятій» («Childr. Empl. Comm». V. Rep., p. 82, n. 36).

[300]) Senior l. c. p. 66. Какъ крупная промышленность, на извѣстной ступени развитія производящая переворотъ въ матеріальномъ способѣ производства и въ общественныхъ производственныхъ отношеніяхъ, совершаетъ переворотъ и въ умахъ, поражательно показываетъ сравненіе рѣчи Сеніора въ 1863 году съ его филиппикой противъ фабричнаго закона въ 1833 г., или сравненіе между взглядами упомянутаго конгресса и тѣмъ фактомъ, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Англіи бѣднымъ родителямъ все еще запрещено, подъ страхомъ голодной смерти, обучать своихъ дѣтей. Такъ, напр., въ Somersetshire, по донесенію Snell's, въ обычаѣ, что всякій желающій получить вспомоществованіе отъ прихода, долженъ взять своихъ дѣтей изъ школы. Такъ Wollaston, священникъ въ Feltham'ѣ, приводитъ случаи, когда нѣкоторымъ семьямъ было отказано во всякой приходской помощи за то, что онѣ посылаютъ своихъ дѣтей въ школу»!

его пожизненнымъ прикрѣпленіемъ всего человѣка къ одной детальной операціи, тѣмъ не менѣе воспровела его въ еще болѣе чудовищныхъ размѣрахъ. На настоящей фабрикѣ это достигается посредствомъ превращенія рабочаго въ одаренную сознаніемъ принадлежность детальной машины, въ другихъ же формахъ производства отчасти посредствомъ спорадическаго употребленія машинъ и машиннаго труда [301]), отчасти же посредствомъ введенія женскаго, дѣтскаго и неискуснаго труда въ качествѣ новой основы раздѣленія труда Противорѣчіе между мануфактурнымъ способомъ раздѣленія труда и природой крупной промышленности прорывается насильственно. Между прочимъ, оно проявляется въ томъ ужасномъ фактѣ, что большинство дѣтей, работающихъ на современныхъ фабрикахъ и мануфактурахъ, прикованныя съ самаго нѣжнаго возраста къ самымъ простымъ манипуляціямъ, цѣлые годы эксплуатируются, не научаясь никакой работѣ, благодаря которой они могли бы потомъ быть пригодными хотя бы на этой же самой фабрикѣ или мануфактурѣ. Въ англійскихъ типографіяхъ, напр., раньше существовалъ соотвѣтствующій системѣ старой мануфактуры и ремесленнаго производства переходъ учениковъ отъ болѣе легкихъ къ болѣе сложнымъ работамъ. Они проходили курсъ ученія, пока не становились готовыми типографщиками. Умѣнье читать и писать было необходимымъ условіемъ ремесла. Все это измѣнилось съ появленіемъ печатной машины. Эта послѣдняя занимаетъ двоякаго рода рабочихъ.—взрослаго рабочаго, завѣдующаго машиной, и подростковъ при машинѣ, большей частью 11—17 лѣтъ, обязанность которыхъ заключается исключительно въ томъ, чтобы подкладывать въ машину чистые листы бумаги или вынимать изъ нея уже отпечатанные. Эту скучную работу они производятъ, особенно въ Лондонѣ, 14, 15, 16 часовъ безъ перерыва, въ теченіе нѣкоторыхъ дней нехѣли, и часто 36 часовъ подрядъ съ двухчасовымъ лишь перерывомъ для ѣды и сна! [302]). Большая часть изъ нихъ не умѣетъ читать, и обыкновенно это—совершенно одичалыя и искалѣченныя существа. «Чтобы сдѣлать ихъ способными къ ихъ работѣ, не требуется абсолютно никакого интеллектуальнаго воспитанія; они имѣютъ мало случаевъ упражнять свою умѣлость и еще меньше—свой умъ; плата ихъ, хотя до нѣкоторой степени высокая для подростковъ,

[301]) Тамъ, гдѣ ремесленныя машины, приводимыя въ движеніе человѣческой силой, прямо или косвенно конкуррируютъ съ машинами болѣе развитыми и потому уже предполагающими механическую двигательную силу,—тамъ, совершается крупная перемѣна въ отношеніи къ рабочему, который приводитъ машину въ движеніе. Сначала паровая машина замѣщала этого рабочаго; въ этомъ же случаѣ онъ ее долженъ замѣщать. Напряженіе и трата его рабочей силы тогда огромны, особенно для подростковъ, осужденныхъ на эту пытку! Такъ комиссаръ Longe нашелъ въ Coventry и его окрестностяхъ мальчиковъ 10—15 лѣтъ, употребляемыхъ для верченія ленточнаго станка, не говоря уже о болѣе юныхъ дѣтяхъ, которыя вертѣли станки меньшихъ размѣровъ. «Это необыкновенно трудная работа; мальчикъ играетъ роль простого замѣстителя паровой силы». («Childr. Empl-Comm. V. Rep. 1866», p. 114, n. 6). Объ убійственныхъ послѣдствіяхъ «этой системы рабства», какъ называетъ это оффиціальный отчетъ, l. c. sq.

[302]) l. c. p. 3, n. 24.

не возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ они сами выростаютъ, и большинство изъ нихъ не имѣетъ никакихъ шансовъ на занятіе болѣе доходнаго и отвѣтственнаго поста завѣдующаго машиной, такъ какъ на каждую машину приходится лишь одинъ завѣдующій и нерѣдко четыре подростка»[303]). Какъ только они становятся слишкомъ взрослыми для своей дѣтской работы, т. е. около 17 лѣтъ, ихъ прогоняютъ изъ типографіи. Они становятся кандидатами въ преступники. Нѣкоторыя попытки приспособить ихъ къ какимъ-либо другимъ занятіямъ разбились объ ихъ невѣжество, грубость, физическое и духовное паденіе.

То, что вѣрно относительно мануфактурнаго способа раздѣленія труда въ мастерской, вѣрно и относительно раздѣленія его въ обществѣ. Пока ремесло и мануфактура являются всеобщимъ основаніемъ общественнаго производства, подчиненіе производителя одной исключительной отрасли производства, уничтоженіе первоначальнаго разнообразія въ его дѣятельности[304]) представляетъ необходимый моментъ историческаго развитія. На основѣ этого обособленія всякая отрасль производства эмпирически находитъ свойственную ей техническую форму, медленно совершенствуетъ ее и быстро кристаллизуетъ ее, какъ только достигнута извѣстная ступень развитія. Измѣненія время отъ времени еще вносятся, помимо новаго рабочаго матеріала, доставляемаго торговлей, постепеннымъ преобразованіемъ рабочаго инструмента. Но и этотъ инструментъ, разъ опытнымъ путемъ найдена соотвѣтствующая для него форма, тоже застываетъ въ ней, какъ это доказывается переходомъ его часто, въ теченіе вѣковъ, отъ одного поколѣнія къ другому. Интересно, что до самаго XVIII-го столѣтія ремесла назывались mysteries, mystères, таинствами[305]), въ которыя могъ проникнуть лишь эмпирически и профессіонально посвященный человѣкъ. Крупная индустрія сорвала завѣсу, которая скрывала отъ людей ихъ собственный общественный процессъ производства и дѣлала тайной даже для посвященнаго въ одну отрасль производства всѣ остальныя, стихійно обособившіяся другъ отъ друга, отрасли. Ея принципъ, состоящій въ томъ, чтобы разлагать каждый процессъ на его составные элементы независимо отъ выполненія ихъ рукой человѣка, создалъ всю современную научную технологію. Пестрыя, съ

[303]) l. c. p. 7, n. 60.

[304]) «По словамъ Statistical Account, въ верхней Шотландіи когда-то можно было встрѣчать множество пастуховъ и крестьянъ съ женами и дѣтьми, обутыхъ въ башмаки, которые они сами шили изъ кожи, ими же самими выдѣланной, одѣтыхъ въ платья, до которыхъ не дотронулась чужая рука, матеріалъ которыхъ сдѣланъ изъ шерсти, ими самими выстриженной или изъ льна, ими самими возлѣланнаго. Въ приготовленіе платья едва ли входитъ какой либо покупной предметъ, кромѣ шила, иголки, наперстка и нѣкоторыхъ, очень немногихъ, желѣзныхъ частей инструментовъ, употребляемыхъ при ткацкѣ. Краски добывались самими женщинами изъ деревьевъ, кустовъ, травъ и т. п.» (Dugald Stewart, «Works, ed. Hamilton, vol. III», p. 327—28).

[305]) Въ знаменитомъ «Livre des métiers» Etienne'a Boileau между прочимъ предписывается, чтобы подмастерье, при пріемѣ его въ мастера, давалъ клятву «братски любить своихъ братьевъ, поддерживать ихъ, добровольно не выдавать ремесленныхъ тайнъ и даже, въ интересѣ всей корпораціи, не обращать вниманіе покупателя на недостатки чужихъ товаровъ съ цѣлью подчеркнуть преимущества своихъ».

вилу безсвязныя и окаменѣлыя формы общественнаго процесса производства распались на сознательно планомѣрныя и систематически, сообразно получаемому полезному эффекту, обособленныя примѣненія естествознанія. Технологія открыла также тѣ нѣсколько великихъ основныхъ формъ движенія, въ которыхъ, несмотря на все разнообразіе употребляемыхъ инструментовъ, совершается обязательно всякая производительная дѣятельность человѣческаго тѣла, подобно тому, какъ механика, при всей сложности дѣйствующихъ въ промышленности механизмовъ, ясно видитъ въ нихъ постоянное повтореніе простыхъ «машинъ». Современная индустрія никогда не считаетъ и не разсматриваетъ форму какого-либо процесса производства какъ окончательную. Техническое основаніе ея является такимъ образомъ революціоннымъ, между тѣмъ какъ всѣ раньше существовавшіе способы покоились на фундаментѣ, по существу своему консервативномъ [206]). Посредствомъ машинъ, химическихъ процессовъ и другихъ методовъ она постоянно производитъ перевороты въ техническихъ основахъ производства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ функціяхъ рабочихъ и въ общественныхъ комбинаціяхъ процессовъ труда. Этимъ она также постоянно революціонируетъ раздѣленіе труда внутри общества и безпрерывно перебрасываетъ массы капиталовъ и рабочихъ изъ одной отрасли производства въ другую. Природа крупной промышленности обусловливаетъ поэтому перемѣну труда, постоянную смѣну функцій (Fluss der Function) и всестороннюю подвижность рабочаго. Съ другой стороны, въ своей капиталистической формѣ, она воспроизводитъ старое раздѣленіе труда съ его застывшими спеціальностями. Мы видѣли, какъ это абсолютное противорѣчіе разрушаетъ всякій покой, всякую устойчивость и увѣренность въ положеніи рабочаго, постоянно угрожая ему вырвать изъ рукъ, вмѣстѣ съ орудіемъ труда,—и средства существованія [207]) и сдѣлать его самого излишнимъ вмѣстѣ съ его детальной функціей; мы знаемъ также, какъ это противорѣчіе разыгрывается въ безпрерывномъ закланіи рабочаго класса на алтарѣ промышленности, въ безграничномъ расточеніи рабочихъ силъ и въ тѣхъ опустошеніяхъ, которыя несетъ съ собой анархія общественнаго производства. Это отрицательная сторона процесса. Но если тутъ постоянныя перемѣны въ сферѣ труда даютъ знать о себѣ лишь какъ всемогущій законъ природы, кото-

[206]) «Буржуазія не можетъ существовать, не революціонируя постоянно орудій труда, а этимъ самымъ и условій производства, т. е. всѣхъ общественныхъ отношеній. Наоборотъ, первымъ условіемъ существованія всѣхъ прежнихъ промышленныхъ классовъ было неизмѣненное сохраненіе старыхъ способовъ производства. Постоянное преобразованіе производства, безпрерывное колебаніе всѣхъ общественныхъ условій, вѣчная неувѣренность и движеніе — отличаютъ буржуазную эпоху отъ всѣхъ предыдущихъ. Всѣ установившіяся, заржавѣвшія отношенія съ ихъ свитой традиціонно-почитаемыхъ представленій и взглядовъ разрушаются, всѣ вновь образуемыя быстро становятся устарѣлыми, не успѣвая застыть въ прочныя формы. Все сословное и прочное испаряется, все святое профанируется, и люди, наконецъ вынуждаются трезво смотрѣть на свое положеніе и на свои взаимныя отношенія». (F. Engels und Karl Marx: «Manifest der Kommunistischen Partei. Lond. 1848», p. 5)

[207]) «Вы отнимаете у меня жизнь, когда отнимаете у меня мои средства къ существованію». (Шекеспиръ).

рый дѣйствуетъ съ слѣпоразрушительной силой такого закона, наталкивающагося вездѣ на препятствія [368]), то сама крупная промышленность своими катастрофами дѣлаетъ для себя вопросомъ жизни и смерти—признать постоянныя перемѣны въ сферѣ труда, и, поэтому, возможно большую разносторонность рабочихъ всеобщимъ закономъ общественнаго производства и приспособить общественныя условія къ нормальному осуществленію этого закона. Она дѣлаетъ вопросомъ жизни и смерти замѣну чудовищнаго порядка, при которомъ жалкое резервное рабочее населеніе держится въ запасѣ для мѣняющихся потребностей капитала въ эксплуатаціи, такимъ строемъ, при которомъ каждый человѣкъ становится безусловно годнымъ для разныхъ мѣняющихся потребностей общества въ трудѣ; при которомъ частичный индивидуумъ, простой носитель детальной общественной функціи, замѣняется всесторонне развитымъ индивидуумомъ, управляющимъ различными общественными функціи, какъ одно другое смѣняющія занятія личности. Одинъ изъ моментовъ этого преобразовательнаго процесса, стихійно развившійся на почвѣ крупной промышленности, составляютъ политехническія и агрономическія школы; другой—основаніе «профессіональныхъ школъ», въ которыхъ дѣти рабочихъ получаютъ нѣкоторыя познанія въ технологіи и практическомъ примѣненіи различныхъ инструментовъ. Если фабричное законодательство, въ качествѣ вырванной съ трудомъ у капитала первой уступки, соединило элементарное обученіе съ фабричной работой, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что неизбѣжное завоеваніе рабочимъ классомъ политическаго господства завоюетъ въ школахъ для рабочихъ мѣсто теоретическому и практическому обученію технологіи. Не подлежитъ также никакому сомнѣнію, что капиталистическая форма производства и соотвѣтствующія ей экономическія условія, въ которыя поставлены рабочіе, находятся въ діаметральномъ противорѣчіи съ такими преобразовательными ферментами и съ ихъ цѣлью, заключающейся въ уничтоженіи стараго раздѣленія труда. Развитіе противорѣчій какой-либо исторически данной формы производства есть однако единственный историческій путь для ея разложенія и преобразованія. «Ne sutor ultra crepidam»!—это ne plus ultra ремесленной мудрости стало ужасной глупостью съ того момента, когда часовыхъ дѣлъ мастеръ Уаттъ изобрѣлъ паровую машину, цирюльникъ Аркрайтъ—прядильную машину, ювелирный рабочій Фультонъ—пароходъ [369]).

---

[368]) Одинъ французскій рабочій, по возвращеніи изъ Санъ-Франциско, писалъ: «Я бы никогда не повѣрилъ, что годенъ на всѣ тѣ работы, которыя я практиковалъ въ Калифорніи. Я твердо былъ убѣжденъ, что, кромѣ типографскаго дѣла, я ни на что больше не гожусь... Но попавъ въ среду авантюристовъ, мѣняющихъ свое ремесло легче, чѣмъ свою рубашку,—признаюсь!—я поступалъ какъ всѣ другіе. Такъ какъ работа въ рудникахъ оказалась недостаточно выгодной, то я ее бросилъ и перебрался въ городъ, гдѣ я поочередно былъ типографщикомъ, кровельщикомъ, литейщикомъ, лилъ свинца и т. д. Имѣя за собой такой опытъ, убѣдившій меня, что я гожусь на всякія работы, и чувствуя себя менѣе моллюскомъ и болѣе человѣкомъ». (A Corbon: «De l'enseignement professionnel». 2ème éd. p. 50).

[369]) John Bellers, настоящій феноменъ въ исторіи политической экономіи, понималъ съ полной ясностью еще въ концѣ 17-го стол. необходимость уничтоженія

Поскольку фабричное законодательство регулируетъ работу на фабрикахъ, мануфактурахъ и т. п., это является прежде всего простымъ вмѣшательствомъ въ права капитала на эксплуатацію труда. Наоборотъ, всякое регулированіе такъ называемаго домашняго труда [310]) немедленно представляется какъ прямое посягательство на patria potestas, т. е., выражаясь современнымъ языкомъ, на родительскую власть, а это уже такой шагъ, предъ которымъ нѣжный и чувствительный англійскій парламентъ долго останавливался съ содроганіемъ. Сила дѣйствительности заставила, однако, наконецъ, признать, что крупная промышленность сама разрушаетъ—вмѣстѣ съ экономическимъ основаніемъ прежняго семейнаго строя и соотвѣтствующаго ему семейнаго труда—и старинныя семейныя отношенія. Должно было быть провозглашено право дѣтей. «Къ несчастію», говорится въ заключительномъ отчетѣ «Childr. Empl. Comm.» 1866 г., «дѣти обоего пола, какъ явствуетъ изъ всѣхъ свидѣтельскихъ показаній, нуждаются въ защитѣ, главнымъ образомъ, противъ своихъ собственныхъ родителей». Система безграничной эксплуатаціи дѣтскаго труда вообще и домашняго ихъ труда въ особенности «поддерживается произвольной и безпощадной властью, которой родители безконтрольно и безгранично пользуются относительно своихъ молодыхъ и нѣжныхъ отпрысковъ... Родители не должны обладать абсолютной властью превращать своихъ дѣтей въ простыя машины для выколачиванія извѣстнаго недѣльнаго заработка... Дѣти и подростки имѣютъ право на защиту законодательства противъ злоупотребленій родительской властью, которыя преждевременно подрываютъ ихъ физическую силу и низводятъ ихъ на очень низкій моральный и интеллектуальный уровень» [311]). Однако не злоупотребленіе родительской властью создало эту прямую или косвенную эксплуатацію капиталомъ незрѣлой рабочей силы, а, наоборотъ—капиталистическій способъ эксплуатаціи вызвалъ злоупотребленіе родительской властью уничтоженіемъ соотвѣтствующаго этой власти экономическаго строя. Какъ ни ужасно, какъ ни отвратительно разрушеніе внутри капиталистической системы стариннаго семейнаго строя, тѣмъ не менѣе крупная промышленность, посредствомъ той рѣшаю-

---

теперешняго воспитанія и раздѣленія труда, вызывающаго гипертрофію и атрофію на обоихъ концахъ общества, хотя и въ противоположномъ направленіи. Опъ, между прочимъ, говоритъ: «Праздная наука немногимъ лучше науки о праздности... Физическій трудъ есть первоначальное божіе установленіе... Трудъ также необходимъ для поддержанія тѣлеснаго здоровья, какъ пища для поддержанія жизни; ибо тѣ непріятности, которыхъ человѣкъ избѣгаетъ при ничегонедѣланіи, обрушатся на него въ видѣ болѣзни (for what pains a man saves by Ease, he will find in Disease)... Трудъ прибавляетъ масло въ лампу жизни, а мысль зажигаетъ ее... Пустой дѣтскій трудъ (пророческая выдавка противъ Базедова и его современныхъ повторялыциковъ) оставляетъ дѣтскій умъ пустымъ» («Proposals for raising a Colledge of Industry of all useful Trades and Husbandry. Lond, 1696», p. 12, 14, 18).

[310]) Это относится, впрочемъ, и къ работѣ въ мелкихъ мастерскихъ, какъ мы это видѣли на кружевной мануфактурѣ и плетеніи соломы, и какъ это болѣе ясно можно было бы показать на металлическихъ мануфактурахъ Шеффильда, Бирмингама и др.

[311]) «Childr. Empl. Comm. V. Rep.», p. XXV, n. 162 и II. Rep., p. XXXVIII, n. 285, 289, p. XXXV, n. 191.

щей роли, которую она возлагаетъ на женщинъ, подростковъ и дѣтей обоего пола въ общественно организованномъ процессѣ производства внѣ сферы домашняго очага, создаетъ новую экономическую основу для болѣе высокой формы семьи и для болѣе высокихъ отношеній между обоими полами. Разумѣется, одинаково нелѣпо считать христіанско-германскую форму семьи абсолютной, какъ и древнеримскую, древне-греческую или восточную формы, которыя, впрочемъ, образуютъ послѣдовательныя ступени цѣлаго историческаго ряда развитія. Точно также и составленіе комбинированнаго рабочаго персонала изъ лицъ обоего пола и самаго различнаго возраста, хотя въ своей стихійной и грубой капиталистической формѣ, въ которой рабочій существуетъ для процесса производства, а не процессъ производства для рабочаго, оно и представляетъ заразительный источникъ разврата и рабства,—при соотвѣтствующихъ условіяхъ должно, наоборотъ, сдѣлаться источникомъ развитія человѣческой личности [312]).

Необходимость обобщенія фабричнаго законодательства, превращеніе его изъ исключительнаго закона для прядильныхъ и ткацкихъ заведеній,—этихъ первообразовъ всякаго машиннаго производства,—въ законъ для всякаго рода общественнаго производства вытекаетъ, какъ мы это видѣли, изъ историческаго развитія крупной промышленности. На заднемъ планѣ ея мануфактура, ремесло и домашнее производство совершенно мѣняютъ свои традиціонныя формы,—мануфактура постоянно превращается въ фабрику, ремесло—въ мануфактуру, наконецъ, сферы ремесленнаго и домашняго производства въ сравнительно короткое время превращаются въ жалкія трущобы, гдѣ свободно разгуливаютъ всѣ ужасы капиталистической эксплуатаціи. Два обстоятельства имѣютъ рѣшающее значеніе: во первыхъ постоянно вновь повторяющееся явленіе, что капиталъ, какъ только онъ подпадаетъ подъ контроль государства въ одномъ пунктѣ общественной периферіи, старается тѣмъ полнѣе вознаградить себя на другихъ пунктахъ [313]); во вторыхъ попль самихъ капиталистовъ о равенствѣ условій конкурренціи, т. е. объ одинаковыхъ границахъ для капиталистической эксплуатаціи [314]). Послушаемъ сердечныя излія̀нія объ этомъ гг. фабрикантовъ. Гг. W. Cooksley (фабриканты гвоздей, цѣпей и т. п. въ Бристолѣ) добровольно подчинили свое предпріятіе предписаніямъ фабричнаго закона. «Такъ какъ старая, неурегулированная система продолжаетъ существовать въ сосѣднихъ заведеніяхъ, то они имѣютъ непріятность видѣть, какъ работающіе у нихъ подростки заманиваются (enticed) въ какое-нибудь другое заведеніе для продолженія работы послѣ 6 часовъ вечера». «Это — совершенно естественно заявляютъ наши фабриканты—несправедливо и убыточно для насъ, такъ какъ поглощаетъ часть силы этихъ подростковъ, прибыль отъ которой всецѣло должна была бы принадлежать намъ» [315]).

[312]) «Фабричный трудъ можетъ быть столь же чистымъ и хорошо обставленнымъ, а, вѣроятно, даже и лучше, какъ и домашній трудъ, (Reports of Insp. of Fact. 31 Oct. 1865», p. 127).

[313]) l. c. p. 27, 32.

[314]) Массу доказательствъ этого можно найти въ «Rep. of Insp. of Fact».

[315]) Childr. Empl. Comm. V. Rep., p., X. n. 35.

I. Simpson (фабрикантъ коробокъ и бумажныхъ мѣшковъ въ Лондонѣ) объявилъ комиссарамъ «Childr. Empl. Comm.», что «онъ готовъ подписать любую петицію о введеніи фабричнаго закона. При теперешнихъ условіяхъ онъ всегда чувствуетъ безпокойство по вечерамъ («he always felt restless at night»), послѣ закрытія его мастерской, при мысли, что другіе заставляютъ дѣтей больше работать и выхватываютъ у него изъ подъ носа заказы»[216]). «Было бы несправедливо въ отношеніи къ крупнымъ фабрикантамъ», говоритъ въ своемъ резюмѣ «Childr. Empl. Comm.», «подчинить ихъ фабрики фабричному закону, въ то время, какъ въ ихъ же отрасляхъ производства мелкія предпріятія не подвергаются никакому законодательному ограниченію рабочаго времени. Помимо несправедливости отъ неравенства въ условіяхъ конкурренціи, вслѣдствіе изъятія мелкихъ мастерскихъ отъ регулированія рабочаго времени, для крупныхъ фабрикантовъ ущербъ будетъ еще въ томъ, что предложеніе женскаго и дѣтскаго труда отхлынетъ отъ нихъ въ пользу освобожденныхъ отъ подчиненія фабричному закону мастерскимъ. Наконецъ, это послужитъ толчкомъ къ размноженію мелкихъ мастерскихъ, которыя почти всѣ безъ исключенія представляютъ наименѣе благопріятныя условія для здоровья, удобствъ, воспитанія и общаго подъема рабочихъ»[217]).

Въ своемъ заключительномъ отчетѣ «Children's Employment Commission» предлагаетъ подчинить фабричному закону свыше 1.400,000 дѣтей, подростковъ и женщинъ, изъ которыхъ приблизительно половина эксплуатируется мелкимъ и домашнимъ производствомъ[218]). «Если, говоритъ комиссія, парламентъ приметъ наше предложеніе во всемъ его объемѣ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что такое законодательство будетъ имѣть самое благотворное вліяніе не только на молодыхъ и слабыхъ, которыхъ оно прежде всего касается, но и на еще большую массу взрослыхъ рабочихъ, которые прямо (женщины) или косвенно (мужчины) подпадутъ подъ его дѣйствіе. Оно навяжетъ имъ правильное и умѣренное рабочее время; оно сохранитъ и умножитъ запасъ физи-

---

[216]) l. c. p. IX. n. 28.

[217]) l. c. p. XXV, n. 165—167. Ср. относительно преимуществъ крупнаго производства въ сравненіи съ мелкимъ: «Childr. Empl. Comm. III. Rep.» p. 13, n. 144, p. 25, n. 121, p. 26, n. 125, p. 27, n. 140 и др.

[218]) Отрасли промышленности, которыя должны быть подчинены фабричнымъ законодательствомъ, суть: мануфактура кружевъ, чудочное производство, плетеніе соломы, приготовленіе одежды съ его многочисленными отраслями, выдѣлка искусственныхъ цвѣтовъ, приготовленіе башмаковъ, шляпъ и перчатокъ, портняжное дѣло, всѣ металлургическія предпріятія отъ доменныхъ печей до фабрикъ иголокъ и т. п., бумажныя фабрики, стеклянныя мануфактуры, табачныя мануфактуры, ременное производство, фабрикація нитокъ (для тканья), тканье ковровъ, вонтичныя мануфактуры, фабрикація веретенъ и шпулекъ, типографское дѣло, переплетное дѣло, торговля письменными принадлежностями (Stationery. Сюда относится приготовленіе бумажныхъ портфелей, картъ, чернилъ и т. п.), каштное производство, янтарныя издѣлія, кирпичные заводы, шелковыя мануфактуры, соляварни, фабрики сальныхъ свѣчей, производство цемента, сахарное производство, приготовленіе сухарей, различныя деревянныя и другія разнородныя работы.

ческой силы, отъ которой такъ сильно зависитъ благополучіе самихъ рабочихъ и всей страны; оно защититъ подрастающее поколѣніе отъ переутомленія въ равномъ возрастѣ, подтачивающаго ихъ организмъ, приводящаго его къ преждевременному истощенію; наконецъ, оно предоставитъ дѣтямъ возможность получать, по крайней мѣрѣ до 13 лѣтъ, элементарное образованіе и этимъ положитъ конецъ невѣроятному невѣжеству, которое такъ вѣрно изображено въ отчетахъ комиссіи и о которомъ нельзя подумать безъ истинной скорби и безъ глубокаго чувства національнаго „униженія“ [319]). Торійское министерство возвѣстило въ тронной рѣчи отъ 5-го февраля 1867 г., что оно формулировало билль соотвѣтственно предложенію комиссіи по изслѣдованію промышленности [319a]). На это ему потребовался цѣлый двадцатилѣтній экспериментъ in corpore vili! Дѣло въ томъ, что уже въ 1840 г. была назначена парламентомъ комиссія для изслѣдованія дѣтскаго труда. Отчетъ ея отъ 1842 г. раскрылъ, по словамъ Н. Сеніора, «ужасную картину жадности, эгоизма и жестокости капиталистовъ и родителей, нищеты, вырожденія и разстройства дѣтей и подростковъ, когда-либо видѣнную свѣтомъ... Можно было бы подумать, что отчетъ описываетъ ужасы давно прошедшей эпохи. Но къ сожалѣнію имѣются свѣдѣнія, что эти ужасы до сихъ поръ продолжаются въ столь же интенсивной формѣ какъ и раньше. Одна брошюра, обнародованная Гардвикомъ два года тому назадъ, удостовѣряетъ, что злоупотребленія, заклейменныя въ 1842 г., вполнѣ процвѣтаютъ и теперь (1863)... Этотъ отчетъ (отъ 1842 г.) пролежалъ безъ вниманія 20 лѣтъ, въ теченіе которыхъ позволили стать родителями нынѣшняго поколѣнія дѣтямъ, выросшимъ безъ малѣйшаго представленія о томъ, что мы называемъ моралью, о школьномъ образованіи, религіи или естественной семейной любви» [320]).

Между тѣмъ соотношеніе общественныхъ силъ измѣнилось. Парламентъ не осмѣлился отклонить требованія комиссіи 1863 г., какъ въ свое время онъ отклонилъ требованія комиссіи 1842 г. Поэтому, уже въ 1864 г., когда комиссія обнародовала лишь часть своего отчета, были подчинены законамъ, существовавшимъ для текстильной промышленности, производство земляныхъ издѣлій (со включеніемъ гончарнаго дѣла), фабрикація обоевъ, спичекъ, патроновъ, капсуль, а также стрижка бархата. Въ тронной рѣчи отъ 5-го февраля 1867 г., тогдашній торійскій кабинетъ возвѣстилъ дальнѣйшіе билли,

---

[319]) l. c. p. XXV; n. 169.

[319a]) Factory Acts Extension Act прошелъ 12 августа 1867 г. Онъ касается всѣхъ металлодѣлательныхъ, кузнечныхъ и металлообрабатывающихъ заведеній, со включеніемъ машинныхъ заводовъ, дальше—стекляныхъ, бумажныхъ, гуттаперчевыхъ каучуковыхъ и табачныхъ мануфактуръ, типографій, переплетныхъ заведеній, наконецъ, вообще мастерскихъ, въ которыхъ работаетъ больше 50 человѣкъ.—Hours of Labour Regulations Act (законъ, регулирующій рабочее время), прошедшій 17 августа 1867 г., касается болѣе мелкихъ мастерскихъ и такъ называемаго домашняго производства.

Къ этимъ законамъ, къ новому Mining Act 1872 г. и др. я вернусь во II томѣ.

[320]) Senior, Social Science Congress, p. 55, 56.

основанные на заключительныхъ предположеніяхъ комиссіи, которая между тѣмъ закончила въ 1866 г., свой трудъ.

15 августа 1867 г. Factory Acts Extension Act получилъ королевское утвержденіе, а 21 августа получилъ его Workshop's Act: первый актъ регулируетъ крупныя отрасли производства, послѣдній—мелкія.

Factory Acts Extension Act регулируетъ трудъ на доменныхъ печахъ, желѣзныхъ и мѣдныхъ, литейныхъ, машиностроительныхъ и иныхъ металлургическихъ заводахъ, на резиновыхъ, бумажныхъ, стекляянныхъ, табачныхъ фабрикахъ, въ типографіяхъ, въ переплетныхъ заведеніяхъ и вообще во всякихъ промышленныхъ заведеніяхъ такого рода, въ которыхъ 50 или больше человѣкъ работаютъ совмѣстно, по меньшей мѣрѣ,—въ теченіе 100 дней въ году.

Чтобы дать нѣкоторое представленіе объ объемѣ сферы дѣйствія этого закона, мы приводимъ нѣкоторыя устанавливаемыя имъ опредѣленія:

«Подъ р е м е с л о м ъ подразумѣвается (въ этомъ законѣ) всякая ручная работа, которая производится какъ профессія или въ цѣляхъ заработка, и состоитъ въ приготовленіи какого-нибудь предмета, или части его, въ измѣненіи его, украшеніи, исправленіи или приданіи ему окончательнаго вида.

«М а с т е р с к о й называется какой-либо домъ или опредѣленное пространство, крытое или подъ открытымъ небомъ, въ которомъ какое-нибудь «ремесло» производится ребенкомъ, подросткомъ или женщиной и въ которое тотъ, кто занимаетъ работой такого ребенка, подростка или женщину, имѣетъ право входа и контроля.

«Быть занимаемымъ работой значитъ работать въ какомъ-нибудь «ремеслѣ», за плату или безъ платы, подъ управленіемъ мастера или родителей, о чемъ ниже постановляется подробнѣе.

«Подъ словомъ р о д и т е л и подразумѣваются: отецъ, мать, опекунъ или другое лицо, которое имѣетъ право опеки или контроля надъ какимъ-либо... ребенкомъ или подросткомъ».

Параграфъ 7, опредѣляющій наказаніе за занятіе, вопреки правиламъ закона, дѣтей, подростковъ и женщинъ налагаетъ денежный штрафъ не только на собственника мастерской, будетъ ли то одинъ изъ родителей или нѣтъ, но и «на родителей или другихъ лицъ, которыя имѣютъ подъ своей опекой ребенка, подростка или женщину, или извлекаютъ непосредственную выгоду изъ ихъ работы».

Factory Acts Extension Act, относящійся къ крупнымъ заведеніямъ, значительно ниже фабричнаго акта вслѣдствіе цѣлой массы жалкихъ исключеній и трусливыхъ компромиссовъ съ капиталистами.

Workshops' Regulation Act, жалкій во всѣхъ своихъ подробностяхъ, остался мертвой буквой въ рукахъ уполномоченныхъ на его исполненіе городскихъ и мѣстныхъ властей. Когда парламентъ, въ 1871 г., лишилъ ихъ этого полномочія и передалъ его фабричнымъ инспекторамъ, районъ дѣятельности которыхъ сразу увеличился на 100.000 мастерскихъ (между ними однихъ кирпичныхъ заводовъ было 300), то персоналъ инспекціи былъ съ удивительной

заботливостью увеличенъ лишь на восемь помощниковъ, между тѣмъ какъ онъ даже и раньше былъ слишкомъ незначителенъ [321]).

Такимъ образомъ въ англійскомъ законодательствѣ 1867 г., поражаетъ, съ одной стороны, необходимость для парламента господствующихъ классовъ согласиться въ принципѣ на столь чрезвычайныя и широкія мѣры противъ захватовъ капиталистической эксплуатаціи, а съ другой стороны—половинчатость этихъ мѣръ, неохота и mala fides, съ которыми парламентъ провелъ и осуществлялъ ихъ.

Комиссія 1862 г. предложила также новыя мѣры для урегулированія горнопромышленности, отрасли производства, отличающейся отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что въ ней интересы земельныхъ собственниковъ и промышленныхъ капиталистовъ идутъ рука объ руку. Противоположность этихъ интересовъ благопріятствовала фабричному законодательству; отсутствія этой противоположности достаточно для объясненія медленности и вялостей ухищреній, ставшихъ на пути къ охранѣ горнорабочихъ.

Комиссія 1840 г. сдѣлала такія ужасныя и возмутительныя разоблаченія и вызвала такой скандалъ на всю Европу, что парламентъ вынужденъ былъ облегчить свою совѣсть изданіемъ Mining Act 1842 г., который ограничился запрещеніемъ ночной работы для женщинъ и для дѣтей моложе 10 лѣтъ.

Затѣмъ, въ 1860 г., появился Mines' Inspection Act, въ силу котораго копи и рудники подчиняются надзору спеціально для того назначенныхъ чиновниковъ, и дѣти между 10 и 12 годами допускаются тамъ работать только въ тѣхъ случаяхъ, когда они имѣютъ школьное свидѣтельство или посѣщаютъ школу въ теченіе извѣстнаго числа часовъ. Этотъ актъ всецѣло остался мертвой буквой, вслѣдствіе до смѣшного ничтожнаго числа назначенныхъ инспекторовъ, незначительности предоставленныхъ имъ правъ и другихъ причинъ, которыя выяснятся для насъ въ дальнѣйшемъ изложеніи. Одной изъ послѣднихъ синихъ книгъ о горнопромышленности является «Report from the Select Comittee on Mines, together with... Evidence, 23 July 1866». Это произведеніе комитета, избраннаго палатой общинъ и уполномоченнаго приглашать и выслушивать свидѣтелей, представляетъ собою толстый томъ in folio, въ которомъ самъ «Report» занимаетъ только пять строкъ, заявляющихъ, что комитетъ ничего не можетъ сказать и что слѣдуетъ допросить еще свидѣтелей!

Способъ допроса свидѣтелей напоминаетъ cross examinations (перекрестный допросъ) въ англійскихъ судахъ, гдѣ адвокатъ наглыми и умопомрачительными, вкривь и вкось задаваемыми, вопросами стремится сбить съ толку свидѣтеля и извратить его слова. Роль адвокатовъ играютъ здѣсь сами парламентскіе слѣдователи, между которыми находятся собственники и эксплуататоры

[321]) Персоналъ фабричной инспекціи состоялъ изъ 2 инспекторовъ, 2 помощниковъ инспектора и 41 субъ-инспектора. Еще восемь субъ-инспекторовъ были назначены въ 1871 г. Общая сумма расходовъ, вызванныхъ примѣненіемъ фабричныхъ законовъ въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи, составляла въ 1871—1872 гг. лишь 25,347 ф. ст., включая сюда и судебныя издержки при процессахъ противъ нарушеній закона.

рудниковъ, свидѣтелями же являются большей частью рабочіе изъ каменноугольныхъ копей. Весь этотъ фарсъ слишкомъ характеренъ для духа капитала, чтобы не привести здѣсь нѣсколько выдержекъ. Для большей легкости обзора я привожу результаты изслѣдованія и т. д. по рубрикамъ. Напоминаю, что вопросъ и обязательный отвѣтъ въ англійскихъ синихъ книгахъ нумерованы и что свидѣтели, показанія которыхъ здѣсь цитируются, суть рабочіе въ каменноугольныхъ копяхъ.

1) Работа въ копяхъ подростковъ, начиная съ десятилѣтняго возраста. Работа, вмѣстѣ съ ходьбой туда и обратно, продолжается обыкновенно 14—15 часовъ, нерѣдка и больше, съ 3, 4, 5 часовъ утра до 4 и 5 часовъ вечера (н. 6, 452, 83). Взрослые рабочіе работаютъ въ двѣ смѣны, или по 8 часовъ, но такихъ смѣнъ не существуетъ для подростковъ, чтобы съэкономить на издержкахъ (н. 80, 203, 204). Младшія дѣти главнымъ образомъ употребляются для открыванія и закрыванія дверей въ различныхъ отдѣленіяхъ копи, болѣе взрослыя для болѣе тяжелой работы, какова перевозка угля и т. п. (н. 122, 739, 1747). Продолжительная работа подъ землей тянется до 18-ти и 22-хъ лѣтняго возраста, когда наступаетъ переходъ къ рудничной работѣ въ собственномъ смыслѣ (н. 161). Дѣти и подростки несутъ теперь болѣе тяжелый трудъ, чѣмъ когда либо раньше (н. 16, 63—67). Рабочіе въ копяхъ требуютъ почти единогласно парламентскаго акта для запрещенія рудничной работы дѣтей до 14-ти лѣтъ. Но потъ Hussey Vivian (самъ горнопромышленникъ) спрашиваетъ: «Не обусловливается ли это требованіе большей или меньшей бѣдностью родителей?»—A. Mr. Bruce прибавляетъ: «Не было ли бы жестокостью, разъ отецъ умеръ или искалѣченъ, отнять у семьи этотъ ресурсъ? Между тѣмъ законъ долженъ имѣть всеобщее значеніе,—хотите ли вы, поэтому, во всѣхъ случаяхъ запретить работу подъ землей дѣтямъ моложе 14-ти лѣтъ?»—Отвѣтъ: «Во всѣхъ случаяхъ» (н. 107—110).—Vivian: «Если работа въ копяхъ будетъ запрещена лѣтямъ моложе 14-ти лѣтъ, то не будутъ ли тогда родители посылать дѣтей на фабрики и т. п.?»—Отвѣтъ: «По общему правилу—нѣтъ» (н. 174).—Рабочіе: «Отворять и затворять двери кажется легкимъ дѣломъ. Въ дѣйствительности же это очень мучительное занятіе. Не говоря уже о постоянномъ сквозномъ вѣтрѣ, дѣти находятся точно въ плѣну, какъ будто бы они сидѣли въ тюремной камерѣ».—Vivian: «Не могутъ ли дѣти читать, находясь у дверей, если они имѣютъ свѣчку?»—Отв.: «Во первыхъ свѣчки имъ для этого пришлось бы покупать; кромѣ того, имъ бы этого не позволили. Они находятся тамъ, чтобы заниматься своимъ дѣломъ, они должны исполнять извѣстную обязанность. Я никогда не видѣлъ, чтобы какой-нибудь подростокъ читалъ въ копи» (н. 141—60).

2) Воспитаніе: горнорабочіе требуютъ закона объ обязательномъ обученіи дѣтей, какъ это существуетъ относительно фабрикъ. Они объявляютъ чисто призрачнымъ параграфъ закона 1860 г., по которому для употребленія на работу дѣтей отъ 10-ти до 12 лѣтъ требуется школьное свидѣтельство. «Уголовный» допросъ капиталистическихъ слѣдователей становятся здѣсь поистинѣ забавнымъ (н. 115). «Противъ кого этотъ законъ болѣе нуженъ, противъ ро-

дителей или противъ предпринимателей?—Противъ тѣхъ и другихъ» (п. 116). «Противъ кого больше?—Какъ мнѣ на это отвѣтить?» (п. 137). «Проявляютъ ли предприниматели какое либо желаніе приспособить рабочее время къ посѣщенію школы?—«Никогда» (п. 211).

«Пополняютъ ли горнорабочіе какъ нибудь потомъ свое воспитаніе?—Въ общемъ они становятся хуже: они пріобрѣтаютъ скверныя привычки, предаются пьянству, игрѣ и т. п. и окончательно опускаются» (п. 109). «Почему не посылать дѣтей въ вечернѣе классы?—Въ большинствѣ каменноугольныхъ округовъ ихъ не существуетъ. Но главное дѣло въ томъ, что отъ чрезмѣрной работы дѣти такъ изнурены, что глаза у нихъ слипаются отъ усталости». «Слѣдовательно—заключаютъ буржуа—вы противъ обученія?—Отнюдь нѣтъ; но... и т. д.» (п. 443). «Не обязаны ли собственники копей по закону 1860 г. требовать школьныхъ свидѣтельствъ при пріемѣ на работу дѣтей отъ 10 до 12 лѣтъ?—По закону—да, но предприниматели не исполняютъ закона» (п. 444). «По вашему мнѣнію, эти параграфы не вездѣ соблюдаются?—Они нигдѣ не соблюдаются» (п. 717). «Интересуются ли горнорабочіе вопросомъ о воспитаніи?—Огромное большинство ихъ интересуется» (п. 718). «Заботятся ли они о соблюденіи этого закона?—Въ огромномъ большинствѣ» (п. 720). «Почему они не заставляютъ исполнять его?—Иной рабочій и хотѣлъ бы не допускать мальчиковъ безъ школьныхъ свидѣтельствъ, но онъ за это сдѣлался бы отмѣченнымъ (a marked man)» (п. 721). «Кѣмъ отмѣченнымъ?—Своимъ предпринимателемъ» (п. 722). «Вы, вѣдь, не думаете, что предприниматель станетъ преслѣдовать человѣка за его повиновеніе закону?—Нѣтъ, я думаю, что онъ это сдѣластъ».—(п. 723). «Почему рабочіе не отказываются употреблять такихъ мальчиковъ?—Это не предоставлено на ихъ выборъ» (п. 1634). «Вы требуете вмѣшательства парламента?—Если необходимо предпринять что-нибудь дѣйствительное для воспитанія дѣтей горнорабочихъ, то необходимо сдѣлать это путемъ изданія парламентскаго акта» (п. 1636). «Необходимо это для дѣтей всѣхъ рабочихъ Великобританіи или для дѣтей горнорабочихъ?—Я нахожусь здѣсь, чтобы говорить отъ имени горнорабочихъ» (п. 1638). «Зачѣмъ отличать дѣтей горнорабочихъ отъ другихъ?—Потому что они составляютъ исключеніе» (п. 1639). «Въ какомъ отношеніи?—Въ физическомъ» (п. 1640). «Почему обученіе необходимѣе для нихъ, чѣмъ для мальчиковъ другихъ классовъ?—Я не говорю, что оно для нихъ необходимѣе, но вслѣдствіе чрезмѣрности ихъ труда въ копяхъ они имѣютъ меньше шансовъ получить образованіе въ дневныхъ и воскресныхъ школахъ» (п. 1644). «Неправда ли, о такихъ вопросахъ нельзя разсуждать абсолютно?» (п. 1646). «Достаточно ли школъ въ округахъ?—Нѣтъ» (п. 1647). «Если государство потребуетъ, чтобы каждый ребенокъ посылался въ школу, откуда возьмутся школы для всѣхъ дѣтей?—Я думаю, что, разъ это будетъ необходимо, школы возникнутъ сами собой. Значительное большинство, не только дѣтей, но и взрослыхъ горнорабочихъ не умѣетъ ни читать, ни писать» (п. 705, 726).

3) Трудъ женщинъ. Работницы съ 1842 г., правда, не употребляются больше для работъ подъ землей, но употребляются на землѣ для нагрузки угля, для

таскания чановъ къ каналамъ и желѣзнодорожнымъ вагонамъ, сортировки угля и т. д. Употребленіе женскаго труда значительно увеличилось за послѣдніе 3—4 года (п. 1727). Это большей частью жены, вдовы и дочери горнорабочихъ, отъ двѣнадцатилѣтняго до 50-ти лѣтняго и 60-ти лѣтняго возраста (п. 645, 1779) (п. 648). «Что думаютъ горнорабочіе объ употребленіи женщинъ на горныя работы?—Они осуждаютъ его вообще». «Почему?—Они считаютъ это унизительнымъ для женскаго пола... Женщины носятъ тамъ платье, похожее на мужское. Во многихъ случаяхъ заглушается всякій стыдъ. Многія женщины курятъ. Работа ихъ столь же грязна, какъ и работа въ самыхъ копяхъ. Къ тому же многія изъ нихъ замужнія женщины, которыя, работая, не могутъ исполнять своихъ домашнихъ обязанностей» (п. 651 и сл.) (п. 709). «Могутъ ли вдовы находить какое-либо другое занятіе, столь же прибыльное (8—10 шиллинговъ въ недѣлю)?—Я ничего не могу сказать на счетъ этого» (п. 710). «И несмотря на это вы готовы (что за каменное сердце!) лишить ихъ этого средства къ жизни?—Вполнѣ» (п. 1715). «Чѣмъ объяснить такую рѣшимость?—Мы, горнорабочіе, питаемъ слишкомъ большое уваженіе къ прекрасному полу, чтобы равнодушно видѣть его осужденнымъ на работу въ угольныхъ копяхъ... эта работа большей частью очень тяжела. Многія изъ этихъ дѣвушекъ поднимаютъ въ день до 10 тоннъ» (п. 1732). «Думаете ли вы, что работницы, работающія въ копяхъ, безнравственнѣе тѣхъ, которыя работаютъ на фабрикахъ?—Процентъ испорченныхъ больше, чѣмъ между фабричными дѣвушками» (п. 1733). «Но вы вѣдь недовольны и состояніемъ нравственности на фабрикахъ?—Нѣтъ» (п. 1734). «Хотѣли ли бы вы запретить женскій трудъ и на фабрикахъ?—Нѣтъ, я этого не хочу» (п. 1735). «Почему нѣтъ?—Онъ для женскаго пола почетнѣе и подходящѣе» (п. 1736). «Всетаки вы полагаете, что онъ вреденъ для нравственности?—Нѣтъ, далеко не такъ, какъ работа въ копяхъ. Кромѣ того, я говорю не только съ нравственной точки зрѣнія, но и съ точки зрѣнія физической и соціальной. Соціальная деградація дѣвушекъ въ копяхъ плачевная и крайняя. Когда эти дѣвушки становятся женами горнорабочихъ, мужья ихъ глубоко страдаютъ отъ этой деградаціи, которая гонитъ ихъ изъ дому въ кабакъ» (п. 1737). «Но развѣ нельзя этого самого сказать о женщинахъ, работающихъ въ желѣзномъ производствѣ?—Я не могу говорить о другихъ отрасляхъ производства» (п. 1740). «Какая же однако разница между женщинами, работающими въ желѣзномъ производствѣ и тѣми, которыя работаютъ въ копяхъ?—Я этимъ вопросомъ не занимался» (п. 1741). «Можете ли вы открыть какую-нибудь разницу между этими двумя классами?—Я не могу сказать ничего достовѣрнаго объ этомъ, но, посредствомъ хожденія изъ дому въ домъ, я убѣдился въ постыдномъ положеніи вещей въ нашемъ округѣ» (п. 1750). «Не желали ли бы вы устранить трудъ женщинъ отовсюду, гдѣ это ихъ унижаетъ?—Да... лучшія чувства лѣтей должны имѣть своимъ источникомъ материнское воспитаніе» (п. 1751). «Но вѣдь это относится и къ женщинамъ, работающимъ въ земледѣліи?—Тамъ работа продолжается только два сезона, у насъ же онѣ работаютъ всѣ четыре сезона, часто днемъ и ночью, промокшія до костей, что разслабляетъ

организмъ и подрываетъ здоровье» (п. 1753). «Вы этого вопроса (о женскомъ трудѣ) не изучали спеціально?—Я наблюдалъ то, что происходитъ кругомъ меня, и могу сказать, что я нигдѣ не нашелъ ничего, подобнаго женскому труду въ копяхъ. Это мужская работа, и работа для сильнаго мужчины. Лучшая часть горнорабочихъ, которые стараются возвысить въ себѣ человѣка, вмѣсто того, чтобы найти какую либо поддержку у своихъ женъ, опускаются благодаря имъ еще ниже». Послѣ цѣлаго ряда дальнѣйшихъ перекрестныхъ допросовъ со стороны гг. буржуа, секретъ ихъ «сострадания» ко вдовамъ, бѣднымъ семьямъ и т. п. выплылъ наружу: «Собственникъ копи назначаетъ главными управляющими извѣстныхъ джентльменовъ, политика которыхъ, съ цѣлью заслужить одобреніе своего начальства, заключается въ томъ, чтобы все поставить на возможно болѣе экономную ногу: дѣвушки получаютъ поденно отъ 1 шилл. до 1 шилл. 6 пенсовъ, между тѣмъ какъ мужчинѣ пришлось бы платить 2 ш. 6 п.» (п. 1816).

4) Жюри для осмотра мертвыхъ тѣлъ (п. 360). «Довольны ли рабочіе въ вашихъ округахъ слѣдствіемъ коронера (Coroners inequest) по поводу несчастныхъ случаевъ?—Нѣтъ, они недовольны» (п. 861). «Почему нѣтъ?—Потому именно, что въ жюри назначаютъ людей, ничего не понимающихъ въ горномъ дѣлѣ. Рабочіе никогда не привлекаются, развѣ въ качествѣ свидѣтелей. Вообще берутъ сосѣднихъ лавочниковъ, находящихся подъ вліяніемъ владѣльцевъ копей, ихъ покупателей, и даже не понимающихъ техническихъ выраженій свидѣтелей. Мы требуемъ, чтобы горнорабочіе входили въ составъ жюри. Обыкновенно приговоры находятся въ противорѣчіи съ показаніями свидѣтелей» (п. 378). «Развѣ жюри не безпристрастны?—Да» (п. 379). «А рабочіе будутъ безпристрастны?—Я не вижу никакой причины, почему бы имъ не быть безпристрастными. Они знакомы съ дѣломъ» (п. 380). «Но не будутъ ли они склонны произносить слишкомъ суровые приговоры въ интересахъ рабочихъ?—Нѣтъ, я не думаю этого».

5) Фальсификація мѣръ и вѣсовъ и т. п. Рабочіе требуютъ, чтобы расплата производилась еженедѣльно, а не разъ въ двѣ недѣли; чтобы уголь принимался по вѣсу, а не по мѣрѣ; чтобы были приняты мѣры противъ фальшивыхъ вѣсовъ и т. д. (п. 1071). «Если часы увеличиваются обманнымъ образомъ, то вѣдь рабочій можетъ оставить копь, предваривъ объ этомъ за 14 дней?—Но если онъ перейдетъ на другое мѣсто, то онъ найдетъ тамъ то же самое» (п 1072). «Но онъ можетъ же оставить мѣсто, гдѣ поступаютъ несправедливо?—Вездѣ дѣлается то же самое» (1073). «Но рабочій можетъ оставить мѣсто, предваривъ объ этомъ за 14 дней?—Да». Ну и ладно!

6) Инспекція копей. Рабочіе страдаютъ не только отъ взрывовъ газовъ (п. 234 и сл.). «Мы имѣемъ полное основаніе жаловаться и на плохую вентиляцію въ копяхъ, гдѣ люди едва могутъ дышать; они вслѣдствіе этого становятся неспособными ни на какое другое дѣло. Такъ, напр., именно въ настоящее время, въ томъ отдѣленіи, гдѣ я работаю, смрадный воздухъ сдѣлалъ многихъ больными на цѣлыя недѣли. Въ главныхъ проходахъ воздуха, большей частью, довольно, но его недостаетъ именно въ мѣстахъ, гдѣ мы ра-

ботаемъ. Если рабочій вздумаетъ пожаловаться на счетъ вентиляціи инспектору, то онъ увольняется и становится «отмѣченнымъ» человѣкомъ, который уже не найдетъ нигдѣ работы. «Mining inspecting Act» 1860 г. есть простой лоскутокъ бумаги. Инспекторъ—число инспекторовъ слишкомъ незначительно,—дѣлаетъ, можетъ быть, разъ въ семь лѣтъ формальное посѣщеніе копи. Нашъ инспекторъ совсѣмъ неспособный, семидесятилѣтній человѣкъ, который завѣдуетъ болѣе чѣмъ 130 каменноугольными копями. Вмѣстѣ съ большимъ количествомъ инспекторовъ требуются и субъ-инспектора» (п. 280). «Правительство, слѣдовательно, должно содержать такую армію инспекторовъ, чтобы они могли дѣлать все сами, безъ указанія самихъ рабочихъ? — Это невозможно; но для собиранія свѣдѣній они сами должны являться въ копи» (п. 285). «Не думаете ли вы, что результатомъ всего этого будетъ переложеніе отвѣтственности (!) за вентиляцію и проч. съ владѣльцевъ копей на правительственныхъ чиновниковъ?— Ни въ какомъ случаѣ; ихъ дѣло должно состоять въ томъ, чтобы вынуждать исполненіе существующихъ уже законовъ» (п. 294). «Когда вы говорили о субъ-инспекторахъ, подразумѣвали ли вы подъ этимъ людей съ меньшимъ содержаніемъ и низшаго званія, чѣмъ теперешніе инспектора?—Я ни въ какомъ случаѣ не желаю низшихъ чиновъ, если вы можете дать лучшее положеніе» (п. 295). «Желаете ли вы побольше инспекторовъ или болѣе низкій классъ людей въ качествѣ инспекторовъ?—Мы нуждаемся въ людяхъ, которые сами бы вращались въ копяхъ и не дрожали бы за свою собственную шкуру» (п. 296). «Еслибы исполнили ваше желаніе относительно инспекторовъ низшаго сорта, то не представляла ли бы опасности ихъ недостаточная умѣлость и т. п.?— Нѣтъ; дѣло правительства назначить подходящихъ людей». Такого рода допросъ надоѣлъ, наконецъ, и самому президенту комиссіи. «Вы хотите, вставилъ онъ, практическихъ людей, которые бы сами наблюдали за копями и доносили инспектору, чтобы этотъ послѣдній могъ тогда примѣнять свои болѣе высокія познанія?» (п 531). «Не потребуетъ ли вентиляція всѣхъ этихъ старыхъ копей слишкомъ большихъ расходовъ?—Да, расходы, пожалуй, возросли бы, но человѣческая жизнь была бы охранена» (п. 581). Одинъ горнорабочій протестуетъ противъ 17-го параграфа закона 1860 г. «Теперь, говоритъ онъ, если инспекторъ находитъ какое-либо отдѣленіе копи въ невозможномъ для работъ состояніи, то онъ долженъ извѣстить объ этомъ владѣльца копи и министра внутреннихъ дѣлъ; послѣ этого владѣльцу дается 20 дней на размышленіе; къ концу этихъ 20 дней онъ можетъ отклонить всякое измѣненіе. Но если онъ это дѣлаетъ, то долженъ написать министру внутреннихъ дѣлъ и предложить ему пять горныхъ инженеровъ, изъ которыхъ министръ выбираетъ экспертовъ. Мы утверждаемъ, что въ такомъ случаѣ владѣлецъ копи самъ назначаетъ своихъ судей» (п. 586). Буржуазный экзаменаторъ, самъ владѣлецъ копи, вставляетъ: «Это чисто умозрительное возраженіе» (п. 588). «Вы, значитъ, очень невысоко оцѣниваете честность горныхъ инженеровъ?—Я говорю, что это неправильно и несправедливо» (п. 589). «Не обладаютъ ли горные инженеры въ нѣкоторомъ родѣ общественнымъ званіемъ, которое подымаетъ ихъ рѣшеніе выше приписываемой вами имъ партійности?—Я отказываюсь отвѣчать на

вопросъ о личномъ характерѣ этихъ людей. Я увѣренъ, что во многихъ случаяхъ они поступаютъ очень пристрастно и что такая власть должна быть у нихъ отнята тамъ, гдѣ на карту ставятся человѣческія жизни». Тотъ же буржуа имѣетъ безстыдство спросить: «Не думаете ли вы, что и владѣльцы копей терпятъ убытки отъ взрывовъ?»—Наконецъ (n. 1042): «Не можете ли вы, рабочіе, сами взять въ руки свои интересы, не призывая на помощь правительства?—Нѣтъ».

Въ 1865 г. въ Великобританіи было 3.217 каменоугольныхъ копей и 12 инспекторовъ. Одинъ владѣлецъ копи изъ Іоркшира (Times 25 января 1867 г.) самъ вычисляетъ, что, помимо чисто бюрократическихъ занятій инспекторовъ, поглощающихъ у нихъ все время, каждая копь можетъ быть осмотрѣна лишь разъ въ 10 лѣтъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, если катастрофы въ послѣднее время (особенно въ 1866 и 1867 гг.) увеличились и по числу, и по своимъ размѣрамъ (иногда онѣ сопровождаются 200—300 человѣческими жертвами). Таковы прелести «свободнаго» капиталистическаго производства.

Во всякомъ случаѣ, актъ 1873 г., какъ ни великъ его недостатки, есть первый законъ, регулирующій рабочее время дѣтей въ копяхъ и возлагающій на эксплуататоровъ и владѣльцевъ копей въ извѣстной мѣрѣ отвѣтственность за такъ называемые несчастные случаи.

Королевская комиссія 1867 г. для изслѣдованія труда дѣтей, подростковъ и женщинъ въ земледѣліи обнародовала нѣсколько очень важныхъ отчетовъ. Были сдѣланы различныя попытки примѣненія къ земледѣлію принциповъ фабричнаго законодательства въ измѣненной формѣ, но до сихъ поръ всѣ онѣ терпѣли полную неудачу. На что я долженъ обратить здѣсь вниманіе—такъ это на существованіе непреоборимой тенденціи ко всеобщему примѣненію этихъ принциповъ.

Если обобщеніе фабричнаго законодательства, какъ матеріальнаго и духовнаго средства защиты рабочаго класса, стало неизбѣжнымъ, то это законодательство, въ свою очередь, на что уже было указано выше, обобщаетъ и ускоряетъ превращеніе разсѣянныхъ мелкихъ процессовъ труда въ комбинированные процессы труда въ крупныхъ, общественныхъ размѣрахъ, т. е. обобщаетъ и ускоряетъ процессъ концентраціи капитала и единодержавіе фабричнаго режима. Оно разрушаетъ старинныя и переходныя формы, за которыми господство капитала отчасти еще прячется и замѣняетъ ихъ прямымъ и открытымъ его господствомъ. Этимъ оно обобщаетъ также и прямую борьбу противъ этого господства. Вынуждая въ каждой отдѣльной мастерской единообразіе, правильность, порядокъ и экономію, оно, благодаря огромному толчку къ развитію техники, даваемому ограниченіемъ и урегулированіемъ рабочаго дня, умножаетъ анархію и катастрофы капиталистическаго производства, взятаго въ цѣломъ, увеличиваетъ интенсивность труда и конкурренцію машинъ съ рабочими. Упраздняя мелкое производство и домашнюю промышленность, оно уничтожаетъ послѣднія убѣжища «излишнихъ» и этимъ самымъ существовавшій до сихъ поръ предохранительный клапанъ всего общественнаго механизма. Вмѣстѣ съ матеріальными условіями и общественной концентраціей процесса производства оно раз-

вивает до полной зрѣлости противорѣчія и антагонизмы капиталистической формы этого процесса, а слѣдовательно—и элементы для созданія новаго общества и силы для коренного преобразованія стараго [322]).

10. Крупная промышленность и земледѣліе.

Переворотъ, производимый крупной промышленностью въ земледѣліи и въ общественныхъ отношеніяхъ его производственныхъ дѣятелей, можетъ быть изложенъ лишь позже. Здѣсь же достаточно будетъ кратко предвосхитить нѣкоторые результаты позднѣйшаго изложенія. Если употребленіе машинъ въ земледѣліи большей частью свободно отъ того физическаго вреда, который оно при-

[322]) Робертъ Оуэнъ, отецъ кооперативныхъ фабрикъ и потребительныхъ обществъ, который, однако, какъ мы это уже замѣтили, отнюдь не раздѣлялъ иллюзій своихъ подражателей насчетъ значенія этихъ изолированныхъ преобразовательныхъ попытокъ, не только практически исходилъ въ фабричной системы въ своихъ опытахъ, но и теоретически провозглашалъ ее исходной точкой соціальной революціи. Г. Vissering, профессоръ политической экономіи въ Лейденскомъ университетѣ, кажется, какъ будто догадывался объ этомъ, такъ какъ въ своемъ «Handboek van Praktische Staatshuishoudkunde». 1860—62, воспроизводящемъ въ самой подлежащей формѣ всѣ плоскости вульгарной экономіи, онъ защищаетъ ремесленное производство противъ крупной промышленности.—[Къ 4-му изданію.—«Новая юридическая машина» *), созданная англійскимъ законодательствомъ посредствомъ другъ другу противорѣчащихъ Factory Acts, Factory Extension Act и Workshop Act, стала наконецъ невыносима и потому въ Factory and Workshop Act, 1878 г. явилась на свѣтъ кодификація всего фабричнаго законодательства. Подробная критика нынѣ дѣйствующаго англійскаго промышленнаго кодекса не можетъ быть, разумѣется, здѣсь дана. Достаточно будетъ слѣдующихъ замѣчаній. Актъ этотъ обнимаетъ: 1) Текстильныя фабрики. Здѣсь почти все остается по старому: дѣти старше 10 лѣтъ могутъ работать ежедневно 5½ часовъ, или 6 ч., за то въ субботу вовсе не работаютъ; подростки и женщины работаютъ—по 10 ч. втеченіе пяти дней, а въ субботу не больше 6½.—2) Всѣ остальныя фабрики. Здѣсь постановленія болѣе опредѣленны чѣмъ прежде, однако все же имѣются кое какія, благопріятныя для капиталиста, исключенія, которыя, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, съ спеціальнаго разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, могутъ быть еще расширены.—3) Work-shops—мастерскія. Относительно нихъ повторяется приблизительно то же самое, что было въ прежнемъ актѣ; но сколько въ нихъ работаютъ дѣти, подростки и женщины, мастерскія почти приравнены къ нетекстильнымъ фабрикамъ, съ нѣкоторыми однако облегченіями въ частностяхъ.—4) Мастерскія, въ которыхъ не работаютъ ни дѣти, ни подростки, а лишь лица обоего пола старше 18-ти лѣтъ; для этой категоріи существуютъ еще дальнѣйшія облегченія.—5) Domestic workshops—домашнія мастерскія, въ которыхъ работаютъ лишь члены семьи въ собственной квартирѣ семьи. Относительно нихъ дѣйствуютъ еще болѣе эластичныя правила и одновременно такое ограниченіе, по которому инспекторъ, безъ особаго министерскаго или судебнаго разрѣшенія, можетъ посѣщать лишь такія помѣщенія, которыя не служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и жилыми помѣщеніями, и, наконецъ, полная свобода для плетенія, въ семьѣ, соломы и кружевъ и шитья перчатокъ. При всѣхъ своихъ недостаткахъ этотъ актъ все-таки представляетъ, рядомъ съ швейцарскимъ федеральнымъ фабричнымъ закономъ 23 марта 1877 г., самый лучшій законъ въ этой области. Сравненіе этого закона съ упомянутымъ швейцарскимъ федеральнымъ закономъ представляетъ особый интересъ, такъ оно весьма наглядно показываетъ преимущества и недостатки обоихъ законодательныхъ методовъ—англійскаго «историческаго» метода, создающаго нормы по конкретнымъ поводамъ, наслоеніями, и континентальнаго, болѣе обобщающаго метода, основаннаго на традиціяхъ французской революціи. Къ сожалѣнію, англійскій кодексъ, въ примѣненіи къ мастерскимъ, все еще остается «мертвой буквой вслѣдствіе недостаточности инспекторскаго персонала.—*Ф. Э.*].

*) Въ оригиналѣ: Der Neue juristische Ratteukönig—«новый юридическій крысиный король». Крысиныхъ королевъ называютъ крысы, соединенныя (до 37 экземпляровъ) хвостами. *Прим. П. С.*

чиняетъ фабричнымъ рабочимъ [323]), то въ смыслѣ созданія «избыточныхъ» людей оно дѣйствуетъ за то здѣсь еще интенсивнѣе и встрѣчаетъ еще меньше сопротивленія, какъ мы это покажемъ впослѣдствіи болѣе подробно. Въ графствахъ Кэмбриджъ и Суффолькъ, напр., площадь обработываемой земли въ послѣдніе годы сильно расширилась, между тѣмъ какъ сельское населеніе за этотъ самый періодъ уменьшилось не только относительно, но и абсолютно. Въ Соед. Штатахъ Сѣв. Америки земледѣльческія машины пока замѣщаютъ рабочихъ лишь потенціально (virtuell), т. е. онѣ позволяютъ производителю обработывать большую площадь, но не прогоняютъ уже занятыхъ въ дѣйствительности рабочихъ. Въ Англіи и Уэльсѣ число занятыхъ въ производствѣ земледѣльческихъ машинъ было, въ 1861 г., 1.034, между тѣмъ какъ число земледѣльческихъ рабочихъ, занятыхъ при паровыхъ и рабочихъ машинахъ, было лишь 1.295.

Въ сферѣ земледѣлія крупное производство дѣйствуетъ наиболѣе революціоннымъ образомъ, поскольку оно разрушаетъ оплотъ стараго общества, «крестьянина-земледѣльца» (Bauer) и подмѣниваетъ его наемнымъ рабочимъ. Такимъ образомъ, потребность соціальнаго переустройства и соціальные антагонизмы, царствующіе въ городѣ, распространяются и на деревню. Мѣсто рутиннаго и нераціональнаго способа производства занимаетъ сознательное, технологическое примѣненіе науки. Капиталистическій способъ производства окончательно разрываетъ родственную связь, соединявшую земледѣліе и мануфактуру въ ихъ дѣтствѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ создаетъ матеріальныя условія для новаго, высшаго синтеза, для союза земледѣлія и промышленности на основѣ ихъ антагонистически выработавшихся формъ. Съ постоянно возрастающимъ перевѣсомъ городского населенія, которое капиталистическое производство скопляетъ въ большихъ центрахъ, оно, съ одной стороны, накопляетъ историческую двигательную силу общества, а съ другой—препятствуетъ обмѣну веществъ между человѣкомъ и землей, т. е. возвращенію человѣкомъ землѣ того, что онъ беретъ отъ нея въ видѣ пищи и одежды, слѣдовательно—лишаетъ почву необходимаго условія ея устойчиваго плодородія. Тѣмъ самымъ оно разрушаетъ физическое здоровье городскихъ рабочихъ и духовную жизнь сельскихъ [324]). Но, разрушая стихійно и безсознательно развившіяся условія этого обмѣна веществъ, оно вмѣстѣ съ тѣмъ вынуждаетъ его систематическое возстановленіе въ качествѣ закона, управляющаго общественнымъ производствомъ и въ формѣ, соотвѣтствующей полному развитію человѣчества, въ формѣ такому развитію адэкватной. Въземледѣліи, какъ и въ мануфактурѣ, капиталистическое преобразованіе

[323]) Подробное описаніе употребляемыхъ въ англійскомъ земледѣліи машинъ можно найти въ «Die landwirthschaftlichen Geräthe und Maschinen Englands von Dr. W. Hamm. 2 Aufl. 1856». Въ своемъ очеркѣ историческаго развитія англійскаго земледѣлія Hamm слѣдуетъ слишкомъ некритически Леопису де Лаверрю [Къ 4-му изд.—Теперь, разумѣется, это сочиненіе уже устарѣло.—*Ф. Э.*].

[324]) «Вы раздѣляете народъ на два враждебныхъ лагеря—грубую деревенщину и слабосильныхъ карликовъ. Боже мой! Нація, раздѣленная на земледѣльческіе и промышленные классы, считаетъ себя вполнѣ здоровой и даже проповѣдываетъ себя просвѣщенной и цивилизованной, не вопреки, а вслѣдствіе этого самаго чудовищнаго, неестественнаго раздѣленія!» (David Urquhart, l. c. p. 119). Это мѣсто показываетъ одновременно и силу и слабость такого рода критики, которая умѣетъ судить и осуждать современность, но не способна ее понимать.

производства есть въ тоже время мартирологъ производителей, орудіе труда является здѣсь средствомъ порабощенія, эксплуатаціи и пауперизаціи рабочаго, а общественная комбинація процесса труда—организованнымъ подавленіемъ его живой личности, ея свободы и самостоятельности. Разсѣяніе сельскихъ рабочихъ по большимъ пространствамъ сламываетъ ихъ силу сопротивленія, между тѣмъ какъ у городскихъ рабочихъ концентрація ихъ увеличиваетъ эту силу. Какъ въ городской промышленности, такъ и въ современномъ земледѣліи повышеніе производительной силы и большая подвижность труда покупаются цѣной разрушенія и истощенія самой рабочей силы. И всякій прогрессъ капиталистическаго земледѣлія есть не только прогрессъ въ искусствѣ грабить рабочаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и прогрессъ въ искусствѣ расхищать почву, а всякій прогрессъ въ усиленіи на время плодородія земли есть вмѣстѣ съ тѣмъ прогрессъ въ дѣлѣ разрушенія постоянныхъ источниковъ этого плодородія. Чѣмъ болѣе какая-либо страна, напр. Соед. Шт. Сѣв. Америки, въ своемъ развитіи исходитъ отъ крупнаго производства, тѣмъ скорѣе происходитъ этотъ разрушительный процессъ [322]). Такимъ образомъ, капиталистическое производство, развиваетъ технику и концентрацію общественнаго процесса производства, но въ тоже время подтачиваетъ самые источники всякаго богатства: землю и работника.

---

[322]) Ср. Liebig: Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agrikultur und Physiologie 7 Auflage 1862», особенно въ первомъ томѣ «Einleitung in die Naturgesetze des Feldbaus». Раскрытіе, съ научной точки зрѣнія, отрицательной стороны современнаго сельскаго хозяйства составляетъ одну изъ безсмертныхъ заслугъ Либиха. Его историческіе обзоры развитія агрикультуры, хотя заключаютъ нѣкоторыя грубыя ошибки, бросили не мало свѣта на вопросы этой области. Остается пожалѣть что онъ пытается высказывать наобумъ нѣкоторые взгляды, вродѣ, напр., слѣдующаго: «Циркуляція воздуха внутри пористыхъ частей земли совершается тѣмъ дѣятельнѣе, чѣмъ чаще землю пашутъ и чѣмъ совершеннѣе ея измельченіе, чѣмъ болѣе увеличивается и обновляется та почвенная поверхность, на которую воздухъ долженъ дѣйствовать, но легко понять, что излишекъ продукта земли не можетъ быть пропорціоналенъ потребленному на нее труду, а возрастаетъ въ гораздо меньшей пропорціи. Этотъ законъ—прибавляетъ Либихъ—былъ впервые провозглашенъ Дж. Ст. Миллемъ въ его сочиненіи Основанія политической экономіи, т. I, стр. 17, въ слѣдующихъ словахъ: «Продуктъ земли, при прочихъ равныхъ условіяхъ, возрастаетъ въ меньшей пропорціи чѣмъ число занятыхъ на ней рабочихъ—таковъ общій законъ сельскохозяйственнаго производства». (Милль повторяетъ здѣсь, въ невѣрной формулировкѣ, законъ Рикардо; ибо, такъ какъ уменьшеніе числа занятыхъ рабочихъ шло въ Англіи постоянно рядомъ съ прогрессомъ земледѣлія, то законъ, найденный въ Англіи и для Англіи, не былъ бы примѣнимъ, по крайней мѣрѣ, къ Англіи). «Открытіе довольно замѣчательное, прибавляетъ Либихъ, такъ какъ Милль не зналъ констатированнаго имъ явленія» (Liebig l. c. Bd I, p. 143, Note). Помимо неправильнаго толкованія слова «трудъ», подъ которымъ Либихъ по-нимаетъ нѣчто другое, чѣмъ политическая экономія, во всякомъ случаѣ «довольно замѣчательно», что онъ дѣлаетъ Дж. Ст. Милля первымъ провозвѣстникомъ теоріи, которую Джемсъ Андерсонъ впервые обнародовалъ во времена Ад. Смита и потомъ повторялъ во многихъ сочиненіяхъ до начала настоящаго столѣтія, которую Мальтусъ, вообще мастеръ на плагіаты (вся его теорія населенія представляетъ безстыдный плагіатъ), присвоилъ себѣ въ 1815 г., которую Уэстъ (West) развилъ одновременно съ Андерсономъ, но независимо отъ него, которую Рикардо, въ 1817 г., привелъ въ гармонію съ общей теоріей цѣнности, которая съ тѣхъ поръ поль его именемъ обошла весь міръ, которую въ 1820 г. вульгаризировалъ Джемсъ Милль (отецъ Дж. Ст. Милля) и которая, наконецъ, въ качествѣ превратившагося во общее мѣсто школьнаго догмата, была, между прочимъ, повторена и Дж. Ст. Миллемъ. Неоспоримо, что Дж. Ст. Милль обязанъ своимъ по всякомъ случаѣ «замѣчательнымъ» авторитетомъ почти исключительно подобнымъ qui pro quo.

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

Производство абсолютной и относительной прибавочной цѣнности.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Абсолютная и относительная прибавочная цѣнность

Мы разсматривали процессъ труда сначала абстрактно (см пятую главу), независимо отъ его историческихъ формъ, какъ процессъ между человѣкомъ и природой. Мы говорили тамъ: «если разсматривать весь процессъ труда съ точки зрѣнія его результата, тогда оба, орудія труда и объектъ труда, являются средствами производства, а самый трудъ—производительнымъ трудомъ». Въ примѣчаніи же седьмомъ (7) мы прибавили: «это опредѣленіе производительнаго труда, даваемое съ точки зрѣнія простого процесса труда, ни въ какомъ случаѣ не достаточно для капиталистическаго процесса производства». Здѣсь мы должны развить это болѣе подробно.

Поскольку процессъ труда является чисто индивидуальнымъ, постольку одинъ и тотъ же рабочій соединяетъ всѣ функціи, которыя потомъ раздѣляются. Въ индивидуальномъ присвоеніи предметовъ природы для своихъ жизненныхъ цѣлей онъ контролируетъ себя самого; впослѣдствіи же его контролируютъ. Каждый отдѣльный человѣкъ не можетъ вліять на природу, не приводя въ дѣйствіе своихъ собственныхъ мускуловъ, подъ контролемъ своего собственнаго мозга. Какъ въ системѣ природы голова и руки нераздѣльны, точно такъ же въ процессѣ труда соединяются умственный трудъ и ручной трудъ. Позднѣе они разъединяются и становятся враждебными противоположностями. Продуктъ превращается вообще изъ непосредственнаго продукта индивидуальнаго производителя въ общественный, въ коллективный продуктъ совокупнаго рабочаго, т. е. комбинированнаго рабочаго персонала, члены котораго ближе или дальше отстоятъ отъ обрабатываемаго объекта. Съ кооперативнымъ характеромъ самого процесса труда необходимо расширяется, поэтому, и понятіе о производительномъ трудѣ и носителѣ его, производительномъ рабочемъ. Теперь уже нѣтъ необходимости касаться руками обрабатываемаго объекта; чтобы работать производительно, достаточно быть органомъ совокупнаго рабочаго, исполнять какую нибудь изъ его отдѣльныхъ функцій. Вышеприведенное первоначальное опредѣленіе производительнаго труда, вытекающее изъ природы самаго матеріальнаго производства, остается всегда вѣрнымъ для совокупнаго рабочаго, разсматрив-

емаго какъ собирательная единица, но оно не приложимо уже къ каждому изъ его членовъ, взятому въ отдѣльности.

Но, съ другой стороны, понятіе о производительномъ трудѣ съуживается. Капиталистическое производство есть не только производство товаровъ, оно по своему существу есть производство прибавочной цѣнности. Рабочій производитъ не для себя, но для капитала. Недостаточно поэтому, чтобы рабочій вообще производилъ: онъ долженъ производить прибавочную цѣнность. Только тотъ рабочій производителенъ, который производитъ прибавочную цѣнность для капиталиста, или служитъ для самовозрастанія капитала. Если выбирать примѣръ внѣ сферы матеріальнаго производства, то школьный учитель является производительнымъ рабочимъ тогда, когда онъ не только обработываетъ головы ребятъ, но когда онъ и самъ заработываетъ ради обогащенія предпринимателя. То обстоятельство, что послѣдній вложилъ свой капиталъ въ учебную фабрику, а не въ колбасную, нисколько не мѣняетъ дѣла. Понятіе о производительномъ работникѣ отнюдь не объемлетъ собой только отношенія между дѣятельностью и полезнымъ эффектомъ, между работникомъ и продуктомъ труда, но и специфическое, исторически возникшее, общественное отношеніе производства, дѣлающее работника непосредственнымъ орудіемъ возрастанія капитала. Быть производительнымъ работникомъ, поэтому, не счастье, а бѣда. Въ четвертой книгѣ этого сочиненія *), гдѣ разсматривается исторія теорій, мы увидимъ, что классическая политическая экономія всегда считала производство прибавочной цѣнности характернымъ и рѣшающимъ признакомъ производительнаго работника. Съ ея представленіемъ о природѣ прибавочной цѣнности измѣняется поэтому и ея опредѣленіе производительнаго работника. Физіократы, напр., считаютъ только земледѣльческій трудъ производительнымъ, такъ какъ только онъ якобы доставляетъ прибавочную цѣнность. Но, вѣдь, для физіократовъ и прибавочная цѣнность существуетъ исключительно въ формѣ земельной ренты.

Удлиненіе рабочаго дня за тотъ предѣлъ, когда рабочій производитъ только эквивалентъ цѣнности своей рабочей силы, и присвоеніе этого прибавочнаго труда капиталомъ, это и есть производство абсолютной прибавочной цѣнности. Оно составляетъ всеобщее основаніе капиталистической системы и исходный пунктъ производства относительной прибавочной цѣнности. При немъ рабочій день изначала является раздѣленнымъ на двѣ части: необходимый трудъ и прибавочный трудъ. Для удлиненія прибавочнаго труда необходимый трудъ сокращаютъ такими методами, посредствомъ которыхъ эквивалентъ заработной платы производится въ меньшее время. При производствѣ абсолютной прибавочной цѣнности дѣло идетъ только о длинѣ рабочаго дня, производство же относительной прибавочной цѣнности производитъ полный переворотъ въ техническихъ процессахъ труда и въ общественныхъ группировкахъ.

Оно предполагаетъ специфически-капиталистическій способъ производства, который, со своими методами, средствами и условіями самъ стихійно возникаетъ и развивается лишь на основѣ формальнаго подчиненія труда капиталу. На мѣсто формальнаго теперь является реальное подчиненіе труда капиталу.

*) Т. е. въ четвертомъ, еще неопубликованномъ, томѣ «Капитала». *Прим. П. С.*

Достаточно простого указанія на промежуточныя или ублюдочныя формы (Zwitterformen), при которыхъ прибавочный трудъ не высасывается изъ производителя непосредственнымъ принужденіемъ, но въ тоже время нѣтъ еще формальнаго подчиненія труда капиталу. Капиталъ здѣсь не овладѣлъ еще непосредственно самымъ процессомъ труда. Рядомъ съ самостоятельными производителями, которые традиціонными, отъ предковъ унаслѣдованными способомъ занимаются ремеслами и землепашествомъ, является ростовщикъ или купецъ, ростовщическій или торговый капиталъ, который, подобно паразиту, высасываетъ ихъ. Преобладаніе этой формы эксплуатаціи въ обществѣ исключаетъ капиталистическій способъ производства, къ которому эта форма, съ другой стороны, какъ мы это видимъ въ позднее средневѣковье, можетъ составлять переходную ступень. Наконецъ, какъ это видно на примѣрѣ современнаго домашняго производства (Hausarbeit), извѣстныя промежуточныя формы мѣстами возникаютъ и на заднемъ фонѣ крупной промышленности, правда, съ совершенно измѣненной физіономіей.

Если для производства абсолютной прибавочной цѣнности достаточно лишь формальнаго подчиненія труда капиталу, напр., чтобы ремесленники, которые раньше работали на самихъ себя, или въ качествѣ подмастерьевъ на цѣхового мастера, теперь въ качествѣ наемныхъ рабочихъ поступили подъ непосредственный контроль капиталиста, то, съ другой стороны, мы видѣли, какъ способы производства относительной прибавочной цѣнности составляютъ въ то же самое время и способы производства абсолютной прибавочной стоимости. Безграничное удлиненіе рабочаго дня явилось передъ нами, какъ кровное порожденіе крупной промышленности. Вообще специфически капиталистическій способъ производства перестаетъ быть только способомъ производства относительной прибавочной цѣнности, какъ только онъ овладѣваетъ цѣлою отраслью промышленности или, еще больше—всѣми важнѣйшими отраслями промышленности. Онъ становится тогда всеобщей господствующей въ обществѣ формой процесса производства. Какъ особый способъ производства относительной прибавочной цѣнности онъ дѣйствуетъ еще лишь постольку, поскольку, во 1-хъ, онъ подчиняетъ капиталу отрасли промышленности, до сихъ поръ лишь формально ему подчиненныя, т. е., такъ сказать, какъ пропагандистъ; во 2-хъ, поскольку, измѣняя методы производства, онъ постоянно революціонируетъ отрасли промышленности, уже подпавшія подъ его власть.

Съ извѣстной точки зрѣнія различіе между абсолютной и относительной прибавочной цѣнностью кажется вообще призрачнымъ. Относительная прибавочная цѣнность абсолютна, потому что она требуетъ абсолютнаго удлиненія рабочаго дня сверхъ времени, необходимаго для существованія самого рабочаго. Абсолютная прибавочная цѣнность относительна, потому что она обусловливаетъ собой такое развитіе производительности труда, которое позволяетъ ограничить частью рабочаго дня необходимое рабочее время. Но если имѣть въ виду движеніе прибавочной цѣнности, то этотъ призракъ тождества исчезаетъ. Разъ капиталистическое производство установилось и стало всеобщимъ способомъ производства, различіе между абсолютной и относительной прибавочной цѣнностью даетъ знать о себѣ какъ только дѣло будетъ итти о повышеніи вообще

уровня прибавочной цѣнности. Предположивъ, что рабочая сила оплачивается по ея цѣнности, мы приходимъ къ слѣдующей альтернативѣ. При данной производительности труда и нормальной степени его интенсивности уровень прибавочной цѣнности можетъ быть повышаемъ только путемъ абсолютнаго удлиненія рабочаго дня; съ другой стороны, при данныхъ границахъ рабочаго дня уровень прибавочной цѣнности можетъ быть повышаема только посредствомъ относительнаго измѣненія величины его составныхъ частей, т. е. необходимаго труда и прибавочнаго труда, что, въ свою очередь—если плата не опускается ниже цѣнности рабочей силы—предполагаетъ измѣненіе въ производительности или интенсивности труда.

Если рабочему нужно все его время для производства средствъ существованія, необходимыхъ для него самого и для его семейства, то у него не остается времени работать даромъ для третьихъ лицъ. Безъ извѣстной степени производительности труда у рабочаго нѣтъ такого свободнаго времени, безъ избыточнаго времени не существуетъ прибавочнаго труда, а слѣдовательно нѣтъ и капиталистовъ, но нѣтъ также ни рабовладѣльцевъ, ни феодальныхъ барововъ, словомъ, нѣтъ класса крупныхъ собственниковъ [1]).

Такимъ образомъ, объ естественномъ основаніи прибавочной цѣнности можно говорить только въ томъ самомъ общемъ смыслѣ, что не существуетъ абсолютнаго естественнаго препятствія, которое мѣшало бы кому-нибудь сбросить съ себя и переложить на другого трудъ, необходимый для поддержанія существованія, точно такъ же какъ нѣтъ абсолютныхъ естественныхъ препятствій, мѣшающихъ однимъ людямъ употреблять въ пищу мясо другихъ [1a]). Съ этой стихійной производительностью труда не должно ни въ какомъ случаѣ связывать, какъ это иногда дѣлается, мистическихъ представленій. Только когда люди выходятъ изъ своего первобытнаго звѣринаго состоянія, когда трудъ ихъ, слѣдовательно, уже до извѣстной степени обобществляется, только тогда являются отношенія, при которыхъ прибавочный трудъ однихъ становится условіемъ существованія другихъ. Въ началѣ культурной жизни достигнутая производительная сила труда незначительна, но также незначительны и потребности, которыя развиваются вмѣстѣ со средствами удовлетворенія и въ зависимости отъ нихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ это время та часть общества, которая живетъ чужимъ трудомъ, чрезвычайно еще мала въ сравненіи съ массой непосредственныхъ производителей. Съ прогрессомъ общественной производительной силы труда часть эта возрастаетъ абсолютно и относительно [2]). Отношеніе, именуе-

[1]) «Самое существованіе хозяевъ-капиталистовъ, какъ отдѣльнаго класса, зависитъ отъ производительности промышленности» (Ramsay l. c. p. 206). «Если бы труда каждаго человѣка было достаточно только для производства его собственныхъ средствъ существованія, то не могло бы быть собственности». (Ravenstone l. c. p. 14, 15).

[1a]) По недавно сдѣланному вычисленію въ разныхъ уже изслѣдованныхъ мѣстахъ земли живетъ еще по крайней мѣрѣ четыре милліона каннибаловъ.

[2]) «У дикихъ индѣйцевъ Америки почти все принадлежитъ земледѣльцу, 99 частей изъ 100 приходятся на долю труда; въ Англіи земледѣлецъ быть можетъ не получаетъ и $^1/_3$». («The Advantages of the East India Trade etc» p. 73).

мое капиталомъ, возникаетъ, впрочемъ, на экономической почвѣ, составляющей продуктъ продолжительнаго процесса развитія. Существующая производительность труда, служащая основаніемъ и исходнымъ пунктомъ капиталистическаго производства, есть даръ не природы, но исторіи, обнимающей тысячи вѣковъ.

Помимо большаго или меньшаго развитія общественнаго производства, производительность труда зависитъ отъ естественныхъ условій. Они всѣ могутъ быть сведены къ природѣ самого человѣка, расѣ и т. д., или къ окружающей его природѣ. Внѣшнія условія природы съ экономической точки зрѣнія распадаются на двѣ большія группы: естественныя богатства, воплощенныя въ средствахъ существованія, т. е. плодородіе почвы, обильныя рыбой воды и т. д., и естественныя богатства, воплощенныя въ средствахъ труда, какъ-то водяная сила, судоходныя рѣки, лѣсъ, металлы, уголь и т. д. Въ началѣ цивилизаціи рѣшающее значеніе имѣетъ первый, а на болѣе высокихъ ступеняхъ развитія второй родъ естественныхъ богатствъ. Достаточно сравнить, напр., Англію съ Индіей, или въ древнемъ мірѣ Аѳины и Коринѳъ съ побережьемъ Чернаго моря.

Чѣмъ меньше число естественныхъ потребностей, которыя абсолютно требуютъ удовлетворенія, и чѣмъ больше естественное плодородіе почвы, а климатъ благопріятнѣе, тѣмъ меньше рабочее время, необходимое для поддержанія и воспроизведенія жизни производителя, тѣмъ болѣе, слѣдовательно, можетъ быть излишекъ его труда для другихъ, сравнительно съ его трудомъ для самого себя. Такъ уже Діодоръ говоритъ о древнихъ египтянахъ: «Совершенно невѣроятно, какъ мало труда и расходовъ причиняетъ имъ воспитаніе дѣтей. Они готовятъ для нихъ первую попавшуюся простую пищу; они даютъ имъ ту нижнюю часть папируса, которую можно жарить на огнѣ, и коренья и стебли болотныхъ растеній, частью въ сыромъ, частью въ вареномъ и жареномъ видѣ. Большинство дѣтей ходитъ босикомъ и безъ одежды, такъ какъ климатъ тамъ очень мягкій. Поэтому дитя, пока подростетъ, стоитъ своимъ родителямъ не болѣе 20 драхмъ. Этимъ, главнымъ образомъ, объясняется многочисленность населенія въ Египтѣ и то, что тамъ могли быть произведены такія большія сооруженія» [3]). Но великія сооруженія древняго Египта менѣе зависѣли отъ численности его населенія, чѣмъ отъ тѣхъ размѣровъ, въ которыхъ трудъ этого населенія былъ «свободенъ» для другихъ. Какъ индивидуальный рабочій можетъ доставлять тѣмъ больше прибавочнаго труда, чѣмъ меньше его необходимое рабочее время, точно такъже, чѣмъ меньше та часть рабочаго населенія, которая занята производствомъ необходимыхъ средствъ существованія, тѣмъ больше та часть его, которую можно располагать для другихъ работъ.

Разъ существуетъ капиталистическое производство, величина прибавочнаго труда, при прочихъ равныхъ условіяхъ и при данной продолжительности рабочаго дня, измѣняется въ зависимости отъ естественныхъ условій труда, въ томъ числѣ и отъ плодородія почвы. Изъ этого, однако, отнюдь не слѣдуетъ обратнаго, что наиболѣе плодородная почва всего болѣе благопріятствуетъ росту капиталистическаго способа производства. Послѣднее предполагаетъ господство

[3]) Diodor l. c., I, c. 80.

человѣка надъ природой. Слишкомъ расточительная природа «ведетъ человѣка, какъ мать ведетъ дитя на помочахъ». Она не дѣлаетъ его собственное развитіе естественною необходимостью [4]). Родина капитала не въ тропическомъ климатѣ съ роскошною растительностью, а въ умѣренномъ поясѣ. Не абсолютное плодородіе почвы, но ея дифференціація, разнообразіе ея естественныхъ продуктовъ составляетъ естественное основаніе общественнаго раздѣленія труда; она разнообразіемъ окружающихъ человѣка естественныхъ условій побуждаетъ его разнообразить свои собственныя потребности, способности, средства и способы труда. Необходимость устанавливать общественный контроль надъ той или другой силой природы, вести ей точный счетъ, посредствомъ крупныхъ сооруженій рукъ человѣческихъ присваивать или покорять ее себѣ играетъ рѣшающую роль въ исторіи промышленности. Таково было, напр., урегулированіе воды въ Египтѣ [5]), Ломбардіи, Голландіи и т. д., или въ Индіи и Персіи, гдѣ орошеніе посредствомъ искусственныхъ каналовъ снабжаетъ почву не только необходимою водою, но доставляетъ еще ей вмѣстѣ съ тѣмъ и минеральное удобреніе съ горъ. Въ каналнаціи заключался секретъ процвѣтанія промышленности въ Испаніи и Сициліи во времена арабскаго владычества [6]).

Благопріятныя естественныя условія создаютъ всегда только возможность, но никогда не—реальное существованіе прибавочнаго труда, а, стало быть, и прибавочной цѣнности или прибавочнаго продукта. Различіе естественныхъ условій труда сказывается въ томъ, что одно и то же количество труда въ раз-

[4]) «Первое (естественныя богатства), будучи наиболѣе благородныхъ и выгоднымъ, дѣлаетъ народъ безпечнымъ, гордымъ и преданнымъ излишествамъ, между тѣмъ какъ второе усиливаетъ дѣятельность, развиваетъ литературу, искусства и политику». («Englands Treasure by Foreign Trade. Or the Balance of our Foreign Trade is the Rule of our Treasure. Written by Thomas Mun. of London, Merchant, and now published for the common good by his son John Mun. Lond. 1669», p. 181, 182). «Я также не могу представить себѣ большаго несчастія для народа, какъ быть брошеннымъ въ такую мѣстность, гдѣ земля въ крупныхъ размѣрахъ производитъ пищу и средства существованія безъ приложенія труда, и гдѣ климатъ требуетъ или допускаетъ мало заботы объ одеждѣ.... .....можетъ быть противоположная крайность. Почва, неспособная производить при посредствѣ труда, такъ же дурна, какъ и почва, производящая въ изобиліи безъ всякаго труда». (An Inquiry into the Present High Price of Provisions. Lond. 1767», p. 10).

[5]) Необходимость вычислять періоды движенія Нила создала египетскую астрономію и вмѣстѣ съ нею господство касты жрецовъ въ качествѣ руководителей земледѣлія. «Солнцестояніе—это то время года, когда вода въ Нилѣ начинаетъ прибывать; его египтяне должны были наблюдать съ особеннымъ вниманіемъ... Имъ необходимо было опредѣлить этотъ тропическій годъ, чтобы надлежащимъ образомъ расположить свои земледѣльческія работы. Поэтому они должны были искать на небѣ видимаго знака его возвращенія». (Cuvier: «Discours sur les révolutions du globe éd. Hoefer. Paris 1863», p. 141).

[6]) Регулированіе притока воды было однимъ изъ матеріальныхъ основаній власти правительства надъ мелкими, разрозненными производительными организмами Индіи. Магометанскіе властители Индіи понимали это лучше, чѣмъ ихъ англійскіе преемники. Стоитъ только вспомнить голодъ 1866 г., стоившій жизни болѣе чѣмъ милліону индусовъ Орисскаго округа, въ Бенгальскомъ президентствѣ.

личныхъ странахъ удовлетворяетъ различное количество потребностей [7]), что, слѣдовательно, при прочихъ аналогичныхъ условіяхъ необходимое рабочее время бываетъ различно. На прибавочный трудъ это различіе дѣйствуетъ только какъ естественная граница, опредѣляя тотъ пунктъ, съ котораго можетъ начинаться работа для другихъ. Но мѣрѣ того, какъ промышленность идетъ впередъ, эта естественная граница отодвигается назадъ. Въ западноевропейскомъ обществѣ, гдѣ рабочій только прибавочнымъ трудомъ покупаетъ себѣ позволеніе работать для собственнаго существованія, легко себѣ вообразить, что доставленіе прибавочнаго продукта есть прирожденное свойство человѣческаго труда [8]). Но возьмемъ, напр., жителей восточныхъ острововъ азіатскаго архипелага, гдѣ саго растетъ въ дикомъ состояніи въ лѣсахъ. «Когда жители, пробуравивъ отверстіе въ деревѣ, убѣждаются, что сердцевина спѣла, они срубаютъ дерево и дѣлятъ его на много частей; сердцевину выскабливаютъ, смѣшиваютъ съ водой, которую отцѣживаютъ, и получаютъ вполнѣ годную къ употребленію саговую муку. Одно дерево обыкновенно даетъ до 300 ф. и можетъ давать до 500—600 ф. Такимъ образомъ, тамъ идутъ въ лѣсъ и рѣжутъ себѣ хлѣбъ, какъ у насъ въ лѣсу рубятъ дрова для отопленія» [9]). Предположимъ, что такому восточноазіатскому хлѣборѣзу нужно 12 рабочихъ часовъ въ недѣлю для удовлетворенія всѣхъ своихъ потребностей. Непосредственный даръ, который даетъ ему природа,—это большое количество досуга. Для того, чтобы онъ употреблялъ его производительно для самого себя, необходимъ цѣлый рядъ историческихъ условій, для того же, чтобы онъ тратилъ его на прибавочный трудъ для другихъ лицъ, необходимо внѣшнее принужденіе. Если бы тамъ было введено капиталистическое производство, то нашему молодцу пришлось бы, можетъ быть, работать 6 дней въ недѣлю, чтобы присвоивать въ свою пользу продуктъ одного рабочаго дня. Щедрость природы не объясняетъ, почему онъ теперь работаетъ 6 дней въ недѣлю, или почему онъ даетъ 5 дней прибавочнаго труда. Она объясняетъ только, почему его необходимое рабочее время ограничено однимъ днемъ въ не-

[7]) «Нѣтъ двухъ странъ, которыя доставляли бы одинаковое количество предметовъ, необходимыхъ для жизни, съ одинаковымъ изобиліемъ и съ однимъ и тѣмъ же количествомъ труда. Потребности человѣка увеличиваются или уменьшаются, соотвѣтственно суровости или умѣренности климата, въ которомъ онъ живетъ. Размѣры, слѣдовательно, въ которыхъ жители различныхъ странъ принуждены по необходимости вести свое производство, не могутъ быть одинаковыми; невозможно также опредѣлять степень этого различія чѣмъ-нибудь инымъ, чѣмъ степенью тепла и холода. Отсюда можно вывести то общее заключеніе, что количество труда, необходимаго для опредѣленнаго количества людей, больше въ холодномъ климатѣ и меньше въ тепломъ; въ первомъ не только человѣкъ больше нуждается въ одеждѣ, но и земля нуждается въ большей обработкѣ, чѣмъ во второмъ». («An Essay on the Governing Causes of the Natural Rate of Interest. Lond. 1750», p. 60). Авторъ этого анонимнаго сочиненія, составившаго эпоху—J. Massey. Юмъ заимствовалъ отсюда свою теорію процента.

[8]) «Каждый трудъ долженъ (это, повидимому, тоже принадлежитъ къ правамъ и обязанностямъ гражданина) давать избытокъ». (Proudhon).

[9]) F. Shouw: «Die Erde, die Pflanze und der Mensch.» 2 Aufl. Leipzig, 1854 p. 148.

дѣлю. Но его прибавочный продуктъ ни въ какомъ случаѣ не происходитъ изъ прирожденнаго человѣческому труду таинаго свойства.

И естественныя, и общественныя, исторически развившіяся, производительныя силы труда кажутся производительными силами капитала, который ими распоряжаются какъ своими.

Рикардо никогда и не задумывается надъ происхожденіемъ прибавочной цѣнности. Онъ разсматриваетъ ее какъ нѣчто присущее капиталистическому способу производства, которое въ его глазахъ представляетъ естественную форму общественнаго производства. Тамъ, гдѣ онъ говоритъ о производительности труда, онъ ищетъ въ ней не причину бытія прибавочной цѣнности, но только причину, опредѣляющую ея величину. Школа его, напротивъ того, громко объявила производительную силу труда причиной происхожденія прибыли (читай: прибавочной цѣнности). Это во всякомъ случаѣ шагъ впередъ по отношенію къ меркантилистамъ, которые, въ свою очередь, выводили излишекъ цѣны продуктовъ надъ издержками ихъ производства изъ обмѣна, т. е. изъ продажи ихъ выше цѣнности. Но при всемъ томъ и школа Рикардо обходила только задачу, но не рѣшала ея. И въ самомъ дѣлѣ, вѣрный инстинктъ подсказалъ буржуазнымъ экономистамъ, что опасно слишкомъ углубляться въ жгучій вопросъ о происхожденіи прибавочной цѣнности. Но что сказать, когда полстолѣтія послѣ Рикардо Дж. Ст. Милль съ чувствомъ собственнаго достоинства констатируетъ свое превосходство надъ меркантилистами и плохо повторяетъ жалкія увертки первыхъ вульгаризаторовъ Рикардо?

Милль говоритъ: «Причина прибыли состоитъ въ томъ, что трудъ производитъ больше, чѣмъ необходимо для его содержанія». Пока это все старая пѣсня; но, желая прибавить и свое собственное слово, Милль продолжаетъ: «Или, измѣняя форму положенія, мы скажемъ: причина, почему капиталъ даетъ прибыль, состоитъ въ томъ, что пища, одежда, сырой матеріалъ и орудія труда существуютъ дольше того времени, которое необходимо для ихъ производства». Милль смѣшиваетъ здѣсь продолжительность рабочаго времени съ продолжительностью существованія его продуктовъ. Съ этой точки зрѣнія булочникъ, продукты котораго существуютъ только одинъ день, никогда не могъ бы извлекать изъ своихъ наемныхъ рабочихъ такую же прибыль, какъ машиностроитель, продукты котораго существуютъ 20 лѣтъ и болѣе. Конечно, если бы гнѣзда держались не дольше того времени, которое необходимо для ихъ постройки, то птицы должны были бы обходиться безъ гнѣздъ.

Утвердивъ эту основную истину, Милль устанавливаетъ затѣмъ свое превосходство надъ меркантилистами: «Мы видимъ, такимъ образомъ, что прибыль происходитъ не изъ случайностей обмѣна, но вытекаетъ изъ производительной силы труда: общая прибыль страны всегда опредѣляется производительной силой труда, независимо отъ того, происходитъ ли обмѣнъ или нѣтъ. Если бы не было никакого раздѣленія занятій, то не было бы ни покупки, ни продажи, но все-таки прибыль была бы». Здѣсь, такимъ образомъ, обмѣнъ, покупка и продажа, общія условія капиталистическаго производства, составляютъ простую случайность, и прибыль существуетъ безъ покупки и продажи рабочей силы!

Далѣе: «Если вся совокупность рабочихъ какой-нибудь страны производитъ на 20% больше своей заработной платы, то прибыли будутъ составлять 20%, какова бы ни была высота товарныхъ цѣнъ». Съ одной стороны это чрезвычайно удачная тавтологія, такъ какъ если рабочіе производятъ для своихъ капиталистовъ прибавочную цѣнность въ 20%, то прибыль относится къ суммѣ заработной платы рабочихъ какъ 20 : 100. Съ другой стороны абсолютно невѣрно, что прибыли «составятъ 20%». Онѣ будутъ меньше, такъ какъ прибыли обыкновенно расчитываются на всю сумму авансированнаго капитала. Капиталистъ авансировалъ, напр., 500 ф. ст., изъ нихъ 400 ф. ст. на средства производства и 100 ф. ст. на заработную плату; предположимъ, что уровень прибавочной цѣнности составляетъ 20%; уровень прибыли будетъ тогда 20 : 500, т. е. 4%, а не 20%.

Далѣе слѣдуетъ блестящій образчикъ того, какъ Милль разсматриваетъ различныя историческія формы общественнаго производства. «Я вездѣ предполагаю существующій порядокъ вещей, который, за весьма немногими исключеніями, господствуетъ вездѣ, т. е. я предполагаю, что капиталистъ авансируетъ всѣ издержки, включая и плату рабочему». Странный оптическій обманъ—видѣть всюду строй, который до сихъ поръ только въ видѣ исключенія господствуетъ на земномъ шарѣ! Но далѣе, Милль охотно допускаетъ, что «не абсолютно необходимо, чтобы такъ происходило». Напротивъ того, «рабочій могъ бы выжидать уплаты даже всей своей заработной платы, пока не закончитъ всей работы, если бы у него были средства, необходимыя для поддержанія его жизни въ этотъ промежутокъ времени. Но въ такомъ случаѣ онъ былъ бы до извѣстной степени капиталистомъ, помѣстившимъ капиталъ въ предпріятіе и доставившимъ часть фонда, необходимаго для его веденія». Съ такимъ же правомъ Милль могъ бы сказать, что рабочій, который авансируетъ для себя не только средства существованія, но и средства труда, на самомъ дѣлѣ является своимъ собственнымъ наемнымъ рабочимъ, или что американскій земледѣлецъ есть свой собственный рабъ, отправляющій барщину на самого себя, а не на барина.

Показавъ намъ съ полной ясностью, что капиталистическое производство все-таки существовало бы, даже когда оно не существовало, Милль настолько послѣдователенъ, что доказываетъ, какъ оно не существуетъ даже тогда, когда оно существуетъ. «И даже въ предыдущемъ случаѣ (когда капиталистъ снабжаетъ наемнаго рабочаго всѣми средствами существованія) рабочій можетъ быть разсматриваемъ съ этой точки зрѣнія (т. е. какъ капиталистъ), такъ какъ, если онъ отдаетъ свой трудъ ниже рыночной цѣны (!), то можно считать, что онъ какъ бы ссужалъ разницу (?) своему предпринимателю и т. д.» [9a]). Въ экономической дѣйствительности рабочій даромъ ссужаетъ свой трудъ капиталисту въ продолженіе недѣли и т. д., чтобы въ концѣ недѣли и т. д. получить его рыночную цѣну; это дѣлаетъ рабочаго по Миллю капиталистомъ! На плоской равнинѣ даже кучи земли кажутся холмами; плоскость современной буржуазіи можно измѣрить духовной высотой ея «великихъ умовъ».

[9a]) J. St. Mill, «Principles of Political Economy, Lond. 1868», p. 252—53, passim.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Измѣненія въ величинѣ цѣны рабочей силы и прибавочной цѣнности.

Цѣнность рабочей силы опредѣляется цѣнностью обычно необходимыхъ средствъ существованія средняго рабочаго. Масса этихъ средствъ существованія—хотя форма ихъ и можетъ измѣняться—въ данную эпоху и въ данномъ обществѣ есть нѣчто данное и должна, поэтому, быть, разсматриваема какъ величина постоянная. Измѣняется лишь цѣнность этой массы. Въ опредѣленіи цѣнности рабочей силы участвуютъ два другіе фактора: съ одной стороны, издержки на ея развитіе, измѣняющіяся вмѣстѣ со способомъ производства; съ другой стороны—естественныя различія рабочей силы, т. е. мужская или женская, зрѣлая или незрѣлая. Потребленіе этихъ различныхъ рабочихъ силъ, опять-таки обусловленное способомъ производства, опредѣляетъ крупную разницу въ издержкахъ воспроизведенія рабочей семьи и въ цѣнности взрослаго работника-мужчины. Однако, оба фактора исключены въ слѣдующемъ анализѣ [98]).

Мы предполагаемъ, 1) что товары продаются по ихъ цѣнности, 2) что цѣна рабочей силы можетъ случайно подняться выше ея цѣнности, но никогда не опускается ниже ея.

Дѣлая такія предположенія, мы находимъ, что относительныя величины цѣны рабочей силы и прибавочной цѣнности обусловливаются тремя обстоятельствами: 1) продолжительностью рабочаго дня, или экстенсивной величиной труда; 2) нормальной интенсивностью труда, или его интенсивной величиной, т. е. затратой опредѣленнаго количества труда въ опредѣленное время; 3) наконецъ, производительной силой труда; это значитъ, что соотвѣтственно степени развитія условій производства, одно и то же количество труда въ одно и то же время доставляетъ большее или меньшее количество продукта. Различныя комбинаціи, очевидно, возможны, смотря по тому, будетъ ли одинъ изъ этихъ трехъ факторовъ величиной постоянной, а два другихъ—перемѣнной, или два постоянными и одинъ—перемѣннымъ, или, наконецъ, всѣ три одновременно явятся перемѣнными величинами. Эти комбинаціи становятся еще многообразнѣе въ силу того, что при одновременномъ измѣненіи различныхъ факторовъ, величина и направленіе измѣненій могутъ быть различны. Мы разсмотримъ только главнѣйшія комбинаціи.

1. Величина рабочаго дня и интенсивность труда постоянны (даны), перемѣнной является производительная сила труда.

При этомъ предположеніи цѣнность рабочей силы и прибавочная цѣнность опредѣляются тремя законами.

Во-1-хъ: рабочій день данной величины всегда выражается въ одной и той

---

[98]) Случай, разсмотрѣнный на стр. 250—251, здѣсь, конечно, также исключается (Примѣч. къ 3-му изд. Ф. Э.).

же произведенной цѣнности (Werthprodukt), какъ бы ни мѣнялась производительность труда и вмѣстѣ съ ней масса продуктовъ, а, поэтому, и цѣна отдѣльнаго товара.

Цѣнность, произведенная въ 12-часовой рабочій день, равна, напр., 6 шилл., хотя масса произведенныхъ потребительныхъ цѣнностей измѣняется съ производительной силой труда; цѣнность въ 6 шилл. распредѣляется, слѣдовательно, на большее или меньшее количество товаровъ.

Во-2-хъ: цѣнность рабочей силы и прибавочная цѣнность измѣняются въ обратномъ направленіи. Измѣненіе производительной силы труда, ея увеличеніе или уменьшеніе, дѣйствуетъ въ обратномъ направленіи на цѣнность рабочей силы и въ прямомъ на прибавочную цѣнность.

Цѣнность, произведенная въ 12-часовой рабочій день, есть величина постоянная, напр., 6 шилл. Эта постоянная величина равна суммѣ прибавочной цѣнности, плюсъ цѣнность рабочей силы, каковую цѣнность рабочій замѣщаетъ эквивалентомъ. Само собою разумѣется, что изъ двухъ частей постоянной величины ни одна не можетъ увеличиваться безъ того, чтобы не уменьшалась другая. Цѣнность рабочей силы не можетъ подняться съ 3 шилл. до 4 безъ того, чтобы прибавочная цѣнность не упала съ 3 шилл. до 2, а прибавочная цѣнность не можетъ повыситься съ 3 до 4 шилл. безъ того, чтобы цѣнность рабочей силы не упала съ 3 шилл. до 2. При этихъ условіяхъ, слѣдовательно, невозможно никакое измѣненіе абсолютной величины,—ни цѣнности рабочей силы, ни прибавочной цѣнности, безъ одновременнаго измѣненія ихъ относительной или пропорціональной величины. Невозможно, чтобы они одновременно падали или повышались.

Цѣнность рабочей силы, кромѣ того, не можетъ падать, а, слѣдовательно, прибавочная цѣнность повышаться, безъ увеличенія производительной силы труда; въ вышеприведенномъ случаѣ, напр., цѣнность рабочей силы не можетъ упасть съ 3 до 2 шилл., если повышеніе производительной силы труда не сдѣлаетъ возможнымъ производить въ 4 часа то же количество средствъ существованія, которое прежде требовало для своего производства 6 часовъ. Наоборотъ, цѣнность рабочей силы не можетъ подняться съ 3 до 4 шилл., если не упадетъ производительная сила труда, т. е. если не будетъ требоваться уже 8 часовъ для производства той же самой массы средствъ существованія, для которой раньше достаточно было 6 часовъ. Отсюда слѣдуетъ, что увеличеніе производительности труда понижаетъ цѣнность рабочей силы и вмѣстѣ съ тѣмъ повышаетъ прибавочную цѣнность, тогда какъ, наоборотъ, уменьшеніе производительности повышаетъ цѣнность рабочей силы и понижаетъ прибавочную цѣнность.

При формулированіи этого закона Рикардо просмотрѣлъ одно обстоятельство. Хотя измѣненіе величины прибавочной цѣнности или прибавочнаго труда и обусловливаетъ обратное измѣненіе цѣнности рабочей силы или необходимаго труда, но изъ этого ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ, что они измѣняются въ той же пропорціи. Они увеличиваются или уменьшаются на одну и ту же величину. По отношенію, въ которомъ увеличивается или уменьшается каждая

часть произведеннаго продукта или рабочаго дня зависитъ отъ того первоначальнаго распаденія, которое существовало до измѣненій въ производительной силѣ труда. Если цѣнность рабочей силы составляла 4 шилл. или необходимое рабочее время—8 часовъ, прибавочная же цѣнность 2 шилл. или прибавочное время—4 часа, и если, вслѣдствіе увеличившейся производительности труда, цѣнность рабочей силы падаетъ до 3 шилл., или необходимое рабочее время до 6 часовъ, то прибавочная цѣнность повышается до 3 шилл. или прибавочный трудъ возрастаетъ до 6 часовъ. Та же самая величина въ 2 часа или 1 шилл. тамъ прибавляется, здѣсь отнимается. Но пропорціональное измѣненіе величины на обѣихъ сторонахъ различно. Въ то время какъ цѣнность рабочей силы понижается съ 4 до 3 шилл., слѣдовательно, на $^1/_4$ или на 25%, прибавочная цѣнность повышается съ 2 до 3 шилл., т. е. на $^1/_2$ или 50%. Отсюда слѣдуетъ, что пропорціональное увеличеніе или уменьшеніе прибавочной цѣнности вслѣдствіе даннаго измѣненія въ производительной силѣ труда тѣмъ больше или тѣмъ меньше, чѣмъ больше или чѣмъ меньше была первоначально часть рабочаго дня, получающая свое выраженіе въ прибавочной цѣнности.

Въ 3-хъ: увеличеніе или уменьшеніе прибавочной цѣнности есть всегда слѣдствіе и никогда не является причиной увеличенія или уменьшенія цѣнности рабочей силы [10]).

Такъ какъ рабочій день есть величина постоянная и выражается въ постоянной величинѣ цѣнности, такъ какъ каждому измѣненію величины прибавочной цѣнности соотвѣтствуетъ обратное измѣненіе величины цѣнности рабочей силы, и такъ какъ цѣнность рабочей силы можетъ измѣняться только съ измѣненіемъ производительной силы труда, то, при этихъ условіяхъ, очевидно, что каждое измѣненіе величины прибавочной цѣнности происходитъ отъ обратнаго измѣненія величины цѣнности рабочей силы. Если мы, поэтому, видѣли, что никакое абсолютное измѣненіе величины цѣнности рабочей силы и прибавочной цѣнности невозможно безъ измѣненія ихъ относительной величины, то изъ этого теперь слѣдуетъ, что никакое измѣненіе ихъ относительной величины цѣнности невозможно безъ измѣненія абсолютной величины цѣнности рабочей силы.

По третьему закону измѣненіе величины прибавочной цѣнности предпола-

---

[10]) Къ этому третьему закону Mac Culloch между прочимъ сдѣлалъ нелѣпое добавленіе, что прибавочная цѣнность можетъ повышаться безъ паденія цѣнности рабочей силы, вслѣдствіе уничтоженія налоговъ, которые капиталистъ прежде платилъ. Уничтоженіе подобныхъ налоговъ рѣшительно нисколько не измѣняетъ того количества прибавочной цѣнности, которое промышленный капиталистъ непосредственно выкачиваетъ изъ рабочаго. Оно измѣняетъ только отношеніе между той частью прибавочной цѣнности, которую онъ кладетъ въ свой собственный карманъ, и той, которую онъ долженъ уступить третьимъ лицамъ. Такимъ образомъ, отношенія между цѣнностью рабочей силы и прибавочной цѣнностью, оно нисколько не измѣняетъ. Исключеніе Mac Culloch'а доказываетъ, такимъ образомъ, только его собственное непониманіе правила,—несчастіе, которое съ нимъ такъ же часто случается при популяризаціи Рикардо, какъ съ J. B. Say при популяризаціи А. Смита.

гаетъ движеніе цѣнности рабочей силы, причиненное измѣненіемъ производительной силы труда. Границы этого измѣненія опредѣляются новой границей цѣнности рабочей силы. Но даже если обстоятельства позволяютъ дѣйствовать этому закону, все-таки могутъ происходить промежуточныя движенія. Если, напр., вслѣдствіе увеличенія производительной силы труда, цѣнность рабочей силы падаетъ съ 4 шилл. до 3, или необходимое рабочее время съ 8 часовъ до 6, то цѣна рабочей силы можетъ упасть только до 3 шилл. 8 пенсовъ. 3 шилл. 6 п., 3 шилл. 2 п. и т. д. и, слѣдовательно, прибавочная цѣнность подняться только до 3 шилл. 4 п., 3 шилл. 6 п., 3 шилл. 10 п. и т. д. Степень пониженія, минимальная граница котораго составляетъ 3 шилл., зависитъ отъ этого относительнаго вѣса, который бросается съ одной стороны—давленіемъ капитала, съ другой стороны сопротивленіемъ рабочихъ на чашку вѣсовъ.

Цѣнность рабочей силы опредѣляется цѣнностью опредѣленнаго количества средствъ существованія. Съ производительной силой труда измѣняется цѣнность этихъ средствъ существованія, но не ихъ масса. Сама эта масса можетъ, при повышеніи производительной силы труда, возрастать одновременно и въ одной и той же пропорціи для рабочаго и для капиталиста—безъ какого бы то ни было измѣненія относительной величины цѣны рабочей силы и прибавочной цѣнности. Если первоначальная цѣнность рабочей силы равна 3 шилл., а необходимое рабочее время составляетъ 6 часовъ, если прибавочная цѣнность также равна 3 шилл., или прибавочный трудъ также составляетъ 6 часовъ, то удвоеніе производительной силы труда, при томъ же самомъ раздѣленіи рабочаго дня, не произвело бы никакого измѣненія въ цѣнѣ рабочей силы и въ прибавочной цѣнности. И та и другая—выражались бы только въ удвоенномъ, но—соотвѣтственно съ этимъ—и удешевленномъ количествѣ потребительныхъ цѣнностей. Хотя цѣна рабочей силы и осталась бы неизмѣнной все-таки она поднялась бы выше своей цѣнности. Если бы, однако, цѣна рабочей силы не упала до минимальной границы ея новой цѣнности въ $1^1/_2$ шилл., но до 2 шилл. 10 пенс., 2 шилл. 6 пенс. и т. д., то эта падающая цѣна все-таки представляла бы еще возрастающую массу средствъ существованія. Цѣна рабочей силы могла бы такимъ образомъ, при увеличивающейся производительной силѣ труда, постоянно падать одновременно съ постояннымъ возрастаніемъ массы средствъ существованія рабочаго. Относительно же, т.-е. сравнительно съ прибавочной цѣнностью, цѣнность рабочей силы постоянно понижалась бы и, такимъ образомъ, увеличивалась бы пропасть между условіями жизни рабочаго и капиталиста [11]).

Рикардо первый строго формулировалъ три вышеприведенные закона. Недостатки его изложенія состоятъ въ томъ, 1) что тѣ особенныя условія, въ пре-

[11]) «Когда происходитъ измѣненіе въ производительности индустріи, и одно и тоже данное количество труда и капитала производитъ больше или меньше, то относительная величина (proportion) заработной платы можетъ чувствительно измѣняться, тогда какъ количество, представляемое этой величиной, остается тоже самое; или количество можетъ измѣняться, тогда какъ относительная величина остается неизмѣнной», («Outlines of Political Economy etc.», p. 67).

дѣлахъ которыхъ законы эти дѣйствительны, онъ разсматриваетъ, какъ самп собой понятныя, всеобщія и исключительныя условія капиталистическаго производства; онъ не хочетъ знать никакого измѣненія ни въ длинѣ рабочаго дня, ни въ интенсивности труда, такъ что для него производительность труда оказывается единственнымъ перемѣннымъ факторомъ. 2) Но,—и это «но» въ гораздо большей степени искажаетъ его анализъ,—онъ, подобно другимъ экономистамъ, не послѣдуетъ прибавочной цѣнности, какъ таковой, т.-е. независимо отъ ея особенныхъ формъ, прибыли, земельной ренты и т. д. Поэтому, онъ смѣшиваетъ въ одну кучу законы, управляющіе уровнемъ прибавочной цѣнности съ законами уровня прибыли. Какъ было уже сказано, уровень прибыли есть отношеніе прибавочной цѣнности ко всему авансированному капиталу, уровень же прибавочной цѣнности есть отношеніе прибавочной цѣнности только къ перемѣнной части этого капитала. Предположимъ что капиталъ въ 500 ф. ст. (C) дѣлится на сырой матеріалъ, средства труда и т. д., цѣнностью въ общемъ въ 400 ф. ст. (c) и на 100 ф. ст. заработной платы (v); что прибавочная цѣнность кромѣ того=100 ф. ст. (m). Тогда уровень прибавочной цѣнности $\frac{m}{v} = \frac{100 \text{ ф. ст.}}{100 \text{ ф. ст.}} = 100\%$. Уровень же прибыли $\frac{m}{C} = \frac{100 \text{ ф. ст.}}{500 \text{ ф. ст.}} = 20\%$. Кромѣ того ясно, что уровень прибыли можетъ зависѣть отъ обстоятельствъ, которыя ни въ какомъ случаѣ не вліяютъ на уровень прибавочной цѣнности. Впослѣдствіи, въ 3-ей книгѣ этого сочиненія *), я докажу, что одинъ и тотъ же уровень прибавочной цѣнности можетъ выражаться въ различныхъ уровняхъ прибыли, и различные уровни прибавочной цѣнности, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, могутъ выражаться въ одномъ и томъ же уровнѣ прибыли.

II. Рабочій день и производительность труда постоянны, перемѣнной является интенсивность труда.

Возрастающая интенсивность труда предполагаетъ увеличенную затрату труда въ одинъ и тотъ же промежутокъ времени. Болѣе интенсивный рабочій день воплощается, поэтому, въ большемъ количествѣ продуктовъ, чѣмъ менѣе интенсивный день съ однимъ и тѣмъ же числомъ часовъ. Правда, и съ увеличеніемъ производительной силы труда одинъ и тотъ же рабочій день также доставляетъ больше продуктовъ. Но въ этомъ послѣднемъ случаѣ понижается цѣнность отдѣльнаго продукта, потому что онъ стоитъ меньше труда, чѣмъ прежде, въ первомъ же случаѣ она не измѣняется, такъ какъ продуктъ теперь, какъ и раньше, стоитъ того же самаго количества труда. Количество продуктовъ увеличивается здѣсь безъ паденія ихъ цѣны. Съ ихъ количествомъ возрастаетъ и сумма ихъ цѣнъ, тогда какъ тамъ та же самая сумма цѣностей выражается только въ увеличенной массѣ продуктовъ. При одинаковомъ числѣ часовъ болѣе интенсивный рабочій день воплощается, такимъ образомъ, въ большей цѣнности, т.-е. при неизмѣняющейся цѣнности денегъ,—въ боль-

*) Т.-е. въ третьемъ томѣ «Капитала». *Примѣч. П. С.*

шей суммѣ денегъ. Цѣнность продукта труда измѣняется вмѣстѣ съ отклоненіями его интенсивности отъ нормальной общественной степени ея. Одинъ и тотъ же рабочій день выражается, слѣдовательно, не въ постоянной, какъ прежде, а въ перемѣнной цѣнности, болѣе интенсивный 12-часовой рабочій день, напр., въ 7 шилл., 8 шилл. и т. д. вмѣсто 6 шилл., какъ 12-часовой рабочій день обыкновенной интенсивности. Ясно слѣдующее: если цѣнность продукта рабочаго дня измѣняется приблизительно съ 6 до 8 шилл., то обѣ части этой цѣнности, цѣна рабочей силы и прибавочная цѣнность, могутъ одновременно возрастать, въ равной или неравной степени. Цѣна рабочей силы и прибавочная цѣнность могутъ обѣ подняться въ одно и то же время съ 3 до 4 шилл., если цѣнность продукта поднялась съ 6 до 8 шилл. Повышеніе цѣны рабочей силы не заключаетъ въ себѣ необходимо повышенія ея цѣны выше ея цѣнности. Оно можетъ, наоборотъ, сопровождаться паденіемъ ея цѣнности. Это случается всегда, когда повышеніе цѣны рабочей силы не вознаграждаетъ ея ускоренной траты или изнашиванія.

Извѣстно, что, за незначительными исключеніями, измѣненіе производительности труда тогда только производитъ измѣненіе величины цѣнности рабочей силы, а слѣдовательно, и величины прибавочной цѣнности, когда продукты этихъ отраслей промышленности входятъ въ кругъ обычнаго потребленія рабочихъ. Здѣсь же эта граница отпадаетъ. Измѣняется ли величина труда экстенсивно или интенсивно, этому измѣненію его величины соотвѣтствуетъ измѣненіе въ величинѣ цѣнности продукта, независимо отъ природы товара, въ которомъ эта цѣнность выражается.

Если бы интенсивность труда повысилась одновременно и равномѣрно во всѣхъ отрасляхъ промышленности, то новая высшая степень интенсивности стала бы обыкновенной нормальной общественной степенью интенсивности и перестала-бы тогда идти въ счетъ какъ экстенсивная величина. Между тѣмъ даже тогда средняя степень интенсивности труда у различныхъ націй была бы различна, и это измѣняло бы примѣненіе закона цѣнности къ различнымъ національнымъ рабочимъ днямъ. Болѣе интенсивный рабочій день одной націи получаетъ болѣе значительное денежное выраженіе, чѣмъ менѣе интенсивный — другой націи [12]).

III. Производительная сила и интенсивность труда постоянны, перемѣннымъ является рабочій день.

Рабочій день можетъ измѣниться въ двухъ направленіяхъ: онъ можетъ быть сокращаемъ или удлиняемъ.

---

[12]) «При прочихъ равныхъ условіяхъ англійскій мануфактуристъ можетъ пустить въ оборотъ значительно большую сумму труда въ данный періодъ времени, чѣмъ иностранный, настолько большую, что она можетъ уравновѣсить разницу рабочаго времени, составляющаго въ Англіи 60 часовъ въ недѣлю, въ другихъ же странахъ 72 или 80 часовъ». («Reports of Inspr. of. Fact. for 31 st. Oct. 1855,» p. 65). Большее законодательное сокращеніе рабочаго дня на континентальныхъ фабрикахъ было бы самымъ вѣрнымъ средствомъ для уменьшенія этой разницы между континентальнымъ и англійскимъ рабочимъ часомъ.

Исходя изъ выставленныхъ выше предположеній, мы можемъ установить слѣдующіе законы:

1) Рабочій день воплощается, прямо пропорціонально своей продолжительности, въ большей или меньшей цѣнности, которая такимъ образомъ является перемѣнной, а не постоянной.

2) Всякое измѣненіе въ отношеніи между прибавочной цѣнностью и цѣнностью рабочей силы происходитъ отъ измѣненія абсолютной величины прибавочнаго труда и, стало быть, прибавочной цѣнности.

3) Абсолютная цѣнность рабочей силы можетъ измѣняться лишь въ силу реакціи, производимой удлиненіемъ прибавочнаго труда на степень изнашиванія этой рабочей силы. Такимъ образомъ, всякое движеніе ея абсолютной цѣнности является всегда слѣдствіемъ и никогда не есть причина движенія величины прибавочной цѣнности.

I) Сокращеніе рабочаго дня при данныхъ условіяхъ, т.-е. при неизмѣняющейся производительности и интенсивности труда, оставляетъ безъ измѣненія цѣнность рабочей силы, а, слѣдовательно, и необходимое рабочее время. Оно сокращаетъ прибавочный трудъ и прибавочную цѣнность. Съ паденіемъ абсолютной величины послѣдней падаетъ также и ея относительная величина, т.-е. ея величина сравнительно съ неизмѣняющеюся величиной цѣнности рабочей силы. Капиталистъ могъ бы возмѣстить свои убытки только пониженіемъ ея цѣны за предѣлы ея цѣнности.

Всѣ традиціонныя фразы противъ сокращенія рабочаго дня предполагаютъ, что явленіе это происходитъ при указанныхъ здѣсь обстоятельствахъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, наоборотъ, измѣненіе производительности и интенсивности труда или предшествуетъ сокращенію рабочаго дня, или непосредственно за нимъ слѣдуетъ [13]).

II) Удлиненіе рабочаго дня. Пусть необходимое рабочее время составляетъ 6 часовъ, или цѣнность рабочей силы 3 шилл., точно также прибавочный трудъ— 6 часовъ, или прибавочная цѣнность 3 шилл. Общая величина рабочаго дня составляетъ тогда 12 часовъ и выражается въ цѣнности продукта въ 6 шилл. Если рабочій день удлиняется на 2 часа, цѣна же рабочей силы остается безъ перемѣны, то вмѣстѣ съ абсолютной возрастаетъ и относительная величина прибавочной цѣнности. Хотя величина цѣнности рабочей силы абсолютно и не измѣняется, относительно она падаетъ. При условіяхъ перваго случая относительная величина цѣнности рабочей силы не могла измѣняться безъ измѣненія абсолютной ея величины. Здѣсь же, напротивъ того, относительное измѣненіе величины цѣнности рабочей силы есть результатъ абсолютнаго измѣненія величины прибавочной цѣнности.

Такъ какъ цѣнность продукта, въ которой выражается рабочій день, возрастаетъ вмѣстѣ съ его собственнымъ удлиненіемъ, то цѣна рабочей силы и прибавочная цѣнность могутъ одновременно увеличиваться, получая равное или

[13]) «Есть обстоятельства, уравновѣшивающія это и выведенныя на свѣтъ Божій 10-часовымъ закономъ». («Reports of Insp. of Fact. for 1 st. December 1848», p. 7).

неравное приращеніе. Это одновременное возрастаніе возможно, слѣдовательно, въ двухъ случаяхъ: при абсолютномъ удлиненіи рабочаго дня и при возрастающей интенсивности труда безъ такого удлиненія.

При болѣе длинномъ рабочемъ днѣ цѣна рабочей силы можетъ упасть ниже ея цѣнности, хотя номинально она не измѣнится или даже повысится. Дневная цѣнность рабочей силы опредѣляется, какъ мы помнимъ, среднею нормальною продолжительностью или нормальнымъ періодомъ жизни рабочаго и соотвѣтствующимъ нормальнымъ для человѣческой природы превращеніемъ жизненной субстанціи въ движеніе [14]). До извѣстнаго предѣла большая трата рабочей силы, неразрывно связанная съ удлиненіемъ рабочаго дня, можетъ быть вознаграждена большимъ возстановленіемъ ея. Но далѣе этого предѣла трата рабочей силы возрастаетъ въ геометрической прогрессіи, и въ то же самое время разрушаются всѣ нормальныя условія воспроизведенія и дѣятельнаго правленія рабочей силы. Цѣна рабочей силы и степень ея эксплуатаціи перестаютъ быть сопоставимыми величинами.

IV. Одновременныя измѣненія въ продолжительности, производительной силѣ и интенсивности труда.

Здѣсь очевидно возможно большое число комбинацій. Два фактора могутъ измѣняться и одинъ оставаться постояннымъ или всѣ три могутъ одновременно измѣняться. Они могутъ измѣняться въ одинаковой или неодинаковой степени, въ одномъ и томъ же или противоположномъ направленіи, измѣненія ихъ могутъ, поэтому, частью или цѣликомъ взаимно уничтожаться. Но анализъ всѣхъ возможныхъ случаевъ, послѣ объясненій, приведенныхъ подъ пунктами I, II и III, чрезвычайно легокъ. Результатъ всякой возможной комбинаціи выясняется при разсмотрѣніи по порядку каждаго изъ факторовъ, какъ перемѣннаго, другихъ же какъ постоянныхъ. Мы поэтому здѣсь останавливаемся только на двухъ важныхъ случаяхъ.

1) Уменьшеніе производительной силы труда съ одновременнымъ удлиненіемъ рабочаго дня.

Если мы здѣсь говоримъ объ уменьшающейся производительности труда, то это касается тѣхъ отраслей труда, продукты которыхъ опредѣляютъ цѣнность рабочей силы, т. е., напр., уменьшающейся производительности труда вслѣдствіе увеличивающагося неплодородія почвы и соотвѣтствующаго вздорожанія земледѣльческихъ продуктовъ. Предположимъ, что рабочій день состоитъ изъ 12 часовъ, произведенная въ день цѣнность составляетъ 6 шиллинговъ, изъ которыхъ половина возмѣщаетъ цѣнность рабочей силы, другая же половина образуетъ прибавочную цѣнность. Рабочій день распадается, такимъ образомъ, на

[14]) «Сумма труда, произведеннаго человѣкомъ въ продолженіе 24 часовъ, можетъ быть приблизительно опредѣлена, если разсмотрѣть химическія измѣненія, происшедшія въ его органахъ; измѣненія формы матеріи указываютъ на предшествующую дѣятельность динамической силы». (Grove: «On the Correlation of Physical Forces»).

6 часовъ необходимаго труда и 6 часовъ прибавочнаго труда. Вслѣдствіе вздорожанія земледѣльческихъ продуктовъ цѣнность рабочей силы поднялась, положимъ, съ 3 до 4 шиллинговъ и необходимое рабочее время, слѣдовательно, съ 6 до 8 часовъ. Если рабочій день остается безъ перемѣны, то прибавочный трудъ падаетъ съ 6 до 4 часовъ, а прибавочная цѣнность съ 3 шилл. до 2. Если рабочій день удлиняется на 2 часа, т. е. съ 12 часовъ до 14, то прибавочный трудъ остается 6 часовъ, прибавочная цѣнность 3 шилл.; но величина ея падаетъ въ сравненіи съ цѣнностью рабочей силы, измѣряемой необходимымъ трудомъ. Если рабочій день удлиняется на 4 часа, съ 12 часовъ до 16, то относительныя величины прибавочной цѣнности и цѣнности рабочей силы, прибавочнаго труда и необходимаго труда не измѣняются, но абсолютная величина прибавочной цѣнности возрастаетъ съ 3 до 4 шилл., величина же прибавочнаго труда съ 6 до 8 часовъ, т. е. на $^1/_3$ или $33^1/_3$%. При уменьшающейся производительной силѣ труда и одновременномъ удлиненіи рабочаго дня абсолютная величина прибавочной цѣнности можетъ, слѣдовательно, оставаться безъ перемѣны, тогда какъ относительная величина ея падаетъ; ея относительная величина можетъ оставаться безъ перемѣны, тогда какъ абсолютная величина возрастаетъ, и сообразно степени удлиненія обѣ могутъ возрастать.

Въ періодъ времени между 1799 и 1815 г.г. повышеніе цѣнъ на средства существованія въ Англіи привело къ номинальному повышенію заработной платы, хотя дѣйствительная заработная плата, выраженная въ средствахъ существованія, пала. Отсюда Уастъ и Рикардо заключили, что уменьшеніе производительности земледѣльческаго труда причинило бы пониженіе уровня прибавочной цѣнности, и сдѣлали это существующее только въ ихъ фантазіи предположеніе исходнымъ пунктомъ важнаго анализа относительной величины заработной платы, прибыли и земельной ренты. Но, благодаря повышенію интенсивности труда и вынужденному удлиненію рабочаго времени, прибавочная цѣнность возрасла тогда абсолютно и относительно. Это былъ періодъ, когда безграничное удлиненіе рабочаго дня пріобрѣло права гражданства [17]), періодъ, спеціально характеризуемый ускореннымъ возрастаніемъ капитала съ одной стороны, пауперизма съ другой [18]).

---

[17]) «Хлѣбъ и трудъ рѣдко идутъ совершенно рука объ руку, но есть несомнѣнные предѣлы, за которымъ они не могутъ быть раздѣлены. Что же касается необыкновенныхъ усилій, которыя дѣлаетъ рабочій классъ въ періоды дороговизны, ведущихъ за собой паденіе заработной платы, констатируемое показаніями (а именно, предъ Parliamentary Committees of Inquiry 1814—1815), то они очень похвальны со стороны отдѣльныхъ лицъ и, конечно, благопріятствуютъ возрастанію капитала. Но ни одинъ гуманный человѣкъ не пожелаетъ видѣть ихъ постоянными и неослабѣвающими. Они замѣчательны какъ временное облегченіе; но если бы они постоянно дѣйствовали, то получился бы такой же результатъ, какъ еслибы населеніе страны размножалось до крайнихъ предѣловъ, допускаемыхъ размѣрами доступной ему пищи» (Malthus: «Inquiry into the Nature and Progress of Rent. Lond 1815», p. 48 Note). То обстоятельство, что Мальтусъ напираетъ на удлиненіе рабочаго дня, на которое онъ непосредственно обращалъ вниманіе и въ другихъ мѣстахъ своего памфлета, тогда какъ Рикардо и другіе, несмотря на вопіющіе фак-

2) Увеличеніе интенсивности и производительной силы труда съ одновременнымъ сокращеніемъ рабочаго дня.

Повышеніе производительной силы труда и возрастаніе интенсивности его въ одномъ направленіи дѣйствуютъ однообразно. Объ увеличиваютъ массу продуктовъ, добываемыхъ въ извѣстный промежутокъ времени. Объ сокращаютъ, слѣдовательно, ту часть рабочаго дня, которая необходима рабочему для производства своихъ средствъ существованія или ихъ эквивалента. Абсолютная минимальная граница рабочаго дня вообще образуется этой необходимой составною частью его, которая обладаетъ сокращаемостью. Если бы весь рабочій день сократился до этой части, то исчезъ бы прибавочный трудъ, что невозможно при капиталистическомъ режимѣ. Уничтоженіе капиталистической формы производства даетъ возможность ограничить рабочій день только необходимымъ трудомъ. Но область послѣдняго, при прочихъ равныхъ условіяхъ, расширилась бы, съ одной стороны, потому, что условія жизни рабочаго стали бы богаче и его жизненныя потребности выше; съ другой стороны, часть теперешняго прибавочнаго труда считалась бы за необходимый, а именно, та часть труда, которая необходима для образованія общественнаго фонда резервовъ и накопленія.

Чѣмъ болѣе возрастаетъ производительная сила труда, тѣмъ болѣе можетъ быть сокращаемъ рабочій день, а чѣмъ болѣе сокращается рабочій день, тѣмъ большe можетъ возрастать интенсивность труда. Съ общественной точки зрѣнія производительность труда возрастаетъ съ его экономіей. Послѣдняя объемлетъ не только экономію средствъ производства, но и устраненіе всякаго безполезнаго труда. Тогда какъ въ каждомъ индивидуальномъ предпріятіи капиталистическій способъ производства вынуждаетъ экономію, свойственная ему анархическая система конкурренціи порождаетъ безграничную трату общественныхъ средствъ производства и рабочихъ силъ при наличности громаднаго множества функцій, нынѣ неизбѣжныхъ, но по существу излишнихъ.

ты, клали въ основаніе всѣхъ своихъ послѣдованій постоянную величину рабочаго дня, это обстоятельство дѣлаетъ честь Мальтусу. Но консервативные интересы, холопомъ которыхъ былъ Мальтусъ, мѣшали ему видѣть, что чрезмѣрное удлиненіе рабочаго дня вмѣстѣ съ необыкновеннымъ развитіемъ машинъ и эксплуатаціей женскаго и дѣтскаго труда должны дѣлать «излишней» значительную часть рабочаго класса, въ особенности съ прекращеніемъ связаннаго съ войной спроса и англійской монополіи на міровомъ рынкѣ. Было, конечно, гораздо удобнѣе и гораздо болѣе соотвѣтствовало интересамъ господствующихъ классовъ, которыя Мальтусъ чтилъ чисто подхалимнически, объяснять это «избыточное населеніе» вѣчными законами природы, чѣмъ историческими естественными законами капиталистическаго производства.

[10]) «Главная причина возрастанія капитала во время войны происходила отъ большихъ усилій, а, можетъ быть, и еще большихъ лишеній рабочаго класса, самаго многочисленнаго въ каждомъ обществѣ. Большее число женщинъ и дѣтей были вынуждены нуждой заняться производительнымъ трудомъ; прежніе же рабочіе, по той же причинѣ, принуждены были посвящать большую часть своего времени увеличенію производства». («Essays on Political Econ., in Which are illustrated the Principal Causes of the Present National Distress. London 1830», p. 248).

При данной интенсивности и производительной силѣ труда, часть общественнаго рабочаго дня, необходимаго для матеріальнаго производства, тѣмъ короче, часть же времени, остающаяся для свободной, умственной и общественной, дѣятельности личностей, тѣмъ больше, чѣмъ равномѣрнѣе распредѣленъ трудъ между всѣми способными къ труду членами общества, чѣмъ менѣе одинъ слой общества можетъ свалить на другой естественную необходимость труда. Абсолютной границею сокращенія рабочаго дня въ этомъ направленіи является всеобщность труда. Въ капиталистическомъ обществѣ свободное время для одного класса создается путемъ превращенія всей жизни массъ въ сплошное рабочее время.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Различныя формулы для уровня прибавочной цѣнности.

Мы видѣли, что уровень прибавочной цѣнности выражается формулами:

I) $\frac{\text{Прибавочная цѣнность}}{\text{Перемѣнный капиталъ}} \left\{ \begin{matrix} m \\ v \end{matrix} \right\} = \frac{\text{Прибавочная цѣнность}}{\text{Цѣнность рабочей силы}} = \frac{\text{Прибавочный трудъ.}}{\text{Необходимый трудъ.}}$

Первыя двѣ формулы выражаютъ въ формѣ отношенія цѣнностей то, что третья выражаетъ въ формѣ отношенія тѣхъ промежутковъ времени, въ которые эти цѣнности производятся. Эти другъ друга замѣняющія формулы обладаютъ полной логической строгостью. Поэтому мы находимъ ихъ, правда, по существу уже выраженными, но отнюдь еще не сознательно выработанными въ классической политической экономіи. Но зато въ ней мы встрѣчаемся съ слѣдующими производными формулами.

II) $\frac{\text{Прибавочный трудъ}}{\text{Рабочій день}} = \frac{\text{Прибавочная цѣнность}}{\text{Цѣнность продукта}} = \frac{\text{Прибавочный продуктъ.}}{\text{Совокупный продуктъ.}}$

Одна и та же пропорція здѣсь попеременно выражена въ формѣ отношенія рабочихъ періодовъ, въ формѣ отношенія цѣнностей, въ которыхъ рабочіе періоды воплощаются, и въ формѣ продуктовъ, въ которыхъ эти цѣнности существуютъ. Конечно, мы предполагаемъ, что подъ цѣнностью продукта надо понимать только цѣнность, произведенную въ рабочій день и что постоянная часть цѣнности продукта исключается.

Во всѣхъ этихъ формулахъ дѣйствительная степень эксплуатаціи труда или уровень прибавочной цѣнности выраженъ невѣрно. Пусть рабочій день состоитъ изъ 12 часовъ. По другимъ даннымъ нашего прежняго примѣра въ этомъ случаѣ дѣйствительная степень эксплуатаціи труда выражается въ пропорціяхъ:

$$\frac{\text{6 часовъ прибавочнаго труда}}{\text{6 часовъ необходимаго труда}} = \frac{\text{Прибавочная цѣнность въ 3 шилл.}}{\text{Перемѣнный капиталъ въ 3 шилл.}} = 100\%.$$

По формуламъ же II) мы получаемъ, наоборотъ:

$$\frac{\text{6 часовъ прибавочнаго труда}}{\text{Рабочій день въ 12 часовъ}} = \frac{\text{Прибавочная цѣнность въ 3 шилл.}}{\text{Произведенная цѣнность въ 6 шилл.}} = 50\%.$$

Эти производныя формулы выражаютъ на самомъ дѣлѣ пропорцію, въ ко-

торой рабочій день или цѣнность его продукта дѣлится между капиталистомъ и его рабочимъ. Поэтому, если принимать ихъ за непосредственныя выраженія степени самовозрастанія капитала, то получается невѣрный законъ: прибавочный трудъ или прибавочная цѣнность никогда не могутъ достигать 100% [17]). Такъ какъ прибавочный трудъ всегда составляетъ только нѣкоторую дробь рабочаго дня, или прибавочная цѣнность всегда только нѣкоторую дробь всей произведенной цѣнности, то прибавочный трудъ непремѣнно всегда меньше рабочаго дня или прибавочная цѣнность всегда меньше произведенной цѣнности. А чтобы относиться другъ къ другу, какъ $\frac{100}{100}$, они должны были бы быть равны. Чтобы прибавочный трудъ могъ поглотить весь рабочій день (здѣсь рѣчь идетъ о среднемъ рабочемъ днѣ рабочей недѣли, рабочаго года и т. д.), необходимый трудъ долженъ быть доведенъ до нуля. Но если исчезнетъ необходимый трудъ, то исчезнетъ также и прибавочный трудъ, такъ какъ послѣдній есть только функція перваго. Пропорція

$$\frac{\text{Прибавочный трудъ}}{\text{Рабочій день}} = \frac{\text{Прибавочная цѣнность}}{\text{Вся произведенная цѣнность}}$$

не можетъ, слѣдовательно, никогда достигнуть предѣла $\frac{100}{100}$ и еще менѣе подняться до $\frac{100+X}{100}$. Но это не относится къ уровню прибавочной цѣнности или къ дѣйствительной степени эксплуатаціи труда. Возьмемъ, напр., расчетъ L. de Lavergne, по которой англійскій земледѣльческій рабочій получаетъ $^1/_4$, капиталистъ же (фермеръ), $^3/_4$ продукта [18]) или его цѣнности, независимо

[17]) Такъ напр. въ «Dritter Brief an v. Kirchman von Rodbertus. Widerlegung der Ricardo'schen Theorie von der Grundrente und Begründung einer neuen Rententheorie. Berlin 1851». Я впослѣдствіи вернусь къ этому сочиненію, которое, несмотря на ложную теорію земельной ренты, проникаетъ въ сущность капиталистическаго производства.—[Примѣч. къ 3-му изд.—Мы видимъ, какъ благосклонно отзывался Марксъ о своихъ предшественникахъ, когда онъ находилъ у нихъ дѣйствительный прогрессъ, вѣрную новую мысль. Позднѣйшее опубликованіе писемъ Родбертуса къ Rud. Meyer'y нѣсколько съузили вышеприведенную оцѣнку. Тамъ сказано: «Нужно спасти капиталъ не только отъ труда, но и отъ самого себя, а это на самомъ дѣлѣ лучше всего можетъ быть сдѣлано тогда, когда мы будемъ разсматривать дѣятельность капиталиста-предпринимателя какъ народно- и государственно-хозяйственную функцію, ввѣренную ему, благодаря владѣнію капиталомъ, а его прибыль, какъ форму жалованья, такъ какъ мы еще не знаемъ другой соціальной организаціи. Жалованье можетъ быть регулируемо и понижаемо, если оно отнимаетъ слишкомъ много у заработной платы. Такъ можно отразить нападеніе Маркса на общество—какъ бы я назвалъ его книгу... Вообще книга Маркса есть не столько изслѣдованіе о капиталѣ, сколько полемика противъ современной его формы, которую онъ смѣшиваетъ съ самымъ понятіемъ капитала, отчего и происходятъ его заблужденія». («Briefe etc. von Dr. Rodbertus-Jagetzow, herausgg. von Dr. Rud. Meyer, Berlin, 1881», I, Bd. p. 111, 48. Brief von Rodbertus.)—[Въ подобныхъ идеологическихъ общихъ мѣстахъ торятся смѣлый по истинѣ размахъ «Соціальныхъ писемъ» Родбертуса. *Ф. Э*].

[18]) Та часть продукта, которая только возмѣщаетъ затраченный постоянный капиталъ, разумѣется, исключена при этомъ расчетѣ.—L. de Lavergne, слѣпой поклонникъ Англіи, даетъ скорѣе слишкомъ низкое, чѣмъ слишкомъ высокое отношеніе.

отъ того, какъ потомъ распредѣляется эта добыча между капиталистомъ и земельнымъ собственникомъ и т. д. Прибавочный трудъ англійскаго сельскаго рабочаго относится въ этомъ случаѣ къ его необходимому труду какъ 3 : 1, т. е. степень эксплуатаціи = 300%.

Школьный методъ разсматривать рабочій день, какъ постоянную величину, былъ подкрѣпленъ примѣненіемъ формулъ II), такъ какъ здѣсь прибавочный трудъ всегда сравнивается съ рабочимъ днемъ данной величины. То же самое происходитъ, если имѣть въ виду исключительно дѣлежъ произведенной цѣнности. Рабочій день, который уже овеществленъ въ данной цѣнности, есть всегда рабочій день, имѣющій опредѣленныя границы.

Выраженіе прибавочной цѣнности и цѣнности рабочей силы въ видѣ дробей произведенной цѣнности—способъ выраженія, который вытекаетъ изъ самаго капиталистическаго способа производства и значеніе котораго раскроется намъ впослѣдствіи—скрадываетъ специфическій характеръ отношенія, именуемаго капиталомъ, а именно обмѣнъ перемѣннаго капитала на живую рабочую силу и соотвѣтствующее устраненіе рабочаго отъ права на продуктъ. Вмѣсто этого выступаетъ ложная видимость товарищескаго отношенія, въ силу котораго рабочій и капиталистъ дѣлятъ продуктъ, сообразно участію различныхъ факторовъ въ его образованіи [19]).

Впрочемъ формулы II) всегда могутъ быть обратно превращены въ формулу I. Если у насъ есть, напр.

$\frac{\text{Прибавочный трудъ въ 6 часовъ}}{\text{Рабочій день въ 12 часовъ}}$, то необходимое рабочее время = рабочему дню въ 12 часовъ минусъ прибавочный трудъ въ 6 часовъ, и мы получаемъ:

$\frac{\text{Прибавочный трудъ въ 6 часовъ}}{\text{Необходимый трудъ въ 6 часовъ}} = \frac{100}{100}$.

Третья формула, которую я при случаѣ уже предвосхищалъ:

III. $\frac{\text{Прибавочная цѣнность}}{\text{Цѣнность рабочей силы}} = \frac{\text{Прибавочный трудъ}}{\text{Необходимый трудъ}} = \frac{\text{Неоплаченный трудъ}}{\text{Оплаченный трудъ}}$.

Недоразумѣніе, къ которому могла дать поводъ формула $\frac{\text{Неоплаченный трудъ}}{\text{Оплаченный трудъ}}$ будто капиталистъ оплачиваетъ трудъ, а не рабочую силу, исчезаетъ послѣ объясненій, приведенныхъ нами выше.

Формула $\frac{\text{Неоплаченный трудъ}}{\text{Оплаченный трудъ}}$ есть только популярное выраженіе формулы $\frac{\text{Прибавочный трудъ}}{\text{Необходимый трудъ}}$ Капиталистъ оплачиваетъ цѣнность или, вѣрнѣе, цѣну

[19]) Такъ какъ всѣ развитыя формы капиталистическаго процесса производства представляютъ форму коопераціи, то, конечно, нѣтъ ничего болѣе легкаго, чѣмъ, отвлекаясь отъ ихъ специфически антагонистическаго характера, превращать ихъ силою своей фантазіи въ свободныя формы ассоціаціи, какъ это и дѣлаетъ графъ A. de Laborde въ «De l'Esprit de l'Association dans tous les intérêts de la Communauté. Paris. 1818». Яшки H. Carey продѣлываетъ этотъ фокусъ съ тѣмъ же успѣхомъ при случаѣ даже по отношенію къ условіямъ, господствующимъ въ системѣ рабскаго труда.

рабочей силы, не вполнѣ совпадающую съ ней, и получаетъ въ обмѣнъ распоряженіе самой живой рабочей силой. Пользованіе этой рабочей силойраспадается на два періода. Въ продолженіе одного періода рабочій производитъ только цѣнность=цѣнности его рабочей силы, т. е. только эквивалентъ. Вмѣсто авансированной цѣны рабочей силы капиталистъ получаетъ, такимъ образомъ, продуктъ такой же цѣны, какъ будто бы онъ купилъ продуктъ готовымъ на рынкѣ. Въ періодъ прибавочнаго труда, наоборотъ, пользованіе рабочею силою образуетъ цѣнность для капиталиста, за которую ему не приходится отдавать никакой цѣнности [20]). Тутъ живая рабочая сила достается ему даромъ. Въ этомъ смыслѣ прибавочный трудъ можетъ быть названъ неоплаченнымъ трудомъ.

Капиталъ означаетъ, такимъ образомъ, не только главенство (Kommando) надъ трудомъ какъ говоритъ А. Смитъ; онъ, по своему существу, есть главенство надъ неоплаченнымъ трудомъ. Всякая прибавочная цѣнность, въ какую бы особенную форму—прибыли, процента, ренты и т. д., она впослѣдствіи ни кристаллизовалась, есть по своей субстанціи матеріальное воплощеніе неоплаченнаго рабочаго времени. Тайна самовозрастанія капитала сводится къ распоряженію опредѣленнымъ количествомъ чужого неоплаченнаго труда.

[20]) Хотя физіократы не проникли еще въ тайны прибавочной цѣнности, все-таки и для нихъ было ясно, что она «составляетъ богатство независимое, которымъ можно располагать, и которое онъ (владѣлецъ) продаетъ, не купивъ». (Turgot: «Reflexions sur la Formation et la Distribution des Richesses», p. 11).

ОТДѢЛЪ ШЕСТОЙ.

Заработная плата.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Превращеніе цѣнности или цѣны рабочей силы въ заработную плату.

На поверхности буржуазнаго общества плата рабочаго является въ видѣ цѣны труда, опредѣленнаго количества денегъ, уплачиваемаго за опредѣленное количество труда. Здѣсь говорятъ о цѣнности труда и денежное выраженіе ея называютъ необходимой или естественной цѣной труда. Съ другой стороны, рѣчь идетъ здѣсь о рыночныхъ цѣнахъ труда, т. е. о цѣнахъ, колеблющихся выше или ниже необходимой цѣны.

Но что такое цѣнность товара? Объективная форма затраченнаго при его производствѣ общественнаго труда. А чѣмъ измѣряемъ мы величину цѣнности товара? Величиной содержащагося въ немъ труда. Чѣмъ опредѣляется, поэтому, цѣнность, напр., 12—часового рабочаго дня? 12-ю рабочими часами, содержащимися въ 12—часовомъ рабочемъ днѣ, что составляетъ безсмысленную тавтологію [21]).

Чтобы быть проданнымъ на рынкѣ какъ товаръ, трудъ долженъ во вся-

[21]) «Рикардо довольно остроумно обходитъ затрудненіе, которое на первый взглядъ грозитъ опрокинуть его доктрину, что цѣнность зависитъ отъ количества труда, употребленнаго на производство. Если строго держаться этого принципа, то изъ него слѣдуетъ, что цѣнность труда зависитъ отъ количества труда, употребленнаго на его производство, что, очевидно, представляетъ нелѣпость. Поэтому, посредствомъ искуснаго оборота Рикардо ставитъ цѣнность труда въ зависимость отъ количества труда, необходимаго для производства заработной платы, или, выражаясь его собственными словами, онъ утверждаетъ, что цѣнность труда измѣряется количествомъ труда, необходимаго для производства заработной платы; а подъ этимъ онъ подразумѣваетъ количество труда, необходимое для производства денегъ или товаровъ, получаемыхъ рабочимъ. Это все равно, что сказать, что цѣнность платья измѣряется не количествомъ труда, потраченнаго на его производство, но количествомъ труда, потраченнаго на производство серебра, на которое обмѣнивается платье». («A Critical Dissertation on the Nature etc. of Value» p. 50, 51).

комъ случаѣ существовать ранѣе, чѣмъ онъ продается. Но если бы рабочій могъ дать ему самостоятельное существованіе, то онъ продавалъ бы товаръ, а не трудъ [22]).

Оставляя въ сторонѣ эти противорѣчія, непосредственный обмѣнъ денегъ, т. е. овеществленнаго труда, на живой трудъ, или упразднялъ бы законъ цѣнности, который развивается свободно именно только на основѣ капиталистическаго производства, или упразднялъ бы само капиталистическое производство, покоящееся именно на наемномъ трудѣ. Рабочій день въ 12 часовъ выражается, напр., въ денежной цѣнности въ 6 шиллинговъ. Если обмѣниваются эквиваленты,—рабочій получаетъ за 12-ти-часовой трудъ 6 шилл. Цѣна его труда тогда равна цѣнѣ его продукта. Въ такомъ случаѣ онъ не производитъ прибавочной цѣнности для покупателя его труда, 6 шиллинговъ не превращаются въ капиталъ, исчезаетъ самая основа капиталистическаго производства. Но именно на этой основѣ онъ и продаетъ свой трудъ, и трудъ его является наемнымъ трудомъ. Или же онъ получаетъ за 12 часовъ менѣе 6 шилл., т. е. менѣе 12 часовъ труда. 12 часовъ труда обмѣниваются на 10, 6 и т. д. часовъ труда Такое уравненіе неравныхъ величинъ не только уничтожаетъ опредѣленіе цѣнности, но его даже невозможно выразить или формулировать, какъ законъ: это само себя уничтожающее противорѣчіе [23]).

Объясненіе обмѣна большаго количества труда на меньшее различіемъ формы труда, т. е. тѣмъ, что въ одномъ случаѣ онъ является овеществленнымъ, а въ другомъ живымъ [24]), не ведетъ ни къ чему. Оно тѣмъ нелѣпѣе, что цѣнность товара опредѣляется не количествомъ дѣйствительно въ немъ овеществленнаго, но количествомъ необходимаго для его производства живого труда. Предположимъ. что товаръ представляетъ 6 рабочихъ часовъ. Если будутъ сдѣланы изобрѣтенія, посредствомъ которыхъ онъ можетъ быть произведенъ въ

---

[22]) «Если вы называете трудъ товаромъ, то онъ не представляетъ, подобно другимъ, товара, произведеннаго ранѣе съ цѣлью обмѣна и затѣмъ принесеннаго на рынокъ, гдѣ онъ долженъ обмѣниваться на другіе товары, соотвѣтственно количеству каждаго изъ нихъ, могущему одновременно находиться на рынкѣ: трудъ создается въ тотъ моментъ, когда онъ принесенъ на рынокъ: можно даже скорѣе сказать, что онъ принесенъ на рынокъ ранѣе, чѣмъ онъ созданъ». («Observations on some verbal disputes etc.», p. 75, 76).

[23]) «Если разсматривать трудъ какъ товаръ, а капиталъ,—продуктъ труда,—какъ другой товаръ, то, если цѣнности этихъ двухъ товаровъ опредѣляются равными количествами труда, данное количество труда будетъ обмѣниваться... на такое количество капитала, которое было произведено такимъ же количествомъ труда; предыдущій трудъ будетъ обмѣниваться... на такое же количество настоящаго труда. Но цѣнность труда по отношенію къ другимъ товарамъ... не опредѣляется равными количествами труда». (E. G. Wakefield въ его изд. Ад. Смитъ «Wealth of Nations, Lond. 1836, v. I, p. 231 Note).

[24]) «Нужно было согласиться (еще одно изданіе «Contrat Social), что всякій разъ, когда онъ будетъ обмѣнивать трудъ, уже произведенный, на трудъ, который еще долженъ быть совершенъ, послѣдній (капиталистъ) будетъ получать большую цѣнность, чѣмъ первый (рабочій)». [Simonde (т. е. Sismondi): «De la Richesse Commerciale. Genève 1803», t. I, p. 37].

3 часа, то понизится также на половину цѣнность произведеннаго уже товара. Онъ представляетъ теперь 3 часа вмѣсто прежнихъ 6 часовъ необходимаго общественнаго труда. Такимъ образомъ величина цѣнности товара опредѣляется не его объективной формой, а количествомъ труда, необходимаго для его производства.

На самомъ дѣлѣ на товарномъ рынкѣ владѣльцу денегъ противостоитъ непосредственный трудъ, рабочій. И послѣдній продаетъ свою рабочую силу. Какъ только трудъ его дѣйствительно начинается, онъ уже болѣе не принадлежитъ ему, а, слѣдовательно, не можетъ быть имъ болѣе проданъ. Трудъ есть субстанція и имманентное мѣрило цѣнности, но самъ онъ не имѣетъ цѣнности [25]).

Въ выраженіи: «цѣнность труда» понятіе цѣнности не только совершенно исчезаетъ, но даже превращается въ свою противоположность. Это мнимое выраженіе, какъ, напр., цѣнность земли. Однако эти мнимыя выраженія вытекаютъ изъ самихъ производственныхъ отношеній. Это—категоріи для формъ проявленія существенныхъ отношеній. Что вещи въ своемъ проявленіи часто представляются въ превратномъ видѣ, извѣстно почти во всѣхъ наукахъ, кромѣ политической экономіи [26]).

Классическая политическая экономія заимствовала безъ дальнѣйшей критики изъ повседневной жизни категорію «цѣны труда», чтобы уже затѣмъ задаться вопросомъ, какъ опредѣляется эта цѣна. Она скоро замѣтила, что измѣненіе отношенія между спросомъ и предложеніемъ ничего не объясняетъ въ цѣнѣ труда, какъ и всякаго другого товара, кромѣ ея измѣненія, т. е. колебанія рыночныхъ цѣнъ ниже или выше извѣстной величины. Если спросъ и предложеніе взаимно уравновѣшиваются, то, при прочихъ равныхъ условіяхъ, прекращаются колебанія цѣнъ. Но тогда спросъ и предложеніе перестаютъ что

[25]) «Трудъ, исключительная мѣра цѣнности... создатель всякаго богатства, не есть товаръ». (Th. Hodgskin l. c. p. 186).

[26]) Называютъ подобныя выраженія простыми поэтическими вольностями (licentia poetica) значитъ обнаруживать безсиліе анализа. На фразу Прудона: «Говорятъ, что трудъ имѣетъ цѣнность не потому, что онъ самъ по себѣ есть товаръ, но вслѣдствіе того, что въ немъ предполагаются цѣнности въ скрытомъ состояніи. Цѣнность труда есть выраженіе фигуральное» и т. д. я замѣтилъ: «Въ трудѣ-товарѣ, имѣющемъ поразительную реальность, онъ видитъ только грамматическій эллипсъ. Такимъ образомъ все современное общество, основанное на трудѣ-товарѣ, отнынѣ основано только на поэтической вольности, на фигуральномъ выраженіи. Если общество хочетъ «устранить всѣ неустройства» (éliminer tous les inconvenients»), которыя его мучатъ, то пусть оно вычеркнетъ всѣ неблагозвучныя выраженія, пусть оно измѣнитъ языкъ; а для этого ему нужно только обратиться къ Академіи съ просьбой выпустить новое изданіе ея словаря». (K. Marx: «Misère de la Philosophie», p. 34, 35). Еще удобнѣе, конечно, ничего не подразумѣвать подъ цѣнностью. Тогда можно причислять къ этой категоріи все безъ разбора. Мы видимъ это напр. у J. B. Say. Что такое «цѣнность» (Valeur). Отвѣтъ: «Это то, во что вещь цѣнится (vaut), а что такое «цѣна»? Отвѣтъ «Цѣнность вещи, выраженная въ деньгахъ». А почему «трудъ земли... имѣетъ цѣнность?—Потому что его оцѣниваютъ». Такимъ образомъ цѣнность есть то, во что вещь цѣнится, а земля имѣетъ «цѣнность», потому что ея цѣнность «выражена въ деньгахъ». Это во всякомъ случаѣ очень простой методъ объясненія why и wherefore (отчего и почему) вещей.

либо объяснять. Цѣна труда, когда спросъ и предложеніе взаимно уравновѣшиваются, есть его естественная цѣна, опредѣляемая независимо отъ отношенія между спросомъ и предложеніемъ, и она именно и явилась искомымъ предметомъ научнаго анализа. Когда же разсматривали болѣе длинные періоды колебаній рыночной цѣны, напр., годъ, то находили, что ея повышеніе и пониженіе уравновѣшиваются до средней величины, составляющей нѣкоторую постоянную. Эта средняя величина должна конечно опредѣляться иначе, чѣмъ уравновѣшивающіяся между собой отклоненія отъ нея. Эта цѣна, стоящая надъ случайными рыночными цѣнами труда и регулирующая ихъ, «необходимая цѣна» (физіократы) или «естественная цѣна» (Ад. Смитъ) можетъ, какъ и у другихъ товаровъ, быть только выраженной въ деньгахъ цѣнностью труда. Такъ политическая экономія полагала проникнуть отъ случайныхъ цѣнъ труда къ его цѣнности. Какъ и для другихъ товаровъ, эта цѣнность опредѣлялась затѣмъ издержками производства. Но что такое издержки производства—рабочаго, т. е. издержки, потребныя для производства или воспроизведенія самого рабочаго? Этимъ вопросомъ политическая экономія безсознательно подмѣнила первоначальный, такъ какъ, занимаясь издержками производства труда, какъ такового она, вертѣлась въ кругѣ и не двигалась съ мѣста. То, что она, такимъ образомъ, называетъ цѣнностью труда (value of labour), есть на самомъ дѣлѣ цѣнность рабочей силы, существующей въ рабочемъ и отличающейся отъ своей функціи, труда, такъ же, какъ машина отличается отъ своихъ операцій. Занимаясь различіемъ между рыночными цѣнами труда и его такъ называемой цѣнностью, отношеніемъ этой цѣнности къ уровню прибыли, къ производимымъ трудомъ товарнымъ цѣнностямъ и т. д., никогда нельзя было открыть, что ходъ анализа ведетъ не только отъ рыночныхъ цѣнъ труда къ его мнимой цѣнности, но и къ сведенію цѣнности труда въ свою очередь къ цѣнности рабочей силы. Это непониманіе результатовъ своего собственнаго анализа, принятіе безъ всякой критики категорій «цѣнность труда», «естественная цѣна труда» и т. д., за послѣднія адэкватныя выраженія разсматриваемаго отношенія цѣнности, запутали классическую политическую экономію, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, въ неразрѣшимыя противорѣчія, давъ въ то же самое время вульгарной экономіи вѣрный операціонный базисъ для ея плоскихъ разсужденій, принципіально признающихъ только видимость явленій, а не ихъ существо.

Разсмотримъ сначала, какъ цѣнность и цѣна рабочей силы выражаются въ превращенной формѣ заработной платы.

Мы знаемъ, что дневная цѣнность рабочей силы расчитывается сообразно извѣстной продолжительности жизни рабочаго, которой соотвѣтствуетъ извѣстная продолжительность рабочаго дня. Предположимъ, что обычный рабочій день составляетъ 12 часовъ, а дневная цѣнность рабочей силы 3 шиллинга, т. е. денежное выраженіе цѣнности 6 рабочихъ часовъ. Если рабочій получаетъ 3 шиллинга, то онъ получаетъ цѣнность своей рабочей силы, функціонирующей въ продолженіе 12 часовъ. Если эта дневная цѣнность рабочей силы будетъ признана цѣнностью дневного труда, то получится формула: 12-часовой трудъ имѣетъ цѣнность въ 3 шиллинга. Цѣнность рабочей силы опредѣляетъ, та-

кимъ образомъ, цѣнность труда или, выражая это въ деньгахъ, его необходимую цѣну. Если же цѣна рабочей силы отклоняется отъ ея цѣнности, то точно также цѣна труда отклоняется отъ его такъ называемой цѣнности.

Такъ какъ цѣнность труда есть только ирраціональное выраженіе для цѣнности рабочей силы, то само собою разумѣется, что цѣнность труда всегда должна быть меньше цѣнности произведенной ею цѣнности, такъ какъ капиталистъ всегда заставляетъ рабочую силу функціонировать дольше, чѣмъ это необходимо для воспроизведенія ея собственной цѣнности. Въ вышеприведенномъ примѣрѣ цѣнность рабочей силы, функціонирующей 12 часовъ, составляетъ 3 шиллинга, цѣнность, для воспроизведенія которой нужно 6 часовъ. Продуктъ же ея имѣетъ цѣнность въ 6 шилл., такъ какъ въ дѣйствительности она функціонируетъ 12 часовъ, произведенная же ею цѣнность зависитъ не отъ ея собственной цѣнности, а отъ продолжительности ея функціи. Получается, такимъ образомъ, нелѣпый на первый взглядъ результатъ, что трудъ, созидающій цѣнность въ 6 шилл., имѣетъ цѣнность въ 3 шилл. [27]).

Мы видимъ далѣе, что цѣнность въ 3 шилл., въ которой выражена оплаченная часть рабочаго дня, т. е. 6-часовой трудъ, является цѣнностью или цѣной всего 12 часового рабочаго дня, содержащаго и 6 неоплаченныхъ часовъ. Форма заработной платы уничтожаетъ, слѣдовательно, всякій слѣдъ раздѣленія рабочаго дня на необходимый трудъ и прибавочный трудъ, на оплаченный трудъ и неоплаченный трудъ. Весь трудъ кажется оплаченнымъ трудомъ. При барщинномъ трудѣ трудъ крестьянина на самого себя и его принудительный трудъ на помѣщика различаются между собой совершенно осязательно во времени и пространствѣ. При рабскомъ трудѣ даже та часть рабочаго дня, въ теченіе которой рабъ возмѣщаетъ только цѣнность своихъ собственныхъ средствъ существованія и когда онъ, слѣдовательно, на самомъ дѣлѣ работаетъ на самого себя, кажется трудомъ на его господина. Весь его трудъ представляется въ видѣ неоплаченнаго труда [28]). При наемномъ трудѣ, наоборотъ, даже прибавочный или неоплаченный трудъ представляется въ видѣ оплаченнаго. Въ одномъ случаѣ отношеніе собственности скрадываетъ трудъ раба на себя самого, въ другомъ— денежное отношеніе скрадываетъ даровой трудъ наемнаго рабочаго.

Нетрудно, поэтому, понять громадную важность превращенія цѣнности и цѣны рабочей силы въ форму заработной платы или въ цѣнность и цѣну самого труда. На этой формѣ проявленія, которая дѣлаетъ дѣйствительное отно-

[27]) Ср. «Zur Kritik der politischen Oekonomie», p. 40, гдѣ я заявляю, что при разсмотрѣніи капитала должна быть рѣшена слѣдующая проблема: «Какимъ образомъ производство на основѣ мѣновой цѣнности, опредѣляемой только рабочимъ временемъ, ведетъ къ тому, что мѣновая цѣнность труда меньше мѣновой цѣнности его продукта?»

[28]) Morning Star, до глупости наивный лондонскій органъ фритредерства, умѣрялъ все время американской гражданской войны съ полнымъ нравственнымъ негодованіемъ, что въ «Конфедерированныхъ (т. е. Южныхъ) Штатахъ» («Confederate States») негры работаютъ совершенно даромъ. Ему бы слѣдовало лучше сравнить дневную стоимость содержанія такого негра съ издержками, напр., на свободнаго рабочаго East End'a въ Лондонѣ.

шеніе невидимымъ и показываетъ прямо противоположное, покоятся всѣ правовыя представленія рабочаго и капиталиста, всѣ мистификаціи капиталистическаго способа производства, всѣ его иллюзіи относительно свободы, всѣ апологетическія увертки вульгарной экономіи.

Если всемірной исторіи нужно было много времени, чтобы проникнуть въ тайну заработной платы, то нѣтъ, наоборотъ, ничего легче, какъ понять необходимость, raison d'être этой формы явленія

Обмѣнъ между капиталомъ и трудомъ представляется на первый взглядъ тѣмъ же самымъ, какъ покупка и продажа всякаго другого товара. Покупатель даетъ опредѣленную сумму денегъ, продавецъ—товаръ, отличный отъ денегъ. Юридическое сознаніе видитъ здѣсь, самое большее, различіе въ содержаніи, выражающееся въ юридически эквивалентныхъ формулахъ: Do ut des, do ut facias, facio ut des et facio ut facias (я даю для того, чтобы ты давалъ, я даю для того, чтобы ты дѣлалъ, я дѣлаю для того, чтобы ты давалъ, я дѣлаю для того, чтобы ты дѣлалъ).

Далѣе, такъ какъ мѣновая цѣнность и потребительная цѣнность сами по себѣ суть величины несоизмѣримыя, то выраженія «цѣнность труда», «цѣна труда» кажутся не болѣе ирраціональными, чѣмъ выраженія «цѣнность хлопка», «цѣна хлопка». Надо еще прибавить, что рабочему платятъ уже послѣ того, какъ онъ далъ свой трудъ. Въ своей функціи платежнаго средства деньги уже впослѣдствіи реализуютъ цѣнность или цѣну доставленнаго товара, въ данномъ случаѣ, слѣдовательно, цѣнность или цѣну доставленнаго труда. Наконецъ, «потребительная цѣнность», которую рабочій отдаетъ капиталисту, есть на самомъ дѣлѣ не его рабочая сила, но ея функція, опредѣленный полезный трудъ, трудъ портного, сапожника, прядильщика и т. д. То обстоятельство, что тотъ же самый трудъ, съ другой стороны, есть всеобщій элементъ, образующій цѣнность, это свойство, которымъ трудъ отличается отъ всѣхъ другихъ товаровъ, выходитъ изъ предѣловъ обыкновеннаго сознанія.

Если мы станемъ на точку зрѣнія рабочаго, который получаетъ за 12-часовой трудъ, продуктъ, напр., 6-часового труда, положимъ 3 шилл., то для него на самомъ дѣлѣ его 12-часовой трудъ есть покупательное средство на 3 шилл. Цѣнность его рабочей силы можетъ мѣняться вмѣстѣ съ цѣнностью его обычныхъ средствъ существованія отъ 3 до 4 шилл., или отъ 3 до 2 шилл., или, при неизмѣняющейся цѣнности рабочей силы, цѣна ея можетъ, вслѣдствіе измѣнившагося отношенія между спросомъ и предложеніемъ, подняться до 4 шилл., или упасть до 2 шилл., но онъ всегда отдаетъ 12 рабочихъ часовъ. Всякое измѣненіе въ величинѣ эквивалента, который онъ получаетъ, кажется ему, поэтому, непремѣнно измѣненіемъ цѣнности или цѣны его 12 рабочихъ часовъ. Это обстоятельство побудило, наоборотъ, Ад. Смита, разсматривающаго рабочій день, какъ величину постоянную [29]), утверждать, что цѣнность труда постоянна, хотя цѣнность средствъ существованія измѣняется и

[29]) Ад. Смитъ только случайно, по поводу задѣльной платы, намекаетъ на измѣненія въ рабочемъ днѣ.

одинъ и тотъ же рабочій день выражается поэтому для рабочаго въ большей или меньшей суммѣ денегъ.

Если мы, съ другой стороны, возьмемъ капиталиста, то онъ хочетъ получить возможно больше труда за возможно меньшую сумму денегъ. Практически его, поэтому, интересуетъ только разница между цѣной рабочей силы и цѣнностью, которую создаетъ ея функціонированіе. Но онъ старается всѣ товары покупать по возможности дешевле и объясняетъ себѣ нездѣ свою прибыль простымъ надуваніемъ, покупкой ниже и продажей выше цѣнности. Ему никогда не приходитъ на умъ, что если бы такая вещь, какъ цѣнность труда, дѣйствительно существовала, и если бы онъ дѣйствительно оплачивалъ эту цѣнность, то не существовало бы никакого капитала, и его деньги не превращались бы въ капиталъ.

Къ тому же дѣйствительное движеніе заработной платы обнаруживаетъ явленія, которыя какъ будто доказываютъ, что оплачивается не цѣнность рабочей силы, но цѣнность ея функціонированія, т. е. самаго труда. Эти явленія могутъ быть сведены къ двумъ большимъ классамъ. Во-1-хъ, измѣненія заработной платы въ связи съ измѣненіями продолжительности рабочаго дня. Можно было бы также правильно заключить, что оплачивается цѣнность не самой машины, а ея операціи, такъ какъ стоитъ дороже нанять машину на недѣлю, чѣмъ на день. Во-2-хъ, индивидуальная разница въ заработной платѣ различныхъ рабочихъ, исполняющихъ одну и ту же функцію. Такія же индивидуальныя различія усматриваются, не давая никакого повода къ иллюзіямъ, и въ системѣ рабства, гдѣ продается совершенно свободно, безъ всякихъ прикрасъ и околичностей, сама рабочая сила. Но выгода отъ рабочей силы качествомъ выше средней, или убытокъ отъ рабочей силы качествомъ ниже средней, въ системѣ рабскаго труда достаются на долю рабовладѣльца, въ системѣ же наемнаго труда—на долю самого рабочаго, такъ какъ его рабочая сила въ одномъ случаѣ продается имъ самимъ, въ другомъ—третьимъ лицомъ.

Впрочемъ, относительно такихъ формъ явленій, какъ «цѣнность и цѣна труда» или «заработная плата», въ отличіе отъ того болѣе существеннаго отношенія, которое въ этихъ формахъ проявляется, т. е. отъ цѣнности и цѣны рабочей силы, можно сказать то же самое, что и о всѣхъ формахъ явленій и ихъ скрытой основѣ. Формы воспроизводятся непосредственно, самопроизвольно, какъ ходячія мыслительныя формы, основа же ихъ должна быть еще открыта наукой. Классическая политическая экономія болѣе или менѣе подходитъ къ дѣйствительной сущности дѣла, но не формулируетъ ея сознательно. Она не можетъ этого сдѣлать до тѣхъ поръ, пока находится въ своей буржуазной шкурѣ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Повременная плата.

Заработная плата сама, въ свою очередь, принимаетъ самыя разнообразныя формы, о чемъ намъ не говорятъ учебники политической экономіи, пренебрегающіе въ своемъ грубомъ пристрастіи къ матеріи всякими различіями формы.

Изображеніе всѣхъ этихъ формъ относится къ спеціальному ученію о заработной платѣ и не относится, поэтому, къ задачѣ настоящаго сочиненія. Здѣсь же мы вкратцѣ разберемъ двѣ господствующія основныя формы.

Продажа рабочей силы происходитъ, какъ мы уже знаемъ, всегда на опредѣленный періодъ времени. Превращенная форма, въ которой непосредственно выражается дневная, недѣльная и т. д. цѣнность рабочей силы, есть поэтому форма «повременной платы», т. е. плата поденная и т. д.

Нужно прежде всего замѣтить, что законы измѣненія величины цѣны рабочей силы и прибавочной цѣнности, изложенные въ пятнадцатой главѣ, путемъ простого измѣненія формы превращаются въ законы заработной платы. Точно также разница между мѣновой цѣнностью рабочей силы и количествомъ средствъ существованія, въ которыя эта цѣнность превращается, теперь представляется въ видѣ разницы между номинальной и реальной заработной платой. Было бы безполезно повторять относительно формы проявленія то, что было уже развито относительно существенной формы. Мы ограничиваемся, поэтому, немногими пунктами, характеризующими повременную плату.

Денежная сумма [30]), которую рабочій получаетъ за свой дневной, недѣльный трудъ и т. д., составляетъ сумму его номинальной или оцѣненной по цѣнности заработной платы. Но ясно, что соотвѣтственно длинѣ рабочаго дня, т. е. соотвѣтственно доставляемому имъ ежедневно количеству труда, одна и та же поденная, понедѣльная плата и т. д. можетъ представлять чрезвычайно различныя цѣны труда, т. е. чрезвычайно различныя денежныя суммы за одно и то же количество труда [31]). При платѣ по времени, такимъ образомъ, опять нужно отличать общую сумму заработной платы, поденной, понедѣльной платы и т. д. отъ цѣны труда. Но какъ найти эту цѣну, т. е. денежную цѣнность даннаго количества труда? Средняя цѣна труда получается при дѣленіи средней дневной цѣнности рабочей силы на число часовъ средняго рабочаго дня. Если, напр., дневная цѣнность рабочей силы составляетъ 3 шилл., т. е. цѣнность продукта 6 рабочихъ часовъ, а рабочій день состоитъ изъ 12 часовъ, то цѣна одного рабочаго часа $= \frac{3 \text{ шилл.}}{12} = 3$ пенс. Найденная такимъ образомъ цѣна рабочаго часа служитъ единицей мѣры для цѣны труда.

Отсюда слѣдуетъ, что поденная, понедѣльная плата и т. д. можетъ оставаться та же самая, хотя цѣна труда будетъ постоянно понижаться. Если, напр., обычный рабочій день состоялъ изъ 10 часовъ и дневная цѣнность рабочей силы составляла 3 шилл., то цѣна одного рабочаго часа $= 3^3/_{10}$ пенс.; она понижается до 3 пенс., если рабочій день удлиняется до 12 часовъ, и до $2^3/_4$ пенс., если онъ удлиняется до 15 часовъ. Но дневная или недѣльная плата тѣмъ не менѣе не измѣняется. Наоборотъ, дневная или недѣльная плата можетъ повыситься, хотя цѣна труда останется постоянной или даже понижается. Если, напр., ра-

[30]) Цѣнность денегъ всюду предполагается здѣсь постоянной.

[31]) «Цѣна труда есть сумма, уплаченная за данное количество труда» (Sir Edward West: «Price of Corn and Wages of Labour. Lond. 1826», p. 67). West, авторъ анонимнаго сочиненія, составившаго эпоху въ исторіи политической экономіи: «Essay on the Application of Capital to Land. By a Fellow of Univ. College of Oxford. Lond.

бочій день состоитъ изъ 10 часовъ, а дневная цѣнность рабочей силы составляетъ 3 шилл., то цѣна одного рабочаго часа = $3^{3}/_{5}$ пенс. Если рабочій, вслѣдствіе увеличенія работы и при неизмѣняющейся цѣнѣ труда, работаетъ 12 часовъ, то его дневная плата повышается до 3 шилл. $7^{1}/_{5}$ пенс. безъ измѣненія въ цѣнѣ труда. Тотъ же самый результатъ получился бы, если бы вмѣсто экстенсивной величины труда увеличилась его интенсивная величина [32]). Увеличеніе номинальной поденной или понедѣльной платы можетъ, поэтому, сопровождаться неизмѣняющейся или понижающейся цѣной труда. То же относится и къ доходамъ рабочей семьи, если количество труда, доставляемое главой семьи, увеличивается еще трудомъ другихъ членовъ семьи. Существуютъ, такимъ образомъ, методы для пониженія цѣны труда [33]), независимые отъ номинальнаго уменьшенія поденной или понедѣльной платы.

Отсюда вытекаетъ слѣдующій всеобщій законъ: если дано количество дневного, недѣльнаго труда и т. д., то поденная или понедѣльная плата зависитъ отъ цѣны труда, которая, въ свою очередь, мѣняется или съ цѣнностью рабочей силы, или съ отклоненіями ея цѣны отъ цѣнности. Если же дана, напротивъ, цѣна труда, то поденная или понедѣльная плата зависитъ отъ количества дневного или недѣльнаго труда.

Единица мѣры повременной платы, т. е. цѣна рабочаго часа, есть частное отъ дѣленія дневной цѣнности рабочей силы на число часовъ обычнаго рабочаго дня. Если послѣдній равенъ 12 часамъ, а дневная цѣнность рабочей силы 3 шилл., т. е. цѣнности продукта 6 рабочихъ часовъ, то цѣна рабочаго часа при этихъ условіяхъ составляетъ 3 пенса, произведенная же цѣнность — 6 пенс Если же рабочій занятъ менѣе 12 часовъ ежедневно (или менѣе 6 дней въ недѣлю), напр., 6 или 8 часовъ, то при этой цѣнѣ труда онъ получаетъ только

---

[32]) «Плата за трудъ зависитъ отъ цѣны труда и отъ количества совершеннаго труда... Повышеніе платы за трудъ не предполагаетъ непремѣнно увеличенія цѣны труда. Вслѣдствіе болѣе усиленнаго занятія (from fuller employment) и большихъ усилій, плата за трудъ можетъ значительно возрасти, между тѣмъ, какъ цѣна труда будетъ оставаться та же самая» (West, l. c. p. 67, 68 и 112). West, впрочемъ, отдѣлываетъ банальными фразами отъ главнаго вопроса: какъ опредѣляется «цѣна труда» («price of labour»).

[33]) Самый фанатическій представитель промышленной буржуазіи XVIII столѣтія, авторъ цитируемаго нами часто «Essay on Trade and Commerce», совершенно вѣрно понимаетъ это, хотя онъ очень пеясно излагаетъ этотъ предметъ: «Количество труда, а не цѣна его (подъ ней авторъ разумѣетъ номинальную дневную или недѣльную плату), опредѣляется цѣною съѣстныхъ припасовъ и другихъ необходимыхъ предметовъ потребленія: если вы понизите цѣну предметовъ необходимости, вы, конечно, понизите цѣну соотвѣтственнаго количества труда... Хозяева мануфактуръ знаютъ, что есть различные пути повышенія и пониженія цѣны труда безъ измѣненія его номинальнаго количества» (l. c. p. 48 и 61). N. W. Senior въ своихъ «Three Lectures on the Rate of Wages. Lond. 1830», пользуясь статьей West'a, но, не указывая ея, между прочимъ, говоритъ: «Рабочій заинтересованъ преимущественно въ суммѣ заработной платы» (p. 14). Такимъ образомъ, рабочій заинтересованъ преимущественно въ томъ, что онъ получаетъ въ номинальной суммѣ платы, а не въ томъ, что онъ отдастъ, не въ количествѣ труда!

2 или 1½ шилл. поденной платы [34]). Такъ какъ по предположенію онъ долженъ работать въ среднемъ 6 часовъ въ день, чтобы произвести только поденную плату, соотвѣтствующую цѣнности его рабочей силы, и такъ какъ потому же самому предположенію онъ каждый часъ работаетъ только полчаса для самого себя, полчаса же на капиталиста, то ясно, что онъ не можетъ получить цѣнности, равной продукту 6 часовъ труда, работая менѣе 12 часовъ. Если мы прежде видѣли разрушительныя послѣдствія чрезмѣрнаго труда (Ueberarbeit), то здѣсь мы открываемъ источники страданій, происходящихъ для рабочаго отъ недостаточнаго труда (Unterbeschäftigung).

Если часовая плата установлена такимъ образомъ, что капиталистъ не обязывается уплачивать поденную или понедѣльную плату, но оплачиваетъ только рабочіе часы, въ продолженіе которыхъ ему угодно занимать рабочаго, то онъ можетъ занимать его менѣе того времени, которое первоначально служило основаніемъ опредѣленія часовой платы или единицы мѣры для цѣны труда. Такъ какъ эта единица мѣры опредѣляется отношеніемъ:

$$\frac{\text{Дневная цѣнность рабочей силы}}{\text{Рабочій день даннаго числа часовъ}},$$

то она естественно теряетъ всякій смыслъ, если рабочій день перестаетъ насчитывать въ себѣ опредѣленное число часовъ. Уничтожается связь между оплаченнымъ и неоплаченнымъ трудомъ. Капиталистъ можетъ теперь выжимать изъ рабочаго извѣстное количество прибавочнаго труда, не предоставляя ему рабочаго времени, необходимаго для поддержанія его собственнаго существованія. Онъ можетъ уничтожить всякую правильность занятій и, сообразно со своими удобствами, произволомъ и интересомъ въ данный моментъ чередовать самый чудовищный чрезмѣрный трудъ съ относительной или полной безработицей. Онъ можетъ ненормально удлинять рабочій день подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ уплачиваетъ «нормальную цѣну труда», не давая никакого соотвѣтствующаго вознагражденія рабочему. Отсюда—въ высшей степени раціональное возмущеніе (1860) лондонскихъ рабочихъ, занятыхъ въ строительномъ дѣлѣ, противъ попытки капиталистовъ навязать имъ часовую плату. Законодательное ограниченіе рабочаго дня кладетъ предѣлъ подобному безобразію; но, конечно, оно безсильно противъ недостаточнаго заработка, вытекающаго изъ конкурренціи машинъ, изъ измѣненій въ качествахъ занятыхъ рабочихъ, изъ частичныхъ и всеобщихъ кризисовъ.

При возрастающей поденной или понедѣльной платѣ цѣна труда номинально можетъ остаться постоянной и тѣмъ не менѣе опуститься ниже своего нормальнаго уровня. Это происходитъ всякій разъ, когда при постоянной цѣнѣ труда, или рабочаго часа, рабочій день удлиняется сверхъ его обычной продолжительности.

[34]) Дѣйствіе подобнаго ненормальнаго недостатка занятій существенно отличается отъ дѣйствія всеобщаго законодательнаго сокращенія рабочаго дня. Первое не имѣетъ ничего общаго съ абсолютной продолжительностью рабочаго дня и можетъ наступить какъ при 15-ти-часовомъ рабочемъ днѣ, такъ и при 6-ти-часовомъ. Нормальная цѣна труда въ первомъ случаѣ расчитана на то, что рабочій работаетъ, среднимъ числомъ, 15 часовъ въ день, а во второмъ на то, что онъ работаетъ 6 часовъ. Это равносильно тому, что въ одномъ случаѣ онъ занятъ только 7½, а въ другомъ только 3 часа.

Если въ дроби $\frac{\text{Дневная цѣнность рабочей силы}}{\text{Рабочій день}}$ увеличивается знаменатель, то числитель увеличивается еще быстрѣе. Цѣнность рабочей силы, вслѣдствіе ея потребленія, возрастаетъ вмѣстѣ съ продолжительностью ея функціи и даже въ болѣе быстрой пропорціи, чѣмъ приращеніе времени ея функціонированія. Во многихъ отрасляхъ промышленности, гдѣ господствуетъ повременная плата, стихійно, безъ законодательныхъ границъ рабочаго дня, развился обычай, что рабочій день только до извѣстнаго предѣла, напр., до окончанія 10-го часа, считается нормальнымъ («normal working day», «the day's work», «the regular hours of work»). За этимъ предѣломъ рабочее время образуетъ сверхурочное время (overtime) и оплачивается выше (extra pay), хотя часто въ пропорціи до смѣшного маленькой, причемъ единицей мѣры тоже служитъ часъ. [35]). Нормальный рабочій день существуетъ здѣсь, какъ дробь дѣйствительнаго рабочаго дня, и послѣдній часто въ теченіе цѣлаго года продолжается дольше перваго [36]). Возрастаніе цѣны труда вмѣстѣ съ удлиненіемъ рабочаго дня за извѣстный нормальный предѣлъ приводитъ въ нѣкоторыхъ англійскихъ отрасляхъ промышленности къ тому, что низкая цѣна труда во время такъ называемаго нормальнаго времени вынуждаетъ рабочаго, если онъ желаетъ вообще получать достаточную заработную плату, работать сверхурочное время, которое оплачивается выше. [37]). Законодательное ограниченіе рабочаго дня полагаетъ предѣлъ этому удовольствію [38]).

---

[35]) «Размѣръ платы за сверхурочное время (въ производствѣ кружевъ) такъ ничтоженъ,—1/2 пенса и т. д. въ часъ, что онъ составляетъ рѣзкій контрастъ тому громадному вреду, который работа эта причиняетъ здоровью и жизненной силѣ рабочихъ... Незначительная прибавка, заработанная такимъ образомъ, часто должна опять быть задержана на чрезвычайныя подкрѣпляющія средства» («Childr. Empl. Comm.» II Rep. p. XVI, n. 117).

[36]) Напр. на обойныхъ фабрикахъ до послѣдняго введенія фабричнаго закона. «Мы работаемъ безъ перерывовъ для принятія пищи, такъ что 10 1/2 часовой дневной трудъ кончается въ 5 часовъ дня; все же дальнѣйшее есть сверхурочное время, рѣдко кончающееся ранѣе 8 часовъ вечера, такъ что въ дѣйствительности мы въ продолженіе цѣлаго года работаемъ сверхурочное время». (Mr. Smith's Evidence въ «Childr. Empl. Comm. I Rep., p. 125).

[37]) Напр. въ шотландскихъ бѣльильняхъ. «Въ нѣкоторыхъ частяхъ Шотландіи въ этой отрасли промышленности (до введенія фабричнаго закона 1862 г.) практиковалась система сверхурочнаго времени, т. е. 10 часовъ считались нормальнымъ рабочимъ днемъ. За это рабочій получалъ 1 шилл. 2 пенса. Но къ этому ежедневно прибавлялось сверхурочное время въ 3 или 4 часа, которое оплачивалось по 3 пенса въ часъ. Вотъ слѣдствія этой системы: если рабочій работалъ только нормальное время, то онъ не могъ заработать больше 8 шилл. въ недѣлю. Безъ сверхурочной работы ему не хватало бы заработной платы». («Reports of Insp. of Fact. 30th April 1863», p. 10). «Добавочная плата за сверхурочное время есть искушеніе, которому рабочіе не могутъ противостоять». (Rep. of Fact. 30 th April 1848, p. 5). Въ переплетномъ дѣлѣ въ лондонскомъ City занято очень много молодыхъ дѣвушекъ отъ 14—15 лѣтъ, и именно по ученическому контракту, предписывающему опредѣленные часы труда. Тѣмъ не менѣе послѣднюю недѣлю каждаго мѣсяца онѣ работаютъ до 10, 11, 12 и 1 часа почи вмѣстѣ со взрослыми рабочими въ очень смѣшанномъ обществѣ. «Хозяева соблазняютъ ихъ добавочной платой на хорошій ужинъ», который онѣ берутъ въ сосѣднемъ трактирѣ. Развращенность, развивающаяся при этомъ среди этихъ «young immortals» («Childr. Empl. Comm.» V, Rep., p. 49, n. 191), возмѣщается тѣмъ, что онѣ переплетаютъ много библій и лучшеспасительныхъ книгъ.

[38]) См. «Reports of Insp. of Fact. 30-th April 1863», l. c. Лондонскіе рабочіе, занятые въ строительномъ дѣлѣ, очень вѣрно оцѣнили положеніе вещей, когда они

Общеизвѣстный фактъ, что чѣмъ длиннѣе въ какой-нибудь отрасли промышленности рабочій день, тѣмъ ниже заработная плата [39]). Фабричный инспекторъ A. Redgrave иллюстрируетъ это сравнительнымъ обзоромъ 20-ти лѣтняго періода отъ 1839—1859, изъ котораго видно, что въ фабрикахъ, подчиненныхъ 10-ти часовому закону, заработная плата поднялась, тогда какъ въ фабрикахъ, гдѣ работаютъ отъ 14 до 15 часовъ въ день, она пала [40]).

Изъ закона, что «при данной цѣнѣ труда поденная или понедѣльная плата зависитъ отъ количества доставленнаго труда», прежде всего слѣдуетъ, что чѣмъ ниже цѣна труда, тѣмъ больше должно быть количество труда, или тѣмъ длиннѣе рабочій день—для того, чтобы рабочій могъ обезпечить себѣ хоть жалкую среднюю плату. Низкая цѣна труда какъ бы поощряетъ къ удлиненію рабочаго времени [41]).

Наоборотъ, удлиненіе рабочаго времени, въ свою очередь, производитъ паденіе цѣны труда и этимъ поденной или понедѣльной платы.

Изъ опредѣленія цѣны труда отношеніемъ $\frac{\text{Дневная цѣнность рабочей силы}}{\text{Рабочій день даннаго числа часовъ}}$ вытекаетъ, что простое удлиненіе рабочаго дня понижаетъ цѣну труда, если не является никакого возмѣщенія. Но тѣ же самыя обстоятельства, которыя позволяютъ капиталисту удлинять на продолжительный срокъ рабочій день, сначала позволяютъ ему и въ концѣ концовъ принуждаютъ его—понижать также номинально цѣну труда до тѣхъ поръ, пока не понизится общая цѣна увеличеннаго числа часовъ, слѣдовательно, дневная или недѣльная плата. Здѣсь достаточно указать на два обстоятельства. Если одинъ человѣкъ исполняетъ работу $1^1/_2$ или 2 человѣкъ, то возрастаетъ предложеніе труда, хотя бы даже предложеніе рабочихъ силъ, находящихся на рынкѣ, оставалось постояннымъ. Являющаяся вслѣдствіе этого конкурренція между рабочими даетъ возможность капиталисту понижать цѣну труда, тогда какъ, съ другой стороны, падающая

заявили, во время большой стачки-локаута 1860 г., что они согласны на плату по часамъ только при двухъ условіяхъ: 1) чтобы вмѣстѣ съ цѣной рабочаго часа былъ установленъ нормальный рабочій день въ 9 или 10 часовъ и чтобы цѣна одного часа 10-часового рабочаго дня была больше цѣны одного часа 9-ти часового дня; 2) чтобы каждый часъ сверхъ нормальнаго дня оплачивался въ качествѣ сверхурочнаго времени относительно дороже.

[39]) «Замѣчательная вещь, что тамъ, гдѣ продолжительный рабочій день составляетъ общее правило, существуетъ также и низкая плата». («Rep. of Insp. of Fact. 31 st. Oct. 1863», p. 9). «Трудъ, вознаграждаемый скуднымъ количествомъ пищи, по большей части продолжается чрезвычайно долго». («Public Health, Sixth Rep. 1864», p. 15).

[40]) «Reports of Insp. of Fact. 30 th April 1860», p. 31, 32.

[41]) Напр. рабочіе, приготовляющіе гвозди ручнымъ способомъ, въ Англіи должны, вслѣдствіе низкой цѣны труда, работать 15 часовъ въ день, чтобы заработать самую ничтожную недѣльную плату. «Много, много часовъ въ день долженъ онъ тяжело работать, чтобы выработать 11 пенс. или 1 шилл.; а изъ нихъ надо еще вычесть отъ $2^1/_2$—3 пенс. на порчу инструментовъ, топливо и на отбросъ желѣза». («Child. Emp. Comm. III Rep.», p. 136, n. 671). Женщины за такое же рабочее время вырабатываютъ только 5 шил. въ недѣлю (l. c. p. 137, n. 674).

цѣна труда, наоборотъ, даетъ ему возможность еще болѣе увеличивать рабочее время [42]). Но вскорѣ это право располагать непормальнымъ, т. е. превышающимъ средній общественный уровень, количествомъ неоплаченнаго труда, становится средствомъ конкурренціи между самими капиталистами. Одну часть цѣны товара составляетъ цѣна труда. Неоплаченная части цѣны труда можетъ и не входить въ счетъ цѣны товара. Она можетъ быть подарена покупателю товара. Это первый шагъ, къ которому ведетъ конкурренція. Второй шагъ, къ которому она вынуждаетъ, это исключеніе изъ продажной цѣны товара, по крайней мѣрѣ, еще и части непормальной прибавочной цѣнности, произведенной удлиненіемъ рабочаго дня. Такимъ путемъ сначала образуется спорадически и затѣмъ постепенно упрочивается чрезвычайно низкая цѣна товара, которая съ этого времени становится постояннымъ основаніемъ жалкой заработной платы при чрезмѣрномъ трудѣ, аналогично тому, что и первоначально такая плата являлась продуктомъ подобныхъ же условій. Мы только намѣчаемъ это движеніе, такъ какъ анализъ конкурренціи не входитъ здѣсь въ нашу задачу. Пусть на минуту слово будетъ предоставлено самому капиталисту. «Въ Бирмингамѣ конкурренція между хозяевами такъ велика, что нѣкоторые изъ насъ принуждены поступать въ качествѣ предпринимателей такъ, какъ они вообще стыдились бы поступать; а тѣмъ не менѣе такимъ образомъ не получается больше денегъ (and yet no more money is made); только публика получаетъ всю выгоду отъ этого» [43]). Вспомнимъ, что въ Лондонѣ есть два сорта булочниковъ, изъ которыхъ одни продаютъ хлѣбъ по полной цѣнѣ (the «fullpriced» bakers), другіе же ниже его нормальной цѣны («the underpriced», «the undersellers»). «Fullpriced» доносятъ на своихъ конкурентовъ парламентской слѣдственной коммиссіи. «Они существуютъ, только обманывая, во 1-хъ, публику (фальсификаціей товара), а, во 2-хъ, выжимая изъ своихъ рабочихъ 18 рабочихъ часовъ за плату 12-ти часового труда... Неоплаченный трудъ (the unpaid labour) ихъ рабочихъ даетъ имъ возможность выдерживать конкурренцію... Конкурренція между хозяевами-булочниками есть причина трудности устраненія ночного труда. Продающій хлѣбъ ниже его цѣны, которая измѣняется вмѣстѣ съ цѣною муки, вознаграждаетъ себя за убытки, выжимая больше труда изъ своихъ рабочихъ. Если я буду извлекать только 12 часовъ труда изъ моихъ рабочихъ, мой же сосѣдъ, напротивъ того, 18 или 20, то онъ побьетъ меня на продажной цѣнѣ. Если бы рабочіе могли настоять на платѣ за добавочное время, то этимъ скоро былъ бы положенъ конецъ подобному маневру... Большая часть рабочихъ, занятыхъ у булочниковъ, продающихъ ниже нормальной цѣны, — иностранцы, подростки и другія

---

[42]) Если бы фабричный рабочій, напр., отказался работать указанное значительное число часовъ, «онъ тотчасъ же былъ бы замѣненъ другимъ рабочимъ, согласнымъ работать какое угодно время, и былъ бы, такимъ образомъ, лишенъ занятія» («Reports of Insp. of Fact 31 ct. Oct. 1848». Evidence p. 39, n. 58). «Если одинъ человѣкъ исполняетъ работу двухъ, ...уровень прибыли обыкновенно повышается... вслѣдствіе добавочнаго предложенія труда, уменьшившаго его цѣну». (Senior l. c. p. 14).

[43]) «Childr. Empl. Comm.» III Rep. Evidence p. 66, n. 22.

лица, принужденныя довольствоваться почти любой заработной платой, которую они могутъ получать» [44]).

Эта іереміада интересна также и тѣмъ, что она показываетъ, что только видимость производственныхъ отношеній отражается въ головѣ капиталиста. Капиталистъ не знаетъ, что даже нормальная цѣна труда содержитъ извѣстное количество неоплаченнаго труда, и что именно этотъ неоплаченный и трудъ есть нормальный источникъ его прибыли. Категорія прибавочнаго времени и прибавочнаго труда вообще для него не существуетъ, такъ какъ для него она входитъ въ нормальный рабочій день, и онъ предполагаетъ, что оплачиваетъ послѣдній въ поденной платѣ. Но добавочное время, т. е. удлиненіе рабочаго дня за предѣлъ, соотвѣтствующій обычной цѣнѣ труда, существуетъ для него. Противъ своего конкуррента, продающаго по цѣнѣ ниже нормальной, онъ даже настаиваетъ на добавочной платѣ (extrapay) за это добавочное время. Тутъ онъ опять-таки не знаетъ, что эта добавочная плата точно также заключаетъ въ себѣ неоплаченный трудъ, какъ и цѣна обыкновеннаго рабочаго часа. Напр. цѣна одного часа 12-ти часового рабочаго дня составляетъ 3 пенс., т. е. цѣнность продукта $^1/_2$ рабочаго часа, цѣна же добавочнаго рабочаго часа—4 пенс., т. е. цѣнность продукта $^2/_3$ рабочаго часа. Въ первомъ случаѣ капиталистъ присваиваетъ себѣ безъ оплаты половину рабочаго часа, во второмъ—$^1/_3$.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Задѣльная плата.

Задѣльная или поштучная плата есть не что иное, какъ превращенная форма повременной платы, точно такъ же, какъ повременная плата есть превращенная форма цѣнности или цѣны рабочей силы. При поштучной платѣ на первый взглядъ кажется, будто проданная рабочимъ потребительная цѣнность есть не функція его рабочей силы, т. е. не живой трудъ, но трудъ уже овеществленный въ продуктѣ, и будто цѣна этого труда опредѣляется не дробью

$$\frac{\text{Дневная цѣнность рабочей силы}}{\text{Рабочій день опредѣленнаго числа часовъ}},$$

какъ при повременной платѣ, но производительной способностью (Leistungsfähigkeit) производителя [45]).

[44]) Report etc. relative to the Grievances complained of by the journey-men bakers. Lond. 1862», p. LII и ib. Evidence, n. 479, 359, 27. Тѣмъ не менѣе и fullpriced булочники, какъ уже было упомянуто ранѣе и какъ это признаетъ даже ихъ защитникъ Bennet, заставляютъ также своихъ рабочихъ «начинать работу въ 11 часовъ вечера или еще раньше и дотягиваютъ ее часто до 7 часовъ слѣдующаго вечера» (l. c. p. 22).

[45]) Система задѣльной платы отмѣчаетъ эпоху въ исторіи рабочаго класса; она составляетъ переходную ступень между положеніемъ простыхъ поденщиковъ, зависящихъ отъ воли капиталиста и положеніемъ кооперативныхъ ремесленниковъ; эта ступень въ недалекомъ будущемъ обѣщаетъ соединить рабочаго и капиталиста въ одномъ лицѣ. Задѣльные рабочіе фактически сами себѣ господа, если даже они и

Но увѣренность въ этой видимости прежде всего должна была бы быть сильно поколеблена тѣмъ фактомъ, что обѣ формы заработной платы существуютъ одновременно и рядомъ въ однѣхъ и тѣхъ же отрасляхъ промышленности. Напримѣръ, «лондонскіе наборщики работаютъ обыкновенно задѣльно, плата же по времени составляетъ у нихъ исключеніе; въ провинціи же, наоборотъ, наборщики получаютъ обыкновенно плату по времени, задѣльная же плата для нихъ составляетъ исключеніе. Корабельные плотники въ лондонской гавани получаютъ задѣльную плату, во всѣхъ же остальныхъ англійскихъ гаваняхъ плату по времени» [46]). Въ однѣхъ и тѣхъ же лондонскихъ сѣдельныхъ мастерскихъ часто за одинъ и тотъ же трудъ французы получаютъ плату задѣльно, англичане же по времени. Въ настоящихъ фабрикахъ, гдѣ задѣльная или поштучная плата вообще господствуетъ, нѣкоторыя функціи по техническимъ причинамъ не поддаются такому измѣренію и потому оплачиваются по времени [47]). По существу однако ясно, что различныя формы заработной платы нисколько не измѣняютъ ея сущности, хотя одна форма можетъ быть болѣе чѣмъ другая благопріятна развитію капиталистическаго производства.

Предположимъ, что обыкновенный рабочій день состоитъ изъ 12 часовъ, изъ которыхъ 6 оплачены и 6 не оплачены. Произведенная въ этотъ день цѣнность равна 6 шилл. и, стало-быть, продуктъ одного рабочаго часа—6 пенс. Положимъ, что опытомъ установлено, что рабочій, работающій со среднею степенью интенсивности и ловкости и, слѣдовательно, употребляющій лишь общественно-необходимое для производства товара время, въ 12 часовъ производитъ 24 штуки товара, которыя могутъ быть или отдѣльными товарными единицами, или составлять измѣримыя части одного сплошного продукта. Такимъ образомъ цѣнность этихъ 24 штукъ, за вычетомъ содержащейся въ нихъ по-

работаютъ съ капиталомъ своихъ предпринимателей». (John Watts: «Trade Societies and Strikes, Machinery and Cooperative Societies». Manchester 1865, p. 52. 53). Я цитирую здѣсь это сочиненьице, потому что оно представляетъ настоящую клоаку для всѣхъ давно уже прогнившихъ апологетическихъ общихъ мѣстъ. Этотъ самый господинъ Watts былъ прежде овенистомъ и опубликовалъ въ 1842 г. другое сочиненьице подъ заглавіемъ: «Facts and Fictions of Political Economy», гдѣ онъ между прочимъ говоритъ, что собственность (property) есть грабежъ (robbery). Но то было ужъ очень давно

[46]) T. J. Dunning: «Trade's Unions and Strikes. Lond. 1860», 22.

[47]) Одновременное существованіе рядомъ этихъ двухъ формъ заработной платы благопріятствуетъ мошенничеству фабрикантовъ: «На фабрикѣ занято 400 человѣкъ, изъ которыхъ половина работаетъ поштучно и непосредственно заинтересована работать дальше. Другіе 200 получаютъ поденную плату, работаютъ такъ же долго, какъ и первые и ничего не получаютъ за добавочное время... Трудъ этихъ 200 человѣкъ въ продолженіе получаса въ день равняется 50 часамъ труда одного человѣка, или 1/8 недѣльнаго труда одного человѣка и составляетъ положительный выигрышъ предпринимателя». («Reports of Insp. of Fact. 31 st October 1860», p. 9). «Чрезмѣрный трудъ въ значительной степени преобладаетъ, и въ большинствѣ случаевъ онъ соединяется съ безопасностью, обезпечиваемой самимъ закономъ фабриканту, который не подвергается риску быть открытымъ и наказаннымъ. Въ цѣломъ рядѣ предыдущихъ отчетовъ я указывалъ ...на тотъ вредъ, который терпятъ всѣ рабочіе, получающіе не поштучную, но поденѣль ную плату». Leonhard Horner въ «Reports of Insp. of Fact. 30 th April 1859», p. 8, 9.

стоянной части капитала, составляетъ 6 шилл., цѣнность же каждой отдѣльной штуки 3 пенс. Рабочій получаетъ за штуку $1^1/_2$ пенс. и зарабатываетъ такимъ образомъ въ 12 часовъ 3 шилл. Какъ при платѣ по времени совершенно безразлично, примемъ ли мы, что рабочій работаетъ 6 часовъ для себя и 6 для капиталиста, или въ каждый часъ одну половину для себя, а другую для капиталиста, точно также безразлично и здѣсь, примемъ ли мы, что каждая отдѣльная штука на половину оплачена и на половину не оплачена, или, что цѣна 12 штукъ составляетъ только эквивалентъ цѣнности рабочей силы, тогда какъ въ другихъ 12 штукахъ воплощается прибавочная цѣнность.

Форма задѣльной или поштучной платы такъ же раціональна, какъ и форма повременной платы. Тогда какъ, напр., 2 штуки товара, за вычетомъ цѣнности потребленныхъ въ нихъ средствъ производства, имѣютъ цѣнность въ 6 пенсовъ, составляя продуктъ одного рабочаго часа, рабочій получаетъ за нихъ цѣну въ 3 пенс. Задѣльная плата дѣйствительно не выражаетъ непосредственно никакого отношенія цѣнности. Здѣсь не измѣряется цѣнность штуки воплощеннымъ въ ней рабочимъ временемъ, но, наоборотъ, затраченный рабочимъ трудъ измѣряется количествомъ произведенныхъ имъ штукъ товара. При повременной платѣ трудъ измѣряется его непосредственной продолжительностью, при задѣльной платѣ — количествомъ продуктовъ, въ которыхъ сгущенъ трудъ, продолжавшійся извѣстный промежутокъ [48]). Цѣна самаго рабочаго времени опредѣляется слѣдовательно, уравненіемъ: цѣнность дневного труда = дневной цѣнности рабочей силы. Задѣльная или поштучная плата есть, слѣдовательно, только видоизмѣненная форма повременной платы.

Разсмотримъ теперь нѣсколько поближе характеристическія особенности задѣльной платы.

Качество труда контролируется здѣсь самимъ его продуктомъ, который долженъ обладать средней добротой, чтобы поштучная цѣна могла быть вполнѣ оплачена. Поштучная или задѣльная плата съ этой стороны становится ужаснѣйшимъ источникомъ вычетовъ изъ платы и капиталистическихъ плутней.

Она даетъ капиталисту совершенно опредѣленное мѣрило интенсивности труда. Только рабочее время, воплощенное въ заранѣе опредѣленномъ и установленномъ опытомъ количествѣ товаровъ, считается общественно необходимымъ рабочимъ временемъ и оплачивается, какъ таковое. Въ большихъ портняжныхъ мастерскихъ Лондона извѣстная штука работы, напр. жилетъ и т. д., называется часомъ, получаемъ и т. д., считая часъ по 6 пенс. Изъ практики извѣстна величина средняго продукта одного часа. При новыхъ модахъ, починкахъ и т. д. возникаютъ споры между предпринимателемъ и рабочимъ, относительно того, равняется ли извѣстная штука труда часу и т. д. до тѣхъ поръ, пока и здѣсь опытъ не постановитъ окончательнаго рѣшенія. То же самое происходитъ и въ лондонскихъ мебельныхъ мастерскихъ и т. д. Если рабочій не

[48]) «Заработную плату можно измѣрять двумя способами: или продолжительностью труда, или его продуктомъ». («Abrégé élémentaire des principes de l'Econ. Pol. Paris 1796», p. 32). Авторъ этого анонимнаго сочиненія G. Garnier.

обладаетъ среднею производительностью и не можетъ, поэтому, производить опредѣленнаго minimum'а дневного продукта, то ему отказываютъ [49]).

Такъ какъ качество и интенсивность труда здѣсь контролируются самой формой заработной платы, то становится излишней значительная часть надзора за работой. Поэтому, форма эта составляетъ основаніе какъ прежде описаннаго современнаго домашняго производства, такъ и іерархически расчлененной системы эксплуатаціи и притѣсненія. Послѣдняя имѣетъ двѣ основныя формы. Задѣльная плата облегчаетъ съ одной стороны вторженіе паразитовъ между капиталистомъ и наемнымъ рабочимъ, барышничество трудомъ (Unterverpachtung der Arbeit, sobletting of labour). Прибыль посредниковъ получается исключительно изъ разницы между цѣной труда, которую платитъ капиталистъ и той частью этой цѣны, которую они дѣйствительно даютъ рабочему [50]). Система эта въ Англіи носитъ характеристическое званіе «Sweating System» (система выжиманія пота). Съ другой стороны задѣльная плата даетъ возможность капиталисту заключать контрактъ съ главнымъ рабочимъ, въ мануфактурѣ—съ главой группы, въ рудникахъ—съ рудокопомъ и т. д., на фабрикѣ съ настоящимъ рабочимъ при машинѣ, относительно извѣстной задѣльной платы, и за эту цѣну главный рабочій самъ беретъ на вербовать себѣ помощниковъ и оплачивать ихъ. Эксплуатація рабочихъ капиталистомъ осуществляется здѣсь при посредствѣ эксплуатаціи рабочаго рабочимъ [51]).

Разъ существуетъ задѣльная плата, то, конечно, личный интересъ рабочаго побуждаетъ его напрягать по возможности интенсивнѣе свою рабочую силу, что облегчаетъ капиталисту повышеніе нормальной степени интенсивности [51a]). Точно

---

[49]) «Прядильщикъ получаетъ извѣстный вѣсъ хлопка, и онъ долженъ доставить черезъ опредѣленное время вмѣсто этого даннаго вѣса нитокъ или пряжи извѣстной степени тонкости, и плату онъ получаетъ соотвѣтственно количеству фунтовъ доставленнаго имъ продукта. Если его работа по качеству не удовлетворительна, то потеря отъ этого падаетъ на него; если онъ доставляетъ количество, меньшее minimum'а, назначеннаго для даннаго времени, ему отказываютъ и берутъ болѣе искуснаго рабочаго». (Ure, l. c. p. 317).

[50]) «Когда работа проходитъ черезъ многія руки и каждый беретъ свою долю прибыли и только послѣдній доставляетъ самый предметъ, тогда плата, получаемая работницей, самая жалкая». («Childr. Empl. Comm.», II Rep. p. LXX, n. 424).

[51]) Даже апологетъ Watts замѣчаетъ: «Было бы большимъ улучшеніемъ въ системѣ поштучной платы, если бы всѣ рабочіе, занятые какой нибудь работой, были участниками въ договорѣ, каждый соотвѣтственно своей ловкости, вмѣсто того, что одинъ человѣкъ заинтересованъ въ добавочномъ трудѣ своихъ товарищей для своей собственной выгоды» (l. c. p. 53). Относительно гнусностей этой системы см. «Childr. Empl. Comm.», Rep. III, p. 66, n. 22, p. 11, n. 124, p. XI, n. 13, 53, 59 и т. д.

[51a]) Очень часто этому естественному результату стараются содѣйствовать искусственно. Напр., въ Engineering Trade въ Лондонѣ, обыкновенно прибѣгаютъ къ такой уловкѣ, «что капиталистъ выбираетъ управляющимъ извѣстной группой рабочихъ человѣка значительной силы и ловкости. Онъ платитъ ему каждые три мѣсяца или въ другіе сроки добавочное жалованье съ условіемъ, что онъ сдѣлаетъ все возможное, чтобы побудить всѣхъ другихъ рабочихъ, получающихъ только обыкновенную плату, къ крайнему усердію... Это безъ всякихъ дальнѣйшихъ комментаріевъ объясняетъ жалобу класса капиталистовъ на то, что «Trade's Unions парали-

также при этомъ личный интересъ рабочаго требуетъ удлиненія рабочаго дня, такъ какъ такимъ путемъ повышается его поденная или понедѣльная плата [32]). Тогда наступаетъ та реакція, которую мы описывали для повременной платы, не говоря уже о томъ, что удлиненіе рабочаго дня, даже при постоянной задѣльной платѣ, по существу заключаетъ въ себѣ пониженіе цѣны труда.

При повременной платѣ господствуетъ, за немногими исключеніями, равная заработная плата за одно и то же функція. При задѣльной же платѣ цѣна рабочаго времени, хотя и измѣряется опредѣленнымъ количествомъ продуктовъ, но дневная и недѣльная плата, напротивъ того, измѣняется въ зависимости отъ индивидуальнаго различія рабочихъ, изъ которыхъ одинъ въ данное время доставляетъ только minimum продукта, другой среднее количество, третій болѣе средняго количества. По отношенію къ дѣйствительному доходу здѣсь замѣчается, слѣдовательно, большая разница, соотвѣтственно различію въ ловкости, силѣ, энергіи, постоянствѣ и т. д. отдѣльныхъ рабочихъ [33]). Но это конечно, ничего не измѣняетъ въ общемъ отношеніи между капиталомъ и наемнымъ трудомъ. Во первыхъ, индивидуальныя различія выравниваются для цѣлой мастерской: послѣдняя доставляетъ въ опредѣленное рабочее время средній продуктъ, и совокупная заработная плата составляетъ среднюю плату въ этой отрасли промышленности. Во вторыхъ, отношеніе между заработной платой и прибавочной цѣнностью не измѣняется, такъ какъ индивидуальной платѣ каждаго отдѣльнаго рабочаго соотвѣтствуетъ индивидуально имъ доставленное количество прибавочной цѣнности. Но давая болѣе широкій просторъ индивидуальности, задѣльная плата стремится, съ одной стороны, къ развитію въ рабочихъ индивидуальности и вмѣстѣ съ этимъ чувства свободы, самостоятельности, контроля за собой, а съ другой—къ развитію конкурренціи между ними. Она имѣетъ, поэтому, тенденцію вмѣстѣ съ повышеніемъ индивидуальной заработной платы выше средняго

вчоть дѣятельность, большую ловкость и рабочую силу» («stinting the action, superior skill and working power»). (Dunning. l. c. p. 22, 23). Такъ какъ авторъ самъ рабочій и состоитъ секретаремъ одного трэдъ-юніона, то это заявленіе могло бы показаться преувеличеніемъ. Но стоитъ посмотрѣть напр. «highly respectable», агрономическую энциклопедію J. C. Morton'a, статью «Labourer», гдѣ этотъ методъ рекомендуется фермерамъ, какъ самый испытанный.

[32]) «Всѣ тѣ, которые получаютъ поштучную плату, получаютъ выгоду отъ нарушенія законныхъ границъ труда. Что касается готовности работать сверхурочное время, то мы встрѣчаемъ ее главнымъ образомъ у женщинъ, работающихъ въ качествѣ ткачихъ и мотальщицъ». (Rep. of Insp. of Fact. 30 th April 1858», p. 9). «Эта система поштучной платы, столь выгодная для капиталиста, стремится прямо къ тому, чтобы побуждать молодого гончара къ чрезмѣрному труду въ продолженіе 4 или 5 лѣтъ, когда онъ работаетъ поштучно по очень низкой расцѣнкѣ. Это одна изъ главныхъ причинъ, которой можно приписать физическое вырожденіе гончаровъ». («Childr. Empl. Comm.», I Rep. p. XIII).

[33]) «Тамъ, гдѣ въ какомъ нибудь промыслѣ существуетъ задѣльная плата за трудъ по столько-то за штуку..., сумма платы можетъ быть существенно различная... Но при поденномъ трудѣ высота платы обыкновенно однообразна... и признана обоими и предпринимателемъ и рабочимъ, какъ мѣрило платы въ данномъ промыслѣ для средняго рабочаго». (Dunning l. c. p. 17).

уровня, понижать самый этотъ уровень. Но тамъ, гдѣ задѣльная плата давно уже укрѣпилась и стала традиціонной и гдѣ пониженіе ея представляло поэтому особенныя затрудненія, тамъ хозяева, въ видѣ исключенія, прибѣгали къ насильственному превращенію ея въ повременную плату. Противъ этого, напр., была направлена въ 1860 г. большая стачка ленточниковъ въ Coventry [54]). Задѣльная плата является, наконецъ, главной опорой прежде описанной системы оплаты по часамъ [55]).

Изъ предыдущаго изложенія слѣдуетъ, что задѣльная или поштучная плата есть форма заработной платы, наиболѣе соотвѣтствующая капиталистическому способу производства. Хотя она и не представляетъ ничего новаго—задѣльная плата оффиціально фигурируетъ рядомъ съ платой по времени, между прочимъ, во французскихъ и англійскихъ рабочихъ статутахъ 14-го столѣтія—она получаетъ значительное распространеніе лишь въ собственно мануфактурный періодъ. Въ періодъ бури и натиска (Sturm-und Drangperiode) крупной промышленности, именно съ 1797 до 1815 г., она служитъ рычагомъ для удлиненія рабочаго времени и для пониженія заработной платы. Очень важный матеріалъ для движенія заработной платы въ этотъ періодъ мы находимъ въ синихъ книгахъ: «Report and Evidence from the select Committee on Petitions respecting the Corn Laws» (Парламентская сессія 1813—1814) и «Reports from the Lords' Committee on the State of the Growth, Commerce and Consumption of Grain, and all Laws relating thereto» (Сессія 1814—1815). Здѣсь мы находимъ документальныя доказательства пониженія цѣны труда съ начала анти-якобинской

---

[54]) «Трудъ ремесленныхъ подмастерьевъ опредѣляется или поденно, или поштучно (à la journée ou à la pièce)... Мастера приблизительно знаютъ, сколько могутъ выработать ежедневно рабочіе въ каждомъ промыслѣ, и платятъ имъ часто соотвѣтственно количеству выполненнаго труда; такимъ образомъ эти подмастерья въ своемъ собственномъ интересѣ работаютъ сколько могутъ безъ всякаго особаго присмотра». (Cantillon: «Essai sur la Nature du Commerce en Général». Amst. Ed. 1756, p. 185 и 202. Первое изданіе появилось въ 1755). Такимъ образомъ, уже Cantillon, у котораго Quesnay, Sir James Steuart и A. Smith обильно заимствовали, изображаетъ поштучную плату, какъ видоизмѣненную форму повременной платы. Французское изданіе Cantillon'а на титулѣ названо переводомъ съ англійскаго; однако, англійское изданіе: «The Analysis of Trade, Commerce etc. by Philip Cantillon, late of the City of London, Merchant» не только появилось позднѣе (въ 1759 г.), но по своему содержанію оказывается позднѣйшей переработкой. Такъ напр., во французскомъ изданіи еще не упоминается Hume, между тѣмъ какъ въ англійскомъ, наоборотъ, едва фигурируетъ Petty. Англійское изданіе имѣетъ меньшее теоретическое значеніе, но зато содержитъ различныя подробности относительно англійской торговли, торговли слитками и т. д., не имѣющіяся во французскомъ текстѣ. Слова въ заглавіи англійскаго изданія: «Taken chiefly from the Manuscript of very ingenious Gentle man decea sed, and adapted etc» являются, повтому, болѣе чѣмъ простой фикціей, обычной въ то время.

[55]) «Сколько разъ видѣли мы, что въ нѣкоторыхъ мастерскихъ нанимаютъ гораздо больше рабочихъ, чѣмъ ихъ можетъ быть занято? Часто, предвидя случайную работу, иногда даже воображаемую, принимаютъ рабочихъ: такъ какъ имъ платятъ поштучно, то этого не считаютъ рискованнымъ, такъ какъ потеря времени падаетъ на безработныхъ» (H. Grégoir: «Les Typographes devant le Tribunal Correctionnel de Bruxelles». Bruxelles 1865, p. 9).

войны. Въ ткачествѣ, напр., задѣльная плата такъ упала, что, несмотря на очень удлиненный рабочій день, поденная плата оказалась ниже, чѣмъ прежде. «Дѣйствительный доходъ ткача гораздо меньше прежняго; его превосходство надъ обыкновеннымъ рабочимъ, которое вначалѣ было очень велико, почти совсѣмъ исчезло. Въ самомъ дѣлѣ, разница въ платѣ за искусный и обыкновенный трудъ теперь гораздо менѣе значительна, чѣмъ въ какой бы то ни было предшествующій періодъ» [36]). Какъ мало принесла пользы земледѣльческому пролетаріату повышенная при задѣльной платѣ интенсивность и продолжительность труда, показываетъ слѣдующее мѣсто, заимствованное изъ подробнаго сочиненія въ защиту лэндлордовъ и фермеровъ: «Значительно большая часть земледѣльческихъ работъ исполняется людьми, нанятыми поденно или задѣльно. Ихъ недѣльная плата составляетъ около 12 шилл.; хотя и можно предположить, что при поштучной платѣ, благодаря большему поощренію къ труду, рабочій зарабатываетъ на 1 шилл. или даже на 2 шилл. больше, чѣмъ при понедѣльной платѣ, но все таки, при вычисленіи всего его дохода, мы находимъ, что лишеніе занятій въ теченіе года уравновѣшиваетъ этотъ излишекъ... Далѣе можно вообще установить, что плата этихъ людей находится въ извѣстномъ отношеніи къ цѣнѣ необходимыхъ средствъ существованія, такъ что мужчина съ двумя дѣтьми въ состояніи поддерживать семью, не прибѣгая къ помощи прихода» [37]). Мальтусъ замѣтилъ тогда относительно фактовъ, опубликованныхъ Парламентомъ: «Признаться, я смотрю съ неудовольствіемъ на значительное распространеніе практики задѣльной платы. Дѣйствительно тяжелый трудъ въ 12 или 14 часовъ въ сутки, продолжающійся длинные періоды—это черезчуръ много для человѣка» [38]).

Въ мастерскихъ, подчиненныхъ фабричнымъ законамъ, задѣльная плата становится общимъ правиломъ, такъ какъ тамъ капиталъ можетъ раздвигать рабочій день лишь интенсивно [39]).

Съ измѣненіемъ производительности труда одно и то же количество продукта выражаетъ различное рабочее время. Такимъ образомъ, измѣняется также и задѣльная плата, такъ какъ она выражаетъ только цѣну опредѣленнаго рабочаго времени. Въ нашемъ вышеприведенномъ примѣрѣ въ 12 часовъ произведено было 24 штуки, цѣнность же, произведенная въ эти 12 часовъ, составляла 6 шилл., дневная цѣнность рабочей силы 3 шилл., цѣна рабочаго часа 3 пенса, плата же за одну штуку $1^1/_2$ пенса. Въ одной штукѣ заключалось $^1/_2$ рабочаго часа. Но если, вслѣдствіе удвоенной производительности труда, тотъ же самый рабочій день будетъ давать 48 штукъ вмѣсто 24, то, при прочихъ равныхъ условіяхъ, поштучная плата понизится съ $1^1/_2$ до $^3/_4$ шилл., такъ какъ каждая штука представляетъ теперь $^1/_4$ рабочаго часа вмѣсто половины. $24 \times 1^1/_2$ пенса $= 3$ шилл., такъ же какъ $48 \times {}^3/_4$ пенса $= 3$ шилл.

[36]) «Remarks on the Commercial Policy of Great Britain. London 1815», p. 48.

[37]) «A Defence of the Landowners and Farmers of Great Britain Lond. 1814», p. 4, 5.

[38]) Malthus, «Inquiry into the Nature etc. of Rent., London 1815».

[39]) «Поштучно оплачиваемые рабочіе составляютъ, вѣроятно, $^4/_5$ всѣхъ рабочихъ на фабрикахъ». (Reports of Insp. of Fact. for 30 th April 1858», p. 9).

Другими словами: задѣльная или поштучная плата подвергается пониженію въ той же пропорціи, въ которой возрастаетъ количество произведенныхъ въ то же самое время штукъ [60]), т. е. уменьшается рабочее время, затрачиваемое на одну штуку. Это измѣненіе поштучной платы, хотя и чисто номинальное, вызываетъ постоянныя столкновенія между капиталистомъ и рабочимъ или потому, что капиталистъ пользуется этимъ предлогомъ, чтобы дѣйствительно понизить цѣну труда, или потому, что повышеніе производительности труда сопровождается и повышеніемъ интенсивности послѣдняго; или же еще и потому, что рабочій принимаетъ въ серьезъ видимость задѣльной платы и мнитъ, будто оплачиваютъ его продуктъ, а не его рабочую силу, и, поэтому, сопротивляется такому пониженію платы, которому не соотвѣтствуетъ пониженіе продажной цѣны товаровъ. «Рабочіе зорко слѣдятъ за цѣной сырого матеріала и цѣной фабрикатовъ и, такимъ образомъ, всегда въ состояніи точно вычислить прибыль своихъ хозяевъ» [61]). Такое притязаніе капиталъ по справедливости отвергаетъ, какъ грубое заблужденіе относительно существа наемнаго труда [62]). Онъ возмущается противъ претензіи взимать налогъ съ промышленнаго прогресса и не обинуясь заявляетъ, что вообще производительность труда отнюдь не касается рабочихъ [63]).

---

[60]) «Измѣряютъ точно производительную силу его прядильной машины и уменьшаютъ размѣръ платы за трудъ, произведенный этой машиной, хотя и не пропорціонально увеличенію ея производительной силы». (Ure l. c. p. 317). Ure самъ беретъ назадъ послѣднее апологетическое замѣчаніе. Онъ допускаетъ, что при увеличеніи производительной силы всѣдствіе введенія Mule, напр., отъ этого увеличенія является нѣкоторый добавочный трудъ. Трудъ, слѣдовательно, не уменьшается въ той мѣрѣ, въ какой увеличивается его производительность. Далѣе онъ говоритъ: «Это возрастаніе увеличиваетъ производительную силу машины на $^1/_6$. Но въ этомъ случаѣ размѣръ платы прядильщика не останется прежнимъ: однако, такъ какъ размѣръ его платы не будетъ уменьшенъ на $^1/_6$, то улучшеніе это увеличитъ его доходъ за то же число часовъ»—но, но—«предыдущее изложеніе требуетъ нѣкоторой поправки..... изъ добавочныхъ 6 пенсовъ прядильщика надо вычесть добавочныя издержки на увеличеніе числа его несовершеннолѣтнихъ помощниковъ, сопровождающееся вытѣсненіемъ части взрослыхъ рабочихъ» (l. c. p. 321); а это уже ни въ какомъ случаѣ не выражаетъ тенденціи къ повышенію заработной платы.

[61]) H. Fawcett: «The Economic Position of the British Labourer». Cambridge and London, 1865, p. 178.

[62]) Въ лондонскомъ Standard'ѣ отъ 26 октября мы находимъ отчетъ о процессѣ фирмы John Bright et C° передъ рочдельскимъ судомъ, «привлекшей къ суду Carpet Weavers Trades Union (союзъ ткачей ковровъ) за застращиваніе членовъ. Компаньоны Bright'а ввели новую машину, которая въ то же самое время и съ тѣмъ же самымъ количествомъ труда производитъ 240 ярдовъ ковра вмѣсто прежнихъ 160 ярдовъ. Рабочіе не имѣютъ никакого права требовать какой-нибудь доли прибыли, происшедшей отъ того, что ихъ предприниматель употребилъ свой капиталъ на механическія усовершенствованія. Въ виду этого господа Bright предложили понизить размѣръ платы съ $1^1/_2$ пенсовъ за ярдъ до 1 пенса, что оставляетъ безъ перемѣны заработокъ рабочихъ за то-же количество труда. Было произведено лишь номинальное уменьшеніе, о которомъ рабочіе не были, какъ увѣряютъ, предупреждены».

[63]) «Trades Unions въ своемъ стремленіи поддерживать заработную плату стараются принимать участіе въ прибыли, происходящей отъ употребленія улучшенныхъ машинъ! (Quelle horreur!)... они требуютъ болѣе высокой платы, такъ какъ трудъ сокращается... другими словами, они стремятся установить налогъ на промышленныя улучшенія». («On Combination of Trades. New Edit. Lond. 1834», p. 42).

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Національныя различія въ заработной платѣ.

Въ пятнадцатой главѣ мы занимались различными комбинаціями, которыя могутъ произвести измѣненіе абсолютной или относительной (т. е. по сравненію съ прибавочной цѣнностью) величины цѣнности рабочей силы, тогда какъ, съ другой стороны, количество средствъ существованія, въ которыхъ реализуется цѣна рабочей силы, въ свою очередь, совершаетъ различныя движенія, независимыя отъ измѣненій этой цѣны [64]). Какъ уже было замѣчено, простой переходъ цѣнности или цѣны рабочей силы въ экзотерическую форму заработной платы превращаетъ всѣ эти законы въ законы движенія заработной платы. То, что въ сферѣ этого движенія является измѣняющеюся комбинаціей, то можетъ для разныхъ странъ представлять одновременныя различія національныхъ заработныхъ платъ. При сравненіи національныхъ заработныхъ платъ надо, слѣдовательно, взвѣсить всѣ моменты, опредѣляющіе измѣненіе величины цѣнности рабочей силы: цѣну и размѣръ естественныхъ и исторически развившихся насущныхъ жизненныхъ потребностей, издержки на воспитаніе рабочаго, роль женскаго и дѣтскаго труда, производительность труда, его экстенсивную и интенсивную величину. Даже при самомъ поверхностномъ сравненіи необходимо сначала свести среднюю дневную плату въ одномъ и томъ же производствѣ въ различныхъ странахъ къ рабочему дню одинаковой величины. Послѣ такого уравненія дневной платы повременная плата должна быть опять-таки перенесена на задѣльную или поштучную плату, такъ какъ только послѣдняя является мѣриломъ какъ производительности, такъ и интенсивной величины труда.

Въ каждой странѣ существуетъ извѣстная средняя интенсивность труда, опускаясь ниже которой трудъ, потраченный на производство товара, становится больше общественно необходимаго и, поэтому, не можетъ итти въ счетъ, какъ трудъ нормальнаго качества. Только степень интенсивности, поднимающаяся выше средней національной, измѣряетъ въ данной странѣ мѣру цѣнности простою продолжительностью рабочаго времени. Но не то происходитъ на міровомъ рынкѣ, составными частями котораго являются отдѣльныя страны. Средняя интенсивность труда измѣняется въ каждой странѣ: въ одной она больше, въ другой меньше. Эти средніе національные величины образуютъ, такимъ образомъ, мѣрило, единицу измѣренія которой составляетъ средняя интенсивность всеобщаго, т. е. міроваго труда. По сравненію съ менѣе интенсивнымъ, болѣе интенсивный національный трудъ производитъ то же самое время большую цѣнность, выражающуюся въ большемъ количествѣ денегъ.

Но еще сильнѣе измѣняется въ своемъ международномъ примѣненіи законъ

---

[64]) «Невѣрно будетъ, если мы скажемъ, что заработная плата (здѣсь рѣчь идетъ о ея цѣнѣ) повысилась, если рабочіе пріобрѣтаютъ больше продуктовъ, но по болѣе дешевой цѣнѣ». (David Buchanan въ своемъ изданіи «Wealth etc.» A. Smith' v. I, p. 417 Note).

цѣнности вслѣдствіе того, что на міровомъ рынкѣ болѣе производительный національный трудъ считается также и за болѣе интенсивный всегда, когда болѣе производительная нація не вынуждается конкуренціей понижать продажную цѣну своего товара до его цѣнности.

Въ той мѣрѣ, въ какой въ странѣ развито капиталистическое производство, въ той же самой мѣрѣ въ ней національная производительность и интенсивность труда возвышаются надъ международнымъ уровнемъ [64a]). Различныя количества товаровъ одного и того же рода, которыя въ различныхъ странахъ производятся въ одинаковое рабочее время, имѣютъ, слѣдовательно, неравную международную цѣнность, выраженную въ различныхъ цѣнахъ, т. е. въ различныхъ денежныхъ суммахъ, сообразно различнымъ международнымъ цѣнностямъ. Относительная цѣнность денегъ будетъ, слѣдовательно, меньше у націи съ болѣе развитымъ капиталистическимъ способомъ производства, чѣмъ у націи съ менѣе развитымъ. Отсюда слѣдуетъ, что номинальная заработная плата, т. е. эквивалентъ рабочей силы, выраженный въ деньгахъ, точно также будетъ выше у первой націи, чѣмъ у второй; но изъ этого ни въ какомъ случаѣ нельзя заключить, что это относится также и къ дѣйствительной платѣ, т. е. къ средствамъ существованія, предоставляемымъ въ распоряженіе рабочаго.

Но даже помимо этого относительнаго различія цѣнности денегъ въ различныхъ странахъ, мы часто находимъ, что дневная плата, недѣльная и т. д. у первой націи выше, чѣмъ у второй, между тѣмъ какъ относительная цѣна труда, т. е. цѣна труда по отношенію какъ къ прибавочной цѣнности, такъ и къ цѣнѣ продукта у второй націи выше, чѣмъ у первой [65]).

J. W. Cowell, членъ фабричной комиссіи 1833 г., пришелъ, послѣ тщательнаго изслѣдованія прядильнаго производства, къ заключенію, что «въ Англіи плата не существуетъ ниже для фабриканта, чѣмъ на континентѣ, хотя для рабочаго она можетъ быть и выше». (Ure, p. 314). Англійскій фабричный

[64a]) Въ другомъ мѣстѣ мы изслѣдуемъ, какія обстоятельства, по отношенію къ производительности, могутъ видоизмѣнять этотъ законъ для отдѣльныхъ отраслей промышленности.

[65]) Полемизируя противъ Ад. Смита, James Anderson замѣчаетъ: «Достойно также вниманія, что, хотя видимая цѣна труда обыкновенно ниже въ бѣдныхъ странахъ, гдѣ продукты земли и хлѣбъ вообще дешевъ, но фактически реальная цѣна тамъ выше, чѣмъ въ другихъ странахъ, такъ какъ плата, которую платятъ поденно рабочему, по есть дѣйствительная цѣна труда, хотя и составляетъ его видимую цѣну. Реальная цѣна есть то, во что дѣйствительно обходится предпринимателю извѣстное количество совершеннаго труда; разсматриваемый съ этой точки зрѣнія, трудъ почти во всѣхъ случаяхъ дешевле въ богатыхъ странахъ, чѣмъ въ бѣднѣйшихъ, хотя цѣна хлѣба и другихъ съѣстныхъ припасовъ обыкновенно ниже въ послѣднихъ, чѣмъ въ первыхъ... Трудъ оцѣнивается поденно въ Шотландіи гораздо ниже, чѣмъ въ Англіи... Поштучный трудъ обыкновенно дешевле въ Англіи» (James Anderson: «Observations on the means exciting a spirit of National Industry etc. Edinb. 1777», p. 350, 351). Наоборотъ, низкая заработная плата, съ своей стороны, производитъ задорожаніе труда. «Трудъ дороже въ Ирландіи, чѣмъ въ Англіи... такъ какъ плата тамъ соотвѣтственно ниже». (№ 2079 въ Royal Commission on Railways, Minutes. 1867).

инспекторъ Alexander Redgrave, въ фабричномъ отчетѣ отъ 31-го октября 1866 г., на основаніи сопоставленія англійскихъ статистическихъ данныхъ съ данными континентальныхъ государствъ, доказываетъ, что, несмотря на болѣе низкую плату и болѣе продолжительное рабочее время, континентальный трудъ, сравнительно съ продуктомъ, дороже англійскаго. Одинъ англичанинъ, директоръ (manager) бумагопрядильной фабрики въ Ольденбургѣ, говоритъ, что тамъ рабочее время продолжается съ 5½ часовъ утра до 8 вечера, включая и субботу, и что тамошніе рабочіе при англійскихъ надзирателяхъ за работой въ это время производятъ гораздо меньше продукта, чѣмъ англичане въ продолженіе 10 часовъ, а подъ присмотромъ надзирателей нѣмцевъ—еще и того меньше. Заработная плата здѣсь гораздо ниже, чѣмъ въ Англіи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ на 50%, но число рукъ по отношенію къ машинамъ гораздо больше; во многихъ отдѣленіяхъ оно относится къ англійскому какъ 5 : 3. Redgrave даетъ очень подробныя данныя о русскихъ хлопчатобумажныхъ фабрикахъ. Цифры доставлены ему англичаниномъ, директоромъ (manager), недавно еще тамъ занимавшимся. На этой русской почвѣ, столь изобилующей всякаго рода безобразіями, всѣ старые ужасы младенческаго періода англійскаго фабричнаго производства находятся въ полномъ разцвѣтѣ. Управляющіе, конечно, англичане, такъ какъ туземный русскій капиталистъ не годится для веденія фабричнаго дѣла. Несмотря на палящій трудъ, на безпрерывный дневной и ночной трудъ, на постоянно низкую заработную плату, русскіе фабриканты процвѣтаютъ лишь благодаря запретительнымъ пошлинамъ на иностранные товары. Въ заключеніе я приведу данную Redgrave'омъ сравнительную таблицу средняго числа веретенъ на фабрику и на прядильщика въ различныхъ странахъ Европы. Redgrave самъ замѣчаетъ, что цифры эти онъ собиралъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и что съ тѣхъ поръ размѣръ фабрикъ и число веретенъ на рабочаго возрасли въ Англіи. Но онъ предполагаетъ также и относительно одинаковый прогрессъ въ перечисленныхъ ниже континентальныхъ странахъ, такъ что числовыя данныя сохраняютъ свою сравнимость.

Среднее число веретенъ на фабрику.

Въ Англіи	12.600
Въ Швейцаріи	8.000
Въ Австріи	7.000
Въ Саксоніи	4.500
Въ Бельгіи	4.000
Во Франціи	1.500
Въ Пруссіи	1.500

Среднее число веретенъ на человѣка.

Во Франціи	14
Въ Россіи	28
Въ Пруссіи	37
Въ Баваріи	46

Въ Австріи	49
Въ Бельгіи	50
Въ Саксоніи	50
Въ мелкихъ германскихъ государствахъ	55
Въ Швейцаріи	55
Въ Великобританіи	74

«Сравненіе это», говоритъ Redgrave, «кромѣ другихъ причинъ въ томъ отношеніи особенно неблагопріятно для Великобританіи, что тамъ существуетъ большое число фабрикъ, въ которыхъ машинное ткачество соединено съ пряденіемъ, между тѣмъ при расчетѣ не вычтено ни одного человѣка, приходящагося на ткацкіе станки, иностранныя же фабрики—почти исключительно прядильни. Если бы мы могли точно сравнивать равныя величины, то я могъ бы насчитать въ своемъ округѣ много бумагопрядильныхъ фабрикъ, въ которыхъ одинъ мужчина (minder) и двѣ его помощницы управляютъ 2.200 веретенъ и производятъ ежедневно 220 фунтовъ пряжи, длиною въ 400 (англійскихъ) миль». (Reports of Insp. of Fact. 31st Oct. 1866, p. 31—37 passim).

Мы знаемъ, что въ Восточной Европѣ, такъ же какъ и въ Азіи, англійскія компаніи взяли на себя постройку желѣзныхъ дорогъ и при этомъ, рядомъ съ мѣстными рабочими, занимаютъ извѣстное число англичанъ. Они были вынуждены практической необходимостью считаться съ національными различіями интенсивности труда, но, это не принесло имъ никакого убытка. Опытъ ихъ показываетъ, что если даже высота заработной платы болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ средней интенсивности труда, то относительная цѣна труда (по отношенію къ продукту) въ общемъ движется въ противоположномъ направленіи.

Въ «Опытѣ объ уровнѣ заработной платы» [66]), одномъ изъ своихъ первыхъ экономическихъ сочиненій, H. Carey старается доказать, что различныя національныя заработныя платы прямо пропорціональны степени производительности національнаго рабочаго дня, для того, чтобы изъ этого международнаго отношенія вывести заключеніе, что заработная плата вообще повышается или падаетъ пропорціонально производительности труда. Весь нашъ анализъ производства прибавочной цѣнности доказываетъ нелѣпость этого вывода, и онъ доказывалъ бы это, если бы даже Carey въ свою очередь доказалъ свою посылку, вмѣсто того, чтобы по своему обыкновенію нагромождать безъ разбора статистическій матеріалъ, собранный поверхностно и безъ критики. Но что всего лучше: Carey вовсе не утверждаетъ, что дѣло въ дѣйствительности происходитъ такъ, какъ это должно было бы быть по теоріи. А именно государственное вмѣшательство извратило естественныя экономическія отношенія. Нужно, поэтому, вычислять національную заработную плату такъ, какъ будто часть ея, приходящаяся на долю государства въ формѣ налоговъ, приходится на долю самого рабочаго. Господинъ Carey долженъ былъ бы подумать о томъ, не составляютъ

[66]) «Essay on the Rate of Wages: With an Examination of the Causes of the Differences in the Conditions of the Labouring Population throughout the World. Philadelphia 1865».

ли «государственные расходы» сами «естественныхъ плодовъ» капиталистическаго развитія? Разсужденіе это вполнѣ достойно автора, который сначала объявляетъ капиталистическія производственныя отношенія вѣчными законами природы и разума, свободное и гармоническое дѣйствіе которыхъ нарушается лишь государственнымъ вмѣшательствомъ, а, затѣмъ открываетъ, что дьявольское вліяніе Англіи на міровомъ рынкѣ, вліяніе, которое, повидимому, не вытекаетъ изъ естественныхъ законовъ капиталистическаго производства—дѣлаетъ необходимымъ государственное вмѣшательство, а, именно, ограниченіе этихъ законовъ природы и разума государствомъ, т. е., другими словами, протекціонную систему. Далѣе онъ открылъ, что теоремы Рикардо и др., которыя формулируютъ существующія общественныя противоположности и противорѣчія, не составляютъ идеальнаго продукта дѣйствительнаго экономическаго движенія, но что, наоборотъ, дѣйствительныя противорѣчія капиталистическаго производства въ Англіи и другихъ мѣстахъ составляютъ результатъ теоріи Рикардо и другихъ! Онъ открылъ, наконецъ, что въ конечномъ счетѣ торговля уничтожаетъ прирожденныя красоты и гармонію капиталистическаго способа производства. Еще одинъ шагъ, и онъ, можетъ быть, откроетъ, что единственное зло капиталистическаго производства есть самъ капиталъ. Только человѣкъ съ такимъ чудовищнымъ отсутствіемъ чувства критики и съ такой низкопробной (de faux aloi) ученостью удостоился того, чтобы несмотря на свою протекціонистскую ересь, стать тайнымъ источникомъ гармонической мудрости какого-нибудь Bastiat и всѣхъ прочихъ современныхъ оптимистовъ фритредерскаго толка.

ОТДѢЛЪ СЕДЬМОЙ.

Процессъ накопленія капитала.

Превращеніе извѣстной суммы денегъ въ средства производства и рабочую силу есть первое движеніе, продѣлываемое цѣнностью, предназначенной функціонировать какъ капиталъ. Оно происходитъ на рынкѣ, въ сферѣ обращенія. Вторая фаза этого движенія, процессъ производства, заканчивается, какъ только средства производства являются превращенными въ товары, цѣнность которыхъ превосходитъ цѣнность ихъ составныхъ частей, т. е. содержитъ первоначально авансированный капиталъ плюсъ нѣкоторую прибавочную цѣнность. Тогда-то эти товары должны быть вновь брошены въ сферу обращенія. Необходимо ихъ продать, реализовать ихъ цѣнность въ деньгахъ, деньги же опять превратить въ капиталъ и такъ постоянно возобновлять весь этотъ процессъ сначала. Этотъ круговоротъ, проходящій послѣдовательно одни и тѣ же фазы, и составляетъ обращеніе капитала.

Продажа капиталистомъ своего товара и превращеніе большей части полученныхъ такимъ образомъ денегъ въ капиталъ является первымъ условіемъ накопленія. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы предполагаемъ, что капиталъ нормально совершаетъ процессъ своего обращенія. Подробный анализъ этого процесса относится ко второй книгѣ *).

Капиталистъ, который производитъ прибавочную цѣнность, т. е. выкачиваетъ непосредственно изъ рабочихъ неоплаченный трудъ и овеществляетъ его въ товарѣ, хотя и является первымъ присвоителемъ прибавочной цѣнности, но отнюдь не послѣднимъ ея собственникомъ. Онъ долженъ дѣлиться ею съ другими капиталистами, исполняющими другія функціи въ общественномъ процессѣ производства, съ землевладѣльцами и т. д. Прибавочная цѣнность распадается, поэтому, на различныя части. Эти части распредѣляются между различными категоріями лицъ и принимаютъ при этомъ самостоятельныя, другъ отъ друга независимыя формы, каковы: прибыль, процентъ, торговая прибыль, поземельная рента и т. д. Всѣ эти превращенныя формы прибавочной цѣнности могутъ быть разсмотрѣны лишь въ третьей книгѣ **).

Здѣсь мы предполагаемъ такимъ образомъ, съ одной стороны, что капита-

*) Т. е. ко II тому. *Прим. И. С.*

**) Т. е. въ III томѣ. *Прим. И. С.*

листъ, производящій товаръ, продаетъ его по цѣнности, и не останавливаемся уже болѣе на его возвращеніи на товарный рынокъ, т. е. ни на различныхъ формахъ, которыя принимаетъ капиталъ въ сферѣ обращенія, ни на скрытыхъ въ нихъ конкретныхъ условіяхъ воспроизведенія. Съ другой стороны, мы разсматриваемъ капиталистическаго производителя, какъ владѣльца всей прибавочной цѣнности, или, если угодно, какъ представителя всѣхъ его соучастниковъ въ добычѣ. Такимъ образомъ, здѣсь мы разсматриваемъ накопленіе прежде всего абстрактно, т. е. какъ простой моментъ непосредственнаго процесса производства.

Поскольку, впрочемъ, накопленіе происходитъ, капиталисту удается продавать произведенные товары и обратно превращать въ капиталъ вырученныя за нихъ деньги. Далѣе, дѣленіе прибавочной цѣнности на различныя части ничего не измѣняетъ ни въ ея природѣ, ни въ тѣхъ необходимыхъ условіяхъ, при которыхъ она становится элементомъ накопленія. Какова бы ни была та доля прибавочной цѣнности, которую капиталистическій производитель присваиваетъ себѣ или уступаетъ другимъ, первоначально онъ присваиваетъ ее себѣ всю цѣликомъ. Такимъ образомъ то, что мы предполагаемъ въ нашемъ изложеніи процесса накопленія, предполагается и при дѣйствительномъ процессѣ. Съ другой стороны, дробленіе прибавочной цѣнности и посредствующее движеніе обращенія затемняютъ простую основную форму процесса накопленія. Чистый анализъ его требуетъ, поэтому, чтобы мы пока оставили въ сторонѣ всѣ явленія, скрадывающія внутреннюю игру его механизма.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Простое воспроизведеніе.

Какова бы ни была общественная форма процесса производства, онъ долженъ быть непрерывнымъ, или періодически проходить снизова все тѣ же стадіи. Какъ общество не можетъ перестать потреблять, точно также оно не можетъ перестать и производить. Поэтому, разсматриваемый въ его непрерывной связи и въ постоянномъ потокѣ своего возобновленія, каждый общественный процессъ производства въ то же самое время есть процессъ воспроизведенія.

Условія производства являются въ то же время и условіями воспроизведенія. Никакое общество не можетъ постоянно производить, т. е. воспроизводить, не превращая постоянно извѣстной части своихъ продуктовъ въ средства производства или элементы новаго производства. При прочихъ равныхъ условіяхъ данное общество тогда только воспроизводитъ или поддерживаетъ свое богатство на томъ же уровнѣ, когда оно въ теченіе года, напр., замѣняетъ in natura потребленныя средства производства, т. е. орудія труда, сырой матеріалъ и вспомогательныя вещества, равнымъ количествомъ новыхъ экземпляровъ, отдѣляемыхъ отъ общей массы годового продукта и снова присоединяемыхъ къ процессу производства. Извѣстное количество годового продукта принадлежитъ,

слѣдовательно, производству. Предназначенное съ самаго начала для производительнаго потребленія, оно является, по большей части, въ такихъ естественныхъ формахъ, которыя сами по себѣ исключаютъ индивидуальное потребленіе.

Если производство приняло капиталистическую форму, то и воспроизведеніе происходитъ въ той же формѣ. Подобно тому, какъ въ капиталистическомъ производствѣ процессъ труда является лишь средствомъ образованія прибавочной цѣнности, точно также и воспроизведеніе служитъ только средствомъ воспроизводить авансированную цѣнность въ видѣ капитала, т. е. какъ самовозрастающую цѣнность. Маска или роль капиталиста пріурочивается къ данной личности только потому, что деньги этой личности постоянно функціонируютъ какъ капиталъ. Если, напр., сумма въ 100 ф. ст., авансированная въ этомъ году, превратилась въ капиталъ и произвела 20 ф. ст. прибавочной цѣнности, то она должна въ слѣдующемъ году и т. д. повторять ту же операцію. Какъ періодическое приращеніе цѣнности капитала, или какъ періодическій плодъ дѣйствующаго или движущагося капитала, прибавочная цѣнность пріобрѣтаетъ форму дохода (revenue), происходящаго отъ капитала [1]).

Если этотъ доходъ служитъ капиталисту только въ видѣ потребительнаго фонда, или если онъ такъ же періодически потребляется, какъ и пріобрѣтается, то, при прочихъ равныхъ условіяхъ, происходитъ только простое воспроизведеніе. Хотя послѣднее является лишь простымъ повтореніемъ процесса производства въ томъ же размѣрѣ, но это простое повтореніе или непрерывность процесса придаетъ ему нѣкоторыя новыя черты, или, вѣрнѣе, уничтожаетъ кажущіеся признаки, дѣлающіе изъ него лишь изолированный процессъ.

Процессъ производства начинается покупкой рабочей силы на опредѣленное время; и этотъ вводный актъ повторяется постоянно по истеченіи того срока, на который проданъ трудъ, а, слѣдовательно, и—періода производства, т. е. недѣли, мѣсяца и т. д. Плату, однако, рабочій получаетъ лишь тогда, когда его рабочая сила уже произвела свое дѣйствіе и реализовала въ товарахъ и свою собственную цѣнность, и прибавочную цѣнность. Онъ производитъ, слѣдовательно, не только прибавочную цѣнность, которую мы разсматривали только какъ потребительный фондъ капиталиста, но и фондъ своей собственной оплаты, т. е. перемѣнный капиталъ, прежде чѣмъ этотъ послѣдній возвращается къ нему въ видѣ заработной платы; и только до тѣхъ поръ, пока рабочій воспроизводитъ перемѣнный капиталъ, ему даютъ занятіе. Отсюда упомянутая въ шестнадцатой главѣ подъ цифрой II формула экономистовъ, изображающая заработную плату, какъ долю

[1]) «Богатые, потребляющіе продукты чужого труда, получаютъ ихъ только посредствомъ акта обмѣна (покупки товаровъ). Поэтому, казалось бы, что они подвергаются риску скораго истощенія своего резервнаго фонда... Но, благодаря общественному строю, богатство получило силу быть воспроизводимымъ посредствомъ чужого труда... Богатство, такъ же какъ и трудъ, и съ помощью труда приноситъ ежегодный плодъ, который можетъ быть ежегодно же уничтоженъ, причемъ богачъ отъ этого не бѣднѣетъ. Этотъ плодъ есть доходъ (revenue), доставляемый капиталомъ». (Sismondi: «Nouv. Princ. d'Econ. Pol.» t. I, p. 81, 82).

самаго продукта [2]). Часть продукта, постоянно воспроизводимаго рабочимъ, постоянно возвращается къ нему въ видѣ заработной платы. Правда, капиталистъ уплачиваетъ ему цѣнность товара деньгами, но эти деньги представляютъ только превращенную форму продукта труда. Въ то время, какъ рабочій превращаетъ часть средствъ производства въ продуктъ, часть его прежняго продукта обратно превращается въ деньги. Его сегодняшняя работа или работа слѣдующаго полугодія оплачивается его работой прошедшей недѣли или послѣдняго полугодія. Иллюзія, порождаемая денежной формой, исчезаетъ, какъ только вмѣсто отдѣльныхъ капиталистовъ и отдѣльныхъ рабочихъ мы будемъ разсматривать классъ капиталистовъ и классъ рабочихъ. Классъ капиталистовъ даетъ постоянно рабочему классу подъ видомъ денегъ чеки на извѣстную часть продукта, произведеннаго рабочими и присвоеннаго капиталистами. Рабочій классъ отдаетъ также постоянно эти чеки классу капиталистовъ, получая отъ него, такимъ образомъ, обратно причитающуюся ему часть его собственнаго продукта. Товарная форма продукта и денежная форма товара маскируютъ сущность сдѣлки.

И такъ, перемѣнный капиталъ [2a]) есть лишь особая историческая форма проявленія фонда средствъ существованія или рабочаго фонда, который необходимъ рабочему для поддержанія своей жизни и воспроизведенія и который, при всѣхъ системахъ общественнаго производства, рабочій долженъ постоянно самъ производить и воспроизводить. Рабочій фондъ лишь потому притекаетъ къ нему постоянно въ формѣ платежныхъ средствъ за его трудъ, что его собственный продуктъ постоянно удаляется отъ него въ формѣ капитала. Но то, что рабочій фондъ является именно въ такой формѣ, ничего не измѣняетъ въ томъ фактѣ, что капиталистъ авансируетъ рабочему его же собственный овеществленный трудъ [3]). Возьмемъ барщиннаго крестьянина. Онъ работаетъ собственными средствами производства, на собственной пашнѣ, положимъ, 3 дня въ недѣлю. Три остальные дня онъ отбываетъ барщину на господскомъ полѣ. Онъ постоянно воспроизводитъ свой собственный рабочій фондъ, который по отношенію къ нему никогда не принимаетъ формы платежныхъ средствъ за трудъ, авансированныхъ третьимъ лицомъ. Но зато его даровой принудительный трудъ никогда не принимаетъ формы добровольнаго и оплачиваемаго труда. Если завтра помѣщикъ завладѣетъ его пашнею, его рабочимъ скотомъ, его сѣменами, однимъ словомъ, всѣми средствами производства крѣпостного, то съ этого времени крестьянинъ будетъ вынужденъ продавать помѣщику свою рабочую силу. При

[2]) «Заработную плату, какъ и прибыль, надо разсматривать какъ реальныя части готоваго продукта». (Ramsay l. c. p. 142). «Часть продукта, приходящаяся на долю рабочаго въ формѣ заработной платы». (J. Mill: «Elémens etc.» Перев. Parisot, Paris 1823, p. 34).

[2a]) Перемѣнный капиталъ разсматривается здѣсь лишь какъ фондъ, изъ котораго оплачивается заработная плата. Извѣстно, что въ дѣйствительности онъ дѣлается перемѣннымъ лишь съ момента, когда покупаемая на него рабочая сила функціонируетъ уже въ процессѣ производства.

[3]) «Когда капиталъ употребляется на ссуду рабочимъ въ видѣ ихъ заработной платы, то онъ не прибавляетъ ничего къ фонду для поддержки труда». (Cazenove въ примѣчаніи къ своему изд. Мальтуса: «Definitions in Polit Econ. London 1853». p. 22).

прочихъ равныхъ условіяхъ онъ будетъ теперь, какъ и прежде, работать 6 дней въ недѣлю, 3 дня для себя и 3 дня для бывшаго помѣщика, ставшаго теперь капиталистомъ. Онъ будетъ и теперь, какъ прежде, потреблять средства производства, какъ средства производства, перенося ихъ цѣнность на продуктъ. Извѣстная часть продукта, какъ и раньше, пойдетъ на воспроизведеніе. Но такъ же, какъ крѣпостной трудъ приметъ теперь форму наемнаго труда, такъ и рабочій фондъ, производимый и воспроизводимый крѣпостнымъ крестьяниномъ, приметъ форму капитала, авансируемаго рабочему помѣщикомъ. Буржуазный экономистъ, ограниченный умъ котораго не въ состояніи отдѣлить форму проявленія отъ ея содержанія, закрываетъ глаза передъ тѣмъ фактомъ, что даже и теперь еще на всемъ земномъ шарѣ рабочій фондъ только въ видѣ исключенія является въ формѣ капитала [4]).

Правда, какъ только мы будемъ разсматривать капиталистическій процессъ производства въ его безпрерывномъ возобновленіи, перемѣнный капиталъ теряетъ значеніе простой цѣнности [4a]), авансируемой изъ собственнаго фонда капиталиста. Долженъ же этотъ процессъ когда-нибудь и гдѣ-нибудь начинаться. Съ точки зрѣнія, до сихъ поръ нами занимаемой, поэтому, является вѣроятнымъ, что капиталистъ когда-нибудь сдѣлался владѣльцемъ денегъ, первоначальное накопленіе которыхъ произошло независимо отъ присвоенія чужого неоплаченнаго труда, и съ этими деньгами могъ явиться на рынокъ въ качествѣ покупщика рабочей силы. Впрочемъ, уже одна непрерывность капиталистическаго процесса производства порождаетъ еще другія странныя перемѣны, касающіяся не только перемѣнной части капитала, но и всего капитала въ его совокупности. Если, напр., прибавочная цѣнность, періодически производимая капиталомъ въ 1.000 ф. ст., составляетъ 200 ф ст., и эта прибавочная цѣнность ежегодно потребляется, то ясно, что послѣ пятилѣтняго повторенія этого самаго процесса сумма потребленной прибавочной цѣнности $= 5 \times 200$, или равна первоначально авансированной капитальной цѣнности въ 1.000 ф. ст. Если годичная прибавочная цѣнность потребляется только частью, напр., только половина, то тотъ же самый результатъ получится послѣ десятилѣтняго повторенія процесса производства, ибо $10 \times 100 = 1.000$. Вообще—авансированная капитальная цѣнность, раздѣленная на ежегодно потребляемую прибавочную цѣнность, даетъ число лѣтъ или количество періодовъ воспроизведенія, по истеченіи которыхъ первоначально затраченный капиталистомъ капиталъ оказывается издержанымъ и, слѣдовательно, исчезнувшимъ. Представленіе капиталиста, будто онъ потребляетъ продуктъ чужого неоплаченнаго труда, т. е. прибавочную цѣн-

---

[4]) «Средства существованія рабочихъ не авансируются имъ капиталистами даже на одной четверти пространства земного шара». (Richard Jones: «Textbook of Lectures on the Polit. Economy of Nations». Hertford 1852, p. 16).

[4a]) «Хотя плата, которую получаетъ мануфактурный рабочій, и авансируется ему хозяиномъ, тѣмъ не менѣе рабочій ничего не стоитъ своему хозяину, потому что тотъ возвращаетъ себѣ съ избыткомъ эти издержки въ видѣ увеличенной цѣнности предмета, къ которому трудъ рабочаго былъ приложенъ». (A. Smith. l. c. Book II, ch. III, p. 311).

ность, и сохраняетъ первоначальную капитальную цѣнность, абсолютно ничего не измѣняетъ въ фактической обстановкѣ. По истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ принадлежащая ему капитальная цѣнность равна суммѣ прибавочной цѣнности, присвоенной имъ безъ эквивалента за то же число лѣтъ, потребленная же имъ сумма цѣнности равна первоначальной капитальной цѣнности. Правда, у него имѣется въ рукахъ капиталъ, величина котораго не измѣнилась и часть котораго, напр. зданія, машины, и т. д., уже была на лицо, когда капиталистъ приступилъ къ дѣлу. Но рѣчь идетъ здѣсь о цѣнности капитала, а не о его матеріальныхъ составныхъ частяхъ. Если кто-нибудь истратилъ все свое имущество, надѣлавъ долговъ, сумма которыхъ равняется цѣнности этого имущества, то все имущество и выражаетъ собою только общую сумму его долговъ. Точно также, если капиталистъ потребилъ эквивалентъ своего авансированнаго капитала, то цѣнность этого капитала выражаетъ собою только общую сумму безвозмездно присвоенной имъ прибавочной цѣнности. Ни одного атома его прежняго капитала больше не существуетъ.

Итакъ, совершенно независимо отъ всякаго накопленія, каждый капиталъ послѣ болѣе или менѣе долгаго періода, вслѣдствіе одной лишь непрерывности процесса производства или воспроизведенія, необходимо превращается въ накопленный капиталъ или капитализированную прибавочную цѣнность. Если даже при вступленіи въ процессъ производства капиталъ этотъ и составлялъ личнымъ трудомъ заработанную собственность лица его употребляющаго, все-таки, рано или поздно, онъ будетъ представлять собою цѣнность, присвоенную безъ эквивалента, или неоплаченный чужой трудъ, овеществленный въ денежной или какой-нибудь другой формѣ.

Въ четвертой главѣ мы видѣли, что для превращенія денегъ въ капиталъ недостаточно одного существованія производства цѣнности и обращенія товаровъ. Прежде всего должны противостоять другъ другу, какъ покупатели и продавцы, на одной сторонѣ владѣльцы цѣностей или денегъ, на другой—владѣльцы субстанціи, создающей цѣнность; здѣсь владѣльцы средствъ производства и существованія, тамъ владѣльцы одной лишь рабочей силы. Отдѣленіе продукта труда отъ самаго труда, объективныхъ условій труда отъ субъективной рабочей силы было, слѣдовательно, фактически даннымъ основаніемъ, исходной точкой капиталистическаго процесса производства.

Но то, что въ началѣ являлось только исходной точкой, то, вслѣдствіе одной лишь непрерывности процесса, т. е. простого воспроизведенія, постоянно вновь производится и увѣковѣчивается какъ подлинный результатъ самого капиталистическаго производства. Съ одной стороны, для капиталиста процессъ производства постоянно превращаетъ матеріальное богатство въ капиталъ, въ средства производства прибавочной цѣнности и въ средства потребленія. Съ другой стороны, рабочій постоянно выходитъ изъ процесса производства такимъ же, какимъ вступилъ въ него, т. е. личнымъ источникомъ богатства, но лишеннымъ всѣхъ средствъ реализовать его для себя. Такъ какъ до его вступленія въ процессъ производства его собственный трудъ сталъ чуждымъ ему самому, оказался присвоеннымъ капиталомъ и пріуроченнымъ къ капиталу, то трудъ этотъ овеществляется постоянно

въ продолженіе процесса въ чужомъ продуктѣ. А такъ какъ процессъ производства есть въ то же самое время и процессъ потребленія рабочей силы капиталистомъ, то продуктъ рабочаго постоянно превращается не только въ товаръ, но и въ капиталъ, т. е. въ цѣнность, высасывающую силу, ее созидающую, въ средства существованія, на которыя покупаются люди, и въ средства производства, которыя приводятъ производителя [4]). Такимъ образомъ рабочій самъ постоянно производитъ объективное богатство какъ капиталъ, какъ чуждую ему, господствующую надъ нимъ и эксплуатирующую его силу, капиталистъ же производитъ также постоянно рабочую силу, какъ субъективный, абстрактный источникъ богатства, отдѣленный отъ собственныхъ средствъ осуществленія и овеществленія, существующій лишь въ тѣлѣ рабочаго,—однимъ словомъ, производитъ наемнаго рабочаго [5]). Это постоянное воспроизведеніе или увѣковѣченіе рабочаго составляетъ conditio sine qua non капиталистическаго производства.

Потребленіе рабочаго бываетъ двоякаго рода. Въ самомъ производствѣ онъ потребляетъ своимъ трудомъ средства производства и превращаетъ ихъ въ продукты, превышающіе своей цѣнностью цѣнность авансированнаго капитала. Это его производительное потребленіе; оно въ то же самое время является и потребленіемъ его рабочей силы капиталистомъ, купившимъ ее. Съ другой стороны, рабочій употребляетъ деньги, уплаченныя ему капиталистомъ за его рабочую силу, на средства существованія; это его индивидуальное потребленіе. Производительное и индивидуальное потребленіе рабочаго такимъ образомъ совершенно различны. Въ первомъ случаѣ рабочій дѣйствуетъ какъ двигательная сила капитала и принадлежитъ капиталисту; во второмъ онъ принадлежитъ самому себѣ и исполняетъ жизненныя функціи внѣ процесса производства. Результатомъ перваго является жизнь капиталиста, результатомъ же второго жизнь самого рабочаго.

При разсмотрѣніи «рабочаго дня» и т. д. мы, между прочимъ, видѣли, что часто рабочій бываетъ принужденъ дѣлать свое индивидуальное потребленіе лишь эпизодомъ процесса производства. Въ этомъ случаѣ онъ получаетъ средства существованія лишь настолько, чтобы поддержать дѣятельность своей рабочей силы, подобно тому какъ дѣятельность паровой машины поддерживаютъ углемъ и водой, а колеса смазываютъ масломъ. Его средства потребленія становятся тогда простыми средствами потребленія орудій производства, а его ин-

[4]) Это особенно замѣчательное свойство производительнаго потребленія. То, что потребляется производительно, есть капиталъ и становится капиталомъ вслѣдствіе потребленія». (James Mill l. c. p. 242). Однако Джемсъ Миллъ не попалъ даже на слѣдъ этого «особенно замѣчательнаго свойства».

[5]) «Конечно справедливо, что первоначальное введеніе мануфактурнаго производства даетъ занятіе многимъ бѣднымъ, но они не перестаютъ оставаться таковыми, развитіе же этого производства создаетъ много бѣдныхъ». (Reasons for a limited Exportation of Wool, Lond. 1677», p. 19). «Теперь фермеры нелѣпо утверждаютъ, что они содержатъ бѣдныхъ. Въ дѣйствительности же бѣдные содержатся въ нищетѣ». («Reasons for the late Increase of the Poor Rates: or a comparative view of the prices of labour and provisions. Lond 1777», p. 37).

дивидуальное потребленіе прямо производительнымъ потребленіемъ. Но это является лишь злоупотребленіемъ, несущественнымъ для капиталистическаго процесса производства [7]) [7a]).

Дѣло представится совсѣмъ въ иномъ видѣ, если мы будемъ разсматривать не отдѣльнаго капиталиста и отдѣльнаго рабочаго, а классъ капиталистовъ и классъ рабочихъ, и не изолированный процессъ производства товара, а капиталистическій процессъ производства въ его движеніи и въ его полномъ общественномъ объемѣ.—Превращая часть своего капитала въ рабочую силу, капиталистъ этимъ увеличиваетъ цѣнность всего своего капитала. Однимъ ударомъ онъ убиваетъ двухъ мухъ. Онъ получаетъ выгоду не только отъ того, что онъ беретъ отъ рабочаго, но и отъ того, что онъ ему даетъ. Капиталъ, отчуждаемый въ обмѣнѣ на рабочую силу, превращается въ средства существованія, потребленіе которыхъ служитъ для воспроизведенія мышцъ, нервовъ, костей, мозга наличныхъ рабочихъ и для произведенія на свѣтъ новыхъ рабочихъ. Въ предѣлахъ безусловно необходимаго индивидуальное потребленіе рабочаго класса есть обратное превращеніе средствъ существованія, отчужденныхъ капиталомъ для покупки рабочей силы, въ новыя рабочія силы, годныя для эксплуатаціи ихъ капиталомъ. Это—производство и воспроизведеніе самаго необходимаго для капиталиста средства производства, самого рабочаго. Итакъ, индивидуальное потребленіе рабочаго, происходитъ ли оно внутри или внѣ мастерской, фабрики и т. д., въ рамкахъ или внѣ рамокъ процесса труда, есть лишь одинъ моментъ производства и воспроизведенія капитала, такъ же какъ чистка машинъ, производится ли она во время процесса труда, или въ опредѣленныя паузы. Дѣло не измѣняется оттого, что индивидуальное потребленіе рабочаго производится имъ для самого себя, а не въ угоду капиталисту. Точно также потребленіе рабочаго скота не перестаетъ быть необходимымъ моментомъ процесса производства оттого, что скотъ самъ потребляетъ то, что онъ пожираетъ. Постоянное поддержаніе и воспроизведеніе рабочаго класса является постояннымъ условіемъ воспроизведенія капитала. Выполненіе этого условія капиталистъ можетъ спокойно предоставить стремленію рабочихъ къ самосохраненію и размноженію. Онъ заботится лишь о томъ, чтобы ихъ индивидуальное потребленіе ограничивалось, по возможности, самымъ необходимымъ, и безконечно далекъ отъ той южно-американской грубости, которая принуждаетъ рабочаго къ потребленію болѣе питательныхъ пищевыхъ веществъ вмѣсто менѣе питательныхъ [8]).

---

[7]) Rossi не защищалъ бы съ такимъ жаромъ этотъ пунктъ, если бы дѣйствительно проникъ въ тайну «productive consumption».

[7a]) Экономисты, считающіе нормальнымъ подобное совпаденіе потребленія индивидуальнаго и потребленія производительнаго, неизбѣжно должны ставить средства существованія рабочаго въ одинъ рядъ съ вспомогательными веществами, каковы масло, уголь и т. д., которыя потребляются орудіями труда и въ силу этого составляютъ одинъ изъ элементовъ производительнаго капитала. Rossi возмущается противъ этой классификаціи, забывая, что если средства существованія не входятъ въ составъ производительнаго капитала, то самъ рабочій входитъ въ него.

[8]) «Рабочіе въ копяхъ Ю. Америки, ежедневное занятіе (можетъ быть, самое тяжелое въ мірѣ) которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы вытаскивать изъ глубины въ

Поэтому, капиталистъ и его идеологъ, экономистъ, считаютъ производительною только ту часть индивидуальнаго потребленія рабочихъ, которая служитъ для увѣковѣченія рабочаго класса, и, стало быть, на самомъ дѣлѣ, должна быть потреблена для того, чтобы капиталъ могъ потреблять рабочую силу; все, что рабочій сверхъ этого потребляетъ для своего удовольствія, есть непроизводительное потребленіе [9]). Если бы накопленіе капитала вызывало повышеніе заработной платы и, такимъ образомъ, увеличеніе средствъ потребленія рабочаго безъ большаго потребленія рабочей силы капиталомъ, то этотъ добавочный капиталъ былъ бы потребленъ непроизводительно [10]). Въ самомъ дѣлѣ, индивидуальное потребленіе рабочаго для него самого непроизводительно, такъ какъ оно воспроизводитъ лишь индивидуума, имѣющаго потребности; оно производительно для капиталиста и для государства, такъ какъ оно представляетъ производство силы, созидающей чужое богатство [11]).

Съ общественной точки зрѣнія, рабочій классъ, такимъ образомъ, даже внѣ непосредственнаго процесса труда, составляетъ такую же принадлежность капитала, какъ и мертвое орудіе труда. Даже его индивидуальное потребленіе въ извѣстныхъ предѣлахъ является лишь однимъ изъ моментовъ процесса воспроизведенія капитала. Но самый этотъ процессъ заботится о томъ, чтобы эти одаренныя сознаніемъ орудія производства не убѣжали, удаляя постоянно ихъ собственный продуктъ отъ ихъ полюса къ противоположному полюсу капитала. Индивидуальное потребленіе заботится, съ одной стороны, о ихъ собственномъ сохраненіи и воспроизведеніи; съ другой стороны, благодаря истребленію средствъ существованія, оно влечетъ за собой постоянное появленіе рабочихъ на рынкѣ труда. Римскій невольникъ былъ цѣпями привязанъ къ своему владѣльцу, наемнаго же рабочаго связываютъ съ его хозяиномъ невидимыя нити. Призракъ его независимости поддерживается лишь постоянной смѣной индивидуальныхъ хозяевъ-нанимателей и fictio juris контракта.

Въ прежнія времена капиталъ, въ случаяхъ, когда это ему казалось нужнымъ, облекалъ свои права собственности на свободнаго рабочаго въ принуди-

---

450 фут. на собственныхъ плечахъ грузъ руды, тяжестью отъ 180 до 200 фунтовъ, питаются исключительно хлѣбомъ и бобами; они бы даже предпочли питаться однимъ хлѣбомъ, но хозяева ихъ находятъ, что, питаясь однимъ хлѣбомъ, они не въ состояніи будутъ такъ усиленно работать; хозяева обращаются съ ними какъ съ лошадьми, принуждая ихъ питаться бобами; бобы сравнительно обильнѣе костной волей, чѣмъ хлѣбъ». (Liebig l. c. 1 Theil, p. 194, Примѣчаніе).

[9]) James Mill l. c. p. 238 sqq.

[10]) «Если цѣна труда подымется такъ высоко, что, несмотря на приращеніе капитала, нельзя употребить въ дѣло больше труда, то я скажу, что это приращеніе капитала потребляется непроизводительно». (Ricardo l. c. p. 163).

[11]) «Единственнымъ производительнымъ потребленіемъ въ собственномъ смыслѣ этого слова является потребленіе или разрушеніе богатства (онъ подразумѣваетъ здѣсь потребленіе средствъ производства) капиталистомъ съ цѣлью воспроизведенія... Рабочій... есть производительный потребитель для того лица, которое его употребляетъ, и для государства, но, собственно говоря, не для самого себя». (Malthus «Definitions etc.», p. 30).

тельные законы. Такъ напр., до 1815 г. въ Англіи строго была запрещена эмиграція машиностроительныхъ рабочихъ.

Въ воспроизведеніи рабочаго класса заключается также передача и накопленіе искусства и навыковъ отъ одного поколѣнія къ другому [12]). Насколько капиталистъ считаетъ существованіе такого класса искусныхъ рабочихъ однимъ изъ принадлежащихъ ему условій производства и въ дѣйствительности разсматриваетъ ихъ какъ реальное воплощеніе перемѣннаго капитала, замѣчается тогда, когда какой нибудь кризисъ угрожаетъ ему ихъ потерей. Вслѣдствіе американской гражданской войны и сопровождавшаго ее хлопчатобумажнаго кризиса большинство рабочихъ хлопчатобумажныхъ фабрикъ Ланкашира и т. д. было, какъ извѣстно, выброшено на улицу. Изъ среды самого рабочаго класса и другихъ слоевъ общества раздался тогда призывъ къ государственной помощи или добровольной національной подпискѣ въ пользу эмиграціи «лишнихъ рабочихъ» въ англійскія колоніи или въ Соединенные Штаты. Тогда «Times» (24 марта 1863 г.) опубликовалъ письмо Edmund'a Potter'a, бывшаго президента манчестерской торговой палаты. Это письмо очень основательно было названо въ палатѣ общинъ «манифестомъ фабрикантовъ» [13]). Мы приводимъ здѣсь нѣкоторыя типичныя мѣста, въ которыхъ формулируются безъ прикрасъ права капитала на рабочую силу.

«Хлопчатобумажнымъ рабочимъ надлежитъ сказать, что число ихъ на рынкѣ слишкомъ велико... что его, можетъ быть, слѣдовало бы уменьшить на треть, и тогда спросъ на остальныя двѣ трети окажется нормальнымъ... Общественное мнѣніе требуетъ эмиграціи... Хозяинъ (т. е. хлопчатобумажный фабрикантъ) не можетъ видѣть равнодушно удаленія запаса рабочихъ, онъ считаетъ это столь же несправедливымъ, какъ и неправильнымъ... Если предполагается поддерживать эмиграцію изъ общественныхъ фондовъ, то фабрикантъ имѣетъ, по крайней мѣрѣ, право требовать, чтобы его выслушали, а, можетъ быть, и имѣетъ право протестовать». Тотъ же Potter доказываетъ далѣе, какъ полезна хлопчатобумажная промышленность, какъ «она несомнѣнно отвлекла населеніе изъ Ирландіи и изъ англійскихъ земледѣльческихъ округовъ»; какихъ громадныхъ размѣровъ она достигла и какъ въ 1860 г. составляла $^5/_{12}$ всей вывозной торговли Англіи; какъ, наконецъ, черезъ нѣсколько лѣтъ она снова значительно разовьется, вслѣдствіе расширенія рынковъ, особенно въ Индіи, и вынужденія достаточнаго «ввоза хлопка по 6 пенсовъ за фунтъ». Онъ продолжаетъ затѣмъ: «Время—одинъ, два, три года,—можетъ быть произведетъ необходимое количество... И тогда я хотѣлъ бы спросить, заслуживаетъ ли эта промышленность поддержки, стоитъ ли труда содержать въ порядкѣ ея машины (т. е. живыя рабочія машины) и не величайшее ли это безуміе думать о томъ, чтобы отказаться отъ нихъ! И

[12]) «Искусство рабочихъ это единственная вещь, о которой можно сказать, что она накоплена и впередъ подготовлена... Накопленіе и сохраненіе искуснаго труда, эта важнѣйшая операція, совершается по отношенію къ массѣ рабочихъ безъ участія какого бы то ни было капитала». (Hodgskin: «Labour Defended etc.», p. 13).

[13]) «That letter might be looked upon as the manifesto of the manufacturers». Ferrand: предложеніе о Cotton famine, Засѣданіе пал. общ. 27 апр. 1863).

такъ думаю. Я согласенъ, что рабочіе не составляютъ собственности («I allow that the workers are not a property») Ланкашира и хозяевъ; но они составляютъ силу ихъ обоихъ; они представляютъ духовную и вышколенную силу, которую нельзя замѣстить въ одно поколѣніе; другія же машины, напротивъ, которыми рабочіе работаютъ. («the mere machinery which they work»), могутъ быть большею частью легко и даже съ выгодой замѣнены и улучшены въ теченіе года [14]. Поощряйте или позволяйте эмиграцію рабочей силы, и что же тогда будетъ съ капиталистомъ? («Encourage or allow the working power to emigrate, and what of the capitalist»? Этотъ ударъ въ сердце напоминаетъ гофмаршала Кальба)... Снимите сливки рабочихъ, и основной капиталъ въ значительной степени потеряетъ свою цѣнность, а оборотный капиталъ не въ состояніи будетъ выдержать борьбу при скупномъ предложеніи труда низшаго качества... Намъ говорятъ, что сами рабочіе хотятъ эмиграціи. Это очень естественно съ ихъ стороны... Уменьшите, сократите хлопчатобумажное производство, отнимая у него рабочую силу (by tak ng away its working power), уменьшая расходы на заработную плату, положимъ, на 1/3 или 5 милліоновъ, и что станется тогда съ классомъ, ближайшимъ къ рабочимъ, т. е. съ классомъ мелкихъ торговцевъ? Что станется съ поземельной рентой, съ платой за наемъ коттеджей?.. Что станется съ мелкимъ фермеромъ, домовладѣльцемъ и землевладѣльцемъ? Скажите, возможно ли придумать проектъ болѣе убійственный для всѣхъ классовъ страны, чѣмъ этотъ планъ, ослабляющій націю вывозомъ ея лучшихъ фабричныхъ рабочихъ и пониженіемъ цѣнности самой производительной части капитала и богатства?» «Я предлагаю заемъ въ 5 или 6 милліоновъ, разложенный на 2—3 года, подъ управленіемъ спеціальныхъ коммиссаровъ, подчиненныхъ администраціи для призрѣнія бѣдныхъ въ хлопчатобумажныхъ округахъ, на основаніи особыхъ опредѣленій закона, съ извѣстнымъ принудительнымъ трудомъ для поддержанія нравственнаго достоинства лицъ, содержимыхъ милостыней... Что можетъ быть хуже для землевладѣльцевъ или хозяевъ («can anything be worse for landowners or masters)», чѣмъ лишиться своихъ лучшихъ рабочихъ и деморализовать и смутить остальныхъ идеею ши-

[14]) Мы уже знаемъ, что тотъ же капиталъ поетъ другую пѣсенку при обычныхъ условіяхъ, когда рѣчь идетъ о пониженіи заработной платы. Хозяева заявляютъ тогда всѣ единогласно (см. отд. четвертый, стр. 347): «фабричные рабочіе должны для своей пользы помнить, что ихъ трудъ въ дѣйствительности есть очень низкій родъ труда; что никакой другой трудъ не усваивается легче и, сравнительно съ качествомъ, не оплачивается лучше; что никакого другого труда нельзя достать въ болѣе короткое время и въ большемъ изобиліи, посредствомъ краткаго обученія ему наименѣе опытныхъ лицъ. Машины хозяина играютъ въ дѣйствительности гораздо болѣе важную роль въ дѣлѣ производства, чѣмъ работа и искусство рабочаго, которое требуетъ лишь шестимѣсячнаго обученія и которому можетъ научиться всякій крестьянскій батракъ».

[14 a]) Въ обычное время капиталистъ, наоборотъ, говоритъ, что рабочіе не были бы голодны, деморализованы и недовольны, если бы у нихъ было достаточно разсудительности для того, чтобы уменьшать число своихъ рукъ съ цѣлью повышенія цѣны труда.

роковъ, опустошительной эмиграціи, и кровопусканіемъ цѣнности и капитала, произведеннымъ надъ цѣлой провинціей?»

Potter, избранный выразитель хлопчатобумажныхъ фабрикантовъ, различаетъ двоякаго рода «машины», одинаково принадлежащія фабриканту, изъ которыхъ одне стоятъ у него на фабрикѣ, другія же по ночамъ и по воскресеньямъ обитаютъ внѣ фабрики въ коттеджахъ. Одне мертвыя, другія живыя. Мертвыя машины не только ежедневно портятся и теряютъ цѣнность, но, вслѣдствіе постоянныхъ техническихъ усовершенствованій, большая часть ихъ такъ скоро старѣетъ, что съ выгодою и въ нѣсколько мѣсяцевъ можетъ быть замѣнена новыми. Живыя же машины, наоборотъ, совершенствуются тѣмъ болѣе, чѣмъ дольше онѣ служатъ, чѣмъ больше изъ поколѣнія въ поколѣніе накопляется въ нихъ искусства. «Times», между прочимъ, отвѣчаетъ фабричнымъ магнатамъ слѣдующее:

«Господинъ Potter такъ проникнутъ убѣжденіемъ въ необходимости и безусловной важности хлопчатобумажныхъ фабрикантовъ, что для поддержанія этого класса и увѣковѣченія его профессіи онъ готовъ засадить насильно въ громадный нравственный рабочій домъ полъ-милліона рабочихъ. Заслуживаетъ ли эта отрасль промышленности поддержки?—спрашиваетъ г. Potter. Конечно, всѣми достойными средствами,—отвѣчаемъ мы. Стоитъ ли заботиться о сохраненіи въ порядкѣ машинъ?—опять спрашиваетъ г. Potter. Здѣсь мы становимся въ тупикъ. Подъ машинами Potter подразумѣваетъ человѣческія машины; онъ увѣряетъ, что не намѣренъ разсматривать ихъ какъ полную собственность фабрикантовъ. Мы должны сознаться, что мы не считаемъ «заслуживающимъ труда» или хотя бы возможнымъ поддерживать человѣческія машины въ порядкѣ, т. е. держать ихъ въ заперти, смазывать пока онѣ вновь не понадобятся? Человѣческія машины обладаютъ способностью ржавѣть во время бездѣйствія, сколько бы ихъ ни чистили и ни смазывали. Притомъ человѣческія машины, какъ видно съ перваго взгляда, способны самопроизвольно разводить пары и взрывать, или неистовствовать въ большихъ городахъ въ пляскѣ св. Витта. Пусть, какъ говоритъ г. Potter, для воспроизведенія рабочихъ потребуется болѣе продолжительное время, но, имѣя подъ руками машинистовъ и деньги, мы во всякое время найдемъ дѣятельныхъ, крѣпкихъ, прилежныхъ людей изъ которыхъ можемъ сдѣлать гораздо больше фабричныхъ мастеровъ, чѣмъ когда-либо можно будетъ употребить... Г. Potter толкуетъ о возрожденіи промышленности черезъ 1, 2, 3 года и требуетъ отъ насъ, чтобы мы не поощряли или даже не разрѣшали эмиграціи рабочей силы! Онъ находитъ вполнѣ естественнымъ, что рабочіе хотятъ эмигрировать, но онъ полагаетъ, что нація, вопреки ихъ желанію, должна запереть въ хлопчатобумажные округа эти полмилліона рабочихъ и 700 000 человѣкъ, судьба которыхъ съ ними связана и что, кромѣ того, она должна—неизбѣжное слѣдствіе этой мѣры—силою подавить ихъ неудовольствіе, содержать ихъ милостыней, и все это съ той единственной мыслію, что когда нибудь они могутъ понадобиться хлопчатобумажнымъ фабрикантамъ... Но настало время, когда великое общественное мнѣніе

этихъ острововъ (т. е. Великобританіи) должно, наконецъ, что-нибудь сдѣлать для спасенія этой «рабочей силы» отъ тѣхъ, кто хочетъ обращаться съ ней какъ съ углемъ, желѣзомъ или хлопкомъ» (to save this «working power» from those who would deal with it as they deal with iron, coal and cotton») [15].

Статья «Times'a» оказалась только jeu d'esprit. «Великое общественное мнѣніе» на самомъ дѣлѣ вполнѣ раздѣляло мнѣніе Potter'a, что фабричные рабочіе составляютъ движимую принадлежность фабрикъ. Ихъ эмиграціи воспрепятствовали [16]. Рабочихъ заперли въ «нравственный рабочій домъ» хлопчатобумажныхъ округовъ и они по-прежнему составляютъ «силу (the strength) хлопчатобумажныхъ фабрикантовъ Ланкашира».

Капиталистическій процессъ производства воспроизводитъ, такимъ образомъ, своимъ собственнымъ ходомъ отдѣленіе рабочей силы отъ условій труда. Онъ воспроизводитъ и увѣковѣчиваетъ этимъ самымъ условія эксплуатаціи рабочаго. Онъ постоянно вынуждаетъ рабочаго продавать свою рабочую силу для того, чтобы жить, а капиталисту даетъ возможность покупать ее, чтобы обогащаться [17]. Теперь уже не простой случай противопоставляетъ на товарномъ рынкѣ капиталиста и рабочаго, какъ покупателя и продавца. Механизмъ самаго процесса постоянно выбрасываетъ одного на товарный рынокъ въ качествѣ продавца своей рабочей силы и постоянно превращаетъ его же собственный продуктъ въ покупательное средство въ рукахъ другого. Дѣйствительно, рабочій принадлежитъ капиталу прежде, чѣмъ онъ себя продалъ капиталисту. Его экономическая крѣпостная зависимость [18] въ одно и то же время и обусловливается и

---

[15]) Times, 24 March 1863.

[16]) Парламентъ не вотировалъ на одного фартинга на эмиграцію, но издалъ законы, уполномочивающіе муниципалитеты держать рабочихъ между жизнью и смертью, или, говоря иначе, эксплуатировать ихъ, не уплачивая имъ нормальной заработной платы. Когда же, спустя три года, появился падежъ скота, парламентъ грубо нарушилъ парламентскій этикетъ и тотчасъ же вотировалъ милліоны для вознагражденія милліонеровъ—лендлордовъ. Фермеры которыхъ и безъ того нисколько не пострадали, благодари повышенію цѣны мяса. Звѣрскій ревъ землевладѣльцевъ при открытіи парламента въ 1866 г. показалъ, что не надо быть индусомъ, чтобы поклоняться коровѣ Сабалѣ, ни Юпитеромъ, чтобы превратиться въ быка.

[17]) «Рабочій требовалъ средствъ существованія, хозяинъ требовалъ труда для полученія барыша». (Sismondi l. c. p. 91).

[18]) Въ графствѣ Durham существуетъ грубо-крестьянская форма этой крѣпостной зависимости. Это одно изъ немногихъ графствъ, гдѣ условія не обезпечиваютъ фермеру безусловнаго права собственности на земледѣльческихъ рабочихъ. Горнопромышленность даетъ послѣднимъ возможность выбора занятій. Фермеры въ этомъ графствѣ, вопреки общему правилу, снимаютъ лишь такія земли, на которыхъ находятся коттэджи для рабочихъ. Плата за нихъ коттэджа составляетъ часть заработной платы. Эти коттэджи называются «Hinds houses» (дома батраковъ). Они сдаются рабочимъ на извѣстныхъ феодальныхъ условіяхъ, по договору, называемому «bondage» (крѣпостная зависимость) и обязывающему, напр., рабочаго, въ случаѣ, если онъ самъ занятъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, поставлять на себя свою дочь и т. д. Самъ рабочій называется bondsman, крѣпостной. Эти отношенія раскрываютъ намъ также еще съ новой стороны и индивидуальное потребленіе рабочаго, а, именно, показываютъ, что оно есть потребленіе для капитала или про-

маскируется періодическимъ возобновленіемъ этого акта самопродажи, перемѣной его индивидуальныхъ хозяевъ и колебаніями рыночной цѣны труда [19]).

Такимъ образомъ, капиталистическій процессъ производства, разсматриваемый какъ нѣчто связное, или какъ процессъ воспроизведенія, производитъ не только товары, не только прибавочную цѣнность, но кромѣ того производитъ и воспроизводитъ и самое отношеніе, именуемое капиталомъ, т. е. съ одной стороны—капиталиста, съ другой—наемнаго рабочаго [20]).

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Превращеніе прибавочной цѣнности въ капиталъ.

1. Капиталистическій процессъ производства въ расширенныхъ размѣрахъ. Превращеніе законовъ собственности товарнаго производства въ законы капиталистическаго присвоенія.

Прежде нашему разсмотрѣнію подлежало, какъ прибавочная цѣнность образуется изъ капитала, теперь мы должны изслѣдовать, какъ капиталъ образуется изъ прибавочной цѣнности. Употребленіе прибавочной цѣнности, какъ капитала, или обратное превращеніе прибавочной цѣнности въ капиталъ называется накопленіемъ капитала [21]).

Разсмотримъ сначала это явленіе съ точки зрѣнія отдѣльнаго капиталиста. Прядильный фабрикантъ, напр., авансировалъ капиталъ въ 10.000 ф. ст., изъ которыхъ четыре пятыхъ составляютъ хлопокъ, машины и т. д., остальная же пятая—заработную плату. Онъ производитъ ежегодно 240.000 ф. пряжи, цѣнностью въ

новодительное потребленіе. «Любопытно видѣть, какъ даже кадъ этихъ bondsmen'овъ считается за доходъ ихъ расчетливыхъ повелителей... Фермеры не позволяютъ строить во всей окрестности другихъ отхожихъ мѣстъ, кромѣ своихъ собственныхъ и не отступаются въ этомъ отношеніи ни за что отъ своихъ владѣльческихъ правъ». («Public Health: VII Rep. 1864», p. 188).

[19]) Напомнимъ, что при дѣтскомъ трудѣ и т. д. исчезаетъ даже формальный характеръ самопродажи.

[20]) «Капиталъ предполагаетъ наемный трудъ, наемный же трудъ предполагаетъ капиталъ. Они другъ друга обусловливаютъ, другъ друга порождаютъ. Производитъ ли рабочій на хлопчатобумажной фабрикѣ одинъ только бумажныя матеріи? Нѣтъ, онъ производитъ капиталъ. Онъ производитъ цѣнности, которыя вновь служатъ для того, чтобы командовать его трудомъ и посредствомъ послѣдняго производить новыя цѣнности». (Karl Marx: «Lohnarbeit und Kapital» въ N. Rh. Z. № 266, 7 April 1849). Статьи, напечатанныя подъ этимъ заглавіемъ въ «Neue Rheinische Zeitung», составляютъ отрывки изъ лекцій, которыя я читалъ по этому вопросу въ Брюсселѣ въ 1847 г. въ нѣмецкомъ рабочемъ союзѣ, и печатаніе которыхъ было прервано февральской революціей.

[21]) «Накопленіе есть употребленіе части дохода, въ качествѣ капитала». (Malthus: «Definitions etc.» ed. Cazenove p. 11) «Превращеніе дохода въ капиталъ». (Malthus: «Princ. of Pol. Econ. 2-nd ed, Lond. 1836», p. 319).

12.000 ф. ст. При уровнѣ прибавочной цѣнности въ 100%, прибавочная цѣнность заключается въ прибавочномъ продуктѣ или въ чистомъ продуктѣ въ 40.000 ф. пряжи, т. е. въ шестой части валового продукта цѣнностью въ 2.000 ф. ст., которая реализована при продажѣ. Сумма цѣнности въ 2.000 ф. ст. есть лишь сумма цѣнности въ 2.000 ф. ст. Ни обоняніе, ни зрѣніе не обнаруживаютъ намъ, что эти деньги—прибавочная цѣнность. Свойство цѣнности, какъ прибавочной цѣнности, говоритъ намъ о томъ, какъ получилъ ее владѣлецъ, но нисколько не измѣняетъ природы цѣнности или денегъ.

Чтобы превратить въ капиталъ эту новую сумму въ 2.000 ф. ст. прядильный фабрикантъ, слѣдовательно, при прочихъ равныхъ условіяхъ, авансируетъ четыре пятыхъ этихъ денегъ на покупку хлопка и т. д., и одну пятую на покупку новыхъ прядильныхъ рабочихъ, которые найдутъ на рынкѣ средства существованія, цѣнность коихъ капиталистъ авансировалъ имъ. Тогда въ прядѣніи будетъ функціонировать новый капиталъ въ 2.000 ф ст. и приносить въ свою очередь прибавочную цѣнность въ 400 ф. ст.

Капитальная цѣнность первоначально была авансирована въ денежной формѣ; прибавочная же цѣнность, напротивъ, существуетъ съ самаго начала какъ цѣнность опредѣленной части валового продукта. Когда этотъ продуктъ проданъ, превратился въ деньги, капитальная цѣнность снова пріобрѣтаетъ свою первоначальную форму, прибавочная же цѣнность измѣняетъ свою первоначальную форму бытія. Съ этого момента, однако, и капитальная цѣнность, и прибавочная цѣнность, объ представляютъ денежныя суммы, и ихъ обратное превращеніе въ капиталъ совершается тѣмъ же самымъ порядкомъ. Капиталистъ авансируетъ и ту и другую на покупку товаровъ, которые даютъ ему возможность снова начать изготовленіе товаровъ и къ тому же на этотъ разъ въ расширенныхъ размѣрахъ. Но чтобы купить эти товары, онъ долженъ найти ихъ на рынкѣ.

Его собственная пряжа обращается лишь потому, что онъ поставляетъ на рынокъ весь свой годичный продуктъ, какъ это дѣлаютъ и другіе капиталисты со своими товарами. Но прежде, чѣмъ эти товары появились на рынкѣ, они уже находились въ годичномъ фондѣ производства, т. е. въ общей суммѣ всевозможныхъ предметовъ, въ которые въ теченіе года превращается общая сумма отдѣльныхъ капиталовъ или весь общественный капиталъ и изъ котораго каждый отдѣльный капиталистъ владѣетъ только извѣстной долею. Рыночныя сдѣлки лишь перемѣщаютъ изъ рукъ въ руки отдѣльныя составныя части годового производства, но онѣ не въ состояніи ни увеличить общее годовое производство, ни измѣнить природу произведенныхъ предметовъ. И, потому, употребленіе, которое можетъ быть сдѣлано изъ общаго ежегоднаго продукта, зависитъ отъ его собственнаго состава, но никакъ не отъ его обращенія.

Прежде всего годичное производство должно доставить всѣ тѣ предметы (потребительныя цѣнности), которые нужны для возстановленія матеріальныхъ составныхъ частей капитала, потребленныхъ въ продолженіе года. За вычетомъ этой части остается чистый или прибавочный продуктъ, въ которомъ заключается прибавочная цѣнность. Изъ чего же состоитъ этотъ прибавочный продуктъ? Быть можетъ, изъ предметовъ, предназначенныхъ для удовлетворенія

потребностей и прихотей класса капиталистовъ, и, слѣдовательно, входящихъ въ потребительный фондъ послѣднихъ. Если бы это было дѣйствительно такъ, то прибавочная цѣнность пробучивалась бы вся безъ остатка и происходило бы лишь простое воспроизведеніе.

Для того, чтобы накоплять, нужно превращать часть прибавочной цѣнности въ капиталъ. Но, не дѣлая чудесъ, можно превращать въ капиталъ лишь такіе предметы, которые могутъ быть употреблены въ процессѣ труда, т. е. средства производства и сверхъ того предметы, при помощи которыхъ можетъ содержать себя рабочій, т. е. средства существованія. Извѣстная часть прибавочнаго труда должна, слѣдовательно, быть употреблена на созданіе добавочныхъ средствъ производства и существованія сверхъ того количества, которое было потребно для возмѣщенія авансированнаго капитала. Однимъ словомъ, прибавочная цѣнность только потому можетъ быть превращена въ капиталъ, что прибавочный продуктъ, цѣнность котораго она представляетъ, содержитъ уже матеріальныя составныя части новаго капитала [21a]).

Чтобы фактически заставить эти составныя части капитала функціонировать какъ капиталъ, классу капиталистовъ необходимъ добавочный трудъ. Но если эксплуатація занятыхъ уже рабочихъ не увеличивается ни экстенсивно, ни интенсивно, то на работу должны быть поставлены добавочныя рабочія силы. Объ этомъ позаботился уже самый механизмъ капиталистическаго производства, который воспроизводитъ рабочій классъ, какъ классъ зависящій отъ заработной платы, и обычная плата котораго достаточна не только для обезпеченія его существованія, но и для его размноженія. Капиталисту остается только къ добавочнымъ средствамъ производства, содержащимся уже въ годовомъ производствѣ, присоединить эту добавочную рабочую силу разныхъ возрастовъ, ежегодно доставляемую ему рабочимъ классомъ, и превращеніе прибавочной цѣнности въ капиталъ — готово. Разсматриваемое конкретно, накопленіе сводится къ воспроизведенію капитала во все болѣе и болѣе широкихъ размѣрахъ. Круговоротъ простого воспроизведенія измѣняется и превращается, по выраженію Сисмонди, въ спираль [21b]).

Вернемся теперь къ нашему примѣру. Это старая исторія: Авраамъ родилъ Исаака, Исаакъ родилъ Якова и т. д. Первоначальный капиталъ въ 10.000 ф. ст. даетъ прибавочную цѣнность въ 2.000 ф. ст., которая капитализируется. Новый капиталъ въ 2.000 ф. ст. производитъ прибавочную цѣнность въ 400 ф. ст., которая опять капитализируется, т. е. превращается въ другой

[21a]) Мы отвлекаемся здѣсь отъ внѣшней торговли, посредствомъ которой нація можетъ превращать предметы роскоши въ средства производства или существованія и наоборотъ. Чтобы понять предметъ изслѣдованія въ его чистомъ видѣ безъ мѣшающихъ побочныхъ обстоятельствъ, мы должны здѣсь разсматривать весь торговый міръ какъ одну націю, предполагая при этомъ, что капиталистическое производство утвердилось вездѣ и захватило всѣ отрасли промышленности.

[21b]) Принадлежащій Сисмонди анализъ накопленія значительно страдаетъ отъ того, что онъ слишкомъ полагается на фразу: «Превращеніе дохода (revenue) въ капиталъ», и не вникаетъ въ матеріальныя условія этой операціи.

добавочный капиталъ, производящій новую прибавочную цѣнность въ 80 ф. ст. и т. д.

Здѣсь мы не принимаемъ въ расчетъ той части прибавочной цѣнности, которую потребляетъ самъ капиталистъ. Не интересуетъ насъ въ данный моментъ и то, присоединяется ли добавочный капиталъ къ первоначальному капиталу, или первый отдѣльно отъ второго самостоятельно производитъ прибавочную цѣнность; эксплуатируетъ ли его тотъ же самый капиталистъ, который его накопилъ, или онъ передаетъ его другому. Мы только не должны забывать, что рядомъ съ вновь образовавшимися капиталами первоначальный капиталъ продолжаетъ воспроизводиться и производить прибавочную цѣнность, и что это вѣрно для всякаго накопленнаго капитала по отношенію къ произведенному имъ добавочному капиталу.

Первоначальный капиталъ образовался вслѣдствіе авансированія 10,000 ф. ст. Откуда же взялъ эти деньги ихъ владѣлецъ? Онъ пріобрѣлъ ихъ личнымъ трудомъ, или трудомъ своихъ предковъ!—отвѣчаютъ въ одинъ голосъ главари политической экономіи [21c]), и дѣйствительно, это предположеніе кажется единственнымъ, согласующимся съ законами товарнаго производства.

Совсѣмъ не то съ добавочнымъ капиталомъ въ 2,000 ф. ст. Процессъ его происхожденія намъ очень хорошо извѣстенъ. Это капитализированная прибавочная цѣнность. Съ самаго начала въ немъ нѣтъ ни одного атома цѣнности, которая не происходила бы отъ неоплаченнаго чужого труда. Средства производства, въ которыя воплощается добавочная рабочая сила, какъ и средства существованія, на которыя она содержится, суть только интегральныя части прибавочнаго продукта, похищаемаго ежегодно въ видѣ дани классомъ капиталистовъ у рабочаго класса. Если даже классъ капиталистовъ на извѣстную часть этой дани и покупаетъ у рабочаго класса добавочную рабочую силу и оплачиваетъ ее даже по полной ея цѣнѣ, такъ что эквивалентъ обмѣнивается на эквивалентъ, то все-таки это—издавна извѣстный образъ дѣйствій завоевателя, покупающаго товары у побѣжденныхъ на ихъ собственныя, у нихъ же похищенныя, деньги.

Если добавочный капиталъ употребляется въ дѣло его собственнымъ производителемъ, то, во-первыхъ, этотъ послѣдній долженъ продолжать увеличивать цѣнность первоначальнаго капитала и къ тому же покупать продуктъ своего прежняго труда за большее количество труда, чѣмъ онъ стоилъ. Разсматриваемый какъ сдѣлка между классомъ капиталистовъ и рабочимъ классомъ процессъ этотъ не измѣняется отъ того, что добавочные рабочіе оплачиваются неоплаченнымъ трудомъ уже занятыхъ рабочихъ. Капиталистъ, можетъ быть, превратитъ добавочный капиталъ въ машину, которая выброситъ на мостовую производителя добавочнаго капитала, замѣнивъ его нѣсколькими дѣтьми. Во всѣхъ этихъ случаяхъ рабочій классъ въ этомъ году произведетъ своимъ добавочнымъ трудомъ капиталъ, который на слѣдующій годъ дастъ

[21c]) «Первоначальный трудъ, которому его капиталъ обязанъ своимъ происхожденіемъ» Sismondi l. c. éd. Paris, t. I, p. 109.

занятіе добавочному труду [22]). Это и называется: производить капиталомъ капиталъ.

Сумма цѣнностей въ 10.000 ф. ст. авансированная капиталистомъ и принадлежащая ему, въ силу его «первоначальнаго труда», составляетъ предпосылку накопленія перваго добавочнаго капитала въ 2.000 ф. ст. Предпосылкой же второго добавочнаго капитала въ 400 ф. ст. является, напротивъ того, не что иное какъ предыдущее накопленіе первыхъ 2.000 ф. ст., капитализированную прибавочную цѣнность которыхъ они представляютъ. Право собственности на прошлый неоплаченный трудъ является теперь единственнымъ условіемъ настоящаго присвоенія живого неоплаченнаго труда въ постоянно возрастающихъ размѣрахъ. Чѣмъ болѣе капиталистъ накопилъ, тѣмъ болѣе можетъ онъ накоплять.

Поскольку прибавочная цѣнность, изъ которой состоитъ добавочный капиталъ № I, была результатомъ покупки рабочей силы долею первоначальнаго капитала, покупки, соотвѣтствующей законамъ товарнаго обмѣна и, съ юридической точки зрѣнія, предполагающей только свободное распоряженіе своей силой со стороны рабочаго и своими цѣнностями со стороны владѣльца денегъ или товаровъ; поскольку добавочный капиталъ № II и т. д. есть только результатъ добавочнаго капитала № I, а, потому,—слѣдствіе очерченнаго выше перваго отношенія; поскольку каждая единичная сдѣлка постоянно соотвѣтствуетъ закону товарнаго обмѣна, капиталистъ постоянно покупаетъ рабочую силу, а рабочій постоянно ее продаетъ, и допустимъ даже, по ея дѣйствительной цѣнности,—постольку, очевидно, законъ присвоенія или частной собственности, покоющійся на товарномъ производствѣ и товарномъ обращеніи, въ силу своей собственной, внутренней, неизбѣжной діалектики превращается въ прямую свою противоположность. Обмѣнъ эквивалентовъ, въ которомъ состояла первоначальная сдѣлка, до такой степени исказился, что обмѣнъ происходитъ только по виду, такъ какъ, во-первыхъ, часть капитала, обмѣниваемая на рабочую силу, составляетъ только часть присвоеннаго безъ эквивалента продукта чужого труда, и во-вторыхъ, она должна быть не только возмѣщена ея производителемъ-рабочимъ, но возвращена съ новою прибавкою. Отношеніе обмѣна между капиталистомъ и рабочимъ представляетъ, такимъ образомъ, только цѣнную видимость, свойственную процессу обращенія, лишь форму, чуждую самого содержанія и только затемняющую его. Постоянная купля и продажа рабочей силы это—форма. Содержаніе же состоитъ въ томъ, что капиталистъ постоянно обмѣниваетъ часть чужого, уже овеществленнаго труда, присвоеннаго имъ безъ эквивалента на большее количество чужого живого труда. Первоначально право собственности являлось основаннымъ на личномъ трудѣ. По крайней мѣрѣ это слѣдовало признавать, такъ какъ противополагались другъ другу равноправные владѣльцы товаровъ, и средствомъ присвоенія чужого товара являлось—

[22]) «Трудъ создаетъ капиталъ, прежде чѣмъ капиталъ прилагаетъ къ дѣлу трудъ». (Labour créates capital, before capital employs labour»). E. G. Wakefield «England und America, London 1833» v. II, p. 110.

только отчужденіе своего собственнаго товара, который можно было создать только трудомъ. Теперь же собственность для капиталиста является правомъ присвоенія чужого неоплаченнаго труда или его продукта, для рабочаго же она означаетъ невозможность присвоить себѣ свой собственный продуктъ. Отдѣленіе собственности отъ труда становится необходимымъ слѣдствіемъ закона, исходной точкой котораго было повидимому ихъ тождество [22]).

Какой бы злой насмѣшкой надъ первоначальными законами товарнаго производства ни казался капиталистическій способъ присвоенія, всетаки онъ вытекаетъ не изъ нарушенія этихъ законовъ, а наоборотъ, изъ ихъ примѣненія. Бѣглый ретроспективный взглядъ на послѣдовательныя фазы движенія, конечнымъ пунктомъ котораго является капиталистическое накопленіе, еще разъ явственно покажетъ намъ все это.

Сперва мы видѣли, что первоначальное превращеніе извѣстной суммы цѣнности въ капиталъ происходитъ безусловно сообразно законамъ обмѣна. Одна договаривающаяся сторона продаетъ свою рабочую силу, другая покупаетъ ее. Первый контрагентъ получаетъ цѣнность своего товара, потребительная цѣнность котораго—трудъ въ силу этого отчуждается другому. Тогда послѣдній превращаетъ уже принадлежащія ему средства производства помощью труда, также ему принадлежащаго, въ новый продуктъ, который тоже по праву принадлежитъ ему.

Цѣнность этого продукта заключаетъ въ себѣ: во-первыхъ, цѣнность потребленныхъ средствъ производства. Полезный трудъ не можетъ потребить этихъ средствъ производства, безъ того, чтобы не перенести ихъ цѣнности на новый продуктъ; но чтобы быть годной для продажи, рабочая сила должна доставлять полезный трудъ въ той отрасли промышленности, къ которой она должна быть приложена. Цѣнность новаго продукта содержитъ далѣе: эквивалентъ цѣнности рабочей силы и нѣкоторую прибавочную цѣнность. И именно потому, что рабочая сила, проданная на извѣстное время, на день, недѣлю и т. д. имѣетъ цѣнность, меньшую цѣнности, создаваемой потребленіемъ этой рабочей силы за данное время. Но рабочему уплатили мѣновую цѣнность его рабочей силы, и этимъ самымъ онъ продалъ и ея потребительную цѣнность, какъ это бываетъ при всякой покупкѣ и продажѣ.

То обстоятельство, что этотъ особенный товаръ—рабочая сила—имѣетъ своеобразную потребительную цѣнность, заключающуюся въ томъ, что онъ доставляетъ трудъ и, слѣдовательно, создаетъ цѣнность, не можетъ измѣнить всеобщаго закона товарнаго производства. Если, поэтому, сумма цѣнности, авансированная на рабочую плату, не только сама находится въ продуктѣ, но еще находится въ немъ увеличенною на извѣстную прибавочную цѣнность, то это происходитъ не отъ обсчитыванія покупщикомъ продавца, который по-

[22]) Право собственности капиталиста на продуктъ чужого труда «есть прямое слѣдствіе закона присвоенія, основнымъ принципомъ котораго, наоборотъ, было исключительное право собственности каждаго рабочаго на продуктъ его собственнаго труда (Cherbuliez: «Riche ou Pauvre. Paris 1841», p. 58, гдѣ, однако, это діалектическое превращеніе неправильно развито).

лучилъ цѣнность своего товара, но исключительно отъ потребленія этого товара покупщикомъ.

Законъ обмѣна обусловливаетъ лишь равенство мѣновыхъ цѣнностей, воплощенныхъ въ обмѣниваемыхъ товарахъ. Онъ даже напередъ предполагаетъ различіе ихъ потребительныхъ цѣнностей и не имѣетъ абсолютно никакого отношенія къ ихъ потребленію, которое начинается лишь тогда, когда сдѣлка заключена и исполнена.

Первоначальное превращеніе денегъ въ капиталъ совершается, слѣдовательно, въ полномъ согласіи съ экономическими законами товарнаго производства и вытекающимъ изъ нихъ правомъ собственности. Но, несмотря на это, оно приводитъ къ слѣдующему результату:

1) Продуктъ принадлежитъ капиталисту, а не рабочему;

2) Цѣнность этого продукта, кромѣ цѣнности авансированнаго капитала, содержитъ нѣкоторую прибавочную цѣнность, стоившую рабочему труда, капиталисту же—ничего, и тѣмъ не менѣе становящуюся законной собственностью капиталиста;

3) Рабочій поддержалъ свою рабочую силу и можетъ ее снова продать, если найдетъ покупателя.

Простое воспроизведеніе есть только періодическое повтореніе этой первой операціи; каждый разъ деньги снова превращаются въ капиталъ. Законъ, слѣдовательно, здѣсь не нарушается, но, наоборотъ находитъ возможность постояннаго своего проявленія. «Plusieurs échanges successifs n'ont fait du dernier que le représentant du premier». Sismondi l. c. p. 705. («Нѣсколько послѣдовательныхъ обмѣновъ лишь сдѣлали послѣдній представителемъ перваго»).

Однако мы уже видѣли, что простого воспроизведенія достаточно для того, чтобы придать совсѣмъ другой характеръ этой первой операціи, поскольку мы разсматриваемъ ее какъ изолированное явленіе. «Parmi ceux, qui se partagent le revenu national, les uns y acquièrent chaque année un nouveau droit par un nouveau travail, les autres y ont acquis antérieurement un droit permanent par un travail primitif». Sismondi, l. c. p. III. («Среди тѣхъ, которые дѣлятъ между собой національный доходъ, одни (рабочіе) пріобрѣтаютъ каждый годъ посредствомъ новаго труда новое право, другіе (капиталисты) уже предварительно пріобрѣли посредствомъ первоначальнаго труда постоянное право»). Область труда, какъ извѣстно, является не единственной областью, въ которой первородство совершаетъ чудеса.

Ничто въ сущности не измѣняется, когда простое воспроизведеніе замѣняется воспроизведеніемъ въ расширенныхъ размѣрахъ, т. е. накопленіемъ. Въ первомъ случаѣ капиталистъ потребляетъ всю прибавочную цѣнность, во-второмъ онъ обнаруживаетъ гражданскую добродѣтель, потребляя только часть и превращая остальное въ деньги.

Прибавочная цѣнность есть его собственность и никогда не принадлежала никому другому. Если онъ авансируетъ ее на производство, то онъ поступаетъ такъ, какъ въ первый день своего появленія на рынкѣ, т. е. даетъ ссуду изъ своего собственнаго фонда. То обстоятельство, что этотъ фондъ на этотъ разъ

происходитъ изъ неоплаченнаго труда его рабочихъ, абсолютно ничего не измѣняетъ. Если рабочій B находитъ занятіе вслѣдствіе того, что рабочій A произвелъ прибавочную цѣнность, то, во-первыхъ, у A, произведшаго эту прибавочную цѣнность, не былъ удержанъ ни одинъ грошъ изъ законной цѣны его товара, а во-вторыхъ, эта сдѣлка вовсе не касается рабочаго B. Чего B требуетъ и чего онъ вправѣ требовать, такъ это—лишь, чтобы капиталистъ платилъ ему цѣнность его рабочей силы. «Tous deux gagnaient encore; l'ouvrier parce qu'on lui avançait les fruits de son travail [слѣдовало бы сказать: du travail gratuit d'autres ouvriers] avant qu'il fût fait [слѣдовало бы сказать: avant que le sien ait porté de fruit]; le maître, parce que le travail de cet ouvrier valait plus que le salaire» [слѣдовало бы сказать: produisait plus de valeur que celle de son salaire] (Sismondi, l. c. p. 135). («Оба были еще въ выигрышѣ; рабочій, потому что ему авансировали продукты его труда [слѣдовало бы сказать: неоплаченный трудъ другихъ рабочихъ], прежде, чѣмъ они произведены, [слѣдовало бы сказать: прежде чѣмъ его трудъ произвелъ продуктъ]; хозяинъ, потому что продуктъ этого рабочаго стоилъ больше, чѣмъ его плата [слѣдовало бы сказать: производилъ цѣнность большую, чѣмъ его плата].

Правда, дѣло представляется совершенно иначе, когда мы разсматриваемъ капиталистическое производство въ непрерывномъ его возобновленіи, и, оставя отдѣльнаго капиталиста и отдѣльнаго рабочаго, обращаемъ вниманіе на весь классъ капиталистовъ съ одной стороны и весь рабочій классъ съ другой. Но при этомъ мы будемъ прилагать масштабъ, совершенно чуждый товарному производству.

Въ товарномъ производствѣ противостоятъ другъ другу, независимо одинъ отъ другого, только продавецъ и покупатель. Взаимныя ихъ отношенія кончаются съ истеченіемъ срока условленнаго въ договорѣ. Если сдѣлка повторяется, то уже—вслѣдствіе новаго договора, не имѣющаго ничего общаго съ предыдущимъ; и только—случайность, если снова тотъ же самый покупатель сталкивается съ тѣмъ же самымъ продавцемъ.

Такимъ образомъ, если обсуждать товарное производство или какое-нибудь относящееся къ нему явленіе на основаніи его собственныхъ экономическихъ законовъ, то мы должны разсматривать каждый мѣновой актъ отдѣльно, внѣ связи его, какъ съ предыдущимъ такъ и съ послѣдующимъ актомъ обмѣна. А такъ какъ акты покупки и продажи происходятъ только между отдѣльными индивидуумами, то неосновательно искать въ нихъ отношеній между цѣлыми общественными классами.

Какой бы длинный рядъ періодическихъ воспроизведеній и предшествующихъ накопленій ни прошелъ капиталъ, функціонирующій капиталъ, онъ всегда сохраняетъ свою первоначальную дѣвственность. До тѣхъ поръ, пока при каждомъ актѣ обмѣна, взятомъ въ отдѣльности, соблюдаются законы обмѣна, способъ присвоенія можетъ претерпѣть полный переворотъ, нисколько не нарушая права собственности, свойственнаго товарному производству. Это самое право остается въ силѣ, какъ въ началѣ, когда продуктъ принадлежитъ производителю, который, обмѣнивая эквивалентъ на эквивалентъ, можетъ обогащаться

лишь своимъ собственнымъ трудомъ, такъ и въ капиталистическій періодъ, когда общественное богатство въ постоянно возрастающихъ размѣрахъ становится собственностью тѣхъ, которые въ состояніи постоянно присвоивать себѣ неоплаченный трудъ другихъ людей.

Этотъ результатъ становится неизбѣжнымъ, лишь только рабочая сила свободно продается какъ товаръ самимъ рабочимъ. Но только съ этого момента товарное производство обобщается и становится типичною формою производства; только съ этого времени каждый продуктъ съ самаго начала производится для продажи и все произведенное богатство проходитъ черезъ обращеніе. Только тамъ, гдѣ наемный трудъ составляетъ основаніе товарнаго производства, послѣднее становится обязательною общественной формой производства, и только тамъ и развертываются всѣ его скрытыя силы. Говорить, что вступленіе наемнаго труда искажаетъ товарное производство, значитъ утверждать, что товарное производство, чтобы остаться неискаженнымъ, должно остановиться въ своемъ развитіи. По мѣрѣ того, какъ товарное производство, въ силу своихъ имманентныхъ законовъ, развивается въ капиталистическое производство,—законы собственности, свойственные товарному производству, также превращаются въ законы капиталистическаго присвоенія [24]).

Мы видѣли, что даже при простомъ воспроизведеніи, весь авансированный капиталъ, каково бы ни было его первоначальное происхожденіе, превращается въ накопленный капиталъ или въ капитализированную прибавочную цѣнность. Но въ потокѣ производства каждый первопачально авансированный капиталъ вообще становится безконечно малой величиной (magnitudo evanescens въ математическомъ смыслѣ) въ сравненіи съ непосредственно накопленнымъ капиталомъ, т. е. съ прибавочной цѣнностью или прибавочнымъ продуктомъ, превращеннымъ обратно въ капиталъ—безразлично, функціонируетъ ли онъ въ рукахъ того, кто его накопилъ, или перешелъ въ другія руки. Политическая экономія, поэтому, изображаетъ вообще капиталъ какъ «накопленное богатство» (превращенную прибавочную цѣнность или доходъ), «вновь употребляемое на производство прибавочной цѣнности» [25]), а капиталиста какъ «владѣльца прибавочнаго продукта» [26]).

То же самое воззрѣніе получаетъ лишь другую форму въ выраженіи, что весь наличный капиталъ есть накопленный или капитализированный процентъ, такъ какъ процентъ представляетъ только дробь прибавочной цѣнности [27]).

---

[24]) Слѣдуетъ поэтому удивляться хитроумію Прудона, который хочетъ уничтожить капиталистическую собственность, противопоставивъ ей вѣчные законы собственности товарнаго производства!

[25]) «Capital, viz: accumulated wealth employed with a view to profit». Malthus l. c. «Capital... consists of wealth saved from revenue and used with a view to profit». (R. Jones: «An Introductory Lecture on Polit. Econ. Lond 1833», p. 16).

[26]) «The possessors of surplus produce or capital». («The Source and Remedy of the National Difficulties. A Letter to Lord John Russel. Lond. 1821»).

[27]) «Капиталъ со сложными процентами на каждую часть сбереженнаго капитала до такой степени возросъ, что богатство всего свѣта, приносящее доходъ, уже давнымъ давно представляетъ процентъ на капиталъ». (London Economist, 19 July, 1859). «Экономистъ», право, слишкомъ умѣренъ. Слѣдуя по стопамъ д-ра Price, онъ могъ бы доказать точными вычисленіями, что слѣдовало бы присоединить другія планеты къ земному шару для того, чтобы сдѣлать его вполнѣ пригоднымъ—повдать должное капиталу.

2. Ошибочное пониманіе расширеннаго воспроизведенія въ политической экономіи.

Прежде чѣмъ перейти къ болѣе точнымъ признакамъ накопленія или обратнаго превращенія прибавочной цѣнности въ капиталъ, намъ необходимо устранить двусмысленность, порожденную классической политической экономіей.

Какъ товары, покупаемые капиталистомъ на извѣстную часть прибавочной цѣнности для его собственнаго потребленія, не служатъ для него ни средствомъ производства, ни средствомъ производства прибавочной цѣнности, точно также и трудъ, покупаемый имъ для удовлетворенія своихъ естественныхъ и общественныхъ потребностей, не есть производительный трудъ. Вмѣсто того, чтобы покупкою этихъ товаровъ и труда превращать прибавочную цѣнность въ капиталъ, онъ, наоборотъ, издерживаетъ ее или расходуетъ ее въ качествѣ дохода. Въ противовѣсъ старо-дворянскому направленію, которое, по вѣрному замѣчанію Гегеля, «состоитъ въ потребленіи наличнаго» и особенно выражается въ роскоши личныхъ услугъ, для буржуазной политической экономіи имѣло рѣшающее значеніе провозгласить накопленіе капитала первымъ гражданскимъ долгомъ и неустанно проповѣдовать: нельзя накоплять, если съѣдать весь доходъ, вмѣсто того, чтобы часть его расходовать на покупку добавочныхъ производительныхъ рабочихъ, которые производятъ больше, чѣмъ сами стоятъ. Съ другой стороны, ей нужно было вести полемику противъ народнаго предразсудка, который смѣшиваетъ капиталистическое производство съ образованіемъ сокровищъ[28]) и мнитъ, поэтому, что накопленное богатство тождественно съ богатствомъ, спасеннымъ отъ разрушенія въ данной его натуральной формѣ, т. е. съ изъятымъ изъ употребленія или изъ обращенія. Но изъятіе денегъ изъ обращенія—это прямая противоположность ихъ превращенію въ капиталъ, накопленіе же товаровъ какъ собираніе сокровищъ — чистое безуміе [28]а). Накопленіе товаровъ въ большихъ массахъ есть слѣдствіе застоя въ обращеніи или перепроизводства [29]). Правда, въ народномъ представленіи картина, съ одной стороны, медленно потребляемыхъ богатствъ, накопленныхъ богачами въ

---

[28]) «Никто изъ современныхъ экономистовъ не можетъ подъ сбереженіемъ (saving) понимать простое припрятываніе (hoarding). Но, помимо этого узкаго и недостаточнаго способа, нельзя придумать лучшаго примѣненія слова «сбереженіе» по отношенію къ національному богатству, чѣмъ то, которое отправляется отъ различнаго употребленія того, что сберегается, и которое основывается на реальномъ различеніи родовъ труда, поддерживаемыхъ этимъ сбереженіемъ». (Malthus l. c. p. 38, 39).

[28]а) Такъ у Бальзака, который такъ основательно изучилъ всѣ оттѣнки скупости, старый ростовщикъ Гобсекъ впадаетъ уже въ старческое дѣтство, когда начинаетъ собирать себѣ кладъ изъ накопленныхъ товаровъ.

[29]) «Accumulation of stocks... non exchange... overproduction». (Th. Corbet. l. c. p. 14. («Накопленіе товаровъ... застой въ сбытѣ... перепроизводство»).

[29]) Въ этомъ смыслѣ Неккеръ говоритъ о «предметахъ роскоши и расточительности», «накопленіе которыхъ вовремя отъ времени» и которые «законами общества сосредоточены въ рукахъ одного единственнаго общественнаго класса». Oeuvres de M. Necker. Paris et Lausanne 1787, t. II: «De l'administration de la France», p. 291.

формѣ потребительнаго фонда и, съ другой стороны, образованіе запаса, явленіе, которое свойственно всѣмъ способамъ производства и на которомъ мы еще остановимся при анализѣ процесса обращенія, сливаются какъ бы въ одинъ образъ.

Классическая политическая экономія, слѣдовательно, совершенно права, когда она считаетъ потребленіе прибавочнаго продукта производительными рабочими, вмѣсто непроизводительныхъ, характеристическимъ моментомъ процесса накопленія. Но здѣсь же начинается и ея заблужденіе. Ад. Смитъ ввелъ въ моду изображать накопленіе только какъ потребленіе прибавочнаго продукта производительными рабочими, или капитализацію прибавочной цѣнности какъ простое превращеніе ея въ рабочую силу. Послушаемъ, напр., Рикардо: «Конечно, всѣ продукты страны потребляются; но громадная разница, потребляются ли они тѣми, кто воспроизводитъ новыя цѣнности, или же тѣми, кто ихъ не воспроизводитъ. Когда мы говоримъ, что доходъ сбереженъ и прибавленъ къ капиталу, то мы подразумѣваемъ ту часть дохода, прибавленную къ капиталу, которая потребляется производительными, а не непроизводительными рабочими. Предположеніе, что капиталъ увеличивается отъ непотребленія (Nicht-Konsum), представляетъ величайшее заблужденіе» [30]). Нѣтъ большаго заблужденія, чѣмъ то, которое повторяютъ за Ад. Смитомъ Рикардо и всѣ его послѣдователи и которое гласитъ, что, «та часть дохода, которая, какъ говорятъ, прибавляется къ капиталу, потребляется производительными рабочими». По этому представленію всякая прибавочная цѣнность, которая превращается въ капиталъ, превращается въ перемѣнный капиталъ. Между тѣмъ она дѣлится, какъ и первоначально авансированная цѣнность, на постоянный капиталъ и перемѣнный капиталъ, т. е. на средства производства и рабочую силу. Рабочая сила есть та форма, въ которой перемѣнный капиталъ существуетъ въ процессѣ производства. Въ этомъ процессѣ она сама потребляется капиталистомъ. Своею функціей—трудомъ—она потребляетъ средства производства. Въ то же самое время деньги, уплаченные при покупкѣ рабочей силы, превращаются въ средства существованія, которыя потребляются не «производительнымъ трудомъ», а «производительными рабочими». Ад. Смитъ посредствомъ совершенно превратнаго анализа приходитъ къ тому нелѣпому выводу, что если даже каждый индивидуальный капиталъ и дѣлится на постоянную и перемѣнную составныя части, то общественный капиталъ превращается только въ перемѣнный капиталъ, или расходуется только въ видѣ рабочей платы. Напр. фабрикантъ сукна превращаетъ 2.000 ф. ст. въ капиталъ. Одну часть денегъ онъ затрачиваетъ на покупку тканей, другую на покупку шерстяной пряжи, машинъ и т. д. Но тѣ, у кого онъ покупаетъ шерсть и машины, также, частью полученныхъ денегъ оплачиваютъ трудъ и т. д., пока всѣ 2.000 ф. ст. не будутъ издержаны на рабочую плату, или пока весь продуктъ, который представляютъ эти 2.000 ф. ст. не будетъ потребленъ производительными рабочими. Мы видимъ, что вся сила этого аргумента заключается въ словахъ «и т. д.», которыя отсылаютъ насъ отъ Пон-

[30]) Ricardo l. c. p. 163. Примѣчаніе.

тія къ Пилату. Дѣйствительно Ад. Смитъ обрываетъ изслѣдованіе какъ разъ тамъ, гдѣ начинаются его трудности [31]).

Пока мы имѣемъ въ виду только фондъ общаго ежегоднаго производства, ежегодный процессъ воспроизведенія совершенно понятенъ. Но всѣ составныя части годового производства должны поступить на товарный рынокъ, и здѣсь то и начинаются трудности. Движенія единичныхъ капиталовъ и индивидуальныхъ доходовъ скрещиваются, смѣшиваются, теряются во всеобщемъ перемѣщеніи,—т. е. въ обращеніи общественнаго богатства,—которое затемняетъ взоръ и представляетъ весьма запутанныя задачи для изслѣдованія. Въ третьемъ отдѣлѣ второй книги *) я далъ анализъ дѣйствительнаго процесса. Большая заслуга физіократовъ состоитъ въ томъ, что они въ своемъ «Tableau économique» въ первый разъ попытались представить картину годового производства въ той формѣ, въ какой оно выходитъ изъ обращенія [32]).

Само собой, впрочемъ, разумѣется, что политическая экономія не преминула воспользоваться въ интересахъ класса капиталистовъ теоріей Ад. Смита, утверждающей, что вся часть превращенная въ капиталъ, чистаго продукта, потребляется рабочимъ классомъ.

3. Дѣленіе прибавочной цѣнности на капиталъ и доходъ. Теорія воздержанія.

Въ предыдущей главѣ мы разсматривали прибавочную цѣнность или, что то же самое, прибавочный продуктъ, только какъ индивидуальный потребительный фондъ капиталиста, въ этой же главѣ до сихъ поръ только какъ фондъ накопленія. Но она не представляетъ ни того ни другого фонда, а—оба

---

[31]) Несмотря на свою «Логику» Дж. Ст. Миль нигдѣ даже и не замѣчаетъ столь ошибочнаго анализа своихъ предшественниковъ: между тѣмъ даже при буржуазномъ горизонтѣ, только съ точки врѣнія спеціалиста, этотъ анализъ безусловно требуетъ поправки. Вездѣ Миль съ школьнымъ догматизмомъ повторяетъ логическую путаницу своихъ учителей. Напримѣръ: «Самый капиталъ послѣ длинной процедуры совершенно превращается въ заработную плату, и когда онъ возстановляется при продажѣ продуктовъ, онъ все-таки снова дѣлается заработной платой».

*) Т. е. во второмъ томѣ. П. С.

[32]) Въ изображеніи процесса воспроизведенія, а, слѣдовательно, и накопленія А. Смитъ во многихъ отношеніяхъ не только не двинулся впередъ, но рѣшительно пошелъ назадъ въ сравненіи со своими предшественниками, особенно съ физіократами. Съ его заблужденіемъ, упомянутымъ въ текстѣ, находится въ связи поистинѣ баснословный догматъ, также отъ него унаслѣдованный политической экономіей, что цѣна товаровъ состоитъ изъ заработной платы, дохода (процента) и поземельной ренты, т. е. только изъ заработной платы и прибавочной цѣнности. Исходя изъ этого основанія, Шторхъ по крайней мѣрѣ наивно сознается: «Il est impossible de resoudre le prix nécessaire dans les élements les plus simples». (Storch l. c. Petersb. Edit. 1815, t. I, p. 140. Note. «Невозможно разложить необходимую цѣну на ея простѣйшіе элементы»). Хорошъ экономическая наука, которая заявляетъ, что невозможно разложить цѣну товаровъ на ея простѣйшіе элементы. Подробнѣе объ этомъ будетъ сказано въ третьемъ отдѣлѣ второй и въ седьмомъ отдѣлѣ третьей книги. (Т. е. второго и третьяго тома. П. С.).

имѣетъ. Одна часть прибавочной цѣнности потребляется [23]) капиталистомъ, какъ доходъ, другая употребляется, какъ капиталъ или накопляется.

При данной массѣ прибавочной цѣнности одна изъ этихъ частей тѣмъ больше, чѣмъ меньше другая. При прочихъ равныхъ условіяхъ, отношеніе, въ которомъ происходитъ это дѣленіе, опредѣляетъ величину накопленія. Но произволитъ это дѣленіе владѣлецъ прибавочной цѣнности—капиталистъ. Оно представляетъ, слѣдовательно, актъ его личной воли. О той части собранной имъ дани, которую онъ накопляетъ, говорится, что онъ ее сберегаетъ, на томъ основаніи, что онъ не проѣдаетъ ея, т. е., потому что онъ исполняетъ свою функцію капиталиста—функцію, состоящую въ самообогащеніи.

Лишь постольку, поскольку капиталистъ представляетъ олицетворенный капиталъ, онъ имѣетъ историческое значеніе и то историческое право на существованіе, которое, по остроумному замѣчанію Лихновскаго, не имѣетъ числа *). Лишь постольку преходящая необходимость его собственнаго существованія заключается въ преходящей же необходимости капиталистическаго способа производства. Но постольку же и побудительнымъ мотивомъ его дѣятельности служитъ не потребительная цѣнность и потребленіе, а мѣновая цѣнность и ея увеличеніе. Какъ фанатикъ возрастанія цѣнности, онъ безпощадно принуждаетъ человѣчество къ производству ради производства и, слѣдовательно, къ развитію общественныхъ производительныхъ силъ и къ созданію матеріальныхъ условій производства, которыя одни только и могутъ составить реальное основаніе болѣе высокой общественной формы, основнымъ принципомъ своимъ признающей полное и свободное развитіе каждаго индивидуума. Только какъ олицетвореніе капитала капиталистъ заслуживаетъ почтенія. Въ этой своей роли онъ раздѣляетъ съ собирателемъ сокровищъ абсолютную жажду обогащенія. Но что у того является индивидуальной манією, то у капиталиста есть дѣйствіе общественнаго механизма, въ которомъ онъ составляетъ только одно колесо. Кромѣ того развитіе капиталистическаго производства дѣлаетъ необходимымъ постоянное увеличеніе капитала, вложеннаго въ промышленное предпріятіе, а конкурренція повелительно диктуетъ каждому индивидуальному капиталисту законы, присущіе капиталистическому способу производства, какъ внѣшніе принудительные законы. Оно принуждаетъ его постоянно расширять свой капиталъ, чтобы сохранить его, увеличивать же его онъ можетъ только посредствомъ прогрессивнаго накопленія.

---

[23]) Читатель замѣтитъ, что слово доходъ (revenue) употребляется здѣсь въ двоякомъ смыслѣ: во-первыхъ, для обозначенія прибавочной цѣнности, какъ періодическаго плода капитала, во-вторыхъ, для обозначенія той части этого плода, которая періодически потребляется капиталистомъ или присоединяется къ его потребительному фонду. Я сохраняю этотъ двоякій смыслъ, такъ какъ онъ соотвѣтствуетъ употребленію термина у англійскихъ и французскихъ экономистовъ.

*) Въ подлинникѣ: das, wie der geistreiche Lichnowsky sagt, keinen Datum nicht hat. Соль этого прозрѣнія замѣчанія состоитъ, между прочимъ, въ безграмотности, отмѣченной нами курсивомъ. Лихновскій—консервативный депутатъ франкфуртскаго національнаго собранія, павшій жертвой знаменитаго политическаго убійства.

Прим. П. С

Поскольку, слѣдовательно, всѣ его дѣйствія и все его бездѣйствіе составляютъ лишь функцію одареннаго въ его лицѣ волей и сознаніемъ капитала,— его собственное личное потребленіе представляется ему посягательствомъ на накопленіе капитала, подобно тому какъ, напр., въ итальянской бухгалтеріи личныя издержки записываются въ дебетъ капиталиста по отношенію къ капиталу. Накопленіе есть завоеваніе міра общественнаго богатства. Вмѣстѣ съ массой эксплуатируемаго человѣческаго матеріала оно расширяетъ прямое и косвенное господство капиталиста [24]).

Но первородный грѣхъ дѣйствуетъ вездѣ. Съ развитіемъ капиталистическаго способа производства, съ ростомъ накопленія и богатства капиталистъ перестаетъ быть простымъ воплощеніемъ капитала. Онъ чувствуетъ «человѣческую слабость» къ своей плоти и становится настолько образованъ, что осмѣиваетъ, какъ предразсудокъ, аскетизмъ старомоднаго собирателя сокровищъ. Въ то время какъ классическій капиталистъ считаетъ индивидуальное потребленіе прегрѣ-

[24]) Въ ростовщикѣ, этой старомодной, но всегда возрождающейся формѣ капиталиста, Лютеръ очень наглядно изображаетъ властолюбіе, какъ элементъ стремленія къ обогащенію auri sacrafames. «Язычники могли заключить на основаніи разума, что ростовщикъ четырежды воръ и разбойникъ. Мы же, христіане, такъ ихъ почитаемъ, что едва не молимся на нихъ ради ихъ денегъ... Кто грабитъ, воруетъ, отнимаетъ пищу у другого, тотъ такой же убійца (насколько это отъ него зависитъ), какъ если бы онъ заморилъ кого-нибудь голодомъ или погубилъ окончательно. Все это и дѣлаетъ ростовщикъ, и однако онъ преспокойно сидитъ на своемъ креслѣ, хотя по справедливости онъ долженъ бы висѣть на висѣлицѣ, гдѣ бы его пожирало столько воронъ, сколько онъ укралъ золотыхъ, если бы только нашлось на немъ столько мяса, чтобы всѣ вороны могли имъ подѣлиться. Мелкихъ воровъ вѣшаютъ... Мелкіе воры сидятъ въ тюрьмахъ, крупные же воры щеголяютъ въ золотѣ и шелку... Поэтому нѣтъ на землѣ злѣйшаго врага человѣчества (кромѣ развѣ дьявола), чѣмъ скряга и ростовщикъ, ибо онъ хочетъ быть Богомъ надъ всѣми людьми. Турки, воины, тираны, все это тоже злые люди, но они все таки даютъ людямъ жить и сознаются, что они злые люди и враги; они могутъ, даже должны иногда жалѣть нѣкоторыхъ людей, ростовщикъ же или скряга хочетъ, чтобы весь міръ для него погибалъ отъ голода, жажды, нужды и печали, всѣ сколько ихъ ни есть, лишь бы онъ одинъ имѣлъ все, чтобы всякій все получалъ изъ его рукъ, какъ отъ Бога, и оставался бы вѣчнымъ его крѣпостнымъ. Онъ хочетъ носить мантіи, золотыя цѣпи, кольца, мыть рожу, слыть набожнымъ, важнымъ человѣкомъ... Ростовщикъ, это большое, огромное чудовище, волкъ. истребляющій все, хуже Какуса, Горгоны или Антуса. И однако онъ напрягается и хочетъ быть набожнымъ, чтобы никто не видѣлъ, куда пропадаютъ быки, которыхъ онъ затаскиваетъ задомъ въ свое логовище. Но Геркулесъ долженъ услышать крикъ быковъ и заключенныхъ, отыскать Какуса, даже между скалами и утесами, и освободить быковъ отъ злодѣя. Ибо Какусомъ называется злодѣй, набожный ростовщикъ, который воруетъ, грабитъ и пожираетъ все. И все таки онъ какъ будто ничего не дѣлалъ дурного, и никто даже не можетъ обличить его, ибо онъ тащилъ быковъ задомъ въ свое логовище, и по слѣдамъ ихъ можно думать, что они давно выпущены. Такъ и ростовщикъ хочетъ обмануть весь свѣтъ, показать будто онъ приноситъ пользу и даетъ міру быковъ, которыхъ онъ тащитъ къ себѣ и пожираетъ. И если колесуютъ и обезглавливаютъ разбойниковъ и убійцъ, то во сколько разъ больше слѣдовало бы колесовать, изгонять, проклинать и обезглавливать всѣхъ ростовщиковъ». (Martin Luther l. c.).

мѣняемъ противъ своей функціи и клеймитъ «воздержаніе» отъ накопленія, современный капиталистъ способенъ видѣть въ накопленіи «отреченіе» отъ личныхъ наслажденій. «Zwei Seelen wohnen, ach, in seiner Brust, die eine will sich von der andern trennen!». («Ахъ, двѣ души живутъ въ его груди, и одна хочетъ разстаться съ другой!»)

Въ началѣ капиталистическаго способа производства—а каждый капиталистическій выскочка индивидуально проходитъ черезъ эту историческую стадію—жажда обогащенія и скупость являются абсолютно господствующими страстями. Но прогрессъ капиталистическаго производства создаетъ не только цѣлый міръ наслажденій, онъ открываетъ, вмѣстѣ со спекуляціей и кредитомъ, тысячи источниковъ быстраго обогащенія. На извѣстной ступени развитія условная степень расточительности, которая въ то же время служитъ средствомъ оказательства богатства и, слѣдовательно, средствомъ поддержанія кредита, становится даже коммерческой необходимостью для «несчастнаго» капиталиста. Роскошь входитъ въ издержки представительства капитала. Притомъ капиталистъ обогащается, подобно собирателю сокровищъ, не соотвѣтственно своему личному труду или личному воздержанію отъ потребленія, а лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ высасываетъ чужую рабочую силу и вынуждаетъ рабочихъ къ отреченію отъ всѣхъ жизненныхъ наслажденій. Хотя, поэтому, расточительность капиталиста никогда не имѣетъ характера той bona fide расточительности, которая отличаетъ разгульнаго феодала, и за нею даже всегда скрывается скорѣе самое грязное скряжничество и самый мелочный расчетъ, тѣмъ не менѣе эта расточительность всегда возрастаетъ вмѣстѣ съ накопленіемъ, при чемъ отнюдь не идетъ обязательно въ ущербъ другому. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ благородной душѣ капиталиста развивается фаустовскій разладъ между стремленіемъ къ накопленію и стремленіемъ къ наслажденію.

«Промышленная исторія Манчестера», говорится въ одной брошюрѣ, опубликованной въ 1795 г. докторомъ Aikin'омъ, «можетъ быть раздѣлена на четыре періода. Въ первый періодъ фабриканты принуждены были тяжело бороться за поддержаніе своей жизни». Они въ особенности обогащались обкрадываніемъ родителей, которые доставляли имъ своихъ дѣтей въ качествѣ учениковъ (apprentices) и платили за это очень дорого, между тѣмъ какъ хозяева морили ученика голодухой. Съ другой стороны, средняя прибыль была низка и накопленіе требовало большой бережливости. Фабриканты жили, какъ собиратели сокровищъ и не потребляли даже и процентовъ со своего капитала. «Во второмъ періодѣ они начали пріобрѣтать маленькія состоянія, но все еще работали также усиленно, какъ и прежде», ибо, вѣдь, непосредственная эксплуатація труда стоитъ труда, какъ это знаетъ всякій надсмотрщикъ надъ рабами. «и жили все еще такъ же воздержно, какъ и прежде»... Въ третьемъ періодѣ началась роскошь и операціи стали расширяться, благодаря посылкѣ конныхъ коммивояжеровъ для полученія заказовъ во всѣ города королевства, гдѣ происходили ярмарки. По всей вѣроятности, до 1690 г. почти или даже вовсе не было капиталовъ отъ 3.000 до 4.000 ф. ст., пріобрѣтенныхъ въ промышленности. Однако уже около этого времени, или нѣсколько позднѣе, промышленники

успѣли накопить деньги и стали строить каменные дома, вмѣсто деревянныхъ или глиняныхъ... Еще въ первыя десятилѣтія XVШ-го столѣтія манчестерскій фабрикантъ, который вздумалъ угостить своихъ гостей пинтой иностраннаго вина, вызвалъ только сосѣдей, укоризненно качавшихъ головой». До появленія машинъ, фабриканты, собираясь въ трактирахъ, никогда не тратили больше 6 пенсовъ за стаканъ пунша и 1 пенса за свертокъ табаку. Только въ 1758 г. въ первый разъ увидѣли «одно лицо, участвующее въ промышленности, разъѣзжающимъ въ собственномъ экипажѣ», и это составило эпоху. Четвертый періодъ, «послѣдняя треть XVШ-го столѣтія», характеризуется «большой роскошью и расточительностью, которая поощрялась процвѣтаніемъ промышленности» [35]). Что сказалъ бы добрый D-r Aikin, если бы онъ въ настоящее время воскресъ изъ мертвыхъ въ Манчестерѣ!

Накопляйте, накопляйте! Вотъ Моисей и пророки! «Промышленность составляетъ матеріалъ, который бережливость накопляетъ» [36]). Поэтому сберегайте, сберегайте, т. е. превращайте возможно большую часть прибавочной цѣнности или прибавочнаго продукта въ капиталъ! Накопленіе для накопленія, производство для производства,—въ этой формулѣ классическая экономія выразила историческое призваніе буржуазнаго періода. Она ни на минуту не обольщалась насчетъ мучительности родовъ богатства [37]), но что пользы — въ жалобахъ на историческую необходимость? Если пролетарія классическая экономія разсматривала, какъ машину для производства прибавочной цѣнности, то и капиталистъ представлялся ей только машиной для превращенія этой прибавочной цѣнности въ прибавочный капиталъ. Она съ глубочайшей серьезностью смотритъ на его историческую функцію. Чтобы оградить капиталиста отъ вловредной внутренней борьбы между влеченіемъ къ наслажденію и влеченіемъ къ обогащенію, Мальтусъ, въ началѣ двадцатыхъ годовъ этого столѣтія, защищалъ раздѣленіе труда, которое дѣло накопленія предоставляло бы капиталисту, дѣйствительно занимающемуся производствомъ, дѣло же расточенія другимъ участникамъ прибавочной цѣнности, поземельной аристократіи, лицамъ, пользующимся государственными или церковными доходами и т. д. Въ высшей степени важно, по его словамъ, «отдѣлить страсть къ расходованію отъ страсти къ накопленію» («the passion for expenditure and the passion for accumulation» [38]). Господа капиталисты, давно уже превратившіеся въ свѣтскихъ жупровъ, наслаждающихся жизнью, возопили. Какъ!—воскликнулъ одинъ ихъ защитникъ, рикардіанецъ.—господинъ Мальтусъ проповѣдуетъ высокую поземельную ренту, высокіе

---

[35]) Dr. Aikin: «Descriptions of the Country from 30 to 40 miles round Manchester. Lond. 1795», p. 182 sqq.

[36]) A. Smith l. c. b. III ch. III.

[37]) Даже J. B Say говоритъ: «Сбереженія богатыхъ дѣлаются насчетъ бѣдныхъ». «Римскій пролетарій жилъ почти исключительно насчетъ общества... Почти можно сказать, что современное общество живетъ насчетъ пролетаріевъ, на счетъ той части, которую оно беретъ у нихъ изъ платы за трудъ». (Sismondi, «Etudes etc». t. I, p. 24).

[38]) Malthus l. c. p. 319, 320.

налоги и т. д. для того, чтобы непроизводительные потребители вѣчно стимулировали промышленниковъ! Конечно, производство, производство въ постоянно расширяющихся размѣрахъ, таковъ лозунгъ, но «подобный процессъ (непроизводительное потребленіе) гораздо болѣе тормозитъ производство, чѣмъ поощряетъ его. Притомъ, не совсѣмъ справедливо (nor is it quite fair) поддерживать извѣстное число лицъ въ праздности лишь для того, чтобы прижимать другихъ, изъ характера которыхъ можно заключить («who are likely, from their characters»), что и они могли бы съ пользой функціонировать, если бы ихъ заставить функціонировать» [39]). Однако хотя онъ и считаетъ несправедливымъ побуждать промышленнаго капиталиста къ накопленію, снимая жиръ съ его супа, въ тоже самое время онъ считаетъ необходимымъ свести плату рабочаго до возможнаго minimum'a, «чтобы поддерживать въ немъ трудолюбіе». При этомъ онъ ни на минуту не скрываетъ, что присвоеніе неоплаченнаго труда составляетъ тайну созданія прибавочной цѣнности. «Усиленный спросъ на трудъ со стороны рабочихъ показываетъ лишь ихъ склонность брать меньше изъ ихъ собственнаго продукта для себя и предоставлять большую долю своимъ предпринимателямъ: и если говорятъ, что это производитъ glut (переполненіе рынка, перепроизводство), вслѣдствіе уменьшенія потребленія (со стороны рабочихъ), то я на это могу лишь отвѣтить, что (перепроизводство) glut есть синонимъ высокой прибыли» [40]).

Ученое препирательство о томъ, какъ распредѣлить наиболѣе выгодно для накопленія выжатую изъ рабочаго добычу между промышленнымъ капиталистомъ и празднымъ землевладѣльцемъ, прекратилась передъ іюльской революціей. Вскорѣ послѣ этого ліонскій городской пролетаріатъ ударилъ въ набатъ, а сельскій пролетаріатъ въ Англіи пустилъ краснаго пѣтуха. По сю сторону канала процвѣтали овенизмъ, по ту сторону сенъ-симонизмъ и фурьеризмъ. Часъ вульгарной политической экономіи пробилъ. Какъ разъ за годъ до того, какъ Nassau W. Senior открылъ въ Манчестерѣ, что прибыль капиталиста (со включеніемъ процента) есть продуктъ неоплаченнаго «послѣдняго двѣнадцатаго рабочаго часа», онъ возвѣстилъ міру другое свое открытіе. «Я», торжественно сказалъ онъ, «я замѣняю слово капиталъ, разсматриваемый какъ орудіе производства, словомъ «воздержаніе» (Abstinenz) [41]). Безподобный обращикъ «открытій» вуль-

---

[39]) «An Inquiry into those principles respecting the Nature of Demand etc.» p. 67.

[40]) l. c. p. 50.

[41]) Senior: «Principes fondamentaux de l'Econ. Pol.» trad. Arrivabene. Paris 1836, p. 308. Но этого было уже слишкомъ для послѣдователей старой классической школы. «Господинъ Senior замѣняетъ выраженіе: трудъ и капиталъ, выраженіемъ: трудъ и воздержаніе... Воздержаніе есть простое отрицаніе. Не воздержаніе, а потребленіе капитала, употребляемаго производительно, составляетъ источникъ прибыли». (John Cazenove l. c. p. 130, Note). Дж. Ст. Миллъ, напротивъ, съ одной стороны, выписываетъ теорію прибыли Рикардо, съ другой—принимаетъ «remuneration of abstinence». (награду за воздержаніе) Senior'a. Насколько чуждо ему Гегелевское противорѣчіе, истинный источникъ всякой діалектики, настолько же онъ чувствуетъ себя дома въ плоскихъ противорѣчіяхъ.

Прибавленіе ко 2-му изд. Вульгарные экономисты никогда и не подумали о томъ, что всякое человѣческое дѣйствіе можно представить какъ «воздержаніе» отъ

гарной экономіи! Она замѣняетъ экономическую категорію сикофантской фразой. Voilà tout. «Когда дикарь дѣлаетъ лукъ», поучаетъ Senior, «онъ, занимается производствомъ, но это не есть «воздержаніе». Это намъ объясняетъ, какъ и почему при ранѣе бывшихъ общественныхъ условіяхъ средства труда производились «безъ воздержанія» со стороны капиталиста. «Чѣмъ больше общество прогрессируетъ, тѣмъ больше воздержанія оно требуетъ»[42]), отъ тѣхъ, которые занимаются промышленностью, состоящей въ присвоеніи чужого труда и его продуктовъ. Всѣ условія процесса труда превращаются съ этого времени въ различные способы воздержанія капиталиста. Хлѣбныя зерна не только съѣдаются, но и засѣваются, благодаря воздержанію капиталиста! Вину даютъ время перебродить — благодаря воздержанію капиталиста[43])! Капиталистъ обкрадываетъ свою собственную плоть, «ссужая рабочаго орудіями производства» (!), т. е., другими словами, онъ превращаетъ ихъ въ капиталъ, присоединяя къ нимъ рабочую силу, вмѣсто того, чтобы самому съѣсть эти паровыя машины, хлопокъ, желѣзныя дороги, удобреніе, ломовыхъ лошадей или, по ребяческому представленію вульгарной экономіи, промотать «ихъ цѣнность» на предметы роскоши и другія средства потребленія[44]). Какимъ образомъ можетъ это сдѣлать классъ капиталистовъ—остается до сихъ поръ упорно сохраняемой тайной вульгарной экономіи. Словомъ, міръ только и существуетъ благодаря самобичеванію капиталиста, этого современнаго послѣдователя Вишну. Не только накопленіе, даже простое «сохраненіе капитала требуетъ постоянныхъ усилій для того, чтобы устоять передъ искушеніемъ потребить его» [45]). Такимъ образомъ простая гуманность, очевидно, повелѣваетъ избавить капиталиста отъ мученій и искушенія, такимъ же способомъ, какимъ еще недавно рабовладѣльцы Георгіи, благодаря уничтоженію рабства, были избавлены отъ мучительной дилеммы: промотать ли на шампанское весь прибавочный продуктъ, выколоченный изъ негровъ-невольниковъ, или же вновь превратить часть его въ негровъ и землю.

его противоположности. Ѣсть—значитъ воздерживаться отъ пощенія, ходить—воздерживаться отъ стоянія; работа—воздержаніе отъ праздности, праздность—воздержаніе отъ работы и т. д. Этимъ господамъ слѣдовало бы подумать надъ пареченіемъ Спиноры: Determinatio est negatio.

[42]) Senior l. c. p. 342.

[43]) «Никто не станетъ сѣять своей пшеницы и не дастъ ей пролежать въ землѣ двѣнадцать мѣсяцевъ, и никто не оставитъ своего вина въ погребѣ вмѣсто того, чтобы сразу потребить эти продукты или ихъ эквиваленты, если не разсчитываетъ получить добавочную цѣнность». (Scrope: «Polit. Econ». edit A. Potter, New-York 1841, p. 133, 134).

[44]) «Это лишеніе, на которое обрекаетъ себя капиталистъ, ссужая рабочему свои орудія производства, вмѣсто того, чтобы воспользоваться ихъ цѣнностью для собственнаго употребленія и удовольствія». (G. de Molinari l. c. p. 49). «Ссужать» есть испытанный эвфеннизмъ вульгарной экономіи, позволяющій ей отождествлять наемнаго рабочаго, эксплуатируемаго промышленнымъ капиталистомъ, съ самимъ промышленнымъ капиталистомъ, берущимъ въ займы у капиталистовъ, ссужающихъ деньги.

[45]) «Сохраненіе капитала требуетъ... постоянныхъ усилій, чтобы противостоять искушенію потребить его». (Courcelle-Seneulles l. c. p. 57).

Въ самыхъ различныхъ общественно-экономическихъ формаціяхъ происходитъ не только простое воспроизведеніе, но и воспроизведеніе въ расширяющихся размѣрахъ, правда, въ различной степени. Прогрессивно возрастаетъ производство и потребленіе, и, слѣдовательно, большее количество продукта превращается въ средства производства. Но этотъ процессъ не является накопленіемъ капитала и не составляетъ, поэтому, функціи капиталиста до тѣхъ поръ, пока рабочему его средства производства, а слѣдовательно, и его продуктъ, и его средства существованія не противостоятъ въ формѣ капитала [46]). Недавно умершій Richard Jones, преемникъ Мальтуса на каѳедрѣ политической экономіи въ ость-индской коллегіи въ Hailеybury, хорошо выясняетъ это на двухъ крупныхъ фактахъ. Такъ какъ наибольшая часть индійскаго населенія состоитъ изъ крестьянъ, ведущихъ самостоятельное хозяйство, то ихъ продуктъ, ихъ средства труда и существованія никогда не существуютъ «въ формѣ («in the shape») фонда, сбереженнаго изъ чужого дохода (saved from Revenue») и прошедшаго поэтому предварительный процессъ накопленія» («a previous process of accumulation» [47]). Съ другой стороны, въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ англійское господство всего менѣе разложило старую систему, неземледѣльческіе рабочіе получаютъ работу прямо отъ вельможъ, которые получаютъ часть земледѣльческаго прибавочнаго продукта въ видѣ дани или поземельной ренты. Одна часть этого продукта потребляется вельможами въ натуральномъ видѣ, другая часть превращается для нихъ рабочими въ предметы роскоши и иные предметы потребленія, остатокъ же составляетъ плату рабочихъ, которые сами являются собственниками своихъ орудій труда. Производство и воспроизведеніе въ расширенныхъ размѣрахъ идутъ здѣсь своимъ чередомъ безъ всякаго вмѣшательства пресловутаго чудотворца, этого рыцаря печальнаго образа, «воздерживающагося» капиталиста.

4. Обстоятельства, опредѣляющія размѣръ накопленія, независимо отъ раздѣленія прибавочной цѣнности на капиталъ и доходъ: степень эксплуатаціи рабочей силы. — Производительная сила труда. — Возрастающая разница между примѣняемымъ и потребляемымъ капиталомъ. — Величина авансированнаго капитала.

Если дано отношеніе, въ которомъ прибавочная цѣнность дѣлится на капиталъ и доходъ, то величина накопляемаго капитала, очевидно, зависитъ отъ

[46]) Особые виды дохода, которые болѣе всего содѣйствуютъ увеличенію національнаго капитала, измѣняются въ различныхъ стадіяхъ развитія, и поэтому совершенно различны у народовъ, занимающихъ различныя мѣста въ процессѣ этого развитія. Прибыль... на раннихъ ступеняхъ общественнаго развитія представляетъ незначительный источникъ накопленія, сравнительно съ заработной платой и рентой... Когда силы національной промышленности дѣйствительно значительно развились, то относительное значеніе прибыли, какъ источника накопленія, возростаетъ». (Richard Jones: «Textbook etc.» p. 16, 21).

[47]) l. c. p. 36 sq. [Къ 4-му изд.—Должно быть здѣсь описка, такъ какъ эта цитата не была найдена въ указанномъ Марксомъ сочиненіи. Ф, Э.].

абсолютной величины прибавочной цѣнности. Допустимъ, что 80% капитализируются, а 20% потребляются; тогда накопленный капиталъ составитъ 2.400 ф. ст., или 1.200 ф. ст., смотря по тому, составляетъ ли совокупная прибавочная цѣнность 3.000 или 1.500 ф. ст. Поэтому въ опредѣленіи величины накопленія участвуютъ всѣ тѣ обстоятельства, которыя опредѣляютъ массу прибавочной цѣнности. Здѣсь мы еще разъ разсмотримъ ихъ всѣ вмѣстѣ, но лишь настолько, насколько онѣ представляютъ намъ съ новыхъ сторонъ явленія накопленія.

Напомнимъ, что уровень прибавочной цѣнности прежде всего зависитъ отъ степени эксплуатаціи рабочей силы. Политическая экономія придаетъ этой роли такое значеніе, что при случаѣ отождествляетъ ускореніе накопленія вслѣдствіе повышенія производительности труда съ его ускореніемъ вслѣдствіе увеличенія эксплуатаціи рабочихъ [48]). Въ отдѣлѣ о производствѣ прибавочной цѣнности мы постоянно предполагали, что заработная плата, по крайней мѣрѣ, равна цѣнности рабочей силы. Но насильственное пониженіе заработной платы ниже уровня этой цѣнности играетъ на практикѣ слишкомъ важную роль для того, чтобы мы не остановились нѣсколько на немъ. Оно превращаетъ фактически, въ извѣстныхъ предѣлахъ, необходимый потребительный фондъ рабочаго въ фондъ накопленія капитала.

«Заработная плата,— говоритъ Дж. Ст. Миль,—вовсе не имѣетъ производительной силы: это лишь цѣна производительной силы; заработная плата, рядомъ съ трудомъ, такъ же мало содѣйствуетъ товарному производству, какъ и цѣна самихъ машинъ. Если бы можно было получать трудъ, не покупая его, то заработная плата была бы излишней» [49]). Но если бы рабочіе могли питаться воздухомъ, то ихъ нельзя было бы купить ни за какую цѣну. Ихъ нулевая стоимость составляетъ, слѣдовательно, предѣлъ въ математическомъ смыслѣ: она всегда есть нѣчто недостижимое, хотя къ ней постоянно можно приближаться. Постоянная тенденція капитала состоитъ въ пониженіи рабочихъ до такого экономическаго небытія. Часто мною цитируемый писатель XVIII-го столѣтія, авторъ «Essay on Trade and Commerce», разоблачаетъ лишь самую сокровенную тайну англійскаго капитала, когда говоритъ, что историческая задача Англіи состоитъ въ пониженіи заработной платы до французскаго и голландскаго

---

[48]) «Рикардо говоритъ: «Въ различныхъ стадіяхъ общественнаго развитія накопленіе капитала или средствъ для приложенія труда (т. е. для его эксплуатаціи) происходитъ болѣе или менѣе быстро и всегда должно зависѣть отъ производительныхъ силъ труда. Производительныя же силы труда вообще всего значительнѣе тамъ, гдѣ есть изобиліе плодородной почвы. Если въ этомъ разсужденіи производительныя силы труда означаютъ «незначительность доли каждаго продукта, приходящейся на долю тѣхъ, ручной трудъ которыхъ его произвелъ, то разсужденіе это представляетъ простую тавтологію, ибо остальная часть образуетъ фондъ, изъ котораго, если владѣлецъ пожелаетъ («if the owner pleases») можетъ быть накопляемъ капиталъ. Но это, по большей части, не бываетъ тамъ, гдѣ почва наиболѣе плодородна». («Observations on certain verbal disputes etc.» p. 74, 75).

[49]) J. St. Mill: «Essays on some unsettled Questions of Polit. Economy. Lond. 1844», p. 90.

уровня [50]). Между прочимъ онъ наивно замѣчаетъ: «Если наши бѣдные (техническій терминъ для обозначенія рабочихъ) захотятъ жить роскошно... то ихъ трудъ, конечно, будетъ дорогъ... Взглянемъ только на ужасающее количество излишнихъ вещей («heap of superfluities»), потребляемыхъ нашими мануфактурными рабочими, какъ-то: водка, джинъ, сахаръ, иноземные фрукты, крѣпкое пиво, свѣчи, нюхательный и курительный табакъ и т. п.» [51]). Онъ цитируетъ брошюру одного портгамптонширскаго фабриканта, который, поднявъ очи горѣ, жалуется: «Трудъ на цѣлую треть дешевле во Франціи, чѣмъ въ Англіи, потому что французскіе бѣдняки усиленно работаютъ, а питаются и одѣваются очень скудно; главную пищу ихъ составляютъ хлѣбъ, плоды, овощи, коренья и сушеная рыба, ибо они очень рѣдко ѣдятъ мясо, а когда пшеница дорога, то очень мало и «хлѣба» [52]). «Къ этому надо еще прибавить, продолжаетъ нашъ всесвѣтъ, что пьютъ они только воду или тому подобные слабые напитки, такъ что они дѣйствительно тратятъ поразительно мало денегъ... Подобный, порядокъ вещей, конечно, трудно ввести, но онъ не недосягаемъ, какъ это убѣдительно доказываетъ его существованіе во Франціи и въ Голландіи» [53]). Двадцать лѣтъ спустя одинъ американскій шарлатанъ, вновь испеченный баронъ изъ янки, Benjamin Thomson (иначе графъ Rumford), развивалъ такія же филантропическія идеи. Его «Essays» представляютъ поваренную книгу со всевозможными рецептами суррогатовъ въ замѣнъ обыкновенныхъ, болѣе дорогихъ, кушаній рабочаго. Вотъ особенно удачный рецептъ этого удивительнаго философа: «Пять фунтовъ ячменя, пять фунтовъ маиса, на три пенса селедокъ, на 1 п. соли, на 1 п. уксуса, на 2 п. перцу и зелени,—всего на $20^3/_4$ пенса—выйдетъ похлебка на 64 человѣкъ; при средней цѣнѣ хлѣба издержки

[50]) An Essay on Trade and Commerce. Lond. 1770», p. 44. Въ декабрѣ 1866 и январѣ 1867 г. въ Times'ѣ были помѣщены аналогичныя свѣдѣнія англійскихъ владѣльцевъ копей; они описывали счастливое положеніе бельгійскихъ горнорабочихъ, требующихъ и получающихъ лишь столько, сколько безусловно необходимо для того, чтобы жить для своихъ «masters» (хозяевъ). Бельгійскіе рабочіе многое терпятъ, но фигурировать въ Times'ѣ въ качествѣ образцовыхъ рабочихъ—это чего-нибудь да стоитъ! Стачка бельгійскихъ горнорабочихъ въ Marchienne въ февралѣ 1867 г. подавленная свинцомъ и порохомъ, была отвѣтомъ на эту рекомендацію.

[51]) l. c. p. 44, 46.

[52]) Фабрикантъ изъ Northamptonshire совершаетъ здѣсь нѣкоторую pia fraus (благочестивый подлогъ), что можно извинить сердечнымъ порывомъ. Онъ сравниваетъ, якобы, жизнь англійскихъ и французскихъ мануфактурныхъ рабочихъ, но въ только что приведенныхъ словахъ изображаетъ жизнь французскихъ земледѣльческихъ рабочихъ, какъ впослѣдствіи самъ сознается.

[53]) l. c. p. 70, 71. Примѣчаніе къ 3-му изданію. Въ настоящее время мы, благодаря установившейся конкурренціи на міровомъ рынкѣ, пошли уже гораздо дальше. «Если Китай, объясняетъ членъ парламента Stapleton своимъ избирателямъ, станетъ страной крупной промышленности, то я не представляю себѣ, какимъ образомъ европейское рабочее населеніе въ состояніи будетъ выдержать конкурренцію, не понизивъ своихъ потребностей до уровня своихъ конкуррентовъ.» (Times, 3 Sept. 1873). Не континентальная, а китайская заработная плата составляетъ уже теперь желанную цѣль англійскаго капитала.

на одного человѣка могутъ быть уменьшены до $^1/_4$ пенса» [34]). Съ прогрессомъ капиталистическаго производства фальсификація товаровъ сдѣлала излишними идеалы Thomson'a [35]).

Въ концѣ XVIII-го и въ первыя десятилѣтія XIX-го столѣтія англійскіе фермеры и лендлорды добились минимальной заработной платы тѣмъ, что они платили земледѣльческимъ рабочимъ меньше minimum'a въ формѣ заработной платы, остальное же давали въ формѣ вспомоществованія отъ прихода. Вотъ примѣръ шутовства, которое проявили англійскіе Dogberries, устанавливая легальный тарифъ заработной платы. «Когда сквайры устанавливали въ 1795 г. въ Speenhamland'ѣ заработную плату, они, конечно, пообѣдали, но, повидимому, они полагали, что рабочимъ этого не нужно... Они рѣшили, что недѣльная заработная плата должна составлять 3 шилл. на душу, если хлѣбъ вѣсомъ въ 8 ф. 11 унцій стоитъ 1 шилл., и что плата должна равномѣрно возрастать, пока цѣна такого хлѣба дойдетъ до 1 шилл. 5 пенсовъ. Когда цѣна хлѣба превзойдетъ эту цифру, то заработная плата должна пропорціонально понижаться до тѣхъ поръ, пока цѣна хлѣба не достигнетъ 2 шилл., и тогда количество пищи каждаго человѣка уменьшится на $^1/_4$ противъ прежняго» [36]). Передъ коммиссіей палаты лордовъ нѣкій A. Bennet, крупный фермеръ, судья, смотритель дома для бѣдныхъ и лицо завѣдующее установленіемъ заработной платы на вопросъ: «Соблюдается ли какая-либо пропорція между цѣнностью дневного труда рабочихъ и вспомоществованіемъ отъ прихода?» отвѣтилъ: «Да. Къ номинальной платѣ рабочаго прилачивается столько, чтобы недѣльный доходъ каждаго семейства равнялся цѣнѣ галлоннаго коровая хлѣба (8 ф. 11 унц.) и 3 пенс. на душу... Мы полагаемъ, что такого хлѣба

[34]) Benjamin Thomson: «Essays, political, economical, and philosophical etc. vol. Lond. 1796—1802». vol. I, p. 288. Въ своемъ «The State of the Poor, or an History of the Labouring Classes in England etc.» Sir F. M. Eden настоятельно рекомендуетъ нищенскую похлебку Румфорда смотрителямъ рабочихъ домовъ и съ укоризной говоритъ англійскимъ рабочимъ, что «среди шотландцевъ есть много семействъ, питающихся въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ, вмѣсто мяса, пшеницы и ржи, ячменной мукой и овсяной крупой, смѣшанной только съ водой и солью, и несмотря на это живущихъ даже очень комфортабельно» («and that very comfortably too») (l. c. v. I b. II ch. II p. 503). Подобныя же указанія мы встрѣчаемъ и въ XIX-мъ столѣтіи. «Англійскіе земледѣльческіе рабочіе», «не хотятъ употреблять въ пищу никакихъ низшихъ сортовъ ржи. Въ Шотландіи, гдѣ воспитаніе лучше, этотъ предразсудокъ, вѣроятно, неизвѣстенъ». (Charles H. Parry M. D. «The Question of the Necessity of the existing Cornlaws considered. Lond. 1816», p. 69). Тотъ же Parry жалуется, однако, что теперь (1815) англійскіе рабочіе сильно опустились по сравненію съ временами Eden'a (1797).

[35]) Изъ отчетовъ послѣдней парламентской коммиссіи о фальсификаціи съѣстныхъ припасовъ видно, что даже подѣлка медикаментовъ составляетъ въ Англіи не исключеніе, а общее правило. Напр., при изслѣдованіи 34 пробъ опіума, купленныхъ въ различныхъ лондонскихъ аптекахъ, 31 оказались съ примѣсью маковыхъ головокъ, пшеничной муки, камеди, глины, песку и т. д. Многія не содержали ни одного атома морфина.

[36]) G. B. Newnham (barrister at law): «A Review of the Evidence before the Committees of the two Houses of Parliament on the Cornlaws. Lond. 1815», p. 28, Note.

достаточно для пропитанія каждаго члена семейства въ продолженіе недѣли, а 3 пенса остаются на одежду; если же приходу угодно самому выдавать одежду, то онъ вычитаетъ эти 3 пенса. Обычай этотъ господствуетъ не только во всемъ западномъ Wiltshire'ѣ, но, я полагаю, и во всей странѣ» [57]). «Такимъ образомъ, восклицаетъ одинъ буржуазный писатель того времени, фермеры впродолженіи многихъ лѣтъ деградировали почтенный (respectable) классъ своихъ соотечественниковъ, принуждая ихъ прибѣгать къ помощи работнаго дома (дома трудолюбія)... Фермеръ увеличивалъ свою собственную прибыль, препятствуя рабочимъ накоплять даже самый необходимый потребительный фондъ» [58]). Мы уже видѣли, хотя бы на примѣрѣ такъ называемой домашней промышленности, (гл. XV, 8, с.), какую роль въ образованіи прибавочной цѣнности, а слѣдовательно, и фонда накопленія капитала играетъ въ настоящее время прямой грабежъ необходимаго потребительнаго фонда рабочаго. Въ настоящемъ отдѣлѣ мы приведемъ еще другіе факты того же рода.

Хотя во всѣхъ отрасляхъ промышленности та часть постояннаго капитала, которая состоитъ изъ орудій труда, должна быть достаточна для даннаго числа рабочихъ, опредѣляемаго размѣрами предпріятія, но она вовсе не должна непремѣнно возрастать пропорціонально количеству употребляемаго труда. Положимъ, на какой нибудь фабрикѣ сто рабочихъ при восьмичасовомъ трудѣ доставляютъ 800 рабочихъ часовъ. Если капиталистъ захочетъ увеличить эту сумму на половину, онъ можетъ нанять новыхъ 50 рабочихъ: но тогда онъ долженъ авансировать еще новый капиталъ не только на заработную плату, но и на орудія труда. Но онъ можетъ также заставить прежнихъ 100 рабочихъ работать вмѣсто 8 часовъ 12 и тогда достаточно будетъ уже имѣющихся въ наличности орудій труда, только они будутъ быстрѣе потребляться. Такимъ образомъ, добавочный трудъ, получаемый вслѣдствіе большаго напряженія рабочей силы, можетъ увеличивать прибавочный продуктъ или прибавочную цѣнность, субстанцію накопленія, безъ соотвѣтственнаго увеличенія постоянной части капитала.

Въ экстрактивной промышленности, въ горномъ промыслѣ, напр., сырой матеріалъ не входитъ въ составъ авансируемаго капитала. Объектъ труда здѣсь не есть продуктъ предыдущаго труда, но представляетъ даръ природы. Таковы руды, минералы, уголь, камни и т. д. Здѣсь постоянный капиталъ состоитъ почти исключительно изъ орудій труда, которыя отлично могутъ выдержать большее количество труда (при примѣненіи, напр., дневныхъ и ночныхъ смѣнъ рабочихъ). При прочихъ равныхъ условіяхъ, количество и цѣнность продуктовъ будетъ, однако, возрастать прямо пропорціонально примѣняемому труду. Здѣсь, какъ и въ первый день, производства первоначальные созидатели продукта, являющіеся и со-

[57]) l. c. p. 19. 20.

[58]) Ch. H. Parry l. c. p. 77, 69. Господа лендлорды, въ свою очередь, не только «вознаградили» себя за антинаполеонскую войну, которую они вели отъ имени Англіи, но еще страшно обогатились. «Ренты ихъ удвоились, утроились, учетверились и даже въ исключительныхъ случаяхъ ушестерились въ продолженіе 18 лѣтъ». (l. c. p. 100, 101).

зователями вещественныхъ элементовъ капитала,—человѣкъ и природа идутъ постоянно рука объ руку. Благодаря эластичности рабочей силы, область накопленія расширяется безъ предварительнаго увеличенія постояннаго капитала.

Въ земледѣліи нельзя расширить площадь обрабатываемой земли, не авансируя добавочныхъ семянъ и удобренія. Но разъ эти затраты сдѣланы,—даже чисто механическая обработка земли производитъ чудотворное дѣйствіе на массу продуктовъ. Большее количество труда, доставляемое прежнимъ числомъ рабочихъ, увеличиваетъ такимъ образомъ плодородіе, не требуя для этого новыхъ затратъ на орудія труда. Здѣсь опять такое прямое воздѣйствіе человѣка на природу становится, помимо участія новаго капитала, непосредственнымъ источникомъ растущаго накопленія.

Наконецъ, въ промышленности въ собственномъ смыслѣ, каждый добавочный расходъ на трудъ предполагаетъ соотвѣтственный добавочный расходъ на сырые матеріалы, но отнюдь не всегда—на орудія труда. А такъ какъ экстрактивная промышленность и земледѣліе доставляютъ обрабатывающей промышленности ея сырой матеріалъ, а также и матеріалъ ея орудій труда, то и добавочное количество продукта первыхъ двухъ отраслей промышленности, произведенное безъ затраты добавочнаго капитала, идетъ на пользу и обрабатывающей промышленности.

Общій результатъ таковъ: присвоивая себѣ оба первоначальные источника богатства—рабочую силу и землю, капиталъ пріобрѣтаетъ силу растяженія, позволяющую ему расширять элементы своего накопленія далеко за предѣлы, повидимому, положенные ему его собственной величиной, т. е. цѣнностью и массой тѣхъ, уже произведенныхъ средствъ производства, въ которыхъ воплощается его бытіе.

Другимъ важнымъ факторомъ накопленія капитала является степень производительности общественнаго труда.

Вмѣстѣ съ производительностью труда возрастаетъ масса продуктовъ, въ которой выражается извѣстная цѣнность, а слѣдовательно, и прибавочная цѣнность данной величины. Если уровень прибавочной цѣнности не измѣняется или даже падаетъ, но только—медленнѣе, чѣмъ возрастаетъ производительность труда, то масса прибавочнаго продукта увеличивается. Поэтому, при неизмѣняющемся дѣленіи послѣдняго на доходъ и добавочный капиталъ, потребленіе капиталиста можетъ расти безъ того, чтобы фондъ накопленія уменьшался. Относительная величина фонда накопленія можетъ даже возрастать насчетъ потребительнаго фонда, такъ какъ удешевленіе товаровъ даетъ капиталисту столько же предметовъ непосредственнаго потребленія (Genussmittel), сколько и прежде, и даже больше. Но рука объ руку съ возрастаніемъ производительности труда идетъ, какъ мы видѣли, удешевленіе рабочаго и, стало быть, и возростаніе уровня прибавочной цѣнности, даже въ томъ случаѣ, если реальная заработная плата повышается. Она никогда не повышается пропорціонально возрастанію производительности труда. Та же самая цѣнность, заключающаяся въ перемѣнномъ капиталѣ, приводитъ, такимъ образомъ, въ движеніе большую рабочую силу и, стало быть, больше труда. Та же самая цѣнность, заключающаяся

въ постоянномъ капиталѣ, выражается въ большемъ количествѣ средствъ производства, т. е. въ большемъ количествѣ орудій труда, рабочаго матеріала и вспомогательныхъ веществъ, доставляетъ, слѣдовательно, большее количество элементовъ, образующихъ какъ продуктъ, такъ и цѣнность, т. е. всасывающихъ трудъ. При неизмѣняющейся и даже уменьшающейся цѣнности добавочнаго капитала происходитъ, поэтому, ускоренное накопленіе. Происходитъ не только матеріальное расширеніе размѣровъ воспроизведенія, но и производство прибавочной цѣнности возрастаетъ быстрѣе, чѣмъ цѣнность добавочнаго капитала.

Развитіе производительной силы труда дѣйствуетъ также на первоначальный капиталъ или на капиталъ, уже находящійся въ процессѣ производства. Часть функціонирующаго постояннаго капитала состоитъ изъ орудій труда, каковы машины и т. д., которыя потребляются и поэтому воспроизводятся или замѣняются новыми экземплярами того же рода только въ болѣе длинные періоды. Но каждый годъ часть этихъ орудій труда отмираетъ или достигаетъ конечной цѣли своей производительной функціи. Поэтому каждый годъ часть эта находится въ стадіи своего періодическаго воспроизведенія, или своего замѣщенія новыми экземплярами того же рода. Если производительная сила труда увеличивается въ самомъ мѣстѣ рожденія этихъ орудій труда,—а она развивается постоянно вмѣстѣ съ непрерывнымъ движеніемъ наукъ и техники,—то болѣе производительныя и, по отношенію къ размѣрамъ своей производительности, болѣе дешевыя машины, инструменты, аппараты и т. п. становятся на мѣсто старыхъ. Прежній капиталъ воспроизводится въ болѣе производительной формѣ, независимо отъ постоянныхъ частичныхъ измѣненій въ наличныхъ орудіяхъ труда. Другая часть постояннаго капитала, сырой матеріалъ и вспомогательныя вещества, постоянно воспроизводятся въ продолженіе года, если же они земледѣльческаго происхожденія, то, по большей части, ежегодно. Каждое введеніе усовершенствованныхъ методовъ дѣйствуетъ здѣсь, такимъ образомъ, почти одновременно какъ на добавочный капиталъ, такъ и на функціонирующій уже капиталъ. Каждый прогрессъ химіи не только увеличиваетъ количество полезныхъ веществъ и способы приложенія уже извѣстныхъ, расширяя, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ возрастаніемъ капитала и сферу его приложенія, — онъ учитъ въ то же время возвращать экскременты процессовъ производства и потребленія въ круговоротъ процесса воспроизведенія, создаетъ, слѣдовательно, новый матеріалъ для капитала безъ предварительной затраты его. Аналогично увеличенію эксплуатаціи природныхъ богатствъ простымъ повышеніемъ напряженія рабочей силы,— наука и техника увеличиваютъ силу расширенія—капитала, независимо отъ данной величины уже функціонирующаго капитала. Наука въ то же время воздѣйствуетъ и на ту часть первоначальнаго капитала, которая вступила въ стадію своего возобновленія. Капиталъ даромъ вбираетъ въ свою новую форму весь тотъ общественный прогрессъ, который совершился за спиной его старой формы. Правда, это развитіе производительной силы сопровождается въ то же время частичнымъ обезцѣненіемъ функціонирующихъ капиталовъ. Если это обезцѣненіе даетъ себя сильно чувствовать посредствомъ конкурренціи, то тяжесть его обрушивается, главнымъ образомъ, на рабочихъ, повышенной эксплуатаціей которыхъ капиталистъ старается вознаградить себя за свои потери.

Трудъ переноситъ на продуктъ цѣнность потребленныхъ имъ средствъ производства. Съ другой стороны, цѣнность и масса средствъ производства, приводимыхъ въ движеніе даннымъ количествомъ труда, возрастаетъ пропорціонально увеличенію производительности труда. Если, такимъ образомъ, одно и то же количество труда прибавляетъ своимъ продуктамъ всегда лишь одно и то же количество цѣнности, то зато прежняя капитальная цѣнность, переносимая на нихъ трудомъ въ это время, возрастаетъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ производительности труда.

Если англійскій и китайскій прядильщики, напр., будутъ работать одно и то же число часовъ съ одинаковой интенсивностью, то они оба произведутъ въ недѣлю равныя цѣнности. Несмотря на это равенство, существуетъ громадная разница между цѣнностью недѣльнаго продукта англичанина, работающаго при помощи мощнаго автомата, и китайца, работающаго только самопрялкой. Въ то самое время, въ которое китаецъ выпрядаетъ одинъ фунтъ хлопка, англичанинъ выпрядаетъ нѣсколько сотенъ фунтовъ хлопка. Въ нѣсколько сотъ разъ большая сумма прежнихъ цѣнностей увеличиваетъ цѣнность его продукта, въ которомъ цѣнности эти сохраняются въ новой полезной формѣ и, такимъ образомъ, снова могутъ функціонировать какъ капиталъ. «Въ 1782 г.,—сообщаетъ намъ Ф. Энгельсъ,—вся шерсть, собранная въ три предыдущіе года (въ Англіи) оставалась необработанною вслѣдствіе недостатка рабочихъ и пролежала бы, можетъ быть, еще долго, если бы не явилась на помощь вновь изобрѣтенная машина и не выпряла всей этой шерсти» [59]). Трудъ, овеществленный въ машинахъ, не создавалъ, конечно, непосредственно людей изъ земли, но онъ давалъ возможность незначительному числу рабочихъ, прибавкою, сравнительно, небольшого количества живого труда, не только производительно потребить шерсть и прибавить къ ней новую цѣнность, но и сохранять также ея прежнюю цѣнность въ формѣ пряжи и т. д. Этимъ самымъ онъ въ то же время доставилъ средства для воспроизведенія шерсти въ болѣе широкихъ размѣрахъ и поощрялъ къ нему. Способность сохранять прежнюю цѣнность, создавая новую, есть даръ, которымъ природа надѣлила живой трудъ. Съ возрастаніемъ производительности, размѣровъ и цѣнности средствъ производства, т. е. съ накопленіемъ, сопровождающимъ развитіе производительной силы труда, послѣдній сохраняетъ и увѣковѣчиваетъ постоянно въ новыхъ формахъ все возрастающую капитальную цѣнность [60]). Эта естественная сила труда сказы-

[59]) F. Engels; «Lage der arbeitenden Klasse in England», p. 20.

[60]) Недостаточно анализируя процессъ труда и процессъ производства прибавочной цѣнности, классическая экономія никогда не понимала этого важнаго момента воспроизведенія, какъ мы это видимъ, напр., у Рикардо. Какъ бы ни измѣнялась производительная сила,—говоритъ онъ,—милліонъ людей производитъ на фабрикахъ всегда одну и ту же цѣнность». Это справедливо при данной продолжительности и интенсивности ихъ труда. Но это, однако, не мѣшаетъ тому,—и Рикардо въ нѣкоторыхъ заключеніяхъ упускаетъ это изъ виду,—чтобы милліонъ людей при различной производительности своего труда превращалъ въ продуктъ различныя массы средствъ производства и сохранялъ, поэтому, въ продуктѣ весьма различныя массы цѣнности, а эта значитъ, что и цѣнности доставляемаго имъ продукта мо-

ается какъ сила самосохраненія капитала, которому она подчинена, точно такъ же, какъ общественныя производительныя силы труда являются каче-

---

гутъ быть весьма различны. Между прочимъ, Рикардо совершенно напрасно старается на вышеприведенномъ примѣрѣ уяснить J. B. Say различіе между потребительною цѣнностью (которую онъ называетъ здѣсь wealth, матеріальнымъ богатствомъ) и мѣновой цѣнностью. Say отвѣчаетъ: «Что касается затрудненія, которое отмѣчаетъ Рикардо, говоря, что при болѣе усовершенствованныхъ способахъ милліонъ людей можетъ производить вдвое, втрое больше богатства, не производя больше цѣнностей, то затрудненіе это исчезаетъ, если мы будемъ разсматривать, какъ это и подобаетъ, производство, какъ обмѣнъ, въ которомъ мы отдаемъ производительныя услуги своего труда, своей земли и своихъ капиталовъ для полученія продуктовъ. Посредствомъ этихъ производительныхъ услугъ мы пріобрѣтаемъ всѣ продукты въ мірѣ. Но... мы тѣмъ богаче, наши производительныя услуги имѣютъ тѣмъ большую цѣнность, чѣмъ больше полезныхъ вещей мы получаемъ за нихъ въ обмѣнѣ, называемомъ производствомъ» (J. B. Say: «Lettres à Malthus. Paris 1820» p. 168, 169). «Затрудненіе» (difficulté), которое долженъ объяснить Say,—оно существуетъ для него, но не для Рикардо,—состоитъ въ слѣдующемъ: отчего не увеличивается цѣнность полезностей, когда возрастаетъ количество ихъ вслѣдствіе увеличенія производительности труда? Отвѣтъ Сэя: затрудненіе разрѣшается тѣмъ, что потребительную цѣнность или полезность онъ называетъ мѣновой. Мѣновая цѣнность это такая вещь, которая one way or another (тѣмъ или другимъ путемъ) находится въ связи съ обмѣномъ. Если мы, поэтому, назовемъ производство «обмѣномъ» труда и средствъ производства на продуктъ, то ясно какъ день, что мы получимъ тѣмъ больше мѣновыхъ цѣнностей, чѣмъ больше потребительныхъ цѣнностей доставляетъ намъ производство. Другими словами: чѣмъ больше потребительныхъ цѣнностей, напр., чулковъ, доставляетъ одинъ рабочій день чулочному фабриканту, тѣмъ онъ богаче чулками. Но вдругъ Сэю приходитъ въ голову, что «при большемъ количествѣ чулковъ «цѣна» ихъ (которая, конечно, не имѣетъ ничего общаго съ мѣновою цѣнностью) падаетъ, «потому что конкурренція заставляетъ ихъ (производителей) отдавать продукты за то, во что они имъ обходятся». Но откуда же берется прибыль, если капиталистъ продастъ товары по той цѣнѣ, по какой они обходятся ему самому? Но однако, never mind (ничего!). Сэй объявляетъ, что вслѣдствіе увеличенія производительности, каждый получаетъ теперь двѣ пары чулокъ вмѣсто прежней одной пары и т. д. Результатъ, къ которому онъ приходитъ, есть именно то положеніе Рикардо, которое онъ хотѣлъ опровергнуть. Послѣ этого сильнаго умственнаго напряженія онъ поучаетъ Мальтуса слѣдующими словами: «Такова, нилостивый государь, послѣдовательная и связная доктрина, безъ которой невозможно, я утверждаю это, рѣшить самыя трудныя задачи политической экономіи и въ особенности то, какимъ образомъ возможно, чтобы нація была богаче, когда уменьшается цѣнность ея продуктовъ, хотя богатство состоитъ изъ цѣнностей» (l. c. p. 170). Одинъ англійскій экономистъ замѣчаетъ по поводу подобныхъ фокусовъ въ «Письмахъ» Сэя: «эти аффектированные способы болтовни («those affected ways of talking») составляютъ въ общемъ то, что господину Сэю угодно называть своей доктриной и что онъ совѣтуетъ Мальтусу поучать въ Hertford'ѣ, какъ это уже дѣлается, dans plusieurs parties de l'Europe (во многихъ мѣстахъ въ Европѣ). «Если во всѣхъ этихъ положеніяхъ вы найдете нѣчто парадоксальное,—говоритъ онъ,—то посмотрите на вещи, которыя они выражаютъ, и я смѣю думать, что онѣ вамъ покажутся крайне простыми и крайне разумными. Безъ сомнѣнія, но вслѣдствіе этого же процесса онѣ въ то же время покажутся всѣмъ, чѣмъ угодно, только не оригинальными и не важными» (An Inquiry into those Principles respecting the Nature of Demand etc.», p. 116, 110).

ствами капитала и подобно тому какъ постоянное присвоеніе прибавочнаго труда капиталистомъ является постояннымъ самовозрастаніемъ цѣнности капитала. Въ своей проекціи всѣ силы труда суть силы капитала точно такъ же, какъ всѣ формы цѣнности товара—формы денегъ.

Съ возрастаніемъ капитала возрастаетъ разница между примѣняемымъ и потребляемымъ капиталомъ. Другими словами: возрастаетъ масса цѣнности и масса матеріала, заключенная въ средствахъ труда, каковы постройки, машины, дренажныя трубы, рабочій скотъ, всевозможные аппараты, которые въ продолженіе большаго или меньшаго періода времени, въ постоянно повторяющихся процессахъ производства, функціонируютъ или служатъ для опредѣленныхъ полезныхъ цѣлей цѣликомъ, но изнашиваются только постепенно и поэтому цѣнность свою теряютъ т. е. переносятъ на продуктъ только по частямъ. Поскольку эти средства труда участвуютъ въ образованіи продукта, не прибавляя къ нему цѣнности, т. е. прилагаются цѣликомъ, но потребляются только по частямъ, они служатъ, какъ уже прежде было упомянуто, такую же даровую службу, какъ силы природы, вода, паръ, воздухъ, электричество и т. д. Эта даровая служба прошедшаго труда, подхваченнаго и одушевленнаго живымъ трудомъ, накопляется пропорціонально возрастанію размѣровъ накопленія.

Такъ какъ прошедшій трудъ постоянно облекается въ форму капитала, т. е. пассивъ труда A, B, C и т. д. превращается въ активъ нетрудящагося X, то буржуа и экономисты разсыпаются въ похвалахъ заслугамъ прошедшаго труда, которыя, по мнѣнію шотландскаго генія Mac Culloch'a, должны даже получать особенное вознагражденіе (процентъ, прибыль и т. д.) [61]). Такъ, все возрастающее и возрастающее значеніе прошедшаго труда, участвующаго въ живомъ процессѣ, труда въ формѣ средствъ производства, приписывается его формѣ. отдѣленной отъ самого рабочаго, прошедшій и неоплаченный трудъ котораго эти средства производства и составляютъ, т. е. капиталу. Практическіе дѣятели капиталистическаго производства и его праздноболтающіе идеологи такъ же неспособны отдѣлить средства производства отъ присущей имъ въ настоящее время антагонистической общественной формы, какъ рабовладѣлецъ не можетъ представить себѣ рабочаго иначе, какъ въ видѣ раба.

При данной степени эксплуатаціи рабочей силы, масса прибавочной цѣнности опредѣляется количествомъ одновременно эксплуатируемыхъ рабочихъ, а это количество соотвѣтствуетъ, хотя и въ измѣняющемся отношеніи, величинѣ капитала. Чѣмъ больше, слѣдовательно, увеличивается капиталъ посредствомъ послѣдовательныхъ накопленій, тѣмъ больше возрастаетъ и сумма цѣнностей, распадающаяся на потребительный фондъ и на фондъ накопленія. Капиталистъ поэтому можетъ жить все шире и шире и въ то же время все больше и больше «воздерживаться». Въ концѣ концовъ, всѣ пружины производства дѣйствуютъ съ тѣмъ большей энергіей, чѣмъ больше расширяются его размѣры вмѣстѣ съ массой авансируемаго капитала.

[61]) Mac Culloch взялъ патентъ на «wages of past labour» гораздо раньше, чѣмъ Senior на «wages of abstinence».

5. Такъ называемый рабочій фондъ.

Мы пришли въ нашемъ изслѣдованіи къ выводу, что капиталъ есть величина не постоянная, но растяжимая (эластичная). Онъ составляетъ постоянно измѣняющуюся въ своихъ размѣрахъ—въ зависимости отъ раздѣленія прибавочной цѣнности на доходъ и добавочный капиталъ—часть общественнаго богатства. Мы видѣли далѣе, что даже при данной величинѣ функціонирующаго капитала, рабочая сила, наука, земля (въ экономическомъ смыслѣ подъ землей нужно подразумѣвать всѣ объекты труда, доставляемые природой безъ содѣйствія человѣка), пріуроченные къ капиталу, составляютъ эластичныя силы, которыя въ извѣстныхъ границахъ даютъ ему просторъ, независимый отъ его собственной величины. При этомъ мы оставляли въ сторонѣ всѣ условія процесса обращенія, которыя являются причиной различной степени дѣятельности одной и той же массы капитала. Мы оставляли въ сторонѣ также всякую болѣе раціональную и планомѣрную комбинацію наличныхъ средствъ производства и рабочихъ силъ, такъ какъ мы брали рамки капиталистическаго производства, какъ данныя, т. е. мы предполагали совершенно стихійно развившійся строй общественнаго процесса производства. Классическая экономія всегда любила разсматривать общественный капиталъ какъ величину постоянную, съ постоянною степенью дѣйствія. Но въ догматъ этотъ предразсудокъ былъ возведенъ лишь архифилистеромъ Іереміей Бентамомъ, этимъ трезвеннымъ педантомъ, болтливымъ оракуломъ здраваго буржуазнаго разсудка 19-го вѣка [62]). Бентамъ между философами играетъ такую же роль, какъ Martin Tupper между поэтами. Оба эти созданія были возможны только въ Англіи [63]).

---

[62]) Ср. между прочимъ: J. Bentham: «Théorie des Peines et des Récompenses, trad. Et. Dumont. 3-ème ed.» Paris 1826, t. II l. IV ch II.

[63]) Jeremias Bentham чисто англійскій феноменъ. Ни въ какой странѣ и ни въ какія времена, не исключая даже нашего философа Христіана Вольфа, доморощенная пошлость не выступала съ такимъ самодовольствомъ. Принципъ пользы вовсе не изобрѣтеніе Бентама. Онъ лишь безъ всякаго остроумія воспроизвелъ то, что остроумно было высказано еще Гельвеціемъ и другими французами 18-го столѣтія. Если мы, напр., хотимъ знать, что полезно для собаки, то мы должны изучить собачью натуру. Но самую эту натуру нельзя конструировать изъ «принципа пользы». Если, въ примѣненіи къ человѣку, мы будемъ каждое человѣческое дѣйствіе, движеніе, отношеніе и т. д. судить съ точки зрѣнія принципа пользы, то прежде всего надо разсмотрѣть человѣческую природу вообще, а затѣмъ человѣческую природу, различную въ каждую историческую эпоху. Но Бентамъ не задумывается надъ этимъ. Съ самой наивной сухостью онъ принимаетъ современнаго, и притомъ англійскаго, буржуа (Spiessbürger) за нормальнаго человѣка. Все, что полезно этому экземпляру нормальнаго человѣка и его средѣ, полезно само по себѣ. Этимъ мѣриломъ онъ измѣряетъ прошедшее, настоящее и будущее. Напримѣръ, христіанская религія «полезна», потому что она, съ религіозной точки зрѣнія, запрещаетъ тѣ поступки, которые юридически осуждаются уголовнымъ кодексомъ. Художественная критика вредна, такъ какъ она мѣшаетъ почтеннымъ людямъ наслаждаться произведеніями Martin Tupper'а и т. д. Подобнымъ вздоромъ этотъ славный человѣкъ, девизъ котораго: «nulla dies sine linea», напродилъ цѣлые кучи книгъ. Если бы я имѣлъ смѣлость моего друга Г. Гейне, то я назвалъ бы господина Іеремію геніемъ буржуазной глупости.

Если принять ученіе Бентама, то самыя обыкновенныя явленія процесса производства, напр., его внезапныя расширенія и сокращенія и даже накопленіе, становятся совершенно непонятными [64]). Этотъ догматъ эксплуатировался какъ самимъ Бентамомъ, такъ и Мальтусомъ, Джемсомъ Миллемъ и Макъ-Куллохомъ и другими съ апологетическими цѣлями, а именно съ цѣлью представить перемѣнный капиталъ или часть капитала, превращаемую въ рабочую силу, какъ величину постоянную. Вещественное бытіе перемѣннаго капитала, т. е. масса средствъ существованія, которыя онъ представляетъ для рабочихъ, или такъ называемый рабочій фондъ, изображался какъ особая часть общественнаго богатства, какъ бы отграниченная естественными цѣпями и не подлежащая расширенію. Для того, чтобы привести въ движеніе ту часть общественнаго богатства, которая должна функціонировать какъ постоянный капиталъ или, выражаясь матеріально, какъ средства производства, необходимо извѣстное количество живого труда. Это послѣднее опредѣляется данными техническими условіями. Но послѣднія не опредѣляютъ ни числа рабочихъ, необходимыхъ для того, чтобы привести въ движеніе эту массу труда, ибо она измѣняется со степенью эксплуатаціи индивидуальной рабочей силы, или цѣны этой рабочей силы; даны лишь ея минимальные предѣлы, къ тому же очень эластичные. Факты, легшіе въ основаніи этого догмата, таковы: съ одной стороны, рабочій не имѣетъ права голоса при раздѣленіи общественнаго богатства на средства потребленія нерабочихъ и на средства производства; съ другой стороны, онъ только въ исключительно благопріятныхъ случаяхъ можетъ расширить такъ называемый «рабочій фондъ» (Arbeitsfonds) на счетъ «дохода» (Revenue) богача [65]).

Къ какой нелѣпой тавтологіи приводитъ желаніе превратить капиталисти-

---

[64]) «Экономисты слишкомъ склонны разсматривать опредѣленное количество капитала и опредѣленное число рабочихъ какъ орудія производства одинаковой силы и какъ силы, дѣйствующія съ одинаковой, опредѣленной степенью интенсивности... Тѣ, кто утверждаютъ, что товары суть единственные дѣятели производства, доказываютъ, что производство вообще не можетъ быть расширяемо, такъ какъ для такого расширенія надо предварительно увеличить количество средствъ существованія, сырого матеріала и орудій, что на самомъ дѣлѣ сводится къ тому, что никакое увеличеніе производства невозможно безъ предварительнаго его увеличенія или, другими словами, что невозможно никакое увеличеніе» (S. Bailey: «Money and its Vicissitudes», p. 26 и 70). Bailey критикуетъ этотъ догматъ, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія процесса обращенія.

[65]) «Продукты труда въ настоящее время распредѣляются обратно пропорціонально труду, — говоритъ J. St. Mill въ своихъ «Principles of Polit. Economy»,— самая большая часть достается тѣмъ, кто никогда не работаетъ, слѣдующая по величинѣ тѣмъ, трудъ которыхъ почти номинальный; и по мѣрѣ того, какъ трудъ становится все тяжелѣе и непріятнѣе, плата все болѣе и болѣе понижается, такъ что самый утомительный и изнурительный физическій трудъ не можетъ съ увѣренностью разсчитывать даже на полученіе самыхъ необходимыхъ средствъ существованія». Во избѣжаніе недоразумѣній замѣчу, что если такіе люди, какъ J. St. Mill и т. п. и заслуживаютъ порицанія за противорѣчія между ихъ устарѣлыми экономическими догматами и ихъ современными тенденціями, то все-таки было бы несправедливо смѣшивать ихъ въ одну кучу со стадомъ вульгарно-экономическихъ апологетовъ.

ческую границу рабочаго фонда въ его естественную общественную границу показываетъ, между прочимъ, примѣръ профессора Fawcett'a. «Оборотный капиталъ [66]) страны», говоритъ онъ, есть ея рабочій фондъ. Поэтому, чтобы вычислить среднюю денежную заработную плату, получаемую каждымъ рабочимъ, мы должны только раздѣлить этотъ капиталъ на число рабочаго населенія» [67]). Другими словами, значитъ, сначала мы сосчитываемъ сумму всей дѣйствительно выплачиваемой индивидуальной платы, а затѣмъ мы утверждаемъ, что путемъ этого сложенія образуется цѣнность «рабочаго фонда», дарованнаго Богомъ и природой. Наконецъ, мы дѣлимъ полученную такимъ образомъ сумму на число рабочихъ, чтобы опять открыть, сколько приходится среднимъ числомъ на каждаго отдѣльнаго рабочаго. Нечего сказать—необыкновенно хитрая процедура! Она, однако, не мѣшаетъ Fawcett'у, такъ сказать, однимъ духомъ утверждать: «Общая сумма богатствъ, ежегодно накопляемыхъ въ Англіи, дѣлится на двѣ части. Одна часть употребляется въ Англіи для поддержанія нашей собственной промышленности, другая часть вывозится въ другія страны... Часть, употребляющаяся въ нашей промышленности, составляетъ лишь незначительную часть богатствъ, ежегодно накопляемыхъ въ странѣ» [68]). Большая часть ежегодно нарастающаго прибавочнаго продукта, отнимаемаго безъ эквивалента у англійскаго рабочаго, капитализируется, слѣдовательно, не въ Англіи, но въ чужихъ странахъ. Но вмѣстѣ съ вывозимымъ такимъ образомъ добавочнымъ капиталомъ вывозится также часть «рабочаго фонда», изобрѣтеннаго Богомъ и Бентамомъ [69]).

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Всеобщій законъ капиталистическаго накопленія.

1) Возрастаніе спроса на рабочую силу съ прогрессомъ накопленія при неизмѣняющемся составѣ капитала.

Въ этой главѣ мы разсматриваемъ вліяніе, которое оказываетъ возрастаніе капитала на судьбу рабочаго класса. Важнѣйшимъ факторомъ этого изслѣдо-

[66]) H. Fawcett, Prof. of Polit. Econ. at Cambridge: «The Economic Position of the British Labourer. Lond. 1865», p. 120.

[67]) Я напомню здѣсь читателю, что категоріи—перемѣнный и постоянный капиталъ употреблены впервые мною. Политическая экономія, начиная съ А. Смита, смѣшиваетъ признаки, заключающіеся въ этихъ категоріяхъ, съ различіями ихъ формъ капитала, происходящими изъ процесса обращенія и обозначаемыми терминами: капиталъ основной (fixe) и капиталъ оборотный. Болѣе подробно объ этомъ рѣчь будетъ во второмъ отдѣлѣ второго тома *).

[68]) Fawcett l. c. p. 123, 122.

[69]) Можно сказать, что не только капиталъ, но и рабочіе ежегодно вывозятся изъ Англіи. Но въ текстѣ рѣчь идетъ вовсе не объ имуществѣ переселенцевъ, которые большею частью вовсе не рабочіе. Большой процентъ ихъ составляютъ сыновья фермеровъ. Добавочный капиталъ, ежегодно высылаемый Англіей за границу для помѣщенія его тамъ на проценты составляетъ гораздо большую долю ежегоднаго накопленія, чѣмъ ежегодное выселеніе годичнаго прироста населенія.

*) Т. е. второго тома «Капитала». *Прим. П. С.*

нія является составъ или сложеніе капитала и тѣ измѣненія, которымъ этотъ составъ подвергается во время процесса накопленія.

Составъ капитала можно понимать въ двоякомъ смыслѣ. Въ отношеніи цѣнности составъ капитала опредѣляется той пропорціей, въ которой капиталъ дѣлится на постоянную часть, или цѣнность средствъ производства, и на перемѣнную часть, или цѣнность рабочей силы, т. е. общую сумму заработной платы. Въ отношеніи матеріала или вещества, которое функціонируетъ въ процессѣ производства, каждый капиталъ дѣлится на средства производства и на живую рабочую силу; составъ капитала въ этомъ отношеніи опредѣляется—пропорціей между массой примѣненныхъ средствъ производства, съ одной стороны, и количествомъ труда, необходимаго для ихъ приложенія къ дѣлу, съ другой. Первый я называю цѣнностнымъ составомъ, второй—техническимъ составомъ капитала. Между обоими существуетъ тѣсное взаимоотношеніе. Чтобы выразить его, я называю цѣнностный составъ капитала, поскольку онъ опредѣляется техническимъ составомъ и отражаетъ на себѣ всѣ измѣненія этого послѣдняго, органическимъ составомъ капитала. Вездѣ, гдѣ я просто говорю о составѣ или сложеніи капитала, подразумѣвается его органическій составъ.

Многочисленные отдѣльные капиталы, вложенные въ одну какую-нибудь отрасль производства, могутъ имѣть болѣе или менѣе различный составъ. Средняя ихъ индивидуальныхъ составовъ даетъ намъ составъ совокупнаго капитала данной отрасли производства. Наконецъ, общая средняя величина этихъ среднихъ составовъ всѣхъ отраслей производства даетъ составъ общественнаго капитала страны, и только объ этомъ составѣ въ послѣднемъ счетѣ будетъ идти рѣчь въ послѣдующемъ нашемъ изложеніи.

Возрастаніе капитала объемлетъ собой также и возрастаніе его перемѣнной или превращенной въ рабочую силу части. Часть прибавочной цѣнности, превращенной въ добавочный капиталъ, должна постоянно снова превращаться въ перемѣнный капиталъ или въ добавочный рабочій фондъ. Если мы предположимъ, что, при прочихъ равныхъ условіяхъ, составъ капитала не измѣняется, т. е. опредѣленная масса средствъ производства или постояннаго капитала всегда приводится въ движеніе одной и той же массой рабочей силы, то, очевидно, спросъ на трудъ и фондъ, изъ котораго берутся средства существованія рабочихъ, увеличиваются пропорціонально капиталу и тѣмъ быстрѣе, чѣмъ быстрѣе возрастаетъ капиталъ. Такъ какъ капиталъ ежегодно производитъ прибавочную цѣнность, часть которой ежегодно прибавляется къ первоначальному капиталу, такъ какъ это приращеніе само ежегодно возрастаетъ съ увеличеніемъ размѣра уже функціонирующаго капитала, и такъ какъ, наконецъ, подъ давленіемъ особенно сильнаго стремленія къ обогащенію, какъ напр., при открытіи новыхъ рынковъ, новыхъ сферъ приложенія капитала, вслѣдствіе развитія новыхъ общественныхъ потребностей и т. д., размѣры накопленія способны расширяться отъ одного только измѣненія въ дѣленіи прибавочной цѣнности или прибавочнаго продукта на капиталъ и доходъ,—то потребности накопленія капитала, или спросъ на трудъ, могутъ обогнать возрастаніе рабочей силы, или числа рабочихъ, и потому заработная плата можетъ повыситься. Это даже, въ концѣ концовъ,

должно произойти при неизмѣнномъ существованіи вышеупомянутой предпосылки. Такъ какъ каждый годъ бываетъ занято больше рабочихъ, чѣмъ въ предыдущемъ году, то рано или поздно долженъ наступить моментъ, когда потребности накопленія перерастутъ обыкновенное предложеніе труда, когда наступитъ, слѣдовательно, повышеніе заработной платы. Жалобы на это раздаются въ Англіи въ продолженіи всего пятнадцатаго и въ первой половинѣ восемнадцатаго столѣтія. Однако болѣе или менѣе благопріятныя условія, при которыхъ происходитъ воспроизведеніе и размноженіе наемныхъ рабочихъ, нисколько не измѣняютъ основного характера капиталистическаго производства. Подобно тому, какъ простое воспроизведеніе постоянно воспроизводитъ экономическое отношеніе, именуемое капиталомъ, капиталистовъ на одной сторонѣ, наемныхъ рабочихъ на другой, точно такъ же расширенное воспроизведеніе или накопленіе воспроизводитъ названное отношеніе (капиталъ) въ болѣе широкихъ размѣрахъ, т. е. больше капиталистовъ или болѣе крупныхъ капиталистовъ на одномъ полюсѣ и больше наемныхъ рабочихъ на другомъ. Воспроизведеніе рабочей силы, которая постоянно должна пріурочиваться къ капиталу, какъ средство созданія прибавочной цѣнности, и не можетъ отъ него освободиться, зависимость которой отъ капитала маскируется только смѣной индивидуальныхъ капиталистовъ, которымъ она продаетъ себя, это воспроизведеніе составляетъ, дѣйствительно, одинъ изъ моментовъ воспроизведенія самого капитала. Накопленіе капитала означаетъ, стало быть, увеличеніе пролетаріата [76]).

Классическая политическая экономія такъ хорошо понимала это положеніе, что А. Смитъ, Рикардо и др., какъ уже прежде было упомянуто, даже ошибочно отождествляли накопленіе съ потребленіемъ всей капитализированной части прибавочнаго продукта производительными рабочими или съ его превращеніемъ въ добавочныхъ наемныхъ рабочихъ. Еще въ 1696 г. John Bellers говоритъ: «Если бы у кого-нибудь было 100.000 акровъ земли, столько же фунтовъ стерлинговъ и столько же скота, то чѣмъ былъ бы этотъ богатый человѣкъ безъ рабочихъ, какъ не рабочимъ же? И такъ какъ рабочіе обогащаютъ людей, то,

[76]) Karl Marx l. c.—«При одинаковомъ угнетеніи массъ, чѣмъ больше въ странѣ пролетаріевъ, тѣмъ она богаче». (Collins: «l'Economie Politique, Source des Révolutions et des Utopies prétendues socialistes. Paris, 1857», t. III, p. 331). Подъ «пролетаріями», въ экономическомъ смыслѣ, нужно подразумѣвать только наемныхъ рабочихъ, которые производятъ «капиталъ» и увеличиваютъ его цѣнность и которыхъ выбрасываютъ на мостовую, какъ только они становятся излишними для потребности самовозрастанія «господина капитала» (monsieur capital), какъ называетъ эту особу Pecqueur. «Болѣзненный пролетарій первобытныхъ лѣсовъ» есть только забавное порожденіе фантазіи Рошера. Житель первобытныхъ лѣсовъ есть ихъ собственникъ и обращается съ этой своей собственностью такъ же безцеремонно, какъ орангъ-утангъ. Онъ, слѣдовательно, не пролетарій. Онъ былъ бы имъ лишь въ томъ случаѣ, если бы, вмѣсто того, чтобы самому эксплуатировать первобытный лѣсъ, онъ самъ былъ эксплуатируемъ этимъ лѣсомъ. Что же касается состоянія его здоровья, то оно не только выдерживаетъ сравненіе съ здоровьемъ современнаго пролетарія, но даже съ здоровьемъ сифилитическихъ и золотушныхъ «порядочныхъ людей». Но можетъ, быть подъ первобытнымъ лѣсомъ господинъ Вильгельмъ Рошеръ понимаетъ родную ему Lüneburger Haide.

чѣмъ больше рабочихъ, тѣмъ больше богатыхъ... Трудъ бѣдняковъ есть рудникъ богачей» [71]). Точно такъ же Bernard de Mandeville говоритъ въ началѣ XVIII-го столѣтія: «Тамъ, гдѣ собственность достаточно ограждена, легче было бы жить безъ денегъ, чѣмъ безъ бѣдныхъ, ибо кто же тогда сталъ бы трудиться?.. Если рабочихъ нужно охранять отъ голодной смерти, то, съ другой стороны, имъ не слѣдуетъ давать ничего, что стоило бы сбереженія. Если иногда кто-нибудь изъ низшихъ классовъ, благодаря необыкновенному трудолюбію и жизни впроголодь, возвысится надъ тѣмъ состояніемъ, въ которомъ онъ выросъ, то этому никто не долженъ препятствовать: безспорно самое разумное для каждаго частнаго лица, для каждаго отдѣльнаго семейства жить бережливо; но интересъ всѣхъ богатыхъ націй требуетъ, чтобы большая часть бѣдныхъ никогда не оставалась безъ дѣла и чтобы они, тѣмъ не менѣе, всегда проживали все, что получаютъ... Тѣ, которые живутъ повседневнымъ трудомъ, не имѣютъ ничего, что бы ихъ побуждало къ труду, кромѣ своихъ нуждъ, которыя благоразумно облегчать, но безразсудно было бы совершенно исцѣлять. Единственная вещь, которая можетъ рабочаго сдѣлать прилежнымъ, это умѣренная заработная плата. Слишкомъ ничтожная плата дѣлаетъ его, смотря по темпераменту, малодушнымъ или повергаетъ въ отчаяніе, слишкомъ большая—дерзкимъ и лѣнивымъ... Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ, что для свободной націи, у которой рабство запрещено, самое вѣрное богатство — множество трудолюбивыхъ бѣдняковъ. Кромѣ того, что они составляютъ неизсякаемый источникъ флота и арміи, безъ нихъ не было бы наслажденія, и продукты страны не могли бы эксплуатироваться. Чтобы сдѣлать общество (состоящее, конечно, изъ нерабочихъ) счастливымъ, а народъ, даже въ жалкомъ положеніи, довольнымъ, необходимо, чтобы значительное большинство оставалось невѣжественнымъ, и бѣднымъ. Знанія расширяютъ и увеличиваютъ наши желанія, а чѣмъ меньше человѣкъ желаетъ, тѣмъ легче его потребности могутъ быть удовлетворены» [72]). Но Mandeville, честный человѣкъ и свѣтлая голова, не понимаетъ еще того что механизмъ самого процесса накопленія вмѣстѣ съ капиталомъ увеличиваетъ и число «трудолюбивыхъ бѣдняковъ», т. е. наемныхъ рабочихъ, превращающихъ свою рабочую силу въ возрастающую силу созданія прибавочной цѣнности возрастающимъ капиталомъ и этимъ самымъ неизбѣжно увѣковѣчивающихъ свою зависимость отъ своего же собственнаго продукта, олицетвореннаго въ капиталистѣ. Относительно этой зависимости Sir F. M. Eden замѣчаетъ въ своемъ «Положеніи бѣдныхъ или исторіи рабочаго труда въ Англіи»: «Нашъ климатъ

[71]) «As the Labourers make men rich, so the more Labourers, there will be the more rich men... the Labour of the Poor being the Mines of the Rich». (John Bellers l. c. p. 2).

[72]) B. de Mandeville («The Fable of the Bees. 5 th ed. Lond. 1728», Remarks, p. 212, 213, 328). «Умѣренная жизнь и постоянный трудъ составляютъ для бѣдняка путь къ матеріальному благополучію (подъ которымъ авторъ подразумѣваетъ возможно болѣе продолжительный рабочій день и возможно меньшее количество средствъ существованія), для государства же (т. е. землевладѣльцевъ, капиталистовъ и политическихъ сановниковъ и агентовъ) путь къ богатству». («An Essay on Trade and Commerce. Lond. 1770», p. 54).

требуетъ труда для удовлетворенія потребностей и, поэтому, по крайней мѣрѣ часть общества должна работать безъ устали... Нѣкоторые, не работая, имѣютъ, однако, въ своемъ распоряженіи продукты трудолюбія. Этимъ собственники это обязаны лишь цивилизаціи и порядку; они чистыя креатуры гражданскихъ учрежденій [73]), такъ какъ послѣднія признаютъ, что можно присвоивать себѣ плоды труда и инымъ способомъ, чѣмъ трудомъ. Люди съ независимымъ состояніемъ обязаны своимъ состояніемъ почти исключительно чужому труду, а не своимъ собственнымъ способностямъ, которыя ничуть не лучше способностей другихъ. Не обладаніе землей и деньгами отличаетъ богатыхъ отъ бѣдныхъ, а господство надъ трудомъ («the command of labour»). Бѣднымъ полезны не заброшенность или рабское положеніе, но состояніе удобной и либеральной зависимости («a state of easy and liberale dependence»), для людей же имѣющихъ собственность—авторитетъ и достаточное вліяніе на тѣхъ, кто для нихъ работаетъ... Подобное состояніе зависимости, какъ извѣстно всякому знатоку человѣческой природы, необходимо для благосостоянія самихъ рабочихъ» [74]). Sir F. M. Eden, мимоходомъ сказать, единственный изъ учениковъ А. Смита, создавшій нѣчто крупное въ XVIII-мъ столѣтіи [75]).

---

[73]) Eden долженъ былъ бы задать вопросъ, чья же креатура «гражданскія учрежденія»? Съ точки зрѣнія юридическихъ иллюзій онъ разсматриваетъ не законъ, какъ продуктъ матеріальныхъ отношеній производства, но, наоборотъ, производственныя отношенія, какъ продуктъ закона. Linguet опровергъ однимъ словомъ привычный «Esprit des Lois» Montesquieu: «L'esprit des lois, c'est la propriété». («Духъ законовъ—это собственность»).

[74]) Eden, l. c. v. I, l. I, ch. I, p. 1, 2 и предисловіе p. XX.

[75]) Если читатель напомнитъ намъ Мальтуса, «Essay on Population» котораго появился въ 1798 г., то я замѣчу, что эта книга въ своемъ первоначальномъ видѣ представляетъ лишь школьнически-поверхностный, поповски-напыщенный плагіатъ изъ De Foe, Sir James Steuart, Townsend. Franklin, Wallace и др. и не содержитъ ни одной самостоятельной мысли. Сенсація, произведенная этимъ памфлетомъ, объясняется только партійными интересами. Французская революція нашла въ Британскомъ королевствѣ страстныхъ защитниковъ; «принципъ народонаселенія», медленно вырабатывавшійся въ XVIII-мъ столѣтіи, потомъ съ трубными звуками и барабаннымъ боемъ провозглашенный во время великаго соціальнаго кризиса, какъ вѣрное противоядіе противъ ученій Condorcet и другихъ, былъ съ ликованіемъ привѣтствованъ англійской олигархіей въ качествѣ великаго гасителя всѣхъ стремленій къ человѣческому прогрессу. Мальтусъ, чрезвычайно удивленный своимъ успѣхомъ, принялся наполнять старую схему поверхностно собраннымъ матеріаломъ, прибавляя и кое-что новое, открытое однако не Мальтусомъ, а лишь присвоенное имъ. Замѣтимъ здѣсь кстати, что хотя Мальтусъ былъ священникомъ англиканской церкви, онъ тѣмъ не менѣе далъ монашескій обѣтъ безбрачія. Это является однимъ изъ условій fellowship въ протестантскомъ Кембриджскомъ университетѣ. «Socios collegiorum maritos esse non permittimus, sed statim postquam quis uxorem duxerit, socius collegii desinat esse». («Reports of Cambridge University Commission», p. 172). Это обстоятельство выгодно отличаетъ Мальтуса отъ другихъ протестантскихъ священниковъ. Послѣдніе отвергнувъ католическую заповѣдь священническаго безбрачія, въ такой мѣрѣ проникались библейскимъ повелѣніемъ: «плодитесь и множитесь!», какъ девизомъ своей спеціальной миссіи, что сами всюду способствуютъ уполичненію народонаселенія съ усердіемъ, поистинѣ непристойнымъ, между тѣмъ какъ рабочимъ они проповѣдуютъ «принципъ народонаселенія». Ха-

При тѣхъ наиболѣе благопріятныхъ для рабочихъ условіяхъ накопленія, которыя мы до сихъ поръ предполагали, зависимость ихъ (рабочихъ) отъ капитала облекается въ сносныя и, какъ говоритъ Eden, «удобныя и либеральныя

рактерно, что эта экономическая пародія на грѣхопаденіе, это Адамово яблоко, «urgent appetite» (сильное стремленіе), «the checks which tend to blunt the shafts of Cupid» (препятствія, стремящіяся притупить стрѣлы Купидона), какъ весело выражается попъ Townsend, что этотъ щекотливый пунктъ былъ монополизированъ протестантскими теологами или, вѣрнѣе, протестантской церковью и остается имъ и по настоящее время. За исключеніемъ венеціанскаго монаха Ortes'a, оригинальнаго и остроумнаго писателя, большинство проповѣдниковъ теоріи народонаселенія — протестантскіе попы. Таковъ Bruckner,—въ его «Théorie du systeme animal. Leyde 1767» исчерпана вся новѣйшая теорія народонаселенія, идеи для которой доставилъ мимолетный споръ по этому же самому предмету между Quesnay и его ученикомъ Mirabeau-отцомъ; затѣмъ попъ Wallace, попъ Townsend, попъ Мальтусъ и его ученикъ, архипопъ Th. Chalmers, не говоря уже о мелкихъ попахъ-писакахъ in this line (на ту же тему). Первоначально политической экономіей занимались философы, какъ Hobbes, Locke, Hume, государственные дѣятели и коммерсанты, каковы Thomas Morus, Temple, Sully, de Witt, North, Law, Vanderlint, Cantillon, Franklin, и, въ особенности, теоретически съ величайшимъ успѣхомъ—медики, Petty, Barbon, Mandeville, Quesnay. Еще въ половинѣ XVIII-го столѣтія Rev. (свящ.) Mr. Tucker, извѣстный для своего времени экономистъ, просилъ извиненія за то, что онъ занялся мамономъ. Нѣсколько позднѣе, а именно съ «закономъ народонаселенія», насталъ часъ протестантскихъ поповъ. Какъ бы предчувствуя эту неблаговидную конкурренцію, Petty, считающій народонаселеніе основаніемъ богатства и, подобно А. Смиту, непримиримый врагъ поповъ, говоритъ: «Религія больше всего процвѣтаетъ тогда, когда священники больше всего умерщвляютъ свою плоть, такъ же какъ право больше всего процвѣтаетъ тамъ, гдѣ адвокаты голодаютъ». Онъ совѣтуетъ, поэтому, протестантскимъ попамъ, ужъ если они не хотятъ слѣдовать примѣру апостола Павла и «умерщвлять свою плоть» безбрачіемъ, «не производить «ни въ какомъ случаѣ больше духовныхъ лицъ («not to breed more Churchmen»), чѣмъ могутъ поглотить имѣющіеся приходы (benefices), т. е., если въ Англіи и Уэльсѣ имѣется только 12.000 приходовъ, то неблагоразумно было бы произвести 24.000 поповъ («it will not be safe to breed 24.000 ministers»), такъ какъ 12.000 необезпеченныхъ будутъ постоянно искать средствъ къ жизни, а легче всего будетъ имъ идти для этого въ народъ и толковать ему, что 12.000 поповъ, имѣющихъ приходы, губятъ души, истощаютъ ихъ и показываютъ имъ ложный путь на небо». (Petty: «A Treatise on Taxes and Contributions. Lond. 1667», p. 57). Отношеніе А. Смита къ протестантскимъ попамъ его времени характеризуется слѣдующимъ. Въ «A Letter to A Smith, L. L. D. on the Life, Death and Philosophy of his Friend David Hume. By One of the People called Christians. 4 th ed Oxford 1784», Dr. Horme, англиканскій епископъ въ Norwich'ѣ отдѣлываетъ А. Смита за то, что тотъ въ открытомъ письмѣ къ Strahan'у «бальзамируетъ своего друга Давида» (т. е. Юма) и разсказываетъ публикѣ, какъ «Юмъ на своемъ смертномъ одрѣ забавлялся Лукіаномъ и вистомъ», и даже имѣетъ дерзость говорить: «Я всегда считалъ Юма, какъ при его жизни, такъ и послѣ его смерти, настолько близкимъ къ идеалу совершенно мудраго и добродѣтельнаго человѣка, насколько это доступно слабой человѣческой природѣ». Епископъ съ негодованіемъ восклицаетъ: «Правильно ли съ вашей стороны, милостивый государь, называть совершенно мудрымъ и добродѣтельнымъ характеръ и образъ жизни человѣка, который чувствовалъ непримиримую антипатію ко всему, что называется религіей, и который напрягалъ каждый нервъ свой, для того, чтобы, насколько это отъ него зависитъ, изгладить даже имя

формы». Вмѣсто того, чтобы съ ростомъ капитала становиться интенсивнѣе, она становится только экстенсивнѣе, т. е. сфера эксплуатаціи и господства капитала расширяется только вмѣстѣ съ его собственнымъ размѣромъ и съ числомъ его подданныхъ. Большая часть ихъ собственнаго прибавочнаго продукта, который все возрастаетъ и превращается во все растущій и растущій добавочный капиталъ, притекаетъ къ нимъ обратно въ формѣ платежныхъ средствъ, такъ что они могутъ расширять кругъ своихъ потребностей, повышать свой потребительный фондъ, состоящій изъ платья, бѣлья и т. п., и составлять себѣ даже маленькіе денежные запасы. Но лучшая одежда, пища, мягкое обращеніе и значительный пекуліумъ не уничтожаютъ ни состоянія зависимости, ни эксплуатаціи раба; также обстоитъ и съ наемнымъ рабочимъ. Повышеніе цѣны труда вслѣдствіе накопленія капитала въ дѣйствительности означаетъ только, что размѣры и тяжесть золотой цѣпи, которую самъ же рабочій сковалъ для себя, позволяютъ ослабить ея натяженіе. Въ спорахъ объ этомъ предметѣ, въ большинствѣ случаевъ, забывали самое главное, а именно то, что можно охарактеризировать, какъ differentia specifica капиталистическаго производства. Рабочая сила покупается здѣсь не для того, чтобы своимъ дѣйствіемъ или своими продуктами удовлетворять личныя потребности покупателя. Цѣль покупателя тутъ увеличеніе цѣнности его капитала, производство товаровъ, содержащихъ больше труда, чѣмъ онъ оплатилъ, содержащихъ, слѣдовательно, долю цѣнности, которая ему ничего не стоитъ и тѣмъ не менѣе реализуется въ продажѣ товаровъ. Производство прибавочной цѣнности или нажива—вотъ абсолютный законъ этого способа производства. Рабочая сила здѣсь можетъ быть продаваема лишь постольку, поскольку она сохраняетъ средства производства въ видѣ капитала, воспроизводитъ свою собственную цѣнность въ видѣ капитала, и въ неоплаченномъ трудѣ создаетъ источникъ добавочнаго капитала [76]). Условія продажи рабочей силы, болѣе или менѣе благо-

---

ея изъ памяти людей». (l. c. p. 8). «Но не унывайте, друзья истины, атеизмъ неопровѣченъ». (p. 17). А. Смитъ «такъ нагло нечестивъ («the atrocious wickedness»), что проповѣдуетъ атеизмъ въ стрѣлѣ, (а именно въ своей «Theory of moral sentiments»)... Но мы понимаемъ ваши хитрости, господинъ докторъ! У васъ добрыя намѣренія, но на этотъ разъ вы ошиблись въ расчетѣ. На примѣрѣ почтеннаго Давида Юма вы хотите «намъ доказать, что атеизмъ есть единственное возбуждающее средство («cordial») упавшаго духа, и единственное средство противъ страха смерти... Смѣйтесь же надъ развалинами Вавилона и прославляйте ожесточеннаго злодѣя фараона!» (l. c. p. 21, 22). Одинъ изъ ортодоксальныхъ слушателей лекцій А. Смита пишетъ послѣ его смерти: «Дружба Смита къ Юму мѣшала ему быть христіаниномъ... Онъ во всемъ вѣрилъ Юму на слово. Если бы Юмъ сказалъ ему, что луна—зеленый сыръ, онъ бы повѣрилъ ему. Онъ вѣрилъ также ему, что нѣтъ Бога и чудесъ... По своимъ политическимъ убѣжденіямъ онъ приближался къ республиканцамъ» («The Bee». By James Anderson 18 vls. Edinb. 1791—93, vol. 3 p. 164, 165). Попъ Th. Chalmers подозрѣваетъ А. Смита въ томъ, что онъ только по злобѣ выдумалъ категорію «непроизводительныхъ рабочихъ», спеціально имѣя въ виду протестантскихъ поповъ, несмотря на ихъ благословенные труды въ вертоградѣ Господнемъ.

[76]) Примѣч. ко 2 му изд. «Но границы занятій для промышленныхъ и для сельскихъ рабочихъ одни и тѣ же, а именно, возможность для предпринимателя извле-

пріятныя для рабочихъ, заключаютъ въ себѣ, такимъ образомъ, необходимость постояннаго возобновленія ея продажи и все расширяющееся воспроизведеніе богатства въ видѣ капитала. Заработная плата, какъ мы уже видѣли, по самой природѣ своей обусловливаетъ постоянное доставленіе рабочимъ извѣстнаго количества неоплаченнаго труда. Совершенно независимо отъ повышенія заработной платы съ пониженіемъ цѣны труда и т. п., увеличеніе ея, въ лучшемъ случаѣ, означаетъ лишь количественное уменьшеніе того неоплаченнаго труда, который рабочій долженъ доставить. Но это уменьшеніе никогда не можетъ дойти до того, чтобы угрожать существованію самой системы. Помимо тѣхъ насильственныхъ столкновеній изъ-за размѣра заработной платы, въ которыхъ, какъ показалъ А. Смитъ, въ общемъ хозяинъ всегда остается побѣдителемъ, повышеніе цѣны труда, вытекающее изъ накопленія капитала, предполагаетъ слѣдующую альтернативу.

Либо цѣна труда продолжаетъ подниматься, такъ какъ повышеніе ея не мѣшаетъ прогрессу накопленія; въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ «даже при пониженіи прибыли, говоритъ А. Смитъ, капиталы все же увеличиваются; они возрастаютъ даже быстрѣе, чѣмъ прежде... Большой капиталъ, даже при меньшей прибыли, въ общемъ возрастаетъ быстрѣе, чѣмъ маленькій капиталъ при большой прибыли» (l. c. II, p. 189). Въ этомъ случаѣ, очевидно, что уменьшеніе неоплаченнаго труда нисколько не мѣшаетъ расширенію господства капитала. Либо,—это другая сторона альтернативы,—накопленіе ослабѣваетъ, вслѣдствіе повышенія цѣны труда, такъ какъ притупляется стремленіе къ прибыли. Накопленіе уменьшается. Но вмѣстѣ съ его уменьшеніемъ, исчезаетъ и причина этого уменьшенія, а именно,—несоразмѣрность между капиталомъ и подлежащей эксплуатаціи рабочей силой. Такимъ образомъ, механизмъ капиталистическаго способа производства устраняетъ самъ тѣ препятствія, которыя онъ создаетъ на своемъ пути. Цѣна труда снова падаетъ до уровня, соотвѣтствующаго потребностямъ возрастанія капитала, будетъ ли этотъ уровень выше, ниже, или онъ совпадетъ съ тѣмъ уровнемъ, который считался нормальнымъ до наступленія повышенія заработной платы. И такъ, мы видимъ слѣдующее. Въ первомъ случаѣ не уменьшеніе абсолютнаго или относительнаго роста рабочей силы или рабочаго населенія дѣлаетъ капиталъ излишнимъ, но, наоборотъ, увеличеніе капитала дѣлаетъ недостаточной подлежащую эксплуатаціи рабочую силу. Во второмъ случаѣ не увеличеніе абсолютнаго или относительнаго роста рабочей силы или рабочаго населенія дѣлаетъ капиталъ недостаточнымъ, но, наоборотъ, уменьшеніе капитала дѣлаетъ излишней подлежащую эксплоатаціи рабочую силу или, вѣрнѣе, ея цѣну. Вотъ эти-то абсолютныя движенія накопленія капитала и отражаются въ массѣ эксплуатируемой рабочей силы, какъ ея относительныя движенія,

---

кать прибыль изъ продукта ихъ труда... Если уровень заработной платы поднялся настолько, что прибыль хозяина падаетъ ниже средней, онъ перестаетъ давать имъ занятія или даетъ лишь на условіи пониженія заработной платы». (John Wade l. c. p. 241).

почему и кажется, что они вытекаютъ изъ ея собственнаго движенія. Выражаясь математически, величина накопленія есть независимая перемѣнная величина, заработная же плата—зависимая, а не наоборотъ. Такъ, въ періодъ кризиса въ промышленномъ циклѣ, общее паденіе товарныхъ цѣнъ выражается какъ повышеніе относительной цѣнности денегъ, а въ періодъ процвѣтанія общее повышеніе товарныхъ цѣнъ выражается, какъ паденіе относительной цѣнности денегъ. Такъ называемая «Currency School» заключаетъ изъ этого, что при высокихъ цѣнахъ въ обращеніи находится слишкомъ мало денегъ, а при низкихъ—слишкомъ много. Ея невѣжество и совершенное непониманіе фактовъ [17]) находятъ достойную себѣ параллель въ экономистахъ, объясняющихъ отмѣченныя выше явленія накопленія тѣмъ, что въ одномъ случаѣ имѣется слишкомъ мало, а въ другомъ—слишкомъ много наемныхъ рабочихъ.

Законъ капиталистическаго производства, лежащій въ основаніи мнимаго «естественнаго закона населенія», сводится просто къ слѣдующему. Отношеніе между капиталомъ, накопленіемъ и уровнемъ заработной платы есть лишь отношеніе между неоплаченнымъ трудомъ, превращеннымъ въ капиталъ, и добавочнымъ трудомъ, потребнымъ для приведенія въ движеніе добавочнаго капитала. Итакъ, это отнюдь не отношеніе между двумя другъ отъ друга независимыми величинами, съ одной стороны, величиной капитала, съ другой стороны—числомъ рабочаго населенія, это, напротивъ того, въ послѣднемъ счетѣ лишь отношеніе между неоплаченнымъ и оплаченнымъ трудомъ одного и того же рабочаго населенія. Если количество неоплаченнаго труда, доставляемаго рабочимъ классомъ и накопляемаго классомъ капиталистовъ, возрастаетъ достаточно быстро для того, чтобы превращаться въ капиталъ только при чрезвычайномъ количествѣ добавочнаго оплаченнаго труда, то заработная плата повышается и, при прочихъ равныхъ условіяхъ, неоплаченный трудъ относительно падаетъ. Но какъ только это уменьшеніе достигаетъ того предѣла, когда прибавочный трудъ, питающій капиталъ, не предлагается больше въ нормальномъ количествѣ, наступаетъ реакція: меньшая часть дохода капитализируется, накопленіе ослабѣваетъ и восходящее или повышательное движеніе заработной платы прекращается. Повышеніе цѣны труда, слѣдовательно, заключено въ извѣстныя границы, которыя не только оставляютъ неприкосновенными основы капиталистической системы, но и обезпечиваютъ ея расширенное воспроизведеніе. Законъ капиталистическаго накопленія, возведенный на степень мистическаго закона природы, въ дѣйствительности выражаетъ лишь то, что накопленіе по своей природѣ исключаетъ всякое уменьшеніе степени эксплуатаціи труда или всякое повышеніе цѣны труда, которое могло бы серьезно повредить постоянному воспроизведенію экономическаго отношенія, именуемаго капиталомъ и притомъ воспроизведенію его въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Иначе и не можетъ быть при такомъ способѣ производства, при которомъ рабочій существуетъ для увеличенія наличныхъ цѣнностей, а не, наоборотъ, матеріальное богатство — для развитія потребностей рабочаго. Какъ въ религіи человѣкомъ управляетъ про-

[17]) Ср. Karl Marx: «Zur Kritik der politischen Oekonomie», p. 166 sqq.

изведеніе его собственной головы, такъ въ капиталистическомъ производствѣ имъ управляетъ произведеніе его собственныхъ рукъ [77a]).

2. Относительное уменьшеніе перемѣнной части капитала въ процессѣ растущаго накопленія и сопровождающей его концентраціи.

По мнѣнію самихъ экономистовъ, повышеніе заработной платы обусловливается не существующимъ размѣромъ общественнаго богатства и не величиной пріобрѣтеннаго уже капитала,—оно зависитъ лишь отъ непрерывнаго роста накопленія и степени быстроты этого роста (A. Smith, книга I, гл. 8). До сихъ поръ мы разсматривали лишь одну особенную фазу этого процесса, ту, въ которой приращеніе капитала происходитъ при неизмѣняющемся техническомъ составѣ его. Но дѣйствительный процессъ выходитъ за предѣлы этой фазы.

Разъ даны общія основы капиталистической системы, то во время накопленія всегда наступаетъ такой моментъ, когда развитіе производительности общественнаго труда становится самымъ сильнымъ рычагомъ накопленія. «Та же самая причина, говоритъ А. Смитъ, которая увеличиваетъ заработную плату, именно увеличеніе капитала, ведетъ къ увеличенію производительныхъ силъ труда и даетъ меньшему количеству труда возможность производить большее количество продуктовъ».

Помимо естественныхъ условій, какъ плодородіе почвы и т. п., и ловкости независимыхъ и изолированно работающихъ производителей—которая, однако, проявляется скорѣе качественно въ добротѣ издѣлій, чѣмъ количественно въ ихъ массѣ,—степень общественной производительности труда выражается въ относительномъ количествѣ средствъ производства, которыя одинъ рабочій превращаетъ въ продуктъ въ данное время при данномъ напряженіи рабочей силы. Количество средствъ производства, при помощи которыхъ онъ функціонируетъ, растетъ вмѣстѣ съ производительностью его труда. Эти средства производства играютъ при этомъ двоякую роль. Возрастаніе однихъ есть слѣдствіе, а другихъ—условіе повышенія производительности труда. Напримѣръ, при мануфактурномъ раздѣленіи труда и при примѣненіи машинъ въ одно и то же время обрабатывается больше сырого матеріала, т. е. большее количество сырого матеріала и вспомогательныхъ веществъ вступаетъ въ процессъ труда. Это есть слѣдствіе повышенія производительности труда. Но, съ другой стороны, количество примѣняемыхъ машинъ, рабочаго скота, минеральнаго удобренія, дре-

[77a]) «Если мы вернемся теперь къ нашему первому изслѣдованію, гдѣ мы доказали... что самъ капиталъ есть только произведеніе человѣческаго труда... то намъ кажется совершенно непостижимымъ, какъ человѣкъ могъ подпасть подъ господство своего собственнаго продукта—капитала—и подчиняться послѣднему; но такъ какъ это представляетъ неоспоримый фактъ, то самъ собой навязывается вопросъ: какъ могъ рабочій изъ повелителя капитала—въ качествѣ его творца—превратиться въ раба капитала?» (Von Thünen: «Der isolirte Staat. Zweiter Theil. Zweite Abtheilung. Rostock 1863», p. 5, 6). Заслуга Thünen'a въ томъ, что онъ поставилъ этотъ вопросъ, но отвѣтъ его дѣтски наивенъ.

пажныхъ трубъ и т. п. есть условіе возрастанія производительности труда. То же относится и къ массѣ средствъ производства, сконцентрированныхъ въ постройкахъ, доменныхъ печахъ, перевозочныхъ средствахъ и т. д. Но является ли оно причиной или слѣдствіемъ.—увеличеніе размѣровъ средствъ производства, въ сравненіи съ пріурочиваемой къ нимъ рабочей силой, всегда выражаетъ ростъ производительности труда. Увеличеніе послѣдней проявляется, слѣдовательно, въ уменьшеніи массы труда въ сравненіи съ массой средствъ производства, приводимыхъ этимъ трудомъ въ движеніе, или въ уменьшеніи величины субъективнаго фактора процесса труда въ сравненіи съ его объективными факторами.

Въ эпоху возникновенія крупной промышленности въ Англіи былъ открытъ способъ превращенія чугуна въ желѣзо. Этотъ методъ, называемый пудлингованіемъ и состоящій въ выплавкѣ чугуна въ печахъ особой конструкціи, создалъ почву для грандіознаго расширенія доменныхъ печей, для употребленія аппаратовъ, дѣйствующихъ нагрѣтымъ воздухомъ и т. д., словомъ, для такого увеличенія орудій и матеріаловъ, приводимыхъ въ движеніе данными количествомъ труда, что желѣзо могло быть производимо въ достаточно большихъ массахъ и по достаточно дешевой цѣнѣ для того, чтобы вытѣснить во многихъ случаяхъ камень и дерево. А такъ какъ желѣзо и уголь суть великіе рычаги, двигающіе современную промышленность, то значеніе такого усовершенствованія нельзя, кажется, преувеличить.

При всемъ томъ, пудлинговщикъ, рабочій занятый плавкой чугуна, производитъ ручную работу, такъ что величина печей, которыми онъ можетъ заправлять, ограничена его личными силами, и въ этомъ то и заключаются границы того удивительнаго подъема металлургической промышленности, который начался въ 1780 г., въ годъ изобрѣтенія пудлингованія.

«Дѣло въ томъ, восклицаетъ Engineering, органъ англійскихъ машиностроителей, дѣло въ томъ, что устарѣлый способъ ручного пудлингованія есть лишь остатокъ варварства (the fact is that the old process of hand puddling is little better than a barbarism)... Современная тенденція нашей промышленности состоитъ въ томъ, чтобы—на различныхъ ступеняхъ производства—оперировать все большимъ и большимъ количествомъ матеріала. Вотъ почему почти каждый годъ мы видимъ, что возникаютъ все болѣе и болѣе обширныя доменныя печи, все болѣе и болѣе тяжелые паровые молоты, все болѣе и болѣе мощныя прокатныя и что въ многочисленныхъ отрасляхъ металлургіи примѣняются все болѣе и болѣе гигантскія орудія. Среди этого всеобщаго роста—возрастанія средствъ производства сравнительно съ примѣняемымъ трудомъ—пудлингованіе осталось почти неподвижнымъ и ставитъ въ настоящее время нестерпимыя преграды промышленному движенію... Поэтому-то на всѣхъ крупныхъ заводахъ началась замѣна пудлингованія автоматическими печами, могущими поглощать матеріалъ въ количествѣ совершенно независимомъ отъ ручного труда» [77aa]).

Итакъ, пудлингованіе, когда-то произведшее революцію въ металлургическомъ производствѣ и вызвавшее огромное расширеніе орудій и матеріала, при-

[77aa]) «The Engineering», 8. June, 1874.

водимыхъ въ движеніе даннымъ количествомъ труда, само, по мѣрѣ прогресса накопленія, сдѣлалось экономическимъ тормазомъ, отъ котораго промышленность собирается отдѣлаться, перейдя къ новымъ методамъ, способнымъ раздвинуть границы, воздвигаемыя пуддлингованіемъ дальнѣйшему росту вещественныхъ средствъ производства сравнительно съ примѣняемымъ трудомъ. Такова исторія всѣхъ открытій и изобрѣтеній, порождаемыхъ накопленіемъ, какъ мы это уже и доказали въ нашемъ очеркѣ развитія современнаго способа производства отъ его возникновенія до нашихъ дней [77aaa]).

Это измѣненіе техническаго состава капитала, возрастаніе массы средствъ производства, въ сравненіи съ массою оживляющей ихъ рабочей силы, въ свою очередь отражается въ его цѣнностномъ составѣ какъ увеличеніе постоянной части капитальной цѣнности насчетъ перемѣнной. Положимъ, что первоначально 50% извѣстнаго капитала идутъ на средства производства и 50% на рабочую силу, позже, съ развитіемъ производительности труда, 80% идутъ на средства производства и 20% на рабочую силу и т. д. Этотъ законъ прогрессивнаго возрастанія постоянной части капитала, въ сравненіи съ перемѣнной, подтверждается на каждомъ шагу (какъ уже было указано выше) сравнительнымъ анализомъ товарныхъ цѣнъ, все равно, будемъ ли мы сравнивать различныя экономическія эпохи одной націи, или различныя націи въ одну и ту же эпоху. Относительная величина того элемента цѣны, который представляетъ лишь цѣнность потребленныхъ средствъ производства или постоянную часть капитала, измѣняется прямо пропорціонально, относительная же величина другого ея элемента, оплачивающаго трудъ или представляющаго перемѣнную часть капитала,—обратно пропорціонально прогрессу накопленія.

Однако уменьшеніе перемѣнной части капитала по отношенію къ постоянной его части, или измѣненіе состава капитальной цѣнности только приблизительно показываетъ измѣненіе въ соотношеніи ея матеріальныхъ составныхъ частей. Если, напр., въ настоящее время капитальная цѣнность, вложенная въ прядильную фабрику, состоитъ изъ $^7/_8$ постояннаго капитала и $^1/_8$ перемѣннаго, между тѣмъ какъ въ началѣ XVIII-го столѣтія она состояла изъ $^1/_2$ постояннаго и $^1/_2$ перемѣннаго капитала, то зато масса сырого матеріала, средствъ труда и т. д., которые въ настоящее время потребляются производительно опредѣленнымъ количествомъ прядильнаго труда, въ нѣсколько сотъ разъ превышаютъ то же количество въ началѣ XVIII-го столѣтія. Причина этого кроется просто въ томъ, что съ возрастаніемъ производительности труда не только увеличивается размѣръ потребляемыхъ имъ средствъ производства, но и цѣнность ихъ падаетъ въ сравненіи съ ихъ размѣрами. Цѣнность ихъ, такимъ образомъ, возрастаетъ абсолютно, но не пропорціонально размѣрамъ. Увеличеніе разности между постояннымъ и перемѣннымъ капиталомъ поэтому гораздо меньше увеличенія разности между массою средствъ производства, въ которыя превращается постоянный капиталъ, и количествомъ рабочей силы, въ которую превращается перемѣнный капиталъ. Первая разность увеличивается вмѣстѣ съ послѣдней, но—въ меньшей степени.

77aaa) См. отдѣлъ IV настоящаго сочиненія.

Впрочемъ, если прогрессъ накопленія уменьшаетъ относительную величину перемѣнной части капитала, то этимъ онъ вовсе не исключаетъ увеличенія его абсолютной величины. Предположимъ, что капитальная цѣнность распадается вначалѣ на 50% постояннаго и 50% перемѣннаго капитала, затѣмъ на 80% постояннаго и 20% перемѣннаго. Если, между тѣмъ, первоначальный капиталъ, положимъ въ 6.000 ф. ст., увеличился до 18.000 ф. ст., то его перемѣнная часть тоже увеличилась на $^1/_3$. Прежде она составляла 3.000 ф. ст., теперь же она составляетъ 3,600 ф. ст. Но тамъ, гдѣ прежде достаточно было приращенія капитала на 20% для того, чтобы увеличить спросъ на трудъ на 20%, теперь для этого потребуется утроеніе первоначальнаго капитала.

Въ четвертомъ отдѣлѣ мы показали, какъ развитіе общественной производительно силы труда предполагаетъ кооперацію въ широкихъ размѣрахъ, какъ лишь при этомъ условіи могутъ быть организованы раздѣленіе и комбинація труда, сбережены посредствомъ массовой концентраціи средства производства, созданы такія орудія труда, которыя по матеріальной природѣ своей могутъ быть приложены только сообща, напр., система машинъ и т. д., и какъ лишь тогда гигантскія силы природы могутъ быть подчинены производству, а процессъ производства можетъ быть превращенъ въ техническое приложеніе науки. На основѣ товарнаго производства, при которомъ средства производства составляютъ собственность частныхъ лицъ, гдѣ рабочій, поэтому, или изолированно и самостоятельно производитъ товары или продаетъ свою рабочую силу, какъ товаръ, потому что у него нѣтъ средствъ для самостоятельнаго производства.—вышеупомянутое предположеніе реализуется лишь посредствомъ возрастанія индивидуальныхъ капиталовъ, или, другими словами,—по мѣрѣ того какъ общественныя средства производства и существованія превращаются въ частную собственность капиталистовъ. На фундаментѣ товарнаго производства крупное производство можетъ существовать только въ капиталистической формѣ. Нѣкоторое накопленіе капитала въ рукахъ индивидуальныхъ товаропроизводителей составляетъ, поэтому, необходимую предпосылку специфически капиталистическаго способа производства [77a]). Мы, поэтому, должны были предположить существованіе такого накопленія при переходѣ отъ ремесла къ капиталистическому производству. Оно можетъ быть названо первоначальнымъ накопленіемъ, потому что, оно есть не историческій результатъ специфически-капиталистическаго способа производства, а его историческое основаніе. Здѣсь намъ нечего еще изслѣдовать, какъ оно само произошло. Съ насъ довольно того, что оно составляетъ исходную точку. Но всѣ методы увеличенія общественной производительности труда, развивающіеся на этой почвѣ, составляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и методы увеличенія прибавочной цѣнности или прибавочнаго продукта, который, въ свою очередь, есть образовательный элементъ накопленія. Эти методы, слѣдовательно, являются въ то же время методами производства капитала капиталомъ, или методами его ускореннаго накопленія. Непрерывное превращеніе прибавочной цѣнности въ капи-

[77a]) Трудъ не можетъ достичь такой огромной силы безъ предшествующаго накопленія капиталовъ» (Адамъ Смитъ).

талъ выражается въ возрастающей величинѣ капитала, вступающаго въ процессъ производства. Оно, въ свою очередь, становится основаніемъ производства въ болѣе широкихъ размѣрахъ, сопровождающихъ его методовъ увеличенія производительности труда и ускореннаго производства прибавочной цѣнности. Если, такимъ образомъ, извѣстная степень накопленія капитала является условіемъ специфически-капиталистическаго способа производства, то послѣдній, въ свою очередь, обусловливаетъ болѣе быстрое накопленіе капитала. Съ накопленіемъ капитала развивается, такимъ образомъ, специфически капиталистическій способъ производства, а со специфически-капиталистическимъ способомъ производства развивается накопленіе капитала. Эти экономическіе факторы производятъ — въ мѣру сложнаго толчка, даваемаго развитію производства ихъ взаимодѣйствіемъ — то измѣненіе техническаго состава капитала, въ силу котораго перемѣнная часть становится все меньше и меньше въ сравненіи съ постоянной.

Каждый индивидуальный капиталъ представляетъ большую или меньшую концентрацію средствъ производства съ соотвѣтствующимъ главенствомъ надъ большей или меньшей арміей рабочихъ. Каждое накопленіе становится средствомъ новаго накопленія. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ массы богатства, функціонирующаго какъ капиталъ, накопленіе увеличиваетъ его концентрацію въ рукахъ индивидуальныхъ капиталистовъ и, потому, расширяетъ основы крупнаго производства и специфически-капиталистическихъ методовъ производства. Возрастаніе общественнаго капитала происходитъ посредствомъ возрастанія многихъ индивидуальныхъ капиталовъ. При прочихъ равныхъ условіяхъ ростъ индивидуальныхъ капиталовъ, а съ нимъ и концентрація средствъ производства, происходитъ въ пропорціи, соотвѣтствующей долѣ каждаго индивидуальнаго капитала въ совокупномъ общественномъ капиталѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отъ первоначальнаго капитала откалываются куски, которые функціонируютъ, какъ новые самостоятельные капиталы. Большую роль при этомъ играетъ, между прочимъ, раздѣлъ имуществъ въ семействахъ капиталистовъ. Съ накопленіемъ капитала возрастаетъ, поэтому, болѣе или менѣе число капиталистовъ. Два обстоятельства характеризуютъ этотъ родъ концентраціи, непосредственно покоящійся на накопленіи или даже тождественный съ нимъ. Во-первыхъ: ростъ концентраціи общественныхъ средствъ производства въ рукахъ индивидуальныхъ капиталистовъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, ограниченъ степенью возрастанія общественнаго богатства. Во-вторыхъ: часть общественнаго капитала, вложенная въ каждую отдѣльную отрасль производства, раздѣляется между многими капиталистами, которые противостоятъ другъ другу, какъ независимые и другъ съ другомъ конкуррирующіе товаропроизводители. Итакъ, мы видимъ, что не только накопленіе и сопутствующая ему концентрація раздробляется и происходитъ въ одно и то же время на многихъ пунктахъ, но и возрастаніе функціонирующихъ капиталовъ сопровождается образованіемъ новыхъ и раздробленіемъ старыхъ. Накопленіе является, такимъ образомъ, съ одной стороны, растущею концентраціей средствъ производства и растущимъ господствомъ надъ трудомъ, съ другой стороны—взаимнымъ отталкиваніемъ многихъ индивидуальныхъ капиталовъ.

Этому раздробленію всего общественнаго капитала на многіе индивидуальные капиталы или взаимному отталкиванію его кусковъ противодѣйствуетъ ихъ притяженіе. Это уже не простая концентрація средствъ производства, тождественная съ накопленіемъ, не простое господство надъ трудомъ. Это концентрація образовавшихся уже капиталовъ, уничтоженіе ихъ индивидуальной самостоятельности, экспропріація капиталиста капиталистомъ, превращеніе многихъ мелкихъ капиталовъ въ небольшое число крупныхъ. Этотъ процессъ тѣмъ отличается отъ перваго, что онъ предполагаетъ лишь измѣненіе въ распредѣленіи имѣющихся уже и функціонирующихъ капиталовъ, и что его поле дѣйствія не ограничено, слѣдовательно, абсолютнымъ ростомъ общественнаго богатства или абсолютными границами накопленія. Капиталъ нарастаетъ *здѣсь* въ одѣхъ рукахъ, потому что *тамъ* онъ исчезъ изъ многихъ рукъ. Это и есть, въ собственномъ смыслѣ слова, централизація, которую нужно отличать отъ накопленія и концентраціи.

Законы этой централизаціи капиталовъ, или притяженія капитала капиталомъ не могутъ быть здѣсь изложены. Мы ограничимся краткими фактическими указаніями. Борьба, проявляющаяся здѣсь какъ конкурренція, ведется посредствомъ удешевленія товаровъ. Дешевизна товаровъ зависитъ, caeteris paribus, отъ производительности труда, эта же послѣдняя отъ размѣровъ производства. Крупные капиталы побиваютъ, поэтому, мелкіе. Вспомнимъ далѣе, что съ развитіемъ капиталистическаго способа производства увеличивается минимальный размѣръ индивидуальнаго капитала, необходимаго для того, чтобы вести предпріятіе при нормальныхъ условіяхъ. Мелкіе капиталы набрасываются, поэтому, на такія отрасли производства, которыми крупная промышленность овладѣваетъ лишь спорадически или не вполнѣ. Конкурренція свирѣпствуетъ здѣсь прямо пропорціонально числу и обратно пропорціонально величинѣ соперничающихъ капиталовъ. Она всегда кончается гибелью многихъ мелкихъ капиталистовъ, капиталы которыхъ частью переходятъ въ руки побѣдителя, частью же гибнутъ. Независимо отъ этого, съ развитіемъ капиталистическаго производства создается новая сила—кредитъ, который вначалѣ робко прокрадывается въ видѣ скромнаго пособника накопленія, невидимыми нитями стягиваетъ въ руки индивидуальныхъ капиталистовъ или ассоціацій капиталистовъ денежныя средства, разсѣянныя на поверхности общества въ большихъ или меньшихъ массахъ; но вскорѣ становится новымъ и страшнымъ орудіемъ въ конкурренціи и, наконецъ, превращается въ громадный соціальный механизмъ для централизаціи капиталовъ.

Итакъ, по мѣрѣ того, какъ развивается капиталистическое производство и накопленіе, развиваются также конкурренція и кредитъ—эти два могущественнѣйшіе рычага централизаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ прогрессъ накопленія увеличиваетъ матеріалъ для централизаціи, т. е. отдѣльные капиталы, между тѣмъ какъ расширеніе капиталистическаго производства создаетъ, съ одной стороны, общественную потребность, съ другой—техническія средства для тѣхъ громадныхъ промышленныхъ предпріятій, проведеніе которыхъ связано съ предыдущей централизаціей капитала. Въ настоящее время, поэтому, сила взаимнаго притяженія отдѣльныхъ капиталовъ и тенденція къ централизаціи сильнѣе, чѣмъ

когда-либо. Если даже относительные размѣры и энергія движенія въ направленіи централизаціи въ извѣстной степени опредѣляется достигнутой уже величиной капиталистическаго богатства и степенью совершенства экономическаго механизма, то прогрессъ накопленія отнюдь не зависитъ отъ положительнаго возрастанія общественнаго капитала. И это-то именно и отличаетъ централизацію отъ концентраціи, составляющей лишь иное выраженіе расширеннаго воспроизведенія. Централизація можетъ происходить путемъ простого измѣненія распредѣленія существующихъ уже капиталовъ, вслѣдствіе простого измѣненія въ количественной группировкѣ составныхъ частей общественнаго капитала. Капиталъ можетъ з д ѣ с ь возрасти до огромныхъ размѣровъ въ однѣхъ рукахъ, потому что т а м ъ онъ ушелъ изъ многихъ рукъ. Централизація достигаетъ крайнихъ предѣловъ въ данной отрасли промышленности, когда всѣ помѣщенные въ ней капиталы соединяются въ одинъ единичный капиталъ [77bb]). Въ данномъ обществѣ этотъ предѣлъ былъ бы достигнутъ лишь тогда, когда весь общественный капиталъ былъ бы соединенъ или въ рукахъ одного капиталиста, или одного общества капиталистовъ.

Централизація довершаетъ дѣло накопленія, давая возможность промышленнымъ капиталистамъ расширять размѣры своихъ операцій. Будетъ ли этотъ послѣдній результатъ слѣдствіемъ накопленія или централизаціи, произойдетъ ли централизація насильственнымъ путемъ присоединенія, при которомъ нѣкоторые капиталы становятся такими сильными центрами притяженія для другихъ, что побѣждаютъ ихъ индивидуальное сцѣпленіе и притягиваютъ къ себѣ разрозненные куски, или сліяніе массы уже образовавшихся или еще образующихся капиталовъ происходитъ болѣе гладкимъ путемъ, посредствомъ образованія акціонерныхъ обществъ,—экономическое дѣйствіе отъ этого не измѣняется. Разростаніе размѣровъ промышленныхъ заведеній составляетъ вездѣ исходную точку для болѣе широкой организаціи совмѣстнаго труда многихъ, для болѣе широкаго развитія его матеріальныхъ движущихъ силъ, т. е. для прогрессивнаго превращенія разрозненныхъ и рутинныхъ процессовъ производства въ комбинированные общественные и научно ведомые процессы производства.

Очевидно, однако, что накопленіе, т. е. постепенное увеличеніе капитала посредствомъ воспроизведенія, переходящаго изъ круговой формы въ спиральную, очень медленная процедура въ сравненіи съ централизаціей, которая нуждается лишь въ томъ, чтобы измѣнить количественную группировку интегральныхъ составныхъ частей общественнаго капитала. Міръ оставался бы еще и до сихъ поръ безъ желѣзныхъ дорогъ, если бы ему пришлось ждать, пока накопленіе поставитъ отдѣльные капиталы въ возможность построить желѣзную дорогу. Централизація же, напротивъ, произвела это сразу посредствомъ акціонерныхъ компаній. И усиливая, и ускоряя, такимъ образомъ, дѣйствіе накопленія, централизація въ то же время расширяетъ и ускоряетъ также измѣне-

[77bb]) [Къ 4-му изд.—Новѣйшіе англійскіе и американскіе «Trusts» стремятся уже къ этой цѣли, стараясь соединить, по крайней мѣрѣ, всѣ крупныя предпріятія одной отрасли въ одно большое акціонерное общество съ фактической монополіей.—Ф. Э.].

нія въ техническомъ составѣ капитала: она увеличиваетъ его постоянную часть на счетъ перемѣнной и уменьшаетъ этимъ относительный спросъ на трудъ.

Капиталы, вырастающіе, благодаря централизаціи, въ одинъ день, воспроизводятся и увеличиваются такъ же, какъ и другіе, только быстрѣе, становясь, такимъ образомъ, новыми могущественными рычагами общественнаго накопленія. Такимъ образомъ, когда говорятъ о прогрессѣ общественнаго накопленія, то подъ этимъ — въ настоящее время — подразумѣваютъ и дѣйствіе централизаціи.

Добавочные капиталы, образовавшіеся во время нормальнаго процесса накопленія (см. гл. XXII, 1), служатъ, главнымъ образомъ, средствомъ для эксплуатаціи новыхъ открытій и изобрѣтеній, вообще всякихъ промышленныхъ усовершенствованій. Но и старый капиталъ со временемъ доживаетъ до момента своего обновленія во главѣ и во членахъ: тогда онъ, такъ сказать, линяетъ и возрождается въ технически усовершенствованной формѣ, при которой меньшаго количества труда достаточно для того, чтобы приводить въ движеніе большее количество машинъ и сырого матеріала. Уменьшеніе спроса на трудъ, являющееся необходимымъ результатомъ этого факта, само собою разумѣется, тѣмъ больше, чѣмъ больше капиталовъ, проходящихъ этотъ процессъ обновленія, скопилось, вслѣдствіе централизаціи, въ крупныя массы.

Итакъ, съ одной стороны добавочный капиталъ, образовавшійся во время накопленія, притягиваетъ, сравнительно со своей величиной, все меньше и меньше рабочихъ; съ другой стороны — первоначальный капиталъ, періодически воспроизводимый въ новомъ составѣ, отталкиваетъ все больше и больше рабочихъ, которымъ онъ прежде давалъ занятіе.

3. Прогрессивное созданіе относительнаго перенаселенія или промышленной резервной арміи.

Накопленіе капитала, которое первоначально казалось лишь его количественнымъ расширеніемъ, происходитъ, какъ мы видѣли, посредствомъ постояннаго качественнаго измѣненія его состава, путемъ непрерывнаго увеличенія постоянной его части на счетъ перемѣнной [77c]).

Специфически капиталистическій способъ производства, соотвѣтствующее ему развитіе производительной силы труда, измѣненіе органическаго состава капитала, причиненное этимъ развитіемъ, не только идутъ рука объ руку съ прогрессомъ накопленія или съ ростомъ общественнаго богатства — они идутъ несравненно быстрѣе, такъ какъ простое накопленіе или абсолютное расширеніе совокупнаго капитала сопровождается централизаціей его индивидуальныхъ элемен-

[77c]) Примѣч. къ 3-му нѣм.—Въ собственномъ экземплярѣ Маркса здѣсь находится слѣдующая замѣтка на поляхъ: «Здѣсь надо замѣтить для позднѣйшаго дополненія: если расширеніе будетъ только количественное, то прибыли, при большемъ или меньшемъ капиталѣ, въ одной и той же отрасли промышленности, будутъ относиться другъ къ другу какъ величины авансированныхъ капиталовъ. Если количественное расширеніе сказывается въ качественныхъ результатахъ, то въ то же самое время подымается уровень прибыли большаго капитала». [Ф. Э.].

товъ, а техническое измѣненіе добавочнаго капитала—техническимъ измѣненіемъ первоначальнаго капитала. Съ прогрессомъ накопленія отношеніе постоянной части капитала къ перемѣнной его части, если первоначально оно состояло 1 : 1, измѣняется въ 2 : 1, 3 : 1, 4 : 1, 5 : 1, 7 : 1 и т. д., такъ что, съ ростомъ капитала, въ рабочую силу вмѣсто $^1/_2$ его общей цѣнности превращается прогрессивно только $^1/_3$, $^1/_4$, $^1/_5$, $^1/_6$, $^1/_8$ и т. д., въ средства же производства, наоборотъ, $^2/_3$, $^3/_4$, $^4/_5$, $^5/_6$, $^7/_8$ и т. д. Такъ какъ спросъ на трудъ опредѣляется не размѣромъ всего капитала, а лишь перемѣнной его части, то спросъ этотъ прогрессивно падаетъ съ ростомъ всего капитала, вмѣсто того, чтобы пропорціонально возрастать, какъ мы ранѣе предполагали. Онъ падаетъ въ сравненіи съ величиной совокупнаго капитала и въ возрастающей съ возрастаніемъ этой величины прогрессіи. Съ ростомъ совокупнаго капитала возрастаетъ правда, перемѣнная его часть или пріуроченная къ нему рабочая сила, но въ постоянно убывающей пропорціи. Промежутки, во время которыхъ накопленіе дѣйствуетъ лишь какъ простое расширеніе производства на данномъ техническомъ основаніи, сокращаются. Не только необходимо ускореніе накопленія всего капитала въ возрастающей прогрессіи для того, чтобы поглотить добавочное число рабочихъ, или даже вслѣдствіе постоянной метаморфозы первоначальнаго капитала,—лишь для того, чтобы дать занятіе функціонировавшимъ уже рабочимъ,—этотъ ростъ накопленія и централизаціи, въ свою очередь, превращается въ источникъ новаго измѣненія состава капитала или новаго быстраго уменьшенія перемѣнной его части въ сравненіи съ постоянной. Это относительное уменьшеніе перемѣнной части капитала, ускоряющееся съ возрастаніемъ всего капитала, и притомъ быстрѣе, чѣмъ его собственное возрастаніе, кажется, съ другой стороны, наоборотъ, возрастаніемъ рабочаго населенія, опережающимъ возрастаніе перемѣннаго капитала или средствъ, доставляющихъ занятіе рабочимъ. Но дѣло обстоитъ наоборотъ: капиталистическое накопленіе постоянно создаетъ, пропорціонально своей энергіи и своимъ размѣрамъ, относительно, т. е. для потребностей капитала въ самовозрастаніи, излишнее или добавочное рабочее населеніе.

Разсматривая весь общественный капиталъ, въ его совокупности мы видимъ, что то ходъ накопленія вызываетъ періодическія измѣненія, то отдѣльные моменты его движенія распредѣляются одновременно между различными отраслями производства. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ происходитъ измѣненіе состава капитала безъ возрастанія его абсолютной величины, вслѣдствіе одной только концентраціи: въ другихъ—абсолютный ростъ капитала сопряженъ съ абсолютнымъ уменьшеніемъ его перемѣнной части или поглощаемой ею рабочей силы; въ третьихъ—то капиталъ возрастаетъ на данной технической основѣ и привлекаетъ добавочную рабочую силу соотвѣтственно своему возрастанію, то происходитъ органическое измѣненіе капитала и сокращается его перемѣнная часть; но всѣхъ сферахъ возрастаніе перемѣнной части капитала, а слѣдовательно, и числа занятыхъ рабочихъ всегда связано съ сильными колебаніями и временнымъ созданіемъ перенаселенія, все равно, принимаетъ ли оно рѣзкую форму отталкиванія занятыхъ уже рабочихъ, или менѣе замѣтную, но не менѣе дѣйствительную форму затрудненнаго по-

глощенія добавочнаго рабочаго населенія его обыкновенными отводными каналами [78]). Вмѣстѣ съ величиной функціонирующаго уже общественнаго капитала и со степенью его возрастанія, съ расширеніемъ размѣра производства и числа занятыхъ рабочихъ, съ развитіемъ производительной силы ихъ труда, съ расширеніемъ и оживленіемъ всѣхъ источниковъ богатства увеличивается также масштабъ взаимодѣйствія между притяженіемъ и отталкиваніемъ рабочихъ капиталомъ, увеличивается быстрота измѣненій органическаго состава капитала и его технической формы, расширяется кругъ отраслей производства, которыя то одновременно, то попеременно охватываются ими. Рабочее населеніе, вмѣстѣ съ производимымъ имъ же самимъ накопленіемъ капитала, создаетъ, слѣдовательно, въ возрастающихъ размѣрахъ средства, дѣлающія часть его избыточною [79]). Это есть законъ народонаселенія, характерный для капиталисти-

[78]) Народная перепись (ценз) въ Англіи и Уэльсѣ, между прочимъ, показываетъ: всѣхъ лицъ, занятыхъ въ земледѣліи (включая сюда собственниковъ, фермеровъ, садовниковъ, пастуховъ и т. п.) въ 1851 г. было 2.011.447, въ 1861—1.924.110, т. е. на 87.337 чел. меньше. Въ шерстяномъ производствѣ въ 1851 г. занято было 102.714 человѣкъ, въ 1861 г.—79.242; на шелковыхъ фабрикахъ въ 1851 г. — 111.940, въ 1861 г.—101.678. Шляпочниковъ въ 1851 г. было 15.957, въ 1861 г.—13.814; рабочихъ, изготовляющихъ соломенныя и женскія шляпы, въ 1851 г. было 20.393, въ 1861 г.—13.176; солодовщиковъ въ 1851 г.—10.566, въ 1861 г.—10.677, рабочихъ въ свѣчномъ производствѣ въ 1851 г.—4.949, въ 1861 г.—4.686—это уменьшеніе объясняется, между прочимъ, распространеніемъ газоваго освѣщенія. Гробовщиковъ въ 1851 г. было 2.038, въ 1861 г.—1.478; пильщиковъ дерева въ 1851 г.—30.552, въ въ 1861 г.—31.647—ничтожное увеличеніе, вслѣдствіе распространенія пильныхъ машинъ; гвоздарей въ 1851 г.—26.940, въ 1861 г.—26.130, уменьшеніе вслѣдствіе конкурренціи машинъ; въ оловянныхъ и мѣдныхъ рудникахъ въ 1851 г. было занято 31.360, въ 1861 г.—32.041. Напротивъ того, на бумаго-прядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ въ 1851 г. было 371.777 чел., въ 1861 г.—456.646, въ каменно-угольныхъ копяхъ въ 1851 г.—183.389, въ 1861 г.—246.613. Рѣзкій примѣръ относительно все меньшаго и меньшаго возрастанія представляетъ ситцепечатное производство. Прошу сравнить слѣдующія цифры: въ Англіи это производство экспортировало въ 1851 г. 577.867.229 ярдовъ (ярдъ=0,914 метра) цѣнностью въ 10.295.621 ф. ст., а въ 1861—828.873.922 ярдовъ цѣнностью 14.211.572 ф. ст. Число занятыхъ въ производствѣ рабочихъ, составлявшее въ 1851 г. 12.098, въ 1861 г. увеличилось лишь до 12.556, т. е. на 458 душъ, или, за весь десятилѣтній періодъ, увеличеніе числа рабочихъ составило приблизительно 4%. «Увеличеніе числа рабочихъ вообще съ 1851 г. больше въ такихъ отрасляхъ въ которыхъ машины до сихъ поръ еще не примѣнялись съ успѣхомъ». («Census of England and Wales for 1861», vol. III. Lond. 1863, p. 36).

[79]) Законъ прогрессивнаго уменьшенія относительной величины перемѣннаго капитала и его воздѣйствіе на классъ наемныхъ рабочихъ скорѣе угадывали, чѣмъ понимали нѣкоторые выдающіеся экономисты классической школы. Главная заслуга въ этомъ принадлежитъ John'y Barton'y, хотя онъ, какъ и всѣ другіе, смѣшиваетъ постоянный капиталъ съ основнымъ, а перемѣнный съ оборотнымъ. «Спросъ на трудъ,—говоритъ онъ,—зависитъ отъ увеличенія оборотнаго капитала, а не основного. Если бы было вѣрно, что отношеніе между этими двумя видами одинаково во всякое время и при всѣхъ обстоятельствахъ, то въ такомъ случаѣ въ самомъ дѣлѣ число занятыхъ рабочихъ было бы пропорціонально богатству страны. Но такое предположеніе не имѣетъ и тѣни вѣроятности. Съ развитіемъ промысловъ и

ческаго способа производства: вообще, всякому особенному историческому способу производства свойственны особенные законы народонаселенія, имѣющіе историческое значеніе. Абстрактный законъ народонаселенія существуетъ только для растеній и животныхъ до тѣхъ поръ, пока они не подвергаются историческому вліянію человѣка.

Но если избыточное рабочее населеніе есть необходимый продуктъ накопленія или развитія богатства на капиталистической основѣ, то это избыточное населеніе, въ свою очередь, становится рычагомъ капиталистическаго накопленія и даже прямо условіемъ существованія капиталистическаго способа производства. Оно образуетъ готовую къ услугамъ промышленную резервную армію, которая такъ же абсолютно принадлежитъ капиталу, какъ если бы онъ вырастилъ ее на собственный счетъ. Она создаетъ—независимо отъ предѣловъ дѣйствительнаго прироста населенія—для измѣняющихся потребностей самовозрастанія капитала постоянно готовый къ эксплуатаціи человѣческій матеріалъ. Съ накопленіемъ и сопровождающимъ его развитіемъ производительности труда возрастаетъ внезапная сила расширенія капитала, не только вслѣдствіе роста эластичности функціонирующаго капитала и абсолютнаго богатства, эластичную часть котораго составляетъ капиталъ, не только потому, что кредитъ, при всякомъ особенномъ возбужденіи, тотчасъ же предоставляетъ производству значительную часть этого богатства въ видѣ добавочнаго капитала,—техническія условія самаго процесса производства, машины, перевозочныя средства и т. д., дѣлаютъ возможнымъ въ самомъ широкомъ масштабѣ наискорѣйшее превращеніе прибавочнаго продукта въ добавочныя средства производства. Масса общественнаго богатства, возрастающая съ прогрессомъ накопленія и могущая превратиться въ добавочный капиталъ, бѣшено устремляется въ старыя отрасли производства, рынокъ которыхъ внезапно расширяется, или же во вновь открываю-

---

распространеніемъ цивилизаціи основной капиталъ постоянно все увеличивается въ сравненіи съ оборотнымъ. Количество основного капитала, вложеннаго въ производство куска англійскаго муслина, по крайней мѣрѣ, въ сто, а вѣроятно, даже въ тысячу разъ больше того, какое употребляется при производствѣ такого же куска англійскаго муслина. Отношеніе же оборотнаго капитала въ сто или въ тысячу разъ меньше... Вся сумма ежегодныхъ сбереженій, прибавленная къ основному капиталу, не будетъ имѣть никакого вліянія на увеличеніе спроса на трудъ» (John Barton. «Observations on the circumstances which influence the Condition of the Labouring Classes of society». Lond. 1817, p. 16, 17). «Та же самая причина, которая можетъ увеличить чистый доходъ страны, можетъ въ то же самое время сдѣлать населеніе избыточнымъ и ухудшить положеніе рабочихъ». (Ricardo l. c. p. 469). Съ увеличеніемъ капитала «спросъ (на трудъ) бываетъ меньшій» (l. c. p. 480, Note). Количество капитала, предназначенное на содержаніе труда, можетъ измѣняться независимо отъ измѣненій всей суммы капитала... Большія колебанія въ количествѣ труда и большія страданія могутъ учащаться съ возрастаніемъ самаго капитала». (Richard Jones: «An Introductory Lecture on Pol. Econ. Lond. 1833», p. 13). «Спросъ на трудъ) возрастаетъ... не пропорціонально накопленію всего капитала... Поэтому великое увеличеніе національнаго капитала, предназначенное для воспроизведенія, съ прогрессомъ общества имѣетъ все меньше и меньше вліянія на положеніе рабочихъ» (Ramsay l. c. p. 90, 91).

щіяся, какъ желѣзныя дороги и т. п., потребность въ которыхъ рождается изъ развитія прежнихъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ капиталъ нуждается въ возможности внезапно и безъ уменьшенія размѣра производства въ другихъ сферахъ бросать большія массы людей на важнѣйшіе пункты рынка. Перенаселеніе доставляетъ эти массы людей. Характерный жизненный путь современной промышленности, выливающійся въ форму прерываемаго небольшими колебаніями десятилѣтняго цикла, состоящаго изъ періода средняго оживленія, производства подъ высокимъ давленіемъ, кризиса и застоя, покоится на постоянномъ образованіи, большемъ или меньшемъ поглощеніи и новомъ образованіи промышленной резервной арміи или перенаселенія. Въ свою очередь, превратности промышленнаго цикла создаютъ человѣческій матеріалъ для перенаселенія и вообще служатъ однимъ изъ самыхъ энергичныхъ факторовъ его воспроизведенія.

Этотъ своеобразный жизненный путь современной промышленности, котораго мы не встрѣчали ни въ какомъ болѣе раннемъ періодѣ исторіи человѣчества, былъ также невозможенъ и въ дѣтствѣ капиталистическаго производства. Составъ капитала измѣнялся тогда лишь очень медленно. Его накопленію соотвѣтствовало, слѣдовательно, въ общемъ относительное увеличеніе спроса на трудъ. Медленный въ сравненіи съ современной эпохой, прогрессъ накопленія наталкивался всетаки на естественныя границы доступнаго для эксплуатаціи рабочаго населенія, которыя могли быть устранены лишь насильственными мѣрами, о чемъ рѣчь еще впереди. Внезапное и толчками происходившее расширеніе размѣровъ производства предполагаетъ и его внезапное сокращеніе; послѣднее опять, въ свою очередь, вызываетъ первое, но первое невозможно, если нѣтъ въ распоряженіи человѣческаго матеріала, оно немыслимо безъ независимаго отъ абсолютнаго возрастанія населенія увеличенія числа рабочихъ. Послѣднее создается простымъ процессомъ, который постоянно «освобождаетъ» одну часть рабочихъ посредствомъ методовъ, уменьшающихъ число занятыхъ рабочихъ въ сравненіи съ возросшимъ производствомъ. Вся присущая современной промышленности форма движенія происходитъ, слѣдовательно, изъ постояннаго превращенія одной части рабочаго населенія въ незанятыя или на половину занятыя руки. Поверхностность политической экономіи проявляется, между прочимъ, въ томъ, что она считаетъ расширеніе и сокращеніе кредита,—простые симптомы различныхъ фазъ промышленныхъ цикловъ, ихъ причинами. Какъ небесныя тѣла, будучи разъ приведены въ извѣстное движеніе, постоянно его повторяютъ, такъ и общественное производство, разъ оно брошено въ это движеніе поперемѣннаго расширенія и сокращенія, также постоянно повторяетъ его. Дѣйствія, въ свою очередь, становятся причинами и различныя перипетіи всего процесса, который постоянно воспроизводитъ свои собственныя условія, принимаютъ форму періодичности. Но только съ того момента, что машинное производство, пустивъ достаточно глубокіе корни, стало оказывать подавляющее вліяніе на все національное производство; что, благодаря ему, внѣшняя торговля начала преобладать надъ внутренней; что міровой рынокъ послѣдовательно присоединилъ къ себѣ обширныя территоріи въ Новомъ Свѣтѣ, въ Азіи и въ Австраліи; что, наконецъ, число отдѣльныхъ промышленныхъ націй, вступившихъ на арену международной экономической борьбы, стало

довольно значительнымъ,—только съ этого момента начались повторяющіеся циклы, фазы которыхъ обнимаютъ цѣлые годы и которые упираются всегда въ общій кризисъ, завершающій одинъ циклъ и являющійся отправной точкой для другого. До настоящаго времени періодъ этихъ цикловъ составляетъ 10—11 лѣтъ, но нѣтъ никакого основанія считать эту величину постоянной. Наоборотъ, на основаніи развитыхъ выше законовъ капиталистическаго производства, слѣдуетъ предположить, что она измѣняется, и что продолжительность цикловъ будетъ постепенно сокращаться.

Разъ періодичность кризисовъ упрочилась, то даже политическая экономія начинаетъ понимать, что производство относительнаго, т. е. избыточнаго по отношенію къ среднимъ потребностямъ капитала въ самовозрастаніи населенія, составляетъ условіе существованія современной промышленности.

«Положимъ,—говоритъ H. Merivale, бывшій профессоръ политической экономіи въ Оксфордѣ, впослѣдствіи чиновникъ англійскаго министерства колоній,—положимъ, что во время кризиса нація напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы избавиться посредствомъ эмиграціи отъ нѣсколькихъ сотенъ тысячъ бѣдняковъ. Каковы же будутъ послѣдствія этого? При первомъ же возобновленіи спроса на трудъ въ немъ обнаружится недостатокъ. Какъ бы быстро ни происходило воспроизведеніе людей, всегда необходимъ все-таки промежутокъ одного поколѣнія для замѣны взрослыхъ рабочихъ. Но прибыль нашихъ фабрикантовъ главнымъ образомъ, зависитъ отъ возможности эксплуатировать благопріятный моментъ усиленнаго спроса, чтобы вознаградить себя такимъ образомъ за періодъ застоя. Эту возможность обезпечиваетъ имъ только господство надъ машинами и надъ ручнымъ трудомъ. Они должны находить свободныя руки; они должны быть способны въ случаѣ надобности напрягать или ослаблять энергію своихъ операцій, смотря по состоянію рынка; въ противномъ же случаѣ они никакъ не могутъ разсчитывать на то превосходство въ конкурренціи, на которомъ и покоится богатство нашей страны» [80]). Даже Мальтусъ признаетъ въ перенаселеніи, которое онъ, со свойственной ему ограниченностью, выводитъ изъ абсолютной, а не изъ относительной избыточности рабочаго населенія, необходимое условіе современной промышленности. «Благоразумныя привычки по отношенію къ браку, — говоритъ онъ, — доведенныя до извѣстной высоты среди рабочаго класса какой-нибудь страны, зависящей, главнымъ образомъ, отъ мануфактуры и торговли, могутъ сдѣлаться вредными для нея... Въ силу самой природы населенія, прирость рабочихъ не можетъ быть доставленъ на рынокъ для удовлетворенія особеннаго спроса раньше чѣмъ по прошествіи 16 или 18 лѣтъ, превращеніе же дохода въ капиталъ посредствомъ сбереженія можетъ совершаться гораздо быстрѣе; всякая страна всегда рискуетъ тѣмъ, что ея рабочій фондъ будетъ расти быстрѣе ея населенія» [81]). Объявивъ, такимъ

[80]) H. Merivale: «Lectures on Colonization and Colonies». London 1841 and 1842. v. I. p. 146.

[81]) «Prudential habits with regard to marriage carried to a considerable extent among the labouring class of a country mainly depending upon manufactures and commerce might injure it... From the nature of a population, an increase of labourers cannot be brought into market, in consequence of a particular demand, till after the

образомъ, постоянное созданіе относительнаго перенаселенія рабочихъ необходимымъ условіемъ капиталистическаго накопленія, политическая экономія, точно старая дѣва, влагаетъ въ уста своего «идеала», хорошаго капиталиста, слѣдующія слова, обращенныя къ «излишнимъ рабочимъ», выброшеннымъ на улицу добавочнымъ капиталомъ, созданнымъ ими же самими: «Мы, фабриканты, дѣлаемъ для васъ все, что мы можемъ, увеличивая капиталъ, которымъ вы должны существовать; вы же должны дѣлать все прочее, соразмѣряя свое число со средствами существованія» [83]).

Капиталистическое производство ни въ какомъ случаѣ не можетъ удовлетворяться тѣмъ количествомъ свободной рабочей силы, которое доставляетъ ему естественный приростъ населенія. Для своего свободнаго развитія оно нуждается въ промышленной резервной арміи, независимой отъ этихъ естественныхъ предѣловъ.

До сихъ поръ мы предполагали, что увеличенію или уменьшенію перемѣннаго капитала вполнѣ соотвѣтствуетъ увеличеніе или уменьшеніе числа занятыхъ рабочихъ.

Однако и при неизмѣняющемся или даже меньшемъ числѣ рабочихъ, подчиненныхъ перемѣнному капиталу, послѣдній возрастаетъ, если индивидуальный рабочій доставляетъ больше труда и его заработная плата; поэтому, возрастаетъ, хотя бы цѣна труда и не измѣнялась или даже падала, но только медленнѣе, чѣмъ возрастаетъ масса труда. Приращеніе перемѣннаго капитала служитъ тогда показателемъ большаго количества труда, но не увеличенія числа занятыхъ рабочихъ. Каждый капиталистъ абсолютно заинтересованъ въ томъ, чтобы извлекать опредѣленное количество труда не изъ большаго, а изъ меньшаго числа рабочихъ, оплачиваемыхъ также дешево или даже еще дешевле. Въ первомъ случаѣ затрата постояннаго капитала увеличивается пропорціонально массѣ труда, находящагося въ дѣйствіи, въ послѣднемъ же случаѣ гораздо медленнѣе. Чѣмъ больше размѣры производства, тѣмъ болѣе рѣшающимъ является этотъ мотивъ. Значеніе его возрастаетъ вмѣстѣ съ накопленіемъ капитала.

Мы видѣли, что развитіе капиталистическаго способа производства и производительной силы труда—составляющее въ одно и то же время и причину, и слѣдствіе накопленія—даетъ возможность капиталисту, при той же затратѣ перемѣннаго капитала, приводить въ движеніе большее количество труда посредствомъ болѣе значительной экстенсивной или интенсивной, эксплуатаціи индивидуальныхъ рабочихъ силъ. Мы видѣли далѣе, что на ту же самую капитальную цѣнность онъ покупаетъ больше рабочей силы, постепенно замѣняя болѣе искусныхъ

---

lapse of 16 or 18 years, and the conversion of revenue into capital, by saving, may take place much more rapidly; a country is always liable to an increase in the quantity of the funds for the maintenance of labour faster than the increase of population». (Malthus: «Princ. of Pol. Econ», p. 254, 319, 320). Въ этомъ сочиненіи Мальтусъ открываетъ, наконецъ, съ помощью Сисмонди, прекрасную тройцу капиталистическаго производства: перепроизводство, перенаселеніе, перепотребленіе, three very delicate monsters, indeed! Cp. F. Engels: «Umrisse zu einer Kritik der Nationalökonomie», l. c. p. 107 sqq.

[83]) Harriet Martineau: «The Manchester Strike. 1842», p. 101.

рабочихъ менѣе покупными, совершеннолѣтнихъ—несовершеннолѣтними, мужчинъ—женщинами, взрослыхъ рабочихъ—подростками или даже дѣтьми.

Съ одной стороны, слѣдовательно, съ прогрессомъ накопленія большій перемѣнный капиталъ приводитъ въ движеніе больше труда, не увеличивая числа рабочихъ, съ другой стороны, перемѣнный капиталъ одной и той же величины приводитъ въ движеніе больше труда при посредствѣ той же массы рабочей силы и, наконецъ, приводитъ въ дѣйствіе больше силъ низшаго качества, вытѣсняя рабочія силы высшаго качества.

Созданіе относительнаго перенаселенія или «освобожденіе» рабочихъ идетъ, поэтому, быстрѣе, чѣмъ техническое преобразованіе процесса производства, и безъ того ускоренное ходомъ накопленія, и сопутствующее этому преобразованію пропорціональное уменьшеніе перемѣнной части капитала по отношенію къ постоянной. Если средства производства, по мѣрѣ того какъ они увеличиваются въ размѣрѣ и въ силѣ, все въ меньшей и меньшей степени становятся средствомъ занятія рабочихъ, то самое это отношеніе видоизмѣняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что, по мѣрѣ того, какъ растетъ производительная сила труда, капиталъ быстрѣе увеличиваетъ доступный ему запасъ труда, чѣмъ свой спросъ на рабочихъ. Чрезмѣрный трудъ занятой части рабочаго класса увеличиваетъ его резервные ряды, между тѣмъ какъ и обратно—усиленіе давленія, производимаго конкурренціей резервной арміи на занятыхъ рабочихъ, принуждаетъ послѣднихъ къ чрезмѣрному труду и полному подчиненію велѣніямъ капитала. Обреченіе одной части рабочаго класса на вынужденную праздность, благодаря чрезмѣрному труду другой его части и наоборотъ, становится средствомъ обогащенія отдѣльныхъ капиталистовъ [83]) и, вмѣстѣ съ тѣмъ,

---

[83]) Даже во время хлопчатобумажнаго кризиса 1863 г. мы находимъ въ одномъ памфлетѣ прядильщиковъ Blackburn'а рѣзкія жалобы на чрезмѣрный трудъ, который въ силу фабричнаго закона приходится, конечно, только на долю взрослыхъ рабочихъ мужчинъ. «Взрослымъ рабочимъ этой фабрики предложили работать отъ 12 до 13 часовъ въ день, между тѣмъ какъ есть сотни людей, вынужденныхъ оставаться праздными и которые охотно стали бы работать хоть часть времени, чтобы поддержать свои семейства и спасти своихъ братьевъ отъ преждевременной смерти подъ гнетомъ чрезмѣрнаго труда». «Мы,—сказано далѣе,—хотѣли бы спросить, возможны ли какія-либо сносныя отношенія между хозяевами и «слугами» при этомъ обычаѣ работать сверхурочное время? Жертвы чрезмѣрнаго труда такъ же чувствуютъ эту несправедливость, какъ и тѣ, которые этимъ осуждены на вынужденную праздность (condemned to forced idleness). Въ этомъ округѣ хватило бы работы для всѣхъ, если бы трудъ былъ распредѣленъ справедливо. Мы требуемъ только своего права, предлагая хозяевамъ общее сокращеніе рабочаго дня, по крайней мѣрѣ, пока продолжается настоящее положеніе вещей, вмѣсто того, чтобы обременять одну часть рабочихъ чрезмѣрнымъ трудомъ въ то время, какъ другая часть, вслѣдствіе недостатка работы, принуждена поддерживать свое существованіе, обращаясь къ общественной благотворительности» («Reports of Insp. of Fact. 31 st. Oct. 1863», p. 8). Авторъ «Essay on Trade and Commerce» со своимъ обычнымъ непогрѣшимымъ чутьемъ буржуа схватываетъ вліяніе относительнаго населенія на занятыхъ рабочихъ. «Другая причина лѣности (idleness) въ нашемъ королевствѣ заключается въ недостаткѣ необходимаго числа рабочихъ рукъ. Каждый разъ, когда, вслѣдствіе какого-

ускоряетъ созданіе промышленной резервной арміи въ размѣрѣ. соотвѣтствующемъ прогрессу общественнаго накопленія. Какъ важенъ этотъ моментъ въ образованіи относительнаго перенаселенія. доказываетъ, напр., Англія. Ея техническія средства «сбереженія» труда колоссальны. Однако, если бы завтра трудъ былъ повсюду ограниченъ до раціональныхъ размѣровъ и распредѣленъ между различными слоями рабочаго класса соотвѣтственно возрасту и полу, то наличнаго рабочаго населенія было бы абсолютно недостаточно для продолженія національнаго производства въ настоящихъ его размѣрахъ. Значительное большинство нынѣшнихъ «непроизводительныхъ» рабочихъ принуждено было бы превратиться въ «производительныхъ».

Общія колебанія заработной платы регулируются, въ среднемъ, исключительно расширеніями и сокращеніями промышленной резервной арміи, соотвѣтствующими смѣнѣ періодовъ промышленнаго цикла. Они опредѣляются, слѣдовательно, не колебаніями абсолютнаго числа рабочаго населенія, но измѣняющимся отношеніемъ, въ которомъ рабочій классъ распадается на активную армію и резервную армію, увеличеніемъ или уменьшеніемъ относительнаго размѣра перенаселенія, степенью, въ которой оно то поглощается, то вновь освобождается. Хорошъ былъ бы въ самомъ дѣлѣ для современной промышленности съ ея десятилѣтними циклами и ихъ періодическими фазами, — прерывающимися кромѣ того неправильными колебаніями, все быстрѣе слѣдующими другъ за другомъ,—хорошъ былъ бы для нея законъ, который ставилъ бы движеніе капитала въ зависимость отъ абсолютнаго движенія числа населенія, а не регулировалъ, наоборотъ, спроса и предложенія труда увеличеніемъ и уменьшеніемъ капитала, т. е. его мѣняющимися потребностями въ самовозрастаніи, въ силу чего рабочій рынокъ кажется то относительно недостаточно снабженнымъ, вслѣдствіе увеличенія капитала, то переполненнымъ, вслѣдствіе его уменьшенія. Но то, что кажется, то и составляетъ догматъ политической экономіи. По этому догмату вслѣдствіе накопленія капитала заработная плата повышается. Высокая заработная плата поощряетъ рабочее населеніе къ болѣе быстрому размноженію, которое продолжается до тѣхъ поръ, пока рабочій рынокъ не переполнится, т. е. капиталъ не станетъ недостаточнымъ въ сравненіи съ наплывомъ рабочихъ. Заработная плата падаетъ, и мы видимъ обратную сторону медали. Вслѣдствіе пониженія заработной платы рабочее населеніе постепенно погибаетъ и разрѣжается, такъ что въ сравненіи съ нимъ капиталъ снова становится излишнимъ, или какъ объясняютъ это нѣкоторые, пониженіе заработной платы и соотвѣтствующее увеличеніе эксплоатаціи рабочихъ снова ускоряютъ накопленіе, между тѣмъ какъ въ то же самое время низкая плата препятствуетъ возрастанію ра-

---

нибудь необыкновеннаго спроса на фабрикаты, количество труда становится недостаточнымъ, рабочіе начинаютъ чувствовать свое собственное значеніе и хотятъ дать его почувствовать своимъ хозяевамъ; это поразительно; но нравственность этихъ субъектовъ такъ извращена, что въ подобныхъ случаяхъ цѣлыя группы рабочихъ соединяются съ цѣлью поставить хозяина въ затрудненіе тѣмъ, что они прогуляютъ цѣлый день». («Essay etc», p. 27, 28). Дѣло въ томъ, что субъекты требовали увеличенія заработной платы.

бочаго населенія. Тогда снова наступаетъ моментъ, когда предложеніе труда оказывается ниже спроса на трудъ, плата повышается и т. д. Прекрасный способъ движенія для развитого капиталистическаго производства! Но пока, вслѣдствіе повышенія заработной платы, произойдетъ какое-нибудь положительное увеличеніе дѣйствительно способнаго къ труду населенія, десять разъ успѣетъ пройти срокъ, въ продолженіе котораго ведется промышленный походъ и должна быть дана рѣшительная битва.

Между 1849 и 1859 гг., одновременно съ паденіемъ хлѣбныхъ цѣнъ, произошло практически только номинальное повышеніе заработной платы въ англійскихъ земледѣльческихъ округахъ, напр., въ Wiltshire'ѣ недѣльная плата повысилась съ 7 до 8 шилл., въ Dorsetshire'ѣ съ 7 или 8 до 9 шилл. и т. д. Это было слѣдствіемъ необыкновеннаго отлива избыточнаго земледѣльческаго населенія, отлива, причиненнаго войной, громаднымъ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ, фабрикъ, горнаго дѣла и т. п. Чѣмъ ниже заработная плата, тѣмъ въ высшемъ процентѣ выражается всякое ея повышеніе, даже самое незначительное. Если недѣльная плата составляетъ, напр., 20 шилл. и поднимается до 22 шилл., то это повышеніе равно 10%; если же она, напротивъ, составляетъ только 7 шилл. и поднимается до 9, то это составляетъ 28⅟₇%, что кажется очень внушительнымъ. Во всякомъ случаѣ фермеры завопили и даже «London Economist» серьезно заговорилъ объ «a general and substantial advance» [84]), (объ общемъ и значительномъ повышеніи) по поводу этой ничтожной платы. Что же сдѣлали фермеры? Стали ли они ждать, пока, вслѣдствіе этой блестящей платы, сельскіе рабочіе размножатся настолько, что плата ихъ опять понизится, какъ это происходитъ въ головахъ доктринеровъ-экономистовъ? Они ввели больше машинъ, и рабочіе быстро оказались опять «излишними», въ количествѣ, удовлетворяющемъ даже фермеровъ. Теперь въ земледѣліе было вложено «больше капитала», чѣмъ прежде, и въ болѣе производительной формѣ. Но при этомъ спросъ на трудъ уменьшился не только относительно, но и абсолютно.

Разобранная нами выше экономическая фикція смѣшиваетъ законы, управляющіе движеніемъ заработной платы или отношеніемъ между рабочимъ классомъ, т. е. совокупной рабочей силой, и совокупнымъ общественнымъ капиталомъ, съ законами, распредѣляющими рабочее населеніе между различными сферами производства. Если, напр., вслѣдствіе благопріятнаго стеченія обстоятельствъ, накопленіе въ извѣстной отрасли производства становится особенно оживленнымъ, прибыль въ ней поднимается выше средней прибыли, добавочный капиталъ устремляется туда, то, конечно, увеличивается спросъ на трудъ и заработная плата. Высокая заработная плата привлекаетъ большую, чѣмъ прежде, долю рабочаго населенія въ эту находящуюся въ благопріятныхъ условіяхъ сферу производства, пока она не насытится рабочей силой, и заработная плата не упадетъ опять надолго до своего прежняго уровня или ниже его, если напливъ былъ слишкомъ великъ. Тогда иммиграція рабочихъ въ эту отрасль промышленности

[84]) «Economist», Jan. 21, 1860.

не только прекращается, но даже уступаетъ мѣсто эмиграціи изъ нея. Тутъ экономистъ мнитъ видѣть, «гдѣ и какъ» при повышеніи заработной платы происходитъ абсолютное увеличеніе числа рабочихъ, а при абсолютномъ увеличеніи числа рабочихъ—уменьшеніе заработной платы; но на самомъ дѣлѣ онъ видитъ только мѣстное колебаніе рабочаго рынка въ одной какой-нибудь отрасли промышленности, онъ видитъ только явленія распредѣленія рабочаго населенія въ различныхъ сферахъ приложенія капитала, въ зависимости отъ измѣняющихся потребностей послѣдняго.

Промышленная резервная армія въ періоды застоя и средняго благосостоянія производитъ давленіе на активную рабочую армію и обуздываетъ ея притязанія въ періоды перепроизводства и пароксизмовъ. Относительное перенаселеніе составляетъ, слѣдовательно, тотъ фонъ, на которомъ движется законъ спроса и предложенія труда. Оно втискиваетъ поле дѣйствія этого закона въ предѣлы, абсолютно отвѣчающіе стремленію капитала къ эксплуатаціи и властолюбію. Здѣсь намъ слѣдуетъ вернуться къ одному изъ подвиговъ экономической апологетики. Читатель помнитъ, что если, вслѣдствіе введенія новыхъ или расширенія старыхъ машинъ, часть перемѣннаго капитала превращается въ постоянный, то эту операцію, «связывающую» капиталъ и этимъ самымъ «освобождающую» рабочаго, экономистъ—апологетъ толкуетъ какъ разъ наоборотъ въ томъ смыслѣ, что она освобождаетъ капиталъ для рабочаго. Только теперь мы можемъ вполнѣ оцѣнить безстыдство этого апологета. Дѣйствительно, освобождаются не только рабочіе, непосредственно вытѣсненные машиной, но также и тотъ контингентъ, которымъ они могутъ быть замѣнены и тотъ добавочный контингентъ, который регулярно поглощается при обыкновенномъ расширеніи предпріятія на его старомъ основаніи. Они теперь всѣ «освободились», и каждый новый капиталъ, стремящійся функціонировать, можетъ ими располагать. Привлечетъ ли онъ именно этихъ или другихъ рабочихъ—дѣйствіе этого фактора на всеобщій спросъ на трудъ будетъ равно нулю, пока даннаго капитала достанетъ ровно для того, чтобы освободить рынокъ отъ того количества рабочихъ, которое выбросили на него машины. Если капиталъ даетъ занятіе меньшему числу рабочихъ, то увеличивается число излишнихъ; если большему,—то общій спросъ на трудъ возрастетъ только на разность между числомъ занятыхъ и «освобожденныхъ» рабочихъ. Такимъ образомъ, подъемъ спроса на трудъ, который произвели бы при другихъ условіяхъ добавочные капиталы, ищущіе приложенія, нейтрализуется во всякомъ случаѣ настолько, насколько хватаетъ рабочихъ, выброшенныхъ на улицу машинами. Это значитъ, что механизмъ капиталистическаго производства заботится о томъ, чтобы абсолютное увеличеніе капитала не сопровождалось никакимъ соотвѣтственнымъ повышеніемъ общаго спроса на трудъ. И это апологетъ называетъ вознагражденіемъ за нищету, за страданія и за возможную гибель рабочихъ, вытѣсненныхъ во время тѣхъ переходныхъ періодовъ, которые бросаютъ ихъ въ ряды промышленной резервной арміи. Спросъ на трудъ не тождественъ съ возрастаніемъ капитала, предложеніе труда не тождественно съ возрастаніемъ рабочаго класса: здѣсь не дѣйствуютъ другъ на друга двѣ независимыя силы. Les dés sont pipés (кости подѣланы). Ка

питалъ дѣйствуетъ одновременно на обѣихъ сторонахъ. Если накопленіе его, съ одной стороны, увеличиваетъ спросъ на трудъ, то съ другой стороны, «освобожденіемъ» рабочихъ, оно увеличиваетъ также и ихъ предложеніе, между тѣмъ какъ въ то же самое время давленіе незанятыхъ рабочихъ принуждаетъ занятыхъ давать больше труда, т.-е. до извѣстной степени дѣлаетъ предложеніе труда независимымъ отъ предложенія рабочихъ. Движеніе закона спроса и предложенія труда на этомъ основаніи довершаетъ деспотизмъ капитала. Поэтому, когда рабочіе проникаютъ въ тайну того, какимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ они все больше работаютъ, производятъ больше чужого богатства, по мѣрѣ того, какъ увеличивается производительная сила ихъ труда, какимъ образомъ тогда даже ихъ функція, какъ средствъ увеличенія капитала, становится для нихъ все болѣе и болѣе ненадежною; когда они открываютъ, что степень интенсивности конкурренціи между ними самими вполнѣ зависитъ отъ давленія относительнаго перенаселенія; когда они, поэтому, стараются организовать, посредствомъ Trades Unions и т. д., планомѣрное взаимодѣйствіе между занятыми и незанятыми рабочими, чтобы уничтожить или по крайней мѣрѣ смягчить разрушительныя для своего класса послѣдствія этого естественнаго закона капиталистическаго производства,—тогда капиталъ и его сикофантъ, экономистъ, поднимаютъ вопль о нарушеніи «вѣчнаго» и, такъ сказать, «священнаго» закона спроса и предложенія. Всякая связь между занятыми и незанятыми рабочими нарушаетъ вѣдь «чистое» проявленіе этого закона. Но, съ другой стороны, если, напр., въ колоніяхъ неблагопріятныя обстоятельства мѣшаютъ образованію промышленной резервной арміи, а вмѣстѣ съ нею—абсолютной зависимости рабочаго класса отъ капиталистовъ, то «капиталъ» и его Санхо Пансо возмущаются противъ «священнаго» закона спроса и предложенія и стараются повліять на него насильственными мѣрами.

4 Различныя формы относительнаго перенаселенія. Всеобщій законъ капиталистическаго накопленія.

Относительное перенаселеніе существуетъ во всевозможныхъ оттѣнкахъ. Къ избыточному населенію принадлежитъ каждый рабочій въ то время, когда онъ или вовсе не занятъ, или занятъ только наполовину. Перенаселеніе—независимо отъ крупныхъ, періодически повторяющихся формъ, которыя придаетъ ему смѣна фазъ промышленнаго цикла, дѣлающая его то острымъ, во время кризисовъ, то хроническимъ, во время застоя—всегда имѣетъ три формы: текучую (flüssige), скрытую (latente) и неподвижную или стаціонарную (stockende).

Въ центрахъ современной промышленности — фабрикахъ, мануфактурахъ, заводахъ, копяхъ, рудникахъ и т. д.—рабочіе то отталкиваются, то притягиваются въ значительномъ количествѣ, причемъ въ общемъ число занятыхъ рабочихъ увеличивается, хотя въ постоянно уменьшающемся отношеніи къ размѣрамъ производства. Перенаселеніе существуетъ здѣсь въ текучей формѣ.

Какъ на настоящихъ фабрикахъ, такъ и по всѣхъ крупныхъ мастерскихъ, гдѣ работаютъ машинами или гдѣ, по крайней мѣрѣ, введено современное раздѣ-

леніе труда, занята масса рабочихъ мужского пола, не достигшихъ еще совершеннолѣтняго возраста. Но по наступленіи этого срока только очень немногіе изъ нихъ остаются въ этихъ же самыхъ отрасляхъ производства, большинство же регулярно отпускается. Оно составляетъ элементъ текучаго перенаселенія, возрастающій съ размѣрами промышленности. Часть этого избытка эмигрируетъ, т. е. въ сущности лишь сопутствуетъ эмигрирующему капиталу. Однимъ изъ послѣдствій этого является болѣе быстрое возрастаніе женскаго населенія, чѣмъ мужского, о чемъ свидѣтельствуетъ Англія. То обстоятельство, что естественный приростъ рабочей массы не насыщаетъ потребностей накопляемаго капитала и тѣмъ не менѣе въ то же самое время превосходитъ ихъ, есть противорѣчіе, присущее самому движенію капитала. Онъ нуждается въ большей массѣ несовершеннолѣтнихъ рабочихъ и въ меньшей взрослыхъ. Это не болѣе вопіющее противорѣчіе, чѣмъ жалобы на недостатокъ рабочихъ рукъ въ то самое время, когда тысячи рабочихъ выбрасываются на улицу потому, что раздѣленіе труда приковало ихъ къ одной опредѣленной отрасли производства [85]). Капиталъ къ тому же такъ быстро потребляетъ рабочую силу, что рабочій въ среднемъ возрастѣ уже болѣе или менѣе пережилъ самого себя. Онъ попадаетъ въ ряды избыточнаго населенія или спускается съ высшей ступени на низшую. Именно у рабочихъ, занятыхъ въ крупной промышленности, мы наталкиваемся на самую короткую продолжительность жизни. «Dr. Lee, санитарный врачъ въ Манчестерѣ, установилъ, что средняя продолжительность жизни зажиточнаго класса составляетъ въ этомъ городѣ 38 лѣтъ, рабочаго же класса—только 17. Въ Ливерпулѣ она составляетъ для перваго 35 лѣтъ и 15 для второго. Отсюда слѣдуетъ, такимъ образомъ, что привиллегированный классъ живетъ болѣе чѣмъ въ двое больше, чѣмъ его менѣе благопріятно обставленные сограждане [85 а]). При такихъ условіяхъ для абсолютнаго возрастанія этой части пролетаріата необходима такая форма, при которой численность ея увеличивается, хотя элементы ея быстро изнашиваются, т. е. нужна быстрая смѣна поколѣній рабочихъ (этотъ законъ не относится къ другимъ классамъ населенія). Эта общественная потребность удовлетворяется ранними браками—неизбѣжнымъ слѣдствіемъ условій, въ которыхъ живутъ рабочіе крупной промышленности, и той преміей, которую эксплуатація дѣтей даетъ за ихъ производство.

Какъ только капиталистическое производство овладѣваетъ земледѣліемъ, или

[85]) Между тѣмъ какъ во второй половинѣ 1866 г. отъ 80 до 90.000 рабочихъ въ Лондонѣ оставались безъ работы, въ фабричномъ отчетѣ за это же самое полугодіе мы читаемъ слѣдующее: «Повидимому не абсолютно вѣрно утвержденіе, что спросъ всегда вызываетъ предложеніе именно въ тотъ моментъ, когда въ немъ является необходимость. Дѣло обстоитъ иначе по отношенію къ труду, такъ какъ многія машины оставались безъ дѣйствія въ прошломъ году за недостаткомъ рукъ». («Report of Insp. of Fact. for 31st Oct. 1866», p. 81).

[85 а]) Рѣчь при открытіи санитарной конференціи въ Бирмингамѣ 15 января 1875 г., произнесенная J. Chamberlain'омъ, бывшимъ городскимъ головой Бирмингама, нынѣ (1883) министромъ торговли *).

*) Теперь министръ колоній въ министерствѣ Сольсбери. *Прим. П. С.*

въ той мѣрѣ въ какой оно имъ овладѣваетъ. спросъ на земледѣльческое рабочее населеніе съ накопленіемъ функціонирующаго здѣсь капитала абсолютно уменьшается, т. е. отталкиваніе рабочаго населенія не вознаграждается здѣсь, какъ въ неземледѣльческой промышленности, большимъ притяженіемъ его. Часть сельскаго населенія, поэтому, всегда наготовѣ перейти въ городской или мануфактурный пролетаріатъ и выжидаетъ лишь благопріятныхъ обстоятельствъ для этого превращенія. (Слово «мануфактурный» употребляется здѣсь въ смыслѣ неземледѣльческаго вообще) [66]). Этотъ источникъ относительнаго перенаселенія течетъ, слѣдовательно, постоянно. Но непрерывный отток въ города предполагаетъ въ самихъ деревняхъ постоянный скрытый избытокъ населенія, размѣры котораго становятся очевидными только тогда, когда отводные каналы открываются особенно широко. Плата сельскаго рабочаго низводится, поэтому, до minimum'а и онъ постоянно стоитъ одной ногой въ болотѣ пауперизма.

Третья категорія относительнаго перенаселенія, неподвижное перенаселеніе, образуетъ часть (активной) рабочей арміи, но съ очень нерегулярными занятіями. Она представляетъ, такимъ образомъ, для капитала неисчерпаемый источникъ рабочей силы. Ея жизненный уровень ниже средняго нормальнаго уровня рабочаго класса, и именно это и дѣлаетъ ее широкой основой особыхъ отраслей капиталистической эксплуатаціи. Она характеризуется maximum'омъ рабочаго времени и minimum'омъ заработной платы. Подъ рубрикой «домашнее производство» мы уже познакомились съ ея главной формой. Она рекрутируется постоянно изъ излишнихъ рабочихъ крупной промышленности и земледѣлія, а также изъ гибнущихъ отраслей промышленности, въ которыхъ ремесло вытѣсняется мануфактурой, а эта послѣдняя, въ свою очередь, машиннымъ производствомъ. Размѣръ ея увеличивается по мѣрѣ того, какъ съ увеличеніемъ накопленія растетъ и процессъ созданія излишнихъ рабочихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она образуетъ элементъ рабочаго класса, который самъ себя воспроизводитъ и увѣковѣчиваетъ и который принимаетъ относительно большее участіе въ общемъ ростѣ рабочаго класса, чѣмъ всѣ остальные элементы. Въ самомъ дѣлѣ, не только число рожденій и смертныхъ случаевъ, но и абсолютная величина семействъ обратно пропорціональны высотѣ заработной платы, т. е. количеству средствъ существованія, которыми располагаютъ различныя категоріи рабочихъ. Этотъ законъ капиталистическаго общества не имѣлъ бы смысла среди дикарей или даже среди цивилизованныхъ колонистовъ. Онъ напоминаетъ массовое раз-

---

[66]) По переписи 1861 г. въ Англіи и Уэльсѣ числилось «городовъ 781 съ 10.960.998 жителями, въ деревняхъ и селахъ числилось только 9.105.226 жителей... Въ 1851 г. въ переписи фигурировало 580 городовъ, населеніе которыхъ почти равнялось населенію прилежащихъ къ нимъ сельскихъ округовъ. Но въ то время какъ въ послѣднихъ оно въ продолженіе слѣдующаго десятилѣтія возросло только на полмилліона, въ 580 городахъ оно возросло на 1.554.067. Приростъ населенія въ сельскихъ округахъ составляетъ 6,5%, а въ городахъ 17,3%. Равница въ размѣрѣ прироста происходитъ вслѣдствіе выселенія изъ селъ въ города. Три четверти общаго прироста населенія приходится на города». («Census etc.», v. III, p. 11, 12).

множеніе индивидуально слабыхъ и жестоко преслѣдуемыхъ другими животныхъ видовъ [87]).

Наконецъ, низшій слой, осадокъ относительнаго перенаселенія обитаетъ въ сферѣ пауперизма. За исключеніемъ бродягъ, преступниковъ, проститутокъ, однимъ словомъ, всѣхъ такъ называемыхъ отбросовъ (Lumpenproletariat, classes dangereuses), этотъ слой общества состоитъ изъ трехъ категорій. Во-первыхъ, способные къ труду. Стоитъ только поверхностно просмотрѣть статистику англійскаго пауперизма, и мы увидимъ, что масса его возрастаетъ при каждомъ кризисѣ и уменьшается при каждомъ оживленіи дѣлъ. Во-вторыхъ, сироты и дѣти пауперовъ. Это кандидаты промышленной резервной арміи, въ періоды же сильнаго оживленія, какъ напр., въ 1860 г., они быстро и въ громадномъ количествѣ вербуются въ активную рабочую армію. Въ-третьихъ, окончательно опустившіеся и развратившіеся, и неспособные къ труду. Это именно тѣ лица, которыя погибаютъ отъ своей профессіональной неприспособленности или неполноцѣнности, причиненной раздѣленіемъ труда, такія, которыя живутъ дольше нормальнаго возраста рабочаго, наконецъ жертвы промышленности, число которыхъ увеличивается съ распространеніемъ опасныхъ машинъ, копей, химическихъ фабрикъ и т. п., калѣки, больные, вдовы, и т. д. Пауперизмъ представляетъ инвалидный домъ активной рабочей арміи и балластъ промышленной резервной арміи. Его созданіе объемлется созданіемъ относительнаго перенаселенія, его необходимость вытекаетъ изъ необходимости этого послѣдняго, вмѣстѣ съ нимъ онъ составляетъ необходимое условіе существованія капиталистическаго производства и развитія богатства. Онъ принадлежитъ къ faux frais (непроизводительнымъ издержкамъ) капиталистическаго производства, большую часть которыхъ капиталъ умѣетъ, однако, сваливать съ себя на плечи рабочаго класса и мелкой буржуазіи.

Чѣмъ больше общественное богатство, чѣмъ значительнѣе функціонирующій капиталъ, размѣры и энергія его возрастанія, а слѣдовательно, чѣмъ больше и абсолютная величина пролетаріата, и производительная сила его труда, тѣмъ больше промышленная резервная армія. Рабочая сила, готовая къ услугамъ капитала, развивается вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, что и сила расширенія капитала. Относительная величина промышленной резервной арміи возрастаетъ, слѣдовательно, вмѣстѣ съ силами, въ которыхъ заключается богатство. Но чѣмъ больше эта резервная армія въ сравненіи съ активной рабочей арміей, тѣмъ больше прочное перенаселеніе, а нужда его жертвъ обратно пропорціональна мукамъ ихъ труда. Наконецъ, чѣмъ больше инвалидовъ и пр., этихъ Лазарей рабочаго

[87]) «Бѣдность, повидимому, благопріятствуетъ размноженію». (A. Smith). Это даже особенно мудрое установленіе Божіе по мнѣнію галантнаго и остроумнаго аббата Galiani: «Богъ устроилъ такъ, что люди, исполняющіе самыя необходимыя работы, рождаются въ наибольшемъ числѣ». (Galiani l. c. p. 78). «Нищета, вплоть до крайнихъ предѣловъ голода и эпидемій, стремится увеличивать населеніе, вмѣсто того, чтобы уменьшать его». (S. Laing: «National Distress. 1844», p. 69). Доказавъ это статистическими данными, Laing продолжаетъ: «Если бы всѣ находились въ благопріятныхъ условіяхъ, то міръ скоро бы опустѣлъ». (If the people were all in easy circumstances, the world would soon be depopulated»).

населенія и, вообще, чѣмъ значительнѣе вся промышленная резервная армія, тѣмъ больше оффиціальный пауперизмъ. Это абсолютный всеобщій законъ капиталистическаго накопленія. Въ своемъ осуществленіи онъ, подобно всѣмъ другимъ законамъ, видоизмѣняется подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, анализъ которыхъ сюда не относится.

Легко понять глупость экономическихъ мудрецовъ, которые проповѣдуютъ рабочимъ, чтобы они соразмѣряли свое число съ потребностями самовозрастанія капитала. Механизмъ капиталистическаго производства и накопленія самъ постоянно приспособляетъ число ихъ къ этимъ потребностямъ. Первое слово этого приспособленія—созданіе относительнаго перенаселенія или промышленной резервной арміи, и послѣднее слово—нищета все большихъ и большихъ слоевъ активной рабочей арміи и тянущая внизъ гиря пауперизма. Законъ, по которому все большая и большая масса средствъ производства можетъ, благодаря прогрессу производительности труда, приводиться въ движеніе все съ меньшей и меньшей затратой человѣческой силы—этотъ законъ на капиталистической почвѣ, гдѣ не рабочій примѣняетъ средства труда, а средства труда примѣняютъ рабочаго, выражается въ томъ, что чѣмъ больше производительная сила труда, тѣмъ больше давленіе рабочихъ на ихъ средства занятія, тѣмъ неустойчивѣе, поэтому, условія ихъ существованія, основа которыхъ—продажа собственной силы для увеличенія чужого богатства или для самовозрастанія капитала. Такимъ образомъ, болѣе быстрое возрастаніе средствъ производства и производительности труда, чѣмъ производительнаго населенія, въ капиталистическомъ обществѣ выражается, наоборотъ, въ томъ, что рабочее населеніе постоянно растетъ быстрѣе, чѣмъ потребности самовозрастанія капитала.

Въ четвертомъ отдѣлѣ, при анализѣ производства относительной прибавочной цѣнности, мы видѣли, что при капиталистической системѣ примѣненіе всѣхъ способовъ увеличенія общественной производительной силы труда происходитъ на счетъ индивидуальнаго рабочаго. Всѣ средства къ развитію производства превращаются въ средства господства надъ производителемъ и эксплуатаціи его. они уродуютъ рабочаго, дѣлая изъ него получеловѣка, унижаютъ его, превращая его въ придатокъ машины; уничтожая утомительность труда, они вмѣстѣ съ тѣмъ упраздняютъ его содержаніе, отчуждаютъ отъ рабочаго духовныя силы процесса труда въ той же мѣрѣ, въ какой наука соединяется съ этимъ послѣднимъ на правахъ самостоятельной силы; они уродуютъ условія, въ которыхъ рабочій трудится, подчиняютъ его во время процесса труда самому мелочному, злобнопридирчивому деспотизму, превращаютъ всю его жизнь въ рабочее время, бросаютъ его жену и дѣтей подъ джаггернаутову колесницу капитала. Но всѣ способы производства прибавочной цѣнности являются вмѣстѣ съ тѣмъ и способами накопленія, всякое же расширеніе накопленія становится, наоборотъ, средствомъ развитія этихъ способовъ. Отсюда слѣдуетъ, что по мѣрѣ накопленія капитала, положеніе рабочаго должно ухудшаться, будетъ ли плата его высока или низка. Наконецъ, законъ, который всегда поддерживаетъ равновѣсіе между относительнымъ избыткомъ населенія или промышленной резервной арміей и размѣромъ и энергіей накопленія, сильнѣе приковываетъ рабочаго къ

капиталу, чѣмъ молотъ Гефеста приковалъ Прометея къ скалѣ. Законъ этотъ обусловливаетъ накопленіе нищеты, соотвѣтствующее накопленію капитала. Накопленіе богатства на одномъ полюсѣ есть, слѣдовательно, въ то же самое время накопленіе нищеты, муки труда, рабства, невѣжества, одичанія и нравственнаго паденія на противоположномъ полюсѣ, т. е. на сторонѣ класса, производящаго свой собственный продуктъ въ видѣ капитала.

Этотъ антагонистическій характеръ капиталистическаго накопленія [88]) былъ въ различной формѣ указанъ экономистами, хотя они, отчасти, смѣшиваютъ съ нимъ разныя аналогичныя, но по существу отличныя явленія докапиталистическихъ способовъ производства.

Венеціанскій монахъ Ortes, одинъ изъ величайшихъ экономистовъ XVIII-го столѣтія, разсматриваетъ антагонизмъ внутри капиталистическаго производства, какъ всеобщій естественный законъ общественнаго богатства. «Экономическое добро и зло во всякой націи всегда взаимно уравновѣшиваются (il bene ed il male economico in una nazione sempre all'istessa misura). Изобиліе богатствъ у нѣкоторыхъ, всегда равно недостатку его у другихъ (la copia dei beni in alcuni sempre eguale alla mancanza di esse in altri). Полнота богатства немногихъ всегда сопровождается абсолютнымъ отсутствіемъ самаго необходимаго у значительнаго большинства другихъ. Богатство націи соотвѣтствуетъ ея населенію, нищета же ея соотвѣтствуетъ ея богатству. Трудолюбіе однихъ вынуждаетъ праздность другихъ. Бѣдные и праздные—необходимый плодъ богатыхъ и дѣятельныхъ» и т. д. [89]). Но если Ортесъ глубоко огорчался этой экономической неизбѣжностью нищеты, то лѣтъ 10 спустя послѣ него англиканскій попъ Townsend съ легкимъ сердцемъ прославлялъ бѣдность, какъ необходимое условіе богатства. «Законодательное принужденіе къ труду сопряжено съ слишкомъ большими трудностями, насиліемъ и шумомъ, между тѣмъ какъ голодъ не только оказываетъ мирное, тихое, безпрестанное давленіе, но и будучи самымъ сильнымъ побужденіемъ къ промышленности и труду, вызываетъ самое сильное напряженіе». Все, слѣдовательно, сводится къ тому, чтобы сдѣлать голодъ постояннымъ явленіемъ среди рабочаго класса, а объ этомъ заботится, по Townsend'у, принципъ населенія, который особенно дѣйствителенъ среди бѣдныхъ. «Повидимому законъ природы, что бѣдные до извѣстной степени легкомысленны, (improvident), (а, именно, столь легкомысленны, что являются на свѣтъ

[88]) «Съ каждымъ днемъ становится яснѣе, что отношенія производства, въ которыхъ движется буржуазія, носятъ не единообразный, простой характеръ, но двойственный; что въ той же мѣрѣ, въ какой производится богатство, производится также и нищета; что въ той же мѣрѣ, въ какой развиваются ея производительныя силы, развиваются также силы, создающія угнетеніе; что эти отношенія производятъ буржуазное богатство, т. е. богатство буржуазнаго класса, вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно уничтожая богатство отдѣльныхъ членовъ этого класса и производя все увеличивающійся пролетаріатъ». (Karl Marx: «Misère de la Philosophie», p. 116).

[89]) (v. Ortes: «Della Economica Nazionale libri sei 1777» у Custodi. Parte Moderna t. XXI, p. 6, 9, 22, 25 etc. «Вмѣсто того, чтобы придумывать безполезныя системы, какъ сдѣлать народы счастливыми», говоритъ Ortes, l. c. p. 32, «я ограничусь изслѣдованіемъ причинъ ихъ несчастій».

безъ золотыхъ ложекъ во рту), и благодаря этому всегда находятся люди (that there always may be some) для исполненія самыхъ рабскихъ, самыхъ грязныхъ и самыхъ низкихъ функцій въ государствѣ. Запасъ человѣческаго счастья (the fund of human happiness) этимъ сильно увеличивается, болѣе деликатные люди (the more delicate) освобождаются отъ непріятной возни и могутъ безпрепятственно слѣдовать своему высшему призванію и т. д... Законъ о бѣдныхъ имѣетъ тенденцію нарушить гармонію и красоту, симметрію и порядокъ этой системы, созданной имъ мірѣ Богомъ и природой» [90]). Если венеціанскій монахъ видѣлъ въ рѣшеніи судьбы, увѣковѣчивающемъ нищету, оправданіе существованія христіанской благотворительности, безбрачія, монастырей и богоугодныхъ заведеній, то протестантскій священникъ, наоборотъ, видитъ въ этомъ предлогъ для осужденія законовъ, въ силу которыхъ бѣдный имѣлъ право на скудное общественное вспомоществованіе. «Прогрессъ общественнаго богатства,—говоритъ Шторхъ,—создаетъ тотъ полезный классъ общества... который исполняетъ самыя скучныя, самыя низкія и самыя отвратительныя работы, однимъ словомъ, взваливаетъ себѣ на плечи все, что есть въ жизни непріятнаго и рабскаго и именно этимъ доставляетъ другимъ классамъ досугъ, веселое расположеніе духа и условное (c'est bon!) достоинство характера и пр.» [91]). Шторхъ задаетъ далѣе вопросъ: въ чемъ же собственно преимущество этой капиталистической цивилизаціи, съ ея нищетой и деградаціей массъ,—передъ варварствомъ? Онъ находитъ только одинъ отвѣтъ: въ безопасности! — «Вслѣдствіе прогресса промышленности и знаній,—говоритъ Сисмонди,—каждый рабочій можетъ ежедневно производить гораздо больше того, что ему необходимо для собственнаго потребленія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя его трудъ создаетъ богатство, если бы онъ самъ былъ призванъ потреблять послѣднее,—онъ сдѣлался бы малоспособнымъ къ труду». По его мнѣнію «люди (т. е. не рабочіе), вѣроятно, отказались бы отъ всякихъ усовершенствованій въ искусствахъ, а также отъ всякихъ удобствъ, доставляемыхъ имъ промышленностью, если бы они должны были добывать ихъ себѣ такимъ же усиленнымъ трудомъ, какъ трудъ рабочихъ... Усилія теперь отдѣлены отъ вознагражденія за нихъ; не одинъ и тотъ же человѣкъ

---

[90]) «A Dissertation on the Poor Laws. By a Wellwisher of Mankind, (The Rev. Mr. J. Townsend) 1786», republished Lond. 1817, p. 15, 39, 41. Этотъ «деликатный» попъ, изъ только что приведеннаго сочиненія, а также изъ путешествія по Испаніи котораго Мальтусъ часто выписываетъ цѣлыя страницы, заимствуетъ большую часть своей доктрины у Sir'a J. Steuart'a, котораго онъ однако искажаетъ. Напр. когда Steuart говоритъ: «Здѣсь, при рабствѣ, существовалъ насильственный способъ дѣлать человѣчество трудолюбивымъ (для нерабочихъ)... Людей тогда принуждали къ труду (т. е къ даровому труду для другихъ), потому что они были рабами другихъ; теперь же люди принуждены работать (т. е. работать для нерабочихъ), потому что они рабы своихъ собственныхъ потребностей», то отсюда онъ однако не дѣлаетъ заключенія, какъ это дѣлаетъ жирный священникъ, что наемные рабочіе должны всегда голодать. Стюартъ, наоборотъ, хочетъ увеличить число ихъ потребностей и сдѣлать возрастающее число этихъ потребностей въ то же самое время стимуломъ къ ихъ труду для «болѣе деликатныхъ».

[91]) Storch l. c. t. III, p. 223.

теперь работаетъ, чтобы отдыхать; наоборотъ, именно потому, что одинъ работаетъ, другой долженъ отдыхать... Безконечное развитіе производительныхъ силъ труда не можетъ, слѣдовательно, имѣть другого результата, кромѣ увеличенія роскоши и наслажденій праздныхъ богачей» [92]). Cherbuliez, ученикъ Сисмонди, дополняетъ послѣдняго, говоря: «Сами рабочіе, трудясь надъ накопленіемъ производительныхъ капиталовъ, содѣйствуютъ тому обстоятельству, которое рано или поздно должно лишить ихъ части вознагражденія» [92 a]). Наконецъ, Destutt de Tracy, холодный, какъ рыба, буржуазный доктринеръ, грубо высказываетъ это: «Бѣдныя націи суть тѣ, гдѣ народу хорошо живется, богатыя же націи тѣ, гдѣ онъ обыкновенно бѣдствуетъ» [93]).

5. Иллюстраціи всеобщаго закона капиталистическаго накопленія.

а) Англія отъ 1846—1866 г.

Ни одинъ періодъ въ исторіи современнаго общества не представляется столь благопріятнымъ для изученія капиталистическаго накопленія, какъ періодъ послѣднихъ 20 лѣтъ, точно имъ найдена сума Фортуны. И изъ всѣхъ странъ опять-таки Англія представляетъ классическій примѣръ капиталистическаго развитія, такъ какъ она занимаетъ первое мѣсто на міровомъ рынкѣ, такъ какъ только здѣсь капиталистическое производство вполнѣ развито, и, наконецъ, такъ какъ введеніе тысячелѣтняго царства свободной торговли съ 1846 года отняло у вульгарной политической экономіи ея послѣднюю лазейку. Громадный прогрессъ производства, вслѣдствіе котораго вторая половина двадцатилѣтняго періода опять-таки далеко превзошла первую, былъ уже въ достаточной мѣрѣ отмѣченъ нами въ четвертомъ отдѣлѣ.

Хотя абсолютный приростъ англійскаго населенія былъ очень великъ въ послѣдніе 50 лѣтъ, однако относительный ростъ или процентъ этого прироста постоянно падалъ, какъ это показываетъ слѣдующая таблица, заимствованная изъ оффиціальной переписи:

Ежегодное процентное приращеніе населенія Англіи и Уэльса:

1811—1821	1.533%
1821—1831	1.446%
1831—1841	1.326%
1841—1851	1.216%
1851—1861	1.141%

Разсмотримъ теперь съ другой стороны ростъ богатства. Самое вѣрное основаніе для сужденія представляетъ здѣсь движеніе прибыли, поземельной ренты и т. д., подлежащихъ подоходному налогу. Приростъ прибыли, подлежащей подоходному налогу (не включая сюда фермеровъ и нѣкоторыя другія рубрики), составлялъ

[92]) Sismondi, l. c. t. I, p. 79, 80, 85.

[92 a]) Cherbuliez, l. c. p. 146.

[93]) Destutt de Tracy l. c. p. 231: «Les nations pauvres, c'est là où le peuple est à son aise; et les nations riches, c'est là, où il est ordinairement pauvre».

для Великобританіи отъ 1853 г. до 1864 г. 50,47% (или среднимъ числомъ 4,58% въ годъ) [94]), приростъ же населенія за этотъ періодъ—около 12%. Увеличеніе поземельной ренты, обложенной налогомъ (включая сюда дома, желѣзныя дороги, копи, рыбныя ловли и т. д.), составляло отъ 1853 г. до 1864 г. 38%, или $^{35}/_{12}$% въ годъ, изъ которыхъ самая крупная доля приходилась на слѣдующія рубрики:

Ростъ ежегоднаго дохода въ процентахъ съ 1864 г., по 1853 г.

		Ежегодное увеличеніе.
Съ домовъ	38,60%	3,50%
» каменоломенъ	84,76%	7,70%
» копей	68,85%	6,26%
» желѣзодѣлательныхъ заводовъ..	39,92%	3,13%
» рыбныхъ ловель	57,37%	5,21%
» стеклянныхъ заводовъ	126,02%	11,45%
» желѣзныхъ дорогъ	83,29%	7,57% [95]).

Если мы сравнимъ между собой четырехлѣтія періода отъ 1853—1864 г., то увидимъ, что степень увеличенія доходовъ постоянно возрастаетъ. Такъ, напр., за четырехлѣтіе отъ 1853—1857 г. ежегодное увеличеніе дохода отъ прибыли составляетъ 1,73%, отъ 1857—1861 г. 2,74% и отъ 1861—1864 9,30%. Общая сумма доходовъ, подлежащихъ подоходному налогу, составляла въ Соединенномъ Королевствѣ въ 1856 г.: 307.068.898 ф. ст., въ 1859 г.: 328.127.416 ф. ст., въ 1862 г.: 351.745.241 ф. ст., въ 1863 г.: 359.142.897 ф. ст., въ 1864 г.: 362.462.279 ф. ст., въ 1865 г.: 385.530.020 ф. ст., [96]).

Накопленіе капитала сопровождалось въ то же самое время его концентраціей и централизаціей. Хотя въ Англіи не существуетъ никакой оффиціальной земледѣльческой статистики (въ Ирландіи она существуетъ), но десять англійскихъ графствъ доставили по собственной инціативѣ статистическія данныя. Послѣднія показали, что отъ 1851 до 1861 гг. аренды ниже 100 акровъ уменьшились съ 31.583 до 26,567, 5,016 арендъ оказались соединенными, слѣдовательно, съ болѣе крупными [97]). Съ 1815 до 1825 гг. не было ни одного движимаго

[94]) «Tenth Report of the Commissioners of H. M's Inland Revenue. Lond. 1866», p. 38.

[95]) Ibidem.

[96]) Числа этихъ вполнѣ достаточно для сравненія, но если разсматривать ихъ абсолютно, то они невѣрны, такъ какъ около 100 милліоновъ ф. ст. дохода ежегодно «умалчиваются». Жалобы Commissioners of Inland Revenue на систематическій обманъ, особенно со стороны купцовъ и фабрикантовъ, постоянно повторяются въ каждомъ ихъ отчетѣ. Такъ напр., въ одномъ отчетѣ мы читаемъ: «Одно акціонерное общество показало свои доходы, подлежащіе налогу, въ 6.000 ф. ст., правительственный же оцѣнщикъ оцѣнилъ ихъ въ 88.000 ф. ст., и въ концѣ концовъ налогъ былъ уплаченъ съ этой суммы. Другое общество показало доходъ въ 190.000 ф. ст., но принуждено было сознаться, что дѣйствительный доходъ простирается до 250.000 ф. ст.» (ibid. p. 42).

[97]) Census etc. l. c. p. 29. Утвержденіе John'a Bright'a, что 150 лендлордовъ владѣютъ половиной англійской земли, а 12—половиной шотландской, не было еще опровергнуто.

имущества свыше 1 милліона ф. ст., которое подлежало бы налогу на наслѣдство, тогда какъ съ 1828 г. по 1855 г., таковыхъ было 8, съ 1856 г. до іюня 1859 г., т. е. за $4^1/_2$ года — 4 [98]). Но лучше всего явствуетъ централизація изъ краткаго анализа подоходнаго налога подъ рубрикой (шедулой) D (прибыль, за исключеніемъ фермерской и т. д.) за 1864 и 1865 годы. Но прежде я долженъ замѣтить, что доходы, получающіеся изъ этого источника, подлежатъ Income Tax (подоходному налогу), начиная съ 60 ф. ст. Эти, подлежащіе налогу, доходы составляли въ Англіи, Уэльсѣ и Шотландіи въ 1864 г. 95.844.222 ф. ст., а въ 1865 г. 105.435.579 ф. ст. [99]), число же лицъ, платящихъ эти налоги, въ 1864 г. составляло 308.416 при общемъ числѣ населенія въ 23.891.009 человѣкъ, а въ 1865 г. 333.431 чел. при общемъ числѣ населенія въ 24.127.003. Слѣдующая таблица показываетъ распредѣленіе этихъ доходовъ за оба года:

Годъ, кончающійся 5 апрѣля 1864 г.		Годъ, кончающійся 5 апрѣля 1865 г.	
Доходы съ прибыли.	Число лицъ.	Доходы съ прибыли.	Число лицъ.
Общая сумма дохода 95.844.222 ф. ст.	308.416	ф. ст. 105.435.738	332.431
Отсюда . . . . . 57.028.289 » »	23.334	» » 64.554.297	24.265
» . . . . . 36.415.225 » »	3 619	» » 42.535.576	4.021
» . . . . . 22.809.781 » »	832	» » 27.535.313	973
» . . . . . 8.744.762 » »	91	» » 11.077.238	107

Въ 1855 году въ Соединенномъ Королевствѣ произведено было 61.453.079 тоннъ каменнаго угля цѣнностью въ 16.213.167 ф. ст., въ 1864 г.—92.787.873 тонны цѣнностью въ 23.197.968 ф. ст., въ 1855 г.—3.218.154 тонны чугуна цѣнностью въ 8.045.385 ф. ст., въ 1864 г.—4.767.951 тонна цѣнностью въ 11.919.877 ф. ст.; въ 1854 г. протяженіе эксплуатируемыхъ въ Соединенномъ Королевствѣ желѣзныхъ дорогъ составляло 8.054 мили цѣнностью въ 286.068.794 ф. ст., въ 1864 г. длина ихъ увеличилась до 12.789 миль цѣнностью въ 425.719.613 ф. ст. Въ 1854 г. общая сумма ввоза и вывоза Соединеннаго королевства составляла 286.210.145 ф. ст., въ 1865 г.—489.023.285. Слѣдующая таблица показываетъ движеніе вывоза:

1846 г.	58.842.377 ф. ст.
1849 »	63.596.052 » »
1856 »	115.826.948 » »
1860 »	135.842.817 » »
1865 »	165.862.402 » »
1866 »	188.917.563 » » [100]).

[98]) «Fourth Report etc. of Inland Revenu. Lond. 1860 г.», p. 17.

[99]) Это чистые доходы, изъ которыхъ сдѣланы нѣкоторые указанные въ законѣ вычеты.

[100]) Въ настоящую минуту (мартъ 1867 г.), индійскій и китайскій рынки опять уже совершенно заполнены товарами англійскихъ хлопчатобумажныхъ фабрикан-

Познакомившись съ этими немногими данными, мы легко поймемъ торжество, съ которымъ говоритъ генеральный регистраторъ британскаго народа: «Какъ ни быстро возрастало населеніе, всетаки ростъ его не соотвѣтствовалъ прогрессу промышленности и богатства» [101]). Обратимся теперь къ непосредственнымъ дѣятелямъ этой промышленности или къ производителямъ этого богатства, къ рабочему классу. «Одной изъ самыхъ печальныхъ чертъ соціальнаго положенія нашей страны,—говоритъ Гладстонъ,—является то, что съ уменьшеніемъ народнаго потребленія и съ ростомъ лишеній и нищеты трудящагося класса происходитъ постоянное накопленіе богатства въ высшихъ классахъ и постоянное приращеніе капитала» [102]). Такъ говорилъ этотъ елейный министръ въ Палатѣ Общинъ 13 февраля 1843 г. Двадцать лѣтъ спустя, 16-го апрѣля 1863 г., излагая бюджетъ, онъ говоритъ: «Съ 1842 г. по 1852 г. доходъ страны, подлежащій налогу, увеличился на 6%... За 8 лѣтъ съ 1853 по 1861 гг онъ увеличился, если принять за основаніе доходъ 1853 г., на 20%. Фактъ этотъ до того поразителенъ, что онъ почти невѣроятенъ... Это поразительное увеличеніе богатства и могущества... ограничивается исключительно имущими классами, но... по оно приноситъ косвенную выгоду и рабочему классу, такъ какъ оно удешевляетъ предметы всеобщаго потребленія—въ то время, какъ богатые стали еще богаче, бѣдные во всякомъ случаѣ стали менѣе бѣдны. Я не рѣшаюсь утверждать что крайности бѣдности уменьшились» [103]). Какая слабая antiklimax! Если рабочій классъ остался «бѣденъ», лишь «менѣе бѣденъ», «сравнительно съ тѣмъ поразительнымъ увеличеніемъ богатства и силы», которое онъ произвелъ для имущаго класса, то относительно онъ остался столь же бѣденъ. Если крайности бѣдности не уменьшились, то онъ увеличились, такъ какъ увеличились крайности богатства. Что же касается удешевленія

товъ. Въ 1866 г. началось пониженіе заработной платы хлопчатобумажныхъ рабочихъ на 5%, въ 1867 г., вслѣдствіе подобной же мѣры, произошла въ Престонѣ стачка 20.000 человѣкъ. [Это было прологомъ кризиса, вскорѣ затѣмъ наступившаго Ф. Э].

[101]) Census etc. l. c. p. 11.

[102]) Gladstone въ Палатѣ Общинъ, 13 февраля 1843 г.: «It is one of the most melancholy features in the social state of this country that we see, beyond the possibility of denial, that while there is at this moment, a decrease in the consuming powers of the people, an increase of the pressure of privations and distress; there is at the same time a constant accumulation of wealth in the upper classes, an increase in the luxuriousness of their habits and of their means of enjoyment». (Times, 14 Febr. 1843 г.—Hansard, 13 Febr.).

[103]) «From 1842 to 1852 the taxable income of the country increased by 6 per cent... In the 8 years from 1853 to 1861, it had increased from the basis taken in 1853, 20 per cent! The fact is so astonishing as to be almost incredible... this intoxicating augmentation of wealth and power... entirely confined to classes of property... must be of indirect benefit to the labouring population, because it cheapens the commodities of general consumption—while the rich have been growing richer, the poor have been growing less poor! at any rate, whether the extremes of poverty are less, do not presume to say». Gladstone въ Палатѣ Общинъ, 16 April. 1863. Morning Star, 17 April.

средствъ существованія, то оффиціальная статистика, напр., отчетъ лондонскаго пріюта для сиротъ (Orphan Asylum) показываетъ, что за трехлѣтіе отъ 1860 до 1862 гг. они вздорожали на 20% въ сравненіи съ трехлѣтіемъ 1851—1863 гг. Въ слѣдующее трехлѣтіе съ 1863—1865 гг. мясо, масло, молоко, сахаръ, соль, уголь и масса другихъ необходимыхъ средствъ существованія постепенно вздорожали [104]). Слѣдующая бюджетная рѣчь Гладстона, 7-го апрѣля 1864 г., представляетъ пиндаровскій дифирамбъ прогрессу обогащенія и народному счастью, умѣряемому «бѣдностью». Онъ говоритъ о массахъ, «находящихся на краю пауперизма», объ отрасляхъ промышленности, «въ которыхъ заработная плата не повысилась», и резюмируетъ, наконецъ, счастье рабочаго класса въ слѣдующихъ словахъ: «Человѣческая жизнь въ 9 случаяхъ изъ 60 есть голая борьба за существованіе» [105]). Профессоръ Fawcett, не связанный, въ отличіе отъ Гладстона, оффиціальными соображеніями, прямо заявляетъ: «Я, конечно, не отрицаю, что денежная плата повысилась съ этимъ увеличеніемъ капитала (въ послѣднія десятилѣтія), но этотъ кажущійся выигрышъ въ значительной мѣрѣ снова погашается тѣмъ, что многіе предметы необходимости постоянно дорожаютъ (какъ онъ полагаетъ, вслѣдствіе паденія цѣнности благородныхъ металловъ)... Богатые быстро становятся еще богаче (the rich grow rapidly richer), между тѣмъ какъ въ обстановкѣ рабочаго класса незамѣтно никакого прогресса. ...Рабочіе становятся почти рабами мелкихъ лавочниковъ, должниками которыхъ они состоятъ» [106]).

Въ отдѣлахъ о рабочемъ днѣ и о машинахъ были указаны тѣ условія, при которыхъ британскій рабочій классъ создалъ «это поразительное увеличеніе богатства и силы» для имущихъ классовъ. Тогда однако насъ занималъ преиму-

---

[104]) См. оффиціальныя данныя въ Синей книгѣ: «Miscellaneous Statistics of the Un. Kingdom. Part VI Lond. 1866», p. 260—273 passim. Вмѣсто статистики сиротскихъ пріютовъ, можно было бы сослаться на декламаціи министерской прессы, высказывающейся въ назиданіе содержанія дѣтямъ королевскаго дома. Тамъ всегда говорится о вздорожаніи средствъ существованія.

[105]) «Think of those who are on the border of that region (pauperism)», «wages... in others not increased... human life is but, in nine cases out of ten a struggle for existence». (Gladstone. H. o. C. 7 April 1864). По версіи Hansard'a это выходитъ такъ: «Again, and yet more at large, what is human life but in the majority of cases a struggle for existence».—Одинъ англійскій писатель характеризуетъ постоянныя волнующія противорѣчія въ бюджетныхъ рѣчахъ Гладстона въ 1863 и 1864 гг. слѣдующей цитатой изъ Мольера:

«Voilà l'homme en effet. Il va du blanc au noir.
Il condamne au matin ses sentiments du soir.
Importun à tout autre, à soi même incommode,
Il change à tous moments d'esprit comme de mode».

(«Вотъ каковъ человѣкъ въ самомъ дѣлѣ. Онъ постоянно мѣняетъ свои мнѣнія. Утромъ онъ осуждаетъ свои вчерашнія чувства. Онъ въ тягость другимъ, несносенъ для самого себя, каждую минуту онъ мѣняетъ настроеніе, какъ моду»). («The Theory of Exchanges etc. Lond. 1864», p. 135).

[106]) H. Fawcett l. c. p. 67, 82. Что касается возрастающей зависимости рабочихъ отъ мелкихъ лавочниковъ, то она является слѣдствіемъ учащенія колебаній и перерывовъ въ ихъ занятіяхъ.

щественно рабочій по время его общественной функціи. Для полнаго освѣщенія законовъ накопленія необходимо разсмотрѣть также и его положеніе внѣ мастерской, условія его питанія и жилища. Рамки этой книги заставляютъ насъ прежде всего обратить вниманіе на всего хуже оплачиваемую часть промышленнаго пролетаріата и на земледѣльческихъ рабочихъ, т. е. на большинство рабочаго класса.

Но прежде скажемъ еще нѣсколько словъ объ оффиціальномъ пауперизмѣ или о той части рабочаго класса, которая лишилась своего непремѣннаго условія существованія, возможности продавать свою рабочую силу, и живетъ на счетъ общественнаго подаянія. Въ 1855 г. въ Англіи [107]), по оффиціальному списку, считалось 851,369 пауперовъ, въ 1856 г. 877,767, въ 1865 г. 971,433. Вслѣдствіе хлопчатобумажнаго кризиса число это въ 1863 и 1864 году возросло до 1,079,382 и 1,014.978. Кризисъ 1866 года, всего тяжелѣе поразившій Лондонъ, создалъ въ этомъ центрѣ мірового рынка, болѣе многолюдномъ, чѣмъ королевство Шотландія, увеличеніе пауперизма за 1866 годъ на 19,5% въ сравненіи съ 1865 и на 24,4% въ сравненіи съ 1864 годомъ, а въ первые мѣсяцы 1867 года еще большее увеличеніе по сравненію съ 1866 г. При анализѣ статистики пауперизма надо обратить вниманіе на два пункта. Съ одной стороны увеличеніе и уменьшеніе числа пауперовъ является отраженіемъ періодическихъ превратностей промышленнаго цикла. Съ другой стороны, показанія оффиціальной статистики относительно размѣра пауперизма становятся все болѣе и болѣе обманчивыми по мѣрѣ того, какъ, вмѣстѣ съ накопленіемъ капитала, развивается классовая борьба и чувство собственнаго достоинства рабочихъ. Варварство въ обращеніи съ пауперами, о которомъ въ послѣдніе два года такъ громко кричала англійская пресса («Times», «Pall Mall Gazette» etc.), представляетъ давнее явленіе. Fr. Engels констатируетъ въ 1844 году тѣ же самые ужасы и такое же преходящее лицемѣрное возмущеніе по поводу нихъ «сенсаціонной литературы». Но сильное увеличеніе числа случаевъ голодной смерти («deaths by starvation») въ Лондонѣ въ послѣднее десятилѣтіе безусловно доказываютъ растущее отвращеніе рабочихъ къ рабству рабочихъ домовъ [108]), этихъ исправительныхъ заведеній для нищеты.

b) Плохо оплачиваемые слои британскаго промышленнаго рабочаго класса.

Обратимся теперь къ плохо оплачиваемымъ слоямъ промышленнаго рабочаго класса. Во время хлопчато-бумажнаго кризиса въ 1862 году Privy Council поручилъ Dr. Smith'y произвести изслѣдованіе о состояніи питанія обнищавшихъ

[107]) Къ Англіи всегда причисляется Уэльсъ (Wales), къ Великобританіи—Англія, Уэльсъ и Шотландія, къ Соединенному Королевству эти три страны и еще Ирландія.

[108]) Своеобразный свѣтъ на прогрессъ, пронесшійся со времени А. Смита, проливаетъ то обстоятельство, что онъ часто употребляетъ слово workhouse (рабочій домъ) въ значеніи manufactory (фабрика). Напр., въ началѣ главы о раздѣленіи труда онъ говоритъ: «Тѣ, которые заняты въ различныхъ отрасляхъ труда, могутъ быть собраны въ одной и той же фабрикѣ (workhouse)».

хлопчатобумажныхъ рабочихъ Чешира и Ланкашира. Прежнія долголѣтнія наблюденія привели его къ заключенію, что «для избѣжанія заболѣваній отъ голода» (starvation diseases), ежедневное количество пищи должно содержать по крайней мѣрѣ 3,900 гранъ углерода и 180 гранъ азота въ среднемъ для женщинъ и по крайней мѣрѣ 4,300 гранъ углерода и 200 гранъ азота въ среднемъ для мужчинъ — для женщинъ, значитъ, почти столько питательныхъ веществъ, сколько содержится въ двухъ фунтахъ хорошаго пшеничнаго хлѣба, для мужчинъ на $^1/_9$ больше: въ среднемъ за недѣлю для взрослыхъ мужчинъ и женщинъ по крайней мѣрѣ 28,600 гр. углерода и 1,330 гр. азота. Это вычисленіе поразительнымъ образомъ подтвердилось на практикѣ, такъ какъ оно совпало съ тѣмъ малымъ количествомъ пищи, до котораго упало потребленіе хлопчатобумажныхъ рабочихъ во время кризиса и связанной съ нимъ нужды. Въ декабрѣ 1862 г. они получали 29,211 гр. углерода и 1,295 гр. азота въ недѣлю.

Въ 1863 г. Privy Council предпринялъ изслѣдованіе бѣдственнаго положенія всего хуже питающейся части англійскаго рабочаго класса. Dr. Simon, оффиціальный врачъ Privy Council, избралъ для этой работы вышеупомянутаго Dr. Smith'a. Изслѣдованіе его обнимаетъ, съ одной стороны, земледѣльческихъ рабочихъ, съ другой—ткачей шелковыхъ издѣлій, швей, перчаточниковъ, чулочниковъ, сапожниковъ. Послѣднія категоріи, за исключеніемъ чулочниковъ, состоятъ исключительно изъ городскихъ жителей. При изслѣдованіи было принято за правило выбирать въ каждой категоріи самыя здоровыя и относительно лучше поставленныя семейства.

Общій результатъ изслѣдованія сведся къ тому, что только для одного изъ изслѣдованныхъ классовъ городскихъ рабочихъ количество потребляемаго азота немного превысило тотъ minimum, ниже котораго наступаютъ болѣзни отъ голода: для двухъ классовъ обнаруженъ недостатокъ, и для одного даже очень большой недостатокъ какъ азотосодержащей, такъ и содержащей углеродъ пищи, а изъ изслѣдованныхъ земледѣльческихъ семействъ болѣе одной пятой получало менѣе необходимаго количества содержащей углеродъ пищи, болѣе $^1/_3$— меньше необходимаго количества азотосодержащей пищи, и, наконецъ, въ трехъ графствахъ (Berkshire, Oxfordshire и Somersetshire) вездѣ господствовалъ недостатокъ минимальнаго количества азотосодержащей пищи» [109]). Изъ земледѣльческихъ рабочихъ, англійскіе рабочіе, т. е. рабочіе самой богатой части королевства, питались хуже всѣхъ [110]). Между сельскими рабочими недостаточное количество пищи приходилось главнымъ образомъ на долю женщинъ и дѣтей, такъ какъ «мужчинѣ необходимо ѣсть для того, чтобы работать». Еще большая нужда свирѣпствовала среди изслѣдованныхъ категорій городскихъ рабочихъ. «Они такъ плохо питаются, что встрѣчаются случаи жестокаго и разрушающаго здоровье воздержанія (все это — «воздержаніе» капиталиста, т. е. воздержаніе отъ такой оплаты рабочихъ рукъ, которая давала бы имъ возможность пріобрѣтать средства существованія, безусловно необходимыя для проявленія!) [111]).

[109]) «Public Health. Sixth Report etc, for 1863. Lond. 1864», p. 13.

[110]) l. c. p. 17.

[111]) l. c. p. 13.

Слѣдующая таблица показываетъ отношеніе между (1) состояніемъ питанія выше упомянутыхъ, часто городскихъ, категорій рабочихъ, (2) минимумомъ, принятымъ Dr. Smith'омъ, и (3) количествомъ пищи хлопчато бумажныхъ рабочихъ во время ихъ крайней нужды:

ОБА ПОЛА.	Среднее еженедѣльное количество углерода.	Среднее еженедѣльное количество азота.
Пять городскихъ отраслей промышленности	28,876 грань.	1,192 грань.
Безработные фабричные рабочіе Ланкашира	28,211	1,295 »
Минимумъ, предложенный для Ланкашира при равномъ числѣ работниковъ и работницъ	28,600 »	1,330 » [113]).

Половина, $^{60}/_{125}$ изслѣдованныхъ категорій промышленныхъ рабочихъ, совершенно не потребляла пива, 28% не потребляли молока. Среднее недѣльное количество жидкихъ пищевыхъ веществъ колебалось между 7 унціями на семейство у швей и $24^{3}/_{4}$ унціи у чулочниковъ. Большая часть тѣхъ, кто совсѣмъ не потреблялъ молока, состояла изъ лондонскихъ швей. Количество еженедѣльно потребляемаго хлѣба колебалось между $7^{3}/_{4}$ фунта у швей и $11^{1}/_{4}$ ф. у сапожниковъ и составляло въ среднемъ 9,9 фунта на недѣлю на взрослаго. Сахаръ (сиропъ и т. д.) составлялъ еженедѣльно отъ 4 унцій у перчаточниковъ до 11 унцій у чулочниковъ, въ среднемъ—8 унцій въ недѣлю на взрослаго всѣхъ категорій. Среднее недѣльное количество масла (жира и т. п.) составляло 5 унцій на взрослаго. Среднее недѣльное количество мяса (сала и т. д.) колебалось между $7^{1}/_{4}$ унцій на взрослаго у ткачей шелковыхъ издѣлій и $18^{1}/_{4}$ унцій у перчаточниковъ, среднее количество для различныхъ категорій составляло 13,6 унцій. Недѣльный расходъ на пищу (паекъ) для взрослаго далъ слѣдующія среднія числа: ткачи шелковыхъ издѣлій тратятъ на пищу 2 шилл. $2^{1}/_{2}$ пенса, швеи 2 шилл. 7 пенс., перчаточники 2 шилл. $9^{1}/_{2}$ п., сапожники 2 шилл. $7^{3}/_{4}$ п., чулочники 2 шилл. $6^{1}/_{4}$ п. Средній расходъ на пищу ткачей шелковыхъ издѣлій Macclesfield'а составлялъ только 1 шилл. $8^{1}/_{2}$ п. Хуже всего питающіяся категоріи составляли швеи, ткачи шелковыхъ издѣлій и перчаточники [113]).

Dr. Simon говоритъ въ своемъ общемъ санитарномъ отчетѣ объ этихъ условіяхъ питанія: «Всякій, кто знакомъ съ медицинской практикой среди бѣдняковъ или съ паціентами госпиталей, живущими въ самыхъ госпиталяхъ или внѣ ихъ, подтвердитъ, что тѣ случаи, когда болѣзни происходятъ или обостряются отъ недостаточнаго питанія, очень многочисленны... Но съ санитарной точки зрѣнія сюда присоединяется еще одно очень важное обстоятель-

[113]) l. c. Appendix, p. 232.

[113]) l. c. p. 232. 233.

ство... Надо помнить, что лишеніе пищи переносится съ большимъ трудомъ и что обыкновенно значительная скудость пищи является уже результатомъ другихъ предыдущихъ лишеній. Всякій матеріальный комфортъ исчезаетъ изъ домашняго обихода задолго до того, какъ обнаруживается серьезный недостатокъ въ пищѣ, задолго до того, какъ физіологу приходится считать граны азота и углерода, между которыми колеблется жизнь и голодная смерть. Одежда и отопленіе становятся еще скуднѣе пищи. Замѣчается отсутствіе надлежащей защиты отъ суровой погоды; тѣснота помѣщеній доходитъ до предѣловъ, вызывающихъ или обостряющихъ болѣзни; почти незамѣтно слѣдовъ какой-нибудь домашней утвари или мебели; даже чистота оказывается слишкомъ дорогой или очень трудно достижимой. Если же изъ чувства собственнаго достоинства дѣлаются еще попытки поддерживать извѣстную чистоплотность, то всякая такая попытка означаетъ новыя мученія отъ голода. Селятся тамъ, гдѣ дешевле всего можно пріобрѣсти кровъ, въ тѣхъ кварталахъ, гдѣ мѣры санитарной полиціи невменѣе плодотворны, гдѣ самыя отвратительныя клоаки, гдѣ меньше всего движенія, больше всего нечистотъ, самое скудное или самое дурное снабженіе водою, а, въ городахъ, тамъ,—гдѣ къ тому же самый большой недостатокъ свѣта и воздуха. Таковы опасности для здоровья, которымъ неизбѣжно подвержена бѣднота, если нужда ея такъ велика, что она ощущаетъ недостатокъ въ пищѣ. Если сумма всѣхъ этихъ бѣдствій имѣетъ страшное значеніе для жизни, то и одни лишенія въ пищѣ сами по себѣ ужасны. Это—мучительныя мысли, особенно если вспомнить, что бѣдность эта происходитъ не по собственной винѣ, не вслѣдствіе праздности. Это—бѣдность рабочихъ. И даже, что касается городскихъ рабочихъ, то ихъ трудъ, которымъ пріобрѣтается такое скудное количество пищи, въ большинствѣ случаевъ удлиняется свыше всякой мѣры. И однако только въ очень ограниченномъ смыслѣ можно сказать, что трудъ этотъ поддерживаетъ существованіе... Это номинальное поддержаніе собственной жизни является въ значительной мѣрѣ только болѣе или менѣе длиннымъ путемъ къ пауперизму» [114]).

Только знаніе экономическихъ законовъ раскрываетъ внутреннюю связь между мученіями отъ голода наиболѣе трудолюбивыхъ слоевъ рабочихъ и грубой или утонченной расточительностью богатыхъ, основанной на капиталистическомъ накопленіи. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ жилищными условіями. Всякій безпристрастный наблюдатель видитъ, что чѣмъ больше централизація средствъ производства, тѣмъ больше соотвѣтственное скопленіе рабочихъ на одномъ пространствѣ, и что, поэтому, чѣмъ быстрѣе капиталистическое накопленіе, тѣмъ хуже состояніе жилищъ рабочихъ. «Улучшенія» (improvements) городовъ посредствомъ ломки плохо застроенныхъ кварталовъ, постройки дворцовъ для банковъ, крупныхъ магазиновъ и т. д., проведеніе улицъ для цѣлей обмѣна и для проѣзда роскошныхъ экипажей, устройство конныхъ желѣзныхъ дорогъ и т. п. улучшенія, сопровождающія ростъ богатства, быстро вытѣсняютъ бѣдныхъ въ все худшіе и худшіе, въ все болѣе и болѣе тѣсные закоулки. Съ другой

[114]) l. c. p. 14, 15.

стороны, всякому извѣстно, что дороговизна квартиръ обратно пропорціональна ихъ качеству и что рудники нищеты эксплуатируются спекулянтами-строителями съ меньшими издержками и съ большей выгодой, чѣмъ серебряные рудники Потози. Антагонистическій характеръ капиталистическаго накопленія и, поэтому, капиталистическихъ отношеній собственности вообще [115]) здѣсь до того очевиденъ, что даже оффиціальные англійскіе доклады по этому предмету полны еретическихъ (heterodox) выходокъ противъ «собственности и ея правъ». Съ развитіемъ промышленности, съ накопленіемъ капитала, съ ростомъ и «украшеніемъ» городовъ зло такъ распространилось, что одинъ страхъ заразныхъ болѣзней, не щадящихъ и «порядочныхъ господъ», вызвалъ въ періодъ между 1847 и 1864 гг. не менѣе 10 санитарно-полицейскихъ парламентскихъ актовъ, а испуганная буржуазія въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ Ливерпуль, Глазго и т. д. сама, въ лицѣ своихъ муниципалитетовъ, приняла мѣры. Несмотря на это, Dr. Simon говоритъ въ своемъ отчетѣ за 1865 г.: «Вообще говоря, въ Англіи неустройства ускользаютъ совершенно отъ контроля». По распоряженію Privy Council въ 1864 г. произведено было изслѣдованіе жилищъ сельскихъ рабочихъ, а въ 1865 г. бѣднѣйшихъ классовъ въ городахъ. Превосходные труды Dr. Julian Hunter'a напечатаны въ седьмомъ и восьмомъ отчетѣ о «Public Health» (о народномъ здравіи). Мы еще вернемся впослѣдствіи къ сельскимъ рабочимъ. Что же касается состоянія жилищъ городскихъ рабочихъ, то описанію ихъ я предпосылаю общее замѣчаніе Dr. Simon'a: «Хотя моя оффиціальная точка зрѣнія исключительно медицинская», говоритъ онъ, «но самое обыкновенное чувство гуманности не позволяетъ игнорировать и другую сторону зла. Развившись до крупныхъ размѣровъ, оно почти неизбѣжно обусловливаетъ такое отрицаніе всякаго приличія, такое грязное смѣшеніе тѣлъ и физическихъ отправленій, такую степень наготы половъ, которая болѣе свойственна скотамъ, чѣмъ людямъ. Подвергаться такимъ вліяніямъ — унизительно, и униженіе это дѣйствуетъ тѣмъ глубже, чѣмъ больше оно продолжается. Для дѣтей, рождающихся подъ этимъ проклятіемъ, это равносильно крещенію въ безчестіе (baptism to infamy). Въ высшей степени безнадежно желаніе, чтобы люди, поставленные въ такія условія, въ другихъ отношеніяхъ стремились въ ту атмосферу цивилизаціи, сущность которой состоитъ въ физической и нравственной чистоплотности» [116]).

Лондонъ занимаетъ первое мѣсто по переполненности жилищъ или по абсолютной непригодности ихъ для человѣческаго жилья. «Два обстоятельства несомнѣнны.—говоритъ Dr. Hunter—во-первыхъ, въ Лондонѣ есть около 20 большихъ колоній, каждая приблизительно изъ 10.000 человѣкъ, жалкое положеніе которыхъ превосходитъ все, что когда-либо было видано гдѣ не-

[115]) «Нигдѣ права личности такъ открыто и такъ безстыдно не приносятся въ жертву правамъ собственности, какъ въ жилищныхъ условіяхъ рабочаго класса. Каждый большой городъ представляетъ мѣсто человѣческихъ жертвоприношеній, алтарь, на которомъ ежегодно убиваются тысячи жертвъ въ честь Молоха алчности». (S. Laing. l. c. p. 150).

[116]) «Public Health. Eight Report. Lond. 1865», p. 14, Note.

будь въ Англіи, и положеніе это есть почти исключительно результатъ сквернаго устройства жилищъ; во-вторыхъ, степень переполненія и разрушенія домовъ въ этихъ колоніяхъ гораздо больше теперь, чѣмъ 20 лѣтъ тому назадъ» [117]). «Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что жизнь во многихъ частяхъ Лондона и Ньюкастля по истинѣ адская» [118]).

И лучше поставленная часть рабочаго класса, а также мелкіе лавочники и другіе элементы мелкой буржуазіи въ Лондонѣ все болѣе и болѣе подпадаютъ проклятію этихъ отвратительныхъ жилищныхъ условій по мѣрѣ того, какъ прогрессируютъ «улучшенія» и, вмѣстѣ съ ними, ломка старыхъ улицъ и домовъ, по мѣрѣ того, какъ увеличивается число фабрикъ и приливъ людей въ метрополію и наконецъ, по мѣрѣ того, какъ вмѣстѣ съ городской поземельной рентой повышается и квартирная плата. «Квартирная плата такъ непомѣрно повысилась, что немногіе рабочіе въ состояніи нанимать больше одной комнаты» [119]). Нѣтъ почти ни одного дома въ Лондонѣ, который не былъ бы обремененъ плата, тежами въ пользу множества middlemen'овъ (посредниковъ). Дѣло въ томъ, что цѣна земли въ Лондонѣ потому такъ высока въ сравненіи съ приносимымъ ею ежегодно доходомъ, что каждый покупатель спекулируетъ на то, чтобы рано или поздно сбыть ее по Jury Price (т. е. по цѣнѣ, опредѣляемой присяжными при экспропріаціи) или же расчитываетъ на чрезвычайное повышеніе цѣны, благодаря сосѣдству съ какимъ-нибудь крупнымъ предпріятіемъ. Слѣдствіемъ этого является форменная торговля контрактами о наймѣ, сроки которыхъ истекаетъ. «Отъ джентльменовъ, занимающихся этимъ дѣломъ, можно ожидать, что они будутъ поступать именно такъ, какъ они теперь поступаютъ, т. е. будутъ стараться извлекать какъ можно больше изъ жильцовъ и оставлять дома своимъ преемникамъ въ самомъ жалкомъ видѣ» [120]). Наемная плата — понедѣльная, и эти господа не подвергаются никакому риску. Вслѣдствіе постройки желѣзныхъ дорогъ въ чертѣ города, «недавно можно было видѣть въ одинъ субботній вечеръ въ восточной части Лондона множество семействъ, изгнанныхъ изъ своихъ старыхъ жилищъ, скитавшихся со своими скудными пожитками на плечахъ и не находившихъ никакого пристанища, кромѣ рабочаго дома» [121]). Рабочіе дома уже переполнены, а «улучшенія», разрѣшенныя уже парламентомъ, едва только начинаютъ приводиться въ исполненіе. Рабочіе, изгоняемые вслѣдствіе ломки ихъ домовъ, не покидаютъ, однако, своего прихода или, по крайней мѣрѣ, селятся на границѣ его, въ ближайшемъ приходѣ.

[117]) l. c. p. 89. Dr. Hunter говоритъ относительно дѣтей въ этихъ колоніяхъ «Мы не знаемъ, какъ воспитывались дѣти бѣдныхъ до этого вѣка крайняго скопленія бѣдныхъ. Но нужно быть смѣлымъ пророкомъ, чтобы предсказать все, чего можно ожидать въ будущемъ отъ дѣтей, которыя теперь, при условіяхъ, не имѣющихъ себѣ ничего подобнаго въ нашей странѣ, подготовляются къ своей будущей практикѣ, въ качествѣ опасныхъ классовъ общества, проводя полночи съ людьми всѣхъ возрастовъ, пьяными, непристойными и сварливыми». (l. c. p. 56).

[118]) l. c. p. 62.

[119]) «Report of the officer of Health of St. Martin's in the Fields. 1865».

[120]) «Public Health. Eight Report. Lond. 1865», p. 91.

[121]) l. c. p. 88.

Они, конечно, стараются селиться по возможности ближе къ мѣсту своей работы. Вслѣдствіе этого, вмѣсто двухъ комнатъ, одно семейство принуждено помѣщаться въ одной. Даже за высшую плату квартира будетъ хуже той скверной, изъ которой ихъ изгнали. Половина рабочихъ на Strandѣ принуждена итти почти двѣ мили до мѣста работы». Этотъ Strand, главная улица котораго поражаетъ иностранца богатствомъ Лондона, можетъ служить примѣромъ скученія людей въ этомъ городѣ. Въ одномъ изъ его приходовъ санитарный чиновникъ насчиталъ 581 чел. на акръ, несмотря на то, что въ данное пространство включалась половина Темзы. Само собою разумѣется, что всякая санитарно-полицейская мѣра, которая, какъ это до сихъ поръ практикуется въ Лондонѣ, вслѣдствіе ломки негодныхъ домовъ, изгоняетъ рабочихъ изъ одного квартала, ведетъ лишь къ тому, что они тѣмъ тѣснѣе скучиваются въ другомъ кварталѣ. «Либо,—говоритъ Dr. Hunter,—вся эта безсмысленная процедура должна прекратиться, либо общественныя симпатіи (!) должны пробудиться къ тому, что теперь можно безъ преувеличенія назвать національнымъ долгомъ, именно къ доставленію крова людямъ, которые, по недостатку капитала, не могутъ его сами пріобрѣсти» [122]). Капиталистическая справедливость поистинѣ достойна удивленія! Землевладѣлецъ, домовладѣлецъ, купецъ при экспропріаціи вслѣдствіе «improvements» (улучшеній), какъ, напр., при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, прокладываніи новыхъ улицъ и т. д. получаютъ не только полное вознагражденіе, но за свое вынужденное «воздержаніе» они должны, по божескимъ и человѣческимъ законамъ, быть утѣшены еще сверхъ того приличною прибылью. Рабочихъ же съ женами, дѣтьми и всѣмъ ихъ имуществомъ выбрасываютъ на улицу, и если они большими массами направляются въ тѣ кварталы города, въ которыхъ муниципалитетъ особенно слѣдитъ за благопристойностью, то ихъ преслѣдуетъ санитарная полиція!

Кромѣ Лондона въ началѣ XIX столѣтія не было ни одного города въ Англіи, въ которомъ числилось бы 100,000 жителей. Только въ 5 городахъ числилось больше 50,000 жителей. Теперь существуетъ 28 городовъ, въ которыхъ свыше 50,000 жителей. «Результатомъ этой перемѣны былъ не только громадный приростъ городского населенія, но и то, что прежніе маленькіе города теперь сдѣлались центрами, застроенными со всѣхъ сторонъ, безъ всякаго доступа свѣжаго воздуха. Не находя ихъ уже болѣе пріятными для себя, богачи покидаютъ ихъ и переселяются въ болѣе веселыя предмѣстья. Преемники этихъ богачей занимаютъ большіе дома, при чемъ цѣлое семейство помѣщается въ одной комнатѣ, часто еще отдавая углы въ наемъ. Такимъ образомъ населеніе тѣснится въ домахъ, предназначенныхъ не для него, гдѣ оно было совершенно не на мѣстѣ, въ обстановкѣ, поистинѣ унизительной для взрослыхъ и гибельной для дѣтей» [123]). Чѣмъ быстрѣе накопляется капиталъ въ промышленномъ или торговомъ городѣ, тѣмъ быстрѣе притекаетъ туда подлежащій эксплуатаціи человѣческій матеріалъ, тѣмъ хуже импровизованныя жилища ра-

[122]) l. c. p. 89.
[123]) l. c. p. 55, 56.

бочихъ Newcastle-upon-Tyne, центръ очень богатаго каменноугольнаго и горнопромышленнаго округа, занимаетъ, поэтому, послѣ Лондона второе мѣсто въ жилищномъ ману. Не менѣе 34,000 человѣкъ живутъ тамъ въ одной коморкѣ. Въ видахъ общественнаго здравія недавно въ Newcastle и Gateshead полиція разрушила значительное число домовъ. Постройка новыхъ домовъ очень медленно подвигается впередъ, а промышленныя дѣла идутъ очень быстро. Поэтому въ 1865 г. городъ былъ еще болѣе переполненъ, чѣмъ когда-либо прежде. Съ трудомъ можно было достать хоть одну комнату. «Безъ всякаго сомнѣнія,— говоритъ Dr. Embleton, врачъ при госпиталѣ для тифозныхъ больныхъ въ Newcastle,—причиной существованія и распространенія тифа является переполненіе и нечистота жилищъ. Дома, въ которыхъ обыкновенно живутъ рабочіе, находятся въ глухимъ переулкахъ и во дворахъ. Въ отношеніи свѣта, воздуха, пространства и чистоты они—истинные обращики неустройства и негигіеничности, позоръ для всякой цивилизованной страны. Мужчины и дѣти спятъ ночью всѣ вмѣстѣ вповалку. Что касается мужчинъ, то ночная и дневная смѣна непрерывно слѣдуютъ одна за другой, такъ что постели не успѣваютъ даже остыть. Дома неопрятны, заражены, плохо вентилируются, плохо снабжены водою и еще хуже—отхожими мѣстами» [124]). Недѣльная цѣна подобныхъ конуръ составляетъ отъ 8 пенсовъ до 3 шилл. «Newcastle upon Tyne,— говоритъ Dr. Hunter,—являетъ примѣръ одной изъ самыхъ красивыхъ расъ нашего сельскаго населенія, дошедшей, вслѣдствіе внѣшнихъ условій своихъ обиталищъ, почти до дикаго вырожденія» [125]).

Вслѣдствіе постоянныхъ приливовъ и отливовъ капитала и труда, жилищныя условія въ какомъ-либо городѣ могутъ быть сегодня сносными, завтра же стать отвратительными. Если городскія власти, наконецъ, рѣшаются устранить вопіющія безобразія, то на слѣдующій день налетаютъ, какъ саранча, ирландскіе оборванцы или обнищавшіе англійскіе земледѣльческіе рабочіе. Ихъ набиваютъ въ подвалы и амбары или же превращаютъ прежніе приличные дома для рабочихъ въ казармы, персоналъ которыхъ смѣняется такъ же быстро, какъ на военныхъ квартирахъ во время тридцатилѣтней войны. Примѣромъ можетъ служить Bradford. Муниципальные филистеры какъ разъ были заняты тамъ городскими реформами. Къ тому же въ 1861 г. тамъ оставалось еще 1.751 незанятыхъ домовъ. Но вдругъ дѣла пошли хорошо, о чемъ недавно такъ мило кричалъ либеральный господинъ Forster, другъ негровъ. Съ улучшеніемъ дѣлъ неизбѣжно прибываетъ волна постоянно колеблющейся «резервной арміи» или «относительнаго перенаселенія». Отвратительныя подвальныя помѣщенія и конуры, зарегистрованныя въ спискѣ [прим. 126)], полученномъ

---

[124]) l. c. p. 149.

[125]) l. c. p. 50.

[126]) Списокъ, составленный агентомъ общества страхованія рабочихъ въ Брадфордѣ.

Vulcanstreet Nr. 122	1 комната	16 человѣкъ
Lumleystreet Nr. 13.	1 »	11 »
Bowerstreet Nr. 41.	1 »	11 »

Dr. Hunter'омъ отъ агента одного страхового общества, но большей части были населены рабочими, получающими хорошую плату. Они заявляли, что рады бы платить дороже за лучшія помѣщенія, если бы ихъ можно было достать. Но пока что—они цѣлыми семьями все опускаются и опускаются, нищаютъ и подвергаются заболѣваніямъ, между тѣмъ какъ нѣжно либеральный Форстеръ, членъ парламента, проливаетъ слезы умиленія по поводу благодѣяній свободной торговли и барышей, получаемыхъ съ суконнаго товара выдающимися головами Брадфорда. Въ отчетѣ 5 сентября 1865 Dr. Bell, одинъ изъ брадфордскихъ врачей для бѣдныхъ, объясняетъ ужасную смертность больныхъ лихорадкою въ своемъ округѣ исключительно жилищными условіями. «Въ подвалѣ въ 1.500 куб. фут. живетъ 10 человѣкъ... На улицѣ Vincent. Green Air Place и the Leys находятся 223 дома съ 1.450 жителями, 435 постелями и 36 отхожими мѣстами. На каждую постель, а подъ постелью я разумѣю свертокъ грязнаго тряпья или кучу стружекъ, приходится среднимъ числомъ 3,3 человѣка, иногда даже 4 и 6 человѣкъ. Многіе спятъ вовсе безъ постели на голой землѣ, не раздѣваясь, мужчины и женщины, женатые и холостые, всѣ вмѣстѣ безъ разбора. Нужно ли еще прибавлять, что эти обиталища въ большинствѣ случаевъ представляютъ темныя, сырыя, грязныя, вонючія конуры, совершенно непригодныя для человѣческаго жилья? Это центры, изъ которыхъ распространяются болѣзни и смерть, уносящія жертвы и изъ зажиточныхъ людей (of good circumstances), которые позволили этимъ извамъ гнѣздиться въ нашей средѣ» [127]).

Бристоль занимаетъ третье мѣсто по жалкому состоянію жилищъ. «Здѣсь, въ одномъ изъ богатѣйшихъ городовъ Европы, бѣдность господствуетъ въ ужаснѣйшей наготѣ» («blank poverty») [128]).

Portlandstreet Nr. 112	1	»	10 »
Hardystreet Nr. 17.	1	»	10 »
Northstreet Nr. 18	1	»	16 »
ditto Nr. 17	1	»	13 »
Wymestreet Nr. 19.	1	»	8 взрослыхъ
Jowettstreet Nr. 56	1	»	12 человѣкъ
Georgestreet Nr. 150	1	»	3 семейства
Rifle-Court. Marygate Nr. 11	1	»	11 человѣкъ
Marshallstreet Nr. 28	1	»	10 »
ditto Nr. 49	1	»	3 семейства
Georgestreet Nr. 128.	1	»	18 человѣкъ
ditto Nr. 130.	1	»	16 »
Edwardstreet Nr. 4	1	»	17 »
Yorkstreet Nr. 34.	1	»	2 семейства
Salt Pintreet	1	»	26 человѣкъ
	Подвалы.		
Regent Square	1 подвалъ		8 человѣкъ
Acrestreet	1	»	7 »
Robert's Court Nr. 33.	1	»	7 »
Back Prattstreet, помѣщеніе употребляемое какъ мастерская мѣдниковъ.	1	»	7 »
Ebenezerstreet Nr. 27.	1	»	6 » (l. c. p. III).

[127]) l. c. p. 114.

[128]) l. c. p. 50.

c) Бродячіе или перехожіе рабочіе.—Горнорабочіе.

Теперь мы обратимся къ такому слою населенія, который по происхожденію своему принадлежитъ деревнѣ, но по роду своихъ занятій, въ значительной мѣрѣ,—промышленности. Онъ образуетъ легкую инфантерію капитала, которую послѣдній, смотря по своимъ потребностямъ, перебрасываетъ съ одного мѣста на другое. Если она не находится въ движеніи, то она «стоитъ лагеремъ». Перехожій трудъ употребляется при всевозможныхъ строительныхъ работахъ, при дренированіи, производствѣ кирпичей, обжиганіи извести, при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и т. д. Это странствующее населеніе разноситъ заразу, распространяя тамъ, гдѣ оно располагается лагеремъ, оспу, тифъ, холеру, скарлатину и т. п. [129]). Въ предпріятіяхъ, требующихъ значительной затраты капитала, напр. при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и т. д., предприниматель по большей части самъ доставляетъ своей арміи деревянные бараки или т. н. жилища, создавая импровизованныя деревни безъ всякихъ санитарныхъ приспособленій, поселенія, находящіяся внѣ контроля мѣстныхъ властей, очень выгодныя для господина подрядчика, вдвойнѣ эксплуатирующаго рабочихъ, какъ промышленныхъ солдатъ и какъ жильцовъ. Смотря по тому, содержитъ ли такая деревянная изба 1, 2, 3 копуры, обитатель ея, землекопъ и т. д., долженъ платить 1, 2, 3 шилл. въ недѣлю [130]). Достаточно будетъ привести одинъ примѣръ. Въ сентябрѣ 1864 г., сообщаетъ Dr. Simon, министру внутреннихъ дѣлъ, Sir George'y Grey'ю, было подано слѣдующее заявленіе предсѣдателя Nuisance Removal Committee прихода Sevenoaks: «Оспа была совсѣмъ неизвѣстна въ нашемъ приходѣ еще годъ тому назадъ. Незадолго до этого времени открылись работы по постройкѣ желѣзной дороги отъ Lewisham'a до Tunbridge'a. Помимо того, что главныя работы производились въ непосредственномъ сосѣдствѣ этого города, здѣсь же было устроено и главное депо всѣхъ этихъ работъ. Поэтому здѣсь работало большое число людей. Такъ какъ невозможно было помѣстить ихъ всѣхъ въ коттаджахъ, то подрядчикъ, господинъ Jay, велѣлъ выстроить на разныхъ пунктахъ вдоль линіи бараки для помѣщенія рабочихъ. Въ этихъ баракахъ не было ни вентиляціи, ни сточныхъ трубъ и притомъ они по необходимости были переполнены, такъ какъ каждый жилецъ долженъ былъ принимать къ себѣ еще другихъ постояльцевъ, какъ бы ни было многочисленно его собственное семейство и несмотря на то, что каждый баракъ состоялъ только изъ двухъ комнатъ. Результатомъ всего этого, по заключенію медика, полученному нами, было то, что эти несчастные подвергались по ночамъ всѣмъ мукамъ удушенія, чтобы оградить себя отъ заразительныхъ испареній отъ грязной стоячей воды и отхожихъ мѣстъ, помѣщавшихся подъ самыми окнами. Наконецъ, нашему комитету была подана жалоба однимъ врачомъ, которому случилось посѣтить эти бараки. Онъ рисуетъ положеніе этихъ, такъ называемыхъ, жилищъ самыми мрачными красками и опасается очень серьезныхъ по-

[129]) «Public Health. Seventh Report. Lond. 1864», p. 18.
[130]) l. c. p. 165.

слѣдствій, если не будутъ приняты нѣкоторыя санитарныя мѣры. Около года тому назадъ вышеупомянутый Jay обязался выстроить домъ, куда должны были немедленно удалять заболѣвающихъ заразными болѣзнями лицъ, работающихъ у него. Онъ повторилъ это обѣщаніе въ концѣ прошлаго іюля, но онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго шага для приведенія его въ исполненіе, несмотря на то, что съ тѣхъ поръ были заболѣванія оспой и два смертныхъ случая отъ этой болѣзни. 9-го сентября врачъ Kelson донесъ мнѣ о новыхъ заболѣваніяхъ оспою въ этихъ баракахъ, положеніе которыхъ, по его описанію, ужасно. Я долженъ прибавить къ вашему (министра) свѣдѣнію, что въ нашемъ приходѣ имѣется изолированный домъ, такъ называемый заразный домъ, гдѣ пользуютъ прихожанъ, заболѣвающихъ заразными болѣзнями. Всѣ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ этотъ домъ постоянно переполненъ паціентами. Въ одномъ семействѣ умерло пятеро дѣтей отъ оспы и лихорадки. Съ 1-го апрѣля по 1-ое сентября этого года было не менѣе 10 смертныхъ случаевъ отъ оспы, изъ нихъ 4 въ вышеупомянутыхъ баракахъ, этихъ источникахъ заразы. Невозможно опредѣлить число заболѣваній, такъ какъ семейства, въ которыхъ они случаются, насколько возможно скрываютъ ихъ» [131]).

Рабочіе въ каменноугольныхъ копяхъ и въ рудникахъ принадлежатъ къ наилучше оплачиваемымъ категоріямъ британскаго пролетаріата. Въ другомъ мѣстѣ мы уже указали, какою цѣною пріобрѣтается эта плата [132]). Здѣсь бросимъ бѣглый взглядъ на ихъ жилищныя условія. Обыкновенно тотъ, кто эксплуатируетъ копь или рудникъ, будетъ ли это владѣлецъ или арендаторъ, строитъ извѣстное число коттеджей для своихъ рабочихъ. Они получаютъ коттеджи и уголь для отопленія «даромъ», т. е. это составляетъ часть заработной платы, выдаваемой имъ натурой. Тѣ, кто не могутъ быть расквартированы такимъ образомъ, получаютъ взамѣнъ этого 4 ф. ст. въ годъ. Горнопромышленные округа быстро привлекаютъ многочисленное населеніе, состоящее изъ самихъ горнорабочихъ и затѣмъ ремесленниковъ, торговцевъ и т. д., которые группируются вокругъ первыхъ. Какъ вовсѣхъ мѣстахъ съ густымъ населеніемъ, поземельная рента здѣсь очень высока, поэтому предприниматель старается выстроить на возможно меньшемъ пространствѣ, у самаго входа въ копь, столько коттеджей, сколько необходимо, чтобы вмѣстить всѣхъ его рабочихъ съ ихъ семействами. Если открываются новыя копи или начинаютъ снова разрабатываться заброшенныя, то тѣснота увеличивается. При сооруженіи коттеджей господствуетъ лишь одна

[131]) l. c. p. 18. Note. Попечитель о бѣдныхъ въ Chapel-en-le Frith Union доноситъ генеральному регистратору: «Въ Doveholes въ большомъ холмѣ известковаго пепла сдѣлано много мелкихъ углубленій. Эти углубленія служатъ жилищемъ землекоповъ и другихъ рабочихъ, занятыхъ при постройкѣ желѣзной дороги. Пещеры эти тѣсныя, сырыя, безъ стоковъ для нечистотъ и безъ отхожихъ мѣстъ. Они лишены всякой вентиляціи, кромѣ отверстія на верху въ сводѣ, служащаго также и дымовой трубой. Оспа здѣсь свирѣпствуетъ и причинила уже нѣсколько смертныхъ случаевъ» (между «троглодитами») (l. c. Note 2).

[132]) Подробности, приведенныя на стр. 410—416, относятся, главнымъ образомъ, къ рабочимъ въ каменноугольныхъ копяхъ. Относительно положенія рабочихъ въ рудникахъ, которое еще хуже, ср. добросовѣстный отчетъ Royal Commission 1864 г.

точка зрѣнія—«воздержаніе» капиталиста отъ всякой не абсолютно необходимой траты наличныхъ денегъ. «Жилища горнорабочихъ и другихъ рабочихъ, занятыхъ въ копяхъ Northumberland'a и Durham'a,—говоритъ Dr. Julian Hunter,—представляютъ, пожалуй, въ среднемъ то, что есть самаго худшаго и самаго дорогого въ этомъ родѣ въ Англіи въ крупномъ масштабѣ, кромѣ, впрочемъ, подобныхъ же округовъ въ Monmouthshire'ѣ. Самое крупное зло заключается въ значительномъ числѣ людей, населяющихъ каждую комнату, въ тѣсномъ пространствѣ, на которомъ скучены всѣ постройки, въ недостаткѣ воды и въ отсутствіи отхожихъ мѣстъ, въ нерѣдко примѣняемомъ способѣ постройки домовъ одинъ на другомъ или расположенія ихъ in flats (такъ что различные коттэджи образуютъ этажи, горизонтально расположенные одинъ надъ другимъ)... Предприниматель смотритъ на всю колонію такъ, какъ будто она расположилась здѣсь лагеремъ, а не живетъ постоянно» [123]). «Во исполненіе данныхъ мнѣ инструкцій,—говоритъ Dr Stevens,—я посѣтилъ большую часть горнозаводскихъ поселеній Durham Union... За весьма немногими исключеніями можно сказать, что вездѣ въ нихъ пренебрегаютъ всякими мѣрами для охраненія здоровья обитателей... Всѣ работающіе въ копяхъ, прикрѣплены («bound», выраженіе, которое, какъ и bondage, происходитъ изъ временъ крѣпостного права) къ арендатору («lessee») или владѣльцу рудника на 12 мѣсяцевъ. Если они обнаруживаютъ свое недовольство или какимъ бы то ни было образомъ досаждаютъ смотрителю («viewer»), то онъ дѣлаетъ только знакъ или примѣчаніе рядомъ съ именами въ своей книгѣ, и отпускаетъ ихъ къ концу года при заключеніи новыхъ контрактовъ... Мнѣ кажется, что ни одинъ изъ способовъ примѣненія Trucksystem не можетъ быть хуже того, который господствуетъ въ этихъ густо населенныхъ округахъ. Рабочій принужденъ принимать какъ часть своей платы домъ, находящійся въ зараженной мѣстности. Онъ не можетъ устроиться иначе. Онъ во всѣхъ отношеніяхъ крѣпостной (he is to all intents and purposes a serf). Вопросъ еще, можетъ ли вообще кто нибудь помочь ему, кромѣ его хозяина, а этотъ послѣдній прежде всего справляется со своимъ балансомъ, и результатъ этого можно безошибочно предвидѣть. Даже водой рабочаго снабжаетъ хозяинъ. Хороша вода или дурна, доставлена ему или нѣтъ, все равно онъ долженъ за нее платить или, вѣрнѣе говоря, подвергаться вычету изъ платы» [124]).

Въ конфликтѣ съ «общественнымъ мнѣніемъ» или даже съ санитарной полиціей капиталъ нисколько не стѣсняется «оправдывать» частью опасныя, частью унизительныя условія, на которыя онъ обрекаетъ рабочаго въ его дѣятельности и его домашней обстановкѣ тѣмъ, что это, молъ, необходимо для болѣе выгодной эксплуатаціи рабочаго. Такъ онъ поступаетъ, когда «воздерживается» отъ приспособленія для защиты отъ опасныхъ машинъ на фабрикахъ, отъ вентиляціи и предохранительныхъ средствъ въ копяхъ и рудникахъ и т. д., точно то же видимъ мы и относительно жилищъ для горнорабочихъ. «Въ оправ-

[123]) l. c. p. 180, 182.
[124]) l. c. p. 515, 517.

данію негодности жилищъ,—говоритъ въ своемъ оффиціальномъ отчетѣ Dr. Simon, санитарный чиновникъ Privy Council,—указываютъ на то, что копи обыкновенно эксплуатируются арендаторами, что срокъ арендного контракта (въ каменноугольныхъ копяхъ по большей части 21 годъ) слишкомъ коротокъ для того, чтобы арендатору стоило устраивать хорошія жилища для рабочихъ и мастеровъ и т. д., которыхъ привлекаетъ предпріятіе; но если бы онъ даже захотѣлъ быть щедрымъ въ этомъ отношеніи, то онъ встрѣтилъ бы препятствіе со стороны землевладѣльца. Этотъ послѣдній тотчасъ же потребовалъ бы непомѣрную добавочную ренту за привилегію построить на его землѣ приличное и удобное поселеніе для помѣщенія людей, добывающихъ принадлежащія ему подземныя богатства. Эта, какъ бы запретительная, цѣна, а иногда и прямое запрещеніе устрашаетъ даже тѣхъ, которые вообще хотѣли бы строить... Я не хочу подробно разбирать состоятельность этого оправданія, а также не буду касаться вопроса, на кого пали бы въ послѣднемъ счетѣ добавочныя издержки на постройку приличныхъ жилищъ, на землевладѣльца ли, на арендатора ли рудника, на рабочихъ ли или на общество... Но въ виду тѣхъ позорныхъ фактовъ, которые разоблачаются въ вышеприведенныхъ отчетахъ (Dr. Hunter'a, Stevens'a и др.), должны быть приняты какія либо мѣры для устраненія подобныхъ явленій... Права собственности служатъ здѣсь для того, чтобы совершать большую общественную несправедливость. Въ качествѣ владѣльца копи землевладѣлецъ приглашаетъ рабочую колонію для работъ въ своихъ владѣніяхъ, а затѣмъ, въ качествѣ владѣльца поверхности, лишаетъ собранныхъ имъ рабочихъ возможности найти себѣ необходимыя имъ надлежаще устроенныя жилища. Арендатору копи (капиталистическому эксплуататору) нѣтъ никакого денежнаго расчета мѣшать этой двойной торговлѣ, такъ какъ онъ очень хорошо знаетъ, что если требованія землевладѣльца непомѣрны, то послѣдствія этого падутъ не на него, а что рабочіе, на которыхъ они обрушатся, слишкомъ невѣжественны для того, чтобы знать свои права на здоровье, и что ни самыя грязныя жилища, ни самая гнилая вода никогда не послужатъ поводомъ для стачки» [135]).

d) Вліяніе кризисовъ на наилучше оплачиваемую часть рабочаго класса.

Прежде чѣмъ перейти къ земледѣльческимъ рабочимъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, нужно еще показать на примѣрѣ, какъ дѣйствуютъ кризисы даже на наилучше оплачиваемую часть рабочаго класса, на его аристократію. Напомнимъ, что въ 1857 г. разразился одинъ изъ тѣхъ большихъ кризисовъ, которыми каждый разъ завершается промышленный циклъ. Срокъ слѣдующаго кризиса наступилъ въ 1866 году. На этотъ разъ кризисъ, уже дисконтированный въ собственно фабричныхъ округахъ въ т. н. хлопчатобумажномъ голодѣ, который выбросилъ много капитала изъ его обычной сферы приложенія въ крупные центры денежнаго рынка, принялъ преимущественно денежный характеръ.

[135]) l. c. p. 16.

Онъ начался въ маѣ 1866 г. крахомъ одного изъ исполинскихъ лондонскихъ банковъ, за которымъ непосредственно послѣдовало общее крушеніе безчисленныхъ дутыхъ обществъ. Одной изъ крупныхъ лондонскихъ отраслей промышленности, потерпѣвшей отъ катастрофы, было судостроеніе (изъ желѣза). Магнаты этого производства во время его процвѣтанія не только занимались перепроизводствомъ свыше всякой мѣры, но приняли еще на себя громадныя поставки, спекулируя на то, что источники кредита всегда будутъ одинаково обильны. Тогда наступила страшная реакція, которая въ другихъ лондонскихъ производствахъ [136]) продолжается и до настоящаго времени (конецъ марта 1867 г.).

Приведемъ для характеристики положенія рабочихъ слѣдующее мѣсто изъ подробнаго отчета корреспондента газеты «Morning Star», который въ началѣ 1867 г. посѣтилъ главные центры бѣдствія. Къ востоку отъ Лондона, въ округахъ Poplar, Millwall, Greenwich, Deptford, Limehouse и Canning Town находится, по крайней мѣрѣ, 15.000 рабочихъ съ семействами въ крайне бѣдственномъ положеніи и въ числѣ ихъ—болѣе 3.000 искусныхъ механиковъ. Ихъ резервные фонды совершенно исчерпаны вслѣдствіе шести—или восьмимѣсячной безработицы... Мнѣ стоило большого труда пробраться къ воротамъ рабочаго дома (въ Poplar'ѣ), такъ какъ онъ былъ осажденъ голодной толпой. Она ждала раздачи билетовъ для полученія хлѣба, но было еще слишкомъ рано. Дворъ представляетъ большой квадратъ съ навѣсомъ вокругъ стѣнъ. Большія кучи снѣга покрывали мостовую по срединѣ двора. Здѣсь находятся небольшія пространства, отгороженныя новымъ плетнемъ, подобно овчарнямъ, гдѣ въ хорошую погоду работаютъ мужчины. Въ день моего посѣщенія загороди были такъ занесены снѣгомъ, что никто не могъ въ нихъ сидѣть. Мужчины работали, однако, подъ защитою навѣса надъ раздробленіемъ (макадамизированіемъ) булыжника для мостовой. Каждый изъ нихъ, сидя на большомъ камнѣ, ударялъ тяжелымъ молотомъ по обледенѣлому граниту, пока не разбивалъ 5 бушелей. Тогда кончалась его дневная работа, и онъ получалъ 3 пенса и билетъ на полученіе хлѣба. Въ другой части двора стоялъ еле сложенный, маленькій деревянный домикъ. Открывъ дверь, мы нашли его биткомъ набитымъ людьми,

---

[136]) «Массовое голоданіе лондонскихъ бѣдняковъ» («Wholesale starvation of the London Poor!»)... Въ послѣдніе дни стѣны домовъ въ Лондонѣ были заклеены большими плакатами, на которыхъ можно было прочитать слѣдующее замѣчательное объявленіе: «Жирные быки, голодающіе люди! Жирные быки покинули свои хрустальные дворцы, чтобы откармливать богачей въ ихъ роскошныхъ покояхъ, между тѣмъ какъ голодающіе люди погибаютъ и умираютъ въ своихъ жалкихъ норахъ». Плакаты съ этой зловѣщей подписью постоянно возобновляются. Не успѣютъ сорвать или заклеить одну партію, какъ тотчасъ же появляются новые на томъ же самомъ мѣстѣ или на другомъ открытомъ мѣстѣ. ...Это напоминаетъ тѣ предзнаменованія, которыя подготовляли французскій народъ къ событіямъ 1789 г... Въ настоящій моментъ, когда англійскіе рабочіе съ женами и дѣтьми умираютъ отъ холода и голода, англійскія деньги, продуктъ англійскаго труда, милліонами помѣщаются въ русскихъ, испанскихъ, итальянскихъ и другихъ иностранныхъ займахъ». («Reynold's Newspaper, 20 Jan. 1867»).

тѣсно столпившимися, чтобы согрѣться. Они щипали корабельный канатъ и спорили другъ съ другомъ, кто изъ нихъ можетъ больше проработать при minimum'ѣ пищи, такъ какъ выдержка составляла тутъ point d'honneur. Въ одномъ этомъ рабочемъ домѣ получали поддержку 7.000 человѣкъ, между ними сотни такихъ, которые 6 или 8 мѣсяцевъ тому назадъ получали самую высокую въ этой странѣ плату за искусный трудъ. Число ихъ было бы вдвое больше, если бы не то обстоятельство, что многіе, даже исчерпавъ всѣ свои денежныя сбереженія, всетаки не рѣшаются прибѣгать къ помощи прихода, пока у нихъ имѣются еще какія-нибудь вещи для заклада... Покинувъ рабочій домъ, я пошелъ по улицамъ, застроеннымъ большею частью одноэтажными домами, столь многочисленными въ Poplar'ѣ. Моимъ проводникомъ былъ членъ комитета для безработныхъ. Первый домъ, въ который мы вошли, былъ домъ рабочаго (съ желѣзодѣлательнаго завода), не имѣвшаго работы уже впродолженіе 27 недѣль. Я нашелъ его со всѣмъ семействомъ въ задней комнатѣ. Въ комнатѣ была еще кое-какая мебель, а въ каминѣ горѣлъ огонь. Это было необходимо, чтобы защитить отъ холода голыя ноги дѣтей — на дворѣ стояла страшная стужа. На тарелкѣ противъ огня лежала пакля, которую жена и дѣти щипали для полученія хлѣба изъ рабочаго дома. Мужъ работалъ въ одномъ изъ вышеупомянутыхъ дворовъ за билетъ на полученіе хлѣба и 3 пенса въ день. Теперь онъ пришелъ домой обѣдать, очень голодный, какъ онъ намъ это сообщилъ съ горькой улыбкой, и обѣдъ его состоялъ изъ нѣсколькихъ ломтиковъ хлѣба съ саломъ и чашки чая безъ молока... Слѣдующую дверь, въ которую мы постучали, открыла намъ женщина среднихъ лѣтъ и, не сказавъ ни слова, провела насъ въ заднюю комнатку, гдѣ молча сидѣло все ея семейство, устремивъ глаза на быстро потухавшій огонь. Такое запустѣніе, такая безнадежность царили въ этой маленькой комнаткѣ, среди этихъ людей, что я не хотѣлъ бы еще разъ увидѣть подобную сцену. «Они ничего не заработали, сударь,—сказала женщина, указывая на своихъ сыновей,—ничего впродолженіе 26 недѣль, и всѣ наши деньги издержаны, всѣ деньги, которыя я и отецъ откладывали въ лучшіе дни, мечтая создать себѣ опору для плохихъ временъ. Посмотрите»,—почти дикимъ голосомъ воскликнула она, показывая намъ банковую книжку. Въ ней были аккуратно отмѣчены всѣ внесенныя и взятыя обратно деньги, и мы могли видѣть, какъ началось маленькое ихъ состояніе съ перваго вклада въ 5 шиллинговъ, какъ постепенно оно возрастало до 20 ф. ст. и опять начало таять, съ фунтовъ до шиллинговъ, пока, наконецъ, послѣдняя запись не сдѣлала эту книжку ничего не стоющимъ клочкомъ бумаги. Это семейство получало одинъ скудный обѣдъ въ день изъ рабочаго дома... Слѣдующій нашъ визитъ привелъ насъ къ женѣ одного ирландца, который работалъ на корабельной верфи. Мы нашли ее больной отъ недостатка пищи; она лежала, одѣтая, на матрацѣ, едва прикрытая кускомъ ковра, такъ какъ постель была въ закладѣ. Несчастныя дѣти ухаживали за ней, но видно было, что они сами нуждаются въ материнскомъ уходѣ. Девятнадцать недѣль вынужденной праздности довели ее до этого жалкаго положенія, и, разсказывая намъ исторію печальнаго прошлаго, она такъ стонала, точно всякая надежда

на лучшее будущее была навсегда потеряна... Когда мы выходили изъ этого дома, къ намъ подбѣжалъ какой-то молодой человѣкъ и попросилъ насъ войти въ его домъ и посмотрѣть, нельзя ли сдѣлать чего-нибудь для него. Молодая жена, двое красивыхъ дѣтей, цѣлая куча росписокъ кассы ссудъ, совершенно голая комната,—вотъ все, что онъ могъ намъ показать».

Приведемъ еще извлеченіе изъ одной торійской газеты о послѣдствіяхъ кризиса 1866 г. Не слѣдуетъ забывать, что восточная часть Лондона, о которой здѣсь идетъ рѣчь, является не только центромъ желѣзнаго судостроенія, о чемъ было уже упомянуто въ текстѣ этой главы, но и такъ называемаго «домашняго производства», оплачиваемаго постоянно ниже minimum'а. «Возмутительная сцена разыгралась вчера въ одной части метрополіи. Хотя тысячи безработныхъ Истэнда не принимали участія въ шествіи съ черными знаменами, тѣмъ не менѣе и тутъ толпа была довольно внушительная. Вспомнимъ лишь, какъ страдаетъ это населеніе. Оно умираетъ съ голода. Это не фраза, но простой и ужасный фактъ. Такихъ несчастныхъ до 40.000... Въ нашъ вѣкъ, въ одномъ изъ кварталовъ этой чудной метрополіи, рядомъ съ громаднѣйшимъ накопленіемъ богатства, какое когда-либо видано на свѣтѣ, рядомъ со всѣмъ этимъ—40,000 безпомощно умирающихъ отъ голода! Эти тысячи проникаютъ теперь и въ другіе кварталы; всегда полуголодные, они кричатъ намъ о своихъ страданіяхъ, вопятъ къ небу, разсказываютъ намъ о своихъ жалкихъ жилищахъ, о томъ, что имъ невозможно найти работу и безполезно просить милостыню. Мѣстные жители, обложенные налогомъ на бѣдныхъ, вслѣдствіе постоянныхъ требованій приходовъ, сами уже находятся почти на краю пауперизма». (Standard. 5 April 1866).

Въ виду того, что у англійскихъ капиталистовъ вошло въ моду изображать Бельгію раемъ для рабочихъ, такъ какъ «свобода труда» или, что одно и то же, «свобода капитала» тамъ не ограничена ни деспотизмомъ Trades' Union'овъ, ни фабричными законами, то мы скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о «счастіи» бельгійскихъ рабочихъ.

Никто, навѣрное, не былъ болѣе посвященъ въ тайны этого счастья, чѣмъ покойный Ducpétiaux, главный инспекторъ бельгійскихъ тюремъ и благотворительныхъ учрежденій, а также членъ центральной бельгійской статистической коммиссіи. Возьмемъ его сочиненіе: «Budgets économiques des classes ouvrières en Belgique. Bruxelles 1855». Здѣсь мы находимъ, между прочимъ, нормальное бельгійское рабочее семейство, ежегодные расходы и доходы котораго расчитаны на основаніи очень точныхъ данныхъ, условія питанія котораго сравниваются затѣмъ съ питаніемъ солдата, матроса флота и арестанта. Семейство «состоитъ изъ отца, матери и четырехъ дѣтей». Изъ этихъ шести человѣкъ «четверо могутъ заниматься круглый годъ полезнымъ трудомъ»; мы предполагаемъ, «что между ними нѣтъ ни больныхъ, ни неспособныхъ къ труду», что у нихъ нѣтъ ни «издержекъ на религіозныя, нравственныя и умственныя потребности, за исключеніемъ самыхъ ничтожныхъ издержекъ на оплату мѣстъ въ церкви», ни «взносовъ въ сберегательную кассу, ни въ кассу призрѣнія старости», ни «предметовъ роскоши ни вообще лишнихъ расходовъ».

Однако, отецъ и старшій сынъ курятъ табакъ и по воскресеньямъ посѣщаютъ трактиръ, на что они тратятъ цѣлыхъ 86 сантимовъ въ недѣлю. «Изъ общей сводки заработной платы, получаемой рабочими въ различныхъ отрасляхъ производства, слѣдуетъ... что высшая средняя плата составляетъ 1 фр. 56 сантимовъ въ день для мужчины, 89 сант. для женщины, 56 сант. для мальчика и 55 сант. для дѣвочки. По этому расчету доходы всего семейства составляютъ maximum 1,068 фр. въ годъ... Въ принятомъ нами типичномъ семействѣ мы сосчитали всевозможные доходы вмѣстѣ. Но если мы будемъ предполагать заработокъ у матери, то этимъ самымъ мы лишаемъ хозяйство всякаго руководства; кто же будетъ заботиться о домѣ, о дѣтяхъ? Кто будетъ варить, мыть, чинить? Каждый день дилемма эта стоитъ передъ рабочимъ»..

Бюджетъ семейства таковъ:

Отецъ, работая 300 дней по	1,56	фр., получитъ	. . . . .	468	фр.
Мать, » » »	0,89	» »	. . . . .	267	»
Сынъ, » » »	0,56	» »	. . . . .	168	»
Дочь, » » »	0,55	» »	. . . . .	165	»
			Итого . .	1,068	»

Ежегодныя издержки семейства и его дефицитъ составляли бы, если бы рабочій получалъ пищу:

Матросовъ флота фр.	1,828.	Дефицитъ фр.	760
Солдатовъ »	1,473	» »	405
Арестантовъ »	1,112	» »	44

«Мы видимъ, что лишь немногія рабочія семейства въ состояніи питаться не только какъ матросы или солдаты, но даже какъ арестанты. Среднимъ числомъ каждый арестантъ обходился въ Бельгіи въ 1847—1849 въ 63 сант. въ день, что въ сравненіи съ подобными же издержками рабочихъ составляетъ разницу въ 13 сант. Издержки управленія тюрьмою и присмотра за арестантами уравновѣшиваются тѣмъ, что арестанты не платятъ за квартиру..... Но чѣмъ же, спросимъ мы, можно объяснить то, что значительное число рабочихъ, пожалуй даже большинство живетъ въ еще болѣе скудныхъ условіяхъ? Единственно тѣмъ, что рабочіе прибѣгаютъ къ такимъ средствамъ, тайна которыхъ извѣстна имъ однимъ. Они урѣзываютъ свою ежедневную порцію; употребляютъ ржаной хлѣбъ вмѣсто пшеничнаго; ѣдятъ меньше мяса или совсѣмъ не употребляютъ его; экономятъ также на маслѣ и пряностяхъ: тѣснятся всѣмъ семействомъ въ одной или двухъ комнатахъ, гдѣ мальчики спятъ вмѣстѣ съ дѣвочками, иногда на одномъ и томъ же тюфякѣ; они экономничаютъ на одеждѣ, на бѣльѣ и на чистотѣ; отказываютъ себѣ въ праздничныхъ развлеченіяхъ, однимъ словомъ, рѣшаются выносить самыя крайнія лишенія. Но разъ они дошли до этихъ крайнихъ предѣловъ, то малѣйшее повышеніе цѣны средствъ существованія, перерывъ въ работѣ, болѣзнь, увеличиваютъ нужду рабочихъ и доводятъ ихъ до совершеннаго разоренія. Долги накопляются, кредитъ истощается, платье и самая необходимая мебель отправляются въ кассу ссудъ и въ концѣ концовъ семейство проситъ записать его

въ списокъ бѣдныхъ» [137]). Въ дѣйствительности при малѣйшемъ измѣненіи цѣны наиболѣе необходимыхъ средствъ существованія въ этомъ «раѣ капиталистовъ» происходитъ измѣненіе числа смертныхъ случаевъ и преступленій. (См. Manifest der Maatschappij: «De Vlamingen Vooruit. Brussel. 1860», p. 15, 16). Во всей Бельгіи считается 930,000 семействъ, изъ нихъ по оффиціальной статистикѣ: 90,000 богатыхъ (избирателей)=450.000 чел.; 190,000 семействъ мелкой буржуазіи, городской и деревенской, значительная часть которыхъ постоянно падаетъ въ пролетаріатъ=1.950.000 чел. Наконецъ, 450,000 семействъ рабочихъ=2.250.000 чел., изъ которыхъ образцовыя семейства наслаждаются довольствомъ, описаннымъ Ducpétiaux. Изъ 450,000 семействъ рабочихъ, болѣе 200,000 находятся въ спискѣ бѣдныхъ.

c) Британскій земледѣльческій пролетаріатъ.

Антагонистическій характеръ капиталистическаго производства и накопленія нигдѣ не проявляется въ болѣе грубой формѣ, чѣмъ въ прогрессѣ англійскаго земледѣлія (включая сюда и скотоводство) и въ регрессѣ англійскаго земледѣльческаго рабочаго. Но прежде чѣмъ перейти къ его настоящему положенію, бросимъ бѣглый взглядъ назадъ. Современное земледѣліе ведетъ свое начало въ Англіи съ половины XVIII-го столѣтія, хотя переворотъ въ отношеніяхъ поземельной собственности, послужившій основой измѣненія способовъ производства, гораздо болѣе ранняго происхожденія.

Если мы возьмемъ относящіяся къ 1771 г. данныя Артура Юнга, очень точнаго наблюдателя, хотя и поверхностнаго мыслителя, о земледѣльческихъ рабочихъ, то окажется, что они играютъ очень жалкую роль въ сравненіи съ своими предшественниками конца XIV-го столѣтія, «когда они могли жить въ довольствѣ и накоплять богатства» [138]), не говоря уже о XV-мъ столѣтіи, «этомъ золотомъ вѣкѣ англійскихъ рабочихъ, городскихъ и сельскихъ». Но намъ нѣтъ надобности заходить такъ далеко назадъ. «Крупный фермеръ почти возвысился до уровня джентльмена», читаемъ мы въ одной очень содержательной брошюрѣ 1777 г., «между тѣмъ, какъ бѣдный сельскій рабочій крайне угнетенъ... Его несчастное положеніе особенно ярко бросается въ глаза, если сравнить условія жизни его теперь и 40 лѣтъ тому назадъ...' Землевладѣлецъ и фермеръ дѣйствуютъ рука объ руку въ угнетеніи рабочаго» [139]). Затѣмъ авторъ подробно доказываетъ, что реальная заработная плата сельскаго рабочаго понизилась съ 1737 до 1777 г. почти на 1/4 или 25%. «Современная политика,—говоритъ

[137]) Ducpétiaux, l. c. p. 151, 154, 155

[138]) James E. Th. Rogers (Prof. of. Polit. Econ. in the University of Oxford): «A History of Agriculture and Prices in England. Oxford. 1866», v. I, p. 690. Это добросовѣстное изслѣдованіе въ двухъ первыхъ до сихъ поръ вышедшихъ томахъ обнимаетъ только періодъ отъ 1259—1400 гг. Второй томъ содержитъ только статистическій матеріалъ. Это первая, основанная на первоисточникахъ, «History of Prices» (исторія цѣнъ), которую мы имѣемъ для того времени.

[139]) «Reasons for the late Increase of the Poorlaws: or a comparative view of the price of labour and provisions. Lond. 1777», p. 5, 11.

въ то же самое время Dr. Richard Price, — покровительствуетъ высшимъ классамъ народа; слѣдствіемъ этого будетъ то, что рано или поздно все королевство будетъ состоять только изъ джентльменовъ и нищихъ, изъ грандовъ и рабовъ» [140]).

Тѣмъ не менѣе положеніе англійскаго сельскаго рабочаго между 1770 и 1780 гг., какъ по отношенію къ его пищѣ и жилищу, такъ и по отношенію къ его чувству собственнаго достоинства, удовольствіямъ и т. д., представляетъ идеалъ, который впослѣдствіи, никогда не былъ достигнутъ. Его средняя заработная плата, выраженная въ пинтахъ пшеницы, составляла между 1770 и 1771 гг. 90 пинтъ, во времена Eden'a (1797) только 65, а въ 1808 г. уже только 60 [141]).

Ранѣе было уже отмѣчено положеніе сельскихъ рабочихъ въ концѣ антиякобинской войны, во время которой поземельная аристократія, фермеры, фабриканты, купцы, банкиры, рыцари биржи, поставщики арміи и т. п. такъ непомѣрно обогатились. Номинальная плата повысилась, частью вслѣдствіе обезцѣненія банковыхъ билетовъ, частью вслѣдствіе повышенія цѣны предметовъ первой необходимости, независимой отъ этого обезцѣненія. Но дѣйствительное движеніе заработной платы можно констатировать очень простымъ способомъ, не прибѣгая къ неумѣстнымъ здѣсь подробностямъ. Законъ о бѣдныхъ и администрація его были въ 1795 г. и въ 1814 г. одни и тѣ же. Мы уже видѣли, какъ примѣнялись эти законы въ сельскихъ округахъ: приходъ въ видѣ пособія дополнялъ номинальную плату до minimum'a, необходимаго для простого прозябанія рабочаго. Отношеніе между платой, которую даетъ фермеръ, и тѣмъ дефицитомъ, который дополняется приходомъ, раскрываетъ намъ два факта: во-первыхъ, паденіе заработной платы ниже ея минимума, и, во-вторыхъ, степень, въ какой сельскій рабочій слагается изъ наемнаго рабочаго и паупера, или до какой степени онъ уже превратился въ крѣпостного своего прихода. Мы беремъ графство, которое даетъ среднюю изъ всѣхъ другихъ графствъ. Въ 1795 г. средняя недѣльная плата въ Northamptonshire'ѣ составляла 7 шилл. 6 пенс., ежегодная сумма расходовъ семейства изъ 6 человѣкъ составляла 36 ф. ст. 12 шилл. 5 пенс., ежегодная сумма его доходовъ 29 ф. ст. 18 шилл., дефицитъ, покрываемый приходомъ—6 ф. ст. 14 шилл. 5 пенс. Въ томъ же самомъ графствѣ недѣльная плата въ 1814 г. составляла 12 шилл. 2 пенс., ежегодная сумма расходовъ семейства изъ 5 человѣкъ—54 ф. ст. 18 шилл. 4 пенс., общая сумма его доходовъ—36 ф. ст. 2 шилл., дефицитъ, покрываемый приходомъ—18 ф. ст. 6 шилл. 4 пенса [142]); въ 1795 г. дефицитъ со-

[140]) Dr. Richard Price: «Observations on Reversionary Payments, 6 ed, By W. Morgan. Lond. 1805», v. II, p. 158, 159. На стр. 159 Price замѣчаетъ: «Номинальная дневная цѣна труда въ настоящее время не болѣе чѣмъ учетверо, или, maximum, впятеро выше, чѣмъ въ 1514 г. Однако цѣна хлѣба увеличилась въ семь разъ, а мяса и платья почти въ 15 разъ. Но цѣна труда увеличивалась настолько несоразмѣрно увеличенію необходимыхъ издержекъ существованія, что рабочій можетъ покупать въ настоящее время, быть можетъ, половину того, что прежде».

[141]) Barton l. c. p. 26. Для конца XVIII столѣтія ср. Eden l. c.

[142]) Porry l. c., p. 86

ставлялъ менѣе четверти заработной платы, въ 1814 г.—болѣе половины. Само собою разумѣется, что при такихъ обстоятельствахъ въ 1814 г. нечеши и тѣ ничтожныя удобства, которыя Eden въ свое время нашелъ въ коттэджахъ сельскихъ рабочихъ [143]). Рабочій—это теперь то изъ содержимыхъ фермеромъ животныхъ, которое онъ больше всѣхъ мучитъ на работѣ, хуже всѣхъ кормитъ и съ которымъ всего грубѣе обращается.

Такое положеніе вещей спокойно продолжалось до тѣхъ поръ, пока «бунты 1830 г (Swing-Aufstände) не показали намъ (т. е. господствующимъ классамъ), при свѣтѣ горящихъ хлѣбныхъ скирдовъ, что подъ поверхностью земледѣльческой Англіи таится такая же нищета и такое же мятежное недовольство, какъ и подъ поверхностью промышленной Англіи» [144]). Sadler окрестилъ тогда въ Палатѣ Общинъ сельскихъ рабочихъ «бѣлыми рабами» («white slaves»), а одинъ епископъ повторилъ этотъ эпитетъ въ Палатѣ Лордовъ. «Сельскій рабочій южной Англіи,—говоритъ самый замѣчательный экономистъ того времени, E. G. Wakefield,—не рабъ и не свободный человѣкъ, онъ пауперъ» [145]).

Время, непосредственно предшествовавшее отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ, пролило новый свѣтъ на положеніе сельскихъ рабочихъ. Съ одной стороны, буржуазные агитаторы были заинтересованы въ томъ, чтобы доказать, какъ мало охранительныя пошлины охраняли дѣйствительнаго производителя хлѣба. Съ другой стороны, промышленная буржуазія кипѣла негодованіемъ противъ поземельной аристократіи за ея разоблаченія состоянія фабрикъ, за притворную симпатію этихъ испорченныхъ до мозга костей, безсердечныхъ и знатныхъ безземельниковъ къ страданіямъ фабричныхъ рабочихъ, за ихъ «дипломатическое усердіе» въ поддержкѣ фабричнаго законодательства. Есть старая англійская пословица, что когда два кота вцѣпятся другъ другу въ волоса, то изъ этого всегда выйдетъ что-нибудь полезное. И въ самомъ дѣлѣ, громкій, страстный споръ между двумя фракціями господствующаго класса о томъ, которая изъ нихъ болѣе безсовѣстно эксплуатируетъ рабочаго, и справа и слѣва помогъ правдѣ выйти наружу. Графъ Shaftesbury или, иначе, лордъ Ashley, сталъ во главѣ филантропическаго похода аристократіи противъ фабрикантовъ. Поэтому онъ составляетъ въ 1844 и 1845 гг. излюбленную тему Morning Chronicle въ ея обличительныхъ статьяхъ о положеніи земледѣльческихъ рабочихъ. Эта газета, въ то время самый значительный либеральный органъ, отправила въ сельскіе округа собственныхъ коммиссаровъ, которые отнюдь не довольствовались общими описаніями и статистикой, но публиковали какъ имена изслѣдованныхъ ими рабочихъ семействъ, такъ и имена ихъ лэндлордовъ. Въ слѣдующей таблицѣ показана плата, которую получаютъ рабочіе трехъ деревень по сосѣдству Blenford'a, Wimbourne'a и Poole'я. Деревни эти составляютъ собственность Mr. G. Bankes и графа Shaftesbury. Надо замѣтить, что этотъ папа «low church», этотъ глава англійскихъ піэтистовъ, такъ же, какъ и Bankes

[143]) Ibid., p. 213.

[144]) S. Laing, l. c., p. 62.

[145]) «England and America. Lond. 1833», v. I, p. 47.

вычиталь значительную часть изъ нищенскаго заработка рабочихъ подъ предлогомъ платы за помѣщеніе.

ПЕРВАЯ ДЕРЕВНЯ.

a) Дѣти.	b) число членовъ семейства.	c) Недѣльная заработная плата мужчинъ.	d) Недѣльная заработная плата дѣтей.		e) Недѣльный доходъ всего семейства.		f) Недѣльная квартирная плата.		g) Общій недѣльный заработокъ за вычетомъ квартирной платы.		h) Недѣльная заработная плата на душу.	
		шилл.	шилл.	пенс.	шилл.	пенс.	шилл.	пенс.	шилл.	пенс.	шилл.	пенс.
2	4	8	—	—	8	—	2	—	6	—	1	6
3	5	8	—	—	8	—	1	6	6	6	1	3½
2	4	8	—	—	8	—	1	—	7	—	1	9
2	4	8	—	—	8	—	1	—	7	—	1	9
6	8	7	1	6	10	6	2	—	8	6	1	0¾
3	5	7	1	2	8	2	1	4	6	10	1	1½

ВТОРАЯ ДЕРЕВНЯ.

		шилл.	шилл.	пенс.	шилл.	пенс.	шилл.	пенс.	шилл.	пенс.	шилл.	пенс.
6	8	7	2	6	10	—	1	6	8	6	1	0¾
6	8	7	2	6	7	—	1	3½	5	8½	0	8½
8	10	7	—	—	7	—	1	3½	5	8½	0	7
4	6	7	—	—	7	—	1	6½	5	5½	0	11
3	5	7	—	—	7	—	1	6½	5	5½	1	1

ТРЕТЬЯ ДЕРЕВНЯ.

		шилл.	шилл.	пенс.	шилл.	пенс.	шилл.	пенс.	шилл.	пенс.	шилл.	пенс.
4	6	7	3	—	7	—	1	—	6	—	1	—
3	5	7	3	6	11	6	0	10	10	8	2	1½
0	2	5	3	6	5	—	1	—	4	—	2	[148].

[148]) London Economist. 29 марта 1845 г., p. 290.

Отмѣна хлѣбныхъ законовъ дала англійскому земледѣлію огромный толчокъ. Дренажъ въ широкихъ размѣрахъ [147]), новая система стойлового содержанія скота и искусственнаго разведенія кормовыхъ травъ, введеніе механическихъ аппаратовъ для удобренія, новый способъ обработки глинистой почвы, усиленное употребленіе минеральныхъ удобреній, примѣненіе паровой машины и всякаго рода новыхъ рабочихъ машинъ и т. д., вообще болѣе интенсивная культура характеризуютъ эту эпоху. Предсѣдатель королевскаго земледѣльческаго общества, Pusey, утверждаетъ, что (относительныя) издержки производства уменьшились почти на половину вслѣдствіе введенія новыхъ машинъ. Съ другой стороны, доходъ отъ земли (der positive Bodenertrag) быстро увеличился. Большая затрата капитала на акръ и болѣе быстрая концентрація фермъ, поэтому, составляла основное условіе новаго метода [148]). Вмѣстѣ съ тѣмъ площадь обработки расширилась съ 1846 до 1856 гг. на 464.119 акровъ, не говоря уже о большихъ пространствахъ восточныхъ графствъ, которыя изъ загородей для кроликовъ и тощихъ пастбищъ какъ бы волшебствомъ превратились въ роскошныя хлѣбныя нивы. Мы уже знаемъ, что въ то же самое время уменьшилось общее число лицъ, занятыхъ въ земледѣліи. Что же касается собственно земледѣльцевъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ, то число ихъ уменьшилось съ 1.241.269 человѣкъ въ 1851 г. до 1.163.217 человѣкъ въ 1861 г. [149]). Если, поэтому, англійскій генеральный регистраторъ справедливо замѣчаетъ: «увеличеніе числа фермеровъ и сельскихъ рабочихъ съ 1801 г. не находится ни въ какомъ отношеніи къ возрастанію массы земледѣльческихъ продуктовъ» [150]), то эта несоразмѣрность замѣчается еще гораздо болѣе въ послѣдній періодъ, когда положительное уменьшеніе сельскаго рабочаго населенія шло рука объ руку съ расширеніемъ площади обрабатываемой земли, съ введеніемъ болѣе интенсивной культуры, съ неслыханнымъ накопленіемъ капитала, вложеннаго въ землю и предназначеннаго на ея обработку, съ безпримѣрнымъ въ англійской агрономіи увеличеніемъ количества земледѣльческихъ продуктовъ, съ возрастаніемъ ренты земледѣльцевъ и богатства капиталистическихъ арендаторовъ. Если ко всему этому прибавить еще быстрое и постоянное расширеніе

[147]) Поземельная аристократія сама ссужала себѣ для этой цѣли фонды изъ государственной казны, разумѣется, черезъ парламентъ, по очень низкому проценту, который фермеры должны были уплачивать ей вдвойнѣ.

[148]) Уменьшеніе числа фермеровъ средней руки замѣтно особенно по рубрикамъ переписи: «Сыновья фермеровъ, внуки, братья, племянники, дочери, внучки, сестры, племянницы», однимъ словомъ, члены семейства самихъ же фермеровъ, занятые у нихъ. По этимъ рубрикамъ считалось въ 1851 г.: 216.851 человѣкъ, въ 1861 же только 176.151. Съ 1851 по 1871 гг. число фермерскихъ дворовъ ниже 20 акровъ уменьшилось болѣе чѣмъ на 900,—отъ 50 до 75 акровъ уменьшилось съ 8.253 до 6.370; то же самое относится и ко всѣмъ дворамъ меньше 100 акровъ. Число же крупныхъ фермъ, наоборотъ, увеличилось за тѣ же 20 лѣтъ; число фермъ отъ 300 до 500 акровъ увеличилось съ 7.771 до 8.410,—фермъ болѣе чѣмъ въ 500 акровъ съ 2.755 до 3.914,—болѣе чѣмъ въ 1.000 акровъ съ 492 до 582.

[149]) Число пастуховъ овецъ возросло съ 12.517 до 25.559.

[150]) Census etc. l. c., p. 36.

городскихъ рынковъ сбыта и господство свободной торговли, то сельскій рабочій post tot discrimina rerum, наконецъ, поставленъ былъ въ такія условія, которыя secundum artem должны были сдѣлать его безумно счастливымъ.

Профессоръ Rogers, наоборотъ, приходитъ къ заключенію, что положеніе англійскаго сельскаго рабочаго въ настоящее время значительно ухудшилось даже только по сравненію съ положеніемъ его предшественниковъ въ періодѣ отъ 1770—1780 гг., не говоря уже о второй половинѣ XIV-го столѣтія и о XV-мъ столѣтіи; что «онъ опять сталъ крѣпостнымъ», и притомъ крѣпостнымъ, плохо питающимся и живущимъ въ скверномъ помѣщеніи [151]). Dr. Julian Hunter въ своемъ замѣчательномъ отчетѣ о жилищахъ сельскихъ рабочихъ говоритъ: «Стоимость существованія hind'a (названіе сельскаго рабочаго во времена крѣпостной зависимости) опредѣляется самой низкой суммой, на которую онъ можетъ прожить... его плата и жилище не соразмѣряются съ той прибылью, которую предполагается извлечь изъ него. Въ разсчетахъ фермера онъ—нуль [152])... Средства его существованія всегда разсматриваются какъ величина постоянная» [153]). «Что касается дальнѣйшаго уменьшенія его доходовъ, то онъ можетъ сказать: nihil habeo, nihil curo (ничего не имѣю, ни о чемъ не забочусь). Онъ не боится за будущее, такъ какъ онъ располагаетъ лишь тѣмъ, что абсолютно необходимо для его существованія. Онъ достигъ точки замерзанія, изъ которой, какъ изъ данной величины, исходятъ всѣ разсчеты фермера. Будь, что будетъ, онъ не приметъ никакого участія ни въ счастіи, ни въ несчастіи» [154]).

Въ 1863 г. произведено было оффиціальное изслѣдованіе условій продовольствія и занятій преступниковъ, приговоренныхъ къ ссылкѣ и къ каторжнымъ работамъ. Результаты этого изслѣдованія изложены въ двухъ толстыхъ синихъ книгахъ. «Тщательное сравненіе,—говорится тамъ между прочимъ,—пищи преступниковъ въ англійскихъ тюрьмахъ съ пищею пауперовъ въ рабочихъ домахъ и свободныхъ сельскихъ рабочихъ этой же страны безспорно доказываетъ, что первые питаются гораздо лучше, чѣмъ какой-нибудь изъ этихъ двухъ другихъ классовъ» [155]), между какъ тѣмъ «масса труда, требуемая отъ приговореннаго къ каторжнымъ работамъ, составляетъ лишь около половины того, что совершаетъ

---

[151]) Rogers l. c., p. 693. «The peasant has again become a serf», l. c., p. 10. Rogers принадлежитъ къ либеральной школѣ, онъ личный другъ Cobden'a и Bright'a, слѣдовательно не laudator temporis acti.

[152]) «Public Health. Seventh Report. Lond. 1864», p. 242. «The cost of the hind is fixed at the lowest possible amount on which he can live... the supplies of wages or shelter are not calculated on the profit to be derived from him. He is a zero in farming calculations». Поэтому нѣтъ ничего необычнаго въ томъ, что домовладѣлецъ повышаетъ рабочему квартирную плату, когда онъ узнаетъ, что послѣдній нѣсколько больше заработываетъ, или въ томъ, что фермеръ понижаетъ его заработную плату, «потому что его жена нашла себѣ работу» (l. c.).

[153]) L. c., p. 135.

[154]) L. c., p. 134.

[155]) «Report of the Commissioners... relating to Transportation and Penal Servitude. Lond. 1863», p. 42, 50.

обыкновенный сельскій рабочій» [156]). Приведемъ нѣкоторыя характерныя свидѣтельскія показанія: John Smith, директоръ Эдинбургской тюрьмы показалъ № 5056: «Пища въ англійскихъ тюрьмахъ гораздо лучше пищи обыкновенныхъ сельскихъ рабочихъ». № 5075: «Фактъ, что обыкновенные земледѣльческіе рабочіе Шотландіи рѣдко получаютъ какое-либо мясо». № 3047: «Извѣстно ли вамъ какое-нибудь основаніе, почему преступниковъ необходимо кормить гораздо лучше (much better), чѣмъ обыкновенныхъ сельскихъ рабочихъ?—Конечно нѣтъ». № 3048: «Находите ли вы возможнымъ производить дальнѣйшіе эксперименты, чтобы приблизить пищу осужденныхъ на каторжныя работы къ пищѣ свободныхъ сельскихъ рабочихъ»? [157])? «Сельскій рабочій», говорится тамъ же, «можетъ сказать: я тяжело работаю, а питаюсь впроголодь. Когда я былъ въ тюрьмѣ, я не работалъ такъ тяжело, и имѣлъ пищи вдоволь, поэтому мнѣ лучше быть въ тюрьмѣ, чѣмъ на волѣ» [158]). Изъ данныхъ, приложенныхъ къ первому тому отчета, составлена слѣдующая сравнительная таблица.

Недѣльное количество пищи [158 a]).

	Азотистыя составныя части.	Безазотистыя составныя части.	Минеральныя составныя части.	Общая Сумма.
	Унцій.	Унцій.	Унцій.	Унцій.
Преступника въ Портландской тюрьмѣ ...	28,95	150,06	4,68	183,69
Матроса королевскаго флота.....	29,63	152,91	4,51	187,06
Солдата.....	25,55	114,49	3,94	143,98
Каретника (рабочаго)	24,53	162,06	4,23	190,82
Наборщика.	21,24	100,83	3,12	125,19
Сельскаго рабочаго.....	17,73	118,06	3,29	139,08

Общій результатъ медицинской коммиссіи 1863 г. о состояніи питанія плохо питающихся классовъ народа уже извѣстенъ читателю. Онъ знаетъ, что количество пищи большей части семействъ сельскихъ рабочихъ ниже minimum'а, необходимаго «для предотвращенія болѣзней отъ голода». Это въ особенности относится ко всѣмъ чисто земледѣльческимъ округамъ Cornwall, Devon, Somerset, Wilts, Stafford, Oxford, Berks и Herts. «Количество пищи, которое получаетъ сельскій рабочій», говоритъ D-r Simon «больше показаннаго средняго количества, какъ какъ онъ самъ получаетъ гораздо большую часть пищи, не-

[156]) l. c. p. 77. Memorandum by the Lord Chief Justice.
[157]) l. c. v. II. Evidence.
[158]) l. c. v. I. Appendix p. 280.
[158 a]) l. c. p. 274, 275.

обходимую для его труда, чѣмъ остальные члены семейства, въ бѣднѣйшихъ округахъ: на его долю достается почти все мясо или сало. Количество пищи, которое приходится на долю жены и дѣтей въ періодъ ихъ быстраго роста, въ большинствѣ случаевъ и почти во всѣхъ графствахъ недостаточно, и главнымъ образомъ бѣдно азотомъ» [159]). Батраки и работницы, живущіе у самихъ фермеровъ, питаются очень хорошо. Число ихъ уменьшилось съ 288.277 къ 1851 г. до 204,962 въ 1861 г. «Работа женщинъ на полѣ», говоритъ Dr. Smith, «какими бы она ни сопровождалась вообще вредными послѣдствіями, при настоящихъ условіяхъ очень выгодна для семейства, такъ какъ даетъ ему средства на обувь, одежду, плату за наемъ дома и возможность лучше питаться» [160]). Самымъ важнымъ результатомъ этого изслѣдованія было установленіе того факта, что англійскіе сельскіе рабочіе питаются несравненно хуже сельскихъ рабочихъ другихъ частей Соединеннаго Королевства («considerably the worst fed»), какъ это видно изъ слѣдующей таблицы.

Недѣльное потребленіе углерода и азота средняго сельскаго рабочаго.

	Количество углерода.	Количество азота.
Англія	40,673 грана	1,594 грана
Уэльсъ	48,354 »	2,031 »
Шотландія	48.980 »	2,348 »
Ирландія	43,366 »	2,439 » [161]).

[159]) «Public Health. Sixth Report. 1863». p. 238, 219, 261, 262.

[160]) l. c. p. 262.

[161]) l. c. p. 17. Англійскій сельскій рабочій получаетъ $^1/_4$ того количества молока и $^1/_2$ того количества хлѣба, какое получаетъ сельскій рабочій въ Ирландіи. Лучшія условія питанія послѣдняго отмѣтилъ уже A. Young въ своемъ «Tour through Ireland,» въ началѣ этого столѣтія. Причина этого явленія заключается просто въ томъ, что бѣдный ирландскій фермеръ несравненно гуманнѣе богатаго англійскаго. Для Уэльса данныя, приведенныя въ текстѣ, не имѣютъ силы по отношенію къ его юго-западной части. «Всѣ тамошніе врачи согласны въ томъ, что процентъ смертности отъ чахотки, золотухи и т. д. растетъ съ ухудшеніемъ физическаго состоянія населенія, и всѣ приписываютъ это ухудшеніе бѣдности. Дневное содержаніе сельскаго рабочаго составляетъ тамъ лишь 5 пенс.; а въ нѣкоторыхъ округахъ фермеръ (самъ бѣднякъ) платитъ еще меньше. Кусочекъ солонины, засушенный на подобіе краснаго дерева и едва ли переваримый для желудка, или кусочекъ сала служатъ приправой къ большому количеству похлебки изъ муки и луку, или къ овсяной кашѣ, и изъ этого каждый день состоитъ обѣдъ сельскаго рабочаго... Прогрессъ промышленности для него имѣлъ то послѣдствіе, что замѣнилъ въ этомъ суровомъ и сыромъ климатѣ толстое сукно домашняго издѣлія болѣе дешевыми хлопчатобумажными тканями и болѣе крѣпкіе напитки «номинальнымъ» чаемъ... Послѣ долгихъ часовъ, проведенныхъ подъ дождемъ и вѣтромъ, земледѣльческій рабочій возвращается въ свой коттеджъ, чтобы принесть къ огню изъ торфа или изъ топлива, состоящаго изъ мелкаго каменнаго угля, скрѣпленнаго глиною въ комья и распространяющаго при горѣніи тучи угольной и сѣрнистой кислоты. Стѣны хижины сдѣланы изъ глины и камней, полъ изъ голой земли, находившейся здѣсь до постройки хижины, крыша изъ вздутой несвязанной соломы. Всякая щель заткнута

«Каждая страница отчета Dr. Hunter'a,—говоритъ Dr. Simon въ своемъ оффиціальномъ санитарномъ отчетѣ,—свидѣтельствуетъ о недостаточномъ количествѣ и жалкомъ качествѣ жилищъ нашихъ сельскихъ рабочихъ. И впродолженіи многихъ лѣтъ положеніе ихъ въ этомъ отношеніи прогрессивно ухудшалось. Теперь имъ гораздо труднѣе найти квартиру, а если она и найдена, то она менѣе соотвѣтствуетъ ихъ потребностямъ, чѣмъ это было, можетъ быть, многія сотни лѣтъ тому назадъ. Особенно въ послѣднія 30 или 20 лѣтъ зло быстро прогрессировало и жилищныя условія сельскаго жителя теперь въ высшей степени печальны. Помимо тѣхъ случаевъ, когда люди, обогащающіеся трудомъ сельскихъ рабочихъ, считаютъ нужнымъ обращаться съ ними съ нѣкоторой сострадательной снисходительностью, они сами совершенно безпомощны въ этомъ отношеніи. Найдетъ ли сельскій рабочій помѣщеніе на той землѣ, которую обрабатываетъ, будетъ ли оно годно для человѣка или для свиней, окружено ли оно маленькимъ садикомъ, столь облегчающимъ гнетъ бѣдности, или нѣтъ,— все это зависитъ вовсе не отъ его готовности или способности платить соотвѣтствующую наемную плату, но отъ того употребленія, которое другіе сдѣлаютъ изъ своего «права распоряжаться своею собственностью, какъ имъ заблагоразсудится». Какъ бы велика ни была ферма, нѣтъ такого закона, который предписывалъ бы, что при ней должно находиться извѣстное количество жилищъ для рабочихъ, и къ тому же еще вполнѣ приличныхъ жилищъ; законъ не предоставляетъ также рабочему ни малѣйшаго права на землю, для которой его трудъ такъ же не-

---

для сохраненія теплоты, и въ этой атмосферѣ ужаснаго зловонія, на грязной землѣ, часто въ своемъ единственномъ платьѣ, которое на немъ же и высыхаетъ, онъ принимается за ужинъ съ женой и дѣтьми. Акушеры, принужденные проводить часть ночи въ этихъ хижинахъ, описываютъ, какъ ноги ихъ вязли въ грязи и какъ они были принуждены—легкій трудъ, нечего сказать!— пробуравливать отверстіе въ стѣнѣ, чтобы получить возможность хоть немножко подышать. Многочисленные свидѣтели, занимающіе различное общественное положеніе, показываютъ, что недостаточно питающійся (underfed) крестьянинъ каждую ночь подвергается этимъ и другимъ вреднымъ для здоровья вліяніямъ, и, по истинѣ нѣтъ недостатка въ доказательствахъ того, что результатомъ этого является слабое и золотушное населеніе... Сообщенія служащихъ при приходахъ Caermarthenshire и Cardiganshire убѣдительно свидѣтельствуютъ о томъ же положеніи вещей. Къ этому надо прибавить еще большее зло,—распространеніе идіотизма. Укажемъ еще на климатическія условія. Сильные юго-западные вѣтры дуютъ во всей странѣ впродолженіи 8 или 9 мѣсяцевъ въ году; они приносятъ съ собой проливные дожди, наводняющіе въ особенности западные склоны холмовъ. Деревья здѣсь рѣдки, кромѣ закрытыхъ мѣстъ; на открытыхъ мѣстахъ ихъ прямо сдуваетъ вѣтромъ. Хижины ютятся подъ горными террасами, часто въ ущельяхъ и котловинахъ; только крошечныя овечки и мѣстный рогатый скотъ могутъ жить на пастбищахъ... Молодежь эмигрируетъ въ восточные горные округа Glamorgan, Monmouth... Caermarthenshire является разсадникомъ рабочаго населенія копей и его инвалидныхъ домовъ... Населеніе лишь съ трудомъ поддерживаетъ свое число.

Такъ въ Cardiganshire'ѣ было:	1851 г.	1861 г.
Мужского пола	45,155	44,446
Женскаго пола	52,459	52,955
	97,614	97,401

(Dr Hunter's Reports въ «Public Health. Seventh Report. 1864, Lond. 1865», p. 498—552 passim.).

обходимъ, какъ дождь и солнце... Еще одно обстоятельство завѣдомо для всѣхъ сильно наклоняетъ вѣсы противъ него... Это вліяніе закона о бѣдныхъ съ его постановленіями о мѣстѣ жительства и налогомъ въ пользу бѣдныхъ [162]). Подъ его вліяніемъ каждый приходъ заинтересованъ въ томъ, чтобы ограничить минимумомъ число живущихъ въ немъ сельскихъ рабочихъ, ибо къ несчастью земледѣльческій трудъ, вмѣсто того, чтобы обезпечить вѣрную и постоянную независимость трудящимся въ потѣ лица рабочему и его семейству, рано или поздно приводитъ къ пауперизму, къ которому рабочій постоянно такъ близокъ, что каждая болѣзнь или даже временное отсутствіе заработка принуждаетъ его немедленно обратиться къ помощи прихода. Поэтому наличность осѣдлаго земледѣльческаго населенія въ приходѣ, очевидно, всегда отражается на немъ увеличеніемъ налога на бѣдныхъ... Крупнымъ землевладѣльцамъ [163]) стоитъ только рѣшить, что въ ихъ владѣніяхъ не будетъ никакихъ жилищъ для рабочихъ, и они тотчасъ же освобождаются отъ половины своей отвѣтственности за бѣдныхъ. Насколько англійская конституція и законъ имѣли въ виду установленіе такого рода безусловнаго права собственности, которое даетъ возможность лэндлорду, «распоряжающемуся своею собственностью по своему усмотрѣнію», обращаться съ тѣми, которые обрабатываютъ его землю, какъ съ чужестранцами, и сгонять ихъ со своей территоріи,—это вопросъ, обсужденіе котораго не входитъ въ предѣлы моего изслѣдованія... Эта власть изгнанія или эвикціи (Eviktion) вовсе не голая теорія. Она осуществляется на практикѣ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Это также одно изъ условій, вліяющихъ на состояніе жилищъ сельскихъ рабочихъ... О размѣрахъ зла можно судить по послѣдней переписи, изъ которой видно, что разрушеніе домовъ въ продолженіе послѣднихъ 10 лѣтъ прогрессировало въ 821 различныхъ округахъ Англіи, несмотря на увеличеніе мѣстнаго спроса на нихъ; такимъ образомъ населеніе, увеличившееся въ 1861 г. по сравненію съ 1851 г. на $5^1/_2$%, — не говоря уже о людяхъ, вынужденныхъ жить не въ тѣхъ приходахъ, въ которыхъ они работали, — должно было тѣсниться въ жилищахъ, уменьшавшихся на $4^1/_2$%... Когда процессъ обезлюденія завершается, въ результатѣ его, говоритъ Dr. Hunter, является показная деревня (show-village), гдѣ число коттэджей сокращено до незначительнаго количества, и гдѣ не разрѣшается жить никому, кромѣ пастуховъ овецъ, садовниковъ и сторожей дачи, постоянныхъ слугъ, которые пользуются хорошимъ обращеніемъ своихъ милостивыхъ господъ, конечно въ размѣрахъ, обычно соотвѣтствующихъ ихъ классовому положенію [164]). Но земля всетаки

[162]) Въ 1865 г. этотъ законъ былъ нѣсколько улучшенъ. Опытъ скоро покажетъ, что подобныя заплатки никакой пользы не приносятъ.

[163]) Для пониманія дальнѣйшаго мы замѣтимъ, что Close Villages (закрытыя деревни) называются такія, собственниками которыхъ являются одинъ или два крупныхъ лэндлорда; Open Villages (открытыя деревни)—тѣ, земли которыхъ принадлежатъ многимъ мелкимъ собственникамъ. Въ этихъ-то послѣднихъ строители-спекулянты и возводятъ коттэджи и жилые дома.

[164]) Подобная показная деревня имѣетъ очень приличный видъ, но она такъ же пересыпана, какъ и тѣ деревни, которыя видѣла Екатерина II въ свою поѣздку въ Крымъ. Въ послѣднее время даже и пастухъ овецъ обыкновенно изгоняется

должна быть обработана, и вотъ оказывается, что занятые на этой землѣ рабочіе не живутъ на ней, но приходятъ изъ открытой деревни, находящейся иногда на разстояніи 3 миль, гдѣ ихъ приняли къ себѣ въ качествѣ постояльцевъ многочисленные мелкіе домовладѣльцы, послѣ разрушенія коттеджей въ закрытыхъ деревняхъ. Тамъ, гдѣ разрушеніе это уже близко, жалкій видъ коттеджей, по большей части, говоритъ о той судьбѣ, на которую они обречены. Они находятся на всѣхъ ступеняхъ естественнаго разрушенія. Пока кровля еще держится, рабочему позволяютъ платить за домъ ренту, и часто онъ радъ даже и этому, хотя бы ему и приходилось за развалины платить такую же цѣну, какъ и за порядочную квартиру. Но при этомъ не дѣлается никакихъ починокъ, кромѣ тѣхъ, которыя можетъ сдѣлать на свой счетъ бѣдный жилецъ. Если домъ наконецъ становится совершенно негоднымъ для жилья, то является однимъ разрушеннымъ коттеджемъ больше, а налогъ въ пользу бѣдныхъ соотвѣтственно уменьшается. Въ то время какъ крупные землевладѣльцы сбрасываютъ съ себя налогъ въ пользу бѣдныхъ посредствомъ обезлюденья принадлежащихъ имъ земель, ближайшія села или открытыя мѣстности принимаютъ къ себѣ выброшенныхъ рабочихъ; я говорю, ближайшія, но эти «ближайшія» села иногда находятся на разстояніи 3-хъ или 4-хъ миль отъ фермы, гдѣ рабочій ежедневно долженъ тянуть свою лямку. Такимъ образомъ къ его дневному труду прибавляется еще, какъ ни въ чемъ не бывало, ежедневная прогулка въ 6 или 8 миль для добыванія хлѣба насущнаго. Всѣ сельскія работы, исполняемыя его женой и дѣтьми, производятся теперь также въ такихъ же тяжелыхъ условіяхъ. Но это еще не все зло, причиняемое разстояніемъ. Въ открытыхъ поселеніяхъ спекулянты скупаютъ клочки земли, которые они тѣсно застраиваютъ всевозможными самыми дешевыми постройками, состоящими изъ берлогъ. И въ этихъ-то жалкихъ жилищахъ, которыя, если они выходятъ даже на открытое поле, отличаются самыми ужасными характерными чертами худшихъ городскихъ жилищъ, живутъ англійскіе земледѣльческіе рабочіе [168])... Не надо однако, съ другой сто-

изъ этихъ show-villages. Напр., возлѣ Market-Harborough находится овчарня, занимающая около 500 акровъ, гдѣ необходимъ только трудъ одного человѣка. Для уменьшенія длинныхъ переходовъ черезъ обширныя равнины, прекрасныя пастбища Leicester'a и Northampton'a, пастухъ обыкновенно получалъ коттеджъ на мызѣ. Теперь ему даютъ тринадцатый шиллингъ на квартиру, которую онъ долженъ искать далеко въ открытой деревнѣ.

[168]) «Дома рабочихъ (въ открытыхъ поселеніяхъ, которыя, конечно, всегда переполнены) обыкновенно построены рядами и обращены задними фасадомъ къ границѣ того клочка земли, который принадлежитъ строителю. Свѣтъ и воздухъ проникаютъ туда, поэтому, только со стороны фасада». (Dr. Hunter's Report l. c. p. 135). «Очень часто хозяинъ пивной или мелочной лавочки въ селѣ сдастъ также и дома въ наемъ. Въ такихъ случаяхъ сельскій рабочій находитъ въ немъ второго господина рядомъ съ фермеромъ. Онъ долженъ быть также и его покупателемъ. На свои 10 шилл. въ недѣлю, за вычетомъ 4 ф. ст. въ годъ квартирной платы, онъ принужденъ покупать потребляемое имъ количество сахара, чаю, муки, мыла, свѣчей и пива по цѣнамъ, которыя вздумается назначить лавочнику» (l. c. p. 134). Эти открытыя деревни на самомъ дѣлѣ представляютъ исправительныя колоніи англійскаго земледѣльческаго пролетаріата. Многіе изъ коттеджей являются настоя-

роны, воображать, чтобы рабочіе, живущіе на обрабатываемой ими землѣ, находили тамъ такія жилища, которыхъ они заслуживаютъ за свою трудовую жизнь. Даже въ княжескихъ владѣніяхъ ихъ коттеджи часто бываютъ въ самомъ ужасномъ видѣ. Есть лэндлорды, считающіе и конюшни достаточно хорошимъ жильемъ для своихъ рабочихъ съ ихъ семействами, но не глушающіеся выколачивать за наемъ этихъ помѣщеній по возможности больше наличныхъ денегъ [166]). Пусть рабочему даютъ совершенно развалившуюся лачужку, состоящую изъ одной каморки безъ очага, безъ отхожаго мѣста, съ неоткрывающимися окнами, снабженную водою лишь изъ какого-нибудь рва, безъ сада,—все равно, рабочій безпомощенъ противъ этого зла. Наши санитарно-полицейскіе законы (The Nuisances Removal Acts) остаются мертвой буквой. Исполненіе ихъ довѣрено тѣмъ самымъ собственникамъ, которые отдаютъ въ наемъ подобныя трущобы... Не надо ослѣпляться нѣкоторыми исключительными, болѣе свѣтлыми явленіями, такъ какъ подавляющее значеніе имѣютъ всетаки факты, составляющіе позоръ англійской цивилизаціи. Какъ ужасно на самомъ дѣлѣ должно быть положеніе вещей, если, несмотря на очевидную негодность современныхъ жилищъ, компетентные изслѣдователи единогласно приходятъ къ тому заключенію, что даже повсемѣстная негодность квартиръ составляетъ безконечно меньшее зло, чѣмъ простой численный недостатокъ ихъ. Въ продолженіе многихъ лѣтъ переполненіе жилищъ сельскихъ рабочихъ составляло предметъ глубокой скорби не только для людей, заботящихся о здоровіи, но и вообще для всѣхъ тѣхъ, кто цѣнитъ приличную и нравственную жизнь. Ибо составители отчетовъ о рас-

щими постоялыми дворами, черезъ которые проходитъ все бродячее окрестное населеніе. Поселянинъ и его семейство, которые въ самыхъ отвратительныхъ условіяхъ часто сохранили чистоту и честность характера, по истинѣ удивительныя, совершенно погибаютъ здѣсь. Знатные Шейлоки обыкновенно фарисейски пожимаютъ плечами по поводу строительныхъ спекулянтовъ, мелкихъ собственниковъ и открытыхъ деревень. Но они очень хорошо знаютъ, что ихъ «закрытыя деревни и показныя деревни» составляютъ родину «открытыхъ деревень» и не могли бы существовать безъ этихъ послѣднихъ. «Безъ мелкихъ собственниковъ открытыхъ поселеній большая часть сельскихъ рабочихъ принуждена была бы почевать подъ деревьями тѣхъ помѣстій, гдѣ они работаютъ» (l. c. p. 135). Система «открытыхъ» и «закрытыхъ» деревень господствуетъ во всемъ центрѣ (Midlands) и на всемъ востокѣ Англіи.

[166]) «Лицо, отдающее домъ въ наемъ (фермеръ или лэндлордъ) обогащается прямо или косвенно трудомъ бѣдняка, которому онъ платитъ 10 шилл. въ недѣлю, и у котораго онъ затѣмъ опять отнимаетъ 4 или 5 ф. ст. наемной платы за домъ, не стоящіе на товарномъ рынкѣ 20 ф. ст. Но ихъ искусственная цѣна поддерживается властью владѣльца, который можетъ сказать: «Бери мой домъ, или убирайся и ищи себѣ другого пристанища, безъ всякаго аттестата отъ меня»... Если рабочій хочетъ улучшить свое положеніе и отправиться на желѣзную дорогу класть рельсы или въ каменоломню, та же самая власть опять говоритъ ему: «Работай у меня за эту низкую плату, или убирайся черезъ недѣлю; бери свою свинью, если у тебя таковая имѣется, а мы посмотримъ, что ты сдѣлаешь съ картофелемъ, который растетъ у тебя въ огородѣ». Иногда собственникъ (или фермеръ) просто повышаетъ наемную плату и такимъ путемъ наказываетъ возвратившагося рабочаго за уходъ «съ мѣста» Dr. Hunter l. c. p. 132).

пространеніи эпидемическихъ болѣзней въ сельскихъ округахъ постоянно, каждый разъ въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, сдѣлавшихся уже стереотипными, обличаютъ въ качествѣ основной причины распространенія эпидемій переполненіе жилищъ, которое сводитъ къ нулю всякія попытки задержать распространеніе разъ появившихся эпидемическихъ болѣзней. Точно также неоднократно указывалось на то обстоятельство, что несмотря на благотворное вліяніе сельской жизни на здоровье, скопленіе населенія, такъ сильно ускоряющее распространеніе заразныхъ болѣзней, способствуетъ также появленію и незаразныхъ болѣзней. И лица, доносившія объ этомъ положеніи, не умалчивали и о дальнѣйшихъ бѣдствіяхъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ основной темой являлась лишь гигіена, они были вынуждены обратить вниманіе и на другую сторону предмета. Ихъ отчеты, указывавшіе на то, что очень часто лица обоего пола, женатыя и неженатыя, скучены (huddled) въ тѣсныхъ спальняхъ, должны были вселить убѣжденіе, что при описанныхъ условіяхъ всякое чувство стыда и приличія нарушается самымъ грубымъ образомъ, а, слѣдовательно, неизбѣжно подрывается и нравственность [167])... Напр., въ приложеніи къ моему послѣднему отчету, Dr. Ord въ своемъ донесеніи о появленіи лихорадки въ Wing'ѣ, въ Buckinghamshire, разсказываетъ, какъ туда пришелъ лихорадочный больной изъ Wingrave'a. Въ первые дни своей болѣзни онъ спалъ въ одной комнатѣ съ 9 другими лицами. Втеченіе 2 недѣль многіе изъ этихъ людей заболѣли лихорадкой, черезъ нѣсколько недѣль пятеро изъ этихъ 9 заболѣли лихорадкой и одинъ умеръ! Около этого же времени, Dr. Harvey изъ госпиталя St. George, посѣтившій Wing во время эпидеміи по дѣламъ частной практики, сообщаетъ мнѣ о томъ же: «Одна молодая женщина, больная лихорадкою, спала ночью въ одной комнатѣ съ отцомъ, съ матерью, со своимъ незаконнымъ ребенкомъ, съ двумя молодыми людьми, ея братьями, и съ двумя сестрами, (каждая съ незаконнымъ ребенкомъ), всего 10 человѣкъ. За нѣсколько недѣль передъ тѣмъ въ томъ же помѣщеніи спало 13 дѣтей» [168]).

Dr. Hunter изслѣдовалъ 5.375 коттэджей сельскихъ рабочихъ, не только въ часто землевѣльческихъ округахъ, но и во всѣхъ графствахъ Англіи. Изъ числа этихъ 5.375 въ 2.195 было только по одной спальнѣ (часто это вмѣстѣ

[167]) Новобрачные не представляютъ ничего назидательнаго для взрослыхъ братьевъ и сестеръ, которые спятъ въ той же комнатѣ; хотя примѣры эти не могутъ быть записаны, но все же есть достаточно фактовъ, подтверждающихъ замѣчаніе, что кровосмѣшеніе причиняетъ жестокія страданія и часто даже смерть женщинамъ, повинными въ этомъ преступленіи». (Dr. Hunter l. c. p. 137). Одинъ сельскій полицейскій чиновникъ, который въ продолженіе многихъ лѣтъ былъ сыщикомъ въ самыхъ скверныхъ кварталахъ Лондона, говоритъ слѣдующее о дѣвушкахъ своей деревни: «Ихъ грубая безнравственность въ раннемъ возрастѣ, ихъ нахальство и безстыдство превосходятъ все, что я видѣлъ въ самыхъ скверныхъ кварталахъ Лондона во время моей полицейской службы тамъ... Они живутъ, какъ свиньи; молодые люди и молодыя дѣвушки, отцы и матери,—всѣ спятъ въ повалку въ той же комнатѣ». («Child. Empl. Comm. Sixth Report. Lond. 1867», Appendix, p. 77. n. 155).

[168]) «Public Health. Seventh Report. 1864», p. 9—14 passim.

съ тѣмъ и жилая комната), въ 2.930—только двѣ и въ 250—болѣе 2. Я привожу здѣсь небольшой подборъ обнаруженныхъ прелестей, иллюстрирующихъ положеніе вещей въ дюжинѣ графствъ.

1) Bedfordshire.

Wrestlingworth: Спальни около 12 фут. длины и 10 ширины, хотя многія гораздо меньше. Маленькая одноэтажная хижина часто бываетъ раздѣлена досчатой перегородкой на двѣ спальни, одна кровать часто помѣщается въ кухнѣ, вышиною въ 5 фут. 6 дюйм. Наемная плата 3 ф. ст. Жильцы должны сами строить отхожія мѣста, домовладѣлецъ даетъ только яму. Но какъ только кто-нибудь построитъ отхожее мѣсто, то имъ пользуются всѣ сосѣди. Домъ, по имени Richardson, необыкновенно красивъ. Его известковыя стѣны топорщатся, какъ дамское платье при реверансѣ. Одна часть крыши выпуклая, другая вогнутая и, по несчастію, на послѣдней находится дымовая труба въ видѣ искривленной трубки изъ глины и дерева, напоминающей хоботъ слона. Длинная палка поддерживаетъ эту трубу, чтобы предотвратить ея паденіе; окна и двери имѣютъ форму ромба. Изъ 17 посѣщенныхъ домовъ только 4 имѣютъ больше, чѣмъ по одной спальнѣ, и эти 4 тоже были переполнены. Въ коттеджахъ съ одной спальней помѣщалось 3 взрослыхъ съ 3 дѣтьми, одна супружеская чета съ 6 дѣтьми и т. д.

Dunton: Высокая квартирная плата, отъ 4 до 5 ф. ст., заработная плата мужчинъ 10 шилл. въ недѣлю. Они надѣются покрывать расходы на наемъ квартиры плетеніемъ соломы, которымъ занимаются остальные члены семьи. Чѣмъ выше квартирная плата, тѣмъ большее число лицъ должно соединиться, чтобы платить ее. Шестеро взрослыхъ, которые спятъ въ одной комнатѣ съ 4 дѣтьми, платятъ за это 3 ф. ст. 10 шилл. Самый дешевый домъ въ Dunton'ѣ, съ наружной стороны длиною въ 15 фут., шириною въ 10, сдается за 3 ф. ст. Только въ одномъ изъ 14 посѣщенныхъ домовъ было двѣ спальни. Нѣсколько поодаль отъ деревни находится домъ, снаружи совершенно загаженный жильцами. Нижніе 5 дюймовъ двери совершенно сгнили, и ночью это отверстіе остроумно придумали закрывать съ внутренней стороны кирпичами и завѣшивать кускомъ войлока. Половина окна — рама и стекло—исчезли безслѣдно. Здѣсь безъ мебели ютилось 3 взрослыхъ и 5 дѣтей. Dunton не хуже остальныхъ деревень Biggleswade Union.

2) Berkshire.

Beenham: Въ іюнѣ 1864 г. въ одномъ cot (одноэтажномъ коттеджѣ) жили мужъ, жена, 4 дѣтей. Одна изъ дочерей возвратилась съ мѣста больная скарлатиной. Она умерла. Одинъ ребенокъ заболѣлъ и тоже умеръ. Мать и одинъ ребенокъ были больны тифомъ, когда къ нимъ былъ приглашенъ Dr. Hunter. Отецъ съ однимъ ребенкомъ спали на дворѣ, но насколько трудно изолировать заразу, видно изъ того, что на биткомъ набитой базарной площади несчастной деревни лежало бѣлье зараженнаго семейства въ ожиданіи стирки. Плата за наемъ дома 11. составляетъ 1 шилл. въ недѣлю; въ немъ одна спальня для одной супружеской четы съ 6 дѣтьми. Одинъ домъ отдавался за 8 пенс. (въ недѣлю), въ 14 фут. 6 дм. длины, 7 фут. ширины, кухня вышиною въ 6

фут., въ спальнѣ нѣтъ ни окна, ни очага, ни двери и никакого отверстія, кромѣ выхода; при домѣ нѣтъ сада. Недавно здѣсь жилъ отецъ съ двумя взрослыми дочерьми и подростающимъ сыномъ; отецъ съ сыномъ спали на кровати, дѣвушки въ сѣняхъ. Пока это семейство помѣщалось здѣсь, у каждой дѣвушки было по ребенку, но одна отправилась рожать въ рабочій домъ и затѣмъ возвратилась домой.

3) Buckinghamshire.

Въ 30 коттеджахъ—на 1.000 акр. земли—содержится около 130 — 140 человѣкъ. Приходъ Bradenham занимаетъ около 1.000 акровъ; въ 1851 г. тамъ было 36 домовъ съ населеніемъ въ 84 мужчинъ и 54 женщинъ. Это неравномѣрное распредѣленіе лицъ обоего пола смягчилось въ 1861 г., когда тамъ насчитывалось 98 душъ мужского пола и 87 женскаго; втеченіе 10 лѣтъ прибавилось 14 мужчинъ и 33 женщины. Число же домовъ стало между тѣмъ на 1 меньше.

Winslow: большая часть его вновь построена въ хорошемъ стилѣ; спросъ на дома, повидимому, очень значительный, такъ какъ самые жалкіе cots сдаются по 1 шилл. и по 1 шилл. 3 пенс. въ недѣлю.

Water Eaton: здѣсь домовладѣльцы въ виду роста числа населенія сломали около 20% существовавшихъ домовъ. Одинъ бѣдный рабочій, принужденный проходить около 4 миль до мѣста работы, на вопросъ, неужели нельзя найти cot поближе, отвѣтилъ: «Нѣтъ, они ни за что бы не приняли жильца съ такимъ большимъ семействомъ, какъ мое».

Thinker's End, при Winslow: Одна спальня, въ которой помѣщается 4 взрослыхъ и 4 дѣтей, имѣетъ въ длину 11 фут., въ ширину 9 фут. и 6 фут. 5 дм. въ вышину въ самомъ высокомъ мѣстѣ; другая, въ которой спятъ 6 человѣкъ, имѣетъ 11 ф. 3 дм. въ длину, 9 фут. въ ширину, 5 ф. 10 дм. въ вышину. На каждое изъ этихъ семействъ приходится меньше пространства, чѣмъ на одного каторжника. Ни въ одномъ домѣ нѣтъ больше одной спальни, ни въ одномъ нѣтъ задняго хода, вслѣдствіе чего они снабжены въ рѣдкихъ случаяхъ. Наемная плата составляетъ отъ 1 шилл. 4 п. до 2 шилл. въ недѣлю. Въ 16 изслѣдованныхъ домахъ одинъ только человѣкъ зарабатывалъ 10 шилл. въ недѣлю. Количество воздуха, приходящееся на каждаго человѣка въ приведенномъ случаѣ, соотвѣтствуетъ тому, какимъ пользовался бы человѣкъ, запертый ночью въ ящикѣ, объемомъ въ 4 куб. фута. Правда, ветхія хижины обладаютъ массой естественной вентиляціи.

4) Cambridgeshire.

Gamblingay принадлежитъ различнымъ владѣльцамъ. Здѣсь находятся самые жалкіе cots, какіе гдѣ-либо можно встрѣтить. Здѣсь распространено плетеніе соломы. Въ Gamblingay господствуетъ какая-то смертельная вялость, безнадежная покорность передъ жизнью въ грязи. Запустѣніе въ центрѣ превращается въ настоящую пытку на окраинахъ, сѣверной и южной, гдѣ дома попемногу сгниваютъ. Отсутствующіе лэндлорды ловко пускаютъ кровь бѣднякамъ. Квартирная плата здѣсь очень высока; 8 — 9 человѣкъ живутъ въ комнатѣ, въ которой можетъ помѣщаться только одинъ человѣкъ; въ двухъ случаяхъ въ маленькой спальнѣ спало 6 взрослыхъ, каждый съ 1 или 2 дѣтьми

5) Essex.

Въ этомъ графствѣ во многихъ приходахъ уменьшеніе населенія идетъ рядомъ съ уменьшеніемъ числа коттэджей. Однако не менѣе, чѣмъ въ 22 приходахъ, разрушеніе домовъ не задержало роста населенія, или не произвело его изгнанія, происходящаго повсемѣстно подъ названіемъ «выселенія въ города». Въ приходѣ Fingringhoe, занимающемъ 3.443 акра, въ 1851 г. было 145 домовъ, въ 1861 ихъ оставалось уже только 110, населеніе же не желало уходить и умудрилось даже при такомъ обращеніи еще размножаться. Въ Ramsden Crags въ 1851 г. 252 человѣка помѣщались въ 61 домѣ, въ 1861 же году 262 человѣка тѣснились уже въ 49 домахъ. Въ Basilden въ 1851 г. на 1.857 акрахъ жило 157 человѣкъ въ 35 домахъ, въ концѣ же этого десятилѣтія 180 человѣкъ въ 27 домахъ. Въ приходахъ Fingringhoe, Louth, Farnbridge, Widford, Basilden и Ramsden Crags въ 1851 г. на 8.449 акрахъ жило 1.392 человѣка въ 316 домахъ, а въ 1861 г. на той же площади жили 1.473 человѣка въ 249 домахъ.

6) Herefordshire.

Это маленькое графство больше какого бы то ни было другого въ Англіи пострадало отъ духа «эвикціи». Въ Nadby переполненные коттэджи, большей частью съ 2 спальнями, принадлежатъ, главнымъ образомъ, фермерамъ. Они легко сдаютъ ихъ за 3 или 4 ф. ст. въ годъ, сами же платятъ заработную плату въ 9 шилл. въ недѣлю!

7) Huntigdonshire.

Въ Hartford'ѣ въ 1851 г. было 87 домовъ, вскорѣ послѣ этого 19 коттэджей было разрушено въ этомъ маленькомъ приходѣ, занимающемъ 1.720 акровъ; въ 1831 г. населеніе его состояло изъ 452 человѣкъ, въ 1852 г. изъ 832 и въ 1861 г. изъ 341 чел. Здѣсь изслѣдовано 14 cots съ одной спальней. Въ одномъ изъ нихъ помѣщались отецъ, мать, 3 взрослыхъ сыновей, одна взрослая дѣвушка, 4 дѣтей, всего 10 человѣкъ; въ другомъ 3 взрослыхъ, 6 дѣтей. Одна изъ этихъ комнатъ, въ которой спали 8 человѣкъ, имѣла 12 фут. 10 дм. въ длину, 12 фут. 2 дм. въ ширину, 6 фут. 9 дм. въ вышину; среднимъ числомъ на человѣка приходилось около 130 куб. фут., считая и выступы. Въ 14 спальняхъ помѣщалось 34 чел. взрослыхъ и 33 чел. дѣтей. При этихъ коттэджахъ рѣдко имѣется садикъ, но многіе жильцы могутъ арендовать небольшіе клочки земли по 10 или 12 шилл. за rood (¼ акра). Эти allotmats (участки) находятся вдали отъ домовъ, при которыхъ не имѣется отхожихъ мѣстъ. Семейство должно или отправляться на свой участокъ и тамъ оставлять свои экскременты, или, какъ это, съ позволенія сказать, и происходитъ, наполнять ими выдвижной ящикъ шкафа. Когда онъ наполняется, его выдвигаютъ и опорожняютъ тамъ, гдѣ его содержимое необходимо. Въ Японіи этотъ круговоротъ жизни происходитъ опрятнѣе.

8) Lincolnshire.

Langtoft. Одинъ рабочій живетъ здѣсь въ домѣ Wright'a съ женой, съ ея матерью и съ 5 дѣтьми; въ домѣ есть кухня, прачешная, спальня надъ кухней; кухня и спальня имѣютъ 12 фут. 2 дм. длины, 9 фут. 5 дм. ши-

рины, вся же площадь 21 футъ 2 дм. длины, 9 фут. 5 дм. ширины. Спальня помѣщается подъ крышей, стѣны конусообразно суживаются къ потолку, и слуховое окно выходитъ на фасадъ. Почему живетъ онъ здѣсь? Изъ-за огорода? Но онъ мизерно малъ. Изъ-за дешевизны? Плата здѣсь высока, достигаетъ 1 шилл. 3 пенс. въ недѣлю. Можетъ быть, изъ-за близости къ мѣсту работы? Нѣтъ, домъ отстоитъ 6 миль отъ мѣста работы, такъ что нашему рабочему приходится ежедневно проходить 12 миль. Онъ живетъ здѣсь потому, что здѣсь сдавался cot, а онъ хотѣлъ имѣть cot—особнякъ, гдѣ бы то ни было, и за какую бы то ни было цѣну, въ какомъ бы состояніи этотъ cot ни находился. Въ слѣдующей таблицѣ заключаются статистическія данныя относительно 12 домовъ Langtoft'a съ одной спальней въ каждомъ,—домовъ, въ которыхъ помѣщается въ общемъ 38 взрослыхъ и 36 дѣтей.

12 домовъ въ Langtoft'ѣ.

Число домовъ.	Число спаленъ.	Число взрослыхъ.	Число дѣтей.	Общее число душъ.	Число домовъ.	Число спаленъ.	Число взрослыхъ.	Число дѣтей.	Общее число душъ.
1	1	3	5	8	1	1	3	3	6
1	1	4	3	7	1	1	3	2	5
1	1	4	4	8	1	1	2	0	2
1	1	5	4	9	1	1	2	3	5
1	1	2	2	4	1	1	3	3	6
1	1	5	3	8	1	1	2	4	6

9) Kent.

Kennington былъ крайне переполненъ въ 1859 г., когда появился дифтеритъ, и приходскій врачъ сдѣлалъ оффиціальное изслѣдованіе положенія бѣднѣйшаго класса населенія. Онъ нашелъ, что въ этой мѣстности, гдѣ всегда большой спросъ на трудъ, многіе cots разрушены и вмѣсто нихъ не выстроено новыхъ. Въ одномъ участкѣ было 4 дома, называемые тамъ «birdcages» (птичьи клѣтки); въ каждомъ было по 4 комнаты слѣдующихъ размѣровъ въ футахъ и дюймахъ:

Кухня	9,5 × 8,11 × 6,6
Прачешная	8,6 × 4,6 × 6,6
Спальня	8,5 × 5,10 × 6,3
Спальня	8,3 × 8,4 × 6,3

10) Northamptonshire.

Brinworth, Pickford и Floore: въ этихъ деревняхъ зимою шатается по улицамъ человѣкъ 20—30 рабочихъ, не имѣющихъ работы. Фермеры не всегда хорошо обрабатывали землю подъ хлѣбъ и корнеплоды, и лэндлордъ нашелъ удобнымъ соединить всѣ свои фермы въ 2 или 3. Отсюда и недостатокъ работы. Въ то время, когда по одну сторону рва земля нуждается въ

обработкѣ, по другую сторону обманутые въ своихъ ожиданіяхъ рабочіе бросаютъ жадные взоры на эти поля. Нѣтъ ничего удивительнаго, что рабочіе, измученные лихорадочно-спѣшнымъ и чрезмѣрнымъ трудомъ въ лѣтнее время и полуголодные зимою, говорятъ на своемъ собственномъ діалектѣ, что «the parson and gentlefolks seem frit to death at them» [168a]).

Въ Floore бываютъ примѣры, что въ комнатѣ самаго малаго размѣра помѣщаются мужъ, жена и 4, 5, 6 дѣтей, или 3 взрослыхъ съ 5 дѣтьми, или мужъ, жена, дѣвъ и 6 дѣтей, больныхъ скарлатиной и т. д.; въ 2 домахъ съ 2 спальнями помѣщается 2 семейства въ 8 и 9 человѣкъ.

11) Wiltshire.

Stratton: изслѣдованъ 31 домъ; въ 8 изъ нихъ только по одной спальнѣ. Pentill въ томъ же приходѣ: одинъ cot сдается за 1 шилл. 3 пенса въ недѣлю и имѣщаетъ 4 взрослыхъ и 4 дѣтей; кромѣ цѣлыхъ стѣнъ въ немъ не было ничего хорошаго, начиная съ пола, вымощеннаго грубо-отесанными камнями и кончая гнилой соломенной крышей.

12) Worcestershire.

Здѣсь разрушеніе домовъ было не очень сильное; однако съ 1851—1861 число человѣкъ, приходящихся на 1 домъ, увеличилось съ 4,2 до 4,6.

Badsey: здѣсь много cots съ садиками. Нѣкоторые фермеры заявляютъ, что cots составляютъ «a great nuisance here, because they bring the poor» (cots составляютъ здѣсь большое зло, такъ какъ они привлекаютъ бѣдныхъ). По выраженію одного джентльмена «бѣднымъ нисколько не станетъ лучше, если выстроятъ даже 500 cots: послѣдніе разойдутся точно булки: въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ больше ихъ строятъ, тѣмъ больше ихъ нужно»,—однимъ словомъ, по его мнѣнію, дома производятъ жильцовъ, которые, естественно, производятъ давленіе на «средства испомѣщенія». Dr. Hunter замѣчаетъ на это: «Но бѣдные должны же откуда-нибудь браться, а такъ какъ въ Badsey ихъ не привлекаютъ какія-либо особыя благостыни, то гдѣ-нибудь въ еще болѣе неудобномъ мѣстѣ должно существовать оттаскиваніе. Если бы каждый могъ найти cot и клочокъ земли по близости отъ мѣста своей работы, то онъ, навѣрное, отказался бы отъ Badsey, гдѣ за клокъ земли онъ платитъ вдвое больше, чѣмъ фермеръ за свой участокъ».

Постоянное переселеніе въ города, постоянное образованіе «излишняго» населенія въ сельскихъ округахъ вслѣдствіе концентраціи фермъ, превращенія пашенъ въ пастбища, введенія машинъ и т. д. идутъ рука объ руку съ постояннымъ изгнаніемъ (Eviction) сельскаго населенія вслѣдствіе разрушенія коттэджей. Чѣмъ рѣже населеніе какого-нибудь округа, тѣмъ больше его «относительное перенаселеніе», тѣмъ больше давленіе послѣдняго на средства занятія, тѣмъ больше абсолютный избытокъ сельскаго населенія въ сравненіи съ его жилищными средствами, тѣмъ больше, слѣдовательно, въ деревняхъ мѣстное перенаселеніе и распространяющая заразу скученность людей. Это скопленіе людей въ разбросанныхъ мелкихъ деревняхъ и селахъ идетъ рука объ руку съ насиль-

[168a]) Попъ и дворянинъ какъ будто сговорились загнать ихъ до смерти

ственнымъ разрѣженіемъ населенія на поверхности страны. Безпрерывное образованіе «излишка» сельскихъ рабочихъ, не смотря на уменьшеніе ихъ числа и вмѣстѣ съ увеличеніемъ массы ихъ продуктовъ, является колыбелью пауперизма. Теперь возможное превращеніе рабочихъ въ пауперовъ составляетъ причину ихъ изгнанія (Eviction) и является главнымъ источникомъ жилищной нужды, которая уничтожаетъ въ нихъ всякую способность къ сопротивленію и превращаетъ ихъ въ настоящихъ рабовъ землевладѣльцевъ [169]) и фермеровъ. И такимъ образомъ minimum заработной платы принимаетъ для нихъ характеръ незыблемаго естественнаго закона. Съ другой стороны, деревня, не смотря на ея постоянное «относительное перенаселеніе», въ то же самое время недостаточно населена. Это проявляется не только какъ мѣстное явленіе въ такихъ пунктахъ, гдѣ замѣчается быстрый притокъ людей къ городамъ, рудникамъ, желѣзнодорожнымъ постройкамъ и т. д., но и повсемѣстно, какъ во время жатвы, такъ весной и лѣтомъ, во всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, когда весьма тщательное и интенсивное англійское земледѣліе нуждается въ добавочныхъ рабочихъ рукахъ. Сельскихъ рабочихъ всегда слишкомъ много для среднихъ и слишкомъ мало для исключительныхъ или временныхъ потребностей земледѣлія [170]). Поэтому въ оффиціальныхъ документахъ часто встрѣчаются противорѣчивыя жалобы изъ однѣхъ и тѣхъ же мѣстностей на одновременный недостатокъ и избытокъ рабочихъ рукъ. Временный или мѣстный недостатокъ труда не производитъ повышенія заработной платы, но привлекаетъ къ земледѣльческимъ работамъ женщинъ и дѣтей и постепенно понижаетъ возрастъ рабочихъ. Когда эксплуатація женщинъ и дѣ-

[169]) «Благородное занятіе hind'a придаетъ достоинство даже его положенію. Онъ не рабъ, но солдатъ мира и достоинъ того, чтобы лэндлордъ позаботился доставить ему мѣсто въ ряду женатыхъ людей, такъ какъ онъ добился права требовать отъ него такого же принудительнаго труда, какого страна требуетъ отъ солдата. За свой трудъ онъ такъ же, какъ и солдатъ, не получаетъ его рыночной цѣны. Какъ и солдата, его берутъ молодымъ, невѣжественнымъ, знающимъ только свое ремесло и свою мѣстность. Ранніе браки и дѣйствіе различныхъ законовъ о живущихъ оказываютъ на него такое же вліяніе, какъ рекрутскій наборъ и Mutiny Act на солдата». (Dr. Hunter l. c. p. 132). Иногда какой-нибудь исключительно мягкосердечный лэндлордъ выражаетъ огорченіе по поводу уединенія, которое онъ создалъ. «Очень грустно быть одному въ своихъ владѣніяхъ», говоритъ графъ Leicester, когда его поздравляли съ окончаніемъ постройки замка Holkham: «Я оглядываюсь кругомъ и не вижу никакихъ домовъ, кромѣ своего. Я великанъ башни великановъ и я пожралъ всѣхъ своихъ сосѣдей».

[170]) Подобное движеніе замѣчалось за послѣдніе десять лѣтъ во Франціи, но мѣрѣ того какъ тамъ капиталистическое производство овладѣвало земледѣліемъ и вытѣсняло «излишнее» сельское населеніе въ города. Здѣсь также ухудшаются жилища и вообще всѣ условія жизни у самого источника образованія «излишнихъ». О своеобразномъ поземельномъ пролетаріатѣ (prolétariat foncier), порожденномъ парцелляріой системой (дробленіемъ земли на мелкіе участки) см. между прочимъ цитированное уже раньше соч. Collins'a и Karl Marx: Der Achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte. 2 Aufl. Hamburg, 1869, 56 sqq. Въ 1846 г. городское населеніе Франціи составляло 24,42, а сельское 75,58%, а въ 1861 г. городское составляло 28,86, а сельское 71,14%. За послѣдніе 5 лѣтъ процентъ уменьшенія сельскаго населенія еще больше. Уже въ 1846 г. Pierre Dupont поетъ въ своихъ «Ouvriers»:

«Mal vêtus, logés dans des trous,
Sous les combles, dans les décombres,
Nous vivons avec les hiboux
Et les larrons, amis des ombres».

(Дурно одѣтые мы живемъ въ лачугахъ, на чердакахъ, въ развалинахъ, вмѣстѣ съ совами и ворами, друзьями темноты).

тей принимаетъ крупные размѣры, она въ свою очередь становится новымъ средствомъ созданія избыточныхъ сельскихъ рабочихъ-мужчинъ и причиной низкаго уровня ихъ платы. Въ восточной Англіи процвѣтаетъ прекрасный плодъ этого cercle vicieux (заколдованнаго круга), такъ называемая Gangsystem, система артелей или бандъ (Gang-oder Bandensystem), о которой я скажу здѣсь нѣсколько словъ [171]).

Система артелей встрѣчается почти исключительно въ Lincolnshire'ѣ, Huntingdonshire'ѣ, Cambridgeshire'ѣ, Norfolk'ѣ, Suffolk'ѣ и Nottinghamshire'ѣ и спорадически въ сосѣднихъ графствахъ Northampton, Bedford и Rutland. Примѣромъ здѣсь можетъ служить Lincolnshire. Большая часть этого графства представляетъ новую землю,—прежде здѣсь были трясины или же, какъ и въ другихъ названныхъ восточныхъ графствахъ, земля эта отвоевана у моря. Паровая машина произвела чудеса при осушеніи болотъ: гдѣ прежде были болота или пески, тамъ теперь волнуются роскошныя нивы и получаются самыя высокія ренты. То же самое можно сказать и о наносной почвѣ, полученной искусственно какъ, напр., на островѣ Axholme или въ другихъ приходахъ на берегу Trent'a. Съ образованіемъ новыхъ фермъ не только не было выстроено новыхъ коттэджей, но еще были разрушены старые, рабочіе же должны были приходить изъ отдаленныхъ на нѣсколько миль открытыхъ деревень около шоссе, извивающихся по склонамъ холмовъ. Только тамъ рабочее населеніе долгое время находило защиту отъ продолжительныхъ зимнихъ наводненій. Рабочіе, постоянно живущіе на фермахъ размѣромъ отъ 400 до 1.000 акровъ (они здѣсь называются «confined labourers»), служатъ только для постоянныхъ тяжелыхъ конныхъ работъ. На каждые 100 акровъ едва приходится среднимъ числомъ по одному коттэджу. Одинъ фермеръ, занимающій болотный участокъ, заявляетъ, напр., передъ коммиссіей: «Моя ферма простирается болѣе чѣмъ на 320 акровъ, и все это хлѣбныя поля. Въ ней нѣтъ коттэджей. У меня теперь живетъ только одинъ рабочій. Я держу 4 рабочихъ, работающихъ съ лошадьми, которые живутъ въ окрестностяхъ. Легкія же работы, для которыхъ требуется большое число рукъ, производятся артелями» [172]). Земля требуетъ много легкихъ земледѣльческихъ работъ, каковы: выпалываніе сорныхъ травъ, окапываніе, нѣкоторыя операціи по удобренію, очищеніе отъ камней и т. д. Всѣ эти работы производятся Gang'ами или организованными артелями, живущими въ открытыхъ поселеніяхъ.

Банда или артель состоитъ изъ 10 до 40 или 50 человѣкъ, въ особенности изъ женщинъ, молодежи обоего пола (13 — 18 лѣтъ), хотя мальчики, обыкновенно, въ 13 лѣтъ отдѣляются отъ артелей, и, наконецъ, изъ дѣтей обоего пола (6—13 лѣтъ). Во главѣ артели находится gangmaster (артельный староста). Это всегда обыкновенный сельскій рабочій, въ большинствѣ случаевъ, что называется, лодырь, распутный, бродяга, пьяница, но за то одаренный нѣкоторымъ духомъ предпріимчивости и savoir faire. Онъ набираетъ артель, которая

[171]) Шестой и заключительный Report of Child. Empl. Comm., изданный въ концѣ марта 1867 г., говоритъ только о системѣ земледѣльческихъ артелей.

[172]) Child. Emp. Comm. VI Report. Evidence, p. 37, n. 173.— Fenland—топь, низина (по-нѣмецки Marschland).

работаетъ подъ его началомъ, а не подъ началомъ фермера. Съ этимъ послѣднимъ онъ договаривается сдѣльно, и его доходъ, въ среднемъ не многимъ превышающій доходъ обыкновеннаго сельскаго рабочаго [173]), зависитъ почти исключительно отъ искусства, съ которымъ онъ сумѣетъ извлечь изъ своей артели въ возможно короткое время возможно большее количество труда. Фермеры открыли, что женщины работаютъ хорошо только подъ начальствомъ мужчинъ, но что за то женщины и дѣти, разъ они уже принялись за дѣло, съ истиннымъ рвеніемъ напрягаютъ всѣ свои жизненныя силы,—какъ это было извѣстно уже Фурье,—между тѣмъ какъ взрослые рабочіе-мужчины коварно ихъ берегутъ. Артельный староста переходитъ изъ одного имѣнія въ другое и доставляетъ такимъ образомъ работу своей артели въ продолженіе 6—8 мѣсяцевъ въ году. Поэтому, работать у него для рабочей семьи выгоднѣе и вѣрнѣе, чѣмъ у отдѣльнаго фермера, который только по временамъ даетъ работу дѣтямъ. Это обстоятельство настолько усиливаетъ его вліяніе въ открытыхъ поселеніяхъ, что въ большинствѣ случаевъ дѣтей можно нанимать только при его посредничествѣ. Сдача въ наемъ дѣтей въ одиночку, внѣ артели, составляетъ его побочное занятіе.

Чрезмѣрный трудъ дѣтей и подростковъ, ужасные переходы по 5, 6 или даже 7 миль, которые они должны ежедневно совершать къ фермамъ и обратно, наконецъ, деморализующее вліяніе артели составляютъ «темныя стороны» этой системы. Хотя гангмастеръ или артельный староста, называемый въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ «the driver» (погонщикъ) и вооруженъ длинной палкой, но онъ рѣдко пускаетъ ее въ ходъ, и жалобы на грубое обращеніе составляютъ исключеніе. Это демократическій король или нѣчто въ родѣ гамельнскаго крысолова (Rattenfänger von Hameln) *). Онъ нуждается, слѣдовательно въ популярности среди своихъ подданныхъ. И онъ привязываетъ ихъ къ себѣ процвѣтающимъ подъ его покровительствомъ цыганствомъ. Въ артели царитъ грубая необузданность, веселая распущенность и самое наглое безтыдство. Въ большинствѣ случаевъ артельщикъ расплачивается въ кабакѣ и возвращается оттуда домой, пошатываясь. Съ обѣихъ сторонъ опираясь на двухъ дюжихъ бабъ, онъ шагаетъ во главѣ шествія, за которымъ слѣдуютъ дѣти и молодежь, шаля и распѣвая юмористическія и скабрезныя пѣсни. На обратномъ пути обычное явленіе составляетъ то, что Фурье называетъ «фанерогаміей». Тринадцати и четырнадцатилѣтнія дѣвочки часто становятся беременными отъ своихъ сверстниковъ. Открытыя деревни, поставляющія персоналъ артелей, превращаются въ Содомъ и Гоморру [174]) и даютъ вдвое большее число незаконнорожденныхъ,

[173]) Единичные артельные старосты превратились въ фермеровъ, владѣющихъ 500 акровъ, или въ собственниковъ цѣлаго ряда домовъ.

*) Средневѣковое сказаніе о гамельнскомъ крысоловѣ состоитъ въ слѣдующемъ. Въ 1284 въ г. Гамельнѣ (нѣкогда ганзейскій городъ, теперь окружной городъ прусской провинціи Ганноверъ) появился «свистунъ», вызвавшійся за извѣстную плату игрой на дудкѣ увлечь всѣхъ крысъ изъ города и загнать ихъ въ рѣку Везеръ. Это и удалось ему. Но когда городъ задержалъ уплату ему вознагражденія, онъ опять таки игрой на дудкѣ увлекъ всѣхъ городскихъ дѣтей въ разсѣлину сосѣдней горы, которая потомъ закрылась. Впослѣдствіи «крысоловъ» появился съ дѣтьми въ Седмиградіи (Трансильваніи) и основалъ тамъ извѣстную колонію седмиградскихъ (зибенбюргенскихъ) саксонцевъ. *Прим. П. С.*

[174]) «Половина дѣвушекъ Ludford'а пали, благодаря артелямъ», l. c. Appendix, p. 6, n. 32.

чѣмъ все остальное королевство. Мы уже имѣли случай говорить о томъ, какова нравственность замужнихъ женщинъ, которыя до замужества воспитывались въ такой школѣ. Ихъ дѣти, если опіумъ не приводитъ ихъ къ преждевременной смерти, являются прирожденными рекрутами артели.

Артель въ своей только что описанной классической формѣ называется публичной, общественной или перехожей артелью (public, common or tramping gang). Есть еще, кромѣ того, и частныя банды (private gangs). Онѣ составляются такъ же, какъ и общественныя артели, но менѣе многочисленны и работаютъ подъ началомъ не артельнаго старосты, а обыкновеннаго стараго батрака, котораго фермеръ не можетъ употребить ни на что другое. Здѣсь отсутствуютъ цыганскіе нравы, но, по общему свидѣтельству, ухудшается оплата труда и обращеніе съ дѣтьми.

Система артелей, которая въ послѣдніе годы постоянно распространяется [175]), существуетъ, конечно, не ради артельнаго старосты или гангмастера. Она существуетъ для обогащенія крупныхъ фермеровъ [176]) или лендлордовъ [177]). Для фермера не существуетъ болѣе остроумнаго метода поддерживать свой рабочій сонмъ ниже нормальнаго уровня и въ тоже время имѣть всегда на случай экстренной работы готовыя добавочныя рабочія руки,—посредствомъ возможно меньшаго количества денегъ извлекать возможно больше труда [178]) и дѣлать «излишними» взрослыхъ рабочихъ мужчинъ. Изъ предыдущаго изложенія легко понять, какъ это происходитъ, что, съ одной стороны, признаютъ большую или меньшую безработицу сельскихъ рабочихъ, а, съ другой стороны, считаютъ систему артелей «необходимой» вслѣдствіе недостатка мужского труда и переселенія рабочихъ въ города [179]). Поле, очищенное отъ плевелъ, и человѣческіе плевелы Lin-

[175]) «Система эта очень распространилась за послѣдніе годы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она введена лишь недавно, въ другихъ, гдѣ она уже давно существуетъ, въ артель набираютъ побольше дѣтей и при томъ помоложе». (l. c. p. 79, n. 174).

[176]) «Мелкіе фермеры не пользуются трудомъ артелей». «Трудъ артелей не употребляется на плохой землѣ, а лишь на землѣ, приносящей отъ 2 ф. ст. до 2 ф. ст. 10 шилл. ренты на акръ». (l. c. p. 17 и 14).

[177]) Одному изъ этихъ господъ его ренты приходятся такъ по вкусу, что онъ сердито напалъ комиссіи, будто весь этотъ крикъ поднялся только изъ-за названія системы. Если бы вмѣсто «Gang'a», назвать ее «промышленно-земледѣльческая кооперативная ассоціація молодежи», то все было бы all right.

[178]) «Трудъ артелей дешевле всякаго другого труда; вотъ причина, почему онъ привѣтствуется»,—говоритъ одинъ бывшій gangmaster. (l. c. p. 17 и 14). «Система артелей безусловно самая дешевая для фермеровъ, но она такъ же безусловно гибельна для дѣтей», указываетъ одинъ фермеръ (l. c. p. 16 и 3).

[179]) «Безъ сомнѣнія многія работы, исполняемыя теперь въ артеляхъ дѣтьми, прежде исполнялись мужчинами и женщинами. Гдѣ работаютъ женщины и дѣти, тамъ теперь больше безработныхъ мужчинъ (more men are out of work), чѣмъ прежде». (l. c. p. 43, n. 202). Съ другой стороны, мы между прочимъ читаемъ: «Рабочій вопросъ (labour question) во многихъ земледѣльческихъ округахъ, въ особенности въ тѣхъ, которые производятъ хлѣбъ, становится столь серьезнымъ вслѣдствіе эмиграціи и той легкости переселенія въ большіе города, которую доставляютъ желѣзныя дороги, что я [«я»—это сельскохозяйственный агентъ одного крупнаго землевладѣльца] считаю дѣтскій трудъ безусловно необходимымъ» (l. c. p. 80, n. 189). The Labour Question (рабочій вопросъ) въ англійскихъ земледѣльческихъ округахъ въ отличіе отъ всего цивилизованнаго міра представляетъ the landlords' and farmers' Question (вопросъ лендлордовъ и фермеровъ) о томъ, какъ увеличить въ сельскихъ округахъ значительное «относительное перенаселеніе», не смотря на все увеличивающееся выселеніе сельскаго населенія, и установить такимъ образомъ навѣки «minimum заработной платы» для сельскихъ рабочихъ?

colnshire'а и т. д. представляютъ лишь дополняющіе другъ друга противоположные полюсы капиталистическаго производства [180]).

f) Ирландія.

Въ заключеніе этого отдѣла мы должны еще пропутешествовать въ Ирландію. И прежде всего приведемъ факты, на которые намъ придется потомъ ссылаться.

Населеніе Ирландіи возросло въ 1841 г. до 8.222.664 человѣкъ, въ 1851 оно сократилось до 6.623.985 человѣкъ, въ 1861 г. до 5.850.309, въ 1866 г. до 5½ милліоновъ, т. е. почти до своего уровня въ 1801 г. Уменьшеніе началось съ голоднаго 1846 года, менѣе чѣмъ въ 20 лѣтъ Ирландія лишилась болѣе ⅖ своего населенія [181]). Общее число эмигрантовъ съ мая 1851 г. до іюля 1865 г. составляло 1.591.487 человѣкъ, а въ послѣдніе 5 лѣтъ отъ 1861 — 1865 — болѣе полумилліона. Число обитаемыхъ домовъ уменьшилось съ 1851—1861 г. на 52.990. Съ 1851—1861 г. число фермъ отъ 15—30 акровъ увеличилось на 61.000, число же фермъ свыше 30 акровъ на 109.000, между тѣмъ какъ общее число фермъ уменьшилось на 120.000; уменьшеніе это произошло, слѣдовательно, исключительно отъ уничтоженія фермъ ниже 15 акровъ, другими словами, отъ ихъ централизаціи.

---

[180]) Цитированный мною раньше «Public Health Report», гдѣ лишь мимоходомъ, по поводу смертности дѣтей, говорится о системѣ артелей, остался совершенно неизвѣстенъ прессѣ, а, въ силу этого, и англійскому обществу. За то послѣдній отчетъ «Child. Empl. Comm.» далъ прессѣ столь желанную «сенсаціонную» пищу. Либеральная печать спрашивала, какъ могли благородные леди и джентльмены и священники англиканской церкви, которыми кишитъ Lincolnshire, лица, которыя снаряжали «миссіи для смягченія нравовъ дикарей острововъ южнаго полушарія», дать развиться въ своихъ владѣніяхъ и на ихъ главахъ подобной системѣ, аристократическая печать ограничивалась только замѣчаніями о грубой испорченности сельскаго населенія, способнаго продавать своихъ собственныхъ дѣтей въ подобное рабство. Между тѣмъ при тѣхъ достойныхъ проклятія условіяхъ, на которыя «благородные» обрекли сельскихъ жителей, было бы понятно, если бы они даже пожрали своихъ собственныхъ дѣтей. Если что дѣйствительно достойно удивленія, такъ это порядочность, которую они по большей части сохранили. Составители оффиціальныхъ отчетовъ говорятъ, что родители, даже въ тѣхъ округахъ, гдѣ господствуетъ система артелей, питаютъ къ ней отвращеніе. «Въ собранныхъ нами показаніяхъ можно найти многочисленныя доказательства того, что родители во многихъ случаяхъ были бы благодарны, если бы былъ изданъ принудительный законъ, дающій имъ возможность сопротивляться искушенію и давленію, которому они часто подвергаются: то приходскій чиновникъ, то хозяинъ принуждаетъ ихъ, подъ угрозой отказа отъ работы, посылать дѣтей на заработки, а не въ школу... Всякая потеря времени и силъ, всякое страданіе, которое причиняетъ вещедѣльцу и его семейству чрезмѣрное и безполезное утомленіе, всякій случай, когда родители могутъ приписать нравственное паденіе своихъ дѣтей переполненію коттеджей или развращающему вліянію системы артелей, все это вызываетъ въ душѣ этихъ бѣдныхъ труженниковъ чувство, которыя легко понять, и о которыхъ безполезно распространяться. Они сознаютъ, что имъ причиняютъ много физическихъ и нравственныхъ страданій условія, за которыя они ни въ коемъ случаѣ не отвѣтственны, и на которыя они, если бы это было въ ихъ власти, никогда бы не согласились, но противъ которыхъ они безсильны бороться». (l. c. p. XX. n. 82 и XXIII. n. 96).

[181]) Населеніе Ирландіи: въ 1801 г. 5.319.867 человѣкъ, въ 1811 г.: 6.084.996 1821 г.: 6.869.544, въ 1831 г.: 7.828.347, въ 1841 г.: 8.222.664 чел.

Уменьшеніе населенія, разумѣется, сопровождалось, въ общемъ, уменьшеніемъ массы продуктовъ. Для нашей цѣли достаточно разсмотрѣть 5 лѣтъ отъ 1861—1865, въ продолженіе которыхъ эмигрировало болѣе $^1/_2$ милліона и абсолютное число населенія уменьшилось болѣе, чѣмъ на $^1/_3$ милліона. (См. табл. A).

ТАБЛИЦА A.

Количество головъ скота.

ГОДЫ.	Лошадей.		Рогатаго скота.		
	Общее число.	Уменьшеніе.	Общее число.	Уменьшеніе.	Увеличеніе.
1860	519.811	—	3.606.374	138.316	—
1861	614.232	5.993	3.471.688	216.798	—
1862	602.894	11.338	3.254.890	110.695	—
1863	579.978	22.916	3.144.231	—	—
1864	562.158	17.820	3.262.294	—	118.063
1865	547.867	14.291	3.493.414	—	231.120

ГОДЫ.	Овецъ.			Свиней.		
	Общее число.	Уменьшеніе.	Увеличеніе.	Общее число.	Уменьшеніе.	Увеличеніе.
1860	3.542.080	—	—	1.271.072	—	—
1861	3.556.050	—	13.970	1.102.042	169.030	—
1862	3.456.132	99.918	—	1.154.324	—	52.282
1863	3.308.204	147.982	—	1.067.458	86.866	—
1864	3.366.941	—	58.737	1.058.480	8.978	—
1865	3.688.742	—	321.801	1.299.893	—	241.413

Изъ предыдущей таблицы мы видимъ, что число:

Лошадей.	Рогатаго скота.	Овецъ.	Свиней.
Абсолютно уменьшилось на 72.359	Абсолютно уменьшилось на 116.626	Абсолютно увеличилось на 146.608	Абсолютно увеличилось на 28.819 [182]).

[182]) Этотъ результатъ былъ бы еще менѣе благопріятенъ, если бы мы пошли еще дальше назадъ. Такъ овецъ въ 1865 г. было 3.688.742, а въ 1856 г.—3.694.294, свиней въ 1865 г.—1.299.893, а въ 1858 г.—1.409.883.

Обратимся теперь къ земледѣлію, доставляющему пищу для людей и для скота. Въ слѣдующей таблицѣ вычислено увеличеніе и уменьшеніе для каждаго отдѣльнаго года въ сравненіи съ непосредственно предшествующимъ ему годомъ. Къ хлѣбамъ (Kornfrucht) относится пшеница, овесъ, ячмень, рожь, бобы и горохъ, къ категоріи корнеплодовъ и зелени (Grünfrucht)—картофель, турнепсъ, свекла, капуста, морковь, пастернакъ и т. п.

ТАБЛИЦА В.

Увеличеніе или уменьшеніе площади запашекъ и луговъ (или пастбищъ) въ акрахъ.

ГОДЫ.	Хлѣба.		Корнеплоды и зелень.		Луга и клеверъ.		Лепъ.		Общее количество земли, служащее для земледѣлія и для пастбищъ.	
	Уменьшеніе.		Уменьшеніе.	Увеличеніе.	Уменьшеніе.	Увеличеніе.	Уменьшеніе.	Увеличеніе.	Уменьшеніе.	Увеличеніе.
	Акры.		Акры.	Акры.	Акры.	Акры.	Акры.	Акры.	Акры.	Акры.
1861	15.701		36.974	—	47.909	—	—	19.271	811.873	—
1862	72.734		74.785	—	—	6.623	—	2.055	138.841	—
1863	144.719		19.358	—	—	7.724	—	63.922	92.431	—
1864	122.437		2.317	—	—	47.486	—	87.761	—	10.493
1865	72.450		—	25.241	—	68.970	50.159	—	28.218	—
1861—1865	428.041		107.984	—	—	82.834	—	122.850	330.860	—

Въ 1865 г. подъ рубрикой «луга» прибавилось 127.470 акровъ, главнымъ образомъ, потому, что площадь подъ рубрикой «невоздѣланныя земли и болота» уменьшилась на 101.543 акра. Если мы сравнимъ 1865 г. съ 1864 г., то найдемъ уменьшеніе площади хлѣбовъ на 246.667 квартеровъ; изъ нихъ 44.999 квартеровъ пшеницы, 166.605 квартеровъ овса, 29.892—ячменя и т. д.; уменьшеніе количества картофеля на 446.398 тоннъ, хотя площадь подъ нимъ увеличилась въ 1865 г. и т. д. (См. табл. С).

Отъ движенія населенія и земледѣльческаго производства въ Ирландіи мы перейдемъ къ движенію въ кошелькахъ ея лэндлордовъ, крупныхъ фермеровъ и промышленныхъ капиталистовъ. Оно отражается въ увеличеніи и уменьшеніи подоходнаго налога. Для лучшаго пониманія слѣдующей таблицы D надо замѣтить, что къ рубрикѣ D (прибыль за исключеніемъ прибыли фермеровъ) отнесена также и «профессіональная» прибыль, т. е. доходы адвокатовъ, врачей и т. д., а въ рубрикахъ С и Е, не перечисленныхъ здѣсь отдѣльно, заключаются доходы чиновниковъ, офицеровъ, лицъ, получающихъ отъ государства синекуры, владѣльцевъ государственныхъ бумагъ и т. д.

ТАБЛИЦА С.

Увеличеніе или уменьшеніе площади воздѣлываемыхъ земель, количества продукта на каждый акръ и всей суммы продуктовъ въ 1865 г. по сравненію съ 1864 г.

Названіе продукта.	Количество акровъ воздѣланной земли.		Увеличеніе или уменьшеніе въ 1865.		Количество продукта на акръ.		Увеличеніе и уменьшеніе на акръ въ 1865.		Общее количество продукта.			
	1864 г.	1865 г.	+	—	1864 г.	1865 г.			1864 г.	1865 г.	Увеличеніе въ 1865 г.	Уменьшеніе въ 1865 г.
Пшеница....	276.483	266.989	—	9.494	Пшеница Цит.	13,3	13,0	—	0,3	875.782 кв.	826.783	—	48.999 кв.
Овесъ.....	1.814.886	1.745.228	—	69.658	Овесъ »	12,1	12,3	0,2	—	7.826.332 »	7.659.727	—	166.605 »
Ячмень.....	172.700	177.102	4.402	—	Ячмень »	15,9	14,9	—	1,0	761.909 »	732.017	—	29.892 »
Бобы (ячмень)..	8.894	10.091	1.197	—	Всего »	16,4	14,8	—	1,6	15.160 »	13.989	—	1.171 »
Рожь.....					Рожь »	8,5	10,4	1,9	—	12.680 »	18.364	5.684 кв.	—
Картофель...	1.039.724	1.066.260	26.536	—	Картофель тон.	4,1	3,6	—	0,5	4.312.388 т.	3.865.990	—	446.398 т.
Турнепсъ....	337.355	334.212	—	3.143	Турнепсъ »	10,3	9,9	—	0,4	3.467.659 »	3.301.683	—	165.976 »
Свекла.....	14.073	14.839	316	—	Свекла »	10,5	13,3	2,8	—	147.284 »	191.937	44.653 т.	—
Капуста.....	31.821	33.622	1.801	—	Капуста »	9,3	10,4	1,1	—	297.375 »	350.252	52.877 »	—
Ленъ.....	301.693	251.433	—	50.260	Ленъ (stones, всѣсомъ въ 14 ф.)	34,2	25,2	—	9,0	64.506 »	39.561	—	24.945 т.
Сѣно.....	1.609.569	1.678.493	68.924	—	Сѣно тонн...	1,6	1,8	0,2	—	2.607.707 »	3.068.707	461.554 »	— [133])

[133]) Данныя въ текстѣ заимствованы изъ «Agricultural Statistics, Ireland. General Abstracts, Dublin» за 1860 и слѣдующіе гг. и изъ «Agricultural Statistics. Ireland. Tables showing the Estimated Average Produce etc. Dublin» 1866». Извѣстно, что это оффиціальная статистика, которая ежегодно представляется въ парламентъ.

Прибавленіе ко 2-му нѣм. Оффиціальная статистика показываетъ для 1872 г., по сравненію съ 1871 г., уменьшеніе площади воздѣлываемыхъ земель на 134.915 акровъ. «Увеличилась культура корнеплодовъ—турнепса, свеклы и т. п., уменьшилась площадь подъ культурой пшеницы на 16.000 акровъ, овса—на 14.000 акровъ, ячменя и ржи—на 4.000 акровъ, картофеля—на 66.632 акра, льна—на 34.667 акровъ и на 30.000 акровъ меньше—подъ лугами, клеверомъ, викой, рѣпянымъ сѣменемъ. Земля, занятая подъ культурой пшеницы постепенно уменьшалась слѣдующимъ образомъ: въ 1868 г.—на 285.000 акровъ; въ 1869—на 280.000 акровъ; въ 1870—на 259.000 акровъ; въ 1871—на 244.000 акровъ; въ 1872—на 228.000 акровъ. Для 1872 г. мы находимъ круглымъ счетомъ увеличеніе на 2.600 лошадей, 80.000 головъ рогатаго скота, 68.609 овецъ и уменьшеніе числа свиней на 236.000.

ТАБЛИЦА D.

Доходы, подлежащіе подоходному налогу, выраженные въ ф. ст.

	1860 г.	1861 г.	1862 г.	1863 г.	1864 г.	1865 г.
Рубрика A. Поземельная рента.	13.893.829	13.003.554	13.398.938	13.494.091	13.470.700	13.801.616
Рубрика B. Прибыль фермеровъ	2.765.387	2.773.644	2.937.899	2.938.823	2.930.874	2.946.072
Рубрика D. Промышленная прибыль и т. д.	4.891.652	4.836.203	4.858.800	4.846.497	4.546.147	4.850.199
Сумма всѣхъ рубрикъ отъ A до E вмѣстѣ	22.962.885	22.998.394	23.597.574	23.658.631	23.236.298	23.930.340[184])

Подъ рубрикой D среднее увеличеніе доходовъ за время отъ 1853—1864 составляло только 0,93, между тѣмъ какъ въ Великобританіи въ тотъ же періодъ времени это увеличеніе составляло 4,58. Слѣдующая таблица показываетъ распредѣленіе прибылей (за исключеніемъ прибыли фермеровъ) въ 1864 и 1865 гг.

ТАБЛИЦА E.

Рубрика D. Доходы, состоящіе изъ разнаго рода прибылей (выше 60 ф. ст.) въ Ирландіи.

	1864 г.		1865 г.	
	Ф. ст.	Распред. между	Ф. ст.	Распред. между
Общій ежегодный доходъ въ ф. ст.	4.386.610	17.467 чел.	4.669.979	18.081 чел.
Ежегодный доходъ выше 60 и ниже 100 ф. ст.	238.626	5.015 »	222.575	4.703 »
Изъ общаго годового дохода:	1.979.066	11.321 »	2.028.471	12.184 »
Остатокъ общаго годового дохода въ.	2.150.818	1.131 »	2.418.933	1.194 »
	1.083.906	910 »	1.097.937	1.044 »
	1.066.912	121 »	1.320.996	186 »
Изъ нихъ.	430.535	105 »	584.458	122 »
	646.377	26 »	736.448	28 »
	262.610	3 »	274.528	3 »[185])

Англія, страна развитого капиталистическаго производства и преимущественно промышленная страна, истекла бы кровью отъ такого кровопусканія, которому подверглась Ирландія. Но Ирландія въ настоящее время составляетъ только земледѣльческій округъ Англіи, отдѣленный отъ нея широкимъ каналомъ, округъ, который доставляетъ ей хлѣбъ, шерсть, скотъ, промышленныхъ и военныхъ рекрутовъ.

Вслѣдствіе опустѣнія многія земли остаются безъ обработки, количество

[184]) Tenth Report of the Commissioners of Inland Revenue. Lond. 1866.

[185]) Общій ежегодный доходъ подъ рубрикой D не совпадаетъ здѣсь съ доходомъ, показаннымъ въ предыдущей таблицѣ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ закономъ дозволенныхъ вычетовъ.

земледѣльческихъ продуктовъ значительно уменьшилось [186]) и, несмотря на увеличеніе площади, занятой подъ скотоводствомъ, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ его произошло абсолютное уменьшеніе, въ другихъ же весьма незначительный прогрессъ, прерываемый постоянными отступленіями назадъ. Тѣмъ не менѣе съ уменьшеніемъ массы населенія поземельная рента и доходы фермеровъ постоянно увеличивались, послѣдніе, впрочемъ, не такъ постоянно, какъ первая. Причина этого понятна. Съ одной стороны, съ концентраціей мелкихъ фермъ въ болѣе крупныя и съ превращеніемъ пахатной земли въ пастбища все большая и большая часть общаго продукта превращается въ прибавочный продуктъ. Количество прибавочнаго продукта увеличилось, хотя совокупный продуктъ, долю котораго онъ составляетъ, уменьшился. Съ другой стороны, денежная цѣнность этого прибавочнаго продукта поднялась еще быстрѣе, чѣмъ его масса, вслѣдствіе повышенія англійскихъ рыночныхъ цѣнъ на мясо, шерсть и т. д. за послѣднія 20 лѣтъ и, въ особенности, за послѣднія 10 лѣтъ.

Разрозненныя средства производства, служащія самому производителю средствами занятія и существованія, но не создающія прибавочной цѣнности посредствомъ подчиненія чужого труда, точно такъ же не составляютъ капитала, какъ продуктъ, потребляемый самимъ производителемъ, не составляетъ товара. Если даже масса средствъ производства, примѣняемыхъ въ земледѣліи, и уменьшилась вмѣстѣ съ уменьшеніемъ населенія, все-таки количество вложеннаго въ земледѣліе капитала увеличилось, такъ какъ часть разрозненныхъ прежде средствъ производства превратилась въ капиталъ.

Весь вложенный внѣ земледѣлія, въ промышленность и торговлю, капиталъ Ирландіи накоплялся въ послѣднія двадцать лѣтъ медленно и съ постоянными колебаніями. Тѣмъ быстрѣе зато развивалась концентрація его индивидуальныхъ составныхъ частей. Наконецъ, какъ ни ничтожно было абсолютное возрастаніе капитала, но относительно, т. е. въ сравненіи съ падающимъ населеніемъ, онъ значительно увеличился.

Здѣсь, слѣдовательно, предъ нами развертывается въ широкихъ размѣрахъ процессъ, лучше котораго ортодоксальная политическая экономія не могла бы ничего пожелать для подтвержденія своего догмата, что бѣдность происходитъ отъ абсолютнаго перенаселенія, и что равновѣсіе возстановляется уменьшеніемъ населенія. Это экспериментъ, гораздо болѣе внушительный, чѣмъ столь прославленная мальтузіанцами чума въ половинѣ четырнадцатаго столѣтія. Замѣтимъ кстати, что если само по себѣ было шульмейстерски-наивно прилагать къ условіямъ производства и соотвѣтствующимъ имъ условіямъ населенія XIX-го вѣка масштабъ XIV-го столѣтія, то экономисты, въ своей наивности, кромѣ того упустили еще изъ виду то обстоятельство, что если по сю сторону канала, въ Англіи, чума и сопровождавшая ее гибель населенія и вызвали освобожде-

[186]) Не надо забывать, что если даже количество продукта на акръ относительно и уменьшается, то въ теченіе $1^1/_2$ вѣковъ косвеннымъ образомъ Англія вывозила почву Ирландіи, нисколько не заботясь о томъ, чтобы доставить земледѣльцамъ средства возмѣщенія составныхъ ея частей.

ніе и обогащеніе сельскаго населенія, то зато по ту сторону канала, во Франціи, чума вызвала еще большее порабощеніе и еще болѣе рѣзкую нищету народа [186a]).

Голодъ 1846 г. уничтожилъ въ Ирландіи болѣе милліона людей, но все это были бѣдняки. Богатству страны онъ не причинилъ ни малѣйшаго ущерба. Послѣдовавшее за этимъ выселеніе, продолжающееся уже въ теченіе 20 лѣтъ и все возрастающее, не уничтожило, подобно тридцатилѣтней войнѣ, вмѣстѣ съ людьми ихъ средствъ производства. Ирландскій геній придумалъ совершенно новый способъ перенести бѣдное населеніе точно волшебствомъ за тысячи миль отъ мѣста его нищеты. Эмигранты, переселившіеся въ Соединенные Штаты, ежегодно присылаютъ домой деньги для переселенія оставшихся на родинѣ. Каждая партія, переселившаяся въ этомъ году, тянетъ за собою въ слѣдующемъ году другую партію. Эмиграція не только ничего не стоитъ Ирландіи, но составляетъ еще одну изъ самыхъ доходныхъ статей ея экспортной торговли. Она представляетъ, наконецъ, изъ себя систематическій процессъ, причиняющій не только случайную убыль въ массѣ населенія, но, наоборотъ, отнимающій отъ него ежегодно больше людей, чѣмъ возстановляется ежегоднымъ приростомъ, такъ что абсолютный уровень населенія съ каждымъ годомъ понижается [186b]).

Каковы же были послѣдствія освобожденія отъ бремени перенаселенія для оставшихся ирландскихъ рабочихъ? А вотъ каковы: относительное перенаселеніе въ настоящее время такъ же велико, какъ и до 1846 г., заработная плата такъ же низка, трудъ же сталъ болѣе изнурительнымъ, и нищета сельскихъ округовъ угрожаетъ новымъ кризисомъ. Причины этого очень просты. Переворотъ въ земледѣліи шелъ рука объ руку съ эмиграціей. Созданіе относительнаго перенаселенія шло быстрѣе абсолютнаго уменьшенія населенія. Бѣглый взглядъ на таблицу С. показываетъ, насколько превращеніе пахатныхъ земель въ пастбища представляло въ Ирландіи болѣе острый процессъ сравнительно съ Англіей. Въ послѣдней вмѣстѣ съ скотоводствомъ увеличивается производство кормовыхъ травъ, въ первой оно уменьшается. Между тѣмъ какъ масса прежде воздѣлывавшихся земель остаются невоздѣланными или превращаются въ постоянные луга, большая часть прежде не бывшихъ въ употребленіи пустырей и торфяныхъ болотъ служатъ для расширенія скотоводства. Мелкіе и средніе фермеры—къ нимъ я причисляю всѣхъ, обрабатывающихъ не больше 100 акровъ—все еще составляютъ около $^4/_5$ общаго числа [186c]). Они теперь гораздо больше чѣмъ прежде и въ возрастающемъ размѣрѣ терпятъ отъ конкурренціи капиталистическаго земледѣлія и доставляютъ, поэтому, классу наемныхъ рабочихъ все новыхъ и новыхъ кандидатовъ. Единственная крупная промыш-

[186a]) Такъ какъ Ирландія славится обѣтованной землей «принципа народонаселенія», то Th. Sadler, прежде чѣмъ опубликовать свой трудъ о народонаселеніи, издалъ свою знаменитую книгу: Ireland, its Evils and their Remedies, 2 e ed. London, 1829, въ которой онъ сравнительной статистикой различныхъ провинцій и различныхъ графствъ въ каждой провинціи, доказываетъ, что нищета тамъ не прямо, какъ думаетъ Мальтусъ, а обратно пропорціональна ихъ населенности.

[186b]) За время отъ 1851 г. до 1874 общее число эмигрантовъ составило 2.325.922.

[186c]) Примѣч. ко 2-му изд. По таблицѣ въ книгѣ Murphy: «Ireland, Industrial, Political, and Social, 1870», 94.6% всѣхъ земель состоятъ изъ фермъ размѣромъ не больше 100 акровъ, а 5,4%—изъ фермъ больше чѣмъ 100 акровъ.

ленность Ирландіи, производство полотна, занимаетъ сравнительно мало взрослыхъ мужчинъ и вообще, несмотря на свое расширеніе, со времени изхорошанія хлопка въ 1861—1866 гг., даетъ заработокъ лишь сравнительно небольшой части населенія. Подобно всякой другой крупной промышленности, она производитъ постоянными колебаніями въ своей собственной сферѣ относительное перенаселеніе, даже при абсолютномъ увеличеніи поглощаемой ею человѣческой массы. Нищета сельскаго населенія служитъ неисчерпаемымъ для колоссальныхъ предпріятій по изготовленію бѣлья и т. д., рабочая армія которыхъ по большей части разсѣяна по всей странѣ. Здѣсь мы опять встрѣчаемъ уже описанную нами прежде систему домашняго производства, въ которомъ низкая плата и чрезмѣрный трудъ служатъ средствами созданія «излишнихъ» рабочихъ. Наконецъ, хотя уменьшеніе населенія и не имѣетъ здѣсь такихъ разрушительныхъ послѣдствій, какъ въ странѣ съ развитымъ капиталистическимъ производствомъ, тѣмъ не менѣе и здѣсь оно постоянно оказываетъ въ свою очередь вліяніе на внутренній рынокъ. Пустота, которую создаетъ эмиграція, не только уменьшаетъ мѣстный спросъ на трудъ, но еще уменьшаетъ доходы мелкихъ торговцевъ, ремесленниковъ и мелкихъ промышленниковъ вообще. Этимъ и объясняется уменьшеніе доходовъ между 60 и 100 ф. ст., показанное въ таблицѣ Е.

Ясное до прозрачности изображеніе положенія сельскихъ наемныхъ рабочихъ въ Ирландіи мы находимъ въ отчетахъ инспекторовъ ирландскихъ попечительствъ о бѣдныхъ (1870) [186d]). Въ качествѣ чиновниковъ правительства, которое держится лишь помощью штыковъ и явнаго или тайнаго осаднаго положенія, они принуждены соблюдать такую сдержанность въ выраженіяхъ, которой не знаютъ ихъ англійскіе коллеги. И тѣмъ не менѣе они не даютъ своему правительству убаюкивать себя плюніями. По ихъ словамъ, уровень заработной платы въ сельскихъ округахъ, и до сихъ поръ еще чрезвычайно низкій, повысился, однако, въ послѣдніе 20 лѣтъ на 50—60% и составляетъ теперь въ среднемъ отъ 6—9 шилл. въ недѣлю. Но за этимъ кажущимся повышеніемъ заработной платы скрывается дѣйствительное ея пониженіе, такъ какъ повышеніе это даже не покрываетъ происшедшаго за это время подъема цѣнъ на необходимыя средства существованія. Доказательство—нижеслѣдующее извлеченіе изъ оффиціальнаго отчета одного ирландскаго рабочаго дома.

Средній недѣльный расходъ на содержаніе одного человѣка.

Годы.	Пища.	Одежда.	Всего.
29 сент. 1848 до 29 сент. 1849 г.	1 шилл. 3¼ пенс.	0 шилл. 3 пенса	1 шилл. 6 ¼ пенс.
29 сент. 1868 до 29 сент. 1869 г.	2 » 7¼ »	0 » 6 »	3 » 1 ¼ »

Цѣна необходимыхъ съѣстныхъ припасовъ увеличилась такимъ образомъ почти вдвое, цѣна же одежды ровно вдвое по сравненію съ тѣми цѣнами, которыя были 20 лѣтъ тому назадъ.

Но даже независимо отъ этого несоотвѣтствія, одно сравненіе выраженной

[186d]) Reports from the Poor Law Inspectors on the wages of Agricultural Labourers in Dublin, 1870.—Ср. также Agricultural Labourers (Ireland) Return etc. dated 8 March 1861. London 1862.

въ деньгахъ заработной платы далеко еще не даетъ вѣрныхъ выводовъ. До голода большая часть заработной платы въ сельскихъ округахъ уплачивалась натурой и лишь незначительная часть—деньгами. Въ настоящее же время денежная плата составляетъ общее правило. Уже изъ одного этого слѣдуетъ, что, каково бы ни было движеніе реальной заработной платы, ея денежное выраженіе во всякомъ случаѣ должно было повыситься. «До голода земледѣльческій наемный рабочій имѣлъ клочокъ земли, на которомъ онъ разводилъ картофель, держалъ свиней и домашнюю птицу. Въ настоящее время онъ не только принужденъ покупать всѣ свои съѣстные припасы, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ лишился дохода отъ продажи свиней, домашней птицы и яицъ». [187]) Въ самомъ дѣлѣ, прежде сельскіе рабочіе сливались съ мелкими фермерами и, по большей части, составляли только арьергардъ среднихъ и крупныхъ фермъ, гдѣ они находили занятіе. Лишь со времени катастрофы 1846 г. они начали составлять часть настоящаго класса наемныхъ рабочихъ, отдѣльное сословіе, связанное со своими хозяевами только денежными отношеніями.

Мы уже знаемъ, каково было состояніе ихъ жилищъ въ 1846 г. Съ этого времени оно еще ухудшилось. Часть сельскихъ наемныхъ рабочихъ, уменьшающаяся, впрочемъ, со дня на день, живетъ еще на земляхъ фермеровъ въ переполненныхъ хижинахъ, скверное состояніе которыхъ превосходитъ все самое скверное, что представляютъ въ этомъ отношеніи описанные выше англійскіе сельскіе округа. Таково положеніе вездѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ округовъ Ulster'а; на югѣ—въ графствахъ Cork, Limerick, Kilkenny и т. д.; на востокѣ—въ Wicklow, Wexford и т. д.; въ центрѣ—въ King's и Queen's County, Дублинѣ и т. д.; на сѣверѣ—въ Down, Antrime, Tyrone и т. д.; на западѣ—въ Sligo, Roscommon, Mayo, Galway и т. д. Это позоръ для религіи и цивилизаціи нашей страны» [187a]),—говоритъ одинъ изъ фабричныхъ инспекторовъ. Чтобы сдѣлать болѣе сносною жизнь наемныхъ сельскихъ рабочихъ въ ихъ берлогахъ, у нихъ систематически отнимаютъ подъ жилища тѣ клочки, которые съ незапамятныхъ временъ принадлежали къ этимъ жилищамъ. «Сознаніе отверженности, въ которой они находятся по милости лэндлордовъ и ихъ управляющихъ, вызвало у наемныхъ сельскихъ рабочихъ соотвѣтствующее чувство антагонизма и ненависти по отношенію къ людямъ, обращающимся съ ними какъ съ безправной расой» [187b]).

Первый актъ переворота въ земледѣліи состоялъ въ грандіозномъ и какъ бы по данному свыше наказу происшедшемъ уничтоженіи жилищъ рабочихъ, расположенныхъ на полѣ приложенія ихъ труда. Многіе рабочіе принуждены были искать убѣжища въ селахъ и городахъ. Тамъ ихъ, какъ всякій хламъ, помѣщали въ городскихъ чердакахъ, конурахъ, подвалахъ и въ разныхъ вертепахъ самыхъ скверныхъ кварталовъ. Тысячи ирландскихъ семействъ, которые, даже по свидѣтельству самихъ англичанъ, пропитанныхъ національными пристрастіями, отличались своей рѣдкой привязанностью къ домашнему очагу, своей

[187]) l. c. p. 29, 1.
[187a]) l. c. p. 12.
[187b]) l. c. p. 25.

беззаботною веселостью и чистотой семейныхъ нравовъ, вдругъ очутились въ разсадникахъ порока. Мужчины должны теперь искать работу у сосѣднихъ фермеровъ, гдѣ ихъ нанимаютъ поденно, т. е. на самыхъ тяжелыхъ и невѣрныхъ условіяхъ; при этомъ «имъ приходится теперь проходить большія разстоянія до фермы и обратно, часто мокнуть до костей и подвергаться другимъ вреднымъ вліяніямъ, что вызываетъ упадокъ силъ, болѣзни и лишенія» [187b].

«Городамъ приходилось изъ года въ годъ принимать тѣхъ рабочихъ, которые оказывались излишними въ сельскихъ округахъ» [187c], и послѣ этого еще удивляются, «что въ городахъ и селахъ оказывается излишекъ рабочихъ, а въ сельскихъ округахъ ощущается недостатокъ въ нихъ!» [187d]. На самомъ дѣлѣ недостатокъ этотъ ощущается лишь «во время неотложныхъ земледѣльческихъ работъ, весной и осенью, между тѣмъ какъ въ остальное время года многія рабочія руки остаются незанятыми» [187e]; «послѣ жатвы, съ октября до весны, для нихъ нѣтъ почти никакой работы» [187f], и даже во время рабочаго сезона они «часто теряютъ цѣлые дни и подвергаются всевозможнымъ перерывамъ въ работѣ» [187g].

Эти результаты переворота въ земледѣліи, т. е. превращенія пахатныхъ земель въ пастбища, примѣненія машинъ, строгой экономіи въ трудѣ и т. д.— еще обостряются образцовыми лэндлордами, тѣми, которые, вмѣсто того, чтобы проживать свои ренты за границей, спасходятъ до того, что приживаютъ ихъ въ своихъ владѣніяхъ. Чтобы не нарушать вовсе закона спроса и предложенія, эти господа извлекаютъ «теперь почти весь необходимый имъ трудъ изъ своихъ мелкихъ фермеровъ, которые, такимъ образомъ, принуждены потѣть на своихъ лэндлордовъ за болѣе низкую въ общемъ плату, чѣмъ обыкновенные поденщики, не говоря уже о неудобствахъ и потеряхъ, происходящихъ отъ того, что въ горячее время посѣва или жатвы они должны пренебрегать своими собственными полями [187h].

Необезпеченность и непостоянство запатій, часто повторяющіяся и долго продолжающіяся остановки въ трудѣ, всѣ эти симптомы относительнаго перенаселенія фигурируютъ такимъ образомъ въ отчетахъ инспекторовъ попечительствъ о бѣдныхъ, въ качествѣ тяготъ ирландскаго земледѣльческаго пролетаріата. Читатель вспомнитъ, что мы уже встрѣтили подобныя явленія среди англійскаго сельскаго пролетаріата. Но разница въ томъ, что въ Англіи, промышленной странѣ, промышленная резервная армія набирается въ сельскихъ округахъ, между тѣмъ какъ въ Ирландіи, странѣ земледѣльческой, земледѣльческая резервная армія набирается въ городахъ, убѣжищѣ изгнанныхъ сельскихъ рабочихъ. Въ Англіи излишніе въ земледѣліи люди иногда превращаются

[187] b) l. c. p. 25.
[187c] l. c. p. 27.
[187d] p. 1.
[187e] p. 1.
[187f] p. 32.
[187g] p. 25.
[187h] p. 30.

въ фабричныхъ рабочихъ, здѣсь же прогнанные изъ деревни въ городъ сельскіе рабочіе остаются всетаки земледѣльческими рабочими, оказываютъ давленіе на городскую заработную плату и постоянно отсылаются обратно въ сельскіе округа для пріисканія работы.

Оффиціальные составители отчетовъ слѣдующимъ образомъ резюмируютъ матеріальное положеніе земледѣльческихъ рабочихъ: «Хотя они живутъ въ высшей степени скромно, всетаки ихъ платы едва хватаетъ для пріобрѣтенія пищи и жилища для нихъ самихъ и для ихъ семействъ; на одежду же требуются добавочные доходы... Атмосфера ихъ жилищъ, въ связи съ другими лишеньями, подвергаетъ этотъ классъ особенно часто заболѣваніямъ тифомъ и чахоткой» [187i]. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что, по единогласному свидѣтельству составителей отчетовъ, въ рядахъ этого класса царитъ мрачное недовольство, что они призываютъ назадъ прошлое, ненавидятъ настоящее и отчаиваются въ будущемъ, «поддаются пагубнымъ вліяніямъ демагоговъ» и лелѣютъ лишь одну мечту—переселиться въ Америку. Вотъ, въ какую страну млечныхъ рѣкъ и кисельныхъ береговъ, превращается зеленый Эринъ—благодаря уменьшенію населенія, этому универсальному мальтузіанскому средству!

Слѣдующій примѣръ ясно показываетъ, въ какомъ довольствѣ живутъ ирландскіе мануфактурные рабочіе:

«Во время моего послѣдняго посѣщенія сѣвера Ирландіи,—говоритъ англійскій фабричный инспекторъ Robert Baker,—меня поразили усилія одного искуснаго ирландскаго рабочаго изъ своихъ скудныхъ средствъ дать образованіе своимъ дѣтямъ. Я передаю его показанія дословно, какъ я ихъ слышалъ отъ него самого. Что онъ дѣйствительно искусный рабочій — видно изъ того, что его употребляли на работы по изготовленію товаровъ для манчестерскаго рынка.

Johnson: Я beetler по профессіи и работаю отъ 6 часовъ утра до 11 часовъ ночи съ понедѣльника до пятницы; по субботамъ мы кончаемъ въ 6 часовъ вечера и имѣемъ 3 часа на обѣдъ и отдыхъ. У меня пятеро дѣтей. За эту работу я получаю 10 шилл. 6 пенсовъ въ недѣлю. Старшая дѣвочка, 12 лѣтъ, смотритъ за домомъ. Она наша кухарка и наша единственная помощница. Она готовитъ младшихъ дѣтей въ школу. Моя жена встаетъ въ одно время со мной, и мы вмѣстѣ уходимъ. Одна дѣвушка, которая обыкновенно проходитъ мимо нашего дома, будитъ меня въ половинѣ шестого утра. Мы ничего не ѣдимъ, уходя на работу. Двѣнадцатилѣтняя дочь смотритъ за младшими въ теченіе дня. Мы ѣдимъ утромъ въ 8 часовъ, для чего отправляемся домой. Чай у насъ бываетъ одинъ разъ въ недѣлю, обыкновенно же у насъ бываетъ каша (stirabout) иногда изъ овсяной муки, иногда изъ маисовой, смотря по тому, что возможно достать. Зимою мы прибавляемъ немного сахару и воды къ нашей маисовой мукѣ; лѣтомъ мы собираемъ немного картофелю, который мы даже садимъ на клочкѣ земли, а когда картофель кончается, мы опять переходимъ къ кашѣ. И такъ изо-дня-въ день, по воскресеньямъ и по будднмъ, круглый годъ. Я обыкновенно очень устаю вечеромъ послѣ дневного труда. Кусочекъ мяса появляется на нашемъ столѣ очень рѣдко—въ исключи-

[187i] p. 21, 13.

тельныхъ случаяхъ. Трое изъ нашихъ дѣтей посѣщаютъ школу, за что мы платимъ по одному пенсу въ недѣлю за каждаго. Наша квартирная плата составляетъ 9 пенсовъ въ недѣлю, торфъ для отопленія обходится по крайней мѣрѣ 1 шилл. 6 пенсовъ въ двѣ недѣли» [184]). Такова заработная плата ирландскаго рабочаго, такова его жизнь!

И въ самомъ дѣлѣ, нищета въ Ирландіи опять стала вопросомъ дня въ Англіи. Въ концѣ 1866 и въ началѣ 1867 г. одинъ изъ ирландскихъ земельныхъ магнатовъ, лордъ Dufferin принялся на страницахъ Times'a за рѣшеніе этого вопроса. «Какъ это человѣчно со стороны такого важнаго господина!»— какъ говоритъ Мефистофель *).

Изъ таблицы E мы видѣли, что въ 1864 году изъ общей прибыли въ 4.368.610 ф. ст. на долю только 3 капиталистовъ (Plusmacher) пришлось 262.610 ф. ст., а въ 1865 г. эти самые 3 виртуоза «воздержанія» изъ 4.669.979 ф. ст. общей прибыли заполучили 274.448 ф. ст.; въ 1864 г. 26 капиталистовъ получили 646,377 ф. ст.; въ 1865 г. 28 капиталистовъ— 736.448 ф. ст.; въ 1864 г. 121 капиталистъ 1.066.912 ф. ст.; въ 1865 г. 186 капиталистовъ — 1.320.996 ф. ст.; въ 1864 г. 1131 капиталистъ— 2.150.818 ф. ст., почти половину ежегодной общей прибыли; въ 1865 г. 1.194 капиталиста—2.418.933 ф. ст., болѣе половины ежегодной общей прибыли. Но львиная доля, которую поглощаетъ изъ ежегодной національной ренты ничтожное число земельныхъ магнатовъ въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи, такъ чудовищно велика, что англійская государственная мудрость находитъ нужнымъ не доставлять относительно распредѣленія земельной ренты того же самаго статистическаго матеріала, какой она даетъ относительно распредѣленія прибыли. Лордъ Dufferin—одинъ изъ этихъ земельныхъ магнатовъ. Предположеніе, что рента и прибыль когда-нибудь могутъ быть «чрезмѣрными», или что ихъ избытокъ стоитъ въ связи съ избыткомъ народной нищеты, это, конечно, столь же «непочтительное» («irrespectable»), какъ и «нездоровое» («unsound») представленіе. Онъ держится за факты. Факты же говорятъ, что по мѣрѣ уменьшенія ирландскаго населенія, ренты увеличиваются, что уменьшеніе населенія «выгодно» землевладѣльцу, выгодно, слѣдовательно, и почвѣ, а потому, и народу, который составляетъ лишь принадлежность почвы. Онъ заявляетъ, что Ирландія все еще перенаселена, и что потокъ эмиграціи течетъ все еще слишкомъ медленно. Чтобы быть вполнѣ счастливой, Ирландія должна освободиться еще по крайней мѣрѣ отъ $^1/_3$ милліона рабочихъ. Не надо, однако, думать, что этотъ вдобавокъ поэтическій лордъ—врачъ изъ школы Sangrado, который каждый разъ, когда онъ не замѣчалъ улуч-

[184]) «Reports of Insp. of Fact. for 31 st. Oct. 1867», 96. 97. «Such is Irish life und such are irish wages». Инспекторъ Baker по этому поводу дѣлаетъ такое замѣчаніе: «Само собой напрашивается сравненіе этого ловкаго-ремесленника, имѣющаго болѣзненный видъ, съ пудлерами южнаго Стаффордшира, цвѣтущими и мускулистыми,— заработная плата которыхъ равняется доходу многихъ gentlemen'овъ и ученыхъ и часто его превосходитъ, но которые несмотря на это, по своему духовному развитію и по своему поведенію, остаются на уровнѣ лицъ, просящихъ милостыню».

*) Марксъ не вполнѣ точно цитируетъ знаменитыя слова Гетевскаго Мефистофеля: «Es ist gar hübsch von einem grossen Herrn so menschlich mit dem Teufel selbst zu sprechen». Прим. П. С.

шенія у своего паціента, предписывалъ кровопусканіе, и снова кровопусканіе, пока, наконецъ, паціентъ вмѣстѣ со всей своей кровью, не терялъ также и своей болѣзни. Лордъ Dufferin требуетъ только новаго кровопусканія въ $^1/_3$ милліона людей, вмѣсто какихъ-нибудь 2 милліоновъ, кровопусканія, безъ котораго дѣйствительно невозможно установленіе земного рая на Эринѣ. Доказательство этому легко представить.

Число и размѣръ фермъ въ Ирландіи въ 1864 г.

1. Фермы размѣромъ не больше 1 акра.		2. Фермы размѣромъ больше 1 акра, но не больше 5 акр.		3. Фермы размѣромъ больше 5, но не больше 15 акр.		4. Фермы размѣромъ больше 15, но не больше 30 акр.	
Число фермъ.	Простр. въ акрахъ.	Число фермъ.	Простр. въ акрахъ.	Число фермъ.	Простр. въ акрахъ.	Число фермъ.	Простр. въ акрахъ.
48.653	25.394	82.037	288.916	176.368	1.836.310	136.578	3.051.343

5. Фермы размѣромъ больше 30, но не больше 50 акр.		6. Фермы размѣромъ свыше 50, но не свыше 100 акр.		7. Фермы размѣромъ свыше 100 акр.		8. Общая площадь.
Число фермъ.	Простр. въ акрахъ.	Число фермъ.	Простр. въ акрахъ.	Число фермъ.	Простр. въ акрахъ.	
71 961	2.906.274	54.217	3.983.880	31.927	8.227,807	20.319.924 акра [188a])

Централизація уничтожила отъ 1851 г. до 1861 г., главнымъ образомъ, фермы первыхъ трехъ категорій, ниже 1 и не свыше 15 акровъ. Онѣ должны исчезнуть прежде всего. Это составляетъ 307.058 «лишнихъ» фермеровъ, а считая семейство, по самому низкому расчету, среднимъ числомъ въ 4 человѣкъ—1.228,232 человѣка. При невѣроятномъ предположеніи, что $^1/_4$ изъ нихъ будутъ поглощены, т. е. найдутъ себѣ занятіе послѣ земледѣльческаго переворота, все-таки остается 921.174 человѣка, которые должны эмигрировать. Категоріи 4, 5, 6, свыше 15, но не свыше 100 акровъ, какъ это давно извѣстно въ Англіи, слишкомъ малы для капиталистическаго зернового хозяйства, для овцеводства же они составляютъ слишкомъ малыя величины. При прежнихъ предположеніяхъ должны, слѣдовательно, выселиться еще 788.761 человѣкъ, въ общемъ: 1.709.532. А такъ какъ l'appetit vient en mangeant, то крупные земледѣльцы скоро найдутъ, что Ирландія и съ $3^1/_2$ милліонами жителей слишкомъ еще нищая страна, и нищая вслѣдствіе перенаселенности, что уменьшеніе ея населенія должно, слѣдовательно, пойти еще дальше для того, чтобы она могла выполнить истинное свое назначеніе, т. е. стать выгономъ для англійскихъ овецъ и пастбищемъ для англійскаго рогатаго скота.

[188a]) Въ общую площадь включены также торфяныя болота и пустыри.

Этотъ прибыльный методъ имѣетъ, какъ и все хорошее [188b]) въ семъ мірѣ, и свою дурную сторону. Параллельно съ накопленіемъ поземельной ренты въ Ирландіи идетъ накопленіе ирландцевъ въ Америкѣ. Ирландецъ, вытѣсненный овцами и быками, появляется по ту сторону океана въ качествѣ фенія. И противъ старой владычицы морей возстаетъ все болѣе и болѣе грозно юная исполинская республика.

Acerba fata Romanos agunt
Scelusque fraternae necis.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Такъ называемое первоначальное накопленіе.

1) Тайна первоначальнаго накопленія.

Мы видѣли, какъ деньги превращаются въ капиталъ, какъ капиталъ производитъ прибавочную цѣнность и какъ послѣдняя превращается въ добавочный капиталъ. Но накопленіе капитала предполагаетъ прибавочную цѣнность, прибавочная цѣнность—капиталистическое производство, это же послѣднее—наличность большихъ массъ капитала и рабочей силы въ рукахъ товаропроизводителей. Все это движеніе какъ бы вертится въ заколдованномъ кругѣ, изъ

[188b]) Въ третьей книгѣ этого сочиненія, въ отдѣлѣ о поземельной собственности, я подробнѣе укажу, какъ отдѣльные землевладѣльцы и англійское законодательство старались эксплуатировать голодъ и сопровождавшія его обстоятельства, чтобы насильственно провести переворотъ въ земледѣліи и уменьшить населеніе Ирландіи до размѣровъ, выгодныхъ для лэндлордовъ. Тамъ же я вернусь еще къ положенію мелкихъ фермеровъ и сельскихъ рабочихъ. Здѣсь же я приведу только одну цитату. Nassau W. Senior говоритъ, между прочимъ, въ одномъ изъ своихъ посмертныхъ произведеній: «Journals, Conversations and Essays relating to Ireland 2 vols London, 1868», v. II, p. 283: «Dr. G. справедливо замѣчаетъ, что у насъ есть законъ о бѣдныхъ, который представляетъ великолѣпное средство доставить торжество лэндлордамъ; другимъ такимъ средствомъ является эмиграція. Ни одинъ другъ Ирландіи не пожелаетъ, чтобы борьба (между лэндлордами и мелкими кельтскими фермерами) затянулась, — еще менѣе, чтобы она окончилась побѣдой фермеровъ... Чѣмъ скорѣе она (эта борьба) кончится, чѣмъ скорѣе Ирландія превратится въ пастбища (grazing country) съ сравнительно незначительнымъ населеніемъ, которое требуется для пастбищъ, тѣмъ лучше для всѣхъ классовъ». Англійскіе хлѣбные законы 1815 г. обезпечивали Ирландіи монополію свободнаго ввоза хлѣба въ Великобританію. Они, такимъ образомъ, искусственно покровительствовали производству зерна. Эта монополія въ 1846 г., съ отмѣной хлѣбныхъ законовъ, была внезапно уничтожена. Независимо отъ всѣхъ другихъ обстоятельствъ, одно что событіе было достаточно для того, чтобы дать сильный толчокъ превращенію въ Ирландіи пахатныхъ земель въ пастбища, концентраціи фермъ и изгнанію мелкихъ крестьянъ. Послѣ того, какъ съ 1815—1846 г. постоянно превозносили плодородіе ирландской почвы, громко заявляли, что она самой природой предназначена только для культуры пшеницы, съ 1847 года англійскіе агрономы, экономисты, поли-

котораго мы можемъ выйти не иначе, какъ допустивъ существованіе какого то «первоначальнаго» накопленія («previous accumulation у Ад. Смита»), предшествовавшаго капиталистическому накопленію и являющагося не результатомъ капиталистическаго способа производства, а его исходной точкой.

Это первоначальное накопленіе играетъ въ политической экономіи приблизительно такую же роль, какъ грѣхопаденіе въ теологіи. Адамъ вкусилъ отъ яблока, и такимъ образомъ грѣхъ вошелъ въ родъ человѣческій. Происхожденіе этого накопленія объясняется анекдотомъ изъ временъ сѣдой старины. Въ давно прошедшія времена были, съ одной стороны, трудолюбивые, умные и прежде всего бережливые избранники, съ другой, лѣнивые бездѣльники, прожившіе все свое достояніе и даже того больше. Легенда теологическаго грѣхопаденія, разсказываетъ намъ, какъ человѣкъ былъ осужденъ въ потѣ лица своего ѣсть хлѣбъ свой, исторія экономическаго грѣхопаденія раскрываетъ намъ, откуда взялись люди, которые въ этомъ вовсе не нуждаются. Бережливые накопляли богатство, лѣнтяямъ же, наконецъ, нечего было продавать, кромѣ своей собственной шкуры. И съ этого-то грѣхопаденія и начинается бѣдность массъ, которымъ и теперь еще, несмотря на весь ихъ трудъ, нечего продавать, кромѣ себя самихъ, и богатство немногихъ, которое постоянно возрастаетъ, хотя они давно уже перестали работать. Подобныя дѣтскія сказки разсказываетъ съ серьезностью государственнаго человѣка, напр., Тьеръ нѣкогда столь остроумнымъ французамъ въ защиту propriété. Очевидно, какъ только подымается вопросъ о собственности, становится священной обязанностью придерживаться точки зрѣнія дѣтской азбуки, какъ единственной отвѣчающей всѣмъ возрастамъ и всѣмъ ступенямъ развитія точки зрѣнія [188c]). Въ дѣйствительной исторіи, какъ извѣстно, завоеванія, порабощеніе, грабежъ, однимъ словомъ, насиліе играютъ большую роль. Но въ кроткой политической экономіи всегда царствовала идиллія. Право и «трудъ» всегда были единственными средствами обогащенія, конечно, за единственнымъ исключеніемъ «текущаго года». На самомъ же дѣлѣ способы первоначальнаго накопленія представляютъ все, что угодно, только не идиллію.

Деньги и товаръ не суть съ самаго начала капиталъ, подобно тому, какъ не являются имъ средства производства и существованія. Они еще должны превратиться въ капиталъ. Но превращеніе это можетъ произойти только при извѣстныхъ условіяхъ, которыя сводятся къ слѣдующему. Двоякаго рода товаровладѣльцы, другъ отъ друга отличные, должны встрѣтиться и вступить въ соприкосновеніе, съ

тѣми вдругъ открыли, что почва эта пригодна только для разведенія кормовыхъ травъ! Господинъ Léonce de Lavergne поспѣшилъ повторить это по ту сторону канала. Только такой «серьезный» человѣкъ, какъ de Lavergne, могъ повѣрить подобнымъ дѣтскимъ сказкамъ.

[188c]) Гете, раздраженный этой чушью, высмѣиваетъ ее въ слѣдующемъ діалогѣ:

Школьный учитель: Скажи, откуда явилось состояніе твоего отца?

Ученикъ: Отъ дѣда.

Школьный учитель: А дѣду откуда оно досталось?

Ученикъ: Отъ прадѣда.

Школьный учитель: А прадѣду?

Ученикъ: Онъ его взялъ.

одной стороны, владѣльцы денегъ, средствъ производства и существованія, которые желаютъ покупкою чужой рабочей силы увеличить принадлежащую имъ сумму цѣнностей, съ другой стороны, свободные рабочіе, продавцы собственной рабочей силы и въ силу этого продавцы труда, рабочіе, свободные—въ двоякомъ смыслѣ: они сами не принадлежатъ непосредственно къ средствамъ производства, въ отличіе отъ рабовъ, крѣпостныхъ и т. д., и въ то же время имъ, въ отличіе отъ крестьянъ, ведущихъ самостоятельное хозяйство, и т. д., не принадлежатъ средства производства, т. е., они совершенно свободны отъ этихъ средствъ производства. Эта поляризація товарнаго рынка составляетъ основное условіе капиталистическаго производства. Отношеніе, именуемое капиталомъ, предполагаетъ отдѣленіе рабочаго отъ условій осуществленія труда. Разъ капиталистическое производство стоитъ прочно на собственныхъ ногахъ, оно не только сохраняетъ это отдѣленіе, но и воспроизводитъ его все въ большихъ и большихъ размѣрахъ. Процессъ, создающій отношеніе, именуемое капиталомъ, не можетъ, слѣдовательно, быть ничѣмъ инымъ, какъ процессомъ отдѣленія рабочаго отъ условій его труда, процессомъ, превращающимъ, съ одной стороны, общественныя средства существованія и производства въ капиталъ, съ другой стороны—непосредственныхъ производителей въ наемныхъ рабочихъ. Такъ называемое первоначальное накопленіе есть, слѣдовательно, не что иное, какъ историческій процессъ разъединенія производителя и средствъ производства. Онъ является «первоначальнымъ», такъ какъ составляетъ доисторическій періодъ существованія капитала и соотвѣтствующаго капиталу способа производства.

Экономическая структура капиталистическаго общества произошла изъ экономической структуры феодальнаго общества. Распаденіе послѣдняго освободило элементы перваго.

Непосредственный производитель, рабочій, только тогда могъ располагать своей собственной личностью, когда онъ пересталъ быть прикрѣпленнымъ къ землѣ—пересталъ принадлежать другому лицу въ качествѣ крѣпостного или зависимаго. Чтобы стать свободнымъ продавцомъ рабочей силы, могущимъ предлагать свой товаръ вездѣ, гдѣ на него есть спросъ, онъ долженъ былъ кромѣ того, сначала освободиться отъ господства цеховъ съ ихъ уставами объ ученикахъ и подмастерьяхъ и со всевозможными стѣснительными для труда предписаніями. Такимъ образомъ, историческое движеніе, превратившее производителей въ наемныхъ рабочихъ, является, съ одной стороны, освобожденіемъ ихъ отъ крѣпостной зависимости и отъ подчиненія цеху,—и только эта сторона и существуетъ для нашихъ буржуазныхъ историковъ. Но, съ другой стороны, эти вновь освобожденные только тогда начинаютъ продавать самихъ себя, когда у нихъ отнимаются всѣ средства производства и всѣ гарантіи существованія, предоставленныя имъ старыми феодальными учрежденіями. И исторія этой экспропріаціи записана огнемъ и кровью въ лѣтописяхъ человѣчества.

Промышленные капиталисты, эти новые властелины, должны были вытѣснить не только цеховыхъ мастеровъ, но и феодальныхъ дворянъ, обладавшихъ источниками богатства. Съ этой стороны ихъ подъемъ является результатомъ побѣдоносной борьбы противъ феодальнаго могущества съ его возмутительными

привилегіями и противъ цеховъ и тѣхъ путъ, которыми они сковывали свободное развитіе производства и свободную эксплуатацію человѣка человѣкомъ. Но рыцари промышленности вытѣснили рыцарей меча лишь потому, что они эксплуатировали событія, въ которыхъ они были неповинны. Они возвысились такими же низкими средствами, какими нѣкогда римскіе вольноотпущенники становились господами своихъ патроновъ.

Исходнымъ пунктомъ развитія, породившаго какъ капиталиста, такъ и наемнаго рабочаго, было рабство рабочаго. Прогрессъ состоялъ въ перемѣнѣ формы этого рабства, въ превращеніи феодальной эксплуатаціи въ капиталистическую. Чтобы понять ходъ этого развитія, намъ незачѣмъ итти очень далеко назадъ. Хотя первые зачатки капиталистическаго производства мы уже встрѣчаемъ спорадически въ XIV и XV столѣтіяхъ въ нѣкоторыхъ городахъ на берегахъ Средиземнаго моря, но капиталистическая эра начинается только въ XVI столѣтіи. Тамъ, гдѣ выступаетъ капиталистическое производство, уничтоженіе крѣпостного права представляетъ уже давно совершившійся фактъ, и суверенные города, самый блестящій продуктъ среднихъ вѣковъ, уже давно клонятся къ упадку.

Въ исторіи первоначальнаго накопленія эпоху составляютъ всѣ перевороты, которые содѣйствуютъ подъему образующагося класса капиталистовъ, но прежде всего рѣшающее значеніе имѣютъ тѣ моменты, когда большія массы людей, внезапно и насильственно оторванныхъ отъ своихъ средствъ существованія, выбрасываются какъ вольныя птицы — пролетаріи на рабочій рынокъ. Отнятіе земли у сельскаго производителя, крестьянина, составляетъ основаніе всего процесса. Исторія этой экспропріаціи принимаетъ въ различныхъ странахъ различную окраску и проходитъ черезъ различныя фазы въ различной послѣдовательности и въ различныя историческія эпохи. Только въ Англіи, которую мы, поэтому, и беремъ какъ примѣръ она получила свою классическую форму [189]).

2. Отнятіе земли у сельскаго населенія.

Въ Англіи крѣпостное право фактически исчезло во второй половинѣ XIV-го столѣтія. Огромное большинство населенія [190]) состояло тогда и еще болѣе въ

[189]) Въ Италіи, гдѣ капиталистическое производство развилось раньше, чѣмъ въ другихъ странахъ, крѣпостныя отношенія исчезли также раньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Крѣпостные были здѣсь освобождены раньше, чѣмъ они обезпечили себѣ право давности на землю, на которой они жили. Эмансипація превратила ихъ, слѣдовательно тотчасъ же въ свободныхъ какъ птицы пролетаріевъ, которые по большей части нашли новыхъ господъ въ городахъ, оставшихся еще со временъ Римлянъ. Когда, переворотъ, происшедшій на міровомъ рынкѣ въ концѣ XV-го столѣтія, уничтожилъ торговую гегемонію сѣверной Италіи, то возникло движеніе въ обратномъ направленіи. Городскіе рабочіе массами были вытѣснены въ деревни, что привело къ невиданному дотолѣ развитію мелкой культуры, огороднаго хозяйства.

[190]) «Мелкіе земледѣльцы, которые сами обрабатывали свои поля и пользовались скромнымъ благосостояніемъ... составляли тогда гораздо болѣе значительную часть націи, чѣмъ теперь... Не менѣе 160.000 земледѣльцевъ, которые вмѣстѣ со своими семействами составляли больше 1/7 части общаго населенія, жили хозяйствомъ на своихъ надѣлахъ Freehold (Freehold—это полная земельная собствен-

XV-мъ столѣтіи изъ свободныхъ самостоятельно хозяйствующихъ крестьянъ, за какими-бы феодальными вывѣсками ни скрывалось ихъ право собственности. Въ большихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ помѣщичій приказчикъ, прежде самъ крѣпостной (bailliff, Vogt), былъ вытѣсненъ свободнымъ фермеромъ. Наемные земледѣльческіе рабочіе состояли частью изъ крестьянъ, которые въ свободное время нанимались на работы къ крупнымъ землевладѣльцамъ, частью же изъ особаго, относительно и абсолютно немногочисленнаго, класса настоящихъ наемныхъ рабочихъ. Но и послѣдніе фактически были также самостоятельными хозяевами-крестьянами, такъ какъ кромѣ платы они получали коттэджъ и 4 и болѣе акровъ пашни. Кромѣ того они пользовались вмѣстѣ съ настоящими крестьянами общественными землями, гдѣ пасся ихъ скотъ, и съ которыхъ они доставали себѣ дрова, торфъ и т. п. средства отопленія [191]). Во всей Европѣ феодальное производство характеризуется раздѣленіемъ земли между возможно большимъ числомъ подчиненныхъ поселянъ. Могущество феодальнаго барона, какъ и всякаго государя, основывалось не на величинѣ его ренты, но на числѣ его подданныхъ, послѣднее же зависѣло отъ числа самостоятельныхъ хозяевъ-крестьянъ [192]). Поэтому, хотя послѣ норманнскаго завоеванія вся земля Англіи была раздѣлена на огромныя баронства, изъ которыхъ одно часто состояло изъ 900 прежнихъ англосаксонскихъ лордствъ, тѣмъ не менѣе Англія была покрыта цѣлой сѣтью маленькихъ крестьянскихъ хозяйствъ, сѣтью, лишь тамъ и сямъ прорываемой крупными помѣщичьими имѣніями. Подобныя условія въ связи съ процвѣтаніемъ городовъ, характеризующимъ XV-ое столѣтіе, допускали то народное богатство, которое столь краснорѣчиво описалъ канцлеръ Fortescue въ своихъ «Laudibus Legum Angliae», но исключали капиталистическое богатство.

Прологъ переворота, создавшаго основаніе для капиталистическаго способа производства, относится къ послѣдней трети XV-го столѣтія и къ первымъ десятилѣтіямъ XVI-го. Распущеніе феодальныхъ дружинъ, которыя по вѣрному

ность). Средній доходъ этихъ мелкихъ землевладѣльцевъ составлялъ отъ 60 до 70 ф. ст. Было вычислено, что число тѣхъ, которые обрабатывали собственную землю, было больше числа фермеровъ, сидѣвшихъ на чужой землѣ». «Macaulay, Hist. of England. 10-th ed. London 1854», I 333—34.—Еще въ послѣдней трети XVII-го столѣтія $^4/_5$ англійскаго населенія были землевладѣльцы. (l. c. 413).—Я цитирую Маколея, такъ какъ онъ, въ качествѣ систематическаго фальсификатора исторіи, по возможности замалчиваетъ подобнаго рода факты.

191) Никогда не слѣдуетъ забывать, что даже крѣпостной является не только собственникомъ принадлежащаго къ его дому участка земли, правда собственникомъ, обязаннымъ платить извѣстныя повинности, но и однимъ изъ владѣльцевъ общинной земли. «Крестьянинъ здѣсь (въ Силезіи) крѣпостной». Тѣмъ не менѣе эти крѣпостные владѣютъ общинными землями. «До сихъ поръ не возможно еще было склонить Силезцевъ раздѣлить общинныя земли, между тѣмъ какъ въ Нейморкѣ нѣтъ деревни, гдѣ этотъ раздѣлъ не былъ бы произведенъ съ величайшимъ успѣхомъ». (Mirabeau: «De la Monarchie Prussienne. London. 1788», t. II, p. 125, 126).

192) Японія со своей чисто феодальной организаціей землевладѣнія и со своимъ развитымъ мелкимъ крестьянскимъ хозяйствомъ даетъ гораздо болѣе вѣрную картину европейскихъ среднихъ вѣковъ, чѣмъ всѣ наши историческія сочиненія, писанныя большей частью подъ диктовку буржуазныхъ предразсудковъ. Очень ужъ удобно быть «либеральнымъ» насчетъ среднихъ вѣковъ.

замѣчанію Sir James Steuart'a «вездѣ безполезно наполняли дома и дворы», выбросило на рабочій рынокъ массу свободныхъ, какъ птицы, пролетаріевъ. Хотя королевская власть, являющаяся сама продуктомъ развитія буржуазіи, въ своемъ стремленіи къ неограниченной власти и ускорила насильственно распушеніе этихъ дружинъ, но она не было его единственной причиной. Сами крупные феодалы въ своей упорной борьбѣ противъ королевской власти и парламента создали гораздо большій пролетаріатъ насильственнымъ изгнаніемъ крестьянъ съ тѣхъ земель, на которыя крестьяне имѣли такія же права, какъ и ихъ господа, и захватомъ ихъ общественныхъ земель. Въ Англіи непосредственный толчокъ къ этому далъ расцвѣтъ фландрской шерстяной промышленности и стоявшее въ связи съ нимъ повышеніе цѣнъ на шерсть. Старое феодальное дворянство пожрали крупныя феодальныя войны, новое же дворянство было дитя своего вѣка, и для него деньги были самой могущественной силой. Превращеніе пахатныхъ земель въ пастбища стало его лозунгомъ. Въ своемъ «Description of England. Prefixed to Holinshed's Chronicles» Harrison описываетъ, какъ экспропріація мелкихъ крестьянъ разоряетъ страну. «What care our great incroachers» (Какое до этого дѣло нашимъ узурпаторамъ?). Жилища крестьянъ и коттаджи рабочихъ были либо насильственно уничтожены, либо предоставлены естественному разрушенію. «Если мы сравнимъ прежнія описи дворянскихъ имѣній», говоритъ Harrison, «то мы найдемъ, что безчисленное множество домовъ и мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ исчезли, что страна прокармливаетъ гораздо меньше людей, что многіе города пришли въ упадокъ, хотя нѣкоторые новые стали процвѣтать... Я могъ бы многое разсказать о городахъ и селахъ, уничтоженныхъ ради пастбищъ для овецъ». Жалобы такихъ старыхъ хроникъ всегда преувеличены, но онѣ точно характеризуютъ впечатлѣніе, произведенное на современниковъ переворотомъ въ производственныхъ отношеніяхъ. Сравненіе сочиненій канцлеровъ Фортескью и Томаса Мора даетъ намъ наглядное представленіе о той пропасти, которая отдѣляетъ XV-ое столѣтіе отъ XVI-го. Изъ своего золотого вѣка англійскій рабочій классъ, по вѣрному замѣчанію Торнтона, былъ безъ всякаго перехода низвергнутъ въ вѣкъ желѣзный.

Законодательство испугалось этого переворота. Оно не стояло еще на той высотѣ цивилизаціи, на которой «Wealth of Nation», т. е. образованіе капитала и безпощадная эксплуатація и обѣдненіе народныхъ массъ считаются верхомъ (ultima Thule) государственной мудрости. «Около этого времени (1489) увеличилось число жалобъ на превращеніе пахатныхъ земель въ пастбища (для овецъ и т. д.), требующія только присмотра нѣсколькихъ пастуховъ», говоритъ Бэконъ въ своей Исторіи Генриха VII, и аренды срочныя, пожизненныя и погодныя (которыми жила большая часть уеотеп'овъ) были превращены въ господскія имѣнія. Это повело къ упадку народа, и вслѣдствіе этого къ упадку городовъ, церквей, къ уменьшенію десятины... Средства, придуманныя для уничтоженія этого зла, свидѣтельствуютъ о замѣчательной мудрости короля и парламента... Они приняли мѣры противъ этой узурпаціи общественныхъ земель, ведущей къ опустошенію (depopulating inclosures), и противъ сопровождающаго ее развитія пастбищнаго хозяйства, также ведущаго къ опустошенію (depopu-

lating pasture») Актомъ Генриха VII, 1489 г. с. 19, запрещалось разрушеніе всѣхъ крестьянскихъ домовъ, къ которымъ принадлежало по крайней мѣрѣ 20 акровъ земли. Актомъ 25, Генриха VIII этотъ законъ былъ возобновленъ. Тамъ, между прочимъ, говорится, что «многія фермы и большія стада, особенно овецъ, скопляются въ немногихъ рукахъ, вслѣдствіе чего земельныя ренты сильно увеличиваются, земледѣліе (tillage) приходитъ въ упадокъ, церкви и дома разрушаются, огромныя массы людей лишаются возможности содержать себя, и свои семейства». Законъ поэтому предписываетъ возстановленіе пришедшихъ въ упадокъ дворовъ, опредѣляетъ отношеніе между пашней и пастбищемъ и т. д. Актъ 1533 г. жалуется на то, что нѣкоторые владѣльцы имѣютъ 24.000 овецъ, и ограничиваетъ ихъ число 2.000 [193]). Но жалобы народа и законодательство, которое съ царствованія Генриха VII въ продолженіе 150 лѣтъ было направлено противъ экспропріаціи мелкихъ фермеровъ и крестьянъ, были одинаково безплодны. Секретъ ихъ безплодности безсознательно открываетъ намъ Бэконъ. «Дѣтъ Генриха VII», говоритъ онъ въ своихъ «Essays, civil and moral» Sect. 20, «былъ глубокъ и достоенъ удивленія, такъ какъ онъ создавалъ хозяйства и дворы опредѣленной нормальной величины, т. е. обезпечивалъ земледѣльцамъ такое количество земли, которое давало имъ возможность производить на свѣтъ подданныхъ, пользующихся порядочнымъ благосостояніемъ, не холоповъ, людей, которые воздѣлываютъ свои поля сами, а не съ помощью наемнаго труда» («to keep the plough in the hand of the owners and not hirelings») [193a]). Капиталистическая же система требовала, наоборотъ, холопскаго положенія народной массы, превращенія ея самой въ наемниковъ, а средствъ ея труда—въ капиталъ. Во время этого переходнаго періода законодательство старалось также сохранить при коттеджѣ сельскаго наемнаго рабочаго 4 акра земли и запрещало ему принимать въ свой коттеджъ жильцовъ. Еще въ 1627 г., при

[193]) Въ своей «Утопіи» Томасъ Моръ говоритъ объ удивительной странѣ, «гдѣ овцы поѣдаютъ людей». Utopia, transl. Robinson, ed. Arber, London. 1860, p. 41.

[193a]) Бэконъ объясняетъ связь между свободнымъ зажиточнымъ крестьянствомъ и хорошей инфантеріей. «Для могущества и прочности королевства было необыкновенно важно имѣть фермы значительныхъ размѣровъ, чтобы поддерживать безбѣдное существованіе дѣльныхъ и способныхъ людей и удержать значительную часть земель королевства во владѣніи Yeomanry или людей, занимающихъ среднее положеніе между дворянами и бобылями (cottager) и батраками... Ибо общее мнѣніе самыхъ компетентныхъ въ военномъ дѣлѣ людей, что... главная сила арміи состоитъ въ инфантеріи или пѣхотѣ. Но чтобы образовать хорошую инфантерію нужны люди, которые выросли не въ рабствѣ и нуждѣ, а свободно и при извѣстномъ благосостояніи. Въ государствѣ же, которое состоитъ изъ дворянъ и свѣтскихъ людей, между тѣмъ какъ поселяне и земледѣльцы лишь рабочіе или сельскіе батраки дворянъ, или бобыли, т. е. имѣющіе свой домъ нищіе, будетъ хорошая конница, но никогда не будетъ хорошей, крѣпкой пѣхоты... Мы видимъ это на примѣрѣ Франціи и Италіи и нѣкоторыхъ другихъ странахъ, состоящихъ только изъ дворянъ и жалкихъ крестьянъ... онѣ принуждены содержать банды швейцарскихъ и др. наемниковъ для своей инфантеріи. Эти націи, въ силу того, имѣютъ много населенія и мало солдатъ». «The Reign of Henry VII etc. Verbatim Reprint from Kennets England, ed 1719, Lond. 1870», p. 308).

Яковѣ I Roger Crocker изъ Front Mill былъ осужденъ за постройку коттэджа, при которомъ не находилось 4 акровъ земли; еще въ 1638 г., при Карлѣ I была назначена королевская коммиссія, чтобы вынудить исполненіе старыхъ законовъ, въ томъ числѣ и закона о 4 акрахъ земли; еще Кромвель запретилъ строить на разстояніи 4 миль отъ Лондона домъ, при которыхъ не было бы участка земли въ 4 акра. Еще въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія слышатся жалобы, если при коттэджахъ сельскихъ рабочихъ не имѣется отъ 1 до 2 акровъ земли. Въ настоящее время эти рабочіе считаютъ себя счастливыми, если при коттэджѣ находится садикъ, или если на нѣкоторомъ разстояніи отъ него можно нанять клочокъ земли. «Земледѣльцы и фермеры дѣйствуютъ здѣсь за одно», говоритъ Dr. Hunter, «нѣсколько акровъ земли при коттэджѣ сдѣлали бы рабочаго слишкомъ независимымъ» [194]).

Реформація и послѣдовавшее за нею колоссальное расхищеніе церковныхъ имуществъ дало новый ужасный толчокъ процессу экспропріаціи народной массы въ XVI-мъ столѣтіи. Католическая церковь во время реформаціи была феодальной владѣтельницей значительной части англійской земли. Уничтоженіе монастырей и т. д. превратило ихъ жителей въ пролетаріевъ. Церковныя имѣнія были по большей части раздарены хищнымъ королевскимъ любимцамъ или проданы за безцѣнокъ спекулянтамъ-фермерамъ и горожанамъ, которые изгоняли массами старыхъ наслѣдственныхъ держателей-крестьянъ и соединяли ихъ хозяйства въ большіе участки. Гарантированное закономъ право обѣднѣвшихъ крестьянъ на извѣстную долю церковной десятины было молчаливо конфисковано [195]). «Pauper ubique jacet» (всюдѣ—бѣдные) воскликнула королева Елизавета послѣ своего путешествія по Англіи. Въ 43-й годъ ея царствованія, наконецъ принуждены были оффиціально признать пауперизмъ введеніемъ налога въ пользу бѣдныхъ. «Авторы этого закона стыдились высказать мотивы его изданія и поэтому они, противно всѣмъ обычаямъ, обнародовали его безъ всякаго preamble (вступленія)» [196]). Актомъ 16 Карла I, 4 законъ этотъ былъ объявленъ постояннымъ и въ сокращенномъ видѣ онъ въ 1834 г. получилъ новую болѣе строгую форму [197]). Эти непосред-

[194]) Dr. Hunter l. c. p. 134. — «Количество предоставленной (по старымъ законамъ) земли сочли бы въ настоящее время слишкомъ большимъ для сельскихъ рабочихъ и болѣе подходящимъ для мелкихъ фермеровъ». (George Roberts: «The Social History of the People of the Southern Counties of England in past centuries. Lond. 1856», 184,185).

[195]) «Право бѣдныхъ получать часть десятины установлено древними статутами». (Tuckett l. c. v. II, p. 804,805).

[196]) William Cobbett: A History of the Protestant Reformation, § 471.

[197]) Протестантскій «духъ» проявляется въ слѣдующемъ. На югѣ Англіи нѣсколько землевладѣльцевъ и крупныхъ фермеровъ составили тайное совѣщаніе и выработали относительно правильнаго толкованія закона Елизаветы о бѣдныхъ 10 вопросовъ, которые они предложили на разсмотрѣніе знаменитому юристу того времени, Sergeant Snigge (впослѣдствіи ставшему судьей при Яковѣ I). «Девятый вопросъ: Нѣкоторые богатые фермеры прихода придумали мудрый проектъ, которымъ устраняются всѣ затрудненія при выполненіи этого закона. Они предлагаютъ построить въ приходѣ тюрьму. Каждому бѣдному, который не захочетъ быть заключенъ въ тюрьму, будетъ отказано въ поддержкѣ. Затѣмъ будетъ объявлено въ

ственныя послѣдствія реформаціи не были однако самыми важными. Церковная собственность составляла лишь религіозную тюрьму старыхъ условій поземельной собственности. Съ ея паденіемъ они не могли уже долго удержаться [198]).

Еще въ концѣ XVII-го столѣтія независимое крестьянство, Yeomanry, было многочисленнѣе класса фермеровъ. Оно составляло главную силу Кромвеля и представляло даже, по признанію Маколея, выгодную противоположность спившимся дворянчикамъ и ихъ прислужникамъ, сельскимъ священникамъ, которые должны были подводить подъ вѣнецъ барскихъ «любовницъ». Тогда еще и сельскіе наемные рабочіе были совладѣльцами общинныхъ земель. Около 1750 г. Yeomanry уже не существуетъ [199]), а въ послѣднія десятилѣтія XVIII-го

окрестностяхъ, что если кто-нибудь захочетъ нанять бѣдныхъ этого прихода, то онъ долженъ въ опредѣленный день прислать запечатанное предложеніе съ указаніемъ самой низкой цѣны, по которой онъ хочетъ взять ихъ у насъ. Авторы этого проекта предполагаютъ, что въ окрестныхъ графствахъ есть люди, не желающіе работать и не имѣющіе ни средствъ, ни кредита, чтобы пріобрѣсть ферму или корабль съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность жить безъ труда («so as to live without labour»). Такіе люди будутъ склонны сдѣлать приходу очень выгодныя предложенія. Если иногда бѣдные, отданные подъ опеку нанимателя, умрутъ, то вина падетъ на него, такъ какъ приходъ выполнилъ свои обязанности по отношенію къ этимъ бѣднымъ. Но мы опасаемся, что этотъ законъ не допускаетъ подобнаго рода благоразумныхъ мѣръ (prudential measure); мы должны однако знать, что всѣ остальные freeholder'ы этого графства и сосѣднихъ присоединятся къ намъ, чтобы побудить своихъ членовъ нижней палаты предложить законъ, разрѣшающій заключеніе въ тюрьму и принудительный трудъ бѣдныхъ, такъ чтобы каждое лицо, сопротивляющееся заключенію, лишалось права на вспомоществованіе. Это, мы надѣемся, будетъ удерживать бѣдныхъ отъ требованія помощи» («will prevent persons in distress from wanting relief»). (R. Blakey: «The History of Political Literature from the earliest times. Lond. 1855», v. II, p. 84,85). Въ Шотландіи отмѣна крѣпостного права произошла нѣсколькими вѣками позже, чѣмъ въ Англіи. Еще въ 1698 г. Fletcher изъ Saltoun заявлялъ въ шотландскомъ парламентѣ: «Число нищихъ опредѣляется въ Шотландіи не менѣе чѣмъ въ 200,000. Единственное средство, которое я, республиканецъ по принципу, могу предложить, это возстановить прежнее крѣпостное состояніе и превратить къ рабовъ всѣхъ тѣхъ, которые неспособны заботиться о своемъ собственномъ существованіи». Точно такъ же Eden l. c., b. I, ch. I, p. 60, 61, говоритъ: «Пауперизмъ начинается съ освобожденія земледѣльцевъ... Мануфактура и торговля истинные родители нашихъ бѣдныхъ». Eden, такъ же какъ и проницательный республиканецъ, ошибается только въ томъ отношеніи, что не уничтоженіе крѣпостного права, а уничтоженіе права земледѣльцевъ на землю превратило ихъ въ пролетаріевъ или въ пауперовъ. Англійскимъ законамъ о бѣдныхъ соотвѣтствуетъ во Франціи, гдѣ экспропріація совершалась другимъ способомъ, ордонансъ Moulins 1571 г. и эдиктъ 1656 г.

[198]) Rogers, хотя въ то время и профессоръ политической экономіи въ Оксфордѣ, этомъ центрѣ протестантской ортодоксальности, все-таки въ своемъ предисловіи къ «History of Agriculture» подчеркиваетъ пауперизацію народныхъ массъ, явившуюся послѣдствіемъ реформаціи.

[199]) «A letter to sir T. C. Banbury, Brt.: On the High Price of Provisions. By a Suffolk gentleman. Ipswich 1795», p. 4. Даже фанатическій защитникъ системы крупнаго фермерства, авторъ «Inquiry into the Connection of large farms etc. Lond. 1773», p. 133, говоритъ: «Я сильно опасаюсь исчезновеніе нашей yeomanry, этого

столѣтія исчезъ всякій слѣдъ общиннаго землевладѣнія земледѣльцевъ. Мы оставляемъ здѣсь въ сторонѣ чисто экономическія причины переворота въ земледѣліи. Мы займемся его насильственными средствами.

Во время реставраціи Стюартовъ землевладѣльцы провели съ помощью законодательства узурпацію, которая вездѣ на континентѣ совершилась безъ всякихъ законодательныхъ околичностей. Они уничтожили феодальныя поземельныя отношенія, т. е. они сбросили съ себя всякія государственныя повинности, «вознаградивъ» государство налогами съ крестьянъ и со всей остальной массы народа, они присвоили себѣ современное право частной собственности на имѣнія, на которыя они имѣли только феодальное право и, наконецъ, издали законы о водвореніи (laws of settlement), которые, mutatis mutandis, оказали на англійскихъ крестьянъ такое же вліяніе, какъ указъ татарина Бориса Годунова на русское крестьянство.

«Glorious Revolution» (достославная революція) дала господство имѣнтъ съ Вильгельмомъ III Оранскимъ [200]) дворянамъ и капиталистамъ, получателямъ прибавочной цѣнности. Они освятили новую эру колоссальнымъ расхищеніемъ тѣхъ государственныхъ имуществъ, которыя до тѣхъ поръ расхищались въ довольно скромныхъ размѣрахъ. Земли эти раздаривались, или продавались за безцѣнокъ, или даже присоединялись къ частнымъ имѣніямъ посредствомъ простого захвата [201]). Все это происходило безъ малѣйшаго соблюденія какого-либо законнаго этикета. Присвоеніе такимъ мошенническимъ способомъ государственныхъ имуществъ и расхищеніе церковныхъ имуществъ, поскольку эти послѣднія не были снова утрачены во время республиканской революціи, положили основу современнымъ княжескимъ владѣніямъ англійской олигархіи [202]). Буржуазные капиталисты содѣйствовали этой операціи, между прочимъ, съ цѣлью превратить землю въ простой предметъ торговли,

---

класса, который дѣйствительно поддерживалъ независимость нашей націи; мнѣ грустно видѣть, что ихъ земли попали теперь въ руки лордовъ-монополистовъ и мелкихъ фермеровъ, которые находятся не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ вассалы, всегда готовые на всякое дурное дѣло по первому приказанію».

[200]) О личной нравственности этого буржуазнаго героя можно судить между прочимъ по слѣдующему: «Большія уступки земель въ Ирландіи Lady Orkney, въ 1695 г. представляютъ публичное доказательство любви короля и вліянія леди... Нѣжныя услуги lady Orkney, впрочемъ, были—foeda labiorum ministeria». (Въ Sloane Manuscript Collection въ британскомъ музеѣ, Nr. 4.224. Манускриптъ озаглавленъ: «The charakter and behaviour of King William Sunderland etc. as represented in Original Letters to the Duke of Shrewsbury from Somers, Halifax, Oxford, Secretary Vernon etc.» Онъ полонъ курьезовъ).

[201]) Незаконное отчужденіе казенныхъ имуществъ, путемъ частью продажи, частью раздачи, составляетъ самую скандальную главу англійской исторіи... «громадное надувательство націи» (gigantic fraud on the nation). (F. W. Newman: «Lectures on Political Econ. Lond. 1851», p. 129, 130.)—[О томъ, какъ современные англійскіе крупные землевладѣльцы пріобрѣли свои владѣнія, см. въ частности: «Our old Nobility. By Noblesse Oblige. London 1879». Ф. Э.].

[202]) Стоитъ прочитать, напр. памфлетъ E. Burke'a о герцогскомъ родѣ Bedford, отпрыскомъ котораго является Lord John Russel, «the tomtit of liberalism».

расширять размѣры крупнаго земледѣльческаго производства, увеличивать приток изъ деревень свободныхъ пролетаріевъ и т. д. Къ тому же новая поземельная аристократія была естественной союзницей новой банкократіи, этой только что вылупившейся изъ яйца крупной финансовой клики, и крупныхъ мануфактуристовъ, опиравшихся тогда на покровительственныя пошлины. Англійская буржуазія дѣйствовала тогда такъ же правильно въ своемъ интересѣ, какъ и шведская городская буржуазія, которая, наоборотъ, рука объ руку съ своимъ экономическимъ оплотомъ, крестьянствомъ, помогала королю въ насильственномъ отнятіи (Reduction) коронныхъ земель изъ рукъ олигархіи (съ 1604 г., позже при Карлѣ X и Карлѣ XI).

Общинное землевладѣніе,—совершенно отличное отъ только что разсмотрѣнной государственной собственности—было древнегерманскимъ учрежденіемъ, продолжавшимъ существовать подъ феодальными формами. Мы уже видѣли, какъ насильственная узурпація его, сопровождавшаяся, по большей части превращеніемъ пахатныхъ земель въ пастбища, началась въ концѣ XV-го и продолжалась въ XVI-мъ столѣтіи. Но тогда этотъ процессъ представлялъ лишь индивидуальные акты насилія, противъ которыхъ законодательство тщетно боролось въ продолженіи 150 лѣтъ. Прогрессъ XVIII-го столѣтія выражается въ томъ, что законъ самъ становится орудіемъ расхищенія народной земли, хотя крупные фермеры кромѣ того прибѣгаютъ еще къ своимъ особымъ приватнымъ методамъ [203]). Парламентская форма грабежа это—«Bills for Inclosures of Commons» (законы объ огораживаніи общинныхъ земель), другими словами, декреты, которыми помѣщики сами дарятъ себѣ на правѣ частной собственности народную землю, т. е. декреты объ экспропріаціи народа. Sir F. M. Eden самъ опровергаетъ свою хитросплетенную защитительную рѣчь, въ которой онъ стремится изобразить общинную собственность какъ частную собственность крупныхъ землевладѣльцевъ, занявшихъ мѣсто феодальныхъ владѣльцевъ: онъ, съ одной стороны, требуетъ общаго парламентскаго закона «для огораживанія общинныхъ земель» и, стало быть, признаетъ, что необходимъ парламентскій coup d'état для ихъ превращенія въ частную собственность; а, съ другой стороны, требуетъ отъ законодательной власти «вознагражденія» для экспропріированныхъ бѣдняковъ [204]).

Между тѣмъ какъ мѣсто независимыхъ Yeomen'овъ заняли tenants at-will, мелкіе поголодные съемщики, приниженная и зависимая отъ произвола лэндлорда толпа,—систематическій грабежъ общинныхъ земель вмѣстѣ съ расхищеніемъ государственныхъ имуществъ содѣйствовалъ увеличенію хозяйствъ и превращенію ихъ въ тѣ крупныя аренды, которыя въ XVIII-мъ столѣтіи называются «капитальными фермами» [205]).

[203]) «Фермеры запрещаютъ cottager'амъ (бобылямъ) содержать кромѣ самихъ себя какое бы то ни было живое существо подъ тѣмъ предлогомъ, что если они будутъ содержать скотъ или птицу, то они будутъ красть кормъ изъ амбаровъ. Они говорятъ также, что для того, чтобы cottager'ы были прилежны, ихъ нужно держать въ бѣдности. Но въ дѣйствительности дѣло здѣсь въ томъ, что фермеры такимъ образомъ захватываютъ всѣ права на общественныя земли». («A Political Enquiry into the Consequences of enclosing Waste Lands 1785», p. 75).

[204]) Eden l. c. Preface.

[205]) «Capital farms». («Two Letters on the Flour Trade and the Dearness of Corn. By a Person in Business. Lond. 1767», p. 19, 20).

или «купеческими» фермами [206]), а также «освобождению» сельскаго населенія въ качествѣ пролетаріата для промышленности.

Однако въ XVIII-мъ столѣтіи еще не понимали въ такой мѣрѣ, какъ въ XIX мъ, тождества между національнымъ богатствомъ и народной бѣдностью. Вслѣдствіе этого въ экономической литературѣ того времени велась страстная полемика по поводу «inclosure of commons». Изъ многочисленнаго матеріала, имѣющагося у меня по этому вопросу, я приведу нѣкоторыя выдержки, которыя даютъ наглядное представленіе объ условіяхъ того времени.

«Во многихъ приходахъ Herfordshire», пишетъ какой то сильно возмущенный авторъ, «24 фермы, занимающія среднимъ числомъ отъ 50—150 акровъ каждая, слиты въ 3 фермы» [207]). «Въ Northamptonshire'ѣ и Lincolnshire'ѣ огораживаніе общинныхъ земель производилось въ широкихъ размѣрахъ, и большинство имѣній, образовавшихся путемъ этихъ огораживаній, были превращены въ пастбища; вслѣдствіе этого во многихъ имѣніяхъ, гдѣ раньше было до 1.500 акровъ пашни, теперь нѣтъ и 50 акровъ пашни... Развалины прежнихъ домовъ, овиновъ, хлѣвовъ и т. д. составляютъ единственные слѣды, оставшіеся отъ прежнихъ обитателей. Сотни домовъ и семействъ во многихъ мѣстахъ сократились... до 8 или 10... Число земледѣльцевъ въ большинствѣ приходовъ, гдѣ огораживаніе произошло лишь 15 или 20 лѣтъ тому назадъ, очень незначительно по сравненію съ числомъ тѣхъ, которые обработывали эту землю, когда она не была еще огорожена Нерѣдко можно видѣть, что 4 или 5 богатыхъ гуртовщиковъ захватываютъ большія, недавно огороженныя поля, которыя раньше находились въ рукахъ 10—30 фермеровъ и столькихъ же мелкихъ собственниковъ и крестьянъ. Всѣ они со своими семействами были выброшены изъ своихъ владѣній вмѣстѣ со многими другими семействами, которыя, благодаря имъ, находили занятія и возможность существованія» [208]). Не только впустѣ лежащія поля, но часто и такія земли, которыя возлѣлывались или сообща или за извѣстную плату, поступавшую въ пользу общины, присвоивались сосѣдними лэндлордами подъ предлогомъ огораживанія. «Я говорю здѣсь объ огораживаніи открытыхъ полей и уже возлѣланныхъ земель. Даже тѣ писатели, которые защищаютъ Inclosures, признаютъ, что послѣдніе увеличиваютъ монополію крупныхъ фермъ, возвышаютъ цѣны и производятъ опустѣніе... И даже огораживаніе лежащихъ впустѣ земель, которое происходитъ теперь, отнимаетъ у бѣдныхъ часть ихъ средствъ существованія и увеличиваетъ фермы и безъ того уже слишкомъ большія» [209]). «Если земли, говоритъ Dr. Price, попа-

[206]) «Merchant farms». «An Inquiry into the Present High Prices of Provisions. Lond. 1767», p. 11, Note. Это хорошее анонимное сочиненіе принадлежитъ Rev. Nathaniel Forster.

[207]) Thomas Wright. «A short address to the Public on the Monopoly of large farms. 1779», p. 2, 3.

[208]) Rev. Addington: «Enquiry into the Reasons for or against enclosing open fields. Lond. 1772», p. 37—43 passim.

[209]) Dr. R. Price l. c. v. II, p. 155. Слѣдуетъ прочитать Forster'a, Addington'a, Kent'a Price'a и James'a Anderson'a и сравнить жалкую болтовню сикофанта Mac Culloch'a въ его каталогѣ: The Literature of Political Economy. Lond. 1845.

даетъ въ руки нѣсколькихъ крупныхъ фермеровъ, то мелкіе фермеры (которыхъ онъ раньше назвалъ «массой мелкихъ собственниковъ и арендаторовъ, содержащихъ себя и свои семейства продуктами обрабатываемой ими земли, овцами, птицей, свиньями и т. д., насущимися на общинной землѣ, и потому мало нуждающихся въ покупкѣ средствъ существованія») превратятся въ людей, добывающихъ себѣ средства существованія трудомъ для другихъ и принужденныхъ покупать на рынкѣ все, что имъ необходимо... Будетъ совершаться, быть можетъ, больше труда, такъ какъ принужденіе къ труду будетъ сильнѣе, вырастутъ города и мануфактуры, такъ какъ туда выгонятъ больше людей, ищущихъ занятій. Въ такомъ направленіи естественно дѣйствуетъ и фактически уже въ продолженіе многихъ лѣтъ дѣйствовала концентрація фермъ въ этомъ королевствѣ [210]). Авторъ слѣдующимъ образомъ резюмируетъ общее дѣйствіе inclosures: «Въ общемъ, положеніе низшихъ классовъ народа почти во всѣхъ отношеніяхъ ухудшилось, мелкіе землевладѣльцы и фермеры опустились до положенія подвощиковъ и наемниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ труднѣе стало зарабатывать средства къ жизни въ этомъ состояніи» [211]). Дѣйствительно, захватъ общинныхъ земель и сопровождавшій его переворотъ въ земледѣліи произвели столь острое дѣйствіе на земледѣльческихъ рабочихъ, что, по словамъ самого Eden'a, между 1765 и 1780 гг. плата ихъ начала падать ниже minimum'a и должна была дополняться оффиціальнымъ вспомоществованіемъ бѣднымъ. «Ихъ плата,—говоритъ онъ,—была едва достаточна для удовлетворенія абсолютно необходимыхъ жизненныхъ потребностей».

Но послушаемъ на минуту еще одного защитника inclosures и противника Dr. Price'a. «Невѣрно, будто опустѣніе происходитъ отъ того, что не позволяютъ больше людямъ расточать свой трудъ на открытыхъ поляхъ. . Если послѣ превращенія мелкихъ крестьянъ въ людей, принужденныхъ работать для другихъ, получается больше труда, то это представляетъ только выгоду, очень желательную для націи

[210]) l. c. p. 147.

[211]) l. c. p. 159. Вспомнимъ древній Римъ. «Богатые завладѣли большею частью неподѣленныхъ земель. Обстоятельства того времени внушали имъ увѣренность, что земли не будутъ у нихъ отняты; поэтому они покупали сосѣдніе участки бѣдныхъ частью съ ихъ согласія, частью же они отнимали ихъ силою; такимъ образомъ, вмѣсто разбросанныхъ полей, они теперь обрабатывали обширныя владѣнія. Для земледѣлія и для скотоводства они употребляли рабовъ, такъ какъ свободные люди могли бы быть взяты у нихъ на военную службу. Владѣніе рабами было для нихъ еще выгодно въ томъ отношеніи, что посѣдніе, будучи освобождены отъ военной службы, могли спокойно размножаться и имѣли массу дѣтей. Такимъ образомъ, сильные завладѣли богатствомъ, и страна кишѣла рабами. Число же италійцевъ, наоборотъ, съ каждымъ днемъ уменьшалось подъ давленіемъ бѣдности, повинностей и военной службы. Въ мирное же время они были обречены на полнѣйшую безпѣтельность, такъ какъ всей землей владѣли богатые и употребляли для земледѣлія рабовъ вмѣсто свободныхъ людей». (Appian: Römische Bürgerkriege I. 7). Это мѣсто относится ко времени до изданія Лициніевыхъ законовъ. Военная служба, которая такъ сильно ускорила разореніе римскихъ плебеевъ, была также главнымъ средствомъ, которымъ Карлъ Великій искусственно ускорилъ превращеніе свободныхъ германскихъ земледѣльцевъ въ зависимыхъ и крѣпостныхъ крестьянъ.

(къ которой, конечно, не принадлежатъ обезземеленные)... Количество продукта будетъ больше, если ихъ соединенный трудъ будетъ прилагаться на одной фермѣ: такимъ образомъ, будетъ создаваться прибавочный продуктъ (Surplusprodukt) для мануфактуръ, и, соотвѣтственно количеству произведеннаго хлѣба, увеличится число мануфактуръ, этихъ золотыхъ розсыпей нашей страны». [212]).

Стоическое спокойствіе, съ которымъ экономистъ разсматриваетъ самое систематическое нарушеніе «священнаго права собственности» и самое грубое насиліе надъ личностью, когда это необходимо для созданія основы капиталистическаго производства, обнаруживаетъ между прочимъ Sir F. M. Eden, являющійся къ тому же «филантропомъ» съ торійской окраской. Цѣлый рядъ грабежей, жестокостей, народныхъ бѣдствій, сопровождавшихъ насильственную экспропріацію народа съ послѣдней трети XV-го до конца XVIII-го столѣтія, приводитъ его къ слѣдующему заключенію: «Необходимо было установить надлежащее (due) отношеніе между пахатной землей и пастбищемъ. Еще въ продолженіе всего XIV-го и большей части XV го столѣтія 1 акръ пастбищъ приходится на 2, 3 и даже 4 акра пахатной земли. Въ срединѣ XVI го столѣтія отношеніе это измѣнилось такъ, что 2 акра пастбищъ приходилось на 2 акра пашни, позднѣе, 2 акра пастбищъ на 1 акръ пашни, пока, наконецъ, не установилось надлежащее отношеніе—3 акра пастбищъ на 1 акръ пашни».

Въ XIX-мъ столѣтіи потерялось даже всякое воспоминаніе о связи между земледѣльцемъ и общинной земельной собственностью. Не говоря уже о позднѣйшемъ времени, получили ли земледѣльцы хоть одинъ фартингъ вознагражденія за тѣ 3.511.770 акровъ общинной земли, которые были похищены у нихъ между 1801 и 1831 г. и въ силу парламентскихъ актовъ розданы лэндлордами лэндлордамъ?

Наконецъ, послѣднимъ крупнымъ процессомъ экспропріаціи земли у крестьянъ является такъ-называемое Clearing of Estates (очищеніе имѣній, въ дѣйствительности—изгнаніе изъ послѣднихъ людей). Это «очищеніе» увѣнчало собой всѣ до сихъ поръ разсмотрѣнные англійскіе методы. Какъ мы уже видѣли въ предыдущемъ отдѣлѣ при описаніи современнаго положенія, теперь, когда нѣтъ уже независимыхъ крестьянъ, которыхъ нужно было бы изгонять, дѣло доходитъ до очищенія коттэджей, такъ что земледѣльческіе рабочіе уже не находятъ себѣ даже мѣста, необходимаго для жилища, на той землѣ, которую они обрабатываютъ. Но что значитъ «Clearing of estates» въ собственномъ смыслѣ этого слова, объ этомъ мы узнаемъ лишь въ обѣтованной землѣ современнаго романа, въ горной Шотландіи. Тамъ процессъ этотъ отличается своимъ систематическимъ характеромъ, тѣми крупными размѣрами, въ какихъ онъ сразу происходитъ (въ Ирландіи лэндлорды сразу уничтожали нѣ-

[212]) «An Inquiry into the Connection between the present Prices of Provisions etc.», p. 124, 129. То же самое, но съ противоположной тенденціей мы читаемъ въ другомъ сочиненіи: «Рабочихъ изгоняютъ изъ ихъ коттэджей и принуждаютъ отправляться въ города искать работы;—но тогда получается большая прибыль, и такимъ образомъ капиталъ увеличивается». («The Perils of the Nation. 2nd. ed. Lond. 1843», p. XIV.

сколько деревень, въ горной Шотландіи дѣло идетъ о земельныхъ пространствахъ, равныхъ по величинѣ нѣмецкимъ герцогствамъ)—и, наконецъ, особой формой раскрытыхъ земель.

Кельты горной Шотландіи состояли изъ клановъ, изъ которыхъ каждый былъ собственникомъ населенной имъ земли. Представитель клана, его глава или «большой человѣкъ», былъ только титулярнымъ или номинальнымъ собственникомъ этой земли, какъ англійская королева является номинальной собственницей всей національной земли. Когда англійскому правительству удалось усмирить внутреннія войны этихъ «большихъ людей» и ихъ постоянныя вторженія въ нижнешотландскія равнины, предводители кланова вовсе не оставили своего занятія—разбойничьяго ремесла; они измѣнили лишь его форму. Собственную власть они превратили свое номинальное право собственности въ право частной собственности, но такъ какъ они встрѣтили сопротивленіе со стороны членовъ кланова, то они рѣшили открыто изгнать ихъ силою. «Какой-нибудь англійскій король могъ бы съ тѣмъ же правомъ претендовать на то, что можетъ вытолкать своихъ подданныхъ въ море», говоритъ профессоръ Newman [213]). Первыя фазы этого переворота, начавшагося въ Шотландіи послѣ послѣдняго возстанія претендента, можно прослѣдить по сочиненіямъ Sir'a James'a Steuart'a [214]) и James'a Anderson'a [215]). Въ XVIII-мъ столѣтіи изгнаннымъ гэлламъ была запрещена эмиграція, чтобы силою направить ихъ въ Глазго и другіе фабричные города [216]). Въ качествѣ примѣра господствующаго въ XIX-мъ вѣкѣ метода, мы приведемъ «очищенія» у герцогини Sutherland [217]). Эта экономически образованная особа рѣ-

---

[213]) «A king of England might as well claim to drive his subjects into the sea» (F. W. Newman l. c. p. 132).

[214]) Steuart говоритъ: «Рента съ этихъ земель (онъ неправильно примѣняетъ эту экономическую категорію къ дани, платимой tuskmen'ами главѣ клана) совершенно ничтожна въ сравненіи съ ихъ размѣромъ, но что касается числа людей, которыхъ содержитъ ферма, то мы, можетъ быть, найдемъ, что участокъ земли въ горной Шотландіи кормитъ въ 10 разъ большее число людей, чѣмъ участокъ такой же цѣнности въ богатѣйшихъ провинціяхъ» (l. c., v. I, ch. XVI, p. 104).

[215]) James Anderson: «Observation on the means of exciting a spirit of National Industry etc. Edinburgh, 1777».

[216]) Въ 1860 г. насильственно экспропріированные были при помощи ложныхъ обѣщаній вывезены въ Канаду. Нѣкоторые бѣжали въ горы и на сосѣдніе острова. Ихъ преслѣдовали полицейскіе; дѣло дошло до драки, и они убѣжали.

[217]) «Въ горныхъ округахъ,—говоритъ въ 1814 г. Buchanan, комментаторъ А. Смита,—прежнія отношенія собственности ежедневно подвергаются насильственному перевороту... Лэндлордъ, не обращая вниманія на послѣдственнаго фермера (и эта категорія здѣсь неправильно примѣнена), отдаетъ землю тому, кто предлагаетъ больше всего за нее, а если этотъ послѣдній является улучшателемъ (improver), то онъ тотчасъ же вводитъ новую систему культуры. Земли, прежде усѣянныя мелкими крестьянами, была сильно населена, сравнительно со своимъ продуктомъ; при новой системѣ усовершенствованной культуры и увеличенной ренты, получается возможно больше продукта при возможно меньшихъ издержкахъ, и ради этого рабочія руки, ставшія теперь безполезными, удаляются... Выброшенные такимъ образомъ со своей родины люди ищутъ средствъ существованія въ фабричныхъ городахъ, и т. д.». ((David Buchanan, «Observations on etc. A. Smith's Wealth of

шила сейчасъ же послѣ своего вступленія въ управленіе предпринять радикальное лѣченіе и превратить все графство, населеніе котораго уже прежними, подобными же, процессами было сокращено до 15.000, въ пастбище для овецъ. Съ 1814 по 1820 г. эти 15.000 жителей, составлявшіе около 3.000 семействъ, были систематически изгнаны и искоренены. Всѣ деревни были разрушены и сожжены, всѣ поля превращены въ пастбища. Для экзекуціи были посланы британскіе солдаты, и дѣло дошло до столкновенія съ мѣстными жителями. Одна старая женщина, отказавшаяся покинуть свою избушку, погибла въ пламени. Такимъ образомъ, эта мадамъ присвоила себѣ 794.000 акровъ земли, которыя съ незапамятныхъ временъ принадлежали клану. Изгнаннымъ обывателямъ она отвела на берегу моря около 6.000 акровъ, по 2 акра на семейство. Эти 6.000 акровъ до тѣхъ поръ были невоздѣланны и не приносили владѣльцамъ никакого дохода. Герцогиня въ своемъ состраданіи пошла такъ далеко, что сдала землю среднимъ числомъ по 2 шилл. 6 п. за акръ членамъ клана, которые въ продолженіе многихъ вѣковъ проливали свою кровь за ея родъ. Всю похищенную у клана землю она раздѣлила на 29 крупныхъ овечьихъ фермъ, въ каждой изъ которыхъ поселила только по одному семейству, по большей части—англійскихъ батраковъ. Въ 1825 г. 15.000 гаэловъ были уже замѣнены 131.000 овецъ. Выброшенные на берегъ моря аборигены стремились просуществовать рыбной ловлей. Они стали амфибіями и жили, по выраженію одного англійскаго писателя, наполовину на сушѣ и наполовину въ водѣ; но за всѣмъ тѣмъ они питались только впроголодь и отъ земли и отъ моря [218]).

Однако бравые гаэлы должны были еще сильнѣе поплатиться за свое романтическое плодопоклонство передъ «большими людьми» клана. «Большимъ людямъ» запахъ рыбы ударилъ въ носъ: они почуяли здѣсь нѣчто прибыльное и сдали морской берегъ въ аренду крупнымъ рыботорговцамъ Лондона. Гаэлы были вторично изгнаны [219]).

Nations. Edinb. 1814», vol. IV, p. 141). «Шотландскіе вельможи экспропріировали цѣлыя семейства, точно они вырывали сорныя травы. Они обращались съ селами и ихъ населеніемъ, какъ индѣйцы въ своей мести съ берлогами дикихъ звѣрей... Человѣкъ продается за овечье руно, за кусокъ баранины, за что-нибудь еще меньшее... Во время нашествія монголовъ въ сѣверныя провинціи Китая на совѣтѣ монголовъ было предложено истребить жителей и превратить ихъ землю въ пастбища. Это предложеніе многіе лендлорды горной Шотландіи приняли въ исполненіе въ своей собственной странѣ противъ своихъ собственныхъ соотечественниковъ». (George Ensor: An Inquiry concerning the Population of Nations. Lond. 1818», p. 215, 216).

[218]) Когда нынѣшняя герцогиня Sutherland принимала въ Лондонѣ съ большимъ торжествомъ Бичеръ-Стоу, автора «Хижины дяди Тома», чтобы выставить на видъ свою великую симпатію къ рабамъ-неграмъ американской республики—симпатію о которой она вмѣстѣ съ другими аристократками благоразумно забыла во время гражданской войны, когда всякое «благородное» англійское сердце билось за рабовладѣльцевъ—я изобразилъ въ New-York Tribune положеніе рабовъ герцогини Sutherland. (Carey приводитъ выдержки изъ этой статьи въ своемъ «The Slave Trade. London. 1853», p. 202, 203). Моя статья была перепечатана въ одной шотландской газетѣ и вызвала бойкую полемику между послѣдней и сикофантами Sutherland'овъ.

[219]) Интересныя подробности объ этой торговлѣ рыбой можно найти у David Urquhart'a въ: Portfolio. New Series.—Nassau W. Senior указываетъ въ своемъ

Наконецъ, часть овечьихъ пастбищъ превращается въ охотничьи парки. Извѣстно, что въ Англіи нѣтъ настоящихъ лѣсовъ. Дичь въ паркахъ вельможъ это—домашній скотъ, жирный, какъ лондонскіе aldermen'ы. Шотландія является, поэтому, послѣднимъ убѣжищемъ «благородной страсти». «Въ горной Шотландіи», говоритъ Somers въ 1848 г., «площадь лѣсовъ была очень расширена. Здѣсь по сю сторону Gaick'a вы видите новый лѣсъ Glenfeshie, а тамъ по ту сторону новый лѣсъ Ardverikie. Въ томъ же направленіи находится Bleak-Mount, громадная, недавно образовавшаяся пустыня. Съ востока на западъ, отъ окрестностей Aberdeen'a до утесовъ Oban'a находится непрерывная полоса лѣсовъ, межлу тѣмъ какъ въ другихъ частяхъ горной страны находятся новые лѣса: Loch Archaig, Glengarry, Glenmoriston etc. ...Превращеніе ихъ земель въ пастбища ...выгнало газловъ на безплодную землю. Теперь красная дичь начинаетъ вытѣснить овецъ, и низвергаетъ газловъ въ еще болѣе сокрушительную нищету... Лѣса для дичи [219]а) и люди не могутъ существовать рядомъ. Одни должны уступать мѣсто другимъ. Если охотничьи пространства въ ближайшее 25-лѣтіе будутъ такъ же увеличиваться въ количествѣ и въ размѣрахъ, какъ и въ предыдущее, то не останется ни одного газла на его родной землѣ. Это движеніе среди землевладѣльцевъ горной Шотландіи отчасти обязано своимъ существованіемъ модѣ, аристократическому тщеславію, страсти къ охотѣ и т. д., но, съ другой стороны, торговля дичью ведется исключительно въ виду ея прибыльности, такъ какъ извѣстно, что горный участокъ, предназначенный для охоты, во многихъ случаяхъ гораздо прибыльнѣе пастбища для овецъ... Предложеніе любителя, ищущаго участка для охоты, ограничивается только размѣрами его кошелька... Страданія, на которыя была обречена горная Шотландія, не менѣе жестоки, чѣмъ тѣ, на которыя политика норманскихъ королей обрекла Англію. Красной дичи предоставлялся все большій и большій просторъ, межлу тѣмъ какъ людей гоняли на все болѣе и болѣе тѣсномъ пространствѣ. У народа отнимали одну вольность за другой... И принѣсеніе растетъ еще съ каждымъ днемъ. «Очищенія» и изгнаніе народа проводятся землевладѣльцами съ твердостью принципа, какъ сельскохозяйственная необходимость, совсѣмъ подобно тому, какъ въ лѣсахъ Америки и Австріи вырываютъ деревья и кусты,—вся эта операція спокойно идетъ своимъ дѣловымъ порядкомъ» [220]).

вышеприведенномъ посмертномъ сочиненіи, что операція, произведенная въ Sutherlandshire, была однимъ изъ самыхъ благодѣтельныхъ очищеній съ незапамятныхъ временъ (clearings) (l. c.).

[219]а) Въ «deer forests» (лѣса для дичи) нѣтъ ни одного дерева. Просто выгоняютъ овецъ съ голыхъ горъ и пригоняютъ туда оленей, и это называется «deer forests». Здѣсь не производится, стало быть, даже и лѣсоразведенія.

[220]) Robert Somers: «Letters from the Highlands; or, the Famine of 1847. Lond., 1848», p. 12—28 passim. Эти письма появлялись первоначально въ Times'ѣ. Англійскіе экономисты объясняли, конечно, голодъ горныхъ Шотландцевъ (газловъ) въ 1847 ихъ перенаселеніемъ.—«Clearing of Estates» или, какъ оно называлось въ Германіи—Bauernlegen, практиковалось въ этой странѣ, въ особенности послѣ тридцатилѣтней войны и вызвало еще въ 1790 г. въ курфиршествѣ Саксоніи крестьянскія возстанія. Оно господствовало въ особенности въ восточной Германіи. Въ большинствѣ

Расхищеніе церковныхъ имуществъ, мошенническое отчужденіе государственныхъ имуществъ, грабежъ общинныхъ земель, совершенное съ безпощаднымъ

прусскихъ провинцій только Фридрихъ II гарантировалъ крестьянамъ право собственности. Послѣ завоеванія Силезіи онъ принудилъ помѣщиковъ возстановить избы, амбары и т. д., надѣлить крестьянскія имѣнія скотомъ и орудіями. Ему нужны были солдаты для арміи и плательщики налоговъ для государственной казны. Впрочемъ, какую пріятную жизнь вели крестьяне при его прелестной финансовой политикѣ и при его режимѣ, представлявшемъ смѣсь деспотизма, бюрократіи и феодализма, можно видѣть изъ слѣдующей цитаты его поклонника Mirabeau: «Левъ составляетъ богатство земледѣльца на сѣверѣ Германіи. Но, къ несчастію, для рода человѣческаго это только средство противъ нищеты, но не источникъ благосостоянія. Прямые налоги, барщина, всякія повинности разоряютъ нѣмецкаго крестьянина, уплачивающаго еще и косвенные налоги въ цѣнѣ всѣхъ предметовъ, которые онъ покупаетъ... и въ довершеніе разоренія онъ не смѣетъ продавать свои продукты, гдѣ и какъ онъ захочетъ; онъ не смѣетъ покупать необходимые ему предметы у купцовъ, которые продали бы ему ихъ дешевле. Всѣ эти причины невамѣтно разоряютъ его, и онъ не былъ бы въ состояніи платить въ срокъ прямые налоги безъ пряденья; оно составляетъ поддержку, давая полезное занятіе его женѣ, его дѣтямъ, его батракамъ и ему самому: но какая это тяжелая жизнь, даже и при этой пособной работѣ! Лѣтомъ онъ работаетъ какъ каторжникъ во время пахоты и во время жатвы; онъ ложится въ 9 часовъ и встаетъ въ 2 часа, чтобы справиться съ работами; зимой ему слѣдовало бы возстановить свои силы болѣе значительнымъ отдыхомъ; но у него не будетъ хлѣба и сѣмянъ, если онъ продастъ свою жатву для уплаты податей.. Нужно, слѣдовательно, прясть, чтобы заполнить эту пустоту... и нужно работать съ большимъ прилежаніемъ. Вотъ, почему крестьянинъ зимою ложится въ полночь, въ часъ и встаетъ въ 5 или 6; или же онъ ложится въ 9 часовъ и встаетъ въ 2, и такъ изо дня въ день, всю жизнь, кромѣ воскресеній. Это недостаточное количество сна и чрезмѣрный трудъ подтачиваютъ человѣческія силы, и вслѣдствіе этого мужчины и женщины старѣются въ деревнѣ гораздо раньше чѣмъ въ городѣ». (Mirabeau l. c. t. III, p. 212 sqq.).

Прибавленіе ко 2-му изд. Въ апрѣлѣ 1866 г., послѣ опубликованія вышеприведеннаго сочиненія Robert'a Somers'a, профессоръ Leone Levi читалъ въ Society of Arts лекцію о превращеніи пастбищъ для овецъ въ парки для разведенія дичи, лекцію, въ которой онъ описываетъ прогрессъ опустошенія въ горной Шотландіи. Между прочимъ онъ говоритъ: «Уменьшеніе населенія и превращеніе земли въ простыя пастбища для овецъ представляли самый выгодный способъ полученія доходовъ безъ всякихъ затратъ... Замѣна въ горныхъ округахъ овечьяго пастбища лѣсомъ (deer forest) была обычнымъ явленіемъ. Овцы вытѣсняются дикими звѣрями точно такъ же, какъ прежде изгонялись люди, чтобы дать мѣсто для овецъ.... Можно переходить изъ имѣній графа Dalhousie въ Forfarshire'ѣ до John'o Groat's, не покидая лѣса. Во многихъ (изъ этихъ лѣсовъ) уже прочно поселились лисицы, дикія кошки, куницы, хорьки, ласки и альпійскій заяцъ; между тѣмъ какъ кролики, бѣлки, крысы только недавно завелись тамъ. Огромныя пространства, фигурирующія въ статистикѣ Шотландіи, какъ исключительно хорошія и обширныя пастбища, теперь находятся внѣ всякой культуры и улучшеній и предназначены только служить средствомъ охотничьей забавы—нѣсколькихъ человѣкъ, забавы, которая къ тому же продолжается лишь короткій періодъ года». Лондонскій Economist отъ 2 іюня 1866 г. говоритъ: «Одна шотландская газета сообщаетъ за послѣднюю недѣлю вмѣстѣ съ другими новостями: «Одна изъ лучшихъ овечьихъ фермъ, за которую недавно при истеченіи срока контракта, предлагали ежегодную ренту въ 1.200 ф. ст., превращается въ «deer forest!» Обнаруживаются феодальные инстинкты... какъ въ тѣ времена, когда

терроризмомъ превращеніе феодальной собственности и собственности клана въ современную частную собственность,—таковы идиллическіе методы первоначальнаго накопленія. Они завоевали поле для капиталистическаго земледѣлія, подчинили землю капиталу и создали для городской промышленности необходимый притокъ вольныхъ, какъ птицы, пролетаріевъ.

3. Кровавое законодательство противъ экспропріированныхъ, начиная съ конца XV-го столѣтія. Законы, направленные на пониженіе заработной платы.

Изгнанное со своихъ мѣстъ населеніе, продуктъ распущенія феодальныхъ дружинъ и происходившаго толчками насильственнаго отнятія земли, этотъ вольный, какъ птица, пролетаріатъ никоимъ образомъ не могъ быть поглощаемъ развивающейся мануфактурной промышленностью съ такой же быстротой, съ какой онъ создавался указанными процессами. Съ другой стороны, эти люди, внезапно выброшенные изъ своей обычной жизненной колеи, не могли сразу освоиться съ дисциплиной новыхъ порядковъ. Они цѣлыми массами превращались въ нищихъ, въ разбойниковъ, въ бродягъ, частью по склонности, но въ большинствѣ случаевъ подъ гнетомъ обстоятельствъ. Отсюда въ концѣ XV-го и въ продолженіе всего XVI-го столѣтія по всей Западной Европѣ—кровавое законодательство противъ бродяжничества. Отцы теперешняго рабочаго класса съ самаго начала подверглись карѣ за то, что ихъ превратили въ бродягъ и пауперовъ. Законодательство считало ихъ «добровольными» преступниками и предполагало, что отъ ихъ доброй воли зависитъ продолжать работать при несуществующихъ уже болѣе прежнихъ условіяхъ жизни. Въ Англіи законодательство это началось при Генрихѣ VII.

Генрихъ VIII, 1530: Престарѣлые и нетрудоспособные нищіе получаютъ позволеніе просить милостыню. Здоровые же бродяги, наоборотъ, присуждаются къ наказанію плетьми и къ заключенію въ тюрьму. Ихъ слѣдуетъ, привязавъ

норманнскій завоеватель... уничтожилъ 36 деревень, чтобы создать New-Forest... 2 милліона акровъ, среди которыхъ находятся нѣкоторыя самыя плодородныя земли Шотландіи, превращены въ необработываемую площадь. Естественныя травы Glen Tilt'a считались самыми питательными въ графствѣ Perth; deer forest Ben Aulder представлялъ самые лучшіе луга въ отдаленномъ округѣ Badenoch; часть Black Mount forest была превосходнѣйшимъ въ Шотландіи пастбищемъ для черныхъ овецъ. О пространствѣ запущенной ради охоты земли можно составить себѣ понятіе по тому факту, что оно занимаетъ гораздо большую площадь, чѣмъ все графство Perth. О потерѣ для страны производительныхъ источниковъ вслѣдствіе этого насильственнаго опустошенія можно судить по тому, что почва forest Ben Aulder могла прокормить 15.000 овецъ, и что она составляетъ только 1/10 охотничьяго пространства Шотландіи... Вся эта земля, предназначенная для охоты, безусловно непроизводительна... она могла бы съ такимъ же успѣхомъ быть потоплена въ волнахъ Сѣвернаго моря. Сильная рука законодательства должна была бы уничтожить такія импровизированныя пустыни».

къ тачкѣ, бичевать до тѣхъ поръ, пока кровь не начнетъ струиться изъ тѣла; тогда они должны дать клятву возвратиться на родину или туда, гдѣ они жили послѣдніе три года, и «приняться за работу» (to put himself to labour). Какая жестокая провія! Законъ 27 Генриха VIII повторяетъ прежній статутъ и усиливаетъ его строгость еще нѣкоторыми добавленіями. Если кто-нибудь попадается второй разъ въ бродяжничествѣ, то его опять наказываютъ плетьми и отрѣзываютъ половину уха, въ третій же разъ онъ долженъ быть казненъ какъ тяжкій преступникъ и врагъ общества.

Эдуардъ VI: Статутъ перваго года его царствованія, 1547, предписываетъ отдавать того, кто отказывается работать, въ рабство тому лицу, которое донесетъ на него какъ на праздношатающагося. Хозяинъ долженъ кормить своего раба хлѣбомъ и водой, некрѣпкими напитками и тѣми остатками мяса, которые онъ найдетъ годными. Онъ имѣетъ право принуждать его подъ страхомъ наказанія плетьми и приковываніемъ на цѣпь къ самымъ отвратительнымъ работамъ. Если рабъ отлучится на двѣ недѣли, его приговариваютъ къ пожизненному рабству и выжигаютъ на лбу или на щекѣ букву S, если же онъ убѣжитъ въ третій разъ, то онъ долженъ быть казненъ какъ государственный измѣнникъ. Хозяинъ можетъ его продать, завѣщать кому-нибудь, отдать въ наемъ другому, какъ всякое движимое имущество и скотъ. Если рабы предпринимаютъ что-нибудь противъ господъ, то они точно такъ же должны быть казнены. Мировые судьи должны разыскивать такихъ бѣглыхъ по указаніямъ владѣльцевъ. Если окажется, что бродяга три дня шатался безъ дѣла, то онъ долженъ быть доставленъ на мѣсто своей родины; тамъ раскаленнымъ до красна желѣзомъ выжигаютъ на груди его букву V, заковываютъ въ цѣпи и употребляютъ для уличныхъ работъ и всякихъ другихъ услугъ. Если бродяга укажетъ невѣрное мѣсто рожденія, то въ наказаніе онъ долженъ сдѣлаться пожизненнымъ рабомъ этого мѣста, жителей или корпораціи, онъ долженъ быть заклейменъ буквою S. Всякій имѣетъ право отнимать дѣтей у бродягъ и держать ихъ въ качествѣ учениковъ, мальчиковъ до 24 лѣтъ, дѣвочекъ до 20 лѣтъ. Если они удерутъ, то они должны быть до этого возраста рабами хозяина, который можетъ по своему произволу заковывать ихъ въ цѣпи, наказывать плетьми и т. д.. Каждый хозяинъ можетъ надѣть своему рабу желѣзное кольцо на шею, руки или ноги, чтобы легче его узнавать и упрочить свои права на него [221]). Послѣдняя часть этого статута предусматриваетъ случаи, когда извѣстнаго рода бѣдняки употребляются на работу тѣми мѣстностями или лицами, которыя готовы ихъ кормить или найдутъ для нихъ работу. Этотъ родъ приходскихъ рабовъ сохранился въ Англіи до XIX-го столѣтія включительно подъ названіемъ roundsmen.

Елизавета, 1572: Нищіе, не имѣющіе разрѣшенія просить милостыню, старше 14 лѣтъ, должны быть жестоко наказываемы плетьми и подвергаться

[221]) Авторъ «Essay on Trade and Commerce 1770» замѣчаетъ: «Въ царствованіе Эдуарда VI англичане, казалось, дѣйствительно серьезно занялись поощреніемъ мануфактуръ и доставленіемъ занятій бѣднымъ. Мы видимъ это изъ одного замѣчательнаго статута, въ которомъ говорится, что всѣхъ бродягъ слѣдуетъ клеймить» и т. д. (l. c. p. 8).

клейменію на мочкахъ лѣваго уха въ случаѣ, если не находится никого, кто хотѣлъ бы ихъ взять на два года въ услуженіе; въ случаѣ рецидива, и если они старше 18 лѣтъ, они должны быть казнены, если никто не хочетъ взять ихъ на два года въ услуженіе, въ третій же разъ они должны быть казнены безъ всякой пощады, какъ государственные измѣнники. Сходные статуты: 18 Елизаветы с. 13 и 1597 [321]а).

Яковъ I: Всякій, кто шатается и проситъ милостыни объявляется бродягой. Мировые судьи въ Petty Sessions (на малыхъ сессіяхъ) уполномочены приговаривать такихъ людей къ публичному наказанію плетьми и въ первый разъ сажать ихъ на 6 мѣсяцевъ въ тюрьму, во второй—на два года. Во время заключенія они должны быть столь часто и столь сильно наказываемы плетьми, сколько это сочтутъ нужнымъ мировые судьи... Неисправимые и опасные бродяги должны быть подвергаемы клейменію буквой R на лѣвомъ плечѣ и приговариваемы къ каторжнымъ работамъ; если же они опять попадутся въ нищенствѣ, то безъ всякой пощады подвергаются смертной казни. Эти постановленія имѣли законную силу до начала XVIII-го столѣтія и были отмѣнены лишь закономъ 12 Анны с. 23.

Во Франціи, гдѣ въ половинѣ XVII-го столѣтія бродяги устроили въ Парижѣ свое царство (royaume des truands), мы находимъ такіе же законы. Еще въ

[321]а) Томасъ Моръ говоритъ въ своей Утопіи: «Такъ случается, что жадный и ненасытный обжора, истинная язва своей родины, можетъ разладѣть тысячами акровъ земли, обнесетъ ихъ частоколомъ или плетнемъ, или силою и несправедливостями можетъ довести собственниковъ до того, что они будутъ принуждены все продать. Тѣмъ или инымъ способомъ, не мытьемъ, такъ катаньемъ, они вынуждаются уйти—бѣдные, несчастные, безхитростные существа! Мужчины, женщины, мужья, жены, сироты, вдовы, рыдающія матери съ грудными младенцами, все хозяйство, скудно надѣленное средствами, но многоголовое, такъ какъ для земледѣлія необходимо было много рукъ. Они уходятъ далеко отъ привычныхъ родныхъ мѣстъ, не находя себѣ мѣста отдыха: продажей всей своей домашней утвари, хотя и имѣющей ничтожную цѣнность, при иныхъ обстоятельствахъ они бы хоть что нибудь и выручили; но будучи внезапно изгнаны, они должны продать ее за безцѣнокъ. Когда они пробродили такимъ образомъ и прожили все до послѣдняго гроша, имъ не остается ничего другого, какъ красть, чтобы потомъ быть повѣшенными по всѣмъ правиламъ закона, или просить милостыню. Но и тогда ихъ сажаютъ въ тюрьму, какъ бродягъ, такъ какъ они шатаются безъ работы; а между тѣмъ никто не хочетъ дать имъ работы, сколько бы они ни добивались ея». Изъ этихъ бѣдныхъ бѣглыхъ, о которыхъ Томасъ Моръ говоритъ, что ихъ принудили красть, «72.000 большихъ и маленькихъ воровъ было казнено въ царствованіе Генриха VIII». (Hollingshed «Description of England», v. I, p. 186). Во времена Елизаветы «бродягъ вѣшали цѣлыми рядами, и не проходило обыкновенно и года, чтобы въ томъ или иномъ мѣстѣ не было повѣшено 300 или 400 бродягъ (Strype's «Annals of the Reformation and Establishment of Religion, and other Various Occurences in the Church of England during Queen Elisabeth's Happy Reign. 2nd. ed. 1725», vol. II). По словамъ того же Strype'а въ Somersetshire'ѣ въ продолженіе одного года было казнено 40 человѣкъ, заклеймено 35, 37 наказано плетьми и 187 «отчаянныхъ злодѣевъ», выпущено на волю. «Однако, говоритъ онъ, «это большое число обвиняемыхъ не составляетъ и 1/5 уголовныхъ преступниковъ, благодаря небрежности мировыхъ судей и пагубному состраданію народа». «Другія графства Англіи, прибавляетъ онъ, «находились не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ Somersetshire, а многія—даже въ еще худшемъ».

началѣ царствованія Людовика XVI (ордонансъ 13 іюля 1777) всякій здоровый мужчина отъ 16 до 60 лѣтъ ссылался на галеры, если у него не было на средствъ существованія, ни профессіи. Сходное содержаніе имѣютъ статуты Карла V для Нидерландовъ (октябрь 1537), первый эдиктъ Голландскихъ Штатовъ и Городовъ 19 марта 1614, плакатъ Соединенныхъ Провинцій 25 іюня 1649 и т. д.

Такимъ образомъ, сельское населеніе, насильственно экспропріированное, изгнанное и превращенное въ бродягъ, было—посредствомъ террористическихъ до уродливости законовъ—плетьми, клеймеміемъ и пытками подчинено дисциплинѣ, необходимой при системѣ наемнаго труда.

Мало того, что на одномъ полюсѣ являются условія труда въ видѣ капитала, а на другомъ люди, которымъ нечего продавать, кромѣ своей рабочей силы. Мало того, что ихъ принуждаютъ добровольно продавать себя. Съ прогрессомъ капиталистическаго производства развивается рабочій классъ, который, вслѣдствіе воспитанія, традицій, привычекъ, признаетъ требованія этого способа производства очевидными законами природы. Организація развитого капиталистическаго процесса производства сламываетъ всякое сопротивленіе, постоянное производство относительнаго перенаселенія удерживаетъ законъ спроса и предложенія труда, а, слѣдовательно, и заработную плату въ границахъ, соотвѣтствующихъ потребностямъ самовозрастанія капитала, наконецъ, нѣмой гнетъ экономическихъ условій довершаетъ господство капиталиста надъ рабочимъ. Правда, все еще прибѣгаютъ къ непосредственному, внѣэкономическому насилію, но лишь—въ исключительныхъ случаяхъ. При обыкновенномъ ходѣ вещей, рабочій можетъ быть предоставленъ «естественнымъ законамъ производства», т. е. той зависимости отъ капитала, которая прямо вытекаетъ изъ самыхъ условій производства, имъ гарантируется и увѣковѣчивается. Но не то было при историческомъ началѣ капиталистическаго производства. Нарождающаяся буржуазія пользовалась тогда государственной властью для «регулированія» заработной платы, т. е. для того, чтобы втиснуть и держать ее въ границахъ, соотвѣтствующихъ образованію прибавочной цѣнности, для удлиненія рабочаго дня и для того, чтобы удерживать самого рабочаго въ нормальной степени зависимости. Это—существенный моментъ такъ называемаго первоначальнаго накопленія.

Классъ наемныхъ рабочихъ, образовавшійся во второй половинѣ XIV-го столѣтія, составлялъ тогда и въ послѣдующемъ столѣтіи лишь очень незначительную часть народа. Сильною поддержкой его хозяйственнаго положенія являлось самостоятельное крестьянское хозяйство въ сельскихъ округахъ и цеховая организація въ городахъ. Въ селахъ и городахъ хозяева и рабочіе стояли близко другъ къ другу въ соціальномъ отношеніи. Подчиненіе труда капиталу было только формальнымъ, т. е. самый способъ производства не имѣлъ еще специфически капиталистическаго характера. Перемѣнный элементъ капитала значительно преобладалъ надъ постояннымъ. Поэтому, спросъ на наемный трудъ быстро увеличивался съ каждымъ накопленіемъ капитала, между тѣмъ какъ предложеніе наемнаго труда только медленно слѣдовало за нимъ. Значительная часть національнаго продукта, которая впослѣдствіи стала пре-

вращаться въ фондъ накопленія капитала, въ то время входила еще въ потребительный фондъ рабочаго.

Законодательство о наемномъ трудѣ, съ самаго начала выдуманное для подавленія эксплуатаціи рабочихъ и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи непремѣнно враждебное имъ [222]), открывается въ Англіи Statute of Labourers Эдуарда III, изданнымъ въ 1349 г. Во Франціи ему соотвѣтствуетъ ордонансъ 1350 г., изданный отъ имени короля Жана. Англійское и французское законодательство идутъ параллельно другъ другу и по содержанію своему тождественны. Я не стану останавливаться на статутахъ о рабочихъ, поскольку они касаются удлиненія рабочаго дня, такъ какъ этотъ вопросъ былъ уже мною разсмотрѣнъ раньше (глава восьмая, 5).

Statute of Labourers былъ изданъ по настоятельной жалобѣ палаты общинъ. «Прежде»,—наивно говоритъ одинъ торі,—«бѣдные требовали столь высокую плату, что это угрожало промышленности и богатству. Теперь же плата ихъ такъ низка, что это опять угрожаетъ промышленности и богатству, но въ другомъ смыслѣ, и теперь это можетъ быть гораздо опаснѣе, чѣмъ тогда» [223]). Законодательнымъ путемъ былъ установленъ тарифъ заработной платы для городовъ и сельскихъ округовъ, для поштучнаго и поденнаго труда. Сельскіе рабочіе должны нанимаѣся на годъ, городскіе же «на вольномъ рынкѣ». Запрещается подъ страхомъ тюремнаго заключенія платить высшую плату, чѣмъ та, которая указана въ статутѣ, но тотъ, кто получаетъ высшую плату, наказывается строже, чѣмъ тотъ, кто даетъ ее. Такъ, еще по статуту Елизаветы объ ученикахъ, отд. 18 и 19, платящіе высшую плату подвергаются 10-дневному тюремному заключенію, тогда какъ тѣ, которые получаютъ ее, присуждаются къ трехнедѣльному тюремному заключенію. Статутъ 1360 г. усиливаетъ наказаніе и уполномочиваетъ хозяевъ употреблять физическое принужденіе, чтобы заставлять рабочихъ работать по установленному закономъ тарифу. Всякія соглашенія, клятвы, союзы и т. д., которыя взаимно связывали каменщиковъ и плотниковъ—объявляются недѣйствительными. Рабочіе союзы считаются тяжкимъ преступленіемъ съ 14-го столѣтія до 1825 г.,—годъ отмѣны законовъ противъ коалицій. Духъ рабочаго статута 1349 г. и послѣдующихъ законовъ ясно сказывается въ томъ, что государство опредѣляетъ maximum заработной платы, но отнюдь не minimum ея.

Въ 16-мъ столѣтіи, какъ извѣстно, положеніе рабочихъ сильно ухудшилось. Денежная плата повысилась, но не пропорціонально обезцѣненію денегъ и соотвѣтствующему повышенію товарныхъ цѣнъ. Въ дѣйствительности, слѣдовательно, плата понизилась. Тѣмъ не менѣе законы о пониженіи заработной платы оставались въ силѣ, такъ же какъ и отрѣзываніе ушей и клей-

[222]) «Когда законодательство старается регулировать споры между хозяевами и рабочими, совѣтчиками его всегда являются хозяева»,—говоритъ А. Смитъ. «Духъ законовъ это—собственность», говоритъ Linguet.

[223]) «Sophisms of Free Trade. By a Barrister. Lond. 1850», p. 53. «Мы всегда готовы вмѣшаться въ пользу хозяевъ», — ехидно прибавляетъ онъ;—«развѣ нельзя сдѣлать что нибудь для рабочихъ»?

менѣе тѣхъ, «кого никто не хотѣлъ брать въ услуженіе». Статутомъ объ ученикахъ, 5 Елизаветы с. 3, мировые судьи уполномочивались опредѣлять величину заработной платы и измѣнять ее соотвѣтственно временамъ года и цѣнамъ товаровъ. Яковъ I распространилъ эту регламентацію условій труда также на ткачей, прядильщиковъ и на всевозможныя другія категоріи рабочихъ [224]), а Георгъ II законы противъ рабочихъ союзовъ распространилъ на всѣ мануфактуры.

Въ собственно мануфактурный періодъ капиталистическій способъ производства уже настолько окрѣпъ, что законодательное регулированіе заработной платы оказывалось и непримѣнимымъ и безполезнымъ. Но на случай нужды хорошо было имѣть подъ руками оружіе стараго арсенала. Еще закономъ 8 Георга II запрещалось подмастерьямъ портныхъ Лондона и окрестностей получать больше 2 шилл. 7½ пенсовъ въ день, кромѣ случаевъ всеобщаго траура: еще закономъ 13 Георга III с. 68 право регулировать заработную плату ткачей шелковыхъ издѣлій передавалось мировымъ судьямъ; еще въ 1796 г. понадобились два приговора высшихъ судовъ для рѣшенія вопроса, могутъ ли постановленія мировыхъ судей о заработной платѣ распространяться и на неземледѣльческихъ рабочихъ; еще въ 1799 году парламентскимъ актомъ подтверждается, что заработная плата шотландскихъ горнорабочихъ регулируется статутомъ Елизаветы и двумя шотландскими актами 1661 и 1671 г. Но какой переворотъ за это время испытали всѣ условія, доказалъ слѣдующій неслыханный въ палатѣ общинъ случай. Тамъ, гдѣ болѣе 400 лѣтъ постоянно фабриковались законы о maximum'ѣ, котораго ни въ какомъ случаѣ не должна превосходить заработная плата, въ 1796 г. Whitbread предложилъ установить законъ о minimum'ѣ заработной платы для земледѣльческихъ наемныхъ рабочихъ. Питтъ воспротивился этому, но призналъ, что «положеніе бѣдныхъ ужасно» (cruel). Наконецъ, въ 1813 г. были отмѣнены законы о регулированіи зара-

[224]) Изъ одного параграфа статута 2, Якова I, с. 6 видно, что нѣкоторые суконные фабриканты въ качествѣ мировыхъ судей не стѣснялись сами оффиціально устанавливать тарифъ заработной платы въ своихъ мастерскихъ. Въ Германіи статуты, издаваемые съ цѣлью пониженія заработной платы, встрѣчаются особенно часто послѣ тридцатилѣтней войны. «Въ опустѣлыхъ мѣстностяхъ для помѣщиковъ былъ очень стѣснителенъ недостатокъ слугъ и рабочихъ. Всѣмъ сельскимъ жителямъ было запрещено отдавать комнаты въ наймы холостымъ мужчинамъ и женщинамъ. Всѣ такіе субъекты должны были быть доставляемы властямъ и сажаемы въ тюрьму, если они не хотѣли становиться прислугой, если даже они содержали себя другой работой, напр., за поденную плату помогали крестьянамъ сѣять или же торговали деньгами и хлѣбомъ (Kaiserliche Privilegien und Sanctionen für Schlesien I, 125). Въ продолженіе цѣлаго столѣтія указы владѣтельныхъ князей постоянно полны горькихъ жалобъ на злонамѣренную и нахальную черни, которая не хочетъ подчиниться тяжелымъ условіямъ и не довольствуется закономъ установленной платой; каждому отдѣльному помѣщику запрещается платить больше установленнаго мѣстной таксой. И тѣмъ не менѣе условія труда послѣ войны иногда были лучше, чѣмъ 100 лѣтъ спустя; еще въ 1652 г. въ Силезіи батраки получали два раза въ недѣлю мясо, между тѣмъ какъ въ нашемъ столѣтіи тамъ были округа, гдѣ оно давалось только 3 раза въ годъ. Заработная плата также была выше послѣ войны, чѣмъ въ слѣдующія столѣтія». (G. Freitag).

ботной платы. Они стали смѣшной аномаліей съ тѣхъ поръ, какъ капиталистъ управлялъ фабрикой, опираясь на свою частную законодательную власть, и предоставлялъ дополнять необходимый minimum заработной платы сельскихъ рабочихъ посредствомъ налога на бѣдныхъ. Тѣ постановленія рабочихъ статутовъ о контрактахъ между хозяевами и рабочими, относительно срока отказа отъ договора, по которымъ хозяева, нарушающіе контрактъ, преслѣдуются только гражданскимъ порядкомъ, рабочіе же—уголовнымъ, находятся въ полной силѣ еще и въ настоящее время.

Жестокіе законы противъ коалицій пали въ 1825 г., благодаря угрожающему положенію, занятому пролетаріатомъ. Тѣмъ не менѣе они пали только отчасти. Нѣкоторые прекрасные остатки старыхъ статутовъ исчезли только въ 1859 г. Наконецъ парламентскимъ актомъ 29 іюня 1871 г., признающимъ законное существованіе Trades-Unions, думали уничтожить послѣдніе слѣды этого классоваго законодательства. Но парламентскимъ актомъ отъ того же числа (act to amend the criminal law relating to violence, threats and molestation) фактически возстановлялось прежнее положеніе вещей въ новой формѣ. Этой парламентской уловкой тѣ средства, которыми могутъ пользоваться рабочіе во время стачки или локаута (стачка соединенныхъ фабрикантовъ, заключающаяся въ одновременномъ закрытіи фабрикъ), были изъяты изъ области общаго права и подчинены особому исключительному уголовному законодательству, толкованіе котораго предоставлялось самимъ фабрикантамъ, въ ихъ качествѣ мировыхъ судей. Двумя годами раньше тотъ же самый Гладстонъ благородно внесъ и та же самая палата общинъ обсуждала законопроектъ объ отмѣнѣ всякихъ исключительныхъ законовъ противъ рабочаго класса. Но дальше втораго чтенія дѣло не пошло, и его тянули до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, «великая либеральная партія» въ союзѣ съ тори не рѣшилась выступить открыто противъ того самаго пролетаріата, который помогъ ей добиться власти. Не довольствуясь этой измѣной, «великая либеральная партія» позволила англійскимъ судьямъ, всегда готовымъ вилять хвостомъ передъ господствующимъ классомъ, откопать устарѣлые законы о «заговорахъ» и примѣнять ихъ къ рабочимъ союзамъ. Какъ мы видимъ, только противъ воли и подъ давленіемъ массъ англійскій парламентъ отказался отъ законовъ противъ стачекъ и трэдъ-юніоновъ, послѣ того, какъ онъ самъ въ продолженіе пяти столѣтій съ цинизмомъ игралъ роль постояннаго трэдъ-юніона капиталистовъ противъ рабочихъ.

Уже въ самомъ началѣ революціонной бури французская буржуазія осмѣлилась отнять у рабочихъ только что завоеванное право ассоціаціи. Декретомъ 14-го іюня 1791 г. она объявляла всякій рабочій союзъ «посягательствомъ на свободу и декларацію правъ человѣка», посягательствомъ, наказуемымъ штрафомъ въ 500 ливровъ и лишеніемъ на одинъ годъ правъ активнаго гражданина [275]). Этотъ

[275]) Статья I этого закона гласитъ: «Такъ какъ уничтоженіе всевозможныхъ корпорацій одного и того же сословія и одной и той же профессіи составляетъ одно изъ основныхъ положеній французской конституціи, то запрещается фактически возстановлять ихъ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ и въ какой бы то ни было формѣ». Статья IV объявляетъ, что если «граждане, принадлежащіе

законъ, государственно-полицейскими способами втискивающій борьбу между капиталомъ и трудомъ въ рамки, удобныя для капитала, пережилъ революціи и династическіе перевороты. Даже правительство террора не отмѣнило его. Только въ самое послѣднее время онъ былъ вычеркнутъ изъ уголовнаго кодекса. Характернѣе всего предлогъ этого буржуазнаго coup d'etat. «Хотя», говоритъ Chapelier, докладчикъ этого закона, «желательно, чтобы заработная плата была выше, чѣмъ теперь, для того, чтобы тѣ, которые получаютъ ее, не находились вслѣдствіе недостатка самыхъ необходимыхъ средствъ существованія въ абсолютной зависимости, почти равной рабству», тѣмъ не менѣе рабочіе не должны сговариваться о своихъ интересахъ, дѣйствовать сообща и такимъ образомъ уменьшать свою «абсолютную зависимость, почти равную рабству», такъ какъ этимъ самымъ они нарушаютъ «свободу своихъ ci-devant maitres, теперешнихъ предпринимателей» (свободу держать рабочихъ въ рабствѣ!) и такъ какъ коалиція противъ деспотизма бывшихъ цеховыхъ мастеровъ — отгадайте! — представляетъ возстановленіе уничтоженныхъ французской конституціей цеховъ [226])!

4. Генезисъ капиталистическихъ фермеровъ.

Разсмотрѣвъ насильственное созданіе свободныхъ какъ птицы пролетаріевъ, кровавый дисциплинарный режимъ, превратившій ихъ въ наемныхъ рабочихъ, грязное вмѣшательство государства, которое, вмѣстѣ съ увеличеніемъ степени эксплуатаціи труда, повышаетъ накопленіе капитала, мы можемъ спросить: откуда же первоначально взялись капиталисты? Вѣдь, экспропріація сельскаго населенія создаетъ непосредственно только крупныхъ землевладѣльцевъ. Что же касается генезиса фермера, то мы можемъ этотъ генезисъ, такъ сказать, осязать руками, такъ какъ онъ представляетъ медленный процессъ, продолжающійся цѣлыя столѣтія. Имущественныя отношенія самихъ крѣпостныхъ (и свободныхъ мелкихъ землевладѣльцевъ) были чрезвычайно разнообразны, и поэтому они были освобождены при весьма различныхъ экономическихъ условіяхъ.

Въ Англіи фермеръ сначала является въ формѣ bailliff'a, который самъ еще крѣпостной. Его положеніе напоминаетъ древне-римскаго villicus'a, но сфера его дѣятельности болѣе ограничена. Во второй половинѣ XIV-го столѣтія его замѣняетъ фермеръ, котораго лэндлордъ снабжаетъ сѣменами, скотомъ и земледѣльческими орудіями. Его положеніе немногимъ отличается отъ положенія крестьянина. Онъ эксплуатируетъ только больше наемнаго труда. Вскорѣ онъ становится половникомъ (metayer). Онъ доставляетъ одну часть капитала, необходимаго для земледѣлія, лэндлордъ—другую. Валовой продуктъ они дѣлятъ между

къ одной и той же профессіи, къ одному и тому же искусству или ремеслу, будутъ совѣщаться, вступать въ договоры съ цѣлью отказывать въ содѣйствіи другимъ гражданамъ или же только за опредѣленную цѣну предоставлять имъ помощь своимъ промысломъ и своимъ трудомъ, то всѣ такія соглашенія и договоры будутъ объявлены противными конституціи, посягающими на свободу и на декларацію правъ человѣка и т. д.», т. е. государственными преступленіями, совершенно такъ же, какъ въ прежнихъ рабочихъ статутахъ. («Révolution de Paris. Paris 1791», t. III, p. 523).

[226]) Buchez et Roux, «Histoire Parlementaire», t. X, p. 195.

собой въ пропорціи, опредѣленной въ контрактѣ. Эта форма быстро исчезаетъ въ Англіи и уступаетъ мѣсто настоящему фермеру, который, прилагая наемный трудъ, пускаетъ въ ходъ свой собственный капиталъ и часть прибавочнаго продукта натурой или деньгами уплачиваетъ ландлорду, какъ поземельную ренту.

Пока въ продолженіе XV-го столѣтія, независимые крестьяне и наемные земледѣльческіе рабочіе, ведущіе также свое собственное хозяйство, обогащаются своимъ собственнымъ трудомъ, положеніе фермеровъ и размѣры ихъ производства остаются довольно посредственными. Переворотъ въ земледѣліи, начавшійся въ послѣдней трети XV-го столѣтія и продолжавшійся все XVI-е столѣтіе (за исключеніемъ, однако, послѣднихъ десятилѣтій) такъ же быстро повелъ къ ихъ обогащенію, какъ къ обѣдненію сельскаго населенія [227]). Захватъ общинныхъ выгоновъ и т. д. даетъ имъ возможность увеличить количество скота почти безъ всякихъ расходовъ, а скотъ доставляетъ имъ болѣе обильное удобреніе для обработки земли.

Въ XVI-мъ столѣтіи къ этому присоединяется еще одинъ важный моментъ. Арендные контракты въ то время были долгосрочные, часто на 99 лѣтъ. Постоянное паденіе цѣнности благородныхъ металловъ, а, стало быть, и денегъ принесло фермерамъ золотые плоды. Прежде всего, помимо всѣхъ прежде разсмотрѣнныхъ обстоятельствъ, оно понизило заработную плату. Постоянное повышеніе цѣнъ на хлѣбъ, шерсть, мясо, однимъ словомъ, на всѣ земледѣльческіе продукты, увеличивало денежный капиталъ фермера безъ всякаго содѣйствія съ его стороны. между тѣмъ какъ выговоренная въ договорѣ поземельная рента уплачивалась въ прежнемъ, соотвѣтствовавшемъ иной цѣнности денегъ, размѣрѣ [228]). Такимъ обра-

[227]) «Фермеры, которымъ раньше было трудно платить 4 ф. ст. ренты».—говоритъ Harrison въ своей Description of England,—«платятъ теперь 40, 50, 100 ф. ст. и находятъ, что дѣла ихъ идутъ плохо, если по истеченіи срока контракта, они не скопятъ суммы, равной рентѣ за 6 или 7 лѣтъ».

[228]) О вліяніи обезцѣненія денегъ въ XVI-мъ столѣтіи на различные классы общества: «A Compendious or Briefe Examination of Certayne Ordinary Complaints of Diverse of our Countrymen in these our Days. By W. S. Gentleman». (London 1581). Діалогическая форма этого произведенія способствовала тому, что его долго приписывали Шекспиру, и еще въ 1751 г. издали подъ его именемъ. Авторъ его William Stafford. Въ одномъ мѣстѣ дворянинъ (рыцарь, Knight) разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: Дворянинъ: «Вы, мой сосѣдъ, земледѣлецъ, вы, лавочникъ и вы, добрѣйшій мѣдникъ, такъ же, какъ и другіе ремесленники, вы можете легко выпутаться изъ бѣды, такъ, какъ насколько теперь всѣ предметы дороже, чѣмъ они были, настолько вы повысили цѣну на ваши товары и на вашъ трудъ. Но намъ нечего продавать, намъ не на чемъ повысить цѣну, чтобы вознаградить себя за то, что мы должны покупать». Въ другомъ мѣстѣ дворянинъ спрашиваетъ у доктора. «Скажите, прошу васъ, кого вы имѣете въ виду. И прежде всего, кому, по вашему, нечего здѣсь терять»?—Докторъ: «Я имѣю въ виду всѣхъ тѣхъ, которые живутъ покупкой и продажей, такъ какъ, если они покупаютъ по дорогой цѣнѣ, то и продаютъ такъ же».—Рыцарь: «А кто прежде всего, по вашему, выигрываетъ отъ этого»?—Докторъ: «Всѣ тѣ, которые имѣютъ предпріятія или фермы въ своемъ распоряженіи (т. е. обрабатываютъ) по старой рентѣ, такъ какъ они платятъ по старымъ цѣнамъ, а продаютъ по новымъ, т. е. они платятъ за свою землю дешево,

зомъ, онъ обогащался въ тоже самое время и на счетъ своихъ наемныхъ рабочихъ, и на счетъ своего лэндлорда. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что въ концѣ XVI го столѣтія Англія обладала классомъ «капиталистовъ-фермеровъ», довольно богатыхъ для условій того времени [229]).

7. Вліяніе земледѣльческаго переворота на промышленность. Образованіе внутренняго рынка для промышленнаго капитала.

Происходившія толчками и постоянно возобновлявшіяся экспропріація и изгнаніе сельскаго населенія доставляли, какъ мы видѣли, городской промышленности все новыя и новыя массы пролетаріевъ, стоявшихъ совершенно внѣ цехового строя,—мудрое обстоятельство, заставляющее старика A. Anderson'a, автора Исторіи Торговли, (котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ James'омъ Anderson'омъ), видѣть въ этомъ прямое внѣшательство Провидѣнія. Мы должны еще немного

а продаютъ всѣ продукты очень дорого»... Дворянинъ:—«А кто, по вашему мнѣнію, при этихъ обстоятельствахъ больше теряетъ, чѣмъ выигрываетъ?—Докторъ:—«Всѣ дворяне, джентльмэны, и всѣ тѣ, кто живутъ маленькой рентой или жалованьемъ, или кто не обрабатываютъ землю, или не занимаются покупкой и продажей».

[229]) Во Франціи управляющій (Régisseur), сборщикъ всякихъ повинностей въ пользу феодальнаго барона, въ началѣ среднихъ вѣковъ, вскорѣ становится homme d'affaires, который посредствомъ вымогательствъ, мошенничествъ и т. д. подымается до ступени капиталиста. Эти Régisseurs иногда сами были знатными господами. Напр.: «C'est li compte que messire Jacques de Thoraine, chevalier chastelain sor Besançon rent es seigneur tenant les comptes à Dijon pour monseigneur le duc et comte de Bourgoigne, des rentes appartenant à la dite chastellenie depuis XXV e jour de décembre MCCCLIX jusqu'au XXVIII-e jour de décembre MCCCLX». (Alexis Monteil: «Histoire des Matériaux manuscrits» etc, p. 244). Уже здѣсь видно, какъ во всѣхъ сферахъ общественной жизни львиная доля достается посреднику. Въ области экономіи финансисты, биржевики, купцы, мелкіе торговцы снимаютъ пѣнки со всѣхъ дѣлъ, въ области гражданскаго права адвокатъ ощипываетъ стороны; въ политикѣ представитель имѣетъ больше значенія, чѣмъ избиратели, министръ больше, чѣмъ государь; въ религіи Богъ отодвигается на задній планъ «посредникомъ», а этотъ послѣдній въ свою очередь вытѣсняется попами, которые служатъ неизбѣжными посредниками между добрымъ пастыремъ и его овцами. Во Франціи, какъ и въ Англіи, большія феодальныя помѣстья дѣлились на безконечное множество мелкихъ хозяйствъ, но на гораздо менѣе благопріятныхъ условіяхъ для сельскаго населенія. Въ XIV-мъ столѣтіи возникли фермы, fermes или terriers. Число ихъ постоянно росло и превышало 100.000. Они платили поземельную ренту, составлявшую отъ пятой до двѣнадцатой части продукта, деньгами или натурой. Terriers составляли лены, подлены, и т. д. (fiefs, arrière-fiefs), смотря по цѣнности и размѣру имѣній, изъ которыхъ нѣкоторыя состояли только изъ нѣсколькихъ десятинъ. Всѣ эти terriers имѣли также судебную власть; по отношенію къ жителямъ власть эта имѣла 4 степени. Можно себѣ представить, какъ всѣ эти мелкіе тираны, угнетали сельское населеніе. Monteil говоритъ, что тогда во Франціи было 160.000 судебныхъ учрежденій тамъ, гдѣ теперь достаточно 4.000 (считая и мировые суды).

остановиться на этомъ элементѣ первоначальнаго накопленія. Уменьшенію независимаго сельскаго населенія, ведущаго самостоятельное хозяйство, соотвѣтствовало не только увеличеніе промышленнаго пролетаріата, какъ по Geoffroy Saint-Hilaire'y разрѣженіе міровой матеріи въ одномъ мѣстѣ объясняется уплотненіемъ ея въ другомъ [230]). Несмотря на уменьшеніе числа земледѣльцевъ, земля приносила продуктовъ столько же, сколько и прежде или больше, такъ какъ переворотъ въ поземельныхъ отношеніяхъ сопровождался улучшеніемъ способовъ культуры, развитіемъ кооперація, концентраціей средствъ производства и т. д. и такъ какъ не только сельскіе рабочіе принуждены были интенсивно трудиться [231]), но, и кромѣ того, то пространство, которое они обрабатывали для себя, все таяло и таяло. Съ освобожденіемъ сельскаго населенія освобождаются, слѣдовательно, и прежнія его средства пропитанія. Они превращаются теперь въ матеріальный элементъ перемѣннаго капитала. Брошенный на улицу крестьянинъ долженъ теперь пріобрѣтать цѣнность ихъ у своего новаго господина, промышленнаго капиталиста, въ формѣ заработной платы. То же самое происходитъ и съ мѣстнымъ земледѣльческимъ сырьемъ промышленности. Оно превращается въ одинъ изъ элементовъ постояннаго капитала.

Предположимъ, напр., что нѣкоторая часть вестфальскихъ крестьянъ, которые во времена Фридриха II всѣ пряли ленъ, была насильственно экспропріирована и изгнана съ земли, другая же оставшаяся часть превращена въ наемныхъ рабочихъ крупныхъ фермеровъ. Въ то же самое время возникаютъ крупныя льнопрядильныя и льноткацкія фабрики, гдѣ «освобожденные» работаютъ уже въ качествѣ наемныхъ рабочихъ. Ленъ и теперь имѣетъ такой же видъ, какъ прежде. Ни одно волоконце въ немъ не измѣнилось, но въ него вселилась новая соціальная душа. Онъ образуетъ теперь часть постояннаго капитала владѣльца мануфактуры. Ленъ, прежде распредѣлявшійся между безчисленнымъ множествомъ мелкихъ производителей, которые сами его воздѣлывали и въ небольшихъ количествахъ пряли со своими семействами, теперь сконцентрированъ въ рукахъ одного капиталиста, дающаго его другимъ прясть и ткать для себя. Добавочный трудъ, потраченный на пряденье льна, реализовался прежде въ добавочныхъ доходахъ многочисленныхъ крестьянскихъ семействъ или же, во времена Фридриха II, въ налогахъ pour le roi de Prusse. Теперь онъ реализуется въ прибыли немногихъ капиталистовъ. Веретена и ткацкіе станки, прежде разбросанные по всей странѣ, теперь сосредоточены въ немногихъ большихъ рабочихъ казармахъ, такъ же, какъ и рабочіе, такъ же, какъ и сырой матеріалъ. И изъ средствъ независимаго существованія прядильщиковъ и ткачей веретена, ткацкіе станки и сырой матеріалъ отнынѣ превращаются въ средства господства надъ ними [232]) и высасыванія изъ нихъ неоплаченнаго труда. Крупныя мануфактуры, равно какъ и крупныя фермы, своимъ видомъ не говорятъ, что

[230]) Въ своихъ «Notions de Philosophie Naturelle. Paris 1838».

[231]) Обстоятельство, которое подчеркиваетъ Sir James Steuart.

[232]) «Я позволяю вамъ имѣть честь служить мнѣ,—говоритъ капиталистъ,—съ условіемъ, чтобы вы отдавали мнѣ то немногое, что у васъ остается, за трудъ командованія вами». (J. J. Rousseau: Discours sur l'Economie Politique).

онѣ образовались изъ соединенія многихъ мелкихъ мастерскихъ и вслѣдствіе экспропріаціи многихъ мелкихъ независимыхъ производителей. Однако безпристрастный взоръ не вводится этимъ въ заблужденіе. Во времена Мирабо, льва революціи, крупныя мануфактуры назывались еще manufactures réunies, соединенными мастерскими, какъ мы говоримъ о соединенныхъ поляхъ. «Мы видимъ только крупныя мануфактуры,—говоритъ Мирабо—на которыхъ сотни людей работаютъ подъ управленіемъ одного директора, и которыя обыкновенно называются соединенными мануфактурами (manufactures réunies). Но мы, напротивъ того, едва удостоимъ вниманія тѣ, въ которыхъ очень значительное число рабочихъ трудится въ раздробь каждый за свой собственный счетъ. Ихъ отодвигаютъ на задній планъ. Но это очень большое заблужденіе, такъ какъ только они одни образуютъ дѣйствительно важную часть народнаго богатства... Соединенная фабрика (fabrique réunie) необычайно обогащаетъ одного или двухъ предпринимателей, но рабочіе въ ней только хуже или лучше оплачиваемые поденщики, отнюдь не участвующіе въ благосостояніи предпринимателя. Въ разъединенной фабрикѣ (fabrique separée), наоборотъ, никто не богатѣетъ, но множество рабочихъ пользуется благосостояніемъ... Растетъ число трудолюбивыхъ и бережливыхъ рабочихъ, такъ какъ въ благоразумномъ образѣ жизни, въ дѣятельности они видятъ средство существенно улучшить свое положеніе, а не получить маленькое повышеніе платы, которое никогда не можетъ имѣть важнаго значенія для будущаго, но даетъ человѣку лишь возможность нѣсколько лучше жить изо дня въ день. Разъединенныя индивидуальныя мануфактуры, по большой части соединенныя съ мелкимъ сельскимъ хозяйствомъ, одни только даютъ свободу» [238]). Экспропріація и изгнаніе одной части сельскаго населенія освобождаютъ вмѣстѣ съ рабочими не только ихъ средства существованія и ихъ рабочій матеріалъ для промышленнаго капитала, — они создаютъ внутренній рынокъ.

Въ самомъ дѣлѣ, благодаря событіямъ, превращающимъ мелкихъ крестьянъ въ наемныхъ рабочихъ, а ихъ средства существованія и труда—въ матеріальные элементы капитала, образуется въ то же самое время для этого послѣдняго его внутренній рынокъ. Прежде крестьянское семейство производило съѣстные припасы и обрабатывало сырой матеріалъ, которые оно, по большей части, потомъ само потребляло. Эти съѣстные припасы и сырой матеріалъ стали теперь товарами: крупный фермеръ продаетъ ихъ, находя сбытъ для нихъ на мануфактурахъ. Пряжа, холстъ, грубыя шерстяныя матеріи—вещи, сырье для которыхъ имѣлось на лицо въ каждомъ крестьянскомъ семействѣ, прядшаго и ткавшаго ихъ для своего собственнаго потребленія—превратились теперь въ мануфактурные товары, для которыхъ именно сельскіе округа и служатъ рынками сбыта. Многочисленные разсѣянные покупатели, спросъ которыхъ удовлетворялся многими,

[238]) Mirabeau l. c. t. III, p. 20—109 passim. Если Мирабо считаетъ разсѣянныя мастерскія болѣе производительными и болѣе экономичными, чѣмъ «соединенныя» и въ послѣднихъ видитъ только искусственныя тепличныя созданія, выросшія подъ покровительствомъ правительства, то это объясняется тогдашнимъ состояніемъ большей части континентальныхъ мануфактуръ.

работающими за свой собственный счетъ мелкими производителями, концентрируются теперь въ одинъ большой, снабжаемый промышленнымъ капиталомъ, рынокъ [234]). Такимъ образомъ рука объ руку съ экспропріаціей крестьянъ, имѣвшихъ прежде самостоятельное хозяйство, съ ихъ отдѣленіемъ отъ средствъ производства идетъ уничтоженіе сельской подсобной промышленности, процессъ отдѣленія промышленности отъ земледѣлія. И только съ уничтоженіемъ сельскаго домашняго производства внутренній рынокъ страны можетъ принять тѣ размѣры и ту прочность, которые необходимы для капиталистическаго способа производства.

Однако собственно мануфактурный періодъ не несетъ еще съ собой радикальнаго переворота. Напомнимъ, что мануфактура лишь по частямъ овладѣваетъ національнымъ производствомъ и опирается всегда на городское ремесло и сельскую домашне-подсобную промышленность. Если она уничтожаетъ послѣднюю въ одной какой-нибудь формѣ, въ однихъ отрасляхъ промышленности, въ извѣстныхъ пунктахъ, то она создаетъ ее въ другихъ, такъ какъ она до извѣстной степени сама нуждается въ этой промышленности для обработки сырого матеріала. Она создаетъ, такимъ образомъ, новый классъ мелкихъ поселянъ, для которыхъ земледѣліе есть побочное занятіе, главнымъ же дѣломъ является промышленный трудъ, продукты котораго продаются на мануфактуры—непосредственно или черезъ посредство купца. Это обстоятельство есть одна, хотя и не главная, основа явленія, сбивающаго съ толку того, кто приступаетъ къ изученію англійской исторіи. Начиная съ послѣдней трети XV-го столѣтія постоянно раздаются жалобы на распространеніе капиталистическаго сельскаго хозяйства и на прогрессивное уничтоженіе крестьянства. Съ другой стороны, мы постоянно снова находимъ это крестьянство, хотя и въ все меньшемъ и меньшемъ числѣ и въ все худшемъ и худшемъ положеніи [235]). Главная причина этого заключается въ томъ, что Англія является попеременно то страной преимущественно земледѣльческой, то страной преимущественно скотоводческой; и въ связи съ этими колебаніями измѣняются также и размѣры крестьянскаго хозяйства. Только крупная промышленность создаетъ, въ видѣ машинъ, прочное основаніе для капиталистическаго земледѣлія, радикально экспропріируетъ громадное большинство сельскаго населенія и довершаетъ отдѣленіе земледѣлія отъ

---

[234]) «Двадцать фунтовъ шерсти, спокойно ежегодно превращаемые собственнымъ трудомъ въ промежутки между другими работами въ одежду крестьянскаго семейства, не бросаются въ глаза; но принесите ихъ на рынокъ, пошлите ихъ на фабрику, затѣмъ къ мандлору, затѣмъ къ купцу, и получатся большія коммерческія операціи и номинальный капиталъ, въ двадцать разъ превышающій цѣнность продукта... Рабочій классъ принужденъ такимъ образомъ переносить жалкое фабричное населеніе, классъ паразитовъ лавочниковъ и основанную на фикціяхъ коммерческую, денежную и финансовую систему». (David Urquhart l. c. p. 120).

[235]) Исключеніе здѣсь составляютъ только времена Кромвеля. Пока существовала республика, всѣ слои англійской народной массы поднялись изъ того состоянія приниженія, въ которое они опустились при Тюдорахъ.

сельскихъ домашнихъ промысловъ — пряденія и ткачества [235]), вырывая послѣдніе съ корнемъ. Поэтому, только она завоевываетъ для промышленнаго капитала весь внутренній рынокъ [237]).

6. Генезисъ промышленнаго капиталиста.

Генезисъ промышленнаго капиталиста [238]) не былъ столь постепеннымъ, какъ генезисъ фермера. Безъ сомнѣнія отдѣльные мелкіе цеховые мастера и еще болѣе самостоятельные мелкіе ремесленники и даже наемные рабочіе превращались въ мелкихъ капиталистовъ и, посредствомъ постепенно расширяемой эксплоатаціи наемнаго труда и соотвѣтствующаго накопленія, становились капиталистами sans phrase. Въ младенческомъ періодѣ капиталистическаго производства часто происходило то же самое, что и въ младенческомъ періодѣ средневѣковаго городского строя, гдѣ вопросъ, кто изъ бѣглыхъ крѣпостныхъ долженъ сдѣлаться хозяиномъ и кто слугой, въ большинствѣ случаевъ рѣшался тѣмъ, кто изъ нихъ бѣжалъ раньше, кто позже. Но черепашій ходъ этого способа вовсе не соотвѣтствовалъ торговымъ потребностямъ новаго мірового рынка, созданнаго великими открытіями конца XV-го столѣтія. Средніе вѣка передали по наслѣдству новой исторіи двѣ различныя формы капитала, которыя созрѣваютъ въ самыхъ различныхъ общественно-экономическихъ формаціяхъ и до эры капиталистическаго способа производства считаются за капиталъ quand même—

[235]) Tuckett знаетъ, что изъ настоящихъ мануфактуръ и изъ разрушенія сельскихъ или домашнихъ промысловъ съ введеніемъ машинъ произошла крупная шерстяная промышленность (Tuckett l. c. v. I, p. 144). «Плугъ, ярмо были изобрѣтеніемъ боговъ и занятіемъ героевъ, но развѣ ткацкій станокъ, веретена и самопрялка — менѣе благороднаго происхожденія? Вы отдѣляете самопрялку отъ плуга, веретено отъ ярма и вы получаете фабрики и рабочіе дома, кредитъ и паники, двѣ враждебныя націи, земледѣльческую и торговую». (David Urquhart l. c. p. 122). Но вотъ является Carey и справедливо обвиняетъ Англію, что она стремится превратить всѣ другія страны въ земледѣльческія, фабрикантомъ которыхъ была бы Англія. Онъ утверждаетъ, что такимъ образомъ была разорена Турція, такъ какъ Англія никогда не давала «собственникамъ и земледѣльцамъ укрѣпиться посредствомъ естественнаго соединенія плуга съ ткацкимъ станкомъ, бороны съ молотомъ». (The Slave Trade, p. 125). По его мнѣнію самъ Urquhart является однимъ изъ главныхъ дѣятелей разоренія Турціи, гдѣ онъ въ интересахъ Англіи велъ пропаганду свободной торговли. Любопытнѣе всего то, что Carey, между прочимъ — большой прислужникъ Россіи, посредствомъ протекціонной системы хочетъ пресѣчь тотъ процессъ отдѣленія, который эта система только ускоряетъ.

[237]) Англійскіе экономисты филантропическаго направленія, какъ Mill, Godwin, Smith, Fawcett и т. д., и либеральные фабриканты, какъ John Bright и тов., спрашиваютъ у англійскихъ земельныхъ аристократовъ, какъ Богъ спрашивалъ Каина о его братѣ Авелѣ, куда дѣвались тысячи нашихъ Freeholder'овъ. Но откуда же взялись вы сами? Благодаря уничтоженію этихъ Freeholder'овъ. Почему вы не спрашиваете далѣе: куда дѣлись независимые ткачи, прядильщики, ремесленники?

[238]) «Промышленный» здѣсь въ противоположность «земледѣльческому». Въ «категорическомъ» смыслѣ фермеръ такой же промышленный капиталистъ, какъ и фабрикантъ.

ростовщическій капиталъ и торговый капиталъ. «Въ настоящее время все богатство общества попадаетъ сначала въ руки капиталиста... онъ платитъ земледѣльцу ренту, рабочему—заработную плату, удовлетворяетъ требованія сборщика податей и десятины и удерживаетъ для самого себя значительную часть годового продукта труда, въ дѣйствительности самую большую часть, ежедневно возрастающую. Теперь капиталиста можно разсматривать, какъ первоначальнаго собственника всего общественнаго богатства, хотя никакой законъ не далъ ему этого права собственности... Эта перемѣна собственности произведена была полученіемъ процентовъ съ сегоднаго капитала... и что любопытнѣе всего, такъ это то, что законодатели всей Европы хотѣли воспрепятствовать этому путемъ законовъ противъ ростовщичества... Власть капиталиста надъ всѣмъ богатствомъ страны представляетъ полный переворотъ въ правѣ собственности, но въ силу какого закона или какого ряда законовъ произошелъ этотъ переворотъ?»[239]). Авторъ долженъ былъ бы догадаться, что перевороты не производятся законами.

Феодальный строй въ сельскихъ округахъ и цеховая организація въ городахъ мѣшали превращенію денежнаго капитала, образовавшагося посредствомъ ростовщичества и торговли, въ промышленный капиталъ[240]). Эти преграды рушились съ распущеніемъ феодальныхъ дружинъ, съ экспропріаціей и изгнаніемъ части сельскаго населенія. Новыя мануфактуры возникли, главнымъ образомъ, въ морскихъ экспортныхъ гаванахъ или въ такихъ мѣстахъ внутри страны, которыя были внѣ сферы господства стараго городского устройства и его цеховой организаціи. Отсюда въ Англіи—ожесточенная борьба между corporate towns (старыми привилегированными городами) и этими новыми разсадниками промышленности.

Открытіе золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ въ Америкѣ, истребленіе, порабощеніе и погребеніе заживо туземнаго населенія въ этихъ рудникахъ, первые шаги по пути завоеванія и ограбленія Ость-Индіи, превращеніе Африки въ мѣсто выгодной охоты за чернокожими, всѣ эти явленія характеризуютъ капиталистическую эру на зарѣ ея развитія. Эти идиллическіе процессы суть главные моменты первоначальнаго накопленія. За ними идетъ торговая война европейскихъ народовъ, театромъ которой является весь земной шаръ. Она открывается отпаденіемъ Нидерландовъ отъ Испаніи, принимаетъ исполинскіе размѣры въ англійской антиякобинской войнѣ и продолжается еще до нашихъ дней въ войнахъ изъ-за опіума съ Китаемъ и т. д.

Различные моменты первоначальнаго накопленія слѣдуютъ одинъ за другимъ въ болѣе или менѣе правильномъ хронологическомъ порядкѣ; мѣстомъ дѣйствія ихъ является Испанія, Португалія, Голландія, Франція, Англія. Въ Англіи, въ концѣ XVII-го столѣтія, они всѣ сочетаются въ цѣльную систему,

[239]) «The Natural and Artificial Rights of Property Contrasted. Lond. 1832», p. 98, 99. Авторъ этого анонимнаго сочиненія: Th. Hodgskin.

[240]) Еще въ 1794 г. мелкіе суконщики Leeds'a послали депутацію въ парламентъ, прося издать законъ, запрещающій купцамъ дѣлаться фабрикантами. (Dr. Aikin l. c.).

отдѣльными звеньями которой являются колоніальная система, система государственныхъ долговъ, современная система обложенія и протекціонная система. Всѣ эти методы отчасти основываются на самомъ грубомъ насиліи, напр., колоніальная система. Всѣ они пользуются государственною властью, этой концентрированною и организованною силой общества, для того, чтобы ускорить превращеніе феодальнаго способа производства въ капиталистическій и сократить переходныя ступени. Насиліе является повивальной бабкой всякаго стараго общества, чреватаго новымъ. Оно само является экономической силой.

W. Howitt, слѣдавшій христіанство своей спеціальностью, говоритъ слѣдующее о христіанской колоніальной системѣ: «варварство и глупыя жестокости, совершенныя такъ называемыми христіанскими расами во всѣхъ странахъ свѣта и противъ всѣхъ народовъ, которые они могли покорить, не имѣютъ ничего себѣ равнаго ни въ какую эпоху всемірной исторіи, ни у одной расы, даже самой дикой и необразованной, безжалостной и безсовѣстной» [241]). Исторія голландскаго колоніальнаго хозяйства—а Голландія была образцовой капиталистической націей въ XVII-мъ столѣтіи—«развертываетъ безподобную картину измѣны, подкуповъ, убійствъ изъ-за угла и подлости» [242]). Что можетъ быть характернѣе голландской системы кражи людей на Целебесѣ, съ цѣлью полученія рабовъ для Явы. Для этого были дрессированы особенные похитители людей. Похититель, переводчикъ и продавецъ были главными агентами этой торговли, туземные князья—главными продавцами. Похищенную молодежь запирали въ секретныя тюрьмы Целебеса, гдѣ она вызрѣвала къ отправкѣ на невольничьи корабли. «Одинъ городъ Макассаръ напр., — говорится въ одномъ оффиціальномъ отчетѣ,—полонъ секретныхъ тюремъ, одна ужаснѣе другой, переполненныхъ несчастными, жертвами жадности и тиранніи, закованными въ кандалы, насильственно оторванными отъ своихъ семействъ». Чтобы завладѣть Малаккой, голландцы подкупили португальскаго губернатора. Онъ впустилъ ихъ въ городъ въ 1641 г. Они тотчасъ же поспѣшили къ его дому и убили его исподтишка, чтобы «воздержаться» отъ уплаты 21.875 ф. ст. вознагражденія за измѣну. Всюду, куда они ни появлялись, за ними слѣдовали опустошеніе и уменьшеніе населенія. Въ Banjuwangi, провинціи на Явѣ, въ 1750 г. считалось 80.000 жителей, а въ 1811 только 8.000. Вотъ, что называется, doux commerce!

Англійская ость-индская компанія пріобрѣла, какъ извѣстно, кромѣ политическаго господства въ Ость-Индіи, исключительную монополію чайной торговли и вообще китайской торговли, а также монополію перевозки товаровъ въ Европу и изъ Европы. Каботажъ у береговъ Индіи и судоходство между остро-

[241]) William Howitt: «Colonization and Christianity. A Popular History of the Treatment of the Natives by the Europeans in all their Colonies. Lond. 1838», p. 9. Объ обращеніи съ рабами мы находимъ хорошую компилятивную сводку у Charles Comte: «Traité de la Législation. 3-me éd. Bruxelles 1837». Нужно подробно изучать этотъ предметъ, чтобы видѣть, что дѣлаетъ буржуа изъ самого себя и изъ рабочаго тамъ, гдѣ онъ можетъ безъ стѣсненія создавать міръ по образу и подобію своему.

[242]) Thomas Stamford Raffles, late Lieut. Gov. of that Island: «Java and its dependencies. Lond. 1817».

нами, а также торговля внутри Индіи стали монополіей высшихъ чиновниковъ компаніи. Монополія соли, опіума, betela и другихъ товаровъ была неисчерпаемымъ источникомъ богатства. Чиновники сами устанавливали цѣны и немилосердно обирали несчастныхъ индусовъ. Генералъ-губернаторъ принималъ участіе въ этой частной торговлѣ. Любимцы его получали контракты на такихъ условіяхъ, благодаря которымъ они лучше алхимиковъ дѣлали золото изъ ничего. Громадныя состоянія, какъ грибы, вырастали въ одинъ день, первоначальное накопленіе совершалось безъ предварительной затраты хотя бы одного шиллинга. Судебное преслѣдованіе Warren Hastings'a полно такихъ примѣровъ. Приведемъ здѣсь одинъ случай. Нѣкій Sullivan получаетъ контрактъ на поставку опіума въ моментъ своего отъѣзда — по порученію правительства — въ часть Индіи, расположенную вдали отъ мѣста производства опіума. Sullivan продаетъ свой контрактъ за 40.000 ф. ст. нѣкоему Binn'y, Binn въ тотъ же день продаетъ его за 60.000 ф. ст., а послѣдній покупатель и исполнитель контракта заявляетъ, что, несмотря на это, онъ еще получилъ огромную прибыль. Изъ списка, представленнаго парламенту, оказывается, что за время съ 1757—1766 г. компанія заставила индійцевъ подарить ей и ея чиновникамъ 6 милліоновъ ф. ст.! Между 1769 и 1770 г. англичане создали голодъ, скупивъ весь рисъ и соглашаясь продавать его только по баснословной цѣнѣ [243]).

Обращеніе съ туземцами было, конечно, всего ужаснѣе въ тѣхъ колоніяхъ, которыя были предназначены только для вывозной торговли, напр., на Вестъ-Индскихъ плантаціяхъ, и въ богатыхъ и густо населенныхъ странахъ, обреченныхъ стать жертвами разбоя и грабежа, каковы Мексика и Остъ-Индія. Впрочемъ, и въ настоящихъ колоніяхъ христіанскій характеръ первоначальнаго накопленія не преминулъ проявиться. Пуритане Новой Англіи, эти трезвые виртуозы протестантизма, назначили въ 1703 г. постановленіемъ своей Assembly премію въ 40 ф. ст. за каждый скальпъ индѣйца и каждаго пойманнаго краснокожаго, въ 1720 г. премію въ 100 ф. ст. за каждый скальпъ, а въ 1744 г., послѣ того какъ Massachusetts-Bay объявилъ одно изъ племенъ мятежнымъ, были назначены слѣдующія цѣны: 100 ф. ст. за каждый мужской скальпъ 12 лѣтъ и старше, 105 ф. ст. за пойманнаго мужчину, 50 ф. ст. за пойманную женщину или ребенка и 50 ф. ст. за скальпъ женщины или ребенка! Нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя колоніальная система отомстила потомкамъ этихъ набожныхъ отцовъ пилигримовъ (pilgrim fathers), ставшихъ въ свою очередь мятежниками. По наущенію и за деньги англичанъ ихъ избивали томагавками (tomahawked). Британскій парламентъ объявилъ жестокости и скальпированіе «средствами, данными ему Богомъ и природой».

Колоніальная система съ чисто тепличной силой содѣйствовала росту торговли и мореплаванія. «Монопольныя общества» (Luther, «Die Gesellschaften Monopolia») были мощными рычагами концентраціи капитала. Колоніи обезпечивали нарождавшимся мануфактурамъ рынокъ сбыта и усиленное, благодаря

[243]) Въ 1866 г. въ одной только провинціи Orissa умерло отъ голода больше милліона индусовъ. Тѣмъ не менѣе дѣлались старанія обогатить государственную кассу Индіи цѣнами, по которымъ продавались средства пропитанія голодающимъ.

монополіи рынка, накопленіе. Сокровища, захваченныя внѣ Европы прямымъ грабежемъ, порабощеніемъ и разбоемъ, возвращались на свою родину и превращались здѣсь въ капиталъ. Голландія, которая первая вполнѣ развила колоніальную систему, находилась уже въ 1648 г. на вершинѣ своего торговаго величія. Она «получила почти исключительное обладаніе Ость-Индской торговлей и сообщеніемъ между юго западомъ и сѣверо-востокомъ Европы. Своими рыбными ловлями, своимъ флотомъ, своими мануфактурами она превосходила всѣ другія страны. Капиталы республики были, можетъ быть, больше, чѣмъ капиталы всей остальной Европы, вмѣстѣ взятые». Но Gülich забываетъ прибавить, что голландскія народныя массы въ 1648 г. были уже самыми истощенными, благодаря чрезмѣрному труду, самыми нищими, наиболѣе грубо угнетаемыми изъ всѣхъ безъ исключенія европейскихъ націй.

Въ настоящее время промышленное первенство ведетъ за собой торговое. Но въ мануфактурный періодъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, наоборотъ, торговое первенство ведо къ промышленному преобладанію. Отсюда — преобладающая роль колоніальной системы въ эту эпоху. Она была тѣмъ «чуждымъ богомъ», который сѣлъ на алтарь рядомъ со старыми богами Европы и однимъ ударомъ выбросилъ ихъ всѣхъ за бортъ. Она объявила полученіе прибыли конечной и единственной цѣлью человѣчества.

Система государственнаго кредита, т. е. государственныхъ долговъ, зачатки которой мы открываемъ еще въ средніе вѣка въ Генуѣ и Венеціи, въ мануфактурный періодъ захватила всю Европу. Колоніальная система съ ея морской торговлей и ея торговыми войнами точно теплица ускоряла развитіе государственныхъ долговъ. Прежде всего система государственнаго кредита развилась въ Голландіи. Государственный долгъ, т. е. отчужденіе государства — все равно, деспотическаго, конституціоннаго или республиканскаго — налагаетъ опредѣленный отпечатокъ на капиталистическую эру. Единственная часть такъ называемаго національнаго богатства, дѣйствительно переходящая въ общую собственность современныхъ народовъ — это ихъ государственный долгъ [243а]). Поэтому, вполнѣ послѣдовательна та современная доктрина, согласно которой народъ становится тѣмъ богаче, чѣмъ больше онъ дѣлаетъ долговъ. Государственный кредитъ дѣлается credo капитала. Съ появленіемъ задолженности государства мѣсто грѣха противъ Святого Духа, за который нѣтъ прощенія, занимаетъ нарушеніе довѣрія къ государственному долгу.

Государственные долги являются однимъ изъ самыхъ сильныхъ рычаговъ первоначальнаго накопленія. Какъ бы по мановенію волшебнаго жезла они надѣляютъ непроизводительныя деньги производительною силой и превращаютъ ихъ такимъ образомъ въ капиталъ, не подвергая его при этомъ ни риску, ни заботамъ, неразрывно связаннымъ съ помѣщеніемъ денегъ въ промышленность и даже съ отдачей ихъ въ ростъ. Государственные кредиторы въ сущности ничего не даютъ, такъ какъ отданныя ими въ заемъ деньги превращаются въ легко переносимыя долговыя свидѣтельства, функціонирующія въ рукахъ кре-

[243а]) William Cobbet замѣчаетъ, что въ Англіи всѣ публичныя учрежденія называются «королевскими», но взамѣнъ этого есть «національный» долгъ (national debt).

диторовъ такъ же, какъ будто бы они были наличными деньгами на такую же сумму. Но, помимо создаваемаго такимъ образомъ класса праздныхъ рантье и импровизированнаго богатства финансистовъ, играющихъ роль посредниковъ между правительствомъ и націей, помимо откупщиковъ государственныхъ доходовъ, купцовъ, фабрикантовъ бумаги, которымъ каждый заемъ оказываетъ услугу капитала, свалившагося съ неба—государственные долги создали акціонерныя общества, торговлю всевозможными цѣнными бумагами, ажіотажъ, словомъ: биржевую игру и современную банкократію.

Украшенные національными титулами крупные банки со дня своего рожденія представляли изъ себя только общества частныхъ спекулянтовъ, приходящія на помощь правительствамъ и, благодаря полученнымъ привилегіямъ, оказывающіеся въ состояніи ссужать имъ деньгами.

Поэтому, самымъ вѣрнымъ мѣриломъ накопленія государственныхъ долговъ служитъ постепенное повышеніе акцій этихъ банковъ, широкое развитіе которыхъ началось съ учрежденія англійскаго банка (1694). Англійскій банкъ началъ съ того, что давалъ правительству деньги по 8%; въ то же самое время онъ былъ уполномоченъ парламентомъ чеканить деньги изъ того же капитала, пуская его снова въ обращеніе въ формѣ банковыхъ билетовъ (банкноты). Этими банковыми билетами онъ могъ учитывать векселя, давать ссуды подъ товары и покупать благородные металлы. Вскорѣ затѣмъ эти кредитные деньги, имъ самимъ сфабрикованные, стали деньгами, которыми англійскій банкъ ссужалъ государство и за счетъ государства платилъ проценты по его долгамъ. Но не довольствуясь тѣмъ, что онъ одной рукой давалъ съ тѣмъ, чтобы другой получать гораздо больше, банкъ и, получая деньги, оставался вѣчнымъ кредиторомъ націи до послѣдней данной имъ копейки. Мало-по-малу онъ неизбѣжно превратился въ резервуаръ металлическихъ сокровищъ страны и въ центръ притяженія всего ея торговаго кредита. Въ то время, когда въ Англіи перестали сжигать вѣдьмъ, тамъ стали вѣшать тѣхъ, кто поддѣлывалъ банковые билеты. Какое впечатлѣніе производило на современниковъ это внезапное появленіе шайки банкократовъ, финансистовъ, рантье, маклеровъ, биржевыхъ барышниковъ, видно изъ сочиненій того времени, напр., изъ Bolingbroke'a [448b]).

Съ государственными долгами возникла международная кредитная система, подъ которой часто скрывается одинъ изъ источниковъ первоначальнаго накопленія у того или другого народа. Такъ, низости венеціанской системы грабежа составляютъ такое скрытое основаніе капиталистическаго богатства Голландіи, которой Венеція во время своего упадка ссужала значительныя денежныя суммы. Таково же отношеніе между Голландіей и Англіей. Уже въ началѣ XVIII-го столѣтія мануфактуры Голландіи отошли на задній планъ, и она перестала быть господствующей торговой и промышленной страной. Одной изъ главныхъ торговыхъ операцій ея съ 1701—1776 становится отдача огромнѣйшихъ капита-

[448b]) «Если бы нашествіе татаръ на Европу произошло въ настоящее время, то трудно было бы объяснить имъ, что такое у насъ финансистъ». Montesquieu, «Esprit des lois» t. IV, p. 33. ed. Londres 1769.

ловъ въ заемъ въ особенности ея могущественному конкуррепту Англіи. Такой же характеръ носитъ въ настоящее время отношеніе между Англіей и Соединенными Штатами. Многіе капиталы, появляющіеся сегодня въ Соединенныхъ Штатахъ безъ всякаго метрическаго свидѣтельства о рожденіи, представляютъ изъ себя лишь вчера капитализованную въ Англіи дѣтскую кровь.

Такъ какъ государственные долги опираются на государственные доходы, изъ которыхъ должны быть покрыты ежегодные проценты и другіе платежи, то современная система обложенія исторически является необходимымъ дополненіемъ системы національныхъ займовъ. Займы даютъ возможность правительству покрывать чрезвычайные расходы, безъ того чтобы плательщики налоговъ чувствовали это сейчасъ же, но впослѣдствіи и займы всетаки требуютъ повышенія налоговъ. Съ другой стороны, увеличеніе налоговъ, происходящее вслѣдствіе накопленія послѣдовательныхъ долговъ, принуждаетъ правительство при новыхъ чрезвычайныхъ расходахъ постоянно заключать новые займы. Современный фискальный режимъ, осью вращенія котораго являются налоги на предметы первой необходимости (т. е. ихъ удорожаніе), носитъ такимъ образомъ въ себѣ самомъ зародышъ своего автоматическаго прогрессивнаго возрастанія. Чрезмѣрное обложеніе представляетъ не случайное явленіе, а, наоборотъ, принципъ. Въ Голландіи, гдѣ эта система была прежде всего введена, великій патріотъ De Witt восхвалялъ ее въ своихъ Maximes, какъ лучшую систему сдѣлать рабочаго покорнымъ, скромнымъ, трудолюбивымъ и... задавленнымъ трудомъ. Но здѣсь насъ занимаетъ не столько разрушительное вліяніе, которое оказываетъ эта система на положеніе наемнаго рабочаго, сколько обусловленная ею насильственная экспропріація крестьянъ, ремесленниковъ, однимъ словомъ, всѣхъ составныхъ частей мелкаго средняго класса. Объ этомъ не существуетъ двухъ мнѣній, даже среди буржуазныхъ экономистовъ. Экспропріирующее дѣйствіе податной системы усиливается еще протекціонной системой—послѣдняя составляетъ одну изъ интегральныхъ частей первой.

Значительное участіе государственныхъ долговъ и соотвѣтствующей имъ фискальной системы въ капитализаціи богатства и въ экспропріаціи массъ заставило многихъ писателей, какъ Cobbet, Doubleday и другіе, неправильно искать въ нихъ основную причину нищеты современныхъ народовъ.

Протекціонная система была искусственнымъ средствомъ фабриковать фабрикантовъ, экспропріировать независимыхъ рабочихъ, капитализировать національныя средства производства и существованія, насильственно сокращать переходъ отъ стараго способа производства къ современному. Европейскія государства брали съ бою патентъ на это изобрѣтеніе, но, разъ ставъ на службу капиталистовъ, они грабили не только свой собственный народъ, косвенно посредствомъ охранительныхъ пошлинъ и прямо посредствомъ вывозныхъ премій и т. д.,—въ зависимыхъ сосѣднихъ странахъ, кромѣ того, насильственно искоренялась всякая промышленность, такъ напр., ирландская шерстяная мануфактура была уничтожена Англіей. На европейскомъ континентѣ процессъ этотъ, по примѣру Кольбера, былъ значительно упрощенъ. Первоначальный капиталъ промышленниковъ бралъ здѣсь частью прямо изъ государственной казны. «Зачѣмъ

искать столь далеко причинъ мануфактурнаго расцвѣта Саксоніи передъ семилѣтней войной?, восклицаетъ Мирабо, причина эта — 180 милліоновъ государственнаго долга» [244]).

Колоніальная система, государственные долги, гнетъ налоговъ, таможенное покровительство, торговыя войны и т. д., всѣ эти отпрыски мануфактурнаго періода въ собственномъ смыслѣ слова, колоссально разрастаются въ младенческій періодъ крупной промышленности. Въ честь рожденія послѣдней устраивается огромное продовское избіеніе младенцевъ. Персоналъ фабрикъ, подобно матросамъ королевскаго флота, набирается черезъ посредство прессы. Какъ ни искусственно холоденъ Sir F. M. Eden къ ужасамъ экспропріаціи сельскаго населенія, продолжавшейся съ послѣдней трети XV-го столѣтія до его времени, конца XVIII-го столѣтія, съ какимъ самодовольствомъ онъ ни заявляетъ, что этотъ процессъ «необходимъ» для установленія капиталистическаго земледѣлія и «правильнаго соотношенія между пахотной землей и пастбищемъ»,—экономической необходимости избіенія и рабства дѣтей для превращенія мануфактурнаго производства въ фабричное и для установленія правильнаго отношенія между капиталомъ и рабочей силой онъ, однако, не понимаетъ. «Стоитъ, быть можетъ, говоритъ онъ, задуматься публикѣ надъ тѣмъ можетъ ли мануфактура, вынужденная для успѣшнаго своего дѣйствія похищать изъ рабочихъ домовъ и коттэджей бѣдныхъ дѣтей, которыя, смѣняясь группами, работаютъ большую часть ночи и лишены всякаго отдыха; мануфактура, гдѣ, кромѣ того, скучены безъ разбора люди обоего пола и разныхъ возрастовъ и склонностей, такъ что заразительные примѣры должны развивать распущенность и развратъ,—можетъ ли такая мануфактура увеличивать сумму національнаго и индивидуальнаго счастья» [245])? «Въ Derbyshire, Nottinghamshire и въ особенности въ Lancashire'ѣ говоритъ Fielden, на большихъ фабрикахъ, построенныхъ на берегу ручьевъ, приводящихъ въ движеніе водяное колесо, введены въ употребленіе недавно изобрѣтенныя машины. Тысячи рукъ вдругъ понадобились въ этихъ мѣстахъ, удаленныхъ отъ городовъ; и въ особенности Ланкаширъ, до того времени сравнительно мало населенный, нуждался прежде всего въ населеніи. Сильнѣе всего былъ спросъ на маленькіе, проворные пальчики. Явилось обыкновеніе брать учениковъ (!) изъ различныхъ приходскихъ рабочихъ домовъ Лондона, Бирмингама и другихъ мѣстъ. Многія тысячи этихъ маленькихъ безпомощныхъ созданій отъ 7 до 13 или 14 лѣтъ были такимъ образомъ отправлены на сѣверъ. Хозяева (т. е. похитители дѣтей) обыкновенно одѣвали, кормили своихъ учениковъ и помѣщали ихъ въ особомъ домѣ для учениковъ вблизи фабрики. Для наблюденія за ихъ трудомъ были поставлены особые надсмотрщики. Собственные интересы этихъ надзирателей за рабами заставляли ихъ до крайности изнурять дѣтей работой, такъ какъ плата надсмотрщиковъ была пропорціональна количеству труда, извлекаемому изъ дѣтей. Жестокость была естественнымъ

[244]) «Pourquoi aller chercher si loin la cause de l'éclat manufacturier de la Saxe avant la guerre? Cent quatre-vingts millions de dettes faites par les Souverains». Mirabeau l. c. t. VI, p. 101.

[245]) Eden l. c. b. II, ch. I, p. 421.

слѣдствіемъ этого... Во многихъ фабричныхъ округахъ, въ особенности въ Ланкаширѣ, эти невинныя существа, лишенныя друзей, отданныя на произволъ фабрикантовъ, подвергались раздирающимъ сердце пыткамъ. Ихъ загоняли до смерти чрезмѣрнымъ трудомъ... били плетьми, заковывали и пытали съ отмѣннѣйшей и утонченнѣйшей жестокостью; во многихъ случаяхъ ихъ морили голодомъ до истощенія, въ то же время плетьми заставляя работать... Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они даже были доведены до самоубійства... Прекрасныя и романтическія долины Дербишира, Ноттингамшира и Ланкашира, скрытыя отъ общественнаго контроля, превратились въ ужасныя мѣста пытокъ и часто— убійствъ!... Прибыли фабрикантовъ были огромныя. Это только разжигало ихъ волчью алчность. Они ввели ночную работу, т. е. изнуривъ одну группу рабочихъ дневнымъ трудомъ, они держали наготовѣ другую группу для ночной работы; дневная группа направлялась въ постели, только что оставленныя ночной группой и vice versa. Въ Ланкаширѣ существуетъ даже преданіе, что постели при этомъ никогда не простывали» [245]).

Съ развитіемъ капиталистическаго производства во время мануфактурнаго періода общественное мнѣніе Европы лишилось послѣдняго остатка стыда и совѣсти. Націи цинично хвастались всякой подлостью, служившей средствомъ накопленія капитала. Стоитъ прочитать напр. наивныя лѣтописи торговли добряка А. Андерсона. Здѣсь какъ торжество англійской государственной мудрости восхваляется тотъ фактъ, что Англія по Утрехтскому миру на основаніи договора Asiento вынудила у испанцевъ привилегію для веденія торговли неграми, которую она до сихъ поръ вела только между Африкой и англійской Вестъ-Индіей, также между Африкой и испанской Америкой. Англія получила право до 1743 г. снабжать испанскую Америку ежегодно 4800 неграми. Это послужило также оффиціальнымъ предлогомъ для британской контрабанды. Ливерпуль выросъ на

[245]) John Fielden l. c. p. 5,6. Относительно новостей, совершенныхъ въ началѣ фабричнаго производства ср. Dr. Aikin (1795) l. c. p. 219 и Gisbourne: «Enquiry into the duties of men. 1795», v. II.—Такъ какъ паровая машина перенесла фабрики съ береговъ рѣкъ изъ деревень въ города, то «воздерживающіеся» капиталисты находили подъ рукой достаточно дѣтей, не прибѣгая къ содѣйствію рабочихъ домовъ для полученія рабовъ.—Когда сэръ Р. Пиль (отецъ «министра пріемлемости», «Ministers der Plausibilität») внесъ въ 1815 г. свой билль о защитѣ дѣтей, F. Horner, свѣтило «комитета о слиткахъ» (Bullion-Comittee) и близкій другъ Рикардо, заявилъ въ Палатѣ Общинъ: «Завѣдомый фактъ, что вмѣстѣ съ имуществомъ одного банкрота продавались съ публичныхъ торговъ банда фабричныхъ дѣтей, если можно употребить это выраженіе, и была продана, какъ часть его имущества. Два года тому назадъ (1813) возмутительный случай разбирался въ King's Bench (Судъ королевской скамьи). Дѣло касалось нѣсколькихъ мальчиковъ. Одинъ лондонскій приходъ отдалъ ихъ одному фабриканту, тотъ въ свою очередь передалъ ихъ другому. Наконецъ, они были найдены нѣсколькими друзьями человѣчества въ состояніи абсолютнаго истощенія отъ голода (absolute famine). Другой случай, еще болѣе возмутительный, былъ доведенъ до его свѣдѣнія, какъ члена парламентской слѣдственной коммиссіи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ лондонскій приходъ и одинъ ланкаширскій фабрикантъ заключили договоръ, по которому фабрикантъ обязался на каждыя 2 десятка здоровыхъ дѣтей брать одного идіота».

основъ торговли неграми. Она составляла его методъ первоначальнаго накопленія. И по настоящее время еще «почтенные люди» Ливерпуля остаются пиндарами торговли невольниками, которая—ср. цитированную уже выше брошюру Dr. Aikin'a 1795 г.—«доводитъ до настоящей страсти духъ коммерческой предпріимчивости, воспитываетъ славныхъ моряковъ и приноситъ крупныя деньги». Въ Ливерпулѣ въ 1730 г. торговлей невольниками было занято 15 кораблей, въ 1751 г.—53, въ 1760—74, въ 1770—96 и въ 1792—132.

Создавъ рабство дѣтей въ Англіи, хлопчатобумажная промышленность въ то же время дала толчокъ превращенію рабовладѣльческаго хозяйства Соединенныхъ Штатовъ, прежде болѣе или менѣе патріархальнаго, въ коммерческую систему эксплуатаціи. Вообще для скрытаго рабства европейскихъ наемныхъ рабочихъ въ видѣ пьедестала необходимо было рабство sans phrase въ Новомъ Свѣтѣ [247]).

Tantae molis erat (такого труда стоило) дать свободный ходъ «вѣчнымъ естественнымъ законамъ» капиталистическаго производства, произвести процессъ отдѣленія рабочихъ отъ условій труда, превратить на одномъ полюсѣ общественныя средства производства и существованія въ капиталъ, а на противоположномъ—народную массу въ наемныхъ рабочихъ, въ свободныхъ трудящихся бѣдняковъ,—этотъ продуктъ новѣйшей исторіи [248]).

Если деньги, по выраженію Augier, «появляются на свѣтъ съ природными

---

[247]) Въ 1790 г. въ англійской Вестъ-Индіи приходилось 10 рабовъ на 1 свободнаго человѣка, во французской 14 на 1, въ голландской 23 на 1. (Henry Brougham: An Inquiry into the Colonial Policy of the European Powers. Edinb. 1803, v. II, p. 74).

[248]) Выраженіе «labouring poor» (трудящіеся бѣдники) встрѣчается въ англійскихъ законахъ съ того момента, что классъ наемныхъ рабочихъ становится значительнымъ. «Labouring poor» составляютъ противоположность съ одной стороны къ «idle poor» (праздными бѣднякамъ), нищимъ и т. д., съ другой стороны, къ тѣмъ рабочимъ, которые являются еще не оцѣпленными нѣтуками, по собственниками своихъ средствъ труда. Изъ законовъ выраженіе «labouring poor» перешло въ политическую экономію, начиная съ Culpeper'a, J. Child'a и т. д. до A. Smith'a и Eden'a. По этому можно судить о добросовѣстности «execrable political cantmonger» Edmond'a Burke'a, когда онъ выраженіе «labouring poor» объявляетъ «execrable political cant» (страшной политической фразой). Этотъ сикофантъ, который, на жалованьѣ у англійской олигархіи, игралъ роль романтика по отношенію къ французской революціи, такъ же какъ, въ началѣ американскихъ смутъ, онъ, на жалованьѣ сѣверо-американскихъ колоній, игралъ роль либерала по отношенію къ англійской олигархіи, былъ ординарный буржуа до мозга костей. «Законы торговли суть законы природы, а слѣдовательно, и божескіе законы». (E. Burke l. c. p. 31, 32). Нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ, вѣрный законамъ Бога и природы, всегда продавалъ себя на національномъ рынкѣ. Мы находимъ въ сочиненіяхъ свящ. (Rev.) Tucker'a—Tucker былъ хотя попъ и тори, но во всемъ остальномъ порядочный человѣкъ и дѣльный экономистъ—очень хорошую характеристику этого Edmond'a Burke'a во время его либерализма. При томъ позорномъ отсутствіи нравственной твердости, которая господствуетъ теперь и набожно вѣритъ въ «законы торговли», необходимо постоянно клеймить Burke'овъ, которые отъ своихъ преемниковъ отличаются лишь однимъ—талантомъ!

кровяными пятнами на одной щекѣ» [248]), то капиталъ рождается сочащимся кровью и грязью съ головы до пятъ изо всѣхъ поръ [249]).

7. Историческая тенденція капиталистическаго накопленія.

Къ чему же сводится первоначальное накопленіе капитала, т. е. его историческій генезисъ? Поскольку этотъ генезисъ не представляетъ непосредственнаго превращенія рабовъ и крѣпостныхъ въ наемныхъ рабочихъ, т. е. простой перемѣны формъ зависимости, онъ означаетъ только экспропріацію непосредственнаго производителя, разложеніе частной собственности, основанной на собственномъ трудѣ.

Частная собственность, какъ противоположность общественной, коллективной собственности, существуетъ только тамъ, гдѣ орудія труда и внѣшнія условія труда принадлежатъ частнымъ лицамъ. Но сообразно тому, являются ли эти частныя лица рабочими или нерабочими, и частная собственность носитъ различный характеръ. Безконечно многообразные оттѣнки, которые она представляетъ на первый взглядъ, суть только отраженія переходныхъ состояній, лежащихъ между этими двумя крайностями.

Частная собственность рабочаго на средства его производства составляетъ основаніе мелкаго производства, мелкое же производство является необходимымъ условіемъ развитія общественнаго производства и свободной индивидуальности самого рабочаго. Правда, этотъ способъ производства существуетъ также и въ рамкахъ рабства, крѣпостного строя и другихъ отношеній зависимости. Но онъ процвѣтаетъ, развиваетъ всю свою энергію, пріобрѣтаетъ вполнѣ классическую форму только тамъ, гдѣ рабочій является свободнымъ частнымъ собственникомъ своихъ условій труда, которыя онъ самъ пускаетъ въ ходъ, крестьянинъ — собственникомъ земли, которую онъ обрабатываетъ, ремесленникъ — собственникомъ орудій, съ которыми онъ справляется, какъ виртуозъ — съ инструментомъ.

Этотъ способъ производства предполагаетъ раздробленіе земли и другихъ средствъ производства. Онъ исключаетъ какъ концентрацію послѣднихъ, такъ и кооперацію, т.-е. онъ не допускаетъ раздѣленія труда внутри одного и того же процесса производства, общественнаго господства надъ природой и управленія ея силами, свободнаго развитія общественныхъ производительныхъ силъ. Онъ совмѣстимъ только съ очень узкими, стихійными рамками производства и общества. Увѣковѣчить его

[248]) Marie Augier: «Du Crédit Public».

[249]) «Капиталъ», говоритъ Quarterly Review «избѣгаетъ шума и спора и по природѣ своей трусливъ. Это совершенно вѣрно, но въ этомъ не вся истина. Капиталъ боится отсутствія прибыли и очень незначительной прибыли, какъ природа боится пустоты. При надлежащей прибыли капиталъ становится смѣлымъ. При вѣрныхъ 10% его можно употребить на все что угодно, при 20% онъ оживляется; при 50% онъ становится смѣльчакомъ, при 100% онъ попираетъ ногами всѣ человѣческіе законы; при 300% нѣтъ такого преступленія, на которое онъ не отважился бы, даже съ рискомъ попасть на висѣлицу. Если безпорядки и свара приносятъ прибыль, то онъ будетъ ихъ поощрять. Доказательствомъ служатъ контрабанда и торговля невольниками». (P. J. Dunning l. c. p. 36).

значало бы, какъ справедливо замѣчаетъ Recqueur, «декретировать всеобщую посредственность». На извѣстной ступени своего развитія онъ самъ «порождаетъ матеріальныя средства своего уничтоженія. Съ этого момента внутри общества пробуждаются силы и страсти, которыя онъ сковываетъ. Онъ долженъ быть уничтоженъ, и онъ уничтожается. Его уничтоженіе, превращеніе индивидуальныхъ и разрозненныхъ средствъ производства въ концентрированныя и общественныя, т. е. мелкой собственности многихъ въ крупную собственность немногихъ, отнятіе средствъ существованія и орудій труда у народныхъ массъ, эта ужасная и трудная экспропріація народной массы составляетъ историческій періодъ въ жизни капитала. Она объемлетъ собою цѣлый рядъ насильственныхъ способовъ, изъ которыхъ мы кратко обозрѣли только тѣ, которые составили эпоху въ исторіи первоначальнаго накопленія капитала. Экспропріація непосредственныхъ производителей совершается съ самымъ безпощаднымъ вандализмомъ, подъ дѣйствіемъ самыхъ низкихъ побужденій, самыхъ грязныхъ, самыхъ мелочно злобныхъ страстей. Частная собственность, добытая собственнымъ трудомъ и знаменующая собой, такъ сказать, сроненіе индивидуальнаго независимаго производителя съ условіями его труда, вытѣсняется капиталистической частной собственностью, основанной на эксплуатаціи чужого, но формально свободнаго труда [241]).

Послѣ того, какъ этотъ процессъ преобразованія уже достаточно и въ глубь и въ ширь разложилъ старое общество, и рабочіе оказались превращенными въ пролетаріевъ, а условія ихъ труда—въ капиталъ, послѣ того какъ капиталистическій способъ производства сталъ уже на собственныя ноги,—дальнѣйшее обобществленіе труда и дальнѣйшее превращеніе земли и другихъ средствъ производства въ средства производства, общественно эксплуатируемыя, т. е. сообща примѣняемыя, иными словами, дальнѣйшая экспропріація частныхъ собственниковъ облекается въ новую форму. Теперь подлежитъ экспропріаціи уже не рабочій, ведущій самостоятельное хозяйство, но капиталистъ, эксплуатирующій многихъ рабочихъ.

Эта экспропріація совершается въ силу дѣйствія имманентныхъ законовъ самого капиталистическаго производства, посредствомъ централизаціи капиталовъ. Одинъ капиталистъ избиваетъ многихъ. Рука объ руку съ этой централизаціей или экспропріаціей многихъ капиталистовъ немногими, все въ большихъ и большихъ размѣрахъ развиваются кооперативная форма процесса труда, сознательное техническое приложеніе науки, планомѣрная эксплуатація земли, превращеніе орудій труда въ такія, которыя могутъ быть прилагаемы только сообща; благодаря употребленію всѣхъ средствъ производства, какъ средствъ комбинированнаго общественнаго труда, происходитъ ихъ экономизированіе; наконецъ, совершается вовлеченіе всѣхъ народовъ въ сѣть мірового рынка и, такимъ образомъ, устанавливается международный характеръ капиталистическаго режима. Вмѣстѣ съ постоян-

---

[241]) Мы находимся въ совершенно новыхъ общественныхъ условіяхъ... Мы стремимся отдѣлить всякаго рода собственность отъ всякаго рода труда» (Sismondi. «Nouveaux Principes de l'Econ. Polit.», t. II, p. 434).

нымъ уменьшеніемъ числа капиталистовъ-магнатовъ, которые узурпируютъ и монополизируютъ всѣ выгоды этого преобразовательнаго процесса, увеличивается масса нищеты, угнетенія, рабства, вырожденія, эксплуатаціи, но, съ другой стороны, увеличивается также и сопротивленіе постоянно возрастающаго рабочаго класса, вышколеннаго, объединеннаго и организованнаго механизмомъ самого капиталистическаго способа производства. Монополія капитала превращается въ путы для дальнѣйшаго развитія того способа производства, который развился вмѣстѣ съ нею и подъ ея господствомъ. Централизація средствъ производства и обобществленіе труда достигаютъ такой точки, на которой они становятся несовмѣстимыми со своей капиталистической оболочкой. Она разрывается. Бьетъ часъ капиталистической частной собственности. Экспропріаторы экспропріируются.

Капиталистическій способъ присвоенія, вытекающій изъ капиталистическаго способа производства, и, стало быть, капиталистическая частная собственность есть первое отрицаніе индивидуальной частной собственности, основанной на собственномъ трудѣ. Но капиталистическое производство создаетъ съ необходимостью естественнаго процесса свое собственное отрицаніе. Это—отрицаніе отрицанія. Оно возстановляетъ не частную собственность, но индивидуальную собственность на основѣ всѣхъ пріобрѣтеній капиталистической эры, на основѣ коопераціи и общественнаго владѣнія землею и средствами производства, произведеннаго самимъ же трудомъ.

Превращеніе раздробленной частной собственности, основанной на собственномъ трудѣ производителей, въ капиталистическую, есть, конечно, процессъ несравненно болѣе продолжительный, тяжелый и трудный, чѣмъ превращеніе капиталистической собственности, фактически уже покоящейся на общественномъ производствѣ, въ собственность общественную. Тамъ дѣло шло объ экспропріаціи народныхъ массъ немногими узурпаторами, здѣсь же дѣло идетъ объ экспропріаціи немногихъ узурпаторовъ народными массами [252]).

---

[252]) «Прогрессъ промышленности, безвольнымъ и не проявляющимъ сопротивленія носителемъ котораго является буржуазія, замѣняетъ изолированность рабочихъ, порождаемую ихъ конкуренціей, революціоннымъ объединеніемъ посредствомъ ассоціаціи. Съ развитіемъ крупной промышленности изъ-подъ ногъ буржуазіи использаетъ такимъ образомъ самое основаніе ея производства и присвоенія продуктовъ. Она производитъ, прежде всего своихъ собственныхъ могильщиковъ. Ея паденіе и побѣда пролетаріата одинаково неизбѣжны... Изъ всѣхъ классовъ, которые въ настоящее время противостоятъ буржуазіи, только пролетаріатъ представляетъ дѣйствительно революціонный классъ. Всѣ остальные классы приходятъ въ упадокъ и погибаютъ съ развитіемъ крупной промышленности, пролетаріатъ же ея собственное порожденіе... Средніе классы—мелкій промышленникъ, мелкій купецъ, ремесленникъ, крестьянинъ, всѣ они борятся противъ буржуазіи, чтобы спасти отъ гибели свое существованіе, какъ средняго сословія... они реакціонны, такъ какъ они стараются повернуть назадъ колесо исторіи» (Karl Marx и Friedrich Engels: «Manifest der Kommunistischen Partei. London 1847», p. 9, 11)

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Современная теорія колонизаціи [314*]).

Политическая экономія принципіально смѣшиваетъ два совсѣмъ различные рода частной собственности, изъ которыхъ одинъ основывается на собственномъ трудѣ производителя, другой же—на эксплуатаціи чужого труда. Она забываетъ, что послѣдняго рода собственность не только составляетъ прямую противоположность первой, но и развивается только на ея костяхъ.

Въ западной Европѣ, на родинѣ политической экономіи, процессъ первоначальнаго накопленія болѣе или менѣе законченъ. Здѣсь капиталистическій режимъ или прямо подчинилъ себѣ все національное производство, или тамъ, гдѣ экономическія условія еще не достигли такой ступени развитія, онъ, по крайней мѣрѣ, косвенно управляетъ тѣми принадлежащими къ старому способу производства общественными слоями, которые продолжаютъ существовать рядомъ съ нимъ и постепенно приходятъ въ упадокъ. Къ этому готовому міру капитала экономистъ съ тѣмъ большимъ усердіемъ и умиленіемъ прилагаетъ представленія о правѣ и собственности, заимствованныя изъ докапиталистической эпохи, чѣмъ рѣзче сами факты вопятъ противъ его идеологіи.

Но въ колоніяхъ дѣло обстоитъ иначе. Тамъ капиталистическій режимъ вездѣ наталкивается на препятствія, вслѣдствіе того, что производитель, будучи самъ владѣльцемъ условій своего труда, обогащаетъ имъ самого себя, а не капиталиста. Противорѣчіе этихъ двухъ діаметрально противоположныхъ экономическихъ системъ обнаруживается здѣсь на практикѣ — въ ихъ борьбѣ. Тамъ, гдѣ капиталистъ имѣетъ за собой силы своей метрополіи, онъ старается насильственно устранить со своего пути способъ производства и присвоенія, покоящійся на собственномъ трудѣ. Тѣ же самые интересы, которые на родинѣ побуждаютъ сикофанта капитала, экономиста, утверждать, что капиталистическій способъ производства тождественъ съ своей собственной противоположностью, тотъ же самый интересъ побуждаетъ его здѣсь «to make a clean breast of it» (очистить свою совѣсть отъ этого) и громко провозглашать антагонизмъ обоихъ этихъ способовъ производства. Съ этою цѣлью онъ показываетъ и доказываетъ, какъ развитіе общественной производительности труда, кооперація, раздѣленіе труда, приложеніе машинъ въ крупныхъ размѣрахъ и т. д. невозможны безъ экспропріаціи рабочихъ и соотвѣтствующаго превращенія ихъ средствъ производства въ капиталъ. Въ интересахъ такъ называемаго національнаго богатства онъ изыскиваетъ искусственные способы созданія народной бѣдности. Его апологетическая броня распадается здѣсь, точно мягкій трутъ, на мелкія части.

[314*]) Здѣсь рѣчь идетъ о дѣйствительныхъ колоніяхъ, о дѣвственной почвѣ, которая населяется свободными эмигрантами. Соединенные Штаты, съ экономической точки зрѣнія, все еще представляютъ европейскую колонію. Впрочемъ сюда относятся также и такія старыя поселенія, въ которыхъ уничтоженіе рабства коренными образомъ измѣнило весь строй.

Хотя E. G. Wakefield не сказалъ ничего новаго о колоніяхъ [254]), но великая заслуга его состоитъ въ томъ, что онъ раскрылъ на примѣрѣ колоній истинную природу капиталистическихъ отношеній въ Европѣ. Какъ протекціонная система въ своихъ зачаткахъ стремится [255]) къ фабрикаціи фабрикантовъ въ метрополіи, такъ колонизаціонная теорія Wakefield'a, которую Англія долгое время пыталась проводить законодательнымъ путемъ, стремится къ фабрикаціи наемныхъ рабочихъ въ колоніяхъ. Это онъ и называетъ «systematic colonization» (систематической колонизаціей).

Прежде всего Wakefield открылъ въ колоніяхъ, что обладаніе деньгами, средствами существованія, машинами и другими средствами производства еще не дѣлаетъ человѣка капиталистомъ, если недостаетъ дополненія ко всему этому, наемнаго рабочаго, т. е. другого человѣка, который вынужденъ добровольно продавать самого себя. Онъ открылъ, что капиталъ не есть вещь, а извѣстное обусловленное вещами общественное отношеніе между людьми [256]). Господинъ Пиль, съ причитаніями сообщаетъ намъ онъ, вывезъ изъ Англіи на Лебяжій берегъ, въ Новой Голландіи, на 50.000 ф. ст. средствъ существованія и производства. Но Пиль былъ настолько предусмотрителенъ, что кромѣ того привезъ съ собой 3.000 человѣкъ рабочихъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Однако, прибывъ на мѣсто назначенія, «Пиль остался безъ слуги, который могъ бы приготовить ему постель или принести воды изъ рѣки» [257]). Несчастный Пиль, который все предусмотрѣлъ, но забылъ перенести англійскія производственныя отношенія на Лебяжій берегъ!

Для лучшаго пониманія слѣдующихъ открытій Wakefield'a, необходимо сдѣлать два предварительныхъ замѣчанія. Мы знаемъ, что если средства производства и существованія принадлежатъ непосредственнымъ производителямъ, то они не составляютъ капитала. Они становятся капиталомъ только при тѣхъ условіяхъ, въ силу которыхъ они въ то же самое время являются средствами эксплуатаціи рабочихъ и господства надъ послѣдними. Но эта ихъ капиталистическая душа въ головѣ экономиста соединена столь тѣснымъ супружескимъ узами съ ихъ матеріальной субстанціей, что экономистъ при всѣхъ условіяхъ называетъ ихъ капиталомъ, даже тогда, когда они составляютъ прямую противопо-

[254]) Тѣ немногія свѣтлыя идеи, которыя Wakefield высказываетъ о самыхъ колоніяхъ, были уже ранѣе намѣчены Мирабо-отцомъ, физіократами и еще гораздо ранѣе англійскими экономистами.

[255]) Впослѣдствіи она становится временной необходимостью въ международной конкурренціи. Но каковы бы ни были ея мотивы, послѣдствія ея остаются тѣ же.

[256]) «Негръ только негръ. Лишь при извѣстныхъ условіяхъ онъ становится рабомъ. Хлопчатобумажная машина есть машина для пряденья хлопчатой бумаги. Только при извѣстныхъ условіяхъ она становится капиталомъ. Внѣ этихъ условій она такъ же не представляетъ изъ себя капитала, какъ золото само по себѣ не представляетъ денегъ или сахаръ—цѣны сахара... Капиталъ есть общественное производственное отношеніе». (Karl Marx: «Lohnarbeit und Kapital». N. Rh. Z. Nr. 266 vom 7 april 1849).

[257]) E. G. Wakefield: «England and America», v. II, p. 33.

ложность капитала. Такъ поступаетъ и Wakefield. Далѣе: раздробленіе средствъ производства и ихъ существованіе въ видѣ индивидуальной собственности многихъ независимыхъ другъ отъ друга, самостоятельно хозяйствующихъ рабочихъ, онъ называетъ равнымъ дѣленіемъ капитала. Экономистъ въ этомъ отношеніи похожъ на феодальнаго юриста. Послѣдній на чисто денежнохозяйственныя отношенія тоже наклеивалъ свои феодальные ярлычки.

«Если бы,—говоритъ Wakefield,—капиталъ былъ раздѣленъ поровну между всѣми членами общества, то ни одинъ человѣкъ не былъ бы заинтересованъ накоплять больше капитала, чѣмъ онъ можетъ самъ своими руками прилагать къ дѣлу. Таковы до извѣстной степени условія въ новыхъ американскихъ колоніяхъ, гдѣ страсть къ земельной собственности мѣшаетъ существованію класса наемныхъ рабочихъ» [258]). Пока, слѣдовательно, рабочій можетъ накоплять для самого себя, — а это возможно до тѣхъ поръ, пока онъ остается собственникомъ своихъ средствъ производства, — до тѣхъ поръ капиталистическое накопленіе и капиталистическій способъ производства невозможны. Недостаетъ необходимаго для того класса наемныхъ рабочихъ. Но какимъ же образомъ совершилось въ старой Европѣ отнятіе у рабочихъ ихъ условій труда, т. е. какъ родился капиталъ и наемный трудъ? Посредствомъ довольно оригинальнаго contrat social (общественнаго договора). «Человѣчество... приняло простой способъ для поощренія накопленія капитала», которое, конечно, со временъ Адама предносилось ему въ качествѣ конечной и единственной цѣли существованія; «оно раздѣлилось на владѣльцевъ капитала и на владѣльцевъ труда... это раздѣленіе было результатомъ добровольнаго соглашенія [259]). Одинмъ словомъ, масса человѣчества сама себя экспропріпровала въ честь «накопленія капитала». Но если такъ, то этотъ инстинктивный фанатизмъ самоотверженія долженъ былъ свободно проявляться въ особенности въ колоніяхъ, ибо только въ нихъ и существуютъ такіе люди и такія условія, которыя могутъ перенести этотъ contrat social изъ туманной области фантазіи въ область дѣйствительности. Но зачѣмъ тогда вообще «систематическая колонизація» въ противоположность естественной колонизаціи? Но, по: «сомнительно, принадлежитъ ли въ сѣверныхъ штатахъ американскаго союза даже десятая часть населенія къ категоріи наемныхъ рабочихъ... Въ Англіи же... народная масса состоитъ изъ наемныхъ рабочихъ» [260]).

Стремленіе къ самоэкспропріаціи въ честь капитала такъ незначительно у трудящагося человѣчества, что рабство, даже по Wakefield'y, является единственнымъ естественнымъ основаніемъ колоніальнаго богатства. Его систематическая колонизація это просто pis aller (неизбѣжное зло), такъ какъ ему приходится къ несчастію имѣть дѣло со свободными людьми, а не съ рабами. «Первые испанскіе поселенцы въ Санъ Доминго не получили никакихъ рабочихъ изъ Испаніи. Но безъ рабочихъ (т. е. безъ рабства) капиталъ погибъ бы или по

[258]) l. c. v. I. p. 17, 18.
[259]) l. c. p. 18.
[260]) l. c. p. 42, 43, 44.

крайней мѣрѣ сократился бы до тѣхъ мелкихъ размѣровъ, при которыхъ каждый могъ бы его пускать въ дѣло своимъ личнымъ трудомъ. Это дѣйствительно случилось въ послѣдней, основанной англичанами, колоніи, гдѣ большой капиталъ, затраченный на сѣмена, скотъ и орудія, погибъ вслѣдствіе недостатка наемныхъ рабочихъ, и гдѣ ни одинъ колонистъ не владѣетъ большимъ капиталомъ, чѣмъ тотъ, который онъ можетъ пускать въ ходъ собственными руками». [261]).

Мы видѣли: отнятіе земли у народныхъ массъ составляетъ основаніе капиталистическаго способа производства. Сущность же свободной колоніи состоитъ, наоборотъ, въ томъ, что масса земли составляетъ еще народную собственность, и каждый поселенецъ можетъ, поэтому, превращать часть ея въ свою частную собственность и въ свои индивидуальныя средства производства, ничуть не препятствуя позднѣйшимъ поселенцамъ поступать такимъ же образомъ [262]). Въ этомъ кроется секретъ, какъ процвѣтанія колоній, такъ и разъѣдающей ихъ язвы—ихъ сопротивленія водворенію капитала. «Гдѣ земля очень дешева и всѣ люди свободны, гдѣ всякій при желаніи можетъ получить участокъ земли для себя самого, тамъ не только трудъ очень дорогъ, такъ какъ доля рабочаго продукта велика, но очень трудно также получить комбинированный трудъ за какую бы то ни было цѣну» [263]).

Такъ какъ въ колоніяхъ рабочій еще не отдѣленъ отъ условій труда и ихъ основы—земли, или же такое отдѣленіе встрѣчается только спорадически, или на очень ограниченномъ пространствѣ, то тамъ и не существуетъ еще отдѣленія земледѣлія отъ промышленности, тамъ не уничтожена еще сельская домашняя промышленность. Откуда же взяться тамъ внутреннему рынку для капитала? «Въ Америкѣ нѣтъ ни одной части населенія, которая занималась бы исключительно земледѣліемъ, кромѣ рабовъ и ихъ хозяевъ, которые комбинируютъ капиталъ и трудъ въ крупныя предпріятія. Свободные американцы, которые сами обрабатываютъ землю, занимаются кромѣ того и многими другими работами. Часть мебели и орудій, которыя они употребляютъ, обыкновенно изготовляется ими самими. Они часто сами строятъ свои собственные дома и сами возятъ продукты своей собственной промышленности на самые отдаленные рынки. Они прядутъ и ткутъ, приготовляютъ мыло и свѣчи, обувь и платье для своего собственнаго потребленія. Въ Америкѣ земледѣліе часто составляетъ побочное занятіе кузнеца, мельника или торговца» [264]). Гдѣ же среди подобныхъ чудаковъ есть мѣсто для проявленія «воздержанія» капиталистовъ?

Главная прелесть капиталистическаго производства состоитъ въ томъ, что оно не только постоянно воспроизводитъ наемнаго рабочаго, какъ наемнаго ра-

---

[261]) l. c. v. II, p. 5.

[262]) «Чтобы стать элементомъ колонизаціи, земля не только должна быть невозделанной, но она должна представлять общественную собственность, которая можетъ быть превращена въ частную собственность», (l. c. v. II, p. 125).

[263]) l. c. v. I, p. 247.

[264]) l. c. p. 21, 22.

бочаго, но и, соотвѣтственно накопленію капитала, всегда создаетъ относительный излишекъ наемныхъ рабочихъ.

Такимъ образомъ, законъ спроса и предложенія труда удерживается въ надлежащей колеѣ, колебанія заработной платы замыкаются въ предѣлы, выгодные для капиталистической эксплуатаціи и, наконецъ, гарантируется столь необходимая соціальная зависимость рабочаго отъ капиталиста, та абсолютная зависимость, которую у себя въ метрополіи экономисты фальсифицируютъ въ свободное договорное отношеніе между покупателемъ и продавцемъ, между одинаково независимыми товаровладѣльцами, владѣльцами товара «капиталъ» и товара «трудъ». Но въ колоніяхъ эта прекрасная мечта исчезаетъ. Абсолютное населеніе растетъ здѣсь быстрѣе, чѣмъ въ метрополіи, такъ какъ многіе рабочіе уже взрослыми появляются на свѣтѣ, и тѣмъ не менѣе рабочій рынокъ здѣсь никогда не бываетъ полонъ. Законъ спроса и предложенія труда терпитъ полное крушеніе. Съ одной стороны, старый міръ бросаетъ туда постоянно новый капиталъ, жаждущій эксплуатаціи и чувствующій потребность въ «воздержаніи»; съ другой стороны, правильное воспроизведеніе наемныхъ рабочихъ, какъ наемныхъ рабочихъ, встрѣчаетъ самыя неделикатныя и частью непреодолимыя препятствія. Гдѣ ужъ тутъ думать о созданіи излишнихъ рабочихъ по мѣрѣ накопленія капитала! Сегодняшній наемный рабочій завтра становится независимымъ, самостоятельно хозяйствующимъ крестьяниномъ или ремесленникомъ. Онъ исчезаетъ съ рабочаго рынка, но не попадаетъ въ рабочій домъ. Это постоянное превращеніе наемныхъ рабочихъ въ независимыхъ производителей, работающихъ не на капиталъ, а на самихъ себя, вмѣсто господина капиталиста обогащающихъ самихъ себя, въ свою очередь, оказываетъ безусловно вредное вліяніе на состояніе рабочаго рынка. Не только степень эксплуатаціи наемнаго рабочаго остается непріятно низкой, но послѣдній кромѣ того теряетъ вмѣстѣ съ своей дѣйствительной зависимостью также и чувство зависимости отъ «воздерживающагося» капиталиста. Отсюда—всѣ тѣ неудобства, которыя такъ славно, такъ краснорѣчиво и такъ трогательно описываетъ нашъ E. G. Wakefield.

Предложеніе наемнаго труда, жалуется онъ, непостоянно, неправильно и недостаточно. Оно «всегда не только слишкомъ незначительно, но и необезпечено» [265]). Хотя продуктъ, который подлежитъ раздѣленію между капиталистомъ и рабочимъ, довольно значителенъ, но рабочій беретъ такую крупную часть его, что самъ вскорѣ становится капиталистомъ... За то только очень немногіе, даже если они живутъ необыкновенно долго, могутъ накопить большія богатства» [266]). Рабочіе ни въ какомъ случаѣ не позволяютъ капиталистамъ «отказываться» отъ оплаты большей части ихъ (рабочихъ) труда! Если капиталистъ ухитряется даже вмѣстѣ со своимъ капиталомъ привести изъ Европы своихъ собственныхъ наемныхъ рабочихъ, то и это не ведетъ ни къ чему. «Они скоро перестаютъ быть наемными рабочими, они превращаются въ

[265]) l. c. v. II, p. 116.
[266]) l. c. v. I, p. 131.

независимыхъ крестьянъ или даже въ конкуррентовъ своихъ прежнихъ хозяевъ на самомъ рабочемъ рынкѣ» [267]). Вотъ ужасъ! Нашъ капиталистъ самъ на свои собственныя дорогія деньги привезъ себѣ изъ Европы своихъ собственныхъ конкуррентовъ! Это, вѣдь, превосходитъ всякія границы! Нѣтъ ничего удивительнаго, что Wakefield жалуется на слишкомъ незначительную зависимость и на слишкомъ недостаточное чувство зависимости у наемныхъ рабочихъ въ колоніяхъ. Вслѣдствіе высокой заработной платы, говоритъ его ученикъ Merivale, въ колоніяхъ существуетъ страстная потребность въ дешевомъ и болѣе покорномъ трудѣ, въ такомъ классѣ, которому капиталистъ можетъ предписывать условія, вмѣсто того, чтобы подчиняться тѣмъ условіямъ, которыя диктуются ему рабочими... Въ странахъ старой цивилизаціи рабочій, хотя и свободенъ, но, въ силу естественныхъ законовъ, зависитъ отъ капиталиста, въ колоніяхъ эта зависимость должна быть создана искусственными средствами [268]).

Что же, по Wakefield'у, является результатомъ этого неудобнаго положенія колоній? «Варварская система разбросанности» производителей и національнаго имущества [269]). Раздробленіе средствъ производства между многочисленными, самостоятельными собственниками уничтожаетъ вмѣстѣ съ централизаціей капитала всякое основаніе комбинированнаго труда. Всякое долгосрочное предпріятіе, которое тянется годы и требуетъ затраты постояннаго капитала, наталкивается на препятствія при исполненіи. Въ Европѣ капиталъ ни минуты не медлитъ, такъ какъ рабочій классъ составляетъ его живую принадлежность,

---

[267]) l. c. v. II, p. 5.

[268]) Merivale l. c. v. II p. 235—314 passim. Даже мягкій вульгарный экономистъ-фритредеръ Molinari говоритъ: «Въ колоніяхъ, гдѣ рабство было упразднено безъ замѣны принудительнаго труда соотвѣтственнымъ количествомъ свободнаго труда, произошло нѣчто противоположное тому факту, который мы видимъ каждый день. Мы видѣли, что простые рабочіе въ свою очередь эксплуатировали предпринимателей въ промышленности, требовали отъ нихъ платы, которая значительно превосходила часть продукта, законно составляющую ихъ долю. Плантаторы, не имѣя возможности получать за свой сахаръ такую цѣну, которая покрыла бы повышеніе заработной платы, принуждены были покрывать недочетъ, сначала урѣзывая свою прибыль, а затѣмъ и капиталъ. Многіе плантаторы были такимъ образомъ разорены, другіе закрыли свои предпріятія, чтобы избѣжать предстоящаго разоренія... Безъ сомнѣнія лучше, чтобы погибали накопленные капиталы, чѣмъ цѣлыя поколѣнія людей (какъ великодушно со стороны господина Molinari!), но не лучше ли было бы, чтобы ни тѣ, ни другіе не погибали?» (Molinari l. c. p. 51, 52). Господинъ Molinari! Господинъ Molinari! Что сталось съ десятью заповѣдями, съ Моисеемъ и пророками, съ закономъ спроса и предложенія, если въ Европѣ« entrepreneur» (предприниматель) можетъ сокращать «part légitime» (законную долю) рабочаго, а въ Вестъ-Индіи, наоборотъ, рабочій—законную часть предпринимателя? И что такое, скажите, пожалуйста, эта «part légitime», которой по вашему признанію, капиталистъ не платитъ въ Европѣ? У господина Molinari сильно чешутся руки—тамъ въ колоніяхъ, гдѣ рабочіе такъ «простоваты», что эксплуатируютъ капиталиста, полицейскими мѣрами дать должное направленіе закону спроса и предложенія, который вообще дѣйствуетъ автоматически.

[269]) Wakefield l. c. v. II. p. 52.

которая всегда находится въ изобиліи, которая всегда къ услугамъ. Но иное дѣло въ колоніяхъ! Wakefield разсказываетъ чрезвычайно прискорбный анекдотъ. Онъ бесѣдовалъ съ нѣсколькими капиталистами изъ Канады и Нью-Іорка, гдѣ волны эмиграціи часто задерживаются и оставляютъ осадокъ «излишнихъ» рабочихъ. «Нашъ капиталъ», жалуется одинъ изъ персонажей мелодрамы, «нашъ капиталъ лежалъ наготовѣ для многихъ операцій, требовавшихъ для своего исполненія значительнаго періода времени; но развѣ мы могли начать подобныя операціи съ рабочими, которые, какъ мы это знали, тотчасъ же повернутся къ намъ спиной? Если бы мы были увѣрены, что можемъ удержать трудъ этихъ переселенцевъ,—мы бы тотчасъ же съ радостью наняли ихъ, и по высокой цѣнѣ. Даже при полной увѣренности въ потерѣ ихъ, мы все таки наняли бы ихъ, если бы были увѣрены въ свѣжемъ приливѣ силъ, соотвѣтственно нашимъ потребностямъ» [270]).

Эффектно изобразивъ контрастъ между англійскимъ капиталистическимъ земледѣліемъ съ его «комбинированнымъ» трудомъ и разбросаннымъ американскимъ крестьянскимъ хозяйствомъ, Wakefield невольно проговаривается и относительно обратной стороны медали. Онъ изображаетъ американскую народную массу зажиточной, независимой, предпріимчивой и относительно образованной, между тѣмъ какъ, «англійскій земледѣльческій рабочій жалкій оборванецъ (a miserable wretch), пауперъ .. Въ какой странѣ, кромѣ Сѣверной Америки и нѣкоторыхъ новыхъ колоній, плата за свободный сельскій трудъ значительно превышаетъ самыя необходимыя средства существованія рабочаго? Безъ сомнѣнія, рабочіе лошади въ Англіи гораздо лучше питаются, чѣмъ англійскіе земледѣльческіе рабочіе, такъ какъ первыя представляютъ цѣнную собственность» [271]). Но never mind (ничего не значитъ), національное богатство по самой природѣ своей тождественно съ народной нищетой.

Но какъ же излѣчить колонію отъ этой антикапиталистической язвы? Если однимъ ударомъ превратить всю землю изъ народной собственности въ частную, то, хотя такимъ образомъ зло будетъ уничтожено въ корнѣ, но вмѣстѣ съ нимъ будетъ уничтожена и колонія. Искусство состоитъ въ томъ, чтобы однимъ ударомъ убить двухъ зайцевъ. Слѣдуетъ распоряженіемъ правительства присвоить дѣвственной землѣ искусственную цѣну, независимую отъ закона спроса и предложенія, цѣну, которая вынудитъ переселенца работать болѣе продолжительное время въ качествѣ наемнаго рабочаго до тѣхъ поръ, пока онъ не заработаетъ достаточно денегъ, чтобы купить землю [272]) и превратиться въ независимаго крестья-

[270]) l. c. p. 191. 192.

[271]) l. c. v, I, p. 47, 246.

[272]) «Благодаря присвоенію земли и капиталовъ, говорите вы, человѣкъ, у котораго нѣтъ ничего, кромѣ рукъ, находитъ работу и пріобрѣтаетъ доходъ... наоборотъ только благодаря индивидуальному присвоенію земли, находятся люди, у которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ рукъ. ...Когда вы ставите человѣка въ пустоту, вы завладѣваете атмосферой. Такъ же поступаете вы, когда вы завладѣваете землей... Это равносильно тому, что вы помѣщаете его въ экономическую пустоту, чтобы тѣмъ поставить жизнь его въ зависимость отъ вашей воли». (Colins l. c. III, p. 268— 271 passim).

нина. Фондъ, образовавшійся благодаря продажѣ земель по цѣнѣ, относительно недоступной или запретительной для наемныхъ рабочихъ, т. е. денежный фондъ, выжатый изъ заработной платы нарушеніемъ священнаго закона спроса и предложенія, правительство должно, съ другой стороны, употреблять, по мѣрѣ его роста, на привозъ голяковъ изъ Европы въ колоніи, и создавать такимъ образомъ полное снабженіе рабочаго рынка для господина капиталиста. При такихъ условіяхъ tout sera pour le mieux dans le meilleur des mondes possibles (все будетъ къ лучшему въ семъ лучшемъ изъ міровъ). Въ этомъ состоитъ великая тайна «систематической колонизаціи». «По этому плану», съ торжествомъ восклицаетъ Wakefield, «предложеніе труда будетъ постояннымъ и правильнымъ, потому что, во первыхъ, такъ какъ ни одинъ рабочій не въ состояніи пріобрѣсть землю, не проработавъ нѣкоторое время за деньги, то всѣ переселившіеся рабочіе, работая сообща за плату, произведутъ для своего хозяина капиталъ для приложенія большаго числа рабочихъ; во вторыхъ, всякій, кто броситъ наемный трудъ и станетъ землевладѣльцемъ, именно покупкою земли обезпечитъ фондъ для подвоза въ колоніи свѣжихъ рабочихъ силъ» [273]). Цѣна на землю, установленная сверху государственною властью, должна, конечно, быть «достаточною» (sufficient price), т. е. такъ высока, «чтобы помѣшать рабочимъ стать независимыми крестьянами до тѣхъ поръ, пока не найдутся другіе рабочіе, которые займутъ ихъ мѣсто на рабочемъ рынкѣ» [274]). Эта «достаточная цѣна земли» есть только эвфемистическое выраженіе для той выкупной суммы, которую рабочій платитъ капиталисту за позволеніе удалиться съ рабочаго рынка и сѣсть на землю. Сначала онъ долженъ создать «капиталъ» для господина капиталиста, чтобы онъ могъ эксплуатировать больше рабочихъ, затѣмъ—доставить на рабочій рынокъ «замѣстителя», котораго правительство на его счетъ привезетъ изъ за моря его бывшему господину капиталисту.

Въ высшей степени характерно, что англійское правительство въ продолженіе многихъ лѣтъ примѣняло этотъ способъ «первоначальнаго накопленія», описанный и рекомендованный Wakefield'омъ спеціально для употребленія въ колоніяхъ. Фіаско было, конечно, такое же позорное, какъ и фіаско банковаго акта Пиля: потокъ эмиграціи былъ лишь отклоненъ отъ англійскихъ колоній къ Соединеннымъ Штатамъ. Между тѣмъ прогрессъ капиталистическаго производства въ Европѣ, сопровождавшійся увеличеніемъ правительственнаго гнета, сдѣлалъ излишнимъ рецептъ Wakefield'а. Съ одной стороны, огромный и непрерывный потокъ людей, изъ года въ годъ направляющійся въ Америку, оставляетъ осадки на востокѣ Соединенныхъ Штатовъ, такъ какъ волна эмиграціи изъ Европы быстрѣе выбрасываетъ людей туда на рабочій рынокъ, чѣмъ другая волна эмиграціи относитъ ихъ оттуда дальше на Западъ. Съ другой стороны, слѣдствіемъ американской гражданской войны явился колоссальный національный долгъ и вмѣстѣ съ нимъ гнетъ налоговъ, появленіе самой подлой

[273]) Wakefield l. c. v. II. p. 192.
[274]) l. c. p. 45.

финансовой аристократіи, раздача значительной части общественныхъ земель обществамъ спекулянтовъ для эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, рудниковъ и т. д.—однимъ словомъ, самая стремительная централизація капитала. Великая республика перестала такимъ образомъ представлять обѣтованную землю для переселяющихся рабочихъ. Капиталистическое производство развивается въ ней исполинскими шагами, хотя пониженіе заработной платы и зависимость наемнаго рабочаго далеко еще не достигли тамъ нормальнаго въ Европѣ уровня. Безсовѣстная раздача англійскимъ правительствомъ невоздѣланныхъ колоніальныхъ земель аристократамъ и капиталистамъ, столь громко порицаемая самимъ Wakefield'омъ, вмѣстѣ съ потокомъ людей, направляющихся на золотые пріиски (Gold-Diggings) и съ конкурренціей, которую ввозъ англійскихъ товаровъ создаетъ даже самому мелкому ремесленнику, породили въ Австраліи [215]) достаточное «относительное перенаселеніе рабочихъ», и каждый почтовый пароходъ привозитъ печальныя вѣсти о переполненіи австралійскаго рабочаго рынка—«glut of the Australian labour market»,—а проституція мѣстами процвѣтаетъ тамъ столь же пышно, какъ и на лондонскомъ Haymarket.

Здѣсь однако насъ занимаетъ не положеніе колоній. Насъ интересуетъ только тайна, открытая въ Новомъ Свѣтѣ политическою экономіей Стараго Свѣта и громко ею провозглашенная: капиталистическій способъ производства и накопленія, а, слѣдовательно, и капиталистическая частная собственность, обусловливаютъ уничтоженіе частной собственности, основанной на собственномъ трудѣ, т. е. экспропріацію рабочаго.

---

[215]) Какъ только Австралія стала своей собственной законодательницей, она, конечно, издала законы, благопріятные для переселенцевъ, но произведенная уже Англіей раздача земель направо и налѣво стоитъ ей поперекъ дороги. «Первой и главной цѣлью, къ которой стремится новый земельный законъ (Land Act) 1862 г. является облегчить народу возможность садиться на землю» (The Land Law of Victoria by the Hon. G. Duffy, Minister of Public Lands. Lond. 1862).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Мѣста изъ французскаго изданія «Капитала», не введенныя въ текстъ.

I. Къ стр. 510—512.

Капиталисты, ихъ совладѣльцы... и ихъ правительства присваиваютъ въ свою пользу ежегодно значительную часть годичнаго чистаго продукта. Далѣе они удерживаютъ въ своихъ потребительныхъ запасахъ множество медленно потребляемыхъ предметовъ, пригодныхъ для цѣлей общественнаго воспроизведенія, и въ формѣ личныхъ услугъ превращаютъ множество рабочихъ силъ въ непроизводительныя. Поэтому, доля богатства, которая ежегодно капитализируется, никогда не достигаетъ тѣхъ размѣровъ, которыхъ она могла бы достигнуть. Въ отношеніе къ совокупному общественному богатству измѣняется при всякомъ измѣненіи въ распаденіи прибавочной цѣнности на личный доходъ и на добавочный капиталъ, и пропорція, въ которой происходитъ это распаденіе, постоянно измѣняется подъ вліяніемъ конъюнктуръ, на которыхъ мы не будемъ здѣсь останавливаться. Для насъ достаточно констатировать, что капиталъ вовсе не является предопредѣленной и постоянной долей общественнаго богатства, а наоборотъ представляетъ весьма измѣнчивую дробь послѣдняго. Что же касается капитала уже накопленнаго и пущеннаго въ ходъ, то хотя бы его цѣнность, а также масса составляющихъ его товаровъ являлись опредѣленными, онъ всетаки отнюдь не представляетъ производительной силы, которая была бы постоянна и дѣйствовала бы однообразно. Мы, наоборотъ, видѣли, что интенсивность, производительность и объемъ дѣйствій капитала колеблются въ весьма широкихъ границахъ. Изслѣдуя причины этого явленія, мы разсматривали его съ точки зрѣнія производства, но не слѣдуетъ забывать, что различная степень быстроты обращенія, въ свою очередь, значительно видоизмѣняетъ дѣйствія каждаго даннаго капитала.

Догматъ, утверждающій, что общественный капиталъ въ каждый данный моментъ представляетъ нѣкоторую опредѣленную величину... примѣняется (вульгарными экономистами) преимущественно къ той части капитала, которая обмѣнивается на рабочую силу, и которую они называютъ фондомъ заработной платы или рабочимъ фондомъ. Согласно ихъ воззрѣнію, это есть особая дробь общественнаго богатства, цѣнность извѣстнаго количества средствъ существованія, размѣры коей въ каждый данный моментъ фатально замкнуты самой природой въ границы, которыя рабочій классъ тщетно пытается переступить.

Сумма, подлежащая распредѣленію среди наемныхъ рабочихъ, такимъ образомъ, является опредѣленной, и отсюда слѣдуетъ, что, если доля, достающаяся каждому дольщику, слишкомъ мала, то это зависитъ отъ того, что число ихъ слишкомъ велико. Такимъ образомъ, ихъ нищета въ конечномъ счетѣ коренится не въ соціальномъ строѣ, а въ естественномъ порядкѣ вещей. На это необходимо замѣтить прежде всего, что границы, въ которыя капиталистическая система замыкаетъ потребленіе производителя, являются «естественными» лишь въ условіяхъ существованія этой системы, подобно тому, какъ бичъ функціонируетъ въ качествѣ «естественнаго» возбудителя къ труду лишь въ средѣ рабовъ. Дѣйствительно, природѣ капиталистическаго производства соотвѣтствуетъ ограниченіе доли производителя средствами, необходимыми для поддержанія его рабочей силы и предоставленіе прибавочнаго продукта его труда капиталисту. Точно также природѣ этой системы соотвѣтствуетъ тотъ фактъ, что чистый продуктъ, достающійся капиталисту, раздѣляется имъ на доходъ (потребляемый) и на добавочный капиталъ, тогда какъ случаи, когда рабочій можетъ увеличивать свой потребительный фондъ на счетъ потребленія нетрудящихся, представляются исключительными. «Богатый, говоритъ Сисмонди, предписываетъ законы бѣдному... ибо, распоряжаясь дѣлежемъ ежегоднаго производства, онъ оставляетъ для своего потребленія все, что онъ называетъ доходомъ (revenu); все же, что онъ называетъ капиталомъ, онъ уступаетъ бѣдняку съ тѣмъ, чтобы тотъ сдѣлалъ изъ этого капитала доходъ для себя» (читай: съ тѣмъ, чтобы тотъ сдѣлалъ для него изъ капитала добавочный доходъ)...

Прежде всего экономистамъ надлежало доказать, что, несмотря на свое совершенно недавнее происхожденіе, капиталистическій способъ общественнаго производства есть способъ неизмѣнный и «естественный». Но даже, принявъ рамки капиталистической системы за данныя, нельзя утверждать, чтобы фондъ заработной платы являлся предопредѣленнымъ величиною общественнаго богатства, или величиною общественнаго капитала.

Такъ какъ общественный капиталъ составляетъ лишь весьма измѣнчивую долю общественнаго богатства, то и фондъ заработной платы, который представляетъ лишь извѣстную дробь этого капитала, не можетъ быть заранѣе опредѣленной постоянной частью общественнаго богатства. Съ другой стороны, относительная величина фонда заработной платы зависитъ отъ того отношенія, въ которомъ общественный капиталъ распадается на капиталъ постоянный и на капиталъ перемѣнный, а это отношеніе, какъ мы уже видѣли и какъ мы еще изложимъ съ большей подробностью въ дальнѣйшихъ главахъ, не остается неизмѣнной въ теченіе процесса накопленія. [Le Capital, Traduction de M. J. Roy, entièrement revisé par l'auteur. Paris. Editeurs Maurice Lachatre et C-ie (1875) p. 267—268].

II. Къ стр. 528—539.

Абсолютный спросъ на трудъ, предъявляемый какимъ-либо капиталомъ, пропорціоналенъ не его абсолютной величинѣ, но величинѣ его перемѣнной части, которая одна только обмѣнивается на рабочую силу. Относительный спросъ на

трудъ, предъявляемый какимъ-либо капиталомъ. т. е. отношеніе между его собственной величиной и количествомъ труда, имъ поглощаемаго, опредѣляется относительной величиной его перемѣнной части. Мы показали, что накопленіе, которое увеличиваетъ общественный капиталъ, понижаетъ въ то же время относительную величину его перемѣнной части и уменьшаетъ такимъ образомъ относительный спросъ на трудъ. Теперь спрашивается, какое вліяніе оказываетъ это движеніе на судьбу класса наемныхъ рабочихъ.

Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, очевидно необходимо, прежде всего, изслѣдовать, какимъ образомъ уменьшеніе, испытанное перемѣнной частью капитала въ процессѣ накопленія, отражается на абсолютной величинѣ этой части, и стало быть, какимъ образомъ уменьшеніе относительнаго спроса на трудъ вліяетъ на абсолютный или дѣйствительный спросъ на трудъ.

Пока величина капитала остается неизмѣнной, всякое относительное уменьшеніе его перемѣнной части въ то же самое время означаетъ и абсолютное ея уменьшеніе. Для того, чтобы это было не такъ, необходимо, чтобы относительное уменьшеніе уравновѣшивалось увеличеніемъ совокупной суммы капитальной цѣнности. Перемѣнная часть, функціонирующая какъ фондъ заработной платы, уменьшается такимъ образомъ прямо пропорціонально паденію своей относительной величины и обратно пропорціонально одновременному увеличенію всего капитала. Исходя изъ этого положенія, мы можемъ установить слѣдующія комбинаціи:

Во-первыхъ: Если относительная величина перемѣннаго капитала падаетъ обратно пропорціонально увеличенію всего капитала, абсолютная величина фонда заработной платы не измѣняется. Онъ всегда будетъ достигать величины 400 франковъ, безразлично будетъ ли онъ составлять двѣ пятыхъ капитала въ 1.000 фр. или одну пятую капитала въ 2.000 фр.

Во-вторыхъ: Если относительная величина перемѣннаго капитала падаетъ быстрѣе увеличенія всего капитала, то фондъ заработной платы испытываетъ абсолютное паденіе, несмотря на абсолютное увеличеніе авансированной капитальной цѣнности.

Въ третьихъ: Если относительная величина перемѣннаго капитала уменьшается медленнѣе увеличенія всего капитала, то фондъ заработной платы испытываетъ абсолютное увеличеніе, несмотря на паденіе своей относительной величины.

Разсматриваемыя съ точки зрѣнія общественнаго накопленія, эти различныя комбинаціи вліяютъ на форму распредѣленнаго между различными сферами производства общественнаго капитала; они обусловливаютъ собою послѣдовательныя фазы въ совершающемся нерѣдко въ противоположныхъ направленіяхъ развитіи отдѣльныхъ массъ этого капитала. Такимъ образомъ, эти различныя комбинаціи создаютъ различныя условія, одновременно существующія въ различныхъ сферахъ производства *). Въ главѣ о крупной промышленности мы разсмотрѣли съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія движеніе капитала.

*) Французскій оригиналъ мѣста, начинающагося со слова «разсматриваемыя» и кончающагося словомъ «производства», представляетъ непреодолимыя трудности

Напомнимъ для примѣра фабрики, на которыхъ то же самое число рабочихъ оказывается достаточнымъ для того, чтобы приводить въ движеніе все большую и большую массу сырья и орудій производства. Здѣсь ростъ капитала, обусловленный исключительно расширеніемъ его постоянной части, понижаетъ соотвѣтственно относительную величину перемѣнной части или относительную массу эксплуатируемой рабочей силы, но не измѣняетъ ея обычной величины. Въ качествѣ примѣровъ абсолютнаго уменьшенія рабочихъ, занятыхъ въ нѣкоторыхъ крупныхъ отрасляхъ промышленности и его одновременнаго увеличенія въ другихъ, причемъ и тѣ и другія одинаково характеризовались ростомъ вложеннаго капитала и прогрессомъ производительности, мы приведемъ слѣдующія данныя: въ Англіи съ 1851 по 1861 годъ число лицъ, занятыхъ въ земледѣліи понизилось съ 2.011.447 лицъ до 1.924.110; число лицъ, занятыхъ въ шерстяной промышленности пало съ 102.714 до 79.249; въ шелковомъ производствѣ—съ 111.940 до 101.678, тогда какъ за тотъ же періодъ число лицъ, занятыхъ въ бумагопрядильномъ и бумаготкацкомъ производствахъ поднялось съ 371.777 человѣкъ до 456.646 и въ желѣзодѣлательномъ производствѣ съ 68.058 до 125.711.

Наконецъ, другую сторону прогресса общественнаго накопленія, обнаруживающуюся въ попеременномъ увеличеніи, уменьшеніи и неподвижномъ состояніи числа рабочихъ, занятыхъ въ одной и той же отрасли промышленности, мы могли наблюдать на рѣзкомъ примѣрѣ перипетій, пережитыхъ хлопчатобумажной промышленностью.

Изслѣдуя періодъ въ нѣсколько лѣтъ, напр., десятилѣтіе, мы въ общемъ найдемъ, что съ прогрессомъ общественнаго накопленія увеличилось и число эксплуатируемыхъ рабочихъ, хотя бы различные отдѣльные годы въ самой различной мѣрѣ участвовали въ этомъ общемъ результатѣ или вовсе въ немъ не участвовали. Необходимо, чтобы неподвижное состояніе или уменьшеніе числа занятыхъ рабочихъ, констатируемое для нѣкоторыхъ отраслей промышленности рядомъ съ значительнымъ ростомъ вложеннаго капитала, *болѣе чѣмъ компенсировалось* другими отраслями, въ которыхъ увеличеніе числа занятыхъ рабочихъ получило бы рѣшительное преобладаніе надъ всѣми тенденціями, дѣйствующими въ противоположномъ смыслѣ. Но этотъ результатъ достигается лишь путемъ потрясенія, и для него требуется выполненіе условій, осуществленіе которыхъ встрѣчаетъ все больше и больше трудностей.

Относительное уменьшеніе, испытываемое перемѣнной частью капитала въ теченіе процесса накопленія и сопровождающаго его расширенія производительныхъ силъ, принимаетъ форму убывающей прогрессіи. Пусть отношеніе между по-

---

для точной передачи и даже для пониманія: «Au point de vue de l'accumulation sociale, ces différentes combinaisons affectent la forme et d'autant de phases successives que les masses du capital social réparties entre les différentes sphères de production parcourent l'une après l'autre, souvent en sens divers, et d'autant de conditions simultanément presentées par différentes sphères de production».

Прим. Н. С.

стоянным и перемѣнным капиталомъ первоначально составляло 1 : 1 и пусть оно будетъ составлять послѣдовательно 2 : 1, 3 : 1, 5 : 1, 6 : 1, т. е. по мѣрѣ, того какъ $^2/_3$, $^3/_4$, $^5/_6$, $^6/_7$ и т. д. всей капитальной цѣнности будутъ авансироваться на покупку средствъ производства, соотвѣтственно лишь $^1/_3$, $^1/_4$, $^1/_6$, $^1/_7$ будутъ авансироваться на покупку рабочей силы. Тогда, если даже вся сумма капитала будетъ утроиваться, учетверяться, ушестеряться, усемеряться и т. д., этого все-таки будетъ недостаточно для увеличенія числа занятыхъ рабочихъ. Для того, чтобы произвести такое дѣйствіе, необходимо, чтобы увеличеніе всей массы общественнаго капитала происходило быстрѣе уменьшенія относительной величины фонда заработной платы.

Такимъ образомъ, чѣмъ ниже опустилась относительная величина этого фонда, тѣмъ быстрѣе должна быть прогрессія, въ которой возрастаетъ общественный капиталъ. Но эта прогрессія въ свою очередь становится источникомъ новыхъ техническихъ измѣненій, которыя опять-таки понижаютъ относительный спросъ на трудъ. Игра должна снова начаться сначала.

Въ главѣ о крупной промышленности, мы обстоятельно разобрали причины, въ силу которыхъ, несмотря на противодѣйствующія тенденціи, ряды наемныхъ рабочихъ увеличиваются вмѣстѣ съ прогрессомъ накопленія. Мы напомнимъ здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ то, что относится непосредственно къ занимающему насъ теперь вопросу.

То же самое развитіе производительныхъ силъ труда, которое производитъ уменьшеніе не только относительное, но часто и абсолютное, числа рабочихъ, занятыхъ въ нѣкоторыхъ крупныхъ отрасляхъ промышленности, даетъ послѣднимъ возможность поставлять на рынокъ постоянно растущую массу дешевыхъ продуктовъ. Онѣ стимулируютъ, такимъ образомъ, другія отрасли промышленности, тѣ, которымъ онѣ доставляютъ средства производства, или тѣ, отъ которыхъ онѣ получаютъ свое сырье, свои орудія и т. д.—первыя производятъ расширеніе вторыхъ. Вліяніе, оказанное такимъ путемъ на рабочій рынокъ этихъ отраслей, будетъ очень значительнымъ, если въ нихъ преобладаетъ ручной трудъ. «Увеличеніе числа рабочихъ, — говоритъ офиціальный редакторъ англійской переписи 1861 года,—достигаетъ въ общемъ своего максимума въ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ машины не были еще съ успѣхомъ введены». Но мы уже видѣли, что всѣ эти индустріи, въ свою очередь, подвергаются техническимъ преобразованіямъ, ставящимъ ихъ на уровень современнаго способа производства.

Новыя отрасли производства, создаваемыя экономическимъ прогрессомъ, образуютъ новые добавочные рынки труда. При своемъ возникновеніи они принимаютъ форму либо ремесла, либо мануфактуры, либо, наконецъ, крупнаго машиннаго производства. Въ первыхъ двухъ случаяхъ имъ предстоитъ пройти черезъ преобразованіе, обусловливаемое введеніемъ машинъ, въ послѣднемъ случаѣ централизація капитала позволяетъ имъ поставить на ноги безчисленныя промышленныя полчища, которыя поражаютъ взоръ, точно они выросли изъ земли. Но, какъ ни обширна казалась бы рабочая сила, созданная такимъ образомъ, ея величина, являющаяся съ самаго начала незначительной по сравне-

нію съ массой занятаго капитала, падаетъ, лишь только индустрія, о которой идетъ рѣчь, пускаетъ корни.

Наконецъ, бываютъ промежутки, въ которые техническіе перевороты даютъ слабѣе себя чувствовать, промежутки, когда накопленіе представляется скорѣе количественнымъ расширеніемъ промышленности на уже существующемъ техническомъ основаніи. Тогда, каковъ бы ни былъ составъ капитала, законъ, согласно которому спросъ на трудъ увеличивается въ такой же пропорціи, какъ и капиталъ, снова болѣе или менѣе вступаетъ въ силу. Но, одновременно съ тѣмъ, что число притягиваемыхъ капиталомъ рабочихъ достигаетъ своего максимума, продукты становятся столь избыточными, что при малѣйшемъ препятствіи, представляющемся ихъ сбыту, весь соціальный механизмъ какъ бы останавливается; отталкиваніе труда капиталомъ происходитъ сразу въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ и въ самой рѣзкой формѣ; самое разстройство въ сбытѣ заставляетъ капиталистовъ дѣлать величайшія усилія для сбереженія труда. Тогда частичныя усовершенствованія, постепенно накоплявшіяся, если можно такъ выразиться, сгущаются подъ этимъ сильнымъ давленіемъ; они воплощаются въ техническихъ измѣненіяхъ, которыя революціонируютъ составъ капитала на всемъ пространствѣ крупныхъ отраслей промышленности. Такъ, американская гражданская война дала толчокъ къ тому, что англійскіе прядильные фабриканты населили свои фабрики самыми мощными машинами и выселили изъ нихъ рабочихъ. Наконецъ, продолжительность тѣхъ промежутковъ, въ которые накопленіе всего болѣе благопріятствуетъ спросу на трудъ, прогрессивно сокращается.

Такимъ образомъ, по мѣрѣ того какъ машинное производство начинаетъ преобладать, прогрессъ накопленія удваиваетъ энергію тѣхъ силъ, которыя стремятся понизить относительную величину перемѣннаго капитала и ослабляетъ тѣ силы, которыя стремятся увеличить его абсолютную величину. Онъ увеличивается вмѣстѣ съ общественнымъ капиталомъ, долю котораго онъ составляетъ, но увеличивается въ падающей пропорціи.

Дѣйствительный спросъ на трудъ регулируется не только величиной перемѣннаго капитала, уже пущеннаго въ ходъ, но еще также и его среднимъ приращеніемъ, и предложеніе труда остается нормальнымъ, пока оно соотвѣтствуетъ этому движенію. Но когда среднее приращеніе перемѣннаго капитала падаетъ, то прежнее предложеніе труда, бывшее до сихъ поръ нормальнымъ, становится отнынѣ ненормальнымъ, избыточнымъ, и тогда болѣе или менѣе значительная часть класса наемныхъ рабочихъ, ставъ непужной для капитала, и потерявъ свое право на существованіе, оказывается избыточной, излишней. Такъ какъ эта игра продолжаетъ повторяться въ процессѣ растущаго накопленія, то, значитъ, послѣднее влечетъ за собой ростъ избыточнаго населенія.

Законъ пропорціональнаго уменьшенія перемѣннаго капитала и соотвѣтствующаго паденія относительнаго спроса на трудъ дополняется, такимъ образомъ, абсолютнымъ возрастаніемъ перемѣннаго капитала и абсолютнымъ увеличеніемъ спроса на трудъ въ падающей пропорціи, и, наконецъ, созданіемъ относительнаго перенаселенія. Мы называемъ его «относительнымъ», потому что

оно обусловливается не такимъ положительнымъ ростомъ рабочаго населенія, который превосходилъ бы размѣры накопляемаго богатства, но, наоборотъ,—такимъ ускореннымъ ростомъ общественнаго капитала, который позволяетъ капиталистамъ обходиться безъ услугъ болѣе или менѣе значительной части рабочихъ. Существуя лишь для временныхъ потребностей капиталистической эксплуатаціи, это избыточное населеніе можетъ внезапно расширяться и столь же внезапно сокращаться (Le Capital etc., p. 276—278).

УКАЗАТЕЛЬ ЦИТАТЪ И ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИМЕНЪ.

(Всѣ названія расположены въ порядкѣ латинскаго алфавита и на основаніи латинской транскрипціи. Цыфры, напечатанныя жирнымъ шрифтомъ, обозначаютъ страницы настоящаго изданія I тома «Капитала»).

Abrégé elementaire des principes de l'Economie Politique. Paris. 1796 (G. Garnier).—458.

Addington, Rev. Enquiry into the Reasons for or against enclosing open fields. Lond. 1772.—614.

Advantages (The) of the East India Trade to England. London. 1720.—252. 270, 275. 276. 279. 350, 423.

Agricultural Labourers (Ireland) Return etc. 8 March 1862.—597.

Agricultural Statistics. Ireland. General Abstracts, Dublin 1860.—591, 593.

Agricultural Statistics. Ireland. Tables showing the Estimated Average Produce etc. Dublin 1866.—593.

Aikin. Descriptions of the Country from 30 to 40 miles round Manchester. Lond. 1795.—497, 635, 642, 643.

Anderson, A.—630.

Anderson, James. «The Bee» 18 vls. Edinb. 1791—93. vol. 3.—518.

Anderson, James. Observations on the means exciting a spirit of Nat. Indust, etc. Edinburg 1777.—465. 617.

Anderson, James.—614.

Antiparos (Антипаросъ), греческій поэтъ.—333.

Apocalypsis.—47.

Appianus (Аппіанъ). Römische Geschichte.—615.

Arbeiten der Kaiserlich Russischen Gesandschaft zu Peking über China. Deutsch von Abel und Meklenburg. B. I. Berlin, 1858.—82.

Aristoteles (Аристотель). De Republica, ed. Bekker.—46. 104, 115

Aristoteles.—23, 24, 43, 259.

Arledge, I. T. dr.—185

Ashley, Lord. Ten Hours'Factory Bill (рѣчь). 15 March. Lond. 1844.—328. 338.

Ashworth.—223.

Athen[aeus] (Аѳеней). Deipnosiophistae]. —59, 87

Augier, Marie. Du Crédit Public.—644.

Babbage, Ch. On the Economy of Machinery. Lond. 1832.—227, 280. 303, 317, 330.

Bacon (Бэконъ Верулямскій). The Reign of Henry VII etc. Verbatim Reprint from Kennets England. Lond. 1870.—609.

Bacon. Essays, civil and moral.—609

Bacon.—616, 617.

Bailey, S. A. Critical Dissertation on the Nature, Measure and Causes of value: chiefly in reference to the writings of Mr. Ricardo and his followers. By the author of Essays on the Formation, etc., of Opinions. London. 1825.—26. 44, 443.

Bailey, S. Money and its Vicissitudes. Lond. 1837.—15. 511.

Bailey, S.—21.

Baker, Robert. Reports of the Inspectors of Factories for 31 Oct. 1861.—235.

Baker, R. Reports etc. for 31 Oct. 1862.—325.

Baker, R. Reports etc. for 30th April 1863.—349.

Baker, R. Reports etc. for 31st Oct. 1865.—369.

Baker, R. Reports etc. for 31st Oct. 1866.—601.

Ballard (Баллардъ), dr.—387.

Balzac.—491.

Barbon, Nicolas. A Discourse on coining the new money lighter, in answer to Mr. Locke's Considerations etc. London 1696.—1, 2, 3, 83, 97, 98.

Barbon, Nicolas.—79. 84.

Barton, John. Observations on the circumstances which influence the Condition of the Labouring Classes of society. London 1817.—531, 569.

Bastiat.—XIV, 25. 43. 139, 333, 468.

Baines.—315, 317.

Beccaria. Cesare. Elementi di Econ. Publica. Ed. Custodi, Part. Moderna.—295.

Bellers, John. Proposals for raising a Colledge of industry of all useful Trades and Husbandry. London 1696.—92. 98. 258, 350, 404, 405. 515.

Bellers, John. Essays about the poor, Manufactures, Trade, Plantations and Immorality. Lond. 1669.—85, 397.

Bellers, John.—279.

Bentham, Jeremias. Théorie des peines et des récompenses. Trad. Et. Dumont. 3-ème ed. Paris 1826.—510.
Berkeley. «The Querist». Lond. 1750.—267, 284.
Bidant, J. N. Du Monopole qui s'établit dans les arts industrielles et le commerce. Paris 1828.—254.
Biese, F. Die Philosophie des Aristoteles. Berlin 1842.—333.
Blakey, R. The History of Political Literature from the earliest times. London, 1855.—611.
Blanqui. A. Cours d'Econ. Industrielle. Recueilli par A. Blaise. Paris 1838—39.—268.
Blanqui, M. Des classes ouvrières en France, pendant l'annee 1848.—213.
Block, M. Les Théoriciens du Socialisme en Allemagne. Extrait du Journal des Economistes. Juillet et aout 1872.—XV.
Boileau, Etienne. Livre des métiers.—402.
Boisguillebert. Dissertation sur la nature des richesses, de l'argent et des tributs, édit. Daire, Economistes financiers. Paris 1843.—94.
Boisguillebert.—84.
Bonard de Card. De la falsification des substances sacramontelles. Paris 1856.—188.
Boothroyd, dr.—185.
Boxhorn. Inst. Pol. 1663.—351.
Bray.—31.
Brentano.—XXV.
Bright, John (Брайтъ).—XIV, 193, 219, 547.
Broadhurst. J. Political Economy, London 1842.—19, 20.
Brougham, Henri. An Inquiry into the Colonial Policy of the European Powers. Edinb. 1803.—643.
Brukner. Theorie du systeme animal. Leyde, 1767.—517.
Buchanan, David. Inquiry into the Taxation and commercial Policy of Great Britain. Edinburg 1844.—81.
Buchanan, David. Observations etc. on A. Smith's «Wealth of Nations». Edinb. 1814.—464, 617.
Buchez et Roux. Histoire Parlementaire de la Révolution française.—628.
Burke, Edmund. Thoughts and Details on Scarcity originally presented to the Rt. Hon. W. Pitt in the Month of November 1795. Lond. 1800.—151, 176, 255, 643.
Burke, Edmund.—612.
Bussy Rabutin, Mémoires du comt de... Nouv. éd. Amsterdam. 1751.—638.
Butler (Бутлеръ).—2.

Cairnes, J. C. The Slave Power. Lond. 1862.—143, 204, 264.
Campbell, George. Modern India. Lond. 1852.—288.
Cantillon. Essai sur la Nature du Commerce en General. Amsterdam 1756.—461.
Cantillon. Essai sur la nature du commerce en général. Trad. de l'angl. Lond. MDCCLV. Цитир. по перепечат. гарвардскаго унив. London a. New-York. 1892.—XXX.
Cantillon.—XXXI.
Carlyle, Thomas. Ilias Americana in nuce. Macmillans Magazine. Августъ 1863.—194.
Carey, H. Essay on the Rate of Wages. With an Examination of the Causes of the Differences in Conditions of the Labouring Population throughout the World. Philadelphia. 1895—467.
Carey, H. The Slave Trade. London 1853.—618, 634.
Carey, H.—441.
Carli, G. R. Примѣчанія къ P. Verri, Meditazioni etc. Custodi. Parte Mod.—261.
Case (The) of our English Wool etc. London 1685.—190.
Cazenove. Примѣчанія къ изданію «Definitions in Political Economy» Мальтуса. London. 1853.—472, 498.
Census of England and Wales for 1862. London. 1863.—530, 541, 547, 549, 572.
Chalmers, Th. On Polit. Econ. etc. Lond. 1832.—105.
Chamberlain (министръ). Рѣчь при открытіи санитарной конференціи въ Бирмингамѣ, 15 янв. 1875 г.—540.
Charakter (The) and behaviour of King William Sunderland etc; as represented in Original Letters to the Duke of Shrewsbury from Somers, Halifax, Oxford, Secretary Vernon etc. Въ Sloane Manuscript Collection въ Британскомъ музеѣ, № 4224.—612.
Cherbuliez. Riche ou Pauvre, Paris 1841.—133, 487, 546.
Cherbuliez.—130.
Children's Employment Commission First Report etc. London 1863.—184, 185, 186, 187, 207, 349, 388, 460.
Тоже Mr. Smiths Evidence.—453.
Children's Empl. Comm. II Rep. 1864.—381, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 395, 405, 453, 459.
Childr. Empl. Comm. III. Report 1864.—124, 195, 196, 323, 349, 384, 385, 395, 407, 454, 459.
Childr. Empl. Comm. III Rep. Evidence.—455.
Children's Empl. Comm. IV Rep. 1864.—379.
Children's Empl. Comm. IV Report 1865.—198, 199, 200, 201, 202, 203, 280, 328, 349, 358, 395, 396.
Children's Empl. Comm. V Report. 1866.—323, 349, 355, 374, 382, 384, 397, 398, 400, 401, 402, 405, 406, 407, 408, 453.
Childr. Empl. Comm. VI Report. Lond. 1867.—580, 587, 588, 589, 590.
Cicero (Цицеронъ).—333.
Clauren (K. Heun).—166.
Cobbett, William. A History of the Protestant Reformation.—610.
Cobbett, William.—224, 638, 640.
Cobden (Кобденъ).—XIV, 193, 219.
Colins. L'Economie Politique. Source des Révolutions et des Utopies prétendues socialistes. Paris 1857.—514, 586, 653.

Columbus (Колумбъ).—86.
Colbert (Кольберъ). 243.
Comte, Aug. (Контъ О.).—264.
Combination (On) of Trades. London. 1834.—463.
Compendious (A) of Briefe Examination of Certayne Ordinary Complaints of Diverse of our Countrymen, in these our Days. By W. S. Gentleman. London 1581 (William Stafford).—629.
Compte Rendu Международн. статистич. конгресса въ Парижѣ 1855.—234.
Comte, Charles. Traité de la législation. Bruxelles 1837.—636.
Concordia, 7 März. 1872.—XXIII.
— 4 Juli, 1872.—XXIV.
— 11 Juli, 1872.—XXIV.
Condillac. Le Commerce et le Gouvernement (изд. первоначально въ 1776)—Edit. Daire et Molinari «Melanges d'Economie Politique». Paris 1847.—110.
Considerations, concerning taking of the Bounty on Corn exported etc. Lond. 1752.—223.
Considerations on Taxation etc. Lond. 1765.—211.
Corbet, Th. An Inquiry into the Causes and Modes of the Wealth of individuals; or the Principles of Trade and Speculation explained Lond. 1841.—102, 491.
Corbon, A. De l'enseignement professionnel.—404.
Courcelle-Seneuil, J. G. Traité théorique et pratique des entreprises industrielles. Paris. 1857.—174, 499.
Correspondence with Her Majesty's Missions Abroad, regarding Industrial Questions and Trade's Unions... Синяя книга.—XI.
Currency (The) Question Reviewed; a letter to the Scotch people. By a Banker in England. Edinburgh. 1845.—93.
Cuvier. Discours sur les révolutions du globe. Paris 1863.—425.

Daily Telegraph. London. 17 Jan. 1860.—184.
Dante (Данте).—61, 186.
Darwin, Ch. (Дарвинъ, Ч.). О происхожденіи видовъ.—272.
Darwin, Ch. (Дарвинъ Ч.).—299.
Daumer.—223.
Defence (A) of the Landowners and Farmers of Great Britain. London 1814.—462.
Descartes (Декартъ). Discours sur la methode.—316.
Destutt de Tracy. Traité de la Volonté et de ses effets. Paris 1826.—108, 114, 258, 260, 546.
Destutt de Tracy.—41, 42.
Diderot (Дидро).—88.
Dietzgen, Joseph. Статьи въ «Volksstaat'ѣ».—XV.
Diodorus Siculus. «Историческая библіотека».—176, 271, 296, 424.
Diodorus Siculus.—96.
Discourse (A) of the General Nations of money. Trade and Exchange as they stand in relations to each other. London 1695. By a Merchant.—50
Discourse (A) on the Necessity of Encouraging Mechanick Industry. London 1669.—210.
Discourse (A) concerning Trade and that in particular of the East-Indies etc. London 1689.—50.
Dissertation (A Critical) on the Nature, Measure and Causes of value; chiefly in reference to the writings of Mr. Ricardo and his followers. By the author of Essays on the Formations etc. of Opinions. London 1825 (S. Bailey).—26, 44, 443.
Doubleday.—640.
Dryden (Драйденъ).—182.
Ducpétiaux. Budgets économiques des classes ouvrieres en Belgique. Bruxelles 1855.—66, 567, 568.
Duffy, C. G. Minister of Public Lands. The Land Law of Victoria. London 1862.—655.
Dunning, T. J. Trade's Unions and Strikes. Lond. 1860.—457, 460, 644.
Dupont, Pierre. Ouvriers.—586.

East-India (The) Trade a most profitable Trade. London 1677.—50.
Economist, 29 March 1845.—571.
Economist, 19 July 1859.—490.
Economist, Jan. 21, 1860.—537.
Economist, 2 Jun 1866.—620.
Economy (Public) Concentrated. Carlisle 1833.—322.
Eden, M. History of the Poor. Lond. 1799.—183.
Eden, Sir F. M. The State of the Poor or an History of the Labouring Classes in England etc.—503, 515, 516, 611, 613, 641.
Engels, F. und Karl Marx. Manifest der Kommunistischen Partei. Lond. 1848.—403, 649.
Engels, Friedrich. Umrisse zu einer Kritik der National Ökonomie. Paris 1844 (Deutsch-französische Jahrbücher).—37, 104, 114, 534.
Engels, Friedrich. Die Lage der arbeitenden Klasse in England. Leipzig 1845.—180, 184, 192, 205, 325, 236, 346, 366, 507.
Engels, Friedrich. Die englische Zehnstundenbill (Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue. Aprilheft 1850).—226, 348.
Engels, Friedrich.—551.
Engineering, The, 13. June 1874.—522.
Ensor, George. An Inquiry concerning the Population of Nations. Lond. 1818.—618.
Enquiry (A Political) into the Consequences of enclosing Waste Lands. London 1785.—613.
Enquiry (An) into the Connection between the Price of Provisions and the size of Farms etc. By a Farmer. London 1773.—242, 258, 260, 616.
Epicurus (Эпикуръ).—41.

Essays on Political Econ. in Whit are Illustrated the Principal Causes of the Present National Distress. Lond. 1830.—438.
Essay on the Application of Capital to Land. By a Fellow of Union College of Oxford. London (Edward West).—450.
Essay (An) on Credit and the Bankrupt Act. London 1707.—89.
Essay (An) on the Political Economy of Nations. London 1821.—145, 241.
Essay (An) on Trade and Commerce, containing Observations on Taxation etc. London 1770.—173, 174, 211, 212, 213, 451, 501, 515, 535, 622.
Essay (An) upon Publick Credit. London 1710.—94.
Essay (An) on the Governing Causes of the Natural Rate of Interest. London 1750 (J. Massey).—426.
Essay (A Prize) on the comparative merits of Competition and Cooperation. London 1834.—253, 354.
Eschwege.—6.
Essential (The) Principles of the Wealth of Nations etc. London 1797.—111.

Factory and Workshop Act 1878.—417.
Farre, dr.—216.
Faucher.—385.
Fawcett, H. The Economic Position of the British Labourer. Cambr. and Lond. 1865.—463, 512, 550.
Fawcett, H.—634.
Ferguson, A. History of Civil Society. Edinb. 1750.—284, 291, 292.
Ferguson, A.—78.
Ferrand. Рѣчь въ «House of Commons» 27 апрѣля 1863 г.—204, 205.
Ferrand.—478.
Ferrier, F. C. A. Du Gouvernement considéré dans ses rapports avec le commerce. Paris 1805.—25.
Fielden, J. The Curse of the Factory System. Lond. 1836.—329, 337, 642.
Fletwood, Bishop. Chronicon Pretiosum etc. Lond. 1745.—209.
Fonterel. A. dr. Hygiène physique et morale de l'ouvrier dans les grandes villes en général, et dans la ville de Lyon en particulier. Paris 1858.—293.
Forbonnais de, V. Elements du Commerce. Leyde 1766.—51.
Forster, Nathaniel. An Inquiry into the Present High Price of Provisions. Lond. 1767.—425, 614.
Forster, Nathaniel. An Inquiry into the Causes of the Present Price of Provisions. Lond. 1766.—211, 351.
Franclin. B. The Works of, edited by Sparks. Boston 1836 г. V. II. («Positions to be examined concerning National Wealth»).—16, 114.
Franklin, B.—128, 259.
Freitag G.—626.
Fullarton. Regulation of Currencies. Lond.—1845.—83, 94, 97.
Fourier (Шарль Фурье).—225, 311, 350.

Galiani. Della Moneta. Въ сборникѣ Custodi: «Scrittori Classici Italiani di Economia Politica. Parte Moderna. Milano 1801. 36, 50, 58 105, 109. 248. 542
Ganilh, Charles. Theorie de l'Economie Politique. Paris 1819.—128.
Ganilh, Charles. Des Systèmes de l'Économie Politique. 2-me éd. Paris 1821.—25, 123, 368.
Ganilh, Charles.—42, 52.
Garnier. G. V томъ его перевода Ад. Смита.—293.
Garnier. Abrégé élementaire des principes de l'Economie Politique. Paris 1796.—458.
Hardwicke (Гардвикъ).—408.
Gasskell. The Manufacturing Population of England. Lond. 1833.—358, 365.
General Statutes of Massachusetts 1836—58.—208.
Genovesi, A. Lezioni di Economia Civile (1765) Въ Custodi. Scrittori Classici Italiani di Economia Politica. Parte Moderna.—105.
Gisborne. Enquiry into the duties of men. 1795.—642
Gladstone.—372.
Gladstone. Рѣчь въ Палатѣ Общинъ. «Hansard, 13 Febr. 1843.—549.
Gladstone. Рѣчь въ Палатѣ Общинъ. «Times», 7 April 1864.—550.
Gray.—31.
Greg, K. H. The factory Question and the Ten Hours bill. 1837.—226.
Greenhow, dr.—184, 341.
Gregoir, Les Typographes devant le Tribunal Correctionnel de Bruxelles. 1865.—461.
Grove. On the Correlation of Physical Forces.—436.
Gülich, Gustav von. Geschichtliche Darstellung des Handels, der Gewerbe u. s. w. I u II Band. 1830.—XII.

Haller. v. Restauration der Staatswissenschaften.—316
Hamilton, W.—254.
Hamm, Dr. W. Die landwirthschaftlichen Geräthe und Maschinen Englands. 2 Aufl. 1856.—418.
Hansen. Leibeigenschaft in Schleswig-Holstein.—177.
Harris, James. Dialogue concerning Happiness. Lond. 1741.—295
Harrison. Description of England. Prefixed to Holinsheds Chronicles.—608, 623. 629.
Hassal. dr. Adulterations Detected. Lond. 1862.—124, 187.
Health, Public. Reports.—293. 322.
Health, Public. 3-rd Report etc. 1860.
Health, Public. Sixth Report by «The Medical Officer of the Privy Council etc. 1864».—124, 206, 324, 384, 454.

Health, Public. Sixth Report etc. for 1863. London 1864. Dr. Simon.—**554, 575.**
Health, Public. Sixth Report etc. for 1863. London 1864. Dr. Smith.—**552. 553.**
Health, Public. Seventh Report 1864.—**482.**
Health, Public. Seventh Report. London. 1864. Dr. Julian Hunter.—**562. 563, 573. 576. 578. 579. 580. 586. 610.**
Health, Public. Seventh Report. 1864. Dr. Harvey.—**580.**
Health, Public. Seventh Report. London 1864. Dr. Simon.—**560, 561. 563. 576.**
Health, Public. Seventh Report. London. 1864. Dr. Stevens.—**562.**
Health, Public. Eight Report. London 1865. Dr. Simon.—**555.**
Health, Public. Eight Report. London 1866.—**383.**
Health, Public Eight Report. London 1865. Dr. Julian Hunter.—**556. 557. 558. 559.**
Hegel. Encyklopädie. Erster Theil. Die Logik. Berlin 1840.—**128, 200. 201. 242.**
Hegel. Philosophie des Rechts. Berlin. 1840.—**9. 51. 118, 293.**
Hegel.—XVIII. 491.
Hobbes, Th. «Leviathan» въ Works edit. Molesworth. Lond. 1839—1844.—**120.**
Hobbes. Th.—**317.**
Hobhouse. John.—**224.**
Hodgskin, Th. Labour defended against the claims of Capital. Lond. 1825.—**270, 283. 285. 445. 478.**
Homerus (Гомеръ). Одиссея.—**295.**
Hopkins. Th. On Rent of Land etc. Lond. 1823.—**171.**
Horner, Leonhard. A Letter to Mr. Senior etc. Lond. 1837.—**167.**
Horner, Leonhard. Reports of the Inspectors of Factories 31st Dec. 1841.—**214.**
— Rep. of Insp. of Fact. 30th April 1845.—**338.**
— Reports etc. for 30th April 1849.—**223, 225.**
— Reports etc. for 31st Oct. 1848.—**220. 221.**
— Reports etc. for 31 Oct. 1855.—**326, 350.**
— Reports etc. for 30th June 1857.—**326.**
— Reports etc. for 31st Oct. 1857.—**327.**
— Reports etc. for 30th April 1858.—**181.**
— Reports etc. for 30th April 1859.—**457.**
— Reports etc. 21st Oct. 1859.—**218.**
— Rep. of Insp. of Fact. for. 31st Oct. 1862.—**339.**
Horner, Leonhard, Inspector of Factories. Suggestions for Amending the Factory Acts etc. въ Factories Regulation Act. Ordered by the House of Commons to be printed 9 Aug. 1859.—**181. 229.**
Houghton, John. Husbandry and Trade improved. Lond. 1727.—**350.**
House of Lord's Committee 1848.—**81.**
Howell. Reports of the Inspectors of Factories for 31st Oct. 1848.—**226.**
Howell. Reports etc. for 30th April 1849.—**224.**
Howell. Reports of the Insp. of Fact. for the half year ending 30th April. 1855.—**169.**
Howell. Reports etc. for 30th April 1858.—**181.**
Howitt. William. Colonization and Christianity. A Popular History of the Treatment of the Natives by Europeans in all their Colonies Lond. 1838.—**637.**
Hume (Давидъ Юмъ).—**78, 426.**
Hunter, Henry Julian, dr. Reports on the excessive mortality of infants in some rural districts of England. 1864.—**324, 325.**
Hurcuru, Bengal. By Monthly Overland Summary of News 22 Juli 1861.—**260.**
Hutton. Course of Mathematics.—**299.**

Industry (The) of Nations. London 1885. Part. II.—**275, 312.**
Inland Revenue, Fourth Report etc. London 1860.—**548.**
Inland Revenue, Tenth Report of the Commissioners. London, 1866.—**547, 594.**
Inquiry into the Connection of large farms etc. Lond. 1773.—**611.**
Inquiry (An) into the Present High Price of Provisions. (Rev Nathaniel Forster). London 1767.—**425, 614.**
Inquiry (An) into those principles respecting the Nature of Demand and the Necessity of Consumption, lately advocated by Mr. Malthus, etc. London 1821.—**113. 123. 362. 498, 508.**
Isocrates. Buziris.—**296.**

Jacob—**6, 162.**
Jones. R. An Essay on the Distribution of Wealth. On Rent. London 1831.—**261.**
Jones. Richard. Textbook of Lectures on the Polit. Economy of Nations. Hertford, 1852.—**242. 254, 266, 473, 500.**
Jones. R. An Introductory Lecture on Political Economy. London 1833.—**490, 531.**
Juarez.—**118.**
Judgment of Mr. J. H. Otwey, Belfast. Hilary Sessions, County Antrim. 1860.—**214.**

Kant. Im. (Кантъ).—**XXXIII.**
Кауфманъ, Илар. Игн. (И. И. К—нъ).—**XVI.**
Kent—**614**
Kincaid. John. Reports of Insp. of Fact. for 31 Oct. 1857.—**327.**
Kincaid. John. Report of Insp. of Factories for. 31st Oct. 1858.—**326.**
Киселевъ, генералъ.—**178.**
Kopp. Entwicklung der Chemie, München. 1873.—**243.**
Krankheiten (Die) welche verschiedenen Ständen, Altern und Geschlechtern eigenthümlich sind. 6 Bände. Ulm. 1860.—**293.**

Laborde. A. de. De l'Esprit de l'Associaton dans tous les interets de la Communauté. Paris 1818.—**441.**

Labour defended against the claims of Capital. Lond. 1825 (Th. Hodgskin).—270. 283. 285. 445. 478.
Laing, S. National Distress etc. Lond. 1844.—144. 542. 555. 570.
Lancellotti.—351.
Lange, Fr. Alb.—XXXIII.
Lassale, F. Die Philosophie Heraclcitos des Dunkeln. Berlin. 1850—63.
Ласкаль, Ф.—IX.
Lauderdale.—279.
Lavergne, L. de.—440. 604.
Law, John. Considérations sur le numéraire et le Commerce, edit. Daire «Economistes financiers du XVIII Siècle».—50.
Lemontey (Лемонте).—292.
Lessing (Лессингъ).—XVIII.
Leone Levi.—620.
Letheby, dr.—193.
Le-Trosne. De l'intérêt social. Physiocrates, édit. Daire. Paris, 1846.—2. 5. 51. 60. 68. 72. 75. 98. 109. 110. 112. 114. 154.
Letter (A.) to sir T. C. Banbury, Brt.: On the High Price of Provisions. By a Suffolk Gentleman. Ipswich 1795.—611.
Letters (Two) on the Flour Trade and the Dearness of Corn. By a Person in Business. London. 1767.—613.
Liebig, Justus von. Ueber Theorie und Praxis in der Landwirtschaft. 1856.—260.
Liebig, J. v. Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agricultur und Physiologie. 1862.—179. 419. 477.
Liebig J. v.—313.
Linguet, N. Théorie des Lois Civiles etc. Lond. 1767.—174. 266.
Linguet, N.—223. 516. 625.
Locke, John. «Some Considerations on the Consequences of the lowering of interest. 1691». Works ed. Lond. 1777.—2. 50, 79.
Locke, John.—60, 102.
Longe, F. Childr. Empl. Com. V Rep. 1866.—374. 401.
Longe, F.—184.
Lucretius (Лукрецій).—158.
Luther, Martin (Лютеръ). An die Pfarrherrn, wider den Wucher zu predigen. Wittenberg, 1540.—89, 139, 243, 495.

Macaulay. History of England. Lond. 1854.—210. 607.
Macaulay.—214.
Maclaren History of the Currency. London. 1858.—56.
Mac Culloch The literature of Political Economy, a classified catalogue. Lond. 1845.—97. 614.
Mac Culloch. The Principles of Polit. Econ. Lond. 1830.—105, 363.
Mac Culloch. A Dictionary practical etc. of Commerce. Lond. 1847.—102.
Mac Culloch—97. 139, 211. 254. 333. 360. 431. 509, 511.
Mac Gregor.—211.
Mac Leod. The Theory and Practice of Banking. Lond. 1855.—106.
Mac Leod.—25.
Malthus. Principles of Political Economy. London. 1836.—156. 482. 490. 491. 497. 531.
Malthus. Inquiry into the Nature etc. of Rent. Lond. 1815.—247. 437, 462.
Malthus. Definitions in Political Economy.—477. 482.
Malthus.—113. 283. 511, 545, 596.
Mandeville, de, B. Fable of the Bees or Private Vices, Publik Benefits. 1714.—285, 515.
Manifest des Maatschappij: De Vlamingen Vooruit. Brussel, 1860.—568.
Martineau, Harriet. The Manchester Strike. 1842.—534.
Marx, Eleanor. въ «To-Day», февраль и мартъ 1884.—XXV, XXVI.
Marx, Karl, und F. Engels. Manifest der Kommunistischen Partei. Lond. 1848.—403, 644.
Marx, K. Der Achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte. Hamburg, 1869.—586.
Marx, Karl. Misère de la Philosophie. Reponse a la Philosophie de la Misère par M. Proudhon. 1847.—43. 292. 343. 445. 544.
Marx, Karl. Zur Kritik der Politischen Oekonomie. Berlin. 1859.—IX, XIII, 1. 5, 7. 38. 39. 48. 50. 53. 55, 56. 59. 70. 78. 79. 90. 96. 139, 287. 290. 447, 520.
Marx, K. Lohnarbeit und Kapital. Neue Rheinische Zeitung. 7 April 1849.—482. 648.
Massey, J. A Essay on the Governing Causes of the Natural Rate of Interest. Lond. 1750.—426.
Master (The). Spinners and Manufacturers Defence Fund. Report of the Committee. Manchester, 1854.—347.
Maurer, von, Georg Ludwig. Einleitung zur Geschichte der Mark-Hof—u. s. w. Verfassung. München. 1859.—34.
Maurer. Frohnhöfe. IV Bd.—177.
Meitzen. Der Boden des preussischen Staats.—177.
Mendelson, Moses (Мендельсонъ).—XVIII.
Mercier de la Rivière. L'ordre naturel et essentiel des societés politiques. Physiocrates, ed. Daire.—66. 67. 84. 100. 102. 109. 112. 138.
Merivale, H. Lectures on Colonization and Colonies. London, 1841 and 1842.—533, 652.
Meyer, dr. въ Bayrische Zeitung. 9 Mai 1862.—179.
Mill, James. Elements of Pol. Econ. Lond. 1821.—106. 133. 283. 298. 472. 475. 477.
Mill, James. Art. «Colony». Supplement to the Encyclop. Brit. 1831.—144.
Mill, James.—70. 79. 360. 419, 511.
Mill, J. St. Essays on Some Unsettled Questions of Political Economy. Lond. 1844.—79. 501.

Mill, J. St Principles of Political Economy.—298. 419, 427, 428, 511.
Mill, J. St. Evidence. Repors on Bankacts, 1857.—88.
Mill. John Stuart.—XIV, 360 493. 634.
Mirabeau. De la Monarchie Prussienne. London. 1788.—607, 620. 632. 641.
Mirabeau.—394. 648.
Moses (Моисей).—302.
Molinari, G. de. Etudes Economiques. Paris. 1864.—346. 499. 652.
Mommsen, Th. Romische Geschichte. 1856.—117. 121.
Monteil, Alexis. Histoire des Materiaux manuscrits.—630.
Montesquieu. Esprit des Lois. Oeuvres. London, 1767.—51, 79. 639.
Moore, Thomas. Utopia, transl. Robinson, ed. Arbor. London. 1869—609, 623.
Morning Star. 17 April 1863. Рѣчь Gladstone въ Палатѣ Общинъ.—549.
Morning Star. 1867.—564.
Morton, J. C. Агрономическая Энциклопедія, статья «Labourer».—460.
Morton, John C. Рефератъ въ Society of Arts. 1861.—303.
Müller, A.—80.
Mun, Thomas. Englands Treasure by Forreign Trade. Or the balance of our Forreign Trade is the Rule of our Treasure, Written by Th. Mun, of London, Merchant, and now published for the common good by his son John Mun. Lond. 1669.—425.
Murray Hugh. James Wilson etc. Historical and descriptive Account of British India etc. Edinburgh, 1832.—271.
Murphy. Ireland, Industrial, Political and social, 1870.—597.

Necker, M. Oeuvres. t. II. Paris et Lausanne. 1787. De l'administration de la France.—491.
New Jersey, State of. An Act to limit the hours of labour etc. 61 и 2. (Законъ 11 марта 1855).—208.
Newman, F. W. Lectures on Political Econ. Lond. 1851.—612. 617.
Newman, S. P. Elements of Polit. Econ. Andover and New-York. 1835.—111. 152.
Newmarch, W. сотрудникъ и издатель History of Prices Tooke'a.—230.
Newnham, G. B. A Rewiew of the Evidence before the Committees of the two Houses of Parliament on the Cornlaws. Lond. 1815.—503. 504.
Niebuhr. Römische Geschichte.—176.
Noblesse oblige. Our old Nobility. London, 1879.—613.
North. Dudley. Sir. Discourses upon Trade. Lond. 1691.—77. 80. 83. 317.
North, Sir Dudley.—60.

Observer, (The) 24 April 1864.—92.
Observations on some verbal disputes in Pol. Econ., particularly relating to value and to supply and demand. Lond. 1821.—44. 444.
Observations on certain verbal disputes in Pol. Econ., particularly relating to Value, and to Demand and Supply. Lond. 1821.—150.
Observations on certain verbal disputes etc.—501.
Olmsted. Sea Bord Slave States.—143.
Opdyke, G. A Treatise on Polit. Economy. New-York. 1851.—114.
Ortes, G. Della Economia Nationale libri sei 1777. Custodi. Scritt. Ital. di Econ. Pol. Parte Mod.—544.
Overstone (Оверстонъ), лордъ. 79. 97.
Owen, Robert. Observations on the effects of the manufacturing system. Lond. 1817.—328.
Owen, Robert.—38. 54. 234. 400, 417.

Pagnini, G. F. Saggio Sopra il giusto pregio delle cose. 1751.—Custodi «Scrittori Classici Italiani di Economia Politica. Parte Moderna» Milano. 1801.—51.
Paper read.—318.
Parliamentary Return. 1862.—339.
Parry, Charles. The Question of the Necessity of the existing Cornlaws considered. Lond. 1816.—503, 504, 569. 570.
Parry.—54.
Pearson. Charles Dr.—185.
Peel, Robert.—96. 173.
Perils (The) of the Nation. London 1843.—616.
Perrot, dr. Bulletin de la Societe industrielle de Mulhouse. 31 мая 1837.—322.
Petty. William. Quantulumcunque concerning Money. To the Lord Marquis of Halifax. 1682.—59, 98.
Petty, William. Political Anotomy of Ireland. 1672. Lond. 1691.—95, 98, 210. 247.
Petty. Wiliam. A Treatise on Taxes and Contributions. Lond. 1667.—52. 78, 517.
Petty. William—XXX. 9. 16. 42. 121. 209. 273. 279, 294, 352.
Pinto. Traite de la Circulation et du Credit. Amsterdam. 1771.—102.
Platon (Платонъ). Rep. l. 2 ed. Baiter, Orelli etc.—295.
Postlethwayt. Great Britain's Commercial Interest explained and improved. London. 1755.—211, 212.
Postlethwayt. Universal Dictionary of Trade and Commerce.—211.
Potter, E. въ Times 24 марта 1863.—230.
Price, Richard. Observations on Reversionary Payments. Lond. 1805.—569. 614. 615.
Price, Dr.—211, 614.
Privilegien, Kaiserliche für Schlesien.—626.
Proudhon.—31, 32. 43. 45, 345. 426. 445. 490.
Protagoras (Протагоръ).—188.

Quesnay. Dr. Dialogues sur le Commerce et les Travaux des Artisans. Physiocrates, edit. Daire. Paris, 1846.—66, 254.

Quesnay. Maximes générales.—66
Quesnay. Tableau économique.—493.
Quesnay.—XIII, XXIX.
Quételet.—256.
Quuincey. Th., de. The Logic of Politic. Econ. Lond. 1845.—321.

Railways. Royal Commision on. Minutes of Evidence. London, 1867.—355. 465.
Ramazzini. De morbis artificum. 1713.—Перев. на франц. яз. и перепеч. въ 1841 году въ «Encyclopedie des Sciences Medicales. 7-me Dis. Auteurs Classiques».—293.
Ramsay, G. An Essay on the Distribution of Wealth. Edinbourgh. 1836.—112. 115, 249, 423. 472. 531.
Ravenstone. Piercy. Thoughts on the Funding System and its Effects. Lond. 1824.—352. 423.
Read, George. The History of Baking. Lond. 1848.—190.
Reasons for a limited Exportation of Wool. Lond. 1677—475.
Reasons for the late Increase of the Poor Rates or a comparative view of the prices of labour and provisions. London. 1777.—475, 568.
Redgrave, A. Reports of Insp. of Factories for 31 Oct. 1857.—327.
Redgrave, A. Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1858.—322.
Redgrave, A. Reports etc. 30th April 1860.—454, 466, 467.
Redgrave, A. Reports of the Insp. of Fact. 30 Apr. 1866.—304.
Redgrave. Reports of Insp. of Fact. 31st Oct. 1866.—467.
Redgrave, A. Лекція въ «New Mechanics Institution», 1871.—369.
Redgrave, A. Journal of the Soc. of Arts, Jan. 5, 1872.—341.
Regnault, E. K. Histoire politique et sociale des Principautes Danubiennes. Paris. 1855.—179.
Reich, Eduard, M. D. Ueber die Entartung des Menschen. Erlangen, 1868.—293.
Remarks on the Commercial Policy of Great Britain. Lond. 1815.—462.
Report of the officer of Health of St. Martin's in the Fields. 1865.—556.
Report from the Select Committee on the Bankacts. July 1858.—93.
Report from the Select Committee on Miners, together with Evidence, 23 July 1866.—410.
Report of Committee on the Baking Trade in Ireland for 1861.—191.
Report of the Commessioners... relating to Transportation and Penal Servitude. Lond. 1863—573. 574. 575.
Reports by H. M's Secretaries of Embassy and Legation on the Manufactures, Commerce etc. № 6. 1863.—274.
Reports of Cambridge University Commission.—516.
Reports from the Poor Law Inspectors on the wages of Agricultural Labourers in Dublin. 1870—597, 598, 599, 600.
Reports, First, etc. relating to the Grievances complained off by the Journeymen Bakers etc. Lond. 1862. Tremenheere.—124, 188, 189, 190, 456.
Reports etc. relating to the Grievances complained of by the Journeymen Bakers etc. Second Report. London. 1863.—188.
Reports of the Registrar General for October 1861.—207.
Report of the Social Science Congress of Edinburgh. Oct. 1863.—320.
Report and Evidence from the select Committee on Petitions respecting the Corn Laws. (Парлам. сессія 1813—1814).—461.
Reports from the Lords Committee on the State of the Growth, Commerce and Consumption of Grain and all Laws relating thereto. (Парл. сессія 1814—1815).—461.
Reports of the Committee of 1855 on the Adulteration of Bread.—124.
Reports of the Inspectors of Factories for 30th Sept. 1844.—218. 219, 227, 228.
Reports of Insp. of Fact. for 1844 and the quarter ending 30th April 1845.—336, 338.
Reports etc. for 30 Apr. 1848.—222. 223. 453.
Reports etc. for 31st Oct. 1848.—170. 217. 220. 221, 222, 226, 233, 236, 455.
Reports etc. 1 Dec. 1848.—225, 435.
Reports etc. 30th Apr. 1849.—223, 224, 225, 226, 244, 245.
Reports etc. 31st Oct. 1849.—217, 225.
Reports etc. for 30th April 1850.—226, 236.
Reports etc. for 31 Oct. 1850.—222.
Reports etc. for 30th April 1852.—227.
Reports etc. for 30th April 1853.—229.
Reports etc. for 31st Oct. 1853.—124, 206.
Reports etc. for 31st Oct. 1855.—206, 350, 434.
Reports of the Insp. of Fact. for the half year Oct. 1856.—181, 182. 183, 213, 307, 339, 340, 355, 370, 371.
Reports etc. for 31st Oct. 1857.—230.
Reports etc. for 30th April 1858.—181, 460, 462.
Reports etc. for 31 Oct. 1858.—320, 340. 355.
Reports etc. for 31 Oct. 1859.—236.
Reports etc. for 30th April 1860.—183. 206, 215. 229, 454.
Reports etc. for 31st Oct. 1860.—182, 457.
Reports etc. for the half year ending 30th April 1861.—181.
Reports etc. for 31st Oct. 1861.—228. 235. 341
Reports etc. for 31st Oct. 1862.—181. 230, 231, 235. 325. 331. 339, 341, 342, 369, 376, 396.
Reports etc. for 30th Apr. 1863.—231. 236. 349. 379. 453.
Reports etc. for 31st Oct. 1863.—181, 233. 350. 356, 377, 378, 399, 400, 454, 535,
Reports etc. for 30th Apr. 1864.—378.

Цена 20 р.